

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1910.

ЯНВАРЬ, — ФЕВРАЛЬ, — МАРТЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ЯНВАРЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Житейскія встрѣчи. (Изъ воспоминаній судебного дѣятели). А. Ф. Кош.	3—21	XI. 1909 г.г.). Ивана Янжула.	133—148
II. Переписка Карла IX-го съ самозванцами. П. Пирлинга.	22—24	XII. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалона	149—169
III. Встрѣчи на жизненномъ пути. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. П. М. Ковалевскаго.	25—46	XIII. Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоумѣнію“. Сообщ. А. Е. К.	170—176
IV. Два года.—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ. Николая Полевого.	47—63	XIV. По Вальтеръ-Скотту. А. Жиркевича.	177—189
V. Воспоминанія о Гоголѣ. С. Глѣбова.	65—74	XV. Генераль Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. (Биографическія свѣдѣнія объ А. И. Поповѣ) А. Л. Попова.	191—204
VI. Арачьевская премія. С. Никольскаго.	75—80	XVI. Воспоминанія жизни Ф. Г. Тернера	205—233
VII. Какъ возникла въ гор. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офинниваетъ Карелию. В. П. Крохина.	81—92	XVII. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. В. В. Тимѣщукъ.	234—240
VIII. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ. (Изъ воспоминаній Пріны Ивановны Оппорѣ, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). Н. И. Оппорѣ.	95—108	XVIII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
IX. Тяжелые дни Муценскихъ боевъ. (Воспоминанія заласнаго). Н—чъ.	109—131	а) „Я это давно зналъ“. (Изъ воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ). А. А—ха.	64
X. Памяти О. В. Поповой.	132	б) Два повелѣнія Петра Великаго. Сообщилъ А. Л. Алекс. Лебедевъ.	93—94
XI. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—		в) „Льсныя“ кадеты — на парадахъ. Сообщ. М. х. Соколовскій.	190
		XIX. Библиографическій листокъ (на оберѣжѣ).	

Приложеніе: 1) Павелъ Осиповичъ Пирлингъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.
2) Факсимиле рукописи Тернера: мнѣніе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фоптанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1910.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1910 года.

Библиотека „Руниверс“

Издание **Великаго Князя Николая Михайловича**. Русскіе портреты XVIII XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 3-й. 1909 г.

Въ новомъ прекрасномъ выпускѣ „Русскихъ портретовъ“ даны портреты Строгановыхъ Демидовыхъ, Браницкихъ, Гагариныхъ, Паниныхъ и друг. Очень интересенъ превосходный портретъ Е. И. Нелидовой, приписываемый Вуалю и принадлежащій княгинѣ Е. Н. Голыциной; до сихъ поръ онъ не былъ извѣстенъ. Онъ подрываетъ распространенное мнѣніе о непривлекательной внѣшности знаменитой пріятельницы романтическаго императора нѣсколько открываетъ въ лицѣ Нелидовой тѣ симпатичныя свойства ума и сердца, которыя привязали къ ней ея царственнаго рыцаря.

Н. Л.

Проф. С. Ѡ. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Сиб. 1909. Стр. 258. Цѣна 90 коп.

Учебный курсъ, составленный извѣстнымъ нашимъ ученымъ, долженъ быть разсматриваемъ преимущественно какъ руководство для *старшихъ* классовъ средней школы. Характеръ его опредѣляется словами самого автора (стр. 1—2): „Главное содержаніе курса русской исторіи долженъ составлять разсказъ о томъ, какъ изъ названныхъ отдѣльных племенъ постепенно образовался единый русскій народъ, и какъ онъ занялъ то громадное пространство, на которомъ теперь живеть; какъ образовалось среди русскихъ славянъ государство, и какія перемѣны происходили въ русскомъ государственномъ быту до тѣхъ поръ, пока онъ не принялъ современной намъ формы Россійской Имперіи. Разсказъ объ этомъ дѣлится на три части. Въ первой излагается исторія первоначальнаго Кіевского государства, объединившаго все мелкія племена вокругъ одной столицы—Кіева. Во второй предлагается исторія тѣхъ государствъ (Новгородскаго, Литовско-Русскаго и Московскаго), которыя образовались на Руси вслѣдъ за распаденіемъ Кіевскаго государства. Въ третьей, наконецъ, излагается исторія Русской Имперіи объединившей въ себѣ все земли, заселенныя русскими народностями въ разныя времена“. Такимъ образомъ въ курсѣ включено все то, что имѣетъ близкое отношеніе къ возникновенію, росту и укрѣпленію государственныхъ началъ въ древней Руси, и подъ этимъ угломъ зрѣнія разсматриваются все важнѣйшія явленія нашего прошлаго. Предварительно авторъ по обычаю знакомитъ учениковъ съ древнѣйшимъ населеніемъ, страной и съ тѣми элементами, которые въ будущемъ вошли въ Московское государство. Каждая ступень въ ходѣ политической дѣятельности охарактеризована яркими, живыми чертами; послѣдствія принятія Русью христіанства, успѣхи гражданственности въ Кіевской Руси, образование новыхъ государственныхъ центровъ, развитіе удѣльнаго порядка, переходъ изъ удѣльнаго быта въ государственной, Смутное время, исторія XVII вѣка послѣ Смуты изложены со свойственною автору ясностью и выразительностью. Наибольше трудный для учащихся отдѣлъ—Смутное время—представляется въ учебникѣ особенно удачнымъ, благодаря стройности принятой системы. Во-первыхъ, время царя Ивана IV Грознаго включено въ ту же главу, во-вторыхъ точно опредѣлены три періода: 1) борьбы бояръ за власть и престолъ, 2) борьбы низшихъ классовъ (казачества) противъ высшихъ (землевладѣльцевъ) и 3) борьбы русскихъ людей вообще съ иноземными врагами и своими „ворами“.

Не касаясь общаго, намѣченнаго составителемъ, плана, не дающаго возможности развить вопросы религіозные, литературные, вопросы искусства (послѣднимъ во всемъ учебникѣ отводится ничтожное мѣсто, а между тѣмъ при отсутствіи самостоятельнаго предмета русскіе люди выходятъ изъ средней школы вовсе непросвѣщенными въ этой области), хотѣлось бы однако замѣтить, что при данной системѣ можно нѣсколько подробнѣе сказать о такихъ важныхъ функціяхъ государственной дѣятельности, какъ боярская дума, земскіе соборы и судъ (княжескій и московскій). Во всемъ остальномъ трудно назвать другой курсъ столь удовлетворяющій нуждамъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Учебникъ Соловьева устарѣлъ, а Ключевскаго есть лишь краткое пособіе для университетскихъ слушателей. Прибавимъ еще, что курсъ написанъ тѣмъ чистымъ простымъ, скатымъ и мѣткимъ слоюзомъ, какимъ отличаются блестящія лекціи того жъ профессора.

В. Я.

А. В. Жиркевичъ. **Ив. Ив. Орловскій**. Биографическій очеркъ. Вильна, 1909

При общезвѣстной провинціальной скудости культурныхъ силъ иной разъ даже небольшой человѣкъ пріобрѣтаетъ крупное общественное значеніе и изъ рядовой единицы становится десяткой. О такой единицѣ интересно разсказалъ въ своей новой книгѣ А. В. Жиркевичъ. П. И. Орловскій, скромный учитель епархіальнаго училища, былъ чловѣкъ безъ крупнаго литературнаго таланта, безъ широкаго общественнаго кругозора, но страстно любилъ старину и много работъ посвятилъ прошлому Смоленска и смоленскаго края, о которомъ написалъ рядъ книгъ, статей и замѣтокъ; онъ былъ смолянинъ. Орловскій принадлежалъ отчасти къ типу, который его биографъ съ такимъ тонкимъ пониманіемъ и теплымъ сочувствіемъ характеризуетъ умными и вѣрными чертами. „Въ моихъ скитаніяхъ по отечеству непремѣнно натѣкался я тамъ, гдѣ менѣе всего ожидалъ встрѣтить, на какого-либо мѣстнаго „Нестора-лѣтописца“, трудолюбиво, самоотверженно, съ любовью записывающаго дѣянія текущей жизни, факты и преданія изъ давно-прошедшаго, разсказы бабушекъ и прабабушекъ, крѣпостныхъ, вельможъ и заурядныхъ смелныхъ, спасающаго

Дипломаты

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря изменившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Побѣдка въ Самборѣ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова**. **П. М. Ковалевского**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — **Николай Алексѣевичъ Некрасовъ**. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевского**. **Д. А. Склонъ** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисеѣва, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣлоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламайскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ сѣльского поляка“. **А. Г. Полянскій** — „Къ биографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкрина“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н.—ъ.** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Молюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“ — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерахъ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія **Д. Санглена**, **Веселовскаго**, **Леваковскаго**, **Семенова** и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ С.П.Б. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

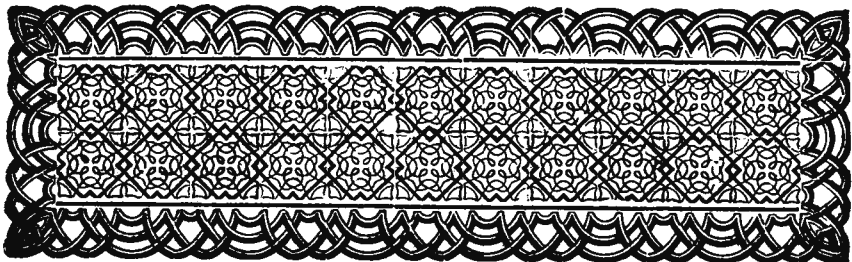
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается рассрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Житейскія встрѣчи.

(Изъ воспоминаній судебного дѣятеля).

III.

Правдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей Петербургскаго окружнаго суда, вынесенный ими 31 марта 1878 г. по дѣлу Вѣры Засуличъ, произвелъ на нервно настроенное—вслѣдствіе множества разнообразныхъ причинъ—общество чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и официальныхъ кругахъ цѣлую бурю негодованія на судъ и, конечно, на предсѣдателя по этому дѣлу. Когда эта буря зашумѣла вокругъ меня съ особенной силой, мною почувствовалась потребность уйти на время отъ тягостныхъ впечатлѣній петербургскаго служебнаго міра, чтобы хоть немного отдохнуть среди далекихъ друзей въ иной обстановкѣ—и я рѣшился поѣхать въ Харьковъ, гдѣ протекли первые годы моей публичной судебной дѣятельности, и съ которымъ у меня былъ связанъ рядъ теплыхъ воспоминаній. Хотя со времени оставленія мною Харькова прошло восемь лѣтъ той кипучей личной жизни, которая окружаетъ человѣка въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ его существованія, но я зналъ, что Харьковъ меня еще помнитъ и любитъ, считая *своимъ*. Можно было быть увѣреннымъ, что тамъ я найду атмосферу симпатій, которая хоть на время заставитъ смягчиться душевную боль, вызванную во мнѣ предложеніемъ о выходѣ въ отставку, предъявленнымъ несмѣняемому судѣ за то, что онъ былъ слугою правосудія, въ условіяхъ начертанныхъ Судебными Уставами, а не служивымъ пособникомъ осуществленія предвзятыхъ рѣшеній;—вы-

званую также и беззащѣтнымъ предательствомъ, которое меня окружило со всѣхъ сторонъ подъ вліяніемъ травли вліятельныхъ газетъ и предположеній, что я, въ служебномъ отношеніи, несомнѣнно „сломиль себѣ шею“. Я выѣхалъ въ пятницу на Страстной съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской дороги, получивъ въ вагонѣ II-го класса крайне неудобное мѣсто противъ стѣнки, что мѣшало вытянуть ноги и среди ночи оказалось очень мучительнымъ, такъ какъ мѣсто рядомъ было занято какимъ-то грузнымъ господиномъ, усѣвшимся на двухъ третяхъ скамейки и прижавшимъ меня въ уголь. Его нафабранные усы на морщинистомъ лицѣ, подкрашенные рѣдкіе волосы „съ височками“ и тугой высокой галстукъ давали поводъ думать, что это отставной военный. Ко мнѣ онъ относился строго, задавъ мнѣ два или три лаконическихъ вопроса въ теченіи пути, тѣсня меня во время мучительной желѣзнодорожной ночи и говоря мнѣ, при попыткахъ моихъ перемѣнить положеніе, строго и внушительно: „м—м—молодой человѣкъ! в—в—вы меня толкаете“. Но я былъ оглушенъ „шумомъ внутренней тревоги“ и не обращалъ вниманія на его отношеніе ко мнѣ.

Утромъ, когда мы подѣзжали къ Москвѣ, мой спутникъ досталъ изъ картонки цилиндръ, пригладилъ его, надѣлъ взамѣнъ старой фуражки и положилъ въ ротъ гвоздичку. Ея аромать очевидно смягчилъ его сердце. Онъ въ первый разъ благосклонно взглянулъ на меня и, двинувъ бровями по направленію къ окну, сказалъ многозначительно: Кунцево!—Нѣтъ—отвѣчалъ я—Останкино.—Вы это навѣрно знаете?—Да, навѣрно.—Вы хорошо знаете Москву?—Да, хорошо.—Учитесь тамъ?—Нѣтъ, кончилъ.—Служите?—Да, служу.—Въ самой Москвѣ?—Нѣтъ, въ Петербургѣ.—А—а!—протянулъ себе сѣдникъ, взглянувъ на меня еще болѣе благосклонно—въ Петербургѣ служба чистая, благородная.—Всякая есть! Какъ кто смотритъ!—А хорошій городъ! Я въ деревнѣ прожилъ 20 лѣтъ, выйдя въ отставку, а теперь вотъ пробылъ два мѣсяца въ Петербургѣ. Много нашелъ новаго. Невскій-то какимъ сталъ! Прежде бывало за „вшивой биржей“, противъ Троицкаго переулка и смотрѣть было не на что; Николаевская, помнится тогда—еще Грязною называлась и была немощеная,—да вотъ и конки тоже... совсѣмъ новое дѣло! Интересный городъ! Богъ знаетъ, когда попаду опять. Хотѣлось всего насмотрѣться. Только вотъ въ судъ не могъ попасть, на дѣло Засуличъ. Слышали, вѣроятно? Билеты надо было у предсѣдателя получать, ну а я съ нимъ не знакомъ. Да и гдѣ ужъ тамъ? Вѣроятно, желающихъ было безъ конца. А вы видѣли кого-нибудь, кто тамъ былъ?—Я былъ самъ на этомъ дѣлѣ—отвѣчалъ я, стараясь скрыть невольную улыбку.—И попали?—Попалъ.—Ну, и что же, я думаю

наканунѣ съ ночи пришлось придти сторожить себѣ мѣсто?—Нѣтъ, я пришелъ въ 11 часовъ.—Ну, такъ я думаю публики, какъ семей въ боченкѣ было? Ни дохни, ни повернись?—Я сидѣлъ не въ публикѣ, а по ту сторону судейскаго стола.—Эге, батюшка! Да у васъ, видно, дядя сенаторъ, что вамъ такое мѣсто устроилъ. Ну, ужъ я думаю тутъ сиди, какъ прикованный и вставать не моги: сейчасъ займутъ мѣсто!—Нѣтъ, моего мѣста—сказалъ я—никто бы въ этотъ день не занялъ, да и едва-ли и пожелалъ бы занять...

Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня удивленно и высокомерно спросилъ меня: „любопытно знать, какое же это такое мѣсто у васъ было, молодой человекъ?“. Молодой человекъ, которому было уже 34 года, потупился и скромно сказалъ, что онъ — предсѣдатель Петербургскаго окружнаго суда и, ведя процессъ, сидѣлъ на принадлежащемъ ему главномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ. — „Не правда! Не можетъ быть!“—воскликнулъ его собесѣдникъ. Но, затѣмъ, должно быть убѣдясь, что присвоивать себѣ званіе предсѣдателя Петербургскаго суда едва-ли кто станетъ, сразу перемѣнилъ тонъ, сдѣлался любезенъ до приторности, помогъ завязать ручной багажъ и сталъ усердно рекомендовать остановиться въ Москвѣ на какомъ-то подворьѣ. „Очень дешево, тихо—и клоповъ—прибавилъ онъ многозначительно—ни, ни, ни!“

На другой день, т. е. въ Пасхальное воскресенье, въ настоящее свѣтлое воскресенье по погодѣ, я выѣхалъ изъ Москвы, когда ликование пробуждавшейся природы вторилъ несмолкаемый и радостный гулъ московскихъ колоколовъ. Меня провожалъ на станцію курской желѣзной дороги мой покойный другъ—благородный, суетливый и несчастный Александръ Ивановичъ Барановскій, бывший Петербургскій столичный мировой судья. Поездъ былъ почти пустой. Кондукторы были подъ хмѣлькомъ, и въ купе для некурящихъ I-го класса былъ лишь одинъ пассажиръ, съ которымъ Барановскій поздоровался, позабывъ мнѣ сказать, съ кѣмъ мнѣ приходится ѣхать. Это былъ человекъ довольно высокаго роста, съ мягкими чертами задумчиваго и мыслящаго лица, въ золотыхъ очкахъ, сквозь которыя глядѣли добрымъ и вмѣстѣ серьезнымъ взглядомъ сѣрые глаза. Въ очертаніяхъ лица сквозилъ отдаленный татарскій типъ, но русая съ просѣдью густая борода придавала ему, вмѣстѣ съ мягкой складкой губъ, славянскій характеръ. Мы долго ѣхали молча, — онъ читалъ какую-то рукопись, а я погружился въ чтеніе только что вышедшаго II-го тома „Les origines de la France contemporaine“ Тэна, не предчувствуя еще, что мнѣ, въ перелицовкѣ на русскіе нравы, придется пережить кое-что изъ этого, да пожалуй и изъ слѣдующихъ томовъ, замѣчательнаго труда

Тэна. На одной изъ большихъ станцій, — кажется въ Серпуховѣ — я вышелъ изъ вагона и когда вернулся, то засталъ своего спутника съ моей книжкой Тэна въ рукахъ, на первой страницѣ которой были написаны мое имя и фамилія. Онъ извинился и, сказавъ, что не читалъ еще этой книги, спросилъ мое объ ней мнѣніе. Мы разговорились. Онъ оказался человѣкомъ разносторонне-образованнымъ, живымъ и вдумчивымъ, съ чрезвычайно привлекательнымъ складомъ умной и содержательной рѣчи, и мы провели въ пріятной и оживленной бесѣдѣ почти все время до ночи. Разговоръ касался главнымъ образомъ литературы, поводомъ къ чему послужило мое указаніе на удивительную книгу того же Тэна „Essais sur Tite Live“, которая представляетъ собою непревзойденный, на мой взглядъ, образецъ литературно-исторической критики. Собесѣдникъ очевидно принадлежалъ къ высоко-образованному кружку московскаго общества, имѣя обширныя знакомства и связи въ Москвѣ, тогда еще не пріобрѣтшей нѣкотораго оттѣнка богатаго коммерческаго самодовольства, покрытаго лишь тонкимъ слоємъ легко стираемаго европейскаго лака. Онъ рассказалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о даровитой писательницѣ Кохановской, о М. П. Погодинѣ и между прочимъ о моемъ дядѣ Вельтманѣ и объ оригинальномъ кружкѣ, собиравшемся у послѣдняго въ казенномъ домѣ, гдѣ была квартира директора Оружейной Палаты, у Покрова въ Левшинѣ.

Назидательная бесѣда моего спутника перешла затѣмъ на вопросы искусства, педагогиче и философіи, но онъ тщательно избѣгалъ говорить о современныхъ намъ дѣлахъ, несмотря на мои попытки вызвать его на подобный разговоръ. Только о славянскомъ вопросѣ по поводу книги Спасовича и Пыпина по исторіи славянскихъ литературъ онъ нѣсколько распространился, но вскорѣ перешелъ къ воспоминаніямъ объ оригинальномъ Московскомъ профессорѣ Бодянскомъ. Наконецъ объяснилось, почему онъ избѣгалъ касаться злобы дня. На его вопросъ, куда я ѣду, я отвѣчалъ, что ѣду въ Харьковъ, нуждаясь въ нравственномъ отдыхѣ послѣ всего пережитого мною въ послѣднее время. — „По дѣлу Засуличъ?“ — спросилъ онъ, давая мнѣ понять, что знаетъ, кто я. Назвалъ ли ему меня Барановскій, или онъ прочелъ мое имя на книгѣ, но повидимому онъ имѣлъ основаніе предполагать, что и я знаю, кто онъ такой. Мнѣ же было какъ-то неловко его спросить объ этомъ. — „Извините меня, — сказалъ онъ мнѣ — я не принадлежу къ вашимъ сторонникамъ въ этомъ процессѣ, хотя и не раздѣляю тона и характера нападокъ на васъ Каткова. Какъ могли вы допустить присяжныхъ произнести оправдательный приговоръ“?

Объяснивъ ему *законную* роль, права и обязанности председа-

теля на судѣ присяжныхъ, не могущаго быть отвѣтственнымъ за ихъ приговоръ, произносимый по внутреннему убѣжденію,—и въ то же время не имѣющаго права ни играть съ ними въ *прятки*, ни ихъ заставлять играть въ *жмурки*, при чемъ онъ грубо нарушилъ бы святой долгъ судьи, если бы сталъ оказывать давленіе на ихъ совѣсть, голосъ которой долженъ звучать въ *свободно* выработанномъ рѣшеніи,—я рассказалъ ему вкратцѣ всю исторію возникновенія и разбора этого дѣла. Она изложена мною въ особыхъ воспоминаніяхъ и повторяеть ее здѣсь не у мѣста. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно, изрѣдка прося разъясненій техническаго свойства, и когда я кончилъ, сказалъ мнѣ, предварительно на нѣсколько минутъ задумавшись: „да, я вижу, вы—правы и вели себя, какъ подобаеть судѣ. Я беру назадъ мой упрекъ, но судьба поставила васъ въ положеніе по-истинѣ трагическое, возложивъ на вашу нравственную отвѣтственность тяжелую задачу“.—Я это сознаю—отвѣчалъ я ему—и сознавалъ всегда. Но если бы мнѣ снова пришлось вести это дѣло, то и тогда, несмотря на все тяжелое, уже мною пережитое и на то, что вѣроятно еще придется пережить, я не считалъ бы согласнымъ съ закономъ вести его иначе, добываясь обвинительнаго приговора путемъ скриванія отъ присяжныхъ того, что было или казалось невыгоднымъ для обвиненія.—Наступала ночь. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, мы собирались лечь спать, когда мой спутникъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Кіевъ къ больной матери и завтра утромъ въ 6 часовъ долженъ въ Курскѣ пересѣсть въ Кіевскій поѣздъ, такъ что мы пожалуй не увидимся. „Мнѣ крайне пріятно было съ вами встрѣтиться и узнать васъ ближе—прибавилъ онъ. Позвольте обратиться къ вамъ съ одною просьбою: вы, кажется, уже дочитываете Тэна, а мнѣ очень хотѣлось бы съ нимъ познакомиться до возвращенія въ Москву, гдѣ я буду черезъ недѣлю. Не можете ли вы мнѣ дать эту книгу, а по пріѣздѣ вашему въ Москву, я вамъ ее завезу или быть можетъ вы найдете минутку, чтобы заѣхать ко мнѣ, чѣмъ доставили бы мнѣ большое удовольствіе“. Я отвѣчалъ полною готовностью исполнить его просьбу и вновь почувствовалъ крайнюю неловкость отъ того, что не знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

На другой день, рано утромъ въ Курскѣ, выйдя на платформу, я увидѣлъ его уже сидящимъ у окна Кіевскаго поѣзда. Онъ дружески привѣтствовалъ меня. Необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, кто онъ такой, предстала передо мною съ особою ясностью, и я схватился за его заявленіе: „такъ въ Москвѣ мы увидимся!“—какъ за якорь спасенія.—Да, конечно, сказалъ я. Но, я не знаю вашего адреса.—Вотъ моя карточка съ адресомъ.—Я положилъ ее въ карманъ, не читая и тѣмъ поддерживая въ немъ иллюзію, что я знаю,

съ кѣмъ такъ чудесно провелъ въ долгой бесѣдѣ первый день Пасхи. Зазвучалъ первый звонокъ, съ томительными переливами засвисталъ оберъ-кондукторъ, и поѣздъ, медленно погромыхая, какъ будто нехотя выговаривая какое-то многозначительное слово своими колесами, двинулся въ Кіевъ. Я вынулъ карточку и прочелъ на ней: *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*... Боже мой! воскликнулъ я невольно! и я этого не зналъ!... и въ воспоминаніи моемъ внезапно возникъ рассказъ, слышанный мною отъ другого Ивана Сергѣевича... Тургенева.

„Однажды въ Парижѣ, въ половинѣ 60 годовъ—разсказывалъ онъ—мы отправились вмѣстѣ съ Герценомъ къ старику Литтрé. Онъ былъ искренно обрадованъ нашимъ посѣщеніемъ и, сказавъ намъ: *je vous régaler de bon vieux vin*,—позвалъ свою *bonne pour tout faire* и далъ ей подробныя указанія о томъ, какъ найти въ погребѣ завѣтную бутылку. Но, покуда она приносила покрытую пылью и какою-то плѣсенью бутылку съ краснымъ виномъ, у Герцена съ оника загорѣлся съ хозяиномъ горячій споръ по поводу какого-то изъ словъ въ академическомъ словарѣ, составляемомъ Литтрé. Герценъ очень горячился, нервно ходилъ по комнатѣ и залпомъ выпилъ два стакана бережно разлитого хозяиномъ вина. Наконецъ, споръ утихъ, и мы стали собираться уходить. А какъ вамъ понравилось мое вино? спросилъ Литтрé.—Да, недурное *petit vin* отвѣтилъ, очевидно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пилъ, Герценъ.—Какъ *petit vin*?! воскликнулъ съ горестнымъ изумленіемъ хозяинъ. Да вѣдь это *Chambertin*, которому тридцать лѣтъ!! Вѣдь, это драгоценность, которую я много, много лѣтъ не рѣшался раскупоривать!.. Лицо его омрачилось, губы сложились въ саркастическую усмѣшку, и онъ холодно простился съ нами. Когда мы вышли отъ него и проходили по улицѣ, я сказалъ Герцену: а вѣдь старикъ-то очень обидѣлся.—А чортъ его возьми!—отвѣтилъ Герценъ, зачѣмъ же онъ не сказалъ, какое это вино и какого года: я бы его совсѣмъ иначе пилъ“...

Боже мой,—сказалъ я себѣ—зачѣмъ не зналъ я, что это Аксаковъ. Я бы его *совсѣмъ иначе пилъ*. Я говорилъ бы съ нимъ о политикѣ, о славянофилахъ, о его отцѣ и братѣ и на его слова о важной отвѣтственности, принятой мною на себя веденіемъ дѣла Засуличъ, отвѣтилъ бы вопросомъ: ну, а вы, Иванъ Сергѣевичъ, съ вашими статьями, сыгравшими такую вліятельную роль предъ сербской и русско-турецкой войнами, развѣ не неизмѣримо большую отвѣтственность принимали на себя передъ Россіей? Наша встрѣча вызвала со стороны Аксакова, какъ оказалось впоследствии, лестный для меня, хотя и совершенно не заслуженный отзывъ. „До Курска ѣхалъ я съ К.—писалъ онъ своей супругѣ 18 апрѣля 1878 г. изъ Кіева—

предсѣдателемъ Петер. Окр. Суда, замѣчательно умнымъ, даровитымъ и очень хорошимъ человѣкомъ. Его рассказы были въ высшей степени интересны. Онъ оставилъ мнѣ книгу Taine „la Révolution“, которой по дорогѣ отъ Курска до Кіева я и прочелъ слишкомъ 200 страницъ. На Оминой недѣлѣ, на обратномъ пути заѣдетъ къ намъ“. Но въ Москвѣ намъ видѣться не удалось, и мы лишь размѣнялись визитами. Я его встрѣтилъ во второй и послѣдній разъ лишь въ апрѣлѣ 1881 г., тоже на Пасхѣ, у Александра Ивановича Кошелева, на одномъ изъ оригинальныхъ вечеровъ послѣдняго, куда сходилась почти вся интеллигенція Москвы, и гдѣ подавали ужинъ на ломберныхъ, ничѣмъ не покрытыхъ, столахъ. Аксаковъ былъ подавленъ трагической кончиной Царя-Освободителя, былъ неразговорчивъ и съ мрачнымъ видомъ слушалъ шумныя выходки старика Сергѣя Андреевича Юрьева, позабывшаго, идя въ гости, надѣтъ галстухъ, и говорившаго съ чрезвычайной горячностью, не глядя на собесѣдника и брызжа при этомъ слюною. Аксаковъ пробылъ не долго и ушелъ все въ томъ же грустномъ и тревожномъ настроеніи. А одинъ изъ москвичей, видя, что я очень заинтересованъ оригинальною личностью Юрьева, рассказалъ мнѣ про феноменальную разсѣянность послѣдняго нѣсколько случаевъ. Два остались у меня въ памяти. Въ *одномъ*,—положивъ въ передней на столикъ свою зимнюю мѣховую шапку, Юрьевъ, уходя и попрощавшись съ хозяевами, второпяхъ и не глядя схватилъ рукою то, что считалъ своею мохнатой шапкою. Но шапка, поднятая въ воздухъ, вдругъ фыркнула, испустила вопль и мяуканье и впиалась ему въ руку когтями и зубами. Въ *другомъ*,—идя гдѣ-то въ переулкѣ около Сухаревой башни, онъ горячо спорилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей и такъ брызгался слюной, что тотъ потихоньку отсталъ и отойдя въ сторонѣ слѣдовалъ за нимъ. Юрьевъ ничего не замѣчалъ и, размахивая руками, продолжалъ споръ. „Нѣтъ, я тебѣ докажу, я тебѣ докажу“—кричалъ онъ—и вдругъ долженъ былъ остановиться. Предъ нимъ стоялъ пьяный мужикъ, широко разставивъ ноги и смотря на него мутнымъ взоромъ, говорилъ ему, съ трудомъ поворачивая языкъ: „ну, и что ты мнѣ, лохматый чортъ, доказать можешь?!“

IV.

Въ четвертомъ классѣ второй (нынѣ Александровской) Петербургской гимназіи, куда я поступилъ изъ нѣмецкой школы при церкви св. Анны, у меня былъ товарищъ Н. Г. П... воспоминаніе о

знакомствѣ съ которымъ связано у меня съ одною изъ тѣхъ житейскихъ перемѣнъ въ человѣкѣ, къ которой примѣнны стихи Некрасова:

„Ликуеть врагъ, молчить въ недоумѣннѣ
„Вчерашній другъ, поникнувъ головой...

Юный П—... былъ добрый, отзывчивый и способный мальчикъ, но съ чрезвычайно развитымъ самолюбіемъ, переходившимъ въ смѣшное тщеславіе. Онъ носилъ длиннѣйшіе ногти, длинные волосы и чуждался нашихъ дѣтскихъ игръ и забавъ, относясь къ нимъ презрительно и стараясь дать намъ понять, что онъ гораздо выше насъ по умственному развитію. А мы, какъ нарочно, были почти всѣ большими шалунами, хотя большинство изъ насъ училось прекрасно. Иногда эти шалости соединялись у насъ съ увлеченіемъ какимъ-либо изъ преподаваемыхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, на насъ имѣлъ большое вліяніе учитель исторіи, незабвенный Владиміръ Федоровичъ Эвальдъ. Его доброе и отчасти насмѣшливое отношеніе къ ученикамъ было соединено съ увлекательнымъ изложеніемъ предмета. Мы ждали его урока и слушали его съ радостнымъ чувствомъ. Однажды мы, мальчики, очень желавшіе быть взрослыми, написали на доскѣ: „gaudeamus igitur, juvenes dum sumus“. Эвальдъ вошелъ въ классъ и сталъ рассказывать свой урокъ, по привычкѣ ходя по классу. Увидѣвъ написанное на доскѣ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на насъ добрымъ и смѣющимся взглядомъ, взялъ губку стеръ слово „juvenes“ и написалъ „pueri“... Особенно увлекательно рассказывалъ онъ Крестовые походы, и нарисованная имъ картина душевнаго состоянія крестоносцевъ, узрѣвшихъ послѣ многихъ битвъ и долгихъ страданій Святой градъ и преклонившихъ предъ нимъ колѣна, до сихъ поръ—по прошествіи пятидесяти лѣтъ—стоитъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. Мы тотчасъ же объявили себя крестоносцами, при чемъ маленькій горбунъ Майеръ, ходившій съ крючковатой палкой, былъ произведенъ въ Петры Пустынники, а я пожалованъ въ Готфриды Бульонскіе,—сосѣдній же классъ былъ признанъ сарацинами, и ему объявлена жестокая война. Надо сознаться, что наши крестовые походы, продолжавшіеся цѣлый мѣсяцъ въ большую перемѣну между уроками, окончились для крестоносцевъ весьма плачевно: сосѣдній классъ оказался численно сильнѣе, да и у насъ произошелъ внутренній расколъ: пынѣшній тайный совѣтникъ и юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ поднялъ знамя бунта и объявлялъ себя султаномъ Килиджъ-Арсланомъ... Петръ Аміенскій былъ захваченъ въ плѣнъ, а Готфридъ Бульонскій, бывший „старшимъ“ въ классѣ и обязанный наблюдать за порядкомъ, былъ посаженъ въ карцеръ послѣ

одной неудачной атаки, окончившейся разбитіемъ стеколъ въ дверяхъ сосѣдняго класса. Ко всѣмъ этимъ происшествіямъ П... относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, чѣмъ возбудилъ общее противъ себя недовольство, такъ что нѣкоторыми рѣшено было его „проучить“.— *Cet âge est sans pitié*. Однажды онъ былъ крѣпко схваченъ, и его длинные, чуть не въ вершокъ, ногти, которыми онъ отчаянно царапался, сопротивляясь, были насильственно обстрижены. Операция прекратилась лишь съ приходомъ учителя, но все время урока П..., блѣдный и закусивъ нижнюю губу, бросалъ на меня свирѣпыя взгляды, почему-то (и при томъ совершенно несправедливо) считая меня зачинщикомъ всей этой затѣи. Съ этихъ поръ онъ преисполнился ненавистью ко мнѣ и еще болѣе замкнулся въ своемъ отчужденіи. Но, очевидно, его доброе сердце сильно страдало отъ этого, тѣмъ болѣе, что я пользовался почему-то нѣкоторой любовью товарищей и даже своего рода авторитетомъ, можетъ быть, потому, что охотно принималъ участіе во всѣхъ производимыхъ сообщашалостяхъ.

Лѣтомъ 1859 года мы жили на дачѣ въ Петергофѣ. Въ одинъ прекрасный день, во время завтрака, горничная подала мнѣ письмо, сообщивъ, что податель ожидаетъ отвѣта на улицѣ. Въ письмѣ заключалось восторженное объясненіе въ любви со стороны П... и предложеніе дружбы до гроба. Я выбѣжалъ къ нему, мы обнялись, оба расплакались, и въ залогъ нашей дружбы онъ мнѣ тутъ же поднесъ ракету собственнаго издѣлія, которую мы въ тотъ же вечеръ спустили на дворѣ, чуть не спаливъ всю дачу. Съ этихъ поръ мы стали часто видѣться, и онъ сдѣлался участникомъ общихъ предпріятій въ пятомъ классѣ, принявшихъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ году. Мы стали издавать журналъ „Заря“ съ эпиграфомъ изъ Рылѣва: „Повѣрь, мой другъ, взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья—Россія встрянетъ ото сна“... Журналъ однако былъ самаго невиннаго свойства и преимущественно наполнялся статьями по физикѣ и математикѣ. Въ этомъ же классѣ былъ великовозрастный воспитанникъ Ивановъ, круглый сирота, жившій изъ милости и по какимъ-то отношеніямъ у чиновника П—кова. Онъ потѣшалъ насъ стихами и комическими разсказами своего сочиненія и часто плакался на свою судьбу, разсказывая, какъ нерѣдко П—ковы заставляли его исполнять самыя черныя работы по квартирѣ. Однажды Ивановъ прибѣжалъ въ классъ, послѣ двухдневнаго отсутствія, до крайности разстроенный и со слезами разсказалъ намъ, что его благодѣтели заперли его за какую-то неисправность по хозяйству на ночь въ темную комнату, гдѣ былъ положенъ въ ожиданіи погребенія трупъ старухи-бабушки. Ивановъ плакалъ, говорилъ, что

скорѣе бросится въ воду, чѣмъ вернется домой на новыя моральныя истязанія, и былъ въ полномъ отчаяніи. Мы, мальчики 13 и 14 лѣтъ, рѣшили его поддержать во что бы то ни стало и помочь ему приготовиться къ поступленію въ Театральное училище, куда онъ уже давно и безнадежно, по сильному призванію, стремился. Мы дали другъ другу нѣчто вродѣ клятвы отдавать Иванову всѣ деньги, которыя у насъ будутъ, и отправили депутацію къ директору А. С. Власову съ просьбой о заступничествѣ за Иванова. Я былъ избранъ ораторомъ этой депутаціи. Власовъ отнесся къ намъ очень сочувственно, вызвалъ къ себѣ Иванова, подробно разспросилъ его, поѣхалъ затѣмъ къ оберъ-полицеймейстеру—и чрезъ нѣсколько дней Ивановъ, котораго Власовъ покуда пріютилъ у себя, былъ освобожденъ навсегда отъ своихъ благодѣтелей, получивъ право свободнаго проживанія, гдѣ онъ хочетъ. Онъ поселился въ Тарасовомъ переулкѣ въ Измайловскомъ полку въ довольно большой комнатѣ пятаго этажа. Раза два въ мѣсяцъ мы всѣмъ классомъ ходили его навѣщать и приносили ему нашу посильную лепту и разные гостинцы, которые тутъ же сообщали и съѣдались. Однажды, во время такого посѣщенія, съ нами случилось трагическое происшествіе. Въ это время всѣхъ интересовали опыты гипнотическаго сна, вызываемаго пристальнымъ и упорнымъ взглядомъ на отраженіе свѣта на двухъ перекрещивающихся металлическихъ пластинкахъ. Мы вздумали продѣлать этотъ опытъ надъ однимъ изъ нашихъ товарищей Николаемъ Беромъ (однимъ изъ имѣвшихъ внослѣдствіи отношеніе къ ужасному несчастію на Ходынкѣ во время коронаціи 1896 г.), и онъ дѣйствительно скоро заснулъ. Но когда мы стали пробовать его разбудить, то онъ не просыпался, несмотря на тормошеніе, уколы, щипки и крики въ ухо. Мы пришли въ совершенное отчаяніе и рѣшили, что лишили товарища жизни. Юному уму нашему представилось, что для насъ нѣтъ ни оправданія, ни извиненія, и что мы погибли. Съ ужасомъ въ сердцѣ рѣшено было, что трое изъ насъ отправятся въ полицію и отдадутъ себя въ „руки правосудія“, а остальные останутся ожидать рѣшенія своей судьбы у „трупа“. Несчастные убійцы уже уходили, когда кому-то вздумалось плеснуть въ лицо убитому водой. Онъ вздохнулъ и раскрылъ глаза... Ивановъ поступилъ въ Театральное училище и лѣтъ черезъ десять я его слышалъ въ Александринскимъ театрѣ поющимъ въ „Орфей въ аду“ куплеты про Аркадскаго принца.

Николай П... собиралъ къ себѣ довольно часто товарищей въ свою маленькую комнатку на антресоляхъ, гдѣ-то въ 5-ой или 6-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ своего брата Г. Г. П. моложаваго отца семейства, имѣвшаго уже взрослую дочь. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности въ институтахъ и читалъ

иногда безцвѣтно-сентиментальныя публичныя лекціи по литературѣ въ залѣ нашей второй гимназіи. Къ концу нашей полуречической бесѣды обыкновенно онъ поднимался къ своему брату и приносилъ съ собою „Колоколь“ и „Полярную звѣзду“, проповѣдуя намъ необходимость ниспровергнуть государственнй строй и утопить въ крови существующій порядокъ, льстиво доказывая развѣсившимъ уши мальчикамъ, что въ этомъ состоитъ задача подростоющаго поколѣнія, и что эту задачу оно одно въ состояніи и должно выполнить. Онъ дѣлалъ это въ то время, когда правительство искренно шло впереди общества, и когда ежедневно ковались великія реформы Александра II. Лстя незрѣлымъ умамъ, онъ подзадоривалъ насъ тѣмъ, что декламировалъ намъ революціонныя стихи и пѣсенки, нѣкоторые изъ которыхъ мы съ его словъ и заучили... Предъ выходомъ моимъ въ университетъ изъ шестого класса бѣдный Коля II. заболѣлъ сильнымъ нервнымъ разстройствомъ, но впоследствии онъ поправился, былъ замѣтнымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ, но предъ смертью, послѣдовавшею въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, какъ я слышалъ, потерялъ зрѣніе.

Прошло много лѣтъ, и я былъ уже прокуроромъ Петербургскаго окружнаго суда. Въ декабрѣ 1872 года возникло слѣдствіе по дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги и о приготовленіи къ отравленію нѣкоего Александра Ярошевича, въ которомъ были заподозрѣны акушеръ Колосовъ и докторъ Никитинъ, бібліотекаръ Медико-Хирургической академіи. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ увѣдомила,— къ качествѣ свѣдущаго лица,—судебнаго слѣдователя о томъ, что способъ поддѣлки акцій, найденныхъ при обыскѣ въ Академіи, есть тотъ же самый, который былъ употребленъ при поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ съ политической цѣлью, дѣло о чемъ разбиралось въ 1869 году. При этомъ по справкамъ оказалось, что вещественныя доказательства сданы въ архивъ знаменитаго III Отдѣленія. Желая сличить кредитныя бумажки съ акціями и ближе ознакомиться со способомъ поддѣлки, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими ея открытіе, слѣдователь обратился за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ къ начальнику III Отдѣленія, но никакого отвѣта на двукратное обращеніе не получилъ. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ ко мнѣ какъ къ прокурору—и я рѣшился „взять быка за рога“, т. е. не вступая въ переписку, поѣхать къ шефу жандармовъ графу Шувалову и лично съ нимъ объясниться. Шуваловъ встрѣтилъ меня очень любезно, но заявилъ, что, согласно секретному Высочайшему повелѣнію, никакія дѣла и справки изъ архива никому рѣшительно не выдаются. „Самое большее, -- сказалъ онъ мнѣ, — что я могу сдѣлать—

это, въ видѣ особаго исключенія, допустить лично васъ, по довѣрію къ вамъ, къ обзорѣнію дѣла въ архивѣ“. На мое возраженіе, что свѣдѣнія нужны не мнѣ, а слѣдователю, Шуваловъ сказалъ, что пришлетъ ко мнѣ своего чиновника, которому я, переговоривъ со слѣдователемъ, могу указать, что именно намъ нужно, и тогда тотъ доставитъ частнымъ образомъ намъ требуемыя свѣдѣнія. „Этотъ чиновникъ,—добавилъ человекъ, которому завистливая молва присвоивала опасное наименованіе „Петръ IV“,—очень способный и образованный; онъ у меня состоитъ заграничнымъ агентомъ по надзору за русской эмиграціей и пишетъ интересныя и очень полезныя для насъ донесенія. Но теперь я его выписалъ на нѣкоторое время сюда и пришлю его къ вамъ. Вы останетесь довольны его понятливостью и умѣніемъ освоиться со всякимъ дѣломъ“... Черезъ два дня курьеръ доложилъ мнѣ, что въ камеру мою явился чиновникъ отъ шефа жандармовъ, и на мое приглашеніе ко мнѣ вошелъ человекъ, какъ казалось, среднихъ лѣтъ съ молодежавою наружностью и геморроидальнымъ цвѣтомъ бритаго лица, рекомендуясь посланнымъ „графомъ Петромъ Андреевичемъ“. Я пригласилъ судебного слѣдователя, и мы общими силами выяснили пришедшему, оказавшемуся, дѣйствительно, очень понятливымъ, сущность и связь тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ нужны. Когда слѣдователь ушелъ, я извинился передъ чиновникомъ, что мы его обезпечили и отрываемъ отъ занятій, о которыхъ мнѣ говорилъ шефъ жандармовъ. „Мои главные занятія за границей,—словоохотливо отвѣчалъ онъ,—а здѣсь я занятъ мало и потому радъ быть вамъ полезнымъ по очень интересному, какъ я слышалъ, дѣлу. Для меня же здѣсь, въ Петербургѣ, нѣтъ теперь серьезной задачи; иное дѣло руководить надзоромъ за этими заграничными негодяями, которые устроились удобно и безопасно и подстрекаютъ несчастную молодежь итти на революціонныя затѣи и погибать затѣмъ въ ссылкѣ и на каторгѣ. Вотъ съ кѣмъ надо бороться и кого не слѣдовало бы щадить!“. Въ манерахъ, голосѣ и чертахъ его бритаго лица мнѣ почудилось что-то знакомое, и я сталъ пристально въ него всматриваться, силясь припомнить, гдѣ и когда я могъ его видѣть. Онъ это замѣтилъ и, любезно улынувшись, сказалъ мнѣ: А вѣдь вы меня не узнали! Я—Григорій Григорьевичъ П...—„Какъ?—воскликнулъ я невольно—„вы Григорій Григорьевичъ! да не можетъ быть!“—„Отчего же—отвѣтилъ онъ, немного смутившись,—что же тутъ удивительнаго? вѣдь взгляды съ лѣтами мѣняются. Когда мы съ вами встрѣчались у брата, я былъ молодъ, увлекался.—Но вамъ, кажется, было весьма за тридцать лѣтъ?—Ничего не отвѣчая на это замѣчаніе, онъ съ дѣланымъ умиленіемъ сказалъ: а какое славное время было тогда, помните? Вы были такой юный, всѣмъ интересовались. Думалъ ли я, что

встрѣчу васъ на такомъ важномъ посту?—Да и я не думалъ, что мы *такъ* встрѣтимся. Я вѣдь до сихъ поръ помню, какъ вы тогда, разъ встали передъ нами, малыми юнцами, на столъ и декламировали:—„Я нашелъ, друзья, нашелъ—кто источникъ безтолковый—нашихъ бѣдствій, нашихъ золь“ и т. д., и потомъ учили насъ кровожадному четверостишью: „Себя, друзья, мы позабавимъ“ и т. д.—Да, да,—сказалъ онъ, кисло улыбаясь,—молодость, молодость!—Ну, извините еще разъ, что я отнял васъ отъ вашихъ важныхъ занятій относительно тѣхъ подстрекателей юной молодежи, которыхъ вы съ такимъ презрѣніемъ называете негодьями“...

Мы встрѣтились затѣмъ чрезъ два мѣсяца въ гимнастическомъ павильонѣ, гдѣ господинъ П..., упершись въ бока, очень искусно присѣдалъ подъ команду учителя. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, и я не считалъ нужнымъ напоминать ему о себѣ: мнѣ вообще не нравились его гимнастическія упражненія.

V.

Въ 1861 году я и четверо моихъ товарищей (Кобылкинъ, Лукинъ, Сигель и Штюрмеръ) рѣшились выдти изъ 6-го класса гимназіи прямо въ университетъ, который насъ давно манилъ своими лекціями, доступными тогда почти для всѣхъ. Уже со школьной скамьи мы ходили слушать блестящія чтенія Н. И. Костомарова и лучшими мечтами души жили въ университетскихъ стѣнахъ. Для того однако, чтобы въ нихъ скорѣй попасть, нужно было оставить гимназію и держать экзамень, въ качествѣ лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе, въ особой испытательной комиссіи при университетѣ. Она засѣдала съ 19-го по 26 мая, и въ теченіе этихъ семи дней нужно было выдержать экзамены по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзамень производился учителями гимназіи подъ предсѣдательствомъ профессоровъ и былъ довольно строгъ.

Всѣхъ державшихъ было человекъ двѣсти и каждый день съ девяти часовъ утра пестрая и разношерстая толпа ихъ разсыпалась по аудиторіямъ, при чемъ имѣвшійся у каждаго экзаменный листокъ съ перечисленіемъ предметовъ, графою для отмѣтокъ и подписей учителей постепенно заполнялся словами: „удовлетворительно“, „неудовлетворительно“ и „весьма удовлетворительно“. Вторая гимназія, въ которой я учился, считалась по преимуществу математической, и эта ея слава въ значительной степени поддерживалась талантливыми

преподавателями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ по праву Егоръ Христіановичъ Рихтеръ, здравствующій и понынѣ. Я много занимался математикой и *увѣрилъ себя*, что люблю ее, смѣшивая трудолюбіе со способностью. Уже съ 6-го класса я началъ давать уроки алгебры и геометріи готовившимся поступать въ высшіе классы гимназій, такъ что приобрѣлъ нѣкоторый педагогическій навыкъ. Вступительные экзамены въ университетѣ шли у меня очень успѣшно, а мои отвѣты изъ тригонометріи доставили мнѣ даже маленькій триумфъ нѣсколько комическаго характера. Я былъ очень моложавъ, имѣя на видъ не болѣе 14 лѣтъ, былъ сухощавъ и маленькаго роста, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе собравшихся на экзамень своимъ почти дѣтскимъ видомъ. Знаменитый профессоръ и академикъ Сомовъ, вслушавшись въ мои отвѣты на экзаменѣ, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ внѣ программы, на которые мнѣ удалось отвѣтить довольно удовлетворительно. Сомовъ почему-то пришелъ въ великій восторгъ и, сказавъ мнѣ— „нѣтъ, васъ надо показать ректору“—подошелъ ко мнѣ сзади, крѣпко охватилъ меня руками за локти и поднявъ на воздухъ воскликнулъ: „я васъ снесу!“ Это мнѣ—будущему студенту—показалось чрезвычайно неумѣстнымъ и, увидѣвъ мое обиженное лицо, онъ оставилъ меня въ покоѣ. Съ этихъ поръ между экзаменующимися прошла обо мнѣ слава, какъ о человѣкѣ, который на математикѣ „собаку съѣлъ“.

26-го мая мнѣ оставалось выдержать экзамены у нѣмца и француза. На нихъ я шелъ, въ виду домашняго воспитанія и трехлѣтняго пребыванія въ Annenschule, спокойно. Толпа экзаменующихся въ этотъ послѣдній день была особенно оживлена. Изъ нея вышелъ ко мнѣ навстрѣчу молодой стройный человѣкъ высокаго роста съ едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвѣта и коротко остриженной головой. На немъ, по модѣ того времени, были широчайшія сѣрые брюки, длинный бѣлый жилетъ и коричневый однобортный сюртукъ, а на шеѣ, тоже по модѣ того времени, былъ повязанъ узенькій чернѣй галстухъ съ вышитыми на концахъ цвѣточками. Манеры его были изысканно вѣжливы и обличали хорошее воспитаніе, которое впрочемъ въ то время еще не было рѣдкостью. „Извините—сказалъ онъ мнѣ—я знаю, что вы отличный знатокъ математики, а у меня—и онъ слегка покраснѣлъ—вотъ какая бѣда: я не приготовилъ двухъ послѣднихъ билетовъ изъ тригонометріи, да и вообще слабъ по этой части и самъ себѣ помочь не могу. Не можете ли вы мнѣ объяснить ихъ“?.. Я съ удовольствіемъ согласился; мы сѣли въ сторонкѣ за край большого стола, и я „преподалъ“ моему неожиданному ученику два тревожившіе его билета, повторилъ свое объясненіе и предложилъ

ему попробовать мнѣ отвѣтить. Отвѣтъ обличилъ его чрезвычайную понятливость, и я сказалъ ему:—теперь идите и берите тотчасъ же билетъ, на полъ-часа вы заряжены, а тамъ пожалуй позабудете.—Мы разстались, и я пошелъ къ своимъ иноземцамъ. Когда я вышелъ отъ послѣдняго изъ нихъ въ приемную передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ экзаменъ, изъ двери другой аудиторіи вышелъ мой незнакомецъ. Его красивое лицо было радостно взволновано. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, протягивая обѣ руки для крѣпкаго рукопожатія, воскликнулъ: „представьте! Послѣдній билетъ! Послѣдній!! И—весьма удовлетворительно! Какъ я вамъ благодаренъ! Мы конечно будемъ встрѣчаться. Вы вѣдь, безъ сомнѣнія, юристъ?—Нѣтъ, я иду на математическій факультетъ по чисто математическому разряду.— Но, все-таки, мы будемъ встрѣчаться. Неправда ли?— Конечно, отвѣчалъ я. Но, какая-то странная застѣнчивость помѣшала мнѣ спросить его фамилію. Встрѣчаться намъ однако въ университетскомъ коридорѣ не пришлось. Осенью университетъ былъ закрытъ на два года, и я, послѣ бесплодныхъ занятій математикой на дому въ теченіе года, перешелъ на второй курсъ юридическаго факультета Московскаго университета.

Лѣтомъ 1881 года послѣ тяжелаго огорченія, пережитаго мною вслѣдствіе ужасной смерти моего стараго и испытаннаго друга доктора Левковича, утонувшаго, при самой трагической обстановкѣ, въ водопадѣ на Иматрѣ, я поѣхалъ за границу, чтобы хоть немного привести въ порядокъ свои нервы. Въ одномъ купѣ со мною сидѣла дама среднихъ лѣтъ, съ которой мы разговорились. Въ ея манерахъ, способѣ выражаться, достоинствѣ и изящной простотѣ, съ которыми она себя держала, чувствовалась ся принадлежность не только къ высшему обществу, но и къ высокоразвитому кругу людей. Въ ея словахъ сквозили—разностороннее образованіе и вдумчивость въ такіе вопросы, про которые нашъ народъ говорить съ презрительной ироніей, что „это не женскаго ума дѣло“. Изъ мимолетныхъ ссылокъ ея на свои житейскія встрѣчи явствовало, что она подолгу живетъ въ чужихъ краяхъ и при томъ не какъ простая туристка или любительница „заграницы“, подобно многимъ изъ безнечальныхъ россіянъ, но играетъ тамъ въ политическихъ и литературнымъ кругахъ нѣкоторую роль, въ качествѣ защитницы достоинства и достоинствъ—иногда понимаемыхъ нѣсколько своеобразно—своей родины, Россіи. Живя довольно долго въ Англии, она изъ своего „далека“ видѣла многое въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ и не обо всѣхъ выдающихся людяхъ и важныхъ обстоятельствахъ русской жизни высказывала вѣрные взгляды. Но искренность и горячность убѣжденій, сквозившія въ ея рѣчи, заставляли мириться съ этимъ стремленіемъ повѣрить въ „нашъ возвышающій об-

*

манъ“. Это была супруга одного изъ петербургскихъ сановниковъ, много писавшая о Россіи на англійскомъ языкѣ. Раздѣляя взгляды Каткова на наши внутреннія дѣла и его предвзятый взглядъ на людей, съ нимъ не единомышленныхъ, она была немало удивлена, узнавъ, что ея спутникъ, котораго она со словъ „Московскихъ Вѣдомостей“ представляла себѣ „потрясателемъ основъ“, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ таковымъ не оказывался и былъ чуждъ всякой партійной окраски. Мы должны были разстаться въ Вержоловѣ, такъ какъ она упустила визировать свой паспортъ, что тогда требовалось со стороны Пруссіи въ видѣ нѣкоторой репрессалии,—и должна была остаться на границѣ впредь до полученія вида изъ ближайшаго губернскаго города Ковно. Мы обмѣнялись письмами, а осенью, пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ Hôtel de France, она просила меня посѣтить ее. Придя на это приглашеніе, я засталъ ее въ оживленномъ разговорѣ съ молодымъ еще, красивымъ и стройнымъ генераль-адъютантомъ съ Георгіемъ на шеѣ. Въ отвѣтъ на мой поклонъ, онъ протянулъ мнѣ руку, что, вѣроятно, дало хозяйкѣ поводъ думать, что мы знакомы, и она не назвала насъ одного другому.

Я вспоминаю, по этому поводу, что въ Москвѣ время моей молодости, въ нѣкоторыхъ кругахъ существовалъ странный обычай не представлять другъ другу гостей, и это вызывало иногда недоразумѣнія, не лишеныя комизма. Такъ, я помню, что за ужиномъ у извѣстнаго писателя Писемскаго, въ его пріемный вечеръ, одинъ изъ гостей сталъ весьма рѣшительно и ѣдко критиковать барельефы на памятникѣ Императора Николая работы Рамазанова, не зная, что противъ него сидитъ и его съ болѣзненнымъ вниманіемъ слушаетъ самъ Рамазановъ. Я былъ свидѣтелемъ и другого случая, относящагося къ категоріи тѣхъ, въ которыхъ страшно жалѣешь, что не отсутствуешь, дабы не быть очевидцемъ неловкаго, чтобъ не сказать болѣе, положенія, въ которое иногда попадаютъ люди. Во времена моего студенчества—въ Москвѣ жилъ довольно извѣстный романистъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ, написавшій серію романовъ подъ названіемъ „Приключенія изъ моря житейскаго“ и занимавшій должность директора Оружейной палаты. Онъ приходился мнѣ двоюроднымъ дядей со стороны матери, былъ чрезвычайно интересный и разносторонній человекъ,—занимался между прочимъ санскритскимъ языкомъ и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ,—переложилъ „Слово о полку Игоревѣ“ и доказывалъ болѣе своеобразно, чѣмъ убѣдительно, что не только вся Германія—славянская земля, но что даже и Атила былъ великій князь Киевскій („Атила и Русь

У вѣка“). Въ его обширномъ кабинетѣ въ казенномъ домѣ въ Левшинскомъ переулкѣ собирались его старые боевые сослуживцы (онъ учился въ школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ), военные сенаторы баронъ Ховенъ и Колюбакинъ, и писатели. Изъ послѣднихъ чаще всего бывали Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Чаевъ и Даль. Однажды зимой 1863 года жена дяди, Елена Ивановна Вельтманъ, урожденная Сабанѣева—очень умная и развитая женщина, авторъ двухъ историческихъ романовъ,—написала мнѣ, что вечеромъ у нихъ будетъ ея старый знакомый докторъ, прїѣхавшій изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, рассказывающій очень интересныя вещи объ этомъ, тогда еще очень мало извѣстномъ краѣ. Она звала меня послушать прїѣзжаго къ восьми часамъ вечера, но я, занятый даваніемъ уроковъ, опоздалъ и пришелъ въ то время, когда докторъ окончилъ свой рассказъ. Я засталъ тотъ психологическій моментъ, когда рассказчикъ, очутившись впервые среди незнакомыхъ дотолѣ людей, чувствуетъ и сознаетъ, что заинтересовалъ всѣхъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе. Докторъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, въ непринужденной позѣ, съ оживленнымъ лицомъ и блестящими глазами. Противъ него, въ разстояніи аршина съ небольшимъ, сидѣлъ глубоко ушедшій въ кресло, съ костылемъ въ рукахъ, московскій старожилъ, извѣстный русскій историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ, съ клинообразной, беспорядочной бородой на умномъ лицѣ съ крупными чертами. Это было въ томъ году, въ которомъ съ 1-го января „Московскія Вѣдомости“ начали издаваться подъ редакціей Каткова и пріобрѣли необыкновенное вліяніе въ обществѣ, національное сознание котораго было приподнято и встревожено яркими и сильными статьями новаго редактора по поводу польскаго возстанія. Въ этихъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Погодинъ сталъ помѣщать своеобразныя фельетоны, подписывая ихъ „русской“. Въ нихъ, отрывистымъ и quasi-народнымъ языкомъ, онъ высказывался по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ общественное мнѣніе, съ пафосомъ болтливаго прямодушія. Помнится,—хотя и не дословно—что, напримѣръ, одинъ изъ такихъ фельетоновъ онъ оканчивалъ обращенной къ Монарху просьбой бросить гнилое болото Петербурга и переселиться въ Москву, восклицая отъ лица москвичей: „Ужъ какъ бы мы Тебя, батюшка—Царь, встрѣтили! поднесли бы хлѣбъ-соль и кашу—мать нашу! Э! да что тутъ много толковать: мы Твои, а Ты нашъ! Ура!.. —„Это очень интересно, все что вы намъ рассказали—прервалъ молчаніе Погодинъ, обращаясь къ доктору—очень интересно,— я очень благодаренъ Еленѣ Ивановнѣ, что она меня пригласила“. — Онъ помолчалъ.—„А скажите, какъ у васъ тамъ, въ Сибири, приняты

„Московскія Вѣдомости“ подъ редакціей Каткова? нравятся?“—„Да! конечно,—отвѣчала сибирскій гость,—ихъ читають съ большимъ сочувствіемъ и имъ можно предсказать прочный успѣхъ, если только Катковъ поведетъ дѣло разумно и не будетъ, напримѣръ, помѣщать у себя шутовскихъ фельетоновъ этого стараго безумца Погодина! (онъ выразился еще сильнѣе)“.—Хозяйка поблѣднѣла, какъ полотно,—наступила мертвая тишина, такая тишина, при которой, какъ говорятъ нѣмцы „man hört wie die Wolken ziehen“. Погодинъ уставился глазами на доктора, потомъ мотнулъ головой, машинально скомкалъ рукою бороду и опустилъ голову на свой костыль. Среди внезапно наступившаго зловѣщаго молчанія почувствовалось, что многіе изъ присутствующихъ предпочли бы лучше на нѣсколько минутъ провалиться сквозь землю, чѣмъ созерцать создавшееся положеніе, особенно тяжкое для пріѣзжаго доктора, позабывшаго, въ увлеченіи успѣха, что „блаженъ, кто словомъ твердо править“... Взглянувъ въ лицо хозяйки, онъ понялъ, что сказала что-то совершенно недопустимое, и конечно догадался въ чемъ дѣло. Растерянно посмотрѣвъ кругомъ, онъ пробормоталъ что-то невнятное, поднялся, взялъ свою фуражку съ сосѣдняго стола, поспѣшно вышелъ изъ комнаты и совсѣмъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. „Пойдемте, господа, пить чай!“ сказала хозяйка дрожащимъ и упавшимъ голосомъ, и всѣ поднялись...

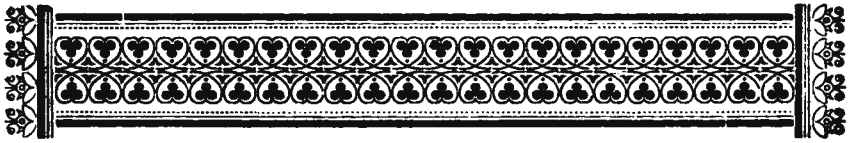
Возвращаясь однако къ незнакомому мнѣ генералу, встрѣченному мною въ Hôtel de France.

„Вотъ—сказала хозяйка генералу, очевидно продолжая начатый разговоръ—однако какія вещи пишутъ въ Англии лэди (она назвала фамилію, которую я въ точности не могу припомнить) о генералѣ Гурко. Очень непріятно, если это хоть отчасти правда. Она пишетъ, будто Гурко, занявъ Адрианополь въ прошлую войну, велѣлъ очистить бывшій въ ея завѣдованіи англо-турецкій госпиталь, а ей, когда она пришла объясняться, плюнулъ въ лицо. Неужели это правда? Англичане, къ сожалѣнію, этому вѣрятъ!—О, нѣтъ, сказалъ холоднымъ тономъ генераль-адъютантъ. Лэди—и онъ пріостановился—вошла въ противорѣчіе съ истиной. Дѣло было такъ: войдя въ Адрианополь и имѣя массу раненыхъ людей, Гурко просилъ очистить для нихъ часть госпиталя, постѣснивъ нѣсколько другихъ больныхъ, но Lady... явилась къ нему, наговорила ему массу дерзости и потребовала конвою до румынскихъ аванпостовъ, бросивъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ больныхъ на произволь судьбы. Гурко былъ съ нею отмѣнно вѣжливъ и долготерпѣливъ, и въ лицо ей плевать и не думалъ. Я конечно его въ этой исторіи не одобряю“.— „Какъ!—воскликнулъ я невольно,—не одобряете? Но, что же онъ дур-

ного сдѣлать? Его, кажется, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, судя по вашему разсказу“.—Генераль повернулъ ко мнѣ свое красивое, выхоленное лицо и сказалъ съ утонченною мягкостью и любезностью: „вы меня не совсѣмъ поняли: я не одобряю потому, что самъ поступилъ бы совершенно иначе“—и глаза его блеснули недобрымъ свѣтомъ и длинныя, красивыя пальцы судорожно сжались. „Я выбросилъ бы всѣхъ турокъ изъ лазарета и взялъ бы его подъ своихъ людей, а эту лэди за всѣ ея недопустимыя и дерзкія выходки приказалъ бы арестовать и возилъ бы въ своемъ арріергардѣ до конца войны“... Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, что мнѣ показалось, что красивый генераль внезапно выпустилъ когти, какъ проснувшійся левъ—и снова ихъ спряталъ... Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. „А вы давно знакомы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?“—спросила меня хозяйка. Тутъ только, услышавъ это имя и отчество, я понялъ, что вижу предъ собою Скобелева, котораго, судя по весьма популярнымъ карточкамъ и портретамъ, я рисовалъ себѣ плечистымъ, полнымъ и меньшаго роста. „Я въ первый разъ имѣю честь встрѣчаться съ Михаиломъ Дмитріевичемъ“.—Будто въ первый? сказалъ Скобелевъ, улыбувшись—и на мой недоумѣвающій взглядъ—прибавилъ: а помните экзамень изъ тригонометріи въ университетѣ?.. вѣдь это былъ я“!

А. Ө. Кони.

Переписка Крала IX-го съ самозванцами.

Г. В. Форстенъ очень мѣтко назвалъ поведеніе Швеціи въ Смутное время политикою выжиданій ¹⁾. Эти выжиданія, какъ обыкновенно случается, сопряжены были съ полною готовностью примкнуть къ той партіи, которая, одолѣвъ другихъ, сдѣлала бы самыя выгодныя условія для Швеціи. Доказательствомъ высказаннаго мнѣнія могутъ служить письма Карла IX-го къ обоимъ самозванцамъ, Дмитрію I и II. Были ли они отосланы по назначенію или нѣтъ, и, въ случаѣ доставленія, какія они имѣли послѣдствія, трудно опредѣлить. Письма эти хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Стокгольмѣ. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они не только открываютъ политику Карла IX-го, но и выясняютъ положеніе самозванцевъ въ Россіи.

Шведскій король, какъ и многіе другіе правители, сильно интересовался Дмитріемъ. Недоумѣвая на его счетъ, онъ поручилъ своимъ комиссарамъ въ Финляндіи навести справки объ этой загадочной личности. Врядъ-ли имъ удалось доставить королю убѣдительныя свѣдѣнія о царскомъ происхожденіи перваго самозванца, но Карлу IX было на-руку почитать его достовѣрнымъ, и онъ ничѣмъ не стѣснялся.

Самъ Дмитрій, въ качествѣ польскаго посаженника, не могъ мирволить Карлу IX-у, сопернику Сигизмунда III и злѣйшему его врагу. Онъ былъ связанъ данными въ Варшавѣ обѣщаніями и долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени ихъ придерживаться. Имѣется даже на лицо и въ итальянскихъ архивахъ часто встрѣчается посланіе Дмитрія къ Карлу IX-у. Оно до такой степени дерзко, что становится даже крайне подозрительнымъ. Во всякомъ случаѣ, надо предположить, что оно осталось неизвѣстнымъ

¹⁾ *Балтійскій Вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, т. II, стр. 67.

шведскому королю, ибо онъ дважды обращался къ Дмитрію, 2-го августа и въ октябрѣ 1605-го года, и оба раза въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ ¹⁾).

Начать съ того, что онъ признаетъ за новымъ московскимъ правителемъ царскій титулъ, которымъ такъ возмущался Сигизмундъ III, и преклоняется передъ истиннымъ якобы сыномъ царя Ивана IV, счастливо избавившимся отъ Бориса Годунова.

Заручившись такимъ образомъ благорасположеніемъ Дмитрія, Карль IX приступаетъ къ главному предмету своего письма и проситъ Дмитрія подтвердить заключенный въ 1595-мъ году тязвинскій миръ. Условіями этого договора онъ очень дорожилъ. Въ силу ихъ вся Эстляндія съ городами и замками переходила къ шведамъ. Московскій царь терялъ какое-либо право на нее, ему возвращали лишь Кексгольмъ съ своимъ округомъ. Кромѣ того свободная якобы торговля между Швеціею и Россіею такъ разграничивалась, что всевозможныя льготы предоставлялись первой къ немалому ущербу второй. Иностранцы ловко отстранялись отъ сношеній съ русскими, и торговля сосредоточивалась въ рукахъ шведовъ, которые впрочемъ обѣщали не препятствовать въѣзду въ Россію иноземныхъ докторовъ и всякаго рода ремесленниковъ ²⁾).

Русскіе полномоченные согласились на эти условія, но въ Москвѣ къ нимъ отнеслись осторожнѣе. Карль IX-й жалуется, что Борисъ Годуновъ отвергалъ этотъ договоръ, и, глухо ссылаясь на обѣщанія царя Ѳедора, проситъ прислать уполномоченныхъ въ Систербекъ для обоюднаго окончательнаго соглашенія. Послѣдствіемъ подтвержденія тязвинскаго мира было бы установленіе взаимной дружбы на вѣчныя времена.

Первое посланіе вѣроятно не дошло до Дмитрія, ибо въ октябрѣ того же 1605-го года Карль IX снова обращается къ нему съ тождественнымъ посланіемъ.

Слѣдовъ отвѣта опять-таки не имѣется. Повидимому, Дмитрій не успѣлъ усвоить себѣ особой, личной политики касательно Швеціи. Данныя Сигизмунду обѣщанія онъ не спѣшилъ приводить въ исполненіе и отлагалъ рѣшеніе вопроса до пріѣзда шведскихъ пословъ, который однако-жь, какъ извѣстно, не состоялся.

Признавъ перваго Дмитрія въ 1605 году, Карль IX-й, бывший союзникъ Василя Шуйскаго, не усумнился признать и втораго или даже третьяго, ибо посланіе его отъ 27-го февраля 1611-го года писано послѣ убіенія одного и передъ появленіемъ другаго ³⁾. Очень

¹⁾ Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, *Riksregistraturet för 1605*.

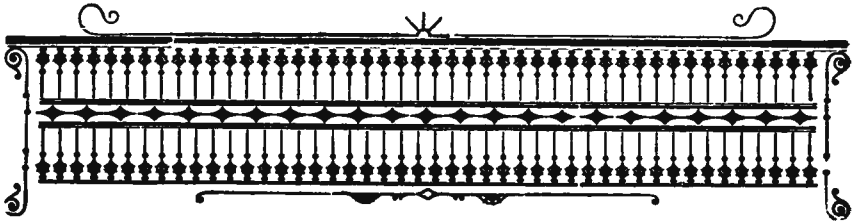
²⁾ Форстенъ, *loco citato*, т. II, стр. 53.

³⁾ Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, *Muscovitica* 1594—1632.

можетъ быть, что вѣсть о кровавой калужской развязкѣ тогда еще не дошла до него. Изъ самаго посланія не видно, почиталъ ли шведскій король московскаго государя за новаго царя или за возвращающагося на престолъ перваго Димитрія. Здѣсь опять встрѣчается то же обиліе титуловъ и кромѣ того предлагается союзъ противъ общаго врага Сигизмунда III-го. „Царю и Самодержцу“ Карль IX-й разоблачаетъ коварные планы поляковъ и литовцевъ, которые вмѣстѣ съ испанцами, папою и іезуитами, мечтають о совершенномъ подчиненіи себѣ Россіи. И, не довольствуясь общими намеками, онъ положительно заявляетъ, что къ Николину дню многочисленное польско-испанское войско вторгнется въ московскіе предѣлы. Для отраженія испанскаго десанта онъ готовъ пустить въ ходъ весь шведскій флотъ, пусть только Димитрій пришлетъ своихъ пословъ для предварительныхъ переговоровъ. Только теперь Карль IX-ый уже не ссылается на тязвинскій миръ, а на болѣе выгодный для него выборгскій договоръ, заключенный съ Василиемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ февралѣ 1609-го года. Королевское посланіе осталось безъ отвѣта, но это не помѣшало Якову Делагарди захватить Новгородъ въ томъ же 1611-мъ году.

П. Пирлингъ.

Встрѣчи на жизненномъ пути.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

то было въ Римѣ, въ половинѣ пятидесятихъ годовъ. На Монте-Пинчіо, залитомъ декабрьскимъ солнцемъ, прогуливалось двое русскихъ. Одинъ былъ средняго роста, худощавъ, съ жидкою остrokонечною темною бородкою на болѣзненно-желтомъ лицѣ, съ карими, не безъ лукавства,—глазами. На ходу онъ подавался нѣсколько впередъ, особенно подавалась сухая шея, а голова откидывалась назадъ и чуть-чуть покачивалась. Другой, гораздо выше, плотный, съ крупнымъ носомъ на толстомъ лицѣ, крошечными свѣтлыми глазками и такими же усиками, держался прямо и выступалъ твердою военною поступью. На немъ было сѣрое офицерское пальто (первой реформы новаго царствованія), съ клапаномъ позади, только безъ металлическихъ пуговицъ. Первый мнѣ былъ знакомъ по Петербургу, второго я въ первый разъ видѣлъ.

Они поровнялись съ моею скамьею.

— Да это Ковалевскій!—проговорилъ сильнымъ голосомъ знакомый.

— Здравствуйте, Николай Алексѣевичъ.

— Здравствуйте, отецъ! Вотъ гдѣ встрѣтились! Хорошо у васъ тутъ!.. А его знаете?

И Некрасовъ указалъ на незнакомаго.

— Не имѣю удовольствія..

— Ну, такъ имѣйте: это Фетъ, Аеонасій Аеонасьевичъ, а понашему Фегушка. Любите и жалуйте.

Кого угодно только не автора изящнѣйшихъ и воздушныхъ стиховъ ожидалъ я увидѣть въ такомъ воплощеніи!..

Съ этихъ поръ началось мое знакомство съ Фетомъ и закрѣпилось съ Некрасовымъ.

Остановился Некрасовъ въ одномъ изъ первыхъ отелей на Испанской площади, гдѣ я и навѣстилъ его на другой же день. Встрѣтила меня нарядная и эффектная брюнетка, тоже извѣстная мнѣ по Петербургу,—его самого не было дома... Эта неожиданная встрѣча, этотъ отель и эта красивая женщина, вызвали невольно изъ памяти первую мою встрѣчу Некрасова на Невскомъ проспектѣ, дрогнушаго въ глубокую осень въ легкомъ пальто и ненадежныхъ сапогахъ, помнится, даже въ соломенной шляпѣ съ толкучаго рынка... То былъ и не совсѣмъ еще Некрасовъ, а только Перепельскій, передѣлыватель водевилей съ французскаго, котораго онъ не зналъ, или Н. Н.—авторъ „статеекъ въ стихахъ безъ картинокъ“... Потомъ я встрѣчаю его на обѣдахъ у моего дяди Егора Петровича,—совсѣмъ Некрасовымъ,—сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ по всѣмъ отдѣламъ, даже рецензентомъ, отбивающимъ работу у Бѣлинскаго, потому что работалъ сходнѣе,—а редакторъ Краевскій сходную работу предпочиталъ всякой другой. Приѣзжали они, сходный сотрудникъ и любитель сходныхъ сотрудниковъ вмѣстѣ, „на его коштѣ“, говорилъ онъ. Редакторъ уже тогда былъ чугунно-монументаленъ и невозмутимо твердъ (такимъ онъ, должно быть, и родился); придерживался онъ людей и разговоровъ солидныхъ. Сотрудникъ тотчасъ послѣ обѣда убѣгалъ отъ тѣхъ и другихъ къ нашей братіи молодежи, протягивался въ креслѣ и ноги укладывалъ на столъ. Онъ говорилъ намъ стихи, зачеркнутые цензурой, пародіи, куплеты, подсмѣивался надъ монументальностью „Андрея“,—иначе онъ не называлъ Краевскаго; былъ вообще молодо-сообщителенъ и простъ, не взирая на начинающуюся извѣстность, далеко превзошедшую Андрееву.

Вслѣдъ затѣмъ я видѣлъ его въ коляскѣ, щеголявшего модными жилетами и красивою нарядною женою Панаева. На коштѣ послѣдняго онъ осуществилъ расколъ съ Андреемъ, отъ котораго всѣ лучшія силы „Отечественныхъ Записокъ“ перешли въ „Современникъ“, арендованный у Плетнева на заложенные въ опекуновомъ совѣтѣ Панаевскія крѣпостныя души. А далѣе онъ самъ ѣздилъ въ той же коляскѣ, которая уже была коляскою не Панаева, вдвоемъ съ красивой женою Панаева, которая тоже перестала быть женою Панаева...

Теперь Некрасовъ вмѣстѣ съ нею приѣхалъ въ Римъ,—„помирать“, пронизировалъ онъ надъ собою: „лѣкаря за этимъ самымъ послали. Ну, да авось либо еще надумемъ,—не умремъ...“ И онъ дѣйствительно надулъ: отъ горловой чахотки, которую у него от-

крыли въ Петербургѣ, вылѣчился на Монте-Пинчіо въ Римѣ и воротился здоровымъ домой.

Его спутникъ „Фетушка“ пріѣхалъ не лѣчиться, даже не могъ заболѣть въ невозможной темной и холодной квартирѣ, какую онъ одинъ способенъ былъ нанять въ совершенно темномъ и холодномъ какъ погребъ переулкѣ, но сохранилъ привезенное съ собою вожделѣнное здоровье. На Пинчіо онъ выходилъ только передъ закатомъ солнца, да и то потому, что тамъ гремѣла въ это время военная музыка. Восходъ солнца Фетъ наблюдалъ изъ своей спальни.

— Вижу, — рассказывалъ онъ, — солнце всходитъ. Протираю глаза,—а это оно въ оконную щель... да такъ таки какъ слѣдуетъ, вотъ какъ на Риги всходитъ... Котятя тоже въ щели лазаютъ, ей-Богу.

Разумѣется, холодъ въ такой спальнѣ былъ страшный.

— Вотъ толковали,—тепло, а у насъ не въ примѣръ теплѣе,—вывелъ заключение Фетъ.

По вечерамъ сходились у Некрасова или у меня.

— И отчего это у васъ тепло?—удивлялся назябшійся дома Фетъ:—у меня холодъ просто гиперборейскій.

— Оттого, что у насъ солнце грѣетъ цѣлый день, а у васъ только всходить и вдобавокъ въ щели... У насъ ни котятъ, ни солнечныхъ восходовъ нѣтъ, оттого, что нѣтъ щелей...

— Ну, ужъ будто бы и оттого?—не довѣрялъ онъ.—Я вотъ съ утра до вечера жарю чугунокъ, и то не теплѣетъ, только голова трещитъ. Нѣтъ, у насъ лучше...

Но благодушный поэтъ писалъ и подъ этотъ угаръ прелестныя стихи, большею частью самъ того не подозревая.

— А ну-те-ко, Фетушка, похвастайте, что вы сочинили сегодня,—обращался къ нему за вечернимъ чаемъ Некрасовъ.

И Фетъ вынималъ изъ бокового кармана свою записную книжечку.

— Должно быть, ерунда!—опасался онъ.

— Прочитайте, скажемъ, коли ерунда, не утаимъ.

Оказывалось удивительное по гармоніи и изяществу лирическое стихотвореніе. Мы хвалимъ, Фетъ удивляется,—онъ ждалъ, что обругаемъ.

Другой разъ онъ доволенъ,—оказывается—ерунда.

— Вотъ подите же, угадайте!—недоумѣваетъ онъ.

Точно ли Фетъ всегда не зналъ, что будетъ пѣть, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“), или притворялся, чтобы вызвать смѣхъ, которымъ обыкновенно сопровождалось его присутствіе въ близкомъ кругу; но только онъ выдерживалъ это исправно.

Спокойное наивное выраженіе его лица въ такихъ случаяхъ дополняло комизмъ того, что онъ говорилъ. А говорилъ онъ вещи уморительныя: напримѣръ, передавалъ подвиги кавалеристовъ по морской части во время блокады англійскимъ флотомъ нашихъ береговъ. Служилъ онъ тогда въ уланахъ. Вотъ получаетъ онъ приказъ: собрать эскадронъ,—топить суда въ Ревелѣ.

— Собралъ я эскадронъ. Привелъ къ морю. Людей спѣшили и велю по командѣ топить суда.

— „А какъ ихъ топить?—разсказывалъ Феть,—ни я, никто не знаетъ“.

— Велите, вашскородіе, по бортамъ окошки рубить надъ водой,—посоветовалъ вахмистръ.

— „Рубить“—скомандовалъ я. Стали рубить. Рубять, а судно не тонетъ.

— Раскачать надо,—вода набѣжить, безпремѣнно потопить,—советуетъ опять вахмистръ.

— „Раскачивай, ребята“. И весь эскадронъ принялся качать судно, все не тонетъ. Что тутъ дѣлать. А нѣмцы шельмы стоятъ на берегу и смѣются.

— „Взять сюда нѣмца! привести!“—скомандовалъ я. Привели.

„Какъ топить судно слѣдуетъ“?—спрашиваю.

— Да не такъ, какъ вы топите! Вы людей-то, пожалуй, потопите, а судно нѣтъ,—ломается нѣмецъ.

— „Фухтелей ему“, командую:—„говори, нѣмецъ!“

— „Провертите въ дни дыру, разомъ потонетъ, только убѣжать успѣвайте“,—испугался, научилъ, спасибо, нѣмецъ.

— „И точно, какъ только провертѣли, такъ судно и пошло на нашихъ глазахъ ко дну,—насилу мои уланы удрать успѣли“...

Или повѣствованіе о необычайной образованности артиллеристовъ.

Въ Елизаветградѣ знакомая цѣлому ряду поколѣній офицеровъ жидовка содержитъ трактиръ у самаго вѣзда. Никто изъ военныхъ его не минуешь. Даже корпусный командиръ и тотъ непременно отобѣдаетъ и непременно поразспросить у еврейки: что новенькаго? Какія проходили команды, и что дѣлали офицеры. Вотъ еврейка и примется разсказывать.

— Проходили, ваше превосходительство! много проходило,—и офицеровъ много было... На дняхъ были артиллеристы. Ахъ какіе милые, какіе образованные молодые люди. Такіе милые, такіе образованные, что того и сказать нельзя.

— Что же они такое, особенное дѣлали?—любопытствуетъ генераль.

— Ахъ, ваше превосходительство! Они тутъ *все* дѣлали: и ѣли—много ѣли! и пили—ахъ, какъ только они много пили, просто *пре-листы!!*. Потомъ *тарѣлки, румки, пудильки—все* разбили—за *все заплатили!!*. Ахъ, какіе милые, какіе образованные молодые люди!!

— Надо бы перетащить Тургенева сюда!—не разъ говорилъ Некрасовъ и наконецъ поѣхалъ за нимъ въ Парижъ; но засталъ Тургенева больнымъ, при чемъ даже умилился и даже отчасти въ прегрѣшеніяхъ своихъ покаялся.

— Живеть бѣдный въ третьемъ этажѣ, даже лучшій докторъ не хочетъ его лѣчить: выше второго, говоритъ, не поднимаюсь. А мы-то на его счетъ наживаемся! Онъ намъ подписку дѣлаетъ, а самъ чуть не на чердакѣ больной лежитъ... Это выходитъ какъ бы ужъ и безсовѣстно...

Я знаю, что Тургеневу были высланы вслѣдъ за тѣмъ деньги изъ редакціи „Современника“, не знаю только, была ли то замедленная уплата за выполненную работу, или выдача за будущую...

У Некрасова такія движенія случались. Писателямъ далеко не такимъ крупнымъ, между прочимъ, Пальму, онъ выдавалъ впередъ довольно часто и по-долгу ядалъ отдачи рукописями. Смѣнившій его Салтыковъ гнѣвно принялся требовать отдачи, и самъ не ссу-жалъ впередъ...

Лучшаго редактора, какъ Некрасовъ, я не зналъ; едва-ли даже былъ у насъ другой такой же. Были люди свѣдущіе его, образованнѣе: Дружининъ, напримѣръ; но умнѣе, проникательнѣе и умѣлѣе въ сношеніяхъ съ писателями и читателями никого не было. Краевскій былъ просто толковымъ хозяиномъ литературной лавки со значительной приправой кулачества; литературнаго вкуса у него и духу не было. Некрасовъ былъ тонкаго обонянія редакторъ, эстетикъ, какихъ мало (хоть онъ и обязанъ былъ скрывать этотъ порокъ отъ столповъ своей редакціи, Чернышевскаго и Добролюбова). Эстетическую контрабанду онъ одинъ умѣлъ проносить въ журналъ черезъ такія таможенные заставы, какія воздвигнуты были отрицаніемъ искусства,—въ то время, когда.... „Рукописи съ направлениемъ“ стояли ему поперекъ горла.

— Нынче, жаловался онъ—развѣ лѣнивый пишетъ безъ направленія: а вотъ чтобы съ дарованіемъ, такъ не слышать что-то...

Статья и помимо содержанія должна читаться. Она обязана быть литературной,—и читается въ такомъ видѣ будетъ.

Знаніе вкуса читателей у него выражалось не безъ своеобразнаго юмора.

— Читатель вѣдь чего хочетъ. Онъ хочетъ, чтобы повѣсть была

поскучиѣ; серьезная, дескать, повѣсть, не какая-нибудь,—а ученая статья чтобъ была повеселѣе: онъ прочитаетъ ее можетъ...

Никогда онъ не ошибался въ выборѣ рукописей: „читаться будетъ“!—скажетъ и напечатаетъ. Смотришь, читаютъ точно. Ошибся онъ одинъ разъ, за то сильно, нехорошо и неразсчитливо ошибся, съ повѣстью Достоевскаго „Село Степанчиково“, которая была точно слаба, но которую тотъ привезъ съ собой изъ ссылки, и которую редакторъ „Современника“ ужъ по одному этому обязанъ былъ взять.

— Достоевскій вышелъ весь. Ему не написать ничего больше,—произнесъ Некрасовъ приговоръ—и ошибся: Достоевскій въ отвѣтъ взялъ да и написалъ „Записки изъ Мертваго Дома“ и „Преступленіе и Наказаніе“. Онъ только дѣлался „весь“. Некрасову на этотъ разъ чутье измѣнило.

Печальный случай этотъ имѣлъ и послѣдствія печальныя. Что „Современникъ“ добровольно потерялъ тѣ перлы, которые могли украсить его книжки, еще горе не особенное: онъ подбиралъ ихъ въ изобиліи у Льва Толстого, у Тургенева, Писемскаго, Островскаго... Но въ судьбѣ Достоевскаго, разбитаго каторгой, больного падучей болѣзью, озлобленнаго, щекотливаго и обидчиваго, отсюда пошелъ поворотъ, надѣвшій на весь остатокъ его жизни кандалы нужды и срочнаго труда... А онъ только что избавился отъ другихъ кандаловъ.

— Если такъ, рѣшилъ онъ,—я заведу свой собственный журналъ. И тоже ошибся.

При помощи родного брата Михаила Михайловича, собралъ онъ кое-какія средства: взялъ на себя отдѣлъ полемики: нападалъ, отбивался, грызся и грызъ; но положилъ въ это дѣло и свое здоровье и послѣднія средства свои и брата (человѣка семейнаго), остался за барьеромъ съ долгами, съ смертельнымъ недугомъ, нажитымъ въ Сибири, развившимся въ редакціи. Онъ сердился, а его противники смѣялись,—и смѣхъ побѣдилъ. Его журналъ „Эпоху“ Салтыковъ прозвалъ „юшкой“, а членовъ редакціи „стрижами“; самъ Некрасовъ помѣстилъ въ „Свисткѣ“ нѣсколько смѣшныхъ куплетовъ на счетъ „Сухихъ тумановъ“ и „Жителей луны“, по цѣлымъ мѣсяцамъ населявшихъ книжки журнала.

Когда же о сухихъ туманахъ

Статейку тиснешь невзначай,

Внезапно засвиститъ въ карманахъ.

Тогда ложись и умирай

повѣствоваль „Свистокъ“.

Надъ жителями луны издѣвались еще больше, даже не прочитавши статей; а онѣ затѣмъ именно и писались, чтобы доказать, что на лунѣ никакихъ жителей нѣтъ. Бѣдный Достоевскій отъ всего

этого страдалъ глубоко; слѣды непріязни „Современника“ видѣлъ тамъ, гдѣ ихъ быть могло не болѣе, чѣмъ жителей на лунѣ. Сломался въ типографіи какой-то валъ какъ разъ къ выходу сезонной книжки: рука „Современника“ и тутъ была,—она сломала валъ! безъ нея онъ не сломался бы!...

— Но вѣдь валы не въ одной вашей типографіи ломаются,—старались его успокоить.

— Ломаются, да-съ, но не къ выходу книжки! А тутъ именно къ выходу! и именно сезонной, передъ подпиской. Нѣтъ, тутъ не безъ руки „Современника“! нѣтъ! Для меня это совершенно ясно!

Больно и жалко было видѣть въ это время Достоевскаго. Онъ походилъ на затравленнаго, но все еще огрызающагося звѣря...

По возвращеніи изъ Италіи Некрасовъ не нашелъ еще въ Россіи начала первыхъ вольностей литературныхъ; онѣ пришли годомъ—двумя позже. Но когда онѣ пришли, пришло и окончательное его возвышеніе, какъ поэта и редактора. Только звонъ „Колокола“ изъ Лондона въ силахъ былъ покрывать собою „Свистокъ“ „Современника“, а руководящими статьями критическими, внутренняго обозрѣнія и иностранной политики руководствовалось, чуть не все отъ мала до велика, читающее общество...

Имя Панаева еще стояло на сиреневой оберткѣ журнала, но редакторство его ограничивалось держаніемъ корректуры и фельетономъ новаго поэта. Панаевъ еще жилъ на общей съ Некрасовымъ квартирѣ; но въ ней онъ занималъ уже одну комнату во дворѣ, а рядъ большихъ комнатъ на улицу принадлежалъ Некрасову. У послѣдняго была шапка—бойрка,—мода, появившаяся съ конца пятидесятихъ годовъ,—изъ такого темнаго и сѣдого соболя, что бѣдный Панаевъ, теперь обреченный на муки Танталя при видѣ всего моднаго, ему болѣе недоступнаго, готовъ былъ, по собственному сознанию, отдать нѣсколько лѣтъ жизни за эту шапку! Самый модный англичанинъ портной облакалъ теперь въ самыя отборныя издѣлія английскихъ мануфактуръ тѣло Некрасова, когда-то довольствовавшееся произведениями съ толкучаго рыжка, и самыя тонкіе обѣды подавались по нѣсколько разъ въ недѣлю самому разнообразному составу гостей когда-то голодавшимъ Некрасовымъ... Благодаря почти Чичиковской способности съ каждымъ говорить и обходиться соотвѣтственно его значенію, Некрасовъ дѣлилъ и гостей своихъ соотвѣтственно значенію обѣдовъ, или обѣды задавалъ соотвѣтственно значенію гостей. Такъ у него были обѣды для людей свѣтскихъ, преимущественно игроковъ, ничего общаго съ литературой не имѣвшихъ. Это были самыя тонкіе обѣды. За ними слѣдовали обѣды для знаменитыхъ литераторовъ, вносителей беллетристическихъ перловъ

въ сокровищницу „Современника“, съ редакціей имѣвшихъ мало общаго; потомъ обѣды редакціонныя, собиравшія къ столу постоянныхъ сотрудниковъ журнала; такія давались рѣдко, въ случаяхъ исключительныхъ; наконецъ, обѣды, которые можно было назвать эстетическими, гдѣ Некрасовъ, не сдерживаемый препятствіями „направленія“, позволялъ себѣ являться эстетикомъ по душѣ, отводя эту душу отъ обѣдовъ редакціонныхъ, для которыхъ эстетика запрятавалась такъ, чтобы и подозрѣнія о ней не было.

На эстетическихъ обѣдахъ бывало по два, по три человѣка, не болѣе: Дружининъ, Гончаровъ, иногда Григоровичъ. Тутъ хозяинъ читывалъ тѣ душевныя изліянія своей поэзіи, какимъ суждено было долго не появляться на свѣтъ. Для своего „Рыцаря на часъ“ онъ позвалъ только Дружинина и меня и прочелъ со слезами въ голосѣ этотъ покаянный вопль своей грѣховной души...

Читалъ онъ всегда все (кромѣ самыхъ крупныхъ вещей) наизусть. Память у него была удивительная, а писалъ онъ необыкновенно легко.

— Я запрудилъ бы стихами литературу, — говаривалъ онъ, — если бы только далъ себѣ волю.

Изъ обѣдовъ, задававшихся вносителямъ перловъ, мнѣ остался памятникъ другихъ тотъ, на которомъ я познакомился съ Тургеневымъ. Обѣдъ этотъ могъ бы быть названъ выставкою цвѣта русской литературы. Выбившись изъ подъ Николаевского снѣга сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, она отходила теперь на весеннемъ солнышкѣ первыхъ вольностей воцарившагося Александра. Тутъ были: печатавшій своего „Обломова“ Гончаровъ — кругленькій, пухлый, съ сонливо-спокойнымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ изъ-подъ широкихъ вѣкъ въ ячменяхъ; Писемскій, — съ лицомъ, какъ самоваръ изъ красной мѣди, и черными на выкатъ, какъ уголья, глазами, — Писемскій — „Тысячи Душъ“ и „Горькой судьбины“; рыжеватый и бѣлый, какъ банщикъ, или молодецъ изъ лабаза, — Островскій — „Любима Торцова“, огромный Тургеневъ — „Дворянскаго гнѣзда“, которое уже набиралось для „Современника“; сухой, длинный, съ длиннымъ лицомъ, всячими волосами и бородою Полонскій — „Кузнечика-Музыканта“, тоже длинный, но пооткормленный или брюзглѣе, съ подслѣповатыми вѣчно потупленными глазками Дружининъ, редактирующій „Библиотеку для чтенія“; похожій на маркера Панаевъ — новый поэтъ „Современника“: прозванный имъ „critique fin“ Анненковъ, пучеглазый, съ кувшиннымъ рыломъ, получившій свой свѣтъ отъ большихъ солнцъ литературы, около которыхъ неустанно вращался: Московскій краснобай, остроумный и стародавній, теперь залово реставрированный писатель, Павловъ, въ высокомъ, намотанномъ вокругъ шеи

галстухѣ по модѣ тридцатыхъ годовъ: наконецъ два самыхъ яркихъ представителя только-что народившейся породы „новыхъ людей“—будущихъ нигилистовъ,—Чернышевскій, маленькій, блѣдный и худой, въ золотыхъ очкахъ, съ тонкими чертами лица и длинными свѣтлыми волосами, и Добролюбовъ,—высокій съ волосами довольно темными, крупными чертами лица (строгаго педагога или протестантскаго пастора)—тоже въ очкахъ. Оба съ ироническимъ отношеніемъ къ окружающему. Молчаніе было съ ихъ стороны отвѣтомъ на все, что ни говорилось. Одинъ разъ только пошутилъ вслухъ Добролюбовъ и то по адресу своего сосѣда Чернышевскаго, когда заговорили о какомъ-то стихотворцѣ, который писалъ оды Николаю и ходатайствовалъ о переименованіи его настоящей фамиліи въ фамилію Николаевскаго.

— Какъ переименовали Грязную улицу,—вставилъ Добролюбовъ.

Улица эта недавно была изъ Грязной переименована въ Николаевскую.

Анненковъ увидѣлъ возможность совершить вращеніе въ сторону восходящихъ солнць: поднялъ надъ тарелкою ладони и изобразилъ ими рукоплесканіе. Но тамъ это не было даже замѣчено.

Некрасовъ разливалъ супъ въ головѣ длиннаго стола, Панаевъ,—въ хвостѣ накладывалъ щи. Разговоромъ съ понаторѣлостью москвича и свѣтскаго человѣка, завладѣлъ Павловъ, не стѣняясь сосѣдствомъ Тургенева, первенство котораго, на то время безпрекословно признанное, такимъ образомъ какъ бы упразднялось. Иванъ Сергѣевичъ дѣлалъ видъ, что тѣмъ лучше для него, пусть эту тяготу берутъ на себя другіе. Онъ прижималъ високъ концами пальцевъ и жаловался на мигрень. Напрасно пытались его развлечь и увлечь разговоромъ, который, по общей участи разговоровъ русскихъ людей, будь они сама соль земли,—никакъ не переходитъ въ увлекательный. Тщетно подносили Тургеневу вазу съ буше-де-дамъ, которые лакомый Панаевъ называлъ „услугою жизни“: онъ ото всего отказывался, капризничалъ, какъ женщина, и пришепетывалъ, какъ дитя. Послѣ обѣда онъ повалился на широчайшее кожаное пате, усадилъ рядомъ Полонскаго и принялся разспрашивать, что его жена? Полонскій привезъ тогда изъ Парижа свою прелестную первую жену, веселую и щебетавшую, какъ птичка.

Знакомство наше съ И. С. на этотъ разъ ограничилось обмѣномъ тѣхъ пошлостей, отъ которыхъ не краснѣютъ только потому, что онѣ говорятся при первомъ знакомствѣ. Началось же оно и не совсѣмъ благополучно, съ того достопамятнаго вечера, когда В. П. Анненкову вздумалось сюрпризомъ привести Тургенева къ намъ.

Павель Васильевичъ былъ своего рода литературнымъ оруже-

*

носцемъ Ивана Сергѣевича и въ этомъ качествѣ несомнѣнно перейдетъ въ потомство, вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ испанскимъ собратомъ. Онъ отвелъ въ себѣ помещеніе для всего, что касалось его рыцаря; часто самъ Тургеневъ отсылалъ къ нему за разрѣшеніемъ своихъ личныхъ вопросовъ: „спросите у Анненкова, онъ это лучше знаетъ“.

Анненкову не терпѣлось показать Тургенева поближе, и вотъ онъ привелъ его прямо вечеромъ, когда у насъ собирались запросто. Сидѣли Фетъ, Григоровичъ и Дружининъ. Вдругъ вбѣгаетъ Анненковъ, съ глазами, ужъ и въ спокойномъ-то состояніи достаточно выпученными, но теперь просто выскакивавшими изъ головы и, въ томъ возбужденіи, въ какомъ находится носитель чего-то необычайнаго,—воскликаетъ: „кого я съ собою привелъ!. Угадайте. Пари держу, не угадаете!“

— Разумѣется, *Тургеньева!*—протянулъ мягкимъ своимъ произношеніемъ Дружининъ.

— Ивана Сергѣевича! Да, дорогого гостя! кричалъ радостно Анненковъ:—онъ поднимается себѣ потихонько, а я такъ залпомъ взбѣжалъ на лѣстницу.

— Какъ оно и подобаешь въ ваши молодые годы—вставилъ Дружининъ.

Анненковъ былъ лѣтъ на десять старше Тургенева.

Онъ суетился. Ему хотѣлось весь домъ поднять на ноги.

— Дорогой гость! Вотъ ужъ дорогой-то гость!—возбуждалъ онъ присутствующихъ. Наконецъ таки не выдержалъ,—выбѣжалъ въ прихожую и оттуда съ торжествомъ ввелъ Тургенева.

Но домъ ли недостаточно поднялся, или не было той стѣны женскихъ юпокъ, которая тотчасъ возникала вокругъ, куда онъ ни показывался (ахъ, Иванъ Сергѣевичъ! *cet adorable* И. С.! очаровательный И. С!.. ахъ, И. С!.. охъ И. С!..“),—только лицо дорогого гостя приняло сразу выраженіе неудовлетворенное, не то усталое, опять угрожающее мигренью.

На всѣхъ точно капля горькая упала. Анненковъ даромъ растрачивалъ свою игривость; наивныя выходки Фета, которыя въ другое время удостоивались даже перехода цѣликомъ на страницы произведеній И. С., едва снискивали его снисходительное прощеніе. Долѣ другихъ не истощался вообще неистощимый Григоровичъ. Онъ пробовалъ пустить въ ходъ, кромѣ самого себя, наши альбомы, стараясь придать рисункамъ значеніе преувеличенное, но и тѣ не получили ничего, кромѣ снисхожденія. За чаемъ И. С. находился уже окончательно во власти мигрени, не отрывалъ рукъ отъ висковъ, почти не слушалъ обращаемыхъ къ нему словъ и довольно

рано всталъ и церемонно распростился. Огорченный Анненковъ послѣдовалъ за нимъ.

Тѣмъ, которые остались, вдругъ сдѣлалось стыдно,—точно они провинились чѣмъ-то; невольное чувство при видѣ неловкости или несправедливости другого.

— Чортъ знаетъ, право, что за человѣкъ этотъ Иванъ Сергѣевичъ!— первый заговорилъ Дружининъ. Милѣйшее въ мірѣ существо, а надѣлаетъ вдругъ такихъ пакостей, какъ никто! И вѣдь всегда почти для перваго знакомства. Просто даже досадно. Вы вправѣ о немъ думать теперь, какъ о величайшемъ невѣжѣ. И все оттого, что никакъ не можетъ спроста,—непремѣнно надо для начала помолаться.

Вслѣдъ за Дружининимъ заговорили другіе, и всякій привелъ нѣсколько случаевъ такихъ же шероховатыхъ началъ знакомства съ Тургеневымъ, переходившихъ потомъ въ самыя задушевные... Отъ человѣка обратились къ писателю. И здѣсь опять Дружининимъ обнаружена была храбрость, несвойственная—соприкасавшимся къ Тургеневу. Онъ дерзко замѣтилъ въ великомъ писателѣ способность „изгадить“, какъ выразился, самый лучший сюжетъ въ мірѣ, благодаря безхарактерности и лѣни. Въ появившемся тогда романѣ „Наканунъ“—(романъ только для лѣнивѣйшаго Ивана Сергѣевича,)—добавилъ онъ,—это было особенно поразительно. Отсюда же прямо перешли на статью о „Наканунѣ“ Добролюбова, составлявшую дневную злобу литературныхъ кружковъ. Она должна была появиться въ „Современникѣ“, но покуда не появлялась. Въ ней устами критика впервые говорилось гласно то, о чемъ до сихъ поръ проговаривались тайно. Некрасовъ, по дружбѣ, еще висѣвшей на ниточкѣ, послалъ автору корректурные листы, предоставляя указать мѣста неприятныя и обѣщая ихъ сгладить или совсѣмъ выбросить. Тургеневъ, къ удивленію, отъ такого права не отказался. Однако, какъ Некрасовъ ни стригъ Добролюбовскихъ ногтей, а они все-таки царапали самолюбіе избалованнаго писателя.

Я выразилъ мнѣніе, что Тургеневу слѣдовало бы просто возвратить корректурные листы, не читая, и сказать, что онъ прочтетъ статью, когда она появится въ журналѣ. Поспорили, посудили,—кой-кому такой взглядъ показался слишкомъ радикальнымъ,—довольно поздно разошлись и позабыли о томъ, что было. Какъ вдругъ по утру входитъ мой дядя Егоръ Петровичъ Ковалевскій и испуганно спрашиваетъ: что у насъ такое вышло съ Тургеневымъ.

— Ты его смертельно обидѣлъ,—говорилъ дядя:—прибѣжалъ ко мнѣ чуть свѣтъ, жалуется, что у васъ его осуждали, и ты всѣхъ больше. За что это, объясни Бога ради? онъ проситъ моей защиты... Только еще дуэли не доставало...

Трагическій оборотъ вчерашняго вечера дѣлался смѣшонъ. Я въ такомъ смыслѣ и объяснилъ происходившее дядѣ. Онъ не разъ захлебывался своимъ смѣхомъ.

— Я васъ помирю!—рѣшилъ онъ.

Такимъ образомъ, все разъяснилось и уладилось. Оставалось неразъясненнымъ одно: кто могъ передать Тургеневу и когда успѣлъ? Разошлись такъ поздно, что надо было позаботиться только о томъ, какъ бы поскорѣе уснуть.

Прошла недѣля. Собрались опять. Первымъ явился Григоровичъ и еще на порогѣ, прижимая руки къ груди на ходу, сталъ божиться.

— Клянусь Богомъ, это не я!.. Я ничего не передавалъ!.. Клянусь, это не я!..

И этимъ себя выдалъ. Посмѣялись еще. Трагедіи такъ-таки и не вышло.

О происшедшемъ Тургеневъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвливался. И мы всегда встрѣчались, какъ будто никогда этого и не было.

Въ натурѣ Тургенева было столько женственнаго, что не могло не быть и мелкаго; въ ней по тому же самому много было и обаятельнаго. Вѣдь и его дарованіе имѣетъ обаятельность женщины. И не было ли преобладаніе мелкихъ чертъ одною изъ причинъ притягательности Ивана Сергѣевича? Къ такимъ обыкновенно боятся и приступиться. А кто же боялся приступиться къ милѣйшему Тургеневу. Ему, напротивъ, случалось бояться, и совершенно напрасно, какихъ-то исполновъ искусства, которыхъ онъ самъ же открывалъ.

— „Пропали мы всѣ! пропали!“—кричитъ онъ, бывало, по поводу выкопаннаго имъ стихотворца или беллетриста:—„всѣхъ насъ лоскомъ положить“. И при этомъ падаетъ ничкомъ на диванъ и даже совершенно несоотвѣтственно своему росту дрыгаетъ ногами...

Разумѣется, не пропадалъ никто, кромѣ тѣхъ, которые лоскомъ должны были класть другихъ, и И. С. успокаивался—до новаго открытія.

Зато было у него чутье тамъ, гдѣ другіе ничего не чуяли. Помню его замѣчательныя слова при появленіи Льва Толстого: „вотъ, наконецъ, преемникъ Гоголя и, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько на него не похожій“.

Совокупите всѣ эти черты, и только тогда предстанетъ нѣкоторый обликъ Тургенева. Говорю „нѣкоторый“, потому что сужу по его облику живописному, который не переданъ никѣмъ сполна. Даже у такихъ мастеровъ, какъ Перовъ, К. Маковскій, Рѣпинъ,

Тургеневъ еще не Тургеневъ. У одного онъ почти монументально строгъ, у другого до приторности сладокъ, у третьяго какъ бы и тотъ, да не тотъ. Портрета Харламова я не видѣлъ, но слышалъ, что и онъ не передаетъ Тургенева. Прочтите, наконецъ, описаніе его наружности во множествѣ появившихся воспоминаній, записокъ. О ней говорятъ или какъ о необычайно изящной, или какъ о наружности великана. Французы такъ-таки и называютъ его великаномъ (*un géant*). А между тѣмъ о ней всего ближе можно выразиться, что она была изящно-груба, барски-аляповата въ смыслѣ стараго настоящаго барства, еще по-русски здороваго, на привольѣ наслѣдственныхъ тысячъ десятинъ и тысячи душъ, мускульно развитаго и только покрытаго французскимъ лакомъ... Тургеневъ былъ изященъ по манерамъ, тонокъ по обращенію (когда не ломался), по вкусамъ, но ужь отнюдь не по чертамъ лица, которыя были крупны всѣ, кромѣ глазъ, не по складу тѣла тяжелаго и мѣшковаата. За улыбку этихъ маленькихъ свѣтлыхъ подслѣповатыхъ глазъ женщины обожали его, какъ мужчину, мужчины,—почти какъ женщину. И точно улыбались эти глаза совѣмъ особенно по-Тургеневски: такъ ни у кого они не улыбались... У такого большого человѣка, а все самое маленькое и было-то самое лучшее, глаза, и „Записки охотника“ и „Первая любовь“ и такъ называемыя „Стихотворенія въ прозѣ“...

Послѣдняя моя встрѣча съ Тургеневымъ была осенью 1881 г., въ Петербургѣ, въ магазинѣ Овчинникова, гдѣ онъ покупалъ для Парижа серебряныя вещи въ русскомъ стилѣ. Никогда еще я не видѣлъ его въ такомъ цвѣтѣ здоровья. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова розовый, отлично выкормленный, моложавый старикъ, съ блестящими жизнью глазами, которому готовилась Гетевская старость, что я ему и выразилъ.

— Да, я таки понабрался черноземнаго здоровья въ деревнѣ,—хвалился онъ,—и совершенно собою остаюсь доволенъ...

— А набрались ли еще чего другого?—спросилъ я.

Онъ улыбнулся своею улыбкою глазъ.

— Я, знаете ли, какъ губка: приѣду въ Россію и напиваюсь, сколько могу. Потомъ жму себя. Иной разъ пожмешь,—окажется, напился недурно,—потечетъ; а другой разъ выцѣдишь нѣсколько капель...

— Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ потекутъ цѣлые потоки...

— Гдѣ ужь намъ о потокахъ помышлять.

Могъ ли я думать, что года два спустя, въ чудное осеннее утро, какія разстилаются во всей своей красѣ надъ Комскимъ озеромъ, я прочту въ числѣ извѣстій, до которыхъ мнѣ не было никакого дѣла

въ какой-то газетѣ, валявшейся на столикѣ трактирной террасы въ Балладжію,—что Тургеневъ умеръ. Краски чисто тургеневскаго пейзажа лежали на водѣ, на горахъ и въ воздухѣ... Пейзажъ этотъ стоялъ передо мною живой и стоитъ онъ теперь живой, и всегда будетъ стоять.. и его будутъ видѣть другіе, а художникъ, его такъ чудно передавшій, ужъ никогда не увидитъ!..

Но возвратимся къ прерванному повѣствованію объ обѣдахъ Некрасова.

Чуть-ли не самые многолюдные были обѣды редакціонные, а ужъ самые разношерстные были несомнѣнно они. Помню огромные глаза Салтыкова, перепуганно-озирающіеся на сотрапезниковъ, между которыми дикообразный Рѣшетниковъ производилъ на него какое-то удручающее впечатлѣніе.

— Сядемте пожалуйста рядомъ. Ей-Богу даже не безопасно, угориваетъ бывало Салтыковъ.

Если когда кормъ бывалъ не въ коня, то ужъ конечно на этихъ обѣдахъ. Порціонные цыплята, зимою и лѣтомъ, выставка бутылокъ разнообразныхъ винъ передъ каждымъ приборомъ,—являлись тутъ почти насмѣшкою. Собирались, напримѣръ, сотрудники обсудить вопросъ: по сколько копѣекъ вычитать изъ ихъ гонорара, чтобы собрать сумму на случай крайней нужды одного изъ нихъ, не прибѣгая къ пособію „литературнаго фонда“, и тутъ же издерживалась сумма въ цыплятахъ и дорогихъ винахъ, въ которыхъ никто не нуждался. Многіе напротивъ страдали отъ замѣны ими простой водки.

Салтыковъ особенно занимался такими страдальцами.

— Посмотрите, посмотрите! Видите, какъ страдаетъ!—толкалъ онъ меня локтемъ, указывая на преслѣдовавшаго его Рѣшетникова.

Тотъ выбиралъ между бутылками, чего бы влить въ себя по существу; но въ сравненіи съ водкой, существеннымъ ничто не представлялось. Онъ поднималъ бутылку повыше, смотрѣлъ на свѣтъ, что въ бутылкѣ содержится, пытался получать указанія отъ ярлыковъ, но они были иностранные; наконецъ, вздохнувши наполнял до краевъ стаканъ хересомъ и вливалъ себѣ въ горло, какъ въ трубу.

Тутъ ужъ Салтыковъ не выдерживалъ: „какое животное“—шипѣлъ онъ злобно.

Некрасовъ благодушно усмѣхался во все стороны.

— Пусть ихъ полакомятся!—говорили его каріе съ лукавствомъ глаза:—не всякій день получаютъ.

Не всякій день получались тутъ и тѣ мнѣнія, какія высказывалъ хозяинъ по разнымъ предметамъ. Болѣе чѣмъ когда они были чичиковски привѣтливы къ составу обѣдавшихъ.

Нельзя не упомянуть еще объ обѣдахъ специальныхъ съ глазу на глазъ съ одними редакторами,—обѣдахъ сперва для цензора, а впоследствии для члена управленія по дѣламъ печати, приставленнаго ходить за журналомъ. Эти исключительные обѣды не допускали для себя полной гласности, подобно людямъ, для которыхъ они предназначались. Какъ-то я, ничего не подозревая, пришелъ къ Некрасову въ послѣобѣденный часъ. Со стола еще только убрали. Было это уже по запрещеніи „Современника“, когда Некрасовъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ редактировали „Отечественныя Записки“, откупаясь отъ Краевскаго его подписью на задней оберткѣ журнала, за которую онъ получалъ отъ нихъ не менѣе ста рублей съ буквы каждый мѣсяцъ. И каково же было мое удивленіе при видѣ слѣдующей картины: маленькій Фуксъ—тотъ самый Фуксъ, котораго Салтыковъ, въ качествѣ Щедрина, печатно называлъ Фуксенкомъ, да еще съ эпитетомъ „погананаго“, закуриваетъ сигару о сигару Михаила Евграфовича, уста въ уста, и Михаилъ Евграфовичъ хоть мрачно, но поддается этому Гудину лобзанію сигарь.

— Прикармливаемъ звѣря, — объяснилъ мнѣ Некрасовъ: — приставленъ ходить за нами...

Салтыковъ злобно взглянулъ на меня и такъ мотнулъ шеей, какъ даже онъ обыкновенно не моталъ. Его совсѣмъ перевернуло.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— А вы ужъ и рады!—брякнулъ онъ, по его мнѣнію тихонько, но такъ, что всѣмъ было слышно.

— Вѣдь онъ дьячекъ, — объяснилъ Некрасовъ, провожая меня потомъ въ прихожую:—по селамъ такіе водятся: злобные и съ косою. Поискать у Салтыкова подъ сюртукомъ хорошенько, такъ у него непременно эта самая коса на загривкѣ окажется...

— А крѣпко не любить, чтобы его въ такомъ видѣ знали. Все норовить, какъ бы въ наилучшемъ!—подсмѣивался онъ.

Некрасовъ откровеннѣе совершалъ то, чего не могъ дѣлать въ наилучшемъ видѣ. Разъ мнѣ довелось также неожиданно зайти къ нему въ самый разгаръ игры, продолжавшейся нѣсколько сутокъ. Остатки не то ужина, не то завтрака на тарелкахъ, на блюдахъ, на подносахъ, стоявшихъ въ безпорядкѣ, гдѣ ни попало: по стульямъ, диванамъ, на корректурныхъ листахъ, — бутылки, стаканы и нѣсколько человекъ играющихъ, въ такомъ же безпорядкѣ, заставили меня понятиться назадъ. Но Некрасовъ меня увидѣлъ и предупредилъ.

— А, это вы, отецъ! куда же вы! Дайте, я къ вамъ вылѣзу.

И точно вылѣзъ, и повелъ въ другую комнату.

— Это мы „освѣжаемъ“ новичка,—объяснилъ онъ мнѣ. Третью ночь не ложимся. Кто послабѣе, вздремнетъ на диванѣ... И ничего.

Нервы только это отлично разматаетъ: какъ покончимъ, стихи писать стану.

Онъ увѣрялъ, что никогда такъ хорошо не пишеть, какъ послѣ „освѣженій“.

— А то заспишь, заѣшь совсѣмъ ихъ, проклятые (нервы), ходишь, какъ дубина!

И этого человѣка посылали умирать когда-то въ Италію!

— А что значитъ „освѣжать“?—полюбопытствовалъ я.

— Это, отецъ, хорошее слово. Я ему выучился у нашего повара, Когда онъ потрошитъ птицу, такъ говоритъ, что ее „освѣжаетъ“. Вотъ и мы тоже, когда потрошимъ горячаго игрока, то говоримъ, что освѣжаемъ его...

Искренность это или цинизмъ,—что хотите; но во всякомъ случаѣ не притворство.

Притворялся Некрасовъ не въ жизни,—онъ былъ слишкомъ порусски смѣтливъ, чтобы притворяться тамъ, гдѣ шила въ мѣшкѣ не утаишь,—притворялся онъ гораздо хуже: въ искусствѣ, въ дѣлѣ, на которое природа благословила его особымъ даромъ. Онъ родовое свое достояніе сдалъ въ пожизненную аренду подъ чужія ученія, которыхъ даже ясно не сознавалъ, потому что ихъ хорошенько и не зналъ, а принялъ на вѣру отъ другихъ. Какъ человѣкъ недюжиннаго ума и смекалки необыкновенной, онъ привыкъ къ этимъ ученіямъ и, не сроднясь съ ними душой, пребылъ имъ умственно вѣренъ до конца. Онъ сдерживалъ вдохновеніе, когда оно рвалось не въ ту сторону, и завидовалъ тѣмъ, кто не былъ обязанъ его сдерживать.

— Да кто же васъ-то обязалъ?—бывало спросишь его:—за что вы на себя цѣпи-то кладете?

— Кто обязалъ, отецъ? Все мое литературное прошлое и тѣ люди, которые идутъ со мною. Развѣ я вправѣ отъ нихъ отдѣлиться? Вы-то вольны, а я не воленъ... нѣтъ.

Онъ не рѣшился напечатать въ „Современникѣ“ одного стихотворенія (которое ему очень нравилось) за то, что въ немъ говорилось о косьбѣ, какъ о забавѣ и весельѣ мужика въ ведро, а не какъ о тягостномъ трудѣ.

— Да вѣдь это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь мужики даже въ праздничныя рубахи одѣваются для этого!

— Такъ-то оно такъ, отецъ! Только мнѣ-то нельзя въ моемъ журналѣ такъ разговаривать. Скажутъ: Некрасовъ мужика жалѣть пересталъ: гдѣ забаву нашель, въ косьбѣ!..

— Значить, надо говорить неправду: что косьба—мѣха?

— Надо, отецъ! Дѣлать нечего. Я-то отлично знаю, что не мѣха

она, а доподлинно забава и есть для мужика. Да, нѣтъ не велятъ нашему брату такимъ манеромъ разговаривать-то.

Совершенно эпически начатую поэмю „Кому на Руси жить хорошо“ онъ дальше принялся портить дидактическими вставками потому что тѣ, которые „не велятъ такимъ манеромъ разговаривать“, нашли добродушно-шутливое отношеніе къ мужику неуважительнымъ. Никуда негодныя сатиры онъ писалъ смѣло, а лучшія лирическія вещи украдкой, въ родѣ того, какъ ученики сочиняють стихи подъ классной скамьей.

Отдавши себя въ неволю въ томъ, что должно было составлять раздолье и отраду жизни, свободный только въ средствахъ матеріальныхъ, которыя лились на него дождемъ и съ литературно-журнального и съ игорнаго горизонта (онъ былъ необычайно счастливъ въ картахъ и такъ сдержанъ, что всегда оставался въ выигрышѣ),— Некрасовъ вполне свободно предавался только страсти къ охотѣ, да къ своей черной лягавой „Кадошкѣ“, которую любилъ, какъ человѣка. По свидѣтельству старика Дюма, „le grand poète russe“ любилъ еще и Григоровича; но я этого уже не засталъ и могу свидѣтельствовать только о любви его къ „Кадошкѣ“...

Ему позволялось вскакивать на столъ за обѣдомъ и лакать воду изъ хрустальныхъ кувшиновъ; для него подавалась жареная куропатка или жареный рябчикъ, и онъ ихъ съѣдалъ на коврѣ, иногда заносилъ на диванъ и трепалъ на дорогой обивкѣ. („Надо замѣтить этотъ диванъ!“ говаривалъ аккуратный Гончаровъ, „чтобы никогда на него не садиться“). Когда собака была больна, лѣкарства она получала отъ знаменитаго врача, лѣчившаго самого Некрасова. Трагическая ея кончина (ее подстрѣлили нечаянно на охотѣ) вызвала въ Некрасовѣ сознаніе, что онъ только тогда испыталъ истинное горе и понялъ отчаяніе отъ утраты дорогихъ существъ, когда увидѣлъ Кадошкинъ трупъ. Онъ упалъ на него и рыдалъ истерически. Послѣ того онъ долго не заводилъ собаки и бросилъ на время самую охоту.

Изъ рассказаннаго пожалуй можно бы вывести заключеніе, что редактору сперва „Современника“, а потомъ „Отечественныхъ Записокъ“ на занятія по редакціи и времени не оставалось. А между тѣмъ это было не такъ: редакція руководилась имъ неуклонно, какъ оркестръ хорошимъ капельмейстеромъ. Такъ какъ хорошій капельмейстеръ набираетъ хорошихъ музыкантовъ и, убѣдившись въ ихъ умѣннн дѣлать свое дѣло, требуетъ одного вниманія къ движеніямъ своей палочки, такъ и Некрасовъ умѣлъ подобрать сотрудниковъ, которымъ довольно было сказать: „отцы, маленечко потише!..“ или „пріударить позволяется, отцы—валяйте“, и редакціонный оркестръ.

исполнялъ литературныя симфоніи и фуги, какихъ въ другихъ редакціяхъ не исполнялось. При этомъ деликатность Некрасова была такъ велика, что не только въ дѣло первой скрипки или віолончели, какими были Чернышевскій съ Добролюбовымъ, онъ никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться, но составителя фельетона онъ оставлялъ самостоятельнымъ въ игрѣ на своей дудкѣ: въ какія-нибудь не имѣвшія значенія статейки, перемѣшанныя на половину шуточными стишками и пародіями (приписанными, кстати сказать, Ефремовымъ Некрасову въ посмертномъ изданіи сочиненій послѣдняго), одинъ разъ только редакторъ, и то съ моего согласія, вставилъ свои собственные стихи по случаю поднесенія Каткову чернильницы съ тѣмъ, чтобы тотъ „мокалъ въ разумъ“¹⁾. До лирическихъ же стихотвореній этотъ первый поэтъ своего времени никогда не позволялъ себѣ дотронуться, и только если его вызывали на замѣчанія, онъ ихъ дѣлалъ.

— А то какое же я имѣю право ихъ дѣлать, отецъ! Развѣ вы не такой же писатель, какъ я. Вы не ученикъ, я вамъ не учитель...

Редакція Некрасова не была тѣмъ журнальнымъ департаментомъ, гдѣ редакторы, маракующіе съ грѣхомъ пополамъ только въ грамматикѣ, цѣпенѣютъ передъ всякимъ живымъ словомъ или оборотомъ и исправляютъ писателей, какъ директоры своихъ столоначальниковъ. Этихъ скопческихъ скитовъ журналистики еще не существовало въ тѣ времена, да и литература еще не была перечислена по счетной части. Отношеніе къ календарю, составляющее единственную сердечную сторону послѣдующихъ редакторовъ, было у Некрасова самое холодное; ему не было никакого дѣла до перваго числа; если тридцатаго попадалась живая статья или матеріалъ для нея,—первое число могло случиться хоть пятнадцатаго.

— Книжка должна свѣжимъ человѣкомъ выйти въ свѣтъ,—говаривалъ онъ.

— И жаркоѣ то хорошо, которое съ пылу; зажаренное за полчаса не годится.

Зато при немъ книжки журнала въ самомъ дѣлѣ были живыми. Не тѣмъ, такъ другимъ способомъ, а онъ вдыхалъ въ нихъ жизнь. Когда воздвигались строгости цензурныя, онъ находилъ средство „не кормить сѣномъ“, какъ выражался, а пускалъ въ ходъ прибреженныя про черный день связи съ писателями—эстетиками, или прибѣгалъ къ тѣмъ скучнымъ, но цензурно-невиннымъ повѣстямъ, которыя „читатель любитъ“, какъ глубокомысленныя, и къ ученымъ

¹⁾ Статьи печатались подъ рубрикой: „Письма въ глушь“.

статьямъ „повеселѣе“. Это все-таки было не сѣномъ и могло сходить за посредственный овесъ, впредь до возможности всыпать хорошій.

Какъ уже упомянуто, Некрасовъ довелъ до самоотверженности свое служеніе направленію. Самоотверженностью, которая перешла на этотъ разъ въ самооплеваніе, объяснялъ онъ и прискорбный случай съ Муравьевымъ въ англійскомъ клубѣ. Извѣстно, что Муравьевъ былъ одно время чѣмъ-то вродѣ руки Всевышняго, которой суждено было отечество спасти,—отъ чего? Да просто отъ всего: отъ толстыхъ журналовъ до стриженныхъ женщинъ включительно. Отсюда—совершенно понятное общее уныніе и трепеть въ области журналистики, представляемой Некрасовымъ, какъ редакторомъ толстаго „Современника“¹⁾. Трепеталъ ли редакторъ и за Некрасова, не берусь рѣшать; между трепетными, во всякомъ случаѣ, я его не считаю на одномъ ряду съ Салтыковымъ. Такъ или иначе, но онъ рѣшается на самозакланіе и кладетъ себя искупительною жертвою на алтарь Муравьевскаго всемогущества. Чтобы спасти направленіе, онъ погубить себя...

И вотъ послѣ одного изъ обѣдовъ въ англійскомъ клубѣ, онъ подходитъ къ современному Атиллѣ толстой журналистики и стриженныхъ женскихъ головъ,—становится передъ нимъ и, при свидѣтеляхъ, произносить стихи, благословляющіе на подвигъ отрощенія волосъ и остриженія журналовъ... Атилла окидываетъ его презрительнымъ взглядомъ и поворачиваетъ ему спину.

Спасено ли хоть направленіе? Ничуть Журналъ немного погода запрещается...

Я помню угнетенный видъ бѣднаго Некрасова послѣ совершеннаго имъ подвига.

Сдѣлать подлость, но умно сдѣлать,—еще за это простить могутъ; а сдѣлать подлость и глупость разомъ,—непростительно. Можетъ быть мнѣ измѣняетъ память, но съ тѣхъ поръ самый образъ жизни Некрасова потерпѣлъ перемѣну: домъ его сталъ менѣе открытымъ, обѣды не такъ часты и гораздо проще. Тѣ угошенія, которыя прежде являлись по манію невидимой руки вдовы Панаева, отошли въ преданіе вмѣстѣ съ нею и съ поваромъ, „освѣжавшимъ“ дичь и карманъ Некрасова. Обѣдали больше за-просто; готовила кухарка,

¹⁾ Я имѣлъ на глазахъ образчикъ того, какъ относилась цензура къ этому журналу. По поводу какой-то моей статьи, съ которой я поѣхалъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета Турунову, онъ сказалъ мнѣ безъ обиняковъ: печатайте во всякомъ, какомъ угодно журналѣ, вамъ ее пропущу; но въ „Современникѣ“—ни за что.

хотя отличная; у стола служилъ бородатый охотникъ „Никандръ“ въ платѣ съ Некрасовскаго плеча и если его кто-нибудь называлъ Никандромъ, то Некрасовъ непремѣнно прибавлялъ: „Никандра, отецъ, онъ иначе себя не понимаетъ“. На обѣдахъ присутствовала уже для всѣхъ видимая другая хозяйка,—бѣлокурая Зиночка, столько же соответствуя простотѣ новой обстановки, столько старая обстановка соответствовала остроумной и блестящей брюнеткѣ Авдотѣ Яковлевнѣ... Редакція арендованнаго уже другого журнала („Отеч. Записокъ“) не кормилась и не поилась вовсе. Бывалъ одинъ Салтыковъ, да и тотъ больше, когда случалось „прикармливать“ какого-нибудь рѣдкаго цензурнаго звѣря... Вносители перловъ беллетристики или перестали совсѣмъ нестись, или клали свои яйца въ другіе журналы. Одинъ Островскій остался неизмѣненъ и пилъ шампанское, начиная съ супа. Другого вина онъ не пилъ, или ужъ если пилъ, то „зеленѣ-вино“.

Потомъ Некрасовъ пошелъ болѣть. Неизлѣчимая болѣзнь (ракъ въ кишкахъ), мучительная, долгая, за-живо похоронила его для всѣхъ, кромѣ двухъ не оставлявшихъ его ни на минуту женщинъ: этой самой Зиночки и родной сестры. Онъ соперничали въ самоистязаніяхъ: каждая не давала себѣ спать, чтобы услышать первый его стонъ и первой подбѣжать къ постели. Для этого Зиночка, которая была моложе и со сномъ справлялась труднѣе садилась на полъ и уставлялась на зажженную свѣчу:

Двѣсти ужъ дней,

Двѣсти ночей

Муки мои продолжаются:

Ночью и днемъ

Въ сердцѣ твоємъ

Стоны мои отзываются,

Двѣсти ужъ дней,

Двѣсти ночей.

Темные зимніе дни,

Ясныя зимнія ночи...

Зина! закрой утомленные очи.

Зина! усни...

Но Зина не закрывала очей и не давала себѣ уснуть.

Зато, по истеченіи этихъ двухсотъ дней и ночей она изъ молодой, бѣленькой и краснощеккой женщины превратилась въ старуху съ желтымъ лицомъ, и такою осталась

Недобрые люди давали свое толкованіе самоотверженности этихъ женщинъ: у больного было большое состояніе...

Состояніе Некрасова было дѣйствительно велико. Онъ изъ него

могъ отдѣлить цѣлое барское имѣніе въ Ярославской губерніи, купленное за значительныя деньги, въ которомъ онъ проживалъ лѣтніе мѣсяцы, подарить брату; въ состояніи былъ заказать походную церковь, чтобы въ своемъ кабинетѣ обвѣнчаться съ Зиночкой передъ смертью, и выписалъ изъ Вѣны знаменитаго оператора, чтобы вслѣдъ затѣмъ умереть, заплативши за это чуть ли не двадцать тысячъ рублей; наконецъ, онъ не скрывалъ незадолго до смерти, что у него не одна сотня тысячъ въ процентныхъ бумагахъ. И двѣсти дней болѣзни, хотя бы усугубленныхъ не двумя или тремя врачебными знаменитостями Петербурга и одною Вѣны, но цѣлымъ ихъ десяткомъ,—хотя бы онѣ лѣчили не иначе, какъ пилюлями изъ литого золота, а порошками изъ толченаго алмаза,—не въ силахъ были бы залѣчить такую кучу денегъ. Однако денегъ послѣ покойника не осталось. Зиночка даже продала съ публичнаго торга его носильное платье, и сама осталась бѣдною Зиночкой..

А кто остался богатъ,—для всѣхъ тайна. Сестра покойнаго тоже не разбогатѣла; ей досталось одно право собственности на сочиненія брата. Или состояніе опять принесено въ жертву „направленію“—скрыто, а съ тою же цѣлью показано только незначительное имущество для основанія народной школы имени народнаго поэта?.. И здѣсь тайна...

Всю жизнь скрывать врожденное эстетическое чувство; выражать въ поэтической формѣ голоданье и холоданье простонародья, и въ то же время жить бариномъ въ полномъ смыслѣ слова; наконецъ, умереть, не оставивъ ничего,—чтобы хоть было подозрѣніе въ чемъ-то общемъ съ бѣднымъ народомъ: какой добровольный крестъ и для чего!..

Послѣдніе дни жизни, забота о прославленіи себя за гробомъ возложила на Некрасова новый крестъ: онъ началъ допускать къ своей постели людей, которые прежде никогда не получили бы доступа къ его креслу: разныхъ газетныхъ глашатаевъ, публицистовъ пошустрѣе, изъ грязи вылѣзшихъ редакторовъ и всякую пресмыкающуюся литературную тварь. Они его утомляли до изнеможенія: развѣдывали, спрашивали, выворачивали ему душу, чтобы пересказать, чѣмъ она подбита; что-то записывали и, не дождавшись, чтобы онъ хорошенько закрылъ глаза, пустились взапуски платить по медвѣжьему за переданныя (и еще переданныя ли?) откровенія...

Мнѣ довелось однажды попасть на слѣдующую сцену. Некрасовъ лежалъ спиной къ окнамъ, лицомъ къ стѣнѣ, съ которой смотрѣлъ сосланный въ деревню Пушкинъ, читающій Пушкину стихи (картина Гэ). Приподнятое острое колѣно Некрасова торчало подъ про-

стыней, какъ на портретъ Крамского. Сбоку, у самой кровати, на стулѣ сидѣлъ взбудораженный и алчный газетчикъ, прислушиваясь къ тому, что черезъ силу протягивалъ силнымъ совсѣмъ уже беззвучнымъ голосомъ больной.

Какъ только я подошелъ, онъ разомъ замолкъ.

— Усталъ, отецъ. Довольно,—обратился онъ къ газетчику.

— Какъ-нибудь позвольте въ другой разъ?—заегазилъ тотъ.

Некрасовъ отмахнулся рукой, какъ отъ комара, и закрылъ глаза. Газетчикъ удалился, но прежде записалъ-таки что-то въ книжечку.

— Вотъ такъ-то: на нихъ и суда не найдешь. Какъ оводы лѣтомъ,—протянулъ Некрасовъ и усиленно принялся стонать. Зиночка такъ и налетѣла.

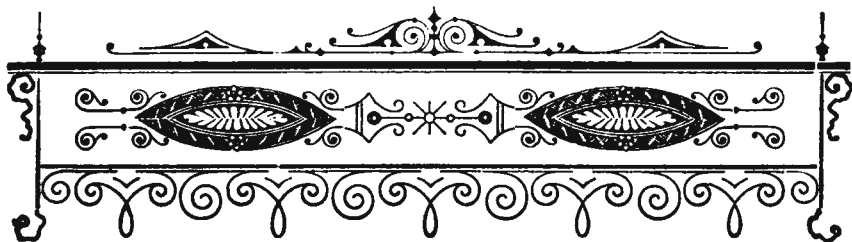
Я видѣлъ, что ему было совѣстно. Мнѣ за него тоже: „не въ лучшемъ видѣ засталъ я его“.

Многое происходило не въ лучшемъ видѣ на глазахъ подбиравшейся каждый часъ смерти. Не въ лучшемъ видѣ были и возложенія на гробъ вѣнковъ, во время погребальнаго шествія по улицамъ, переодѣтыми въ бабъ женщинами съ направленіемъ. Вѣнки,—бабы,—какъ это одно съ другимъ не ладится!

Впрочемъ, вѣнки и бабы за гробомъ, тонкія вина и голодные сотрудники за обѣдомъ,—это только двѣ разныхъ сцены, но изъ одной и той же комедіи...

П. М. Ковалевскій.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

I.

Вильна въ 1864 году.

Въ январѣ 1864 года, смоленскій губернаторъ Бороздна сообщилъ мнѣ, какъ кандидату мирового посредника Вяземскаго уѣзда Смоленской губерніи, что министръ внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ кандидатамъ мировыхъ посредниковъ, окончившимъ свои занятія въ Смоленской губерніи по провѣркѣ уставныхъ грамотъ, принять должности мировыхъ посредниковъ въ Сѣверо-и Юго-Западномъ краѣ. Въ 1864 году во всемъ Западномъ краѣ продолжалось еще возстаніе поляковъ. Желая поставить русское правительство въ затруднительное положеніе, поляки-чиновники придумали: усилить анархію и безначаліе въ краѣ, отказавшись отъ исполненія занимаемыхъ ими должностей. Всѣ мировые посредники, въ числѣ прочихъ чиновниковъ-поляковъ, отказались отъ исполненія своихъ обязанностей; а такъ какъ всѣ должности мировыхъ посредниковъ въ этихъ губерніяхъ были заняты поляками, то весь Западный край оказался безъ мировыхъ посредниковъ, а крестьяне безъ всякаго начальства. Въ это время генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западныхъ губерній былъ уже Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Желая облегчить ему выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, военный министръ Милютинъ исходатайствовалъ Высочайшее распоряженіе: командировать въ Западные губерніи тѣхъ мировыхъ посредниковъ изъ офицеровъ, которые возвращались въ то время изъ своихъ командировокъ по провѣркѣ уставныхъ грамотъ въ своихъ родовыхъ уѣздахъ, съ сохра-

неніемъ имъ всѣхъ тѣхъ льготъ по военной службѣ, которыя были предоставлены имъ при командированіи ихъ въ свои уѣзды, то есть они оставались во все время исполненія обязанностей мировыхъ посредниковъ офицерами тѣхъ военныхъ частей, гдѣ служили; они считались тамъ на дѣйствительной службѣ и могли во всякое время возвратиться въ свои части, на свои вакансіи. Командировки эти могли однако состояться только въ случаѣ желанія этихъ офицеровъ принять должность мировыхъ посредниковъ въ Западныхъ губерніяхъ.

Получивъ такое предложеніе, я не затруднился принять его и избралъ Сѣверо-Западный край, увлеченный уваженіемъ къ энергической, самостоятельной дѣятельности Михаила Николаевича Муравьева. Служебныхъ выгодъ я не предвидѣлъ отъ этой командировки никакихъ, сознавалъ всѣ затрудненія и лишенія, ожидавшія меня въ этомъ возставшемъ краѣ; но я желалъ послужить отечеству и содѣйствовать погашенію мятежа. Три года занятій крестьянскимъ дѣломъ заставили меня полюбить его, разъяснили мнѣ: какую громадную пользу можно принести на должности мирового посредника. Наконецъ, меня интересовалъ весь этотъ мятежный польскій край, который я не зналъ, и увлекала слава М. Н. Муравьева, главнаго начальника этого края, о которомъ ходило тогда такъ много толковъ, и сложились уже дѣльныя легенды.

Въ концѣ января 1864 года, я выѣхалъ изъ Вяземскаго уѣзда въ Вильну. Въ то время не было и помину о желѣзной дорогѣ въ этомъ направленіи. Я ѣхалъ на Смоленскъ, Оршу, Могилевъ, Минскъ въ Вильну, на почтовыхъ лошадяхъ, въ саняхъ; санный путь былъ прекрасный. Тотчасъ за Смоленскомъ, какъ только я вѣхалъ въ Могилевскую губернію, я попалъ въ новый міръ. Явились поляки, бѣлоруссы, евреи съ ихъ чуждыми мнѣ языкомъ, нравами и враждебнымъ ко всему русскому настроеніемъ. Я, русскій гвардейскій офицеръ, своей формой обнаруживалъ свою національность и тотчасъ почувствовалъ злобное настроеніе, враждебность всѣхъ этихъ людей. Они умышленно говорили со мною по-польски, хотя всѣ прекрасно говорили и понимали русскій языкъ. Они затрудняли меня во всемъ: въ покупкѣ хлѣба, баранокъ, въ счетѣ денегъ, считая на злоты и гроши; а часто отказывали и вовсе въ чемъ можно, говоря: „не разумемъ!“ Гдѣ лаской, гдѣ окрикомъ или шуткой, я кое-какъ устраивался и подвигался быстро. Уже съ самой границы Смоленской губерніи, замѣтно было военное положеніе края. Въ мѣстечкахъ видны были войска; на почтовой дорогѣ стояли мѣстами заставы и военный караулъ при нихъ. Здѣсь и на станціяхъ провѣряли мою подорожную. Но когда я вѣхалъ въ Минскую губернію,

военное положеніе оказалось во всей своей силѣ и строгости. На заставѣ въ городѣ Борисовѣ меня остановилъ военный караулъ; военный писарь забралъ мою дорожную и объяснилъ мнѣ, что я долженъ ожидать, пока онъ отнесетъ мою дорожную для повѣрки и записи военному начальнику, и что я могу ѣхать дальше только, когда получу разрѣшеніе военнаго начальника Борисовскаго уѣзда.

Эта строгость нисколько не смутила меня. Я немедленно, какъ былъ—въ пальто, шашкѣ черезъ плечо, съ револьверомъ на поясѣ, въ теплыхъ валенкахъ, сказалъ писарю, чтобы онъ велъ меня къ этому военному начальнику. Писарь очень одобрилъ мою рѣшимость и сказалъ, что дѣло пойдетъ такъ гораздо скорѣе, и начальникъ тотчасъ дастъ мнѣ разрѣшеніе на дальнѣйшій путь.

Не помню фамиліи военнаго начальника, но знаю, что это былъ командиръ пѣхотнаго полка, расположеннаго въ городѣ Борисовѣ, человекъ дѣловой и боевой, усмирившій повстаніе въ Борисовскомъ уѣздѣ, все время сражавшійся съ повстанцами и наведшій на нихъ острастку своими смѣлыми, рѣшительными и разумными дѣйствіями. Онъ очень любезно принялъ меня и конечно не затруднился дать мнѣ пропускъ на дальнѣйшій путь. Покуда что-то прописывали и записывали, я бесѣдовалъ съ нимъ и въ первый разъ услышалъ живой рассказъ о повстаніи отъ очевидца и дѣятеля — борца съ повстаніемъ. Онъ рассказывалъ мнѣ много о своей дѣятельности, увѣрилъ меня, что я могу теперь смѣло, безъ опаски, ѣхать по пути въ Минскъ; одобрилъ, что я ѣду съ шашкой на перевязи и револьверомъ на поясѣ; справился даже: отточена ли моя шашка, и заряженъ ли револьверъ? „Я ручаюсь вамъ, сказалъ онъ, что вы не встрѣтите до Минска никакой шайки повстанцевъ; но никакъ не могу ручаться, что какой-нибудь озлобленный негодий не попытается напасть на беззащитнаго русскаго и выместить на немъ свою злобу за неудачный исходъ повстанья“.

Уже давно принесли мнѣ мою дорожную и какой-то пропускъ; у крыльца давно побрякивалъ колокольчикъ почтовой тройки; но рассказы полковника такъ увлекли меня, что я слушалъ и спрашивалъ его. Онъ напоилъ меня чаемъ, далъ мнѣ закусить, приказалъ привезти мои сани съ своему крыльцу, и отъ него прямо, съ радушными его пожеланіями, я поѣхалъ дальше. Позднимъ вечеромъ я пріѣхалъ въ Минскъ и остановился тамъ ночевать. Я предполагалъ, что въ такомъ большомъ центрѣ, какъ Минскъ, губернской городъ, строгости военнаго положенія еще сильнѣе, чѣмъ въ маленькомъ городкѣ Борисовѣ. Оказалось, что тутъ дѣло было поставлено совершенно иначе. Какъ только я проснулся, денщикъ мой рассказалъ мнѣ, что какой-то еврей, факторъ, предлагаетъ, за

*

50 копѣекъ, устроить мнѣ исполненіе всѣхъ необходимыхъ формальностей; что мнѣ не надо будетъ являться ни военному губернатору, ни даже въ его канцелярію; онъ брался все устроить. Новичекъ Западнаго края, я удивился этому предложенію; позвалъ фактора и, выслушавъ его увѣренія, отдалъ ему свою подорожную. Не прошло и часу, какъ торжествующій еврей вручилъ мнѣ мою подорожную, съ подписями всѣхъ, кому слѣдовало явить ее, и съ особымъ разрѣшеніемъ на свободный проѣздъ до Вильны. Черезъ полчаса я выѣхалъ изъ Минска.

На пути между Минскомъ и Вильною военное положеніе было замѣтно во всей силѣ. Въ Молодечнѣ видно было много войскъ. Я встрѣтилъ даже на пути два отряда войскъ, двигавшихся въ боевомъ порядкѣ, очевидно шедшихъ на разысканіе повстанческихъ шаекъ. Въ Сморгони стояло нѣсколько батарей артиллеріи. Проѣзжая по улицѣ, я увидѣлъ знакомаго офицера, оглянулся на него; онъ остановилъ меня, зазвалъ къ себѣ обѣдать на перепутьѣ. Обѣдали въ офицерской артели; опять пошли оживленные рассказы о повстаніи, о стычкахъ съ повстанцами, въ которыхъ эти офицеры только-что участвовали. Всѣ офицеры восторженно говорили о Муравьевѣ, рассказывали мнѣ цѣлый рядъ мудрыхъ и смѣлыхъ его распоряженій. Бесѣда была такъ занимательна для меня, хозяева такъ радушны, что я остался ночевать у нихъ. Тутъ настроеніе духа было уже совсѣмъ бодрое; увѣренность въ успѣхъ подавленія мятежа полная, негодованіе на возставшихъ поляковъ сильнѣйшее. Я съ удивленіемъ замѣтилъ однако у этихъ русскихъ людей, только-что дравшихся съ поляками, отсутствіе всякаго озлобленія; у нихъ господствовало презрѣніе къ „неблагодарнымъ“, повстанцамъ „полякамъ“, какъ они называли ихъ.

На другой день я въѣзжалъ утромъ въ Вильну. Первое впечатлѣніе этого города было тягостное. Вильна, Западный край, Польша со всѣми ихъ тенденціями и полонизмомъ были мнѣ совершенно незнакомы. Я родился въ Москвѣ, учился и служилъ въ Петербургѣ; посѣщалъ Малороссію, Финляндію, Прибалтійскія губерніи, но никогда не бывалъ въ польской сторонѣ. Чѣмъ-то чуждымъ, непривѣтливомъ, повѣяло на меня отъ Вильны. Въ Гельсингфорсѣ, въ Ревелѣ, Ригѣ, я видѣлъ города западнаго типа, иные, чѣмъ наши русскіе; но это были не католическіе, а протестантскіе города. Въ Ревелѣ больше всего сохранился древне-германскій типъ: каменные стѣны старинной крѣпости, узкія улицы, башни, старинныя церкви очень типичны, серьезны, но уютны; нѣмецкое населеніе серьезно, но привѣтливо. Гельсингфорсѣ городъ новый; все тамъ не такъ, какъ у насъ; но дома, улицы, церкви веселые, новенькіе; жители, финны,

молчаливы, не шумны, но привѣтливы ¹⁾). Нѣмцы, финны плохо понимаютъ по-русски, но, разговаривая съ русскимъ человѣкомъ, не требуютъ и отъ него знанія своихъ языковъ; стараются понять его рѣчь и вообще вѣжливы, привѣтливы со всѣми.

Въ Вильнѣ все совершенно иначе. Въ предѣлахъ русской Имперіи нѣтъ города болѣе мрачнаго, непривѣтливаго и негостеприимнаго для русскихъ, какъ Вильна. Прибавлю еще: нѣтъ и города болѣе католическаго, болѣе польскаго. Варшава менѣе польская и менѣе фанатически-католическая, чѣмъ Вильна; по крайней мѣрѣ, она менѣе заботится выказать себя такою. Варшава городъ веселый, дѣятельный, коммерческій; на улицахъ толпы шумно движутся, хлопчутъ. Церкви не выдвигаются на первый планъ. Варшавянинъ прежде всего дѣловой человѣкъ, или безнечный человѣкъ; затѣмъ уже онъ заявляетъ о своемъ полонизмѣ и католичествѣ. Виленскіе поляки прежде фанатики католики, затѣмъ фанатики поляки, и послѣ всего люди. Западный край бѣденъ, но посмотрите, какіе огромные костелы онъ воздвигъ въ Вильнѣ: монастыри занимаютъ по цѣлымъ кварталамъ города, и въ 1864 году были полны многочисленной братіи, монаховъ и монахинь. Въ Варшавѣ мірская жизнь одолеваетъ церковную, въ Вильнѣ католичество давитъ все.

Нельзя судить о Вильнѣ 1864 года по теперешней; тогда существовали еще всѣ монастыри, теперь закрытые и обращенные въ гимназій, присутственныя мѣста, казармы. На улицахъ толкалась масса монаховъ, ксендзовъ, монахинь; русскія церкви, можно сказать, не существовали, онѣ были совершенно закрыты, какъ великолѣпный соборъ Пречистой Матери Божьей, или стояли полуразрушенныя, застроенныя разными частными домами, какъ всѣ остальные православныя церкви. Теперешнія лучшія части города: Георгіевская улица, Погулянка, были изрѣдка застроены небогатыми домиками, а больше тамъ тянулись огороды.

Я вѣхалъ въ Вильну утромъ, черезъ Остробрамскія ворота. Меня поразила толпа людей, стоявшихъ на колѣняхъ вдоль улицы, у Остробрамскихъ воротъ, загоразивавшихъ проѣздъ по ней, что-то пѣвшихъ, злостно глядѣвшихъ на меня. „Что это такое?“ спросилъ я ямщика. Онъ объяснилъ мнѣ, что надъ воротами устроена католическая каплица, въ которой помѣщена икона Божіей Матери; а стоящіе по улицѣ люди католики; они поютъ свои псалмы и молятся. Боже мой! подумалъ я; у насъ въ Москвѣ тоже есть чудотворная икона Иверской Божіей Матери: она то же помѣщена въ самомъ

¹⁾ Въ тѣ годы Финляндія еще не болѣла сепаратизмомъ, и русскому чело-
вѣку жило тамъ хорошо.

людномъ мѣстѣ города; часовня ея устроена въ воротахъ; тамъ тоже цѣлый день толпы молящихся; черезъ ворота у часовни цѣлый день непрерывной цѣпью тянутся проѣзжающіе экипажи, но все это дѣлается тихо, благоговѣнно. Въ часовнѣ непрерывно служатъ молебны; молящіеся не загораживаютъ проѣзда, не злятся, а смиряются во время молитвы и не орутъ на всю улицу. Чуждо, не симпатично показалось мнѣ все это, особенно молитва напоказъ, демонстративно.

Артиллеристы въ Сморгони совѣтовали мнѣ остановиться въ „Европейской гостиницѣ“, гдѣ, по ихъ словамъ, помѣстились русскіе, пріѣхавшіе съ Муравьевымъ, и гдѣ польскій духъ не давитъ русскаго человѣка. Я такъ и поступилъ, и почувствовалъ себя тамъ очень хорошо. На лѣстницѣ, въ корридорахъ, встрѣчались русскіе люди, слышалась русская рѣчь. Въ швейцарской, взглянувъ на списокъ постояльцевъ, я прочиталъ нѣсколько знакомыхъ фамилій; почти всѣ эти лица дѣйствительно оказались знакомыми моими. За обѣдомъ, въ табльдотѣ, я встрѣтилъ еще нѣсколько знакомыхъ и даже близкихъ мнѣ людей. Всѣ они пріѣхали сюда служить, занимали уже разныя мѣста, одобрили меня и научили: кому надо являться, какъ дѣйствовать.

На другой день я явился, прежде всего, чиновнику, завѣдывавшему личнымъ составомъ мировыхъ посредниковъ. Должность эту занималъ Левшинъ; но онъ былъ въ отпуску, и его замѣнялъ Николай Абрамовичъ Зубковъ. Это былъ тверской помѣщикъ, служившій тамъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, если не ошибаюсь, въ должности члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Это былъ человѣкъ серьезный, дѣловой, мало разговорчивый, знатокъ крестьянскаго дѣла, съ либеральнымъ гуманнымъ направленіемъ. Я встрѣчался съ нимъ не разъ въ Петербургѣ и слышалъ тамъ о немъ отъ тверитянъ прекрасные отзывы, полные уваженія. Онъ припомнилъ наши встрѣчи и отнесся ко мнѣ радушно. Онъ сказалъ мнѣ, что въ тотъ же день доложить о моемъ пріѣздѣ начальнику края, М. Н. Муравьеву, и испросить его указаній о моемъ назначеніи; что мнѣ конечно придется представиться Михаилу Николаевичу. До моего представленія Михаилу Николаевичу, онъ, Зубковъ, не можетъ сказать мнѣ ничего о мѣстѣ, куда мнѣ придется ѣхать; это вполне зависитъ отъ Михаила Николаевича. Муравьевъ очень дорожитъ лицами, уже знакомыми съ крестьянскимъ дѣломъ, и что обо мнѣ получены отъ смоленскаго губернатора самые лестные, одобрительные отзывы. Когда Зубковъ докладывалъ это Муравьеву, тотъ включилъ меня въ списокъ лицъ, назначеніемъ которыхъ желаетъ самъ распорядиться.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ повѣстку, что на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, я долженъ явиться во дворецъ и представиться начальнику края, при общемъ представленіи служащихъ лицъ.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ помѣщался во дворцѣ. Это старинное зданіе, въ которомъ нѣкогда, въ 1812 году, останавливался Императоръ Александръ I, затѣмъ Императоръ Наполеонъ I. Муравьевъ занималъ весь дворецъ. Въ части обширныхъ залъ онъ размѣстилъ канцелярію и кабинеты лицъ, въ близости, подручности которыхъ нуждался. Для ежедневнаго, служебнаго пользованія, назначенъ былъ боковой подъѣздъ, въ концѣ зданія, выходящій на улицу противъ бывшаго университета. Теперь этотъ выходъ задѣланъ, и на томъ же концѣ дворца пробиты двери и устроено крыльцо во дворъ, подлѣ воротъ. У крыльца этого конечно стояли парные часовые.

Войдя въ швейцарскую, я увидѣлъ множество народа, снимавашаго верхнюю одежду, шумно разговаривавашаго. Неужели, думалъ я, всё они будутъ представляться генераль-губернатору, какъ я? По широкой лѣстницѣ я поднялся во второй этажъ, гдѣ увидѣлъ рядъ обширныхъ залъ, наполненныхъ самымъ разнообразнымъ людомъ. Тутъ была толпа генераловъ, множество офицеровъ, и среди нихъ не одинъ десятокъ блестящихъ гвардейцевъ; затѣмъ множество чиновниковъ, важныхъ, въ лентахъ и звѣздахъ, и смиренныхъ въ вицмундирахъ. Ко мнѣ, какъ офицеру, подошелъ дежурный адъютантъ, записалъ подробно: кто я, по какому поводу представляюсь начальнику края. Гражданскихъ чиновниковъ такимъ порядкомъ записывалъ особый чиновникъ особыхъ порученій. Оглядѣвшись немного, я съ удивленіемъ увидѣлъ себя въ средѣ лицъ знакомыхъ мнѣ по Петербургу. Изъ нихъ очень немногіе являлись Муравьеву въ первый разъ, какъ я; большинство состояло уже на службѣ здѣсь, занимали прекрасныя должности въ самой Вильнѣ, около Муравьева, и явились въ эти залы по обычаю; они бывали тутъ ежедневно, чтобы дѣлать Михаилу Николаевичу личные свои доклады, выслушивать его личныя распоряженія и быть у него подъ рукою, на случай надобности, при представленіяхъ. Я съ радостью увидѣлъ, что среди этихъ лицъ, особенно изъ числа генераловъ и высшихъ чиновниковъ, были люди съ выдающимися способностями и блестящей репутаціей. Значить, подумалъ я, Муравьевъ хорошо обставленъ! Всѣхъ ихъ вызвалъ въ Вильну Муравьевъ.

Вскорѣ изъ внутреннихъ комнатъ вышли какіе-то важные люди, съ портфелями и дѣлами, что-то сказали адъютанту, и тотъ принялся располагать насъ, военныхъ, по порядку записи у него, а чи-

новникъ особо располагалъ такъ же гражданскихъ лицъ. Въ числѣ ихъ были священники, какой-то монахъ, ксендзы и крестьяне. Живя въ Петербургѣ, я видалъ Муравьева на Высочайшихъ выходахъ, въ Зимнемъ дворцѣ, въ театрахъ, на улицъ; но, признаюсь, никогда не всматривался въ него. Онъ не представлялъ тогда ничего замѣчательнаго и былъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ многихъ министровъ, не болѣе. Говорить съ нимъ и представляться ему мнѣ не случилось. Теперь я увидѣлъ Михаила Николаевича во всемъ сіяніи и блескѣ славы власти. По чину поручика, я стоялъ въ хвостѣ представлявшихся, и мнѣ было время всмотрѣться въ историческую фигуру усмирителя повстанія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Михаилъ Николаевичъ былъ уже не молодецъ: небольшого роста, широкоплечій, плотный, даже толстоватый, съ медленными движеніями. Лицо широкое, славянское; лицо человѣка пожилого, но выражало непоколебимую волю, и казалось, неспособно было улыбаться. Вѣроятно отъ болѣзни, цвѣтъ лица его былъ желтый; лицо суровое, но не злое. Говорилъ онъ не громко, но ровно, ясно, не возвышая голоса, и очень спокойно, даже безпристрастно. Онъ останавливался передъ каждымъ изъ представлявшихся, задавалъ нѣкоторымъ вопросы, выслушивалъ внимательно и кратко высказывалъ свои резолюціи, обращаясь къ одному изъ составлявшихъ его свиту сановниковъ адъютантовъ, ординарцевъ. Резолюцію эту тотчасъ записывало то лицо свиты, къ которому онъ обращался. Лица, окончившія свое представленіе, не удалялись, а оставались на мѣстахъ, такъ что до конца обхода всѣхъ толпа была не подвижна.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ. Я выговорилъ извѣстную фразу: „поручикъ лейбъ-гвардіи конной артиллеріи Полевой, командированъ въ распоряженіе Вашего Высокопревосходительства, для занятія должности мирового посредника“. Онъ молча, внимательно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, устремилъ свои суровые глаза на мое лицо и медленно сказалъ: „Вы уже были мировымъ посредникомъ на родинѣ? Долго?“ Я отвѣтилъ. „Что заставило Васъ покинуть гвардію и пріѣхать сюда?“ Вопросъ этотъ крайне оскорбилъ меня, какъ намекъ на то, будто я ушелъ изъ гвардіи не по доброй волѣ, но я спокойно, не смущаясь, отвѣтилъ: „я потому именно пріѣхалъ сюда и согласился занять должность мирового посредника, что могу сдѣлать это, не покидая гвардіи, оставаясь въ почетномъ званіи офицера гвардейской артиллеріи, и во всякое время возвратиться въ мою батарею. Три года занятій крестьянскимъ дѣломъ показали мнѣ, какую огромную пользу можно принести на этой должности, и какое серьезное это дѣло. А въ Сѣверо-Западный край я явился потому, что, какъ мнѣ объявилъ то бывшій мой начальникъ, смо-

ленскій губернаторъ, здѣсь нужны русскіе люди и у Вашего Высочайшаго Превосходительства не достаетъ мировыхъ посредниковъ“. Михаилъ Николаевичъ молча, вперивъ въ меня свой пронзительный взоръ, выслушалъ меня, кивнулъ головою и сказалъ: „Зубковъ объявить Вамъ назначеніе Ваше“. Я почтительно поклонился; тѣмъ и кончилось мое представленіе. За мной стояло еще человекъ 10 представляющихся, съ которыми онъ говорилъ такъ же кратко, и черезъ полчаса представленіе кончилось. Муравьевъ вышелъ на середину зала, сдѣлалъ общій поклонъ, сказалъ: „до свиданія, господа!“ и ровно, медленно шагая, удалился въ свой кабинетъ. По уходѣ Михаила Николаевича, толпа зашевелилась, заговорила, но не сразу стала расходиться.

Стоялъ на мѣстѣ и я, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только-что выслушаннаго мною оскорбительнаго вопроса. Оскорбленный до глубины души несправедливымъ намекомъ Муравьева, я въ умѣ уже рѣшилъ: немедленно подать рапортъ объ отказѣ принять должность мирового посредника въ Сѣверо-Западномъ краѣ, возвратиться въ строй въ мою батарею, и тѣмъ ясно опровергнуть клевету.

Еще во время разговора со мною Муравьева я замѣтилъ въ свитѣ его генерала Ратча, дружески кивавшаго мнѣ головою, изъ-за спины Михаила Николаевича. Я зналъ Ратча по службѣ моей въ гвардейской артиллеріи, гдѣ онъ занималъ выдающійся служебный постъ. Это былъ очень образованный человекъ, ученый артиллеристъ. Мнѣ пришлось два мѣсяца, подъ его руководствомъ производить на Красносельскомъ военномъ полѣ практическую провѣрку таблицъ для стрѣльбы изъ нарѣзныхъ орудій. Я вынесъ изъ этой двухмѣсячной работы глубокое уваженіе и искреннее расположеніе къ генералу Ратчу; а онъ полюбилъ меня и относился ко мнѣ дружески.

Когда я стоялъ въ раздумѣ въ пріемномъ залѣ Виленскаго дворца, генералъ Ратчъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и улыбаясь сказалъ: „не ожидалъ видѣть Васъ здѣсь! Что? озадачилъ Васъ старикъ нашъ?“ Я очень обрадовался встрѣчѣ съ Ратчемъ и тотчасъ излилъ ему все свое огорченіе, и высказалъ ему свою рѣшимость уѣхать въ Петербургъ, возвратиться въ свою батарею. Онъ съ улыбкою выслушалъ меня, дружески обнялъ и сказалъ: „Все тотъ же! Люблю Вашу гордость и обидчивость! Но Боже Васъ сохрани исполнить Ваше неблагоразумное рѣшеніе. Вы не знаете Михаила Николаевича, и потому такъ приняли слова его. У него замашка озадачивать людей и такимъ образомъ испытывать ихъ. Я убѣжденъ, что онъ замѣтилъ Вашу обиду, понялъ ее и составилъ себѣ о Васъ хорошее мнѣніе, Вы хорошо, сдержанно, но смѣло, отвѣтили

ему“. Ратчъ разсказалъ мнѣ, что живетъ въ Вильнѣ, занимаетъ тамъ должность начальника артиллеріи Виленскаго военнаго округа, и дружести пригласилъ меня къ себѣ, въ тотъ же день, обѣдать. Онъ взялъ съ меня слово до подробной бесѣды съ нимъ послѣ обѣда не дѣлать никакого шага относительно службы моей мировымъ посредникомъ и даже постараться не видѣться съ Зубковымъ.

Вечеромъ, сяди въ кабинетъ Ратча, я разсказалъ ему: съ какимъ патриотическимъ одушевленіемъ я ѣхалъ въ Вильну; высказалъ ему, что по моему убѣжденію я поступилъ самоотверженно, обрекая себя, вмѣсто пріятной жизни въ Петербургѣ, блестящей, легкой службы въ гвардіи, на жизнь гдѣ-нибудь въ уѣздномъ городѣ Западнаго края и тяжелый трудъ успокоенія бунтующихъ. А ему, какъ одному изъ моихъ начальниковъ по гвардейской артиллеріи, конечно извѣстно мое положеніе тамъ, и что уходитъ изъ гвардіи мнѣ нѣтъ никакой нужды. Я разсказалъ ему, какъ наканунѣ Зубковъ сообщилъ мнѣ, что о службѣ моей въ Вяземскомъ уѣздѣ полученъ отъ смоленскаго губернатора самый лестный отзывъ; а потому я рѣшительно недоумѣваю: что могло побудить Муравьева сдѣлать мнѣ публично такое оскорбленіе? Если же здѣсь обычай такъ презрительно и дерзко обходиться съ подчиненными, то мнѣ, офицеру гвардейской артиллеріи, здѣсь не мѣсто. Ратчъ повторилъ мнѣ: „это его манера узнавать людей! Что станешь съ нимъ дѣлать! Привыкъ такъ третировать подчиненныхъ на гражданской службѣ. А впрочемъ у него есть и оправданіе. Въ числѣ претендентовъ на разныя должности, здѣсь набралось столько людей темныхъ, что ему приходится внимательно всматриваться въ нихъ. Наконецъ, надо быть снисходительнымъ къ такому замѣчательному человѣку. Примите въ соображеніе, что онъ сдѣлалъ, что вынесъ! Какая на немъ лежитъ отвѣтственность и какія у него заботы! Знаете ли Вы, что онъ сдѣлалъ прошлую ночь? Какія выслушивалъ донесенія отъ толпы людей съ портфелями, которые вышли съ нимъ изъ его кабинета, передъ представленіемъ“. Онъ разсказалъ мнѣ, что въ предыдущую ночь былъ сдѣланъ внезапный обыскъ богатѣйшаго, обширнѣйшаго женскаго монастыря въ г. Вильнѣ, одной изъ уважаемыхъ католическихъ святынь. Тамъ нашли скрывавшихся преступниковъ повстанцевъ, и напали на слѣды обширной революціонной организаціи. Вся католическая Вильна въ эту минуту въ ужасѣ и волненіи отъ этого событія, такъ какъ предвидятъ большіе аресты, и пожалуй закрытіе этого уважаемаго, стариннаго монастыря. Въ Петербургѣ полетѣло уже нѣсколько вліятельныхъ польскихихъ аристократокъ защищать монастырь, кричать о варварствѣ, притѣсненіи христіанской религіи. „Скажите: должно ли человѣку,

ведущему все это, проведенному прошлую ночь въ обдумываніи, въ исполненіи этого историческаго, смѣлаго поступка, извинить, если онъ сегодня въ нервномъ состояніи и рѣзко испытывалъ молодого гвардейскаго офицера?“ Онъ совѣтовалъ мнѣ развлечься, отправиться въ театръ. „Завтра я увижу Зубкова на приѣмѣ; разспрошу его и пришлю Вамъ извѣстіе!“ сказалъ онъ мнѣ, прощаясь.

Я послѣдовалъ совѣту добраго генерала и прямо отъ него пошелъ въ театръ. Театръ помѣщался въ томъ же небольшомъ городскомъ зданіи, гдѣ находится и теперь. Муравьевъ выписалъ нѣсколько хорошихъ русскихъ актеровъ и актрисъ, поручилъ заведываніе театромъ дирекціи изъ русскихъ чиновниковъ, любителей театра, далъ имъ субсидію и водворилъ въ Вильнѣ русскую сцену. Театръ небольшой, былъ чистенько и весело отдѣланъ. Играли, разумѣется, исключительно русскія пьесы, и составъ труппы былъ очень недурень. Главныя дѣйствующія лица, артисты, были всѣ русскіе; второстепенные актеры, а особенно актрисы, были набраны изъ говорящихъ по-русски поляковъ и полякъ. Кажется, принимая ихъ въ труппу, дирекція болѣе всего заботилась подобрать красивыхъ, бойкихъ женщинъ, и добилась этого. Представленіе шло ровно, бойко, хотя польскій акцентъ красивыхъ актрисъ рѣзалъ мое непривычное къ этому великороссійское ухо. Вѣдь я, недѣли двѣ назадъ, сидѣлъ въ Московскомъ Маломъ театрѣ и слышалъ Ермолову, Ѳедотову! Скучающей русской публикѣ, еще не обжившейся и не оглядѣвшей въ Вильнѣ, на чужбинѣ, это развлеченіе дѣйствительно было отдыхомъ. Въ ложахъ видны были русскія дамы; партеръ былъ полонъ русской молодежи. Мѣстныхъ уроженцевъ—поляковъ, евреевъ—не было никого. Я не могъ не обратить вниманія на интимныя, почти семейныя отношенія публики къ артистамъ. Молодежь называла актеровъ и актрисъ по именамъ, дѣлилась на партіи поклонниковъ избранныхъ красавицъ и поддерживала своихъ любимцевъ и любимицъ. Касательно актрисъ, восхищались конечно особенно красивыми, шикарными. Очевидно было, что публика усердно посѣщаетъ театръ, поддерживаетъ его. Объ артистическомъ, серьезномъ искусствѣ тутъ не могло быть рѣчи; это было пріятное развлеченіе.

На другой день утромъ, я отъ бездѣлья пошелъ бродить по Вильнѣ, познакомиться съ городомъ. Я увидѣлъ при этомъ, что евреи составляютъ едва-ли не значительнѣйшую часть жителей Вильны. Весь центръ города густо заселенъ ими; всѣ магазины, лавки принадлежатъ имъ. Польскихъ магазиновъ было нѣсколько, на перечь, а еврейскихъ сотни; очевидно было, что вся торговля въ рукахъ евреевъ. Богатыхъ, хорошо обставленныхъ магазиновъ было мало;

остальные всё были наполнены самымъ посредственнымъ, второ-степеннымъ товаромъ. Я забрелъ въ такіе переулки, въ которыхъ, казалось, человекъ могъ, протянувъ руки, загородить всю улицу и касаться одной рукой лѣвой стѣны переулка, а другой рукой правой стѣны. Какая грязь, вонь, царствовали въ этихъ притонахъ, предоставляю всякому вообразить. Не нарядна была тогда Вильна!

Полиціи на улицахъ было не много, но встрѣчалось множество военныхъ командъ, ведущихъ кучки арестованныхъ лицъ, очень разнообразнаго состава. Мнѣ объяснили, что это водятъ арестованныхъ, для допросовъ, въ разныя слѣдственные комиссіи и суды; а въ этотъ день ихъ было видно особенно много, такъ какъ въ предыдущую ночь заарестовали очень много лицъ, вслѣдствіе обыска женскаго католическаго монастыря. На меня, да повидимому и на всѣхъ идущихъ по улицамъ лицъ, эти конвоируемыя солдатами съ ружьями партіи арестантовъ производили удручающее впечатлѣніе. На улицахъ, вообще, не было оживленія; при видѣ же этихъ военныхъ отрядовъ, лица прохожихъ становились еще мрачнѣе, они жались къ стѣнамъ домовъ, а торговцы скрывались въ лавки. Признавая въ этихъ арестантахъ преступниковъ, осуждая ихъ образъ дѣйствій, я самъ не могъ безъ скорби смотрѣть на нихъ. Тяжело расплачивались эти люди за свои безумныя увлеченія! Не веселы были тогда улицы Вильны!

За обѣдомъ въ табльдотѣ, молодой знакомый офицеръ передалъ мнѣ краткое письмо Ратча. Всего было написано: „Все благополучно; не волнуйтесь“. Тутъ же, за табльдотомъ, обѣдающіе условливались собраться вечеромъ въ клубъ, на маскарадъ. Съ удивленіемъ я спросилъ: „Какой клубъ? какой маскарадъ?“ Мнѣ объяснили, что въ здѣшнемъ (кажется) дворянскомъ собраніи помѣстился русскій клубъ; что на поддержку онъ получаетъ субсидію, и что на устраиваемыхъ тамъ маскарадахъ бываетъ весело. Мнѣ совѣтовали сходить туда, и общали записать тамъ гостемъ. Два лица дали мнѣ даже свои карточки съ надписями: „прошу считать Н. Кс. Полевого моимъ гостемъ въ русскомъ клубѣ“. Дѣлать мнѣ было нечего, и вечеромъ, часовъ въ 12, я пошелъ въ клубъ. Знакомые мои исполнили свое обѣщаніе. Швейцаръ клуба, при входѣ моемъ, посмотрѣлъ на представленную мною карточку, вѣжливо пригласилъ меня войти, словами: „пожалуйте!“ Помѣщеніе было роскошное; залы, гостиныя, просторныя, высокія; освѣщеніе яркое. Публики было много. Въ большомъ, двухсвѣтномъ залѣ гремѣла музыка, шли оживленные танцы. Къ удивленію моему, было много женщинъ, и очень изящныхъ; всё онѣ были въ домино, въ маскахъ. Когда я вошелъ, танцевали мазурку, и тамцовали ее съ увлеченіемъ, лихо, изящно.

Танцевали какіе-то приличные кавалеры во ффракахъ и дамы въ домино, по большей части красивыя. Изъ отрывистыхъ фразъ танцующихъ, перехваченныхъ мною, я услышалъ, что танцоры и дамы ихъ поляки. Это изумило меня. Неужели, думалъ я, поляки такъ безпечны, мало развиты, безчувственны, вѣтренны, что могутъ такъ беззаботно веселиться теперь? Мнѣ представились видѣнные мною, нѣсколько часовъ назадъ, арестанты въ пѣбняхъ, конвоируемые солдатами. Я обратился съ такимъ вопросомъ къ знакомымъ моимъ, которые обжились въ Вильнѣ. Они разъяснили мнѣ, что всѣ танцующіе, надо предполагать, дѣлаютъ это по найму. Среди нихъ не видно никого порядочныхъ людей, а дамы, большею частью веселыя дамы, коихъ промыселъ таковъ; а приглашаютъ ихъ, вѣроятно, за плату танцевать въ клубѣ, такъ какъ это оживляетъ общество. Они обратили мое вниманіе на то, какъ лихо, изящно танцуютъ мазурку. Дѣйствительно, нельзя было не любоваться этимъ зрѣлищемъ. Я самъ любилъ танцевать, самъ любилъ мазурку; но, можно сказать, не имѣлъ понятія о той *Варшавской* мазуркѣ, которую исполняли въ эти минуты передо мною. Мы, въ тѣ времена, привыкли въ Петербургѣ небрежно видѣлывать въ мазуркѣ какое-то однообразное па, и видѣли въ мазуркѣ болѣе всего счастливую возможность уединиться со своей дамой, на свободѣ поговорить съ ней. Здѣсь же танцоры видѣлывали самыя разнообразныя, лихія па, сплетали и расплетали красивыя, полныя жизни и огня фигуры, невольно увлекались сами своимъ любимымъ танцемъ. Дамы летали въ ихъ рукахъ, какъ бабочки, а хладнокровная русская толпа, окружавшая ихъ, была увлечена ихъ танцами, не могла оторваться отъ изящнаго зрѣлища.

Наконецъ мазурка кончилась, публика разбрелась по гостинимъ и въ буфетъ. Проходя по гостинимъ, я видѣлъ большую часть красавицъ, танцовавшихъ мазурку, весело болтающими уже съ русскими чиновниками, офицерами. Скоро я наткнулся на серьезнаго Зубкова. Онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что только-что былъ съ докладомъ у Муравьева; назначеніе мое состоялось; завтра онъ отнесетъ ему къ подписи приказъ объ этомъ, а послѣ завтра я долженъ представиться Муравьеву, а затѣмъ уѣхать въ Минскъ.

— „Но куда же назначенъ я?“—спросилъ я.

— Въ Бобрыйскій уѣздъ Минской губерніи, въ третій участокъ. Муравьевъ самъ указалъ мнѣ ваше назначеніе; у него есть тутъ какая-то мысль.

Я не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Объясните мнѣ, пожалуйста, что значать его слова“—я повторилъ ему сказанное мнѣ Муравьевымъ наканунѣ.

Зубковъ удивленно посмотрѣлъ на меня и спросилъ: „Онъ сказалъ Вамъ это? Да ничего не значить!“

Я закипятился и сталъ ему высказывать свое убѣжденіе объ этомъ обидномъ вопросѣ Муравьева. Зубковъ послушалъ меня нѣсколько мгновений, махнулъ рукою и сказалъ: „Полно Вамъ привередничать! Приходите завтра ко мнѣ, переговоримъ. А теперь идемте ужинать; а то не найдемъ и мѣста за нашимъ мировымъ крестьянскимъ столомъ“.

Въ столовой было шумно, весело; всѣ столы были заняты; ужинало много дамъ, конечно, въ обществѣ молодежи. Слышались хохотъ, веселая болтовня; дамы сидѣли уже безъ масокъ и исправно попивали шампанское.

Зубковъ подошелъ къ длинному столу, гдѣ не было дамъ, хотя также было весело. Онъ подвелъ меня къ этому обществу и сказалъ: „Господа! новый нашъ мировой посредникъ — Г. Полевой. Бывалый человекъ; въ Смоленской губерніи служилъ съ 19 февраля!“ Мнѣ радушно протянули руки; потѣснились, дали мѣсто за своимъ столомъ. Среди сидящихъ было нѣсколько знакомыхъ, и даже одинъ смолякъ, тоже мировой посредникъ Гжатскаго уѣзда. Оказалось, что за этимъ столомъ собираются лица, служащія по крестьянскому дѣлу, чтобы быть въ своей компаніи. Весело поужинавъ, я часа въ три воротился въ гостиницу.

На другой день, въ 10 часовъ утра, я былъ у Зубкова. Онъ разсказалъ мнѣ, что Муравьевъ самъ, по личнымъ своимъ соображеніямъ, назначилъ меня въ Бобруйскій уѣздъ. Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, по словамъ Зубкова, не было до сихъ поръ ни одного русскаго мирового посредника; тотъ мировой посредникъ, на мѣсто котораго я назначенъ, полякъ; уѣздный предводитель дворянства тамъ полякъ, губернской предводитель дворянства полякъ. Два другіе мировые посредника Бобруйскаго уѣзда недавно назначены Муравьевымъ изъ мѣстныхъ русскихъ помѣщиковъ; но онъ ими очень недоволенъ. При дѣйствіяхъ повѣрочной комиссіи, они держатъ руку польскихъ помѣщиковъ; я отнюдь не долженъ слѣдовать ихъ образу дѣйствій. Бобруйскій уѣздъ глухой, особенно та часть его, въ которой расположенъ мой участокъ; тамъ до сихъ поръ бродятъ шайки повстанцевъ. Михаилъ Николаевичъ надѣется, что я сумѣю успокоить крестьянъ, что не утрашусь борьбы; онъ сказалъ обо мнѣ: „Это человекъ съ волею, онъ выдержитъ; его не смутить“.

Вечеромъ я получилъ форменный приказъ о назначеніи меня мировымъ посредникомъ 3 участка Бобруйскаго уѣзда и повѣстку, приглашавшую меня явиться на другой день къ генераль-губернатору. Я опять вошелъ въ просторную пріемную Виленскаго дворца; опять

тамъ собралась та же разнообразная толпа; опять дежурный адъютантъ записалъ меня, но передалъ свою записку чиновнику особыхъ порученій и сказалъ: „Это ужъ теперь по вашей части; г. поручикъ теперь мировой посредникъ“. Меня помѣстили въ особую группу лицъ, вызванныхъ Муравьевымъ; насъ было человѣкъ 12, почти все сановники, я самый младшій, не сановный.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ подошелъ прежде всего къ нашей группѣ. Съ большинствомъ онъ говорилъ очень не долго; но какого-то генерала спрашивалъ очень долго о чемъ-то. Мы стояли около одного изъ огромныхъ оконъ залы: толстыя стѣны дворца образуютъ углубленія, какъ комнаты; Михаилъ Николаевичъ удалился туда съ своимъ собесѣдникомъ. Наконецъ очередь дошла до меня. Движеніемъ руки онъ подовалъ меня къ себѣ; онъ стоялъ спиною къ свѣту и, не ожидая моей форменной фразы представленія, обратился ко мнѣ, какъ человѣку извѣстному ему. Я стоялъ передъ нимъ; свѣтъ окна падалъ мнѣ на лицо; глаза Муравьева такъ же внимательно, пронзительно были устремлены на меня. Онъ сказалъ примѣрно слѣдующее:

„Я назначилъ васъ мировымъ посредникомъ въ Бобруйскій уѣздъ; подробную инструкцію вы получите отъ Зубкова. Я, съ своей стороны, скажу вамъ, что поручаю вамъ постъ трудный. Вы будете въ этомъ уѣздѣ совершенно одинокимъ; тамъ нѣтъ никого, съ кѣмъ вы могли бы посоветоваться, на кого опереться. Два ваши сослуживца, хотя русскіе люди, усвоили себѣ взглядъ на дѣло мѣстныхъ уроженцевъ — поляковъ; держитесь отдѣльно отъ нихъ. Бандъ въ Бобруйскомъ уѣздѣ теперь уже нѣтъ, но мятежное направленіе тамъ всеобщее, даже между крестьянами. Дѣйствуйте осторожно, но смѣло. Я вижу въ васъ человѣка образованнаго, развитого, съ хорошимъ направленіемъ; три года провѣрки уставныхъ грамотъ ознакомили Васъ съ крестьяниномъ; а крестьяне вездѣ тѣ же самые; здѣшній безхарактернѣе, лживѣе нашего великоросса. Повторяю: дѣйствуйте самостоятельно, пробивайте себѣ путь, идите впереди толпы. Вы русскій гвардейскій офицеръ и конечно не оробѣете. За вашей дѣятельностью я буду слѣдить; разумную дѣятельность я вознагражу щедро. Прощайте! Богъ въ помощь вамъ!“

Онъ кивнулъ мнѣ головою, вышелъ изъ амбразуры окна и пошелъ дальше. Во время этой аудіенціи я не промолвилъ ни слова; и слушалъ, и самъ внимательно вглядывался въ лицо Михаила Николаевича. На этотъ разъ я замѣтилъ въ глазахъ его какъ будто искру добродушія, а при прощаніи, мнѣ показалось, что на устахъ его появилось мягкое выраженіе. Добрый генералъ Ратчъ разыскалъ меня, подробно спросилъ обо всемъ, призналъ все весьма хоро-

шимъ, блестящимъ. Тутъ же подошелъ ко мнѣ Зубковъ и сказалъ, чтобы завтра я пришелъ получить бумаги, подорожную, и могу ѣхать.

На другой день, явившись къ Зубкову, я сказалъ ему, что Муравьевъ приказалъ мнѣ получить отъ него подробную инструкцію. Зубковъ улыбулся, подалъ мнѣ подорожную и сказалъ: „Вотъ вамъ инструкція! Поѣзжайте, дѣйствуйте! Какія инструкціи могу я дать вамъ, если я никогда не былъ въ Минской губерніи, никогда не видалъ Бобруйскаго уѣзда, его болотъ и лѣсовъ? Я не знаю тамъ ни одного человѣка! Поѣзжайте, и вы дайте намъ указанія; скажите, какъ и что тамъ надо дѣлать. Здѣсь, въ Вильнѣ, меньше всего знаютъ Минскую губернію!“

На этомъ мы и расстались съ этимъ разумнымъ, дѣловымъ человекомъ. За табльдотомъ меня поздравляли съ назначеніемъ, и мы условились вечеромъ собраться опять въ Русскомъ клубѣ, гдѣ кстати опять былъ назначенъ маскарадъ.

Во время этого вечера со мною случилось оригинальное происшествіе. Съ нѣсколькими знакомыми я стоялъ, любовался мазуркою. По привычкѣ я лѣвой рукой оперся на рукоятъ шашки, а правую руку заложилъ за спину и держалъ въ ней фуражку. Когда кончилась мазурка, я двинулся съ мѣста и перенесъ правую руку впередъ, я замѣтилъ въ ней какой-то полулистъ бѣлой бумаги, я вынулъ его, развернулъ и прочиталъ слѣдующее:

„Сегодня состоялось преступное назначеніе Васъ мировымъ посредникомъ, вопреки распоряженію и манифесту Народной Воли. Если вы примете это назначеніе, Народная Воля не допуститъ васъ до исполненія возложенной на васъ тираномъ должности и прикажетъ казнить васъ. Опомнитесь! Немедленно исполните требованіе Народной Воли!“

Приложена была черная печать съ польскимъ орломъ.

Озадаченный этимъ документомъ, я показалъ его своимъ собесѣдникамъ, и тѣ посовѣтовали мнѣ показать его полицеймейстеру, стоявшему невдалекѣ. Полицеймейстеръ взглянулъ на этотъ листъ и равнодушно сказалъ: „Это шестую такую повѣстку мнѣ предъявляютъ сегодня! Нахали!“ Онъ разспросилъ меня: кто стоялъ подлѣ меня, не замѣтилъ ли какой-нибудь маски около себя. Я отвѣчалъ, что я никого и ничего не замѣтилъ, что я пришелъ въ клубъ отдохнуть, а не сторожить прохожихъ. Полицеймейстеръ объяснилъ мнѣ, что большинство лицъ, занимающихъ должности, съ которыхъ удалены поляки, получаютъ такіе смертные приговоры; но, слава Богу, всѣ живы, здоровы. Онъ взялъ мой приговоръ и сказалъ: „завтра доложу объ этомъ начальнику края. Пожалуйста, если узнаете что-нибудь,

или съ вами случится что-нибудь, имѣющее малѣйшее отношеніе къ этому документу, немедленно сообщите мнѣ“.

Я пошелъ ужинать, весело провелъ вечеръ и на другой день утромъ выѣхалъ по дорогѣ въ Минскъ.

Сидя въ саняхъ, я перебиралъ впечатлѣнія нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Вильнѣ; несимпатичныя, тяжелыя воспоминанія вывезъ я оттуда. Не понравился мнѣ самый городъ; грубъ, не цивилизованъ показался мнѣ весь бытъ его. Колѣнопреклоненная демонстрація богомольцевъ у Острой Браны, въ сущности думающихъ не о молитвѣ, а злобно вопіющихъ, чтобы злить тирана, не рѣшающагося разогнать ихъ, и прохожихъ русскихъ; вспомнились мнѣ несчастные арестанты на улицахъ; рассказъ о женскомъ аристократическомъ монастырѣ, устроившемъ у себя притонъ повстанцевъ и заговорщиковъ; жалкіе лицедѣи, за деньги отплясывающіе въ это самое время въ собраніи, жадно пожирающіе ужинъ, предложенный имъ ненавистными имъ москалями; польки, съ бокалами шампанскаго въ рукахъ, публично, чуть не въ объятіяхъ тѣхъ же ненавистныхъ имъ людей! Лживый, гадкій, отвратительный міръ! Осудилъ я и свою собственную рѣчь, и роль легкомысленныхъ русскихъ на этомъ пиру!

Мнѣ вспомнились безпечные итальянцы, живущіе на склонахъ огнедышащаго Везувія, и стихотворное произведеніе Пушкина „Пиръ во время чумы“. Какъ апопееозъ, среди этихъ воспоминаній, явилась фигура Муравьева, мрачнаго, суроваго руководителя всѣхъ этихъ маріонетокъ, издали приглядывающаго ко всему происходящему вокругъ него, устраивающаго все и, презрительнымъ взмахомъ руки, заставляющаго двигаться подобострастную толпу. Я вспомнилъ рѣзкій вопросъ его и спрашивалъ себя: благоразумно ли поступилъ я, перетерпѣвъ эту обиду? Не предвѣщаетъ ли она мнѣ въ будущемъ фальшивое положеніе? Не повторится ли это? Я сознавалъ, что не могу получить здѣсь никакихъ особенныхъ выгодъ, а въ Петербургѣ меня ждетъ спокойная жизнь, вѣжливое обращеніе и даже больше матеріальныхъ выгодъ.

Тутъ вспомнились мнѣ послѣднія, прощальныя слова отца моего, съ которымъ мы взвѣшивали, обсуждали все это, и который благословилъ меня ѣхать сюда. Онъ говорилъ: „Никакихъ особенныхъ выгодъ ты не можешь получить въ томъ краѣ; но твоя нравственная обязанность ѣхать туда. Отечество, Россія въ опасности“.

Николай Полевой.

„Я это давно зналъ“.

(Изъ воспоминаній о шестидесятихъ годахъ).

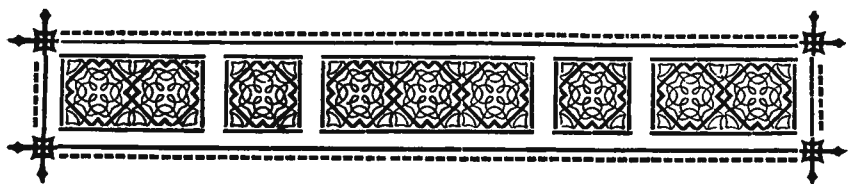
Въ шестидесятихъ годахъ жилъ въ N помѣщикъ, настоящую фамилію котораго я не помню, но который всѣмъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „Ноздрева“, по сходству его съ Гоголевскимъ Ноздревымъ, и такъ я его и буду называть въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ. Этотъ Ноздревъ отличался между прочимъ тѣмъ, что считалъ долгомъ никогда ничему не удивляться, и что бы вы ему ни разсказали, онъ обязательно отвѣтитъ:—„я это давно зналъ“. За эту привычку говорить, что онъ это все зналъ, онъ разъ жестоко поплатился. Въ 1866 году произошло событіе, которое потрясло всю Россію, а именно покушеніе Каракозова на жизнь Государя Императора Александра Николаевича. Телеграмма, съ извѣщеніемъ объ этомъ ужасномъ событіи, была получена въ тотъ же день вечеромъ, въ то время когда губернаторъ находился въ клубѣ, куда она и была ему доставлена, и гдѣ находилось въ этотъ день почти все мѣстное общество. Губернаторъ, прочитавъ телеграмму, взволнованнымъ голосомъ громко сказалъ:

— Господа, слушайте, какое ужасное извѣстіе я получилъ.

Моментально вся публика собралась кругомъ губернатора, и онъ вслухъ прочиталъ полученную имъ телеграмму. Всѣ такъ были потрясены полученнымъ извѣстіемъ, что никто не произнесъ ни слова. Послѣ нѣсколькихъ мгновеній гробового молчанія, вдругъ раздается обычная фраза Ноздрева:—„я это давно зналъ“. Разумѣется, всѣ присутствовавшіе при этомъ отлично знали, что Ноздревъ въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, ровно ничего не зналъ, а обрехнулъ это такъ, по глупой привычкѣ, а потому никто на его слова никакого вниманія не обратилъ; но, тѣмъ не менѣе, присутствовавшіе при этомъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, хотя и не сомнѣвались во вздорности словъ Ноздрева, но изъ опасенія, какъ бы эти слова стороной не дошли до ихъ начальства, взяли да каждый по своему начальству и донесли, что такой-то Ноздревъ, при чтеніи телеграммы о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора, заявилъ, что онъ зналъ объ этомъ покушеніи. Въ отвѣтъ на это донесеніе пришло изъ Петербурга распоряженіе арестовать Ноздрева и доставить его немедленно въ Петербургъ. Забрали раба Божьяго, препроводили въ обществѣ двухъ жандармовъ въ Петербургъ, продержали его въ крѣпости мѣсяца три и, убѣдившись, что онъ ровно ничего не зналъ, а что онъ просто глупый брехунъ, отпустили его восвояси; но послѣ этой исторіи, окончившейся для Ноздрева сравнительно еще довольно благополучно, онъ сразу отвыкъ отъ своей привычки говорить, что онъ это давно зналъ.

А. А—ХЪ.

Воспоминанія о Гоголѣ.

Мы приводимъ воспоминанія объ. ученическихъ годахъ Н. В. Гоголя, друга Пушкина, В. И. Любича-Романовича, воспитывавшагося въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія вмѣстѣ Н. В. Гоголемъ въ Нѣжинскомъ Безбородковскомъ лицейѣ, въ то время еще называвшемся гимназією высшихъ наукъ.

Воспоминанія эти мы составляемъ, какъ изъ личныхъ нашихъ бесѣдъ съ Любичемъ-Романовичемъ, такъ и изъ его обширныхъ мемуаровъ, оставшихся послѣ его смерти въ 1888 году у пишущаго эти строки, друга В. И.

— Брезгливое чувство поднимаетъ во мнѣ воспоминаніе о Н. В. Гоголѣ,—говорилъ мнѣ, пишущему эти строки, В. И. Любичъ-Романовичъ, когда я спросилъ его о томъ, при какихъ условіяхъ состоялось его знакомство въ Нѣжинскомъ лицейѣ съ Н. В., и какую окраску оно приняло во время ихъ совмѣстной жизни въ учебномъ заведеніи, на лекціяхъ, въ прогулкахъ и на ученическихъ собраніяхъ, которыя тамъ бывали въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія, когда все русскія школы вообще того времени были заражены „Пушкиновщиной“, какъ вольнодумствомъ или либерализмомъ, проникнутымъ однако байроновщиной, т.е. духомъ гуманизма, поэтизма и пуританизма.

— Но отчего вы такъ брезгливо относитесь къ нашему великому писателю?—спросилъ я Любича-Романовича, когда замѣтилъ на его лицѣ кислую гримасу, напоминающую не то презрѣніе къ предмету, ему не нравящемуся, не то отвращеніе къ человѣку, ему противному по какимъ-либо дурнымъ его прошлымъ поступкамъ.—Гоголь былъ одноворець, а вы—аристократъ, замѣтилъ я, В. И.,—сынъ „екатерининскаго генерала“, привыкшаго къ большому обществу, къ лоску, къ изысканнымъ манерамъ,—а Н. В. всего этого чуждался, бѣжалъ

*

отъ тонкостей высшей среды и любилъ простое, безыскусственное отношеніе ко всѣмъ людямъ одинаково, какого бы ранга они ни были и какое бы пожеланіе въ обществѣ ни занимали.

— Не думаю, чтобы эти причины вызывали въ васъ брезгливое чувство къ Гоголю?—добавилъ я.

— О, нѣтъ!.. Онъ мнѣ казался противнымъ совершенно по другимъ причинамъ, чисто органическимъ, внѣшнимъ, но не классовымъ... Не то было время 20-хъ годовъ XIX столѣтія, чтобы пренебрегать плебеемъ...

Причина тутъ была совершенно иная, открытая для всѣхъ и всѣмъ одинаково казалась противной.. Вотъ судите сами... Гоголя привезли къ намъ въ лицей поздней осенью на волахъ, въ простой бричкѣ, закутаннаго въ одѣяла, какъ шаръ масла... При немъ находился одинъ „дядька“, хохоль, усачъ съ чубомъ на макушкѣ, какъ у Тараса Бульбы или у всякаго запорожца, казака екатериненскихъ временъ, сражавшагося съ крымскими татарами...

Дядька этотъ былъ дикъ, грубъ и не опрятенъ, носилъ вѣчно одно и то же не смѣняемое бѣлье, сдѣланное изъ суроваго бѣлаго холста и просмоленное до того, что если онъ гдѣ-либо побудеть нѣсколько минутъ, то оставить послѣ себя запахъ, который не вывѣтривался цѣлыми недѣлями: все бывало „Тишкой пахло“...

Таковъ же былъ и самъ Гоголь... Представьте вы себѣ мальчика четырнадцати лѣтъ, какимъ былъ привезенъ Н. В. въ лицей, худого, какъ ободранная кошка, съ вѣчными прыщами на лицѣ и съ гноемъ, текущимъ изъ ушей... Это былъ Гоголь...

Какъ иначе можно было отнестись къ нему какъ не съ чувствомъ брезгливости?.. Вѣдь это оказывалось нѣчто невозможное!.. Человѣкъ заживо разлагался... И съ этимъ-то юношей намъ приходилось жить въ одномъ корпусѣ, встрѣчаться на лекціяхъ, бывать на прогулкахъ, сидѣть въ интернатѣ за однимъ столомъ, читать въ библиотекѣ однѣ и тѣ же книги...

Противно было смотрѣть на него. И при всемъ томъ еще онъ постоянно жевалъ сладости: его карманы всегда были набиты медовыми пряниками, дешевыми конфетами и мочеными грушами, и онъ, по временамъ вынимая все это въ классахъ изъ кармана, быстро жевалъ и глоталъ... Точно было смотрѣть на него въ это время...

Особенно онъ былъ отвратителенъ въ то время, когда забывался въ своемъ увлеченіи при жеваніи сладостей и чавкалъ ртомъ такъ, какъ свинья надъ корытомъ, а носомъ сопѣлъ, точно паровой котель... Только замѣчаніе учителей выводило его изъ этого транса, и онъ переставалъ на время сопѣть носомъ... Но потомъ опять та же

исторія... И такъ всегда и вездѣ: и въ классахъ, и на прогулкахъ, и за столомъ, и въ библіотекѣ, и въ обществѣ вообще...

— Что же у него было въ носу?—спросилъ я Любичъ-Романовича.

— Полипъ что-ли... Или залотушныя папули, мѣшавшія ему свободно дышать носомъ... И вообще это былъ человѣкъ грязный, неряшливый, вѣчно ковырявшій пальцами въ носу и растиравшій въ рукахъ извлеченное оттуда... Платковъ носовыхъ онъ никогда съ собой не носилъ, рукъ не мылъ, платья не чистилъ, ушей отъ гноя не протиралъ.

Судите поэтому, каковъ это былъ сюжетецъ... А между тѣмъ съ нимъ повсюду приходилось намъ, ученикамъ лица, встрѣчаться, говорить, жать ему руку... Но я избѣгалъ всего этого въ виду того, чтобы не заразиться отъ него какой-нибудь нечистоплотностью, грязью... Особенно противно было подавать ему руку въ то время, когда я зналъ, что его рука постоянно что-то растираетъ между грязныхъ пальцевъ... Ну какъ тутъ не быть брезгливымъ? Какъ не отворачиваться бывало отъ такого ученика?! Вѣдь это хуже Діогена, жившаго въ бочкѣ... Тотъ хоть солнце любилъ и просилъ Александра Великаго не загоразивать ему его... А этотъ и свѣта-то небеснаго бѣжалъ... Сидить, бывало, по цѣлымъ днямъ безвыходно въ своей комнатѣ и строгаеть съ своимъ дядькой разныя деревянныя игрушки... Привычка эта у Гоголя была приобретена еще въ своемъ домѣ, на хуторѣ, въ мѣстечкѣ Великіе-Сорочинцы Миргородскаго уѣзда, гдѣ онъ родился...

Въ концѣ-концовъ наше отвращеніе къ Гоголю стало ему понятно, и онъ самъ началъ всѣхъ избѣгать насъ такимъ образомъ, что въ классы приходилъ послѣ всѣхъ и, оставаясь гдѣ-нибудь на задней скамейкѣ, забивался въ уголь такъ далеко, что его мало кто и замѣчалъ во время лекцій, и потомъ, не дождавшись конца уроковъ, также не замѣтно ни для кого уходилъ изъ аудиторіи...

Это былъ дикарь въ прямомъ значеніи слова. Его никто не могъ сбить съ пути жизни. И если ему замѣчали иногда о нечесанныхъ волосахъ на его головѣ, то развѣ только наше классное начальство... Но это его нисколько не исправляло. Исполнивъ разъ замѣчаніе, сдѣланное ему, онъ вновь его забывалъ очень скоро...

Но пренебрежительное отношеніе къ нему его товарищей по классамъ онъ, однако, сталъ помнить довольно твердо и потому воспитывать въ себѣ къ нимъ затаенную злобу, проявленіе которой обнаружилось впоследствии въ его стихотворной сатирѣ, написанной на товарищей въ своемъ періодическомъ тайномъ журналѣ, подъ названіемъ „Навозъ Парнаскій“.—Журналъ этотъ былъ писанный...

Впоследствии въ немъ помѣщались произведенія пера всѣхъ же-

лавшихъ въ стихотворной формѣ отличиться своимъ юморомъ, остротой или сатирой воспитанниковъ училища... Но Гоголь всегда побивалъ рекордъ своимъ неподдѣльнымъ юморомъ... Его сатира была неистощима потому, что она бралась имъ прямо изъ жизни, изъ той именно среды, изъ которой онъ вышелъ самъ... Но у другихъ учениковъ лица, по преимуществу аристократовъ, не знавшихъ жизни вообще, выходило все блѣдно, не сочно, мало юмористично, и это роняло ихъ во мнѣніи Гоголя, и онъ смѣялся надъ ними въ своей сатирѣ еще ядовитѣе, острѣе и образнѣе...

Въ юмористическомъ смыслѣ „Навозъ Парнасскій“ имѣлъ большой успѣхъ среди своихъ читателей, и каждый выходъ его ожидался учениками лица съ большимъ любопытствомъ.

Это давало намъ,—говорить Любичъ-Романовичъ въ своемъ воспоминаніи о прошломъ Нѣжинскаго лица,—большой матеріалъ для дружескихъ бесѣдъ въ ученическихъ собраніяхъ, и мы были насыщены тѣмъ, что писалось въ журналѣ, до гомерическаго хохота. Особенно много смѣялись мы надъ юморомъ Гоголя, дотогѣ намъ совсѣмъ неизвѣстнымъ, такъ какъ никому изъ насъ, жителей столицъ и городовъ вообще, не было понятнымъ то, въ чемъ именно заключалась главнымъ образомъ жизнь русскаго народа, пребывавшаго на русской Украинѣ, какою была Малороссія. Но Гоголь ввелъ насъ въ нее своимъ описаніемъ быта полтавскихъ однодворцевъ и украинскихъ казаковъ.

Красота его языка обнаруживалась передъ нами не въ изящной формѣ литературнаго творчества, котораго не было у него въ то время, но въ образности рѣчи, перемѣшанной русскими словами съ малорусскими. Надъ этой-то смѣсью двухъ нарѣчій, намъ не извѣстныхъ дотогѣ въ отечественной литературѣ, мы и смѣялись до упаду... Какъ Гоголь ни былъ для насъ занятенъ съ этой стороны, но мы все-таки же къ нему относились съ брезгливымъ чувствомъ вслѣдствіе того, что онъ и въ старшихъ классахъ лица не покидалъ своихъ дѣтскихъ привычекъ и по-прежнему жевалъ сладости и ковырялъ въ носу...

На предложеніе ему нами завести себѣ носовые платки, онъ отвѣтилъ въ журналѣ язвительнымъ стишкомъ, напоминавшимъ намъ о своемъ носѣ, который должно держать по вѣтру, а не на квинтѣ...

Это замѣчаніе среди насъ долго оставалось ходячимъ мнѣніемъ таковаго рода, что не слѣдуетъ опускать носъ на квинту и должно держать его по вѣтру... Что означало: не быть никогда грустнымъ и вынюхивать для себя лучшій воздухъ, т. е. знать, гдѣ можно лучше провести время безъ скуки и безъ горя... Этотъ вѣчно угрюмый, постоянно убитый своимъ какимъ-то внутреннимъ горемъ,

человѣкъ всегда вкладывалъ въ насъ духъ смѣха и веселья... Смѣялся же онъ не лицомъ, а словами, своимъ внутреннимъ чувствомъ...

Но въ обыденной жизни, въ кругу своихъ товарищей Гоголь не былъ юмористомъ, онъ даже мало говорилъ, предпочитая больше слушать и молчать...

Онъ былъ только плодовитъ на слова и на юморъ въ тиши своего кабинета, гдѣ писалъ разныя колкіе вирши, всегда, однако, занимательныя для насъ, его товарищей... Во всякомъ случаѣ это былъ занятный стихослагатель, но скучный собесѣдникъ... Даже среди своихъ искреннихъ друзей, въ послѣдствіи имъ приобретенныхъ въ кругу воспитанниковъ Нѣжинскаго лицея, онъ былъ мало занимателенъ, совсѣмъ неразговорчивъ, хотя и держалъ себя свободно, не стѣняясь, какъ бывало прежде, когда ему приходилось переносить на каждомъ шагу его жизни разныя насмѣшки отъ своихъ школьныхъ товарищей...

Однажды, напримѣръ, былъ у насъ съ нимъ такой случай. Гоголь читалъ среди учениковъ лицея одно изъ своихъ стихотворныхъ произведеній юмористическаго характера. Оно было изъ не удачныхъ. Но ему поаплодировали, а потомъ порѣшили преподнести за это одинъ фунтъ медовыхъ пряниковъ, которые онъ любилъ и безъ которыхъ никогда не могъ никакъ обойтись. Для передачи ему этого подарка была избрана особая депутація изъ трехъ учениковъ лицея старшихъ классовъ.

На случай этого торжества была приготовлена депутатами соответствующая рѣчь. Но лишь только эта рѣчь была закончена, какъ Гоголь тотчасъ же вырвалъ коробку съ пряниками изъ рукъ державшаго и бросилъ ее въ лицо говорившаго рѣчь... Послѣ этого случая онъ уже болѣе двухъ недѣль не появлялся въ классахъ, сказываясь больнымъ. Да и потомъ, когда началъ посѣщать лекціи, то никому не показывался на глаза, а такъ, приди въ аудиторію послѣ всѣхъ, садился гдѣ-нибудь на задней скамейкѣ никѣмъ не замѣченный, и уходилъ изъ классовъ раньше другихъ... Это обстоятельство почти совсѣмъ отдалило его отъ всѣхъ своихъ школьныхъ товарищей, и сдѣлало его навсегда затворникомъ... Что онъ дѣлалъ у себя въ комнатѣ, чѣмъ онъ занимался, никто изъ насъ не зналъ...

Только развѣ по временамъ его можно было замѣтить гуляющимъ въ одиночку въ Лицейскомъ саду или идущимъ на нѣжинскій базаръ грушевый квасъ пить,—что онъ дѣлалъ почти каждый день, считая это для себя большимъ лакомствомъ, такъ какъ въ лицейѣ полагался только одинъ хлѣбный квасъ...

Любимымъ времяпровожденіемъ Гоголя еще было выходить на большую дорогу и, встрѣчаясь здѣсь съ хохлами, будущими на

волахъ въ Нѣжинѣ, бесѣдовать съ ними на родномъ ему малорусскомъ нарѣчїи... Всѣ эти бесѣды, какъ мы узнали потомъ, онъ заносилъ въ свои „памятныя тетрадки“ и облакалъ ихъ въ литературную форму, давая имъ впоследствии то или другое бытовое назначеніе въ своихъ писательскихъ творенїяхъ...

Какъ говорили тогда, Гоголь на этихъ діалогахъ учился отождествлять свои литературныя мысли... Возникшія потомъ его крупныя писательскія произведенія также здѣсь имѣли мѣсто своего зарожденія въ умѣ поэта... Сколько было зачато Гоголемъ въ лицѣ его литературныхъ произведеній, видно было потомъ изъ его дневника, оставленнаго послѣ смерти—въ 1853 г. Но помимо своего писательскаго труда, Гоголь былъ не чуждъ также и ботаники... Его постоянно можно было видѣть въ свободныя часы дня гуляющимъ по Лицейскому саду и бесѣдующимъ съ мѣстными садовниками о развитїи того или другого плодового дерева... У себя на хуторѣ такъ онъ собственными руками развелъ цѣлый садъ фруктовыхъ деревьевъ и дождался ихъ плодовъ... Садъ этотъ, говорятъ, и до сихъ поръ еще существуетъ въ имѣніи Гоголя...

Но мы никакъ не подозрѣвали, чтобы въ этомъ угрюмомъ дикарѣ, какъ говоритъ Любичъ-Романовичъ о Гоголѣ—скрывался такой крупный русскій писатель... Даже и въ то время, когда уже появился его „Ревизоръ“ и былъ поставленъ на казенной сценѣ въ Петербургѣ,—какъ того пожелалъ самъ Государь Императоръ Николай Павловичъ,—мы еще не вѣрили, что это было произведеніе Гоголя: такъ мало онъ внушалъ намъ довѣрія къ себѣ, какъ къ такому крупному писателю, какимъ онъ оказался... Если бы Гоголь велъ въ школѣ менѣе замкнутую жизнь, чѣмъ та, которую мы знали, то что мудренаго, мы могли бы знать его литературныя дарованія значительно раньше, чѣмъ узнали ихъ...

Въ роли чтеца своихъ драматическихъ произведеній, говоритъ Любичъ-Романовичъ, я узналъ Гоголя только въ Петербургѣ, когда уже онъ прїѣхалъ сюда ставить своего „Ревизора“ на казенной сценѣ Александринскаго театра... И читалъ Н. В. свою пьесу, нужно сказать, изумительно хорошо, талантливо, съ артистическимъ пошибомъ... Гдѣ онъ научился этой сценической декламаци, мы такъ и не узнали своевременно... Въ чтенїи Гоголя „Ревизора“ можно было слышать весь сценическій ансамбль со всѣми его оттѣнками рѣчи и характеровъ... Такъ артистически читалъ Н. В. свою пьесу... Мы думали при этомъ, что Гоголь зналъ всѣхъ своихъ героевъ „Ревизора“ лично, по собственному своему знакомству съ ними, и потому, изучивъ ихъ характеры и говоръ, передалъ потомъ все это въ своемъ чтенїи... Но на сценѣ „Ревизоръ“ шелъ менѣе харак-

терно въ своихъ тонахъ и репликахъ и потому слушался не такъ интересно, какъ въ чтеніи самого Гоголя. Это сопоставленіе я могъ произвести самъ лично, какъ слушавшій пьесу въ чтеніи ея автора и какъ видѣвшій ее потомъ на сценѣ!.. Здѣсь, въ театрѣ, я не чувствовалъ подлѣ себя живыхъ лицъ, говорившихъ передо мною своимъ собственнымъ классовымъ, имъ однимъ присущимъ языкомъ... Но у Гоголя все это было слышно въ чтеніи „Ревизора“, всѣ герои его пьесы ходили живыми передъ нами, а не говорящими манекенами, какъ то было видно на сценѣ... Замѣчательное чтеніе своихъ драматическихъ произведеній Гоголемъ на голоса давало слушателю его полное представленіе о томъ, что онъ слушаетъ цѣлую гармонию жизни въ лицѣ многихъ, различныхъ между собою классовъ, ведущихъ общественную бесѣду... Словомъ, Гоголь былъ артистъ въ прямомъ значеніи этого слова, и метода его чтенія своихъ пьесъ на голоса была принята потомъ и другими авторами, но только она мало имѣла успѣха, такъ какъ не всякій изъ нихъ обладалъ такимъ голосовымъ органомъ, при помощи котораго можно было бы произвести передъ публикою полную картину жизни даннаго общества, ведущаго между собою ту или другую оживленную бесѣду... Но у Гоголя во всемъ этомъ была полная гармонія... Нужно было удивляться только тому, что откуда это у него, такого тщедушнаго человѣка, какимъ онъ былъ, взялся такой голосовой органъ, посредствомъ котораго можно было производить передъ слушателями всѣ голоса его пьесы... Это былъ какой-то чревоушатель, говорившій одновременно языкомъ городничаго и Хлестакова, вдовы Пошленкиной и купцовъ-самоварниковъ, и все это въ непринужденной и не дѣланной формѣ, а такъ естественно, какъ будто-бы всѣ эти герои его пьесы сидятъ у него въ груди, и самостоятельно каждый изъ нихъ говорить, когда ему подана та или другая реплика...

Послѣ Гоголя мнѣ не случалось болѣе слышать такого искуснаго декламатора своихъ литературныхъ произведеній вообще — говорить Любичъ-Романовичъ...

Какъ ни противенъ онъ былъ мнѣ по школьнымъ воспоминаніямъ о немъ, добавляетъ В. И., но тутъ я полюбилъ его за это артистическое чтеніе „Ревизора“... Но что все-таки мнѣ казалось страннымъ въ Гоголѣ, такъ это его постоянная застѣнчивость во всемъ, нежеланіе показать себя крупнымъ декламаторомъ своихъ драматическихъ произведеній... И чтобы упросить его прочесть что-нибудь изъ своихъ литературныхъ твореній, — такъ на это требовалось не мало времени и страшныхъ усилій: онъ все чего-то боялся, чего-то робѣлъ, хотя, видимо, и сознавалъ все свое декламатическое превосходство надъ другими... Была ли это общая его скромность дер-

жать себя среди своихъ друзей и знакомыхъ ниже ихъ всѣхъ, или же еще что другое, сказать трудно, но тѣмъ не менѣе однако застѣнчивость Гоголя для насъ всѣхъ была совершенно очевидна... Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого оказалась данная ему кличка—„нелюдима“.—Этотъ титулъ въ то время могъ легко заслужить всякій, кто былъ въ своемъ обществѣ не разговорчивъ, молчаливъ и застѣнчивъ. А Гоголь именно былъ такимъ всегда и вездѣ, гдѣ ему случалось быть въ обществѣ. Это было въ немъ природное качество, всосанное съ молокомъ матери... Хохоль по рожденію, почти плебей по воспитанію, могъ ли онъ чувствовать себя хорошо, какъ дома, среди столичной знати, въ которую онъ вошелъ по пріѣздѣ въ Петербургъ по дѣламъ своей новой, еще не снявшейся ему тогда карьеры, на которую онъ былъ приглашенъ... Но онъ и тутъ струсилъ, какъ и всегда, и съ первой же лекціи по исторіи, — кафедре которой ему предложили въ С.-Петербургскомъ университетѣ, — онъ сбѣжалъ, какъ сконфуженный мальчишкѣ, не выдержавшій экзамена...

Тутъ не повезло ему потому, что онъ чувствовалъ себя хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ только у себя въ кабинетѣ, дома, но не въ общественномъ мѣстѣ, гдѣ на него смотрятъ сотни глазъ, слушаютъ тысячи ушей... Гоголь для такой аудиторіи считалъ себя непригоднымъ... Тутъ требовалось холодное присутствіе духа, ловкая находчивость, отсутствіе мысли на тотъ счетъ, что его слушаютъ, на него смотрятъ...

И все это было создано не для Гоголя, человѣка нервнаго, замкнутаго въ самомъ себѣ, привыкшаго къ жизни уединенной, затворнической, но не общественной, аудиторной, открытой для всѣхъ...

Душою Гоголя было его одиночество, а не университетская кафедра съ ея сотнями глазъ и тысячею ушей... Онъ чуждъ былъ обществу, его натура привыкла къ затвору со школьной скамейки, съ тѣхъ именно дѣтскихъ дней его, какъ я сталъ знать его, — съ Нѣжинскаго лица 20-хъ годовъ минувшаго столѣтія, говоритъ Любичъ-Романовичъ... Во всякомъ случаѣ Гоголь могъ быть плохимъ профессоромъ, потому что онъ не рожденъ былъ для открытой университетской аудиторіи, а его призваніемъ была аудиторія скрытая, кабинетская, литературная, гдѣ онъ всегда чувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ общественныхъ сужденій, и самъ являлся судьей всего общества, его окружавшаго... Вотъ что побудило Н. В. бѣжать изъ университета съ первой своей лекціи, читанной имъ по кафедрѣ русской исторіи... Эту свою закрытую кабинетскую аудиторію Гоголь возлюбилъ еще со школьной скамейки, когда онъ въ своемъ „Навозѣ Парнасскомъ“ осмѣивалъ насъ, учениковъ лица

и другихъ, причастныхъ къ этому учебному заведенію лицъ, въ тиши своего уединенія, а не съ университетской каѳедры...

Эта отличительная черта жизни Гоголя останется за нимъ навсегда, какъ его особенная психика, присущая людямъ замкнутымъ, пребывающимъ въ самихъ себѣ и не любящимъ никакую общественность... Если бы онъ пережилъ свой средній возрастъ и не умеръ бы сорока четырехъ лѣтъ отъ роду, то его конечнымъ пунктомъ жизни былъ бы монастырь...

Вотъ почему онъ и впалъ въ мистицизмъ въ послѣдній годъ своей жизни, когда почувствовалъ за собою приближеніе смерти, и отдался всецѣло дружбѣ своего духовника, пришедшаго къ нему съ словомъ напутствія... Эта черта склонности къ мистицизму была замѣтна въ Гоголѣ еще съ его дѣтскаго возраста, когда онъ воспитывался у себя на родномъ хуторѣ въ Миргородскомъ уѣздѣ и былъ окруженъ людьми богобоязливыми и вполнѣ религіозными... Но его задержала на нѣкоторое время внѣ монастыря высшая школа, гдѣ онъ отчасти забылся отъ дѣтской религіозности своей и предался на время научнымъ познаніямъ... А какъ только этотъ пылъ литературнаго увлеченія погасъ въ немъ, такъ онъ вновь уже впалъ— въ свой первоначальный мистицизмъ и готовъ былъ замѣнить свою свѣтскую жизнь монастыремъ, тихимъ пристанищемъ его вѣчно мятущейся души... Это мнѣніе всѣхъ выдающихся людей того времени, когда жилъ Гоголь, говоритъ Любичъ-Романовичъ,— и я только привожу его въ моихъ воспоминаніяхъ о Н. В., по своего здѣсь я ровно ничего не прибавляю... Этимъ мнѣніемъ не воспользовались біографы Гоголя своевременно потому, что каждый изъ нихъ боялся взять на себя такую большую отвѣтственность, какъ раскрытіе души поэта передъ современнымъ ему обществомъ и показаніе его обнаженнаго сердца передъ всѣми людьми: въ то время это считалось кощунствомъ и отступленіемъ отъ обычныхъ правилъ не говорить ни о комъ ни одного лишняго слова... Но эта застѣнчивость біографовъ Гоголя привела его читателей къ тому, что они стали смотрѣть на Н. В. какъ на сумасшедшаго челоуѣка, когда онъ готовъ былъ сжечь всѣ свои литературныя произведенія передъ его смертью... Тогда какъ это было вовсе не сумасшествіе, а только возвратъ къ прошедшему времени, когда ему все казалось „суетою суетъ“...

Во всякомъ случаѣ это было большою ошибкою біографовъ Гоголя не заглянуть въ душу поэта и не сказать о немъ сущей истины... И сатира-то Н. В. вся была проникнута духомъ отрицанія земного бытія, если строго разобрать его смѣхъ, идущій черезъ льющіяся слезы, или „Мертвыя души“, взятыя Чичиковымъ за жи-

вья лишь потому, что въ нихъ рѣяла въ небесахъ та же жизнь, что и на землѣ—въ образахъ человѣческихъ... Въ этомъ смыслѣ только и можно было понимать Гоголя въ его отрицаніи всей культурности во всей интеллигенціи города, гдѣ появился ревизоръ—Хлестаковъ...

А „Женитьба“?.. Развѣ это не то же отрицаніе земного?..

Все это въ сатиру было обращено Гоголемъ только потому, что вѣдь иначе трудно же было ему выразить все его отрицаніе земли... Во всякомъ случаѣ онъ думалъ, что его поймутъ и отведутъ ему здѣсь подобающее мѣсто...

Но онъ ошибся въ этомъ, и его не поняли... И понять этого не хотять даже и до сихъ поръ, когда уже общество давно сбросило съ себя всякую личину лицемѣрія и говоритъ обо всемъ одну свою непритворную правду...

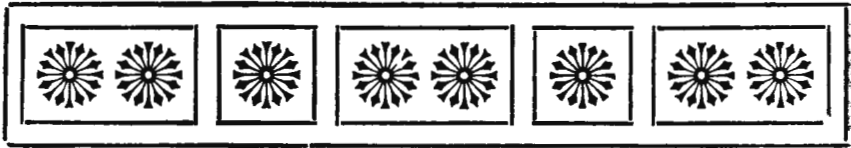
Такъ чтобы оправдать Гоголя въ его предсмертомъ мистицизмѣ, принятомъ называть сумашествіемъ поэта, намъ необходимо утвердить здѣсь ту основную мысль за обществомъ, которую мы высказали тутъ о Н. В., какъ о человѣкѣ, послѣ средняго періода своей жизни готовомъ быть монахомъ. И оно такъ бы и кончилось, если бы преждевременная смерть не скосила его слабой природы...

Вѣдь онъ вѣчно физически былъ боленъ и никогда не чувствовалъ себя вполнѣ жизнерадостнымъ человѣкомъ... Было ли это главной причиной того, что Гоголь отъ первыхъ дней своей жизни сталъ мистикомъ, или что другое, сказать трудно, но фактъ тотъ, что онъ никогда не готовился быть карьеристомъ, подтверждается уже его скорымъ бѣгствомъ съ университетской кафедрой, на которую было возвели ближайшіе поклонники дарованій поэта...

Все это такъ было понятно для насъ, знавшихъ Гоголя со школьной скамейки, но не понятно для тѣхъ, кто его знаетъ только по отзывамъ историковъ... Но послѣдняя мѣрка очень слабая для характеристики личности Н. В., какъ человѣка, какъ мыслителя, какъ мистика, способнаго закончить дни своей земной жизни въ монастырѣ, у тихой пристани, гдѣ духъ поэта могъ обрѣсти для себя покой и уединеніе, которыхъ онъ искалъ во всю свою непродолжительную жизнь...

С. Глѣбовъ.

Аракчеевская премія.

ерезъ пять лѣтъ, т. е. въ началѣ 1915 года, со стороны Академіи Наукъ и Государственнаго Банка должно быть напечатано, въ газетахъ русскихъ и иностранныхъ, объявленіе о духовномъ завѣщаніи графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, который въ 1833 году, за годъ до своей смерти, внесъ въ тогдашній Государственный Заемный Банкъ 50.000 руб. ассигнаціями, для приращенія этой суммы процентами, съ тѣмъ чтобы деньги эти были оставлены неприкосновенными въ теченіе 93 лѣтъ (до 1925 года), а въ этомъ году, изъ капитала съ наросшими на него процентами, должна быть выдана опредѣленная сумма автору *лучшей* Исторіи царствованія Императора Александра I.

Мы не нарушимъ, конечно, воли завѣщателя, если напомнимъ объ его пожертвованіи пятью годами раньше установленнаго имъ 10 лѣтняго срока, такъ какъ гр. Аракчеевъ, въ своемъ завѣщаніи просить, чтобы „заблаговременно возвѣщенъ былъ ученымъ будущихъ временъ трудъ, для нихъ предстоящій, который не только прославить, но и обогатить достойнѣйшаго изъ нихъ“.

I.

Приводимъ завѣщаніе графа Аракчеева, Высочайше утвержденное 10 апрѣля 1833 г., т. е. спустя недѣлю послѣ его составленія, и хранящееся въ копіи въ дѣлахъ департамента народнаго просвѣщенія, а въ подлинникѣ—въ Академіи наукъ.

Завѣщательное распоряженіе

графа А. А. Аракчеева 2 апрѣля 1833 г.

1) Я нижеподписавшійся, генераль-отъ-артиллеріи графъ Алексѣй Андреевъ сынъ Аракчеевъ, благоговѣя и за предѣлами гроба къ незабвеннымъ подвигамъ и душевнымъ добротамъ безпредѣльно чтимаго и любимаго мною Государя Всероссійскаго Императора Александра Павловича, удостоившаго меня Высочайшей своей довѣренности, вношу въ нынѣшнемъ 1833 году 50.000 рублей ассигнаціями въ Государственный Заемный Банкъ, съ тѣмъ, чтобы сія сумма оставалась въ ономъ 93 года неприкосновенною со всѣми приращаемыми на оную въ продолженіи сего времени процентами, безъ малѣйшаго ущерба и изыятія.

2) Сумма сія назначается въ награду тому изъ Россійскихъ писателей, который чрезъ сто лѣтъ отъ кончины въ Бозѣ почивающаго Вѣнценосца, то есть къ 1925 году, напишетъ на Россійскомъ языкѣ Исторію царствованія Императора Всероссійскаго Александра I лучше всѣхъ, т. е. полнѣе, достовѣрнѣе и краснорѣчивѣе.

3) Достоинство сей Исторіи должно быть оцѣнено и признано превосходнѣйшимъ не отъ иного кого, какъ отъ первой въ Россіи Академіи Словесныхъ Наукъ, подъ какимъ бы сіе высшее сословіе ученыхъ названіемъ тогда ни состояло.

4) Билетъ Россійскаго Государственнаго Банка на вышеупомянутые 50.000 руб., съ прописаніемъ въ ономъ назначеннаго времени, для выдачи сей суммы съ процентами, препровожу я нынѣ въ Императорскую Академію Наукъ съ моею на томъ билетѣ надписью, и испрошу въ полученіи онаго квитанцію.

5) По смерти моей, прошу Императорскую Академію Наукъ сіе завѣщательное мое распоряженіе напечатать въ газетахъ Московскихъ и С.-Петербургскихъ, также публиковать о томъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ, чтобъ патріотическое пожертвованіе мое въ продолженіи столѣтія не осталось въ забвеніи и чтобъ заблаговременно возвѣщенъ былъ ученымъ будущихъ временъ трудъ для нихъ предстоящій, который не только прославить, но и обогатить достойнѣйшаго изъ нихъ.

6) Чрезъ 82 года, считая отъ сего 1833 года, то есть въ началѣ 1915 года, Россійскій Государственный Банкъ, въ который внесена означенная для сей награды сумма, и Россійская Академія Словесныхъ Наукъ обязаны вновь публиковать сіе мое завѣщательное распоряженіе во всѣхъ издаваемыхъ въ то время газетахъ, какъ Россійскихъ, такъ и иностранныхъ, о приближающемся времени къ

занятію ученыхъ и съ объявленіемъ уже количества назначаемаго въ награду капитала, потому что на остающіяся 10 лѣтъ сумма сія тогда опредѣлительно можетъ исчислена быть.

7) На сочиненіе Исторіи Александра I даетсяъ срока 10 лѣтъ, по истеченіи которыхъ сочинители обязаны прислать книгу свою къ 1 января 1925 года, подъ девизами, въ первенствующую Россійскую Академію, съ запечатанными особо именами своими. Академія въ продолженіи 1925 года разсматриваетъ присланныя сочиненія, по мѣрѣ полученія ихъ, съ наблюденіемъ обрядовъ, какіе установлены въ настоящее время для задаваемыхъ отъ Академіи задачъ. Она опредѣляетъ не въ другой какой день, а непременно 12 декабря, награду за удовлетворительную Исторію Императора Александра I три доли капитала съ приращенными чрезъ 98 года процентами. Тогда жъ сообщаетъ она Россійскому Государственному Банку о выдачѣ таковой суммы сочинителю и публикуетъ въ Россійскихъ и иностранныхъ газетахъ какъ объ имени его, такъ и о количествѣ полученной имъ награды.

8) Остальная четвертая часть поступаетъ въ распоряженіе Россійской Академіи Словесныхъ Наукъ на нижеслѣдующее употребленіе:

9) На изданіе оной Исторіи въ самомъ лучшемъ видѣ тогдашняго времени книгопечатанія, съ приложеніемъ гравированнаго портрета Александра I и пояснительныхъ для Исторіи плановъ и картъ.

10) На напечатаніе сей Исторіи до 10.000 экземпляровъ, которые пуститъ въ продажу по той цѣнѣ, во что обойдется каждый экземпляръ, дабы и бѣднаго состоянія Россіяне могли имѣть Исторію того Государа, который возвеличилъ Россію и освободилъ отъ порабощенія всю Европу.

11) Остальная же и засямъ сумма, изъ четвертой части остающаяся у Академіи за напечатаніемъ 10.000 экземпляровъ, назначается въ награды: второстепенному сочинителю Исторіи, которая достоинствомъ своимъ ближе всѣхъ подходитъ будетъ къ заслужившей первую награду, и двумъ переводчикамъ по равной части, которые переведутъ съ Россійскаго на нѣмецкій и французскій языки удостоенную первой награды Исторію Александра I.

12) Вырученныя деньги отъ продажи на Россійскомъ языкѣ Исторіи могутъ быть обращены на изданіе сихъ нѣмецкихъ и французскихъ переводовъ.

13) Капиталь 50.000 руб. въ 1925 году, считая на нихъ нынѣ производимые Банкомъ четыре на сто процента, составитъ сумму 1.918.960 рублей. Слѣдовательно, по сему расчету награда сочини-

телю за удовлетворительнѣйшую Исторію состоять будетъ изъ 1.439.220 руб.; а четвертая часть поступитъ въ распоряженіе Академіи Словесныхъ Наукъ на означенные въ 9, 10 и 11 статьяхъ предметы.

14) Сіе исчисленіе, разумѣется, съ теченіемъ временъ можетъ измѣниться по законамъ Правительства въ производствѣ процентовъ; но правило въ раздѣленіи накопившагося въ 1925 году капитала должно быть исполнено въ точности по сему положенію, то есть, три части изъ онаго слѣдуютъ первостепенному сочинителю, а четвертая по 8 статьѣ Академіи.

15) Если по шестому пункту сего моего завѣщательнаго распоряженія въ назначаемое мною время не сдѣлано будетъ объявленія въ газетахъ: то узаконенный потомокъ мой, владѣющій Грузинскою отчиною, обязанъ о семъ гласно ходатайствовать у Правительства.

16) При окончательномъ одобреніи сочинителя Исторіи и назначаемой ему награды, прошу Россійскую Академію Наукъ почтить приглашеніемъ въ собраніе свое потомка моего, который въ то время будетъ владѣльцемъ Грузинской отчины.

17) Сіе подлинное утвержденное распоряженіе, собственноручно мною писанное, хранить въ Россійской Академіи Наукъ, а копія съ онаго, также писанная моею рукою, остается навсегда въ потомствѣ у старшаго въ родѣ владѣльца Грузинскаго.

Подписаль: Генераль-отъ-артиллеріи графъ Алексѣй Аракчевъ.

1833 года 2 апрѣля, въ селѣ Грузинѣ, въ день Воскресенія Господа Бога нашего.

II.

По утвержденіи этого завѣщанія, 10 апрѣля 1833 г., и по полученіи отъ гр. *Аракчеева* банковаго билета на 50 т. руб. асс., министръ народнаго просвѣщенія испрашивалъ разрѣшенія—гдѣ слѣдуетъ хранить этотъ билетъ, и 18 іюля 1833 г. Высочайше повелѣно: „упомянутый билетъ, равно копію съ изложеннаго распоряженія графа *Аракчеева* препроводить въ находящуюся въ вѣдомствѣ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта сохранную казну, какъ мѣсто, закономъ уполномоченное для храненія завѣщательныхъ актовъ, о чемъ объявить Заемному Банку на тотъ конецъ, чтобы три различныя управленія, а именно Опекунскій Совѣтъ, Заемный Банкъ и Министерство Народнаго Просвѣщенія, долженствующія въ свое время, участвовать въ исполненіи воли завѣщателя, имѣли о ней свѣдѣніе, чрезъ что, въ предѣлахъ человѣческой предусмо-

трительности, и было бы обеспечено какъ сохраненіе завѣщанія, такъ и приведеніе его въ дѣйствіе“.

По прошествіи затѣмъ 28 лѣтъ, въ 1861 г., по случаю измѣненія банковыхъ условій касательно платежа процентовъ по вкладамъ, вспомнили и о завѣщаніи гр. Аракчеева. На усмотрѣніе Комитета Министровъ поступила записка Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи по вопросу о процентахъ на завѣщанный Аракчевымъ капиталъ.

„Нынѣ (1861 г.)—читаемъ въ этой запискѣ—по случаю преобразованія кредитныхъ учрежденій, съ измѣненіемъ условій по приему и храненію вкладовъ, возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли принять сообразныя съ настоящими правилами Банка мѣры къ *возможному приращенію* капитала гр. Аракчеева“.

Въ завѣщаніи его относительно количества процентовъ сказано, что 50.000 руб. ассигнаціями, считая производившіеся на нихъ въ 30-хъ годахъ, Банкомъ четыре процента, составятъ въ 1925 году 1.918.960 руб. ассигнаціями, и вмѣстѣ съ тѣмъ добавлено, что „сіе исчисленіе, разумѣется, съ теченіемъ времени можетъ измѣниться по законамъ правительства въ производствѣ процентовъ, но правило въ раздѣленіи накопившагося къ 1925 году капитала должно быть исполнено въ точности“.

На завѣщанные 50.000 руб. ассигн. (14.285 руб. 71 коп. серебр.)росло процентовъ съ 1 января 1833 г. по 1 января 1860 г.—26.051 руб. 31 коп. серебр., такъ что капиталъ съ процентами составлялъ 40.337 руб. 2 коп. серебр., а такъ какъ въ настоящее время (1861 г.)—говорится въ запискѣ—„на капиталы, подобные аракчеевскому, по банковымъ правиламъ, производится лишь 2⁰/₀ въ годъ, безъ начисленія процентовъ на проценты, какъ было прежде, то къ 1 января 1925 года весь капиталъ съ процентами возрастетъ только до 92.775 руб. 12 коп. сер.,—т. е. *меньше* противъ предположенія гр. Аракчеева на 455.499 руб. 16 коп. (ибо сумма 1.918.960 руб. ас., указанная въ завѣщаніи, при переводѣ на серебро, равняется 548.274 руб. 28 коп.)“.

„Хотя гр. Аракчевъ, въ своемъ завѣщаніи“, и упоминалъ о суммѣ 1.918.960 руб. ас., имѣющей получиться отъ приращенія сложными процентами, по 4⁰/₀, согласно существовавшимъ тогда банковымъ правиламъ; но такъ какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предвидѣлъ возможность измѣненія размѣра этихъ процентовъ и, несмотря на это, не сдѣлалъ на этотъ случай никакихъ указаній, то, въ виду послѣдовавшихъ перемѣнъ въ банковыхъ условіяхъ, не представляется *прямого* основанія для принятія нынѣ мѣръ, чтобы поло-

женный въ банкъ капиталъ достигъ къ опредѣленному сроку той цифры, какую предполагалъ завѣщатель“.

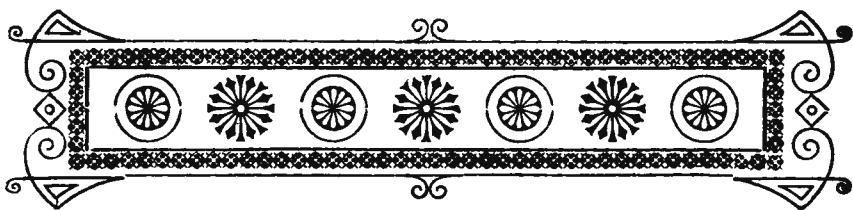
„Но, въ виду: 1) особеннаго значенія этого пожертвованія для отечественной исторіи и 2) возможности, невзирая на послѣдовавшія измѣненія въ теченіи процентовъ, достигнуть исполненія мысли завѣщателя и въ отношеніи *размѣра назначенныхъ премій*, — С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ и согласившійся съ нимъ Главноуправляющій IV отдѣленіемъ находили возможнымъ обратить этотъ капиталъ въ непрерывнодоходный 4⁰/₀ билетъ или перевести его въ Государственный Банкъ на 10-лѣтній срокъ, для обращенія изъ 4¹/₂⁰/₀, съ тѣмъ, чтобы Совѣту въ обоихъ случаяхъ предоставлено было право ежегодно получать проценты съ капитала и тотчасъ же вносить ихъ въ банкъ, для приращенія новыми процентами“.

Комитетъ Министровъ, съ своей стороны, находилъ, что гр. Аракчеевъ, подчинивъ, по буквальному смыслу завѣщанія, пожертвованный имъ капиталъ всѣмъ могущимъ послѣдовать измѣненіямъ въ платежѣ банковыхъ процентовъ, — освободилъ правительство отъ принятія какихъ-либо мѣръ, дабы этотъ капиталъ достигъ къ опредѣленному сроку предположенной имъ цифры. Но, принимая во вниманіе: а) патріотическую цѣль этого завѣщанія и важное его значеніе для отечественной исторіи и б) что цѣль эта, относительно предположенной завѣщателемъ цифры, можетъ быть достигнута безъ всякихъ денежныхъ со стороны правительства пожертвованій, — Комитетъ Министровъ на приведеніе въ исполненіе предположенія Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ испросилъ Высочайшее соизволеніе, которое и послѣдовало 10 октября 1861 года.

Такимъ образомъ, если въ остающіеся, до 1 января 1925 года, шестнадцать лѣтъ не произойдетъ измѣненій въ банковыхъ правилахъ о процентахъ по вкладамъ, и не послѣдуетъ пересмотра дѣла о процентахъ по капиталу гр. Аракчеева, — то авторъ „самой полной, достовѣрной и краснорѣчивой Исторіи царствованія Императора Александра I“ получитъ за свой трудъ, 12 декабря 1925 года, премію въ размѣрѣ *411.205 руб. 71 коп. сер.*, т. е. три четверти всего капитала — *548.274 руб. 28 коп. сер.*

С. Никольскій.

Какъ возникла въ г. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офинниваетъ Карелію.

Выборгская Карелія къ срединѣ XIX вѣка.

Въ самаго возникновенія Русскаго Государства Карелія составляла одну изъ частей его и лишь въ періодъ времени отъ Столбовскаго мира до Ништадскаго она принадлежала Швеціи, и затѣмъ съ 1811 года отдана въ даръ Финляндіи императоромъ Александромъ I. Составлявъ въ теченіе восьми сотъ лѣтъ часть русскихъ земель, эта Карелія естественно должна была воспринять такъ много русскаго, что населеніе ея не могло не чувствовать себя русскимъ. О степени обрусѣнія населенія этой Кареліи еще въ срединѣ XIX вѣка мы можемъ судить по „Переѣздамъ по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео“ Я. Грота (Спб. 1847) „Лучшіе изъ домовъ Кексгольма принадлежатъ русскимъ купцамъ“ говоритъ Я. Гротъ. Въ Сердоболѣ, по его словамъ, жителей „на лицо не болѣе 450 человекъ, хотя записано въ немъ до 700, къ приходу здѣшной русской церкви принадлежитъ около 800 человекъ; большая часть этого числа состоитъ изъ финновъ окрестныхъ селеній... Русскій языкъ здѣсь болѣе извѣстенъ, нежели въ Кексгольмѣ“. Въ городѣ Кексгольмѣ съ населеніемъ, не доходившимъ до 1 тыс. человекъ, къ 1866 году, по донесенію мѣстнаго причта, было 561 жителей православныхъ. „Прихожане и ихъ дѣти говорятъ по-русски и дѣтей учатъ грамотѣ на русскомъ языкѣ“. Отсюда можно видѣть, насколько русскій языкъ былъ въ употребленіи въ г. Сердоболѣ. Продолжимъ однако выписку изъ Грота: „прислуга въ обоихъ городахъ говорятъ почти исключительно по-карельски—(это какая-то

*

смѣсь русскихъ словъ съ финскими)“. Эти строки наглядно указываютъ на преобладаніе русскаго элемента въ г. Сердоболѣ и Кексгольмѣ и на значительное обрусѣніе сельскаго населенія, говорившаго уже русско-финскимъ языкомъ. При этомъ, чѣмъ восточнѣе была мѣстность, тѣмъ болѣе сказывалось обрусѣніе сельскаго населенія, такъ что въ Салминскомъ приходѣ карелы говорили почти русскимъ языкомъ и называли себя русскими. Во время пребыванія своего въ Кексгольмѣ Я. Гротъ, прогуливаясь по берегу Ладожскаго озера, увидѣлъ судно, пришедшее изъ Салминскаго прихода, при чемъ „прибывшіе съ судномъ называли себя русскими, но говорили особеннымъ нарѣчіемъ“. Въ то время, какъ о финскихъ школахъ еще помину не было, въ 1848 году богатые лѣсопромышленники Громы содержали здѣсь первыя русскія школы: въ Салмѣ, Шуезерѣ (Суоярви), Корписелькѣ, Киделѣ и Шуйстамо. Вопросъ объ основаніи этихъ школъ былъ поднятъ въ 1846 году петербургскимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое съ этою цѣлью и сдѣлало опросъ мѣстныхъ причтовъ финляндскихъ приходовъ. Въ отвѣтахъ интересна между прочимъ просьба прихожанъ Тайпальскаго прихода (Куопіоской губерніи къ западу отъ г. Юэнсу) о переводѣ къ нимъ священника изъ Шуйстамы (Выборгской Кареліи), какъ знающаго финскій языкъ, на томъ основаніи, что въ Шуйстамо можетъ быть священникомъ лицо и съ однимъ русскимъ языкомъ потому, что въ Шуйстамскомъ приходѣ „большинство знаетъ русскій языкъ“. (См. Матеріалы по Комитету, Высочайше утвержденному для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи 1866 г.).

Географическое положеніе приладожской финляндской Кареліи, до проведенія желѣзной дороги въ началѣ 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія изъ Выборга на Сердоболь, содѣйствовало этому обрусѣнію населенія, заставляя его сноситься исключительно съ Имперією. Рѣки сѣверныхъ частей Салминскаго уѣзда, принадлежа къ бассейну Онежскаго озера, связывали населеніе финляндской Кареліи съ Олонецкою губернією, населеніе приладожской Кареліи находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и Ладогою. „Общеніе съ Россією было живѣе, чѣмъ съ Фивляндією“ говоритъ Реландеръ въ своей книгѣ: „Suomen maakunnat. Pohjois ja Ita Karjala“. Это видно между прочимъ и изъ того, что въ пограничныхъ приходахъ въ употребленіи были исключительно русскія деньги, финскихъ денегъ даже не принимали“. Въ общемъ выводъ вытекаетъ тотъ, что приладожская финляндская Карелія, въ особенности пограничные ея приходы, была въ тѣснѣйшемъ общеніи съ русскимъ населеніемъ и почти обрусѣла, что, конечно, было хорошо извѣстно финляндцамъ и не

могло не быть извѣстнымъ и русскимъ людямъ. И тѣ и другіе къ концу XIX вѣка обратили вниманіе на такое положеніе дѣлъ въ Кареліи. Финляндцы видѣли, что городъ Сердоболь былъ наполовину русскимъ торговымъ селеніемъ“ (Uusi Suometar № 224 отъ 20 октября 1905 г. статья „Кюменьская семинарія“), что „эта половина нашей Кареліи была почти совершенно отрѣзанною отъ остальной Финляндіи. Народъ ея росъ отдѣльно, въ своеобразныхъ и первобытныхъ условіяхъ“ (Laatokka № 119 отъ 19 октября 1905 г. статья „25-лѣтіе Сердобольской семинаріи“). Въ самомъ городѣ Сердоболь съ 1757 года существовала школа, находившаяся подъ властью нѣмцевъ и съ 1799 г. подчиненная вѣдѣнію нѣмецкаго университета въ Дерптѣ—нынѣшнемъ Юрьевѣ. Преподаваніе въ ней велось на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; на русскомъ преподавались исторія и географія. Даже въ перемѣны запрещалось говорить на иныхъ языкахъ. Въ 1842 году вмѣсто нѣмецкаго былъ введенъ шведскій языкъ. (Suomen maakunnat. Pohjois ja Itä Karjala стр. 45). Насколько жители Сердоболя чувствовали себя русскими, можно судить по одному тому, что во время Крымской войны по собственному почину они пожертвовали на военные нужды русскому правительству 1009 рублей, между тѣмъ какъ отъ другихъ городовъ Финляндіи такихъ пожертвованій не было. (Itämainen sota Suomessa 1854—1856. Vaino Vallin стр. 31).

Высочайше утвержденный комитетъ 1866 г. для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія въ Финляндіи.

Тѣ изъ русскихъ, которые хоть немного были знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ приладожской Кареліи, понимали, что въ ней недостаетъ только правильно поставленныхъ русскихъ школъ, чтобы эта Карелія окончательно обрусѣла, и не замедлили при первомъ же удобномъ случаѣ высказаться въ этомъ направленіи.

Въ 1866 году былъ Высочайше учрежденъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Д. Толстого для изысканія соотвѣствующихъ мѣръ къ поднятію православія въ Кареліи и образованія ея населенія въ духъ русской народности. Членами въ этой комиссіи состояли протоіерей Виноградовъ, дѣйствительные статскіе совѣтники: Сергіевскій и Батюшковъ и финляндскій сенаторъ Антель.

Комитетъ началъ свою работу съ собранія матеріаловъ о состояніи православныхъ приходовъ въ Финляндіи и получилъ тако-

вые и отъ петербургскаго епархіальнаго начальства и отъ причтовъ православныхъ приходовъ въ Финляндіи и отъ частныхъ лицъ, знакомыхъ съ дѣломъ, и даже командировалъ капитана генеральнаго штаба Геца въ Финляндію для ознакомленія на мѣстѣ съ состояніемъ церквей и школъ въ православныхъ приходахъ Финляндіи. Къ сожалѣнію, въ вопросахъ, которые были разсланы мѣстнымъ причтамъ для полученія отъ нихъ необходимыхъ свѣдѣній, былъ допущенъ недочетъ подъ вліяніемъ сенатора Антеля. Послѣдній состоялъ долгое время куопіоскимъ губернаторомъ и хорошо былъ знакомъ съ православными приходами Куопіоской губерніи, въ которыхъ офиннившееся уже карельское населеніе не знало русскаго языка и просило священниковъ съ знаніемъ финскаго языка и книгъ на финскомъ языкѣ. Поэтому и въ вопросахъ причтамъ мы видимъ исключительно просьбу сообщить, имѣются ли при школахъ книги на финскомъ языкѣ, ведутся ли бесѣды духовенствомъ на финскомъ языкѣ; о русскомъ или карельскомъ языкѣ, о книгахъ на русскомъ языкѣ, о томъ, какой языкъ въ какомъ приходѣ болѣе употребителенъ, не было ни слова. Отсюда односторонность и неполнота въ отвѣтахъ причтовъ изъ карельскихъ приходовъ Выборгской губерніи, пишущихъ, что обученіе населенія ведется на русскомъ и финскомъ языкахъ. При этомъ неясно, какой языкъ разумѣется подъ финскимъ: собственно ли финскій или карельскій.

Если отвѣты причтовъ, такимъ образомъ, оказались недостаточно выясняющими положеніе дѣла, зато докладъ капитана Геца былъ обстоятельнѣе и однимъ тѣмъ уже выяснялъ дѣло, что дѣлили православные приходы Финляндіи на финскіе и карельскіе. Признавая необходимость введенія финскаго языка въ школы финскихъ приходовъ, о карельскихъ Гецъ писалъ: „Въ приходахъ же съ сплошнымъ карельскимъ населеніемъ, какъ напр. въ Салминскомъ уѣздѣ, сохранившемъ типъ и прежній свой складъ жизни, которому даже мало знакомъ финскій языкъ, нѣтъ настоятельной надобности вводить то, что не привилось само собою, и если грамота нужна, то такъ какъ карельскій языкъ не имѣетъ письменности, не лучше ли позаботиться о русской. Эта часть Карелии, прилегая къ самой границѣ Олонецкой губерніи и находясь въ постоянномъ общеніи съ русскими, скорѣе нуждается въ русскомъ, чѣмъ въ финскомъ языкѣ. Послѣдній они вѣроятно давно бы изучили, если бы ощущалась въ немъ надобность. Напротивъ здѣсь многіе крестьяне говорятъ по-русски потому, что ходятъ на заработки въ Россію, и вообще край этотъ всѣми симпатіями своими и преданіями болѣе тяготеетъ къ Россіи, чѣмъ къ Финляндіи“.

На основаніи этого предложеніе Антеля о введеніи финскаго языка въ школъ и богослуженіи для карель нашло горячихъ противниковъ въ особенности въ гр. Толстомъ и Батюшковѣ. Послѣдній заявилъ, что, если будетъ введенъ въ школъ и богослуженіи финскій языкъ, то „все, что есть русскаго въ Карелии, незамѣтно соотрется подъ вліяніемъ финношведомановъ... Введеніе финскаго языка можетъ подѣйствовать и въ ущербъ православію... и подготовить успѣхъ финсколютеранскому элементу“. (Слова оказались пророческими). Комитетъ не принялъ предложенія Антеля, найдя болѣе цѣлесообразнымъ открыть въ г. Сердоболь—для подготовки учителей въ существующія и предполагаемыя русскія народныя школы православныхъ приходовъ Карелии—учительскую семинарію съ преподаваніемъ въ ней предметовъ на русскомъ языкѣ, при чемъ въ числѣ предметовъ преподаванія должны были быть и мѣстные языки, т. е. финскій и карельскій. Семинарію предположено было подчинить Св. Синоду, и самый проектъ объ основаніи семинаріи и народныхъ школъ въ 1869 году былъ препровожденъ въ Св. Синодъ.

Русскіе занялись перепискою, финляндцы приступили къ дѣлу.

Св. Синодъ, одобривъ въ общемъ проектъ комитета, нашель лишь нужнымъ, „чтобы какъ въ Сердобольской учительской семинаріи, такъ и во всѣхъ школахъ православныхъ приходовъ, всѣ предметы были преподаваемы на русскомъ языкѣ, и на мѣстныхъ лишь нарѣчіяхъ—финскомъ или карельскомъ, были дѣлаемы объясненія непонятнаго для учащихся на русскомъ языкѣ“. Св. Синодъ находилъ возможнымъ принять на свои средства значительные расходы на постройку училищныхъ домовъ, на жалованье учителямъ, пособія женскимъ училищамъ; содержаніе же Сердобольской семинаріи съ Высочайшаго соизволенія возложено было на Министерство Народнаго Просвѣщенія. Финляндскій сенатъ по поводу исправленнаго Синодомъ проекта выразилъ такое мнѣніе, чтобы преподаваніе въ народныхъ школахъ велось на финскомъ языкѣ потому, что карельскій языкъ есть только нарѣчіе его, и чтобы „воспитанники Сердобольской семинаріи были съ этою цѣлью надлежащимъ образомъ подготовлены“. Финляндскій генераль-губернаторъ графъ Адлербергъ съ своей стороны заявилъ, что онъ считалъ бы необходимымъ вести преподаваніе на мѣстномъ языкѣ лишь первое время такъ, чтобы потомъ постепенно былъ введенъ русскій языкъ. Переписка между Св. Синодомъ и финляндскимъ Сенатомъ продолжалась, но ни то, ни другое учрежденіе не отказывалось отъ своихъ требо-

ваній относительно языка преподаванія, такъ какъ для каждаго изъ этихъ учрежденій было очевидно, что, при веденіи преподаванія въ школахъ православно-карельскихъ приходовъ на русскомъ языкѣ, населеніе быстро обрусѣтъ, при веденіи преподаванія на финскомъ языкѣ оно офиннится. Видя настойчивость финляндскаго Сената, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. Толстой и за нимъ Св. Синодъ заявили о томъ, что они вынуждены будутъ отказаться отъ участія въ расходахъ на содержаніе въ православной Кареліи народныхъ школъ и семинаріи, если финляндцы не согласятся на веденіе преподаванія въ семинаріи на русскомъ языкѣ. Финляндцамъ это только и нужно было, тѣмъ болѣе, что они, не ограничиваясь перепискою, на мѣстѣ уже начали работу въ своихъ цѣляхъ, воспользовавшись нѣкоторыми благоприятными для дѣла мѣстными обстоятельствами.

Въ 50-ые годы XIX вѣка самымъ богатымъ купцомъ въ г. Сердоболѣ былъ Иванъ Ситонинъ, обрусѣвшій православный карель, нажившій миллионное состояніе посредствомъ торговли съ Петербургомъ. Единственная дочь Ситонина вышла замужъ за кексгольмскаго бургомистра шведа-Халлонблада, который такимъ образомъ сдѣлался обладателемъ и капиталовъ Ситонина и земельной собственности его, находившейся по другую сторону небольшого залива, при которомъ расположенъ городъ Сердоболь, и прозывавшейся по имени деревни, бывшей здѣсь, Кюмелею. Въ память своего тестя Халлонбладъ въ 1863 году основалъ народную школу на Кюмельской землѣ, построивъ для школы два роскошныхъ зданія съ классными помѣщеніями, гимнастическимъ заломъ, мастерскою и квартирами для учителей. Въ обезпеченіе дальнѣйшаго существованія школы Халлонбладъ пожертвовалъ на школу капиталъ въ 200.000 марокъ, при чемъ щедрость его проистекала отчасти и изъ того, что бракъ его на дочери Ситонина былъ бездѣтнымъ. И вотъ въ то время какъ Св. Синодъ обсуждалъ проектъ комиссіи объ учрежденіи въ г. Сердоболѣ русской семинаріи, Халлонбладъ предложилъ основанную имъ народную школу со всѣми постройками и капиталомъ Сердобольскому приходу. По словамъ автора (Форстрема) книжки „*Soimia ja Kuteita. Kymolan. Seminaarin oppilailta*“ ч. I, даръ былъ настолько великъ, что изумленные прихожане отказались отъ него, Эту фразу г. Форстремъ старается лишь отдѣлаться отъ необходимости дать другое — болѣе простое объясненіе причины отказа прохожанъ отъ этого дара: прихожане, наполовину русскіе и православные, желали имѣть русскую школу, а не финскую, какъ имъ предлагалъ Халлонбладъ. На эти капиталъ и школу, ищущіе себѣ болѣе опредѣленнаго назначенія, обратили, конечно, вниманіе въ

Гельсингфорсъ по многимъ причинамъ. Въ это время очевидно сдѣлалась необходимостью учрежденія второй въ Финляндіи учительской семинаріи потому, что Ювяскольская семинаріа не успѣвала удовлетворять потребности въ народныхъ учителяхъ; на сеймѣ 1872 года депутатами и была выработана петиція объ основаніи второй учительской семинаріи. Кромѣ того, зная о значительной степени обрусѣнія православныхъ карель Салминскаго уѣзда, финляндскіе патріоты уже подумывали о способахъ офинненія православныхъ карель, которые при надлежащей организаціи русскихъ школъ среди нихъ могли окончательно обрусѣть. Поэтому и надо было скорѣе предупредить осуществленіе предположеній русскихъ властей относительно православныхъ карель и, пока переписка еще съ русскими властями не закончена, открыть финскую семинарію и тѣмъ устранить возможность открытія русской. Исходя изъ такихъ побужденій, одинъ изъ гельсингфорскихъ патріотовъ, какъ рассказываютъ, пріѣхалъ въ городъ Сердоболь и обратился къ Халлонбладу съ предложеніемъ ему: увѣковѣчить свое имя въ исторіи Финляндіи патріотическимъ дѣломъ спасенія карель отъ угрожавшей имъ опасности обрусѣнія, — и имѣлъ полный успѣхъ. Халлонбладъ (мы употребляемъ вездѣ единственное число вмѣсто употребляемаго г. Форстремомъ выраженія „супруги Халлонбладъ“ потому, что супруга Халлонбладъ на все смотрѣла глазами мужа, и своихъ взглядовъ на это дѣло не имѣла) обратился въ финляндскій Сенатъ съ просьбою принять въ вѣдѣніе финляндскаго правительства основанную имъ близъ г. Сердоболя школу съ землею и капиталомъ — въ общей стоимості на 400.000 марокъ — подъ тѣмъ условіемъ, чтобы школа была преобразована въ финскую учительскую семинарію. Училищное Управление и Сенатъ приняли даръ.

Финская учительская семинаріа въ г. Сердоболь получаетъ спеціальное назначеніе офиннивать карель.

Нѣсколько иного однако взгляда на выборъ мѣста для второй учительской семинаріи было общественное мнѣніе въ странѣ. Городъ Нейшлотъ въ особенности добивался права помѣстить у себя семинарію и предлагалъ съ своей стороны красивое и здоровое мѣсто на берегу Сайменскаго озера. За городъ Нейшлотъ говорили и болѣе удобные и легкіе для населенія Финляндіи пути сообщенія съ нимъ, сравнительно съ Сердоболемъ, не имѣвшимъ въ то время желѣзной дороги и сносившимся лѣтомъ съ остальной Финляндіею черезъ Петербургъ. „Сомнѣнія пробуждало во многихъ основаніе

такого большого учебнаго заведенія среди невоздѣланной глуши: сомнѣвались въ достаточномъ количествѣ учениковъ, сомнѣвались въ стремленіи къ ученю со стороны карельской молодежи, доброжелательности карельскаго народа къ предполагаемому учебному заведенію“... (Laatokka № 119). Главный школьный инспекторъ въ Финляндіи, Цигнеусъ, былъ на сторонѣ общественнаго мнѣнія и поддерживалъ ходатайство города Нейшлота. „По слухамъ, Цигнеусъ, прибывъ уже на освященіе Сердобольской семинаріи, сказалъ: „Не изъ Ладожскаго ли озера взять сюда учениковъ? или откуда?“ (Laatokka № 121 отъ 24 окт. 1905 г.). Поэтому вполне естественно, что „на Сеймѣ 1877 года, когда былъ предложенъ даръ супруговъ Халлонбладъ, выставили въ противовѣсъ Сердоболу Нейшлотъ“. (Laatokka № 121). Пришлось подробно и обстоятельно разъяснять сейму опасность обрусѣнія Карелии, о чемъ Uusi Suometar въ № 244 отъ 20 окт. 1905 г. говоритъ въ образныхъ выраженіяхъ: „Депутаты нашего народа, вѣроятно, также „услышали плачь Карелии“ или лучше сказать, замѣтили опасный сонъ ея“. И все-таки „много энергіи и убѣдительныхъ, вещественныхъ разъясненій потребовали отъ тогдашнихъ депутатовъ изъ этого угла, прежде чѣмъ сеймъ наконецъ рѣшилъ принять даръ и основать сюда семинарію“. (Laatokka № 121 отъ 1905 г.) Рѣшеніе сейма получило Высочайшую санкцію 16/18 декабря 1878 года, послѣ чего по распоряженію финляндскаго Сената финская семинарія была открыта въ г. Сердоболѣ осенью 1880 года.

Какую цѣль себѣ поставила Сердобольская финская учительская семинарія въ краѣ, искони тяготѣвшемъ къ русскимъ, съ любовью шедшемъ на сліяніе съ русскими и уже значительно обрусѣвшемъ, видно изъ статейки „Karjala“, помѣщенной въ приводимомъ выше и посвященномъ Сердобольской семинаріи сборникѣ ч. I „Soimia ja Kuteita“. Въ обращеніи къ Карелии здѣсь говорится: „Судьба отделила тебя отъ Финляндіи, бросивъ подъ чужую власть и чужую милость (т. е. русскую). Твои природныя свойства были неразвиты, твой новый хозяинъ получилъ возможность видоизмѣнить ихъ, бросить въ нихъ свои сѣмена (т. е. православіе съ связанными съ нимъ обрядами и обычаями). О, Финляндія! не презирай своей сестры (Карелии) въ лохмотьяхъ, не презирай за то, что она утѣрала часть своего и вмѣсто этого пріобрѣла злое и то, что прежде она сама бы презирала (т. е. православіе и русскіе обряды). Пожалѣй ее, помни, какую школу она прошла. Помни, чѣмъ была занята она, когда ты уже выступала на нивѣ просвѣщенія. Помни, какъ часто она пятналась кровью, когда ты въ мирѣ ѣла свой хлѣбъ. Подними ее, посѣй лучшее сѣмя въ ея обширныя

нетронутыя дѣбри, сѣмя такое, которое не смогутъ ни заморозить морозы востока, ни смыть дожди. Приобщи ее снова къ обществу сестеръ въ такомъ нарядѣ, чтобы не нужно было стыдиться ея (т. е., короче говоря, обрати население ея въ финновъ и лютеранъ). Помоги, Боже, Кареліи!“

Дѣятельность питомцевъ Сердобольской учительской семинаріи, въ качествѣ учителей народныхъ школъ въ Кареліи.

Статейка интересна тѣмъ, что уясняетъ намъ тотъ духъ, въ которомъ воспитываются ученики въ Сердобольской семинаріи, показываетъ намъ, съ какими чувствами и стремленіями выходятъ изъ этой семинаріи молодые люди, принимающіеся за учительскую дѣятельность въ финскихъ народныхъ школахъ. Естественно, что такой учитель финской народной школы въ проявленіяхъ русскаго вліянія видитъ „злое“ и ведетъ противъ него борьбу, т. е. онъ ведетъ борьбу противъ русскихъ обычаевъ среди карель, противъ міровоззрѣнія русскаго простолюдина въ карелѣ, противъ русскихъ словъ въ языкѣ карела, навязывая взамѣнъ этого финскіе обычаи, міровоззрѣніе, слова. Сами учителя еще за время пребыванія въ семинаріи, вполне успѣваютъ проникнуться финскимъ духомъ и усвоить финское обличье.

Въ семинарію они поступали еще православными карелами: Алексѣевыми, Лукиными, Подушкиными и др., но кончали они семинарію подъ фамиліями Арнію, Лайне, Харкинена, Канерво, Райнію, и др.: поступали они съ именами Карповъ, Парасковій и др., кончали съ именами Карловъ, Эвъ и др.

И въ этомъ сказывается вліяніе не только преподавателей, но и сотоварищеской среды, въ которой приходится жить четыре года ученикамъ изъ православныхъ карель. Православныхъ карель въ семинаріи бываетъ обыкновенно одинъ—два на классъ, состоящій изъ тридцати человѣкъ, чисто финновъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ такой средѣ и обстановкѣ, такой православный карель, сдѣлавшись народнымъ учителемъ, ревностно начинаетъ вырывать „злыя сѣмена“, брошенныя въ православныхъ карель „чужестранцемъ“, т. е. усердно очищаетъ языкъ своихъ учениковъ отъ русскихъ словъ вопреки желанію родителей..., рѣчь молодого поколѣнія получила западный отпечатокъ и стала приближаться къ языку остальной Финляндіи. Поэтому въ одной и той же семьѣ говорятъ двумя различными нарѣчійми. Многіе старые люди порицаютъ это нововведеніе: такъ одинъ старикъ говорилъ о своей племянницѣ: „Весь свой разговоръ перемѣнила: не умѣетъ болѣе говорить по-

человѣчески!“ говорится о вліяніи финскихъ школъ въ православной Кареліи въ книгѣ „Suomens maakunnat Pohjois Karjala Hels. 1904“. (стр. 66).

На-ряду съ этимъ учителя финскихъ народныхъ школъ стремятся также уронить въ глазахъ карель и значеніе самого русскаго языка. Такъ въ „Tietoja Suojärven pitäjästä“ Брандерсъ въ 1892 году пишетъ: „Литературнаго финскаго языка здѣсь не понимаютъ (т. е. въ Суоярвскомъ приходѣ)..... русскій языкъ считаютъ выше своего, лишь въ послѣднее время чиновники и школы очищаютъ языкъ“. А такъ какъ преклоненіе передъ русскимъ языкомъ со стороны карела, стремленіе къ изученію его отчасти зависитъ отъ употребленія русскаго, или вѣрнѣе, церковнославянскаго языка въ церковномъ богослуженіи, то понятны отсюда усилія учителей финскихъ народныхъ школъ замѣнить въ богослуженіи для православныхъ карель церковно-славянскій языкъ финскимъ языкомъ. Цѣлый рядъ корреспонденцій изъ Салмы въ газетѣ Laatokka за текущій, т. е. 1905 годъ, рисуетъ намъ картину борьбы со стороны учителей финскихъ народныхъ школъ съ населеніемъ Салминскаго прихода, отстаивающаго въ богослуженіи церковно-славянскій языкъ, богослуженіе на которомъ они слушали около 800 лѣтъ. Несчастье для карель въ этомъ отношеніи въ томъ, что они не находятъ себѣ поддержки со стороны высшаго русскаго духовенства, которое не будучи знакомо съ положеніемъ дѣла въ православной Кареліи или умышленно закрывая глаза на различіе между собственно финскими и карельскими приходами, сочувственно относится къ требованіямъ учителей финскихъ народныхъ школъ.

Высшее православное духовенство предполагаетъ, будто бы богослуженіе на финскомъ языкѣ въ карельскихъ приходахъ будетъ содѣйствовать усиѣхамъ православія въ Кареліи, забывая, что, „финскаго литературнаго языка карелы не понимаютъ“ (Брандерсъ). что одно и то же слово у карель и финновъ имѣетъ различныя значенія, отчего происходятъ такія недоразумѣнія, что обидно за православное богослуженіе. Такъ слово: *synti* у финновъ значитъ „грѣхъ“, у карель—„рожденіе“, *hegga* у финновъ „господинъ“ и „Господь“, у карель „баринъ“. Если бы учителя финскихъ народныхъ школъ цѣнили въ данномъ случаѣ православіе и въ интересахъ его боролись за финскій языкъ въ богослуженіи, то не было бы такихъ насмѣшекъ надъ православною обрядностью въ печатномъ органѣ Сердобольской семинаріи—газетѣ Laatokk'ъ, которыя помѣщены, напр., въ № 99 отъ 2 сентября 1905 г. или въ № 104 отъ 14 сентября.

Въ № 104 посмѣиваются надъ значеніемъ нашихъ панихидъ: „Очень гуманными сдѣлались шуйстамскіе попы, сходявъ на послѣдней недѣлѣ со свѣчами и ладаномъ отсобрить (?) панихиду (sielumessuja sorogaimossa) надъ умершею женою Аксентія Лисицына, несмотря на то, что покойница принадлежала къ лютеранской церкви. „Вѣдь отъ добра не будетъ худа“, разсудилъ попу, когда кто-то усумнился въ томъ, чтобы произнесенныя молитвы были услышаны покойникомъ-лютераниномъ. Сколько помощи будетъ покойнику отъ этого добра, очень трудно сказать, однако треба— очень рѣдкостная и не на долю всякаго, вѣроятно, выпадеть“.

Въ № 107 отъ 27 сентября на эту замѣтку такъ отвѣчаетъ самъ А. Лисицынъ: „Дѣйствительно, по моей усердной просьбѣ священники Шуйстамскаго прихода отслужили панихиду надъ моею покойною женою, несмотря на то, что она была лютеранкою, но это не должно было оскорбить корреспондента замѣтки. Дѣло было такъ: моя покойная жена умерла внезапно, оставивъ мнѣ шесть малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ послѣдній остался отъ матери въ возрастѣ двухъ часовъ жизни. Моя покойная жена старалась воспитывать нашихъ дѣтей въ моей вѣрѣ и всегда присутствовала при молитвахъ моихъ и дѣтей. Поэтому-то какъ изъ чувства благодарности къ покойной, такъ и изъ желанія получить себѣ духовное утѣшеніе въ такомъ тяжкомъ горѣ, я просилъ священниковъ отслужить панихиду при покойницѣ, что они и исполнили согласно съ нашимъ вѣроисповѣданіемъ. Соборованія же или таинства помазанія больной, что совершается лишь для живыхъ, они не совершали. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, корреспондентъ солгалъ или не понялъ дѣла. Отслужена была лишь панихида. И это досадно корреспонденту! Здѣсь очень часто и лютеране совершаютъ подобное: поютъ псалмы по своимъ псалтырямъ при покойникѣ православнаго вѣроисповѣданія, и мы имъ этого не запрещаемъ, такъ какъ въ этомъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ ничего дурного. Напротивъ, мы съ удовольствіемъ слушаемъ. Желательно было бы знать, почему Вы осмѣливаетесь такъ явно глумиться и презирать наше православное вѣроисповѣданіе?...“

Вотъ Вамъ голосъ самого карела, характеризующій отношеніе къ православію въ православной финляндской Кареліи со стороны финской интеллигенціи, во главѣ которой и стоятъ учителя финскихъ народныхъ школъ.

Къ сожалѣнію, среди самаго православнаго русскаго духовенства въ финляндской Кареліи находятся лица, не понимающія стремленій учителей финскихъ народныхъ школъ въ Кареліи и идущія поэтому навстрѣчу стремленіямъ этихъ учителей въ дѣлѣ офиниванія пра-

вославныхъ карель. Такъ на юбилейномъ обѣдѣ, по поводу 25-лѣтія существованія Сердобольской учительской семинаріи „священникъ Садовниковъ говорилъ о томъ очень важномъ трудѣ, который Сердобольская семинарія выполнила, въ особенности въ самой восточной Карелии“ (Laatokka № 120 отъ 21 октября 1905 г.). Определеннѣе указывается на этотъ трудъ въ „Uusi Suometar“ № 244 отъ 20 октября, въ статьѣ „Kyonôlân Seminaari“: „За время дѣйствія семинаріи Сердоболь изъ незамѣтнаго, наполовину русскаго торговаго селенія обратился въ важный (финскій) культурный центръ Карелии“. Сердоболь, слѣдовательно, офинненъ, равно какъ и прилегающіе къ нему приходы, не офиннены еще лишь пограничные приходы Салминскаго уѣзда: Салминскій, Суоярвскій и отчасти Имбилахтинскій и Шуйстамскій. И если финны энергично работаютъ надъ офинниваніемъ православныхъ карель посредствомъ основанія среди нихъ финскихъ народныхъ школъ, то противодѣйствовать этому офинниванію можно посредствомъ основанія въ этихъ приходахъ русскихъ народныхъ школъ, которыхъ давно ждало и ждетъ православно-карельское населеніе, не взирая на ту медленность, съ которою Совѣщательный Комитетъ по дѣламъ русскихъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи относится къ удовлетворенію этихъ стремленій православныхъ карель.

В. П. Крохинъ.

Два повелѣнія Петра Великаго.

Въ 1847 году (марта 15) товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Сенявинъ (род. 11 іюля 1801 года, а 8 іюня 1851 года окончившій жизнь самоубійствомъ), обратился къ завѣдующему гофъ-интендантской конторой оберъ-гофмейстеру князю Сергѣю Сергѣевичу Гагарину съ письмомъ, въ которомъ просилъ его: „что желая сохранить въ фамиліи своей на память нѣкоторыя изъ писемъ Императора Петра 1-го, писанныхъ собственноручно къ предку его Сенявину, выдать ему два или три изъ числа хранящихся въ гофъ-интендантской конторѣ. Кромѣ того дозволить ему списать коші со всѣхъ тѣхъ повелѣній, которыя даны были предку его Сенявину“.

(Этотъ Сенявинъ или Синявинъ, Уляинъ Іоакимовичъ (род. въ 167?) былъ при Петрѣ Великомъ оберъ-коммиссаромъ, а потомъ директоромъ отъ строеній. При Императрицѣ Екатеринѣ I, произведенъ въ генераль-маіоры и скончался въ 1740 году).

Князь Гагаринъ *не находилъ* препятствій къ исполненію просьбы Сенявина и склоненъ былъ выдать ему два повелѣнія Петра I-го, одно отъ 7 октября 1706 года, а другое 13 іюля 1722 г., но за окончательнымъ разрѣшеніемъ обратился все-таки къ министру Императорскаго Двора Свѣтлѣйшему князю Волконскому.

Петръ Михайловичъ Волконскій не рѣшился такъ легко отнестись къ просьбѣ Сенявина и доложилъ о ней Его Величеству. Государь Императоръ Николай I не изъявлялъ Высочайшаго соизволенія на выдачу Сенявину оригинальныхъ повелѣній Петра Великаго, но дозволилъ списать въ самой конторѣ копіи со всѣхъ подобныхъ повелѣній. Объ этой Высочайшей волѣ министръ и сообщилъ официально князю Гагарину отъ 11 мая 1847 г. за № 1665. Въ свою очередь Сергѣй Сергѣевичъ Гагаринъ 16 мая (№ 2963) писалъ Сенявину:

Милостивый Государь

Иванъ Григорьевичъ.

Г. министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ меня, что относительно выдачи Вашему Превосходительству нѣкоторыхъ изъ хранящихся при дѣлахъ гофъ-интендантской конторы собственно-ручныхъ писемъ Императора Петра I-го, писанныхъ къ предку Вашему, Его Свѣтлость имѣлъ счастье представлять докладную о семъ мою записку на усмотрѣніе Государя Императора. Его Величество не изъявилъ Высочайшаго соизволенія на выдачу Вамъ оригинальныхъ повелѣній Петра Великаго, но дозволилъ списать въ самой конторѣ копии всѣхъ подобныхъ г. Сенявину повелѣній.

Сообщая о таковой Высочайшей волѣ Вамъ, Милостивый Государь, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Князь С. Гагаринъ.

16 мая 1847 года.

Копіи съ двухъ повелѣній Императора Петра I къ Сенявину.

Господинъ Сенявинъ.

Мы zelo удивляемся, что вы по ся поры мѣшкаете съ такимъ важнымъ дѣломъ.

Пітеръ.

Октября 7 д. 1706 г.

Излагиря.

Директору Строеній Сенявину.

Господинъ Директоръ.

Писалъ ты къ Макарову что Броушейнъ нѣкоторое непослушаніе чинить вработѣ і затѣмъ была остановка во оной чему я zelo дивлюся понеже і не такимъ судъ есть і буде будетъ остановка я на тебѣ ¹⁾ спрошу, а не на немъ.

Петръ.

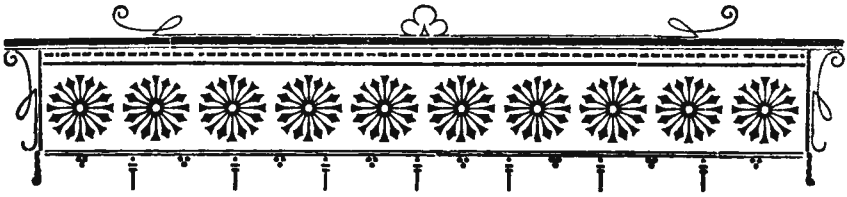
Изастрахани.

въ 13 д. іюля 1722 г.

Сообщилъ Ал. Алекс. Лебедевъ.

¹⁾ Изъ дѣлъ Арх. М—ва Двора. Оп. 89/523 ст. 496.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Оноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ).

Ч А С Т Ь I.

Итальянская опера.

Я родилась въ имѣнїи моего отца, въ Ковенской губ., 5-го февраля 1838 г. Семья моя принадлежитъ къ очень старинному литовскому роду. Въ историческихъ хроникахъ XIV столѣтїа встрѣчаются имена нашихъ предковъ, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ, при польскихъ короляхъ. Тогда они носили титулъ и тройную фамилю князей Гинятъ Гинятовичъ Пилсудскихъ съ латинскимъ девизомъ на гербѣ: „Sit mihi palma fides“. Со временемъ, за перемѣнами въ политическомъ и экономическомъ состоянїи края, оскудѣвшіе дворяне отбросили титулъ, оставивъ третью фамилю, съ девизомъ, кот. на русскомъ языкѣ значитъ: „Да будетъ моею пальма вѣрности“.

Отецъ мой служилъ только по выборамъ; слылъ за самаго ученаго челоуѣка своего края и заслужилъ названїе живой энциклопедїи. Воспитывался въ Варшавскомъ университетѣ „na Zoliborzu“; владѣлъ въ совершенствѣ классическими языками. Сильно замѣшанный въ возстанїи 31 года, онъ въ этой смутѣ потерялъ большую часть своего состоянїа и попалъ подъ слѣдствїе, по окончанїи котораго былъ оправданъ и продолжалъ служить по выборамъ. По особой милости Императора Николая Павловича, его три сына были приняты на казенный счетъ въ военныя заведенїа; старшїй мой братъ дослужился до званїа камергера; второй умеръ на службѣ генераль-лейтенантомъ, третїй умеръ молодымъ. По ходатайству баронесы Крюднеръ мать моя получила мѣсто классной дамы въ Патріотическомъ институтѣ, съ правомъ воспитать въ немъ своихъ двухъ

дочерей; я вышла изъ института одною изъ первыхъ ученицъ, но шифра получить не могла, такъ какъ воспитанницы-экстерны на шифръ права не имѣли; однако Императрица Александра Θεодоровна приказала установить награду для ученицъ, воспитывающихся на счетъ экономическихъ суммъ и кончающихъ курсъ съ отличіемъ; такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ институты, я была первая институтка, удостоившаяся Высочайшей награды — золотого браслета, что и значится въ моемъ дипломѣ.

Семья наша была очень музыкальна; моя мать была любимой ученицей Фильда; обучала насъ музыкѣ превосходно; я обнаруживала хорошія способности къ игрѣ на фортепiano, потому и было рѣшено, что, по окончаніи курса, я специально буду заниматься музыкой.

Второй мой братъ служилъ на югѣ, въ кавалерійскомъ Ея Высочества В. К. Елены Павловны кирасирскомъ полку; при наводненіи въ Кременчугѣ, подвергаясь самъ большой опасности, онъ спасъ болѣе ста человѣкъ; за отличіе былъ переведенъ въ гвардію, въ конно-гренадерскій полкъ. У него былъ замѣчательно красивый голосъ; артисты итальянской оперы въ Петербургѣ: Рубини, Лабланшъ, особенно Тамбурины, уговаривали его посвятить себя артистической дѣятельности; однако братъ устоялъ передъ искушеніемъ и не пошелъ на сцену. Пока мы были въ институтѣ, онъ не обращалъ вниманія на отсутствіе голоса у сестеръ, но со временемъ, очень огорчался, что ни одна изъ насъ не поетъ; онъ сталъ уговаривать меня пробовать пѣть съ нимъ дуэты; очень скоро у меня голосъ обнаружился, сталъ быстро развиваться; пригласили профессора, чуть ли не единственного тогда въ Петербургѣ „маэстро Пиччіоли“. Плата за урокъ была пять руб., что для того времени было очень много. Мои родители обладали очень ограниченными средствами, но не задумались сдѣлать эту жертву, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы я, выбравъ одну изъ моихъ товарокъ, имѣющую голосъ, дѣлилась съ ней приобретаемыми знаніями; такимъ образомъ, въ 16 лѣтъ я дала первый урокъ пѣнія г-жѣ Краевской. Голосъ мой представлялъ тогда необыкновенное явленіе: при обширнѣйшемъ діапазонѣ (отъ верхняго ре до нижняго ре, т. е. въ голосѣ было три октавы), онъ былъ необыкновенно ровный и гибкій. Благодаря превосходному профессору и можетъ быть природнымъ свойствамъ голоса, успѣхи были поразительны. Когда Тамбурины меня слушалъ, онъ сказалъ такъ: „c'est la voix de la Malibran“, а князь Оболенскій, отличный пѣвецъ и знатокъ, сказалъ: „c'est la voix de la Albani dans les notes basses et la voix de la Frezzolini dans les notes hautes“. Графиня Е. Н. Адлербергъ, превосходная пѣвица, моя соученица, на музыкальномъ вечерѣ у графа Морни сказала:

„c'est une voix ideale“. Для справедливости прибавлю, что къ дебютамъ голосъ, не утративъ своей обширности, развившійся въ смыслѣ силы, уже не представлялъ тѣхъ отличительныхъ чертъ, которыя заставляли лучшихъ профессоровъ задумываться опредѣлить, какой у меня былъ голосъ—сопрано или контральто. По моей волѣ голосъ установился низкимъ mezzo-soprano и остался такимъ до конца.

Меня стали знать, приглашать участвовать въ концертахъ. На меня обратили вниманіе Великая Княгиня Марія Николаевна и Великая Княгиня Елена Павловна. Черезъ князя Одоевского В. К. Елена Павловна предложила мнѣ быть у нея пѣвицей, какъ были прежде Кочетова и Лешетницкая; на это мой отецъ не согласился. Постоянные выѣзды, приглашенія причиняли непосильные расходы. Княгиня Друцкая, съ которой я познакомилась въ эту первую зиму моей свѣтской жизни, предложила мнѣ провести часть слѣдующей зимы у нея въ деревнѣ, а послѣ познакомить меня съ Москвою, гдѣ она жила постоянно. У ея дочери былъ хорошій голосъ, мы съ ней много пѣли; по пріѣздѣ въ Москву, насъ стали приглашать пѣть въ концертахъ, на вечерахъ; число знакомыхъ увеличивалось, у меня сразу было много уроковъ. Мнѣ предложили дать концертъ. По этому поводу княгиня Друцкая обратилась за совѣтомъ къ г-ну Онноре, состоявшему тогда профессоромъ спеціального музыкальнаго класса въ Императорскомъ Николаевскомъ институтѣ; отличный артистъ, блестящій виртуозъ, онъ могъ дать драгоцѣнныя указанія для составленія программы, а также участвовать въ концертѣ.

Два концерта, данные тогда, одинъ въ теперешнемъ Строгоновскомъ училищѣ, а другой въ Дворянскомъ собраніи, дали чистаго сбора 3.000 руб.

Знакомство съ г-мъ Онноре имѣло для меня важныя послѣдствія; я его увидѣла первый разъ 20 декабря, а 24 апрѣля 1856 г. была моя свадьба; мнѣ было тогда 18 лѣтъ.

Въ этомъ году въ нашихъ губерніяхъ было пять предводителей дворянства, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, очень намъ близкихъ родственниковъ и однофамильцевъ. Объ этомъ мнѣ сообщилъ отецъ въ письмѣ, въ которомъ давалъ согласіе на бракъ. Между строкъ можно было прочесть, что ему, старому дворянину, было жалко отдать дочь за „citoyen français“; это, впрочемъ, былъ единственный намекъ; мужа моего онъ любилъ, какъ сына, а братья—какъ брата.

Послѣ свадьбы мой мужъ взялъ долгосрочный отпускъ; мы сдѣлали первое артистическое путешествіе; поѣхали во Флоренцію, гдѣ тогда проживалъ знаменитый профессоръ пѣнія Фонтана. За три мѣсяца моего пребыванія во Флоренціи я взяла 90 уроковъ, зани-

*

маясь ежедневно, иногда и два раза въ день. Потому мы побѣжали въ Миланъ. Мой мужъ хорошо зналъ г. Рикорли Лукка (ничего общаго не имѣвшей съ пѣвицей Лукка), у которой была тогда первая агентура въ Италіи. Она мнѣ предложила ангажементъ, но у меня репертуара еще не было, и мы предпочли ограничиться уроками у тоже извѣстнаго тогда профессора Буцци. Въ Миланѣ провели три мѣсяца, такъ что въ 6 мѣсяцевъ я взяла 150 уроковъ у лучшихъ профессоровъ въ мірѣ. Скажу тутъ, что знаменитости эти не лучше были г-на Пиччиоли. Я много у нихъ приобрѣла, но совѣты перваго учителя были выше и оставили въ моей памяти безконечную благодарность. Онъ былъ ученикомъ Нощари, былъ многосторонне образованнымъ и конечно лучшимъ педагогомъ, чѣмъ моя другіе учителя. Въ Миланѣ меня слушалъ Россини, который только тогда оставлялъ Италію, чтобы поселиться въ Парижѣ, гдѣ жилъ до смерти въ собственной виллѣ въ Пасси (близкая окрестность Парижа).

Распрощавшись съ Миланомъ, съ Россини, котораго я надѣялась скоро увидѣть въ Парижѣ, мы побѣжали туда, куда мнѣ такъ хотѣлось попасть. Россини мнѣ далъ рекомендательное письмо къ знаменитой въ свое время пѣвицѣ Персіани. Замѣчательно то, что, поручая меня ей, въ письмѣ, онъ сдѣлалъ оговорку, что воздерживается дать свое мнѣніе о возможности для меня поступленія на сцену, такъ какъ находитъ, что голосъ не довольно силенъ. Съ г-жей Персіани я прошла нѣсколько итальянскихъ оперъ; Трубадуръ, Фаворитку, Люкреція Боджіа, Марія ди-Роганъ и Севильскій Цирюльникъ.

Въ Парижѣ тогда жилъ извѣстный музыкальный критикъ Дамке, жена его была русская. Они пригласили насъ на вечеръ и представили Берліозу. Когда я стала пѣть, Берліозъ опершись на рояль отвернулся, но по мѣрѣ того, какъ я пѣла, онъ поворачивался и, наконецъ, такъ увлекся, что просилъ пѣть безъ конца. На другой день онъ привезъ массу своихъ романсовъ, свой портретъ и предсказалъ блестящую карьеру.

Посѣтили г-жу Фрецолини, хорошую знакомую моего мужа: она приняла насъ сердечно, просила меня спѣть ей по-итальянски. Я выбрала романъ Гордиджани „Il tempo passato“. Эрминія Поджи Фрецолини расплакалась и, утирая слезы, сказала: „Vous pouvez Vous vanter d'avoir fait pleurer la Frezzolini“. Мнѣніе ея, высказанное тогда, было такое, что колебаться не слѣдуетъ: „сцена, сцена, Вы будете знаменитостью“. Намъ показалось страннымъ, что, несмотря на утреннее время, она насъ приняла въ бѣломъ, бальномъ, туалетѣ.

Самый интересный для насъ въ это время былъ вечеръ у г-на Александра Биксіо, нашего хорошаго друга; министра, народнаго представителя въ 48 г.; онъ былъ лучшимъ другомъ Кавура. Графъ Нигра, потомъ посланникъ въ Петербургъ, какъ и Кавуръ, были приглашены на этотъ вечеръ. Преимущественно я пѣла русскую музыку: Глинки, Рубинштейна, Даргомыжскаго, кончивъ вечеръ итальянскими аріями.—Полный получился успѣхъ...

Все это было безконечно привлекательно, но надо было торопиться, такъ какъ отпускъ моего мужа приходилъ къ концу, и насъ ждали въ Москвѣ. Но ему пришлось просить отсрочку, потому что мы получили приглашеніе отъ Россини на новоселье. Тутъ я первый разъ увидѣла г-жу Россини. Бывшая пѣвица, съ остатками красоты, птичьимъ профилемъ и очень непривѣтливой манерой, она произвела на меня удручающее впечатлѣніе. Начала съ вопроса: „какой у Васъ голосъ“. Я отвѣчаю: „mezzo-soprano“.—Тѣмъ хуже, mezzo-soprano—половина голоса. Надо имѣть или сопрано или контральто—карьеру сдѣлать нельзя“. Это сказано было такимъ рѣзкимъ тономъ, что у меня пропала всякая охота пѣть, но пѣть надо было. Прослушавъ меня, она очевидно осталась при своемъ мнѣніи, такъ какъ не нашла ничего мнѣ сказать одобрительнаго. Эта дама строгаго нрава и такой же фізіономіи, въ молодости служила моделью для знаменитой картины Юдифъ и Олофернъ, Гораціи Верне. Олофернъ же онъ писалъ съ извѣстнаго композитора Риччи, котораго нѣсколько времени спустя я принимала въ Москвѣ. Въ послѣдніе дни пребыванія въ Парижѣ я получила письмо отъ г-жи Рикорди Лукка, предлагавшей мнѣ вернуться въ Миланъ, обѣщая найти возможность помѣстить меня у себя, и что Ламперти (отецъ) беретъ проходить со мною партіи и устроить дебютъ въ Скала.

Тутъ представлялся выборъ, вернуться въ Миланъ, учиться, вѣроятно дебютировать въ теченіе года, но разстаться съ семьей на неопредѣленное время, такъ какъ моему мужу, состоявшему на службѣ, бросить ее, въ виду пенсіи, на которую онъ приобрѣталъ право,—было бы неосторожно, или же вернуться въ Москву, давать уроки, выступать въ концертахъ и оставить пока мечты о сценѣ. Здоровье моего мужа было слабое; болѣзнь, которая его свела въ могилу, стала уже проявляться. Я даже немного колебалась,—заглушивъ завѣтное желаніе поступить на сцену, я покинула Италію и вернулась въ Москву. Началась тамъ наша тихая московская жизнь. Уроки мужа, мои, воспитаніе пасынка, единственнаго сына моего мужа, занимали большую часть времени. Домъ нашъ былъ центромъ музыкальной дѣятельности въ Москвѣ. Разъ въ недѣлю были у насъ квартетныя собранія, въ которыхъ участвовали лучшія тог-

дашнія силы въ Москвѣ; піанистами были по очереди г. Онноре и Николай Рубинштейнъ, тогда еще мало извѣстный; скрипачами—Кламротъ, Грасси, Безекирскій послѣ и Минкусъ; альтъ—Герберъ; віолончелисты—отецъ и сынъ Шмидтъ, Дробишь и др. Кромѣ того всѣ случайно прїѣзжающіе артисты въ Москву бывали у насъ и музицировали: Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, Бюловъ, Дрейшокъ, Шульховъ, Клара Шуманнъ, Карлъ Майеръ, Сеймуръ Шифъ, Равина, Гензельтъ, Вьетанъ, братья Венявскіе, Серве, Давыдовъ, Олебуль, Бозіо, Демерикъ Лаблашъ, Кальцолари, Дебассини. Здѣсь я ознакомилась со всей камерной музыкой; слушала постоянно знаменитыхъ артистовъ; могу сказать, что въ отношеніи музыкальнаго развитія эта была самая серьезная эпоха моей жизни.

Разъ вернувшись съ уроковъ, мой мужъ сообщилъ, что прїѣхали въ Москву двѣ сестры Ферни, совершившія свое турнэ по Россіи. Обѣ талантливыя скрипачки ѣздили съ отцомъ и матерью. Въ Динабургѣ внезапно умеръ ихъ отецъ, и они, миновавъ Петербургъ, гдѣ должны были концерттировать, направились въ Москву, чтобы успокоиться послѣ сразившаго ихъ горя и провести нѣсколько времени безъ концертовъ.

Мой мужъ предложилъ имъ бывать у насъ. Онѣ провели въ Москвѣ, кажется, два мѣсяца. Каждый день съ утра забирались къ намъ мать и двѣ дочери—Виргинія и Каролина (нынѣ профессоръ пѣнія въ Петербургской Консерваторіи). Я принимала ихъ радушно, и каждый вечеръ у насъ составлялись тріо и квартеты, Каролина—I-я скрипка, Виргинія—альтъ; піанисты и віолончелисты наши съ радостью присоединялись къ нимъ. Послѣ музыки импровизировали сцены изъ оперъ, шарады; веселились во „всю“, совсѣмъ не какъ недавно осиротѣлыя дочери, а какъ могутъ веселиться молодыя, красивыя дѣвушки, окруженныя интересными людьми.

Когда Каролина Ферни вполсѣдствіи прїѣхала въ Петербургъ, я полагала, что мы возобновимъ знакомство. И дѣйствительно обмѣнялись визитами; но когда въ одномъ мнѣ знакомомъ семействѣ, у Р. П. г-жу Ферни спросили, знаетъ ли она меня, она, какъ Св. Петръ отъ Христа, отеклась отъ меня. Съ тѣхъ поръ наши дружескія отношенія прекратились.

Въ одинъ изъ этихъ иногда слишкомъ оживленныхъ вечеровъ явился Риччи (Олофернъ). Еще замѣчательно красивый, онъ обращалъ на себя общее вниманіе. Въ нашей небольшой квартирѣ онъ занялъ массу мѣста, все время сохраняя серьезное, даже мрачное выраженіе лица. Каково было наше удивленіе, когда, выбравъ

одного изъ артистовъ, онъ устроилъ забавную картину, изображающую карлика съ своими громадными руками и руками своего партнера вмѣсто ногъ.—Всѣ до упаду смѣялись—Олофернъ даже не улыкнулся.

Не оставляя мечты о сценѣ, я серьезно занималась составленіемъ итальянскаго репертуара. Можно себя представить, чѣмъ былъ для начинающей артистки такой руководитель, какъ мой мужъ г-нъ Онноре.

Первый лауреатъ Парижской Консерваторіи, блестящій виртуозъ, въ 15 лѣтъ онъ кончилъ курсъ. Его сверстники—Равина, Горія, Jäel, Прюданъ, тоже получили первыя награды, но они конкурировали нѣсколько лѣтъ подрядъ и тогда только ихъ получали, по большинству голосовъ. Изъ 13 голосовъ, составлявшихъ тогда жюри, надо было получить minimum 7 голосовъ. Г. Онноре конкурировалъ только одинъ разъ и получилъ сразу всѣ 13 голосовъ. Въ числѣ присяжныхъ были тогда: Керубини, директоръ Консерваторіи, Шопень, Листъ, Альканъ (профессоръ Онноре), Циммерманъ и другіе. На конкурсѣ онъ игралъ концертъ Шопена. Заслужить подобное одобреніе было большою честью для 15-ти лѣтняго юноши. Но отецъ его былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ не получилъ званія бакалавра, и требовалъ, чтобы по окончаніи курса онъ держалъ экзаменъ.

Не желая на долгій срокъ оставлять свою артистическую дѣятельность, молодой, заносчивый лауреатъ рѣшилъ послушаться отца, отказаться отъ субсидіи, получаемой отъ семьи, и жить самостоятельнымъ заработкомъ.

Надо было найти возможность оставаться въ Парижѣ. Судьба натолкнула его на бывшаго тогда въ полной силѣ и славѣ пѣвца Маріо-Дука-ди-Кандія, который полюбилъ и познакомилъ молодого пианиста со всѣми пѣвцами итальянской оперы въ Парижѣ. Г. Онноре такъ понравился имъ, что они не принимали приглашенія пѣть въ концертахъ и на вечерахъ безъ ихъ излюбленнаго аккомпаниатора. Онъ сталъ первымъ лучшимъ аккомпаниаторомъ въ Парижѣ и, конечно, много зарабатывалъ. Скоро, однако, созналъ, что для его высшихъ цѣлей такъ продолжать нельзя, и потому, вернувшись домой, исполнилъ волю отца, выдержалъ экзаменъ и предался игрѣ на фортепіано, что не мѣшало ему играть въ театрѣ на віолончели (соло въ оркестрѣ) и на органѣ въ церкви во время торжественныхъ службъ. Архіепископомъ въ Амьенскомъ кафедральномъ соборѣ былъ Monseigneur d'Афръ. Привязанность этого святого человѣка къ юношѣ была трогательна; онъ заботился о немъ,

давалъ ему совѣты и очень любилъ, когда на органѣ игралъ талантливый піанистъ. Въ 1848 году этотъ служитель церкви былъ убитъ на баррикадахъ въ Парижѣ.

Отецъ моего мужа по разнымъ причинамъ пожелалъ отправить сына въ Италію, гдѣ онъ концертировалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пользуясь громаднмъ успѣхомъ; во всѣхъ рецензіяхъ его иначе не называли, какъ „nostro caro Nonnoro“. Игралъ онъ въ главныхъ городахъ Италіи. Во Флоренціи онъ встрѣтился съ Тальбергомъ, который предложилъ ему выступить съ нимъ вмѣстѣ въ концертъ, въ театрѣ. Въ ихъ наружности было нѣкоторое сходство; оба очень молодые, очень худые, съ рѣзкими профилями и большими римскими носами. Когда они вышли на сцену, публика дружно разсмѣялась. Успѣхъ они имѣли огромный. Послѣ Италіи г. Онноре направился въ Россію и въ Петербургъ далъ нѣсколько концертовъ; потомъ посѣтилъ Москву. Здѣсь такъ принимали его, что ему не хотѣлось уѣзжать, и онъ охотно занялъ мѣсто профессора спеціального музыкальнаго класса въ Николаевскомъ институтѣ.

Въ Москвѣ онъ прожилъ 25 лѣтъ, заслуживъ всеобщее уваженіе и любовь, какъ артистъ, профессоръ и человѣкъ. Въ 25 лѣтъ своего пребыванія въ Москвѣ онъ далъ 48.000 уроковъ. Всѣ часы внесены его рукой въ спеціальную книгу, которая сохраняется у меня. Великолѣпный педагогъ, онъ каждый день посвящалъ нѣсколько часовъ занятіямъ со мною, помогая мнѣ разучивать итальянскій репертуаръ: Пророкъ, Гугеноты, Баль-Маскарадъ, Клятва, Сафо, Семирамида, Линда, Риголетто, Марта, Сорока воровъ, Ченерентоля,—что съ ролями, пройденными съ г-жей Персіани, составляло уже серьезный репертуаръ. Въ это время я усердно занималась итальянскимъ языкомъ съ профессоромъ Московскаго университета Рубини; совершенствовалась тоже и въ англійскомъ языкѣ, что мнѣ впоследствии очень пригодилось. Въ то же время я постоянно давала уроки пѣнія, лучшія тогдашнія мои ученицы были княжна Мещерская, у которой былъ дивный голосъ, г-жа Савельева, графиня Орлова-Давыдова и М. М. Арапова.

Не могу умолчать о томъ вліяніи, которое имѣлъ на меня составъ труппы Малаго театра, дошедшій тогда до своего апогея. Я лично познакомилась съ Садовскимъ, съ Шумскимъ, Вильде, Васильевой, Медвѣдовой, Никулиной. Постоянное ихъ благосклонное отношеніе ко мнѣ приводило меня въ восторгъ, и я гордилась ихъ одобреніемъ.

Русская опера въ Москвѣ была тогда ниже всякой критики.

Въ ней пѣли чехи, евреи, нѣмцы; русскихъ артистовъ почти не было. Петрова сошла со сцены до моего прѣзда въ Москву, Бандышевъ умеръ. Былъ Владиславлевъ, который въ свое время пользовался большимъ успѣхомъ, но когда я слышалъ его первый разъ, онъ исполнялъ очень добросовѣстно вторыя роли. Какъ бы то ни было, мнѣ и въ голову не приходило войти въ составъ подобной труппы. Въ Большой театрѣ на оперу общество не ѣздило, а посѣщало только балетныя представленія. Малый театръ дѣлалъ полные сборы, но опера пустовала.

Въ 60 году было открытіе музыкальнаго общества. Меня пригласили на 5 концертовъ.—Помню всѣ аріи, исполненныя мною въ этомъ году—Орфей Глюка, арія изъ оперы Тамерланъ Генделя, Перфида Бетховена, Ave Maria Перголезе, — романсы Шумана, Глинки, Даргомыжскаго, Рубинштейна и Шуберта. Успѣхъ я имѣла большой; не разъ Ник. Рубинштейнъ выражалъ мнѣ свою признательность. Увидимъ, какъ въ будущемъ она проявилась. Печатный отчетъ музыкальнаго общества даетъ всѣ свѣдѣнія объ этихъ концертахъ.

Въ это время случилось то, что характеризуетъ мои отношенія къ будущему начальству. Въ одинъ прекрасный день прислуга доложила мнѣ, что пришелъ какой-то человекъ въ казенной ливреѣ и желаетъ меня видѣть. Я велѣла спросить, по какому дѣлу, и къмъ онъ присланъ. Въ отвѣтъ получилое слѣдующее заявленіе: „г. Директоръ театра приказалъ Вамъ сказать, что онъ хочетъ Васъ видѣть по дѣлу, а потому Вамъ надо явиться въ контору завтра, въ 10 часовъ утра“. Я не вышла къ посланному, а приказала сказать, что, очевидно, г. директоръ ошибся, такъ какъ я его не знаю, дѣла къ нему не имѣю и въ контору не пойду, что если ему нужно видѣть меня, то пусть пожалуетъ ко мнѣ.

Въ это время прошелъ слухъ, что дирекція Императорскихъ театровъ открываетъ итальянскую оперу въ будущемъ сезонѣ въ Москвѣ.

Это извѣстіе очень меня взволновало; однако я не сдѣлала шагу, чтобы попасть въ составъ формировавшейся труппы.

Были приглашены первоклассные артисты съ великолѣпными голосами, европейскія знаменитости: Фриччи, супруги Гассье, Пакани, Віалетти, Стеллеръ.

Въ примадоннѣ контрольто я узнала свою товарку по институту г-жу Абаринуву, которая заняла впослѣдствіи мѣсто на Александринской сценѣ; какъ пѣвица, она была полнѣйшей бездарностью.

Тогда уже я рѣшила хлопотать о приглашеніи меня въ Императорскую итальянскую оперу въ Москвѣ. Достигнуть этого въ родномъ городѣ, при семьѣ, было величайшимъ для меня счастьемъ, и это дирекція отлично понимала. Трудно было описать, сколько за это время пришлось мнѣ пережить разочарованій, оскорбленій, чудовищныхъ отношеній дирекціи ко мнѣ. „De mortuis aut bene, aut nihil“, т. е. мертвыхъ тревожить не слѣдуетъ, однако, не могу не сказать, что тогда администрація театровъ состояла изъ лицъ, не имѣющихъ даже отдаленнаго представленія о чести, совѣсти, правдѣ и справедливости.

Конецъ этимъ ужаснымъ душевнымъ тревогамъ былъ положенъ личнымъ вмѣшательствомъ графа Адлерберга (тогда министръ Двора). Случилось это такъ: меня пригласили концертровать въ Лондонѣ. Генрихъ Венявскій, жена котораго была англичанка, далъ мнѣ письма къ своимъ друзьямъ, а также артистамъ, проживавшимъ въ Лондонѣ. Лордъ Непиръ, англійскій посланникъ въ Петербургъ, и его очаровательная супруга снабдили меня рекомендаціями къ нѣсколькимъ вліятельнымъ аристократамъ, такъ что помимо приглашенія пѣть въ St.-Jame's Hall и у лордъ-мера, я могла рассчитывать и на поддержку высшаго общества.

Проѣздомъ черезъ Петербургъ, я посѣтила графиню Е. Н. Адлербергъ и графиню Е. Н. Баранову, которыя съ необыкновенно сердечной, благосклонной готовностью взялись хлопотать передъ министромъ Двора о принятіи меня на сцену Императорскаго театра. Директоръ театра г-нъ С. былъ за границей для заключенія новыхъ контрактовъ, а потому министръ предложилъ свидѣться съ нимъ въ Парижѣ, говоря, что г-нъ С. будетъ предупрежденъ о моемъ ходатайствѣ, и что контрактъ можетъ быть заключенъ въ Парижѣ.

Конечно первой заботой въ Парижѣ было видѣть директора театровъ. Никогда не изгладится воспоминаніе объ этомъ приѣмѣ. „Кто Вы?“—Отвѣчаю. „И Вы воображаете, что можете пѣть съ итальянцами?“ Я намекаю, что я по предложенію министра являюсь, въ увѣреніи, что онъ именно желаетъ меня пригласить. „Я теперь не могу Васъ пригласить, у меня и контрактовъ нѣтъ: все это еще не пришло, и я не могу кончить съ Вами“. Возражаю, что я приглашена въ Лондонъ, что я должна выполнить свои обязательства въ этомъ городѣ, и что я ждать бумагъ не могу. „Когда вернетесь, я еще буду въ Парижѣ и тогда заключу съ Вами условіе“. Конечно, вѣры я никакой не придавала этимъ словамъ, похожимъ скорѣй на лай, чѣмъ на разговоръ порядочнаго человѣка. Все же

я рѣшаюсь спросить, могу ли рассчитывать на это обѣщаніе. „Конечно, даю Вамъ слово, что я исполню волю министра“.

Съ тяжелымъ сердцемъ ѣду въ Лондонъ. I-й концертъ въ St.-James Hall очень удачно прошелъ; пѣла я колыбельную пѣснь Глинки; три раза повторила эту прелестную вещь.

Случайно мой мужъ встрѣтилъ Каваллини, знакомаго ему давно; тотъ спросилъ его, получила ли я ангажементъ; мужъ отвѣчаетъ, что моя жена почти получила его, но контрактъ еще не заключенъ. При этомъ онъ разсказалъ о моемъ свиданіи съ г-мъ С., который далъ слово заключить условіе по окончаніи моего ангажемента въ Лондонѣ. Каваллини покачалъ головой и сказалъ: „слово г-на С. это очень невѣрная вещь,—я Вамъ совѣтую опираться на покровительство министра и ѣхать скорѣе обратно“. Въ Парижѣ первымъ дѣломъ являюсь къ г-ну С., который дѣлаетъ видъ, что онъ меня не знаетъ, никогда не видѣлъ и не помнитъ о моемъ дѣлѣ; я напоминаю ему, что онъ мнѣ далъ слово. „Можетъ быть, можетъ быть, но я не далъ *честнаго* слова, и я контракта съ Вами не заключаю“. Помню, что негодованіе мое выразилось слѣдующими словами: „мнѣ этотъ оттѣнокъ, между словомъ и честнымъ словомъ былъ не извѣстенъ“; слегка поклонилась и съ чувствомъ невыразимой гадливости ушла. Вотъ каковъ былъ вершитель нашихъ судебъ, отъ котораго зависѣла наша жизнь.

Изъ Парижа мы поѣхали въ Висбаденъ, гдѣ мой мужъ долженъ былъ лѣчиться. Изъ Висбадена я написала письмо графинѣ Е. Н. Адлербергъ, которая прочла его министру. Въ письмѣ вся исторія моихъ двухъ свиданій съ директоромъ была описана, безъ всякихъ стѣсненій. Результатомъ было, что я получила въ Висбаденѣ контрактъ на одинъ годъ, съ окладомъ 4.000 руб. и полубенефисъ. Контракту предшествовала телеграмма отъ министра, за его подписью.

Почти одновременно съ этимъ С. былъ смѣненъ графомъ Борхомъ.

Обстоятельства эти создали положеніе, можетъ быть, еще худшее. Г-нъ Л., тогда директоръ Московскихъ театровъ, обозленный, что меня пригласили безъ его согласія и даже вѣдома, пришелъ въ неистовую ярость и сталъ систематически преслѣдовать меня и возбуждать противъ меня ту часть публики, которая особенно интересовалась итальянской оперой, говоря каждому о моемъ излишнемъ самомнѣніи и о томъ, что я помѣшала ему пригласить на это мѣсто г-жу Демерикъ-Лаблашъ; словомъ, создалъ предъ моимъ дебютомъ цѣлую оппозиціонную партію. Вся Москва знала объ этомъ,

а когда начались репетиціи, то было приказано ихъ ограничить до minimum'a въ виду того, что всѣ артисты прошлагодніе и въ репетиціяхъ не нуждаются, такъ что для моего дебюта, въ роли Азучены, была одна репетиція подъ фортепіано и одна съ оркестромъ.

Къ удивленію дирижеровъ, режиссеровъ, суфлеровъ и артистовъ, я вышла съ честью изъ этого испытанія. Окружающіе меня родные, друзья, знакомые щадилъ меня, скрывая о готовящейся демонстраціи, во главѣ которой сталъ г. Л. и „La loge infernale“ въ полномъ составѣ; а я, ничего не подозрѣвая, спокойно готовилась къ дебюту.

Наканунѣ перваго представленія присланъ мнѣ былъ костюмъ,— буквально какія-то лохмотья. Я на всякій случай заказала костюмъ въ Парижѣ, по образцу костюма Борги Мамо. Ничего не говоря, не спрашивая разрѣшенія, я была въ собственномъ, очень удачномъ костюмѣ.

Первый актъ Трубадура прошелъ буквально безъ всякаго вниманія публики: шелъ громкій говоръ въ оркестрѣ, партерѣ; всѣ готовились ко 2-му акту. Фриччи, негодующая, вышла со сцены. удивленная, что никого, даже ее, любимцу публики, не вызывали.

Дебютъ мой былъ блестящій. Все, что можно было желать, въ смыслѣ аплодисментовъ, вызововъ, выпало на мою долю: сестра моя упала въ обморокъ. Въ оркестрѣ знакомые музыканты прослезилась, залъ стономъ кричалъ, я же, перенеся столько непріятностей, не чувствовала особенной радости. Г-нъ Л. куда-то исчезъ. „La loge infernale“ неистово аплодировала.

Вспоминается мнѣ при этомъ забавный инцидентъ. Въ дуэтѣ Панкани, великолѣпный теноръ, знаменитый, опытный артистъ, по разсѣянности забылъ вступленіе: не растерявшись я спѣла за него и тѣмъ спасла ансамбль. Въ антрактѣ онъ выразилъ мнѣ свою искреннюю признательность предъ всѣми артистами.

Дальше шли: Люкреція Борджія, Марія де Роганъ и Риголетто. Я пѣла безъ репетицій.

Въ эту зиму Императорскій Дворъ провелъ три мѣсяца въ Москвѣ. Давали постоянно оперы, въ надеждѣ видѣть въ театрѣ Царскую Семью; но представленія шли за представленіями, а Царская Фамилія отсутствовала. Наконецъ, когда назначена была опера Фаворитка, въ которой я пѣла заглавную партію, управляющій былъ извѣщенъ, что Государь будетъ въ театрѣ. Г-нъ Л. поспѣшилъ къ министру съ предложеніемъ замѣнить Фаворитку — Травиатой, но Государь приказалъ ничего не измѣнять.

Въ одномъ изъ антрактовъ Императоръ Александръ II милостиво со мною разговаривалъ.

Въ теченіе зимы былъ данъ концертъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ, съ участіемъ всѣхъ первыхъ артистовъ итальянской оперы и Николая Рубинштейна, который игралъ и аккомпанировалъ. Программа составлялась у г-на Л.; я выбрала „Нину-Перголезе“ и „Колыбельную пѣснь — Глинки“. Всѣ артисты имѣли два номера, но мнѣ г. Л. объявилъ, что я буду пѣть одинъ разъ; я оставила Колыбельную пѣснь Глинки. Императрицѣ такъ понравилась эта вещь, что она приказала ее повторить. Послѣ второго раза, къ величайшей моей радости, Государыня встала съ своего мѣста, подошла ко мнѣ и долго милостиво разговаривала и кончила разговоръ слѣдующими словами:

„Спойте еще разъ колыбельную пѣснь“.

Досадѣ пѣвцовъ не было границъ. Какъ теперь вижу сконфуженное, озлобленное лицо г-на Л.

По окончаніи сезона контрактъ мой былъ возобновленъ на тѣхъ же условіяхъ на три года.

Въ концѣ зимы пріѣхалъ въ Москву Верди. Онъ провелъ всю зиму въ Петербургѣ, гдѣ ставилась его опера „Сила Судьбы (La forza del destino)“. Сопрано Лагуа должна была пѣть главную роль. Тяжкія головныя боли помѣшали ей выступить въ этой оперѣ, и было рѣшено прекратить репетиціи, отложить первое представленіе до слѣдующей зимы. Верди воспользовался временемъ и пріѣхалъ въ Москву. Въ честь его дали Трубадура; послѣ моего разказа „il racconto“ публика настойчиво его вызывала; онъ вышелъ, держа меня за руку.

Однако злоба г-на Л. не унималась. Для моего бенефиса въ слѣдующій сезонъ я выбрала „Пророка“. Тутъ репетиціямъ не было конца; Панкани чудный теноръ наканунѣ спектакля простудился и просилъ отложить первое представленіе на три дня, но г-нъ Л. не согласился на это и передалъ роль нѣмецкому тенору, пѣвшему тогда въ русской оперѣ Шмидту, согласившемуся пѣть безъ репетиціи по-нѣмецки. Онъ былъ недурный пѣвецъ, но не популярный, и сборъ былъ не полный. Расходы оказались громадными. Однѣхъ губокъ для симуляціи пожара, въ послѣдней картинѣ, будто бы пошло на 40 руб. Черезъ три дня Панкани уже пѣлъ свою партію; Пророкъ былъ поставленъ много разъ подъ рядъ; въ огорченіи и убыткѣ осталась только я.

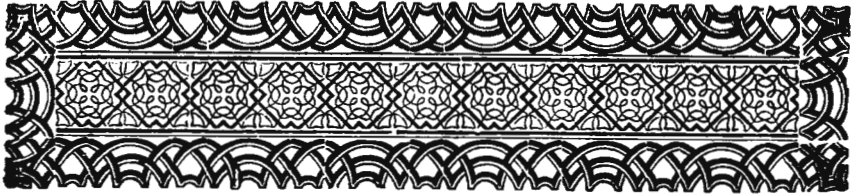
Во все время моей службы самымъ ярымъ моимъ противникомъ былъ Н. Г. Рубинштейнъ. Забывъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ

онъ былъ принять у насъ какъ другъ, что мы дѣлили съ нимъ и горе, и радость, и трапезу, и кошелекъ, пѣли и играли въ его концертахъ, и что первые уроки доставлялъ ему мой мужъ, забывъ все это, онъ болѣе, чѣмъ недружелюбно, относился ко мнѣ. Во время его тяжелой болѣзни мы ходили за нимъ; разъ ночью ему стало такъ плохо, что прислали за мной, и я его не оставляла до того момента, когда опасность миновала; и за все это онъ отплатилъ мнѣ зломъ. Когда его спрашивали, почему онъ такъ поступаетъ, онъ отвѣчалъ: „а такъ, чтобы Онноре не зазнавались“.

По окончаніи моего контракта г-нъ Л. не возобновилъ его, а, услыжавъ пѣвицу въ какомъ-то кафешантанѣ, пригласилъ ее на окладъ 5.000 руб.

И. И. Оннорé.

Тяжелые дни Мукденских боевъ.

(Воспоминанія запаснаго).

Около 10 февраля 1905 г. въ полкъ прибыло укомплектованіе, пришелъ все хорошій и добрый народъ—хохлы изъ южныхъ губерній. Распредѣлили ихъ по-ротно—человѣкъ по сорокъ въ каждую роту, и они очень исправно и старательно начали нести наравнѣ съ прочими солдатами службу и все, помню, горѣли желаніемъ скорѣе увидѣть „бисова японца“, какъ они выражались.

Разъ, помню, въ пятой ротѣ вышелъ довольно занятный случай. Одинъ изъ прибывшихъ хохловъ вечеромъ куда-то исчезъ, но часа черезъ два вдругъ возвращается, идя съ японской стороны съ огромной охапкой гаоляна. Гдѣ взялъ?—спрашиваютъ. Вонъ изъ скирды, что около той деревни, набралъ, указываетъ хохоль на деревню, занятую японцами.

Оказалось, что онъ еще днемъ позапримѣтилъ эту скирду и рѣшилъ съ наступленіемъ темноты набрать тамъ гаоляна.

Пошелъ онъ въ эту смѣлую экскурсію со спокойствіемъ невозмутимымъ,—даже и винтовку въ окопѣ оставилъ, потому—неспособно съ винтовкой нести большую охапку гаоляна. Подошелъ къ самой деревнѣ на столько близко, что слышалъ, какъ народъ около фанзы „гуторить“, да только не по-нашему; набралъ сколько нужно гаоляна и также благополучно вернулся съ огромной охапкой въ окопѣ.

Что это—безпредѣльная ли храбрость, или что другое—рѣшить не могу.

Числа около 10 февраля полкъ былъ на отдыхѣ въ Чжантани. Получилось извѣстіе, что на-дняхъ снова пойдемъ на штурмъ

тѣхъ деревень, которыя были противъ насъ, дабы содѣйствовать успѣху предполагаемой вторичной атаки на Сандену, которая должна будетъ начаться послѣ основательной подготовки артиллерійскимъ огнемъ.

Въ этой атакѣ мы давно уже на всякій случай готовились, и наши инженеры даже заставляли насъ сдѣлать какіе-то особые снаряды, которые должны были по ихъ предположеніямъ облегчить намъ подступы къ неприятелю и уменьшить наши потери.

Много тутъ было придумано по истинѣ остроумныхъ вещей, но перломъ инженернаго творчества была какая-то широкая колесница на двухъ низенькихъ массивныхъ каткахъ, которую солдаты называли каракатицей. На каткахъ была прилажена связанная изъ колевь рама. На раму эту предполагалось наложить огромный стогъ гаоляновой соломы—пудовъ этакъ 20 приблизительно, ставъ за которымъ нѣсколько солдатъ, взявшись за придѣланные къ колесницѣ оглобли, должны были пихать эту „каракатицу“ по гаоляновымъ грядкамъ, вѣроятно для того, чтобы она привлекла на себя артиллерійскій огонь противника, который быстро бы уничтожилъ людей, потѣвшихъ надъ тѣмъ, чтобы сдвинуть эту махину съ мѣста.

Надо думать, что это пугало застряло бы на первой же гаоляновой грядкѣ и пришлось бы впрягать въ него быковъ, чтобы сдвинуть его съ мѣста, конечно предварительно попросивъ японцевъ о томъ, чтобы они повременили стрѣлять.

Предполагалось также съ помощью этого остроумнаго снаряда взбираться на стѣнки и на крыши фанзы, для чего къ оглоблямъ были придѣланы поперечены. Думали, что когда этотъ возъ подвезутъ къ стѣнкамъ и выпрягутъ изъ него быковъ да разгрузятъ солому, то будетъ стоять только—приподнять оглобли, и получится готовая лѣстница, по которой ваяя хоть на стѣну, хоть на крышу.

Вообще проектъ дышалъ остроуміемъ, практичностью и полнымъ знакомствомъ съ боевой обстановкой. Но осуществлять это остроуміе приходилось конечно войскамъ, которыя всегда очень не охотно дѣлали работу, подобную толченію воды въ ступѣ.

Появились у насъ и ручныя гранаты, которыхъ мы раньше не знали и въ атаку съ ними не хаживали и которыя теперь мы должны были научиться метать въ японскіе фанзы и заборы. Этому насъ начали обучать, и помню дорого на первыхъ же порахъ намъ стоило это обученіе: въ присутствіи инженера-инструктора было однажды ранено около двадцати человекъ въ одномъ изъ полковъ такой гранаткой. Но что дѣлать: гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, такъ гласитъ народная мудрость, и этотъ печальный случай,

конечно, могъ бы имѣть мѣсто вездѣ и всюду при подобныхъ обстоятельствахъ.

Занимался проведеніемъ въ жизнь инженернаго остроумія, мы не забыли и Бога. Приказано было всюду отслужить молебны. Приѣхалъ для этого очень чиновный священникъ. Свободные отъ службы полки, въ томъ числѣ и нашъ, собрались на площадь—за деревней и построились въ ожиданіи прибытія начальства.

Помню, я замѣтилъ, что во всѣхъ пришедшихъ на молебенъ частяхъ не было знаменъ, и лишь только наше знамя блистало своимъ золотымъ крестомъ, отражавшимъ, хотя и холодные, но яркіе лучи здѣшняго февральскаго солнца.

Долго ждали; по обыкновенію нѣсколько разъ передвигались съ мѣста на мѣсто, равнясь и въ затылокъ и по фронту, словомъ, продѣлывали всѣмъ извѣстную канитель, каковую принято продѣлывать во всѣхъ частяхъ нашей арміи, въ томъ случаѣ, если ожидается прибытіе высшаго начальства.

Наконецъ начальство появилось, а вмѣстѣ съ нимъ также прибылъ и священникъ—человѣкъ среднихъ лѣтъ, очень хорошо упитанный и съ необычайно важной фізіономіей и съ пухлыми и бѣлыми, какъ у семипудовой купчихи, руками.

Самодовольство и сознаніе своего превосходства и той высоты, на которую онъ былъ вознесенъ волею судьбы, такъ и свѣтилось на его жирномъ, выхоленномъ лицѣ и въ маленькихъ, но острыхъ и умныхъ глазахъ.

Помню, онъ съ мѣста же сдѣлалъ строгій и внушительный выговоръ нашему батюшкѣ за то, что аналой не былъ поставленъ своевременно. Послѣ этого къ нему подошелъ подъ благословеніе священникъ другого полка—еще молодой человѣкъ, незадолго передъ этимъ прибывшій въ армію и не успѣвшій еще представиться своему высшему начальству.

Священникъ подошелъ робко и конфузливо, но его сейчасъ же оборвалъ рѣзкій начальнической голосъ, который грубо произнесъ: „здѣсь мнѣ не принято представляться, для этого у меня есть квартира и въ ней соответствующая комната“.

Молодой священникъ былъ окончательно убитъ и сконфуженъ; онъ чуть не плакалъ отъ огорченія и отъ ничѣмъ не заслуженной имъ черствости и грубости.

Но этимъ еще не кончилось истязаніе и издѣвательство надъ нашими бѣдными батюшками. Этотъ „Скалозубъ“ въ священнической рясѣ приказалъ нашимъ двумъ батюшкамъ держать икону на рукахъ въ теченіе всего времени, пока онъ говорилъ намъ рѣчь и служилъ молебенъ, подавая возгласы тихимъ, нѣжнымъ, какъ бы уми-

рающимъ голосомъ, которому онъ старался придать ангельскую кротость и сладость.

Окончивъ всѣ распоряженія, учинивъ разносы и поставивъ нашихъ батюшекъ „подъ икону“, генераль-священникъ началъ облачаться. Появилась кованая золотая риза, митра съ камнями и прочее облачение, которое такъ красиво и тепло горѣло на солнцѣ. Что бы тамъ ни писали и ни говорили наши современные „мудрецы“, которые только, кажется, только и дѣлають, что все отрицають, но ничего въ своихъ жалкихъ потугахъ не дають голодной душѣ чело-вѣка, но даже и обрядъ, даже эти играющія на солнцѣ золотомъ и камнями ризы и митры—говорять душѣ гораздо больше и сильнѣе, чѣмъ ихъ холодныя слова холоднаго разсудка.

Священникъ, вздохнувъ и стараясь придать своему лицу выраженіе неземной кротости и смиренія, которое все же никакъ не могло начертаться на его жирномъ и выхоленномъ лицѣ, громко произнесъ: „возлюбленные братіе“. И послѣ этого полились потоки краснорѣчія.

И чего тутъ только не было; говорилось и о долгѣ и о животѣ, долженствующемъ лечь на престолъ отечества, и о дорогомъ и любезномъ каждому русскому сердцу отечествѣ, которое выпустило своихъ птенцовъ на бой съ коварнымъ врагомъ и изъ далека слѣдитъ за каждымъ изъ этихъ птенцовъ,—и о стыдѣ и о позорѣ, если эти птенцы не одержать побѣды;—и много, много красивыхъ и всѣмъ извѣстныхъ фразъ.

„Птенцы“, одѣтые въ валенки и дырявыя шинели, стояли и довольно безучастно слушали этотъ каскадъ краснорѣчія. Большинство хмыкало на морозѣ носами, не понимая и не отдавая себѣ отчета—о чемъ это говорятъ, и думая въ это время „о порціяхъ говядины“ и о горячихъ щахъ. Тѣ же, которые были поумнѣе и поразвитѣе, наклеили на свои фізіономіи загадочныя улыбочки, которыми ясно говорили: „а все же, батвка, что бы ты тамъ ни говорилъ, а своего жирнаго живота на престолъ отечества не положишь; да и какая мы для тебя „возлюбленная братья“; братьевъ тутъ твоихъ нѣтъ, любить тебѣ насъ не за что, а душа наша для тебя—потемки“.

Эта рѣчь была закончена довольно неумѣстнымъ со стороны духовнаго лица возгласомъ: „да погибнуть японцы“. И тутъ же ораторъ хотѣлъ крикнуть „ура“, но, вспомнивъ, что въ облаченіи этого воинственнаго междометія выкрикивать не подобаетъ, сказалъ: „аминь“.

Вся эта рѣчь, полная напускнаго пафоса, была по слуху какимъ-то диссонансомъ, потому что въ ней не чувствовалось того святого

огонька, который теплится всегда въ простомъ и чистомъ человѣческомъ сердцѣ,—въ простой его душѣ.

Здѣсь не было этой простоты, и лучше было бы не говорить намъ никакихъ рѣчей, потому что и безъ нихъ мы отлично понимали то, что мы должны дѣлать и къ какой важной минутѣ готовимся. Здѣсь не надо было быть образованнымъ и тонко развитымъ человѣкомъ, чтобы сознать и оцѣнить всецѣло важность и святость этой минуты, да и чувство долга было сильно у насъ. Мы нуждались только лишь въ тепломъ душевномъ словѣ, которое согрѣло бы наши души, и ждали его услышать, но мы не услышали его, понявъ съ самаго начала рѣчи то, что мы не услышимъ его и въ концѣ таковой.

Но вотъ, когда кончился молебенъ, и когда Пречистый Ликъ Владычицы, несомый священниками, плавно заколыхался между рядами, тогда все преобразилось. Истинная, чистая и немудрая молитва понеслась къ сердцу Той, Которая только и могла утолить всѣ наши горести и печали, къ сердцу Той, Которая тамъ,—въ безконечности времени и пространства,—тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія, и гдѣ жизнь безконечная, полная неизяснимой радости святой и чистой любви,—тамъ Она Чистая, Святая и Непорочная скорбитъ о нашихъ слезахъ и молится телло и свято за своихъ поистинѣ возлюбленныхъ штенцовъ, которымъ только Она—Заступница можетъ протянуть свою благословляющую десницу и успокоить изстрадавшееся сердце человѣческое своей святою и чистою материнскою любовью.

Многіе солдаты и офицеры, стоя на колѣняхъ, плакали, стараясь хоть слегка коснуться до Святыни, но всѣ этого не могли сдѣлать: слишкомъ быстро обносили по рядамъ нашу дорогую Гостью,—нашу Мать, къ Лику Которой жадно тянулись наши уста.

Я помню, какъ, по описанію Толстого, приносили въ армію икону Богородицы наканунѣ Бородинскаго сраженія. Какой восторгъ былъ тогда среди солдатъ, какъ они рыдали, проходя, сгибаясь подъ Пречистымъ образомъ. Здѣсь тоже былъ канунъ сраженія; каждый обрекалъ себя на смерть, потому что зналъ, что придется штурмовать и волчьи ямы и засѣки и проволочныя сѣти, а извѣстно, во что обходится штурмъ этихъ препятствій, разставленныхъ подъ самымъ носомъ непріятели. И вотъ теперь, когда близокъ былъ смертный часъ, каждому такъ хотѣлось излить свое сердце въ молитвѣ и просить Заступницу поддержки во всѣхъ трудахъ, горестяхъ и печаляхъ.

„Заступница, помоги, Царица Небесная, Мать Пресвятая Богородица“, взывали солдаты, стоя на колѣняхъ и съ полными слезъ глазами. Я помню, какъ плакалъ нашъ баталіонный, и слезы катились

*

по его всклокоченной бородѣ. Бѣдняга,—у него тоже была семья и онъ тоже готовился къ этому кровавому бою, жертвуя всёмъ ради долга солдата.

Быстро пронесли икону по рядамъ, и послѣ этого вдругъ снова каждаго изъ насъ охватила атмосфера обыденности.

Начались какія-то витіеватыя рѣчи, съ потугами на военное краснорѣчіе; рѣчи, которыя никого не воодушевили и не подбодрили и лучше было бы не говорить ихъ вовсе, потому что, благодаря имъ, какъ-то сразу отлетѣлъ изъ сердца тотъ порывъ, которымъ оно жило въ немногія, но святыя минуты мольбы.

Всѣ мы снова „вернулись на землю“, снова стали „птенцами“, помышлявшими „о порцѣяхъ, о говьядинѣ“ или иронизирующими надъ свободно болтающимися „ораторскими“ языками, которымъ невозбранно говорить и актерствовать на всякіе лады и манеры.

На другой день полкъ нашъ вечеромъ пошелъ въ окопы на зарѣчную сторону, въ виду того, что насъ предполагали бросить въ атаку на впереди расположенныя деревни, и намъ было отдано соотвѣтствующее приказаніе, въ которомъ было указано, что предварительно атака будетъ подготовлена продолжительной бомбардировкой изъ осадныхъ орудій; было также указано о томъ, чтобы отнюдь не начинать атаки впредь до подачи условленнаго сигнала. У насъ были уже распредѣлены и назначены роты и каждой изъ нихъ—ся образъ дѣйствій. По сигналу находящіяся въ передовыхъ окопахъ 1 и 5 роты должны были быстро выбѣжать впередъ, развернуться, пользуясь укрытіемъ своей засѣки, и слѣдовать на штурмъ; за ними въ нѣсколько линій должны были идти прочія роты полка развернутымъ фронтомъ и съ разомкнутыми рядами.

Съ утра, по обыкновенію началась ружейная перестрѣлка. Часовъ въ 10, гдѣ-то далеко въ тылу поднялся нашъ воздушный шаръ, а часовъ въ одиннадцать глухо раскатился первый могучій выстрѣлъ изъ осадной пушки съ нашей стороны, и по прошествіи полъ-минуты взорвалась первая брошенная въ Сандепу тяжелая бомба и послала о себѣ вѣсть глухимъ, раскатистымъ, какъ эхо, отдаленнымъ разрывомъ.

Послѣ этого началась канонада. „Пу-у!“, ударяя какъ бы въ огромный турецкій барабанъ, рывкала пушка, и черезъ полъ-минуты снова слышалось тихое и раскатистое „Пу-у-у!“ отъ лопнувшей въ Сандепу бомбы. Потомъ снова: „Пу-у!“ и отвѣтъ на него „Пу-у-у!“

Такъ въ теченіе часа палили эти горластыя пушки, бросивъ въ Сандепу не менѣе ста бомбъ, и послѣ этого канонада вдругъ смолкла.

Всѣ мы сидѣли въ окопахъ молча. Лица солдатъ были сосре-

точены; каждый сознавалъ, что близка торжественная минута, и близка быть можетъ смерть. Разговоры смолкли, и помню только, одинъ какой-то молодой солдатъ замѣтилъ: „тоже и ему подь такой боньбой сидѣть не очень-то, поди, скусно; сколько тамъ теперь народу покалѣчило, поди и не счесть“, но сейчасъ же какой-то скептикъ, покуривая трубочку и сплюнувъ на сторону, флегматично вставилъ: „по-моему, такъ что, зря палять“, и видя, что замѣчаніе это вызвало недоумѣніе, помолчавъ, добавилъ: „теперь японецъ въ блиндажахъ схоронился, его тамъ никакой боньбой не ушибешь; а проволока какъ была, такъ и осталась,—нешто боньбой ты ее перешибешь. Или „къ примѣру“ засѣлка: сколь хошь по ней пали, а пойдешь на штурмъ—такъ все равно въ ней какъ „муха въ паутинѣ“ запутаешься“.

Это возраженіе не вызвало за собой никакихъ споровъ и дебатовъ, и всѣ снова угрюмо замолчали.

Къ полдню канонада утихла и не возобновлялась. Всѣ ожидали ея продолженія, но пушки молчали, и по-прежнему слышна была только рѣдкая ружейная перестрѣлка, да пѣли на разные голоса пули.

Такъ до самаго вечера канонада не возобновлялась, и на слѣдующій день снова то же молчаніе.

Прошелъ откуда-то слухъ, что штурмъ отложенъ по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ; поговаривали, что уже начали отвозить назадъ нашу осадную артиллерію, какъ бы боясь, чтобы она не досталась въ руки японцевъ. Словомъ, было много слуховъ, и въ воздухѣ въ общемъ пахло чѣмъ-то тревожнымъ; говорили, что штурма и вовсе не будетъ,—что японцы уже начали обходъ нашего праваго фланга, и что когда они окончательно обойдутъ, то пойдутъ на штурмъ и съ фронта, а намъ по обыкновенію прикажутъ отступать подь ихъ напоромъ.

Всѣ эти слухи нервировали людей и настраивали мысли на минорный тонъ.

Насъ смѣнили своевременно и, давъ отдохнуть день, снова послали на южныя стѣнки, гдѣ мы и простояли почему-то четверо сутокъ безсмѣнно.

Вечеромъ 14 февраля было приказано усилить роту въ Безымянной еще одной ротой. Причина этого распоряженія была намъ не извѣстна. Поговаривали всѣ, что ожидаютъ штурма непріятеля. Помню, этой ротѣ было приказано идти въ Безымянную днемъ съ тѣмъ, должно быть, чтобы японцы могли пересчитать съ буквальной точностью—сколько солдатъ прибыло на усиленіе гарнизона въ Безымянной.

Вообще приходилось очень нерѣдко становиться въ тупикъ по поводу тѣхъ приказаній, кои мы получали изъ какихъ-то высшихъ штабовъ, и которыя, конечно, должны были исполняться.

Одновременно съ передвиженіемъ нашей роты въ Безымянную и на зарѣчномъ участкѣ также было приказано произвести какія-то передвиженія изъ окопа въ окопъ, при чемъ приказаніе было особенно подчеркнуто о томъ, что все это необходимо произвести днемъ, дабы непріятель могъ лицезрѣть наши маневры и легко и удобно перечесть число солдатъ, стоящихъ на зарѣчной сторонѣ. Конечно, о послѣднемъ выводѣ въ приказаніи упомянуто не было, но онъ самъ собою напрашивается въ данномъ случаѣ.

Когда все это уже было сдѣлано, настала ночь, которая и прошла довольно спокойно. Японцы сосчитали число солдатъ, которые стоятъ противъ нихъ, и были конечно этимъ очень довольны, а мы, будучи увѣрены, что придумали замѣчательно остроумную штуку для втиранія очковъ нашему непріятелю, тоже пребывали въ самодовольномъ успокоеніи.

Ночью командиръ полка ходилъ въ Безымянную и ничего особеннаго въ ней не нашель; всѣ были на своихъ мѣстахъ и несли службу по положенію. На слѣдующій день часовъ въ 10 утра онъ снова пошелъ въ Безымянную, желая поближе рассмотреть—не замѣтно ли чего-нибудь со стороны японцевъ.

Прійдя въ деревню, мы вооружились биноклями и начали пристально всматриваться въ районъ непріятельскаго расположенія. Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ, ведущей съ запада, показалось огромное облако пыли, которое и двигалось довольно быстро на востокъ. Что скрывалось въ этой пыли, положительно невозможно было рассмотреть. Можно было предполагать, что это ѣхалъ какой-нибудь начальникъ, сопровождаемый значительнымъ конвоемъ. Въмѣстѣ съ этимъ отлично было видно нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ, которые, пригнувшись и держа ружья на перевѣсъ, перебѣгали отъ закрытія къ закрытію, приближаясь постепенно къ нашему расположенію.

Все это японцы продѣлывали съ необыкновенною ловкостью и подвижностью. Съ быстротой и ловкостью кошекъ они перебѣгали все впередъ и впередъ, при чемъ такъ быстро падали на землю за найденными закрытіями, что можно было думать, что они проваливались сквозь землю.

Такъ какъ за этими солдатами не было замѣчено движенія какихъ бы то ни было войскъ, то и можно было предположить, что это производится рекогносцировка какой-нибудь ничтожной частью—вродѣ нашей охотничьей команды.

Конечно, о всемъ замѣченномъ сейчасъ же было доложено кому слѣдуетъ, и получился приказъ—быть наготовѣ.

Однако все пока было спокойно.

Поздно вечеромъ командира позвали къ начальнику дивизіи. О чемъ былъ тамъ у нихъ разговоръ—намъ, конечно, не было извѣстно, но вотъ часовъ въ 12 ночи привели сюда же въ фанзу плѣннаго японскаго унтеръ-офицера; привели его наши же солдаты изъ Безымянной.

Это былъ худощавый, средняго роста, молодой человекъ. Войдя въ прихожую фанзы и видя, что она наполнена солдатами, онъ взялъ подъ козырекъ и сдѣлалъ всѣмъ общій вѣжливый поклонъ, при чемъ фізіономія его нисколько не выражала какого-либо заискиванія ради страха. Просто, была видна въ этомъ поклонѣ извѣстная воинская деликатность и вѣжливость, къ которымъ видимо онъ уже въ достаточной степени привыкъ.

Исполнивъ этотъ долгъ вѣжливости, японецъ сталъ серьезенъ и окруженный конвойными терпѣливо началъ ждать, когда его позовутъ. Ни въ какіе разговоры съ нашими солдатами онъ не вступалъ, охотно позволяя разсматривать желающимъ свою одежду и аммуницію, онъ не отвѣчалъ на вопросы и на всякія къ нему обращенія отрицательно трясъ головой, давая этимъ понять, что не понимаетъ русскаго языка.

Одѣтъ онъ былъ въ сравненіи съ нашими солдатами очень хорошо, практично и молодежато. На сколько нашъ солдатъ былъ неуклюжъ и мѣшковатъ въ своей зимней одеждѣ, на столько этотъ представитель непріятельской арміи сохранилъ и въ зимнемъ костюмѣ бравый воинскій видъ, соединенный съ ловкостью и подвижностью.

Вы представьте себѣ зимній костюмъ нашего солдата, и тогда сами убѣдитесь, въ какихъ чучель мы съумѣли превратить нашихъ русскихъ молодцовъ, которые по физическому развитію и красотѣ лица, конечно, стоятъ значительно впереди японцевъ.

Вотъ вамъ фигура нашего солдата въ зимней одеждѣ: на головѣ огромная папаха, которая у многихъ снаружи обшита сѣрымъ сукномъ, благодаря чему она сильно напоминаетъ собою или киргизскій малахай, или же рваный треухъ какого-нибудь „золоторотца“, или балаганнаго дѣда. Далѣе, какъ извѣстно,—полушубокъ „интендантскаго образца“ кое-какъ сшитый и расползающійся по швамъ и ничѣмъ другимъ кромѣ какъ прокислой вонью, не замѣчательный. На этотъ полушубокъ солдатъ съ большими потугами долженъ во что бы то ни стало натянуть свою шинель, которая и въ сорока градусный зной и въ сорока градусный морозъ у солдата все одна и та же.

Напяливши шинель и очень нерѣдко только при помощи товарищей, солдатъ, конечно, пробуетъ свободно согнуть руки и не можетъ, потому что ему съ большимъ трудомъ удалось надвинуть рукава шинели на рукава полушубка.

На ногахъ у солдата огромныя, обшитыя кожей валенки, подъ которыми на ногу напутана такъ называемая теплая портянка, представляющая собою поль-аршина сѣраго шинельнаго сукна.

Такъ какъ въ однихъ штанахъ, да при томъ еще спитыхъ изъ интендантскаго сукна, солдату холодно, то придумали снабдить его еще теплыми, ватными китайскими штанами, которые очень многіе носятъ поверхъ валенокъ.

Можете себѣ представить—что это за балаганная получается фигура, передвигающаяся на какихъ-то неуклюжихъ тумбахъ вмѣсто ногъ; а вѣдь эту фигуру заставляютъ не только отмахивать по пятидесяти верстѣ въ сутки, но и бѣгать при помощи несгибающихся „тумбъ“, а также и стрѣлять и колоть при помощи рукъ, которыя съ трудомъ только сгибаются.

Но это еще не все: по ночамъ въ окопахъ очень холодно; понадобились одѣяла; и вотъ всю армію приходится снабжать этими одѣялами. Но вѣдь одѣяла никто за солдатомъ возить не будетъ; приходится его носить. И вотъ надѣвается это одѣяло сложенное въ нѣсколько разъ на шею, и получается нѣчто вродѣ воротника. Въ довершеніе всего, поверхъ папахи надѣвается еще башлыкъ, затѣмъ черезъ плечо—мѣшокъ, почти такого же чертежа и вида, съ которымъ нищіе ходятъ и собираютъ кусочки хлѣба, или разные отбросы. И вотъ передъ вами русскій богатырь, запрятанный въ такіе, съ толкомъ придуманные „доспѣхи“, которые преобразили его въ балаганное чучело, выставленное на посмѣшище толпы.

Какъ не поблагодарить послѣ этого тѣхъ людей, которые, послѣ упорной мозговой работы и тяжкихъ думъ, придумали для солдата столь удобный во всѣхъ отношеніяхъ костюмъ.

Не стану описывать японскаго зимняго костюма; каждый бывшій на войнѣ достаточно хорошо ознакомленъ съ японскимъ обмундированіемъ, съ добротностью и прочностью матеріала, изъ котораго оно было сшито,—съ удобствомъ и цѣлесообразностью его пригонки, благодаря чему японскій солдатъ и зимой нисколько не утрачиваетъ присущей ему ловкости и подвижности; въ силу этого, а также и удобно пригнанному снаряженію, онъ и зимой бравый солдатъ и воинъ.

Солдаты, приведшіе плѣнника, говорили, что три японца подошли почти къ самой Безымянной. Богъ ихъ знаетъ:—то ли они заблудились, или же это были отважные развѣдчики, которымъ

удалось пройти незамѣченными черезъ нашу цѣпь, но только они, увидѣвъ нашихъ солдатъ, постарались дать тягу, при чемъ двоимъ и удалось сбѣжать (гдѣ же его поймать, онъ какъ кошка прытокъ, а тутъ въ такихъ обуткахъ развѣ догонишь его, говорилъ конвойный солдатъ), а вотъ этого двинули прикладомъ по шеѣ; онъ упалъ, тутъ его и сцапали.

Черезъ полчаса плѣннаго позвали къ начальнику дивизіи, а мы начали смотрѣть въ щелку—что будетъ. Онъ вошелъ безъ всякаго смущенія, съ достоинствомъ отдалъ всѣмъ честь, и послѣ этого его подвели къ столу, за которымъ сидѣлъ начальникъ штаба. Тутъ они долго разговаривали по печатному „переводчику“, при чемъ японецъ давалъ свои отвѣты письменно.

О чемъ его спрашивали, не знаю, видѣлъ только, что когда его отпустили, то передъ уходомъ онъ снова сдѣлалъ всѣмъ вѣжливый поклонъ.

Послѣ этого командиръ ушелъ отъ начальника дивизіи, получивъ напоминаніе о томъ, чтобы всюду была бы полная бдительность и осторожность.

По всему было видно, что чего-то ожидали, но чего—про это не считали нужнымъ говорить.

Часа въ 4 ночи вдругъ впереди загрохотала перестрѣлка; сначала по обыкновенію послышались одиночные выстрѣлы, потомъ все чаще, и наконецъ полилась непрерывная барабанная дробь. Подобное явленіе бывало почти каждую ночь, благодаря дѣятельности нашихъ охотничьихъ командъ, которыя съ наступленіемъ темноты отправлялись изъ Чжантани на „поимки языка“ подъ общимъ руководствомъ высокаго и молодеватаго штабсъ-капитана П.

Но какъ ни старался молодеватый штабсъ-капитанъ добыть японскій „языкъ“, ему это никакъ не удавалось.

Онъ всегда очень торжественно снаряжался въ эти экскурсіи: одѣвалась за плечо большая винтовка со штыкомъ, за поясъ закладывался огромный кинжалъ, въ кабуръ вкладывался конечно револьверъ; на голову надѣвалась огромная папаха для увеличенія и безъ того внушительнаго роста нашего отважнаго искателя приключеній, или „охотника за черепами“, какъ его называли офицеры. Послѣ этого облаченія, „охотникъ за черепами“, во главѣ своихъ молодцовъ, важно шелъ по улицамъ Чжантани и всѣмъ любопытствующимъ по поводу этого шествія коротко, но внушительно отвѣчалъ: „идемъ на развѣдку“; и въ этомъ отвѣтѣ слышалось, что вотъ, молъ, вы-то здѣсь будете сидѣть да посиживать, а вотъ я-то—сами видите—иду туда, гдѣ никто изъ васъ не бывалъ и никто пойти не отважится.

Солдаты скоро узнали и одѣнили своего предводителя, и нерѣдко приходилось слышать не лишеныя юмора рассказы по поводу этихъ почныхъ экскурсій. Они говорили, что штабсъ-капитанъ имѣлъ обыкновеніе доводить ихъ только до линіи нашихъ окоповъ и здѣсь почему-то застревалъ, никому не говоря про это, и дальнѣйшее веденіе дѣла переходило неизвѣстно кому. Утромъ начальству, конечно, докладывалось о томъ, какъ онъ, лично руководя дѣломъ, окружилъ японскую заставу, и какъ оставалось только взять окруженныхъ враговъ, но тутъ-то благодаря оплошности его помощниковъ—подпоручиковъ П. и Т., японцамъ удалось выскользнуть изъ его хитро задуманной ловушки.

Начальство выражало храбрецу свою благодарность съ надеждой на то, что въ будущемъ ему удастся исправить эту оплошность, а подпоручикамъ П. и Т., конечно, влетало за то, что они мерзли по цѣлымъ ночамъ и, не имѣя права дѣйствовать по собственной инициативѣ и не получая къ тому же никакихъ указаній и приказаній отъ провалившагося сквозь землю отважнаго охотника за черепами, принуждены были ограничиваться ни къ чему не ведущей ночной перестрѣлкой, которая въ началѣ безпокоила наши войска, а потомъ къ этому привыкли и махнули на это дѣло рукой.

Между прочимъ—кому же не лучше знать своего офицера, какъ тѣмъ солдатамъ, которыми этотъ офицеръ командуетъ. Всѣ охотники въ одинъ голосъ хвалили молодцовъ подпоручиковъ, говорили, что съ ними хоть на баталіонъ чертей идти не страшно, но надъ своимъ главнымъ руководителемъ частенько подтрунивали, говоря, что „втирать очки начальству онъ очень хорошо умѣетъ“.

Такъ вотъ и теперь загрохотала такая же перестрѣлка и хотя, какъ было уже сказано, къ явленію этому привыкли, но сегодня почему-то командиръ отнесся къ этому очень подозрительно и приказалъ полку стать въ ружье и ротамъ занять ихъ боевые участки. Солдаты относились къ этому съ недоумѣніемъ, и многимъ была, конечно, непріятна подобная ночная тревога. Офицеры также относились къ этому подозрительно, но приходилось исполнять приказаніе.

Перестрѣлка мало по малу утихла; начало уже свѣтать, а мы все стояли на своихъ мѣстахъ, потому что не было приказано уходить. Офицеры зашли погрѣться у костра въ полуразвалившуюся фанзу и, сяди у огонька, тихо о чемъ-то бесѣдовали. Совсѣмъ разсвѣло. Вдругъ надъ крышей фанзы быстро пронеслась какъ бы огромная сталь воробьевъ, но привычное ухо сейчасъ же различило—какіе это „воробьи“.

„Шимоза!“—тихо сказалъ кто-то изъ офицеровъ, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ послышался сильный взрывъ и визгъ разлетающихся осколковъ.

— Началось, говорили офицеры, спѣша каждый на свое мѣсто. Командиръ полка остался у этой же фанзы, которая была въ центрѣ полкового участка. Люди закопошились на своихъ мѣстахъ; каждый поудобѣе постарался приспособиться; многіе крестились, молясь уже въ послѣдній разъ здѣсь—на этой скучной и облитой человѣческой кровью землѣ.

Непріятель не сталъ медлить и началъ насъ забрасывать шимозами и шрапнелями, посылая ихъ къ намъ изъ своихъ невидимыхъ для насъ батарей, сооруженныхъ гдѣ-то къ югу отъ Безымянной.

Началась всѣмъ намъ извѣстная какофонія сильной артиллерійской канонады; не были знакомы съ нею только тѣ изъ солдатъ, которые на этихъ дняхъ прибыли на пополненіе полка, но они старались бодриться и не ударить себя лицомъ въ грязь среди своихъ товарищей.

Не далѣе какъ вчера вечеромъ въ полкъ прибыла еще партія солдатъ около двухсотъ пятидесяти человѣкъ; ихъ еще не успѣли распредѣлить по ротамъ, и они теперь сидѣли во дворѣ одной изъ фанзъ, прячась за стѣнками.

Непріятель по обыкновенію обстрѣливалъ насъ, бросая свои снаряды группами—по всѣмъ пунктамъ нашего расположенія. Нѣкоторые изъ снарядовъ попадали въ стѣнки, обрушивали ихъ и убивали и ранили находящихся за ними людей. Бросая свои снаряды по стѣнкамъ, непріятель не забывалъ и самой деревни Чжантань, и тамъ безпрестанно слышались могучіе раскаты отъ взрывовъ шимозъ и шрапнели. Столбы бураго дыма, пыль, поднимаемая на воздухъ взрывами, дымки шрапнели, визгъ и стонъ разлетающихся осколковъ—все это нагрянуло какъ-то сразу и напомнило людямъ о томъ, что снова настали важныя минуты въ ихъ жизни.

По Безымянной японцы сначала не открывали жестокаго огня, а такъ только бросали туда цѣрѣдка снаряды, какъ бы напоминая ротамъ, занимающимъ эту деревню, о томъ, что до нихъ еще очередь не дошла.

Стремленіемъ японцемъ очевидно было нанести вредъ нашей пѣхотѣ и найти нашу артиллерію, которая начала отвѣчать непріятелю.

Я помню, видѣлъ фигуру какого-то бравого артиллериста, который, стоя на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, лихо и громко подавалъ соответствующія команды, при чемъ морозный утренній воздухъ далеко разносилъ его громкій командирскій голосъ.

Видно было намъ, какъ артиллеристы подносили на свои батареи снаряды, пробираясь за стѣнками. Японцамъ они также были видны, потому что очень часто на пути ихъ осыпали шрапнелями, но артиллеристы, какъ бы не обращая на это вниманія, продолжали не спѣша переносить свои тяжелыя ноши.

Наконецъ непріятель началъ обращать болѣе серьезное вниманіе на Безымянную, и его снаряды все чаще и чаще рвались въ этой деревнѣ; въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что вся Безымянная исчезла въ облакъ буроватаго дыма, въ которомъ часто вспыхивали огоньки разрывающихся шрапнелей. Къ счастью защитниковъ этой деревни—очень многія шрапнели перелетали и рвались уже за ней, осыпая и насъ пулями и осколками. Шрапнели давали въ большинствѣ случаевъ низкіе разрывы; лопнуть шрапнель на высотѣ трехъ—четырехъ сажень надъ землею—и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ какъ бы кто ударить со всего размаха огромнымъ стосаженнымъ бичемъ по землѣ и земля задымится отъ этого могучаго удара; въ воздухѣ послышится вой и внягъ разлетающихся пуль; къ намъ за стѣнки съ глухимъ и сердитымъ ворчаніемъ прилетитъ или трубка, или стаканъ, или огромный осколокъ, который какъ-то тупо и бессмысленно ударить обо что-нибудь твердое и, какъ бы ошалѣвъ отъ этого страшнаго и внезапнаго удара, сразу замреть.

А бѣлое легкое облачко отъ разрыва уже расплзается и стелется гонимое вѣтеркомъ и какъ бы старается скорѣе улетѣть далеко—далеко отъ этого мѣста ужаса и смерти.

Временами къ намъ залетали изъ Безымянной и не разорвавшіяся шимозы. Ударится такая штука объ мерзлую землю гдѣ-нибудь вблизи Безымянной и вмѣсто того, чтобы тутъ же и разлетѣться на множество осколковъ, подпрыгнетъ и снова продолжаетъ свой воздушный полетъ, кувыркаясь вокругъ своей поперечной оси и издавая на лету громкое сердитое фурчаніе. Прилетитъ такая штука, стукнется какъ угорѣлая объ стѣнку, или о камень, отскочитъ отъ него, еще какъ бы со слѣпу обо что-нибудь ударится и наконецъ, какъ безумная, упадетъ на землю, повернется, или прокатится въ послѣдней агоніи и окончательно замреть.

Къ такимъ залетнымъ гостямъ солдаты относились всегда очень подозрительно и, посматривая въ стороны, гдѣ замерла очумѣвшая отъ удара и лежащая въ полномъ безиліи блестящая шимоза, думали, какъ бы не ожила, да не ахнула проклятая.

Обстрѣливая Безымянную, непріятель конечно и про насъ не забывалъ, отдѣлывая насъ на совѣсть.

Часовъ въ 12 дня начали посвистывать пули. Шѣхота непріятеля видимо подходила, и нужно было готовиться къ штурму. Не скажу,

чтобы всё мы ожидали его совершенно спокойно; сердце сильно сжималось въ груди, и нервная дрожь пробѣгала по тѣлу. Офицеры ободряли солдатъ, приказывая не стрѣлять зря, а съ толкомъ, а когда дойдетъ дѣло до штыка, то работать отъ души штыкомъ и прикладомъ.

Дѣйствительно, непріятель началъ свои яростныя атаки на Безымянную. Наши подпускали его на близкое разстояніе и встрѣчали губительными и дружными залпами. Бравый и молодеватый подпоручикъ О., будучи уже раненъ въ руку, командовалъ совершенно спокойно своей ротой; другой—заурядъ прапорщикъ К., контуженный осколками въ лопатку, также спокойно и съ толкомъ распоряжался своими людьми. Солдаты, видя, что ими распоряжаются молодцы-офицеры, дѣлали свое дѣло на отличку; они подпускали японцевъ на очень близкое разстояніе, потомъ раздавалась громкая и энергичная команда офицеровъ, послѣ которой слышался дружный залпъ, потомъ снова команда и снова залпъ. Видно было, какъ ряды японцевъ послѣ каждаго залпа рѣдѣли и рѣдѣли, но это ихъ нисколько не останавливало. Поддерживаемые своей артиллеріей ряды ихъ на подобіе могучихъ волнъ катились съ неудержимымъ порывомъ впередъ, подкатываясь на очень близкое разстояніе, и только ужъ отсюда, какъ бы истративъ всю свою энергію, они отхлынивали назадъ, откатываясь на значительное разстояніе, гдѣ снова устроившись и сплотившись, стремились съ тѣмъ же неудержимымъ порывомъ впередъ. Въ воздухѣ стоялъ стонъ отъ тысячъ человѣческихъ голосовъ, кричащихъ „банзай“. Эти вопли и стоны покрывались могучими взрывами артиллерійскихъ снарядовъ, свистомъ пуль и осколковъ.

Въ Безымянной было уже болѣе ста человѣкъ, выведенныхъ изъ строя; многіе раненые, не обращая вниманія на текущую изъ ранъ кровь, кое-какъ перевязавшись, возвращались къ своимъ мѣстамъ, хватали нервно свои винтовки и начинали стрѣлять.

Совмѣстно съ нашими ротами отбивали эти атаки и нѣкоторыя роты съ зарѣчной стороны, и онѣ, обстрѣливая японцевъ съ фланга, очень и очень намъ помогли. Скажу прямо: безъ содѣйствія и помощи нашихъ молодецкихъ сосѣдей, намъ бы однимъ было бы не подъ силу справиться со стихійнымъ натискомъ непріятеля, который шелъ нѣсколькими разомкнутыми линіями смѣло и отважно.

Когда была отбита первая атака, то защитники Безымянной вздохнули свободнѣе, но не на долго: японцы, подкрѣпивъ свои передовыя части свѣжими войсками, снова бросились на штурмъ. Вотъ уже ихъ линіи подходятъ совсѣмъ близко, уже видны лица ихъ солдатъ, которые, какъ кошки, прыгаютъ по гаоляновымъ грядкамъ и ломаютъ,

ломать впередъ, потрясая воздухъ своимъ могучимъ „банзай“ и не обращая вниманія на нашъ огонь. Солдаты говорили потомъ, что нѣкоторые храбрецы подбѣгали шаговъ на пятьдесятъ къ нашимъ, но въ концѣ концовъ эта лавина все же не докатилась до Безымянной и, подчиняясь какой-то стихійной силѣ, снова отхлынула, какъ разбившаяся объ скалу волна, усыпавъ поле своими мертвецами, безмолвными теперь свидѣтелями доблести, силы и отваги.

Подобнымъ образомъ было отбито нѣсколько атакъ, и вотъ среди защитниковъ раздались страшныя слова: „нѣтъ патроновъ!“ Поднести ихъ было невозможно, потому что кто же могъ пройти безнаказанно черезъ эту полосу смерти, которая простиралась между Чжантанью и Безымянной; здѣсь, казалось, не было ни одной точки, которая не поражалась бы снарядами и пулями, и вся эта огромная площадь дымилась отъ непрерывныхъ ударовъ по ней пуль и осколковъ.

„Патроновъ, давай сюда патроновъ!“—кричали въ отчаяніи солдаты, но ихъ не было и помочь горю было невозможно. Многіе люди плакали, не желая покидать своего мѣста, но рассчитывать на силу штыка горсти храбрецовъ, которыхъ изъ двухъ ротъ осталось не болѣе двухсотъ, конечно, было невозможно; что могли они сдѣлать противъ тѣхъ массъ, которыя валились на нихъ такъ стремительно и отважно. Конечно, эти массы, теперь отхлынувшія, пойдутъ снова впередъ, и теперь то уже они навѣрно дойдутъ и раздавятъ своимъ численнымъ превосходствомъ нашу горсть.

Волей неволей, но приходилось отойти въ Чжантань. По одиночкѣ люди начали перебѣгать къ Хун-хэ и прятались въ ея отвѣсныхъ берегахъ. Раненые, которые могли двигаться, также ушли; тяжело же раненыхъ пришлось выносить, хотя нѣкоторыхъ такъ и не могли вынести. Что касается до убитыхъ, то ихъ пришлось оставить на мѣстѣ. Говорю объ этомъ съ прискорбіемъ, но что же можно было въ данномъ случаѣ сдѣлать и какъ тащить раненыхъ, когда непріятель буквально забрасывалъ Безымянную губительнымъ огнемъ, желая хоть имъ, но выгнать насъ во что бы то ни стало.

Ужасная у насъ вообще была страсть въ эту войну занимать непременно передовые пункты съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ все же ихъ бросить. Говорили, что Безымянная была нами занята съ тою цѣлью, чтобы заставить непріятеля преждевременно развернуться и обнаружить свои силы. Но если смотрѣли на этотъ пунктъ именно съ этой точки зрѣнія, то нужно было и укрѣпить его соответствующимъ образомъ, соорудивъ въ немъ редутъ съ блиндажами и главное—съ крытымъ ходомъ, по которому можно было бы сообщаться съ Чжантанью.

У насъ же въ Безымянной рѣшительно ничего не было сдѣлано для того, чтобы приспособить этотъ пунктъ для весьма упорной обороны. Правда, дня за два до штурма, саперы обратили вниманіе на этотъ вопросъ и повидимому хотѣли приступить къ сооруженіямъ, но ничего, кромѣ ничтожной засѣки и то на небольшомъ протяженіи, не успѣли сдѣлать. Полагаю, что самымъ рациональнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы такое, чтобы Безымянную скрыть съ лица земли, воспользовавшись ея древеснымъ матеріаломъ на топливо.

И въ самомъ дѣлѣ: отъ стѣнокъ до Безымянной было не болѣе трехъ четвертей версты, и неужели, находясь за стѣнками, нельзя было съ такимъ же успѣхомъ заставить непріятеля развернуться, съ какимъ это сдѣлали защитники Безымянной. Кромѣ того: защитники этого пункта, находясь въ очень близкомъ разстояніи отъ стѣнокъ, стѣсняли расположенную за ними пѣхоту, которая не могла использовать силы своего огня, имѣя передъ своимъ фронтомъ своихъ же.

Въ общемъ занятіе Безымянной было актомъ совершенно безцѣльнымъ и бесполезнымъ, приведшимъ въ концѣ концовъ къ потерѣ болѣе чѣмъ сотни людей, которые, проявивъ все свое мужество, ничего не могли сдѣлать и принуждены были отступить. Говорю о всемъ этомъ на основаніи толковъ между офицерами нашего полка, обсуждавшими впослѣдствіи этотъ вопросъ неоднократно.

Защитники Безымянной отошли къ полку по долинкѣ рѣки Хун-хэ, что и спасло ихъ отъ еще болѣе большихъ потерь, которыя они неминуемо бы понесли, если бы отходили прямо назадъ по ровному и открытому полю. Помню лишь только одинъ казакъ, находящійся въ Безымянной для связи, не будучи въ состояніи со своей лошадыю спуститься по отвѣснымъ берегамъ рѣки, рѣшился проскакать на прямикъ. Осыпаемый пулями, онъ нещадно билъ своего коня нагайкой, но конь, вѣроятно раненый, какъ-то вяло и несуразно скакалъ по гаоляновымъ грядкамъ. Не припомню уже — удалось ли этому казаку достигнуть Чжантани, или же его нагнала непріятельская пуля.

Когда Безымянная была очищена, то и мы изъ-за стѣнокъ получили свободу дѣйствій.

Японцы, какъ только увидѣли, что наши покидаютъ деревню, такъ снова съ неудержимымъ порывомъ бросились на штурмъ и едва-едва не отрѣзали послѣднихъ отступающихъ защитниковъ.

Видя, что поле наконецъ освободилось отъ нашихъ, мы открыли залповый огонь. Молодецкій полкъ, занимавшій окопы на зарѣчной

сторонѣ, все время поддерживалъ насъ своимъ огнемъ, и оттуда также слышались непрерывные раскаты дружныхъ залповъ.

Теперь непріятель снова перенесъ всю силу своего огня на стѣнки, намѣреваясь очевидно вести дальнѣйшую атаку. Но наши залпы не давали ему возможности утвердиться въ Безымянной, дабы, устроившись тамъ, онъ могъ бы начать атаку на Чжантань. Отлично было видно, какъ линіи непріятельскихъ войскъ, двигаясь одна за другой въ стройномъ порядкѣ, подходя къ Безымянной, не выдерживали огня, отхлынивали назадъ, устраивались и потомъ снова поворачивали и снова шли впередъ. Говорили нѣкоторые, что видѣли, какъ они подгоняли свои войска шрапнелями, осыпая ими нѣкоторыя отступающія части, послѣ чего они быстро поворачивали кругомъ и послушно шли на вѣрную смерть. Что должны были вынести эти несчастные люди; увѣренъ въ томъ, что каждый изъ нихъ въ это время взывалъ къ небу, прося, чтобы оно послало скорѣе смерть и избавило бы человѣка отъ этой невыносимой пытки. Ужасная жестокость, но на войнѣ она возможна.

Такъ нѣсколько разъ японцы поворачивали назадъ, но потомъ все же они ворвались и заняли Безымянную, начавъ осыпать насъ своимъ огнемъ.

Наши артиллеристы, видя, что Безымянная уже въ рукахъ непріятеля, теперь въ свою очередь перенесли туда огонь, и снова деревня затмилась облаками дыма отъ разрывовъ теперь уже нашихъ, а не японскихъ снарядовъ. Артиллерія стрѣляла прекрасно; снаряды ложились мѣтко, и разрывы шрапнели большею частью были низкіе и губительные. Приходилось жалѣть только объ одномъ, что артиллерія наша не имѣла въ своемъ распоряженіи ударнаго снаряда. Будь у насъ наша прежняя граната — можно было ручаться за то, что отъ Безымянной не осталось бы камня на камнѣ, но шрапнель — отличный снарядъ въ смыслѣ разрывнаго дѣйствія, но для ударнаго и разрушительнаго дѣйствія она слишкомъ слаба. Удивительно — почему наши теоретики пришли къ такому выводу, который заставилъ ихъ отказаться отъ прежде существующаго типа ударнаго снаряда и остановиться только на шрапнели, какъ на снарядѣ якобы вполне универсальномъ. Ошибка эта была признана нами уже тогда, когда исправить было трудно.

Такъ, благодаря огню нашей пѣхоты и артиллеріи, непріятель не могъ двинуться дальше Безымянной, да и едва-ли онъ былъ въ состояніи держаться тамъ, потому что огонь былъ по-истинѣ ужасный.

Вечеромъ, когда бой уже затихъ, помню, прибѣжалъ изъ Безымянной нашъ солдатъ. Это былъ молодой парень, безусый и добро-

душный. Онъ былъ босъ, несмотря на сильный морозъ, и надо думать—отморозилъ себѣ ноги; валенки же свои снялъ для того, чтобы легче было бѣжать. Онъ трясся отъ страха и со слезами на глазахъ рассказывалъ, что замедлился въ Безымянной около раненаго товарища, котораго хотѣлъ вынести, но не успѣлъ. Японцы, ворвавшись въ деревню, проникли въ фанзы. Его съ товарищемъ посадили около стѣнки и приставили часовыхъ, которые все время пугали его тѣмъ, что отрѣжутъ ему голову и руки. Такъ рассказывалъ этотъ солдатъ, все время судорожно рыдая: — показываютъ на шею и на руки и говорятъ: „кантами маль-мало“,—рѣзать, значить, будутъ. Тутъ, какъ начала палить наша артиллерія, они и замитусились; переполохъ начался между ними, и всѣ они почти изъ деревни ушли, осталась какая-нибудь полурота или взводъ. А насъ все же стерегутъ.

Только случилось такъ, что снарядъ нашъ угодили въ эту фанзу и пробилъ большую дыру въ стѣнѣ.

Что тутъ въ фанзѣ было; прямо свѣто-преставленіе; дымъ, пыль — свѣту не видать. Намъ ужъ какъ-то и не боязно было. Думаемъ себѣ: Господи, пошли смерть, чтобы только рѣзать не зачали.

Однако ни меня, ни товарища не задѣло.

Подъ вечеръ и говорить мнѣ товарищъ: Мирошниченко, мнѣ все одно помирать; идти я не могу, а ты не раненъ, бѣги вонъ въ эту дыру, что гранатой прошибло, я все одно уже тутъ останусь.

Не хотѣлось мнѣ товарища бросать, да онъ ужъ больно просить началъ. Когда, говорить, въ деревню вернешься—изъ одной деревни мы съ нимъ, — Расскажи, говорить, отцу съ матерью про меня; а можетъ быть, говорить, и меня Богъ помилуетъ; въ полонъ можетъ заберутъ, лѣчить станутъ, а потомъ и домой пустятъ.

Заплакалъ я, да и думаю: инъ быть по-твоему.

Вижу часовой-то сидитъ, да не очень за нами доглядаетъ. Выглянулъ это я въ дыру, смотрю — никого нѣтъ. Снялъ валенки, да и давай Богъ ноги. Такъ вотъ и прибѣгъ, только ноги поморозилъ.

Его отправили въ госпиталь и не знаю, что съ нимъ послѣ этого было.

Часовъ около двухъ дня, японцы видимо начали пытаться охватить насъ съ правой стороны.

Пользуясь тѣмъ, что Безымянная закрывала значительную часть впереди лежащей мѣстности, они подъ прикрытіемъ огня незначительной пѣхотной части, оставленной въ Безымянной, продвинули большую массу войскъ влѣво и отсюда повели атаки.

Командиръ, видя, что опасность начинаетъ угрожать правому флангу, перешелъ туда. Здѣсь взору нашему снова представилась та же картина, которую мы видѣли передъ фронтомъ: тѣ же длинныя цѣпи, тѣ же резервы въ нѣсколько тонкихъ разомкнутыхъ линій, и все это, какъ казалось, въ сравнительномъ порядкѣ двигалось на насъ. Наши палили залпами; японцы падали и все же двигались и двигались впередъ. Видно было, какъ ихъ ловкіе и проворные санитары относили раненыхъ, взваливая ихъ на плечи и пускаясь бѣгомъ съ этой тяжелой ношей, ловко прыгая по гаюляновымъ грядкамъ.

Временами какъ цѣпи, такъ и резервы сразу куда-то пропадали, вѣроятно ложились за закрытіями; временами было видно, какъ одиночные люди, согнувшись чуть не подъ прямымъ угломъ, быстро перебѣгали впередъ отъ закрытія къ закрытію. Видна была какая-то фигура въ длинномъ плащѣ, которая, быстро двигаясь вдоль линіи наступающихъ, махала рукой, въ которой блестяла на солнцѣ обнаженная шашка. Иногда между японцами наступало какъ бы замѣшательство: нѣкоторые поворачивали назадъ и бѣжали, иные же продолжали двигаться впередъ; все какъ бы перепутывалось и перемѣшивалось на время, но потомъ снова водворялся сравнительный порядокъ, и всѣ эти цѣпи и разомкнутыя линіи опять начинали двигаться впередъ, не рѣшаясь однако перейти извѣстную, какъ бы заранѣе намѣченную черту, обозначенную ничтожными кустиками и тянущуюся вдоль нашего фронта въ полуверстномъ отъ него состояніи.

Тамъ, за этой чертой, въ бинокль ясно было видно поле, усѣянное неподвижно лежащими въ разныхъ положеніяхъ людьми, между которыми двигались живые люди, то устремляясь порывисто и дружно впередъ, то покорные чувству ужаса, отходящіе назадъ, для того, чтобы, устроившись гдѣ-то за закрытіями, снова броситься почти на вѣрную смерть и снова начать устилать это поле своими трупами.

Всѣ эти атаки сопровождались и поддерживались ружейнымъ, пулеметнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, который вырывалъ у насъ жертву за жертвою.

Но если было тяжело намъ — обороняющимся, то во сколько же разъ было тяжелѣе непріятелю, который съ самаго утра только то и дѣлалъ, что бѣшено атаковалъ наши позиціи, устилая всю впередѣ лежащую мѣстность множествомъ своихъ мертвецовъ.

Не могу при этомъ не рассказать про смерть нашего храбраго и достойнаго баталіоннаго командира — подполковника Ф., который почти чудомъ вышелъ изъ бѣды, благодаря висящему на груди образу,

20 января во время штурма въ Чжан-тань-Хенани. Бѣдняга почти каждому изъ насъ рассказывалъ про это случившееся съ нимъ чудо, показывая всегда при этомъ сильно помятый пулею образокъ. Онъ очень радовался, что промыселъ Божій сохранилъ его тогда, радуясь, что Богъ за него, и что Онъ сохранитъ его и во всѣ послѣдующіе бои и сраженія. Послѣднее время, впрочемъ, онъ началъ сильно грустить и нерѣдко со слезами на глазахъ говорилъ намъ что чувствуетъ близость своего смертнаго часа.

— Ничего, Ваше Высокоблагородіе, — старались мы его утѣшить;—всѣ подъ Богомъ ходимъ, и что кому суждено, то и будетъ.

— Такъ-то оно такъ, братцы,—отвѣчалъ на это онъ намъ,—но сосетъ меня тоска и чувствую, что долго мнѣ не жить.

И, дѣйствительно, пришелъ его смертный часъ.

Помню часа въ два дня, какъ только мы перешли на правый флангъ, къ командиру полка прибылъ отъ начальника дивизіи ординарецъ и передалъ записку. Командиръ, прочитавъ ее, приказалъ попросить сюда подполковника Ф., и когда послѣдній пришелъ, то они начали о чемъ-то говорить. Я слышалъ, какъ командиръ сказалъ:—думаю, что если мы будемъ теперь ее штурмовать, то положимъ тутъ весь полкъ безъ всякой цѣли и пользы; если уже штурмовать, то ночью, но во всякомъ случаѣ не теперь.

— Думаю, что и ночью брать ее бесполезно; все равно за ночь не успѣемъ окопаться и придется опять отступить и, слѣдовательно, безъ всякой пользы жертвовать людьми,—сказалъ Ф.—А впрочемъ, если ужъ такова воля начальства, то пойдемъ и умремъ.

Очевидно, дѣло шло объ атакѣ Безымянной, которую начальник дивизіи хотѣлъ почему-то, во что бы то ни стало, взять обратно у непріятеля, но къ счастью этого не состоялось, и вѣроятно командиръ полка высказалъ въ отвѣтной запискѣ основательные и вѣскіе доводы противъ этого рискованнаго и безцѣльнаго предпріятія.

Ф. пошелъ было на свое мѣсто, но вдругъ остановился и спросилъ:—а не хотите ли, полковникъ, закусить?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ полковникъ, — давайте закусимъ; только чѣмъ же, кажется, мы ничего съ собой сюда и не взяли.

— А вотъ подождите, я вамъ сейчасъ пришлю, у меня осталась копченая колбаса.

— Да вы сами-то сюда приходите, вмѣстѣ и закусимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ—отвѣчалъ Ф.,—я уже пойду на свой участокъ, страшная жарня идетъ, а люди тамъ одни; послѣ васъ уже я и закушу, — сказалъ Ф., уходя на свой участокъ, который былъ въ шагахъ сорока отсюда.

*

Вскорѣ солдатъ принесъ кусокъ копченой, твердой, какъ дерево, колбасы и сухарь и едва отъ этого „ископаемаго лакомства“ было отдѣлено нѣсколько кусочковъ, какъ прибѣгаетъ другой солдатъ и дрожащимъ голосомъ докладываетъ:—„такъ что Ваше Высокоблагородіе, баталіоннаго ранило“.

— Куда?—спросилъ съ тревогой командиръ.

— Промежду глазъ пуля ударила, — докладывалъ испуганный солдатъ.

Вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ другой и печально сообщилъ:—„отходятъ полковникъ—кончаются“.

Сильно это на всѣхъ насъ подѣйствовало. Мы всѣ любили баталіоннаго, и онъ дѣйствительно былъ такой человѣкъ, съ которымъ какъ-то легче было въ бою. Съ солдатами онъ умѣлъ соединять простоту въ обращеніи, доходящую почти до товарищества, вмѣстѣ со строгостію и требовательностію, когда это было нужно. Солдаты всегда любятъ и цѣнятъ такихъ начальниковъ; цѣнятъ они въ нихъ именно эту простоту и неподдѣльность теплаго чувства, за что всегда готовы простить даже и невольную обиду, которую для такихъ людей они въ грѣхъ не ставятъ. Покойникъ именно и былъ тѣмъ типомъ русскаго офицера-начальника, который такъ близокъ и дорогъ русскому солдатскому сердцу.

Типъ этотъ, къ счастью, еще не окончательно умеръ въ рядахъ нашей арміи, но, къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить, что съ поднятіемъ культуры и образованія въ офицерской средѣ типъ этотъ началъ какъ бы исчезать. Я не знаю, конечно, чему приписать это печальное явленіе, но надо думать, что образованіе едва-ли можетъ повліять въ данномъ случаѣ въ худшую сторону, и не слѣдуетъ ли искать отвѣта на этотъ животрепещущій вопросъ въ общей отчужденности нашей интеллигенціи отъ простого народа, — отчужденности, которая конечно невольно передается въ жизнь арміи.

Командиръ долго послѣ этого сидѣлъ и угрюмо молчалъ, куря папиросу за папиросой изъ крѣпкой солдатской махорки, изъ которой нашъ старый штабъ-горнистъ скручивалъ ему огромныя и неуклюжія папироски.

А дѣло было такъ: возвратившись на свое мѣсто, Ф. началъ смотрѣть черезъ стѣнку въ поле и только-что хотѣлъ приложить бинокль къ глазамъ, какъ пуля ударила ему въ лобъ чуть повыше переносыя и вышла въ затылокъ. Онъ какъ-то бессильно и грузно навалился на стѣнку и, скользя по ней, началъ медленно осѣдать на землю. Солдаты подхватили его на руки и сначала недоумѣвали— что съ нимъ сдѣлалось, потому что крови нигдѣ не было видно; но вдругъ эта кровь — алая и липкая, начала бить фонтанами изъ

входного и выходного отверстія.—Страсть—сколько крови вышло,—говорили солдаты; — мы ужь и на землю положили, а кровь все фонталомъ—фонталомъ; и откуда только этой крови въ человѣкѣ столько содержится!

Ф. умеръ совершенно спокойно и сразу же, послѣ удара пули, потерялъ сознаніе, не успѣвъ промолвить ни единого слова.

Черезъ двѣ минуты онъ уже лежалъ на спинѣ рядомъ съ прочими мертвецами. Тѣло прикрыли полотнищемъ палатки, изъ подъ котораго видны были только торчащія къ верху, какъ-то ужь слишкомъ неподвижно ступни ногъ. Жизнь отлетѣла, и тайна перехода въ вѣчность такъ и осталась глубокой неразгаданной тайной. Миръ праху твоему, и пусть будетъ тебѣ земля пухомъ, какъ и всѣмъ мертвецамъ, сложившимъ свои кости на чуждыхъ имъ поляхъ Маньчжуріи.

Н—чѣ.

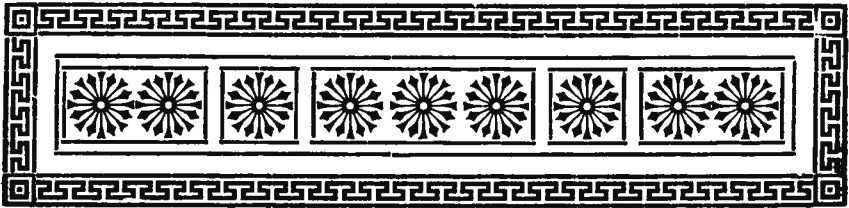

ПАМЯТИ О. В. ПОПОВОЙ.

25-го декабря 1909 г. исполнилась годовщина кончины послѣдней представительницы семьи Петрашевскихъ, Ольги Васильевны Поповой, сестры извѣстнаго общественнаго дѣятеля Буташевичъ-Петрашевскаго. Покойная Ольга Васильевна Попова отличалась въ молодости красотой и большимъ умомъ, который сохранила до послѣдней минуты своей жизни, управляя самолично всѣми своими дѣлами и по дому и по имѣнiю. Покойная была своеобразною, очень интересною личностью, сильною духомъ, всегда знавшею, чего хотѣла. Въ наше шаткое время безвѣрья, она представляла собою высокій примѣръ глубоко вѣрующей христіанки. Будучи поборницей феминизма, она свои идеи проводила въ жизнь и даже вмѣсто старшаго дворника вопреки принятому обычаю держала женщину, которая образцово вела всѣ домовыя книги. Какъ помѣщица, Ольга Васильевна оставила по себѣ неизгладимую благодарную память въ крестьянахъ, отрѣзавши имъ лучшіе надѣлы съ лѣсомъ, и тѣмъ осуществила завѣты своего брата Буташевичъ-Петрашевскаго. Щедрая благотворительница, она давала по Евангелію—правая рука не вѣдала, что творила лѣвая.

Да будетъ легка ей земля!

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864—1909 г. г.).

Въ сожалѣнію, въ жизни часто оправдывается русская поговорка: „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“, и несчастье другого лица совершенно измѣняетъ нерѣдко чужую судьбу! Какъ я упомянулъ раньше, мнѣ было отказано Министерствомъ въ стипендіи, потому что Министерство нашло желательнымъ употребить эту сумму на командировку цивилиста магистранта Умова по гражданскому праву, какъ внезапно въ Московскомъ университетѣ умеръ профессоръ этого предмета Никольскій, и по просьбѣ факультета, въ виду важности этого предмета, отнюдь невозможнымъ оказалась какая-либо манкировка и пропуски, почему Умовъ, получившій стипендію, отказался отъ нея ради немедленнаго вступленія исправляющимъ должность профессора и замѣщенія кафедры; такимъ образомъ сумма, необходимая для командировки молодого человѣка за границу, освободилась этимъ путемъ, и университетъ опять повторилъ свою просьбу и указаніе, во-первыхъ, на меня, а во-вторыхъ, Чупрова на какую-то другую подобнымъ образомъ освободившуюся стипендію. И вотъ благодаря такой случайности наконецъ Министерство Просвѣщенія было поставлено въ необходимость исполнить ходатайство университета, и въ августѣ 1872 г. мы оба, я и Чупровъ однимъ указомъ, были командированы на два года за границу.

Я помню, я сладко спалъ утромъ, когда меня разбудилъ внезапно мой пріятель, студентъ Макаровъ, наканунѣ поздно ночью гдѣ-то видѣвшій въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, случайно появившихъ ему въ руки, объявленіе о моей командировкѣ. Рано утромъ

онъ успѣлъ найти номеръ этой газеты и съ радостнымъ извѣстіемъ въ рукахъ появился въ моей квартиркѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни, такъ какъ моя мечта о заграничномъ путешествіи и университетахъ волновала меня чуть не цѣлую жизнь. Удоставившись черезъ секретаря факультета о всѣхъ тѣхъ формальностяхъ, „Спиллахъ“ и „Харибдахъ“, которыя предстояло мнѣ пройти, раньше, чѣмъ я получу заграничный паспортъ по случаю командировки и необходимыя деньги, я узналъ, что наилучшій способъ сократить хлопоты, „взять быка за рога“, отправиться прямо въ Петербургъ и явиться въ Министерство. Такъ я и сдѣлалъ, устроивши весьма легко свое несложное студенческое имущество и ликвидировавши свои обязанности въ Техническомъ училищѣ (уроковъ въ это время у меня уже не было); я повидѣлся съ Чупровымъ и условились, что встрѣтимся съ нимъ въ началѣ зимняго семестра, въ октябрѣ, въ Лейпцигѣ, гдѣ раньше пріѣхавшій долженъ отыскивать другого. Я отправился затѣмъ въ Петербургъ.

Появленіе мое въ Министерствѣ оказалось по такому случаю довольно обычнымъ. Завѣдующій этимъ дѣломъ, помнится мнѣ, г. Икорниковъ, былъ добрѣйшимъ лицомъ, который съ большой охотой возился съ выполненіемъ всѣхъ формальностей, необходимыхъ для полученія третняго жалованья впередъ (полторы тысячи въ годъ) и иностраннаго паспорта. Последнее мнѣ дало возможность, ради быстроты дѣла, представиться и просить ускоренія процедуры у Трепова, тогдашняго градоначальника, который отнесся ко мнѣ вполне прилично и обязательно. Первое происходило, кажется, въ Государственномъ Казначействѣ, гдѣ я получалъ деньги, и гдѣ нашлись какіе-то, будто бы, мои товарищи, московскіе студенты между служащими помогавшіе и ускорявшіе также процедуру полученія. Тутъ произошло смѣшное „qui pro quo“, вызванное разницей, очевидно, Петербургскихъ и Московскихъ нравовъ. На радостяхъ я пригласилъ бывшихъ товарищей въ ближайшій трактиръ выпить и закусить, предполагая по Московскому студенческому обычаю, что выпивка можетъ состоять только изъ водки или изъ пива. Вообразите же мое удивленіе и даже ужасъ, когда мои гости, вмѣсто невинныхъ студенческихъ напитковъ, стали преспокойно заказывать нѣсколько бутылокъ разнаго шампанскаго, котораго я никогда въ тѣ времена еще не пробовавъ, по крайней мѣрѣ, на собственные деньги. Разумѣется, такое угощеніе сразу значительно сократило бы возможность моей командировки и полученныя маленькія деньжонки скоро растаяли бы. Мнѣ пришлось первый разъ съ роду быть настойчивымъ и рѣзкимъ съ подобными нахалами и отказать отъ такихъ Петербургскихъ

товарищей на чужой карманъ, и случай этотъ долго меня волновалъ.

Окончивши въ нѣсколько дней всѣ свои хлопоты въ Петербургѣ и обдумавши заранѣе весь ходъ своего предстоящаго путешествія, я вернулся радостный и счастливый въ Москву. Согласно выданной мнѣ, да и Чупрову, кажется, инструкціи отъ факультета для нашей заграничной командировки, мы оба обязаны были начать наши занятія съ главы исторической школы Рошера въ Лейпцигѣ, затѣмъ на выборъ посѣтить еще одинъ изъ указанныхъ Германскихъ университетовъ, съ болѣе извѣстными профессорами, наиримѣръ, Книса въ Гейдельбергѣ, Вемерта въ Цюрихѣ и т. д., заняться писаніемъ диссертаций въ бібліотекахъ и изученіемъ соответствующихъ учреждений въ Лондонѣ и Парижѣ. Въ общемъ программа была весьма широкая и предоставляла намъ большую свободу. Первымъ этапомъ нашего путешествія необходимо былъ Лейпцигъ. Последнее имѣло для меня особенное удобство, хотя я тогда и не могъ предвидѣть, какое огромное влияніе и значеніе на всю мою жизнь будетъ имѣть это путешествіе. Какъ извѣстно, Лейпцигъ находится въ 2-хъ, 3-хъ часахъ разстоянія отъ столицы Саксоніи, Дрездена, гдѣ у меня былъ мой знакомый по „Весѣдѣ“ упомянутый выше Лысцевъ, недавно туда уѣхавшій на урокъ. Онъ писалъ мнѣ самыя соблазнительныя письма съ восхваленіемъ „Сѣверныхъ Аэинъ“, какъ саксонцы называютъ иногда свою столицу, прелести ея окрестностей, богатыхъ собраній искусствъ, дешевизны жизни и разнообразныхъ удобствъ.

Всего лишь за мѣсяць до моей собственной поѣздки, я случайно встрѣтилъ на улицѣ одного моего знакомаго по Ржеву, помѣщика Клокачева, которому сдѣлалъ однажды маленькое одолженіе, напечатавъ въ защиту его противъ интригъ, поднятыхъ мѣстными ретроgrадами, небольшую корреспонденцію въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ по хорошо извѣстному мнѣ случаю и лицамъ. Николай Павловичъ Клокачевъ, пріѣхавши въ Москву, съелъ долгомъ вѣжливости мнѣ нанести визитъ въ моему скромному студенческому обиталищѣ, чтобы поблагодарить за эту помощь въ его дѣлѣ, и пригласилъ въ то же время сдѣлать честь, отобѣдать у него въ гостиницѣ. Я исполнилъ его желаніе и явился въ московскую гостиницу, гдѣ онъ остановился, гдѣ мы должны были обѣдать, и гдѣ нашелъ его вдвоемъ съ неизвѣстнымъ мнѣ пожилымъ господиномъ, который былъ мнѣ отрекомендованъ Клокачевымъ, какъ его хорошій пріятель, землякъ, тверской помѣщикъ и адвокатъ Вельяшевъ. Мы вмѣстѣ отобѣдали и провели очень пріятно нѣсколько часовъ, бесѣдая, при чемъ г. Вельяшевъ оказался лицомъ много путешествовавшимъ, рассказывалъ мнѣ за обѣдомъ много интереснаго о за-

границѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что его семья, ради болѣе удобнаго и хорошаго воспитанія дѣтей, проживаетъ постоянно въ Дрезденѣ, и очень восхвалялъ этотъ городъ, какъ оказалось, ему хорошо извѣстный. Послѣдствія показали, сколь для меня важнымъ оказалось это случайное знакомство!

Вскорѣ же послѣ моего возвращенія въ Москву, я былъ готовъ съ ней опять проститься и отправиться въ свое двухлѣтнее путешествіе за границу, но тутъ случилось маленькое обстоятельство, которое задержало мой окончательный отъѣздъ, или скорѣе выѣздъ изъ Россіи. вмѣстѣ съ моимъ братомъ Николаемъ (нынѣ отставной генераль-лейтенантъ) я отказался незадолго до свадьбы моей младшей сестры Маріи съ г. Юргановымъ отъ своей доли въ наслѣдствѣ въ ея пользу, послѣ процесса, который велся много лѣтъ въ Малороссіи съ дядей и передъ этимъ закончился. Надо было вступить во владѣніе наслѣдствомъ, безъ чего нельзя было продать имѣнія; и вотъ по настоятельной просьбѣ Юргановыхъ я рѣшился пожертвовать нѣсколькими недѣлями своего времени и поѣхать первый разъ съ роду въ нашу „Дидовщину“, Черниговской губерніи, въ село Янжуловку, Новозыбковскаго уѣзда, по этому дѣлу.

Я не буду описывать своихъ судебныхъ и дорожныхъ приключеній въ уголокъ Малороссіи, которыя не представляютъ ничего особеннаго и для насъ русскихъ неизвѣстнаго, вродѣ мелкихъ взятокъ служащимъ, еврейскихъ корчемъ съ тараканами и клопами и ужасныхъ рытвинъ на дорогахъ, особенно въ Рославльскомъ уѣздѣ, черезъ который пришлось мнѣ проѣзжать продолжительное время. Прошло въ дѣйствительности не менѣе трехъ недѣль, пока я не продѣлалъ канцелярскихъ и иныхъ формальностей по вводу во владѣніе, по писанію довѣренностей и т. д., по распоряженію личнымъ имуществомъ и вступилъ юридически во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, чтобы передать всѣ права на хлопоты съ нимъ моему зятю В. И. Юрганову.

Дальше я тронулся прямо въ путь, въ столь желанную за границу, хотя изъ Малороссіи собственно путь былъ вовсе не прямымъ. По какой-то причинѣ, мнѣ теперь неясной, вѣроятно, по несоответствію поѣздовъ изъ Рославаля, вмѣсто того, чтобы ѣхать на Смоленскъ и по Варшавской дорогѣ черезъ Варшаву въ Дрезденъ, куда я намѣревался отправиться, я поѣхалъ нѣсколько окружнымъ путемъ на Динабургъ и оттуда уже свернулъ на Варшавскую дорогу, Припоминаю, какъ уже въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ многое меня поражало, особенно въ архитектурномъ отношеніи, постройка домовъ и черепичатая крыша. Съ переѣздомъ русской границы, въ Сосновицахъ, гдѣ впоследствии мнѣ пришлось бывать

много разъ и даже временно проживать, особенно широко открылось поле для моей наблюдательности и первых попытокъ объясняться по-нѣмецки, чему оказывали помощь всесвѣтные граждане, евреи попутчики, одинаково бѣгло говорившіе на обоихъ языкахъ. Помню, вечеромъ, въ августѣ, пріѣхаль я въ Дрезденъ и остановился въ маленькой гостиницѣ, по указанію своего пріятели Лысцева, съ которымъ предварительно списывался и затѣмъ, по привычкѣ къ экономіи, немедленно отыскавши его, принялся прискивать болѣе прочное и дешевое помѣщеніе въ видѣ меблированныхъ комнатъ, что вскорѣ и нашель. Согласно данной мнѣ университетомъ инструкціи, я долженъ былъ, какъ упомянуто выше, штудировать первоначально въ Лейпцигскомъ университетѣ, но съ августа по начало октября въ Германіи продолжаются феріи, т. е. университетскій вакалъ, и я, будучи свободенъ отъ университетскихъ занятій, хотѣлъ воспользоваться временемъ для наилучшаго усвоенія разговорнаго нѣмецкаго языка. Черезъ знакомство Лысцева, я скоро нашель себѣ учителя для нѣмецкихъ разговоровъ въ лицѣ одного познанскаго поляка студента Стычинскаго, который за какую-то очень скромную плату согласился приходить ко мнѣ ежедневно для упражненія въ нѣмецкомъ разговорѣ, часа на два или на три, и дѣло пошло довольно быстро.

Въ то же самое время я началъ знакомиться въ Дрезденѣ, предполагая провести въ немъ до начала октября, съ тамошними россиянами, которыхъ въ то время жило въ Дрезденѣ большое количество. Какъ я слышалъ отъ мѣстнаго русскаго священника о. Розанова, что въ то время постоянно проживало русскихъ семействъ и числилось его прихожанами болѣе 600, т. е. постоянное русское населеніе въ Дрезденѣ простиралось до нѣсколькихъ тысячъ. Постоянной собственной русской церкви тогда еще не было, но была лишь наемная на одной изъ новыхъ улицъ города, но уже шли приготовленія къ постройкѣ постоянной церкви, которая вскорѣ и была начата и до сихъ поръ стоитъ въ Дрезденѣ, считаясь по красотѣ однимъ изъ украшеній города. Въ высшей степени курьезно, что русское постоянное населеніе, столь значительное, какъ я говорилъ раньше, оставалось въ Дрезденѣ, какъ и во многихъ другихъ иностранныхъ городахъ, лишь сравнительно короткое время, какіе-нибудь два года. Съ 1874 года, вслѣдъ за установленіемъ въ Россіи всеобщей воинской повинности для всѣхъ сословій, масса русскихъ, постоянного населенія за границей, въ томъ числѣ и въ Дрезденѣ, обратились вспять на родину, и русская рѣчь и русскія вывѣски и все русское сдѣлались въ Дрезденѣ относительно рѣдкостью, и все число проживающихъ, вмѣсто многихъ сотъ, ограничилось лишь нѣ-

сколькими десятками и то большей частью уже значительно отмѣчавшихся русскихъ или прямо нѣмцевъ, остальные, ради участи своихъ дѣтей, поспѣшили вернуться восвояси и опредѣлить ихъ въ русскія казенныя заведенія, вмѣсто иностранныхъ, не имѣвшихъ, какъ извѣстно, правъ на льготу по воинской повинности. Но въ это, именно, время, когда надобность въ особенной постоянной русской церкви прекратилась, и частные ресурсы для ея поддержанія изсякли, какъ разъ въ 1874 году и явилась постоянная русская церковь, благополучно стоящая до настоящаго времени, и содержаніе клира которой обходится не мало русскому государственному казначейству!..

Между новыми моими знакомыми оказался одинъ юноша, сынъ Н. В. Вельяшева, ржевскаго адвоката, съ которымъ я обѣдалъ, какъ раньше говорилъ, однажды въ Москвѣ съ Клокачевымъ. Черезъ нѣсколько дней молодой человекъ принесъ мнѣ отъ отца, въ это время бывшаго въ Дрезденѣ, приглашеніе посѣтить его семейство, жившее постоянно, какъ упоминалось раньше, въ Дрезденѣ, для воспитанія дѣтей, говоря, что онъ радъ будетъ случаю, скоро возвращаясь въ Россію, познакомить меня лично съ семьей до отъѣзда. Я немедленно откликнулся на любезное приглашеніе, явился къ г-ну Вельяшеву и такимъ образомъ познакомился съ его семействомъ, довольно многочисленнымъ, которое мнѣ чрезвычайно понравилось. Оно состояло изъ его жены, пожилой дамы и другой старушки, нѣкоей Пусторослевой, друга дома, постоянно у нихъ живущей, и четырехъ дѣтей: дочери, молодой дѣвушки и трехъ мальчиковъ разнаго возраста. Приняли меня просто и радушно. Семья ихъ, съ хорошими, интеллигентными вкусами, дѣти съ порядочнымъ, видимо, образованіемъ, и двѣ добрѣйшія старушки, напомнили мнѣ живо мою старую семейную жизнь, которой я къ сожалѣнію много лѣтъ своего студенчества и слѣдующее время былъ лишенъ, за смертью родителей. Особенно завоевала мои симпатіи старушка мать, Софія Константиновна, образецъ преданности и любви къ семейству, цѣлый день усердно занятая своими дѣтьми, ихъ интересами; и затѣмъ, долженъ сознаться, мнѣ какъ-то сразу приглянулась юная дѣвица въ этой семьѣ, Екатерина Николаевна, которой судьбой суждено было впоследствии сдѣлаться моей женой. Маленькій лукавый божокъ, играющій по греческой мифологіи самую важную роль въ сближеніи особъ двухъ половъ, ранилъ мое сердце совершенно для меня неожиданно и незамѣтно. Весьма скоро, черезъ нѣсколько недѣль я началъ уже себя чувствовать не по себѣ, долго не видя и не бесѣдуя съ кѣмъ-либо изъ семьи Вельяшевыхъ, и во всѣхъ этихъ бесѣдахъ и свиданіяхъ, какъ-то противъ

воли, главную роль стала играть маленькая фигурка этой дѣвицы.

Черезъ два мѣсяца, однако, согласно своей инструкціи, я распрощался со своими Дрезденскими знакомыми съ обѣщаніемъ навѣщать ихъ почаще изъ Лейпцига, лежащаго всего въ 3 часахъ разстоянія, и отправился въ этотъ университетскій городъ, гдѣ долженъ былъ впервые предстать передъ очами представителей германской науки. Очень скоро ко мнѣ присоединились, сначала Макаровъ, русскій магистрантъ Московскаго университета, молодой человекъ, моложе меня, затѣмъ пріѣхалъ уже, къ большому моему удовольствію, А. И. Чупровъ, засталъ насъ съ Макаровымъ еще въ гостиницѣ, и мы совмѣстно пустились въ поиски помѣщенія. Мы скоро нашли себѣ очень чистенькія и комфортабельныя комнатки, я вмѣстѣ съ Макаровымъ у одного отставнаго учителя (*Lehrer emeritus*), Карла Лѣшера (*Löscher*), котораго мы скоро переименовали по-русски и онъ отлично откликнулся на „Карла Михайловича“, съ почтенной супругой, очень хорошей хозяйкой, иногда насъ кормившей, потому что постоянно мы предпочитали обѣдать въ ресторани, а Чупровъ съ женой, очень почтенной дамой, нѣсколько строго относившейся къ намъ, сравнительно молодымъ людямъ, ко мнѣ и Макарову, Ольгой Егоровной, скоро переименованной нами просто въ *Frau Professor*, нашли помѣщеніе у одного музыканта, или какъ его заочно, нѣсколько презрительно, называлъ Лешеръ „музикусъ“, какого-то мелкаго музыканта изъ театральнаго оркестра. Моя квартира съ Макаровымъ представляла нѣкоторыя преимущества, была обширнѣе, и хозяинъ добродушнѣе и образованнѣе. Почтенный старикъ, которому не было никакого дѣла, и который, для перваго начала, заповучивши добродушныхъ русскихъ юношей къ себѣ въ домъ, высказалъ желаніе подучиться по-русски, что по его мнѣнію представлялось ему легкимъ, въ виду будто бы его знакомства съ греческимъ языкомъ въ школѣ, и за это началъ изощрять насъ въ нѣмецкихъ разговорахъ! Чупровъ очень скоро также подружился съ нашимъ хозяиномъ, и мы проводили очень пріятно время сообща за бесѣдой и знакомились съ городомъ и со всѣмъ интереснымъ. „Музикусъ“ же обратно съ Карломъ Михайловичемъ постоянно отсутствовалъ, его нѣкто почти не видалъ.

Вмѣстѣ также съ А. И., а можетъ быть онъ и раньше меня, мы запаслись университетскими программами и рѣшили сообща записаться для перваго начала на текущій семестръ на небольшое число курсовъ. Я записался вмѣстѣ съ Чупровымъ именно къ Рюшеру на теорію политической экономіи и ученіе о финансахъ и Кнаппу, *private*, рабочій вопросъ. Чупровъ записался еще на какой-

то другой курсъ въ области экономической политики. Курсъ финансовъ Рошера, не-смотря на зимній семестръ, начинался поразительно рано, для русскихъ лѣнливыхъ привычекъ, въ семь часовъ утра, и требовалась большая, съ моей стороны, сила воли, чтобы являться такъ рано въ университетъ. Черезъ два часа, въ девять—читался его же курсъ политической экономіи, на который обычно являлся Александръ Ивановичъ, и такимъ образомъ мы съ нимъ каждый день встрѣчались. Еще болѣе, впрочемъ, насъ, какъ русскихъ студентовъ, привлекалъ запретный тогда у насъ плодъ—рабочій вопросъ. Кнаппъ вполне хорошо знакомилъ насъ съ развитіемъ рабочаго вопроса въ главнѣйшихъ странахъ и прочими ученіями, такъ называемыхъ, социалистовъ. Я уже слышалъ раньше имена Brentano и Шмоллера, но на лекціяхъ Кнаппа въ первый разъ познакомился съ нѣкоторыми ихъ изслѣдованіями и выводами и заинтересовался ими болѣе серьезно. Кнаппъ читалъ съ нѣкоторымъ жаромъ, очень живо и занимательно, несмотря на то, что имѣлъ лишь весьма ограниченную аудиторію, человѣкъ 50—70 слушателей, большею частью иностранцевъ, судя по языкамъ разговора. Мы нерѣдко у него передъ лекціей слышали всевозможные языки, начиная съ русскаго и оканчивая венгерскимъ и новогреческимъ. Какъ теперь помню, когда однажды Чупровъ выразилъ кому-то изъ товарищей студентовъ на этомъ курсѣ свое удивленіе, что такія интересныя лекціи, по такому любопытнѣйшему вопросу туго посѣщаются, и при томъ преимущественно иностранцами, то услышалъ отвѣтъ, который насъ русскихъ поразилъ. „Какой же особенный интересъ“, отвѣтилъ студентъ нѣмецъ на это, рядомъ съ нами сидящій, „имѣеть для насъ рабочій вопросъ, когда мы сами не рабочіе; вотъ если бы такъ хорошо, подобно Кнаппу, читался курсъ „о раздѣленіи церкви“, напримѣръ, то навѣрное, потребовалась бы двойная аудиторія“; настолько наши вкусы, слѣдовательно, различились отъ тогдашнихъ европейскихъ!

Обратно съ Кнаппомъ, почтенный старецъ Рошеръ читалъ въ огромной аудиторіи, самой большой въ тогдашнемъ зданіи Лейпцигскаго университета. У него было слушателей не менѣе навѣрно 4-хъ или 5-и сотъ человѣкъ. При скверной погодѣ тогда осенью и устройствѣ вѣшалокъ для студенческихъ пальто въ самыхъ аудиторіяхъ, гдѣ каждый студентъ вѣшалъ свое мокрое пальто и устанавливалъ свой мокрый зонтикъ непосредственно близъ той лавки, гдѣ онъ сидѣлъ (калошъ въ Германіи, какъ извѣстно, не полагается), аудиторія Рошера для моего воображенія представляется всегда какъ-нибудь-то обширнымъ болотомъ, по которому текутъ желтыя лужи и люди безцеремонно шагаютъ по этимъ лужамъ. Небольшой, но

плотный и еще бодрый старичекъ-профессоръ читалъ звонко и отчетливо, при чемъ его чтеніе раздѣлялось всегда на двѣ совершенно противоположныя части. Главныя основныя положенія, то, что въ учебникахъ печатается крупнымъ шрифтомъ, Рошеръ прямо и очень медленно диктовалъ, гораздо медленнѣе, чѣмъ я, напри- мѣръ, диктовалъ свои настоящія воспоминанія. Какъ можно себѣ легко представить, слушать эту часть его лекцій, представлявшую при томъ лишь самыя общія научныя понятія, намъ хорошо извѣстныя и давно сданныя на экзаменѣ въ своемъ университетѣ, было весьма и весьма скучно и въ значительной степени набило оскомину намъ съ Чупровымъ и заставило въ близкомъ будущемъ прекра- тить совсѣмъ посѣщеніе лекцій. Зато наиболѣе интересная часть, которую можно было намъ слушать съ пользой, лежала въ добавленіяхъ, разъясненіяхъ и иллюстраціяхъ къ этимъ основ- нымъ положеніямъ. Всѣ эти иллюстраціи произносились весьма быстро, скороговоркой, и каждый нѣмецкій студентъ обяза- тельно складывалъ перо и карандашъ и слушалъ, ничего не нанося на бумагу. Частью дѣлали за нихъ это мы, иностранцы, когда приводился Рошеромъ какой-нибудь любопытный при- мѣръ или высказывалось стоящее вниманія предположеніе. Мы, напри- мѣръ, съ шутками и усмѣшками слушали тогда предположеніе добродушнаго профессора о зловредности русской общины и обяза- тельнаго надѣленія крестьянъ землею. По словамъ Рошера, это об- стоятельство непременно должно приучить русскихъ крестьянъ всегда въ земельной нуждѣ полагаться исключительно на даровой надѣлъ отъ Правительства, или привести къ погромамъ и захватамъ помѣ- щичьихъ земель!?!..

Мирно и спокойно потекла наша жизнь въ качествѣ Лейпциг- скихъ студентовъ. Сначала мы, какъ истинно русскіе люди, ходили на лекціи аккуратно, а затѣмъ соскучились и манкировали все чаще. Я до конца, помнится, довелъ лишь одинъ курсъ финансовъ, котораго составились у меня полныя записки. Чупровъ исчезъ еще раньше меня; да и мало могли мы поучиться тамъ, кромѣ частныхъ курсовъ ко- нечно, вродѣ Кнаппа, который посѣщался лучше. Обѣдали первонач- ально мы вмѣстѣ въ студенческомъ ресторанѣ, но тамъ очень не- приятно для насъ и особенно для А. И. студенты назойливо взгля- дывали на его супругу, такъ какъ женщинъ кромѣ нея, мнѣ пом- нится, въ эту столовую не ходило, да и въ университетѣ мы долго женщинъ не видали, пока А. И. какимъ-то образомъ поймалъ и познакомился съ одной молодой красивой русской армянкой, Карга- новой, сестрой извѣстной пѣвицы, которую, подсмѣивались мы надъ нимъ долго впоследствии, онъ сосваталъ нашему лектору Кнаппу.

Это случилось слѣдующимъ образомъ. Не берусь судить, по какой причинѣ, но армяне особенно часто обнаруживаютъ желаніе учиться именно финансовому праву. Я нерѣдко встрѣчалъ представителей этой націи, занимающихся со мной одной спеціальностью. Я былъ очень пріятно удивленъ, когда однажды, прійдя навѣстить Чупрова, я нашель у него красивую барышню, бесѣдовавшую съ его женой, которая себя отрекомендовала вышеозначеннымъ именемъ, заявивши, что она пріѣхала въ Лейпцигъ именно изучать финансы. А. И., отличавшійся необыкновенной общительностью, встрѣтилъ ее какъ-то въ университетѣ, познакомился и привелъ къ своей супругѣ. Разумѣется, хорошенькая армянка нашла съ нашей стороны наилучшій пріемъ. Я съ ней немедленно подѣлился своими записями у Рощера, которыя, впрочемъ, ей были не настолько важны, ибо Рощеръ ее свободно допустилъ на свои лекціи, мало того, познакомилъ со своими дочерьми и поставилъ имъ въ примѣръ русскую барышню, занимающуюся его скучной наукой. Но иначе отнесся молодой Кнаппъ; онъ *рѣшительно и строго отказался сначала допускать ее*: вотъ, тутъ и понадобилась вся любезность и непосредственность А. И. Онъ не могъ выносить такой несправедливости и немедленно отправился къ Кнаппу. Не знаю, что и какъ онъ съ нимъ говорилъ, но на другой день я уже узналъ, что дѣвица Карганова допущена къ Кнаппу и начала вмѣстѣ съ нами появляться (это было весной 1874 года) къ концу его курса. Начала ни того, ни другого курса она собственно не слушала. Я ее снабдилъ бывшими у меня Московскими записками, лекціями Ф. Б. Мильгаузена и вызвалъ съ ея стороны восторженную благодарность. Вотъ что писала мнѣ тогда Карганова: „За записки Мильгаузена не знаю, какъ васъ отблагодарить, онѣ оказались настоящимъ сокровищемъ для меня. Если вы можете написать мнѣ, сколько времени я могу еще продержать ихъ, то будьте такъ добры сдѣлать это. Мнѣ хотѣлось бы ихъ проконспектировать, если Вы можете сообщить мнѣ, гдѣ и когда я могу добыть подобные литографированные листки, то этимъ очень обяжете меня“.

Не знаю, долго ли занималась г-жа Карганова курсомъ финансовъ (я ее скоро потерялъ изъ виду, занятый своимъ собственнымъ романомъ), но какъ намъ сдѣлалось извѣстно впоследствии, занятія ея у Кнаппа въ результатѣ привели къ тому, что онъ совершенно примирился съ допущеніемъ женщины на лекціи и кончилъ тѣмъ, что женился на г-жѣ Каргановой при своемъ переходѣ въ качествѣ профессора Страсбургскаго университета. Съ тѣхъ поръ нерѣдко приходилось слушать и самому участвовать въ шуткахъ надъ А. И. по этому поводу, что онъ „во имя науки“ сосваталъ профессору Кнаппу жену.

Меня однажды посѣтилъ на нѣсколько дней Лысцевъ, прїѣхавшій изъ Дрездена, и привезъ съ собой рассказы обо всѣхъ общихъ русскихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и объ интересовавшемъ меня семействѣ Вельяшевыхъ. Это живо мнѣ напомнило оставившій сильное впечатлѣніе одинъ женскій образъ, но тѣмъ не менѣе я еще такъ мало сдѣлалъ въ Лейпцигѣ, что считалъ себя не въ правѣ пропустить хотя бы одинъ день на поѣздку въ Дрезденъ и сдѣлалъ это только гораздо позднѣе, когда уже не было Чупрова въ Лейпцигѣ. Я состоялъ одинаково въ дружбѣ, какъ съ А. И., такъ и съ его строгой супругой Ольгой Егоровной, и нѣсколько разъ невольно вспоминалъ извѣстную французскую поговорку: „les extrêmités se touchent“, настолько казались противоположными оба супруга. На сколько А. И. былъ мягокъ, елеенъ и влюбленъ сверхъ мѣры въ человѣческое общество всякаго рода, настолько О. Е. представляла собой другой полюсъ, дабы сдерживать это любвеобиліе и ограничивать стремленія своего мужа къ новымъ и новымъ знакомствамъ и злоупотребленію его временемъ. Дѣйствительно, мы неоднократно удивлялись съ Макаровымъ, посѣщая очень часто, разумѣется, А. И., какъ и онъ насъ, что дня почти не проходило, чтобы онъ не отыскивалъ и не вылавливалъ гдѣ-нибудь новыхъ россіянъ или россіянокъ и не знакомился съ ними, при чемъ очень часто оказывалось, что они также раньше были мало ему знакомы, какъ и намъ! Къ этому времени относится, помню, напримѣръ, мое знакомство черезъ Чупрова съ Зеленогорскимъ, впоследствии профессоромъ въ Харьковѣ и философомъ; Н. И. Зиберомъ, съ которымъ впоследствии я самъ весьма сблизился, Ковалевымъ и многими другими. Практически-здравый и насмѣшливый умъ Ольги Егоровны дѣйствовалъ нерѣдко какъ холодный душъ на экспансивнаго увлекавшагося А. И., особенно ея обобщенія изъ области статистики, въ разговорахъ съ Зиберомъ. Недавнее тогда сатирическое произведеніе Щедрина о Статистическомъ Конгрессѣ въ Петербургѣ давало богатый матеріалъ для ея шутокъ надъ спорщиками..!

Прижившись къ Лейпцигу, мы перенесли въ него съ Чупровымъ нѣкоторые русскіе обычаи: такъ Frau Löscher открыла къ нашему удовольствію тамъ на рынкѣ гречневые блины (Blinzen), существующіе, будто бы, со времени постоа русскихъ войскъ въ 1815 году: она изрѣдка насъ ими угощала. Кромѣ того каждую субботу мы аккуратно съ Александромъ Ив. путешествовали въ русскую баню (Russische Dampfbäder), при чемъ онъ такъ же аккуратно, благодаря своей разсѣянности, каждый разъ забывалъ свое грязное бѣлье! Дорога въ баню шла около моей квартиры и обыкновенно на обратномъ пути, дойдя до себя, я напоминалъ ему, что пора-де

вернуться назадъ, и онъ до того упорно повторялъ ту же разсѣянность, что совершенно хладнокровно подтверждалъ: „да, пора!“, простался со мной и шелъ обратно..

Нѣмецкое Рождество или точнѣе Sylvesterabend, мы справляли у Лешеръ, которые насъ очень радушно угощали классическимъ пуншемъ, и мы пѣли съ ними нѣмецкія пѣсни. За то, въ свою очередь, въ день Русскаго Рождества мы рѣшили угостить ихъ русскимъ обѣдомъ, при чемъ, разумѣется, надо было приготовить его собственноручно, по незнанію нѣмцами русскаго кулинарнаго искусства. Свои услуги для этого, по зрѣломъ обсужденіи, предложили двое: я вызвался научить на своихъ глазахъ фрау Лешеръ приготовить сибирскіе пельмени, въ издѣліи которыхъ въ Россіи была искусна одна знакомая родственница старушка, и я неоднократно видѣлъ, какъ она готовитъ; Ольга Егоровна въ свою очередь вызвалась научить приготовленію русскихъ лѣнивыхъ щей съ говядиной. И вотъ, все утро, помню, мы усердно занимались въ кухнѣ фрау Лешеръ приготовленіемъ этихъ двухъ кушаній и затѣмъ сообща обѣдали всей наличной русско-нѣмецкой компаніей. Эффектъ нашъ русскій обѣдъ произвелъ чрезвычайный, но щи вызвали соболѣзнованіе экономныхъ нѣмокъ за огромную непроизводительную трату говядины. За то мои пельмени оказались настолько по нѣмецкому вкусу, что меня много разъ въ послѣдствіи въ мои посѣщенія Лейпцига фрау Лешеръ угощала этими, какъ она называла „russische Pastetchen“ и увѣряла, что многіе ея знакомые даже теперь готовятъ по рецепту, который она даетъ для ихъ изготовленія. Я охотно соглашался съ ней и одобрялъ ея пріятельницъ, такъ какъ несомнѣнно пельмени во всѣхъ отношеніяхъ выше того „Maikäfersuppe“, которымъ меня однажды угощала фрау Лешеръ!

Къ Новому Году я получилъ приглашеніе отъ Лыцева пріѣхать непременно въ Дрезденъ, такъ такъ русская компанія-де собирается сообща весело отпраздновать русскій Новый Годъ. Передъ отправленіемъ пришлось проститься на нѣкоторое время съ А. И., который уже собирался уѣзжать въ Мюнхенъ. Немедленно, какъ я появился въ семьѣ Вельяшевыхъ, я почувствовалъ, какими тѣсными узами любовь привлекаетъ меня къ этому семейству. Для меня стало ясно, что вопросъ не могъ оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, и что надо на что-нибудь рѣшиться. Постараться вырвать обнявшее меня чувство я уже не былъ въ состояніи. Все, что я по этому поводу приводилъ себѣ, скорѣе говорило въ пользу утвердительнаго рѣшенія, чѣмъ отрицательнаго... При моей юношеской незрѣлости и неопытности, я старался обсудить и рѣшилъ вопросъ путемъ *наведенія*... У такой превосходной матери, какою

всѣ признавали С. К. Вельяшеву, и дочь должна, разсуждалъ я, имѣть выдающіяся нравственныя достоинства... Я хорошо понималъ отвѣтственность брачнаго шага, который собирался сдѣлать, но въ то же время, главная сторона—экономическая, меня нисколько не смущала. Я хорошо зналъ, что невѣста моя не могла мнѣ принести никакой матеріальной помощи въ видѣ приданаго, но могла за то дать то, что дороже всего—помощь своего труда и духъ товарищества, съ которыми я могъ продолжать работать болѣе дружно, даже если бы, сверхъ ожиданія, не сошлись характерами. Я видѣлъ это на примѣрѣ Чупровыхъ, которые жили въ то время бодрѣе и лучше меня, несмотря на то, что пропорціально съ потребностью на двоихъ, получали денегъ меньше меня... Послѣ отъѣзда я сдѣлалъ письменно рѣшительный шагъ въ видѣ формальнаго предложенія руки. Предложеніе мое было принято—лишь условно, съ одной стороны, съ указаніемъ необходимости ждать согласія отца изъ Россіи.

Нѣсколько успокоенный своимъ рѣшеніемъ, я вернулся въ Лейпцигъ, гдѣ уже не засталъ Чупрова ¹⁾, а вслѣдъ за нимъ скоро уѣхалъ и Макаровъ. Я остался одинокъ въ Лейпцигѣ, чтобы предаваться моимъ мечтамъ о Дрезденѣ. Только вечеромъ, и то не каждый день, я сходилъ съ однимъ изъ моихъ настоящихъ товарищей по Академіи Наукъ, съ почтеннѣйшимъ Филиппомъ Фодоровичемъ Фортунатовымъ, жившимъ тогда въ Лейпцигѣ на противоположномъ со мной концѣ города, всегда отличавшимся малою общительностью. Мы сходились съ нимъ въ Universitätsgasse, въ извѣстной пивной „Zur Feuerkugel“, молча выпивали по двѣ кружки пива и расходились до слѣдующаго вечера, какъ бы набравшись нѣсколько русскаго духа.

Зато у меня явилось другое наслажденіе, мнѣ еще дотолѣ не извѣстное, почти каждодневная переписка съ невѣстой. Я не буду, разумѣется, такъ какъ пишу не романъ, а лишь мемуары, касаться этой „Святая Святыхъ“, но смѣло могу сказать, что такое блаженное время, которое въ это время испытываетъ человѣкъ, едва ли въ жизни повторяется! При всемъ маломъ жизненномъ опытѣ, который я имѣлъ, я уже чувствовалъ сначала всю огромную разницу настоящей любви отъ перваго своего ребяческаго увлеченія. Вмѣсто того, чтобы вспоминать съ горечью и досадовать, какъ прежде на В. В. за ея отношеніе и поступки со мной, я теперь всю жизнь долженъ только быть ей благодарнымъ; какъ хорошо произошло,

¹⁾ Онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ, откуда я вскорѣ получилъ отъ него письмо

что эта легкомысленная дама подсмѣялась надъ любовью увлекавшагося юноши, которая лишь забавляла ее!! Я съ ужасомъ могу себѣ представить, сколько счастья меня лишило бы ея иное поведеніе. Какъ подтвердилъ мнѣ опытъ моей довольно продолжительной собственной жизни, зло въ этомъ случаѣ обратилось для меня въ великое благо. Я считаю себя въ высшей степени счастливымъ, что я былъ свободенъ и могъ съ чистымъ сердцемъ протянуть свою руку другой женщинѣ, сдѣлавшейся моей вѣрной подругой на всю жизнь.

Къ сожалѣнію, всѣ важные моменты моей жизни, какъ и раньше было указано, начинались съ горя и несчастій. Такъ было и здѣсь. Я уже получилъ отъ моей невѣсты телеграфное извѣщеніе о согласіи отца на бракъ, сѣзидилъ вновь въ Дрезденъ и въ общихъ чертахъ уговорился о свадьбѣ, которой должна была предшествовать поѣздка моей невѣсты въ сопровожденіи брата ко мнѣ въ гости въ Лейпцигъ посмотреть этотъ городъ. Я же въ это время былъ дѣятельно занятъ писаніемъ очень скучнаго отчета о своихъ работахъ въ Министерство, согласно положенію, по этому предмету принятому. Не могу кстати не оговориться по поводу этого пункта, имѣющаго можетъ быть и теперь столь пагубное значеніе для молодыхъ людей. какъ въ мое время. Тогда требовался, не помню за сколько мѣсяцевъ, за треть, или за четверть года, отчетъ о занятіяхъ, прежде чѣмъ вексель или переводъ на полученіе соотвѣтствующаго жалованья посылался за границу профессорскому кандидату. Такимъ образомъ употреблялось оружіе, самое вѣрное въ полученіи Министерствомъ свѣдѣній о магистрантѣ,—угроза голодомъ, если онъ не пришлетъ отчета въ положенное время. И вотъ мы посылали, но какой это цѣной! Первый мой отчетъ совпалъ, вслѣдствіе поздней, вѣроятно, выдачи мнѣ первый разъ содержанія, съ моимъ пріѣздомъ въ Лейпцигъ и съ началомъ слушанія Рошера и Кнаппа. Стоя на почвѣ правды, я написалъ въ Министерство, что только-что пріѣхалъ и устроился въ Лейпцигъ; а около двухъ мѣсяцевъ, поневолѣ, вслѣдствіе отсутствія этихъ лекцій, провелъ въ Дрезденѣ, а теперь началъ-де слушать такихъ-то профессоровъ и такіе-то курсы. Весь отчетъ такимъ образомъ былъ изложенъ на двухъ страницахъ вѣрно и правдиво. вмѣстѣ съ получкой слѣдующаго жалованія, я получилъ отъ Министерства выговоръ отъ Ученаго Комитета за свою лаконическую правдивость. Ученый Комитетъ сдѣлалъ какое-то невыгодное для моего самолюбія заключеніе изъ моей краткости, и вотъ, слѣдующіе затѣмъ разы, наученный этимъ горькимъ опытомъ, я вынужденъ былъ настойчиво и умышленно Министерству лгать. Началъ описывать занятія, которыхъ въ

дѣйствительности не дѣлалъ, только, чтобы наполнить и раздуть побольше свой отчетъ. Одинъ разъ, напримѣръ, чуть-ли не буквально переписалъ, только кажется въ русскомъ переводѣ, всѣ свои записки по курсу Рошера, или безъ всякой цѣли и смысла излагалъ цѣликомъ содержаніе прочитанныхъ книгъ, хотя бы совсѣмъ не относящихся къ моимъ занятіямъ и прочитанныхъ Богъ знаетъ когда и т. д. и т. д. И вотъ какъ разъ я былъ занятъ наканунѣ своей свадьбы такимъ неблагодарнымъ дѣломъ, вызываемымъ нераціональнымъ требованіемъ Министерства!..

Внезапно, наканунѣ нетерпѣливо мною жданнаго приѣзда въ Лейпцигъ моей невѣсты съ братомъ, я получилъ грустное извѣстіе: она простудилась и сильно заболѣла. Поѣздка состояться не могла. Я немедленно едва сбылъ съ рукъ отчетъ, полетѣлъ въ Дрезденъ. Оказалось, что невѣста схватила серьезную простуду и тяжкую болѣзнь, вслѣдствіе которой важный и доброжелательный врачъ, которому я счелъ долгомъ представиться, сказалъ мнѣ, что долженъ отсрочить нашу свадьбу, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, увы, началось новое, тяжкое для меня испытаніе. Меня едва допускали до свиданія съ невѣстой. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Дрезденѣ, грустный, разстроенный, съ туманомъ въ головѣ и съ горечью въ сердцѣ я вернулся въ Лейпцигъ къ старымъ Лешерамъ, женихъ, какъ они уже знали, но безъ невѣсты. Прошелъ апрѣльскій вакалъ, я вновь записался на будущій весенне-лѣтній семестръ. Лекціи плохо шли въ голову, и я безпрестанно думалъ о Дрезденѣ и бомбардировалъ всѣхъ тамошнихъ знакомыхъ своими письмами и запросами.

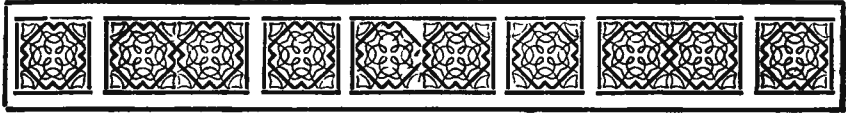
Наконецъ начали получаться болѣе благопріятныя извѣстія. Моя милая невѣста стала по-немногу поправляться; только въ маѣ уже, я ликвидировалъ всѣ свои дѣла въ Лейпцигѣ и переселился совсѣмъ въ Дрезденъ, поближе къ невѣстѣ. Наконецъ, былъ назначенъ великій день вѣнчанія; приглашены были всѣ знакомые и происходило, послѣ свадьбы, общее ликованіе на Бастаѣ (Bastai) въ Саксонской Швейцаріи съ пѣснями и танцами. Отдать справедливость, всѣ трудности и формальности при бракѣ были облегчены до *pes plus ultra*. Я очень благодаренъ за эту любезность, зная, какъ это трудно дѣлается теперь, покойному настоятелю русской церкви, о. Розанову. Къ сожалѣнію, новая церковь не была еще готова, и я вѣнчался въ старой домашней церкви въ Дрезденѣ 11 іюня по новому стилю и 30 мая по русскому въ 1873 году. „Бракъ этотъ составляетъ важнѣйшее изъ событій, повлиявшихъ на всю мою жизнь. Въ женѣ моей, Екатеринѣ Николаевнѣ, я получилъ не только добраго товарища, но и ближайшаго сотрудника для всего, что я съ тѣхъ поръ написалъ, начиная съ

большихъ книгъ и кончая журнальными и газетными статьями. Ничего не дѣлалось и не писалось безъ ея помощи и совѣта и большею частью ея же рукой (иногда даже два раза), и я право затрудняюсь по временамъ опредѣлить, кому, напримѣръ, въ данной статьѣ принадлежитъ такая-то мысль, мнѣ или ей?!¹⁾

Иванъ Янжуль.

¹⁾ См. *Венгеровъ, С. А.* Критико-Биографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. VI, Спб. 1897—1904, стр. 55.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

Г л а в а VI.

Двухсотлѣтній юбилей рожденія Императора Петра Великаго. — Лагерь 1872 года. — Командиръ Кавалергардовъ графъ Мусинъ-Пушкинъ. — Пикникъ въ Горкахъ и ловъ форелей. — Графъ Воронцовъ-Дашковъ. — Продажа имѣнія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. — Царскіе смотры. — Прогулки Государя въ Красносельскомъ дворцовомъ саду. Милордъ. Тревога въ отрядѣ графа Воронцова. Кавалерійскій маневръ въ разныя стороны. Пріѣздъ эрцгерцога Вильгельма. Додо Орловъ. Клейнмихель. — Путешествіе на Востокъ ко гробу Господню. — Послѣдующіе годы. — Пріѣздъ эрцгерцога Альбрехта. — Пріѣздъ Великаго Князя Намѣстника съ Великой Княгиней Ольгой Федоровной. — Измѣненіе въ нашей лагерной жизни. Обязательныя скачки.

Весною 1872 года праздновалось двухсотлѣтіе рожденія Императора Петра Великаго.

Великій Князь принималъ дѣятельное участіе въ торжествѣ. Приготовленія начались съ 25 мая, въ день Исаакія Далматскаго.

30 числа вся гвардія была выстроена на Петровской и Адмиралтейской площадяхъ. Погода стояла чудная. Гвардейская пѣхота поражала своей красотой: въ мундирахъ съ красными лацканами, въ бѣлыхъ брюкахъ, въ каскахъ съ бѣлыми султанами и амуницией — общій видъ массы былъ необыкновенно элегантенъ.

Всѣ находились въ нѣсколько возвышенномъ настроеніи, когда началось шествіе духовенства изъ Исаакіейскаго Собора и въ особенности, когда Государь, при возглашеніи памяти Великаго Петра, scomандовалъ войскамъ: „Слушай на караулъ!“ и Самъ отсалютовалъ памятнику. Выѣстъ съ царскимъ салютомъ загрохотали пушки, унизывавшія набережныя Невы и изъ Крѣпости, и загудѣли колокола всѣхъ церквей столицы, а изъ груди многотысячной толпы народа и войскъ понеслось восторженное „ура“ и, все нарастая и затихая, стало перекатами разноситься по площади и прилегающимъ улицамъ.

Чудный образъ „Мѣднаго Всадника“, будто, ожилъ. Онъ гордо высился и, величественно простирая свою правую руку, какъ бы,

благословлялъ Царя и народъ на дальнѣйшіе труды, на счастье, пользу и благополучіе дорогой родины.

День для насъ былъ очень трудный.

Его Высочество въ началѣ десятаго часа сѣлъ съ нами на коней, а слѣзли мы въ четыре часа. Чрезвычайно оживляла торжество процессія на водѣ и видъ Невы съ сотнею разнообразнѣйшихъ судовъ. „Дѣдушка“ русскаго флота стоялъ на баржѣ и при немъ находился караулъ въ Петровскихъ мундирахъ.

Въ семь часовъ я поѣхалъ на гонки, устроенныя яхтъ-клубами на Невѣ.

Народное гулянье на Марсовомъ полѣ очень удалось.

Со стороны казармъ было поставлено тридцать картинъ изъ исторіи Петра Великаго, подъ красивыми навѣсами русскаго стиля.

На двухъ открытыхъ театрахъ давали „Дѣдушка русскаго флота“ и „Купецъ Иголкинъ“.

Послѣ Петровскаго торжества мы отправились тотчасъ же въ лагерь.

На смотру Финскаго Стрѣлковаго и Учебнаго батальоновъ, въ рядахъ послѣдняго стоялъ Николай Николаевичъ Младшій.

Его Высочество остался очень доволенъ ученіемъ и по заведенному обычаю приказалъ финнамъ выдать по сеledкѣ и вызвалъ пѣсельниковъ.

Финны чрезвычайно стройно поютъ свои четырехъ-голосныя національныя пѣсни.

Великій Князь любилъ ихъ пѣніе и иногда приказывалъ прислать хоръ къ Себѣ въ садъ.

Послѣ ученія мы отправились въ новую купальню, устроенную съ большими удобствами для душей и плаванія. Великій Князь любилъ купаться послѣ ученій и передъ приходомъ театральнаго поѣзда.

Однажды мы возвратились въ очень жаркій день съ ученія; Великій Князь предложилъ: „пойдемъ, ребята, купаться, только съ однимъ условіемъ—всѣмъ идти за мной!“

Мы прошли въ садъ, спустились въ театральный паркъ, и Его Высочество повелъ насъ въ мундирахъ и высокихъ сапогахъ, черезъ озера и запруды, при смѣхѣ и шуткахъ. Мы страшно перепачкались въ тинѣ, но Ласковскій и я доплыли въ высокихъ сапогахъ по озеру до дверей купальни.

Возвратясь изъ купальни, Великій Князь раздавалъ призы нижнимъ чинамъ за выѣздку.

Изъ уланъ—трое получили часы и въ ихъ числѣ почтенный вахмистръ Штрумбергъ.

У Дризена изъ кирасирь никто не получилъ.

Кавалергарды отличались противъ всѣхъ, чѣмъ особенно былъ доволенъ Александръ Ивановичъ Пушкинъ.

Надо отдать ему справедливость,—онъ былъ идеальный командиръ Кавалергардскаго полка. До него они очень опустились, а Пушкинъ сплотилъ полкъ въ одну дружную семью и придалъ ему чисто дворянскій характеръ, при чемъ служба была высоко поднята и исполнялась съ точностью, даже въ мелочахъ.

Это однако не мѣшало Александру Ивановичу быть усерднымъ поклонникомъ Бахуса и Терпсихоры.

Онъ вмѣстѣ съ нами прїѣзжалъ на репетиціи и былъ влюбленъ въ Лелю Лангъ, которая очень нравилась Государю.

Его Высочество любилъ иногда, въ свободный отъ занятій вечеръ, ѣздить въ Ропшу удить форель. Поѣздки эти совершались до прїѣзда въ лагерь Государя.

Какъ-то разъ заложили лошадей въ три съ половиною часа, и мы отправились in's Grüne. Асташевъ — страстный охотникъ и рыболовъ—желалъ показать Великому Князю и товарищамъ свое искусство рыболова-форели, которая принадлежитъ къ самымъ чуткимъ и осторожнымъ рыбамъ, къ тому же живетъ въ кристальной водѣ и потому весьма трудно ловится.

Для себя Асташевъ держалъ въ арендѣ Тайція воды.

Великій Князь сѣлъ въ четырехъ-мѣстный шарабанъ и правилъ four in hand; я примостился съ нимъ рядомъ, сзади сидѣли Скобелевъ и Сиягинъ; въ большой придворной линейкѣ: Клейнмихель, графъ Воронцовъ-Дашковъ, командовавшій лейбъ-гусарами, Асташевъ, Ласковскій, Андреевъ, Обольяниновъ.

Струковъ съ Дохтуровымъ ѣхалъ въ своей тройкѣ. Дальше слѣдовали княжеская загородная четверка и адъютантская тройка.

Впередъ была выслана пароконная телѣга съ кухней, припасами и двумя маленькими жокеями. Поѣздъ нашъ весело и шумно покатилъ въ Ропшу.

Время благопріятствовало нашей забавѣ.

Мы свернули въ деревню „Горки“, у подножья которой покоится прозрачное озеро съ плотиною, мельницею и красиво раскинушеюся по окружающимъ холмамъ березовою рощей. На одномъ изъ такихъ холмовъ, у воды расположился нашъ таборъ: вытащили желѣзный таганъ, скинули сюртуки.

Его Высочество, Клейнмихель, Андреевъ и я надѣли кухонные фартуки. Графъ Воронцовъ сталъ разводить подъ таганомъ костеръ, я—таскать воду, генераловъ усадили чистить картофель и корни; Великій Князь началъ рѣзать мясо, готовить щи, распорядиться

своими мармитонами и кухонными мужиками, въ почетное званіе которыхъ возвели нашихъ генераловъ.

Между тѣмъ, какъ у насъ работа горѣла, а кострюли на таганѣ кипѣли, Асташевъ съ Сипягинымъ съ одной стороны озера и нашъ новый товарищъ Леонтьевъ съ Ласковскимъ и Струковымъ съ другой принялись таскать изъ воды крючки вмѣсто форелей, которыя должны были войти вторымъ блюдомъ въ нашъ обѣдъ.

Впрочемъ Асташеву удалось вытащить одну форель. Видя это, Его Высочество приказалъ тайкомъ выловить изъ Ропшинскаго садка 18 штукъ форелей, справедливо не желая подвергать наши желудки измѣнчивому счастью рыбаковъ.

Опасенія наши оправдались. Всей компаніи удалось вытащить одну форель, за что мы рѣшили наказать ихъ, поддѣлать на удочку вмѣсто форелей чувство зависти.

Асташеву и компаніи объявили, что Леонтьевъ съ товарищами вытащили 18 штукъ и обратно.

Смѣху надъ завистливыми улыбками и антагонизму не было конца. Позабавившись такимъ образомъ, расположились обѣдать.

Великій Князь сварилъ очень вкусный супъ изъ свѣжей капусты, тертаго картофеля и разной зелени, потомъ далъ форель съ молодымъ картофелемъ. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ, поливая вкусныя яства добрыми стаканами шипучаго мозельвейна и другими каплеобразными произведеніями виноградной лозы. Десертомъ служилъ кофе и неизмѣнный для Его Высочества зеленый чай.

Среди разговоровъ я спросилъ графа Воронцова, какой это Воронцовъ продалъ мужику-кулаку сосѣднее съ нашимъ по Нижегородской губерніи имѣніе „Пожарки“, принадлежавшее князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.

— „Это я“, отвѣтилъ графъ.

— „Какъ? это вы, неужели, Илларионъ Ивановичъ, вамъ не было жаль продать въ руки кулака такую историческую святыню! Наконецъ, лучше бы вы продали землю въ Удѣлы, они бы и заплатили больше“.

— „Имѣніе заглазное, отвѣтилъ графъ. Крестьянинъ предложилъ хорошую цѣну, и я продалъ“.

Накормивши насъ, Великій Князь отдалъ остальное кучерамъ и жокеямъ.

Его Высочество легъ отдохнуть подъ деревомъ на мое свернутое пальто, нѣкоторые изъ товарищей расположились на отдыхъ вокругъ Великаго Князя, другіе разбрелись: кто держать лошадей вмѣсто кучеровъ, кто въ лодку на озеро еще разъ удочкой попытаться счастье.

Я взялъ свой чаканъ и помѣстился вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ, Асташевымъ и Воронцовымъ въ лодкѣ. Они стали удить; въ воздухѣ стояла тишина, солнце клонилось къ закату, вдали люди суетились у костра и въ свою очередь наслаждались обѣдомъ.

Картина вышла превосходная и, чтобы завершить ея идиллическій характеръ, я заигралъ соло флейты изъ „Вильгельма Теля“ и „Шеферъ-лидъ“ Франца Шуберта, за чтò съ берега удостоился аплодисментовъ.

Но вотъ прибѣжалъ казакъ изъ Краснаго съ депешою отъ Царя, въ которой онъ извѣщалъ Великаго Князя, что остался очень доволенъ смотромъ войскъ въ Москвѣ и спрашивалъ о здоровьѣ Великаго Князя.

Приѣздъ казака послужилъ намъ сигналомъ къ выступленію.

Великій Князь поскакалъ на четверкѣ въ Петергофъ, мы же возвратились въ Красное.

Черезъ нѣсколько дней мы опять ѣздили въ Горки, варили, ѣли, пили, смѣялись, съ тою разницей, что въ этотъ разъ форель ловилась удачно.

Приглашенъ былъ Либрихъ — извѣстный скульпторъ и замѣчательный ловецъ на удочку. Дѣйствительно, менѣе, чѣмъ въ часъ времени онъ вытащилъ десять штукъ, тамъ гдѣ Асташевъ за цѣлый вечеръ выудилъ лишь одну рыбу.

Послѣ обѣда Либрихъ поймалъ еще десятокъ, который мы взяли съ собой.

Погода стоитъ чудная; по заведенному порядку купаемся, ѣдимъ на ученье, смотримъ и въ театрѣ. Великій Князь пригласилъ Рюля, который жилъ у насъ и оживлялъ общество своими рассказами, фокусами, музыкой и рисованіемъ.

Рюль былъ богато одаренъ отъ природы: рассказчикъ превосходный, импровизаторъ на фортепіано, замѣчательный пейзажистъ, въ особенности *au fusin*, или красками на *papier pelé*; онъ дѣлалъ удивительные фокусы картами или шариками, которые появлялись и исчезали на глазахъ окружающихъ съ необыкновенной быстротой. Рюль былъ очень остроуменъ и находчивъ, но не любилъ, если кто-либо мѣшалъ исполненію фокуса, стараясь его изловить; — тогда, какъ-бы не обращая вниманія, онъ его совершенно одурачивалъ, возбуждая смѣхъ и насмѣшки всего общества.

Жалко было, что такой необыкновенно даровитый человекъ размѣнялъ свои таланты на пяточки и всю жизнь нуждался въ средствахъ.

Въ концѣ іюля пріѣхалъ Большой Дворъ; началась суета; ожили: кухня съ десятками поваровъ, кафешенская, муншенская и тафель-декерская должности; началось безпокойное время.

Государь производилъ смотры: кавалерію по полкамъ, а пѣхоту по бригадамъ и дивизіямъ.

Его Величество особенно остался доволенъ Уланами, благодарилъ за каждое построеніе, перестроеніе и атаки, которыя были блестящи своей сомкнутостью, быстротою и спокойствіемъ. Смотры сдавалъ Эссенъ, а Его Высочество радовался за своихъ Лейбъ-Уланъ.

По окончаніи смотровъ кавалеріи въ полковой праздникъ Кирасирскаго Его Величества полка былъ церковный парадъ и обѣдъ, на который были приглашены Уланы, Конногренадеры, Драгуны и Кирасиры Императрицы.

Въ этотъ лагерный сборъ къ намъ пріѣхалъ фельдмаршалъ, графъ Бергъ, и ѣздилъ на всѣ Великокняжескія ученія.

По утрамъ около девяти часовъ, Государь, предшествуемый „Милордомъ“, обыкновенно совершаетъ прогулки по саду и заходитъ къ Его Высочеству. О приходѣ Государя насъ всегда предупреждаетъ „Милордъ“, забѣгая къ намъ въ столовую.

Когда Государь въ духѣ — Его обхожденіе ужасно симпатично, у Него такой ласковый взглядъ, добродушный смѣхъ и чарующая улыбка.

— „Что Его Высочество всталь?“—обыкновенно спрашиваетъ Государь кого-нибудь изъ дежурныхъ, если Великій Князь не успѣетъ выйти навстрѣчу.

Государь заходитъ въ домъ.

— „Здравствуй, Низя“ обращается онъ къ Великому Князю и цѣлуетъ его въ щеку.

Поговоривъ о предстоящихъ смотрахъ, или давъ приказанія, Государь удаляется и продолжаетъ прогулку.

27 іюня ожидаютъ эрцгерцога Австрійскаго.

Вѣроятно, будетъ тревога.

29-го открытіе памятника Императора Павла I въ Павловскѣ.

23-го ночью поѣхали на бивуакъ отряда графа Воронцова въ Ропшу, подняли его по тревогѣ и быстрымъ наступленіемъ напали на отрядъ Великаго Князя Владиміра. Драгунскій полкъ съ четырьмя орудіями, шедшій колоннами съ нами во главѣ на рысяхъ, неожиданно натѣнулся на засаду противника изъ баталіона, двухъ орудій и сотни конвоя.

Засада была такъ ловко скрыта, нападеніе конвоя на нашу колонну и залпы по шоссе изъ орудій такъ неожиданны, что мы были на голову разбиты и быстро отступили.

Старикъ фельдмаршалъ сопровождалъ Его Высочество и въ ночномъ нападеніи проѣхалъ съ нами рысью 6 верстъ безъ остановокъ.

Вообще, онъ летаетъ, какъ юноша.

26 и 27 іюня, какъ и въ прошломъ году, происходили у насъ маневры кавалеріи съ тою громадною разницею, что тогда другъ друга искали, не нашли и разошлись въ противоположныя стороны.

Однимъ отрядомъ изъ кирасиръ и казаковъ командовалъ князь Голицынъ, а другими изъ легкой дивизіи и сводныхъ частей — баронъ Штакельбергъ. Голицынъ ушелъ въ Ропшу, а Штакельбергъ — въ Гатчино.

Его Высочество разсердился, протрубилъ отбой въ чистомъ полѣ и уѣхалъ домой.

Великій Князь былъ очень огорченъ плохими дѣйствіями кавалеріи и въ особенности плохой развѣдкою обѣихъ сторонъ, благодаря которой отряды могли разбиться, даже не подозрѣвая, что идутъ въ противоположныя стороны.

Его Высочество съ поля поѣхалъ купаться, а потомъ потребовалъ всѣхъ начальниковъ къ себѣ во дворецъ и строго распекъ.

Въ этотъ кавалерійскій маневръ Его Высочество и мы за нимъ и съ приказаніями метались изъ стороны въ сторону, какъ шальные.

Не слѣзая, я сдѣлалъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ верстъ; былъ въ Хайдемякахъ, Высоцкомъ, Кипени, откуда Великій Князь послалъ меня искать кирасиръ. Я нашелъ ихъ подъ Гатчино, вернулся черезъ Скворицы въ Кипень, откуда черезъ Высоцкое нагналъ Великаго Князя подъ Краснымъ. Легко это пишется, но не легко ѣздится, и мнѣ даромъ не прошло.

Въ іюлѣ наѣхали иностранцы: эрцгерцогъ Вильгельмъ со свитой изъ десяти австрійцевъ.

Лагерь окончился рано, а потому изобиловалъ трудными занятіями: ученіями, маневрами и тревогами, такъ что въ праздники мы иногда остаемся въ Красномъ, чтобы отлежаться и отдохнуть.

Перваго іюля корпусный маневръ продолжался съ восьми до двухъ часовъ.

Бѣдному Додо Орлову лошадь наступила на ногу и сломала косточку въ ступнѣ, которая идетъ къ мизинцу. Несмотря на боль, шалый казакъ отѣздивъ весь маневръ и, только пріѣхавъ домой, когда докторъ срѣзалъ сапогъ, убѣдился въ изломѣ.

На вопросъ Его Высочества: „чего ты раньше не слѣзь?“ Орловъ отвѣтилъ: „не хотѣлъ передъ нѣмцами срамиться и слѣзть съ коня“. Къ счастью переломъ этотъ легко выноится, такъ что онъ можетъ ходить на костыляхъ и ѣхать къ женѣ за границу.

У Клейнмихеля сегодня родилась дочь Марія. Мы очень обрадовались и поздравляли его съ званіемъ отца.

Лагерь кончился 17 іюли, и я уѣхалъ къ своимъ въ деревню.

Въ началѣ сентября я получилъ телеграмму, что Его Высоче-

ство ѣдетъ на Востокъ и къ Святымъ мѣстамъ и беретъ меня съ собою.

Путешествіе это описано мною и уже вышло вторымъ изданіемъ, а потому пропускаю его въ этихъ статьяхъ съ тѣмъ, чтобы оно вошло въ полное изданіе моихъ воспоминаній, которое имѣю въ виду сдѣлать вслѣдъ за окончаніемъ печатанія въ „Русской Старинѣ“ настоящихъ статей, заканчивающихся дневникомъ „Похода на Востокъ“, и послѣднихъ лѣтъ жизни Великаго Князя.

Послѣдующіе годы послѣ 1872 года въ общемъ мало отличались отъ только-что описаннаго. Зимой ѣздили на балы, производили Инспекторскіе смотры; въ лагеряхъ работали съ усердіемъ.

Въ 1874 году пріѣзжалъ эрцгерцогъ Альбрехтъ и былъ громадный наѣздъ иностранцевъ въ числѣ тридцати семи человекъ.

Эрцгерцогъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Великимъ Княземъ. Какъ полководецъ — онъ высоко цѣнитъ въ Его Высочествѣ военачальника.

За этотъ лагерь намъ тоже очень досталось; такъ послѣ парада, на которомъ войска показались въ отличнѣйшемъ видѣ, и Государь остался въ полной мѣрѣ доволенъ,—вечеромъ нѣкоторыя части выступили уже на малый маневръ.

Государь, дѣлая разводъ въ Измайловскомъ полку, вслѣдъ затѣмъ ударилъ тревогу, которую всѣ ожидали, а потому, Государь не успѣлъ оглянуться, какъ войска сосредоточились. Учились, какъ нельзя лучше. Иностранцы шныряли по всѣмъ угламъ.

Въ этомъ году лѣтомъ пріѣзжалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ Ольгой Фёдоровной. Одиннадцатаго, въ Ольгинъ день, я слушалъ въ Михайловскомъ обѣдню, цѣловалъ Великой Княгинѣ руку и завтракалъ у Ихъ Высочествъ.

Въ этотъ лагерный сборъ Великій Князь остался очень доволенъ ученіемъ всей кавалеріи.

Съ начала лагеря Его Высочество ежедневно совершалъ два объѣзда домашнихъ занятій войскъ.

Вездѣ стараніе и усердіе.

Въ Преображенскомъ полку Великій Князь неожиданно замѣтилъ плохое обученіе баталіона, происшедшее по объясненію командующаго полкомъ полковника Авинова оттого, что былъ четвергъ, а въ этотъ день у нихъ обѣдъ съ пріличнымъ возліяніемъ.

Великій Князь разсердился, разнесъ и сдѣлалъ выговоръ всему начальству по командѣ.

Поѣздивши дней десять, Его Высочество приступилъ къ бригаднымъ смотрамъ кавалеріи.

Части учились очень чисто, спокойно и хорошо, за исключеніемъ кирасиръ Его Величества.

Затѣмъ Великій Князь дѣлалъ лично кавалерійскій и корпусный маневры.

Лагерь кончился поздно: седьмого августа около Царскаго Села.

Распределение нашей лагерной жизни измѣнилось, встаемъ въ восемь утра, ученіе въ девять, а вечернее—въ пять часовъ; завтракъ въ двѣнадцать, а обѣдъ въ восемь. Театръ два и три раза въ недѣлю. Большимъ успѣхомъ пользуются „Перикола“ и „Пигмалионъ и Галатея“ съ Чернявской. „Свадьбу Кречинскаго“ давали съ Монаховымъ очень плохо; вынесъ пьесу на своихъ плечахъ Расплюевъ-Виноградовъ.

Зато превосходно исполняли комедію „Мужья одолѣли“ съ Василюемъ Васильевичемъ Самойловымъ.

Балетъ въ этотъ лагерный сезонъ отчаянный. Чтобы не озлитъ публику, пригласили Евгенію Соколову. Давали второе дѣйствіе „Фіаметты“. На репетиціяхъ я игралъ соло для виолончели „chanson à boire“ Минкуса, подъ звуки котораго танцуетъ „Фіаметта“. Миѣ аплодировали, потому что удавалось исполнить этотъ номеръ съ жаромъ и страстью.

Первый разъ, когда я рѣшился играть это solo, танцевала очаровательная Вергина, потомъ Соколова и наконецъ—Ваземъ.

Въ дни, когда нѣтъ театра—Его Высочество играетъ въ карты, чего прежде никогда не бывало.

Съ Галлѣ было забавное приключеніе: онъ сталъ ухаживать за Марконе, которая жила въ Красномъ, и преподносилъ обыкновенно ей букеты во время спектакля.—На-дняхъ такой букетъ попалъ въ ложу къ пріѣзжимъ австрійцамъ и вызвалъ полное недоумѣніе.

Клейнмихель возвратился изъ Маріенбада, но не прекратилъ злоупотребленія питьемъ.

Всѣ мои просьбы и предостереженія ни къ чему не ведутъ, онъ только огрызается, какъ лютый волкъ, и не шутя сердится.

Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ занялся барышничествомъ: продаетъ и покупаетъ лошадей, пользуясь тѣмъ, что его менторъ Спягинъ за границей.

Съ начала лагеря купилъ лошадь у Великаго Князя за шестьсотъ рублей, въ тотъ же день, какъ негодную, продалъ Леонтьеву за триста. Затѣмъ свою лошадь Алабцова—уступилъ подъ собственное сѣдло Государя Наслѣдника; — это единственный благоразумный поступокъ, затѣмъ ежедневно сталъ ѣздить въ конвой покупать и мѣнять лошадей.

Съ этого лагеря Его Высочество измѣнилъ обязательныя скачки офицеровъ слѣдующимъ образомъ: онъ неожиданно подѣхалъ въ концѣ ученія ко второй легкой кавалерійской дивизіи, вызвалъ всѣхъ офицеровъ и приказалъ скакать на призы по обозначенному вѣхами пути кругомъ Дудергофа, черезъ поля, канавы, лѣсъ, горы и болота—дистанція 4 версты 50 саженой.

Скакало 75 офицеровъ со своими командирами. Первымъ пришелъ черезъ девять минутъ—уланъ, вторымъ—конногренадеръ; третьимъ—опять уланъ, четвертымъ—конно-артиллеристъ.

Затѣмъ группы уланъ, конногренадеръ и драгунъ. Первый гусаръ показался черезъ 14 минутъ, такъ что побѣду захватили въ свои руки уланы.

Лагерь благополучно окончился перваго августа.

Со мной былъ странный случай: весь лагерь я ѣздилъ осмотрительно, потому что имѣлъ предчувствіе, что упаду. Когда былъ поданъ Государемъ отбой на большихъ маневрахъ и сборъ начальниковъ, Великій Князь поскакалъ по пахотному полю. Я подумалъ: ну, вотъ тебѣ и глупое предчувствіе—лагерю конецъ, и я не упалъ! Въ это самое время мой „Бурка“ споткнулся передними ногами, упалъ черезъ голову, а я, какъ ракета, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ впередъ, но безъ послѣдствій для себя, только мундиръ лопнулъ подъ мышками и во всю спину.

Г л а в а VII.

Поѣздка въ Варшаву 17 августа 1876 года.—Царскіе смотры.—Болѣзнь его Высочества.—Приглашеніе на маневры въ Германію.—Представленіе королю Саксонскому, Императору и принцамъ, королевѣ.—Спектакль Gala.—Иллюминація.—Заря.—Ужинъ у нашихъ хозяевъ.—Корпусный маневръ.—Поѣздка въ Мерзебургъ.—Парадъ.—Обѣдъ.—Представленіе императрицѣ Августѣ.—Поѣздка въ Лейпцигъ.—Шрейберъ.—Катанье по городу и окрестностямъ.—Сцена въ саду изъ „Фауста“ Гете.—Маневръ 4-го корпуса.—Соборъ и замокъ въ Мерзебургѣ.—Мѣсто сраженія подъ Росбахомъ.—Дрезденъ.

17-го августа 1876 года въ три часа дня Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ выѣхалъ съ царскимъ поѣздомъ въ Варшаву.

Его свита съ частью свиты Государя и чинами главной квартиры выѣхала въ полдень въ добавочномъ царскомъ поѣздѣ. Въ Варшавѣ Великій Князь былъ помѣщенъ въ Лазенкахъ. Государь остановился въ Бельведерѣ.

Въ 1876 году послѣ поѣздки Его Высочества на Кавказъ, во все время лагеря Государь былъ необыкновенно внимателенъ къ Великому Князю.

На Востокѣ уже загоралось пламя войны, въ газетахъ раздувался славянофилами славянскій вопросъ: появился Черняевъ, потянули добровольцы въ Сербію, шло какое-то глухое броженіе.

Государь во всѣхъ своихъ обращеніяхъ къ войскамъ проявлялъ необыкновенную сердечность, а по окончаніи большого маневра, высказывая свое удовольствіе начальникамъ и благодаря за все видѣнное, сказалъ:—„вы знаете, какъ мнѣ дорога ваша кровь“. Слова эти указывали, что не сегодня—завтра можемъ дойти до разрыва съ Турціей.

Его Высочество трезво смотрѣлъ на это броженіе, видѣлъ въ немъ чужую волю, которая вліяла на Государя и могла привести Его къ объявленію войны. Проблески самостоятельной дѣятельности славянофиловъ, которые вели свою политику, раздражали Великаго Князя. Кромѣ того Его Высочеству была хорошо извѣстна неподготовленность къ войнѣ нашего военного министерства.

По пріѣздѣ въ Варшаву, начались царскіе смотры и парады; между тѣмъ Великій Князь опять заболѣлъ.

Первые симптомы болѣзни проявились слегка еще въ Красномъ Селѣ на большомъ корпусномъ маневрѣ 1876 года.

У Его Высочества были спазматическія схватки въ желудкѣ, такъ что онъ принужденъ былъ слѣзть съ лошади и переѣзжать съ мѣста на мѣсто въ экипажѣ, распорядясь маневромъ, сидя въ коляскѣ и лежа на землѣ.

Въ Варшавѣ Великій Князь такъ расхворался, что слегъ въ постель; это случилось впервые съ 1864 года, что я находился при Великомъ Князѣ.

Было воскресенье, Государь назначилъ перковный парадъ при церкви Лазенковскаго дворца. Его Высочество послалъ меня доложить Его Величеству, что онъ извиняется, слегъ въ постель и не можетъ присутствовать на парадѣ.

Государь пришелъ навѣстить больного по окончаніи службы, а такъ какъ Великій Князь былъ приглашенъ Императоромъ Вильгельмомъ на маневры въ Германію, то Его Высочество испросилъ разрѣшеніе послать туда впередъ полковника Левицкаго и меня.

День былъ жаркій, послѣ полудня разразилась гроза съ необычайно сильными ударами, изъ которыхъ одинъ поразилъ почти шибую роту въ лагеряхъ на Повонзкахъ.

Молнія прошла по палаткамъ и поразила до 70 человекъ, изъ которыхъ нѣсколько было убито.

Утромъ 24-го, по случаю отъѣзда Левицкіи и я явились къ Государю. Его Величество велѣлъ намъ передать свой поклонъ императору Вильгельму и королю Саксонскому.

Мы зашли также откланяться фельдмаршалу князю Барятинскому.

Въ это время въ книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ я печаталъ наше „Путешествіе по Востоку и Святой землѣ“. Фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что ему очень нравится мое описаніе, и спросилъ, буду ли я его продолжать?

— „Надѣюсь скоро его окончить“,—отвѣтилъ я, а между тѣмъ печатаніе послѣднихъ главъ состоялось только черезъ годъ по возвращеніи изъ кампаніи 1877—1878 годовъ.

Поцѣловавъ руку дорогому Великому Князю, въ часъ съ половиною дня мы уже сидѣли въ поѣздѣ и мчались на Берлинъ.

Прощаніе съ Его Высочествомъ меня совсѣмъ разстроило. Въ первый разъ послѣ двѣнадцати лѣтъ я оставилъ Великаго Князя больного въ постели. Въ такія минуты чувствуешь всю силу сердечной привязанности. При прощаніи, отъ необычной обстановки у меня на глазахъ навернулись слезы. Великій Князь привѣтливо взглянулъ на меня и сказалъ:

— „Кланяйся отъ моего имени королю Саксонскому и скажи, что я очень жалѣю, что болѣзнь лишаетъ меня возможности воспользоваться его милымъ приглашеніемъ; королевѣ — поклонись и поблагодари ее за цвѣты, которые она мнѣ дала при нашемъ послѣднемъ свиданіи; императору доложи, что я надѣюсь скоро поправиться и пріѣхать на маневры въ Берлинъ“.

Находясь подъ грустнымъ впечатлѣніемъ нашего отъѣзда, я почти не смотрѣлъ на окрестности, которыя мы проѣзжали, и весь ушелъ въ себя и только, имѣя въ виду предстоящіе большіе кавалерійскіе маневры, замѣтилъ лишь одно, что вся мѣстность открыта и способна для дѣйствій громаднѣйшихъ массъ кавалеріи, а для пѣхоты, кромѣ лѣсовъ и деревень въ складкахъ мѣстности, мало прикрытій.

Съ темнотою я сталъ мечтать и любоваться звѣздами. Взошла луна и залила своимъ нѣжнымъ синеватымъ свѣтомъ покоившіяся въ невозмутимой тишинѣ окрестности. Вѣтеръ до того затихъ, что, казалось—въ этихъ, рукою человѣка посаженныхъ сосновыхъ лѣсахъ и старательно воздѣланныхъ поляхъ—природа никогда не проявляла своей разрушительной силы. Мои излюбленныя звѣзды: Вега, Арктуръ, Капелла, Делибъ изливали свой чудный свѣтъ и, нѣжно мерцаая, утѣшали меня надеждою на скорое выздоровленіе Великаго Князя, вызывая болѣе спокойное душевное настроеніе.

Въ 6 ч. утра 25 августа мы пріѣхали въ Берлинъ. Видно, какъ городъ начинаетъ расти, перестраиваться и наяряться.

На улицахъ чистота и несмотря на ранніе часы—уже много рабочаго и служащаго люда.

Мы переѣхали на Ангальтскій вокзалъ и въ 11^{1/2} ч. прибыли въ Лейпцигъ.

Городъ старый, средневѣковый; улицы, церкви, все носитъ чисто нѣмецкій обликъ.

Высокіе дома, магазины разукрашены флагами, штандартами, поставлены триумфальныя арки.

Контуры средневѣковыхъ зданій, какъ напримѣръ Ратуша—пріятно тѣшатъ глазъ.

Среди украшеній множество дубовыхъ вѣнковъ, соединенныхъ гирляндами.

На дебаркадерѣ насъ встрѣтилъ унтеръ-офицеръ, приставленный къ намъ на вѣсти. Мы сѣли въ коляску и отправились въ частный домъ, отведенный намъ подъ постой.

Зданіе находилось среди сада; хозяева, должно быть, очень богаты, — судя по входу, лѣстницѣ и отведеннымъ намъ комнатамъ. Обѣ наши спальни были обиты синимъ штофомъ, кровати съ балдахинами.

Мы должны были быстро одѣться и ѣхать представляться королю. Король принялъ насъ весьма милостиво.

Лейпцигскій предоставилъ мнѣ слово, хотя онъ весьма порядочно владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ.

Король очень жалѣлъ, что Великій Князь не могъ пріѣхать, расспрашивалъ насъ о принадлежности къ оружію, о занимаемыхъ должностяхъ, о предстоящемъ большомъ кавалерійскомъ маневрѣ; сожалѣлъ, что не можетъ принять насъ у себя во дворцѣ, по его незначительности, и объяснилъ, что всѣ пріѣзжіе гости любезно разобраны зажиточными гражданами города.

Военный министръ Фабриціусъ и принцъ Георгъ Саксонскій приняли насъ также любезно и также интересовались предстоящимъ большимъ кавалерійскимъ маневромъ.

Затѣмъ мы поѣхали на парадный обѣдъ, накрытый въ обширномъ залѣ общества стрѣлковъ. Король провозгласилъ тостъ за Императора, въ которомъ высказалъ удовольствіе саксонскаго народа, въ первый разъ встрѣчающаго у себя своего славнаго Императора и полководца.

— „Императоръ среди насъ“, обратился онъ къ военнымъ, „и видить, что мы послѣ войны и побѣдъ продолжаемъ заниматься и совершенствоваться“.

Императоръ благодарилъ и, подтвердивъ слова короля, сказалъ, что—„Германцы въ тѣсномъ союзѣ будутъ всегда страшны врагамъ“.

*

Послѣ обѣда насъ представили Императору. Его Величество выразилъ сожалѣніе, что Великій Князь заболѣлъ, и Его не будетъ на маневрѣ: „тѣмъ болѣе, что онъ военный“ — и, присанившіе и сверкнувъ глазами, прибавилъ:— „и какой военный!“

— „Я очень высокаго мнѣнія о военныхъ способностяхъ Великаго Князя“, добавилъ Императоръ.

Наслѣдный принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ необыкновенно симпатиченъ, какъ говорится, душа-человѣкъ,—подробно спрашивалъ о болѣзни Великаго Князя и, было ясно видно, что онъ дѣйствительно любитъ Великаго Князя и сожалѣетъ, что не встрѣтится съ Его Высочествомъ.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ представить Великому Князю своихъ трехъ дочерей.

Великій герцогъ Веймарскій — большой приверженецъ Россіи, спрашивалъ о Государѣ.

Принцъ Альбертъ Прусскій, Шефъ нашего Митавскаго полка, восхищался Великимъ Княземъ и рассказывалъ, какъ онъ конфузился, когда Его Высочество подалъ ему почетный рапортъ.

Королева Саксонская, еще очень видная и красивая женщина, выразила благодарность за переданный мною поклонъ отъ Его Высочества и удивилась памяти Великаго Князя, что онъ не забылъ того, что было 24 года тому назадъ.

Прямо съ обѣда насъ повезли въ городской театръ на спектакль Gala; зало было необыкновенно парадное.

Императоръ сидѣлъ на креслѣ среди большой царской ложи: справа король, слѣва королева и безконечный рядъ принцевъ и принцессъ.

Композиторъ Рейнеке исполнялъ сочиненную имъ кантату: на первый пріѣздъ Императора въ страну, послѣ объединенія Германіи.

Само собою разумѣется, пріемъ Императора былъ восторженный.

Въ антрактѣ мы вышли на террасу, съ видомъ на иллюминаванную площадь. Картина была грандіозная: по сторонамъ площади тянулся рядъ триумфальныхъ арокъ, на противоположномъ зданіи горѣли колоссальные щиты.

При выходѣ Императора на балконъ раздалось потрясающее воздѣхъ привѣтствіе, и велѣдъ за тѣмъ началось факельное шествіе съ хорами музыки отъ всѣхъ Саксонскихъ войскъ.

Хоры, выстроившись передъ балкономъ, сыграли нѣсколько пьесъ и заключили концертъ зарею и молитвою: „Коль славы нашъ Господь въ Сіонѣ“.

Затѣмъ продолжался спектакль Gala, а наша грудь украсилась орденомъ „Альберта Великодушнаго“.

Было уже 11 часовъ, когда мы пѣшкомъ вернулись домой. Мы оба падали отъ усталости.

Войдя въ обширную переднюю, я успѣлъ замѣтить черезъ полуоткрытыя дѣри справа—сервированный столъ.

Комнаты наши были во второмъ этажѣ.

— „Казиміръ Васильевичъ, обратился я къ Левицкому, ты замѣтилъ сервированный столъ? Значить, насъ сейчасъ позовутъ ужинать, и мы будемъ имѣть честь представиться нашимъ хозяевамъ“!

— „Ты можешь идти, а я не пойду“, рѣшительно отвѣтилъ Левицкій и началъ раздѣваться.

— „Не раздѣвайся, это тебѣ не поможетъ, мы должны представиться хозяевамъ“.

— „Ну ты и представляйся, а я не пойду“.

Раздался легкій стукъ въ двери.

— „Войдите“, сказалъ я.

Вошелъ элегантно одѣтый лакей и отъ имени хозяевъ просилъ насъ спуститься къ ужину.

— „Кто наши хозяева“, обратился я къ человѣку съ вопросомъ.

— „Вдова Х. съ двумя дочерьми“.

— „Ну, поблагодарите за приглашеніе и доложите, что мы тотчасъ же придемъ. Казиміръ Васильевичъ, ты слышалъ, ты будешь продолжать упорствовать, когда наши хозяева оказываются дамы“?

— „Чортъ ихъ побери“, отвѣтилъ Левицкій и началъ одѣваться.

Мы спустились и взаимно представились.

Вдова Х. оказалась очень милой дамой съ двумя хорошенькими дочерьми и женатымъ сыномъ. Какъ мы узнали впоследствии, наши хозяева были поражены, увидя двухъ молодыхъ полковниковъ, такъ какъ они ожидали встрѣтить солидныхъ стариковъ.

Ужинъ прошелъ несбыкновенно весело. Барышни были очаровательны, въ особенности младшая, стройная блондинка съ тонкими чертами миловиднаго личика и черными искрящимися глазками.

Левицкій былъ веселымъ застольникомъ; пили много шампанскаго, смѣялись и, повидимому, оставшись вполне довольны другъ другомъ, разошлись въ три часа ночи.

Въ 7 час. утра на другой день мы отправились на корпусный маневръ; проѣхали черезъ Пробстхейде, Васнау въ Груна.

Въ 8 час. пріѣхалъ король, а за нимъ Императоръ.

Императоръ со свитой проѣхалъ на курганъ „Трехъ Монарховъ“, съ котораго мы долго слѣдили за развитіемъ маневра.

Мы съ Левицкимъ увлекались не столько маневромъ, сколько открывавшаяся передъ нами историческою мѣстностью битвы народовъ.

На курганъ мы пробѣжали, какъ разъ тѣмъ путемъ, по которому пробѣжали наши лейбъ-казаки и, ударивъ во флангъ французской кавалеріи, опрокинули ихъ массовую атаку.

Между тѣмъ, съ пріѣздомъ Императора, Саксонскій корпусъ открылъ дѣйствіе наступленіемъ.

Пѣхотныя цѣпи проходили открытыя мѣста бѣгомъ.

Артиллерія дѣйствовала съ мѣста первоначально занятой позиціи отъ 2—3 версты позади наступавшей пѣхоты. Резервы цѣпи держались отъ нея весьма близко. Маневръ окончился бѣглымъ огнемъ всей пѣхоты и атакою кавалеріи съ праваго фланга.

Императоръ объѣзжалъ линіи, благодарилъ войска, которыя затѣмъ перестроились въ общую колонну для церемоніальнаго марша. Кавалерія проходила галопомъ.

Намъ очень понравился ея конскій составъ. Вернувшись съ маневра, мы должны были отправиться на парадный обѣдъ.

Вечеръ провели опять у нашихъ радушныхъ хозяевъ и такъ увлеклись, что опоздали на поѣздъ прямого сообщенія съ Мерзебургомъ.

Оказалось возможнымъ доѣхать до какой-то узловой станціи, отъ которой добраться до Мерзебурга возможно въ экипажѣ.

Мы это продѣлали, доѣхали до узловой станціи, нашли извозчика и покатали по обсаженнымъ пирамидальными тополями шоссированнымъ дорогамъ.

Стало разсвѣтать, по сторонамъ вырисовывались каменные постройки имѣній и сель. Вся окрестность покоилась глубокимъ сномъ. Мы дремали и покачивались изъ стороны въ сторону.

Левицкій ворчалъ, приписывая мнѣ всѣ увлеченія дамскимъ обществомъ.

Наконецъ, показались высокія зданія древняго Мерзебурга на Заалѣ съ четырехъ-башеннымъ знаменитымъ соборомъ.

На мѣсто мы прибыли только къ разсвѣту; городъ еще спалъ.

Квартира намъ была отведена опять таки у вдовы, но пастора. Намъ снова пришлось спать только три часа.

Наши неудачи продолжались: парадъ былъ назначенъ въ 10 ч., а ревностный полковникъ, приставленный къ иностранцамъ, вывелъ насъ къ 8-ми часамъ.

Шель мелкій дождь, и мы вынуждены были мокнуть до 9¹/₂ ч.

Къ 10-ти часамъ дождь пересталъ, но во время прохожденія снова полилъ, и насъ поставили правѣе трибуны.

4-й корпусъ стоялъ въ двѣ линіи: въ 1-й — вся пѣхота, во 2-й кавалерія, артиллерія и понтоны.

Къ 10-ти часамъ прибылъ Императоръ. Какъ только онъ по-

казался, и было скомандовано: „на караулъ“ — войска закричали: „Ура!..“

При объѣздѣ шагомъ Императоръ здоровался съ каждымъ баталіономъ, за нимъ ѣхала въ ландо Императрица Августа.

Сначала проходили по-ротню, пѣтушинымъ шагомъ, но, какъ говорятъ, значительно улучшеннымъ, кавалерія—по полузэскадронамъ; второе прохожденіе—нашими Александровскими колоннами, которыя здѣсь называютъ „рускими“. Кавалерія по-эскадронно.

Принимая во вниманіе всѣ дурныя условія, какъ: грязь, встрѣчный дождь и т. п. — надо отдать справедливость, что парадъ 4-го корпуса былъ блистательный. Во всѣхъ трехъ оружіяхъ виденъ одинъ глазъ, одна внушающая воля.

Послѣ парада поскакали домой, всѣ ужасно устали.

Въ 4 ч. былъ назначенъ обѣдъ въ замкѣ. У насъ не было экипажа, и насъ повезъ нашъ Свиты Генераль Рейтеросъ, состоявшій при особѣ Императора Германскаго. Старый замокъ отлично сохраненъ.

Къ обѣду, кромѣ свиты и иностранцевъ, приглашались всѣ проживающіе въ Мерзебургѣ и окрестностяхъ отставные генералы.

Во время пребыванія Императора отставные генералы всегда приглашаются и ѣздятъ за Императоромъ въ числѣ его свиты.

За обѣдомъ мы сидѣли между генералами, и наши сосѣди весьма симпатично говорили о Россіи, о положеніи Восточнаго вопроса и той поддержкѣ, которую Императоръ Александръ оказалъ Германіи во Франко-Прусской войнѣ.

Послѣ обѣда насъ представили Императрицѣ Августѣ. Она весьма любезно и сочувственно отнеслась къ Великому Князю.

Императоръ извинялся, что дурная погода мѣшала параду.

— „Тѣмъ не менѣе, отвѣтилъ я, парадъ былъ блистательный, Ваше Величество, въ особенности удачно проходили колоннами“.

— „Да, отвѣтилъ Императоръ, я перенялъ это прохожденіе отъ васъ, и оно моимъ войскамъ очень понравилось“.

— „У насъ, отвѣтилъ я, это прохожденіе называется Александровскими колоннами“.

— „А мы называемъ ихъ русскими“,—сказалъ Императоръ.

На слѣдующій день въ субботу маневръ былъ отказанъ по нездоровью Императора.

У насъ оказалось два свободныхъ дня.

Мы рѣшили съ Левицкимъ провести ихъ въ Лейпцигѣ у нашихъ радушныхъ хозяевъ.

Въ купе мы встрѣтились съ секретаремъ, или вѣрнѣе сказать—чте-

помѣ Императора, Шрейберомъ, типичнымъ старикомъ съ большими сѣдыми волосами.

Онъ заговорилъ съ нами по-русски и повелъ весьма интересный разговоръ о красотѣ русскаго языка, о славянахъ, населяющихъ страну до Эльбы, о вендахъ, до сихъ поръ говорящихъ на своемъ языкѣ, о коренастыхъ бранденбургцахъ, какъ смѣси славянъ съ нѣмцами.

Онъ распространялся о будущемъ славянъ, о великой будущности Россіи, о невозможности у насъ революціи, объ историческомъ законѣ,—что только изъ центра возможна перемѣна, провинція никогда ничего не добивалась.

Слушая его, мы незамѣтно подъѣхали къ Лейпцигу. Хозяева очень обрадовались нашему приѣзду.

Мы ужинали и провели прелестный вечеръ, составивъ программу на завтрашній день.

На слѣдующее утро, къ 8-ми часамъ, всѣ собрались къ кофе, чтобы вслѣдъ затѣмъ поѣхать кататься по городу и по нѣкоторымъ его знаменитымъ окрестностямъ.

Я не ожидалъ увидѣть среди распаханной и рассаженной деревьями германской культуры дубовый лѣсъ, во всей его первобытной красѣ. Лѣсъ этотъ тянется на нѣсколько верстъ по направлению къ Мерзебургу, составляетъ городскую собственность и гордость Лейпцига.

Мѣстами мнѣ казалось, что я ѣду по своему Нижегородскому лѣсу на рѣкѣ Пьянѣ. Тѣ же дубы въ два-три обхвата и густообразная подъ ними поросль.

Изъ лѣса мы выѣхали въ селеніе съ памятникомъ Блюхеру и Горку, затѣмъ вернулись въ городъ, проѣхали по кварталамъ, гдѣ всѣ улицы засажены деревьями, а богатые дома съ причудливою архитектурой, окружены садами и роскошными цвѣтниками.

Всюду видна зажиточность и довольство.

Затѣмъ проѣхали черезъ другой лѣсъ Кетхенъ къ башнѣ Наполеона на полѣ Лейпцигскаго сраженія; онъ въ видѣ памятника съ надписями и окруженъ изящною рѣшеткой.

Возвратились домой передъ обѣдомъ: молодыя хозяйки предложили намъ прогуляться по саду, въ которомъ, кромѣ массы цвѣтовъ, было много фруктовыхъ деревьевъ и веранда съ виноградомъ.

Барышня съ искриющимися глазками повела меня по саду и стала показывать свои цвѣтовые грядки, птичникъ и голубятникъ.

Дѣвушка мнѣ нравилась.

Декоративная обстановка окрестности напоминала зданіями и церковными башнями садъ изъ Фауста, Гете.

Слѣдѹя за нею, я чувствовалъ, какъ чары, загубившія Гретхенъ, вмѣстѣ съ ароматами цвѣтовъ стали проникать въ грудь и сердце и туманить мнѣ голову. Левикій, какъ Мефистофель, гуляя съ другими, способствовалъ нашему уединенію.

Я переживалъ чудныя минуты и, не думая о послѣдующемъ, живя мгновеніемъ, нашептывалъ невинныя слова упоенія, которыя вызывали на личико моей слушательницы яркій румянецъ, при чемъ глазки и порывистыя движенія невольно выдавали усиленное волненіе ихъ обладательницы.

Мы подошли и скрылись въ верандѣ съ виноградомъ. Я взялъ и поцѣловалъ ея ручку.

Она глубоко вздохнула и посмотрѣла мнѣ въ глаза—такъ мило, такъ любовно, что я упрекнулъ себя и осудилъ свое увлеченіе.

Послѣ обѣда, когда уже смерклось, и звѣзды ярко заблестѣли на темномъ фонѣ неба, мы простились и уѣхали въ Мерзебургъ.

Неподдѣльное радѹшіе нашихъ хозяевъ до того очаровало насъ, что мы разставались съ сокрушеніемъ въ сердцахъ.

30-го августа, въ 8 ч. утра, мы поѣхали на маневръ 4-го корпуса. Въ дѣйствіяхъ этого корпуса было гораздо болѣе связи, чѣмъ у саксонцевъ.

Послѣ маневра, Императоръ подѣхалъ къ намъ и поздравилъ съ тезоименитствомъ Государя, а затѣмъ, спросивъ: довольны ли мы маневромъ, самъ произнесъ небольшую критику, извиняя близость дѣйствія 2-й линіи необходимостью и желаніемъ лично видѣть всѣ участвующія войска.

— „Поддержка, замѣтилъ Императоръ, должна направляться преимущественно, охватывая флангъ противника, или—въ другомъ направленіи противъ атаки противника, чтобы не подвергнуться участи первой линіи“.

Потомъ подѣхалъ наследный принцъ и улыбулся, говоря о картинности маневра, напомилавшей ему знаменитый маневръ подѣ Калишемъ и изображеніе послѣдняго на вазахъ.

На слѣдующій день 31 августа происходилъ маневръ между 4-мъ и 12-мъ (Саксонскимъ) корпусомъ.

Мы сѣли въ поданный намъ допотопныхъ формъ рыдванъ, на половину покрашенный въ желтую краску, съ ямщикомъ, одѣтымъ въ традиціонную форму французскихъ почталіоновъ.

Къ 9¹/₂ мы прибыли въ деревню Шладебахъ, гдѣ стояли лошади для свиты и иностранцевъ.

Такъ какъ въ розданныхъ намъ планахъ и задачахъ маневровъ можно было усмотрѣть кавалерійское дѣло на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса, то мы и направились туда, но Саксонцы не воспользова-

лись своимъ преимуществомъ и не атаковали слабѣйшую часть кавалеріи 4-го корпуса, стоящую за Альтрандштеттомъ, въ ожиданіи занятія этого мѣстечка своею пѣхотою. Когда же оно было взято, и Саксонцы перешли въ наступленіе, благоприятная минута была потеряна, и атака—неудачна.

Затѣмъ мы переѣхали къ пѣхотѣ 4-го корпуса и присутствовали при ея отступленіи вдоль болотистаго оврага отъ Шладебахъ на Грейнау.

Отступленіе происходило безъ прикрытія артиллеріею, кавалерія же перешла съ лѣваго фланга за оврагъ въ мѣста, по которымъ ей нельзя было дѣйствовать, а потому опять вернулась на оставленный ею лѣвый флангъ.

Тѣмъ временемъ Саксонцы развернулись въ превосходныхъ силахъ и стали тѣснить 4-й корпусъ.

Кавалерія 4-го корпуса, хотя и успѣла построить боевой порядокъ раньше вновь появившейся кавалеріи 12-го корпуса, но не воспользовалась этимъ, и когда произошло столкновеніе—то была отброшена превосходными силами успѣвшаго развернуться противника.

Артиллерія располагаетъ преимущественно въ тылу 1-ой линіи, постоянно дѣйствуетъ черезъ голову и почти не мѣняетъ позиціи, развѣ только въ самомъ концѣ передъ атакою, или въ преслѣдованіи.

Къ 4-мъ часамъ мы вернулись въ Мерзебургъ, а въ 5-ть пошли къ Императорскому обѣденному столу.

Мы приѣхали заблаговременно, а потому я успѣлъ осмотрѣть дворъ стараго замка.

Одна изъ прелестей этихъ средневѣковыхъ построекъ, кромѣ удачнаго мѣстоположенія, составляетъ удивительное разнообразіе архитектурныхъ линій, не переходящее никогда въ пестроту, главное — несимметричность и свобода во всемъ. Такъ и во дворѣ этого замка—съ одной стороны видна стѣна собора съ громадными стрѣльчатыми окнами и контръ-форсами, обвитыми плющемъ и дикимъ виноградомъ, другія три стороны составляютъ жилой замокъ и всѣ между собой не похожи: гдѣ подъѣздъ по серединѣ, гдѣ рядомъ съ воротами; тутъ выдающійся въ два этажа навѣсный балконъ, тамъ террасы на сводчатой галлерей; тутъ рядъ оконъ; тамъ барельефъ, или высѣченный громадный гербъ.

Все это перемѣшано и тѣмъ не менѣе составляетъ прелестное цѣлое, невольно вызывающее мечтательность и располагающее къ романтизму.

Соборъ въ Мерзебургѣ и этотъ замокъ тѣсно связаны съ моими юношескими воспоминаніями.

Будучи въ 3 спеціальному классѣ, я увлекся заданною мнѣ историческою темой „Борьба Императора Генриха VI съ Папою Григоріемъ VII“;—въ Мерзебургскомъ Соборѣ похороненъ Фридрихъ Швабскій—противникъ Генриха, избранный Императоромъ интригами приверженцевъ Григорія VII.

Какъ сильно было мое юношеское увлеченіе Императоромъ Генрихомъ, можно заключить изъ того, что я не пошелъ на могилу его противника.

На слѣдующій день 1 сентября маневръ начался въ 8 ч.

Во время дѣйствій мы замѣтили антагонизмъ между саксонцами и пруссаками.

Замѣчательно, какъ германскій народъ сочувствуетъ и увлекается маневрами, атакуетъ вмѣстѣ съ ротами и принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ эволюціяхъ. Около Императора постоянно собираются цѣлыя массы и кричатъ „hoch“!

Послѣ замѣчаній на маневръ Императоръ благодарилъ войска и сердечно простился къ Королемъ Саксонскимъ, которому вслѣдъ затѣмъ и мы откланялись.

Маневръ происходилъ противъ Росбаха, а послѣднія кавалерійскія атаки были произведены у подножья Янусберга, на которомъ поставленъ памятникъ этой достославной побѣды конницы.

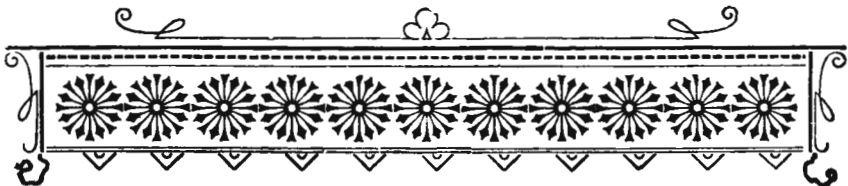
Высота Янусберга тянется въ видѣ невысокаго кряжа, покрытаго посквами, и напоминаетъ наши Кавелахтскія высоты. Она раздѣляетъ надвое гладкое плато, на одну изъ сторонъ котораго выскакалъ Зейдлицъ и разметалъ французовъ.

Послѣ завтрака въ полковомъ собраніи „Рессурсъ“, въ 4 ч. мы отправились на станцію, гдѣ за множествомъ народа съ трудомъ сдали свой багажъ.

Проѣхали Галле, полный воспоминаніями Лейпцига и въ полночь прибыли въ Дрезденъ; весь городъ спалъ, остановились въ гостиницѣ, противъ Брюльской террасы и съ трудомъ добились чаю.

Д. А. Скалонъ.

Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоумѣнію“.

I.

Извѣстно, что Императоръ Николай Павловичъ въ ранней молодости очень серьезно занимался инженерной наукой и специально изучилъ всё разносторонніе ея отдѣлы. Онъ любилъ это дѣло и вполне справедливо считался большимъ, глубокимъ знатокомъ его.—Особое пристрастіе, между прочимъ, онъ питалъ вообще къ казематированнымъ—сводчатымъ, постройкамъ;—то былъ вѣкъ широкаго распространенія ихъ въ фортификаціонномъ дѣлѣ и примѣненія въ инженерномъ искусствѣ.

Въ царствованіе Императора Александра I-го, въ 1820-мъ году, было основано Михайловское артиллерійское училище; оно помѣщалось съ самаго основанія своего, тамъ же, гдѣ находятся и теперь—по ту сторону Невы, на Выборской сторонѣ. Императоръ Александръ I тогда же намѣтилъ поставить по сю сторону рѣки, налѣво и направо отъ плашкоутнаго черезъ нее моста (Литейный, нынѣ Александровскій каменный) два большихъ зданія,—одно для устройства квартиръ офицерамъ гв. пѣшей артиллеріи, а другое для офицеровъ гв. конной артиллеріи. Тогда же, при торжествѣ открытія артиллерійскаго училища, Благословенный Царь сказалъ: „пусть впредь молодежь, съ успѣхомъ оканчивающая въ этомъ новомъ разсадникѣ курсъ потребныхъ для ея спеціальности наукъ,—тутъ же, по близости, и переходитъ на мѣсто фронтального служенія своего“.

Съ проектами постройки этихъ зданій вышли тогда какія-то задержки; Императоръ Александръ Павловичъ сошелъ съ исторической сцены,—скончавшись или, быть можетъ, какъ теперь, со

словъ народа, полагаютъ нѣкоторые даже серьезные историки-ислѣдователи, почилъ отъ дѣлъ,—а о постройкѣ квартиръ для офицеровъ, окончившихъ курсъ наукъ въ спеціальному артиллерійскомъ разсадникѣ,—всякая рѣчь замолкла.

Императоръ Николай Павловичъ, черезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи на престолъ, самъ вспомнилъ объ этой недомкѣ и велѣлъ: „въ кратчайшій срокъ представить проекты, чертежи, планы, смѣты на постройку квартирныхъ офицерскихъ домовъ по обѣ стороны вѣзда на мостъ на Литейномъ берегу, какъ предполагалъ незабвенной памяти Братъ Его Императоръ Александръ Павловичъ“.

Все было, конечно, представлено съ необыкновенной,—а для такихъ выдающихся случаевъ, каковымъ являлось личное требованіе Государя Николая I-го, съ обычной быстротой.

Государь самъ въ подробностяхъ разсмотрѣлъ все представленное, остался доволенъ, одобрилъ все, что видѣлъ, но при этомъ написалъ: „нижніе этажи обоихъ этихъ домовъ передѣлать теперь же въ проектахъ: ихъ лучше снабдить сводами; сводчатые потолки вообще крѣпче, прочнѣе и надежнѣе; затѣмъ можно, съ Божіею помощью, приступить къ возведенію зданій“.

Такимъ образомъ Императоръ-спеціалистъ, утвердивъ проекты, наложилъ на нихъ печать своихъ знаній, измѣнилъ ихъ „сообразно своему коньку“.

II.

Прошло два-три года; постройка шла своимъ порядкомъ.— Однажды, осматривая какія то вновь возведенныя казенныя зданія, Государь, какъ бы мимоходомъ, спросилъ: а какъ подвигается дѣло постройки зданій у плашкоутнаго черезъ Неву за арсеналомъ моста?

На докладъ Вел. Князя Михаила Павловича о томъ, что постройка подходит къ концу, Его Величество приказалъ непременно доложить ему, когда все будетъ готово.

Съ окончаніемъ работъ поторопились; мѣсяца черезъ три-четыре послѣ этого Государю доложено было о приведеніи работъ къ полному окончанію.

Докладъ объ этомъ тогда же привезъ Государю Великій Князь, захвативъ съ собой во дворецъ, на всякій случай, планы и пригласивъ инженеровъ, исполнявшихъ постройку.

Государь вышелъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, принялъ всѣхъ очень милостиво, въ шутку добавилъ, что послѣднее его напоминаніе вѣроятно встрепенуло строителей, подогнало, разбудило; затѣмъ Государь спросилъ—удачно ли выполнено то измѣ-

неніе, которое онъ ввелъ въ проектъ,—„хорошо ли вышло добавленіе сводовъ въ нижнихъ этажахъ“?

Главный исполнитель-инженеръ замялся; прошло двѣ-три минуты молчанія; Государь, не обративъ вниманія на заминку, сказалъ: „Ну, я на-дняхъ посмотрю все самъ; теперь у меня много дѣла здѣсь; затѣмъ я поѣду на нѣсколько дней въ Царское Село, а 28-го или 29-го октября вы мнѣ покажете всѣ ваши работы; очень интересно взглянуть на нихъ; какъ-то вы со всѣмъ этимъ справились!“

III.

Нѣкоторыя данныя указываютъ на то, что все это случилось въ годъ рожденія младшаго сына Государева—великаго князя Михаила Николаевича, т. е. въ 1832 году; при чемъ, если это вѣрно, то самый осмотръ зданій былъ произведенъ Государемъ недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ послѣ рожденія „будущаго генералъ фельдцейхмейстера“ (послѣ 13-го октября).

Въ общемъ Государь остался доволенъ исполненіемъ работъ; но при этомъ, какъ будто что-то чувствуя, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній; въ концѣ же концовъ, поблагодаривъ за труды, Государь сказалъ: безмѣрно легче было бы произвести эту работу и она вышла бы удачнѣе, если бы прямо былъ составленъ проектъ постройки со сводами; а, т. к. пришлось измѣнять, то и получились нѣкоторыя шероховатости, вызванныя затрудненіями передѣлки; это заставляетъ взглянуть снисходительнѣе на исполненіе всей постройки.

Какъ дрожали инженеры-строители, а въ особенности старшій производитель работъ и съ какою совѣстью всѣ они ушли съ этого царскаго смотра—можно себѣ вообразить.

Дѣло въ томъ, что съ минуты запроса Царева о томъ, на сколько удачно вышла постройка сводовъ,—до назначеннаго дня осмотра оставалось около мѣсяца.

Главный инженеръ, на запросъ Государя, не нашелся и не дерзнулъ что-либо отвѣтить и только Государь выручилъ его, скоро перебивъ сообщеніемъ о томъ, что самъ все осмотритъ. Какой оборотъ приняла бы вся эта исторія, если бы Государь назначилъ осмотръ на другой или на третій день—одному Богу извѣстно. Въ страшномъ смущеніи вышли отъ Государя инженеры, но младшіе изъ нихъ равнялись на старшаго и потому выжидали молча послѣдствій заваренной этимъ старшимъ каши.

Получивъ въ свое время изъ рукъ Государя резолюцію, которою рекомендовалась замѣна потолоковъ нижнихъ этажей сводами, старшій

инженеръ рѣшилъ не измѣнять проекта: къ чему я буду измѣнять разъ извѣстно, что смѣта измѣнена не будетъ, и кредитъ на постройку, не будетъ увеличенъ; зачѣмъ я буду удорожать постройку себѣ въ убытокъ; постройка продлится года три, Государь къ тому времени забудетъ объ этой мелочи,—мало ли у него заботъ, точно не объ чемъ думать ему помимо этихъ двухъ артиллерійскихъ домовъ; не все ли равно, со сводами я ихъ выведу или безъ сводовъ.

IV.

Вотъ о какихъ разсужденіяхъ главнаго строителя передавалось изъ устъ въ уста въ то время, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ произведеннаго Государемъ осмотра пресловутыхъ домовъ тѣхъ, начали глухо ходить слухи о смѣлой продѣлкѣ инженера.

Удивительною является наглая находчивость, съ которою, столь счастливо для себя, вышелъ изъ этой исторіи инженеръ. Дабы съ пользою употребить тѣ три съ лишнимъ недѣли, которыя оставались до царскаго осмотра, инженеръ безъ малѣйшаго промедленія подвелъ въ обоихъ домахъ арки изъ дюймовокъ, укрѣпилъ ихъ, покрылъ известкой или цементомъ, а затѣмъ замазалъ гипсомъ, и вышли искусственные своды, мало по наружному виду отличавшіеся отъ настоящихъ, а въ существѣ нисколько не укрѣплявшіе нижнихъ этажей этихъ домовъ.

Разсказываютъ, что прошло около 20 лѣтъ, пока Государь узналъ объ этой продѣлкѣ. Начали было слѣдствіе, но всѣ инженеры-строители къ тому времени перемерли, а одинъ изъ нихъ, оставшійся въ живыхъ—оглохшій и ослѣпшій старикъ, разсказывалъ, будто бы всѣ строители въ свое время подавали голосъ за точное исполненіе Высочайшей воли, но старшій все время стоялъ на томъ, что Государь лишь порекомендовалъ, а не приказалъ; вышло „недоумѣніе“, твердилъ старикъ, вотъ вѣдь грѣхъ-отъ какой!

Случилось такъ, что Государь узналъ объ сути этой исторіи уже послѣ кончины Вел. Князя Михаила Павловича. Не разъ по этому поводу Государь говаривалъ и Цесаревичу Александру Николаевичу и Великому Князю Николаю Николаевичу, унаслѣдовавшему отъ Императора инженерную специальность, а также любовь и способность къ ней: „вотъ какъ насъ обманываютъ! вотъ какъ легко насъ обмануть и въ мелочахъ и въ крупныхъ дѣлахъ; какъ они умудрились однако брата Михаила обвести; какая смѣлость“!

Въ то время, когда до Государя дошло свѣдѣніе объ этой продѣлкѣ, уже начали показываться грозовыя тучи на востокъ, тамъ

сказались многія предзнаменованія надвигавшейся грозной войны (185 ³/₄ гг.).

Все это, вмѣстѣ взятое, обусловило полное прекращеніе дѣла; такъ и осталась на память потомству въ обоихъ домахъ (Литейный просп. № 1 и № 2) лѣпная поддѣлка сводовъ; во всякое время можно постукиваніемъ молотка убѣдиться въ томъ, что непосредственно за этой аркой имѣется лишь пустота; кто жила въ тѣхъ домахъ, помнитъ, что довольно большой длины гвоздь, вбитый въ высшую точку арки, выходитъ во второмъ этажѣ изъ-подъ паркета.

Всѣ обстоятельства утвержденія или одобренія проекта Государь, по обыкновенію, прекрасно помнилъ.

Услышавъ оправданіе, которое привелъ оставшійся въ живыхъ инженеръ, Государь сказалъ при докладѣ объ этомъ: „почему же на мой вопросъ—какъ вышли своды? старшій строитель предпочелъ смолчать и не доложилъ мнѣ прямо, что осмѣлился мою рекомендацію не счесть за Высочайшее повелѣніе?“ На этомъ все и кончилось.

V.

Если вспомнить, какъ Государь Николай Павловичъ вообще горько сѣтовалъ на такія и подобныя хищенія, то можно себя представить, какъ тяжело они на немъ отзывались.

Этотъ сдержанный Рыцарь-Монархъ не стѣснялся высказать въ присутствіи иностранцевъ о томъ, что лишь Богу и генералу Дену извѣстно, во сколько обошлась Россіи Варшавская крѣпость (цитадель); мнѣ сдается, говорилъ Государь, что на нее, за выведенную по отчетамъ сумму стоимости постройки, могли бы быть подрядчиками поставлены не кирпичи, а плитки золота, и ни одинъ поставщикъ все-таки не былъ бы въ убыткѣ.

Какъ тяжелы были Государю обнаруживанья подобныхъ случаевъ, постоянно напоминавшихъ о томъ, что въ каждомъ отдѣльномъ исполненіи проектовъ, плановъ и смѣтъ,—всѣ стремились лишь къ одному — возможно скорѣе и вѣрнѣе добратъ въ собственный карманъ разницу стоимости кирпича и золотыхъ плитъ!

Извѣстно, что именно, т. е. какую расправу Императоръ Николай I, выведенный изъ себя наплывомъ хищеній, приказалъ учинить относительно одного изъ чудовищнѣйшихъ хищниковъ—генерала Политковскаго, разкаловавъ этого казнокрада въ солдаты уже послѣ его смерти

VI.

И все-таки, какъ Государь, такъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, по своему высшему благородству, всякій разъ, при обнаруженіи казнокрадства, начинали съ того, что отрицали возможность чего-либо подобнаго. А этимъ какъ пользовались, какъ злоупотребли!

Приведенный разсказъ записанъ со словъ бывшаго командира гв. конно-артиллерійской бригады свиты Его Имп. Величества ген.-маіора Магнуса Ивановича Бреверна. Это былъ младшій братъ генераль-адъютанта графа Александра Ив. Бреверна-Делагарди, когда-то мощнаго нач-ка штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

Въ эту должность графъ былъ избранъ особымъ довѣріемъ перваго начальника этихъ войскъ въ званіи командующаго ими—Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, въ моментъ образованія военныхъ округовъ (1863 г.).

Болѣе пяти лѣтъ онъ пробылъ въ этой должности; затѣмъ, разсказавъ однажды неосторожно о какомъ-то событіи, не подлежащемъ разглашенію, впалъ, совершенно неожиданно, въ немилость и былъ переведенъ на службу въ Харьковъ—командующимъ войсками округа, а оттуда вскорѣ получилъ отчисленіе ¹⁾.

М. И. Бревернъ въ то время состоялъ въ чинѣ штабсъ-капитана гв. конной артиллеріи и получилъ назначеніе на должность командира образцоваго сводно-казачьяго артиллерійскаго дивизіона съ переименованіемъ въ войсковые старшины; чинъ этотъ въ тѣ времена соотвѣтствовалъ чину маіора и стоялъ между чинами капитанскимъ и подполковничьимъ.

М. И. Бревернъ, находясь постоянно въ той высшей военной средѣ, въ которой вращался его братъ графъ Александръ Бревернъ-Делагарди—многое слышалъ и зналъ.—Передавая разсказъ о сводахъ и помимо того, вообще приводя массу подобныхъ разсказовъ изъ прошлаго, онъ не разъ говорилъ: я столько наслышался, что „если бы велъ свои записки, какіе драгоцѣнные томы могли бы набратъся у меня“.

Въ разсказѣ его о пресловутыхъ сводахъ является болѣе всего удивительнымъ то, какъ онъ самъ говаривалъ, что въ то время о такомъ вопіющемъ дѣлѣ никто не додумался донести тотчасъ по

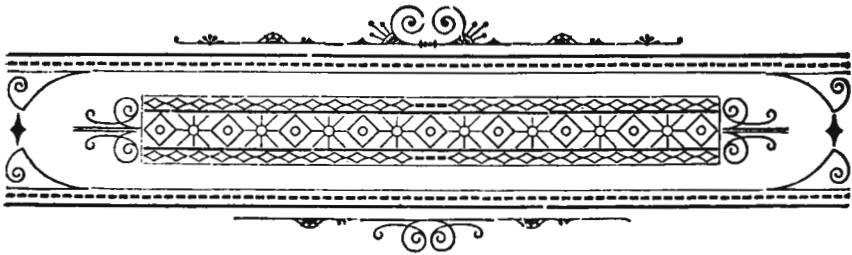
¹⁾ См. статью „Драгомировъ передъ войной 1877—78 г.г.“ „Русск. Старина“ Май 1909 года.

свершеніи его; ни анонимныя письма, ни другіе способы доносовъ не были тогда въ ходу, и дѣло, почти четверть вѣка находясь на виду у всѣхъ,—оставалось скрытымъ гдѣ-то глубоко и далеко. Не о томъ, конечно, что система тайныхъ и явныхъ доносовъ не была въ то время широко развита, приходится жалѣть по такимъ поводамъ; не доставало тогда той гласности, которая теперь начала выливаться въ разумную, честную форму и вызывать благіе результаты, помогая дѣлу раскрытія подпольной работы интендантскихъ и всякихъ другихъ себялюбцевъ, истинныхъ враговъ отечества.

Такъ обманщикъ спокойно унесъ все съ собой въ могилу, рѣшившись ловко и хладнокровно обмануть самого Царя...

Сообщ. А. Е. К.

По Вальтеръ-Скотту.

сенью 1835 г. въ г. Смоленскѣ, смоленскій губернаторъ Николай Ивановичъ Хмельницкій, читая въ переводѣ на русскій языкъ Вальтеръ-Скотта, вдругъ натолкнулся на открытіе, до того его взволновавшее, что, послѣ поѣздки въ Вяземскій уѣздъ и, такъ сказать, личной рекогносцировки мѣстности, о которой упоминалъ англійскій писатель, онъ далъ слѣдующее секретное предписаніе управляющему работами по Смоленскому шоссе инженерному подполковнику Шванебаху ¹⁾:

— „Въ книгѣ, подъ названіемъ „Жизнь Наполеона Бонапарта, Императора французовъ“ (сочиненія Вальтеръ-Скотта—въ переводѣ съ англійскаго С.-де-Шаплета и напечатанной въ 1832 году, въ С.-Петербургѣ, въ типографіи Смирдина), въ томѣ X, на стр. 33, напечатано, между прочимъ, слѣдующее:

„Другой приказъ Наполеона доказываетъ, что онъ чувствовалъ

¹⁾ Какъ этотъ, такъ и другіе, нижеприводимые документы, взяты изъ подлиннаго дѣла архива смоленскаго губернатора 1835 г., озаглавленнаго: „объ отысканіи въ семлевскомъ озерѣ вещей, брошенныхъ въ 1812 году французами“ (Дѣло по описи Смол. Губернскаго Правленія № 161).

Самое дѣло вноситъ нѣсколько новыхъ чертъ и характеристику безызвѣстнаго въ свое время Хмельницкаго.

Переводчикъ съ французскаго водевилей, самъ сочинявшій пьесы въ духъ этихъ писателей, авторъ нѣсколькихъ историческихъ пьесъ; посредственный дипломатъ, посредственный писатель, находившійся въ перепискѣ съ Пушкинымъ, Загоскинымъ и другими крупными представителями русской литературы, Хмельницкій, какъ смоленскій губернаторъ, не оставилъ послѣ себя слѣдовъ по Смоленской губерніи. Отличаясь большою впе-

опасность, начинавшую его угнетать. Онъ повелѣлъ, чтобъ Московская добыча—древніе доспѣхи, пушки и большой крестъ съ Ивана Великаго были брошены въ Семлевское озеро, какъ трофей, которые ему не хотѣлось отдать обратно, и которые онъ не имѣлъ возможности везти съ собою.

При нынѣшнемъ обревизованіи мною Вяземскихъ присутственныхъ мѣстъ, желая собрать на мѣстѣ сколько можно ближайшія къ означенному событію свѣдѣнія, мнѣ удалось узнать въ Вяземскомъ уѣздѣ, что дѣйствительно, послѣ отступленія французской арміи, помѣщикъ села Семлева г. Бирюковъ, отправилъ въ земскій судъ 40 лафетовъ, что, при личныхъ разспросахъ, подтвердилъ мнѣ самъ г. Бирюковъ, понынѣ означеннымъ селомъ владѣющій, присовокупивъ при этомъ, что пушекъ отъ 40 французскихъ лафетовъ, за всѣми тогдашними розысканіями, не найдено. Изъ чего, съ основательностью, должно было заключить, что орудія не были везены далѣе Семлева, что если приказъ Наполеона, помѣщенный у Вальтеръ-Скотта¹⁾, то плачевное положеніе обозовъ, ретировавшихся отъ г. Вязмы французской арміи, заставляло бы воспользоваться Семлевскимъ озеромъ, чтобы укрыть въ немъ добычу и оружіе.

Селеніе Семлево, гдѣ имѣется почтовая станція, стоитъ на большомъ Московскомъ трактѣ, въ 27 верстахъ отъ Вязмы и въ 194 в. отъ Смоленска, а Семлевское озеро, въ которомъ, какъ пишетъ Вальтеръ-Скоттъ, брошена Московская добыча, лежитъ въ полуторѣ версты отъ большой дороги. — Озеро сіе окружено лѣсомъ, имѣетъ длины приблизительно до 180, а ширины до 100 сажень. Оно глубоко и тинисто, и въ немногихъ мѣстахъ проѣздъ къ нему доступенъ. На удобнѣйшемъ для сего мѣстѣ²⁾ дорога къ берегу какъ-бы наѣзжена большими тяжестями.

Соображая сказаніе Вальтеръ-Скотта съ мѣстными свѣдѣніями, я нахожу, что они не только не противорѣчатъ, но напротивъ

чтлительностью, фантазерствомъ, при прямотѣ и честности характера, онъ имѣлъ въ Смоленскѣ болѣе враговъ, чѣмъ друзей. Благодаря этому, обвиненный въ казнокрадствѣ, онъ, прямо съ должности архангельскаго губернатора (куда его назначили послѣ Смоленска), попалъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой и протомился съ 1837 по 1843, когда его выпустили за отсутствіемъ уликъ. Уѣхавъ за границу, Хмельницкій и тамъ продолжалъ свои литературныя занятія. Онъ умеръ въ СП-гѣ въ 1845 году. Смирдивъ, четыре года спустя послѣ его смерти, издалъ его сочиненія. Личность Хмельницкаго и судьба его настолько интересны, что о немъ имѣется въ печати нѣсколько литературно-историческихъ изслѣдованій.

¹⁾ На этомъ мѣстѣ сгнившій кусокъ бумаги уничтожилъ слова.

²⁾ Далѣе зачеркнуто „откуда я обозрѣвалъ его“.

того, приближаются къ тому, что описанное имъ можетъ быть справедливо.

Обстоятельство сіе, могущее быть поводомъ къ отысканію и возвращенію въ Первопрестольный градъ похищенной святыни—креста Ивана Великаго и трофеевъ побѣдоноснаго воинства, я почитаю слишкомъ важнымъ, чтобы не представить о немъ вышнему правительству.

Прежде сего, однако-жъ, я покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе, при прїѣздѣ Вашемъ въ г. Вязму, для обозрѣнія строящагося тамъ моста,—принять трудъ—обозрѣть какъ-бы партикулярнымъ образомъ Семлевское озеро и сообщить мнѣ Ваше мнѣніе, какимъ бы легчайшимъ образомъ, помощью искусственныхъ испытаній, можно было бы удостовѣриться въ томъ, не окажется ли не вдалекѣ отъ берега признаковъ брошенныхъ въ сіе озеро металлическихъ тяжестей, дабы тогда съ большею увѣренностью донести о томъ вышнему правительству“.

Что подполковникъ Шванебахъ, въ свою очередь, увлекшись перспективою необычнаго открытія, загнипнотизированный словами Хмельницкаго, немедленно же приступилъ къ указаннымъ ему губернаторомъ изысканіямъ, видно изъ донесенія на имя Хмельницкаго вяземскаго земскаго исправника (отъ 7 октября за № 57), въ которомъ послѣдній сообщаетъ о томъ, что Шванебахъ, явившійся къ Семлевскому озеру, обратился къ нему за содѣйствіемъ при розыскахъ трофеевъ войны 1812 года.

Не имѣя отъ своего непосредственнаго начальства предписанія о содѣйствіи Шванебаху, исправникъ рѣшился ждать соотвѣтствующихъ указаній.

Нечего говорить о томъ, что Хмельницкій экстренно увѣдомилъ исправника, что „обязываетъ“ его „употребить особенную заботливость къ удовлетворенію требованій г. Шванебаха по изъясненному предмету“, давъ исправнику указанія на счетъ найма для работы ежедневно по 6 человѣкъ рабочихъ.

Надо замѣтить, что какъ эта, такъ и почти вся послѣдующая переписка велась Хмельницкимъ въ строжайшей тайнѣ, долѣренной лишь небольшому кружку заинтересованныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, Хмельницкій, по экспансивности своей, не могъ, чтобы не подѣлиться открытіемъ съ проживавшимъ на покой въ селѣ Дугинѣ (Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ.) графомъ Никитой Петровичемъ Панинымъ.

Если у губернатора, подполковника Шванебаха и вяземскаго исправника заранѣе разгорѣлись аппетиты—въ виду возможности находки историческихъ святынь, покоившихся въ тинѣ Семлев-

скаго озера, если заранѣе мысленно учли они награды и славу, могущіе вытечь изъ подобнаго открытія, то, конечно, не дремалъ въ этомъ отношеніи и владѣлецъ Семлевскаго озера, дворянинъ Алексѣй Бирюковъ, который, дозволивъ производить у себя необходимыя изысканія, писалъ Хмельницкому:

„Г. подполковникъ Шванебахъ, бывши у меня, оставилъ инженернаго офицера, который по совѣту его дѣлалъ наблюденія и пробы. И къ одному берегу, по его указанію *и моему*, при опущеніи сверла, ощущаемо было что-то изъ металловъ, о чемъ и онъ, г. офицеръ, хотѣлъ доносить по своей командѣ, а я долгомъ моимъ поставилъ довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Моя надежда будетъ состоять въ особѣ Вашего Превосходительства, къ отысканію онаго клада. *И тѣмъ случаемъ доставите мнѣ облегченіе въ моихъ несчастіяхъ.* И въ надеждѣ онаго имѣю честь остаться“ и проч.

Наконецъ, 20 декабря за № 390, подполковникъ Шванебахъ представилъ губернатору форменную записку касательно изслѣдованія Семлевскаго озера, окончательно разсѣявъ ею послѣднія сомнѣнія Хмельницкаго (если таковыя у того еще были).

Разукрасивъ полученный документъ по-своему, какъ заправскій литераторъ, и сохранивъ въ немъ весь пафосъ увлекшагося инженера, весь патріотическій пылъ его, а также мелочи, доходившія до цвѣта воды, вкуса ея въ озерѣ и справокъ о рыбѣ, казалось бы, не имѣющихъ никакого прямого отношенія къ данному дѣлу, Хмельницкій донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Блудову объ открытіи въ слѣдующемъ видѣ:

„Сиръ Вальтеръ-Скоттъ, въ X т. „Жизни Наполеона Бонапарта, Императора французовъ“, помѣстилъ приказъ, отданный въ Семлевѣ Наполеономъ. Даже, *если бы таковой не состоялся*, плачевное состояніе обозовъ, ретирующей отъ города Вязьмы французской арміи, заставило бы воспользоваться положеніемъ Семлевскаго озера, чтобы укрыть похищенную святыню Москвы и становящаяся одною лишь тяжестью орудія. Въ 1813 году семлевскій помѣщикъ г. Бирюковъ представилъ въ земскій судъ 40 пушечныхъ лафетовъ, найденныхъ на поляхъ его владѣнія. Слѣдовательно, орудія не были везены далѣе Семлева. *Приказъ Наполеона состоялся и былъ дѣйствительно исполненъ*, и по немъ должно искать крестъ съ храма Ивана Великаго въ Семлевскомъ озерѣ.

Розыски, дѣланные въ 1813 году по предписанію гражданскаго губернатора, оставались тщетными, потому что всѣ жители проходимыхъ французской арміей мѣстъ убѣгали изъ своихъ жилищъ и тяжело было придумать, чтобы столь великія массы были погружены въ озеро, почти недоступное. Семлевское озеро имѣетъ около 180

саженъ длины и до 100 с. ширины; глубина онаго у самыхъ береговъ отъ 5 до 7 футъ стремительно увеличивается къ серединѣ и достигаетъ 40 и 60 футовъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, превосходя 84 фута, не могла быть измѣрена. Оно въ 15 в. отъ большой почтовой дороги, отъ ст. Семлы на Московской почтовой дорогѣ, и въ 28 верстахъ отъ г. Вязьмы, около 2—5 верстъ отъ церкви. Облегающее мѣстоположеніе—довольно ровное, не представляетъ ни съ которой стороны значительныхъ уклоновъ и къ озеру нѣтъ ни одного живого протока. Малая рывина, служащая протокомъ Семлевскому ручью, имѣетъ слабый склонъ къ мельницѣ на самой почтовой дорогѣ. Берега Семлевскаго озера состоятъ изъ плавучаго нароста торфа; самый ручей не есть прямой истокъ изъ озера, но лишь фильтрація сквозь болотные берега. По всѣмъ вѣроятіямъ, озеро сіе питается со дна ключами и имѣетъ подземный истокъ; вода его имѣетъ темно-бурый цвѣтъ; вкусъ горьковатый; рыбы въ немъ, по увѣренію жителей, вовсе нѣтъ. При совершенно неизбѣжной поверхности, въ среднемъ слоѣ воды примѣтно теченіе къ серединѣ озера. Къ озеру ведетъ отъ села дорога, по которой иногда возятъ мохъ. Дорога же, по которой французы, вѣроятно, провозили въ 1812 году погруженное ими, примѣтна только со стороны озера и, по увѣренію старожиловъ, прежде не существовала и, какъ къ ней не было и нѣтъ никакой надобности, то она совершенно заросла лѣсомъ. Сей послѣдній отличается ростомъ и выводитъ на большую дорогу. Нынѣ, по предположенію г. смоленскаго губернатора, поручено было строительнаго отряда прапорщику, фонъ-Людевичу зондировать Семлевское озеро. Онъ открылъ въ 25 саженяхъ отъ конца нынѣшняго берегового нароста груду неправильной фигуры, коей наибольшее протяженіе составляетъ до 4—5 саженей высотой, въ сравненіи съ облегающимъ дномъ около 10 футовъ. (Вѣроятно, сей неправильный конусъ имѣетъ большое основаніе и въ теченіе 23 лѣтъ значительно погрузъ въ матеромъ днѣ). *Удареніе зондомъ производило звукъ, который уже оправдывалъ основанное на толкомъ вѣроятіи ожиданіе.* Прикрѣпленный къ опущенной на веревкѣ двухъ-пудовой гирѣ, а другимъ концомъ къ багру, терпугъ (рашпиль), бывъ надъ обнаженной отъ ила и тины частію груды приведенъ въ движеніе, *показалъ неоспоримо, что она состоитъ изъ мѣди пушечной.* Все сіе даетъ поводъ ожидать, что дальнѣйшее изысканіе на днѣ Семлевскаго озера можетъ возвратить Россіянамъ освященную драгоценность и полученіемъ пушечнаго металла съ избыткомъ вознаградить неизбѣжныя при добываніи онаго издержки. Чтобы получить точное удостовѣреніе, изъ чего состоитъ открытая фонъ-Людевичемъ груда, достаточно устроить вокругъ ея перемычку

и отлить сифонами воду. Работа сія, по представляемой у сего смѣтѣ, можетъ обойтись около 25.000 рублей. Если поискъ сей будетъ увѣнчанъ желательнымъ успѣхомъ, то самое добываніе изъ перемычки съ оттаскиваніемъ на ближайшее, удобное для перевозки мѣсто, можетъ (придерживаясь урочнаго положенія) обойтись около 2 р. 80 коп. съ пуда“.

Такого же рода донесеніе сдѣлалъ Хмельницкій одновременно и своему непосредственному начальству — смоленскому, витебскому и могилевскому генералъ-губернатору князю Хованскому, которому въ копіи представилъ и донесеніе подполковника Шванебаха, скрывъ, однако, о сношеніи по тому же предмету съ гр. Блудовымъ.

Тутъ нельзя не обратить вниманія на то, что губернаторъ далъ порученіе—обслѣдовать озеро подполковнику Шванебаху, а этотъ послѣдній свалилъ тяжелый трудъ на своего подчиненнаго—прапорщика фонъ-Люевича. Такъ что, въ сущности, дошедшія до „вышняго правительства“ свѣдѣнія о „пушечной мѣди“ были обязаны происхожденіемъ своимъ юному прапорщику, которому и принадлежала честь подобнаго открытія.—Многое, въ донесеніяхъ г. Хмельницкаго, вызывало невольное сомнѣніе.

Тѣмъ не менѣе, въ Петербургѣ донесеніе губернатора, какъ заключавшее въ себѣ столь вѣскія, положительныя данныя, произвело сильное впечатлѣніе, даже, пожалуй, переполохъ.

Немедленно же командированъ былъ изъ Петербурга корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ Четвериковъ 2-й, который, явившись въ Смоленскъ, 9 января 1836 года, донесъ Хмельницкому:

„Министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія о томъ, что по сдѣланнымъ изысканіямъ Смоленской губерніи въ Семлевскомъ озерѣ строительнаго отряда путей сообщенія прапорщикомъ Люевичемъ открылась на днѣ онаго гряда металлическихъ вещей, которыя, вѣроятно, были брошены туда французами въ 1812 году, Его Сіятельство, г. Главноуправляющій Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій, предписаніемъ отъ 3-го сего ноября за № 4, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, для отысканія и вынутія всѣхъ вещей, которыя найдены будутъ въ Семлевскомъ озерѣ, изволилъ командировать меня. Донося о семъ Вашему Превосходительству, имѣю честь почтительнѣйше просить: 1) о снабженіи меня ближайшими по сему свѣдѣніями; 2) о зависящихъ отъ Вашего Превосходительства распоряженіяхъ, какъ по содѣйствію мнѣ со стороны гражданскаго начальства къ успѣшнѣйшему исполненію возложеннаго на меня порученія, по снабженію меня необходимыми для изысканія

суммами, такъ и по охраненію вещей, которыя имѣютъ быть вынуты изъ Семлевскаго озера; 3) о неоставленіи меня наставленіемъ Вашего Превосходительства о выгоднѣйшихъ для казны способахъ приобрѣтенія рабочихъ и матеріаловъ, какъ-то: веревокъ, бревень, досокъ, желѣзныхъ поковокъ и проч., необходимыхъ потребностей для работъ, которыя будутъ производиться при изысканіяхъ на Семлевскомъ озерѣ. Къ сему долгомъ имѣю честь присовокупить, что въ предписаніи ко мнѣ Его Сіятельства г. Главноуправляющаго, между прочимъ, упомянуто, что на покрытіе необходимыхъ при работахъ на Семлевскомъ озерѣ издержекъ отпущено уже по Высочайшему повелѣнію Вашему Превосходительству 4.000 рублей“.

О командированіи Четверикова сообщилъ Хмельницкому и Главноуправляющій Путей Сообщенія гр. Толь, упомянувъ, что статсъ-секретарь Танѣвъ сообщилъ ему волю Государя Императора—назначить „самаго надежнаго офицера корпуса путей сообщенія“.

О томъ же губернатору писалъ и гр. Блудовъ.

Однимъ словомъ, изъ-за донесенія Хмельницкаго заварилась серьезная исторія, въ которой инженеры ловко отодвинули пока на задній планъ мѣстныя гражданскія власти, а также помѣщика Бирюкова, какъ возбудившихъ дѣло о сокровищахъ, мирно покоящихся на днѣ Семлевскаго озера.

Тѣмъ не менѣе, губернаторъ, давъ вяземскому земскому исправнику Клайгильсу предписаніе—командировать въ распоряженіе подполковника Четверикова, на мѣсто розысковъ къ озеру, „если не засѣдателя, то, по крайней мѣрѣ, одного благонадежнаго канцелярскаго чиновника“, а если бы понадобился пріѣзжему военный караулъ, то снести о томъ съ начальникомъ Вяземской инвалидной команды, вообще оказывать командированному всякаго рода содѣйствіе, секретно приказалъ исправнику „увѣдомлять“ его, губернатора, „подъ рукою—объ успѣхѣ дѣйствій подполковника Четверикова“. Такимъ образомъ, Четвериковъ неожиданно попалъ подъ негласный надзоръ мѣстнаго начальства.

Не будемъ останавливаться на подробной смѣтѣ, составленной инженерами для постройки проектированной „перемычки“. Скажемъ только, что сумма денегъ на предстоявшія работы была опредѣлена въ 2.000 р., а деньги эти получены въ видѣ аванса подполковникомъ Четвериковымъ.

Очевидно, опасаясь какой-либо выходки со стороны помѣщика Бирюкова, Хмельницкій, прося его не препятствовать командированному по Высочайшему повелѣнію Четверикову въ его работахъ, присовокуплялъ:

„Если отысканія сія увѣнчаются успѣхомъ, я почту обязаннымъ

ходатайствовать о приличномъ вамъ вознагражденіи — за открытіе означенныхъ вещей въ вашемъ владѣніи“.

Между тѣмъ, надъ Н. И. Хмельницкимъ висѣла уже грозовая туча, со стороны генераль-губернатора, генерала-отъ-инфантеріи кн. Хованскаго, который, давно уже будучи недоволенъ смоленскимъ губернаторомъ за его самостоятельность и распоряженія по губерніи, придрался къ тому факту, что о находкахъ въ Семлевскомъ озерѣ Хмельницкій, минуя его, генераль-губернатора, сообщилъ прямо отъ себя Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ раздраженіемъ писалъ Хмельницкому 25 января 1836 года:

„Таковой ходъ дѣла вынуждаетъ меня сослаться на 275 ст. II т. Свода Законовъ о губернскихъ учрежденіяхъ, повелѣвающую „чтобы никакія представленія отъ гражданскихъ губернаторовъ не восходили помимо ихъ главныхъ начальниковъ къ министрамъ“. Если бы существо дѣла потребовало сдѣлать о какомъ-либо предметѣ донесеніе прямо къ министру, то и въ такомъ случаѣ Ваше Превосходительство обязаны были, сдѣлавъ представленіе министру, извѣстить въ то же время и меня. Но въ настоящемъ дѣлѣ поступили Вы противно установленному порядку, ибо, донося мнѣ о сдѣланныхъ Вами распоряженіяхъ касательно трофеевъ, французами похищенныхъ, и представляя смѣту издержкамъ, потребнымъ на вынугіе ихъ, предавали токмо обстоятельство сіе на мое благоусмотрѣніе, не извѣстя, какъ бы слѣдовало, о донесеніи Вашемъ, сдѣланномъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ. Приглашаю Ваше Превосходительство на будущее время слѣдовать въ образѣ сношеній со мною и г.г. министрами предписанному закономъ порядку“.

Получивъ такую головомойку, легкомысленный, по существу характера своего, Хмельницкій, отписываясь неудачно, доносилъ разгнѣванному начальнику:

„Поспѣшаю имѣю честь объяснить въ оправданіе себя, что отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ по означенному предмету я не испрашивалъ никакого разрѣшенія, какъ изволите видѣть и изъ представляемой при семъ копіи съ моего донесенія. Но поспѣшилъ извѣстить его о столь любопытномъ предметѣ единственно для того, чтобы предупредить всякія партикулярныя и невѣрныя о томъ извѣстія, которыя весьма скоро могли бы дойти до свѣдѣнія г. министра“.

Набрасывая эти строки, Хмельницкій не подозрѣвалъ еще, что надъ нимъ грозитъ нависнуть другая, болѣе ужасная, на этотъ разъ неотвратимая туча...

Можно представить себѣ настроеніе злосчастнаго смоленскаго губернатора, когда прочелъ онъ нелшненное злого юмора донесеніе на имя его подполковника Василія Четверикова (отъ 30 января).

Вотъ это роковое донесеніе:—„Надежда, ни на одинъ день меня не оставявшая, что-либо найти въ Семлевскомъ озерѣ, была причиною, что я по сіе время не извѣстилъ Ваше Превосходительство о моихъ изысканіяхъ. Теперь, когда всѣ опыты кончены, я поспѣшаю увѣдомить Васъ, что къ сожалѣнію на днѣ озера никакихъ вещей не открыто. *Ваше Превосходительство лучше судить можете, откуда Вальтеръ-Скоттъ могъ почерпнуть приведенный имъ въ его сочиненіи о Наполеонѣ приказъ и какой въры онъ заслуживаетъ.* Но я, съ моей стороны, утвердительно могу сказать, что если бъ этотъ приказъ состоялся, то произведенныя мною на озерѣ изслѣдованія необходимо должны были бы то показать. Мнѣ остается только благодарить Ваше Превосходительство за содѣйствіе, которое мнѣ оказываемо было отовсюду—по участию Вашему въ семь дѣлъ“.

Изъ этого документа видно, что разсерженный и разочарованный въ ожиданіяхъ своихъ инженерный подполковникъ, проработавшій нѣсколько дней у Семлевскаго озера, какъ говорится, впусую, на бивуакахъ, при жестокомъ морозѣ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, чтобы не кольнуть на прощанье стараго литератора, поднявшаго изъ-за пустяковъ бурю въ стаканѣ воды, „Вальтеръ-Скоттомъ“.

Даже отъ самой благодарности подполковника Четверикова вѣтъ скрытою насмѣшкой.

Получаемыя изъ Вяземскаго уѣзда извѣстія только бередили у Хмельницкаго рану, причиненную Четвериковымъ.

Если бы просто на просто не нашли никакихъ вещей, то можно было бы еще, пожалуй, съ честью выйти изъ непріятнаго положенія. Но дѣло въ томъ, что столичный инженеръ, посланный по Высочайшему повелѣнію, увозилъ съ собою въ Петербургъ, къ „вышнему правительству“, неоспоримыя данныя что, „пушечная мѣдь“, о которой доносилъ онъ, Хмельницкій, съ такой увѣренностью, превратилось вдругъ въ... камни.

Такъ, Вяземскій Земскій исправникъ, днемъ позже Четверикова, доносилъ губернатору о томъ, что „работа на Семлевскомъ озерѣ кончилась вчерашняго числа, и твердое тѣло, находящееся на днѣ онаго, оказалось два камня“.

Унынемъ и разочарованіемъ вѣтъ отъ письма помѣщика Бירוкова.

„Воду 30 числа выкачали до самаго дна“, пишетъ онъ: „и ничего не нашли, какъ только три камня небольшого калибра, которые и вынули! И всѣ тѣ мѣста ощупывали и ничего не оказалось—какъ только крѣпкій грунтъ. Подполковникъ Четвериковъ намѣревается отправиться сего числа въ Петербургъ“.

Губернатору ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ донести поскорѣй Министру Внутреннихъ Дѣлъ о неудачѣ, выгородивъ по возможности себя и сваливъ всю отвѣтственность на чужую голову.

„Корпуса инженеровъ подполковникъ Четвериковъ, командированный для розысканій въ Семлевскомъ озерѣ“—писалъ онъ гр. Блудову,—„увѣдомилъ меня, что на днѣ онаго никакихъ вещей не найдено. А какъ донесеніе мое по сему предмету основывалось не столько на словахъ Вальтеръ-Скотта, сколько на извѣстіяхъ и удостовѣреніи строительнаго отряда г. подполковника Шванебаха, то и считаю нужнымъ съ его отзыва ко мнѣ представить на благоусмотрѣніе Вашего Высочайшаго Превосходительства копию“.

Про обнаруженные вмѣсто „пушечной мѣди“ камни было осторожно умолчано. Но видимо и возможный изъ Петербурга попрекъ „Вальтеръ-Скоттомъ“ не давалъ бѣдному губернатору покоя.

Въ такомъ же смыслѣ было сдѣлано Хмельницкимъ и донесеніе генераль-губернатору.

Даже при слабомъ запасѣ воображенія можно представить себѣ сцены, разыгравшіяся въ Смоленскѣ, фізіономіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ—въ виду результатовъ изслѣдованія Семлевскаго озера, ярость попавшаго въ просакъ губернатора, отношенія его къ подполковнику Шванебаху, отношенія послѣдняго къ прапорщику фонъ-Людевичу, а также злорадное торжество генераль-губернатора кн. Хованскаго и свиты его, когда обнаружилась истина.

По крайней мѣрѣ, чѣмъ, какъ не явной насмѣшкою, звучитъ каждое слово предписанія, присланнаго Хмельницкому вслѣдъ за его донесеніемъ изъ Витебска, отъ генераль-губернатора?

„По донесенію Вашего Превосходительства отъ 4 февраля за № 1493“—писалъ Хмельницкому кн. Хованскій: „О томъ, что инженеромъ подполковникомъ Четвериковымъ на днѣ Семлевскаго озера никакихъ вещей не открыто, останавливаясь сообщить г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ для всеподданнѣйшаго донесенія о томъ Его Императорскому Величеству, поручаю Вамъ, Милостивый Государь мой, истребовать отъ подполковника Шванебаха немедленно, въ дополненіе того, поясненіе и оное мнѣ доставить: отъ чего, когда зондировали помянутое озеро, то удареніе зондомъ въ груду неправильной фігуры на днѣ озера *производило звукъ*? Когда же терли объ означенную груду терпугомъ, то изъ чего можно было заключить *неоспоримо*, что та груда состоитъ изъ мѣди пушечной?—какъ все именно изъяснено было въ запискѣ, представленной Вамъ отъ подполковника Шванебаха 17 декабря 1835 года № 391“.

Кн. Хованскій, конечно, не подозрѣвалъ, что вопреки его запрещенію губернаторъ, помимо него, снова донесъ гр. Блудову.

Не безъ злорадства, въ свою очередь, Хмельницкій препроводилъ всѣ эти вопросы по принадлежности подполковнику Шванебаху, требуя отъ послѣдняго разъясненій.

Но этого инженера смутить чѣмъ-либо было трудно. Прижатый къ стѣнѣ, онъ донесъ губернатору:

„Спѣшу почтительно донести Вашему Превосходительству на 1-й изъ вопросовъ, что обыкновенно, когда зондъ ударяется обо что-либо твердое, издаетъ звукъ болѣе или менѣе чистый. На 2-е: терпугъ показывалъ *опилки мѣди*, и потому я полагалъ, что должна быть на днѣ мѣдь. При первомъ свободномъ времени я не премину возобновить дѣланные въ Семлевскомъ озерѣ опыты и, когда получу удостовѣреніе, что открытая на днѣ гряда состоитъ изъ камней, то не премину донести Вашему Превосходительству“.

Конечно, губернаторъ Хмельницкій могъ бы продолжить нравственную пытку подполковника Шванебаха, напомнивъ ему первое его донесеніе и задавъ ему рядъ новыхъ вопросовъ, на примѣръ такого рода:

1) Вѣдь онъ, Шванебахъ, доносилъ о томъ, что „удареніе зондомъ производило звукъ, который уже оправдывалъ основанное на толикомъ вѣроятіи ожиданіе“—т. е. указывалъ на присутствіе на днѣ озера металла?

2) Спрашивается, какъ это два-три камня „небольшого калибра“ онъ, Шванебахъ, умудрился принять за „гряду неправильной фигуры, коей наибольшее протяженіе составляетъ до 4—5 саженой высоты, въ сравненіи съ облегающимъ дномъ около 10 футовъ“, за „неправильный конусъ“, имѣющій большое основаніе и въ теченіе 23 лѣтъ значительно погрузшій въ матеромъ днѣ?

3) Какимъ чудомъ тѣ же два-три маленькихъ камня, вытщенные, при томъ,—надо думать—подполковникомъ Четвериковымъ на берегъ въ его, Шванебаха, присутствіи, могли дать при первоначальномъ изслѣдованіи терпугомъ не только „опилки мѣди“, но именно „мѣди пушечной“?

4) На чемъ было основано увѣреніе Шванебаха о томъ, что на мѣстѣ опытовъ все же должна быть найдена мѣдь, а также обѣщаніе, что онъ ее непременно рано или поздно да отыщетъ—вопреки донесенію Четверикова, что тотъ обслѣдовалъ не только „гряду“, но и все озеро, не найдя даже намека на какой-либо металл?

Не безъ грустной, иронической улыбки долженъ былъ прочесть Хмельницкій то мѣсто объясненія, гдѣ Шванебахъ говоритъ о томъ, что когда онъ, подполковникъ, лично убѣдится въ томъ, что два-три камня (какъ видно изъ переписки—вытщенные Четвериковымъ на берегъ)

не что иное, какъ камни, то донесетъ своевременно, объ этомъ своемъ открытіи ему, губернатору...

Пославъ по своему начальству, безъ всякихъ комментаріевъ, отписку подполковника Шванебаха, Хмельницкій видимо долго не могъ еще примириться съ глупымъ положеніемъ, въ которое неожиданно попалъ по своей довѣрчивости и легкомыслію.

По крайней мѣрѣ, въ томъ же дѣлѣ „объ отысканіи въ Семлевскомъ озерѣ вещей, брошенныхъ въ 1812 году французами“, на послѣднихъ страницахъ, имѣется черновикъ, вѣроятно набросанный имъ при соображеніяхъ, нельзя ли попытаться во что бы то ни стало отыскать въ предѣлахъ ввѣренной ему губерніи сокровища, покинутыя Наполеономъ.

Вотъ этотъ документъ:—„Въ секретномъ донесеніи графа Барклая-де-Толли къ Государю Императору о военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года сказано, между прочимъ: „28-го войска 1-й арміи двинулись съ мѣста, кому слѣдовало исполнить движеніе, на лѣвый флангъ непріятеля, 2-я армія осталась въ Выдрѣ (Порѣчскаго уѣзда). Авангардъ въ Семлевѣ и Инковѣ (Порѣчскаго уѣзда), а 27 дивизія съ нѣкоторою кавалеріей—въ Красномъ“.—По извѣстному предположенію и перепискѣ на счетъ Семлевскаго озера надобно узнать, гдѣ именно находится другое Семлево, о которомъ здѣсь упоминается. Прежде всего взглянуть на алфавитныя вѣдомости о всѣхъ селеніяхъ по уѣздамъ. Ежели его тамъ не значится—написать къ окрестнымъ исправникамъ съ вопросами, нѣтъ ли при этомъ селеніи озера“?

Возможность ошибки (перепутать уѣзды, селенія, озера) заставила Хмельницкаго сдѣлать соответствующій запросъ Порѣчскому Земскому исправнику въ августѣ 1836 года, о томъ, что нѣтъ ли при деревнѣ Семковѣ, находящейся отъ г. Порѣчья въ 92 верстахъ (или „Сешковѣ“—какъ значится по алфавитному списку) озера и какого оно наименованія, а также, нѣтъ ли какого селенія или урочища, или же озера подъ названіемъ „Семково“ (или „Сешково“) подъ казеннымъ селомъ Инковомъ?—исправникъ донесъ, что при деревнѣ Сешковѣ „имѣнья г.г. Чесливскихъ“, находящейся въ Щучейскомъ станѣ, Порѣчскаго уѣзда, имѣется въ двухъ верстахъ стоячее озеро, именуемое „Велесто“, близъ же казеннаго села Инкова урочища, селенія и озера съ названіемъ Семково, Сешково и Семлево вовсе не находится“.

На этомъ обрывается официальная переписка, въ которую ввелъ „Россіянь“ Сиръ Вальтеръ-Скоттъ.

Скоро возникло противъ Хмельницкаго дѣло о казнокрадствѣ; ему было не до дальнѣйшихъ розысковъ святынь Москвы, брошен-

ныхъ по пути отступленія Наполеономъ. Затѣмъ его перевели въ г. Архангельскъ для того, чтобы присутствіе его не мѣшало ходу производимаго о немъ въ Смоленскѣ слѣдствія.

Признаться, я не знакомъ съ тѣмъ мѣстомъ изъ X тома сочиненій Вальтеръ-Скотта, гдѣ говорится о брошенныхъ въ Семлевское озеро по приказу Наполеона сокровищахъ.

А если такой приказъ существовалъ? Если Вальтеръ-Скоттъ писалъ на основаніи подлинныхъ документовъ?

Тогда невольно, самъ собою, вытекаетъ изъ всего разсказаннаго здѣсь вопросъ:

Да не покоятся ли до сихъ поръ въ топяхъ тинистыхъ береговъ Семлевскаго озера сокровища, увезенныя французами изъ Москвы?

Не дали ли маху инженеры, въ 1836 году копавшіеся въ озерѣ?

Приводя детали официальной переписки, я имѣлъ въ виду новыхъ изслѣдователей, которые пожелали бы провѣрить заявленіе Вальтеръ-Скотта...

А вдругъ!?

А. Жиркевичъ.

„Лѣсные“ кадеты—на парадахъ.

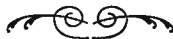
Письмо директора 3 департамента министерства государственныхъ имуществъ начальнику штаба отдѣльнаго гвардейскаго корпуса
П. Ф. Веймарну, 14 октября 1838 г., № 4829.

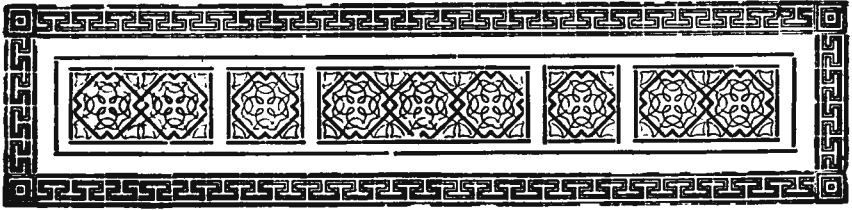
Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: кадетамъ лѣсной роты Лѣснаго и Межеваго Института, въ большіе праздники, находиться при парадахъ, за исключеніемъ въ зимнее время большихъ стужъ.

Таковую Монаршую волю имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь, для доведенія до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса.

Въ какомъ же числѣ и по какимъ днямъ выводить означенныхъ кадетъ въ парады, покорнѣйше прошу увѣдомить меня.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Биографическія свѣдѣнія о А. Н. Поповѣ).

Поповъ Александръ Николаевичъ—изъ потомственныхъ дворянъ Рязанской губерніи, въ которой его мать имѣла 900 десятинъ земли, съ живущими на нихъ крестьянами въ количествѣ ста душъ. Онъ родился съ 1820 г. и, получивъ первоначальное обученіе въ домѣ родителей, былъ опредѣленъ въ Московскую гимназію, по окончаніи курса которой поступилъ въ Московскій университетъ. Пробывъ въ немъ четыре года, А. Поповъ въ февралѣ 1839 года по экзаменамъ удостоился степени перваго кандидата по юридическому факультету. Обновленный въ то время составъ профессоровъ этого факультета благотворно повліялъ на А. Попова и вызвалъ его къ ученымъ занятіямъ. Въ 1841 г. онъ защищалъ свою диссертацию, представленную имъ на полученіе степени магистра, подъ заглавіемъ „Русская Правда въ отношеніи къ уголовному праву“, въ которой доказываетъ, что „Русская Правда“ не есть Ярославова грамота, данная имъ Новгороду, но что это законодательство обще-русское, а не исключительно новгородское, и что ея постановленія служатъ переходомъ отъ частнаго понятія о преступленіи и наказаніи къ понятію государственному. Погодинъ возставалъ противъ этихъ положеній, но Поповъ блестящимъ образомъ отстаивалъ на диспутѣ свои положенія, обладая превосходнымъ даромъ слова, такъ что позднѣе Погодинъ записалъ въ дневникъ своемъ: „Диспутъ Попова переживетъ, если уже не пережилъ, его диссертацию“. Поповъ отстранялъ въ диспутѣ рѣшеніе вопроса о варягахъ и вызвалъ также на это возраженія Погодина въ „Москвитянинѣ“, на которыя не замедлилъ отвѣчать.

Въ это время Поповъ сблизился съ зарождавшимся кружкомъ славянофиловъ, былъ очень друженъ и близокъ съ Д. Ѳ. Самаринымъ, съ которымъ велъ полемику по вопросу о развитіи религіи; съ Хомяковымъ,—имѣвшимъ большое вліяніе на взгляды А. Попова (по преимуществу богословскіе), жившаго одно время вмѣстѣ съ Хомяковымъ; съ М. Н. Катковымъ, съ которымъ велъ переписку; также съ А. И. Тургеневымъ, Гальфердингомъ и т. д. Защитивъ свою диссертацию и удостоенный степени магистра 29-го мая 1842 г., А. Поповъ отправился въ Берлинъ, для усовершенствованія въ философіи и

общалъ Самарину посылать выписки изъ лекцій извѣстнаго философа Шеллинга. Но въ Берлинѣ Поповъ пребылъ недолго и, посѣтивъ Мюнхенъ, направился въ Черногорію,—чѣмъ былъ очень недоволенъ Самаринъ. Поповъ былъ едва-ли не первый изъ русскихъ, посѣтившій эту страну безъ официальнаго порученія. Результатомъ его поѣздки была книга, изданная имъ позднѣе въ 1847 г. у Праца въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Черногорію“; она прошла почти незамѣченною и была встрѣчена недружелюбно вождями литературной критики, хотя по словамъ проф. Бестужева-Рюмина, эта—превосходный трудъ, самостоятельный, составленный съ знаніемъ дѣла. Это полное изложеніе исторіи и юридическаго быта Черной Горы. При этомъ Поповъ сообщаетъ много документовъ и указываетъ въ общихъ чертахъ на значеніе славянскаго вопроса. Хотя книга и содержала немало самыхъ рѣзкихъ жалобъ и отзывовъ объ австрійскомъ правительствѣ, она была однако пропущена цензурою безъ всякаго затрудненія.—Возвратясь въ Москву, А. Поповъ предполагалъ занять каведру исторіи русскаго права при Московскомъ университетѣ, но она не оказалась свободною, и это побудило Попова ѣхать въ Петербургъ, чтобы поступить на службу. По этому поводу Алек. Ив. Тургеневъ писалъ Сербиновичу въ 1845 году 13-го октября: „Податель сего письма А. Н. Поповъ, извѣстный вѣроятно и вамъ нѣкоторыми прекрасными статьями о философіи и русской исторіи. Онъ желаетъ съ вами познакомиться. Рѣдко образованный умъ Попова и благородный характеръ его, необыкновенныя званія его будутъ находкою для вашего досуга. Онъ соединяетъ ясный, свѣтлый умъ, здравое сужденіе, образованное начитанностью классическихъ авторовъ и новѣйшихъ лучшихъ критиковъ... Постарайтесь только побѣдить его скромность; онъ добрый москвичъ; разумѣю подъ нимъ и русскаго и ѣдетъ въ Петербургъ съ сжатымъ сердцемъ и т. д.“.

При этомъ тотъ же Ал. Ив. Тургеневъ въ письмѣ своемъ отъ 1845 г., изъ Москвы, къ князю П. А. Вяземскому прекрасно очертилъ А. Н. Попова.

„Къ вамъ, т. е. въ Петербургъ, ѣдетъ магистръ Поповъ, прекрасный, умный, начитанный. Скромнень, умнень, ученъ, образованъ, трудолюбивъ—вотъ его качества. Лучшее достоинство Попова въ его благородномъ характерѣ. Поповъ любитъ Россію, но вмѣстѣ и просвѣщеніе, читалъ Гегеля, но не гнушается Русскою Правдою, словомъ, *ревнуетъ по разуму*. Въ немъ теплая любовь къ Москвѣ, которая и на вашихъ гранитахъ не остынетъ: для него Кремль не душень, но и онъ не душитъ вѣчными о немъ пѣснопѣніями. Онъ любитъ родину и Москву, какъ мы всѣ любимъ и любили ее и т. д.“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Поповъ былъ опредѣленъ на вакансію секретаря перваго Д-а Прав. Сената 22-го ноября 1845 г. и въ то же время утвержденъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника. Вѣроятно при содѣйствіи Сербиновича, очень близкаго съ Д. Н. Блудовымъ, въ то время уже бывшимъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи А. Н. Попову 15 января 1846 г. повелѣно было, въ свободное время отъ служебныхъ его обязанностей, заниматься работами по II Отдѣленію С. Е. И. В. Канцеляріи.—Затѣмъ 17-го августа 1846 г. Поповъ былъ причисленъ къ означенному Отдѣленію для составленія исторіи уголовного судопроизводства и гражданскаго права въ нашемъ отечествѣ, съ увольненіемъ отъ службы въ Сенатѣ съ жалованьемъ по 1.500 рублей въ годъ.

Съ этого времени начинается его служебная дѣятельность по II Отдѣл., въ которомъ онъ служилъ до самой своей кончины въ 1877 г., постепенно повышаясь въ чинахъ и удостоиваясь различныхъ наградъ, какъ денежныхъ, такъ и почетныхъ, за свою ревностную службу. Произведенный уже 11-го апр. 1848 г. въ коллежскіе ассесоры, А. Н. Поповъ былъ произведенъ 22-го ноября 1849 г. въ надворные совѣтники; 11-го марта 1852 г.—въ коллежскіе совѣтники; затѣмъ 22-го нояб. 1854 г. въ статскіе совѣтники и 17-го мая 1858 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники и удостоился получить въ это же время нѣсколько денежныхъ наградъ и орденъ св. Анны 2-й степ. 27-го августа 1856 г. За труды въ качествѣ члена Редакціонной Комиссіи для начертанія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, А. Н. Поповъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. 23-го апр. 1861 г., получивъ въ то же время денежное пособие. Вскорѣ послѣ этого 17-го апр. 1863 г. онъ удостоился получить орденъ св. Станислава 1-й ст., а 24-го нояб. 1865 г.—и орденъ св. Анны 1-й степ. Черезъ три года послѣ этого Поповъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники 17-го апр. 1868 года, а затѣмъ, во вниманіе къ ревностной его службѣ и особымъ трудовъ при исполненіи возлагаемыхъ на него порученій, онъ награжденъ 17-го апр. 1870 г. орденомъ Владиміра 2-й степ. Черезъ три года 22-го янв. 1873 г. ему пожалованы арендныя деньги въ размѣрѣ двухъ тысячъ руб. въ годъ на двѣнадцать лѣтъ, а съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этого 17-го апр. 1874 г. Поповъ Всемилостивѣе награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Послѣ этого 13-го февр. 1875 г. Попову было объявлено Высочайшее Его Имп. Вел. благоволеніе за труды по особо порученному II Отдѣленію дѣлу.—Кромѣ означенныхъ выше знаковъ отличія А. Н. Поповъ имѣлъ бронзовую медаль на Андреевской лентѣ въ память войны 1853—1855 года и золотую на Аннинской лентѣ въ память участія въ трудахъ по освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

Едва-ли однако можно предполагать, чтобы кропотливыя и мелочныя кодификаціонныя работы, лежавшія преимущественно на обязанности II Отдѣленія, могли илѣяться и привязать къ себѣ живой, пытливый умъ А. Н. Попова, занимавшагося ими скорѣе только по обязанности служебнаго долга и ради средствъ къ существованію. Его несравненно болѣе привлекали другія занятія, дававшія ему возможность проявить и свои познанія, и свою замѣчательную способность быстро, ясно и талашливо излагать свои мысли и предположенія. Поэтому Поповъ несравненно охотчѣе занимался дѣлами другого рода, лежавшими также на II Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи, именно разсмотрѣніемъ и разборомъ различныхъ законопроектвъ, доставлявшихся въ то время различными министерствами на заключеніе II Отдѣленія, предварительное представленія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта. Помимо этого А. Н. Поповъ былъ назначасмъ отъ II Отдѣленія въ различныя комиссіи, учреждаемыя разновременно при разныхъ учрежденіяхъ для разработки наиболѣе существенныхъ новыхъ законоположеній, коими ознаменовано царствованіе Императора Александра II. Такъ А. Н. Поповъ былъ назначенъ членомъ редакціонной комиссіи для начертанія положеній о крестьянахъ, освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости 19-го февр. 1861 года, и въ этомъ дѣлѣ явился ревностнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землею, также общиннаго владѣнія крестьянъ землею и самостоятельнаго общественнаго управленія. Немного поздиѣ Поповъ въ 1865 г. былъ назначенъ членомъ особой

*

комиссіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, для обсужденія вопроса объ устройствѣ правильной поземельной регистраціи въ нашемъ отечествѣ. Въ 1867 г. онъ занимался въ особой комиссіи при Оберъ-Прокурогѣ Святейшаго Синода, для составленія положенія объ устройствѣ нотаріальной части православнаго духовнаго вѣдомства. Въ то же время онъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи для опредѣленія тѣхъ заключающихся въ Сводѣ законовъ по управленію государственными имуществами правилъ, кои должны составлять предметъ закона и такихъ, которые могутъ опредѣляться инструкціями министровъ.

Въ слѣдующемъ 1868 г. онъ участвовалъ въ трудахъ комиссіи для предварительной разработки проекта примѣненія къ дворянскимъ имѣніямъ правилъ о количествѣ земли, дающемъ право на избраніе гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Немного поздиѣ въ 1870 г. Поповъ былъ назначенъ членомъ отъ II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи въ комиссію для обсужденія предложеній о сляніи всѣхъ правительственныхъ типографій въ одну общую, въ видѣ государственной.

Кромѣ того А. Поповъ принималъ участіе въ различныхъ изданіяхъ, предпринятыхъ II Отдѣленіемъ съ Высочайшаго разрѣшенія, по представленіямъ графа Блудова, расположеніемъ котораго пользовался А. Н. Поповъ. Такъ, когда было приступлено къ изданію разрядныхъ книгъ, этой важной для отечественной исторіи лѣтописи правительственной и служебной дѣятельности въ Россіи въ продолженіе московскаго періода нашей исторіи,—А. Попову вмѣстѣ съ А. Ѳ. Бычковымъ (бывшимъ въ то время еще бібліотекаремъ II Отдѣленія) было поручено приготовленіе копій съ рукописей разрядныхъ и записныхъ книгъ, разсыянныхъ по различнымъ книгохранилищамъ и главнѣйшимъ образомъ въ московскихъ архивахъ, а также разборъ столбцовъ, по содержанію своему относящихся къ разрядамъ, и составленіе по онымъ текста. Равнымъ образомъ Поповъ завѣдывалъ изданіемъ памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами. Помимо этого А. Поповъ постоянно занимался какими-либо научными изслѣдованіями и при томъ преимущественно историческаго содержанія, отложивъ совершенно въ сторону занятія вопросами юридическими, къ которымъ онъ себя повидимому готовилъ первоначально. За исключеніемъ одного сочиненія юридическаго характера о наследственномъ правѣ, занимавшемъ его постоянно и отрывки изъ котораго А. Поповъ помѣстилъ въ Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ (составленномъ въ 1845 г. Валуевымъ) подъ заглавіемъ „Объ опекаѣ и наследствѣ по Русской Правдѣ“, а затѣмъ поздиѣ въ журналъ „Заря“ 1870 г., А. Поповъ печаталъ не юридическія изслѣдованія, но преимущественно историческія. Такъ еще въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1846 г. онъ помѣстилъ статью о современномъ направленіи пластическихъ искусствъ, а также въ 1847 г. (стр. 497 и слѣд.) статью объ историкѣ Шлецерѣ, которая, по отзыву проф. Вестужева-Рюмина, является мастерскимъ очеркомъ жизни этого труженика и лучшею оцѣнкою дѣятельности Шлецера. Въ „Сѣверномъ Обзорѣни“ ¹⁾ 1849—1850 г. книга I

¹⁾ Въ этомъ же журналѣ 1849 г. № 1 имѣется также продолженіе статьи Попова объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ Государствѣ, начало которой было помѣщено въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1851 г. т. 60.

стр. 483 имѣется статья Попова объ иконописаніи, вызвавшая разборъ оной со стороны нашего извѣстнаго поэта А. Н. Майкова, помѣщенный въ „Отечественныхъ Запискахъ“ т. 66 отд. VI стр. 41. Избранный секретаремъ Археологическаго Общества (когда Д. Н. Блудовъ былъ избранъ вице-президентомъ Общества), А. Поповъ издалъ три тома записокъ общества и помѣстилъ въ 5 томѣ записокъ свою статью „Дипломатическая тайнопись въ древней Россіи временъ Алексѣя Михайловича“. Тѣмъ временемъ Поповъ сообщалъ Академіи Наукъ рецензіи на различные сочиненія, представляемыя въ Академію на соисканіе премій, и помѣстилъ въ Запискахъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ свое изслѣдованіе „Литовскій лѣтописецъ по списку Давиловича“. Въ трудахъ же Общества любителей исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ онъ помѣстилъ переписку дьяка Васильева, вмѣстѣ со своимъ изслѣдованіемъ о самомъ Васильевѣ. Въ Запискахъ Императорскаго Географическаго Общества за 1853 г. Поповъ напечаталъ статью „О сношеніяхъ Россіи съ Хивой и Бухарой при Петрѣ Великомъ“, при чемъ помѣстилъ и дневникъ итальянца Беневени, посланнаго въ 1725 г. въ Бухару ¹⁾. Когда же въ царствованіе Императора Александра II открылась возможность къ занятіямъ отечественною исторіею, А. Н. Поповъ предался еще болѣе любимому своему занятію и написалъ немало любопытныхъ статей въ различныхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, какъ-то: въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856 г.—„Русское посольство во Франціи въ 1668 г.“ (посольство Потемкина), а также „Сокола и Кречета при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“. 1857 г. „Исторія возмущенія Стеньки Разина“ ²⁾; этимъ трудомъ Попова пользовались, по словамъ Вестужева-Рюмина, главнѣйшимъ образомъ всѣ прочіе изслѣдователи возмущенія; въ 1858 г.—О построеніи корабля „Орла“ и въ 1864 г. „Русское посольство въ Польшу 1673—1677 годахъ; трудъ весьма замѣчательный. Въ то же время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 года кн. 8-я Поповъ напечаталъ статью о турецкой войнѣ въ царствованіе царя Θεодора Алексѣевича.

Перерывъ сношеній Россіи съ Римомъ въ 1868 г. вызвалъ появленіе очень интересныхъ изслѣдованій Попова: въ „Вѣстникѣ Европы“ 1868 г. „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, а въ „Журналѣ М-ва Народнаго Просвѣщенія“ 1870 г. т. 147 и 152—„Сношенія Россіи съ папскимъ дворомъ въ 1845—47 годахъ“ ³⁾. Когда въ 1867 г. возникло Импер. Русское Историческое Общество, Поповъ примкнулъ къ нему, былъ долгое время членомъ совѣта Общества и своимъ участіемъ въ трудахъ Общества много способствовалъ тому, что Общество заняло мѣсто, которое ему теперь принадлежитъ въ ряду русскихъ ученыхъ обществъ. А. Н. Поповъ помѣстилъ въ издаваемомъ Обществомъ Сборникѣ матеріалы о Новиковѣ (въ томѣ II), записку Троцинскаго о министерствахъ (въ томѣ III) а также записку князя Волконскаго о судебныхъ мѣстахъ (въ томѣ V).

Послѣдніе годы жизни А. Поповъ всецѣло предался сочиненію, которое

¹⁾ Имѣется также отдѣльною книгою, напечатанною въ Типографіи Академіи Наукъ.

²⁾ Оно позднѣе было издано отдѣльною книгою и также и Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина.

³⁾ Это изслѣдованіе было также издано отдѣльною книгою.

долго останется въ памяти любителей отечественной исторіи; именно онъ занялся славною для насъ эпохою войны 1812 года. Сочиненіе это, говорить такой знатокъ исторіи, какъ Бестужевъ-Рюминъ, нельзя сравнивать съ другими этого рода сочиненіями; это было бы несправедливо; такъ высоко стоитъ оно по своимъ достоинствамъ. Оно осталось къ сожалѣнію незаконченнымъ. Академіей Наукъ удостоено оное Уваровской премією въ 1877 г.

Неумолимая смерть не дозволила Попову завершить его трудъ: онъ успѣлъ только напечатать рядъ обширныхъ очерковъ изъ этого превосходнаго и въ высшей степени интереснаго труда въ „Журналѣ М-ва Народнаго Просвѣщенія“ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875—76 г., а также въ „Русской Старинѣ“ 1877 г. (т. XVIII, XIX и XX)¹⁾. Онъ имѣлъ счастье поднести Государю Императору экземпляръ сочиненія своего „Москва въ 1812 г.“, за который Попову была объявлена Высочайшая Его Величества благодарность 21 января 1877 г.

Тяжкій недугъ поразилъ Попова въ октябрѣ 1877 года. По словамъ М. И. Семевскаго, посѣтившаго А. Попова на его квартирѣ, по возвращеніи изъ деревни въ октябрѣ 1877 года, онъ засталъ Попова сидящимъ молча въ кабинетѣ, со сложенными на груди руками. Поповъ показалъ ему на ножъ горло и удушливымъ голосомъ проговорилъ: „Вотъ что мнѣ нужно“. Скоро его поразилъ ударъ, почти отнявшій языкъ. Поповъ какъ бы предчувствовалъ это и незадолго предъ этимъ говорилъ Бычкову: „Странное дѣло; я чувствую, что болѣе и болѣе теряю способность мыслить и говорить. Голова видимо отказывается служить мнѣ“.

Вскорѣ пріѣхала къ нему, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, его супруга, при которой А. Н. Поповъ и скончался 16 ноября 1877 года, послѣ двухъ недѣль совершенно безсознательнаго состоянія. Дѣтей онъ не имѣлъ. По словамъ М. И. Семевскаго, Поповъ обладалъ любопытнымъ собраніемъ рукописей, а также составилъ рядъ монографій, относящихся до разныхъ лицъ царствованія Императора Александра I. Гдѣ означенныя бумаги находятся въ настоящее время, намъ неизвѣстно.

А. Н. Поповъ, какъ человѣкъ, былъ въ высшей степени симпатиченъ, бесѣда съ нимъ была по истинѣ увлекательна. Имѣвъ счастливый случай не малое время служить съ А. Н. Поповымъ вмѣстѣ во II Отдѣленіи С. Е. И. В. Канцеляріи и находиться подъ непосредственнымъ его начальствомъ, не могу не выразить, что и въ служебномъ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ А. Н. Поповъ являлся тѣмъ же въ высшей степени деликатнымъ и пріятнымъ человѣкомъ, какимъ былъ въ обществѣ въ дружеской бесѣдѣ.

Онъ никогда не позволялъ себѣ сдѣлать не только непріятное, но даже и рѣзкое замѣчаніе подчиненному и обходился всегда ласково и радушно, никогда въ разговорѣ или объясненіи не возвышалъ голоса. Едва-ли надо упоминать, что А. Н. Поповъ былъ не только замѣчательный ученый и писатель, но съ обширною начитанностью соединялъ изумительное трудолюбіе къ историческимъ изслѣдованіямъ. Онъ говорилъ еще лучше, не-

¹⁾ А. Поповымъ написаны три отдѣльныя монографіи: Сношенія Россіи съ европейскими державами передъ войной 1812 г.; Москва въ 1812 году; Французы въ Москвѣ въ 1812 г.

жели писалъ. По словамъ Погодина, Поповъ обладалъ превосходныхъ, необыкновеннымъ даромъ слова; языкъ его былъ правиленъ, красивъ, разнообразенъ. „Пріятно слушать было его говорившаго; въ рѣчи его было что-то драматическое“. Умный, даровитый писатель, добросовѣстный изслѣдователь и вѣчный труженикъ, Поповъ долго будетъ жить въ памяти людей, но лица, знавшія лично Попова, припомнятъ не только его обходительность и дружественную бесѣду, чуждую рѣзкости и раздражительности, но и ту радушную готовность, съ которою Поповъ дѣлился съ каждымъ и своими знаніями и своими матеріалами. А. Н. Поповъ былъ женатъ на Маріи Петровнѣ Мосоловой, имѣвшей въ Тульской губерніи 850 десятинъ земли съ 175 временно обязанными крестьянами. Дѣтей отъ этого брака не было ¹⁾. Подробныя біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. Н. Попова будутъ напечатаны въ III томѣ выходящаго нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ капитальнаго труда покойнаго историка „Отечественная война 1812 г.“, первый томъ коей съ портретомъ автора уже вышелъ два года тому назадъ, а второй имѣетъ выйти въ непродолжительномъ времени.

¹⁾ См. Формулярный списокъ о службѣ А. Н. Попова въ архивѣ Госуд. Совѣта (въ дѣлахъ бывшаго II Отдѣл. С. Е. И. В. Канцеляріи № 129/1877 г.;— XXI томъ Сборника Имп. Ист. Общества—статья Бестужева-Рюмина; „Русская Старина“ 1882 г. т. XXXIV ст. 464; Жизнь и труды Погодина—изд. Барсукова томъ VI, VII, VIII, IX, „Журналъ М. Народ. Просвѣщенія“ 1877 г. Декабрь, стр. 150 и слѣд.; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. IV, ст. 1329. Также XXI т. Сбор. Импер. Истор. О-ва—статья Бестужева-Рюмина (1877 г.).

Генераль Моро въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

Бурное время почти непрерывныхъ войнъ, наступившее послѣ французской революціи, вывело на поприще дѣйствій много замѣчательныхъ военачальниковъ. Сила военнаго генія Бонапарта подавила всѣхъ другихъ, и величіе его подвиговъ умалило, часто несправедливо, подвиги его боевыхъ сотрудниковъ и противниковъ. Какъ вниманіе современниковъ постоянно сосредоточивалось на Наполеонѣ, такъ и потомки долго шли по тому же направленію и превратили исторію въ поэтическую легенду объ этомъ геніальномъ человѣкѣ. Только съ недавняго времени историческая истина начинаетъ вступать въ свои права и воздавать должное каждому изъ дѣятелей этой эпохи. Дѣйствія многихъ изъ нихъ не только не цѣнились по достоинству, но искажались безусловными поклонниками Наполеона. Такую судьбу испытывали тѣ, которыхъ ненавидѣлъ, гналъ и преслѣдовалъ всѣми средствами, не исключая лжи и клеветы, самъ Наполеонъ. Къ ихъ числу принадлежитъ и генераль Моро.

I.

Моро родился въ Бретани въ 1761 году; отецъ его былъ гражданскимъ чиновникомъ и для того же поприща приготавливалъ сына. „Я посвящалъ свои занятія изученію законовъ“,—говоритъ онъ,— „когда началась революція, которая должна была основать свободу французскаго народа. Она измѣнила мое призваніе, и я посвятилъ себя военному дѣлу. Не честолюбіе увлекло меня въ среду воиновъ свободы; но уваженіе къ правамъ народа: я сдѣлался солдатомъ потому, что былъ гражданиномъ“. Двадцати лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу и черезъ 12 съ небольшимъ лѣтъ уже получилъ званіе дивизионнаго генерала въ сѣверной арміи, находившейся подъ начальствомъ Пишегрю. „Я повышался довольно быстро по службѣ“,—разсказываетъ самъ Моро,— „но всегда изъ чина въ чинъ, не перескакивая ни одного, постоянно служа отечеству и не лстя, тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находилась власть“ Пишегрю былъ ровесникъ Моро (род. также въ 1761 г.). Революціонныя волненія вывели его совершенно случайно съ педагогическаго поприща на военное, на которомъ онъ выказалъ блестящія дарованія и быстро возвысился до степени главнокомандующаго. Такъ же, какъ и Моро, его дѣйствіями руководила любовь къ отечеству и свободѣ; онъ не только не льстилъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть, но ненавидѣлъ произволъ и безначаліе кроваваго правительства револю-

ціонной Франціи того времени. Когда конвентъ постановилъ закономъ убивать всѣхъ плѣнныхъ непріятелей и строго предписывалъ исполнять это своимъ военачальникамъ, Пишегрю находилъ способы вовсе не исполнять позорнаго закона во все время дѣйствій сѣверной арміи, окончившихся поражениемъ союзниковъ и завоеваніемъ всей Голландіи (1794 года). Моро не только принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ руководствомъ Пишегрю, но и сблизился со своимъ начальникомъ. Сходство въ направленіи, въ личныхъ качествахъ и во взглядахъ на современное положеніе ихъ отечества послужило основаніемъ къ ихъ сближенію. Оно укрѣпилось еще болѣе вслѣдствіе одного обстоятельства, лично касавшагося Моро, которое могло имѣть роковое вліяніе на его судьбу. Его престарѣлый отецъ, котораго называли „отцомъ всѣхъ бѣдныхъ“, безъ сомнѣнія не сочувствовавшій звѣрскимъ дѣйствіямъ правительственныхъ лицъ, былъ казнень, какъ измѣнникъ, только по этому поводу. Ужасная кончина отца сильно поразила молодого генерала. Моро задумалъ покинуть отечество и открылъ свое намѣреніе Пишегрю.

Несмотря на сходство въ образѣ мыслей, характеры этихъ двухъ лицъ были различны, Пишегрю былъ истый сынъ революціи.

Мысль оставить отечество и обречь себя на бездѣйствіе никогда не могла придти въ его голову; онъ не только желалъ дѣйствовать, но считалъ себя способнымъ руководить событіями для блага отечества. Характеръ Моро былъ совершенно иной: онъ не считалъ себя политическимъ дѣятелемъ, шелъ за событіями, сохраняя свои нравственные качества и служа отечеству на частномъ поприщѣ военной дѣятельности, которой посвятилъ себя съ полнымъ увлеченіемъ.

Пишегрю уговорилъ Моро отказаться отъ своего намѣренія, увлекая его мыслию о любви къ отечеству и чувствомъ долга и предвѣщая, что правительство Франціи не можетъ долго оставаться въ рукахъ недостойныхъ людей и должно измѣниться. Приготовлялъ ли онъ себѣ способнаго сотрудника для будущихъ дѣйствій или для блага отечества желалъ удержать достойнаго человѣка въ его нѣдрахъ,—во всякомъ случаѣ совѣты Пишегрю произвели дѣйствіе. Моро отложилъ свое намѣреніе и дѣятельно продолжалъ службу. Послѣдовавшая вскорѣ перемѣна въ составѣ правительства какъ бы подтверждала мнѣніе Пишегрю, а отозваніе его на Рейнь предоставило болѣе широкое поприще для дѣятельности Моро.

Сѣверная армія оставалась подъ начальствомъ Пишегрю; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство ввѣрило ему также и рейнскую армію, къ которой онъ отправился, поручивъ Моро начальство надъ сѣвальною арміею и оставивъ Журдана начальникомъ соединенной съ нею арміи Самбры и Мезы. Послѣ блестящей кампаніи въ Голландіи,

дѣйствія Пишегрю на Рейнѣ были неудачны и возбудили подозрѣніе революціоннаго правительства, зорко слѣдившаго посредствомъ своихъ комиссаровъ за дѣйствіями главнокомандующихъ. Подозрѣнія въ этомъ случаѣ оказались въ послѣдствіи основательными. Главная квартира рейнской арміи находилась въ Альткиркѣ, и, почти въ виду передъ нею, въ Бризгау помѣщалась главная квартира корпуса войскъ принца Конде, который вошелъ въ тайныя сношенія съ Пишегрю. Негодуя на неистовства революціоннаго правительства и полагая, что Франція не способна сдѣлаться республикой, французскій главнокомандующій задумалъ повторить образъ дѣйствій Монка: возстановить монархію и получилъ на то полномочіе Людовика XVIII (comte de Lille). Военныя дѣйствія арміи Пишегрю соотвѣтствовали его намѣреніямъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ, и даже неудачныхъ, дѣйствій, онъ отступилъ за Рейнъ. Правительство вызвало Пишегрю въ Парижъ, а начальство надъ рейнскою арміею предоставило генералу Моро (1795 г.).

Несмотря на близкія отношенія къ Пишегрю, едва-ли онъ зналъ о его замыслахъ, которымъ во всякомъ случаѣ не сочувствовалъ. Не обладая ни рѣшительнымъ характеромъ, какъ онъ, ни способностью увлекаться, хладнокровный и расчетливый, Моро не могъ изъ одной крайности быстро перейти въ другую и сдѣлаться изъ яраго революціонера монархистомъ стараго порядка, какъ Пишегрю. Онъ одинаково съ нимъ ненавидѣлъ произволъ, но защищалъ свободу въ предѣлахъ закона и полагалъ, что Франція можетъ ея достигнуть.

Званіе главнокомандующаго давало ему всѣ способы выказать свои военныя познанія и дарованія.

Директорія, недовольная отступленіемъ Пишегрю за Рейнъ, требовала отъ его преемника наступательныхъ дѣйствій. Несмотря на силы австрійцевъ, подкрѣпляемыхъ корпусомъ принца Конде, силы, значительно превышавшія числомъ армію Моро, онъ долженъ былъ исполнить волю Директоріи. Французская республика могла однако же располагать въ это время силами на Рейнѣ, не меньшими по числу войскъ, нежели австрійцы, послѣ того какъ успѣхи Бонапарта въ сѣверной Италіи вынудили вѣнское правительство двинуть туда на помощь своимъ разбитымъ войскамъ армію фельдмаршала Вурмзера съ Рейна.

Это обстоятельство, съ одной стороны, уравнивало силы противниковъ; а съ другой, вынуждало австрійцевъ дѣйствовать лишь оборонительно. Но, по военному плану Директоріи, французскія войска были раздѣлены на двѣ арміи, состоявшія подъ начальствомъ независимыхъ одинъ отъ другого главнокомандующихъ, и должны были дѣйствовать на фланги непріятели, подвигаясь въ глубь Гер-

маніи по долинамъ Майна и Неккера къ Дунаю. Армія Самбры и Мезы, въ числѣ 40 тысячъ человекъ подъ предводительствомъ Журдана, должна была перейти Рейль у Дюссельдорфа; армія Моро, состоявшая изъ 71 тысячи—у Страсбурга. Такой образъ дѣйствій давалъ возможность главнокомандующему противной стороны сосредоточить свои силы и, смотря по обстоятельствамъ, направить ихъ на одну изъ армій республики, подавить ее количествомъ войскъ и потомъ обратиться противъ другой. Послѣ отъѣзда Вурмзера въ Италію австрійскими войсками начальствовали одинъ главнокомандующій, еще молодой въ то время, эрцгерцогъ Карль, пріобрѣтшій потомъ извѣстность замѣчательнаго военачальника, который могъ, конечно, воспользоваться выгодами ошибочнаго военного плана, начертаннаго Директоріей для дѣйствій французскихъ войскъ. Если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ онъ воспользовался имъ въ значительной степени.

Наблюдая за Майнцемъ и двигаясь къ Лану, Журданъ былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ при Ветуларѣ и долженъ былъ отступить. Чтобы оправдать пораженія, въ которыхъ не любятъ признаваться французы, они приписываютъ движенію Журдана то важное значеніе, что онъ отвлекъ вниманіе австрійскаго главнокомандующаго отъ Страсбурга, гдѣ Моро съ полнымъ успѣхомъ совершилъ переправу своей арміи черезъ Рейль. Но у австрійцевъ было достаточно силъ, чтобы, если не воспрепятствовать, то во всякомъ случаѣ затруднить переправу у Страсбурга, если бы они успѣли соединить противъ него свои разбросанныя на значительномъ протяженіи по берегу Рейна войска.

Очевидно, успѣхъ переправы рейнско-мозельской арміи, совершенной скрытно отъ непріятели, смѣло и въ полномъ порядкѣ, зависѣлъ отъ обдуманнаго съ предусмотрительностью распоряженія генерала Моро. За первую удачею послѣдовали и другія. Несамонадѣянный, неспособный къ безразсчетному увлеченію, онъ не бросился на разсѣяныя части непріятельскихъ войскъ, чтобы разбить каждую изъ нихъ порознь; но, предусматривая дальнѣйшія дѣйствія едва начатаго похода и не полагаясь на случай и свою непогрѣшимость, прежде всего сосредоточилъ свои войска, какъ и слѣдовало главнокомандующему, который дѣйствуетъ не для достиженія личныхъ цѣлей, а для пользы и славы отечества.

Между тѣмъ вѣсть о переправѣ черезъ Рейль арміи Моро дошла до эрцгерцога. Заставивъ отступить Журдана, онъ оставилъ у Майнца значительный отрядъ (27 тыс.), другой на берегахъ Лана (36 тыс.), чтобы удерживать его, если бъ онъ снова началъ наступательныя дѣйствія, а самъ усиленными переходами съ 25-ю ты-

сячнымъ корпусомъ пошелъ на помощь Латуру, находившемуся противъ Моро и потерпѣвшему уже неудачу при р. Муръ. Цѣль дѣйствій Моро заключалась въ томъ, чтобы овладѣть дорогой, которая отъ Раштадта вела въ долину Неккера, а въ то же время сообразовать свои дѣйствія съ Журданомъ и не терять изъ виду, исполняя наставленія Директоріи, возможности сближенія съ италіанскою арміею. При этомъ условіи слѣдовало съ одной стороны растянуть линію, а съ другой не слишкомъ разбросать свои войска, постоянно сохраняя подъ рукою достаточное количество, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятели.

Эту, повидимому, неисполнимую задачу могъ только исполнить съ успѣхомъ хладнокровный, дальновидный и остроумный въ своихъ дѣйствіяхъ военачальникъ. Моро выдержалъ сраженіе при Раштадтѣ въ концѣ іюля съ эрцгерцогомъ, который пришелъ уже на помощь къ Латуру. Это сраженіе австрійцы считаютъ побѣдою, а французы—сраженіемъ нерѣшительнымъ, и едва-ли не потому только, что эрцгерцогъ отступилъ. Но это отступление не было вынужденнымъ и совершалось медленно и въ величайшемъ порядкѣ. Цѣль австрійскаго полководца заключалась лишь въ томъ, чтобы оградить отъ вторженія только имперскія владѣнія Габсбурговъ, а не вообще Германію, и потому онъ шелъ къ Дунаю.

По его пятамъ, преодолевая препятствія, вѣлъ свою армію Моро. Но въ то время, когда австрійцы приближались къ своимъ средствамъ содержанія войскъ, пополненія убыли въ людяхъ и боевыхъ запасахъ, французы удалялись отъ своихъ все болѣе и болѣе. Это обстоятельство входило въ соображенія Моро и, конечно, вынуждало его дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью. Онъ убѣждался постепенно, что его противникъ отступаетъ не изъ страха передъ побѣдителемъ; но, напротивъ, умышленно ведетъ его за собою въ глубь Германіи, къ границамъ имперіи. Только успѣшныя дѣйствія арміи Журдана могли отвратить угрожавшую ему опасность, и онъ зорко слѣдилъ за ними.

Узнавъ объ отступленіи эрцгерцога Карла и полагая, что къ этому движенію принудили его дѣйствія рейнской арміи, Журданъ началъ снова наступать. Эрцгерцогъ предписалъ Вартенслебену, находившемуся противъ Журдана, отступать къ Дунаю, оставивъ гарнизоны въ Майнцѣ, Касселѣ, Эренбрейтштейнѣ и Мангеймѣ. Журданъ долженъ былъ оставить болѣе трети своихъ войскъ, для блокады этихъ крѣпостей и съ 46 тыс. двинулся впередъ противъ Вартенслебена, располагавшаго почти такимъ же количествомъ войскъ, но его рассчитывалъ подкрѣпить эрцгерцогъ и выжидалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ Моро подвигался впередъ. При Канстатѣ онъ выдержалъ съ успѣхомъ упорное сраженіе, проникъ въ долину Неккера и трудными горными проходами вышелъ къ концу іюля къ Дунаю, за которымъ была расположена австрійская армія. Эрцгерцогъ поджидалъ прихода Вартенслебена, чтобы сосредоточить всѣ войска.

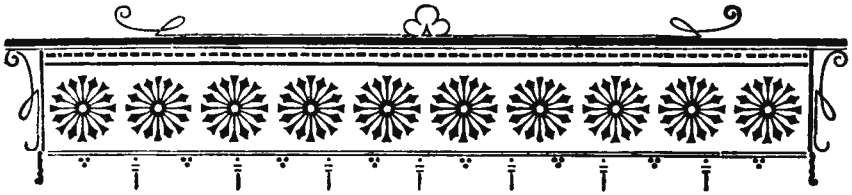
Въ это время Журданъ выигралъ сраженіе при Фридбергѣ, занялъ Франкфуртъ, Вицбургъ и вышелъ на берега Нааба, притока Дуная, почти на одну высоту съ Моро. Опасаясь соединенія французскихъ армій и получивъ извѣстіе, оказавшееся впоследствии несправедливымъ, о неправильномъ движеніи Вартенслебена, чтобы закрыть Богемію, удалявшаго его отъ войскъ эрцгерцога, онъ рѣшился выйти изъ выжидательнаго положенія, напасть сначала на Моро, а потомъ спѣшить на помощь Вартенслебену и дѣйствовать противъ арміи Журдана. Перейти Дунай, дать сраженіе искусному противнику, имѣя въ тылу эту рѣку, было предпріятіемъ смѣлымъ, которое, въ случаѣ неудачи, могло повлечь за собою большія бѣдствія. Но упорная битва при Нерестеймѣ, хотя осталась нерѣшительною, и обѣ враждующія стороны сохранили свои позиціи, однако же ея послѣдствія обратились въ пользу австрійцевъ. Эрцгерцогъ не продолжалъ наступленія, переправился затѣмъ снова черезъ Дунай въ полномъ порядкѣ и нѣсколько дней наблюдалъ, что предприметь его противникъ. Моро, устраивая войска послѣ упорнаго сраженія, былъ особенно озабоченъ тѣмъ, что австрійцы, обойдя его правый флангъ и достигнувъ до Геденгейма, угрожали его тылу. Это нападеніе произвело такую тревогу, что всѣ его парки и обозы должны были отступить. Въ ожиданіи ихъ прибытія, Моро не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій. Воспользовавшись его бездѣйствіемъ, эрцгерцогъ, оставивъ противъ него Латура съ 36 тыс. войскомъ, самъ съ 25 тыс. пошелъ на помощь Вартенслебену, который не удалялся къ Богемію, а стоялъ противъ Журдана при р. Наабѣ. Въ началѣ августа (4-го) эрцгерцогъ двинулся отъ Нигольштадта и встрѣтилъ у Неймарка отрядъ Вернадота, котораго Журданъ послалъ, чтобы войти въ сообщеніе къ Моро, разбилъ его и отбросилъ къ Нюренбергу. Пославъ отрядъ для его преслѣдованія, онъ со всѣми силами пошелъ противъ Журдана и, соединившись съ Вартенслебеномъ, разбилъ его при Амбергѣ, потомъ при Вюрцбургѣ и принудилъ къ послѣшнему отступленію за Рейнъ. Моро нѣсколько дней находился въ полномъ невѣдѣніи о дѣйствіяхъ эрцгерцога; но и узнавъ, не могъ идти на помощь Журдану къ Майну, не разрушая плана дѣйствій, предписаннаго ему Директорією, удаляясь отъ итальянской арміи и подвергая опасности свои сообщенія съ Рейномъ на Страсбургъ, которыя могли перервать

войска генерала Латура. Получивъ извѣстіе о первыхъ дѣйствіяхъ эрцгерцога противъ Журдана, онъ двинулся впередъ, перешелъ Дунай и достигъ Леха у Мюнхена, въ надеждѣ снова привлечь на себя эрцгерцога и облегчить Журдану возможность сопротивляться непріятелю. Въ то время, когда австрійскія войска отступали въ порядкѣ, давая ему возможность все болѣе вдаваться внутрь враждебной страны, онъ попытался было, оставивъ часть своихъ войскъ противъ Латура, идти на помощь Журдану; но вѣсть о совершенномъ пораженіи арміи Самбры и Мезы и объ отступленіи Журдана за Рейнъ вынудила его прекратить наступательныя дѣйствія. Его войска могли быть поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Двинувшись къ Неккеру, торжествующій эрцгерцогъ могъ отрѣзать его отъ Франціи окружить со всѣхъ сторонъ въ странѣ, враждебно настроенной противъ французовъ. Таково было общее мнѣніе какъ Европы, такъ и Франціи, лишь только сдѣлалось извѣстнымъ положеніе военныхъ дѣлъ въ Германіи, армію Моро считали погибшею, и эту участь подготовилъ ей планъ военныхъ дѣйствій, предписанный Директоріей обоимъ главнокомандующимъ французскими арміями въ Германіи. Въ то время, когда Бонапартъ торжествовалъ рядъ блестящихъ успѣховъ надъ австрійцами въ Италіи, армія Журдана была разбита и отброшена за Рейнъ, армія Моро поставлена въ безвыходное положеніе.

Оказавшись въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, Моро не смутился, не потерялъ времени на размышленія; но рѣшился немедленно отступить и послѣ нѣсколькихъ удачно выдержанныхъ битвъ провелъ армію безъ значительныхъ потерь въ Страсбургъ. Эта кампанія прославила въ Европѣ молодого эрцгерцога. Но и Франція была чрезвычайно довольна, что Моро спасъ армію, поставленную въ опасное положеніе въ Баваріи. О ея судьбѣ чрезвычайно заботились, особенно послѣ того какъ дошли вѣсти объ отступленіи Журдана. Подвигами Бонапарта въ Италіи гордились; его слава возросла до послѣдней степени, но, предчувствуя характеръ молодого полководца, его славой начинали уже тяготиться, опасаясь притязаній его самолюбія. Дѣйствія Моро дали возможность выставить нѣкоторымъ партіямъ рядомъ съ нимъ другого полководца, и его дѣйствительно блистательно совершенное отступленіе превозносили до небесъ и сравнивали съ отступленіемъ 10 тысячъ Ксенофонта. Но обстоятельство совершенно случайное вдругъ заподозрило Моро въ глазахъ республиканскаго правительства.

Ал. Поповъ.

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера.

Во случаю моего назначенія въ Податную Комиссію я долженъ былъ представиться министру Княжевичу. Явился въ указанное время къ нему, но мнѣ швейцаръ объявилъ, что никого не приказано принимать. Когда я ему замѣтилъ, что мнѣ именно это время назначено, онъ извинился, сказавъ, что приказано принять дѣйствительно только Управляющаго Дѣлами Податной Комиссіи, но что онъ думалъ, что это пожилой человекъ, и видя же столь молодого человекъ, никакъ не думалъ, что это можетъ быть Управляющій дѣлами Податной Комиссіи, ожидаемый министромъ.

Управляющимъ дѣлами Податной Комиссіи я оставался до самаго моего назначеніе Вице-Директоромъ Департамента Внѣшней Торговли въ 1864 г., принимая все время дѣятельное участіе въ трудахъ комиссіи и соединяя съ этимъ положеніемъ званіе Секретаря Церемоніальной Экспедиціи и Секретаря Географическаго Общества.

При моемъ участіи и даже нѣкоторой инициативѣ было разработано и утверждено положеніе о патентномъ сборѣ, замѣнившемъ гильдейскую подать. Кромѣ того мною былъ составленъ проектъ порасходнаго налога. Въ то время у насъ много спорили о подоходномъ налогѣ, который, по примѣру Англій, имѣлъ у насъ много сторонниковъ. Я находилъ болѣе справедливымъ введеніе порасходнаго налога, который не достигалъ бы той части дохода, который не расходуется, а капитализируется, и составилъ соотвѣтственный проектъ, который тоже былъ напечатанъ въ трудахъ Комиссіи. Окончательно отказались однако отъ введенія подоходнаго и порасход-

наго налога. Вослѣдствіи при С. Ю. Витте моя мысль отчасти осуществилась въ формѣ квартирнаго налога.

Членами Податной Комиссіи состояли между прочимъ нѣкоторыя лица прежнихъ редакціонныхъ комиссій и между прочимъ Я. И. Соловьевъ, занимавшій впоследствіи при Милютинѣ выдающееся положеніе въ Польшѣ. Эти лица интересовались особенно крестьянскими дѣлами и были недовольны тѣмъ, что Податная Комиссія не принимается болѣе энергически за вопросъ объ отмѣнѣ или по крайней мѣрѣ преобразованіи подушнаго налога. Вопросъ этотъ былъ чрезвычайно деликатный и требовалъ для его проведенія большей энергіи, чѣмъ та, которою обладалъ и Гагемейстеръ и я, впрочемъ и впоследствіи, при измѣненномъ составѣ, Комиссіи не удалось его разрѣшить, и только Н. Х. Бунге, много лѣтъ спустя суждено было произвести эту коренную реформу. На одномъ экономическомъ обѣдѣ Соловьевъ, разговорившись со мною, сталъ меня упрекать въ томъ, что Податная Комиссія ведетъ дѣло не достаточно энергически, и все это было высказано въ довольно рѣзкой формѣ. Я былъ непріятно пораженъ этимъ разговоромъ и не считалъ возможнымъ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго разъясненія. Поэтому на другой день я рѣшился поѣхать къ К. И. Домонтовичу, который былъ очень друженъ съ Я. И. Соловьевымъ и тоже состоялъ членомъ Под. Ком. съ тѣмъ, чтобы вызвать его посредничество въ этомъ дѣлѣ. Я разсказалъ ему содержаніе нашего разговора съ Соловьевымъ и прибавилъ, что если и прочіе члены Комиссіи раздѣляютъ мнѣніе Якова Ивановича, что я недостаточно энергически веду дѣла Комиссіи, то я готовъ отказаться отъ управленія ея дѣлами, но что я во всякомъ случаѣ очень непріятно пораженъ рѣзкостію выраженій Соловьева.

К. И. Домонтовичъ успокоилъ меня на этотъ счетъ и предложилъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать къ Соловьеву для объясненія, что мы и сдѣлали немедленно. Соловьевъ, узнавъ о причинѣ нашего пріѣзда, высказалъ, что относительно медленности и недостаточной рѣшительности дѣйствій Податной Комиссіи онъ не можетъ взять обратно своихъ словъ, такъ какъ это составляетъ его убѣжденіе, но что онъ сознается, что его мнѣніе не было выражено въ довольно спокойной формѣ, и потому отказывается отъ рѣзкости своихъ выраженій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что никто не желаетъ моего удаленія отъ управленія дѣлами Комиссіи,—но что все же нужно подумать о томъ, какъ ей придать больше энергіи, и окончательно пришли къ заключенію, что желательно имѣть другого предсѣдателя, такъ какъ Гагемейстеръ слишкомъ занятъ дѣлами по Кредитной Канцеляріи, чтобы посвятить

Комиссіи все необходимое вниманіе и при томъ по мягкости своего характера можетъ быть не въ состояніи достаточно настойчиво проводить такое деликатное дѣло, какъ податное устройство крестьянъ. Не помню, кто принялъ на себя переговорить объ этомъ съ Гаге-мейстеромъ, но дѣло въ томъ, что послѣдній, какъ человѣкъ чрезвычайно благородный, незаинтересованный и лишенный всякаго самолюбія, немедленно изъявилъ готовность сложить съ себя предсѣдательство. Дальнѣйшія сужденія между главнѣйшими членами Комиссіи по этому вопросу происходили у меня въ кабинетѣ, такъ что я все время находился въ центрѣ дѣла. Выборъ палъ на А. К. Гирса, полезная редакціонная дѣятельность котораго въ Членахъ Редакціонныхъ Комиссій весьма цѣнилась. Въ слѣдующемъ совѣщаніи, которое также происходило, кажется, у меня и на которомъ уже присутствовалъ А. К. Гирсъ, ему было сдѣлано соотвѣтствующее предложеніе, которое онъ и принялъ.

Хотя такимъ образомъ я принималъ дѣятельное участіе въ назначеніи А. К. Гирса предсѣдателемъ Комиссіи, а скорѣе именно потому, у меня съ нимъ на самыхъ же первыхъ порахъ послѣ его назначенія вышло столкновеніе. Я впрочемъ не разъ замѣчалъ, что когда новый человѣкъ становится въ дѣлѣ какого-либо учрежденія, онъ трудно уживается съ подчиненнымъ ему прежнимъ главнымъ дѣятелемъ, боясь, какъ бы не очутиться въ глазахъ общества на второмъ планѣ и не сохранить достаточнаго авторитета въ дѣлѣ. Такъ случилось и между нами. Въ качествѣ управляющаго дѣлами я сдѣлалъ какое-то распоряженіе, которое А. К. считалъ стоящимъ въ сферѣ дѣятельности предсѣдателя, и онъ выразилъ мнѣ это письменно въ довольно рѣзкой формѣ, усматривая въ моемъ распоряженіи какъ бы посягательство на свои права. А. К. былъ человѣкъ съ мягкимъ и даже нѣсколько слабымъ характеромъ и, можетъ быть, именно сознавая это, рѣшился дать мнѣ съ самаго начала энергической отпоръ, при чемъ не сумѣлъ сохранить благоразумную середину между слабостью и избыткомъ энергіи. При другихъ обстоятельствахъ я вѣроятно съ своей стороны отвѣтилъ бы ему довольно рѣзко, но случилось, что именно въ это время у меня оказалось столкновеніе и съ Церемоніальной Экспедиціей и съ Географическимъ Обществомъ, такъ что я рисковалъ потерять всё свои положенія разомъ. Я былъ этимъ до того разстроены, что, поднимая уже перчатку по этимъ двумъ послѣднимъ столкновеніямъ, я по отношенію къ Гирсу спасовалъ, ограничившись выраженіемъ нѣкоторой холодности въ моихъ отношеніяхъ къ нему. Впослѣдствіи, впрочемъ, между нами установились вновь прежнія хорошія и даже дружественныя отношенія, такъ что когда по случаю назначенія меня

Вице-Директоромъ Таможныхъ Департаментовъ я оставилъ управленіе дѣлами Податной Комиссіи, А. К. выразилъ мнѣ по этому поводу сердечное свое сожалѣніе.

Столкновеніе же мое съ Церемоніальной Экспедиціей и Географическимъ Обществомъ произошло по слѣдующему поводу:

По Церемоніальной Экспедиціи это было тоже какое-то безцеремонное выраженіе Директора Экспедиціи Кудрявцева, которое побудило меня написать ему, что я готовъ оставить Церемоніальную Экспедицію, но что подобныхъ замѣчаній я выслушивать не намѣренъ. Кудрявцевъ въ сущности былъ очень добрый человѣкъ и потому, подъ впечатлѣніемъ моего письма, онъ отвѣтилъ мнѣ въ успокоительномъ тонѣ, что мнѣ нечего обижаться, что у него не было намѣренія меня обидѣть, и такимъ образомъ это столкновеніе разрѣшилось безъ всякихъ послѣдствій.

Гораздо серьезнѣе была моя размолвка съ графомъ Литке, тѣмъ болѣе, что я долженъ сознаться, въ данномъ случаѣ, она произошла не безъ моей вины.

Какъ человѣкъ весьма энергической и живой, О. П. Литке всегда близко принималъ къ сердцу всѣ дѣла Географическаго Общества и никакъ не могъ терпѣть поверхностнаго и безучаствнаго къ нимъ отношенія. Кругъ дѣятельности Географическаго Общества въ сущности распадался на двѣ отдѣльныя группы,—а именно на дѣла чисто географическія и на дѣла статистико-экономическія. Хотя группа географическихъ вопросовъ въ сущности была главною для Общества, какъ уже вытекало изъ самаго его названія, но сознаю, что не, будучи географомъ, я не обращалъ особеннаго вниманія на географическіе вопросы, преимущественно интересуясь статистическими работами Общества. Въ то время Географическое Общество предприняло изданіе большой карты Россіи. Осенью, по возвращеніи графа Литке въ Петербургъ, я отправился къ нему съ докладомъ по текущимъ дѣламъ Общества. Между прочимъ онъ меня спросилъ, какъ шли въ теченіе лѣтъ картографическія работы, и насколько подвинулось составленіе карты. Я могъ ему сказать только, что въ послѣднее время я никого изъ работающихъ надъ этимъ дѣломъ не видѣлъ и потому не могу ничего сообщить ему по этому предмету. Онъ разгорячился и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе (въ сущности справедливое), что мнѣ, какъ Секретарю Общества, слѣдовало бы болѣе интересоваться этимъ важнымъ дѣломъ и ближе слѣдить за нимъ—п это было сказано въ нѣсколькихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, потому что Литке при всѣхъ его высокихъ и почтенныхъ качествахъ не отличался мягкостью характера.

Между тѣмъ незадолго передъ тѣмъ меня упрекали прежній

Секретарь Общества Ламанскій въ томъ, что я слишкомъ подчиняюсь предсѣдателю и не выдерживаю передъ нимъ достаточно самостоятельный характеръ Секретаря Общества ¹⁾. Подъ этимъ впечатлѣніемъ адмониція гр. Литке возымѣла на меня такое дѣйствіе, что я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать независимость характера, рискуя даже совершенно порвать съ Обществомъ.

Вслѣдствіе того я послалъ гр. Литке письмо, въ которомъ я писалъ ему тоже довольно рѣзко—что такое его отношеніе ко мнѣ я не считаю совмѣстимымъ съ достоинствомъ моего характера и потому слагаю съ себя званіе Секретаря Общества.

Отославъ это письмо, я нѣсколько дней спустя отиравился къ В. П. Безобразову и рассказалъ ему все дѣло. Владиміръ Павловичъ, который всегда былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Ө. П. Литке, особенно цѣнившимъ его энергическій характеръ,—обѣщалъ мнѣ постараться уладить это дѣло. Переговоры продолжались нѣкоторое время и послѣ взаимныхъ объясненій привели къ удовлетворительному результату. Я взялъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, и отношенія мои съ гр. Литке мало по малу пришли опять въ совершенное равновѣсіе. До конца жизни Өедоръ Петровичъ выказывалъ свое доброе расположеніе ко мнѣ, которое между прочимъ выразилось даже съ теплотою необычайною при его характерѣ, въ сердечномъ сочувствіи, выраженномъ имъ по случаю смерти моей жены; онъ одинъ изъ первыхъ друзей пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы показать мнѣ то живое участіе, съ которымъ онъ относился къ моей печальной судьбѣ.

Говоря о моихъ отношеніяхъ къ Податной Комиссiи и Географическому Обществу, я зашелъ значительно впередъ и теперь надо возвратиться опять къ 1860-му году.

1860 и 1861 годы ознаменованы окончаніемъ работъ Редакціон-

¹⁾ Странно, что эти три довольно однообразныя столкновенія произошли подъ вліяніемъ прямо противоположныхъ другъ другу побужденій. Столкновение съ Гирсомъ было вызвано упрекомъ въ слишкомъ самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, въ ущербъ авторитету Предсѣдателя, а на возможный разрывъ съ графомъ Литке и Г. Обществомъ я пошелъ подъ вліяніемъ упрека въ томъ, что я недостаточно охраняю самостоятельное положеніе Секретаря, слишкомъ подчиняясь Предсѣдателю. По поводу этихъ трехъ неприятныхъ происшествій, случившихся почти одновременно, кажется, въ теченіе одной недѣли, считаю нужнымъ прибавить, что вообще я замѣчалъ не разъ въ моей жизни, что какъ пріятныя, такъ и неприятныя происшествія почти никогда не являются единичными, а почти всегда по нѣскольку разомъ, какъ будто бы наша такая полоса—то благоприятная, то неблагоприятная.

ныхъ Комиссій, разсмотрѣніемъ положенія объ освобожденіи крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ и наконецъ обнародованіемъ этого положенія, которому было дано названіе „Положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ“.

Въ 1860-мъ году, когда работы Редакціонныхъ Комиссій уже приходили къ концу, графъ Ростовцовъ, который былъ председателемъ этихъ Комиссій, внезапно опасно заболѣлъ карбункуломъ и черезъ нѣсколько недѣль скончался. На его мѣсто былъ назначенъ графъ Панинъ. Это назначеніе всѣхъ крайне удивило, потому что, во-первыхъ, Панинъ не былъ сторонникомъ реформы, въ томъ духѣ, какъ ее проводили Редакціонныя Комиссіи, а затѣмъ по своему характеру отличался необыкновеннымъ педантизмомъ, который иногда доходилъ до странности, и уже совершенно не обладалъ той обходительностью, которая могла бы полезно вліять на людей, занятыхъ этимъ дѣломъ, и тѣмъ самымъ облегчить его ходъ; повидимому, нельзя было выбрать человѣка менѣе подходящаго къ этому положенію.

Но это было только повидимому, а въ сущности при данныхъ условіяхъ это былъ совершенно подходящий выборъ. Передъ смертью Ростовцова, Государь неоднократно посѣщалъ Ростовцова, и долго бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ Государь однако не рѣшался завести разговоръ о томъ, кому поручить дѣло послѣ его смерти. Нѣсколько разъ, высказалъ потомъ самъ Государь, „было у меня почти на языкѣ спросить его, кого бы онъ назначилъ себѣ въ преемники, и, конечно, я въ этомъ исполнилъ бы его волю, но внутреннее чувство не позволило мнѣ высказаться, я боялся огорчить больного“... Въ пользу такого выбора говорили слѣдующія соображенія. Во главѣ Главнаго Комитета Редакціонныхъ Комиссій очевидно нельзя было поставить никого изъ членовъ Комиссій. Это должно было быть лицо высокопоставленное въ административной іерархіи, или бывшій министръ или кто-либо изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, потому что только такое лицо могло быть въ состояніи провести это дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ было не мало противниковъ Редакціонныхъ Комиссій. Но изъ этого круга нѣкоторые лица совершенно не подходили къ такому назначенію, по своему недостаточному знакомству съ подробностями дѣла, а другія устранялись отъ выбора по особымъ соображеніямъ, такъ напр. Ланской потому, что онъ состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ качествѣ былъ уже связанъ съ крестьянскимъ дѣломъ, Валувевъ потому, что былъ прямымъ противникомъ того направленія, которое дѣло приняло въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ—при его инициативѣ нѣкоторыми высокопоставленными лицами былъ даже составленъ и представленъ

Государю контръ-проектъ реформы,—потому поставленный во главѣ Главнаго Комитета онъ могъ повліять въ положительномъ смыслѣ на окончаніе дѣла. За Панина говорили прямота и благородство его характера и его безусловная преданность волѣ Государя. Можно было быть увѣреннымъ, что если онъ дастъ слово Государю довести порученное ему дѣло до благополучнаго окончанія, не ломая и не искажая его, онъ это свято исполнитъ, какія бы ни были его собственные возрѣнія на предметъ. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло уже настолько подвинулось впередъ и настолько обрисовалось, что требовалось только не мѣшать закончить его, такъ сказать, послѣдними штрихами, то при такихъ условіяхъ понятно, что и выборъ Государя палъ именно на графа Панина, тѣмъ болѣе, что его назначеніе могло послужить къ нѣкоторому успокоенію сильно возбужденнаго въ дворянской средѣ общественнаго мнѣнія. Послѣдствія показали, что, какъ бы это ни казалось страннымъ, назначеніе графа Панина не только не помѣшало, но можетъ быть даже содѣйствовало успѣху проведенія дѣла.

Назначая Панина преемникомъ Ростовцова, Государь положительнѣйшимъ образомъ выразилъ ему свою волю, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствія Комиссіи, и чтобы предсмертная записка Якова Ивановича служила имъ наставленіемъ. „Помните все, что вы мнѣ говорили—сказалъ онъ ему по этому поводу—на выраженныхъ условіяхъ только вѣрю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть“. Съ своей стороны Панинъ увѣрялъ Великаго Князя Константина Николаевича, что каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго прежде всего подчинять ихъ взгляду Императора. „Если я, поясняя онъ, какими-либо путями, прямо или косвенно удостовѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, то я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“.

Впрочемъ, графъ Панинъ нѣсколько разъ пытался видоизмѣнить, на сколько зависѣло отъ него, направленіе, завѣщанное Ростовцовымъ, дѣлалъ возраженія, подавалъ по нѣкоторымъ вопросамъ отдѣльныя мнѣнія, но въ концѣ концовъ подчинялся во всемъ возрѣнію Государя и окончательно подалъ голосъ по всѣмъ вопросамъ съ большинствомъ ¹⁾.

1) Императоръ Александръ II—С. С. Татищева. 1903 г.

Такъ какъ графъ Панинъ при всѣхъ своихъ странностяхъ былъ истиннымъ джентльменомъ, то его отношенія къ членамъ Редакціонныхъ Комиссій не вызывали никакихъ столкновеній; труднѣе всего было, разумѣется, Н. А. Милютину, какъ главному руководителю дѣла, снѣться съ гр. Панинымъ, но при взаимной благовоспитанности и благородствѣ характера отношенія между ними установились довольно удовлетворительныя. Происходили, разумѣется, и нѣкоторые курьезные эпизоды, неизбежные при прямолинейности гр. Панина, но это нисколько не мѣшало ходу дѣла. Весь этотъ періодъ подробно описать однимъ изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій Н. П. Семеновымъ въ его сочиненіи, посвященномъ ходу работъ комиссій, и потому я, какъ не участвовавшій въ нихъ, и не буду здѣсь этого касаться.

По заключеніи работъ и составленіи положенія оставалось еще провести его въ Государственномъ Совѣтѣ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, назначенный передъ тѣмъ Предсѣдателемъ Главнаго Комитета, былъ совершенно въ курсѣ дѣла, принималъ его близко къ сердцу и относился совершенно сочувственно къ тому направленію, которое оно получило въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій. Поэтому съ его стороны можно было рассчитывать на полную поддержку. Но надо было по возможности подготовить прочихъ членовъ Государственнаго Совѣта, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не считались принципиальными противниками дѣла. Съ этою цѣлью члены бывшихъ Редакціонныхъ Комиссій подраздѣлили между собою Членовъ Государственнаго Совѣта, и каждый изъ нихъ взялъ на себя трудъ основательно ознакомить знакомыхъ ему Членовъ Государственнаго Совѣта съ подробностями дѣла и, сколько возможно, повліять на нихъ въ благопріятномъ для дѣла смыслѣ. Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ, проектъ Ред. Ком. былъ принятъ безъ большихъ измѣненій Государственнымъ Совѣтомъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 19-го февраля 1861 года, и вслѣдъ за тѣмъ обнародованъ въ Петербургѣ 5-го марта.

Одновременно съ утвержденіемъ Положенія послѣдовало увольненіе гр. Ланского отъ поста министра В. Д. и назначеніе на его мѣсто Валуева. вмѣстѣ съ тѣмъ Милютинъ былъ уволенъ отъ званія тов. мин. Ви. Дѣлъ съ назначеніемъ ст.-секретаремъ. Это былъ настоящій *coup de foudre* для всѣхъ сторонниковъ крестьянскаго дѣла. Такъ какъ Милютинскіе вечера продолжались вплоть до окончанія работъ по крестьянскому вопросу, то я поѣхалъ къ нему въ слѣдующее воскресенье,—катастрофа произошла, кажется, за день до того,—въ надеждѣ разузнать всѣ подробности, какъ совершилась эта катастрофа. Но Николай Алексѣевичъ никого не принималъ въ

этотъ вечеръ, до того, очевидно, онъ былъ разстроены совершившимся. Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ на годъ за границу.

Дѣйствительно, можно было опасаться совершеннаго уклоненія въ противоположную сторону при проведеніи реформы на мѣстахъ, разъ главное руководство предоставлялось открытому врагу реформы, въ томъ видѣ, какъ она была выработана, лицу, которое, какъ уже было указано выше, занималось даже составленіемъ контр-проекта. Рѣшеніе Государя вызывалось несомнѣнно желаніемъ успокоить дворянство. Государь могъ думать, что разъ Положеніе было утверждено во всѣхъ подробностяхъ, никакое новое лицо не будетъ имѣть возможности существенно умолнить отъ него при введеніи Положенія въ дѣйствіе. При крайнемъ возбужденіи значительной части дворянства и при той ненависти, которая проявлялась тогда въ его средѣ по отношенію ко всѣмъ личностямъ, такъ или иначе близко стоявшимъ къ работамъ Редакціонныхъ Комиссій, могло казаться благоразумнымъ поручить практическое осуществленіе дѣла совершенно новымъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что введеніе Положенія на мѣстахъ приходилось возложить на мировыхъ посредниковъ, выбранныхъ изъ среды тѣхъ же дворянъ. Во всякомъ случаѣ можно было однако удивляться, что выборъ въ министры вн. дѣлъ палъ не просто на новаго человѣка, но на противника этого дѣла, тѣмъ болѣе, что тѣ соображенія, которыя руководили Государемъ при выборѣ графа Панина, не могли быть примѣняемы къ Валугеву. По всей вѣроятности Государь рассчитывалъ на ловкость Валугева, которому, тѣмъ болѣе, что онъ былъ *persona grata* въ глазахъ дворянства, легче будетъ устроить дѣло хотя и съ мягкостью для дворянства, но все же согласно утвержденному Государемъ Положенію, и такимъ образомъ, въ извѣстной мѣрѣ, удовлетворить ожиданіямъ обѣихъ сторонъ.

Какъ бы то ни было, но не мало слышалось въ обществѣ сѣтованій на нерѣшительность провести дѣло въ томъ духѣ, какъ оно было начато, на угожденіе дворянству и т. п. Послѣдствія указали однако, что всѣ опасенія, вызванныя новыми назначеніями, оказались неосновательными, потому что случилось то, чего никто не могъ ожидать. Посредники, выбранные изъ мѣстныхъ дворянъ, которымъ приходилось на практикѣ приводить въ исполненіе Положеніе, оказались до того на высотѣ своего положенія, что до сихъ поръ мировые посредники, I-го призыва, въ памяти всѣхъ оказываются окруженными какимъ-то особеннымъ ореоломъ, совершенно выдѣляющимъ ихъ изъ круга служебныхъ дѣятелей всѣхъ временъ. Сознаніе высоты возложенныхъ на нихъ обязанностей подняло ихъ духовно и какъ-бы совершенно преобразовало ихъ характеръ до того, что даже личности, бывшія прежде яркими крѣпост-

никами, сдѣлавшись мировыми посредниками, стали съ такимъ увлеченіемъ отстаивать интересы крестьянства, что ихъ братья-дворяне упрекали ихъ даже въ томъ, что они жертвуютъ дворянскими интересами.

Это такое знаменательное явленіе, которое представляется почти единственнымъ въ нашей исторіи;—оно доказываетъ во-очію—что если только правительство рѣшается апеллировать къ высшимъ побужденіямъ людей и при этомъ оказывать имъ полное довѣріе—то всегда въ Россіи найдутся достойныя личности, которыя окажутся на высотѣ своего положенія.

Къ сожалѣнію, этотъ урокъ отечественной исторіи совершенно былъ упущенъ изъ вида при дальнѣйшемъ ходѣ земскаго дѣла. Земскимъ дѣятелямъ не только не оказывалось поощряющаго ихъ довѣрія, но, напротивъ того, постоянныя вмѣшательства губернаторовъ въ земскія дѣла, въ формѣ протестовъ противъ иногда даже самыхъ невинныхъ рѣшеній земскихъ собраній,—служило признакомъ явнаго недовѣрія къ ихъ образу дѣйствій, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—а затѣмъ эта дѣятельность была даже формально съужена, преобразованиемъ Земскаго Положенія и реформою продовольственныхъ учреждений.

День объявленія реформы (Положеніе читалось народу въ церквахъ) прошелъ безъ особеннаго энтузіазма. Повидимому, это великое дѣло освобожденія, на первыхъ порахъ, не произвело особеннаго впечатлѣнія, народъ какъ-бы не понималъ, въ чемъ вопросъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли печальныя недоразумѣнія и столкновенія съ властями, въ одномъ случаѣ были даже казни. Но въ общемъ дѣло обошлось довольно спокойно и преувеличенныя опасенія, которыя носились въ обществѣ, къ счастью не оправдались.

Главные заботы всѣхъ сосредоточились на распредѣленіи земель между крестьянами и помѣщиками. Крестьяне энергично стояли за свой надѣлъ, добровольныя сдѣлки оказывались возможными только въ рѣдкихъ случаяхъ; крестьяне отказывались отъ всякихъ подписокъ, и большею частью приходилось вводить уставныя грамоты обязательно. Мнѣ самому очень хотѣлось устроить дѣло съ нашими крестьянами по добровольному соглашенію, но ихъ никакъ нельзя было уговорить, пришлось принять то же обязательное разграниченіе.

Затѣмъ настала эпоха новаго хозяйства, никто къ ней не былъ подготовленъ, дѣла шли плохо, помѣщики жаловались на рабочихъ, рабочіе на помѣщиковъ, и тѣ немногіе люди, которые думали серьезно взяться за дѣло хозяйства, большею частью по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ опыта бросили хозяйство при сознаніи, что ничего

не подѣлаешь. Это было тяжелое для всѣхъ время, которое вызвало необходимость обязательнаго выкупа.

Съ тѣхъ поръ прошло скоро полъ-вѣка, страсти улеглись, все такъ или иначе устроилось, и потому можно уже хладнокровно отнестись къ дѣлу Редакціонныхъ Комиссій и безпристрастно оцѣнить его, не вознося его съ одной стороны до небесъ, а съ другой стороны не порицая его абсолютно, какъ это дѣлалось въ первое время сторонниками того и другого направленія. Лучшею оцѣнкою дѣла, какія бы ни были его достоинства и недостатки, можетъ служить то обстоятельство, что со времени освобожденія крестьянъ Россія во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлала такіе успѣхи, что она стала совершенно неузнаваема; вмѣстѣ съ тѣмъ однако, выяснилось, что хотя положеніе крестьянъ тоже улучшилось, но они можетъ быть выиграли менѣе другихъ сословій, поднятіе ихъ благосостоянія въ сравненіи съ ихъ положеніемъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, не проявилось вездѣ въ той сильной мѣрѣ, какъ это можно бы было ожидать, во многихъ мѣстностяхъ можно даже замѣтить регрессъ.

Вслѣдствіе того естественно является вопросъ, не произошелъ ли переходъ ихъ отъ крѣпостнаго къ свободному состоянію слишкомъ быстро, заставъ ихъ къ тому неподготовленными, такъ что они не были еще въ состояніи вполне воспользоваться даруемыми имъ благами свободы, не слѣдовало ли идти въ этомъ дѣлѣ медленнѣе, подготавливая ихъ постепенно къ дарованію свободы. Не слѣдовало ли начать со введеніемъ инвентарей и затѣмъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ придти къ окончательному результату.

Такіе вопросы можно возбуждать теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ съ отвлеченной точки зрѣнія, но практически при томъ возбужденіи страстей, которое неизбежно должно было вызывать рѣшеніе такого дѣла, о какой-либо большей постепенности не могло быть и рѣчи, нужно было разомъ разрубить гордіевъ узелъ—всякое колебаніе могло быть опасно. Тотъ же самый вопросъ возникалъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки при освобожденіи рабовъ, и точно также пришлось и тамъ рѣшиться на категорическое разрѣшеніе вопроса. При томъ же исторія показала, что даже та постепенность, которая была предусматрѣна Положеніемъ въ смыслѣ замѣны барщинъ оброкомъ и затѣмъ добровольнаго перехода на выкупъ, не могла быть выдержана и пришлось силою вещей обратиться къ обязательному выкупу, чтобы окончательно разорвать всякую связь между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными.

Другой вопросъ, нужно ли было идти по тому же пути и въ дѣлѣ устройства государственныхъ крестьянъ.

Положеніе послѣднихъ до реформы было большею частью несомнѣнно лучше положенія помѣщичьихъ крестьянъ; послѣ освобожденія положеніе тѣхъ и другихъ совершенно сравнялось, и теперь уже никакъ нельзя сказать, чтобы экономическое положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ находилось на сравнительно высшей точкѣ. Побужденіе всѣхъ приравнять, всѣмъ предоставить въ равной мѣрѣ всѣ выгоды свободнаго положенія, совершенно естественное съ отвлеченной точки зрѣнія, не оправдалось однако послѣдствіями. Особенно же примѣненіе и къ гос. крестьянамъ обязательнаго выкупа оказалось безусловно ошибкой. Не лишая ихъ возможности выкупить свою землю и становиться полными собственниками ея,—это можно было предоставить личному желанію каждаго. Собственность несомнѣнно цивилизующее начало, но она теряетъ это свое значеніе, когда она навязывается всѣмъ и не вызываетъ никакого усилія, никакой жертвы для ея достиженія. Что же касается чисто финансоваго вопроса, то несомнѣнно оказывается, что мы потребляемъ капиталы вмѣстѣ съ процентами, такъ что по окончаніи выкупа окажется вѣсущимъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, которому не будетъ соответствовать соразмѣрное уменьшеніе расходовъ, — между тѣмъ какъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ поглощеніе ежегодными расходами выкупныхъ платежей уравнивается, до нѣкоторой степени, соответственными погашеніями долговъ, заключенныхъ правительствомъ, въ видахъ вознагражденія помѣщиковъ за отчуждаемую отъ нихъ землю.

Въ началѣ 1862 года состоялось назначеніе М. Х. Рейтерна на постъ министра финансовъ. Съ его назначеніемъ настала новая эра въ нашемъ финансовомъ управленіи—облародованіе бюджета, усиленное развитіе постройки желѣзныхъ дорогъ, опытъ введенія металлическаго обращенія и т. д.

Назначеніе Рейтерна состоялось слѣдующимъ образомъ. Въ то время выработывался проектъ замѣны откуповъ акцизною системою. При этомъ необходимо было прежде всего озаботиться выборомъ человѣка умнаго, энергическаго и хорошаго администратора на постъ директора департамента неокладныхъ сборовъ,—такъ какъ проведеніе реформы лежало на этомъ департаментѣ, и потому успѣхъ всего дѣла долженъ былъ, въ значительной степени, зависѣть отъ того, кто будетъ поставленъ во главѣ означеннаго департамента. Выборъ палъ на К. К. Грота, бывшаго тогда саратовскимъ губернаторомъ. По выработкѣ проекта, пришлось затѣмъ назначить соответственныхъ лицъ въ губерніи, такъ какъ на прежнихъ чиновниковъ, въ рукахъ коихъ находилось откупное дѣло, въ этомъ отношеніи нельзя было рассчитывать. По поводу этихъ назначеній, съ

самаго начала произошли размолвки между А. М. Княжевичемъ и Гротомъ. А. М. Княжевичъ, человѣкъ чрезвычайно мягкій и находившійся подъ вліяніемъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, пообщалъ разнымъ лицамъ мѣста акцизныхъ управляющихъ въ губерніяхъ. Гротъ находилъ, что многіе изъ кандидатовъ Княжевича не представляютъ достаточной гарантіи для удачнаго веденія дѣла, и потому не хотѣлъ согласиться на ихъ назначеніе. Княжевичу, какъ министру, очевидно трудно было не исполнить данныхъ имъ обѣщаній, и потому ни одна сторона не могла уступить въ дѣлѣ выбора новыхъ чиновниковъ. Тогда Гротъ, объявивъ, что при такомъ составѣ мѣстныхъ дѣятелей, онъ не можетъ ручаться за успѣхъ дѣла, подалъ въ отставку.

Какъ человѣкъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный, А. М. Княжевичъ хорошо понималъ, что веденіе акцизнаго дѣла, которое тогда обращало на себя всеобщее вниманіе, безъ Грота обойтись не можетъ, такъ какъ К. К. именно для этого и былъ назначенъ директоромъ департамента; онъ прямо высказалъ, что если кому слѣдуетъ выходить, то это не Гроту, а ему самому, и дѣйствительно сложилъ съ себя званіе министра финансовъ. На его мѣсто былъ назначенъ М. Х. Рейтернъ, который тогда уже былъ статсъ-секретаремъ, членомъ Комитета Финансовъ, считался хорошимъ финансистомъ и пользовался сильной поддержкой какъ Великаго Князя Константина Николаевича, такъ и графа Нессельрода, бывшаго въ то время предсѣдателемъ Комитета Финансовъ.

Вслѣдъ за своимъ назначеніемъ Михаилъ Христофоровичъ пригласилъ къ себѣ В. П. Безобразова и меня и объяснилъ намъ, что онъ желаетъ пользоваться нашимъ содѣйствіемъ. Обратившись прежде всего къ Безобразову, который тогда сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, Рейтернъ высказалъ, что онъ желаетъ поручить ему составленіе объяснительныхъ статей для „Моск. Вѣдомостей“, по разнымъ финансовымъ вопросамъ, которые имъ будутъ возбуждаться. Мнѣ же онъ предложилъ финансовую цензуру журналовъ, т. е. слѣдить за появляющимися статьями и постоянно знакомить его со всѣмъ, что будетъ появляться въ этой области.

По этому случаю тутъ же произошла размолвка между Безобразовымъ и Рейтерномъ, которая до конца вліяла на ихъ взаимныя отношенія. Владиміръ Павловичъ сталъ третировать Рейтерна *d'égal à égal* и заявилъ ему, что прежде чѣмъ поддерживать его мѣтропріятія въ журналистикѣ, ему необходимо знать, въ чемъ будетъ заключаться система Рейтерна, чтобы судить, на сколько онъ можетъ съ нею согласиться, и что потому необходимо бы было предварительно условиться съ нимъ въ общемъ финансовомъ планѣ.

Рейтернъ, какъ человѣкъ крайне авторитетный, разумѣется, не могъ согласиться поставить свою финансовую дѣятельность въ зависимость отъ санкціи молодого человѣка, хотя и уважаемаго имъ, и отвѣтилъ Безобразову съ большимъ тактомъ—что Влад. Пав. достаточно его знаетъ, чтобы не думать, что онъ можетъ потребовать отъ него, чтобы онъ писалъ что-либо противъ своего убѣжденія, и что общее направленіе его взглядовъ на финансы достаточно извѣстны ему, Безобразову. На этомъ разговоръ у нихъ кончился и, хотя это не помѣшало сохраненію прежнихъ хорошихъ отношеній между ними, но все же то—какимъ образомъ Безобразовъ отвѣтилъ на его приглашеніе поддержки,—оставило между ними нѣкоторую отчужденность. Впослѣдствіи Рейтернъ назначалъ Безобразова въ разныя комиссіи, давалъ ему разныя командировки въ Россіи и за границу, чтобы предоставить ему возможность изучать разные экономическіе вопросы, но собственно къ активному участию въ дѣлахъ управленія никогда уже не привлекалъ.

Сознаюсь, что мнѣ также не очень нравилась роль финансоваго цензора, которую мнѣ предлагалъ новый министръ. Хотя ознакомленіе его со всѣмъ, что происходило къ журналистикѣ по финансовой части, само по себѣ не имѣло ничего несимпатичнаго,—но такъ какъ онъ употребилъ при этомъ слово цензура, то дѣло получало другой характеръ, крайне мнѣ несимпатичный. Присутствуя при предшествующемъ разговорѣ Михаила Христофоровича съ Безобразовымъ, я нашелъ, однако, болѣе удобнымъ ничего не отвѣчать ему въ данную минуту и предварительно присмотрѣться къ тому, какъ у насъ пойдетъ дѣло. Никакою цензурою и никакими сообщеніями я пока не сталъ заниматься, а вмѣсто того занялся составленіемъ разныхъ финансовыхъ статей въ журналахъ, между прочимъ разсмотрѣніемъ нашего бюджета, который только-что былъ обнародованъ, и кромѣ того продолжалъ свои занятія по Податной Комиссіи. Затѣмъ о цензурѣ у меня съ министромъ уже не возникало болѣе вопроса, и это дѣло такъ и заснуло. Въ началѣ слѣдующаго года Михаилъ Христофоровичъ предложилъ мнѣ оставить Церемониальную Экспедицію и совершенно перейти на службу въ Министерство Финансовъ; я принялъ его предложеніе и, согласно моему желанію, онъ назначилъ меня чиновн. по особымъ порученіямъ V класса, хотя я въ чинѣ тогда стоялъ еще гораздо ниже.

Въ числѣ главныхъ дѣлъ, совершенныхъ Рейтерномъ во время его министерства—надо указать на развитіе у насъ желѣзнодорожнаго строительства. Рейтернъ, послѣ разныхъ опытовъ, остановился на концессионной системѣ, въ чемъ впослѣдствіи многіе его упрекали, потому что на этихъ предпріятіяхъ составились большія со-

стоянія. Такъ какъ строительная сумма назначалась обыкновенно очень высокою, то концессіонеру оставалась обыкновенно отъ постройки значительная прибыль: были даже случаи, что люди брали концессіи исключительно съ намѣреніемъ перепродать ихъ дѣйствительнымъ строителямъ, при чемъ, несмотря на это, на долю тѣхъ и другихъ приходились значительные барыши.

Если сообразить однако, какъ въ началѣ это дѣло шло туго, то нельзя не придти къ заключенію, что первымъ предпринимателямъ нужно было дать возможность реализовать значительные барыши, чтобы этимъ путемъ привлечь у насъ капиталы къ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ. Недовѣріе къ дѣлу строительства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и къ возможной доходности этихъ искусственныхъ сооружений была такъ значительно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла образоваться ни одна компанія. Наконецъ, рѣшились предоставить одной русско-англійской компаніи очень значительныя выгоды, при гарантіи дохода; контрактъ былъ заключенъ, подписка на акціи была открыта въ Лондонѣ и, несмотря на поддержку нѣкоторыхъ банкировъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, осталась непокрытою, компанія не состоялась.

Въ такой моментъ два инженера фонъ Меккъ и фонъ Дервизъ возымѣли мысль примѣнить совершенно новую у насъ систему по желѣзнодорожному дѣлу—образованіе капитала выпускомъ небольшого количества акцій и значительнаго количества облигацій. Такъ какъ облигаціи были гарантированы, то ихъ удалось размѣстить. Строительная сумма была назначена столь высокая, что всю дорогу (Московско-Рязанскую) удалось построить на одинъ облигаціонный капиталъ, а всѣ акціи остались чистою прибылью предпринимателей,—и такъ какъ дорога вмѣстѣ съ тѣмъ съ самаго начала стала давать хорошій доходъ, то эти акціи, по которымъ почти никакихъ взносов не было сдѣлано, значительно поднялись въ цѣнѣ—фонъ Меккъ и фонъ Дервизъ стали милліонерами. Съ этого момента всѣ бросились на желѣзнодорожное дѣло, началась желѣзнодорожная горячка, и постройка дорогъ, на которыя прежде никто не рѣшался идти, теперь пошла съ удивительною быстротою. При такой концессіонной системѣ, несомнѣнно, многія дороги обошлись довольно дорого, составились значительныя состоянія на этомъ дѣлѣ,—но зато, когда Михайлъ Христофоровичъ оставилъ министерство, то Россія была уже покрыта довольно значительною сѣтью жел. дорогъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя это дѣло встрѣтило въ началѣ его министерства вслѣдствіе недовѣрія капиталовъ къ желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи.

Другое важное предпріятіе Рейтерна, кончившееся однако не

такъ благополучно—это денежная реформа, которая была выработана при ближайшемъ участіи Е. И. Ламанскаго, только—что назначеннаго товарищемъ управляющаго вновь преобразованнаго Государственнаго банка, во главѣ котораго былъ поставленъ баронъ Штиглицъ.

Впослѣдствіи, когда дѣло не удалось, Рейтерна упрекали въ томъ, что онъ приступилъ къ денежной реформѣ, недостаточно подготовивъ это дѣло и не имѣя достаточнаго запаса золота, но эти упреки возникали со стороны лицъ, которыя не были близко знакомы съ дѣломъ. Заключивъ съ Ротшильдомъ заемъ въ сто милліоновъ рублей, Михайль Христофоровичъ заручился кромѣ того, какъ онъ мнѣ самъ это рассказывалъ, обѣщаніемъ Ротшильда на заключеніе еще дальнѣйшихъ займовъ, если таковыя потребуются для завершенія денежной операціи. Къ несчастію, при самомъ началѣ размѣна, вспыхнуло польское возстаніе. Франція стала оказывать возстанію поддержку всякими косвенными путями, къ которымъ можно было прибѣгнуть, не доходя до совершеннаго разрыва съ Россіей. Подъ давленіемъ Наполеона, Ротшильдъ отказался отъ исполненія своего обѣщанія, новый заемъ сталъ невозможнымъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ средствахъ, на которыя Рейтернъ могъ надѣяться, ему въ послѣднюю минуту было отказано, а съ другой стороны потребовались громадныя непредвидѣнные расходы по случаю польскаго возстанія. Рейтернъ былъ принужденъ вслѣдствіе того вновь выпускать изъятые изъ общенія кредитныя билеты, вмѣсто ихъ уничтоженія. Такимъ образомъ тотъ же кредитный билетъ могъ представляться къ размѣну безчисленное число разъ, а такъ какъ къ размѣну была примѣнена англійская система постепеннаго пониженія цѣны золота въ сроки, впередъ опредѣленные—то спекуляція могла дѣйствовать навѣрняка, опораживая нашъ золотой запасъ. Оставалось одно—въ виду полптическихъ обстоятельствъ прекратить размѣнъ. Между тѣмъ Высочайшимъ Указомъ было обѣщано доведеніе кредитныхъ билетовъ до нормы. Высоко ставя Царское Слово, Рейтернъ предпочелъ исполнить въ точности царское обѣщаніе, хотя это и должно было намъ стоить нѣсколько десятковъ милліоновъ (потеря золота составила около 80 милліоновъ, сколько могу припомнить). Размѣнъ по постоянно повышавшейся скалѣ былъ проведенъ до конца, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ только сроковъ повышенія, кредитныя рубли были доведены до нормы, и на другой день размѣнъ былъ закрытъ. Въ послѣднія недѣли, когда съ постояннымъ возрастаніемъ требованій на золото, запасъ банка сталъ приходить къ концу, о новомъ займѣ при данныхъ обстоятельствахъ нельзя было и думать. Штиг-

лицъ сталъ снабжать кассу банка золотомъ изъ собственныхъ средствъ, употребивъ на это нѣсколько милліоновъ, чтобы только поставить Рейтерна въ возможность довести начатое дѣло по крайней мѣрѣ до формальнаго окончанія. Разумѣется, всѣ внесенныя имъ суммы были ему послѣдствіемъ возвращены, однако онъ этимъ выказалъ необыкновенное довѣріе Рейтерну—такъ какъ онъ все же не съ при этомъ значительный рискъ—не выговаривая себѣ при томъ никакой прибыли. Этому Рейтернъ не забылъ ему до конца жизни, высоко цѣня оказанную ему услугу.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, собранія дворянства стали привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, такъ какъ разные подлежащіе обсужденію по этому поводу вопросы вызвали живѣйшій интересъ въ публикѣ. Собранія С.-Петербургскаго дворянства, тогда очень многочисленнаго, происходили подъ предѣдательствомъ графа Шувалова, бывшаго тогда петербургскимъ губернскимъ предводителемъ. Преніями интересовались не только мужчины, но и дамы, которыя наполняли хоры зала, внимательно наблюдали за говорившими.

Въ одномъ изъ засѣданій былъ возбужденъ вопросъ о земскомъ кредитѣ. Въ это время изъ Варшавы пріѣхалъ г. Масковскій, предлагавшій учредить поземельный акціонерный банкъ. Между тѣмъ мнѣ было извѣстно, что въ Комитетѣ о поземельномъ кредитѣ остановились на мысли о предпочтительности учрежденій взаимнаго поземельнаго кредита, я тоже былъ сторонникомъ этой послѣдней формы кредита и потому принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. До тѣхъ поръ я никогда еще не говорилъ публично и потому, когда до меня дошла очередь, и я подошелъ къ предводительскому столу, то мнѣ просто стало страшно, при мысли, что всѣ глаза на меня устремлены. Привычка и въ этомъ отношеніи играть большую роль. Въ настоящее время, присутствіе значительнаго числа слушателей меня нисколько не смущаетъ; напротивъ того, чѣмъ внимательнѣе слушатели слѣдятъ за моими словами, тѣмъ мнѣ говорится легче, тѣмъ это меня болѣе поощряетъ. Но тогда мнѣ приходилось первый разъ говорить публично; мнѣ стало такъ страшно, что я боялся, что у меня голосъ замретъ въ горлѣ. Но дѣлать было нечего, разъ я вышелъ, нужно было говорить. Я сдѣлалъ отчаянное надъ собою усиліе и началъ свою рѣчь. Послѣ первыхъ же фразъ, замѣчая внимательное отношеніе ко мнѣ слушателей, я однако ободрился и сталъ говорить все свободнѣе и свободнѣе—моя maiden-speech оказалась полнѣйшимъ успѣхомъ: большинство высказалось за взаимный кредитъ, предложеніе Масковского было устранено. Для подписки желающихъ принять участіе въ устройствѣ взаимнаго поземельнаго кредита выло-

жены листы. Но подписавшихся оказалось немного, все ограничилось ораторским успѣхомъ безъ всякихъ почти практическихъ послѣдствій. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, необходимо прежде всего, чтобы нашелся какой-либо практической дѣятель, умѣющій взяться за дѣло, устроить и повести его. Но дѣло это было тогда еще для всѣхъ совершенно новое, и потому такого дѣятеля не оказалось. Что касается до меня, то я не былъ въ положеніи вести подобное дѣло, да и вообще я никогда не былъ практическимъ человѣкомъ; имѣя способность теоретически отстаивать и развивать данную мысль, я не обладалъ необходимыми способностями для пракческаго приведенія ея въ исполненіе. Когда годъ или два спусти нашелся такой дѣятель въ лицѣ Яковлева, то дѣло взаимно-земскаго кредита устроилось безъ большого труда. Ораторскій успѣхъ выдвинулъ меня въ глазахъ дворянства, многіе изъ членовъ Собранія желали со мною познакомиться, у меня спрашивали мою карточку—и я, разумѣется, этимъ общимъ вниманіемъ былъ не мало польщенъ.

Но вслѣдъ затѣмъ я имѣлъ случай убѣдиться, что вниманіе Собранія обращено преимущественно на практическую сторону каждаго дѣла, и что однѣми общими фразами его трудно увлечь. Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, не помню въ томъ же или въ слѣдующемъ году, былъ возбужденъ вопросъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять противъ кражи лѣса крестьянами и самовольныхъ порубокъ. Разсчитывая на пріобрѣтенную мною популярность, я принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. Въ виду неоднократныхъ заявленій, что крестьяне крадутъ лѣсъ, я считалъ нужнымъ протестовать противъ такого огульнаго обвиненія, я сталъ говорить въ томъ смыслѣ, что можно обвинять того или другого крестьянина, Ивана или Петра, въ кражѣ лѣса, но обвинять въ этомъ крестьянъ огульно, возводить однимъ сословіемъ такое обвиненіе на цѣлое сословіе нельзя не считать несправедливымъ и неумѣстнымъ... Хотя я въ этотъ разъ говорилъ довольно хорошо и плавно, но моя рѣчь, не имѣвшая практической подкладки, въ данномъ случаѣ не имѣла никакого эффекта. Такъ какъ вниманіе Дворянскаго Собранія все же было обращено на меня, я былъ избранъ депутатомъ отъ дворянства въ Главное выкупное учрежденіе, благодаря чему, когда по истеченіи третьяго года приведенія въ исполненіе крестьянскаго Положенія, всѣмъ участвовавшимъ въ ономъ дѣятелямъ были дарованы серебряные знаки, и я удостоился полученія такого точно отличія въ память участія въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ,—что доставило мнѣ истинное удовольствіе.

Живой интересъ, который возбуждался въ обществѣ преніями,

происходившими въ средѣ дворянскаго собранія, обуславливался между прочимъ тѣмъ, что ораторы, не ограничиваясь экономическими вопросами, затрагивали и вопросы внутренней политики. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, въ обществѣ стали много говорить о томъ, что, разъ крестьянамъ дарована свобода, справедливость слѣдуетъ допустить и дворянство къ участию въ управленіи страны, однимъ словомъ, стали высказываться конституціонныя тенденціи. Эти тенденціи нашли отголосокъ въ рѣчахъ ораторовъ, говорившихъ въ Дворянскомъ Собраніи. Интересы дворянства отстаивались постоянно очень настойчиво и очень ловко царскосельскимъ предводителемъ дворянства Платоновымъ. Платоновъ пользовался въ дворянской средѣ большою популярностью и любовью, онъ обладалъ краснорѣчивымъ даромъ слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ всегда очень осторожно и съ большимъ тактомъ, и вслѣдствіе того никогда не подвергался никакимъ непріятностямъ за свои слова. Между тѣмъ, одно изъ засѣданій, въ которомъ мысль о привлеченіи дворянства къ управленію была довольно прозрачна—вызвало со стороны Императора выраженіе сильнаго неудовольствія. Въ началѣ этого засѣданія, баронъ Ю. О. Корфъ, который былъ ко мнѣ расположенъ, подошелъ ко мнѣ и посовѣтовалъ мнѣ не принимать никакого участія въ происходившихъ по этому вопросу преніяхъ. Случайно вся тяжесть Государева неудовольствія пала въ этомъ случаѣ на сенатора Любощинскаго, который, какъ членъ петербургскаго дворянства, также участвовалъ въ собраніяхъ. Хотя именно въ этомъ засѣданіи Любощинскій, кажется, даже и не присутствовалъ, но кто-то изъ его враговъ указалъ на него, какъ на принимавшаго большое участіе въ обсужденіи поднятаго вопроса. Выразивъ, что такихъ сенаторовъ, которые возбуждаютъ конституціонные вопросы, ему не надо, Государь потребовалъ увольненія Любощинскаго изъ Сената. Несомнѣнно, въ своемъ умѣ Государь дѣлалъ различіе между дворянами неслужащими и дворянами, находящимися на службѣ и занимавшими высокій постъ въ администраціи. Недовольный тѣмъ направленіемъ, которое дѣла принимали въ Дворянскомъ Собраніи, онъ не считалъ однако умѣстнымъ подвергать неслужащихъ дворянъ какому-либо взысканію за свободу ихъ рѣчи, но на государственныхъ сановниковъ онъ смотрѣлъ, какъ на лицъ, обязанныхъ отстаивать существующіе законные порядки, и потому особенно былъ возбужденъ въ томъ, что сенаторъ, какъ главный блюститель закона, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать тому незаконному, по мнѣнію Государя, направленію, которое принимали пренія въ Дворянскомъ Собраніи, самъ говорилъ въ томъ же направленіи.

Министръ юстиціи былъ поставленъ приказаніемъ Государя въ

крайнее затрудненіе. По закону сенаторы не смѣняемы (иначе, какъ по суду) — поэтому, исполняя приказаніе Государя, пришлось бы пойти на прямое нарушеніе закона. Чтобы выйти изъ затрудненія, министръ пригласилъ къ себѣ Любощинскаго и, объявивъ ему волю Государя, просилъ его вывести его изъ затрудненія и подать прошеніе объ отставкѣ; а такъ какъ при этомъ выяснилось, что Любощинскій даже не участвовалъ въ помянутомъ засѣданіи, то министръ юстиціи посоветовалъ ему подать всеподданнѣйшее прошеніе, изложивъ въ немъ, что въ виду высочайшей воли онъ подаетъ въ отставку,—но что такъ какъ возведенное на него обвиненіе лишено всякаго основанія, то онъ рассчитываетъ на милость Государя. Это всеподданнѣйшее прошеніе М. Ю. посоветовалъ Любощинскому представить Государю черезъ посредство всемогущаго въ то время Начальника III Отдѣленія графа Шувалова. Дѣйствиительно, дѣло и получило такое разрѣшеніе. Графъ Шуваловъ, который, кажется, и доложилъ ошибочно Государю о происходившемъ въ Дворянскомъ Собраніи, согласился представить Государю прошеніе Любощинскаго и объяснить ему происшедшую ошибку въ его предшествующемъ докладѣ. Государь взялъ назадъ свое повелѣніе объ увольненіи Любощинскаго.

Вотъ еще одинъ эпизодъ изъ моихъ отношеній къ Дворянскому Собранію и одновременно къ министерству финансовъ. Какъ землевладѣлецъ и какъ чиновникъ министерства, я имѣлъ случай ознакомиться съ безпорядочнымъ веденіемъ въ то время дѣла по податному вопросу, которое вызывало невольныя недоимки, обращалось во вредъ и самихъ землевладѣльцевъ. Окладные листы, составляемые въ казенной палатѣ, разсылались черезъ полицію и получались потому землевладѣльцами довольно поздно, не рѣдко даже послѣ платежныхъ сроковъ, такъ какъ самыя разсылки производились довольно безпорядочно; никто не узнавалъ своевременно, сколько ему слѣдовало платить, а вслѣдствіе невольнаго опозданія во взносахъ насчитывалась пеня и т. д. Мнѣ пришла мысль, что полезно бы воспользоваться собраніемъ дворянъ для раздачи окладныхъ листовъ, которые такимъ образомъ были бы доставлены весьма своевременно, и податное дѣло было бы упорядочено. Смотри на дѣло только съ практической точки зрѣнія и не думая о политической сторонѣ вопроса, я доложилъ о моемъ предположеніи Рейтерну, который согласился сдѣлать подобный опытъ — дѣло однако кончилось полною неудачею. Подъ моимъ надзоромъ въ казенной палатѣ своевременно были составлены окладные листы по Петербургской губерніи, и я заготовилъ письмо отъ имени М. Х. Рейтерна къ графу Шувалову, въ которомъ министръ просилъ его содѣйствовать

для раздачи окладныхъ листовъ присутствующимъ въ собраніи дворянамъ-землевладѣльцамъ, съ указаніемъ на практическое удобство подобнаго образа дѣйствія.

Письмо Рейтерна я передалъ графу Шувалову въ собраніи, при чемъ тутъ же замѣтилъ, что содержаніе письма не понравилось графу Шувалову; онъ мнѣ сказалъ, что лично отвѣтитъ министру финансовъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того Михаилъ Христофоровичъ сказалъ мнѣ, что мой совѣтъ поставилъ его въ довольно неловкое положеніе, такъ какъ графъ Шуваловъ пріѣхалъ къ нему просить его согласія не давать ходу его письму, потому что въ настоящее время, когда по поводу крестьянскаго вопроса дворянство сильно возбуждено, и графу Шувалову безъ того уже не легко сдерживать пренія по поводу тѣхъ желаній, которыя дворяне стремятся высказать, подобное обращеніе Дворянскаго Собранія въ орудіе сбора податей можетъ произвести весьма неблагоприятное впечатлѣніе и не мало затруднить положеніе предсѣдателя. Разсказавъ мнѣ все это и прибавивъ, что онъ, разумѣется, долженъ былъ изъявить согласіе на просьбу Шувалова, Михаилъ Христофоровичъ ограничился этимъ и никакого дальнѣйшаго упрека мнѣ по этому случаю не высказалъ. Сильная авторитетность соединялась въ характерѣ Рейтерна съ большимъ благородствомъ, которое между прочимъ высказывалось въ уваженіи къ личности его подчиненныхъ. Съ одной стороны онъ можетъ быть до крайности отстанвалъ то, что считалъ сферою своей законной власти, и не допускалъ и мысли о неподчиненіи его волѣ въ дѣлахъ службы подчиненныхъ ему лицъ ¹⁾, но съ другой стороны онъ всегда давалъ имъ возможность высказывать свое мнѣніе во всѣхъ дѣлахъ и не сердился даже, когда это мнѣніе, противное его мнѣнію, высказывалось даже съ нѣкоторою рѣзкостью. Въ данномъ случаѣ, понимая, что мною руководило исключительно желаніе добра, и причиненная ему непріятность была обусловлена только моею политическою неопытностью, онъ, по благородству своего характера, не вынесъ изъ этого никакого ко мнѣ неудовольствія.

Чтобы покончить съ моими воспоминаніями, находящимися въ связи съ дворянскимъ собраніями, приведу здѣсь еще, что въ одномъ изъ засѣданій, въ которомъ я участвовалъ, въ числѣ говорившихъ выступилъ и Д. М. Сольскій. Онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой очень обстоятельно объяснилъ, по поводу вопроса

¹⁾ Что между прочимъ я испыталъ на себѣ при назначеніи Качалова директоромъ Таможеннаго дѣла послѣ того, какъ я почти годъ управлялъ этимъ департаментомъ.

о мѣстномъ самоуправленіи, какъ это самоуправленіе устроено въ Англіи, Германіи, Франціи и другихъ странахъ. Его рѣчь обратила на себя всеобщее вниманіе своею обстоятельностью и ясностью. Онъ тогда былъ скромнымъ чиновникомъ II Отдѣленія, а нынѣ—товарищъ предѣдателя Государственнаго Совѣта, Андреевскій кавалеръ и графъ.

Около этого времени начали проявляться первые признаки того возбужденнаго состоянія умовъ, которые, все болѣе и болѣе усиливаясь, привели къ столь печальнымъ послѣдствіямъ.

Стали происходить безпорядки въ университетѣ, начались пожары и, наконецъ, въ 1863 году разразилось польское возстаніе.

Въ 1862 году начались въ разныхъ мѣстахъ пожары, которые приписывались поджогамъ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся пожаровъ былъ пожаръ Апраксина двора. Я отправился на пожаръ, это было такое зрѣлище, котораго я никогда не забуду. Весь Невскій около Гостинаго Двора былъ ярко освѣщенъ пламенемъ горѣвшаго Апраксина рынка, на улицѣ лежали груды разные товары—матеріи, платья и другія вещи, вынесенныя изъ лавокъ. Мѣстамъ эти груды товаровъ тоже тлѣли. Народъ толпился на пожарищѣ въ большомъ возбужденіи. Искали поджигателей. Я видѣлъ, какъ народъ былъ одного бѣднаго мальчика, котораго кто-то принялъ за поджигателя только потому, что у него въ карманѣ нашлись спички.

Я не буду останавливаться здѣсь на описаніи польскаго возстанія, всѣ перипетіи котораго достаточно извѣстны и были уже описаны во всѣхъ подробностяхъ.

Въ томъ же 1863 году въ Берлинѣ былъ назначенъ статистическій конгрессъ. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось быть на немъ, то я рѣшился просить Рейтерна, не можетъ ли онъ мнѣ дать какую-нибудь командировку за границу. Михайлъ Христофоровичъ отнесся очень благосклонно къ моему ходатайству и далъ мнѣ порученіе по таможенному дѣлу. Въ то время со стороны Пруссіи выражалось желаніе войти съ нами въ переговоры по поводу нѣкотораго пониженія таможенныхъ пошлинъ. Съ нашей же стороны проявлялось желаніе заручиться содѣйствіемъ прусскаго правительства для прекращенія контрабанды, происходившей на границѣ. Надзоръ, какъ за контрабандой, такъ и за правильнымъ образомъ дѣйствія нашихъ таможенъ (т. е. за такъ называемой легальной контрабандой), чрезвычайно затруднялся принятой въ Пруссіи системой публикаціи торговыхъ отчетовъ. Если по каждой таможнѣ съ точностью показывалось бы, сколько изъ нея вывезли какого товара,—то по сравненію этихъ цифръ съ тѣмъ, что показывалось очищеннымъ по нашимъ таможеннымъ, лежавшимъ противъ соответ-

ственной прусской таможи, можно было бы всегда опредѣлить, какая часть этого товара поступила къ намъ правильнымъ путемъ и какая проникала въ наши предѣлы контрабандой. Между тѣмъ по прусскимъ правиламъ разрѣшалось въ пограничныхъ таможахъ выпускать товаръ безъ указанія, куда онъ направляется, и даже съ показаніемъ его качества только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, на примѣръ „мануфактурный товаръ“. Очевидно, при такомъ порядкѣ всякое сопоставленіе прусскаго отпуска съ привозомъ въ нашихъ таможахъ становилось невозможнымъ. Въ Пруссіи намѣренно держались этого порядка, такъ какъ при незначительности прусскихъ таможенныхъ пошлинъ въ то время на наше сырье, единственный эквивалентъ, который Пруссія могла предложить намъ въ случаѣ возбужденія торговыхъ переговоровъ, заключался именно въ содѣйствіи, которое могло бы быть оказано намъ съ ея стороны къ обнаруженію происходившей на прусской границѣ контрабанды. Рейтернъ поручилъ мнѣ заняться изученіемъ прусскихъ таможенныхъ порядковъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ можно бы было воспользоваться существующими въ Пруссіи порядками для усовершенствованія нашей таможенной процедуры. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ мнѣ войти, при участіи нашего посольства, въ предварительныя сношенія съ прусскимъ министерствомъ финансовъ, чтобы выяснитъ вопросъ, возможно ли какое-нибудь соглашеніе съ Пруссіей въ вышеуказанномъ смыслѣ. При этомъ Михайлъ Христофоровичъ, объясняя свою мысль, высказалъ мнѣ, что такъ какъ контрабанда имѣетъ послѣдствіемъ ослабленіе и уменьшеніе той охраны, которой промышленность пользовалась у насъ при существующихъ таможенныхъ пошлинахъ, то можно бы, безъ уменьшенія дѣйствительности этой охраны, согласиться даже на нѣкоторое пониженіе пошлинъ, если только удастся этою цѣною, при помощи прусскаго правительства, достигнуть соотвѣтственнаго уменьшенія происходившей на нашей границѣ контрабанды. Усиленіе таможенной охраны могло бы вознаградить нашу торговлю за нѣкоторое пониженіе пошлины.

Такъ какъ я былъ совершенно незнакомъ съ нашими таможенными порядками, то я прежде всего приступилъ къ изученію нашихъ таможенныхъ законовъ; подготовившись такимъ образомъ и получивъ письмо Рейтерна на имя Убри, нашего посла въ Берлинѣ, я отправился въ путь. Въ моментъ моего отправленія было опубликовано постановленіе польскаго ржонда, воспрещавшее всякій проѣздъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. Вслѣдствіе того я спросилъ Рейтерна, какимъ путемъ мнѣ ѣхать, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: разумѣется, по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Въ вагонѣ я встрѣтился со спутникомъ, котораго я зналъ по имени, но съ которымъ не былъ лично знакомъ, это былъ извѣстный окулистъ докторъ Магавли. Онъ оказался очень милымъ и обходительнымъ человѣкомъ, и мы съ нимъ во время пути совершенно сблизились. На границѣ при просмотрѣ нашихъ паспортовъ, я какъ-то взялъ въ руки паспортъ Магавли и увидѣлъ, что его имя написано по-нѣмецки Graf Masawly,—это меня удивило, потому что я не зналъ, что онъ графъ—и вообще графъ-докторъ очень рѣдкое явленіе. Тогда онъ объяснилъ, что онъ родомъ изъ Англіи и происходитъ изъ фамиліи лорда Masawly или Mosawly—извѣстнаго англійскаго писателя, но что, какъ молодой докторъ, онъ не считаетъ удобнымъ носить графскій титулъ. Впослѣдствіи, когда онъ былъ сдѣланъ директоромъ глазной лѣчебницы и женился, онъ принялъ свой титулъ графа и уже сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ подъ именемъ доктора графа Магавли.

Мнѣ было рекомендовано въ Берлинѣ хорошее и не очень дорогое помѣщеніе на Unter den Linden; графъ Магавли согласился помѣститься тамъ вмѣстѣ со мною. Живя на одной квартирѣ, мы часто дѣлали съ нимъ вмѣстѣ разныя экскурсіи и вообще много проводили времени вмѣстѣ. Черезъ него я познакомился съ кружкомъ молодыхъ докторовъ и ученыхъ, и часто по вечерамъ бывалъ въ ихъ обществѣ, когда они въ какой-либо Bierhalle собирались за кружкой пива, проводя время въ веселыхъ и часто очень интересныхъ разговорахъ; иногда на этихъ вечерахъ мы вмѣстѣ играли въ кегли. Магавли познакомилъ меня также съ знаменитымъ докторомъ Вирховымъ, у котораго я даже разъ обѣдалъ. Замѣчательна была обширная дѣятельность этого ученаго. При своихъ лекціяхъ въ университетѣ и занятіяхъ въ клиникѣ, при своихъ ученыхъ работахъ онъ находилъ еще досугъ посвящать не мало времени политическимъ дѣламъ, состоялъ членомъ въ Палатѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль въ средѣ Fortschrittspartei.

По прибытіи въ Берлинъ, я сдѣлалъ визиты разнымъ оффиціальнымъ лицамъ: министру финансовъ фонъ-Бодельшвингу, торговли фонъ-деръ Гейзту, внутреннихъ дѣлъ графу Эйленбургъ и наконецъ былъ представленъ нашимъ посломъ даже самому графу Бисмарку. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я получилъ приглашеніе на обѣды. Скажу нѣсколько словъ объ обѣдахъ у Бодельшвинга и графа Бисмарка. Ф. Бодельшвингъ вообще отнесся ко мнѣ крайне любезно, немедленно отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ къ обѣду. Мнѣ пришлось вести къ обѣду дочь министра, и между нами завязался немедленно живой разговоръ, но когда мы сѣли за столъ, разговоръ этотъ внезапно прекратился; я взглянулъ на мою даму и увидѣлъ, что она, сложивъ руки, говоритъ нѣмую

предобъденную молитву,—оглянувъ весь столъ, я замѣтилъ, что также поступали почти всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ. Въ то время во многихъ аристократическихъ домахъ въ Берлинѣ сохранялся христіанскій обычай заобъденной молитвы Tischgebet, обычай, который у насъ наблюдается только въ немногихъ домахъ; большую частью все ограничивается даже въ религіозныхъ семействахъ твореніемъ крестнаго знамени до и послѣ обѣда.

По окончаніи краткой молитвы моей сосѣдки, нашъ оживленный разговоръ опять возобновился, и затѣмъ я весьма пріятно провелъ вечеръ въ этомъ миломъ семействѣ.

Теперь еще нѣсколько словъ объ обѣдѣ у графа Бисмарка. Бисмаркъ жилъ въ то время въ министерскомъ домѣ въ Wilhelmsstrasse. Квартира его состояла изъ обширныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, меблированныхъ довольно просто. Обѣдъ былъ сервированъ въ большой столовой, не отличавшейся тоже никакими особыми украшеніями, довольно простая ясеневая (сколько помню) мебель, большой столъ посреди комнаты, буфетные столы у стѣны и т. д. Хорошій, но не особенно гастрономическій обѣдъ, отличавшійся только рѣдкими винами, особенно бѣлыми; нѣкоторые сорта вина онъ самъ очень рекомендовалъ своимъ гостямъ. Обѣдавшихъ было немного кромѣ хозяина, Убри и меня; только еще нѣсколько берлинцевъ, именъ коихъ уже не помню. Несмотря на свое выдающееся положеніе, Бисмаркъ велъ себя совершенно естественно и просто—какъ любезный хозяинъ, оживленно бесѣдуя и съ Убри и со мною. Послѣ обѣда онъ предложилъ намъ очень хорошія и очень большія сигары, которыя онъ самъ любилъ обыкновенно курить, и мы отправились съ нимъ курить въ садъ, прилежавшій къ дому. Разговоръ коснулся происходившаго тогда польскаго возстанія, и Бисмаркъ сталъ высказывать мысль, что для того, чтобы покончить разъ навсегда съ этими періодически возникавшими польскими смутами, слѣдовало бы раздѣлить царство Польское между Россією и Пруссією, проведя пограничную линію, кажется, вдоль Вислы. Чтобы отчетливѣе выяснить свою мысль, онъ поднялъ съ дороги какую-то палку и сталъ чертить на песокъ карту Польши, съ указаніемъ границы, какъ бы онъ полагалъ ее провести. Выслушавъ съ большимъ интересомъ его слова, содержаніе коихъ меня, разумѣется, нѣсколько удивило, я отвѣтилъ ему, что по этому поводу я ничего не могу сказать ему, такъ какъ этотъ вопросъ находится совершенно внѣ сферы моего порученія и потому входить въ разсужденіе по этому предмету я не считаю себя въ правѣ.

Этотъ замѣчательный для меня эпизодъ показываетъ, какъ Бисмаркъ, когда его занимала какая-либо мысль, начиналъ говорить о

ней прямо и откровенно со всякимъ, съ которымъ ему случайно въ данную минуту приходилось бесѣдовать, будь это даже лицо въ довольно скромномъ положеніи, каково несомнѣнно было тогда мое положеніе,—въ совершенной противоположности съ обыкновенными привычками секретничанья дипломатовъ. И такъ онъ поступалъ всегда. Извѣстно, что въ Палатѣ, на примѣръ, онъ до того ясно и откровенно высказывалъ свои политическія воззрѣнія,—что первое время, когда еще не привыкли къ его образу дѣйствія, никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ говоритъ дѣйствительно то, что думаетъ, а думали видѣть въ его словахъ какъ бы дипломатическое прикрытие и отводъ отъ внутренняго его замысла. Между тѣмъ, именно благодаря этой привычкѣ говорить о всякомъ дѣлѣ прямо и откровенно, онъ достигалъ гораздо большаго, чѣмъ бы могъ достигнуть самымъ тонкимъ скрытничаньемъ.

Вскорѣ послѣ моего прїѣзда въ Берлинъ начались засѣданія Статистическаго конгресса. По этому случаю, члены конгресса удостоились представленія королю Вильгельму, впоследствии императору Германіи.

Насъ собрали въ одной изъ залъ дворца, и черезъ нѣкоторое время вышелъ король, поздоровался съ нами и потомъ прочелъ намъ небольшую рѣчь, въ которой, говоря о значеніи занятій конгресса, высказалъ пожеланія успѣха нашимъ работамъ. Я стоялъ довольно близко и могъ видѣть, что рѣчь, которую онъ читалъ, была написана, несомнѣнно собственноручно имъ самимъ. Изъ этого можно было замѣтить, какъ онъ серьезно ко всему относился;—вмѣсто того, чтобы поручить кому-либо изъ министровъ представить ему готовую рѣчь, Вильгельмъ, несмотря на свое обремененіе политическими дѣлами, нашелъ время самъ вдуматься въ вопросъ и набросать то, что онъ считалъ нужнымъ сказать членамъ конгресса.

Я принималъ довольно живое участіе въ засѣданіяхъ конгресса, кромѣ меня изъ русскихъ на немъ участвовали еще фонъ-Бушень, Куломзинъ и Вишняковъ. Такъ какъ на конгрессѣ были и французы, а между тѣмъ рѣчи произносились большею частью на нѣмецкомъ языкѣ, то почему-то меня пригласили, въ виду моего знанія французскаго языка, переводить для французовъ нѣкоторые изъ рѣчей по мѣрѣ того, какъ онѣ произносились. Такъ какъ содержаніе рѣчей мнѣ предварительно не было сообщено, то приходилось дѣлать это *exrompto*, что было не очень легко. Но, повидимому, я исполнилъ возложенное на меня порученіе довольно успѣшно, по крайней мѣрѣ послѣ одной изъ такихъ рѣчей, переведенной мною въ слѣдъ за ея произнесеніемъ на французскій языкъ, министр

Нова обстава ове рече
који су нама ови експерти и свеи бојачи су.
парт, компетент ове саме ~~не~~ ^{оде} Турине,
и ми отицавамо се само Турине в сади
прекоговани и доу. Разговоре не могу да опише
и одвешени можда не бисмо узимали и Бисмарк
стаи во. ступајући на, то да могу тако
показати разв ивеша и Италијанцима
внутарњем пољском експерти, одовоо во.
раздјељу царство пољског међу Русијом и
Аустријом, проведи пољског експерти на велики
вело Вил. Тиме се описује вјасније ово
и. ств., да подиза се доути експерти на ~~на~~
и стаи експерти на пољски, експерти Пољски,
и. указује се на експерти, како је ове експерти
ее провешти. В. експерти и Пољски експерти
ее слово, експерти експерти међу ^{на експерти} експерти,
и експерти експерти, то по експерти експерти
експерти не могу експерти експерти, тако како експерти
експерти експерти експерти експерти експерти експерти
експерти експерти експерти експерти експерти експерти
експерти експерти експерти експерти експерти експерти
експерти експерти експерти експерти експерти експерти
експерти експерти експерти експерти експерти експерти
експерти експерти експерти експерти експерти експерти

Факсимиле рукописи Тернера: мишљење Бисмарка о потреби новог раздјела Пољши.

внутреннихъ дѣлъ графъ Эйленбургъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ комплиментъ на счетъ того, какъ мнѣ удалось точно передать сказанное.

Одновременно съ занятіями въ конгрессѣ начались и мои занятія по таможенному дѣлу. Для совѣщанія со мной былъ назначенъ статсъ-секретарь Дельбрюкъ. Дельбрюкъ былъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей министерства финансовъ, либеральнѣй экономистъ и фритредеръ (Manchestermann). Онъ пользовался большимъ вліяніемъ на Бисмарка, который тогда еще былъ въ либеральномъ экономическомъ настроеніи ¹⁾, преобладавшемъ вообще въ то время въ средѣ Берлинскихъ дѣятелей. У насъ было съ Дельбрюкомъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ собственно переговоровъ не происходило, но въ которыхъ Дельбрюкъ излагалъ мнѣ тѣ измѣненія въ системѣ классификаціи нашего тарифа, которыя въ Пруссіи казались желательными, не касаясь еще пока самого вопроса о пониженіи пошлинъ. Обо всемъ, что происходило между нами, я немедленно подробно доносилъ Рейтерну. Въ Петербургѣ между тѣмъ, въ средѣ фабрикантовъ, встревоженныхъ вѣроятно моею командировкою въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что въ то время и я слылъ за фритредера, — началась усиленная агитація противъ всякихъ тарифныхъ уступокъ Пруссіи. Эта агитація очевидно встревожила Рейтерна, и потому, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы я въ переговорахъ съ Дельбрюкомъ не увлекся слишкомъ далеко и не вызвалъ бы какихъ-либо надеждъ въ прусскомъ министерствѣ, съ которыми впоследствии пришлось бы считаться, Михаилъ Христофоровичъ поручилъ кн. Д. А. Оболенскому, который тогда только-что былъ назначенъ директоромъ департамента внѣшней торговли, написать мнѣ, чтобы я не выходилъ изъ границъ порученной мнѣ роли. Вместе съ тѣмъ Убри было поручено распорядиться о помѣщеніи въ берлинскихъ газетахъ анонимной замѣтки о томъ, что моему пребыванію въ Берлинѣ не слѣдуетъ придавать того значенія, которое стало придаваться ему общественнымъ мнѣніемъ, и что мнѣ поручено не веденіе переговоровъ, а только ознакомленіе съ прусскими таможенными порядками. Хотя изъ моихъ донесеній Рейтернъ могъ усмотрѣть, что пока я никакихъ переговоровъ не велъ, а ограничивался только выслушиваніемъ прусскихъ желаній, но очевидно, что подъ вліяніемъ начавшейся агитаціи Рейтернъ рѣшилъ отказаться отъ своей первоначальной мысли, возможности доуценія небольшого

¹⁾ Впоследствии, какъ извѣстно, онъ сдѣлался открытымъ протекціонистомъ, и по его инициативѣ были установлены пошлины на провозъ русскаго хлѣба.

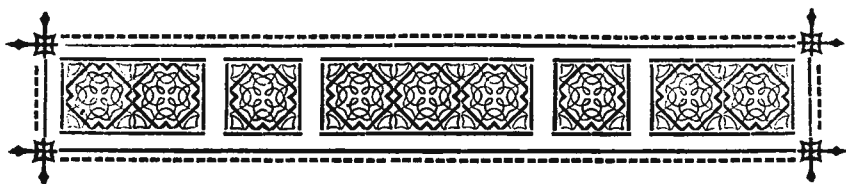
пониженія по нѣкоторымъ статьямъ нашего тарифа, и такъ какъ ему неудобно было открыто сдѣлать шагъ назадъ, принужденъ былъ придать дѣлу такой характеръ, какъ будто я увлекся далѣе того, что мнѣ было предписано инструкціею. Мнѣ, разумѣется, это было довольно непріятно, я отвѣтилъ князю Оболенскому, прося его доложить Рейтерну, что, какъ онъ могъ усмотрѣть изъ моихъ донесеній, я полагаю, что я изъ моей роли не выходилъ, но что, въ виду повидимому происшедшаго измѣненія во взглядѣ на дѣло, я почту долгомъ сообразоваться съ новымъ направленіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и мои засѣданія съ Дельбрюкомъ.

По окончаніи засѣданій Стат. конгресса и ознакомившись достаточно съ прусскими таможенными порядками, насколько я могъ это сдѣлать въ Берлинѣ,—я поѣхалъ въ разныя пограничныя таможни для дальнѣйшаго изученія таможеннаго дѣла, снабженный рекомендательными письмами м-ра финансовъ.

Меня особенно интересовала процедура въ пограничныхъ таможняхъ, въ коихъ происходила передача вагоновъ безъ перегрузки и безъ досмотра товаровъ, при одномъ только наложеніи таможенныхъ знаковъ на вагоны, процедура, которая у насъ еще не примѣнялась. Поэтому я прежде всего поѣхалъ въ Гербестальскую таможню, находившуюся на бельгійской границѣ. Эта маленькая пограничная таможня, родъ переходнаго пункта, на которомъ почти только производится контроль вагоновъ, и на которой никто изъ пассажировъ не останавливается. Поэтому, когда я вышелъ изъ вагона и отправился къ зданію таможни, то начальство таможни, думая, что я молодой чиновникъ, прикомандированный къ таможнѣ для занятій, встрѣтили меня словами: „*Sie sind wohl als Aspirant zur Zollstelle Zukomandirt*“. Я ему объяснилъ, какого рода цѣль моего пріѣзда, и передалъ ему письмо министра финансовъ. Это его нисколько не сконфузило; безъ всякой застѣнчивости, онъ спокойно, но съ большимъ уваженіемъ пригласилъ меня послѣдовать за нимъ въ его кабинетъ и немедленно сталъ объяснять мнѣ существовавшіе у нихъ порядки. Хотя Гербестальская таможня, какъ я уже замѣтилъ, была небольшая таможня, въ сущности только переходный пунктъ, и потому, начальникъ ея принадлежалъ пока еще къ разряду таможенныхъ чиновниковъ, но я былъ пораженъ какъ непринужденнымъ достоинствомъ и тактичностью его обращенія, такъ и основательнымъ его знаніемъ дѣла и ясностью, съ которою онъ сталъ излагать мнѣ существующіе въ Гербесталѣ порядки—(такъ называемый *Begleitscheinverfahren*), снабдивъ меня всѣми необходимыми формулярами сопровождающихъ вагоны документовъ и вообще, въ какихъ-нибудь два часа времени, совершенно ознакомилъ меня съ курсомъ дѣла

Покончивъ съ дѣловою бесѣдою, такъ какъ до отхода слѣдующаго поѣзда оставалось еще много времени, онъ предложилъ мнѣ закусить запросто и выпить съ нимъ рюмку вина; я, разумѣется, согласился. Онъ принесъ изъ другой комнаты бутылку очень порядочнаго Мозельвейна и закуску, и мы провели съ нимъ въ оживленной бесѣдѣ о русскихъ и германскихъ житейскихъ дѣлахъ очень пріятно время до прихода слѣдующаго поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ отправиться далѣе. Сожалѣю, что не сохранилъ въ памяти фамиліи этого умнаго и столь образованнаго человѣка; едва ли въ одной изъ нашихъ третъеклассныхъ таможенъ пришлось бы встрѣтиться со столь развитою личностію.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

Въ первое время по воцареніи Императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ ея семейной жизни произошла отрадная перемяна: нравственная поддержка, оказанная ею своему супругу въ тяжелые дни мартовской катастрофы, и ея нѣжное участіе глубоко тронули Александра Павловича, и онъ сталъ относиться къ ней съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ и предупредительностью: такъ продолжалось первые три года по вступленіи на престолъ.

Въ это время проявилась одна особенность характера молодой Императрицы: чѣмъ больше было горе, чѣмъ безвыходнѣе было положеніе, тѣмъ большій приливъ энергіи чувствовала молодая женщина, казавшаяся такой хрупкой, тѣмъ болѣе удваивались ея душевныя силы. Ее не могъ не коснуться тотъ подъемъ духа, который ощущалъ всякій русскій при вступленіи на престолъ Александра I.

„Всей душою осуждая царевубійство, Елисавета Алексѣевна сознается, что какъ ни ужасно было преступленіе, оно неминуемо должно было случиться, потому что всеобщее недовольство доходило до полного ожесточенія общества на произвольныя дѣйствія покойнаго Императора“.

„Не подлежитъ сомнѣнію“, писала она матери вскорѣ послѣ кончины Павла I, „что всякое личное горе, которое можетъ постигнуть каждаго изъ насъ, усугубилось страданіемъ, что все дѣлалось вопреки здравому смыслу, что нельзя было сдѣлать ничего здравомыслящаго, не встрѣтивъ противорѣчія: поэтому теперь чувствуешь,

¹⁾ Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, т. II. Спб. 1909.

какъ будто съ сердца спала тяжесть, и мнѣ кажется даже страннымъ, что я могу довѣрить что-либо подобное почтѣ“.

Перемѣна дѣйствительно была во всемъ огромная, она отразилась и на жизни двора и въ частности на домашнемъ обиходѣ молодой царственной четы. Только одна вдовствующая Императрица, любившая блескъ, пышность и церемоніи, поддерживала этикетъ, изгнанный со смертью Павла; императоръ и императрица, кромѣ обычныхъ церемоній въ праздничные дни вели самый скромный образъ жизни. Государь почти ежедневно совершалъ утромъ прогулку верхомъ или пѣшкомъ по улицамъ столицы въ сопровожденіи одного изъ генераль-адъютантовъ, чаще другихъ съ Уваровымъ и княземъ П. М. Волконскимъ. Молодая государыня ѣздила въ экипажѣ съ фрейлиной, княжной Н. Ѳ. Шаховской, или прогуливалась съ ней же пѣшкомъ по набережной Невы и въ Лѣтнемъ саду.

„Публика, привыкшая къ грознымъ выѣздамъ Павла, любовно смотрѣла на появленіе Александра и Елисаветы и радостно приветствовала простоту обращенія юныхъ монарховъ. На ранніе обѣды приглашались только нѣкоторые приближенные и особенно часто графъ Н. А. Толстой, князь А. Н. Голицынъ и графъ П. А. Строгановъ съ супругой“.

„Общественная жизнь Императрицы такъ же проста, какъ и жизнь ея августѣйшаго супруга“, писалъ секретарь саксонскаго посланника Розенцвейгъ, „чтеніе, прогулки и занятія искусствами наполняютъ ея досугъ. Она проводитъ время исключительно со своей сестрою, принцессою Амаліею Баденскою и нѣсколькими дамами, пользующимися ея расположеніемъ. Княгиня Наталія Голицына, рожденная княжна Шаховская, графиня Толстая, рожденная княжна Бяратинская, графиня Строганова и сестра ея г-жа Апраксина, рожденная княжны Голицыны, пользуются, повидимому, искреннимъ расположеніемъ Ея Величества. Эти дамы ужинаютъ во дворцѣ и проводятъ вечеръ въ тѣсномъ кругу, состоящемъ изъ нихъ и нѣсколькихъ мужчинъ, приближенныхъ Императора, каковы, напр., князь Адамъ Чарторыйскій, князь Александръ Голицынъ, графъ Северинъ Потоцкій, графъ Павелъ Строгановъ, герцогъ Ришелье и князь Борисъ Голицынъ, братъ госпожи Строгановой, когда эти послѣдніе бывають въ Петербургѣ; Императоръ заходитъ почти каждый вечеръ на нѣсколько минутъ къ своей супругѣ и видится у нея съ тѣми дамами, которыя удостоиваются бывать на частныхъ аудіенціяхъ Императора и Императрицы. Аудіенціи эти имѣють характеръ визитовъ, отдаваемыхъ женамъ знатныхъ лицъ“.

Желая сдѣлать удовольствіе своей супругѣ, Императоръ Александръ черезъ нѣсколько недѣль по восшествіи на престолъ пригласилъ

отца и мать Елисаветы, наслѣднаго маркграфа Баденскаго, Карла-Людвига и его жену, маркграфиню Амалію, рожденную принцессу Гессенъ-Дармштадскую, пріѣхать въ Россію погостить. Предложеніе Государя было принято Баденской четой съ радостью, и они прибыли въ Петербургъ въ іюль мѣсяцѣ, до коронаціи.

Вмѣстѣ съ родителями прибыли въ Россію двѣ сестры Императрицы, Амалія, Марія и ея братъ Карль.

Глубоко тронутая свиданіемъ съ родными, которыхъ она выѣхала встрѣтить въ Касково, Елисавета Алексѣвна, „обнявъ горячо любимаго отца, безмолвно принала къ его груди и долго не могла оторваться отъ него и изъ объятій нѣжно любимой ею матери. Всѣ окружающіе“, говоритъ въ своемъ дневникѣ камергеръ Гайлингъ, сопровождавшій маркграфа въ Россію, „на долю которыхъ выпало рѣдкое счастье быть свидѣтелями этого свиданія, были глубоко тронуты и во всѣхъ глазахъ можно было прочесть радостное волненіе“.

„Въ Касково состоялся семейный обѣдъ, на которомъ присутствовала юная великая княгиня Анна Ѳеодоровна, и на который были приглашены и мы, лица свиты. Послѣ обѣда мы продолжали наше путешествіе на Кипень и Стрѣльну, гдѣ Императоръ Александръ встрѣтилъ своихъ высокихъ родственниковъ самымъ дружескимъ образомъ и милостиво выразилъ желаніе, чтобы ему была представлена вся ихъ свита“.

Для Баденской семьи было отведено помѣщеніе на Каменномъ островѣ, гдѣ она провела все лѣто 1801 года. Воспоминаніе объ этомъ радостномъ для нея лѣтѣ навсегда запечатлѣлось въ памяти Императрицы; къ сожалѣнію, оно было единственнымъ въ ея жизни, такъ какъ отецъ ея вскорѣ скончался, а мать не могла уѣзжать изъ Бадена и оставлять молодого сына на попеченіе постороннихъ лицъ.

Въ началѣ сентября дворъ переселился, по случаю коронаціи, въ Москву; принцесса Амалія сопровождала Императрицу, а ея родители съ принцемъ Карломъ и принцессой Маріей поѣхали въ Швецію на свиданіе съ другой дочерью Фридерикой, супругой шведскаго короля Густава IV.

Въ Москвѣ, по случаю коронаціи, происходилъ рядъ придворныхъ баловъ, обѣдовъ и ужиновъ; Елисавета Алексѣвна тяготилась этими нескончаемыми приѣмами и выѣздами, которые были для нея чрезвычайно утомительны при ея нѣжной комплекціи, и за которые она платилась жестокими мигренями, „да и не мудрено“, писала она матери, „вотъ шестой день подъ-рядъ, какъ я не ложились ранѣе 3 часовъ утра, а иной разъ и позднѣе. Балъ слѣдовалъ за баломъ,

но изъ нихъ былъ только одинъ интересный, это былъ балъ у г-жи Апраксиной, сестры графини Строгановой; публики было немного, и мы дѣйствительно много танцевали.

„Наканунѣ, въ такомъ же родѣ былъ балъ у графа Салтыкова, но онъ былъ менѣе оживленъ. Великолѣпенъ былъ балъ, данный графомъ Шереметевымъ, въ его загородномъ домѣ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы; тамъ былъ спектакль, фейерверкъ, балъ и иллюминація; блеску было много, но было довольно таки скучно“.

По возвращеніи въ Петербургъ, Елисавету Алексѣвну постигло большое горе. Ея отецъ скончался въ Швеціи вслѣдствіе несчастнаго паденія изъ саней, послѣдствіемъ котораго былъ нервный апоплексическій ударъ.

„Это тяжелое и столь неожиданное испытаніе, послѣ пережитыхъ волненій во время коронаціи, сильно повліяло на молодую Императрицу, но она перенесла его мужественно, заботясь только о томъ, какъ бы облегчить матери непоправимую утрату. Въ письмахъ къ маркграфинѣ выразилась вся нѣжность ея чувствъ. Особенно тягостна для Елисаветы Алексѣвны была невозможность утѣшить мать лично. О поѣздкѣ въ Баденъ нечего было и помышлять. Обѣ сестры, Елисавета и Амалія просили маркграфиню временно вернуться изъ Швеціи въ Петербургъ, но и это было немислимо, такъ какъ присутствіе маркграфини было необходимо въ Карлсруэ“.

Будучи въ траурѣ, Императрица мало выѣзжала въ свѣтъ въ теченіе зимы 1802 г., зато „въ кругу приближенныхъ проводились вечера въ пріятной бесѣдѣ. Къ обычнымъ посѣтителямъ этихъ вечеровъ прибавилось мало новыхъ лицъ, если не считать почтенныхъ братьевъ графовъ Воронцовыхъ, Александра и Семена Романовичей, изъ которыхъ первый, несмотря на свои недуги, принималъ дѣятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а второй гостилъ въ столицѣ, пріѣхавъ изъ Англіи, чтобы лично ознакомиться съ новымъ курсомъ. За этотъ періодъ завязались тѣ дружественныя отношенія между графомъ Семеномъ Романовичемъ и Императрицей Елисаветой Алексѣвной, которыя не прекращались до конца царствованія и поддерживались перепиской.

На эти вечера и обѣды приглашался также гофмейстеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, объявленный женихомъ любимой фрейлины Императрицы, княжны Наталіи Шаховской.

Изъ женскаго персонала у Императрицы бывали съ 1803—1804 ежедневно княгиня Н. Ѳ. Голицына, графиня А. И. Толстая, графиня С. В. Строганова, а также и болѣе пожилыя дамы: графиня Литта, княгиня А. М. Прозоровская, А. С. Протасьева, графиня Е. К. Апраксина. „Первенствующее мѣсто при дворѣ занимала въ

то время сестра Императрицы, Амалія, находившая удовольствіе жить въ необычной для нея обстановкѣ при дворѣ своей сестры; общество ея, какъ единственное звено, связывавшее Елисавету Алексѣевну съ родной баденской семьей, было дорого для нея, тѣмъ болѣе, что кратковременное счастье личной жизни, улыбнувшееся было молодой женщинѣ въ началѣ царствованія, начало измѣнять ей; ея супругъ сталъ постепенно отъ нея удаляться, „все болѣе и болѣе увлекаясь красавицей Маріей Антоновной Нарышкиной, рожденной княжной Четвертинской, сумѣвшей покорить его сердце, играя то на нотахъ восторженной любви, то дѣйствуя на его самолюбіе“.

Уже въ исходѣ 1803 г. въ письмахъ Императрицы проскальзываютъ грустныя нотки, полунамеки и жалобы на какія-то грустныя предчувствія; такъ, 28 апрѣля (10 мая) она писала, „нужно терпѣніе, чтобы переносить съ извѣстнымъ равнодушіемъ нѣкоторыя вещи, которыя въ конецъ извели бы меня, если бы я не старалась постоянно *mir es nicht zu Herzen zu nehmen*. Какъ я благодарю Бога, Который послалъ мнѣ въ утѣшеніе Амалію. Ея пребываніе здѣсь, ея общество такъ же, какъ и общество княгини (Н. Ѳ. Голицыной), много, много разъ разсѣвали до извѣстной степени мрачныя и тяжелыя тучи, появившіяся на моемъ горизонтѣ. Я то и дѣло повторяю себѣ, что мы рождены на свѣтъ не для наслажденія, а для того, чтобы терпѣть; однако я невольно нахожу несправедливымъ, что мнѣ приходится одной переносить горе по поводу того, въ чемъ я, разумѣется, виновата не одна. Итакъ, будемъ терпѣть, не будемъ болѣе говорить объ этомъ“.

Но терпѣть и молчать было трудно; 10 іюня 1804 г. Императрица сообщила матери о вторичной беременности Нарышкиной и писала между прочимъ: „не знаю, правда ли это, но я болѣе не буду такъ огорчаться этимъ, какъ первый разъ. Говорила ли я вамъ, что первый разъ она имѣла нахальство сама сообщить мнѣ о своей беременности, которая была еще въ началѣ, такъ что я могла бы отлично не замѣтить ея. Я нахожу, что для этого нужно обладать невѣроятнымъ нахальствомъ, это было на балу, и ея положеніе было не такъ замѣтно, какъ теперь; я разговаривала съ ней, какъ со всѣми остальными, и освѣдомилась о ея здоровьи. Она отвѣтила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, „такъ какъ и, кажется, беременна“. Не правда ли, дорогая мама, что нужно было имѣть удивительное нахальство, чтобы сказать это, ибо она отлично знала, что мнѣ извѣстно, отъ кого она могла быть беременна. Не знаю, что будетъ дальше, и чѣмъ все это кончится; знаю одно, что я не стану портить характеръ и здоровье ради человѣка, того не стоящаго, но терпѣніе можетъ иногда превзойти человѣческія силы“.

Другой разъ, пользуясь болѣе надежной оказіей, Императрица пишетъ откровеннѣе:

„Я давно уже не могла говорить съ вами откровенно о томъ, что болѣе всего интересуется васъ и меня; все идетъ по-прежнему. Не знаю, сообщила ли вамъ Амалія о событіи, которое меня поразило и заставило бы меня увѣровать въ правосудіе судьбы, если бы я въ немъ сомнѣвалась. Я говорю о смерти ребенка, рожденіе котораго причинило мнѣ столько огорченія... Онъ умеръ въ августѣ, я отъ души жалѣла Императора; онъ былъ съ недѣлю очень печалень, но вѣроятно мать¹⁾ довольно скоро утѣшилась, ибо иначе онъ не утѣшился бы такъ скоро. Впрочемъ, прошлую зиму она потеряла другого ребенка и по прошествіи трехъ недѣль она уже танцевала. Дружеское участіе, которое я выказала Императору по этому поводу, не дѣлая этимъ надъ собой ни малѣйшаго насилія, такъ какъ я всегда питала и буду питать къ нему въ душѣ участіе; мое сочувствіе къ его горю было причиною, что онъ сталъ относиться ко мнѣ чуть ли не нѣжно, но это продолжалось не болѣе двухъ недѣль. Впрочемъ, когда мы остаемся одни, онъ относится ко мнѣ очень хорошо, но это бываетъ не долго и не часто. Что касается моего обхожденія съ нимъ, то объ этомъ можно судить лучше всего по отзыву его матери, которая несомнѣнно должна быть пристрастнѣе другихъ; она же постоянно говоритъ мнѣ, что я отношусь къ нему прекрасно, и высказываетъ величайшее желаніе, чтобы я ближе сошлась съ нимъ; судя по дружескимъ совѣтамъ, которые она мнѣ даетъ, я не думаю, чтобы она говорила это неискренно“.

Къ счастью Елисаветы Алексѣвны, она была вскорѣ отвлечена отъ тяжелыхъ впечатлѣній своей личной жизни событіями внѣшней политики. Россія была наканунѣ разрыва съ Франціей.

Отношенія Александра I къ Бонапарту съ момента принятія послѣднимъ пожизненнаго консульства измѣнились; Государь сталъ смотрѣть на него съ тѣхъ поръ какъ на нарушителя данной имъ присяги работать только для блага и славы своего отечества. Принятіе Наполеономъ императорскаго титула и кровавая расправа съ герцогомъ Ангіенскимъ повели къ окончательному разрыву съ Россіей, которая присоединилась къ коалиціи европейскихъ державъ противъ Наполеона. Александръ сталъ душою этой коалиціи.

9 сентября 1804 г. Императоръ отправился въ дѣйствующую армію, чтобы лично принять участіе въ кампаніи противъ Наполеона. О томъ, какъ глубоко была тронута Императрица отъѣздомъ

1) Марія Антоновна Нарышкина.

своего супруга, можно судить ея по письму къ матери отъ того же 9 числа:

„Я глубоко взволнована отъѣздомъ Императора, уѣхавшаго всего часа два тому назадъ, писала Елисавета Алексѣевна. Мнѣ необходимо стряхнуть съ себя это тягостное состояніе, а для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ писать вамъ, дорогая мама. Но я не въ состояніи писать въ настоящую минуту сколько-нибудь связно; простите, если мое письмо будетъ лишено здраваго смысла“.

В. В. Тимошукъ.

Поправки: Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1909 г. въ статьѣ „Житейскія встрѣчи“ напечатано: стр. 481, 19-я строка снизу—К. К. Гротъ, слѣдуетъ читать—К. Я. Гротъ; въ статьѣ „Депутатъ отъ Россіи“ напечатано: стр. 598, 15-я строка сверху hants, слѣдуетъ читать—hante; 7-я строка снизу—nonsense, слѣд. читать nonsens; стр. 599, 12-я строка снизу—lif's, слѣд.—life's; стр. 603, 16-я строка снизу—букву надо поставить впереди слова Crime, а не въ концѣ, слѣдуетъ:—буква *a* должна стоять впереди слова Crime, а не на концѣ; 10-я строка снизу—„Кинглекъ прерывасть. Да, но Брайтъ-квакеръ, слѣдуетъ:—„Кинглекъ говоритъ: Брайтъ ничто болѣе, какъ квакеръ; 9-я строка снизу—„Я ненавижу Ваше квакерство, слѣдуетъ:—„Я ненавижу ваше ничто иное“;—6-5 стр. снизу:—„Нѣтъ сомнѣнія, что эти взгляды необходимо требуются христіанскимъ просвѣщеніемъ, слѣдуетъ:—„Къ тому же эти правила требуются христіанствомъ; стр. 606, 9-я строка снизу:—просить отвѣта, слѣдуетъ:—рѣшасть вопросъ по принципу; стр. 609, 13-я строка сверху—Notel, слѣд.—Hotel; стр. 613, 1-я строка снизу и стр. 614, 11-я строка сверху—loaking you, слѣдуетъ читать—looking you.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

подъ редакціей Барона Н. В. ДРИЗЕНЪ.

„Ежегодникъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ“ выходитъ ежемѣсячно, въ теченіе 1909 г., а также будетъ выходить и въ теченіе 1910 г. семь разъ, книжками въ 10—12 печатныхъ листовъ, формата малое in 4°, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ заключать въ себѣ записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся постановокъ въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ дѣятельности частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ видѣ приложенія будутъ даны пьесы текущаго репертуара ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, иллюстрированныя портретами дѣйствующихъ лицъ и mise-en-scène постановки.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи въ литературно-художественномъ отдѣлѣ: Профессора **Ө. Д. Батюшкова**, акад. **А. Ө. Кони**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, **Д. С. Мережковскаго** и проф. **П. О. Морозова**; въ художественномъ отдѣлѣ: **А. Я. Головина**, **М. В. Добужинскаго**, **Е. Е. Лансере**, **К. А. Сомова**, **С. К. Маковскаго** и **К. Д. Чичагова**.

Цѣна годового экземпляра „Ежегодника“ 6 руб., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ Спб. и Москвы, а также въ Конторѣ „Ежегодника“ (Итальянская, д. 1—8, кв. 49).

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 руб. (продается также въ фойѣ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ).

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилина, М. М. Ковалевского, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Поснинова, Л. З. Сломинскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзорѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналъ будутъ помѣщаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника **В. И. Россинскаго**, фирмой **Meisenbach, Riffarth & Co** въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по $\frac{1}{2}$ г. 7 р. 75 к., по $\frac{1}{4}$ г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкою на годъ 16 р., по $\frac{1}{2}$ г. 8 р., по $\frac{1}{4}$ г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по $\frac{1}{2}$ г. 8 р. 50 к., по $\frac{1}{4}$ г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по $\frac{1}{2}$ г. 9 р. 50 к. по $\frac{1}{4}$ г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: **М. М. Стасюлевича**, В. О., 5 л., 28., **К. Риккера**, Невскій, 14; **А. Ф. Цинзерлинга**, Невскій, 20; **Т-ва М. О. Вольфа**, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Киевѣ: въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**, на Моховой, и въ конторѣ **Н. Печковской**, въ Петровскихъ линіяхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“. Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ **Н. П. Карбасникова**.

Редакція „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Сиб., Моховая, 32. Главная контора журнала. Загородный просп., 14. Московское Отдѣленіе: Б. Никитская, 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію бесплатно. 3—1

Открыта подписка на 1910 годъ.

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ
для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи и этнографіи. Постоянные отдѣлы: *Изъ науки и жизни.*—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду распространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „ВСХОДОВЪ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединить въ одну книжку.

12 №№ „Библиотекъ Выходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Во „Всходахъ“ и „Библиотекѣ Выходовъ“ 1910 г. будетъ напечатано между прочимъ: *Безъ исхода.* Истор. пов. А. Алтаева.—*Талантъ.* Пов. Его же.—*Маленькій Павлюкъ.* Пов. С. Гусева-Оренбургскаго.—*Сказка жизни.* Пов. А. Галагай.—*Три волоса.* Пов. А. Зарина.—*Люди каменнаго вѣна.* Очерки А. Ельницкаго.—*Охота за горбачами.* Разск. И. Инфантьева.—*Изъ жизни насѣкомыхъ.* Фабра. Въ обраб. И. Игнатъева.—*По волнамъ земра.* Астроном. романъ Б. Красногорскаго.—*Пуруль.* Изъ алтайскихъ воспоминаній А. Мирской.—*Песеме новоземелецъ.* Разск. К. Носилова.—*Царица Эстеръ.* Разск. Н. Пружанскаго.—*Моряки.* Сборникъ морскихъ рассказовъ. К. Станюновича.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ въ Россіи 5 р.; на 1/2 года 2 р. 50 к.; на 1/4 года 1 р. 25 к.; на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Плата за объявл. 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р., 1/4 стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ конт. Печковской: в. осина, стронскія линіи,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-издат. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ 1910 г.

П О П У Л Я Р Н Ы Й

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛЪ“

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. ♦ ♦ тринадцатый годъ изданія.

Учебнымъ отдѣл. Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для Фундаментальныхъ библиотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній. Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ текущей литературѣ.

„Литературно-Медицинский Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно книгами журнальнаго формата по слѣдующей программѣ: I. Оригинальныя и переводныя статьи и руководства по всемъ отдѣламъ медицины и вспомогательнымъ ей наукамъ, съ соответственными рисунками научнаго содержанія. II. Рефераты, обзоры, біографіи медицинскихъ дѣятелей (съ портретами), некрологи, бібліографія и критика медицинскихъ сочиненій и журналовъ. III. Литературный отдѣлъ и IV. Объявленія.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго Журнала“ получаютъ бесплатно ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛЪ „ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ“ подъ редакціей д-ра ОКСА.

Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.

Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигиенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя аптека.—Домашняя помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей,

Въ 1910 г. въ „Литературно-Медицинскомъ журналѣ“ будутъ, меж. проч., напечатаны:

I. Научный отдѣлъ: Проф. Максъ Груберъ (Мюнхенъ). „Гигіена половой жизни“ Перев. съ 3-го нѣмец. исправленнаго изданія (7—12 тыс. экзмп.). Съ рисунками.—Проф. Г. Портъ (Гейдельбергъ). „Гигіена зубовъ и полости рта“ (строеніе и назначеніе полости рта; прорѣзываніе и смѣна зубовъ; уходъ за зубами и полостью рта у взрослыхъ; уходъ за полостью рта у больныхъ; костовѣда зубовъ; происхожденіе ея и послѣдствія; извлеченіе зубовъ; лѣченіе костоѣды; пломбировка; искусственныя зубы; профессиональныя болѣзни зубовъ). Перев. съ нѣм. Проф. А. Шреттеръ (Вѣна). „Гигіена легкихъ въ здоровомъ и больномъ состояніи“. Съ 17 рисунками. Пер. съ нѣм.—Проф. А. Богинскій (Берлинъ). „Обязанности матери“. Перев. съ нѣмец.—Д-ра мед. Р. Абель и М. Финкертъ (Берлинъ). „Простѣйшіе способы бактериологическихъ изслѣдованій“ (Перев. съ нѣм.) II. Литературный отдѣлъ: Бриэ (Bréux). „Потерѣвшіе“. Медицинская пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц.—Д-ръ мед. А. Н. Муморцевъ. „Психопатическія черты въ герояхъ Леонида Андреева“.—Д-ръ мед. А. В. Соболевскій. „Лермонтовъ о спиртовыхъ напиткахъ“. А. Бахтіаровъ. „Приготовленіе скелетовъ“.

Литературное обозрѣніе: разборъ новыхъ книгъ и произведеній, соприкасающихся съ медициной и появляющихся въ текущей журнальной литературѣ. III. Общественная медицина: отклики на общественно-медицинскія злобы дня.—Т. П. Задера. „Объ объединеніи всѣхъ фельдшерско-акушерскихъ организацій“. IV. Практическая медицина: рефераты изъ періодической медицинскій печати, имѣющія практическій интересъ. V. Библіографія и некрологи VI. Дѣвнадцатый номеръ журнала „Домашній Докторъ“ съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна „ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКАГО ЖУРНАЛА“: четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес. Для выписывающихъ одновременно оба изданія („Фельдшеръ“ и „Литературно-Медицинскій Журналъ“ съ „Домашнимъ Докторомъ“) допускается уступка и разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ первому апрѣля 1 р., 50 к. и къ первому іюля 1910 г. 1 р. 50 к. За неполученіемъ взносов въ указаные сроки высылка обоихъ изданій прекращается.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (СПБ., Офицерская, 26).

Годовые подписчики газеты „Фельдшеръ“ и Литературно-Медицинскаго журнала“, внесшіе сразу всю подписную плату (6 р.), получаютъ бесплатно приложеніе

Медицинскій календарь „ЭСКУЛАПЪ“ на 1910 г. въ двухъ частяхъ.

(2-ая часть содержитъ: „Краткій терапевтическій словарь по внутреннимъ болѣзнямъ“.)

14-й годъ
изданія.**ОТКРЫТА ПОДПИСКА**14-й годъ
изданія.

на 1910 годъ

на единственное въ Россіи литературное художественное
иллюстрированное изданіе.**НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ****Литературы, Искусства и Науки**(быв. **Ө. И. Булгакова**, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванию, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, окултизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной газированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Оне, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Апшъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уэльдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки“—С. Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ **С. Д. Новиковъ**.

Подписчикамъ „Одесскаго Листка“ на 1910 годъ будетъ выдана **БЕЗПЛАТНО** книга великаго писателя земли русской

Льва Николаевича ТОЛСТОГО „КРУГЪ ЧТЕНІЯ“.

Цѣль этой книги, какъ заявляетъ великій писатель въ своемъ предисловіи къ ней, заключается въ томъ, „чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневно кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства“.

„Я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобы читатели испытали при ежедневномъ чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечтываніи“.

„Чувствую, что это моя послѣдняя работа, говоритъ Левъ Николаевичъ Толстой, и хочется придать ей характеръ тихой бесѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ, и я радъ, если эту книгу читаютъ“.

„КРУГЪ ЧТЕНІЯ“, составляющіи книгу около 800 страницъ, отпечатаны четкимъ шрифтомъ на хорошей большого формата бѣлой бумагѣ. Къ книгѣ приложенъ художественно исполненный фототипіей портретъ Л. Н. Толстого.

Выдача книги годовымъ подписчикамъ на 1910 годъ, внесшимъ полную подписную годовую плату (городскіе 10 руб., а иногородніе 12 руб.), будетъ производиться съ 10-го января 1910 года въ конторѣ „Одесскаго Листка“ по предъявленіи подписныхъ квитанцій. Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію по почтѣ, подѣ заказной бандеролью, благоволятъ сообщить о томъ конторѣ, приложивъ поч. марокъ на 35 к. въ возмѣщеніе стоимости расходу по пересылкѣ. Подписчики же, получающіе газету въ разсрочку, книгу получать при послѣднемъ взносѣ подписной суммы.

Количество экземпляровъ очень цѣнной книги „Кругъ чтенія“ отпечатано нами ограниченное и въ отдѣльную продажу не поступитъ.

Ежедневная литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

съ отдѣльн. ИЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, выходящими при газетѣ **ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ** по средамъ и субботамъ.

Въ 1910 году газета вступаетъ въ 37-ой годъ своей жизни и будетъ продолжать издаваться той же редакціей, подѣ которой газета выходила всѣ 36 лѣтъ.

Вліяніе, которое приобрѣла за столь продолжительное время газета, и то огромное число читателей, которое она завоевала, обязываютъ насъ стоять съ прежнею чуткостью на тражѣ интересовъ общества и въ будущемъ и съ сознаніемъ этой священной обязанности продолжать работу. Девизомъ газеты всегда было и впредь будетъ—стремленіе идти навстрѣчу интересамъ читателя-гражданина безъ различія національности и въ роисповѣданія, неизмѣнно преслѣдуя цѣли прогресса и культуры.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

въ городѣ съ доставкой на домъ 10 р. въ годъ, 6 р. полгода, 3 р. 50 к. три мѣсяца и 1 р. 20 к. въ мѣс.; на города съ ежедневной высылкой по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣс.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученія денегъ, должна быть оплачена 5 к. гер. мар. за счетъ подписчика.

Редація и Контора въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“
В. В. Навроцкаго.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для детей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

17 годовых подписочных журналов „З. С.“ для детей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) по 1 рубль

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ большая статья о вѣрномъ „НИЦЬЯ“ и о Христовѣ; 12 картинокъ ИГРЪ и ЗАНЯТІЙ и рисунковъ; 12 мал. книжечекъ РАЗСКАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОКЪ; 12 „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛИ“; „МАЛЕНЬКИЙ РУССКИЙ НАТУРА-ЛИСТЪ“; игра „СТЕНА-РАСТРЕПКА“ и ин. др.

Кромѣ того, при каждой издаваемой высылкѣ, „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ“ и „ДЕТСКІЯ ИГРЫ“.

Полнокомъ дѣтъ каждое изданіе „Задушевнаго Слова“, со всеми обыкновенными привѣтливостями и приложеніями, съ лоскутковой и пересылкой, — за годъ ШЕСТИР. РУБЛЕЙ.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) въ 1 февралѣ и 3) въ 1 мая — по съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаясь въ контору „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжечкѣхъ магазинныхъ Т-ва М. О. Вольфа — С. ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Двора, 18, или 2) Невскій, 13.

17 годовых подписочных журналов „З. С.“ для детей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) по 1 рубль

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: интересная статья о „ПОДАТЕ СЛѢДОВЪ“; 12 картинокъ ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ПЬЕСЪ для молодежи; 8 мал. книжечекъ ЗНАМЕНИТЪ ЛЮДЕЙ; 6 мал. „ГО-ЛУБАЯ ВОЛНА“; 4 „Чиселъ“; СБѢА ОНУГО НАТУРАЛИСТА“; „КАМЕНДАРЬ“ для учащихся; съ замечательной и ин. др.

Кромѣ того, при каждой издаваемой высылкѣ, „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ“ и „ДЕТСКІЯ ИГРЫ“.

Полнокомъ дѣтъ каждое изданіе „Задушевнаго Слова“, со всеми обыкновенными привѣтливостями и приложеніями, съ лоскутковой и пересылкой, — за годъ ШЕСТИР. РУБЛЕЙ.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) въ 1 февралѣ и 3) въ 1 мая — по съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаясь въ контору „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при книжечкѣхъ магазинныхъ Т-ва М. О. Вольфа — С. ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Двора, 18, или 2) Невскій, 13.

2 р.

ЗА ГОДЪ — 6 РУБЛЕЙ, РАЗСРОЧКА — по 2 рублю.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНИЯ

на 1910 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ,
ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.

Четвертый годъ изданія.

Взявъ своимъ лозунгомъ **независимость** и поставивъ главною цѣлью широкую и полную освѣдомленность, редакция «ГОЛОСА МОСКВЫ» привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и специалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и образовала обширную сеть своихъ корреспондентовъ.

Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и о дѣятельности **всѣхъ государственныхъ учреждений** получаютъ ежедневно по телефону.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о московской жизни.

Газета внимательно слѣдитъ за ходомъ развитія торгово-промышленнаго дѣла въ Россіи. Ежедневно—обширная хроника, обзоры и руководящія статьи по вопросамъ этой области.

Въ каждомъ номерѣ газеты—сатирическіе и юмористическіе фельетоны на злобу дня.

Широкое мѣсто отводится въ вопросамъ искусства и художественной литературѣ. Важнѣйшія событія иллюстрируются.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 12 мѣс.	9 р. — к.		на 6 мѣс.	4 р. 75 к.
» 11 »	8 » 50 »		» 5 »	4 » — »
» 10 »	7 » 75 »		» 4 »	3 » 25 »
» 9 »	7 » — »		» 3 »	2 » 50 »
» 8 »	6 » 25 »		» 2 »	1 » 80 »
» 7 »	5 » 50 »		» 1 »	— » 90 »

Льготная подписка для лицъ духовнаго знанія, военныхъ, учителей и студентовъ:

на 12 мѣс.	6 р. — к.		на 6 мѣс.	3 р. — к.
» 11 »	5 » 50 »		» 5 »	2 » 50 »
» 10 »	5 » — »		» 4 »	2 » — »
» 9 »	4 » 50 »		» 3 »	1 » 50 »
» 8 »	4 » — »		» 2 »	1 » 10 »
» 7 »	3 » 50 »		» 1 »	— » 60 »

Выписывающіе за границу платятъ вдвое.

Отвѣтств. редакторъ: *Л. М. Смирновъ.*

Издатель: «Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ».

14-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1910 годъ.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

Издаваемый въ Москвѣ А. А. ПЕТРОВИЧЕМЪ подъ редакціей Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Н. Э. СТРЕМОУХОВА при постоянномъ участіи известнаго писателя И. ЛЮДИНА и художника П. П. ИВАНОВА и др.

Тринадцатилѣтнее существованіе журнала, огромная распространенность его среди Русскаго населенія, полное удовлетвореніе подписчиковъ, даже въ то время, когда политическія событія ставили къ тому почти непреодолимая препятствія, наконецъ лестные отзывы подписчиковъ и читателей, такова въ общ. чертахъ исторія журн. „Родная Рѣчь“.

Въ будущемъ 1910 году подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получатъ **ВСЕГО ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:**

50 ЛИТЕРАТУРНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА — свыше 300 рисунковъ и портретовъ и 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, статьи историческаго и научнаго содержанія, описанія путешествій, биографіи, смѣсь, сельскохозяйственныя замѣтки. ОПИСАНІЕ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, оригинальные рисунки, портреты, снимки съ знаменитыхъ картинъ, виды городовъ, историческихъ памятниковъ, живописныхъ мѣстностей и пр.

50 ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ, въ которой печатаются передовыя статьи по всемъ вопросамъ политической и общественной жизни, хроника правительственныхъ распоряженій, нововведеній, фельетоны и замѣтки на разныя темы, обсужденіе мнѣній другихъ газетъ о разныхъ вопросахъ, корреспонденціи, иностранныя новости, театр и музыка, спортъ, мелочи, тиражи и пр.

24 КНИГИ СОБРАНИЕ СОЧИ ЕНИЙ **Графа Е. А. САЛІАСА.**
ИЗВѢСТНАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ

Будутъ даны слѣдующія его сочиненія: НА МОСКВѢ МОРЬ, больш. историч. романъ; ШЕМЯКИНЪ СУДЬ, историч. романъ; ПЕТРОВСКІЕ ДНИ, историч. романъ; ПОСЛАНЕЦЪ ГРАФА ГЕТМАНА, историч. романъ; СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ, историч. романъ; СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ, историч. повѣсть; ЛУРДСКАЯ БОГОМАТЕРЬ, рассказъ; ЧЕРНЫШЪ, рассказъ; ЕВРЕЙКА, рассказъ; ЗАСЪКИНСКІЙ ДОМЪ, рассказъ; ЛОВЕЛАСЬ, рассказъ; ЯВЕДА НА ЯВЕДУ, рассказъ; ПОСЛАНІЕ КЪ РОССІЯНАМЪ, историческій рассказъ.

ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ СТОЯТЪ 15 рублей

4 КНИГИ СОЧИНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АНГЛІЙСК. ПИСАТЕЛЯ ДЖОНА ЛЕББОКЪ.
КАКЪ НАДО ЖИТЬ РАЗУМНО И СЪ ПОЛЪЗОЮ.

Означенныя книги необходимы каждому грамотному человѣку для самообразованія.

1 КНИГА **МЕЖДУЦАРСТВІЕ** Написанная по источникамъ Е. И. ЗАБѢЛИНА.
СО МНОГИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

При первомъ № журнала будетъ приложенъ
СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г.

1 БОЛЬШАЯ КНИГА **ЦАРЕУБИЙСТВО**
или **ИСТОРИЯ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО.**
НАПИСАНА ПО ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА.

Долговѣтнее добросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками служить гарантіей для будущихъ подписчиковъ, что и въ предстоящемъ году мы съ одинаковымъ рвеніемъ не только выполнимъ все свои обѣщанія въ точности, но не остановимся передъ затратами на особыя не входящія въ программу приложенія, если того потребуютъ обстоятельства.

Подписавъ цѣна на журналъ „Родная Рѣчь“ со всеми приложеніями съ пересылкой на годъ 5 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 апрѣля—1 р., къ 1 июля—1 р. и къ 1 сент.—1 р.

Съ мало-вѣннымъ платеніемъ и въ кредитъ журналъ не высылается.

Подписку адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ“—Москва, Рождественка, Варсаноовскій пер., № 4.

Открыта подписка на 1909—1910 г.

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературный журналъ

II годъ

съ Окт. 1909 г.

по Окт. 1910 г.

„МІРЪ“

II годъ

съ Окт. 1909 г.

по Окт. 1910 г.

Въ журналъ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты. Въ 1909—1910 г.г. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ ЖУРНАЛА большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40000 буквъ).

Альбомъ изъ 24 картинъ знам. художн. въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

Живыя рѣчи Л. Н. Толстого.

Въ содержаніе живыхъ рѣчей войдутъ собранныя И. Б. Тенеромъ легенды и бесѣды Л. Н. Толстого: Религія человѣчества.—Молитва.—Легенда объ Александрѣ I.—Христіане ли мы?—Постъ отлученія.—Сборъ для голодающихъ.—Яснополянская коммуна.—Пророчество.—Шпіонъ.—Какъ Л. Н. Толстой бросилъ курить.—Новая заповѣдь.—О патриотизмѣ.—Сотрудники Л. Н. Толстого.—Легенда нищихъ.—Старушка сказочница.—Два старика.—Педагоги.—Какъ создавалась „Власть тьмы“.—Плоды просвѣщенія.—Платье и истина.—Эпизодъ изъ Севастопольской войны.—Палкинъ.—Рѣпинъ.—Суворинъ.—Сенаторъ.—Вегетарианство.—Л. Н. Толстой и П. Л. Лавровъ.—Л. Н. Толстой и его дѣти.—Какъ отняли дѣтей у Хилкова.—Пасхальное путешествіе.—Л. Н. Толстой и Крыловъ.—Голодь.—Въ опалѣ.—Л. Н. Толстой и деньги.—Партія.—Соціализмъ.—Пролитая кровь.—Упоение смертью.—Л. Н. Толстой и конституція.—М. А. Стаховичъ.—Разумъ.—Въ Ясной Полянѣ.—Посылка.—Переписка Л. Н. Толстого.—Къ слухамъ объ Л. Н. Толстомъ.—Къ обстрѣлу дома Л. Н. Толстого.—Легенда объ Александрѣ Македонскомъ.—Колонизація евреевъ.—Сіонизмъ.—Л. Н. Толстой о юдофобствѣ.—Къ юбилею Л. Н. Толстого.—Наканунѣ юбилея.—Отказъ отъ юбилея.—Академія нравственныхъ наукъ.—Л. Н. Толстой и студенты.—Л. Н. Толстой о Государственной Думѣ.—Л. Н. Толстой и порнографія.—Л. Н. Толстой о семьѣ.—Л. Н. Толстой о дуэли.—Ивъ прошлаго.—Паломницы Ясной Поляны.—Л. Н. Толстой о тайнѣ безстрашія.—О врачахъ.—О прессѣ.—О театрѣ.—О женщинахъ.—Треповъ и домъ Л. Н. Толстого.—Покося.—Языкъ труда.—Л. Н. Толстой въ лѣсу.—Плачь Патриарховъ.—Легенда о языкѣ.—Служители Бога.—Легенда о Патриархѣ.—Жизнь человѣка.—Легенда о Содомѣ.—Рождественская легенда.—Учитель жизни.—Легенда о Кесарѣ Адрианѣ. Помимо всего вышепоименованнаго редакція „МІРЪ“ съ Октября т. г. вводитъ:

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Главной задачей справочнаго отдѣла является желаніе придти на помощь провинціальному читателю, отдаленному отъ центра умственной и повседневной жизни. Руководясь этимъ, редакція „МІРЪ“ организовала особое справочное бюро, въ которое вошли специалисты—ученые по всѣмъ отраслямъ науки, сельскому хозяйству, общественной жизни и т. д.

Бюро отвѣчаетъ на вопросы подписч., даетъ совѣты, указанія и т. д.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми предложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 5 р., на ¹/₂, 3 р. За границу: на годъ 8 р., на ¹/₂, г. 5 р.

Для сельскихъ священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земскихъ служащихъ допускается расценка подписной платы: при подпискѣ 2 руб., каждые три мѣсяца по 1 руб.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ разнччыхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждыя 10 зн. 1 зн. бесплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробный проспектъ о журналѣ и каталогъ книгоиздательства высылаются бесплатно.

Редакторъ Л. Л. Богусевскій.

Издатель В. Л. Богусевскій.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: Москва, Петровка, д. № 25, Самариной; въ С.-Петербурѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголь Литейнаго пр. и Кировной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголь Садовой и Мучного пер.; № 7—уголь Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголь Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

Годъ изданія сорокъ пятый
„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будеть выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей
и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая
отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интере-
совъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Полные обзоры областной промышленности и тор-
говли.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанск., симбирск.,
самарск. и сарат. и изъ Закаспійск. Края и Кавказа, а также
объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газет-
ныя принимаются непосредственно конторою редакціи
(Мало-Демид. соб. д.), всѣ же прочія исключительно
Центральною конторою Л. и Э. Мецль и К^о (Москва,
Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки
петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года —3 руб. 75 коп., 3 мѣс.
—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель **В. М. Складискій.**

Подписка на 1910 г. открыта.

„РОДНИКЪ“

XXIX г. изд. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 12 книжекъ со многими иллюстраціями и отдѣльными картинками (до 2.000 стр.). Интересное содержаніе. Изящная внѣшность. Участвуютъ лучшіе писатели и художники. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ современ. жизни.

Каждая книжка закончена.

Цѣна съ перес. 5 р. На $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 50 к.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXIV г. изд. Педагогическій листокъ для родителей и педагоговъ. 12 №№. Популярныя статьи по физическ., умств. и нравств. воспитанію дѣтей, гл. обр. дошкольнаго возраста. Протоколы С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка. Рецензіи о дѣтскихъ книгахъ.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

„СОЛНЫШКО“

VI г. изд. Единственный въ Россіи дешевой журналъ для начальныхъ школъ и для дѣтей младшаго возраста. 12 книжечекъ со многими иллюстраціями. Приложение: 40 большихъ картинъ для составленія альбомовъ. Знакомить дѣтей преимущественно съ роднымъ бытомъ и природой, и стремится сдѣлаться подспорьемъ при начальномъ обученіи.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

Каждая книжечка закончена. Цѣна ихъ отдѣльно—10 коп.

Редакція и Контора: Петербургъ, Таврическая, 27.

====ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНО.====

„Запросы въ парламентъ

Будильника“.

Запросъ русскому читателю о подпискѣ на 1910 г.

I. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ“, перейдя въ 1908 г. въ новыя руки, РАДИКАЛЬНО ОБНОВИЛСЯ и сталъ не узнаваемъ по содержанію и по внѣшности?

II. Извѣстно ли тебѣ, что новая редація сдѣлала изъ „БУДИЛЬНИКА“ журналъ БЕЗПАРТІЙНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ?

III. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ“, открывъ подписку на 1910 годъ, дастъ годовымъ подписчикамъ, въ видѣ преміи, великолѣпный, единственный въ своемъ родѣ АЛЬБОМЪ, подъ заглавіемъ „ЖЕНЩИНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ“? Что въ АЛЬБОМЪ войдетъ СВЫШЕ 100 ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХЪ РЕПРОДУКЦІЙ съ рисунковъ такихъ мастеровъ и знатоковъ женщины, какъ БЕРДСЛЕЙ, ФОРЕНЪ, ГУЛЬБРАНСОНЪ, РЕЗНИЧЕКЪ, К. СОМОВЪ и ДР.?

IV. Извѣстно ли тебѣ, что въ „БУДИЛЬНИКЪ“ участвуютъ НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ и ЛИТЕРАТУРНЫЯ СИЛЫ?

V. Извѣстно ли тебѣ что УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1910 г. остаются прежнія, т. е. иногороднимъ съ преміей безъ разсрочки 10 руб. въ годъ; безъ преміи 9 р. въ годъ, на $\frac{1}{2}$ г.—5 р; городскимъ: съ преміей 9 р. въ годъ, безъ преміи 8 р., на $\frac{1}{2}$ г.—4 р. 50 к.?

VI. Извѣстно ли тебѣ, что ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ „ДОБРОЕ УТРО!“ съ 1910 г. выдѣляется въ самостоятельное изданіе и стоитъ по отдѣльной подпискѣ, въ годъ 2 руб.

VII. Извѣстно ли тебѣ, что ПИСЬМА и ДЕНГИ СЛѢДУЕТЪ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Петровка, Салтыковскій пер., д. Михайлова, журналу „Будильникъ“, а для подписчиковъ на „Доброе Утро!“: Москва, журналу „Доброе Утро!“?

ЕСЛИ ТЕБѢ ВСЕ ЭТО ИЗВѢСТНО, КАКІЯ МЪРЫ ДУМАЕШЬ ТЫ ПРИНЯТЬ КЪ ТОМУ, ЧТОБЫ ПОБОРОТЬ ПРИСУЩУЮ ТЕБѢ ЛѢНЬ И ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, А НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ, ПО НЕПОХВАЛЬНОЙ ПРИВЫЧКѢ, ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ, НЕ ЗАСЫПАТЬ НАСЪ ПЕРЕВОДАМИ ВЪ САМОМЪ КОНЦѢ ГОДА, КЪ УЖАСУ НАШИХЪ КОНТОРСКИХЪ СЛУЖАЩИХЪ, СБИВАЮЩИХСЯ СЪ НОГЪ ПОДЪ ГРАДОМЪ СЫПЛУЩИХСЯ ТРЕБОВАНІЙ.

отъ гибели и забвенія обломки древностей, занятого историческими излѣдованіями того провинціального угла, въ которомъ онъ живетъ, пишущаго по началству протесты при видѣ кощунственнаго отношенія къ древностямъ, статьи въ историческіе журналы, замѣтки по поводу найденныхъ архивныхъ курьезовъ прошлаго и т. п. Чуждый политики, наградъ, карьеръ, одинаково спокойно „взирающій на правыхъ и виновныхъ“ тѣхъ событий, которые проходятъ передъ нимъ по документамъ, не мечтающій, конечно, о популярности, наградахъ, почетныхъ званіяхъ, а тѣмъ болѣе о научно-литературной славѣ, часто никому невѣдомый, а еще чаще составляющій бѣльмо на глазу провинціальной администраціи, духовенства, беззаботныхъ въ отношеніи охраны древнихъ памятниковъ, перѣдко осмѣиваемый, ненювятый даже близкими окружающимъ, тратящій на приобрѣтеніе старины, для умноженія своихъ коллекцій, въ ущербъ личному благополучію, скудныя сбереженія,—такой современный „Несторъ-лѣтописецъ“ вноситъ, однако, незамѣтно свой вкладъ въ общую сокровищницу отечественной исторіи. Право, жаль, что до сихъ поръ нѣтъ еще у насъ капитальнаго труда на тему о томъ, что сдѣлали вообще для родины, для общества; наши провинціальныя „волонтеры“, такъ сказать, микробы, муравьи науки, искусства, археологіи, чѣмъ обогатили они столичныя и губернскіе музеи, что спасли для потомства отъ неминуемаго разрушенія, гибели, на чѣмъ подчасъ разбили жизнь свою, свои средства, свое счастье!“... На могилу такого труженика положить авторъ свой вѣнокъ, вполне заслуженный покойнымъ И. И. Орловскимъ, который всю свою недолгую жизнь (онъ умеръ сорока лѣтъ) посплошно подвизался подвигомъ добрымъ на нивѣ родной исторіи, невзирая на весьма неблагоприятяющія условія. А каковы бываютъ послѣднія, объ этомъ негодующе рассказываетъ г. Жиркевичъ какъ въ биографіи Орловскаго, такъ и въ статьѣ о смоленскихъ архивахъ, помѣщенной въ I томѣ сборника „Смоленская Старина“, возникшаго по почину И. И. Орловскаго.

Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпуски I и II. Новгородъ, 1908 и 1909 г.г.

Эти двѣ книжки являются плодомъ дѣятельности общества, основаннаго въ апрѣлѣ 1908 г. „Оно полагаетъ“—читаемъ въ отчетѣ—„что только съ объединеніемъ ученыхъ и общественныхъ силъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ въ дѣлѣ изученія новгородской старины, и что, идя по этому пути, тщательно собирая матеріалы по изученію прошлыхъ судебъ Великаго Новгорода, изучая сохранившіеся памятники его гражданской и церковной жизни, розыскивая хранилища частныхъ лицъ и этимъ оберегая ихъ отъ того гибельнаго расхищенія, которому они подвергаются, и изслѣдуя разбросанные по всему лицу новгородской земли могильники, гдѣ погребены ея древніе насельники, оно служитъ дѣлу русской исторической науки, для которой должно быть дорого все то, что перевозитъ насъ въ прошлое“. Новгородъ и обширный прилегающій къ древнѣйшему русскому городу край представляютъ намѣченной обществомъ дѣятельности богатое поприще, и участникамъ молодого общества, проявившимъ горячій интересъ къ дѣлу, нетрудно было сразу прочно поставить на ноги свое дѣтище и, между прочимъ, ознаменовать первые полтора года его существованія двумя книжками очень цѣнныхъ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, сообщеній и изслѣдованій. Въ первомъ выпускѣ особенно цѣны докладъ М. В. Муравьева „Святая Софія, новгородскій Пантеонъ“ и 3-е дополнение къ извѣстному библиографическому словарю В. Ласковского „Новгородика“, посвященному сочиненіямъ о новгородской землѣ. Изъ состава второго выпуска нужно отмѣтить интересное разъясненіе П. Л. Гусева „О луиѣ подъ крестомъ на куполахъ русскихъ церквей“, составленное М. В. Муравьевымъ родословіе угасшаго дворянскаго рода Базанниныхъ, десять писемъ „духовной дщери“ архим. Фотія графини А. А. Орловой-Чесменской, а въ особенности—мемуары извѣстнаго военнаго и гражданскаго дѣятеля и писателя, Ник. Назар. Муравьева, отца графовъ Виленскаго, Карскаго и Амурскаго, „Припоминанія мои съ 1778 г.“, которыя сообщилъ внуку автора, графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій, владѣющій всѣми бумагами своего дѣда. Эти „Припоминанія“, которыя Н. Н. Муравьевъ сталъ писать на 65-мъ году (и, къ сожалѣнію, не окончилъ), при всей своей отрывочности, необработанности, цѣнны не только какъ высокаго значенія историческій матеріалъ, не только какъ рѣдкое по отчетливости зачатѣлныя исчезнуващаго помѣстнаго и дворянскаго быта, но и какъ замѣчательный „человѣчскій документъ“. Рѣдко гдѣ такъ полно ясно выразился русский человѣкъ второй половины XVIII вѣка, какимъ въ своей внутренней сущности остался Н. Н. Муравьевъ и въ XIX-мъ. Деистическая, спокойная вѣра въ *Être Suprême* и наивная, жадная привязанность къ наслажденіямъ жизни (стоитъ привести признаніе: „ласкать женщину для меня всегда было величайшее и, можетъ быть, единственное наслажденіе“), преклоненіе передъ „естественной“ вольностью человѣка и въ то же время признаніе всего существующаго уклада жизни, съ выработаннымъ вѣкамъ социальнымъ строемъ,—вся эта удивительная амальгама, изъ которой созданъ былъ русский вольтерьянецъ, расширяется въ „Припоминаніяхъ“, иныя страницы которыхъ, особенно сохранившій вкусъ и запахъ эпохи, просто просеются въ историческую хрестоматию. Въ „Припоминаніяхъ“ фигурируютъ Екатерина, Павелъ, Александръ I, Аракчеевъ. Графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій общается напечатать письма Н. Н. Муравьева къ Александру I, по поводу убійства любовницы Аракчеева, Настасьи Минкиной. Нѣтъ сомнѣній, что новгородское общество найдетъ въ родномъ краю множество мѣстныхъ темъ для изслѣдованія и матеріаловъ и, вдохновляемое окружающими памятниками старины и воспоминаніями богатаго прошлаго Господина Великаго Новгорода, еще шире разовьетъ свою благородную дѣятельность. Отъ души желаемъ послѣдней и научнаго расцвѣта, и общественнаго сочувствія, безъ котораго заглохло въ провинціи уже не одно подобное начинаніе. *Н. Л.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. «Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. **изгородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разказы о дѣлахъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.**

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ФЕВРАЛЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Поѣздка въ Самборъ.
Пирлинга.	241—246	комъ Князь Николаѣ
Николаевичъ. Д. А. Ска-
лона	392—404
II. Два года, — 1864 и 1865,
изъ исторіи крестьян-
скаго дѣла въ Минской
губ. Николая Поле-
вого.	247—270	XII. Депутатъ отъ Россіи.
(Воспоминанія иереписка
Ольги Алексѣевны Нови-
ковой). Сообщено Е. С. М.	405—422
III. Воспоминанія И. И.
Янжула о пережитомъ
и видѣнномъ (1864—
1909 г.г.). Ивана Ян-
жула.	271—306	XIII. Генераль Моро на служ-
бѣ въ русскихъ вой-
скахъ. (Изъ бумагъ Ал.
Н. Попова). Ал. Попова.	423—430
IV. Дневникъ академика
В. П. Безобразова. 1886.
Сообщ. М. В. Безобра-
зова.	307—313	XIV. Темное Царство. (Черты
изъ жизни Московскаго
Клтая-города XVII вѣка).
Сообщ. В. Шереметев-
скій	431—441
V. Императрица Елисавета
Алексѣевна, супруга Им-
ператора Александра I.
В. В. Тимошукъ.	317—332	XV. М. И. Драгомировъ и
время войны 1877—
78 г.г. (Изъ воспомина-
ній). А. Е. К.	445—453
VI. Отголоски 14-го декаб-
ря въ Московскомъ уни-
верситетѣ. Сообщилъ М.
Гершензонъ.	333—349	XVI. Воспоминанія жизни
Ѳ. Г. Тернера	454—474
VII. Что видѣлъ, слышалъ,
кого зналъ. Казиміръ
Васильевичъ Левницкій. А.
Витмера.	351—362	XVII. Изъ записной книжки
„Русской Старины“:	
VIII. Ц. А. Кюи. (Къ 50-лѣтію
музыкальной дѣятельно-
сти).	363—366	а) Бытовые очерки про-
шлаго. По архивнымъ до-
кументамъ. Н. С. Вѣ-
ляева.	314—316
IX. Ѳ. М. Достоевскій по
воспоминаніямъ ссыль-
наго поляка. В. Храпе-
вичъ.	367—376	б) 1. Совѣтъ Генераль-ау-
дитору быть осторож-
нѣе. (1800 г.).
2. Эпизодъ изъ исторіи
Московскаго генераль-
наго госпиталя. Сообщ.
Мих. Соколовскій.	350
X. Изъ дневника русской
въ Турціи, передъ вой-
ной 1877—1878 г.г.
Е. А. Рагозиной.	377—391	в) Недолго сбить съ толку.
(Изъ воспоминаній архи-
ерея). Сообщилъ — Я.	442—444
XI. На службѣ при Вели-		XVIII. Библиографическій ли-
стокъ (на оберткѣ).	

Приложеніе. Портретъ Цезаря Антоновича Кюи.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1910.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1910 года.

Пушкинъ и его современники. Выпускъ IX. Спб. 1909.

Это полезное, для всѣхъ занимающихся Пушкинымъ, изданіе продолжаетъ давать матеріалы для біографіи великаго поэта и для исторіи его эпохи. Съ чрезвычайнымъ интересомъ читается составленная по добытымъ лишь недавно архивнымъ источникамъ статья П. Е. Щеголева „А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 г.г.“ Этотъ процессъ возникъ по поводу отрывка изъ знаменитой элегіи Пушкина „Андрей Шенье“, который былъ молодежью произвольно связанъ съ декабристскимъ движеніемъ и тѣмъ навлекъ на неповиннаго поэта большія непріятности. П. Щеголевъ по извѣстнымъ прежде въ печати и новымъ свѣдѣніямъ обследовалъ положеніе Пушкина въ процессѣ, превосходно обрисовывающемъ и отношеніе властей къ поэту, и келейное правосудіе его времени. Любопытны сообщенія Н. В. Чарыковымъ „Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи“; вѣкторые документы, оказывается, еще скрываются подъ спудомъ, и голландское министерство иностранныхъ дѣлъ, въ архивъ котораго хранится цѣлая переписка о дуэли Пушкина, воспротивилось печатанію этой переписки, которое можетъ быть непріятно роднымъ барона Геккерена, одного изъ ближайшихъ виновниковъ гибели нашего поэта. Изъ статьи С. А. Переселенкова „Пушкинъ въ исторіи законоположеній объ авторскомъ правѣ въ Россіи“ видно, что ближайшимъ поводомъ къ установленію пятидесятилѣтняго срока посмертнаго авторскаго права послужило ходатайство вдовы Пушкина о продленіи дѣтямъ поэта срока права на изданіе сочиненій ихъ отца, который долженъ былъ истечь въ 1862 году. Впервые журналъ завелъ (давно надо было это сдѣлать) отдѣлъ текущей пушкинской бібліографіи и далъ списокъ книгъ и статей, появившихся въ 1908—1909 г.; въ немъ, впрочемъ, немало пропусковъ.

Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909.

Это рѣдкое и счастливое открытіе значительно обогащаетъ собраніе журнальныхъ статей и замѣтокъ Пушкина. Драгоценныя строки величайшаго русскаго писателя впервые извлечены изъ „Литерат. Газеты“ 1830 и 1831 г.г., гдѣ были напечатаны безъ подписи и до сихъ поръ оставались неизвѣстными всѣмъ критикамъ и біографамъ Пушкина. Несомнѣнно принадлежатъ Пушкину замѣтка о романѣ Бенжамена Констан „Адольфъ“ въ переводѣ кн. П. А. Вяземскаго и рецензія на стихотворенія Сентъ-Бева, самая крупная изъ всѣхъ рецензій Пушкина, особенно важная по высказаннымъ въ ней эстетическимъ сужденіямъ. Впервые узанныя Н. Лернеромъ страницы отнынѣ станутъ входить въ собранія сочиненій Пушкина.

М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910.

„По мнѣнію многихъ, только тотъ распознаетъ свою современность и служитъ удовлетворенію истинныхъ ея потребностей, кто угадываетъ и умѣетъ дѣлать все такое, къ чему современники неудержимо стремятся, чего ищутъ или ожидаютъ они сознательно или только инстинктивно, что готовы принять“. Эти слова забытаго мыслителя вспоминаются, когда читаешь новую книгу г. Гершензона, мыслителя иначе и глубже понимающаго современность, тѣмъ интеллигентская масса съ ея признанными вождями. Вотъ произведеніе историческое, по истинѣ дѣлающее эпоху. Какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, упала эта книга въ наше болное общественное сознание. Нѣтъ сомнѣнія, что сочувственно отзовутся автору лишь очень немногіе, а въ широкихъ кругахъ читающей публики его книгу встрѣтятъ недружелюбно. И не мудрено: слишкомъ настоятельно будитъ она русскую совѣсть, уже шестьдесятъ лѣтъ убаякиваемую эгалитарно-матеріалистическими теоріями; слишкомъ серьезно, и для сѣраго большинства непереносимо, ставитъ вопросъ о самовоспитаніи личности, о выработкѣ характера, безъ котораго нѣтъ духовной цѣльности, о согласованіи ума, чувства и воли подъ контролемъ строгаго сознания. Подъ поверхностными, случайными теченіями русской мысли Гершензонъ показываетъ сильную, чистую, самобытную струю, настоящій родникъ живой воды—ученіе о природѣ и долгѣ личности, провозгласителями котораго были Кирѣевскій (попутно разсынается съ необычайной простотой и глубиной философскій генезисъ славянофильства), Ю. Самаринъ, Гоголь. Но тяжелъ былъ и есть предначертанный ими путь, трудность котораго не боялся только немногія, избранныя души, а массы очутились на торной дорогѣ рационализма, такой удобной и заманчивой,—и пришли къ тупику и безнадежно топчутся на одномъ мѣстѣ. Мы не ожидаемъ отъ книги смѣлаго, беспощаднаго мыслителя обширныхъ результатовъ въ смыслѣ прямого реальнаго воздѣйствія на современное общество, но тѣмъ немногимъ, у кого есть уши, чтобы слышать, она указываетъ путь спасенія и чрезъ нихъ, косвенно, такъ или иначе, должна повліять на духовную жизнь Россіи.

Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. 1859—1909. Общій очеркъ. Составилъ

А. А. Корниловъ. Спб. 1909.

Недавно печатъ и общество торжественно чествовали литературный фондъ по случаю полу столѣтія его дѣятельности. Къ этому дню былъ составленъ А. А. Корниловымъ по печатнымъ источникамъ и документамъ, общій очеркъ исторіи фонда. Получилась очень интересная страничка русской культурной исторіи. При своемъ возникновеніи фондъ поставилъ ближайшею цѣлью вспомоществовать нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые, по преклонности лѣтъ или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, находясь въ невозможности содержать себя собственными трудами. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ, общество, кромѣ главной, выше указанной цѣли, способствуетъ изданію въ свѣтъ полезныхъ литературныхъ и ученыхъ трудовъ, которые не могутъ быть **зданы самими авторами** и пере-

Г. Кавин.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнявшимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редація предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редація предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга** — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова**. **П. М. Ковалевского**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевского**. **Д. А. Сялонъ** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Богольцова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ө. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храмовичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина и А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синохаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н. —ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колубанинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Лавжерона 1812 г. — Кугузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крайсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія **Д. Санглепа**, **Веселовскаго**, **Леваковскаго**, **Семенова** и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостинный дв., 18 и Невскій, 13,

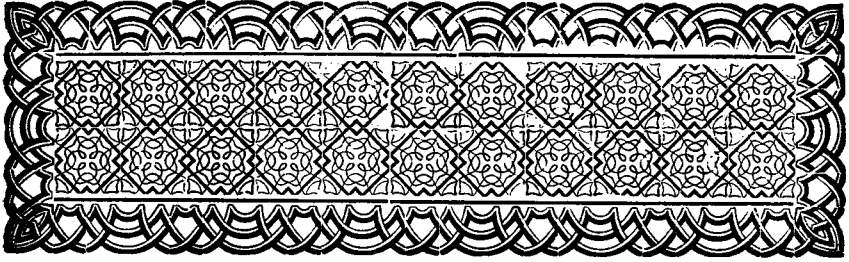
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Поѣздка въ Самборь.

же давно меня тянуло въ Самборь по слѣдамъ Дмитрія, Марины, Юрія Мвишка, но только въ 1897-мъ году мнѣ удалось осуществить это желаніе. Одобренія и поощренія вокругъ меня я мало нашель. Даже краковскіе знакомые не подавали надежды на какой-либо успѣхъ. Вы тамъ ничего не найдете, говорили компетентныя лица. Однако же я заупрямился и, по правдѣ сказать, вовсе въ этомъ не каюсь, хотя Америки и не открылъ.

Львовъ лежалъ на моей дорогѣ. Прибывъ туда, я немедленно отправился къ Бернардинамъ. Такъ называются въ Польшѣ францисканскіе монахи. Извѣстно, что они были въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ сандомирскимъ воеводою и со всѣмъ его семействомъ. Можно было надѣяться найти у нихъ полезныя указанія. Настоятель монастыря о. Норбертъ Голиховскій отнесся къ моей задачѣ съ проsvѣщеннымъ вниманіемъ. Человѣкъ образованный, начитанный, онъ самъ занимался исторіею и печаталъ свои труды о Бернардинахъ въ Польшѣ. У него нашлись двѣ орденскія, рукописныя хроники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, написанная о. Кипріаномъ Дамирскимъ, умершимъ въ 1676-мъ году, уже дважды появилась въ печати, въ Галиціи и въ Италіи, и ничего не содержитъ о самозванчинѣ. Другая, неизданная, составлена въ 1647-мъ году. Авторъ ея, о. Бернардинъ Калискій, упоминаетъ о Дмитріи, но бѣгло и какъ бы мимоходомъ, зато онъ обстоятельно описываетъ городъ Самборь и его монастыри.

Изъ настоятельской келіи мы прошли въ смежную съ монастыремъ церковь св. Андрея апостола. Тамъ находится мраморный придѣлъ св. Іоанна изъ Дукли, въ Галиціи, памятью котораго очень дорожили въ семействѣ Мнишекъ ¹⁾. Этотъ монахъ францисканскаго ордена жилъ въ XV-мъ столѣтіи и стяжалъ славу необыкновеннаго благочестія. Братъ Марины, Францискъ Бернардь, приобрѣлъ около 1636-го года часть Дукли, возобновилъ тамошній замокъ и былъ похороненъ въ мѣстной церкви. Впослѣдствіи все мѣстечко перешло во владѣніе рода Мнишекъ, иждивеніемъ которыхъ вскорѣ былъ основанъ монастырь для Бернардиновъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь св. Андрея принадлежала также Бернардинамъ, и что въ ней чествовали св. Іоанна изъ Дукли, объясняется щедрое расположеніе къ ней Юрія Мнишка, отца Марины. Объ этомъ свидѣтельствуетъ мраморная темнокрасная доска, которая находится не далеко отъ выше упомянутаго придѣла, и гдѣ кратко излагается прошлое церкви. Первоначально въ 1460-мъ году, выстроенная изъ дерева, она подвергалась пожарамъ, погромамъ и татарскимъ набѣгамъ. Въ царствованіе Сигизмунда III-го, благодаря особенно содѣйствію Димитрія Соликовскаго, архіепископа Львовскаго, Юрія Мнишка de Magna Konzусе, воеводы Сендомирскаго, Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи воеводы кievскаго, полнаго гетмана и канцлера, деревянное зданіе было замѣнено каменнымъ и въ 1620-мъ году, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, совершился обрядъ освященія церкви. Въ тѣсной и темной ризницѣ висятъ на стѣнахъ картины. Между ними выдается портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и, какъ мнѣ кажется, никѣмъ еще не воспроизведенный. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ гравюрою Луки Киліана, но осанка воеводы благороднѣе, черты его лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова съ письмомъ и добрыми пожеланіями о. Голиховскаго я поспѣшилъ въ Самборъ. Теперь это полу-польскій, полу-еврейскій городъ, обычнаго провинціального типа, безъ всякихъ посягательствъ на изящность. Вокругъ него раскинуты густые лѣса, которыми промышляетъ мѣстное населеніе. Въ 1891-мъ году городъ праздновалъ 500-лѣтнюю годовщину своего основанія. По случаю этого торжества, и пользуясь самборскими архивами, г. Budzynowski напечаталъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ подѣ

¹⁾ Отличную монографію Дукли помѣстилъ г. Swieykowski въ изданіи Краковской академіи наукъ *Rozprawy akademii, Wydział filologiczny*. Serya II. Tom XX. Zeszyt I. 1902.

заглавіемъ *Kronika miasta Sambora, Zebrana i wydana ku uczczeniu 500 letniej rocznicy Zalozenia miasta Sambora. Sambor, 1891* ¹⁾.

Въ старину, Самборъ, для защиты противъ татаръ былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ же, между Млыновкою и Днѣстромъ, возвышался королевскій замокъ, гдѣ обыкновенно пребывалъ Юрій Мнишекъ со своимъ семействомъ. Подробное описаніе замка, деревянной придворной церкви и хозяйственныхъ строеній было сдѣлано въ 1596-мъ году, по случаю оффиціальной ревизіи, которую вызвали загадочные счеты сендомирскаго воеводы, представленные сейму въ томъ же году. Нынѣ на мѣстѣ, нѣкогда занимаемомъ королевскимъ замкомъ, построена пивоварня. Рассказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ любознательные, но слишкомъ робкіе, ученые пытались дѣлать раскопки и наткнулись на желѣзныя двери. Никто не рѣшился проникнуть далѣе. Въмѣсто того обратились съ телеграфнымъ запросомъ въ Вѣну, откуда отвѣтили запрещеніемъ всякихъ раскопокъ. Таинственныя врата такъ и остались не разверстыми.

Между жителями Самбора держится документально подтверждаемое мнѣніе, что Юрій Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ, не отдаленномъ, замкѣ *Laszki murwane*, принадлежащемъ семейству его жены Ядвиги Тарло. Впослѣдствіи замокъ перешелъ въ собственность Франциска Бернарда Мнишка. Онъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ восемью башнями и широкимъ рвомъ. Старинный его планъ хранится въ львовскомъ архивѣ, и на немъ обозначены покои, которые нѣкогда занималъ Димитрій. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь очень скромное зданіе, которымъ владѣетъ графъ Михаилъ Красицкій. Замѣчательно, что въ народѣ, въ его преданіяхъ и пѣсняхъ, нѣтъ помину ни о Димитріи, ни о Маринѣ. Тщетно я разспрашивалъ крестьянскихъ старожилъ. Они вытаращивали глаза и ничего не умѣли сказать.

Изученіемъ самборскихъ архивовъ, гражданскихъ и церковныхъ, усердно занимался добросовѣстный изслѣдователь Маркеллъ Туркавскій: тяжелая, кропотливая работа, и въ силу мѣстныхъ условій, требующая много времени и настоящаго самоотверженія. Г. Туркавскій имѣлъ въ виду написать монографію о семействѣ Мнишекъ, но, насколько мнѣ извѣстно, если она и была составлена, то въ цѣломъ видѣ не появилась. Только нѣкоторые отрывки, впрочемъ

¹⁾ Лѣтопись города Самбора, собранная и изданная въ честь 500-лѣтней годовщины основанія города Самбора. Самборъ 1891.

очень дѣльные, были напечатаны въ польскихъ журналахъ ¹⁾. Имъ подтверждается, что Юрій Мнишекъ дѣятельно и успѣшно завѣдывалъ управленіемъ ввѣренныхъ ему королевскихъ угодій, поощряя торговлю и промышленность, заботясь объ обученіи дѣтей въ школахъ, которыя состояли на попеченіи духовенства. При томъ, какъ истинный вельможа, онъ велъ широкую жизнь и держалъ многочисленную прислугу. По случаю ревизіи 1596-го года, самборскіе мѣщане жаловались на его казаковъ и гайдуковъ, которыхъ было такъ много, что на нихъ требовалась большая затрата, да кромѣ того мѣста не хватало для ихъ помѣщенія. Не удивительно, что самъ воевода всегда нуждался въ деньгахъ и постоянно ихъ выпрашивалъ у короля.

По слѣдамъ г. Туркавскаго, я отправился на архивные поиски къ Бернардинамъ. Монастырь, въ которомъ они помѣщались въ XVII-мъ столѣтіи, перешелъ вмѣстѣ съ церковью въ вѣдѣніе правительства, и въ немъ находится теперь областный (obwodowy) судъ и тюрьма. Только малая часть церкви осталась при своемъ первоначальномъ назначеніи и служить узникамъ для отправленія ихъ духовныхъ требъ. Въ этой церкви, 17-го января 1603-го года, вѣнчалась сестра Марины, Урсула, съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ. Тамъ же, въ придѣлѣ св. Анны, похоронены Юрій Мнишекъ, скончавшійся 16-го мая 1613-го года, и сынъ его Сигизмундъ.

Въ настоящее время Бернардины завѣдуютъ церковью, которая нѣкогда принадлежала Іезуитамъ, поселившимся въ Самборѣ уже послѣ эпохи самозванцевъ. Въ монастырѣ собственно архива никакого нѣтъ. Сохранилась одна орденская рукописная хроника подъ заглавіемъ: *Acta seu Monumenta ex duobus vetustissimis protocollis conventus istius samboriensis ad Beatissimam Virginem Mariam in coelum Assumptam, Ordinis Minorum Sancti Patris Nostri Francisci Regularis Observantiae—Ad tutiorem securioremque conservationem rerum memorabilium et posteritati pro necessaria perquirendarum notitia; neve sicut jam nonnullae perierunt chartae, caeterae etiam infeliciter dilabantur... Sub tempore tertiae visitationis canonicae, mediis diebus Augusti anno Christi 1730 absolutae, collecta et in unum volumen istud compillata* ²⁾.

¹⁾ Przegląd Lwowski, сентябрь и октябрь 1883 г.

²⁾ Акты или памятники, извлеченные изъ двухъ древнѣйшихъ записей здѣшняго самборскаго монастыря Успенія Блаженнѣйшей Дѣвы Маріи, ордена Меньшихъ Святаго Отца Нашего Франциска, Законной Обсерванціи. Въ виду вѣрнѣйшей и полнѣйшей сохранности замѣчательныхъ дѣйствій, и для увѣдомленія потомства при необходимыхъ розысканіяхъ; чтобы также

Рукопись, какъ видно изъ заглавія, есть собраніе разнородныхъ документовъ, да къ тому же довольно безалаберное и не полное. Недостають два—три листа, гдѣ по всей вѣроятности говорилось о Маринѣ. Перечисляются имена Бернардиновъ, сопровождавшихъ Юрія Мнишка въ Москву. Между нимъ былъ братъ Петръ, хирургъ, *frater laicus*, то есть такой инокъ, который не былъ іереемъ. Здѣсь произошло забавное недоразумѣніе. Подъ неопытнымъ перомъ неизвѣстнаго писца *frater laicus* обратился въ *frater lascus*, и поминится, что я гдѣ-то читалъ остроумныя догадки на счетъ брата *Lasky*.

Въ ряду благодѣтелей монастыря самое почетное мѣсто отводится сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишкѣ. Прежде него, подобнаго ему не было, свидѣтельствуесть рукопись, да и впродѣ вѣроятно не будетъ.

Въ инвентарномъ отдѣлѣ приводится, что въ 1605-мъ году, возвратившись „побѣдителемъ“ изъ Москвы, Юрій Мнишекъ пожертвовалъ московское золотомъ вышитое знамя. А четыре года спустя, въ 1609-мъ году, Марина прислала изъ Россіи серебряныя паникадила прекрасной работы для помѣщенія на главномъ алтарѣ самборской церкви. Вдали, въ затрудненіяхъ и горести, мысль ея переносилась въ любимую отчизну и побуждала ее къ жертвованіямъ.

Въ другой бернардинской рукописи неизвѣстнаго автора, извлеченіе изъ которой находится въ Краковѣ¹⁾, передають извѣстіе, что Марина была утоплена въ Россіи, и что та же участь постигла о. Антонія, ея вѣрнаго спутника до конца жизни.

Вотъ всѣ скудныя извѣстія, которыя въ настоящее время мнѣ удалось добыть. Остается пожелать, чтобы предпріятіе г. Туркавскаго исполнилось, и появилась монографія семейства Мнишекъ. Для полной характеристики Марины такое пособіе необходимо.

Новѣйшій ея историкъ, г. Гиршбергъ, отнесся къ ней чрезвычайно сурово²⁾. Столь рѣшительное осужденіе во всякомъ случаѣ

остающіеся документы не разсѣялись, какъ нѣкоторые передъ тѣмъ уже погибли. Во время третьей канонической ревизіи, завершившейся въ половинѣ августа 1730-го Христова года—собранные и въ этотъ единственный томъ помѣщенные.

¹⁾ Музей Чарторыхскихъ, *Zeka Naruszewicza*, 103, f. 155—169.

²⁾ Магуна *Mniszchówna*, we Lwowie, 1906. Съ критическимъ приѣмомъ г. Гиршберга нельзя примириться. У меня сказано: „воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать“. („Русск. Стар.“, 1903, стр. 257). Онъ самовольно прибавляетъ „ревностной католички“ (стр. 339), и пускается въ доказательство, что ей не доставало ревности.

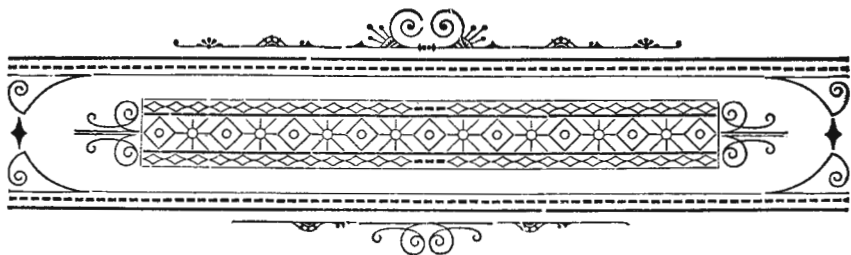
еще преждевременно. Слишкомъ мало историческаго матеріала пушено въ ходъ до сихъ поръ. Въ жизни воеводы сендомирскаго есть конечно неприглядныя стороны, но на воспитаніе его дѣтей онѣ, конечно, не повліяли. Здѣсь встрѣчаются глубокія убѣжденія. Сестра Марины вступила въ строгій кармелитанскій орденъ. Ея братъ, Францискъ Бернардь, отличался, по словамъ Нѣсецкаго, необыкновеннымъ благочестіемъ. Сама Марина осталась непоколебима въ своихъ вѣрованіяхъ, дорожила церковной обстановкой, даже въ Москвѣ былъ сдѣланъ для нея „Костель у Стретеня на переходахъ подлѣ Николы Явленскаго“ ¹⁾, при всякомъ изъ своихъ трехъ браковъ она прибѣгала къ таинству и священному обряду.

Молодая царица была честолюбива. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но ея честолюбіе не было мелочное и ничтожное чувство. Въ немъ преобладаетъ страсть величія. Что всего болѣе подкупаетъ въ пользу Марины, это странная смѣсь отваги и простоты: въ письмахъ къ отцу она дѣтски беззаботна, въ Москвѣ, Тушинѣ, Калугѣ, Астрахани является боевая, безстрашная, богатырь-женщина.

Пирлингъ.

¹⁾ С. А. Бѣлокуровъ, Разрядныя Записи за Смутное время, стр. 8.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

II ¹⁾.

Минская губернія въ 1864 году.

Тогда, недѣлю назадъ, проѣздомъ въ Вильну, я почевалъ въ Минскѣ, я вовсе не ознакомился даже съ внѣшнимъ видомъ города. Приѣхалъ я ночью; везли меня по нѣсколькимъ тускло освѣщеннымъ улицамъ; на другой день я проѣхалъ еще по нѣсколькимъ окраиннымъ улицамъ; Минскъ не интересовалъ меня тогда. Теперь, я приѣхалъ въ Минскъ, какъ полугражданинъ его; я понимаю, что мнѣ придется часто бывать здѣсь, и я уже внимательно вглядывался въ него. Городъ былъ не нарядный, раскинутый, полудеревенскій. Дома преимущественно деревянные, окруженные садами, огородами; только на двухъ, трехъ улицахъ, въ серединѣ города, были каменные дома, и то двухъэтажные; трехъэтажныхъ было два, три во всемъ городѣ. Видно было, что городъ не богатый и не торговый, хотя евреевъ на улицахъ было, какъ мухъ на тарелкѣ съ медомъ.

Я едва нашелъ себѣ мѣсто въ гостиницѣ; мнѣ сказали, что сейчасъ въ Минскѣ съѣздъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было, разумѣется, явиться губернатору, что я сейчасъ и исполнилъ. Минскимъ губернаторомъ былъ тогда Кожевниковъ, человекъ пожилой, очень образованный и, судя по первому впечатлѣнію, очень добрый, безхитростный. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ очень радушно; объяснилъ мнѣ, что радуется моему приѣзду, такъ какъ въ губерніи нѣсколько участво-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1910 г. январь.

безъ мировыхъ посредниковъ, и тѣмъ болѣе пріятно ему получить не новичка въ крестьянскомъ дѣлѣ, а опытнаго, русскаго мирового посредника. Онъ сказалъ мнѣ, что теперь собралъ въ Минскѣ почти весь личный составъ крестьянскихъ учреждений Минской губерніи, чтобы обсудить съ ними результаты работъ повѣрочныхъ комиссій въ прошедшемъ году, вникнуть во всѣ встрѣченныя затрудненія, и по возможности разрѣшить ихъ. Онъ разъяснилъ мнѣ, что мировой посредникъ участвуетъ въ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ комиссій при повѣркѣ выкупныхъ актовъ по всѣмъ поселеніямъ своего участка; поэтому онъ приглашаетъ меня участвовать въ засѣданіяхъ собранныхъ комиссій, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ для меня дѣломъ. Торопиться въ Бобруйскъ мнѣ нечего; мировой посредникъ, отъ котораго я долженъ принять участокъ, продолжаетъ завѣдывать имъ; это опытный, толковый человѣкъ, и вовсе не революціонеръ; никакихъ беспорядковъ и упущеній въ участкѣ произойти не можетъ. Дѣятельность же моя здѣсь, въ засѣданіяхъ, будетъ гораздо полезнѣе для меня и для дѣла, такъ какъ, прослушавъ доклады и бесѣды членовъ повѣрочныхъ комиссій, работавшихъ все прошлое лѣто, я весною приступлю къ дѣлу сознательно. Указанія эти казались мнѣ совершенно правильными, и я охотно согласился оставаться въ Минскѣ на время общихъ засѣданій комиссій.

Кожевниковъ объяснилъ мнѣ, что мнѣ надо сейчасъ же представиться военному губернатору Минской губерніи. Съ остальными властями я познакомлюсь по мѣрѣ надобности, постепенно, „а съ товарищами вашими я познакомлю васъ завтра. У меня въ квартирѣ, въ 12 часовъ дня, будетъ общее засѣданіе; приходите сюда къ этому времени“. Въ заключеніе онъ пригласилъ меня обѣдать въ тотъ же день.

Разговоръ этотъ произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе. Послѣ холодныхъ, официальныхъ пріемовъ виленскихъ, я встрѣтилъ тутъ простую, умную рѣчь, которая общала мнѣ въ будущемъ такой же образъ дѣйствій и такія же открытыя, честныя отношенія, въ какихъ я провелъ всю жизнь мою.

Представленіе военному губернатору было официальное. Сначала какой-то адъютантъ сдѣлалъ мнѣ допросъ: какъ, когда, куда и почему я назначенъ, гдѣ служилъ и т. д. Все это онъ записалъ и пошелъ въ канцелярію. Явился военный писарь, съ какой-то книгой, еще дополнилъ все сказанное мною адъютанту и заставилъ рписаться въ книгѣ; пересмотрѣлъ и мои документы. Воротился адъютантъ, провелъ меня въ небольшую темную залу и пошелъ доложить его превосходительству! - Вошелъ молчаливый, сѣдой генералъ, съ кислымъ выраженіемъ лица; прослушалъ мою официальную фразу

представленій, спросилъ меня: долго ли я намѣренъ пробить въ Минскѣ; выслушалъ мой отвѣтъ, молча, кивкомъ головы, распрощался со мною и пошелъ обратно въ свой кабинетъ. Фамиліи этого генерала я не помню и никогда болѣе никакихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ.

Въ 4 часа я возвратился въ губернаторскій домъ, къ обѣду. Въ 1864 году губернаторъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, который минскій губернаторъ занималъ теперь. Это прекрасное двухэтажное зданіе, рядомъ съ католическимъ соборнымъ костеломъ. Костель этотъ и домъ принадлежали иезуитамъ, а по изгнаніи ихъ, домъ былъ отобранъ въ казну. Комнатъ въ немъ много, комнаты большія, свѣтлыя; однимъ словомъ—помѣщеніе роскошное. Семейство у Кожевникова было большое, и мы сѣли за столъ, кажется, человекъ двѣнадцать; при чемъ я былъ единственный посторонній. Жена губернатора была женщина образованная, привыкшая къ приѣмамъ и радушная хозяйка. Разговоръ за столомъ шелъ преимущественно о только что пережитыхъ ими въ Минскѣ тревогахъ повстанія: говорили безъ злобы. При прощаніи, губернаторша просила меня навѣщать ее, сказавъ, что всегда рада видѣть у себя образованныхъ людей.

На другой день, въ 12 часовъ, я снова пришелъ въ губернаторскій домъ, гдѣ уже собралось множество людей въ сюртукахъ, тулуркахъ, молодыхъ, старыхъ, статскихъ и военныхъ. Шумно говорили, расхаживали по огромной залѣ, среди которой былъ поставленъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и множество стульевъ вокругъ него. Ко мнѣ подошелъ маленькій, черненькій, очень бойкій господинъ; отрекомендовался, что онъ секретарь губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Арнольди, и сказалъ, что губернаторъ предупредилъ его о моемъ появленіи, и поручилъ ему познакомить меня съ членами губернскаго присутствія. Онъ предложилъ мнѣ исполнить это и подвелъ меня къ нѣсколькимъ серьезнымъ чиновникамъ. Это были лица, назначенныя Муравьевымъ на мѣста уволенныхъ имъ членовъ присутствія изъ мѣстныхъ уроженцевъ-поляковъ. Представленіе было официальное, ограничилось пожиманіемъ рукъ и нѣсколькими общими фразами. Не перечисляю этихъ лицъ по именамъ, такъ какъ они по своей незначительности не играли никакой роли въ дѣятельности крестьянскихъ учреждений въ Минской губерніи, и вскорѣ исчезли, получивъ какія-то другія назначенія. Значительную роль въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи игралъ губернскій предводитель дворянства Прушинскій, богатый старикъ, помѣщикъ, заядлый полякъ, высокаго роста, очень умный и хитрый. Онъ былъ предводи-

телемъ по назначенію Муравьева, послѣ удаленія предмѣстника его, выбраннаго дворянствомъ, знаменитаго Лаппы. Какъ чиновникъ, назначенный Муравьевымъ, онъ не могъ, не смѣлъ выступать явно со всѣми своими польскими убѣжденіями и стремленіями; но въ душѣ былъ точно такимъ же повстанцемъ, какъ Лаппа, сидѣвшій уже гдѣ-то въ крѣпости. Онъ мало говорилъ, внимательно слушалъ все, по временамъ злобно оглядывалъ окружавшихъ его москалей, но всегда былъ вѣжливъ, сдержанъ. Впослѣдствіи, когда я сблизился съ нѣкоторыми помѣщиками поляками, я спрашивалъ ихъ: что за охота была Прушинскому, богатому, независимому человѣку, ставить себя въ такое неблагоприятное, тяжелое, двусмысленное положеніе? Они объяснили мнѣ, что Прушинскій дѣлалъ это изъ любви къ отечеству, ойчизнѣ; на постѣ губернскаго предводителя дворянства онъ могъ охранять многихъ, сдерживать въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи антипольское направленіе, могъ предупредить кого надо о грозившей опасности и заступиться за него.

Губернаторъ открылъ засѣданіе. Члены губернскаго присутствія и выборный комитетъ отъ повѣрочныхъ комиссій сѣли за столъ; а мы, толпа, разсѣлись на стульяхъ вокругъ. Членъ губернскаго присутствія сталъ разбирать работы Борисовской повѣрочной комиссіи и указалъ на найденныя имъ неточности и на статьи несогласныя съ инструкціей, данной повѣрочнымъ комиссіямъ. Докладчикъ былъ очень слабъ, говорилъ неувѣреннымъ голосомъ, плохо зналъ мѣстныя условія; разбиралъ дѣло по-канцелярски, бумажно. Всталъ и сталъ возражать ему предсѣдатель Борисовской повѣрочной комиссіи Божовскій, брюнетъ, высокаго роста, съ замѣчательно красивой наружностью. Онъ говорилъ громкимъ, звучнымъ голосомъ, очень вѣжливо, но самоувѣренно, толково. Въ нѣсколько минутъ стало ясно, что докладчикъ, членъ губернскаго присутствія, дѣла не знаетъ, судить на основаніи инструкцій и писанныхъ наставленій, не обращая вниманія на мѣстныя условія и потребности крестьянъ; докладъ былъ чисто канцелярскій. Завязался споръ. Всѣ члены повѣрочныхъ комиссій поддерживали Божовскаго, осуждали сухую бюрократическую теорію, на основаніи которой членъ губернскаго присутствія осуждалъ дѣйствія Борисовской повѣрочной комиссіи. „Вы держитесь теоріи: *pereat mundus, fiat justitia*“, говорили они докладчику и доказывали, что инструкціи составлены очень неудачно людьми, незнакомыми съ бытомъ и условіями Минской губерніи; что придерживаться буквально указаній инструкцій нельзя; надо многое измѣнить въ ней.

Участвуя три года въ нашихъ скромныхъ, но толковыхъ, дѣловыхъ засѣданіяхъ Вяземскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ, я не

разъ присутствовалъ въ Смоленскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, знакомъ былъ съ правильнымъ ходомъ докладовъ и преній въ засѣданіяхъ. Я тотчасъ понялъ безпорядочность, скажу даже безтолковость засѣданія, на которомъ присутствовалъ теперь. Многіе члены повѣрочныхъ комиссій говорили очень дѣльно, толково; доводы ихъ показывали, что они вникли въ свое дѣло, любятъ его. Особенно выдѣлялись Божовскій, председатель Борисовской повѣрочной комиссіи, Раковичъ (старшій), председатель Минской повѣрочной комиссіи; они говорили спокойно, выслушивали возраженія и не перебивали другихъ. За то очень многіе члены горячились, прерывали докладъ, говорили неумѣренно и часто безсодержательно. Кожевниковъ не въ силахъ былъ упорядочить засѣданіе, вести его. Когда я бесѣдовалъ съ нимъ въ кабинетѣ, онъ говорилъ такъ разумно, дѣловито, что я невольно почувствовалъ къ нему симпатію; но въ этомъ засѣданіи я сильно разочаровался. Это былъ прекрасный человѣкъ, умный, дѣловой, но безъ авторитета, безъ силы воли, необходимыхъ въ его положеніи. Онъ не умѣлъ, не могъ сдерживать дерзкихъ, смѣлыхъ, слишкомъ увлекающихся; не могъ дать высказаться другимъ, болѣе слабымъ, но въ сущности болѣе правымъ. Всѣ говорили, подъ конецъ даже шумѣли, но изъ разговоровъ этихъ нельзя было сдѣлать никакого окончательнаго вывода. Проспоривъ и проговоривъ часа два, всѣ разошлись, не выработавъ ничего. Я конечно все время молчалъ; то, что они говорили, о чемъ спорили, было мнѣ ново, незнакомо; ничего подобнаго не было у насъ въ Смоленской губерніи. Наши помѣщики не обирали такъ безсердечно своихъ крестьянъ, не поддѣлывали документовъ; у насъ не было такихъ стоверстныхъ болотъ и песковъ съ перелогомъ пашни на десять лѣтъ.

Въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краѣ, точно такъ же какъ во всей Россіи, въ 1861 году были составлены уставныя грамоты; въ грамотахъ этихъ точно такъ же опредѣлялся размѣръ земельного надѣла и размѣръ повинности денежной (оброка) или издѣльной (барщины), опредѣляемой за этотъ надѣлъ. Но уставныя грамоты здѣсь были составлены не такъ честно, правильно, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Еще до 19 февраля 1861 года, польскіе помѣщики старались всячески обезземелить крестьянъ, отбирали у нихъ землю. Правительство издавало по всѣмъ западнымъ губерніямъ распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ отобранныхъ у нихъ земель и угодій. Но требованія эти плохо исполнялись. При составленіи уставныхъ грамотъ, мировымъ посредникамъ предписано было внимательно провѣрить, разыскать всѣ случаи такого отобранія земель у крестьянъ и возвратить имъ все отобранное.

Распоряженіе это не было исполнено, такъ какъ лишенія земли были не единичные случаи, не жадность и безсердечіе какого-нибудь исключительно жестокаго помѣщика, а заурядное, систематически обдуманное дѣло польскаго католическаго дворянства, стремившагося ослабить, унизить православныхъ крестьянъ, и въ ихъ лицѣ русскій элементъ края. Мировые посредники были выбраны изъ поляковъ католиковъ; вся администрація края была подобрана также изъ поляковъ, или лицъ, поднавшихъ подъ ихъ вліяніе; а потому уставныя грамоты были составлены пристрастно, въ пользу помѣщиковъ; всѣ требованія крестьянъ о возвратѣ земли отвергнуты, и всѣ отобранныя земли, напротивъ, окончательно утверждены за помѣщиками. Когда Муравьевъ вступилъ въ управленіе Сѣверо-Западными губерніями, онъ тотчасъ вникъ въ жалобы крестьянъ. Онъ нѣкогда самъ былъ губернаторомъ въ Гродненской губерніи, зналъ въ чемъ дѣло, и исходатайствовалъ Высочайшее распоряженіе о пересмотрѣ уставныхъ грамотъ, составленныхъ польскими мировыми посредниками. Для провѣрки этихъ уставныхъ грамотъ и составленія выкупныхъ актовъ (по обязательному, по распоряженію правительства, выкупу), были назначены повѣрочныя комиссіи, по одной комиссіи на каждый уѣздъ. Эти комиссіи проработали лѣто 1863 г. и съѣхались теперь доложить результаты своихъ работъ.

Повѣрочныя комиссіи были составлены исключительно изъ русскихъ людей; въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе были назначены теперь русскіе люди, мировые посредники-поляки замѣнены русскими. Къ несчастью, большинство этихъ русскихъ людей было незнакомо съ крестьянскимъ дѣломъ, новички въ Западномъ краѣ; а имъ приходилось бороться съ опытными, знающими дѣло и мѣстныя условія помѣщиками-поляками, которые съ остервененіемъ, со злобою, защищали совершенные ими захваты земель. Инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ были составлены добросовѣстно, честно; но составляли ихъ люди, знавшіе дѣло болѣе теоретически, изъ переписки о захватахъ земель и жалобъ крестьянскихъ, но не подозрѣвавшіе, какія вопіющія злоупотребленія совершались на мѣстахъ, какъ велико было зло. Повѣрочныя комиссіи, изслѣдуя дѣло на мѣстѣ, убѣждались, какъ безобразно, безстыдно обездолены были крестьяне. Помѣщики, защищая то, что считали уже своею собственностью, подстрекаемые и поддерживаемые польскимъ жондомъ и всею революціонною организаціей, употребляли всѣ доступныя имъ средства отбить эти нападенія.

Они писали отчаянныя жалобы, клеветали, забрасывали протестами губернское присутствіе, генераль-губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ. Подъ вліяніемъ этихъ жалобъ, губернское крестьянское

янское присутствіе разсматривало дѣйствія повѣрочныхъ комиссій. Члены присутствія новаго состава, люди честные, но, къ сожалѣнію, не прозорливые, держались буквы закона—инструкціи и не хотѣли признать, что эта инструкція не совершенна. Отъ этого происходили всѣ споры въ только что окончившемся засѣданіи.

Во время засѣданія, я познакомился съ многими изъ присутствовавшихъ членовъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Среди ихъ не нашлось ни одного стараго моего знакомаго. Слушая споры и доклады, я невольно почувствовалъ симпатію и уваженіе къ нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Въ перерывъ засѣданія, я подошелъ къ Божовскому, представился ему и поговорилъ съ нимъ. Онъ познакомилъ меня еще съ нѣсколькими лицами, наши взгляды и мысли сходились, и мы сразу облизались. Пошли обѣдать въ какой-то ресторанъ, проговорили тамъ до вечера; потомъ пошли къ Божовскому, тамъ проговорили до поздней ночи. Оказалось, что я правильно оцѣнилъ Божовскаго. Это былъ умный, талантливый человѣкъ, патріотъ; онъ увлекался невѣроятнo крестьянскимъ дѣломъ; своимъ энтузіазмомъ, энергіей онъ увлекалъ другихъ; вокругъ него собрался кружокъ единомышленныхъ съ нимъ, честныхъ, трудолюбивыхъ русскихъ людей. Малороссъ, сынъ сельскаго священника, Божовскій до 1863 года былъ секретаремъ Екатеринославскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. По особенно блестящей рекомендаціи екатеринославскаго губернатора, Муравьевъ сдѣлалъ Божовскаго предѣдателемъ Борисовской повѣрочной комиссіи. Какъ сынъ сельскаго священника, онъ хорошо знаетъ бытъ народа; какъ секретарь губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ изучилъ хорошо всѣ законы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу. Словомъ, онъ былъ вполне на мѣстѣ, какъ предѣдатель повѣрочной комиссіи, сразу сталъ на правильную точку при провѣркѣ составленныхъ польскими мировыми посредниками уставныхъ грамотъ; разоблачилъ пронизательно всѣ злоупотребленія помѣщиковъ и навелъ на нихъ панику. Талантливость, краснорѣчіе, твердая воля, быстрая смѣтка, дѣлали его непобѣдимымъ въ спорахъ. Товарищи уважали его, любили, слушались его совѣтовъ, его дѣловыхъ указаній.

Среди членовъ повѣрочныхъ комиссій было много людей безответныхъ, трусливыхъ, не знающихъ дѣла; они смотрѣли на Божовскаго съ ужасомъ, какъ на человѣка опаснаго, увлекающаго ихъ на борьбу съ поляками-помѣщиками; они чувствовали, что такая борьба не подъ силу имъ; нѣтъ у нихъ ни энергіи, ни знаній. Отъ этого среди членовъ комиссій образовались двѣ партіи: партія русская и партія полякующихъ. Назвали ихъ полякующими неправильно; го-

спода эти очень мало заботились о благѣ поляковъ и о польской справѣ; они берегли просто свою шкуру, свои мѣста въ повѣрочныхъ комиссіяхъ, которыя боялись потерять вслѣдствіе жалобъ помѣщиковъ. Это заставляло ихъ закрывать глаза, не раскапывать злоупотребленій помѣщиковъ. Они дѣлали это и не изъ корыстолюбивыхъ цѣлей; они не были взяточниками: грѣхъ было бы взводить эту клевету; они были просто слабые, неспособные, трусливые и лѣнныя люди. Къ счастью, такихъ людей было немного.

Засѣданія происходили ежедневно; одинъ день было засѣданіе повѣрочныхъ комиссій; другой день—засѣданіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которыя посѣщались очень мало и неохотно. Я постоянно являлся въ тѣ и другія засѣданія, желая ознакомиться съ разнообразными условіями жизни Минской губерніи, разобраться въ хаосѣ разныхъ убѣжденій, высказываемыхъ тамъ. Въ засѣданія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія появлялся иногда управляющій палатой государственныхъ имуществъ Готовцевъ. Умный, образованный человекъ, онъ держался особнякомъ; явно высказывалъ свое несочувствіе дѣятельности повѣрочныхъ комиссій. Онъ стоялъ за умѣренныя мѣры, за точное исполненіе указаній инструкцій повѣрочнымъ комиссіямъ, за исполненіе законовъ во что бы то ни стало; громко осуждалъ крутыя мѣры Муравьева. Среди крестьянскихъ дѣятелей онъ за это пользовался конечно общимъ нерасположеніемъ, и заявленія его были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Это былъ серьезный, дѣловой человекъ, ученый юристъ; его доводы были справедливы, и не разъ его протестъ останавливалъ состоявшееся рѣшеніе и заставлялъ губернское присутствіе переиначить постановленіе, на которое члены уже дали было свое согласіе. Онъ не долго оставался въ Минскѣ и уѣхалъ по вызову Николая Алексѣевича Милютина въ Варшаву, гдѣ получилъ блестящее назначеніе. Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Юридической комиссіи, на которую возложено было: выработать порядокъ введенія въ Царствѣ Польскомъ общихъ судебныхъ и мировыхъ учреждений.

Я сказалъ, что въ составѣ членовъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ у меня не было старыхъ знакомыхъ. Это происходило оттого, что въ числѣ ихъ не было людей петербургскихъ, а собрались люди разныхъ губерній, съ Поволжья, изъ Малороссіи и даже съ дальнаго сѣвера, какъ Архангельская губернія. Въ числѣ ихъ было два, три человека съ университетскимъ образованіемъ; остальные были средняго образованія, служившіе по разнымъ отраслямъ. Я сблизился съ однимъ только Божовскимъ, поддерживая съ прочими товарщицкія, но не близкія отношенія. Къ счастью, я нашелъ

въ Минскѣ тѣсный кружокъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ въ составѣ Минскаго губернскаго акцизнаго управленія. Гротъ не долго передъ тѣмъ ввелъ въ Минской губерніи акцизную систему, въ замѣнъ бывшаго виннаго откупа. Гротъ набиралъ въ составъ акцизныхъ управленій очень много людей образованныхъ; а огромное (по тогдашнему времени) содержаніе, получаемое чинами этого вѣдомства, побуждало идти туда людей лучшаго общества. Таковъ былъ составъ Минскаго губернскаго акцизнаго управленія: управляющій Гринвальдъ, человекъ высшаго общества, отставной гвардейскій полковникъ; помощникъ его, полковникъ Ивашкевичъ, былъ до того помощникомъ инспектора классовъ I кадетскаго корпуса; старшій ревизоръ баронъ Штакельбергъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи, мой сослуживецъ и пріятель; младшій ревизоръ Мореншильдъ, офицеръ гвардейскаго драгунскаго полка. Я былъ пораженъ, встрѣтивъ, въ первый день моего пріѣзда въ Минскъ на улицѣ барона Штакельберга, въ статскомъ платьѣ. Мы обнялись, обрадовались; съ Гринвальдомъ я былъ знакомъ по Петербургу; съ Ивашкевичемъ у семьи моей были старыя, дружескія отношенія. Эти люди, жившіе въ Минскѣ со своими семьями, приняли меня въ свой кружокъ; я проводилъ у нихъ все свободное время, забывая, что я на чужбинѣ. Съ ними у меня все было общее: прошлая жизнь, воспитаніе, вкусы и привычки. У всѣхъ у нихъ были семьи, а потому жизнь была семейная, которую я такъ любилъ.

Внѣшнихъ развлеченій въ Минскѣ не было никакихъ. Существовалъ, правда, какой-то театръ; онъ помѣщался въ частномъ домѣ; зала, сцена были небольшія; убранство бѣдное, грязноватое; освѣщеніе скудное. Я разъ пошелъ посмотрѣть представленіе. Труппа была сборная, изъ актеровъ распуганныхъ повстаньемъ польскихъ труппъ, которые играли теперь по-русски, русскія пьесы, съ отчаяннымъ польскимъ акцентомъ, примѣшивая безсознательно польскія слова. Но главная бѣда была въ томъ, что актеры были ниже посредственности. Двѣ актрисы, молоденькія, довольно красивыя, увлекали невзыскательную публику; ея было немного. Я больше не пошелъ въ этотъ театръ.

Было впрочемъ еще одно крупное развлеченіе: на масляницѣ, губернаторъ Кожевниковъ сдѣлалъ у себя балъ. Прекрасное, просторное помѣщеніе губернаторскаго дома представляло къ тому всѣ удобства. Приглашено было все минское русское общество; въ томъ числѣ всѣ члены повѣрочныхъ комиссій и мировые посредники. Собралось очень большое общество; было много дамъ, были нарядные туалеты, были и красивыя дамы. Особенно отличались красотой и роскошными нарядами двѣ супруги командировъ полковъ, стоявшихъ

гарнизонѣмъ въ Минскѣ, г-жи Корево и Полторацкая. Я не принималъ участія въ танцахъ, такъ какъ общество было мнѣ незнакомое. Въ боковыхъ комнатахъ играли въ карты; былъ ужинъ; балъ во всей формѣ, и все очень хорошо, нарядно, но семейно, неофициально.

Я прожилъ такимъ образомъ въ Минскѣ три недѣли и въ началѣ поста попросилъ у губернатора Кожевникова разрѣшенія ѣхать въ Бобруйскъ, къ моему мѣсту службы. Онъ согласился; на прощаніе попросилъ меня зайти къ нему вечеромъ, чтобы переговорить о необходимомъ. Тутъ, у себя въ кабинетѣ, Кожевниковъ былъ опять умный, толковый губернаторъ. Онъ очень вѣрно понималъ ошибки и хорошія стороны засѣданій общаго собранія повѣрочныхъ комиссій; вѣрно судилъ о губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Къ сожалѣнію, вѣрно понимая все это, онъ не въ состояніи былъ дать дѣлу то направленіе, которое ясно указывалъ на словахъ.

Онъ далъ мнѣ очень вѣрную характеристику того, что я найду въ Бобруйскомъ уѣздѣ; указалъ мнѣ образъ дѣйствій, обѣщалъ мнѣ полную поддержку и просилъ обращаться къ нему, кромѣ официальныхъ бумагъ, частными письмами.

Изъ Бобруйскаго уѣзда въ засѣданіяхъ повѣрочныхъ комиссій участвовалъ только предсѣдатель Бобруйской повѣрочной комиссіи Янковскій; помощникъ его, Раковичъ (младшій) былъ въ отпуску; а изъ мировыхъ посредниковъ никто не пріѣхалъ. Янковскій былъ полякъ-католикъ; онъ служилъ передъ тѣмъ въ Вильнѣ, кажется, въ канцеляріи генераль-губернатора, и предмѣстникъ Муравьева, генераль-губернаторъ Назимовъ, призналъ Янковскаго настолько благонамѣреннымъ, благонадежнымъ, что назначилъ его предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Странное назначеніе! Янковскій былъ добрый человѣкъ, средняго ума, средняго образованія, не зналъ крестьянскаго дѣла; однимъ словомъ, у него не было никакихъ данныхъ для занятія этой должности. Положеніе его было затруднительное. Какъ полякъ, католикъ, онъ не могъ сочувствовать дѣлу, которое исполнялъ; разыгрывать роль Прушинскаго (минскаго губернскаго предводителя дворянства), то-есть втихомолку парализовать дѣйствіе своей комиссіи и русскихъ властей, онъ не могъ, ни по разуму своему, ни по трусости своей; онъ дорожилъ хорошимъ содержаніемъ, которое давала ему должность его. Помощникъ его Раковичъ, русскій образованный человѣкъ, безусловно честный, не допустилъ бы также никакихъ лукавыхъ дѣйствій повѣрочной комиссіи. На общихъ засѣданіяхъ повѣрочныхъ комиссій Янковскій молчалъ и игралъ вообще въ средѣ членовъ комиссіи довольно безцвѣтную роль. Я познакомился съ нимъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Минскъ, хо-

тѣль получить отъ него свѣдѣній о Бобруйскомъ уѣздѣ, но не услышалъ отъ него ничего, кромѣ общихъ фразъ и уклончивыхъ отвѣтовъ. Когда я уѣзжалъ въ Бобруйскъ, онъ остался тамъ еще на нѣкоторое время, но любезно предложилъ мнѣ остановиться на его квартирѣ, такъ какъ въ Бобруйскѣ нѣтъ гостиницъ, а разысканіе квартиры потребуетъ нѣсколько дней. Я съ благодарностью принялъ его предложеніе.

Бобруйскъ—уѣздный городъ, на Московско-Варшавскомъ шоссе, на берегу прекрасной рѣки Березины. Въ 1864 году, въ немъ числилось около 20.000 жителей; но, несмотря на это, онъ былъ городъ бѣдный, безъ промышленности, безъ торговли. Бобруйскъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: изъ крѣпости Бобруйска и изъ города Бобруйска. Крѣпость была построена Императоромъ Николаемъ I, который признавалъ за ней большое стратегическое значеніе, лично наблюдалъ за ея постройкой и непрерывно пріѣзжалъ туда, осматривать работы. Въ 1864 году она еще считалась необходимой и поддерживалась въ полномъ порядкѣ; теперь она упразднена и обращена въ военный складъ.

Крѣпость расположена на самомъ берегу Березины, а городъ въ одной верстѣ отъ крѣпости, на песчаной равнинѣ, вдали отъ рѣки. По крѣпостнымъ правиламъ, въ городѣ не позволялось строить каменныхъ зданій; всѣ постройки были деревянные, дома одноэтажные. Въ крѣпости расположены были войска, все комендантское и крѣпостное управленіе, склады, но не дозволялось жить частнымъ лицамъ; тамъ не было никакихъ лавокъ, никакихъ торговыхъ заведеній. Тамъ помѣщалась еще большая арестантская команда, кажется, цѣлый батальонъ, назначенный для исполненія разныхъ работъ по крѣпости.

Городъ Бобруйскъ питалъ, одѣвалъ, снабжалъ всѣмъ необходимымъ крѣпость. Тамъ набралось 20.000 жителей, потому что при постройкѣ крѣпости они кормились отъ разныхъ подрядовъ и поставокъ; теперь постройка давно окончилась, и жители сидѣли безъ заработка, или зарабатывали себѣ хлѣбъ мелкой торговлей, дѣлались портными, сапожниками, разными мастеровыми. Торговля ограничивалась продажей съѣстныхъ продуктовъ для жителей крѣпости и города; никакой промышленности, фабрикъ не было. Изъ 20.000 жителей христіанъ было въ Бобруйскѣ не болѣе 1.000 человекъ, чиновниковъ, рабочихъ; остальные 19.000 всѣ были евреи. Не было ни одного хорошаго магазина; вся торговля сосредоточивалась на базарѣ, гдѣ стояли досчатые деревянные балаганы. Мало мальски хорошіе товары приходилось выписывать. Собщеніе съ образованнымъ міромъ было очень скудное. До повстанія, черезъ Бобруйскъ

*

два раза въ недѣлю проходила почта изъ Москвы и въ Варшаву, и привозила въ Бобруйскъ корреспонденцію. Во время повстанія, ходъ почты отъ Бобруйска до Варшавы временами прекращался, а потому почтовые кареты, возившія почту и пассажировъ, доходили только изъ Москвы до Бобруйка; далѣе почта доставлялась уже на телѣгахъ. Петербургская почта доставлялась въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, тоже два раза въ недѣлю; письма шли дней семь и болѣе. Вотъ въ какую глушь забросила меня судьба!

Я разыскалъ себѣ довольно быстро квартиру въ домѣ Колесникова, русскаго купца. Колесниковъ былъ родомъ изъ Вязьмы; я зналъ тамъ его родного брата, тоже богатаго купца. Мальчикомъ онъ выѣхалъ изъ Вязьмы и никогда болѣе не возвращался туда. Онъ служилъ вначалѣ приказчикомъ у какого-то лѣсопромышленника, тутъ же въ Минской губерніи; потомъ самъ завелъ торговлю лѣсомъ; сплавлялъ лѣсъ по Днѣпру на югъ Россіи; подъ старость прекратилъ торговлю и поселился навсегда въ Бобруйскѣ. Въ Бобруйскѣ было нѣкогда большое польское учебное заведеніе, коллегія, кажется, устроенная іезуитами. За вредное направленіе она была закрыта, обширныя зданія ея распроданы. Колесниковъ купилъ все это имущество. Дома эти были среди города, на бойкой улицѣ, подлѣ православнаго собора, и занимали цѣлый кварталъ. Главный домъ, чисто барскій, съ садомъ, онъ занималъ самъ; остальные сдавалъ въ наймы. Онъ былъ, кажется, единственный русскій домовладѣлецъ въ Бобруйскѣ. Я занялъ квартиру въ нѣсколько комнатъ, просторныхъ, высокихъ, свѣтлыхъ, со всеми хозяйственными потребностями, и былъ очень доволенъ, что живу не въ еврейскомъ домѣ, не въ еврейскомъ обществѣ, потому что Колесниковъ роздалъ всѣ свои дома въ наймы только христіанамъ.

Являться въ Бобруйскѣ мнѣ было не кому, потому что у меня тамъ не было начальства. Я познакомился съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, съ исправникомъ и съ военнымъ начальникомъ Бобруйскаго уѣзда. Предводитель дворянства Ратынскій, полякъ задный, былъ очень вѣжливъ, любезенъ до приторности; но мы оба поняли, что далѣе этого мы никогда не пойдемъ; исправникъ, мѣстный бѣлоруссъ, фамилію его не помню, женатый на полькѣ, также не могъ быть мнѣ близокъ, какъ человекъ безъ всякаго образованія. Военный начальникъ, полковникъ Полѣновъ, командиръ полка, расположеннаго въ крѣпости, былъ типичный армейскій офицеръ, добродушный холостякъ. Для усмиренія повстанія и истребленія шаекъ матежниковъ, Муравьевъ назначилъ въ каждый уѣздъ военнаго начальника, далъ ему большую власть. На помощь военному начальнику, въ каждомъ станѣ былъ ему назначенъ помощ-

никъ изъ офицеровъ того же полка. Ихъ спеціальная обязанность была слѣдить за шайками повстанцевъ, принимать всѣ необходимыя мѣры для истребленія шаекъ и для охраны жителей. Полковникъ Полѣновъ сказалъ мнѣ, что въ Бобруйскомъ уѣздѣ всѣ шайки истреблены окончательно. Крестьяне Бобруйскаго уѣзда всѣ православные, ненавидятъ своихъ помѣщиковъ-поляковъ и много способствовали ему переловить повстанцевъ. Среди православныхъ крестьянъ раскиданы поселки польской шляхты, которая вся сплошь мятежная; но теперь шляхта смирна, потому что главные коноводы посланы въ Сибирь, на всѣхъ наложены большія денежныя контрибуціи. Кромѣ того, опытъ показалъ имъ, что при малѣйшей мятежной попыткѣ, ему, Полѣнову, нечего приводить войска для усмиренія ихъ, а стоитъ созвать крестьянъ, которые ненавидятъ ихъ, и тѣ быстро перевязжутъ мятежниковъ. Вообще, по его словамъ, все усмиреніе мятежа въ Бобруйскомъ уѣздѣ основано на преданности Государю крестьянъ, они выслѣживали польскія шайки, они окружали ихъ, а войска являлись больше для поддержки крестьянъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по всему уѣзду, на всѣхъ главныхъ проѣзжихъ дорогахъ, онъ устроилъ сторожевые пункты, заставы, охраняемыя вооруженнымъ карауломъ крестьянъ. Караулы эти имѣютъ право арестовать подозрительныхъ лицъ, осматривать проѣзжіе вozy и экипажи. О предводителѣ дворянства, Ратынскомъ, онъ сказалъ, что это двуличный человекъ, котораго онъ охотно посадилъ бы въ одинъ изъ казематовъ въ крѣпости; но ему приказано отложить это намѣреніе и только строго слѣдить за дѣйствіями Ратынскаго. Исправника онъ назвалъ негодяемъ, котораго конечно скоро удалятъ. Слыша такіе рѣзкіе отзывы добродушнаго полковника, я только удивлялся, какъ предводителя и исправника давно не убрали съ ихъ мѣстъ. Изъ поляковъ, помѣщиковъ моего участка, Полѣновъ одобрилъ только одного человека, мирового посредника Нерезіуша, смѣнить котораго я пріѣхалъ. Онъ призналъ его честнымъ, благороднымъ человекомъ, который никогда не шелъ противъ русскаго правительства, не соглашался подать въ отставку по требованію революціоннаго правительства; теперь онъ выходитъ въ отставку по собственному желанію, ибо конечно не можетъ сочувствовать крутымъ мѣрамъ, въ корень уничтожающимъ вліяніе польскихъ помѣщиковъ въ краѣ. Полѣновъ совѣтовалъ мнѣ, для пріема участка, ѣхать прямо къ Нерезіушу, въ его имѣніе Балашевичи, около мѣстечка Глунска, и отнестись къ нему, какъ къ человеку правдивому, честному.

Я такъ и поступилъ; и на другой день пріѣхалъ въ Балашевичи, имѣніе Нерезіуша. Меня подвезли къ большому, прекрасному дере-

вянному дому, окруженному прекрасными хозяйственными постройками. Нерезіушъ встрѣтилъ меня просто, радушно. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ сильной просѣдью въ волосахъ, средняго роста, широкоплечій, здоровый. Онъ объяснилъ мнѣ, что онъ холостъ, живетъ со старухой-сестрой; въ большомъ домѣ у него всегда готова комната для гостей, а потому онъ проситъ меня расположиться въ этой комнатѣ, и прежде всего пообѣдать, такъ какъ проѣздъ 30 верстъ конечно утомилъ меня и я голоденъ. Онъ говорилъ прекрасно по-русски. За обѣдомъ онъ разсказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ въ участкѣ, а послѣ обѣда я началъ приѣмку дѣлъ. Все оказалось въ полномъ порядкѣ и аккуратно подготовлено къ сдачѣ. Нерезіушъ посовѣтовалъ мнѣ не брать поляка писмоводителя, который служилъ у него, сказавъ, что мнѣ надо непременно взять писмоводителя русскаго. Принявъ дѣла, я уложилъ ихъ въ ящикъ, запечаталъ. Нерезіушъ обѣщалъ мнѣ самъ привезти ящикъ въ Бобруйскъ, куда онъ собирался ѣхать на дняхъ.

Такъ какъ я хотѣлъ тотчасъ сдѣлать обѣздъ всѣхъ волостей моего участка, Нерезіушъ указалъ мнѣ, какъ удобнѣе сдѣлать это, чтобы не прѣзжать два раза по однимъ мѣстамъ, указалъ, въ какихъ волостяхъ я могу удобно ночевать и достать пищу. На другой день я обревизовалъ Балашевичскую волость, расположенную въ 2 верстахъ отъ усадьбы Нерезіуша, собралъ тамъ волостной сходъ и въ первый разъ ознакомился съ бѣлорусскимъ крестьяниномъ.

Я вышелъ къ нимъ въ палато, такъ какъ было холодно, съ шанкою черезъ плечо, револьверомъ у пояса, снялъ фуражку и, по-русски, поклонился имъ въ поясъ, сказавъ: „Здравствуйте, друзья мои! Меня прислалъ къ вамъ генералъ Муравьевъ, и теперь я буду вашъ мировой посредникъ. Я русскій человекъ, былъ уже посредникомъ у себя въ Смоленской губерніи. Я офицеръ гвардіи Государя; знаете вы, что такое гвардія? Это войско, которое живетъ около Государя, охраняетъ его. Понятно, въ гвардію берутъ только людей, которые любятъ Государя, готовы жизнь положить за него. Ну, я вотъ такой человекъ! Военный начальникъ Полѣновъ сказалъ мнѣ, что вы такіе же вѣрные подданные Государя, вы помогли ему переловить бунтовщиковъ. За это я уже полюбилъ васъ, и теперь мы будемъ вмѣстѣ работать. Разскажите мнѣ: какъ вы живете, какія вамъ обиды, какъ можно помочь вамъ?“

Бѣлоруссы недовѣрчиво глядѣли на меня, молчали. Я подошелъ къ дряхлому, сѣдому старику, заговорилъ съ нимъ; разспрашивалъ: какъ велика его семья, сколько ему лѣтъ; разспросилъ его о хозяйствѣ. Оказалось, что это достаточный крестьянинъ. Недалеко отъ него стоялъ плохо одѣтый, забитый крестьянинъ; я заговорилъ съ

нимъ, онъ сталъ изливать свои горести. Мало по малу, въ разговоръ стали вмѣшиваться другіе. Видя, что довѣріе увеличивается, я сталъ разспрашивать крестьянъ о многомъ. Дошла рѣчь до сельскихъ карауловъ, гдѣ стоятъ караулы? какъ они отбываютъ ихъ. Тутъ толпа оживилась; разомъ заговорило нѣсколько человѣкъ. Они жаловались на обременительность карауловъ, указывали, что на дняхъ надо начинать пахать; караулы отвлекутъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Я спросилъ: можно ли снять караулы? Толпа въ одинъ голосъ закричала: „Можно!“ Я сказалъ, что изъ такого крика нѣтъ никакого толка; пускай они выбираютъ толковаго человѣка, тотъ расскажетъ мнѣ все. Моментально мнѣ указали крестьянина лѣтъ сорока, на видъ очень умнаго; тотъ объяснилъ мнѣ, что паны и шляхта теперь присмирѣли, боятся; что отъ карауловъ теперь нѣтъ никакого толка; это было хорошо зимою, когда былъ глубокой снѣгъ, и надо было непременно ѣхать по дорогѣ. Какой же бунтовщикъ будетъ такъ глупъ, поѣдетъ на карауль, если теперь вездѣ можно проѣхать стороною?—Я согласился съ этими доводами и сказалъ, что переговорю съ военнымъ начальникомъ; можетъ быть, удастся освободить ихъ отъ карауловъ. Я подтвердилъ имъ однако, чтобы они продолжали зорко смотрѣть за шляхтой, и чуть только замѣтятъ что-нибудь подозрительное, сообщали военному начальнику. Мы уже дружески распрощались, и я поѣхалъ въ другую волость.

Почти буквально то же самое повторилось во всѣхъ волостяхъ; но крестьяне уже привѣтливо встрѣчали меня; до нихъ дошелъ слухъ о моемъ образѣ дѣйствій, и онъ пришелся имъ по сердцу. Въ участкѣ моемъ было 7 волостей; онъ занималъ всю западную часть уѣзда, къ Слуцку. Онъ весь покрытъ былъ лѣсомъ, среди котораго мѣстами стояли деревни. Только около деревень были открытыя мѣста, занятыя пахотными полями и сѣнокосами крестьянъ. Надо было проѣхать по лѣсу верстъ 15 и даже 20, отъ деревни до деревни. Это было въ полномъ смыслѣ Полѣсье. Деревни большею частью были не велики, дворовъ на десять, двадцать; мѣстами, въ деревняхъ замѣтна была большая бѣдность. Меня, великоросса, особенно поражала нищенская бѣдность крестьянскихъ построекъ; избы были маленькія, всѣ курныя; хозяйственныя постройки плохія; все крыто соломой. И это въ странѣ, сплошь заросшей вѣковымъ лѣсомъ, гдѣ лѣсъ былъ ни по чемъ, гнилъ на корнѣ! Ознакомившись ближе съ бытомъ этого края, я узналъ, что польскіе помѣщики сознательно не позволяли крестьянамъ строить хорошія избы; они старались всячески унижить, оскотинить православныхъ бѣлоруссовъ, называли ихъ на своемъ языкѣ быдло (скотина), и требовали, чтобы эти крестьяне устраивали по-скотски всю свою обстановку: избы

приказывали имъ строить не болѣе аршинъ шести, невысокія; окна въ нѣсколько вершковъ, не болѣе одной четверти аршина; двери низкія. Скота у крестьянъ было не много; скоть мелкій, худой; крестьяне обрабатывали землю волами; лошади были не у всѣхъ и почти не заслуживали названія лошадей; это были маленькіе, худые, безсильные, мохнатые звѣрки. Упряжь на лошадяхъ состояла вся изъ оголовка—хомута, очень упрощеннаго—самодѣльные клещи и войлочный потникъ; шлеи не было; гужи веревочные; дуга самодѣльная, низенькая, почти лежала на шеѣ у лошади. О сѣделкѣ, черезсѣдельникѣ и помину не было! На такихъ лошадяхъ, при такой сбруѣ, я дѣлалъ объѣздъ волостей, сидя въ телѣжонкѣ, тоже до крайности упрощенной: колеса не кованныя, кузовъ состоялъ изъ двухъ дрожинъ съ доскою, на которую положена вязанка сѣна для сидѣнія. Когда, на дальнемъ краю моего участка, я выбрался на шоссе и могъ потребовать себѣ пару лошадей и почтовую бричку на почтовой станціи, мнѣ показалось, что я ѣду въ роскошномъ экипажѣ, на дорогихъ лошадяхъ.

Воротившись въ Бобруйскъ, я рассказалъ военному начальнику просьбы крестьянъ: освободить ихъ отъ караула на дорожныхъ заставахъ. Онъ призналъ требованіе ихъ основательнымъ и сказалъ, что помощники его докладывали ему то же самое, и онъ ожидалъ только моего возвращенія, чтобы услышать мое мнѣніе объ этомъ. Онъ просилъ написать ему „бумажку“ о снятіи карауловъ и обѣщаль тотчасъ сдѣлать представленіе военному губернатору о снятіи карауловъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ форменное представленіе объ этомъ минскому губернатору Кожевникову и рассказалъ ему еще, въ частномъ письмѣ, свои впечатлѣнія перваго объѣзда волостей. Къ большому моему удовольствію и не малому удивленію, черезъ очень короткій промежутокъ времени ко мнѣ пріѣхалъ сіяющій полковникъ Полѣновъ и показалъ полученное имъ разрѣшеніе снять сельскіе караулы въ III участкѣ Бобруйскаго уѣзда, то есть въ моемъ участкѣ. Я спросилъ Полѣнова: отчего это распоряженіе не распространено на два другіе участка Бобруйскаго уѣзда? Оказалось, что мои сослуживцы, мировые посредники тѣхъ участковъ, признали это несвоевременнымъ и опаснымъ.

Послали пріятное извѣщеніе это по волостямъ, и я самъ поѣхалъ опять навѣстить и подробно обревизовать дѣлопроизводство волостей, разобрать накопившіяся жалобы. Крестьяне встрѣчали уже меня совсѣмъ иначе. Когда я выходилъ къ волостному сходу, они, не ожидая моего пріѣзда, сами здоровались со мною и говорили: „благодаримъ, что пожалѣли насъ!“ Въ этотъ объѣздъ твердо установились между крестьянами и мною открытыя, дружескія от-

ношенія. Я проѣздилъ цѣлую недѣлю и то воротился въ Бобруйскъ потому, что получилъ извѣщеніе, что въ Бобруйскъ пріѣзжаетъ помощникъ генераль-губернатора Крыжановскій, и что мировые посредники должны представить ему подробный отчетъ о состояніи своихъ участковъ.

Генераль Крыжановскій былъ помощникомъ Михаила Николаевича Муравьева, по должности генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края; по своему прошлому, онъ былъ артиллеристъ, много лѣтъ состоялъ директоромъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и Михайловской артиллерійской академіи. Онъ считался ученымъ артиллеристомъ, очень талантливымъ человѣкомъ; но многіе оспаривали эту громкую репутацію и утверждали, что это шарлатанъ, карьеристъ. Я слышалъ много хорошаго о Крыжановскомъ отъ профессора Михайловской артиллерійской академіи Александра Адамовича Фишера, моего товарища дѣтства и пріятеля. Я встрѣчалъ Крыжановскаго въ знакомыхъ домахъ, говорилъ съ нимъ, но у него въ домѣ никогда не былъ. Определеннаго понятія о немъ я себѣ не составилъ и склоненъ былъ судить о немъ по отзывамъ А. А. Фишера.

Мои сослуживцы, мировые посредники Бобруйскаго уѣзда, Воронцовъ и Васьковъ пріѣхали въ Бобруйскъ, для представленія Крыжановскому. Я воспользовался этимъ, чтобы познакомиться съ ними, и сдѣлалъ имъ визитъ. Они приняли меня очень официально и холодно. Я не обратилъ на это вниманія и отвѣчалъ на ихъ безпричинную и непонятную мнѣ холодность вѣжливо и предупредительно. Воронцовъ и Васьковъ владѣли своими имѣніями по наслѣдству; обширныя имѣнія эти были пожалованы предкамъ ихъ Императрицею Екатериною II, по присоединеніи этого края къ Россіи. Она раздала тогда много конфискованныхъ имѣній русскимъ людямъ, съ условіемъ, что они будутъ въ нихъ жить и хозяйствовать. Воронцовъ, человѣкъ лѣтъ сорока, отставной военный инженеръ, считался очень умнымъ, дѣловымъ человѣкомъ. Васьковъ, дряхлый старикъ, служившій когда-то въ Костромской губерніи, былъ очень добрый человѣкъ, но не дѣятельный, мало развитой.

На общемъ утреннемъ представленіи, Крыжановскій просилъ насъ, мировыхъ посредниковъ, прибыть къ нему вечеромъ, въ 8 часовъ. Мы явились. Онъ принималъ насъ каждаго отдѣльно, въ кабинетѣ. Онъ привѣтствовалъ меня воспоминаніемъ о нашихъ встрѣчахъ въ Петербургѣ; затѣмъ сказалъ мнѣ, что М. Н. Муравьевъ поручилъ ему вникнуть въ мою дѣятельность здѣсь. Онъ разспрашивалъ меня: какъ сложились мои отношенія къ окружающимъ, къ крестьянамъ, помѣщикамъ? что я вообще дѣлалъ все это время, и

какъ я себя чувствую тутъ? Я подробно и откровенно разсказалъ ему все, ни на что не жаловался и выразилъ убѣжденіе, что могу быть полезенъ здѣсь. Онъ очень одобрилъ мое ходатайство о снятіи сельскихъ карауловъ, мои продолжительные объѣзды волостей; совѣтовалъ мнѣ не довѣрять полякамъ, называя ихъ неисправимыми мечтателями, сумасбродами; спросилъ: участвовалъ ли я въ дѣйствіяхъ Бобруйской повѣрочной комиссіи? Я сказалъ, что повѣрочная комиссія работаетъ въ восточной части уѣзда, гдѣ не мой участокъ, а ко мнѣ не пріѣзжала. Онъ улыбнулся и проговорилъ: „И не пріѣдетъ!“ Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Тогда онъ медленно, съ разстановкой сказалъ, какъ бы нехотя: „Ей тамъ удобнѣе дѣйствовать!“ Разговоръ продолжался съ полчаса. На прощанье онъ сказалъ: „Мнѣ очень пріятно будетъ донести генераль-губернатору, что вы пришли здѣсь ко двору, дѣйствуете смѣло, умно“.

Бобруйское крѣпостное начальство разсказывало мнѣ, что Крыжановскій большую часть времени пребыванія своего въ Бобруйскѣ посвятилъ осмотру крѣпости, ея укрѣпленій, фортовъ; осматривалъ артиллерійскіе склады, артиллерію, планы вооруженія крѣпости въ случаѣ войны, и призналъ крѣпость не удовлетворяющею современнымъ требованіямъ военнаго искусства, артиллерію ея устарѣлою; при осадѣ крѣпости непріятель подвезетъ осадную артиллерію болѣе крупную и черезъ нѣсколько дней заставитъ замолчать слабую бобруйскую артиллерію; кирпичные форты крѣпости не могутъ устоять противъ современныхъ крупныхъ орудій. Гг. крѣпостные инженеры и артиллеристы были очень смущены.

Объѣхавъ свои волости, разъяснивъ себѣ состояніе моего участка, я рѣшился посидѣть нѣсколько дома въ Бобруйскѣ; заняться канцеляріей, перепиской, составленіемъ отчетовъ о моихъ ревизіяхъ. Въ это время я познакомился съ нѣкоторыми жителями Бобруйска. Мои пріятели, акцизники въ Минскѣ, указали мнѣ на начальника Бобруйскаго акцизнаго округа барона Николая Васильевича Штейнгеля, какъ на пріятнаго для меня знакомаго. Баронъ Штейнгель, офицеръ гвардейской пѣшей артиллеріи, пріѣхалъ въ Бобруйскъ не задолго до меня; онъ только что оставилъ гвардію и женился на образованной, очень пріятной особѣ. Какъ гвардейскіе артиллеристы, мы тотчасъ сошлись; у насъ нашлось много общаго. Наше знакомство скоро перешло въ дружбу и продолжалось очень много лѣтъ.

Я познакомился также съ комендантомъ крѣпости генераломъ Карломъ Васильевичемъ Пистолькорсомъ. Тутъ у меня тоже завязалось очень пріятное, скажу даже драгоцѣнное для меня знаком-

ство. Генераль Пистолькорстъ былъ артиллеристъ, даже конно-артиллеристъ. Передъ прїѣздомъ въ Бобруйскъ, онъ былъ вторымъ комендантомъ въ Москвѣ. По требованіямъ военного времени, во время повстанія, понадобилось замѣнить устарѣлаго бобруйскаго коменданта болѣе энергичнымъ, дѣятельнымъ и стойкимъ человѣкомъ. Пистолькорса командировали туда. Онъ, не болѣе полугода назадъ, прїѣхалъ изъ Бобруйскъ. Это былъ очень умный, добрый, серьезный человѣкъ, педантически аккуратный, добросовѣстный по службѣ. Онъ былъ вдовъ; съ нимъ прїѣхали двѣ дочери его, дѣвицы, очень красивыя, образованныя; одной было 18 лѣтъ, другой 16 лѣтъ. Генераль Пистолькорстъ принялъ меня привѣтливо, просилъ навѣщать его. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ явился его камердинеръ и просилъ, отъ имени генерала, откушать въ слѣдующее воскресенье, въ 3 часа. Я конечно съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Къ обѣду, кромѣ меня, были приглашены добрякъ полковникъ Полъновъ и такой же добрякъ полковникъ Андреевъ, командиръ крѣпостнаго полка. Въ гостиной приняли насъ дочери. Семейство Пистолькорса было очень образованное. При первыхъ же разговорахъ моихъ съ дѣвицами, у насъ оказалось очень много общихъ знакомыхъ; въ числѣ ихъ нѣсколько моихъ товарищей, офицеровъ конной гвардейской артиллеріи. Когда онѣ упомянули о полковникѣ П.....ѣ, я невольно сказалъ себѣ: не одна ли изъ васъ та очаровательная особа, въ которую П. былъ такъ безнадежно влюбленъ, и которая не согласилась выйти за него замужъ? Впослѣдствіи я узналъ, что старшая дѣвица была именно та особа, о которой я слышала столько восторженныхъ похвалъ отъ П., отъ Л. и другихъ поклонниковъ ея. Надо сказать, что всѣ эти молодые люди были самыми блестящими офицерами нашего гвардейскаго кружка, по уму, образованію и по положенію своему въ свѣтѣ. Они всегда восхищались, наравнѣ съ красотою, ея мягкимъ нравомъ, образованностью, серьезностью. Оказалось, что съ одною изъ моихъ искреннихъ знакомыхъ Елисавета Карловна Пистолькорса очень дружна и ведетъ дѣятельную переписку. Въ годы, проведенные семействомъ Пистолькорсовъ въ Москвѣ, они сблизились съ славянофильскимъ кружкомъ, Аксаковыми, Самариными. Дѣвицы, даже генераль, прониклись убѣжденіями этихъ людей. Можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я узнавалъ все это, какъ радостно было для меня сознаніе, что въ глуши этой я встрѣтилъ людей одного общества, однихъ чувствъ и мыслей со мною. Пистолькорсы получали нѣсколько журналовъ; между прочимъ „Русь“ Аксакова, которую я давно не читалъ. Меня снабдили десяткомъ послѣднихъ нумеровъ, съ предложеніемъ пользоваться ею впредь.

Въ продолженіе всего пребыванія моего въ Бобруйскѣ я пользовался гостепріимствомъ этого образованнаго, радушнаго семейства. Мы выѣхали изъ Бобруйска почти одновременно, и я навсегда сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе. Два семейства эти—Штейнгель и Пистолькорсъ вполне удовлетворяли потребность моего духа общности.

Свободнаго времени у меня было не много. Чѣмъ ближе я знакомился со своимъ участкомъ, тѣмъ больше времени приходилось мнѣ посвящать ему. Понявъ мою готовность помогать имъ, крестьяне осаждали меня просьбами, жалобами, и я по недѣлямъ бывалъ въ разъѣздахъ по волостямъ. Въ это лѣто у меня были неожиданно два очень милыхъ и дорогихъ гостя. Въ началѣ іюня, въ крыльцу моему подѣхала почтовая бричка, и изъ нея вышелъ запыленный, добрыйшій, милый генераль Ратчъ. Я пораженъ былъ: какъ это генераль-лейтенантъ, начальникъ артиллерійскаго округа, путешествуетъ такъ просто, безъ удобствъ? Выйдя запыленнымъ изъ брички, генераль привѣтствовалъ меня словами: „Очень радъ, что засталъ васъ дома! Окажите мнѣ гостепріимство! Мнѣ по уставу готово помѣщеніе въ дворцовомъ флигелѣ; но вы знаете, какъ я не люблю официальные приемы. Я усталъ, хочу отдохнуть на свободѣ. Всѣ приемы я буду отбывать тамъ, на этой официальной квартирѣ, васъ не будутъ беспокоить. Позвольте только начальнику крѣпостной артиллеріи полковнику Уомину явиться мнѣ здѣсь, у васъ; я передамъ ему распоряженіе о завтрашнемъ днѣ!“

Генераль Ратчъ пріѣхалъ сдѣлать смотръ крѣпостной артиллеріи и батареямъ полевой артиллеріи, расположеннымъ въ Бобруйскѣ, и долженъ былъ обсудить подробно разные вопросы, возбужденные Крыжановскимъ. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ имъ у меня, мы много бесѣдовали; конечно, болѣе всего о положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, о Муравьевѣ, о повстаніи. Интереснѣе и полезнѣе всего для меня были рассказы Ратча о дѣятельности Муравьева. Онъ близко зналъ ее, такъ какъ въ то время собиралъ уже матеріалы для книги о Муравьевѣ, изданной впоследствии. Признавая дѣятельность Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ патріотической, онъ видѣлъ въ немъ человека, который спасъ, сохранилъ Россіи этотъ край и даже Царство Польское. Ратчъ оправдывалъ крутыя, суровыя мѣры, которыми Муравьевъ достигъ своей цѣли. Онъ былъ убѣжденъ, что опасность совершеннаго отпаденія отъ Россіи этого края была громадна, и только энергія, желѣзная воля, мудрость, могли устранить эту опасность. Онъ утверждалъ, что, промѣшкой скольконибудь Муравьевъ, не порази онъ такъ быстро мятежниковъ и всѣ російскія власти своими вѣрными,

мѣткими ударами, мятежь принялъ бы очень обширные размѣры; европейскія державы воспользовались бы этимъ замѣшательствомъ Россіи, чтобы ослабить ее. Онъ разсказалъ мнѣ: какъ тяжело дался Муравьеву этотъ блестящій успѣхъ, какую борьбу пришлось ему вести съ Петербургомъ; какъ трудно было ему подобрать себѣ помощниковъ. Онъ признавалъ, что Муравьевъ до сихъ поръ одинокъ, все долженъ самъ обдумать, что эти усиленные труды разстроили его здоровье, сдѣлали суровымъ, мрачнымъ расположеіе духа его; но умъ его свѣтелъ, ясенъ, воля не поколебима. Онъ разсказалъ, что, окончивъ усмиреніе края, Муравьевъ занялся теперь устройствомъ его; строить православныя церкви, русскія школы, старается поднять духъ и образованіе православнаго населенія края; что работу его слабо поддерживаетъ правительство высшее, и едва-ли Муравьевъ долго останется въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Я слушалъ все это со вниманіемъ и съ своей стороны разсказалъ Ратчу тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня пребываніемъ моимъ въ Вильнѣ; какъ меня поразили лицемеріе, всеобщая ложь, легкомысліе. Онъ призналъ существованіе этого зла и сказалъ, что Муравьевъ дѣйствительно плохо окруженъ, и это можетъ погубить его. Слишкомъ мало около него честныхъ, трудолюбивыхъ людей, и слишкомъ много карьеристовъ, льстецовъ.

Разсказалъ онъ мнѣ и почему путешествуетъ въ почтовой бричкѣ. Онъ выѣхалъ изъ Вильны въ удобной, легкой коляскѣ, которую нарочно купилъ для предстоящихъ разѣздовъ. Между Вильною и Минскомъ коляска нѣсколько разъ ломалась и оказалась такою непрочною, что онъ вынужденъ былъ бросить ее въ Минскѣ, и поручилъ еврею, хозяину гостиницы, въ которой остановился, заарендовать или купить какой-нибудь экипажъ для дальнѣйшаго путешествія. Тотъ представилъ ему прекрасную коляску, и на вопросъ о цѣнѣ отвѣтилъ, что владѣлецъ коляски, панъ ***, просить принять этотъ знакъ уваженія; но генераль можетъ сдѣлать пану *** большое одолженіе, если скажетъ Муравьеву, что братъ пана несправедливо арестованъ и проч. Ратчъ, въ отвѣтъ на это, велѣлъ подать себѣ почтовую бричку и такъ пріѣхалъ сюда. Въ Бобруйскѣ артиллеристы разыскали ему какой-то экипажъ. Уѣзжая, онъ обнялъ меня, отечески благословилъ, и я навсегда сохранилъ дорогое воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ въ его обществѣ. Другой дорогой гость, навѣстившій меня, былъ Синявскій, смоленскій помѣщикъ, членъ смоленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Синявскій былъ человѣкъ не богатый, но очень умный, образованный, развитой. Его очень уважали въ Смоленскѣ, какъ члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ;

но были люди, которые очень не любили его, осуждали его дѣятельность, называли его революционеромъ за то, что онъ стойко (скажу: даже слишкомъ стойко!) отстаивалъ интересы крестьянъ, не щадилъ ни имущественныхъ интересовъ, ни самолюбія лицъ, называвшихся тогда крѣпостниками. Это была свѣтлая голова, честная душа. Въ Смоленскѣ я не былъ съ нимъ близокъ; но много разъ проводилъ съ нимъ вечера у знакомыхъ, спорилъ съ нимъ и любилъ его общество.

Въ Бобруйскѣ онъ тоже заѣхалъ прямо ко мнѣ. На разпросы мои: какъ, почему, онъ попалъ въ эту глушь? Синявскій разсказалъ мнѣ, что частыя принципиальныя столкновенія его съ многими лицами въ Смоленскѣ надоѣли ему; онъ предложилъ свои услуги М. Н. Муравьеву и теперь состоитъ членомъ совѣщательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Вильнѣ. Происхождение этой новоявленной комиссіи Синявскій объяснилъ мнѣ такъ. До сихъ поръ полнымъ распорядителемъ и руководителемъ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ былъ Левшинъ. Руководительство его оказалось мнѣомъ; онъ крестьянскаго дѣла не знаетъ, вести его не можетъ; это слишкомъ серьезная задача для него. Муравьевъ понялъ это; предоставилъ Левшину административную часть, то есть назначеніе личнаго состава повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ; а для разсмотрѣнія и разрѣшенія принципиальныхъ вопросовъ крестьянскаго дѣла образовалъ совѣщательную комиссію, которая состоитъ изъ Зубкова, Синявскаго и еще нѣсколькихъ специалистовъ крестьянскаго дѣла. Совѣщательная комиссія обратила вниманіе на неуспѣшный ходъ дѣла въ Минской губерніи, на серьезные споры и недоразумѣнія общаго стѣзда повѣрочныхъ комиссій и командировала Синявскаго изучить на мѣстѣ причины неуспѣшности. Ознакомившись въ Минскѣ съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, Синявскій убѣдился въ полной неспособности членовъ этого присутствія. Теперь онъ знакомится съ дѣятельностью повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Онъ прожилъ у меня два дня, все время изучалъ работы Бобруйской повѣрочной комиссіи, затѣмъ, ѣдучи въ Слуцкъ, обревизовалъ три волости моего участка, расположенныя на шоссе.

Въ свободные часы, въ Бобруйскѣ и въ пути, много говорили. Онъ разсказалъ мнѣ, что военное положеніе въ Минской губерніи снято, военный губернаторъ сокращенъ; минскій губернаторъ Кожевниковъ уволенъ; на мѣсто его назначенъ полковникъ Шелгуновъ. Я отъ души пожалѣлъ Кожевникова, разсказалъ Снявскому хорошія стороны дѣятельности Кожевникова. Онъ не соглашался со мною, утверждалъ, что край все еще не усмиренъ, мятежный духъ еще

силенъ въ немъ, и при такихъ условіяхъ нельзя довѣрить губернію такому слабодушному человѣку, какъ Кожевниковъ.

Мы заговорили о Муравьевѣ. Я выразилъ удивленіе: какъ онъ, прославленный смоленскій либераль, революціонеръ, предложилъ свои услуги Муравьеву? Онъ отвѣчалъ: Смоляне такъ же ложно поняли меня, какъ московскіе бары поняли Чацкого. Чацкій осуждалъ предразсудки баръ, необразованность, лицемеріе, ихъ лично; а они провозгласили его революціонеромъ, сумашедшимъ. Я препятствовалъ смоленскимъ помѣщикамъ злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ, раскрывалъ ихъ злоупотребленія, дѣлалъ это по долгу службы; они придали этому политическую окраску, объявили меня революціонеромъ! Въ Муравьевѣ я вижу крупную, историческую личность; только крутыми мѣрами можно было остановить повстаніе; Муравьевъ имѣлъ мужество сдѣлать это. Полный успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ показалъ рѣдкую силу воли, проицательный умъ Муравьева и пренебреженіе его къ ложнымъ мнѣніямъ общества, которое теперь преклоняется передъ нимъ. Я пріѣхалъ сюда помогать этому историческому человѣку не въ усмиреніи повстанія; дѣятельность Муравьева по крестьянскому дѣлу мнѣ вполне симпатична. Муравьевъ первый обратилъ вниманіе на загнанность несчастныхъ бѣлоруссовъ поляками-помѣщиками, на угнетенное имущественное ихъ положеніе и принялъ съ обычной своей энергіей, рѣшительныя мѣры къ освобожденію бѣлоруссовъ изъ этого рабства.

Я пріѣхалъ сюда, говорилъ Синявскій, продолжать то, что я дѣлалъ въ Смоленской губерніи: обличать жестокосердныхъ помѣщиковъ, раскрывать козни, которыми они опутали крестьянъ; но поле дѣятельности для меня здѣсь шире, потому, что злоупотребленія были здѣсь серьезнѣе и болѣе общи.

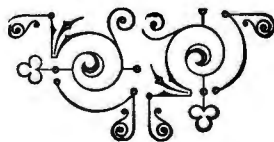
Окончивъ осмотръ моихъ волостей, онъ сказалъ мнѣ, что нашель все въ полномъ порядкѣ, что довѣріе ко мнѣ крестьянъ и авторитетъ мой надъ ними очевидны. Онъ разсказалъ мнѣ также, что Крыжановскій въ отчетѣ своемъ очень одобрилъ мою дѣятельность! Работы Бобруйской повѣрочной комиссіи Синявскій призналъ медленными и очень поверхностными.

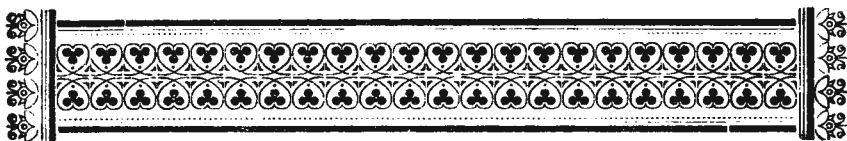
Недѣля черезъ три по отъѣздѣ Синявскаго, я получилъ форменное извѣщеніе, что въ Бобрускомъ уѣздѣ образуется вторая повѣрочная комиссія, и что я назначенъ председателемъ ея, помощникомъ ко мнѣ былъ назначенъ Ѳедоръ Васильевичъ Вахрамѣевъ, человѣкъ совершенно мнѣ незнакомый; мировымъ посредникомъ, на мое мѣсто, назначенъ князь Дивѣевъ. Мнѣ предписывалось, по сдачѣ участка князю Дивѣеву и по пріѣздѣ Вахрамѣева, безъ промедленія

начать дѣйствія повѣрочной комиссіи, и именно въ западной части Бобруйскаго уѣзда, въ предѣлахъ бывшаго моего участка.

Назначеніе это было для меня совершенно неожиданно; можно себя представить съ какимъ удовольствіемъ я принялъ его. Прежде всего я видѣлъ въ этомъ явное одобреніе моей дѣятельности и въ Бобруйскомъ уѣздѣ; затѣмъ предстоявшая мнѣ работа была гораздо интереснѣе, шире; наконецъ—денежное содержаніе мое значительно увеличивалось, такъ какъ предсѣдатель комиссіи получалъ 2.500 р., то есть на 1.000 р. болѣе, чѣмъ мировой посредникъ. Я невольно вспомнилъ слова, сказанныя мнѣ Муравьевымъ при прощаніи со мною, „что разумную дѣятельность мою онъ вознаградитъ щедро“. Конечно много помогъ мнѣ вѣроятно Сіяевскій, который, однако, ни словомъ не обмолвился мнѣ объ этомъ и даже не высказалъ предложенія объ открытіи второй Бобруйской повѣрочной комиссіи.

Николай Полевой.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А III.

Мое свадебное путешествіе.—Гейдельбергъ.—Цюрихъ.—Поѣздка въ Англію.—Горестныя приключенія.—Лондонъ.—Меблированныя комнаты г-жи Сиггерсъ.—Первыя впечатлѣнія.—Несчастье съ моимъ содержаніемъ.—Русское посольство—не для русскихъ.—Исправность русскихъ друзей и редакцій.—Британскій музей.—Работа надъ диссертацией.—Неудачная поѣздка въ Мюнхенъ.—Н. И. Стороженко.—Возвращеніе въ Россію.—Защита магистерской диссертациі и выборы въ доценты.—Начало профессуры.—Горе слѣдуетъ за радостью.—Сильная болѣзнь жены и необходимость лѣченія за границей.

Нослѣ свадьбы мы немедленно уѣхали окружнымъ, длиннымъ путемъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ я предполагалъ послушать профессора Вемерта, представителя тогда довольно популярной школы свободной торговли, и сверхъ того, конечно, имѣть возможность проводить медовый мѣсяцъ среди красотъ швейцарской природы. Дорогой мы остановились прежде всего на два дня въ Лейпцигѣ. Я познакомилъ свою молоденькую супругу съ этимъ городомъ, дорогимъ мнѣ по воспоминаніямъ, какъ начало моего знакомства съ Германіей и ея наукой. Другая остановка была въ Тюрингервальдѣ, въ знаменитомъ Вартбургѣ, гдѣ мы исходили не мало горъ и спускающихся долинъ. Погода все время благопріятствовала. Мы наслаждались живописными видами, какъ только можетъ наслаждаться счастливый смертный. Посѣтивши Кельнъ и Боннъ, на скоромъ пароходѣ поднялись по Рейну до Майнца, осмотрѣли историческую рѣку Германіи съ ея замками, преданіями и легендами и вновь остановились на болѣе продолжительное время въ Гейдельбергѣ, университетъ котораго я предполагалъ посѣтить и прежде. Въ это время въ Гейдельбергѣ сосредоточилось много русскихъ, которымъ предстояло сдѣлаться моими друзьями или знакомыми. Такъ, мы нашли въ Гейдельбергѣ Чупрова съ женой, магистранта Макарова, весьма

интересныхъ дѣвицъ Шумовыхъ, допущенныхъ, какъ исключеніе тогда, въ университетъ, одна изъ которыхъ впоследствии вышла замужъ за моего пріятеля Зибера, сдѣлавшись сама докторомъ (нынѣ въ Институтѣ Елены Павловны), другая была замужемъ также за однимъ извѣстнымъ врачомъ. Также мы составили интересное знакомство, продолжавшееся еще много лѣтъ съ Мороховцемъ, впоследствии профессоромъ Московскаго университета, нашимъ большимъ другомъ, съ математикомъ В. В. Преображенскимъ и двумя братьями профессорами Умовыми, одинъ юристъ, мой товарищъ, другой математикъ, оба женатыхъ. Мы провели на этотъ разъ въ Гейдельбергъ съ недѣлю времени. Моя жена быстро вошла и очень понравилась въ профессорскихъ кругахъ, какъ и самъ Гейдельбергъ понравился намъ, и дали слово его непременно посѣтить еще разъ, а пока отправились дальше въ Швейцарію, въ Цюрихъ.

Я не буду описывать этого красиваго города и университета, который мнѣ пришлось посѣщать. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ я уже значительно опоздалъ къ началу семестра, который въ Цюрихѣ почему-то начался гораздо раньше обычнаго. Курсъ Бёмерта еще меньше чѣмъ въ Лейпцигѣ соответствовалъ моимъ вкусамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія почтеннаго профессора о безусловной пользѣ свободной торговли я далеко не раздѣлялъ и имѣлъ скорѣй влеченіе, навѣянное, можетъ быть, отчасти Рощеромъ и Кнапшомъ, къ исторической методѣ политической экономіи и социальному характеру ея построений. Мы пробыли съ женой, посѣщая изрѣдка университетъ, въ Цюрихѣ около двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ объѣздили немножко главнѣйшіе пункты Швейцаріи и вернулись въ концѣ августа въ Гейдельбергъ. Тамъ мы нашли изъ прежнихъ поименованныхъ нами лицъ, какъ напримѣръ, Ковалева и Зибера, но Чупровы при насъ уѣхали въ Швейцарію, а позднѣе въ Вѣну, затѣмъ Мороховцы, мужъ съ женой, съ которыми мы весьма сблизились, мужъ усерднѣйшимъ образомъ работалъ на медицинскомъ факультетѣ, занимаясь преимущественно въ лабораторіяхъ, и много новыхъ пріѣзжихъ лицъ, изъ которыхъ упомяну о молодыхъ супругахъ Черемшанскихъ, впоследствии извѣстный психіаторъ и врачъ въ Петербургѣ въ психіатрической больницѣ на 11-ой верстѣ. Подобно мнѣ они недавно поженились и ѣхали на короткое время за границу по командировкѣ, должно быть Военно-Медицинской академію, при чемъ въ дѣйствительности провели времени за границею гораздо болѣе, чѣмъ предполагали. Мы очень съ ними сошлись, какъ съ людьми совершенно подходящими по вкусамъ и образованію. Онъ оказался, какъ и я, большой поклонникъ англійской науки, хотя, конечно, разныхъ

со мной отраслей и подобно же мнѣ изучившій рано англійскій языкъ, любилъ читать книги на этомъ языкѣ, начиная съ общеплюбимаго нами Диккенса. Онъ не говорилъ однако ни слова по-англійски, и это останавливало, въ виду неблагопріятныхъ слуховъ, которые въ тѣ времена были распускаемы объ Англіи, отъ всякой пошкетки туда ѣхать. Встрѣча и знакомство съ нами подбавили къ старому желанію, такъ сказать, жару. Какъ нарочно, мы помѣстились съ Черемшанскими въ одномъ и томъ же домѣ у нѣкоего весьма почтеннаго еврея, ювелира Розенберга, у котораго послѣдовательно проживали въ Гейдельбергѣ нѣсколько литературно-извѣстныхъ русскихъ людей изъ учащихся, напримѣръ В. А. Гольцевъ, Н. П. Боголѣповъ и я съ Черемшанскимъ.

Мы жили съ Черемшанскимъ вмѣстѣ, жены наши также очень подружились; такъ какъ это былъ осенній вакалъ 1873 года и времени свободнаго было много, то мы его и наполняли тѣмъ, что взаимно другъ друга взвѣчивали и подкрѣпляли мысль о желательности совмѣстнаго путешествія въ страшный Лондонъ, о которомъ много слышали дурнаго вмѣстѣ съ хорошимъ. Кончилось это, разумѣется, тѣмъ, что и слѣдовало ожидать, что мечты постепенно начали переходить въ дѣйствительность. Мы во всемъ полагались на англійскій языкъ Екатерины Николаевны; для большей увѣренности, впрочемъ, прежде, чѣмъ ѣхать, рѣшили нѣсколько удостовѣриться и подкрѣпить ея знанія и умѣніе обращаться съ этимъ невозможнымъ птичьимъ языкомъ въ разговорѣ и пригласили англичанку. Оказалось, съ нею бойко объясняется наша переводчица, и въ свою очередь понимаетъ ее; послѣ чего, подбодрившись, мы уже болѣе рѣшительно начали думать о нашемъ путешествіи. Причиной поѣздки въ Лондонъ являлось, впрочемъ, не одно любопытство, но совѣтъ многихъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ. Двое нашихъ москвичей (Посниковъ и Соболевскій) уже успѣли раньше побывать въ Лондонѣ и очень хвалили его. Знаменитый Рошеръ неоднократно изъявлялъ Чупрову свой рѣшительный совѣтъ ѣхать русскимъ въ Англію, чтобы изучать политическую экономію тамъ съ большей пользой, чѣмъ въ Германіи!..

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Совмѣстно, на нѣсколько недѣль мы рѣшили предпринять эту поѣздку, съ самыми малыми, при томъ, денежными средствами, которыя у насъ тогда были на рукахъ. Помню, я даже занялъ для этой цѣли у добраго Лешера что-то около ста талеровъ. 9-го ноября 1873 года я писалъ любимой мною матери моей жены слѣдующее, сохранившееся у меня письмо: „Жребій брошенъ, завтра или уже не далѣе, какъ въ воскресенье, мы отправляемся въ страш-

*

ный Лондонъ съ господами Черемшанскими, о которыхъ вамъ Катя пишетъ. Вы ошибаетесь, думая, что насъ страшитъ этотъ городъ малымъ знаніемъ языка; это собственно не велика бѣда, съ голода не помремъ, да жена моя не такъ плохо его знаетъ, чтобы не объясниться для удовлетворенія первыхъ потребностей. Здѣсь къ намъ ходила нѣсколько дней англичанка, съ которой она такъ и рѣзала на этомъ птичьемъ языкѣ. Жаль, конечно, что я не предвидѣлъ, сначала, необходимости побывать въ Лондонѣ и раньше самъ не занялся разговорнымъ языкомъ. Насъ страшитъ совѣтъ другое, дороговизна лондонской жизни и мошенничество, доведенное тамъ до артистичности, говорятъ, какъ нигдѣ“!

Такимъ образомъ, наконецъ, состоялась эта желанная поѣздка въ Англію. Мы вечеромъ, въ третьемъ классѣ со скорымъ поѣздомъ, по Прирейнской дорогѣ направились на Антверпенъ въ Бельгію, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и прямо ѣхать до мѣста назначенія, т. е. до Лондона. Самые цѣнные пункты и остановки до тонкости изучены и выбраны по гидамъ. И такъ, съ Богомъ, въ путь! Такъ рѣшился одинъ изъ очень важныхъ въ моей жизни шаговъ къ дальнѣйшему моему усовершенствованію и занятію науками и должному ходу всей моей практической жизни.

Увы, первый блинъ, по русской поговоркѣ, вышелъ комомъ! Наше путешествіе началось благополучно. Курьерскій поѣздъ мчался безъ удержку и почти безъ остановокъ. Мы размѣстились, какъ могли въ третьемъ классѣ, понавши въ отдѣльное купѣ, довольно удобное и скоро заснули молодымъ здоровымъ сномъ. Глубокой ночью почувствовали, что поѣздъ остановился и стоитъ что-то неестественно долго; начали просыпаться, выглянули въ окна. Оказалось, упорно стоимъ гдѣ-то между университетскимъ городкомъ Бонномъ и Кельномъ. Изъ разспросовъ желѣзнодорожной прислуги, бѣгавшей на маленькомъ бангофѣ и отвѣчавшей неохотно, мы узнали только, что случилось около самой станціи какое-то несчастье; столкнулись два поѣзда, вслѣдствіе этого путь загороженъ, и намъ вѣроятно придется пересаживаться, чтобы ѣхать дальше. Наконецъ раздался звонокъ, и кондуктора пригласили всю ѣхавшую публику выйти изъ вагоновъ и пройти пѣшкомъ вдоль рельсовъ довольно длинное разстояніе, чтобы сѣсть въ новые вагоны и поѣздъ насъ ожидавшій дальше. Еще была глубокая ночь. Намъ пришлось перелѣзть черезъ дорогу и рѣшетку вдоль насыпи и идти по очень дурной дорогѣ, по какому-то огороду, безпрестанно спотыкаясь. Ручной багажъ оттягивалъ руки и очень затруднялъ. Я какъ-то случайно повредилъ себѣ палецъ и съ трудомъ тащилъ тяжести. Смоляные факелы освѣщали нашъ путь довольно мрачно, какъ на

похоронахъ. По сторонамъ лежали разбитые вагоны въ довольно значительномъ количествѣ. На разспросы наши, были ли погибшіе люди, отвѣчали, однако, что пострадавшихъ будто бы не было, кромѣ одного раненаго кондуктора, хотя курьерскій поѣздъ столкнулся съ пассажирскимъ. Наконецъ дошли до цѣли, вскарабкались вновь въ вагоны и быстро доѣхали до огромнаго вокзала въ Кельнѣ, но лишь въ 9 часовъ утра, вмѣсто семи, какъ слѣдовало по расписанію. Поэтому поѣздъ, съ которымъ мы должны были ѣхать дальше къ границамъ Бельгіи и къ Антверпену, уже давно ушелъ, и намъ пришлось ждать слѣдующаго, вмѣсто скорого, простого пассажирскаго.

Послѣ утомительнаго и скучнаго ожиданія въ Кельнѣ, мы отправились дальше и благополучно ѣхали нѣ сколько часовъ до самой границы Бельгіи, которая отъ этой маленькой послѣдней станціи отдѣляется отъ Германіи горой, съ довольно длиннымъ туннелемъ. Опять продолжительная остановка и послѣ нѣкотораго надоеданія прислугѣ, услышали тоже роковое объясненіе: въ туннель имѣло мѣсто столкновеніе двухъ поѣздовъ: скорого изъ Кельна, съ которымъ мы должны были ѣхать, если бы не опоздали ночью, съ бельгійскимъ товарнымъ. Пока не очистятъ туннель, да не разберутъ крушенія, отвѣчали, намъ нельзя-де двигаться дальше. Прошло еще часа два утомительнаго ожиданія, пока намъ скомандовали садиться въ наши старые вагоны. Мы благословили небо и думали, что все приключеніе окончено и дальше поѣдемъ безъ остановокъ. Какъ бы не такъ! Проѣхавши съ версту съ чѣмъ-то до начала туннеля поѣздъ остановился. Намъ приказали выходить и пѣшкомъ пройти туннель до другаго конца. Раздавались на всѣхъ языкахъ оханья и проклятія, потому что туннель, видимо, былъ длинный, его конца не видно, а отъ станціи отѣхали уже порядочно; дѣлать было нечего. Мрачный туннель опять былъ освѣщенъ смоляными факелами и фонарями. Картина крушенія была гораздо ужаснѣе, чѣмъ предшествующую ночь. Вдоль всего туннеля лежали разбитые вагоны. Первые, только сошедшіе съ рельсовъ и отчасти поврежденные, но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Большое число вагоновъ разбито на части. Половина вагона въ одной сторонѣ, другая въ другой и намъ приходилось лавировать, чтобы пройти между остатками. Особенно страшную картину представляло крушеніе при выходѣ изъ туннеля на бельгійской сторонѣ. Нѣсколько вагоновъ смѣстились силою столкновенія другъ на друга, доставали передними колесами края выемки и висѣли какъ бы на воздухѣ. Днища были разбросаны по туннелю. Вѣроятно, въ силу той же системы молчанія при подобныхъ приключеніяхъ, намъ никто не хотѣлъ отвѣтить о результатѣ

жертвъ или потерь людьми, хотя несомнѣнно по остаткамъ было разбито много именно пассажирскихъ вагоновъ.

Когда мы наконецъ измученные и утомленные добрались до перваго ожидавшаго насъ бельгійскаго поѣзда, то неприятнымъ сюрпризомъ, вдобавокъ къ ужасамъ всей этой ночи, явилось требованіе съ насъ какой-то добавочной платы за экстренный поѣздъ, и только единодушный протестъ и возраженіе со стороны публики на ближайшей станціи всему мѣстному начальству заставили бельгійцевъ согласиться оставить насъ безъ этого штрафа за чужую вину.

Вмѣсто ранняго утра мы приѣхали въ Антверпенъ лишь въ половинѣ четвертаго, осмотрѣли немного городъ и приготовились на слѣдующій день сѣсть на пароходъ, чтобы ѣхать прямо въ Лондонъ. Черемшанскій, какъ медикъ, взялъ на себя хлопоты и заботы о нашемъ здоровьѣ. Часа въ четыре на слѣдующій день мы размѣстились въ каютахъ II класса и двинулись въ путь, сначала, конечно, благополучно, пока ѣхали по Шельдѣ, но едва выѣхали въ море, началась жестокая качка, которая постепенно усиливалась. Я тотчасъ обратился къ Черемшанскому за лѣкарствомъ, но, увы, при первомъ же приѣмѣ самаго сильно дѣйствующаго, по его мнѣнію, чуть ли не танина, со мной сдѣлался сильнѣйшій припадокъ морской болѣзни. Моему примѣру немедленно послѣдовалъ самъ докторъ, мы поочередно ухаживали другъ за другомъ, слыша при томъ часто изъ дамской каюты голосокъ моей супруги, тоже чрезвычайно страдавшей этой болѣзнию. Единственной, по какой-то непостижимой прихоти судьбы, свободной все время отъ болѣзни, была m-me Черемшанская, какъ учено потомъ объяснялъ ея мужъ, въ виду того, что она въ отдаленномъ сибирскомъ городишкѣ, гдѣ выросла, привыкла упражняться чуть не ежедневно на качеляхъ и такимъ путемъ застраховала себя отъ этой ужасной морской болѣзни.

Рано утромъ мы вошли въ Темзу, при чемъ почти всю ночь не спали. Лица у вѣхъ были блѣдныя, а желудки пусты, мы замѣтно ослабѣли и нѣсколько разъ подымали вопросъ, хорошо ли сдѣлали, что пустились въ такое проклятое путешествіе, но воротиться, увы, нельзя было. Довольно рано, что-то около восьми часовъ, наконецъ, доѣхали въ туманѣ до пароходной пристани въ центрѣ Лондонскаго City, такъ называемой „Катерининой верфи“. Тамъ послѣдовалъ довольно длинный и обстоятельный таможенный досмотръ, при чемъ англійскіе таможенные, не ограничившись осмотромъ чемодановъ и мѣшковъ всякаго рода, вытряхали мои запасные русскіе сапоги и ботинки m-me Черемшанской, чтобы удостовѣриться, что мы

туда ничего запретнаго не запрятали. Наконецъ утомительная процедура окончилась, и мы по Бедкеру сказали носильщику, чтобы онъ привелъ кэбъ, т. е. извозничью карету, и настойчиво потребовали, ссылаясь на стоящаго полицмена, чтобы кэбъ везъ насъ именно въ выбранный нами Диккенсъ-отель, подкупившій насъ своимъ почтеннымъ названіемъ.

Два дня прошли въ шатаніи по городу двухъ русскихъ парочекъ на удивленіе всёхъ зѣваекъ, подвергаясь иногда неожиданнымъ разспросамъ и приставаію отъ уличныхъ мальчишекъ и какихъ-то подозрительныхъ личностей, при чемъ, слѣдуя наставленію Бедкера, мы немедленно говорили: „Police“! и искали глазами спасительнаго полицмена, при чемъ пристававшая личность быстро ступшевывалась, оставляя насъ въ покоѣ. Вообще въ первый разъ въ жизни мы постигли вполне ясно, что полицейскій долженъ быть самой пріятной персоной для всякаго благонамѣреннаго смертнаго, и привыкли взирать всегда на крупныхъ и необыкновенно здоровыхъ представителей въ Англіи этой службы со спокойной увѣренностью и даже удовольствіемъ.

Вотъ что писала моя жена своей матушкѣ черезъ два дня нашего пребыванія въ Лондонѣ о своихъ общихъ впечатлѣніяхъ: „До того много самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній прошло“, писала она, „въ эти два дня, что чувствуешь себя какъ бы во снѣ; а если кто спроситъ, что собственно я видѣла, что меня поражало, то право не сразу найдусь отвѣтить. Хотѣть описать вамъ свои ощущенія на клочкѣ бумаги и при томъ въ возбужденномъ настроеніи, было бы глупо. Скажу только, что дѣловое движеніе и промышленное развитіе обнаруживается здѣсь чуть ли не на всякой улицѣ и болѣе поражаетъ меня, чѣмъ самыя рѣдкости и прелести, которыя видѣли въ здѣшнихъ музеяхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Публичная жизнь не ограничивается, впрочемъ, въ Лондонѣ улицей, она пробивается подъ нее, она создаетъ новый міръ подземный, гдѣ движеніе такъ называемой подземной дороги уподобляется движенію во время грозы. Подобно шуму грома раздаются крики кондукторовъ на станціяхъ подземной желѣзной дороги. Вслѣдъ за ними промелькнетъ поѣздъ, чтобы черезъ секунду опять, при новомъ раздающемся крикѣ кондуктора летѣть дальше и дальше и быть замѣненнымъ другимъ и еще другимъ поѣздомъ...“

„Не мудрено, что въ концѣ дня чувствуешь себя въ разстроенномъ положеніи, когда весь день глаза и уши напрягаются до такой степени. Здѣсь почти нѣтъ улицъ, гдѣ бы чувства могли отдохнуть, они постоянно находятся въ натянутомъ состояніи, и это переходитъ даже въ сонъ“...

„Самой не вѣрится“, пишетъ она вскорѣ въ другомъ письмѣ, (отъ 13 октября 1873) „а вамъ можетъ показаться еще страннѣе, что ваша Катя попала въ ужасный Лондонъ, а вѣдь просто можно благодарить судьбу, что мы не погибли по дорогѣ сюда во цвѣтѣ лѣтъ! Два раза въ одну и ту же ночь были страшныя крушенія поѣздовъ, и чуть только не подъ нашимъ носомъ, потомъ бурный переѣздъ по морю“!...

Черезъ нѣсколько дней мы устроились болѣе прочно. Наняли комнатки по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели въ отеляхъ, въ Kerpel-Street, вблизи Британскаго музея у Г-жи Siggers, которую намъ рекомендовали жившіе у нея прежде россияне, гдѣ и получили въ наше распоряженіе двѣ комнаты рядомъ, съ огромными колымагами-постелями, занимавшими большую часть пространства, и на которыхъ въ случаѣ надобности можно было бы уложить цѣлое семейство. Оказалось, что г-жа Siggers старая и очень добродушная дама, далеко уступавшая по своему образованію и развитію любой, вѣроятно, хозяйкѣ меблированныхъ комнатъ Германіи. При этомъ она отличалась вдобавокъ двумя качествами, нестерпимой болтовней, отъ которой, страдала и даже жертвою была моя жена, единственная ее вполнѣ понимавшая. Она постоянно что-то рассказывала о какомъ-то своемъ добромъ двоюродномъ братѣ и о какомъ-то путешествіи, когда мы начали, наконецъ, понимать немного ея англо-ирландскій діалектъ. Сверхъ того Mrs Siggers отличалась большой привязанностью къ джину и рому, что приводило ее часто въ веселое настроеніе, а щеки постоянно покрывало густымъ румянцемъ. Впрочемъ, при ея несомнѣнномъ добродушіи, ладить съ ней было вполнѣ возможно, хотя и не всегда пріятно.

Недѣли двѣ быстро пролетѣли у насъ въ Лондонѣ въ осмотрѣ многочисленныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей, Хрустальнаго дворца и другихъ достопримѣчательностей, которымъ тамъ нѣтъ конца. Наши спутники Черемшанскіе начали настойчиво говорить объ отъѣздѣ и возвращеніи въ милый Гейдельбергъ, гдѣ мы также, подобно имъ, оставили всѣ наши вещи, взявши съ собой только маленькій ручной чемоданъ съ парой бѣлья. Наконецъ, Черемшанскіе въ серъезъ собрались ѣхать во-своеси и при томъ окружной дорогой, черезъ Парижъ. Мы же съ женой, по зрѣломъ размысленіи, рѣшили еще остаться на пару недѣль, какъ выражаются нѣмцы, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, Лондонъ намъ чрезвычайно понравился, и чѣмъ дальше, тѣмъ нравился больше и больше; я начиналъ мало-по-малу сознавать, что Англія наиболѣе подходящая страна, какъ для моего дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія, такъ и занятій финансами, что особенно быстро и блистательно

оправдалось послѣ личнаго ознакомленія съ библіотекой Британскаго музея.

Была и вторая причина не спѣшить намъ изъ Лондона вслѣдъ за Черемшанскими. Тѣ небольшія деньжонки (сто талеровъ), съ которыми я пріѣхалъ, очень быстро подходили къ концу, а между тѣмъ присылки моего третнаго жалованія, падавшего на это время, почему-то не послѣдовало. Я писалъ два раза справки въ Петербургъ, черезъ г. Икорникова въ Министерство, но никакого отвѣта не получилъ. Волей неволей приходилось запастись терпѣніемъ.

Первое время послѣ отъѣзда Черемшанскихъ прошло въ продолженіи тѣхъ же осмотровъ Лондона и разныхъ достопримѣчательностей, но скоро стало надоѣдать, и немного мучила совѣсть, когда же примемся наконецъ за дѣло? Главное дѣло для меня должно было заключаться, конечно, въ писаніи диссертациі, и я давно былъ озабоченъ вопросомъ о выборѣ подходящей темы для того. Два года моихъ занятій въ качествѣ преподавателя статистики въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оставили глубокій слѣдъ въ моихъ вкусахъ и наклонностяхъ въ выборѣ любимыхъ темъ для моихъ занятій въ области народнаго хозяйства: меня всегда особенно здѣсь интересовали вопросы науки, связанные такъ или иначе именно съ промышленностью и торговлей; въ этой же области я (находясь за границей въ такъ называемой профессорской командировкѣ) искалъ для себя темъ по финансовому праву, по которому и долженъ былъ получить ученую степень. Очевидно, мнѣ лучше всего было сосредоточиться поэтому на косвенныхъ налогахъ, непосредственно соприкасающихся съ любимымъ отдѣломъ науки... Чтеніе извѣстной брошюры Лассала, какъ разъ въ это время, о косвенныхъ налогахъ произвело на меня глубокое впечатлѣніе: я захотѣлъ выяснитъ и провѣрить, насколько Лассаль правъ, что эти налоги служатъ какъ бы средствомъ для богатыхъ классовъ перелгать свою финансовую тягость на бѣдные, или малоимущіе классы; я чувствовалъ уже смутно, что такая провѣрка можетъ быть сдѣлана лишь путемъ изученія соотвѣтствующей исторіи какого-либо народа, но какой народъ для этого выбрать и какъ приступить къ дѣлу? Съ нѣмецкой литературой по вопросу я ознакомился изрядно, но никакихъ указаній на надлежащій путь въ работѣ я въ ней не нашелъ.

Когда я пріѣхалъ въ Лондонъ и попалъ нѣсколько позднѣе (что опишу отдѣльно) въ книжную сокровищницу Британскаго музея, въ которомъ попытался ознакомиться по каталогамъ именно съ литературой о косвенныхъ налогахъ, то я былъ буквально пораженъ богатствомъ незнакомой мнѣ литературы, оригинальностью англій-

ской мысли и учреждений и скоро получилъ тамъ больше новыхъ идей о косвенныхъ налогахъ, нежели принесли мнѣ раньше всѣ лекціи и разговоры стараго Рошера. Я письменно устроился тогда съ Черемшанскими въ Гейдельбергъ относительно сдачи своей квартиры и вещей, о которыхъ они тогда предложили позаботиться, и остался въ Лондонѣ всего, вмѣсто двухъ недѣль, около девяти мѣсяцевъ, съ малымъ перерывомъ для поѣздки позднѣе на короткое время въ Мюнхенъ.

Помимо соображеній, такъ сказать, профессиональныхъ о диссертациі, мои вкусы и симпатіи Лондонъ завоевалъ и по другимъ причинамъ. „Трудно себя представить, напримѣръ“, писалъ я въ это время изъ Лондона родственникамъ, „всю затягивающую умственную атмосферу Лондона. Каждый день открываю, могу сказать безъ преувеличенія, новые запасы для мозговой дѣятельности, то книгу, то какое-нибудь наблюденіе, то просто газету. Газеты“, писалъ я, „здѣсь замѣчательны. Можно сказать безъ всякаго парадокса, что тотъ, кто въ Англіи не пожилъ, газетъ не знаетъ и не понимаетъ. Прежде всего онѣ въ высшей степени разнообразны тамъ и богаты содержаніемъ. Есть особенные органы для всѣхъ спеціальныхъ вопросовъ. Напримѣръ, газета, преслѣдующая задачу уничтоженія одного какого-нибудь налога, газета для собирающихся жениться, газеты для нежелающихъ праздновать воскресенья, газеты для атеистовъ одного отѣнка, газета, содержащая только свѣдѣнія объ ужасныхъ убійствахъ, и т. п. газеты, безъ конца. При ихъ множествѣ и богатствѣ содержанія, онѣ стоятъ неимоверно дешево; въ 10 огромныхъ страницъ газетина стоитъ часто лишь 3 копѣйки, и вы получаете извѣстія не только со всего міра, но преимущественно о тѣхъ вопросахъ, которыми интересуетесь и газета посвящена; нужно только взять спеціальную газету. На дняхъ моя жена вѣрно замѣтила, что здѣсь можно получить образованіе, читая только однѣ газеты. Въ воскресенье мы съ ней обыкновенно за газетами и проводимъ весь день, т. к. все заперто, удовольствій и развлеченій никакихъ по воскресеньямъ не допускается, даже почта не дѣйствуетъ, всѣ письма приостанавливаются. Англичанами мы очень довольны, недавно посѣтили здѣсь двѣ коопераціи, одну земледѣльческую, другую—типографію (производительная ассоціація въ огромныхъ размѣрахъ). Вездѣ принимали насъ чрезвычайно любезно, особенно въ первой, надавали книгъ, приложеній, и т. д. Затѣяли переписку съ однимъ здѣшнимъ финансистомъ (ученымъ), который прислалъ немедленно свои сочиненія, и у насъ затѣялся письменный диспутъ о свободной торговлѣ и ея выгодахъ“. На каждомъ его письмѣ стояло, какъ мотто или эпиграфъ, положеніе, выразившее сущность его эконо-

мических возрѣній: „Universal Free-Trade is Universal Peace“, (Всеобщая свободная торговля есть всеобщій миръ)“.

Все вмѣстѣ тянуло, конечно, насъ къ оставленію въ Лондонѣ на продолжительное время. Множество неизвѣстныхъ почти на континентѣ книгъ, особенно изданій разныхъ политическихъ обществъ, посвященныхъ спеціально финансовымъ вопросамъ, напимѣръ „ассоціація финансовыхъ реформъ“, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ оригинальнымъ складомъ англійской жизни и газетами, давало столько умственныхъ импульсовъ, что отъ продолжительнаго пребыванія можно было только ждать великой для себя пользы и еще раньше даже, чѣмъ я познакомился съ богатствомъ библиотеки Британскаго музея, этой лучшей сокровищницей знаній, какую я видѣлъ первый разъ въ жизни.

Но прежде чѣмъ описывать Британскій музей и водвореніе въ немъ, я долженъ вернуться къ одному постороннему, но очень характерному эпизоду моей жизни въ это время. Какъ я упоминалъ раньше, въ концѣ 1873 года мое жалованье или стипендія изъ Министерства не приходило къ сроку, несмотря на мои тщетныя письма и напоминанія Министерству: что была за причина, не понимаю до сихъ поръ, но опозданіе произошло не менѣе, чѣмъ на два мѣсяца, время достаточное, чтобы умереть въ Лондонѣ съ голоду безъ денегъ. Тутъ имѣли мѣсто два факта въ моей жизни, заслуживающіе вниманія. Мнѣ пришло въ голову, не могутъ ли деньги, мнѣ присланныя въ Лондонъ, почему либо быть отправлены въ посольство, не нужно ли мнѣ тамъ справиться, чтобы добиться, наконецъ, полученія и высылки слѣдующаго мнѣ содержанія. И вотъ я ѣду въ посольство, въ которое собственно, по данной мной подпискѣ Министерству, я и обязанъ былъ являться, но первоначально занятъ былъ другимъ и не исполнилъ этого петербургскаго требованія.

Когда я подошелъ къ роскошному дому Chasham House, въ аристократической части города, принадлежащему нашему послу, тогда, кажется, барону Бруннову и попробовалъ пройти мимо важнаго, колоссальнаго роста привратника въ вестибюль посольства, то онъ меня немедленно остановилъ неожиданнымъ вопросомъ: „Вы русскій?“ „Yes“, отвѣтилъ я. „Въ такомъ случаѣ вамъ нельзя войти сюда“. — „Какъ нельзя, почему?“ — „Посоль разъ навсегда принялъ за правило русскихъ сюда не пускать. Если желаете имѣть какую-нибудь надобность до своего правительства, или даже до самого посла, то извольте прислать ваше желаніе письменно, или обратиться къ генеральному консулу въ City, въ другой части Лондона. Здѣсь же вы никоимъ образомъ не можете быть приняты, кромѣ по личному распоряженію посла“. Я былъ въ боль-

шомъ затрудненіи. Сказалъ суровому привратнику, что мнѣ до консула, собственно, дѣла нѣтъ, потому что я не по торговой надобности и не по паспорту, показывалъ даже свой паспортъ, чтобы подтвердить это, но величавый англійскій представитель русскаго посольства отклонилъ рѣшительно всѣ переговоры и твердилъ мнѣ одно только слово: „Но, по, по, по...“

Дѣлать было нечего; тогда я отправился къ русскому священнику, съ которымъ имѣлъ удовольствіе познакомиться, къ извѣстному отцу Евгенію Ивановичу Попову, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ русскихъ, его видѣвшихъ и всѣхъ англичанъ. Я объяснилъ ему мои затрудненія. Онъ мнѣ только подтвердилъ такое распоряженіе. „Мы имѣемъ“, говорилъ онъ, „весьма мало отношенія къ русскому посольству, можно сказать, почти чужды ему. За десятки лѣтъ моего пребыванія въ Лондонѣ были назначаемы главнѣйшимъ образомъ послы только изъ нѣмцевъ, протестантовъ, которые, разумѣется, не могли быть прихожанами нашей православной церкви и бывали у насъ только въ царскіе дни. Вотъ, другое дѣло, если бы вамъ была какая-либо надобность въ Турецкое посольство, я бы могъ легко доставить вамъ всякое въ этомъ случаѣ покровительство отъ моего почтеннаго прихожанина Музурусъ-Паши, родомъ грека, турецкаго паши, болѣе 30 лѣтъ посла въ Лондонѣ. Турецкое посольство и бываетъ у насъ въ церкви очень часто, впрочемъ, обращаясь ко мнѣ, „я знаю одно средство проникнуть вамъ въ настоящее русское посольство. Тамъ недавно получилъ занятіе нашъ причетникъ Орловъ, по письменной части, которато вы, кажется, встрѣчали. Вотъ вамъ моя англійская карточка, отправляйтесь съ ней опять въ посольство и скажите грозному привратнику, что вы присланы мной по надобности церкви къ причетнику, занятому въ канцеляріи, вѣроятно, тогда онъ васъ пуститъ. Можете Орлову объяснить, что вамъ надо на счетъ вашего жалованья“. Такъ я и сдѣлалъ. Былъ допущенъ, впрочемъ, не дальше вестибюля, поговорилъ съ Орловымъ, но, къ сожалѣнію, все-таки, моихъ денегъ въ посольствѣ не оказалось, и мои хлопоты въ данномъ случаѣ оказались напрасны.

Любопытно, что когда я рассказалъ хозяйкѣ нашей квартиры о своей неудачѣ проникнуть въ русское посольство и о рѣшительномъ отказѣ въ приѣмѣ именно только русскимъ, простоватая и неразвитая Mrs Siggers впала въ настоящій ражъ и начала настойчиво мнѣ совѣтовать, чтобы я написалъ и пожаловался на посла своей королевѣ (?), что навѣрное, по ея мнѣнію, будетъ успѣшно—такіе случаи уже бывали, говорила она. Смѣшная англичанка воображала, разумѣется, что всюду сидятъ королевы, одинаково съ

королевой Викторіей, милостиво относящіяся къ жалобамъ своихъ подданныхъ!!.

Единовременно, въ виду того, что у меня деньги вышли и послѣднюю недѣлю приходилось намъ уже жить въ долгъ у *mrs Siggers*, которая добродушно соглашалась ждать денегъ за квартиру, я хлопоталъ о средствахъ изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ, тщетно требовалъ, написалъ цѣлыхъ *девять писемъ* редактору „Русскихъ Вѣдомостей“ Свворцову, чтобы получить 98 рублей, которые мнѣ газета была должна за годъ корреспонденцій изъ Германіи и Швейцаріи въ разное время; письма писалъ сначала вѣжливо и любезно, затѣмъ грубо и невѣжливо, дерзко, настойчиво, просительно и съ угрозами, но рѣшительно ничего не дѣйствовало, и деньги не были присланы! Тогда я вспомнилъ о томъ, что у меня въ Москвѣ существуетъ одинъ близкій пріятель— студентъ Сиверцевъ, и вотъ я послалъ ему письмо съ убѣдительноѣйшей просьбой взыскать эти деньги, которыя не хочеть, мнѣ казалось, выплатить редакторъ „Русскихъ Вѣдомостей“. Прошло недѣли четыре безъ отвѣта. Наконецъ, я получилъ его отъ Сиверцева съ довольно страннымъ содержаніемъ(!?) Во-первыхъ, онъ довольно энергично защищалъ Свворцова отъ упрековъ, увѣряя меня, что онъ вполне честный человѣкъ, не отрицалъ долга и согласился немедленно его уплатить, когда онъ его засталъ, посѣтивши редакцію *пять разъ*, но что затѣмъ, онъ, Сиверцевъ, удивляется, *какъ я могъ къ нему обратиться съ подобнымъ порученіемъ*, ибо долженъ знать его неисправность и слабость въ денежномъ отношеніи и что онъ просить меня написать (хотя ему адресъ мой былъ извѣстенъ), что съ этими деньгами дѣлать, *что онъ ихъ уже издержалъ*, но что скоро получить и по моему распоряженію тогда вышлетъ куда я скажу(?!!).

Такимъ образомъ, благодаря этой русской дружественной исправности, вновь прошло нѣсколько недѣль, пока я, наконецъ, дѣйствительно, несомнѣнно, имѣя дѣло съ честными русскими людьми, получилъ наконецъ свои деньги, но одновременно съ тѣмъ пришло наконецъ и мое запоздавшее жалованье и пришелъ заемъ или точнѣе ссуда, о которой я просилъ въ Россіи у родственниковъ моей жены, и такимъ образомъ наступило настоящее *embarras de richesses*;— „не было полушки и вдругъ алтынъ!!!“.

Я успокоился наконецъ, получивши такимъ образомъ средства, необходимыя для существованія, и рѣшился первѣе всего приступить къ писанію диссертациі. Однажды ко мнѣ зашелъ вышеупомянутый причетникъ Н. В. Орловъ и предложилъ, если желаю, пойти съ нимъ въ читальню Британскаго музея, гдѣ я еще до тѣхъ поръ не былъ. Я охотно отправился; но насъ, какъ не имѣвшихъ вход-

ныхъ билетовъ, допустили лишь по заведенному тамъ порядку только „till Glass“ (до стекла), т. е. до входа въ огромную круглую залу читальни, откуда мы могли видѣть черезъ большое стекло все это превосходное учрежденіе въ нѣсколько этажей, наполненныхъ сверху до низу книгами, со множествомъ столовъ, идущихъ отъ каталоговъ, разставленныхъ концентрическими кругами отъ середины залы, многочисленныхъ открытыхъ шкаповъ, въ уровень зала, для свободнаго, безъ всякаго спроса пользованія всевозможными справочными книгами. Огромный куполъ надъ залой бросалъ свѣта достаточно, несмотря даже на лондонскіе туманы. Зала была наполнена народомъ при относительной въ то же время тишинѣ, располагающей къ занятіямъ (полъ сплошь покрытъ толстымъ резиновымъ ковромъ). Я пришелъ въ восторгъ отъ вида одного только зала и немедленно отправился съ Орловымъ къ секретарю за полученіемъ билета, что, увы, оказалось, требовало длинной процедуры. Билетъ, дающій доступъ въ читальню, обязательно долженъ быть подписанъ какимъ-либо постояннымъ жителемъ Лондона, при чемъ не всѣмъ оказывалось довѣріе; наша пьяненькая *mrs Siggers* не пользовалась имъ, и мнѣ пришлось ради билета ѣздить къ консулу въ *City* за подписью. Женѣ же моей прямо было отказано въ выдачѣ билета *по ея несовершеннолѣтію*. Лица до 21 года доступа въ читальню Британскаго музея не имѣютъ, а ей было всего 18 лѣтъ. Предполагается у англичанъ, что такія лица читаютъ какіе-нибудь пустяки, вродѣ романовъ, наконецъ, вообще не достаточно серьезны, чтобы имъ довѣрить безконтрольно, какъ это дѣлается въ Музеѣ, массу книгъ въ свободное распоряженіе.

И такъ мы были временно разлучены съ женой, я рано утромъ въ девять часовъ отправлялся въ Музей и оставался до закрытія его, что было зимой до 4-хъ часовъ, потому что до изобрѣтенія электричества въ Британскомъ музеѣ только работали при дневномъ свѣтѣ. На полчаса или часъ среди дня, я дѣлалъ перерывъ для обѣда, для котораго сходилъ у входа въ Музей съ женой, а затѣмъ опять разлучался до вечера или точнѣе закрытія Музея. У меня быстро и незамѣтно въ работѣ проходило время. Оказалось, Британскій музей представляетъ такъ много благопріятныхъ условій для занятій, какъ никакая другая бібліотека на свѣтѣ. Несмотря на отсутствіе тогда систематическаго или предметнаго каталога, я находилъ, что искать нужныя и любопытныя сочиненія вовсе не затруднительно въ этой бібліотекѣ. Каждый подобный поискъ былъ самъ по себѣ полезенъ, ибо всегда при этомъ встрѣчались названія новыхъ интересныхъ по заглавію или содержанию книгъ. Чтобы найти одну книгу, я всегда обращался съ пачкой „ticket“-овъ для требованія многихъ книгъ.

Лишь найдя и собственноручно записавши необходимую книгу, гдѣ она стоитъ по каталогу, можно было ее потребовать. Но зато въ Британскомъ музеѣ дозволялось требовать неопредѣленное количество книгъ, а потому, при нѣкоторой привычкѣ къ обращенію съ книгами, работа тамъ является въ высшей степени интенсивной. Въ одинъ день можно просмотрѣть 10 или болѣе вужныхъ книгъ и случайно найти истинное сокровище между ними, чего, при старыхъ системахъ библіотечныхъ требованій только посредствомъ записи книгъ и при исканіи библіотекарями, сдѣлать нельзя.

Огромную выгоду Британскаго музея составляетъ также множество, цѣлыя тысячи справочныхъ книгъ, подъ которыми весьма широко разумѣются всѣ наибавжнѣйшія изданія по всѣмъ отраслямъ человеческого знанія. Сюда одинаково, расположенные систематически входятъ не только всѣ главные учебники всѣхъ наукъ, но и важнѣйшія монографіи, важнѣйшіе журналы и словари буквально всѣхъ языковъ. Всякая справка, требующая въ иныхъ библіотекахъ затраты многихъ дней, здѣсь дѣлается часто въ 10 минутъ или меньше, если только знакомы съ устройствомъ библіотеки достаточно хорошо.

Я съ жаромъ принялся за работу, какъ никогда. Бьющійся около меня сильно пульсъ политической жизни, дебаты парламента, масса памфлетной и брошюрной литературы, изданія многочисленныхъ политическихъ обществъ и богатства, такъ называемыхъ, „Синихъ Книгъ“, все это вмѣстѣ какъ бы объяснило и указало путь и способъ новой работы... Я долженъ, сказалъ я себѣ, изучать исторію англійскихъ косвенныхъ налоговъ, въ связи съ общей экономической исторіей страны, борьбой ея политическихъ партій и спеціально современную литературу предмета. За ранній періодъ я долженъ обратить главное вниманіе на памфлеты, занимавшіе до XVIII столѣтія мѣсто газетъ, а съ конца XVIII—парламентскія пренія.

Усердно просидѣвши съ утра до вечера въ Британскомъ музеѣ, почти 9 мѣсяцевъ, съ однимъ лишь перерывомъ для короткой поѣздки въ Мюнхенъ, о которой будетъ говоритья дальше, я собралъ необходимый матеріалъ для первой части историческаго своего изслѣдованія, а для второй, содержащей современное описаніе организаціи англійскихъ акцизовъ и общіе выводы изъ всей работы вмѣстѣ съ критикой, была подготовлена большая часть.

Къ сожалѣнію, мѣсяца два я вынужденъ былъ работать одинъ, жена мнѣ помогать, при всемъ ея добромъ желаніи, не могла, лишенная возможности посѣщать Музей и, по правдѣ сказать, настроеніе духа иногда у меня было не важное при воспоминаніи о томъ, какъ она, бѣдняжка, проводитъ время съ болтливой m-s

Siggers и воюеть съ мышами, которыхъ оказалось въ нашей комнатѣ, почти совершенной мансардѣ, огромное количество. Ихъ было такъ много, что онѣ безцеремонно днемъ бѣгали по комнатѣ и мебели, а ночью очень часто, какъ я убѣдился въ первый разъ, давали концертъ, испуская какой-то гармоничный пискъ, въ весьма значительномъ количествѣ. Вечеромъ или точнѣе часовъ въ пять, я возвращался домой въ высшей степени усталый отъ напряженнаго труда, такъ что пользоваться обществомъ или помощью жены могъ лишь весьма мало, и дѣло первоначально, слѣдовательно, не могло такъ спориться, какъ бы слѣдовало. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ 21 ноября 1873 года:

„Пишу вамъ, дорогіе мои, пока И. И. легъ отдыхать послѣ долгихъ занятій въ Музеѣ, куда онъ аккуратно ходитъ всякій день утромъ отъ 9 до часу, затѣмъ послѣ обѣда отъ 2 до 4, когда библіотека уже совсѣмъ запирается зимой. Дѣло въ томъ, что мы рѣшили остаться въ Лондонѣ на всю зиму; онъ сильно принялся за подготовку диссертациі“ (въ слѣдующемъ письмѣ она знакомитъ своихъ родныхъ съ самымъ характеромъ моей работы); „весь день почти мы съ нимъ не видимся, только обѣдать я захожу за нимъ, затѣмъ онъ опять меня покидаетъ и прямо съ обѣда идетъ въ Музей, и только вечеромъ уже сидимъ дома, но и тутъ все жалуется, занятый купленными книгами, что я его отвлекаю отъ чтенія, и собирается меня шутя „отослать къ родителямъ“!? Со вчерашняго дня мы наняли англійскаго учителя для практики языка мужу, который будетъ ходить три раза въ недѣлю. Что же касается меня, то я себя чувствую здѣсь столь же дома, сколько въ Германіи; не имѣю рѣшительно никакого затрудненія въ языкѣ, объясняюсь порядочно, вполне все понимаю. Я знала, что недоставало только пожить мѣсяцъ между англичанами, чтобы наторѣться въ говорѣ. Впрочемъ, теперь меньше имѣемъ дѣло съ англичанами, потому что ходимъ обѣдать въ нѣмецкій ресторанъ (клубъ нѣмецкихъ лакеевъ(!?)—Deutscher Kellner-Verein, по шиллингу обѣдъ въ пять блюдъ). Для меня хорошую практику составляетъ хозяйка, которой я потому и не посылаю лишь къ чорту, хотя иногда она такъ сильно надоѣдаетъ своей родословной, своими безконечными рассказами по поводу перваго встрѣчнаго предмета или человѣка!! Наша жизнь здѣсь, какъ Вы уже замѣтили изъ моихъ письменныхъ рассказовъ, очень оригинальна. Живемъ въ огромномъ городѣ, между тѣмъ занимаемъ крошечную мансарду, въ которой, что ни повернуться, все что-нибудь задѣнешь. Ежедневно видимъ массу людей, между тѣмъ знакомыхъ ни души не имѣемъ, но я тѣмъ не менѣе полюбила и эту маленькую комнатку, и это людное уединеніе, потому что вижу,

какъ наше пребываніе здѣсь полезно мужу и интересно для меня. Моя цѣль познакомиться въ эти мѣсяцы поближе съ англійской литературой, почему все мое чтеніе исключительно на англійскомъ языкѣ“... „На дняхъ“, пишетъ она дальше, „мы отправляемся на митингъ ассоціаціи рабочихъ, куда насъ обѣщаль провести директоръ одного кооперативнаго общества m-r Greening, къ которому мы обращались за свѣдѣніями относительно устройства и положенія этого общества. Онъ милый очень человѣкъ, и такъ какъ пользуется большимъ значеніемъ въ своей партіи кооператоровъ, то всего лучше можетъ удовлетворить любопытство мужа. Замѣчательно, до какой степени здѣсь развита общественная и политическая жизнь, какъ она проникаетъ во всѣ скромные слои общества“...

Написавъ эти строки своего письма о m-r Greening'ѣ и о посѣщеніи въ будущемъ конференціи рабочаго общества, жена не предвидѣла, какое великое удовольствіе и благо для нея скоро готовится отъ этого самого Грининга. Вслѣдствіе маленькаго ея нездоровья мы убоялись ѣхать очень далеко на другой конецъ Лондона на вышеозначенное засѣданіе и написали извиненіе Greening'у. На другой день во время моихъ занятій въ музеѣ, къ моему удивленію, ко мнѣ подошелъ служитель бібліотеки, уже знавшій мое имя, безобразно исковерканное въ m-r „Дженджель“ и объявилъ, что меня спрашиваютъ какіе-то господа, желающіе меня видѣть, въ передней комнатѣ музея. Я немедленно вышелъ и, къ великому моему изумленію, нашелъ свою супругу въ обществѣ m-га Грининга, который былъ настолько любезенъ и обязателенъ, что, въ виду нашей ссылки на болѣзнь жены и отсутствія въ засѣданіи, пріѣхалъ лично узнать о ея здоровьѣ и выразить сочувствіе. Заставши ее совсѣмъ удрученной отъ нескончаемой болтовни m-s Siggers, онъ спасъ ее, предложивши отправиться съ визитомъ ко мнѣ въ Британскій музей.

Узнавши, что я еще не видалъ, откуда получаю заказанныя книги, онъ немедленно вызвалъ одного изъ главныхъ бібліотекарей, своего, кажется, хорошаго пріятеля, и тотъ провелъ насъ по внутренности бібліотеки, объясняя ясно и досканально все устройство и организацію размѣщенія книгъ, отпуска ихъ, разборки, и т. д. Въ заключеніе, насъ провели въ русскій отдѣлъ, гдѣ познакомили съ m-r Рольстеномъ, главнымъ бібліотекаремъ славянскаго отдѣленія (котораго, впрочемъ, я видѣлъ одинъ разъ раньше, какъ объясню далѣе), m-r-омъ Накэ, его замѣнившимъ впослѣдствіи, очень юркимъ польскимъ евреемъ и нѣсколькими другими бібліотекарями изъ внутреннихъ отдѣленій музея.

Когда m-r Greening съ нашихъ словъ передалъ имъ выраженіе нашего сожалѣнія, что мы съ женой разлучены цѣлый день, и она

не можетъ мнѣ помогать, какъ бы хотѣла, благодаря строгому ригоризму правилъ, недопускающихъ несовершеннолѣтнихъ для работы, всѣ присутствующіе бібліотекари немедленно вошли въ нашъ интересъ, усѣлись вокругъ стола, сочинили и написали совмѣстно прошеніе со своими подписями и ручательствомъ, къ главному „Опекуну“, какъ ихъ называютъ,—„Trustee“ Британскаго музея, о необходимости сдѣлать въ данномъ случаѣ изъятіе и жену не разлучать съ мужемъ. Благодаря такимъ образомъ любезности англичанъ, вовсе не формалистовъ, когда для этого есть достаточно вѣскія основанія и въ особенности, любезности Грининга, такъ мало насъ знавшаго, мы опять соединились съ женой на пѣлый день и начали вмѣстѣ успѣшно работать, при чемъ работа пошла вдвое скорѣй и болѣе весело. По моему указанію, жена прочитывала и дѣлала конспекты разныхъ книгъ, выписки или переводы, смотря по специальности книги, часть же времени посвящала всецѣло на свое собственное чтеніе и образованіе; какъ увѣряла потомъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ въ Британскомъ музеѣ она прочла больше, чѣмъ всю свою жизнь внѣ его.

Вотъ образецъ ея описанія музея за первый день полученнаго разрѣшенія, въ ея письмѣ къ матери отъ 16 января 1874 года: „Съ понедѣльника“, пишетъ она, „я хожу съ мужемъ въ музей, гдѣ занимаюсь изученіемъ и краткимъ изложеніемъ дѣятельности Вальполя, англійскаго министра въ XVIII столѣтіи. Папашѣ интересно будетъ знать, что предметомъ своей диссертациі И. И. избралъ исторію акциза въ Англіи (преимущественно акцизъ на вино и водку, такъ что я называю теперь его диссертацию диссертацией о водкѣ или водочной диссертацией). Матеріала куча; въ музеѣ можно найти всевозможныя книги, и старыя и новыя, заниматься тамъ отлично. Зала необычайна по своей величинѣ и красотѣ, все прекрасно приспособлено для занятій. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя заказываютъ, вся стѣна зала, которая имѣетъ круглую форму, уставлена разными справочными книгами, исторіями, атласами, всевозможные журналы, всѣ классическія литературныя произведенія и т. д. Въ промежутокъ времени стоитъ только сдѣлать два шага, можно безъ спросу брать любую изъ этихъ книгъ“.

„Позанявшись утромъ акцизомъ, я послѣ обѣда посвящаю обыкновенно на чтеніе журналовъ и книгъ общаго интереса. Въ эти нѣсколько дней я уже чтеніемъ приобрѣла много свѣдѣній, не говоря уже о наслажденіи, которое испытывала, узнала, напримѣръ, о современномъ норвежскомъ писателѣ, о которомъ до сихъ поръ никогда не слыхала. Познакомилась съ португальской литературой эпохи возрожденія, прочла большой отдѣлъ книгъ по разнымъ со-

ціальнымъ вопросамъ. Между прочимъ статьи объ образованіи дѣвочекъ, объ образованіи женщинъ, ихъ способность къ политической дѣятельности, написанныя очень интеллигентной женщиной, женой извѣстнаго политико-эконома, профессора Фоссета, которымъ теперь занимается мой мужъ, и т. д. и т. д. Дома я читаю свои книги, романы Вальтеръ-Скотта, какъ легкое чтеніе, а какъ занятіе, политическую экономію Милля, или перечитываю англійскую исторію, а въ воскресенье читаю съ мужемъ газету „Examiner“ и „National Reformer“, которыя всегда оставляютъ въ головѣ не только кучу новыхъ свѣдѣній, но ясное пониманіе ихъ, возвышая умъ и душу своимъ благороднымъ направленіемъ; „какъ досадно“, восклицаетъ она, „что вы не знаете англійскаго языка, а то пріятно было бы дать вамъ прочесть всѣ эти журналы въ Россіи. Даже въ самыхъ обыкновенныхъ газетахъ нерѣдко появляются замѣчательныя статьи, которыя мы обыкновенно вырѣзываемъ и сохраняемъ. Такимъ образомъ вы видите, все время у насъ проходитъ въ работѣ, а работается весело“!!

„Англичанами и англійскими устройствами мы все больше и больше восхищаемся, если бы не дороговизна, которая заставляетъ насъ за хорошую цѣну имѣть скверную конурку, экономить, воздерживаться отъ лишняго стакана пива (почему И. И. вѣрно и выбралъ этотъ предметъ для диссертациі; Вы увидите, онъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ сильно нападать на акцизъ спиртныхъ напитковъ, дѣлающихъ ихъ столь дорогими, что онъ отъ водки совсѣмъ отказался, пива же выпиваетъ лишь одинъ маленькій стаканъ за обѣдомъ); и такъ, если бы не дороговизна, а также полный недостатокъ своего общества, то здѣсь было бы, право, какъ нельзя лучше жить!?!“ Тотъ же вопросъ о недостаткѣ общества, часто конечно, не смотря на дѣятельную рабочую жизнь, приходилъ намъ въ голову и въ нѣсколькихъ нашихъ письмахъ къ роднымъ за это время встрѣчаются шутилывыя выраженія, напримѣръ, при встрѣчѣ новаго 1874 года, что „мы тутъ, *отшельникъ съ отшельницей*, встрѣчаемъ новый годъ въ лондонской пустынѣ“, и дѣйствительно это наше первое пребываніе въ Лондонѣ, съ начала октября по конецъ марта, прошло всецѣло за трудной и спѣшной работой, безъ всякаго почти развлеченія и общества и самыми жалкими матеріальными средствами. Такъ какъ моя молодая супруга вела тогда счеты обратно съ послѣдующимъ чрезвычайно аккуратно, то вычислила и сообщила мнѣ, что въ январѣ мѣсяцѣ, напримѣръ 1874 года, при переводѣ на русскую валюту, мы издержали въ Лондонѣ вдвоемъ на все существованіе, включая покупку книгъ и газетъ, молоко для жены и табакъ для меня, всего лишь 71 рубль, что, конечно, нельзя не считать очень скромнымъ???!!!

*

Всѣ письма, которыя я получалъ въ это время изъ Москвы.. сообщали мнѣ въ сущности одно и то же: необходимость возвращаться домой непременно съ диссертацией, если я хочу устроить свою университетскую участь должнымъ образомъ. „Пишите и пришлите“, что относилось къ диссертации, получалъ я отъ всѣхъ благопріятелей, почему и напрягалъ всѣ силы свои, а жена свою помощь, чтобы довести работу до ближайшаго окончанія. Одно время меня обезпокоилъ слухъ изъ Москвы о новыхъ выборахъ на пять лѣтъ моего патрона Мильгаузена, который такъ категорически заявилъ мнѣ въ свое время, что онъ уже кончаетъ службу и будто бы выбираться не будетъ. Произошло какъ разъ наоборотъ. Молодой, относительно, Бабстъ вышелъ въ отставку, сдѣлавшись управляющимъ Московскаго купеческаго банка, и Чупровъ спѣшно былъ приглашенъ начать чтеніе лекцій въ 1874 году въ качествѣ преподавателя. Мильгаузенъ же наоборотъ остался еще на пять лѣтъ. Впрочемъ профессоръ Соколовъ, секретарь факультета, дружелюбно ко мнѣ расположенный, очень скоро, тоже въ ноябрѣ 1873 года, успокоилъ меня на счетъ этого обстоятельства. Вотъ выдержка изъ его письма по этому поводу:

„Очень радъ слышать, что ваши занятія по диссертации идутъ успѣшно и къ августу будущаго года будутъ окончены. Это обстоятельство очень важное, и отъ него главнымъ образомъ будетъ зависеть разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые васъ озабочиваютъ, и на которые я могу дать вамъ такой отвѣтъ, основываясь на соображеніи извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ:

„Вопросъ о мѣстѣ для васъ при нашемъ университетѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ, т. е. отъ вашей диссертации, и рѣшается очень просто. Факультетъ въ настоящее время не имѣетъ недостатка въ свободныхъ вакансіяхъ профессуръ, и только бы имѣлись на лицо люди, признаваемые за достойныхъ и способныхъ, онъ не затруднится съ представленіемъ о назначеніи ихъ. Въ частности ваше положеніе, при наличности вышеуказанныхъ предположеній, не представляетъ на мой взглядъ никакихъ затрудненій. Пусть Камаровскій читаетъ съ осени международное право, пусть Мильгаузенъ продолжаетъ читать финансовое право; и при этихъ комбинаціяхъ для васъ можетъ найтись дѣло и мѣсто. Каѳедра финансоваго права, по уставу, подраздѣляется на двѣ части: а) теорія финансовъ и б) русское финансовое право, распредѣленіе ихъ между двумя лицами и возможно и желательно. Слѣдовательно, вамъ нужно только приобрести *jus ad rem*, т. е. изготовить и представить диссертацию, и тогда факультетъ получитъ возможность дѣйствовать для предоставленія Вамъ *jus in re*. Я не говорилъ объ этомъ въ

факультетѣ и въ настоящее время нахожу это совершенно излишнимъ, но когда придетъ нужное для того время и надобность, я буду говорить и увѣренъ, что никакихъ затрудненій въ существѣ вопроса не представится. И такъ, мой совѣтъ—спокойно вести работу по диссертациі, окончить ее къ августу и явиться съ нею къ намъ. Частнымъ образомъ я буду вскорѣ говорить о васъ съ Мильгаузенемъ, и каковы бы ни были его намѣренія относительно своей службы при Университетѣ (кажется, въ будущемъ году срокъ его пятилѣтія и новой баллотировки), въ нихъ, я полагаю, не найдется затрудненій для васъ. Пишите диссертацию“...

„Вопросъ о печатаніи ея удобнѣй будетъ разрѣшить здѣсь на мѣстѣ, когда она уже изготовлена. Ваше личное здѣсь присутствіе съ диссертацией будетъ всего важнѣй. Выводъ опять одинъ и тотъ же: пишите диссертацию! Была бы готова—напечатаютъ“.

Къ этому времени упорнаго сидѣнія моего и работы въ Британскомъ музеѣ относится знакомство мое съ однимъ изъ моихъ дорогихъ друзей въ будущей жизни въ Московскомъ университетѣ, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Я его увидалъ въ первый день моего посѣщенія Музея вмѣстѣ съ причетникомъ Орловымъ, о чемъ говорилъ выше. Познакомился же съ нимъ черезъ нѣсколько дней по очень простой причинѣ. Встрѣтивши какія-то затрудненія вначалѣ въ поискахъ за книгами и въ расположеніи каталоговъ музея, я обратился, согласно обычаю, къ такъ называемому „суперинтенденту“, т. е. старшему библіотекарю, надзирающему въ читальнѣ за всѣмъ порядкомъ и ходомъ дѣла. Тотъ, видя, что я еще плохо выражаюсь по-англійски, немедленно вызвалъ изъ внутренняго помѣщенія библіотеки извѣстнаго ученаго по славянскимъ языкамъ, мнѣ уже знакомаго Рольстона. Рольстонъ немедленно, со своей стороны, предложилъ меня познакомить, какъ онъ заявилъ, съ моимъ соотечественникомъ, здѣсь въ читальнѣ постоянно занимающимся и хорошо знакомымъ со всѣми порядками библіотеки, профессоромъ Стороженко, что немедленно и исполнилъ. Такимъ образомъ я познакомился впервые съ моимъ будущимъ товарищемъ и близкимъ другомъ, смерть котораго я до сихъ поръ оплакиваю, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Мало встрѣчается на свѣтѣ такихъ добрыхъ, жизнерадостныхъ, веселыхъ и остроумныхъ людей, какъ онъ. Въ его обществѣ и присутствіи нельзя было буквально скучать или, тѣмъ болѣе, грустить. Постоянныя шутки и остроты самаго безобиднаго характера сыпались у него какъ изъ рога изобилія. При этомъ огромномъ чисто малороссійскомъ юморѣ, Николай Ильичъ отличался большимъ умомъ, большими свѣдѣніями въ литературѣ и удивительной памятью, особенно на стихотворенія. При случаѣ онъ

выпалывалъ цѣлыя страницы стихотвореній кого-либо изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ и рѣшалъ этимъ, или давалъ извѣстную постановку тому или иному вопросу и при томъ въ такомъ блестящемъ видѣ, что уже дальнѣйшіе споры по этому поводу не могли имѣть мѣста.

Въ концѣ 80-хъ годовъ я написалъ, напимѣръ, и прочелъ публичную лекцію сначала въ Москвѣ и повторилъ ее потомъ въ Петербургѣ, о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англии среди молодого образованнаго университетскаго общества. Молодые люди во главѣ со стариками, вродѣ профессора Рёскина, и другими шли къ бѣднякамъ рабочимъ въ восточномъ Лондонѣ, поселялись между ними и своимъ усерднымъ трудомъ и примѣромъ старались поднять и улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ и сдѣлать ихъ болѣе довольными своимъ существованіемъ. Эти лекціи впоследствии были мною напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ подъ именемъ: „Практическая филантропія въ Англии“ и собраны вмѣстѣ въ моей книгѣ: „Въ поискахъ къ лучшему будущему“ (2 изданіе 1908 г.): Н. И. Стороженко, присутствовавшей на этой лекціи, видя и раздѣляя энтузіазмъ публики, очень довольный этимъ чтеніемъ, немедленно обратился ко мнѣ въ антрактѣ съ предложеніемъ къ этой лекціи избрать эпиграфомъ одно французское стихотвореніе въ русскомъ переводѣ, по его мнѣнію наиболѣе подходяще выражающее основныя мысли всего содержанія. Этотъ эпиграфъ, который, къ моему удивленію, черезъ много лѣтъ я встрѣтилъ нечаянно повтореннымъ въ „На днѣ“ Максима Горькаго, былъ къ сожалѣнію выброшенъ редакторомъ по цензурнымъ соображеніямъ, и статья появилась безъ него. Стороженко цѣликомъ, тутъ же въ антрактѣ, продиктовалъ мнѣ въ нѣсколько минутъ этотъ любопытный и очень удачный эпиграфъ вступленія къ этой лекціи:

„Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.
Если бъ завтра землѣ нашей путь
Освѣтитъ наше солнце забыло,
Завтра жъ цѣлый бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь!..“

Эта находчивость, остроуміе и постоянно почти веселое ровное настроеніе духа бодрило всѣхъ присутствующихъ и составляло исключительную особенность покойнаго Стороженки. Послѣ начала нашего знакомства черезъ Рольстона, надъ которымъ милый мало-

россь немало подшучиваль, увѣряя, что онъ потому къ нему имѣть большую симпатію, что одинаково съ нимъ обладаетъ краснымъ носомъ, указывающимъ на известную будто бы слабость (хотя, наоборотъ, въ дѣйствительности Стороженко былъ человѣкъ очень умѣренный по части выпивки), мы начали весело, бокъ-о-бокъ работать въ музеѣ втроемъ (жена къ новому году—въ 1874 году,—была допущена въ читальный залъ), и время проходило совершенно незамѣтно, а результаты получились для работы самые плодотворные. Каждый лишній день открываль намъ прекрасную душу Николая Ильича и способствовалъ большому между нами сближенію. Вотъ что, на примѣръ, писала о немъ моя жена своимъ родителямъ, нѣсколько позднѣе, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1874 года: „Мнѣ помѣшалъ немедленно вамъ писать своимъ приходомъ Стороженко, нашъ новый знакомый, московскій профессоръ исторіи и литературы; славный онъ человѣкъ, безконечно добрый и общительный, просидѣлъ въ нашей конуркѣ весь вечеръ, все болталъ о разныхъ матеріяхъ. Если придется удобный случай, я васъ непременно съ нимъ познакомлю въ Москвѣ. Впрочемъ, тамъ его пожалуй не поймашь, у него куча знакомыхъ и между ними много дамъ, которыя, я могу себѣ представить, не подѣлять его между собой. Какъ видите, мы теперь не такъ живемъ уединенно, какъ въ началѣ, хотя такъ же скромно въ отношеніи квартиры и ѣды. Небольшое знакомство, впрочемъ, которое у насъ началось, вовсе не служитъ помѣхой нашимъ занятіямъ; оно, напротивъ, лишь доставляетъ необходимую рекреацию для ума и сердца. Изъ музейскихъ часовъ, т. е. промежуткомъ между 9 часами утра и 6 вечера (съ начала весны) мы никогда не позволяемъ себѣ ничего просрочивать. Только вчера позволили себѣ въ первый разъ пропустить цѣлый день и посветили его на Хрустальный Дворецъ, который, къ сожалѣнію, какъ большая часть музеевъ въ Лондонѣ, открытъ только въ будніе дни. Все это было бы ничего, лишь бы только поскорѣй устроиться...“

Чѣмъ болѣе времени проходило, и главная наша работа на диссертацию подвигалась, тѣмъ больше въ то же время закрадывалось невольное сомнѣніе о будущемъ и о томъ, какъ устроимся впереди.

Въ письмѣ къ матери жена моя пишетъ, на примѣръ, въ это время, въ іюнѣ 1874 года: „Дѣло въ томъ, что мы начинаемъ сильно беспокоиться на счетъ мѣста, съ тѣхъ поръ какъ узнали отъ прѣхавшаго сюда одного московскаго профессора, что Мильгаузенъ, котораго мужъ долженъ былъ замѣнить, снова выбранъ и остался еще на пять лѣтъ. Правда, намъ писалъ Соколовъ, что хотятъ учредить вторую финансовую кассандру, но это еще не вѣрно, и во всякомъ случаѣ это будетъ кассандра по русскимъ финансамъ, такъ

что И. И. придется читать предметъ, которымъ онъ мало занимался, а теперешніе его труды не получаютъ непосредственнаго приложенія. Изъ всего этого, главное, обидно, что всѣ эти новости мы узнали со стороны, а что тѣ люди, которые должны были бы, кажется, чувствовать нѣкоторую отвѣтственность, такъ какъ сами обнадѣжили мужа, тѣ молчать, какъ ни въ чемъ не бывало... Мы, конечно, надежды вполнѣ не теряемъ, но обидно будетъ, если придется искать мѣста не въ Москвѣ. Я съ нетерпѣніемъ жду, какъ это все рѣшится? И. И. работаетъ, кажется, какъ нельзя больше, и за нимъ дѣло не должно бы постоять“.

Любопытно, что въ то же время у насъ начало появляться съ женой впервые, несмотря на всю усердную работу и удовольствія и культуру англичанъ, нѣкоторое Heimweh, тоска по родинѣ, которая чаще и чаще сказывалась въ нашихъ письмахъ, между прочимъ и въ письмахъ жены къ ея родителямъ, которая съ дѣтства (съ 12 лѣтъ) не видала Россіи, оставаясь безвыѣздно на воспитаніи въ Дрезденѣ. Такъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ ея отъ 13 іюня 1874 г. она пишетъ по поводу извѣстія объ ея братьяхъ, уже вернувшихся домой, слѣдующія замѣчательныя строки: „Я по правдѣ сказать не вѣрю, чтобы мальчики“, какъ она довольно смѣло называетъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ по крайней мѣрѣ гораздо старше ея, а другой былъ почти ровесникомъ, „мало интересовались всѣмъ русскимъ. Мнѣ кажется, я, послѣ того какъ осмотрѣла нѣсколько европейскихъ столицъ, все-таки съ особеннымъ чувствомъ буду проходить черезъ простую русскую деревню. Оттого ли, что женская натура больше живетъ чувствомъ, я сохранила глубокое, хотя и смутное воспоминаніе о картинахъ дѣтства и боюсь, что расплачусь при первыхъ звукахъ русскаго народнаго языка(!). Много я видѣла хорошихъ странъ и вотъ теперь живу въ самомъ центрѣ цивилизаціи, гдѣ поминутно восхищаюсь успѣхами человѣчества, а внутреннее чувство все-таки тянетъ куда-то къ себѣ, въ свою родину, въ свой домъ, къ своимъ роднымъ. Чувство это такъ сильно, что когда предположишь возможность, что никогда не попадешь отсюда въ Россію. или, что какое-нибудь неожиданное обстоятельство задержать наше возвращеніе, то замираетъ сердце, и чувствуешь себя такъ же, какъ во снѣ, когда видишь близкаго человѣка, хочешь къ нему подойти, но увы, ноги околѣбли и не можешь сдвинуться съ мѣста...“!! „Иногда мнѣ кажется, что я не переживу выѣзда въ Россію и радостной встрѣчи со всѣми. Но вы, впрочемъ, пожалуй скажете, что я фантазирую, и я начинаю раскаиваться, что это написала“....

Я долженъ въ настоящее время нѣсколько вернуться назадъ въ хронологическомъ отношеніи, къ веснѣ 1874 года, къ общему ходу

нашихъ съ женой занятій въ стѣнахъ Британскаго музея. Въ мартѣ значительная часть матеріала для диссерталіи была собрана, о чемъ я особенно и заботился, такъ какъ писать можно было бы вездѣ. Въ то же время лондонская дороговизна и особенно недостаточное питаніе и жизненная обстановка становились нестерпимы, послѣ полугодичнаго пребыванія. Иногда приходилось мнѣ прерывать свое куреніе, женѣ отказываться отъ молока къ чаю и все-таки не всегда удавалось сводить концы съ концами, какъ было въ январѣ. Кромѣ того нѣкоторыхъ важныхъ нѣмецкихъ книгъ для исторіи Англіи я не могъ найти въ Лондонѣ. Все это вмѣстѣ привело за собой мысль покинуть Лондонъ и дописывать диссертацию въ другомъ мѣстѣ. Списавшись, помню, по этому поводу съ А. И. Чупровымъ, который раньше меня былъ въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, я остановился на мысли переселиться въ Мюнхенъ, Hof-Bibliothek котораго Чупровъ особенно хвалилъ, отмѣчая также и тамошнюю дешевизну жизни. И вотъ мы рѣшили переселиться изъ Лондона въ Мюнхенъ и пробыть тамъ до августа, срока нашего возвращенія восвояси, на родину.

Я не буду описывать нашей обратной дороги въ Германію, которая прошла благополучно, хотя была интереснѣй нашего стараго путешествія. Мы приѣхали сначала въ тотъ же Гейдельбергъ съ нашими вещами, но только окружнымъ путемъ черезъ Парижъ, гдѣ пробыли всего нѣсколько дней, при чемъ послѣ продолжительной жизни въ Лондонѣ и нѣсколькихъ англійскихъ привычекъ къ нашему собственному удивленію, Парижъ намъ не понравился и показался вовсе не блестящимъ и шумнымъ городомъ, какъ приличествуетъ столицѣ. Насъ поразили, помню, въ это короткое пребываніе въ Парижѣ, лишь двѣ черты: необыкновенно изящный вкусъ французъ во всемъ и про все, начиная съ украшеній лавокъ и магазиновъ и кончая костюмами женщинъ и затѣмъ сравнительная дешевизна съ Лондономъ, понятіе впрочемъ очень относительное, такъ какъ на дурно приготовленномъ англійскомъ продовольствіи я былъ сытъ, а на хорошемъ парижскомъ я все время чувствовалъ себя голоднымъ!!!

Въ Гейдельбергѣ мы застали большую знакомую компанію русскихъ, встрѣтившихъ насъ съ распростертыми объятіями, и пробыли тамъ, при хорошей къ счастью погодѣ, въ срединѣ марта около недѣли, забрали весь свой обширный багажъ, хранившійся у Розенберга и Черемшанскихъ, и отправили его малою скоростью на Мюнхенъ. Большая компанія пріятелей провожала насъ на бангофъ съ наилучшими пожеланіями скорѣй видѣться, что къ сожалѣнію относительно многихъ не осуществилось на цѣлые годы.

Выѣхавши вечеромъ изъ Гейдельберга при хорошей погодѣ, мы пріѣхали въ Мюнхенъ рано утромъ, при чемъ снѣгъ валилъ какъ среди зимы, и всѣ улицы наполнены были сугробами, что насъ очень сразу огорчило. Нашъ единственный пріятель, жившій въ Мюнхенѣ, Макаровъ подтвердилъ намъ свѣдѣнія Чупрова о дешевизнѣ Мюнхена, сравнивая съ Лондономъ, въ чемъ мы впрочемъ убѣдились скоро сами, а равно и въ томъ, что насколько начали лучше питаться, настолько же, увы, проиграли, оставивши Лондонъ, въ своихъ научныхъ интересахъ. На другой же день я отправился въ Государственную библіотеку, чтобы получить въ нее доступъ. Оказалось, какъ намъ, впрочемъ, раньше говорилъ Макаровъ, что тамъ собственно заниматься нельзя, вслѣдствіе дурного и неприспособленнаго помѣщенія, въ это время при томъ очень холоднаго, и что надо брать книги на домъ, для чего обязательно требуется рекомендація. На мой запросъ въ библіотекѣ, какую рекомендацію могу представить, старшій библіотекаръ отвѣтилъ мнѣ: „Конечно, вашего посольства“. Отправился туда (посланникомъ нашимъ, на сколько помнится, былъ тогда г. Озеровъ). На мою просьбу дать мнѣ рекомендацію для полученія книгъ секретарь посольства отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „Почемъ оно меня знаетъ?“ При этомъ, какъ я слышалъ изъ громкаго разговора секретаря, очевидно, съ посломъ въ сосѣдней комнатѣ, поставленъ былъ вопросъ о моей доброкачественности, съ какой стати они будутъ ручаться, когда я каждую минуту могу съ книгами уѣхать изъ Мюнхена, а имъ отвѣчать?! На всѣ мои настоянія и просьбы дать мнѣ возможность заниматься, отвѣчали рѣшительнымъ „нѣтъ“ и выдали только свидѣтельство, что по паспорту я значусь такимъ-то, что было совершенно бесполезно, ибо, какъ извѣстно, въ иностранномъ паспортѣ имѣется и безъ того страница на нѣмецкомъ языкѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, главный библіотекаръ Hofbibliothek отвѣчалъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ выдавать книги. „Не могу я“, резонно говорилъ онъ, „вѣрить Вамъ, когда вамъ не вѣритъ ваше посольство“?! Мнѣ оставалось отправляться назадъ въ Лондонъ. Вѣроятно по моему лицу было замѣтно большое огорченіе, если секретарь (посла я не видалъ все время въ глаза) спросилъ меня, нѣтъ ли у меня кого-нибудь знакомаго изъ мѣстныхъ жителей? На что я ему рѣшительно отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда библіотекаръ, спасибо ему хоть за это, посоветовавшись съ кѣмъ-то, предложилъ мнѣ, какъ послѣднее средство, внести залогъ и вотъ, будучи въ весьма тѣсныхъ матеріальныхъ условіяхъ, я долженъ былъ внести что-то въ родѣ 30 гульденовъ, сумму для меня большую, которая должна была постоянно лежать въ библіотекѣ до отъѣзда, а мнѣ

отпускалось за нее по рѣшенію бібліотекаря всего лишь пять книгъ.

При новыхъ условіяхъ очень неудобныхъ пришлось мнѣ продолжать свою работу надъ диссертацией въ Мюнхенѣ. Я имѣлъ прекрасную, сравнительно съ Лондонской, комнату около англійскаго и общественнаго сада въ Мюнхенѣ, съ хорошимъ воздухомъ, сытной, если не вкусной пищей, чрезвычайно дешевый напитокъ въ видѣ превосходнаго пива, и т. д., но, увы зато полное препятствіе къ успѣшному занятію. Вскорѣ оказалось, что система выдачи составляетъ въ бібліотекѣ большое зло на практикѣ, что въ Британскомъ музеѣ было невозможно. Я получалъ часто отвѣты, что такой-то книги у нихъ нѣтъ, потому что она читается или совсѣмъ ея нѣтъ, чего я провѣрить былъ лишень возможности, а впоследствии оказывалось, она есть и была не найдена лишь по небрежности бібліотекаря. Двѣ, три недоставшихъ мнѣ нѣмецкихъ книги по исторіи XVII вѣка въ Англіи я, конечно, прочелъ очень быстро; затѣмъ пришлось обратиться къ тѣмъ же англійскимъ и особенно къ безконечному многотомному „Parliamentary Debates“ изъ многихъ тысячей томовъ. Я уже просмотрѣлъ съ помощью жены въ Британскомъ музеѣ нѣсколько сотъ томовъ этого изданія и выписалъ изъ нихъ все важнѣйшее по акцизу, но у меня оставалось за XVIII—XIX вѣкъ еще болѣе сотни непросмотрѣнныхъ томовъ и, если въ Англіи я имѣлъ возможность, съ помощью жены, перелистовать въ одинъ день 20 томовъ, то въ Мюнхенѣ можно было это же сдѣлать, и то не всегда, съ двумя, тремя, при общемъ числѣ пяти забранныхъ книгъ. Слѣдовательно, для одного только Parliamentary Histories, принимая во вниманіе большія выписки изъ нея, мнѣ понадобилось бы, расчелъ я, нѣсколько мѣсяцевъ. Очевидно я не могъ долѣе при этихъ условіяхъ оставаться въ Мюнхенѣ и работать съ успѣхомъ, чтобы кончить диссертацию до августа. Что же дѣлать? Какъ быть? Ѣхать въ Вѣну? Но тамъ бібліотека была гораздо хуже, по словамъ Чупрова, и даже въ Берлинѣ въ то время бібліотека была въ меньшихъ размѣрахъ, нежели въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль занятія и размышленія, я невольно пришелъ къ заключенію о необходимости покинуть Мюнхенъ, и какъ ни жалко, съ первыми пароходами по Рейну пришлось возвратиться въ Лондонъ съ его худыми матеріальными условіями.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ и полуторамѣсячнаго пребыванія въ Мюнхенѣ, я оставилъ цѣлый большой ящикъ своихъ книгъ, накопившихся за двухлѣтнее пребываніе за границей, у одного пріятеля въ Мюнхенѣ съ просьбой ихъ нѣсколько позднѣе выслать малой скоростью въ Москву на имя профессора Соколова, который на

то согласился, дабы избѣжать всѣхъ мытарствъ и мукъ съ цензурой, увы, не предвидя, что къ этимъ мытарствамъ присоединятся еще совершенно неожиданно мытарства таможенныя, о которыхъ я не догадывался и въ свое время разскажу. Затѣмъ, самолично я довольно быстро перебрался въ Майнцъ, гдѣ мы сѣли на пароходъ и за дешевую, помню, чрезвычайно цѣну во второмъ классѣ, вдоль по Рейну и черезъ Роттердамъ, вернулись въ милую нашему сердцу, если не карману, столицу Альбіона.

Мы опять водворились у той же нестерпимой, но добродушной *mrs Siggers*, чуть не на чердакѣ, и избѣгали войны съ мышами только пребываніемъ большей части дня въ стѣнахъ Британскаго музея, открытаго лѣтомъ до 6 часовъ и, замѣчу въ скобкахъ, въ тѣ времена онъ позднѣе не открывался, ибо по старымъ законамъ занятія въ немъ возможны были только при солнечномъ свѣтѣ. Позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, во время одного изъ нашихъ многочисленныхъ посѣщеній Лондона, пріѣхалъ нашъ извѣстный изобрѣтатель Яблочковъ изъ Парижа, устроилъ электричество впервые на Ватерлосскомъ мосту и въ Британскомъ музеѣ, при чемъ мы, русскіе, конечно, торжествовали, что дали возможность какъ-бы отплатить англичанамъ за ихъ любезность и одолженія для насъ ихъ библіотекой; Британскій музей съ тѣхъ поръ началъ круглый годъ работать до 7 или 8 часовъ, хотя очень скоро какія-то практическія несовершенства, а можетъ быть практическая неловкость русскихъ изобрѣтателей проявилась и у Яблочкова, какъ у многихъ другихъ россіяня (помню, оно часто и внезапно потухало). Дальнѣйшее усовершенствованіе для электричества сдѣлала берлинская фирма Сименсъ и Гальске; къ ней перешло скоро поэтому освѣщеніе музея, такъ что мы, русскіе, гордились очень короткое время.

Мы опять съ женой водворились на старыхъ столахъ, добродушно перездоровались со всѣми библіотекарями и служителями, какъ со старыми знакомыми, и усердно принялись на всѣхъ парахъ за дальнѣйшее приготовленіе диссертациі. Писаніе пошло еще быстрѣе, чѣмъ прежде, несмотря на милое общество Стороженки, иногда насъ отвлекавшаго отъ работы.

Планъ моей книги вскорѣ былъ совершенно выработанъ. Историческій отдѣлъ, это часть первая диссертациі, была цѣликомъ написана; второй же отдѣлъ, гдѣ описывалось дѣйствующее законодательство, лишь набросанъ частями; матеріалы для него лишь въ значительной части были собраны, и требовалось лишь мѣсяца два легкой работы привести конспектъ и этотъ матеріалъ въ настоящую книгу, что я надѣялся сдѣлать уже въ Россіи, хотя бы во время

самого процесса печатанія. Главнѣйшимъ гвоздемъ моей работы являлась мысль или идея о борьбѣ классовыхъ интересовъ, которая отражается на государственномъ строѣ и характерѣ финансовыхъ учреждений,—идея, выработанная мною самостоятельно, безъ всякаго вліянія, напрімѣръ Маркса, который хотя незадолго передъ тѣмъ вышелъ, но я не зналъ его даже по имени, работая съ нимъ, какъ впоследствии оказалось, чуть не рядомъ и по тѣмъ же источникамъ Британскаго музея, главное щедро пользуясь матеріалами и указаніями въ извѣстномъ трудѣ прошлаго вѣка „Morton Eden: The State of the Poor“, оригинальной книги, которой Марксъ обязанъ своими выводами больше, чѣмъ о томъ упомянулъ въ своихъ сочиненіяхъ.

„Историческій очеркъ англійскаго акциза“, писалъ я, позднѣе, для словаря Венгерова, „доказываетъ несомнѣнный фактъ, что на формѣ обложенія въ Англїи всегда рѣзко отражалось имущественное господство того или другого класса народа: борьба классовыхъ интересовъ опредѣляетъ характеръ финансовой системы. Такъ, акцизы, какъ форма выгодная для интересовъ землевладѣльческаго класса, введена въ Англїи въ XVII, а равно и въ XVIII вѣкахъ, во время именно преобладанія политическаго этого сословія въ странѣ; въ XIX вѣкѣ наоборотъ, съ ростомъ значенія высшей денежной аристократїи, огромное большинство акцизовъ, какъ и таможенныхъ пошлинъ, отмѣняется, потому что они препятствуютъ дальнѣйшему ходу развитія британской промышленности и торговли; изъ нихъ остаются немногіе, но очень доходные налоги, а въ настоящее время, наконецъ, съ нѣкоторымъ развитіемъ политическаго значенія рабочаго класса, уже болѣе и болѣе раздаются голоса за расширеніе прямого оцѣночнаго обложенія съ доходовъ и отмѣну уцѣлѣвшихъ косвенныхъ налоговъ. Главнѣйшій выводъ всего изслѣдованія состоитъ въ томъ, что равномерность и пропорціональность податной способности въ англійской финансовой системѣ явно нарушается, и рабочій классъ въ два съ половиною раза обложенъ сильнѣе, нежели высшіе классы.

„Добавлю къ этому, что Марксъ въ то время мнѣ былъ извѣстенъ лишь по имени и никакого вліянія на мои выводы оказать не могъ, и они получены совершенно самостоятельно на основанїи изученія англійской экономической исторїи, въ тѣхъ же залахъ Британскаго музея, гдѣ штудировалъ нѣмецкій социалистъ (С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. т. VI СПб. 1904—1907, стр. 62).

Главная идея моей книги чрезвычайно заинтересовала нѣмецкаго молодого экономиста Артура фонъ-Штудницъ, жившаго тогда

въ Лондонѣ, въ качествѣ корреспондента извѣстной тогда Аугсбургской нынѣ Мюнхенской Allgemeine Zeitung. Нѣсколько лѣтъ спустя, по его просьбѣ, мой другъ М. М. Ковалевскій, о которомъ позднѣе буду много говорить, работавшій тогда въ музеѣ, сдѣлалъ для него большой конспектъ изъ моей книги. Штудницъ напечаталъ въ своей газетѣ цѣлыхъ двѣ о ней статьи, подавшія поводъ къ обсужденію (1876 годъ) и критикѣ въ нѣмецкой печати моихъ экономическихъ воззрѣній, большею частью въ благопріятномъ смыслѣ.

Наконецъ, приблизилось время, въ концѣ, примѣрно, іюля, возвращаться намъ въ Россію и покинуть столь дорогой и полезный для нашей научной дѣятельности и развитія, Британскій музей и Лондонъ. Мы рѣшили вернуться тѣмъ самымъ путемъ, какъ первый разъ я вступилъ въ предѣлы Германіи, т. е. черезъ Дрезденъ, Сосновицы и Варшаву. Въ первомъ хотѣли повидать нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ и этой дорогой, съ недѣльнымъ отдыхомъ въ Дрезденѣ, мы двинулись въ Москву, для моей жены совершенно не знакомую, которую, какъ приводилъ я раньше, она такъ жаждала видѣть вмѣстѣ со своей бѣдной необразованной родиной.

Въ Дрезденѣ, какъ мы ожидали, уже нашли очень мало старыхъ знакомыхъ. Какъ я раньше объ этомъ рассказывалъ, въ 1874 году, вмѣстѣ съ опубликованіемъ устава о всеобщей воинской повинности, огромное число русскихъ, постоянно проживавшихъ въ Дрезденѣ, возвратилось домой, ради пользованія льготными правами для воинской службы. То же предѣлала и семья моего тестя, сыновья котораго, братья моей жены, уже давно вернулись въ Москву. Естественно, поэтому, что Дрезденъ произвелъ на насъ болѣе грустное, чѣмъ радостное впечатлѣніе. Знакомыя улицы и отсутствіе привычныхъ родственныхъ и дружественныхъ лицъ производило угнетающее впечатлѣніе, и мы не зажились долго, черезъ недѣлю уже собрались домой на родину, демократически, конечно, въ 3-мъ классѣ, и дня черезъ три жена моя въ первый разъ не безъ удивленія и сильнаго волненія увидала Москву. Дорогой никакихъ особенно заслуживающихъ вниманія впечатлѣній не было, кромѣ развѣ комическаго случая на самой границѣ при таможенномъ надзорѣ, о которомъ стоитъ упомянуть. Матушка моей жены, вернувшись въ Россію въ городъ Ржевъ, гдѣ проживалъ Н. В. Вельяшевъ, не могла найти въ то время въ уѣздномъ городкѣ одинъ необходимый предметъ домашняго обихода, распространенный за границей, а именно каменное ведро для выливанія грязной воды послѣ умыванья. Жена моя, которой она жаловалась въ письмѣ на это маленькое горе, желая услужить милой мамашѣ, приобрѣла въ Дрезденѣ такое именно ведро, при чемъ чрезвычайной тяжести, ничтоже сумняшеся набила

его мягкимъ бѣльемъ и помѣстила на днѣ нашего большого чемодана. Я рѣзко протестовалъ противъ этого, указывая на чрезвычайную тяжесть ведра, а потому на высокій желѣзнодорожный тарифъ, по которому придется платить за его перевозку, на огромное разстояніе до Твери (гдѣ ея мать тогда жила) вѣроятно дороже, чѣмъ ведро стоитъ, но все было тщетно. Тогда я пошелъ съ женой на компромиссъ, что я согласенъ взять это ужасное ведро, но съ тѣмъ, что, если на границѣ русской таможни, въ добавокъ ко всѣмъ расходамъ, объявятъ ведро подлежащимъ уплатѣ пошлины, то мы его выбрасываемъ (багажъ былъ сданъ только до границы). Когда мы пріѣхали въ Сосновицы, въ пограничную русскую таможню и чиновники обратились ко мнѣ съ вопросомъ: „Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь подлежащаго уплатѣ пошлиною?“ я имъ смѣло отвѣчалъ: „У меня ничего нѣтъ, у жены есть; она везетъ на днѣ своего сундука каменное ведро“. Я, конечно, ожидалъ въ нихъ найти немедленно союзниковъ, что они потребуютъ высокую по нашему тарифу пошлину и ведро будетъ выброшено. Но, увы, эффектъ получился совершенно иной, даже съ противоположными послѣдствіями. Таможенныя приняли мое заявленіе очевидно за шутку, громко разсмѣялись и тотчасъ же приказали артельщику запереть сундукъ и отправить его по назначенію. Жена моя торжествовала. Мнѣ вновь пришлось уплатить дорого за провозку ведра въ ущербъ для русской фаянсовой промышленности, къ интересу которой я отнесся такъ ригорозно и строго.

Когда мы прибыли въ Москву и немного осмотрѣлись, дѣло мое оказалось въ довольно удовлетворительномъ положеніи. По предложенію Соколова установлено было, въ виду моего прибытія и при томъ почти съ диссертацией, немедленно открыть въ университетѣ другую кафедру финансовъ—исторію и поручить мнѣ, но печатать мою работу университетъ отказался, потому что „Университетскія Извѣстія“ въ это время по недостатку средствъ были прекращены, а другого источника не было.

Предстоялъ такимъ образомъ спѣхъ съ окончаніемъ диссертации. Матеріалъ для второй части у меня былъ почти весь собранъ, и даже конспектъ набросанъ. Мнѣ недоставало для пользованія нѣсколькихъ книгъ, которыя были вмѣстѣ съ прочими посланы моимъ пріятелемъ за мѣсяцъ до возвращенія въ Москву на имя профессора Соколова, чтобы облегчить хлопоты съ цензурою. Когда я обратился съ запросомъ къ Н. К. Соколову, пріѣхавши въ Москву, при первомъ посѣщеніи я получилъ отъ него отрицательный отвѣтъ, затѣмъ спрашивалъ еще два или три раза, но книгъ онъ все еще не получалъ. Между тѣмъ диспутъ мой непремѣнно дол-

женъ былъ состояться какъ можно скорѣй, въ виду чего пожертвовавши отчасти качествомъ своего сочиненія, я долженъ былъ пропустить обработку тѣхъ вопросовъ второй части, по которымъ нужныхъ книгъ не доставало. Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Н. К. Соколовъ въ это время серьезно заболѣлъ и волею Божіею скоро умеръ. Диссертація моя была написана окончательно и напечатана уже безъ помощи моей библіотеки, исчезнувшей неизвѣстно куда. Я наводилъ справки въ Мюнхенѣ, оказывалось бесполезно. Книги были посланы давнымъ давно и слѣдовало имъ быть собственно еще при жизни Соколова у него на рукахъ.

Наконецъ, по совѣту одного опытнаго практическаго человѣка, я явился къ одному нижнему чину въ таможнѣ и всучилъ ему напередъ въ благодарность рубль, если онъ найдетъ большой тюкъ съ книгами изъ Мюнхена. Представьте мое удивленіе и негодованіе, когда, черезъ нѣсколько времени, этотъ служащій увѣдомилъ меня открыткой, что дѣйствительно уже нѣсколько мѣсяцевъ книги мои прошли въ московскую таможду и лежатъ неполученныя, а сами книги записаны какъ старыя и удалены. Я вновь отправился за тридевять земель, потому что жилъ далеко, на Николаевскую станцію, гдѣ помѣщалась заграничная таможня. Провѣрили,—извѣстіе оказалось вѣрнымъ. Но, вмѣсто того, чтобы поправить свою вину и послѣшить выдать мнѣ книги, таможенные объявили, что я кругомъ виноватъ, не получая столько времени свою собственность, они же вовсе не обязаны доставлять по адресу, а адресатъ долженъ постоянно справляться въ таможнѣ. Теперь-де я долженъ заплатить большой штрафъ за неявку, а сверхъ того за все полежалое храненіе книгъ, помимо обычныхъ сборовъ на артель и проч.!!!

Когда я заявилъ, что профессоръ Соколовъ успѣлъ скончаться, не получивши этихъ книгъ для меня, то мнѣ предъявили таможенные новую непріятность и осложненіе, отказались выдать мнѣ мой ящикъ съ книгами иначе, какъ я докажу судомъ свои права наслѣдства послѣ Соколова.

Представьте все мое отчаяніе послѣ этихъ хлопотъ? Книги крайне нужны, мои собственныя, приобрѣтены на послѣдніе гроши, собранныя за границей, и вдругъ я долженъ нести большія тягости, платить штрафъ, да еще судомъ доказывать на нихъ права наслѣдства! Послѣ большихъ хлопотъ, въ которыхъ принялъ участіе добрый С. М. Соловьевъ, написавшій отъ себя просительное письмо къ управляющему таможеннымъ округомъ, мнѣ рѣшили выдать книги безъ суда, но тѣмъ не менѣе таможня собрала экспертовъ изъ иностранныхъ книгопродавцевъ и опредѣлила стоимость книгъ, при чемъ я пострадалъ за честность, назвавши ихъ дѣйствительную

стоимость. Книги эти, съ обычной процедурой пройдя через горнила цензуры и утративши нѣсколько секвестрованныхъ книгъ (въ томъ числѣ „Примѣчанія къ политической экономіи Милля“!!!), были мнѣ вручены и доставлены въ Грузины, гдѣ уже надобность въ значительной части этихъ книгъ для меня миновала, а въ настоящее время онѣ пребываютъ въ стѣнахъ университета въ качествѣ его собственности, дорого оплаченныя мною за мою неопытность и дикую нелѣзную волокиту и порядки нашей таможни.

Надо было привести въ порядокъ матеріаль для второй части диссертациі и хорошенько его изложить, для чего требовалось уединиться на нѣсколько недѣль. Сдѣлать это въ Москвѣ было мудрено при отсутствіи, съ окончаніемъ стипендіи, всякихъ средствъ и дороговизнѣ жизни, а въ это время родители жены настойчиво звали насъ вмѣстѣ къ себѣ въ Ржевъ; и вотъ я во второй разъ въ моей жизни направился въ этотъ промышленный городокъ Тверской губерніи съ молодой супругой и съ недоконченной диссертацией, для ея окончанія. Я не буду говорить болѣе о самомъ Ржевѣ, хотя нашелъ въ немъ много перемѣнъ. Во-первыхъ, къ нему проведена была желѣзная дорога, измѣнившая во многомъ экономическое положеніе. Въ немъ открылась гимназія, банкъ, и городокъ замѣтно оживился. На этотъ разъ недостатка въ обществѣ отнюдь не было, хотя старыхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ не доставало. Увы, отецъ Дмитрій скончался, В. И. Кудрявцевъ обѣднѣлъ и переселился куда-то въ другое мѣсто и т. д. Но мнѣ, впрочемъ, на этотъ разъ общество и не нужно было. Необходимо было сосредоточиться на три или на четыре недѣли, чтобы поставить въ диссертациі послѣднюю точку, чтѣ я собственно и сдѣлалъ. Уже въ концѣ сентября мое изслѣдованіе объ англійскихъ акцизахъ было закончено. Надо было лишь позаботиться объ его напечатаніи.

Такъ какъ университетъ отказывался мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, а разумѣется, я не имѣлъ такой суммы, какъ 600 р., по вычисленію типографіи, необходимой для печатанія, то слѣдовало поискать издателя. Къ счастью тутъ помогли старые знакомые и нѣкоторыя добрыя души. Супруга издателя уже въ это время прекратившагося журнала „Грамотей“ Ольга Ивановна Алябьева, съ которой я имѣлъ удовольствіе прежде встрѣчаться, вспомнила старую пріязнь, употребила нѣкоторое вліяніе на своего брата, извѣстнаго московскаго типографщика, Анатолія Ивановича Мамонтова, который и взялся напечатать мою диссертацию безъ всякихъ съ моей стороны расходовъ и на самыхъ льготныхъ для меня условіяхъ. Я воспользовался съ истинной благодарностью этимъ добрымъ предложеніемъ и послѣ нѣкотораго, довольно впрочемъ продолжительнаго срока, недѣль

въ шесть, книга моя „Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ“ была напечатана, и я съ радостью держалъ ее въ своихъ рукахъ въ началѣ ноября. Немедленно затѣмъ она была роздана всѣмъ членамъ юридическаго факультета, и 23 ноября 1874 г. было торжественное публичное собраніе, на которомъ я выступилъ въ защиту тезисовъ своей работы для полученія степени магистра. Оппонентами на диспутъ явились два добро расположенныхъ ко мнѣ лица, самъ деканъ профессоръ Мильгаузенъ и другъ, профессоръ Чупровъ. Благодаря несомнѣнно отчасти этому обстоятельству, диспутъ мой былъ настоящимъ торжествомъ для меня и сошелъ вполнѣ благополучно, прерываемый постоянными рукоплесканіями. Въ заключеніе же, по нѣкоторомъ совѣщаніи очень краткомъ, Мильгаузенъ прочелъ слѣдующее о моей работѣ мнѣніе факультета и постановленіе его:

„Диссертація кандидата Янжула: „Исторія косвенныхъ налоговъ въ Англій“ составляетъ трудъ совершенно самостоятельный, основанный на изученіи первоначальныхъ источниковъ, доступъ къ которымъ былъ открытъ ему въ Британскомъ музеѣ. Пользованіе этими источниками дало ему возможность не только пополнить, но и исправить нѣкоторыя свѣдѣнія, содержащіяся въ сочиненіяхъ ему предшествовавшихъ. Этого мало. Авторъ не ограничивается тѣсными предѣлами своей спеціальности, а разсматриваетъ исторію каждаго отдѣльнаго налога всегда въ связи съ общимъ политическимъ и экономическимъ состояніемъ страны, указываетъ на вліяніе господствующихъ политическихъ партій на сужденія и приговоръ общественнаго мнѣнія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи богатымъ матеріаломъ служила ему текущая литература за всѣ два—три вѣка, которыхъ касается его сочиненіе, напримѣръ, памфлеты, газетныя статьи, петиціи разныхъ обществъ и т. д. На эту сторону предмета до него ни одинъ писатель не обращалъ надлежащаго вниманія, а между тѣмъ она-то сообщаетъ изложенію автора особенную живость и интересъ. По всѣмъ указаннымъ причинамъ Юридическій Факультетъ считаетъ диссертацію кандидата Янжула не только достойной искомой имъ степени, но удовлетворяющею и самымъ строгимъ требованіямъ науки“.

„Деканъ О. Мильгаузенъ“.

Послѣ обычныхъ поздравленій и лобызаній всѣ развѣхались по домамъ. Увы, я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы предложить, по завѣденному въ такихъ случаяхъ обычаю, своимъ товарищамъ обѣдъ. Помню, какъ теперь, послѣ диспута, я съ тремя изъ болѣе близкихъ своихъ закадыкъ, старыхъ пріятелей по студенчеству, вернулся къ себѣ въ маленькую комнатку въ номерахъ Андреева на

Пречистенскомъ бульварѣ и послалъ жену впередъ распорядиться купить водки и закуски, чтобы угостить этимъ простымъ русскимъ образомъ почтившихъ посѣщеніемъ товарищей, но, увы, она оказалась при своемъ нѣмецкомъ воспитаніи такъ наивна, что кушила водки и больше ничего, такъ что, когда мы явились въ номеръ, оказались на столѣ большая бутылка водки и большая банка съ вареньемъ, присланная мнѣ ея милой мамашей, и за неимѣніемъ другой закуски мои гости со смѣхомъ рѣшились пить водку съ вареньемъ.

Вскорѣ же, какъ получившій степень магистра, я былъ избранъ совѣтомъ доцентомъ финансоваго права, со дня избранія т. е. съ декабря 14-го 1874 г. Такимъ образомъ скользкій и тернистый путь всей профессорской промоціи въ этотъ великій для меня день закончился полученіемъ перваго профессорскаго званія и мѣста, четыре года спустя послѣ моего оставленія при университетѣ, и нѣтъ сомнѣнія, повторяю опять, въ значительной степени благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ и, во главѣ ихъ, моей женитбѣ и, слѣдовательно, двойной усиѣнности въ ходѣ моихъ ученыхъ работъ и занятій. Разница между мной въ декабрѣ 1874 г. послѣ диспута и въ іюнѣ 1870 г., когда я былъ причисленъ къ университету, огромная. Во всѣхъ отношеніяхъ я сдѣлался выше. Благодаря четыремъ благотворно проведеннымъ годамъ за границей, я не только былъ гораздо болѣе свѣдуецъ въ своей финансовой наукѣ, но сдѣлался еще зрѣлѣе, ровнѣе по образованію и съ большимъ сознаніемъ относился къ окружающему и своимъ нравственнымъ и гражданскимъ обязанностямъ.

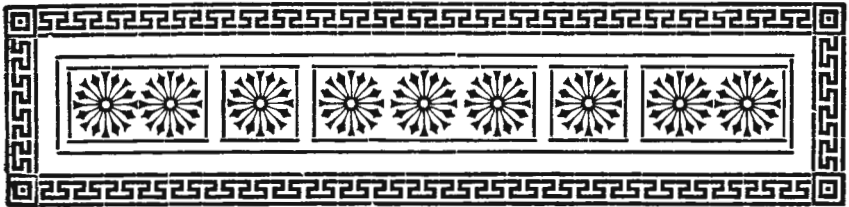
Къ сожалѣнію, всякая радость въ моей жизни чередовалась немедленно съ горемъ. Такъ было и въ настоящее время. Едва я сдѣлался магистромъ и доцентомъ и причисленъ къ сонму профессоровъ, а въ концѣ этого мѣсяца наканунѣ новаго года моя молодая, неопытная супруга въ первый разъ обзаводилась разной рухлядью, мебелью, и мы устроили свое гнѣздо на далекой окраинѣ Москвы въ такъ называемыхъ Грузинахъ, а переселились туда лишь въ одинъ изъ первыхъ дней новаго 1875 года, какъ вдругъ разразилась надо мной гроза... Младшій братъ моей жены, мальчикъ 18 лѣтъ, Сережа, внезапно заболѣлъ злокачественной жабой, дифтеритомъ, въ то время болѣзнь страшная, ибо не знали еще способовъ борьбы съ ней. Онъ жилъ временно у насъ, и сестра за нимъ усердно ходила, частью не сознавая опасности болѣзни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль страданія и колебанія то въ хорошую, то въ дурную сторону, несчастный мальчикъ скончался на ея рукахъ, когда уже приглашенъ былъ операторъ для совершения извѣстной трахеотоміи. Жена моя была не только страшно

*

потрясена этой первой смертью (отъ матери, которая находилась во Ржевѣ, скрывали эту болѣзнь), но сама заразилась дифтеритомъ и слегла вслѣдъ за похоронами брата. Увы, такимъ образомъ мое гнѣздо, о которомъ я такъ мечталъ съ женой, обратилось быстро въ очагъ заразы, отъ котораго бѣгали всѣ знакомые. Мѣсяца два жена моя боролась со смертью, при чемъ по тѣмъ временамъ добрый и хорошій докторъ, мой землякъ по Рязани, Константиновскій, не желая шарлатанить, не употреблялъ никакихъ лѣкарствъ. Приказали лишь постоянно освѣжать комнату. Я цѣлый день переносилъ больную изъ одной комнаты въ другую—освѣжаемую, въ чемъ и состояло долго мое занятіе, вмѣсто чтенія лекцій. Наконецъ молодая природа побѣдила, жена начала понемногу очень медленно поправляться, и я лишь въ концѣ марта мѣсяца могъ открыть свой первый университетскій курсъ студентамъ 4-го курса по исторіи финансовъ, при чемъ успѣлъ ихъ познакомить, кажется, только съ исторіей бѣлаго очерка финансовъ двухъ или трехъ странъ, а главное, взялъ на себя тяжелую обузу и велъ за своего патрона Мильгаузена студенческіе экзамены.

Иванъ Янжуль.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1886.

3 июня. Былъ вчера у кн. Долгорукова. Онъ дѣйствительно снисходительно смотритъ на рѣчь Алексѣева (о Софiи) и даже ее оправдываетъ, хотя и говоритъ, что А. не былъ уполномоченъ. „Что же особеннаго, что А. высказалъ желанiе, воодушевляющее весь русскiй народъ до послѣдняго мужика. (?) Поэтому и Государь велѣлъ печатать рѣчь въ „Правит. Вѣстникѣ“: нѣтъ причинъ скрывать отъ Европы желанiя русскаго народа! Что за чепуха! Очевидно *mot d'ordre* поддерживать этотъ взглядъ данъ изъ Петербурга, но неужели въ самомъ дѣлѣ Государь хочетъ ринуться въ „политику приключенiй“? Европу этимъ испугать нельзя—она знаетъ, что мы не въ силахъ занять Константинополь; но все это внушаетъ къ намъ недовѣрiе и потрясаетъ кредитъ. Не лучше ли было бы заняться внутренними дѣлами? А тутъ же все жадуется на промышленный застой.

Вечеръ провелъ у стараго прiятеля Ник. Мих. Козлова (хлопчатобумажнаго фабриканта изъ Гавриловскаго посада). Тутъ же типическая фигура его отца, вернувшагося изъ Иерусалима. Изъ очень маленькаго фабриканта онъ сдѣлался крупнымъ. Теперь производитъ въ годъ разныхъ тканей на 400 т. р. На эту сумму имѣлъ въ 1885 г. только 2% пользы. Онъ сократилъ, по случаю застоя, производство только на 5%. Любопытный вопросъ: онъ увѣряетъ, что при теперешнемъ застоѣ легче мелкимъ фабрикамъ (какова его), чѣмъ большимъ мануфактурамъ (напр. А. Баранова). Онъ затѣваетъ цунцовое дѣло и не боится конкуренцiи Баранова; будетъ производить 500 кусковъ, хотя Барановъ болѣе 500 т. кус. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что у крупныхъ фабрикантовъ много

излишнихъ расходовъ (накладныя, освѣщеніе, больница, техники и проч.).

6 мая. Вчера завтракалъ съ редакціей „Русскихъ Вѣдомостей“ въ Славянскомъ базарѣ (Соболевскій, Богдановъ, Чупровъ). Мнѣнія ихъ (кромѣ Чупрова) хотя и нисколько не революціонныя, гораздо менѣе умѣренныя, чѣмъ мои. Они защищали противъ меня оправданіе бунтовавшихъ рабочихъ у Морозова въ Владим. окруж. судѣ. Говорятъ, что со стороны Морозова были страшныя злоупотребленія (штрафы), и что обвиненные просидѣли годъ въ острогѣ. Всѣхъ хуже, по-моему, рѣчь обвинителя, который 3 раза возвращался къ злоупотребленіямъ фабриканта.

28 іюня. Приѣхалъ въ Носково 7 іюня, съ раной на рукѣ. Сильно порѣзалъ руку, сунувши ее въ закрытое окно. Новое испытаніе, посланное мнѣ за мою разсѣянность. Сегодня въ первый разъ пишу. Докторъ Якубъ (земскій врачъ изъ Хотькова) удивляется, что въ мои годы такъ скоро затянулась рана.

Носково, 18 іюля. Долгія перерывъ въ запискахъ: нечего было записывать, кромѣ мыслей, да и трудно было много писать.

Былъ крайне огорченъ поведеніемъ въ отношеніи ко мнѣ носковскихъ крестьянъ. Они первый разъ показали враждебныя ко мнѣ чувства (исторія аллеи). Одинъ, два негодяя подняли всѣхъ. Пассивность нашего народа.

15 іюля съѣхалось такъ много отовсюду, какъ никогда не бывало въ Носковѣ. Это очень скучно. Я лучше дѣлалъ, когда уѣзжалъ на этотъ день.

16 и 17 іюля были земскіе выборы (мелкопомѣстныхъ) въ Дмитровѣ. Такихъ жалкихъ выборовъ я никогда не видалъ.

Съѣхалось избирателей (14) даже менѣе, чѣмъ нужно гласныхъ, (20), и всѣ съѣхавшіеся, безъ выборовъ, признаны гласными. Очевидный повсемѣстный упадокъ земской жизни. Много на это причинъ. Печально. Неужели должно разстаться съ мыслью о самоуправленіи въ Россіи?

5 августа въ 10^{1/2} часовъ утра выѣхалъ изъ Носкова и черезъ Дмитровъ, по почтовой дорогѣ, приѣхалъ въ Москву (Слав. базаръ) въ 2^{1/2} час. ночи.

Ѣхалъ до ст. Черной съ дмитровскимъ почтмейстеромъ Аксеновымъ (испыталъ всѣ неудобства для моихъ цѣлей ѣздить на одному). Остановливался на Покровской мануфактурѣ у Ф. Ф. Бордтмана, потомъ на фабрикѣ Сафонова и въ Дѣдѣвскомъ монастырѣ.

Бордтманъ о Покровской мануфактурѣ. Отчасти вслѣдствіе кризиса (накопленія товара), отчасти вслѣдствіе новыхъ механическихъ приспособленій, уменьшившихъ нужду въ рабочей силѣ, нужно

было отпустить къ 1 іюля около 1000 рабочихъ, но нельзя было отпустить. Не уходятъ. Какъ же выгнать? Исправникъ не взялся прогнать. Эти 1000 человекъ давно, около 20 лѣтъ, на фабрикѣ. Они въ своихъ деревняхъ бросили дома и землю. Вотъ вопросъ. Оставили работать, хотя производятъ въ убытокъ. Но 3 мѣсяца кормили даромъ.

Великій вопросъ о нашихъ рабочихъ массахъ при превратностяхъ промышленныхъ дѣлъ (я пишу объ этомъ въ „Рус. Вѣд.“).

Страшная конкуренція со стороны Лодзи. Тамъ всѣ расходы производства дешевле (каменный уголь).

Теперь работаютъ 18 часовъ вмѣсто прежнихъ 24 (вслѣдствіе закона 1882 г. о женщинахъ),—стало быть не вслѣдствіе кризиса.

Законъ о дѣтяхъ не имѣетъ значенія, такъ какъ не было дѣтей меньше 15 лѣтъ.

Страшнѣе новый законъ 1886 г. объ усиленіи правъ инспекціи (произволь инспекціи).

Янжулъ былъ на фабрикѣ одинъ разъ въ теченіе часа, въ конторѣ.

Великолѣпная новая больница на 50 кроватей. Нелѣпа эта роскошь. Больныхъ очень мало.

Бордтманъ говоритъ, что таможенный тарифъ имѣ не нуженъ (теперь Лодзь опаснѣе Англіи).

Отъ него дешевле хлѣбъ, а отъ этого меньше покупаютъ мануфактурныхъ товаровъ.

Суконная фабрика Сафонова. Сукна и драпъ. Полуручное производство. Управляющій Гофманъ, добродушный нѣмецъ. Воляной приводъ, немножко дѣйствуютъ и паровой машиной (прядильная). 200 рабочихъ; половина живетъ тутъ, въ казармахъ, другая въ ближайшихъ деревняхъ. Дѣтей нѣтъ, женщинъ немного. Кризисъ не чувствуется. Сбытъ постоянный на портныхъ (главное шалки) въ Москвѣ.

Дядьневскій монастырь. Нѣтъ описанія и исторіи,—я общалъ казначеѣ достать. Приѣхалъ во время всенощной. Игуменья Серафима очень ко мнѣ внимательна. Казначея интересная женщина (дочь дѣйств. ст. сов.), 56 лѣтъ, въ монастырѣ 23 года; умная и, кажется, образованная. Тутъ замѣчательный священникъ (пріятель Поливанова) Павелъ Степановичъ Преображенскій—завелъ школу; она теперь земская, лучшая въ уѣздѣ (привлекъ къ пожертвованіямъ Боткину). Вотъ возможность вліянія духовенств. а.

Владиміръ, 9 августа. Вчера выѣхалъ изъ Москвы въ 4 ч. и приѣхалъ во Владиміръ въ 10½ ч. Остановился въ Кофейной гостиницѣ.

Тутъ нѣкоторое улучшение, но едва-ли найдется теперь въ губернскомъ городѣ такая плохая гостиница.

Метаморфоза пути отъ Москвы до Владиміра въ теченіи 45 л.—дачи отъ Москвы до Павловскаго посада и культурность окружающихъ мѣстъ (сады, хорошія дачныя постройки). Дачная поверхностная культура въ Россіи.

Особенность владимірскаго населенія: эссенція практичности и трезвости великорус. племени московской области, безъ ярославскаго плутовства, безъ костромскаго добродушія—это самое нормальное выраженіе типа.

Тутъ же въ Кофейной гостиницѣ остановился сегодня ночью Петръ Павловичъ Кожинъ. Образчикъ падшаго дворянства. И предводителемъ не удалось быть выбраннымъ (нельзя было продолжать соединять съ предсѣдательствомъ въ губернской управѣ,—а нужно жалованье), и онъ теперь членъ москов. отд. Дворянскаго банка. Въ этотъ банкъ пристраиваются теперь разорившіеся дворяне.

Былъ у губернатора Судіенко, и онъ былъ потомъ у меня. Онъ, кажется, виляетъ между своимъ довольно просвѣщеннымъ и либеральнымъ образомъ мыслей и нынѣшнимъ направленіемъ. Въ морозовскомъ бунтѣ онъ во всемъ обвиняетъ Морозова и его притѣсненія. Оправданіе въ окружномъ судѣ было неизбѣжно, тѣмъ болѣе, что прокуратура была слабѣ защиты, но вліяніе оправданія на умы рабочихъ ужасное. Онъ вынужденъ былъ двухъ оправданныхъ не освободить изъ заключенія, но административно выслать. А печально, когда (онъ самъ говоритъ) администрація идетъ въ разрѣзъ съ судебной властью.

Нигилисты только утикли и лишились средствъ, а существуютъ по-прежнему.

Былъ у архіепископа Θεогноста. Онъ заводитъ приходскія школы (говорятъ, принудительно, велѣлъ священникамъ, чтобы были), но говорить, что много затрудненій, нѣтъ средствъ. Мы говорили о пользѣ соединенія земскихъ и церковно-приходскихъ школъ.

10 августа. Вчера обѣдалъ у Судіенко.

Судіенко говорилъ въ весьма враждебномъ самоуправленію духѣ. Дворянское самоуправленіе онъ считаетъ невозможнымъ, вслѣдствіе отсутствія дворянъ, но правительство должно взять все земское хозяйство въ свои руки. Все пойдетъ дешевле и лучше.

Меня поражаетъ во Владимірѣ отсутствіе людей, въ сравненіи съ 1860 г. Сколько тогда было здѣсь дѣятелей. Люди возникали подъ вліяніемъ духа реформъ. Вообще интересно сравнить мое

путешествіе того года съ нынѣшнимъ: какое тогда было движеніе. Сколько вездѣ мыслящихъ людей!

11 августа. Вчера обѣдалъ у Судіенко съ ген. Назаровымъ, начальникомъ дивизіи (познакомился въ Нижнемъ, на ярмаркѣ) и съ графомъ Комаровскимъ.

Судіенко сталъ рѣшительно другимъ человекомъ, какъ я его зналъ 6 лѣтъ назадъ, или онъ меня тогда (эра Лориса) надувалъ своимъ либерализмомъ, или повернулъ въ угоду нынѣшнимъ вѣтрамъ. Онъ сталъ отвратителенъ своимъ реакціонернымъ направленіемъ, онъ даже фанфаронитъ своимъ деспотизмомъ, хвастается своими произвольными распоряженіями. Вотъ Zeichen der Zeit ¹⁾.

Гусь, 11 августа. Смѣшная исторія съ извозчикомъ, котораго я вынужденъ нанять (несмотря на обѣщаніе Судіенко) за 10 руб. до Маругина (коляска четверней). Выѣхалъ изъ Владиміра въ 10 часовъ, прибылъ въ Маругино въ 5 часовъ, 41 вер., а на серединѣ въ с. Веригинѣ остановка (старуха спрашиваетъ о спорной землѣ). Питаюсь припасами изъ Владиміра. Край (Судогод. у.) сѣрый, бѣдный, такого я еще не видалъ во Владимір. губ. Хотя довольно много деревень черезъ 10, 15 верстъ отъ Владиміра, и народъ не имѣетъ печальнаго вида (но не такой, какъ во Владимірской губерніи).

Приѣхалъ въ Гусь въ 10^{1/2} часовъ вечера на лошадахъ, высланныхъ за мной оттуда. Тутъ главноуправляющій, Михайлъ Михайловичъ Гайдуковъ—тонкій, терпкій, самобытно русскій, но обученный, говорящій на 3 иностранныхъ языкахъ, очень гостепріимный. Безъ такого человека, что бы могъ сдѣлать Нечаевъ-Мальцевъ, наѣзжающій сюда разъ въ годъ, на нѣсколько часовъ?

12 августа. Осмотръ Гуся съ Гайдуковымъ. (Есть Гусь желѣзнодорожный Баташевыхъ въ Рязанской губерніи). Я не зналъ, и Судіенко не зналъ (вотъ путешествія по Россіи), что Гусь отрѣзанъ отъ всѣхъ путей (тупикъ), кромѣ Владиміра, черезъ который тянется къ Москвѣ и Нижегородской ярмаркѣ (его главный сбытъ ярмарка). Неудобство въ сравненіи съ московскими и владимірскими фабриками на желѣзныхъ дорогахъ — единственное удобство нѣкоторая дешевизна рабочихъ рѣкъ. Очень туманныя историческія свѣдѣнія. Устроенъ въ половинѣ XVIII в. купцами Мальцевыми изъ Москвы. Родоначальникъ Якимъ. Вѣроятно, имъ дали крѣпостныхъ и посессионныхъ крестьянъ. Сперва тутъ только хрустальное производство, историческое въ этомъ краѣ. Въ 40-хъ годахъ Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ устроилъ здѣсь хлопкопрядиль-

¹⁾ Знаменіе времени.

ное и хлопкоткацкое производство, которое теперь здѣсь важнѣйшее. Всякіе №№ пряжи (продажа) и миткаля. Теперь откроется новый корпусъ прядильный. Значить, расширяются эти два производства—хрустальное, очень тонкое, лучшее въ Россіи? и хлопковое. Ив. С. Мальцевъ, основавъ Сампсоніевскую хлопчатую мануфактуру въ Петербургѣ (потомъ продалъ), то же крѣпостную, и изъ нея перевелъ сюда многихъ мастеровъ.

Это особый типъ дворянской крѣпостной фабрики. Выгода при невыгодѣ этой мѣстности была только въ даровомъ трудѣ. Здѣсь все рабочее народонаселеніе (8 т. душъ) безземельные крестьяне—дворовые; Мальцевъ ихъ покупалъ, привозилъ сюда изъ другихъ имѣній.

И теперь это особое владѣльческое государство. Власть только Гайдуковъ—административная и судебная. Приписаны къ сельскимъ волостямъ, но никакихъ отношеній къ нимъ не имѣютъ. Податей никакихъ не платятъ (?). Все на счетъ владѣльца. Полиціи и мировыхъ судей не знаютъ, становой за 40 в., никогда не приходится къ нимъ прибѣгать. Обходятся домашними мѣрами. Кабаковъ нѣтъ, —ближайшій 7 в. Пьянства нѣтъ. Отношенія къ рабочимъ наилучшія. Особенность рабочаго быта — маленькіе (большей частью) каменные домики; немного, до 500, живутъ въ небольшихъ казармахъ.

У домиковъ нѣтъ огородовъ, которые имѣются въ особыхъ мѣстахъ. У всѣхъ тамъ свои мѣста, у всѣхъ также свои коровы, овцы, птицы и сѣнокосъ. Всѣ рабочіе живутъ семейно, есть пришлые, но немного. Жилища, отопленіе,—все даромъ, за это рабочая плата нѣсколько ниже.

Двухклассная мужская и одноклассная женская школа: 500 учениковъ. Публичная бібліотека. Школы въ 4-хъ домахъ. 10 учителей и 2 учительницы.

Церковь очень хороша; хочетъ строить другую.

Роца съ часовней, ключемъ и иконой. Гулянье. Больница хорошая на 60 кроватей, 2 доктора. Все народонаселеніе производитъ пріятное впечатлѣніе, хотя крѣпостное высокопочитаніе, и что-то слишкомъ смиренны—для фабричныхъ.

Въ домикахъ очень опрятно, оригинально; убираютъ чисто днемъ, но спать на полу и на диванахъ очень густо въ 2-хъ комнатахъ (чистая и кухня). Вездѣ жильцы—разные ремесленники.

Все просто безъ показныхъ затѣй, улучшенный нашъ крестьянскій (съ фабричнымъ отгѣнкомъ) бытъ. Но это не крестьяне. Некрасивы.

13 августа. Выѣхалъ утромъ въ 10½ ч. утра изъ Гуся по той же

дорогѣ и прибылъ во Владимірѣ въ 7 ч. (остановился въ Кофейной). Меня отвозятъ на гусевскихъ лошадяхъ.

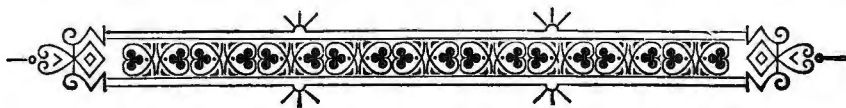
Вязники, 15 августа. Вчера по желѣзной дорогѣ выѣхалъ изъ Владиміра въ 11 ч. утра и прибылъ въ Вязники въ 4 ч. ночи. Остановился въ гост. Скосырева, новой, для уѣзднаго города очень пристойной.

Во Владимірѣ осматривалъ Мальцевское ремесленное училище. Великолѣпнѣе построекъ, — *entrée* хотя бы для дворца. Мастерскія съ паровыми приводами — слесарно-кузнечная и столярная прекрасны; также классы. Верхній этажъ весь—квартира начальника. Теперь 50 учениковъ въ 2 классахъ (говорятъ, поступаютъ мало). Заведеніе существуетъ только годъ. Нѣтъ пансіона: всѣ приходящіе. Удобно ли это? Инспекторъ (техникъ изъ Москов. технич. училища, очень симпатичный и скромный) говоритъ, улыбаясь: „для насъ удобно“. Вотъ для этихъ удобствъ начальства у насъ и закрыты были интернаты. Ученики живутъ на квартирахъ во Владимірѣ. Наняты мастера, имѣющіе помѣщеніе въ училищѣ, какъ и всѣ служащіе. Скорѣе надо было поступить наоборотъ: дать училище ученикамъ. Во всемъ у насъ личный эгоизмъ. Ученики остаются цѣлый день. Даютъ даромъ обѣдъ. Стало быть, только не ночуютъ здѣсь. Обучение и все даромъ. Принимаютъ всѣхъ желающихъ по экзамену (экзаменъ сельскаго народнаго училища).

Судьба этого только-что начавшагося заведенія въ будущемъ. Теперь судить нельзя. Но я имѣю сомнѣніе. Я не вѣрю въ низшія техническія заведенія, устроенныя при промышленныхъ заведеніяхъ. Вѣрно все-таки, что это заведеніе страшно дорого. На 1 мил. можно бы сдѣлать что-нибудь лучше! Опять несостоятельность земства. Уже теперъ не достаетъ на содержаніе 25 т. % съ 500 т. капитала (1½ т. берется въ купонный налогъ; вотъ дичь!).

Сообщ. М. В. Безобразова.

Бытовые очерки прошлого.

По архивнымъ документамъ.

Отрѣзаніе уха за кражу голицъ ¹⁾.

Настоящее судебное дѣло конца XVII вѣка, содержаніе котораго мы предлагаемъ, представляетъ сравнительно рѣдкій примѣръ, когда за первую кражу виновному вмѣсто обычнаго наказанія за этотъ проступокъ — „битья кнутомъ“ отрѣзается еще ухо за неприязнь мѣстнаго воеводы къ хозяевамъ наказаннаго вора.

20 ноября 1687 г. въ г. Кадомъ, Тамбовской губерніи, явился изъ села Игнатьева Шацкаго уѣзда помѣщика Трофима Гавриловича Жукова крестьянинъ Максимъ Тимофеевъ сынъ Кривошеинъ. Начало уже смеркаться, когда онъ подошелъ къ лавкамъ на торгу. У одной изъ нихъ, въ концѣ ряда, на ларѣ, было выложено нѣсколько паръ кожаныхъ голицъ. Кривошеинъ пощупалъ одну пару, взялъ ее въ руки и, не видя никого въ лавкѣ, спряталъ голицы подъ полущубокъ и пошелъ съ торга. Но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ услышалъ крикъ. Максимъ бросился бѣжать, но былъ настигнутъ хозяиномъ лавки посадскимъ человѣкомъ Андрономъ Арефьевымъ вмѣстѣ съ другими торговцами и „съ полицнымъ“, т. е. съ украденными голицами, былъ доставленъ въ Сѣзскую избу.

Въ допросѣ Кривошеинъ въ кражѣ сознался, сказавъ, что въ его вѣнѣ вольны Великіе государи, прибавивъ, что разбоевъ и иныхъ татебъ за нимъ не бывало.

¹⁾ Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло упразд. Темниковскаго уѣзднаго суда, въ столбцѣ, по 61 описи, вязка 3. „Голицами“ наз. большія кожанья рукавицы.

При разборѣ дѣла воеводою стольникомъ Ѳеодоромъ Пльичемъ Мустофинимъ былъ приведенъ слѣдующій законъ:

Статья 9-я главы 21 Соборнаго уложения: „А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ убивствѣ; да будетъ съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убивствахъ не повинится, а скажетъ, что онъ краль впервые, и того татя за первую татьбу битъ кнутомъ, отрѣзаетъ ему лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на 2 года, животы его отдать исцамъ. А изъ тюрьмы выимая, посылать его въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ Государь укажетъ. А какъ 2 года въ тюрьмѣ отсидитъ, и его послать въ Украинные города, въ какой чинъ пригодится, давъ ему письмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и выпущенъ“.

На основаніи этого закона, Кривошеина передъ воеводою пытали, было дано ему 54 удара, но и съ пытки онъ ни въ чемъ другомъ кромѣ кражи голицъ не винулся.

Тогда крестьянину Трофима Гавриловича Жукова „Максимкѣ Тимофееву Кривошеину,—какъ сказано въ документѣ,—за первое его воровство—за кражу голицъ 14 января 1688 г. учинено наказанье и казнь—битъ кнутомъ и отрѣзано ему лѣвое ухо и посаженъ въ Кадомъ въ тюрьму на 2 года“.

Но не истекъ еще годъ послѣ заключенія Кривошеина въ тюрьму, какъ его помѣщикъ Трофимъ Гавриловичъ Жуковъ подалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1688 г. челобитную на имя „Государей Иоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны“, въ которой говоритъ, что „Кривошеинъ ни въ какихъ другихъ воровствахъ себя не оговорилъ, что воевода Мустофинъ учинилъ ему, Кривошеину, наказанье и торговую казнь, *мстя ему, Жукову, недружбу съ родственниками* его, Жукова“. Такъ какъ по словамъ Жукова „Кривошеинъ, сидя въ тюрьмѣ, помираетъ голодною смертію, то Жуковъ проситъ его, крестьянина, изъ тюрьмы освободить на чистыя поруки“.

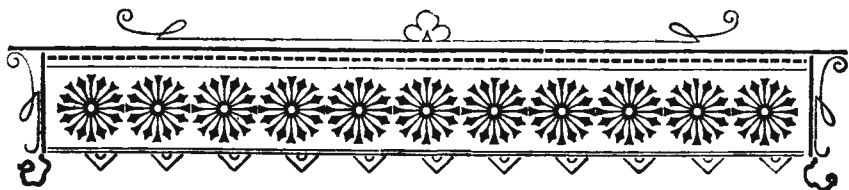
Въ дѣлѣ опредѣленія Государей по челобитной Жукова нѣтъ, но изъ послѣдней склейки столбца видно, что она была уважена, потому что 19 декабря 1688 г. два посадскихъ человѣка г. Кадома и четыре другихъ крестьянина того же Жукова даютъ поручную запись въ томъ, что „Максимка Кривошеинъ изъ тюрьмы въ Кадомѣ освобоженъ на чистыя поруки, чтобы ему впредь не воровать, воровскимъ людямъ поноровки не чинить, воровскія рухляди не принимать и у себя не держать. А буде онъ, Максимка,—говорится въ

записи,—въ такихъ воровскихъ дѣлахъ объявится, и на насъ (поручикахъ) пеня Великихъ государей, что укажутъ“.

Этимъ заканчивается одна изъ не рѣдкихъ темныхъ страницъ минувшаго, но пусть не подумаетъ читатель, что только въ нихъ однихъ отражается бытъ нашихъ предковъ: бесспорно еще болѣе многочисленныя страницы должны намъ передать тѣ свѣтлые итоги, изъ которыхъ сложился крѣпкій устой русской жизни.

И. С. Бѣляевъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

Оставшись въ столицѣ, Елисавета Алексѣевна нервно слѣдила за ходомъ войны и когда случилось извѣстіе о поражении, нанесенномъ Наполеономъ русскимъ и австрійскимъ войскамъ, Императрица долго не могла успокоиться. Ея письмо къ матеря, писанное подъ вліяніемъ этого рокового извѣстія, дышетъ глубокой скорбью и проникнуто вмѣстѣ съ тѣмъ искреннимъ патріотизмомъ.

Извѣстіе о поражении подъ Аустерлицомъ было получено въ Петербургѣ въ началѣ декабря; „не имѣвъ довольно долго никакихъ извѣстій объ Императорѣ и объ арміи“, писала Елисавета Алексѣевна 11/23 декабря 1805 г., „мы дѣлали все время различныя предположенія. одни болѣе неосновательныя, чѣмъ другія; прошлую среду (7 декабря)—было получено извѣстіе о сраженіи 20 числа, объ его исходѣ и о предстоящемъ возвращеніи Императора и объ опасности, которой онъ подвергался: вы поймете, что и одного изъ этихъ извѣстій было бы, само по себѣ, достаточно, чтобы взволновать насъ, и что всѣ они, вмѣстѣ взятыя, глубоко взволновали меня. Прибавьте къ этому несказанное негодованіе, въ какое повергло меня недостойное поведеніе австрійцевъ, коимъ мы обязаны этимъ поражениемъ. Не только всякому русскому, но и всякому человѣку съ душою, слово австріецъ должно внушать отвращеніе. Тяжело видѣть, когда частное лицо дѣлаетъ подобныя гнусности, но нѣтъ словъ, чтобы выразить то чувство, которое испытываешь, видя, что цѣлый народъ глупъ, низокъ, способенъ къ измѣнѣ, словомъ, обладаетъ самыми низкими качествами. Не слова, а факты говорятъ лучше всего о томъ, что это за люди: морить съ голода

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1910 г. январь.

тѣхъ, кто пришелъ проливать за нихъ кровь, поступать по отношенію ихъ болѣе гнусно, нежели поступаютъ враги, выдать ихъ и, наконецъ, обратить противъ нихъ свое собственное оружіе. Если вы найдете выраженіе, которое могло бы передать чувство, возбуждаемое этими поступками, подскажите его мнѣ, ибо я не нахожу его.

„Таково ихъ поведеніе вообще, а вотъ черта, характеризующая ихъ отношеніе къ Императору лично: по окончаніи битвы, онъ пріѣхалъ, въ три часа ночи, въ небольшое мѣстечко, верхомъ; надобно замѣтить, что онъ не сходилъ съ лошади съ семи часовъ утра. Въ этомъ мѣстечкѣ находился австрійскій дворъ со всѣмъ своимъ багажомъ, кроватями, кухнею, всѣ эти животныя лежали на своихъ пуховикахъ. Императоръ Александръ, слишкомъ возмущенный, чтобы просить у нихъ убѣжища, вошелъ въ какой-то жалкій крестьянскій домикъ, въ сопровожденіи графа Ливена и князя Адама, которые не разставались съ нимъ ни на минуту, и хирурга Виллье. Тутъ, отъ усталости или огорченія, или отъ того, что онъ ничего не ѣлъ цѣлыя сутки, у него сдѣлались въ желудкѣ такія спазмы, что Виллье, по его словамъ, боялся, что онъ не переживетъ ночь. Онъ прикрылъ его соломой и отправился въ главную квартиру императора Франца, гдѣ просилъ нѣкоего Ламберти, лейбъ-медика, дать ему немного краснаго вина, передавъ ему, въ какомъ состояніи находился Императоръ; тотъ отказалъ въ этомъ, сказавъ, что не стоитъ будить людей и т. п.; наконецъ, Виллье сталъ на колѣни передъ этимъ животнымъ, но все было бесполезно; только посуливъ денегъ, ему удалось разбудить лакея, который вмѣстѣ съ нимъ разыскалъ полбутылки какого-то плохенькаго краснаго вина! Вотъ какъ обходятся у австрійцевъ съ союзнымъ монархомъ, пожертвовавшимъ своей арміей ради спасенія союзника!

Несмотря на всѣ неудачи и на измѣну, наши превосходныя войска покрыли себя новой славой, даже въ глазахъ своихъ враговъ, и внушили живѣйшій энтузіазмъ своимъ соотечественникамъ. Это ангелы, это мученики, эти солдаты и въ то же время они герои. Они умирали отъ голода; во время похода они падали и умирали на мѣстѣ отъ истощенія и горѣли желаніемъ сражаться, и никто не слышалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, въ то время какъ мимо ѣхали къ непріятелю цѣлыя транспорты съ съѣстными припасами и эти жалкія австрійскія войска имѣли все необходимое; за то говорятъ, что гвардейцы не пощадил ни одного человѣка изъ австрійскаго баталіона, обратившаго во время сраженія свое оружіе противъ насъ; я отъ этого въ восторгѣ. Молодцы гвардейцы выказали чудеса храбрости: одинъ Преображенскій полкъ опрокинулъ четыре линіи непріятельскаго войска и сдѣлся только подѣ

натискомъ пятой; Семеновскій батальонъ взялъ въ штыки цѣлый эскадронъ французской гвардіи. По отзыву наиболѣе опытныхъ генераловъ, это было одно изъ самыхъ кровопролитныхъ дѣлъ. Сердце обливается кровью, слушая эти подробности; намъ еще не все извѣстно, мы даже не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли тѣ, кого мы знали лично“. „Воспоминаніе обо всѣхъ этихъ гнусностяхъ никогда не изгладится изъ моей памяти“.

„Такъ какъ поведеніе нашихъ любезныхъ союзниковъ австрійцевъ нечего скрывать, и во Франціи объ этомъ знаютъ пожалуй больше насъ, то я не боюсь писать вамъ обо всемъ по почтѣ: я хотѣла бы даже, чтобы вы разглашали эти подробности, насколько возможно, ибо я предвижу, что эти негодаи найдутъ возможность обвинить насъ въ чемъ-нибудь, и у нихъ могутъ найтись сторонники, которые повѣрятъ имъ“.

„...Какъ я благодарна вамъ за помощь, которую вы оказываете нашимъ добрымъ русскимъ. Мнѣ пріятно думать, что они находятъ въ васъ покровительницу, я такъ и думала, что соображенія политики заглушили въ другихъ людяхъ чувство челоѣколюбія. Какъ я благодарна жителямъ названныхъ вами городовъ! Я хотѣла бы поблагодарить ихъ за русскихъ, ибо хотя, разумѣется, всякое челоѣческое существо внушаетъ мнѣ такое же состраданіе, но русскіе, и по чувству и по разуму, внушаютъ его въ болѣе сильной степени; мнѣ кажется, что русскій, вдали отъ отечества, чувствуетъ себя на чужбинѣ болѣе чужестранцемъ, нежели всякій иной европеецъ, такъ какъ онъ болѣе отличается отъ нихъ религіей, языкомъ и обычаями. Я говорю только о солдатахъ, такъ какъ высшіе классы всѣхъ странъ имѣютъ болѣе общаго“.

Чувство патріотизма, появившееся у Елисаветы Алексѣвны подъ впечатлѣніемъ прискорбныхъ событій военнаго времени, было вполне искреннее и вылилось впоследствии въ болѣе опредѣленную форму, но и въ то время Императрица вполне сознательно скорбѣла вмѣстѣ съ русскимъ народомъ о пораженіи нашей арміи. По многимъ отдѣльнымъ фразамъ ея писемъ и по ихъ общему тону видно, что она уже сроднилась съ Россіей, считала ее своимъ вторымъ отечествомъ и болѣла ея скорбями.

„Одно ваше предсказаніе, которое я помню какъ сейчасъ, писала она матери, между прочимъ, въ настоящее время оправдалось. Незадолго до моего отъѣзда изъ Карлсруэ, когда мы сидѣли однажды съ вами на балконѣ, и я горевала о своей участи, вы сказали мнѣ, стараясь меня утѣшить: „ты такъ молода, что черезъ нѣкоторое время ты станешь считать Россію своей родиной“. Въ то время я была въ такомъ отчаяніи, что я считала это невозможнымъ; те-

перъ же, когда я провела тутъ дѣйствительно половину жизни (я пріѣхала 13 лѣтъ, а теперь мнѣ 26, и я жила здѣсь болѣе нежели въ Германіи, такъ какъ жить значитъ мыслить и чувствовать, а въ раннемъ дѣтствѣ мы живемъ болѣе животной жизнью), теперь, я сознаю, что я совершенно сроднилась съ Россіей, и что какъ бы мнѣ ни было пріятно увидѣть вновь Германію, я была бы въ отчаяніи уѣхать изъ Россіи навсегда и если бы, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, я очутилась въ одиночествѣ, и выборъ мѣста жительства зависѣлъ отъ меня, я поселилась бы въ Россіи, хотя бы мнѣ и пришлось жить совершенно безвѣстно. Это должно вамъ нравиться, дорогая мама, и должно успокоить довольно неосновательныя опасенія, которыя, мнѣ кажется, вы до сихъ поръ питаете. Это не ослѣпленіе, которое мѣшало бы мнѣ видѣть преимущества другихъ странъ передъ Россіей: я чувствую, чего ей не достаетъ, но я вижу также, чѣмъ она можетъ стать въ будущемъ, и каждый шагъ, сдѣланный ею впередъ, радуетъ меня“.

Неудивительно, что при подобномъ настроеніи и послѣ тяжкаго пораженія, испытаннаго союзниками подъ Аустерлицомъ, Елисавета Алексѣвна отнеслась крайне несочувственно къ браку своего брата съ близкой родственницей Наполеона, Стефаніей Богарнэ, состоявшемуся 8 апрѣля 1806 года. Она была имъ огорчена, какъ вынужденнымъ обличіемъ ея Баденской семьи съ императоромъ французовъ, и въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ высказала брату свои чувства и свое отношеніе къ его браку.

„Письмо мое будетъ вѣроятно тщетнымъ,—писала она,—такъ какъ я не думаю, чтобы вы обратили болѣе вниманія на мои слова, нежели на мнѣніе мамыши, къ которой вы относитесь въ высшей степени неуважительно, заключая, несмотря на ея увѣщанія, тотъ недостойный бракъ, къ которому васъ склоняютъ; если вслѣдствіе этой трусливой уступчивости вы заставите ее отдалиться отъ васъ, вы этимъ порвете всѣ узы, которыя связываютъ меня съ вами и съ нашей семьей, и которыя вынуждаютъ меня говорить съ вами съ полной откровенностью. Какое ослѣпленіе мѣшаетъ вамъ видѣть, что вы покрываете позоромъ себя и свою страну въ глазахъ отдаленнѣйшаго потомства? Если бы вы имѣли несчастье преступить долгъ, поддавшись своимъ чувствамъ, я бы пожалѣла васъ, но, по крайней мѣрѣ, вы не заслужили бы того презрѣнія, какого вы заслуживаете, поддаваясь страху, поддаваясь совѣтамъ коварнаго дяди, маркграфа Людовика, который, по отзыву всѣхъ, проданъ французскому правительству и злоупотребляетъ добротой моего дяди и губить столь заслуженно пріобрѣтенную имъ репутацію, составивъ въ теченіе полвѣка счастье своихъ подданныхъ. Развѣ вы не видите, что все это подстроено

вашимъ дядей только для того, чтобы проложить себѣ дорогу къ регентству, и вы имѣете низость идти на безчестіе, тогда какъ вы мужчина, вы совершеннѣйшій, вамъ слѣдуетъ сдѣлать все возможное, чтобы избѣгнуть безчестія; къ тому же вы сильны своимъ правомъ и волей матушки, которая должна быть для васъ священна. Какую пользу принесетъ это вамъ и вашей странѣ? Ваши будущіе подданные будутъ презирать васъ, видя, что съ вами можно обращаться какъ съ дѣвченкой, родные будутъ краснѣть при мысли о родствѣ съ вами: будьте увѣрены, что тотъ, чье расположеніе вы думаете снискать, дѣлая эту низость, также будетъ презирать васъ въ глубинѣ души и всегда будетъ относиться къ вамъ какъ къ орудію своей фантазіи. Если это нравится вамъ, я конечно не могу ничего возразить противъ этого. Вамъ конечно нѣтъ надобности дѣлать тайну изъ этого письма, я даже ничего не имѣю противъ, чтобы вы показали его дѣдушкѣ, если обстоятельства этого потребуютъ: я была бы очень счастлива, если бы онъ принялъ во вниманіе мои чувства, но я на это не рассчитываю. Впрочемъ, можетъ быть уже поздно: если нѣтъ, то прошу васъ именемъ всего, что для васъ свято, прошу васъ во имя чести, не покрывайте себя позоромъ“.

„Достаточно прочесть эти строки“, говоритъ августѣйшій біографъ Елисаветы Алексѣвны, „чтобы уяснить себѣ взглядъ Елисаветы Алексѣвны на брачныя узы и на политическую подкладку такого компромисса съ совѣстью. Въ дальнѣйшемъ она не измѣняла своихъ убѣжденій, и на ея отношеніяхъ съ новобрачными навсегда остался отпечатокъ этихъ взглядовъ“.

„Въ апрѣлѣ 1806 года Государыня почувствовала первые признаки давно желанной беременности. 3 ноября у нея родилась вторая дочь, получившая имя Елисаветы. Императрица порадовала мать лаконической запиской отъ 7 ноября 1806 г., т. е. четыре дня послѣ родовъ: „я чувствую себя хорошо такъ же, какъ и малютка Лиза, которая умоляетъ васъ простить ей, что она не мальчикъ“.

1807 годъ прошелъ для Государыни въ заботахъ о ребенкѣ; она нянчилась со своей малюткой цѣлыми днями и сосредоточила на ней все свое вниманіе. Даже болѣзнь ея любимой подруги, княгини Н. Ѳ. Голицыной, сравнительно мало вліяла на радостное настроеніе счастливой матери.

Княгиня Голицына заболѣла, послѣ родовъ, злокачественной чахоткой; врачи отправили больную за границу, гдѣ она и скончалась въ октябрѣ того же года.

Послѣ смерти княгини Елисавета Алексѣвна взяла старшую ея дочь на свое попеченіе, мечтая сдѣлать ее товарищемъ дѣтскихъ

*

игръ своей Лизиньки. Въ одномъ изъ писемъ къ маркграфинѣ описана первая встрѣча малютокъ:

„Послѣ того какъ мы переѣхали въ Зимній дворецъ, Лизинька познакомилась съ маленькой Лизой Голицыной, но на это понадобилось цѣлыхъ три дня: она не будетъ большой охотницей до новыхъ знакомствъ; тѣмъ лучше! Первая встрѣча привела ее въ самое скверное расположеніе духа. Бѣдная Лиза, которая уже достаточно благовоспитана, была очень ласкова и хотѣла поцѣловать Лизиньку, но у нея очень рѣзкія манеры, и она рѣшительно оттолкнула ее. Если можно судить о ребенкѣ въ этомъ возрастѣ, то она будетъ съ характеромъ: Дай Богъ! При вторичной встрѣчѣ дѣло пошло на ладъ, а при третьей, ей, кажется, уже было пріятно видѣть свою маленькую подругу. Какъ бы я хотѣла видѣть ихъ лѣтъ пяти—шести, когда онѣ будутъ расти вмѣстѣ и любить другъ друга какъ сестры! Увы, я строю планы, а я даже не знаю, оставитъ ли князь Голицынъ у меня свою дочь“.

Но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться. Въ мартѣ 1808 г. Императрица писала матери:

„Лизинька начала ходить, это великое событіе совершилось вчерашній день. Вчера она сдѣлала впервые шаговъ десять—двѣнадцать: я слѣдила за ней, обмирая отъ страха и не вѣря своимъ глазамъ, а она гордилась тѣмъ, что могла обойтись безъ посторонней помощи“.

Ребенокъ былъ крѣпкій и повидимому здоровый, но въ концѣ апрѣля у дѣвочки показались, почти сразу, три зуба, она страшно ослабла, и всѣ старанія врачей спасти ее остались безуспѣшны. 30 апрѣля Лизиньки не стало.

Трудно описать отчаяніе, овладѣвшее несчастной матерью: ея сестра Амалія сообщила маркграфинѣ объ утратѣ внучки, такъ какъ Государыня, предавшись горю, не могла ничѣмъ заниматься первые дни.

„Пишу вамъ еще разъ, чтобы извѣстить васъ о несчастной Лизѣ, писала матери принцесса Амалія 2 мая 1808 г. „Здоровье ея, надѣюсь, не пострадаетъ отъ этого страшнаго удара. Она покоряется судьбѣ и волѣ Божіей, но какъ она страдаетъ!“

„Пока бѣдная малютка находится еще въ своей комнатѣ, она почти не отходитъ отъ нея. Она хотѣла просидѣть подлѣ нея послѣднюю ночь: сегодня, въ 7 час. вечера, ее перевезутъ въ Невскую лавру. Мы провели всю ночь у нея въ комнатѣ: по утру она одѣла ее и сама положила въ гробъ. Дорогой ангелочекъ почти не измѣнился, на ея лицѣ еще играетъ слабая улыбка“...

О томъ, какъ велика была для Императрицы эта потеря, какъ

она должна была чувствовать себя одинокой, какую страшную пустоту оставила въ ея жизни смерть малютки, можно судить по тому, какъ страстно она ее любила, какъ много посвящала ей времени.

Графиня Головина, незадолго передъ тѣмъ вернувшаяся изъ-за границы, записала въ своемъ дневникѣ:

„Дочь Императрицы стала предметомъ ея страсти и постоянныхъ ея заботъ.

„Уединенная жизнь стала для нея счастьемъ: какъ только она вставала, она отправлялась къ своему ребенку и не оставляла его почти весь день; если ей приходилось провести вечеръ внѣ дома, она всегда по возвращеніи шла поцѣловать ее. Но это счастье продолжалось только 18 мѣсяцевъ. У маленькой великой княжны очень трудно прорѣзались зубы. Франкъ, врачъ Ея Величества, не сумѣлъ ее лѣчить: ей дали укрѣпляющія средства, которыя увеличили воспаленіе. Въ апрѣлѣ 1808 г. съ великой княжной сдѣлались конвульсіи; всѣ врачи были созваны, но никакое лѣкарство не могло ее спасти. Несчастливая мать не отходила отъ постели своего ребенка, дрожа при малѣйшемъ ея движеніи; каждая спокойная минута придавала ей нѣкоторую надежду. Вся Императорская фамилія собралась въ этой комнатѣ. Стоя на колѣняхъ, возлѣ кровати, Императрица, увидѣвши свою дочь болѣе спокойной, взяла ее на руки; глубокое молчаніе царило въ комнатѣ. Императрица приблизила свое лицо къ лицу ребенка и почувствовала холодъ смерти. Она просила Императора оставить ее одну у тѣла ея дочери, и Императоръ, зная ея мужество, не колебался согласиться на желаніе опечаленной матери...

„Утромъ этого печальнаго дня (30 апрѣля) получилось извѣстіе о смерти младшей сестры Императрицы, принцессы Маріи Брауншвейгской. Александръ благоразумно рѣшилъ, что слѣдуетъ лучше сейчасъ извѣстить объ этомъ свою супругу, потому что новое несчастіе, какъ бы оно ни было чувствительно, будетъ мало замѣтно для матери, раздираемой печалью.

„Принцесса Амалія рассказывала мнѣ, что въ первую минуту она хотѣла проводить ночи возлѣ императрицы, но, замѣтивъ, что изъ стѣсненія передъ ней ея величество удерживала рыданія, она сочла лучше удалиться; ужасно сдерживать изліяніе печали, когда отчаяніе и рыдотъ не сопровождаютъ его. Императрица оставляла при себѣ тѣло своего ребенка въ теченіе четырехъ дней. Затѣмъ оно было перенесено въ Невскую лавру и положено на катафалкъ. По обычаю всѣ получили разрѣшеніе войти въ церковь и поцѣловать ручку маленькой великой княжны...

„Погребальная процессія двигалась мимо моихъ оконъ. Гробикъ везли въ каретѣ, въ которой сидѣла статсъ-дама графиня Литте и оберъ-гофмейстеръ Торсуковъ. Народъ плакалъ и выказывалъ всѣ

знаки горести. Я не могу передать, что происходило со мною, и насколько это несчастье разрывало мнѣ душу...

„Въ день св. Елисаветы, бывшій днемъ именинъ въ одно и то же время Императрицы и ея дочери, которую она только что потеряла, Государыня отправилась, по своему обыкновенію, въ Невскій монастырь. Графиня Толстая хотѣла узнать, какъ она себя чувствуетъ послѣ такой быстрой поѣздки. Она замѣтила, что Императрица ходила медленными шагами въ саду одна, погруженная въ тягостныя размышленія. Проходя передъ одной изъ гробницъ, ея величество замѣтила пучокъ аютиныхъ глазокъ, растущихъ сбоку. Она сорвала его, положила на памятникъ и продолжала молча ходить. Это было выразительнѣе всякихъ словъ“.

Сардинскій посланникъ Жозефъ де-Мэстръ доносилъ своему двору въ маѣ мѣсяцѣ 1808 года:

...„Мы присутствовали 27 апрѣля (9 мая) на молебствіи по случаю взятія Свеаборга и окончательнаго покоренія Финляндіи. За тѣмъ былъ большой парадъ у памятника Петра Великаго; дуль рѣзкій, холодный вѣтеръ, отъ котораго всѣ очень страдали, въ особености бѣдныя дамы.

„Бѣдная царствующая Императрица также присутствовала на парадѣ; на нее были обращены всѣ взоры: мнѣ кажется, ее можно было бы освободить отъ этой пытки. Во время этой безконечной церемоніи ея дочь была при смерти; у нея прорѣзывались зубы и тяжелыя страданія сопровождались конвульсіями. Ночь съ 29 на 30 была очень трудная. Въ пять часовъ утра разбудили Императора; въ семь часовъ малютка, которую мать держала на рукахъ, прильнула къ ея плечу и осталась неподвижной. Императрица полагала, что ребенокъ уснулъ; минуту спустя она дотронулась до головы малютки, и почувствовала, что она покрылась холоднымъ потомъ: „Дорогая Лизинька, ты меня покидаешь!“ Ребенка уже не было въ живыхъ. Августѣйшая мать не отходила отъ тѣла до самыхъ похоронъ и провела послѣднюю ночь около дорогихъ для нея останковъ. Въ восемь часовъ утра она стояла на колѣняхъ у кровати. Она знала, что въ этотъ часъ былъ назначенъ выносъ; не дожидаясь предупрежденія, она встала и ушла изъ комнаты, быстро, какъ стрѣла.

„Вы не можете себѣ представить, до чего это злополучное событіе привлекло къ Императрицѣ всѣ сердца. Лейбъ-хирургъ, Виаліе, утѣшая Императора, говорилъ, что онъ и Императрица молоды, что у него могутъ быть еще дѣти. Императоръ отвѣтилъ на это: „нѣтъ, другъ мой, Господь не любитъ моихъ дѣтей“.

Горе, постигшее Императрицу, самымъ тяжелымъ образомъ отра-

зилось на ея здоровѣ; въ особенности потому, что она переживала его въ полномъ нравственномъ одиночествѣ. Ея отношенія къ новой семьѣ сложились крайне неблагоприятно: Марія Антоновна Нарышкина овладѣла въ то время всецѣло сердцемъ Александра I, который оказывалъ ей всѣ наружные признаки вниманія и привязанности, что въ свою очередь усугубляло тяжелое состояніе духа молодой Императрицы; вдовствующая Государыня не особенно симпатизировала своей невѣсткѣ, часто при своихъ дѣтяхъ критиковала ее; подъ ея вліяніемъ къ Елисаветѣ относилась недружелюбно и ея дочь, любимая сестра Государя великая княгиня Екатерина Павловна, сочетавшаяся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1809 г. съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ.

Елисаветѣ Алексѣевнѣ жилось не весело, и она уединялась, насколько это позволялъ этикетъ, отъ родственниковъ и общества и проводила время, предаваясь печальнымъ воспоминаніямъ; маленькая Лиза Голицына, взятая Императрицей на свое попеченіе, была невольной причиной того, что душевная рана, вызванная потерей любимой дочки, не могла зажить; глядя на нее, Елисавета Алексѣевна еще живѣе чувствовала свою утрату; единственнымъ утѣшеніемъ для нея было общество сестры и переписка съ матерью, ей она изливала свои чувства; но въ письмахъ, относящихся къ этому періоду, она не касается никакихъ вопросовъ кромѣ интимной области личныхъ чувствъ и воспоминаній, и ничѣмъ не высказываетъ своего отношенія къ текущимъ событіямъ внѣшней и внутренней политики, въ которыя она поставила себѣ за правило не вмѣшиваться, замкнувшись исключительно въ сферу своей личной жизни, она молча и безропотно покорилась своей судьбѣ, не дѣлая никакихъ попытокъ отстаивать свое личное счастье; такое пассивное отношеніе къ окружающему не означало, конечно, что Елисавета Алексѣевна не имѣла на событія своего собственнаго, вполне опредѣленнаго взгляда: такъ, между прочимъ, она далеко не сочувствовала сближенію Императора съ Наполеономъ и союзу съ Франціей вообще, но она предпочитала молчать и не осуждать дѣйствій Императора, точно также какъ на почвѣ личныхъ отношеній она, вопреки совѣтамъ матери выказывать наружно порицаніе мужу, какъ бы нарочно старалась не замѣчать невѣрности супруга и ничѣмъ не проявляла неудовольствія или ропота. „Во всѣхъ дѣйствіяхъ Елисаветы Алексѣевны проходитъ эта нота ступенчатости: этотъ, такъ какъ сказать, Leitmotiv—не раздражать Александра, дать ему полную свободу во всѣхъ его начинаніяхъ. Елисавета Алексѣевна выдержала его всю жизнь; „возможно, говорить ея августѣйшій биографъ, что, видя совсѣмъ обратную тактику

со стороны императрицы-матери, вмѣшивавшейся положительно во всё мелочи внѣшней и внутренней политики, она еще усугубила избранную ею методу держаться въ сторонѣ; примѣръ великой княгини Екатерины Павловны, часто старавшейся проявить вліяніе на брата, могъ еще болѣе убѣдить Елисавету въ правильности ея собственныхъ поступковъ“.

Но понятно, что наложенный ею на себя обѣтъ сдержанности и молчанія, необходимость постоянно сдерживать выраженіе своихъ чувствъ и не давать имъ исхода должны были самымъ пагубнымъ образомъ повліять на ея здоровье; уже въ исходѣ 1809 г., она жалуется матери на частое недомоганіе, на слабость, шумъ въ ушахъ, и эти болѣзненные ощущенія стали постоянно усиливаться, такъ что врачи признали необходимымъ приступить къ серьезному лѣченію. „Такъ какъ на заграничную поѣздку встрѣчался въ данное время рядъ препятствій, то остановились на мѣстечкѣ Плѣнѣ близъ Ревеля, на балтійскомъ побережьѣ.

8 іюля Государыня выѣхала изъ Петербурга черезъ Ригу. Ее сопровождали только нѣсколько лицъ свиты, а именно: старушка камеръ-фрейлина графиня Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Е. А. Разумовская, гофмейстеръ князь А. М. Голицынъ и докторъ Штофрегень“.

Но это были люди, къ которымъ она привыкла и съ которыми не стѣснялась.

„Старушку Протасову она давно любила и уважала, князь А. М. Голицынъ былъ свой человѣкъ и напоминалъ Елисаветѣ усопшую подругу княгиню Наталію Ѳедоровну, фрейлина Разумовская въ это время была наиболѣе симпатична Государынѣ, а также и докторъ Штофрегень, вѣрный ея врачъ почти съ самаго пріѣзда въ Россію“.

Путешествіе совершилось благополучно. „Я пріѣхала сюда (въ Ригу), писала Елисавета Алексѣевна матери, вчера, въ шестомъ часу по полудни. Мнѣ устроили трогательную и блестящую встрѣчу, о которой я не стала бы говорить, если бы я не была увѣрена въ томъ, что всё эти почести относятся не ко мнѣ лично, а къ супругѣ монарха, къ которому добрый русскій народъ питаетъ неизмѣнную преданность. Начиная съ послѣдней почтовой станціи, народъ сопровождалъ меня верхами и въ экипажахъ и т. д. У предмѣстья меня ожидала несмѣтная толпа; несмотря на всё протесты, народъ выпрягъ моихъ лошадей и потащилъ мою карету на себѣ черезъ весь городъ до замка при несмолкавшихъ крикахъ. Я до смерти боялась, чтобы не случилось какого-нибудь несчастья въ этихъ узкихъ улицахъ, но, благодаря Бога, все обошлось благополучно. Послѣ пред-

ставленій состоялся парадный обѣдъ. Я была до часа ночи на балу въ Дворянскомъ Собраніи и не чувствую ни малѣйшаго утомленія. Завтра по утру я ѣду въ Митаву; гдѣ буду обѣдать, тамъ, какъ говорятъ, также предстоятъ празднества, а послѣзавтра я приѣду на мѣсто“.

Описывая свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Пленѣ, на берегу моря, и удовольствіе, испытываемое ею отъ купанья, Императрица отмѣчаетъ, что тамъ все до того походило на Германію, что „если бы они не были окружены военными, которые вносятъ во все окружающее русскій духъ“, то она не была бы такъ довольна своимъ пребываніемъ въ Пленѣ и присовокупляетъ: „я не боюсь сказать вамъ, что я только въ Россіи чувствую себя дома у себя, въ своемъ отечествѣ“.

Обстановка, среди которой Императрица жила въ Пленѣ, была самая простая: для ея помѣщенія былъ нанятъ простой крестьянскій домикъ.

Здѣсь Елисавета Алексѣвна пробыла не много болѣе мѣсяца; „наслаждаясь безмятежно другимъ образомъ жизни, другой обстановкой, столь различной отъ пребыванія на Каменномъ островѣ или въ Царскомъ Селѣ; подъ вліяніемъ новой обстановки, Елисавета, сама того не замѣчая, совершенно преобразилась и ея письма изъ Плена носятъ какой-то особый отпечатокъ приволья, довольства и веселости“.

25 августа 1810 года Императрица возвратилась на Каменный островъ, но еще долго воспоминаніе объ этомъ мѣсяцѣ, проведенномъ какъ бы на волѣ, сохранилось въ ея памяти. Во всякомъ случаѣ эта поѣздка принесла безусловную пользу ея здоровью, и она вернулась бодрой и въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа; это настроеніе держалось довольно долго и по возвращеніи въ Петербургъ, а вскорѣ, подъ вліяніемъ грандіозной борьбы, которую Россіи пришлось вынести съ Наполеономъ, Елисавета Алексѣвна какъ бы совершенно переродилась, перестала замыкаться въ узкую сферу личной жизни и проявила замѣчательный подъемъ духа и высокій патріотизмъ.

Она вполне раздѣляла взглядъ, усвоенный Государемъ съ самаго начала его борьбы съ Наполеономъ, и съ замѣчательною проникательностью вѣрно оцѣнила обстановку, среди которой совершались потрясающія событія 1812 г.

Въ самый день Бородинской битвы она писала своей матери, маркграфинѣ Амаліи:

„Мы готовы на все, дѣйствительно на все, только не на переговоры. Чѣмъ дальше будетъ подвигаться Наполеонъ, тѣмъ менѣе

онъ долженъ разсчитывать на заключеніе мира. Таково единодушное мнѣніе Императора и всего народа, всѣхъ классовъ общества; благодаря Бога, въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшее согласіе. На это именно Наполеонъ и не разсчитывалъ; онъ ошибся и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Каждый его дальнѣйшій шагъ въ этой необъятной Россіи все болѣе и болѣе приближаетъ его къ безднѣ. Увидимъ, какъ онъ перенесетъ въ ней зиму“.

28 августа (9-го сентября) Императрица писала:

„Если настоящія обстоятельства и имѣютъ свои тяжелыя стороны вслѣдствіе тѣхъ страданій и личныхъ бѣдствій, которыя вызваны ими, зато въ нихъ есть также много великаго и такого, что лишь изрѣдка встрѣчается во всемирной исторіи, такъ какъ эпохи, подобныя переживаемой нами, къ счастью для человѣчества, не часты. Надо, подобно намъ, видѣть и слышать ежедневно о доказательствахъ патріотизма, самопожертвованія и геройской отваги, проявляемыхъ всѣми лицами военнаго и гражданскаго сословія, чтобы не считать ихъ преувеличенными. О, этотъ доблестный народъ наглядно показываетъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности, и что онъ именно таковъ, какимъ издавна его считали люди, понимавшіе его, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые упорно продолжали считать его народомъ варварскимъ. А между тѣмъ, какъ разъ варвары сѣвера и ханжи юга Европы и причиняютъ болѣе всего хлопотъ націи цивилизованной, по преимуществу, и силы ихъ далеко еще не истощены. Съ той минуты, какъ Наполеонъ въ Россіи, и если бы при ея громадномъ протяженіи было возможно, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ одновременно во всѣхъ концахъ Имперіи, то раздался бы такой грозный крикъ негодованія, который долетѣлъ бы, какъ мнѣ кажется, до края вселенной.“

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, это чувство будетъ усиливаться болѣе. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: „мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира“. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, коимъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастью, не можетъ быть заключенъ; Императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія“.

„Каждый день приноситъ также свои утѣшенія. Тѣ чувства и мнѣнія, которыя въ теченіе пяти лѣтъ были подавляемы, сдерживаемы и ежеминутно оскорбляемы, теперь съ каждымъ днемъ про-

бываются наружу все сильнѣе. Со всѣхъ сторонъ стекаются люди умные и достойные, которые были вынуждены мелочнымъ деспотизмомъ Наполеона скрываться или покидать континентъ. Словомъ, мы снова живемъ здѣсь въ хорошемъ обществѣ: замѣтно дѣятельное оживленіе въ пользу праваго дѣла, благотворно отражающееся на моей душѣ, столько лѣтъ изнемогавшей среди отравленной атмосферы, которой она была окружена. Англичане, стекающіеся со всѣхъ сторонъ, испанцы и нѣмцы—мученики праваго дѣла, составляютъ какъ бы одну семью; всѣ обнялись бы даже съ турками, если бы послѣдніе проявили подобную ревность ко всеобщему благу“.

„...Когда вы получите это письмо, многое, должно быть, измѣнится, такъ какъ мы ожидаемъ ежеминутно вѣсти о первомъ генеральномъ сраженіи съ начала кампаніи; если побѣда окажется на нашей сторонѣ, это будетъ имѣть весьма важныя послѣдствія.

„Здѣсь получено извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Іосифа Бонапарта англичанами. Это не трудно было предвидѣть послѣ побѣды, одержанной этой доблестной арміей. Ахъ, если бы Германія могла проснуться! Какъ можетъ она терпѣть, видя, что ея несчастныхъ *Landeskinder* таскаютъ то въ Испанію, то въ Россію, гдѣ они гибнуть либо съ оружіемъ въ рукахъ, либо отъ голода и холода, какъ у насъ. Нашъ храбрый графъ Витгенштейнъ выказалъ во время похода чудеса храбрости. Онъ нанесъ огромный ущербъ корпусу Удино, который раненъ, и баварцамъ. Что касается послѣднихъ, то между нами будь сказано, *ich gönne es ihnen*, такъ какъ они преданы душою и тѣломъ французамъ“.

„Приписываю еще нѣсколько словъ, дорогая мама, къ моему письму, которое до сихъ поръ не отправлено,—писала Елисавета Алексѣевна 1 (13) сентября.—Я хочу доставить себѣ удовольствіе сообщить вамъ, что третьяго дня, 30 числа, мы отпраздновали большую побѣду, одержанную въ ста верстахъ отъ Москвы 26 августа (7 сентября). По отзыву всѣхъ очевидцевъ, это былъ настоящій адъ. Уронъ съ обѣихъ сторонъ огромный, въ особенности со стороны непріятеля. Самъ Наполеонъ былъ вынужденъ отступить. Его войска идутъ впередъ только тогда, когда онъ ихъ напоитъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ хлѣба. Плѣнные (это подтвердилъ одинъ плѣнный генералъ) говорятъ, что они возмущаются тѣмъ, что ихъ ведутъ въ страну, гдѣ нѣтъ ни пищи, ни жителей, что они не знаютъ, куда ихъ ведетъ Наполеонъ, и т. п. Мы одушевлены самыми радужными надеждами, мы ожидаемъ каждый день извѣстій о новомъ дѣлѣ.

„Невозможно передать все то, что я почувствовала за послѣдніе два съ половиною мѣсяца и въ самое послѣднее время. Мы

знали два дня, что шло сраженіе; всѣ прїѣзжавшіе съ той стороны говорили, что земля содрогалась верстъ на двадцать въ округѣ. Намъ передавали самые трогательные примѣры геройства, храбрости, самоотверженія, даже со стороны простыхъ крестьянъ; въ настоящую минуту намъ неизвѣстенъ еще исходъ сраженія. Начиная отъ Можайска до Москвы, крестьяне всѣхъ деревень были вооружены, ополченцы стекались со всѣхъ сторонъ, по своему собственному почину, распѣвая пѣсни, счастливые тѣмъ, что они могутъ сразиться съ непріателемъ. Женщины стояли на колѣняхъ по большимъ дорогамъ и чуть не кидались подъ ноги курьерамъ, чтобы заставить ихъ сообщить имъ о томъ, какъ шло дѣло, а когда имъ говорили, что все идетъ благополучно, онѣ вставали съ колѣнъ и молились“.

„Въ Германіи вы, должно быть, плохо знаете о томъ, что дѣлается у насъ; не говоря уже о томъ, какое счастье я испытываю всякій разъ, какъ я могу побесѣдовать съ вами откровенно, я считаю долгомъ изложить вамъ ходъ вещей такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ“.

„Я ненавижу ложь, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ поступковъ Наполеона,—писала Императрица послѣ занятія Москвы,—и всякій, кому это возможно, долженъ бороться противъ ея всѣми силами. Бородинскую битву изобразили вѣроятно какъ наше пораженіе; между тѣмъ какъ мы ее выиграли до такой степени, что Наполеонъ носился по рядамъ войскъ, какъ сумасшедшій, крича: „французы, мы проиграли сраженіе! Я никогда не проигрывалъ сраженій, допустите ли вы, чтобы это случилось теперь?“ и т. д., а на слѣдующій день онъ говорилъ въ дневномъ приказѣ, что французская армія покрыла себя позоромъ.

„Къ сожалѣнію, мы не сумѣли или не могли воспользоваться побѣдой, и въ концѣ концовъ Кутузовъ нашелъ нужнымъ оставить Москву. И вотъ эта орда варваровъ поселилась на развалинахъ этой чудной столицы; они вели себя тутъ такъ же, какъ и вездѣ. Нашъ народъ предпочелъ сжечь все то, что ему было дорого, не желая отдать все это цѣликомъ въ руки непріятеля, и великая нація разоряетъ, грабитъ, „уничтожаетъ все, пока есть еще что грабить“.

„Наполеонъ, вступивъ въ Москву, не нашелъ того, на что онъ надѣялся. Онъ рассчитывалъ найти общество: его уже не было, всѣ разѣхались; онъ рассчитывалъ найти здѣсь средства и почти ничего не нашелъ. Онъ рассчитывалъ на нравственное впечатлѣніе, на уныніе и упадокъ духа, которые онъ возбудилъ въ народѣ, а между тѣмъ онъ возбудилъ лишь озлобленіе и желаніе отомстить; онъ рассчитывалъ, что конечнымъ результатомъ всего этого будетъ миръ“.

прилагаю воззваніе, обнародованное Императоромъ, какъ только стало извѣстно о выступлении нашихъ войскъ изъ Москвы. Я увѣряю, дорогая мама, что вы одобрите ея содержаніе. Оно написано съ полнымъ благородствомъ и достоинствомъ: оно запечатлѣно духомъ народа, къ корому оно обращено. Я ручаюсь, что рѣшеніе, о которомъ говоритъ Императоръ, непоколебимо. Если бы подобная участь угрожала даже Петербургу, то и тогда Императоръ былъ бы также далекъ отъ мысли заключить постыдный миръ. Петербургу еще не грозитъ непосредственной опасности, хотя многіе напуганы и не могутъ успокоиться. Конечно, нельзя ни за что ручаться въ переживаемое нами время и, имѣя дѣло съ такимъ сумасбродомъ, какъ Наполеонъ, для котораго человѣческая жизнь ничто по сравненію съ малѣйшей его фантазіей, нельзя ни за что ручаться. Но онъ находится въ 750 верстахъ отсюда; между Москвою и Петербургомъ стоитъ довольно значительный корпусъ войскъ, и если бы онъ пошелъ этой дорогой, то въ тылу его очутились бы всѣ главныя силы нашей арміи; ему пришлось бы пройти большія болота, которыя можно было сдѣлать непроходимыми, испортивъ дороги. Наконецъ, мало вѣроятія, чтобы онъ отважился на столь рискованное предпріятіе, и я распространяюсь объ этомъ только для того, чтобы разсѣять вашу тревогу на этотъ счетъ. Впрочемъ, каковы бы ни были испытанія, которыя намъ суждено еще перенести, но какъ только Наполеонъ не будетъ въ состояніи рассчитывать на миръ, то, по всеобщему убѣжденію, по мѣрѣ того, какъ онъ станетъ затягивать свое пребываніе въ Россіи, онъ очутится въ крайне затруднительномъ положеніи. Пока Митава и часть Курляндіи снова взяты нашими войсками; французскій и прусскій корпуса, занимавшіе ее, отступили при нашемъ приближеніи. Но докучаю ли я вамъ всѣми этими военными подробностями?... но мнѣ трудно говорить о чемъ-либо иномъ; это единственный предметъ, который всѣхъ насъ занимаетъ, или лучше сказать, насъ занимають послѣдствія, могущія проистечь отъ этой единственной причины“.

Не менѣе характерно и нижеслѣдующее письмо къ маркграфинѣ отъ 15 (27) октября; оно, также какъ предыдущія письма, даетъ вѣрную картину всеобщаго настроенія и личныхъ чувствъ Императрицы:

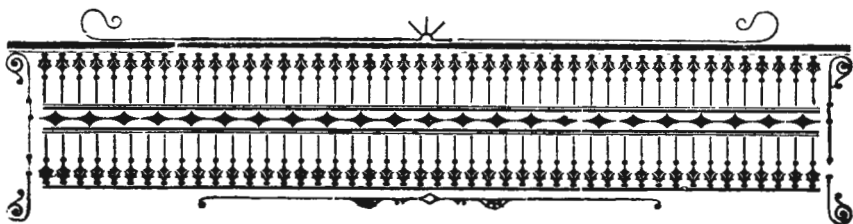
„Мы только-что получили извѣстіе о побѣдѣ, одержанной главными силами арміи, коими командуетъ Кутузовъ. Французской арміей командоваль Мюрать. Она потерпѣла рѣшительное пораженіе: мы взяли тридцать восемь орудій и почетное знамя, пожалованное первому Кирасирскому полку, которое находится нынѣ въ кабинетѣ Императора, весь багажъ Мюрата, военную кассу съ четырьмя милліонами, множество плѣнныхъ, число коихъ вѣроятно увеличива-

лось ежедневно, такъ какъ мы преслѣдовали непріятеля. Французы потеряли четырехъ генераловъ; мы потеряли только одного и несравненно меньше солдатъ. Два дня спустя послѣ этого сраженія, происходившаго 6 (18) числа, корпусъ, бывшій у воротъ Москвы со стороны Петербурга, вступилъ въ городъ и овладѣлъ имъ. Эта побѣда стоила намъ храбраго генераль-адъютанта Винцингероде, который со времени занятія Москвы занималъ дороги въ Москву съ трехъ сторонъ и оказалъ тутъ огромныя услуги. Бѣдный Винцингероде взятъ въ плѣнъ, и я полагаю, что его положеніе будетъ не изъ пріятныхъ, такъ какъ его имя такъ часто упоминалось, что оно всѣмъ извѣстно“.

„Вчера отслуженъ молебенъ по случаю взятія Полоцка храбрымъ графомъ Витгенштейномъ. Словомъ, Господь намъ покровительствуетъ и, надѣюсь, будетъ покровительствовать до конца; огромныя жертвы, принесенныя нами, послужили на пользу. Въ то время какъ французская армія занимала Москву, грабила, разоряла, творила такіе ужасы, какіе едва позволяли себѣ варварскіе народы, она потеряла значительное число людей, которые были взяты въ плѣнъ, такъ какъ кавалерія во время фуражировокъ брала всякій день отъ ста до двухсотъ человѣкъ, ибо наши казаки занимали всѣ дороги. Захвачено много французскихъ курьеровъ, ѣхавшихъ въ Парижъ и изъ Парижа. Я видѣла перехваченныя письма, трогательныя и забавныя съ описаніями всѣхъ бѣдствій и лишеній, какія терпятъ эти несчастныя жертвы злобы одного человѣка, жаждавшаго крови. Недавно Винцингероде перехватилъ курьера, ѣхавшаго въ Парижъ съ собственноручными письмами Наполеона; между ними оказалось письмо къ его супругѣ, которое я имѣла удовольствіе держать въ рукахъ. У этого курьера нашли письма, донесенія и бюллетени, сочиненные для Moniteur'a, которому этотъ разъ не придется имѣть честь познакомить съ ними Европу.

„Огромныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ, его испытанная вѣрность, его храбрость, которую выказываютъ даже крестьяне, сами формирующіе отряды и дѣйствующіе безъ всякаго посторонняго указанія, его ужасныя страданія по справедливости заслужили ему славу избавить человѣческой родъ отъ этого бича. Рѣдкій день у меня не является желаніе умереть, чтобъ не слышать болѣе о всевозможныхъ страданіяхъ, постигшихъ страну, иной разъ я даже боюсь расчувствоваться надъ участью нашихъ враговъ, ибо они вѣдь тоже люди и наши братья: но ими предводительствуетъ извергъ, безъ котораго они были бы добры и не покинули бы своего отечества“.

В. Тимошукъ.

Отголоски 14-го декабря въ Московскомъ университетѣ.

I.

Минист. Народн. Просвѣщ.—Правленіе Императорскаго Московскаго
Университета. (Мая 18 1826 г.)

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Московское Губернское Правленіе въ сообщеніи отъ 12 числа сего мая за № 38345, извѣщаетъ, что московскій военный генераль-губернаторъ при предложеніи отъ 7 сего мая за № 2038, препроводивъ въ оное Правленіе доставленную къ Его Сіятельству копію управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ Высочайшаго рескрипта, воспослѣдовавшаго на имя его 21 минувшаго апрѣля, предложилъ на основаніи содержанія онаго немедленно сдѣлать должное распоряженіе, какъ по столицѣ, такъ равно и по всей Московской губерніи, и истребованныя обязательства доставить къ Его Сіятельству для представленія куда слѣдуетъ; а въ томъ Высочайшемъ рескриптѣ написано такъ: Василій Сергѣевичъ, изъ дѣла Комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія подъ разными наименованіями общества старалось привлечь въ оныя люди благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами—благодѣрности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто-бы единственною цѣлью распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человеколюбія и прочее,—дабы въ послѣдствіи, уже удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи: хотя изысканіе Комитета обнаруживаетъ, что изъ

сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе при самомъ принятіи ихъ въ общества оставили оныя, а другіе оставались еще членами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ; но когда вслѣдствіе состоявшагося 21 августа 1822 года Высочайшаго рескрипта на имя управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требованы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ изъясненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно Масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ, тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обществахъ, не объявилъ о томъ въ выданномъ отъ него обязательствѣ, и многіе вѣроятно тогда заключили, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ по одному общанію. Таковое неисполненіе Высочайшей блаженной памяти Государя Императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть виновныхъ строгому взысканію, но, желая употреблять мѣры строгости въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія о общемъ благѣ сіе позволяетъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и не служащихъ дворянъ въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, а если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ: то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его, подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять для достиженія той цѣли. При требованіи сихъ обязательствъ объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и прочихъ по обязательствамъ чрезъ клятву или честное слово и пообѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои содѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ чрезъ разговоры при встрѣчѣхъ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно со всею откровенностью, и что сокрытіе того послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію какъ государственныхъ преступниковъ; почему Московское Губернское Правленіе и сообщило Правленію университета съ тѣмъ, чтобы оное, отъ

всѣхъ подвѣдомственныхъ сему университету чиновниковъ истребовавъ вновь вышесказанныя обязательства, доставило ихъ въ то Правленіе непремѣнно къ 15 числу іюня, при чемъ приложены и формы подпискамъ, вслѣдствіе чего въ Правленіи опредѣлено: о всѣхъ находящихся при университетѣ профессорахъ и прочихъ чиновникахъ до оберъ-офицерскаго званія, состава списокъ, отобрать по оному сходственно доставленнымъ формамъ требуемыя подписки, которыя предложить присутствію для разсмотрѣнія и отсылки къ 15 іюня въ московское Губернское Правленіе вслѣдствіе сообщенія его отъ 12 числа сего мая, а объ отобраніи таковыхъ же подписокъ отъ чиновниковъ университетскаго Благороднаго Пансіона, типографіи, здѣшнихъ учебныхъ заведеній и всего Московскаго округа и о немедленномъ представленіи ихъ въ Правленіе сообщить въ Училищный Комитетъ, въ Правленіе Пансіона, а начальнику типографіи и директору московскихъ училищъ предписать указами съ приложеніемъ формы тѣмъ подпискамъ, что жъ касается до Его Превосходительства г. лейбъ-медика и кавалера Лодера, преподающаго въ университетѣ лекціи анатоміи, то какъ онъ по спискамъ въ числѣ чиновниковъ университета не состоитъ, а по званію своему принадлежитъ къ Высочайшему Двору, то отобраніе отъ него требуемой подписки предоставить Вашему Превосходительству, о чемъ вамъ донести. Ректоръ Прокоповичъ-Антонскій.

Министер. Народ. Просвѣщ. отъ Попечителя Моск. Учеб. Окр.
24 мая 1826 г. № 588.

Правленію Импер. Московскаго Университета.

На рапортъ онаго Правленія отъ 18 мая объ отобраніи отъ преподающаго въ университетѣ анатомію лейбъ-медика Лодера подписки о тайныхъ обществахъ, симъ изъясняю, что подписку сію можетъ предложить г. Лодеру и правленіе университета. Если же онъ откажется на нее отвѣчать, какъ чиновникъ, непринядающій къ университету, то объ ономъ извѣстить московское Губернское Правленіе. По собраніи свѣдѣній отъ всѣхъ чиновниковъ по означенному предмету, предлагаю оному Правленію доставить мнѣ копии съ тѣхъ подписокъ, въ которыхъ объявлена будетъ принадлежность нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тайнымъ обществамъ.

Списокъ чиновниковъ, находящихся въ вѣдомствѣ Императорскаго Московскаго Университета, принадлежавшихъ къ масонскимъ ломамъ.

По Университету:

Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій; Христіанъ Ивановичъ Лодеръ. *Статскіе Совѣтники:* Матвѣй Мудровъ, Ѳедоръ Рейсъ, Матвѣй Гавриловъ; *Коллежскій Совѣтникъ* Иванъ Давыдовъ. *Надворные Совѣтники:* Ѳедоръ Кистеръ, Михаилъ Маловъ. *Адъюнкты:* Иванъ Веселовскій, Александръ Эвеніусъ, Магистръ Онуфрій Петрашкевичъ.

Кандидаты: Осипъ Ежовскій, Викентій Бударевичъ.

По Университетской типографіи:

Коллежскій Совѣтникъ Петръ Курбатовъ, *Титулярные Совѣтники:* Матвѣй Садыковъ, Яковъ Венкстернъ, кн. Петръ Шаликовъ, 9-го класса Петръ Красильниковъ, 10-го класса Александръ Курбатовъ, Губернскій Секретарь Николай Лосевъ.

По Университетскому Благородному Пансіону:

Титулярный Совѣтникъ Иванъ Калайдовичъ, состоящій въ 10-мъ классѣ Морисъ Аллартъ, Почетный Смотритель Рузскаго уѣзднаго училища гвардіи подпоручикъ Сергѣй Михалковъ.

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я нижеподписавшійся Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Антоновъ сынъ Прокоповичъ-Антонскій по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что съ 1783 г. по 1785 г. до запрещенія отъ Правительства принадлежалъ я къ Масонской ложѣ Гермесъ, бывшей тогда въ Москвѣ. Цѣль членовъ оной по моему разумѣнію состояла въ томъ, чтобы совершенствовать себя въ наукахъ и нравственности посредствомъ поученій, читанныхъ въ ложѣ, и взаимнаго наблюденія за поведеніемъ; но съ тысяча семьсотъ восемьдесятъ пятаго года не участвовалъ я ни въ какой ложѣ и ни въ какомъ другомъ тайномъ обществѣ, что видно изъ прежняго показанія, поданнаго мною вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, въ 1822 году касательно масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ состоявшагося. Нынѣ вновь подтверждаю, что я не принадлежу и принадлежать не буду ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, объявляю также, что и со стороны ни отъ кого о тайныхъ обществахъ мнѣ ничего извѣстно не было.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Антоновъ сынъ Прокоповичъ-Антонскій.

Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Христіанъ Ивановъ сынъ Лодеръ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я тому около 40 лѣтъ принятъ и возведенъ былъ въ городъ Веймаръ въ ложу Амаліи въ присутствіи великихъ герцоговъ Саксенъ-Веймаръ и Гота. Здѣсь въ Москвѣ я бралъ участіе въ ложѣ Александра Тройственнаго Благословенія, принадлежавшей къ союзу уполномоченной правительствомъ великой ложи Астреи; но съ 1822 года по закрытіи оныхъ къ нимъ не принадлежу и впредь какъ къ онымъ, такъ и ни какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ ни существовали, принадлежать не буду. Цѣлью сихъ ложъ было исполненіе добродѣтелей христіанства, усовершенствованіе собственное и ближнихъ, повиновеніе начальству и законамъ государственнымъ; вѣрное исполненіе обязанностей, милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ, попеченіе о воспитаніи сиротъ, и наконецъ любовь братская ко всѣмъ человѣкамъ. Способы къ достиженію сей цѣли были: 1) читаемыя рѣчи въ собраніяхъ какъ обыкновенныхъ и въ заключеніи года, такъ и по торжественнымъ днямъ Августѣйшаго Императорскаго Дома, основанные на нравственности и христіанской вѣрѣ; 2) увѣщаніе тѣхъ изъ сочленовъ, коихъ поведеніе было сомнительно; 3) исключеніе изъ общества тѣхъ, кои упрямымъ образомъ оставались неблагоправными, или учинили какое преступленіе, или оказались виновными противу Правительства, или банкроты и тому подобные; 4) отличіе тѣхъ, кои добродѣтелью и исполненіемъ обязанностей того заслуживали. Москва 5 іюня 1826 года.

Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Христіанъ Лодеръ.

Я нижеподписавшійся во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что я еще во время моей юности въ Россіи получилъ понятіе о символическомъ ученіи Ордена свободныхъ каменщиковъ, чему болѣе тридцати лѣтъ, и во время моего ученія въ чужихъ краяхъ, влекомый исканіемъ таинствъ природы, въ 1802 году принятъ былъ въ великую національную ложу въ Берлигъ, извѣстную подъ именемъ: *Drei Welt Kugel*. Сію предпочелъ я ложамъ потому, что оною нѣкогда управлялъ великій мастеръ генералъ-хирургъ Тедень, по врачебному искусству извѣстный всему ученому свѣту. Братья и члены оной учили христіанской нравственности, благородному поведенію, достоинству человѣческой природы, вѣр-

*

ности, повиновенію и преданности Государю и любви къ отечеству. Не было столовой ложки, въ которой бы не пѣли: *Heil dir in hohen Kranz, Herrscher des Vaterlands, Heil, Herrscher, Dir.* Сію правильную ложку преимущественно и подобныя ей Берлинскія ложки, *Landes Loges* и *Royal york*, посѣщаль я прилежно къ немалому себя назиданію въ нравственности и къ утверженію въ ученіи, тѣмъ паче, что въ ложахъ управляли молоткомъ первые ученые люди и присутствовали профессора медицины, у коихъ я учился, напр. генераль-хирургъ Мурзинна, Ценкеръ, Клапротъ, который меня и принималъ со всѣми обрядами.

Въ продолженіи ученія моего во Франціи я посѣщаль также масонскія ложи Парижскаго Востока; въ правильной ложѣ кавалеровъ креста признанъ почетнымъ членомъ оной въ 1805 году, въ день Св. Іоанна Крестителя былъ въ дамской ложѣ (*Loge de adoption*), коея многочисленнѣе и пышнѣе не видывалъ. Сія послѣдняя представляла предметъ Библейскій, а именно: древо познанія добра и зла и паденіе Евы; ораторы и поэты на востокъ Франціи вездѣ проповѣдывали добродѣтель, справедливость, вѣрность къ новой тогда Династїи, ужасы безначалія и революціи и умиротвореніе Наполеона.

Въ 1808 году, возвратившись въ Москву, я не только не имѣлъ никакого сношенія съ иностранными ложами, но и съ открывшимися въ Москвѣ не имѣлъ никакой связи до 1820 года; того требовала многотрудная служба моя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и должность практическаго врача въ обширной столицѣ. Ибо сіе есть истинное коренное правило истинныхъ свободныхъ каменщиковъ, чтобъ на орденскую работу употреблять время только свободное отъ царской службы. И такъ съ 1820 года, изнуренный трудами, рѣшился я искать иногда отдыха въ ложахъ Московскаго Востока и въ мудрыхъ бесѣдахъ Братевъ и воистину въ нихъ находилъ оный; по сему посѣщаль я ложи Благословеннаго Александра, Манны и Нептуна. Во всѣхъ сихъ благочестивыхъ ложахъ преподавали благочестіе дѣятельное и смиренномудріе Христово. Сей есть нашъ Востокъ-Востоковъ. Во всѣхъ ложахъ учили и обязывали служить вѣрою и правдою Государю Императору, молиться за него, повиноваться предрержащей власти, и ежели бы кто узналъ что противъ правительства, то обязанъ о томъ доносить оному. Въ столовыхъ ложахъ, составляющихъ утѣшеніе Братевъ, пушки наши всегда на первомъ залпѣ съ вѣрно подданническою преданностію гремѣли въ честь, славу и здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома Его.

Какъ я въ 1822 году не принадлежалъ ни какой ложѣ, то Братья

каменщики древней системы пожелали открыть ложу подъ названіемъ Гарпократа и подъ моимъ предсѣдательствомъ, избравъ меня мастеромъ стула, просили на то позволенія Его Сіятельства господина министра Внутреннихъ Дѣлъ и приложили къ сему списокъ Братевъ за моимъ подписаніемъ. Цѣль сея ложи изложена мною въ запискѣ, представленной Его Сіятельству, и была слѣдующая: утверждение себя и другихъ въ познаніи Бога, природы и самихъ себя. Въ семъ тройкомъ свѣтѣ заключаются всѣ науки: 1-е познаніе великаго строителя вселенныя, Словомъ небеса утвердившаго и всю силу ихъ; 2-е познаніе Естественной Исторіи и высшей физики и химіи; 3-е познаніе самого себя по тремъ принципіямъ тѣла, души и духа. А *coelo descendit Губѣт; σααυτόν*. Всѣ сии познанія основываются на краеугольномъ камени Иисусъ Христъ и почерпаются изъ откровеннаго Слова Божія, проистекшаго отъ того же духовнаго камня. Камень же бѣ Христосъ. Руководство же или мѣры къ достиженію сей цѣли потребныя суть: чтеніе Священнаго Писанія и святыхъ отцовъ, Θомы Кемпійскаго и пастырскаго посланія.

Но между тѣмъ какъ мы ожидали и уже надѣялись получить позволеніе работать въ новой ложѣ на Московскомъ Востокѣ по старымъ актамъ, объявлено было правительствомъ Высочайшее въ Божѣ почившаго Государя Императора повелѣніе закрыть всѣ ложи. И все ушло.

Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого сношенія съ Масонскими ложами и ни къ какой ложѣ теперь не принадлежу и впредь принадлежать не буду. А къ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, никогда не принадлежалъ и даже понятія объ нихъ не имѣлъ и впредь принадлежать не буду, и болѣе ничего не знаю. 1826 июня 6 дня.

Медицины докторъ и Профессоръ Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матѣй Мудровъ.

Я нижеподписавшійся Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Рейсъ, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ Масонской ложѣ, прозывающейся Александромъ Тройственнаго Благословенія (*Alexander zum dreifachen Segen*) въ Москвѣ, но со дня объявленія Высочайшаго Рескрипта 21 дня августа 1822 года къ оной не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни

существовали, принадлежать не буду. А цѣль сей ложи, правительству извѣстной, была распространеніе христіанскихъ истинъ и добродѣтелей; средства же для достиженія сей цѣли были примѣръ и наученіе главныхъ членовъ; а болѣе сего ничего не знаю. Москва 1826 года Маія 31 дня.

Федоръ Рейсъ.

Я нижеподписавшійся Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Матвей Гавриловичъ сынъ Гавриловъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего, сколько припомнить могу, въ 1780 году, принять былъ въ Масонскую Ложу покойнаго князя Николая Никитича Трубецкаго, называвшуюся Озирись; потомъ принадлежалъ къ Ложѣ Сфинскъ покойнаго профессора Московскаго Университета Харитона Александровича Чеботарева, сколько за отдаленностію времени припомнить могу, по 1786 годъ. Цѣль оныхъ Ложъ, по крайнему разумѣнію моему, состояла въ усовершенствованіи нравственности, посредствомъ поученій и рѣчей произносимыхъ, также взаимнаго наблюденія за поведеніемъ и поступками. Съ упомянутаго же времени ни къ какой Ложѣ не принадлежу и впредь ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Матвей Гавриловъ сынъ Гавриловъ.

Я нижеподписавшійся Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и кавалеръ, Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю: что я прежде сего съ 1820 г. по 1822 годъ, то есть до закрытія всѣхъ тайныхъ обществъ въ Государствѣ, принадлежалъ къ Масонской Ложѣ избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ существовавшей, которая, по моему разумѣнію, имѣла цѣлю нравственное совершенствованіе въ исполненіи обязанностей къ Богу, Государю и вѣмъ ближнимъ посредствомъ единодушнаго къ сему содѣйствія поученіями и взаимнымъ одного за другимъ наблюденіемъ. Во время принадлежности моей къ сей ложѣ посѣщалъ я также бывшія въ Москвѣ Масонскія Ложи: Александра Тройственнаго Благословенія и ищущихъ Манны, съ тою же цѣлю и съ тѣми же самыми средствами собиравшіяся. Но нынѣ

послѣ даннаго мною въ 1822 году обязательства ни къ упомянутой Ложѣ, ни къ другой какой-либо не принадлежу и впредь какъ оной, такъ и никакимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе ничего не знаю. Москва, 1826 года мая 31.

Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ.

Я нижеподписавшійся Надворный Совѣтникъ Докторъ и Лекторъ Федоръ Ивановъ сынъ Кистеръ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ къ Ложѣ, находящейся въ домѣ Ланга, что на Солянкѣ, подъ названіемъ Alexander zum dreifachen Segen. Цѣль означенной Ложы состояла въ усовершенствованіи самихъ себя, въ облегченіи участи бѣдныхъ, въ воспитаніи безпомощныхъ сиротъ, но вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта отъ 21 августа 1822 г. по закрытіи оной,—удалился отъ оной ложи и нынѣ къ оной не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Федоръ Кистеръ.

Я нижеподписавшійся Императорскаго Московскаго Университета Адъюнктъ-Профессоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михайлъ Яковлевъ Маловъ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой лжи и утайки объявляю, что въ 1819 году вступилъ я въ ложу свободныхъ каменщиковъ, существовавшую въ Москвѣ подъ названіемъ Александра Тройственнаго Благословенія, въ которой далъ клятву быть вѣрнымъ ей тогда только, когда узналъ, во-первыхъ, что она съ дозволенія Правительства и съ вѣдома Государя Императора; во-вторыхъ, что въ оной Ложѣ не заключается ничего противнаго ни Богу, ни господствующей въ Россіи Христіанской религіи, ни постановленіямъ, къ которымъ привыкъ и священнымъ долгомъ чту повиноваться; проходя степени ученика, товарища и мастера, занималъ и должности, Обществомъ на меня возлагаемыя. Закрывъ же вышеуказанную ложу тотчасъ вслѣдствіе Высочайшей воли, послѣдовавшей въ 1822 году, при чемъ въ отреченіи моемъ отъ ордена вольныхъ каменщиковъ и далъ подписку. Во время принадлежности моей къ ложѣ Александра Тройственнаго Благословенія

посѣщаль я также очень рѣдко бывшую тогда въ Москвѣ Масонскую ложу ищущихъ Манны. Цѣль какъ ложи, къ коей принадлежалъ я, такъ и той, которую изрѣдка посѣщаль, была, по моему разумѣнію, нравственное совершенствованіе въ исполненіи обязанностей къ Богу, Христіанской религіи, Государю и всѣмъ ближнимъ, посредствомъ единодушнаго къ сему содѣйствія поученіями и взаимнаго одного за другимъ наблюденія относительно своихъ погрѣшностей. Цѣль моего пребыванія въ ложѣ—исправить самого себя и утвердиться въ нравственныхъ качествахъ, дабы чрезъ то содѣлаться достойнымъ званія гражданина и рода службы, мною избраннаго. Мѣры къ достиженію сей цѣли, сверхъ показанныхъ мною, предполагаемы были въ истинномъ уразумѣніи Св. Евангелія, въ здоровомъ разсудкѣ и не развращенномъ сердцѣ, которыя мѣры ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не отклоняли бы меня отъ власти закона и непоколебимой вѣрности и преданности къ Особѣ Его Императорскаго Величества. Но нынѣ, послѣ данной мною въ 1822 году обязанности, ни къ упомянутой ложѣ, ни къ другимъ какимъ-либо не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какими бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего по истинѣ ничего не знаю. Москва 1826 года іюня 2 дня.

Адъюнктъ-Профессоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Яковлевъ Маловъ.

Я нижеподписавшійся докторъ Медицины и Адъюнктъ Иванъ Семеновъ сынъ Веселовскій, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я принадлежалъ къ Масонской ложѣ, имѣвшей съ дозволенія правительства существованіе свое въ Москвѣ, подъ названіемъ Ложа ищущихъ Манны, но съ 1822 года я къ оной ложѣ не принадлежу и впредь, какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду. Цѣль, къ которой члены вышеименованной ложи обязывались стремиться, состояла въ совершенствованіи себя самихъ; средства же, для сего предположенные, состояли въ познаніи и исправленіи собственныхъ страстей и предубѣжденій, въ усердномъ исполненіи обязанностей вѣрнаго подданнаго, добраго гражданина и честнаго человѣка, въ приобрѣтеніи полезныхъ знаній чрезъ размышленіе о человѣкѣ и предметахъ, его окружающихъ. Что же касается до злонамѣренныхъ обществъ, то я

къ нимъ никогда не принадлежалъ и объ нихъ свѣдѣнія не имѣлъ. Докторъ медицины и адъюнктъ Иванъ Веселовскій.

Я нижеподписавшійся Императорскаго Московскаго Университета адъюнктъ, докторъ медицины Александръ Егоровъ сынъ Евеніусъ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего, т. е. съ 1819 года, принадлежалъ къ Масонской Ложѣ, подъ названіемъ Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ, коей цѣль была нравственная и благотворительная, а мѣры къ достиженію сей цѣли состояли въ поучительныхъ наставленіяхъ; но со времени закрытія Масонскихъ ложъ, т. е. съ 1822 г. къ оной не принадлежу и впредь, какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Докторъ медицины и адъюнктъ Александръ Егоровъ сынъ Евеніусъ руку приложилъ.

Я нижеподписавшійся магистръ философіи Онуфрій Фелиціановичъ Петрашкевичъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ къ Обществу Филоматовъ въ Вильнѣ, котораго цѣль была литературная, а съ 1820 года къ оному не принадлежу и впредь, какъ къ оному, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Магистръ философіи Онуфрій Фелиціановичъ Петрашкевичъ.

Я нижеподписавшійся кандидатъ философіи Осипъ Павловъ, сынъ Ежовскій во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего во время моего пребыванія въ Виленскомъ университетѣ студентомъ съ 1816 до 1820 года принадлежалъ къ Обществу Филоматовъ, или любителей наукъ, составленному изъ моихъ соучениковъ, коего цѣлю было взаимнымъ пособіемъ и общими въ наукахъ упражненіями содѣйствовать къ лучшему себя образованію, какъ сіе узнано по слѣдствію, произведенному Высочайше учрежденною въ 1823 году комиссіею для изслѣдованія тайныхъ обществъ въ Вильнѣ, но какъ Общество Филоматовъ уничтожилось въ 1820 году, то и я къ оному пересталъ принадлежать и впредь

ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Кандидатъ Осипъ Ежовскій.

Я нижеподписавшійся кандидатъ Викентій Антоновъ сынъ Будревичъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ Обществамъ Филоматовъ и Филаретовъ, состоявшимъ между учениками Виленскаго университета съ 1818 по 1822 годъ, имѣвшимъ цѣлю литературными упражненіями и оказываніемъ взаимныхъ пособій содѣйствовать къ лучшему себя образованію, какъ сіе подробно открыто по слѣдствію, произведенному съ Высочайшаго повелѣнія сенаторомъ Новосильцевымъ, но съ закрытія общества въ 1822 году, я ни къ какому не принадлежу и впредь ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, не буду, а болѣе сего ничего не знаю.

Кандидатъ философіи Викентій Будревичъ.

Исполняя волю Его Императорскаго Величества Всемилоствѣйшаго Государя, объявленную мнѣ Г. Костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ копіи съ предписанія къ нему отъ г. управляющаго министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по предмету тайныхъ обществъ, я за священнѣйшую и непремѣнную считаю для себя обязанность чистосердечно со всею откровенностію засвидѣтельствовать слѣдующее: 1, въ маѣ 1816 года дѣйствительно я вступилъ въ общество, существовавшее подъ названіемъ *умирающаго Сфинкса*, въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ. Общество сіе хотя имѣло ритуаль Масонскій, но было единственно *Духовное*: я посѣщаль оное въ продолженіи 1816 года, мѣсяца три въ 1817 г., въ остальное же время сего года былъ боленъ и находился въ домо-вомъ отпускѣ; въ 1818 г. рѣдко, по причинѣ болѣзни и жительства моего на мызѣ, первые полтора мѣсяца 1819 г., а съ того времени, т. е. 1819 года, оставивъ Петербургъ по опредѣленіи моемъ къ настоящей должности, я уже болѣе не имѣлъ ни личнаго, ни письменнаго сношенія съ обществомъ. При вступленіи въ общество предоставлено мнѣ было полное право, что если бы я замѣтилъ что-нибудь противное принятой системѣ правительства, кольми паче, что-нибудь противъ священной особы Государя Императора, не только тотъ же разъ оставить общество, но и налагалась священнѣйшая обязанность тогда же извѣстить о семъ правительство. Мнѣ

было открыто, что общество сіе было свѣдомо правительству, даже самому блаженной памяти Государю Императору. Собранія происходили въ ономъ во время дня. 2, цѣль его. Занимая въ обществѣ 4-ю Шотландскую степень, я могъ съ нѣкоторою достовѣрностію прозрѣвать и въ цѣль онаго, а посему, какъ христіанинъ и какъ вѣрнопопданный Его Императорскаго Величества по самой совѣсти и долгу присяги увѣряю, что единственная цѣль общества была раскрытіе въ себѣ высшихъ *духовныхъ* силъ челоуѣка, прозрѣніе въ натуру и усовершенствованіе самого себя. Политика никогда не входила въ составъ общества.

3, Средства для достиженія цѣли были: 1, практическое христіанство, 2, бдѣніе надъ помыслами и смысленная молитва, 3, безкорыстное служеніе Государю и Отечеству безъ всякихъ видовъ собственности.

4, Общія замѣчанія. Общество состояло изъ весьма малыхъ членовъ и ни малѣйшаго не имѣло сношенія съ прочими Массонскими ложами или другими какими-нибудь тайными обществами; членамъ общества даже поставлено было въ правило всемѣрно удаляться не только какихъ-нибудь другихъ тайныхъ обществъ, если бъ таковыя были, но и самыхъ Массонскихъ ложъ. Сіе только зналъ я и знаю о томъ обществѣ, которое съ 1819 года вовсе оставилъ и впредь къ оному никогда уже принадлежать не буду. Верховное правительство безъ сомнѣнія имѣетъ все средства удостовѣриться, что сіе мое показаніе сдѣлано чистосердечно и со всею откровенностію, которая происходитъ изъ полной увѣренности всегдашняго моего чувствованія видѣть въ священной особѣ моего Монарха второе на землѣ Провидѣніе.

Что же касается до меня самого и частныхъ моихъ отношеній, то по долгу присяги чистосердечно объявляю, что я ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ никогда не принадлежалъ и впредь принадлежать не буду, и соучастникомъ въ оныхъ, какъ по обязательствамъ чрезъ клятву и честное слово, равно и безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, или черезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ и управъ, никогда не былъ и не буду и о существованіи таковыхъ обществъ гдѣ-либо свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣю. Подписалъ директоръ училищъ, Костромской губерніи, коллежскій секретарь Юрій Баргеновъ.

Я нижеподписавшійся директоръ училищъ, Тульской губерніи коллежскій секретарь Евграфъ Николаевъ, сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти, безъ всякой утайки объявляю, что я

прежде сего принадлежалъ къ находившейся въ С.-Петербургѣ Масонской ложѣ подъ названіемъ Умиращій Сфинксъ и въ Москвѣ посѣщалъ Масонскую ложу-Нептунъ; но съ того времени, какъ Масонскія ложи закрыты и дана мною подписка въ непринадлежности къ Масонскимъ тайнымъ обществамъ, я къ упомянутымъ ложама не принадлежу, и впредь къ онымъ, такъ и ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду, и болѣе ничего не знаю, какъ только то, что существованіе ложъ умирающаго Сфинкса и Нептуна имѣло цѣлью своего ученія познаніе самого себя, природы и Бога, средствомъ же къ достиженію таковой цѣли дѣятельное исполненіе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. 1826 года іюля 10 дня. Подписалъ: директоръ училищъ Тульской губерніи, Евграфъ Николаевъ сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ.

Я нижеподписавшійся коллежскій ассесоръ Дмитрій Игнатьевъ сынъ Альбицкій, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти, безъ всякой утайки симъ объявляю о кратковременной прикосновенности моей къ Союзу Благоденствія, въ который вступилъ членомъ въ началѣ 1819 года по предложенію бывшаго тогда директоромъ тульскихъ училищъ титулярнаго совѣтника Степана Дмитріева сына Нечаева и по увѣренію, что въ семъ обществѣ нѣтъ ничего противнаго религіи, правительству и добрымъ нравамъ.

Послѣ однократнаго прочтенія устава означеннаго Союза, сколько могу теперь припомнить, почти черезъ восемь лѣтъ не приводя того на мысль, я замѣтилъ въ ономъ одну главную благодѣтельную цѣль: направленіе къ добру путями человеколюбія, правосудія, образованія и общественнаго хозяйства, которое и оправдало данное увѣреніе; въ дальнѣйшія же предначертанія никакъ невозможно было проникнуть. Средства къ достиженію сей цѣли изложены слѣдующія: примѣръ, слово и письмо. На каковой конецъ, въ особенности согласно сей послѣдней мѣрѣ, мы хотѣли переводить и издавать полезныя книги; на вскорѣ послѣ показаннаго времени, за выбитіемъ сего Нечаева изъ Союза Благоденствія по невѣдомымъ причинамъ, возбудившимъ во мнѣ невыгодныя заключенія, не желая оставаться въ сообществѣ съ людьми мнѣ неизвѣстными, я тотчасъ просилъ объ исключеніи меня изъ онаго Союза (и исключенъ). Ложи не посѣщалъ, вліянія никакого не имѣлъ и ни въ какихъ сношеніяхъ съ членами не былъ. Съ самаго начала вступленія къ Союзу не принадлежу и впредь какъ къ нему, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали,

принадлежать не буду, и болѣе сего ничего и никого не знаю. Подписалъ тульской гимназіи старшій учитель коллежскій ассесоръ и кавалеръ Дмитрій Игнатьевъ сынъ Альбицкій, 1826 г. іюня 16 дня.

II.

Министерство Народ. Просвѣщ.—Департаментъ.

(22 мая 1826 г.).

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что въ газетахъ, въ Россіи издаваемыхъ, помѣщаются статьи о политическихъ видахъ правительства нашего, столь же мало заслуживающія вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются.

Его Величество, находя таковыя статьи въ газетахъ нашихъ неприличными, г. управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Высочайше повелѣтъ соизволилъ чрезъ г. начальника главнаго штаба своего, о приказаніи Цензурѣ принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская только тѣ сего рода, кои заимствуются изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ Journal de St. Petersbourg, издаваемого при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

О такомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи г. управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объявивъ для надлежащаго исполненія господамъ начальникамъ губерній Остзейскихъ и Литовскихъ и новороссійскому генералъ губернатору, также сообщилъ оное и мнѣ, съ тѣмъ чтобы я предписалъ о наблюденіи онаго цензурнымъ комитетамъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ ввѣреннаго мнѣ Министерства.

О таковой Высочайшей волѣ честь имѣя сообщить Вашему Превосходительству, предоставляю Вамъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о наблюденіи оной по ввѣренному Вамъ московскому цензурному комитету.

Министръ Народнаго Пресвѣщенія Александръ Шишковъ.

Директоръ Языковъ.

Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

4 іюня 1826 г.

Совѣту Императорскаго Московскаго Университета.

Прилагая у сего копію съ циркулярнаго отношенія ко мнѣ Его Высочайшаго Превосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, съ изясненіемъ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ, столь же мало заслуживающихъ вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются, почему и допускать только тѣ извлеченія по сему предмету, кои заимствованы изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ Journal de St. Petersbourg, издаваемаго при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. предлагаю оному совѣту сдѣлать точное по сему распоряженіе свое: 1) чтобы помѣщеніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и журналахъ политическихъ статей согласовалось съ означеннымъ Высочайшимъ Государя Императора соизволеніемъ; 2) чтобы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и журналахъ обозначалось, откуда каждая изъ таковыхъ статей заимствована; 3) чтобы не перепечатывали слово въ слово статьи изъ прочихъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ частными людьми, какъ-то: Сѣверной Пчелы и проч., предоставивъ издателямъ самимъ переводить, а не перепечатывать статьи, не относящіяся до политики, какъ-то ученія извѣстія, анекдоты и проч. для помѣщенія ихъ въ вѣдомостяхъ и журналахъ, издаваемыхъ въ Московскомъ Округѣ, и наконецъ 4) печатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ тѣ только статьи, которыя прочтены будутъ г. начальникомъ типографіи и одобрены г. ректоромъ университета на вышеизясненномъ основаніи.

№ 1591.

31 декабря 1826 г.

Милостивый Государь, Иванъ Алексѣевичъ!

Въ особомъ объявленіи къ № 102 Московскихъ Вѣдомостей объ оптическомъ путешествіи по комнатамъ напечатано, что г. Леско будетъ показывать внутренность церкви во имя Рождества Христа Спасителя, сооруженной въ Виоліемѣ Императоромъ Константиномъ Великимъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ Спаситель родился въ ясляхъ, и сдѣлана сходственно *колическому* описанію графа Форбена, а слѣдовало бы вмѣсто комическому *классическому* опи-

санію графа Форбена. Таковая ошибка по важности предмета непростительна. Я васъ покорнѣйше прошу сдѣлать за сіе кому слѣдуетъ строжайшій выговоръ, а впредь наблюдать, чтобы таковыхъ ошибокъ не было.

Сверхъ сего въ 96 № Московскихъ Вѣдомостей напечатано: „Полковникъ Станчинъ общаетъ намъ, что всѣ націи въ свѣтѣ скоро будутъ конституціонными республиками“ и хотя сіи строки взяты изъ 93 № С.-Петербургскихъ Академическихъ вѣдомостей, но при всемъ томъ не слѣдовало бы повторять сего въ нашихъ вѣдомостяхъ. Посему покорнѣйше прошу ваше высокородіе распорядиться, чтобы редакторъ Московскихъ Вѣдомостей не печаталъ ни одной статьи въ сихъ Вѣдомостяхъ безъ вашего предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія.

Р. С. Покорнѣйше прошу Васъ, милостивый Государь, Иванъ Алексѣевичъ, распорядиться на счетъ газетъ такимъ образомъ, чтобы за нихъ не одинъ наборщикъ да корректоръ отвѣчали, но и самъ издатель съ помощникомъ, и потому имъ прочитывать и пересматривать не однѣ политическія статьи, но и вообще все, что печатается въ газетахъ,—не исключая никакого даже объявленія. Впрочемъ, во всемъ строго поступать по утвержденнымъ правиламъ для производства дѣлъ типографіи, особенно по вышеописанному предмету § § 10 и 19.

Подписаль А. Писаревъ.

Сообщилъ М. Гершензонъ.

Совѣтъ Генераль-аудитору быть осторожнѣе.
(1800 г.).

Письмо графа Х. А. Ливена
князю Салагову.

Государь Императоръ, по выслушаніи выписки изъ дѣла по доносу Егерскаго Ведемеера полка подполковника Курта и маіора Филькевича, указать соизволилъ: . . . 3) показанное въ 6-мъ пунктѣ доноса подполковника Курта слово о полковой сборной замѣтить Вашему Сіятельству, что таковыхъ сборныхъ вовсе не бываетъ, а Его Императорское Величество полагать изволить, что то долженъ быть ордонансъ-гаузъ и для того въ подобныхъ случаяхъ вамъ надобно быть осторожнѣе.

№ 1879.
16 іюля 1800 г.

Эпизодъ изъ исторіи Московскаго генеральнаго госпиталя.

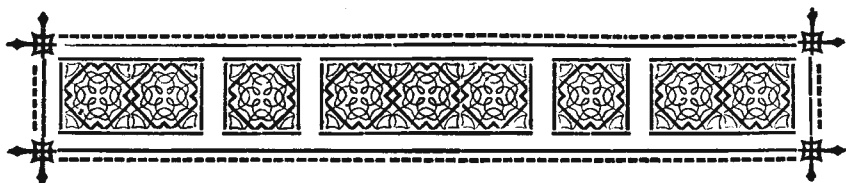
Отношеніе графа Х. А. Ливень
въ Генераль-Аудиторіатъ.

Государь Императоръ, по выслушаніи выписки изъ дѣла, производившагося въ Генераль-Аудиторіатѣ о упущеніи Московскаго Генеральнаго Гошпиталя изъ больничной арестантской палаты разныхъ полковъ офицерами арестантовъ, указать соизволилъ: штата помянутаго гошпиталя 8-ой арестантской палаты лѣкаря, оставившаго здоровыхъ арестантовъ подъ видомъ больныхъ, какъ бы давая поводъ къ избѣжанію заслуживаемаго ими наказанія побѣгами, исключить изъ службы и, буде онъ иностранецъ, то выслать за границу; содержащихся же по сему дѣлу подъ арестомъ офицеровъ отъ онаго освободить.

№ 1857.
14 іюня 1800 г.

Сообщилъ Мих. Соколовскій.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій ¹⁾.

VI.

уровая обстановка юности выработала изъ Левицкаго, какъ я говорилъ, эгоиста. Та же обстановка, вмѣстѣ съ бѣготней по лекціямъ, не дала ему возможности узнавать людей, понимать ихъ, не выработала такта въ обращеніи съ ними, и это было причиною, что товарищи и вообще знакомые его недолюбливали, а подчиненные—ненавидѣли.

Помню, когда мы съ нимъ были уже „на ты“ и онъ, назначенный начальникомъ штаба гвардейской дивизіи, пользовался прекрасной казенной квартирой въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, сидимъ мы въ его кабинетѣ безъ сюртуковъ и распиваемъ чай.

Докладываютъ о приходѣ старшаго адъютанта, генеральнаго штаба капитана Шеншина.

Мы тотчасъ же надѣли сюртуки, и Левицкій приказалъ просить.

Вошелъ Шеншинъ. Левицкій подаль ему руку, такъ же какъ и я, и взявъ бумагу, расположился у письменнаго стола, а я сѣлъ поодаль на диванѣ съ газетой.

Начался докладъ.

Съ первой же бумаги, Левицкій рѣзко говоритъ: „это не такъ“ и отбрасываетъ бумагу въ сторону. Слѣдующая бумага, и опять: „это не то, совсѣмъ не то“.

Докладъ продолжался полчаса, и я былъ пораженъ рѣзкимъ тономъ, крайне неприятнымъ, почти обиднымъ, какимъ Казиміръ, отбрасывая бумаги, дѣлалъ Шеншину свои замѣчанія, замѣчанія офицеру генеральнаго штаба, своему, такъ сказать, коллегѣ и, при томъ, человѣку несомнѣнно способному и очень самолюбивому.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь и декабрь 1909 г.

По окончаніи доклада Казиміръ, какъ ни въ чемъ не бывало, приглашаетъ Шеншина выпить стаканъ чаю, но тотъ, весь накрахмаленный, сухо благодарить и уходитъ.

Шеншинъ, какъ упомянуто, былъ человѣкъ очень способный, старинной дворянской семьи, прекрасно воспитанный, хорошо знавшій три европейскіе языка и при этомъ крайне самолюбивый. Мнѣ стало яснымъ, отчего подчиненные ненавидѣли Казиміра.

— Ты всегда такъ принимаешь доклады?—спросилъ я.

— А что?—былъ наивный отвѣтъ.

— Я знаю, что тебя офицерство ругаетъ, но нахожу, что оно не право: ругаетъ мало, ты заслуживаешь гораздо большаго.

— Что жъ, по-твоему я не имѣю права дѣлать замѣчаній на неправильно написанную бумагу? Что же такъ ее и оставлять по-твоему?

— Совсѣмъ нѣтъ, но ты, именно, долженъ дѣлать *замѣчанія*, или, безъ всякихъ замѣчаній, просто, спокойнымъ тономъ, щадя самолюбіе, объяснить неправильность написаннаго и сказать—какія нужно сдѣлать исправленія.

— Да я такъ и дѣлалъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Ты все время говорилъ какимъ-то раздраженнымъ, обиднымъ тономъ и бросалъ бумаги, вмѣсто того, чтобы спокойно передавать ихъ. Вообще раздражительность въ отношеніи къ подчиненному, да еще къ своему коллегѣ—такому же офицеру генеральнаго штаба, какъ и ты, да еще въ отношеніи человѣка самолюбиваго—кромѣ вреда, ничего принести не можетъ; деликатность же замѣчаній побудитъ человѣка работать съ интересомъ къ дѣлу, съ желаніемъ сдѣлать хорошо. А ты вѣдь дѣлаешь работу подчиненнаго противною ему, и на доклады тебѣ онъ, конечно, смотритъ какъ на Божеское наказаніе.—Нѣтъ, Казиміръ, такъ нельзя обращаться съ людьми.

— Что жъ ты хочешь, чтобы я популярничалъ?

— Опять таки, нѣтъ, но я хочу, чтобы ты не дерзилъ безъ надобности своимъ подчиненнымъ, чтобы дѣлалъ работу для нихъ пріятною, чтобы заинтересовывалъ ихъ работою, отъ чего дѣло можетъ только выиграть.

Долго мы говорили по этому поводу. Казиміръ сдалъ и обѣщалъ слѣдить за собою, а я не разъ его спрашивалъ потомъ—какъ онъ принимаетъ доклады и какъ обращается съ подчиненными? Онъ увѣрялъ, что измѣнился, и кажется, это была правда; по крайней мѣрѣ молодежь мнѣ не разъ говорила, что Казиміръ сдѣлался несомнѣнно пріятнѣе, и такъ было до самой войны, когда онъ отъ суеты и нежданно упавшаго на его голову величія, какъ говорили, совсѣмъ закусилъ удила и успѣлъ заслужить чуть не всеобщую ненависть.

Та же суровая обстановка жизни выработала изъ Левицкаго— что грѣха таить—человѣка крайне угодливаго передъ начальствомъ,—слишкомъ дорожившаго своимъ положеніемъ, полного страха потерять его и, ужь конечно, не способнаго сказать въ критическую минуту: „если не такъ, то я удалюсь“.

Мало того, незнаніе людей и помыслы только о себѣ сдѣлали изъ него начальника, не заботившагося о своихъ подчиненныхъ, не думавшаго о томъ, чтобы они были вознаграждены за свои труды, а это, вмѣстѣ съ непріятнымъ характеромъ служебныхъ отношеній, было новымъ поводомъ къ тому, что Левицкаго на войнѣ почти всѣ ненавидѣли, хотя всѣ высказывали это только за глаза.

VI.

Я говорилъ, что учительство, заставляя играть роль какого-то оракула передъ ребятами, вырабатываетъ въ человѣкѣ большую самоувѣренность; но самоувѣренный, самонадѣянный педантъ, при первомъ же столкновеніи съ жизнью, видитъ, что самоувѣренность его покоится на крайне шаткомъ основаніи, что жизнь разбиваетъ то, что казалось ему непогрѣшимымъ, что простой практикъ, иногда безграмотный, разрѣшаетъ вопросы жизни болѣе толково, чѣмъ онъ. Отсюда, въ серьезныхъ случаяхъ, крайняя самоувѣренность замѣняется нерѣшительностью, неспособностью твердо остановиться на избранномъ рѣшеніи, смѣняется вѣчными колебаніями то въ ту, то въ другую сторону.

Благопріобрѣлъ ли Левицкій эти свойства благодаря учительству, или они лежали въ самой натурѣ этого человѣка--опредѣлить не берусь; но когда онъ вступилъ въ жизнь и при томъ въ такое ея проявленіе, какъ война, гдѣ рѣшительность характера требуется болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь,—онъ, естественно, оказался несостоятельнымъ и непригоднымъ для той крупной роли, какую пришлось ему играть при рѣшительномъ главнокомандующемъ и совершенно инертномъ его начальникѣ штаба—Непокойчицкомъ.

Нельзя сказать, чтобы Левицкій не понималъ своихъ недостатковъ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда, въ 1872 году, онъ въ первый разъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отряда на большихъ Красносельскихъ маневрахъ, Казиміръ пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ усиленно просить, чтобы я присутствовалъ на нихъ.

— Дамъ тебѣ лошадь, какую хочешь, говорилъ онъ, предоставляю

*

тебѣ вѣстового, будешь пользоваться всѣми удобствами, только прїѣзжай, пожалуйста, и поѣзди со мною.

„Да зачѣмъ я поѣду, не люблю я маневровъ вообще“.

— Нѣтъ, пожалуйста. Видишь ли, я люблю, когда ты меня ругаешь. Ты какъ-то умѣешь это дѣлать такъ, что я не обижаюсь, потому что чувствую, что ты желаешь мнѣ добра. Видишь ли: я сознаю недостаточную рѣшительность своего характера; я всегда колеблюсь, принимаю то одно, то другое рѣшеніе, а въ тебѣ я никогда этого не замѣчалъ. Ты всегда, все готовъ поставить на карту. (А характера въ молодости я былъ дѣйствительно рѣшительнаго). Вотъ я и хочу, чтобы ты поѣздилъ со мною и поругалъ меня, если замѣтишь какую-нибудь нерѣшительность, или суетливость, да и вообще, что бы былъ моимъ цензоромъ, критикомъ моихъ распоряженій: вѣдь мнѣ придется дѣйствовать совершенно самостоятельно, потому что начальникъ мой, свѣтлѣйшій князь Голицынъ, будетъ держаться въ сторонѣ, и мнѣ придется все дѣлать за свой страхъ, все брать на свою отвѣтственность.

Нечего дѣлать, пришлось согласиться.

Я жилъ тогда въ Павловскѣ. Въ назначенный часъ сѣлъ на перекладную и прїѣхалъ прямо на поле маневровъ къ заранѣе условленному мѣсту, гдѣ ждалъ меня ординарецъ съ верховымъ конемъ.

Отыскать начальника отряда и его начальника штаба было не легко. Какую часть войскъ ни спросишь,—никто не можетъ указать—гдѣ они.

Разыскалъ, наконецъ. Представился князю, пожалъ руку Левицкому, котораго нашель въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ кипѣлъ и волновался. Ни одного изъ адъютантовъ при немъ уже не было. Улучивъ минуту, я спросилъ:

„Гдѣ же твои офицеры генеральнаго штаба и ординарцы?“

— Да вотъ, разослалъ всѣхъ съ приказаніями.

„Какъ же такъ, ни одного себѣ не оставилъ, ну, а если теперь надо послать съ приказаніями, съ кѣмъ пошлешь?“

— Да, конечно, отвѣчалъ онъ суетливо, но я думалъ, что возвратятся. Вотъ, Скобелева, какъ давно послалъ, жду его каждую минуту, а все нѣтъ.

Маневры продолжались. Я поѣхалъ по войскамъ, чтобы поближе прослѣдить ихъ дѣйствія. Возвратился потомъ къ Левицкому и уже нашель при немъ двухъ подоспѣвшихъ ординарцевъ.

— А Скобелева все нѣтъ, говорилъ онъ съ безпокойствомъ и съ раздраженіемъ.

Вскорѣ послѣдовалъ отбой, и мы поѣхали въ Таицы, гдѣ назна-

чень былъ ночлеги главной квартиры отряда. Нижній этажъ небольшого дворца оказался отведеннымъ для князя Голицына. На верху, въ мезонинѣ, помѣстились мы съ Левицкимъ.

Пообѣдали.

— А Скобелева все нѣтъ,—не разъ повторялъ Левицкій.

Признаться, началъ беспокоиться и я.

„Пожалуй, сумасшедшій человекъ неудачно взялъ какое-нибудь препятствіе и лежитъ гдѣ-нибудь въ канавѣ. Впрочемъ привели бы лошадь. Да и вообще вѣдь кругомъ люди—дали бы знать“.

— Полно, Казиміръ, успокаивалъ я. „Pas de nouvelles—bonne nouvelle“ ¹⁾.

Послѣ обѣда мы обсудили положеніе обѣихъ сторонъ, Казиміръ самъ сѣлъ писать диспозицію, и, написавъ, далъ ее мнѣ на просмотръ.

— Видишь ли,—говорилъ онъ,—я хочу обойти непріятельскій лѣвый флангъ и поручаю это Гурко. Онъ молодецъ. Дадимъ ему его конно-гренадерскій полкъ и часть пѣхоты съ артиллерією“ (какую часть, разумѣется, не помню).

„Ну, что жь, по условіямъ мѣстности—это резонно. Вѣроятно непріятель не ожидаетъ обхода и вынужденъ будетъ отступить. А вотъ офицеровъ ты преслѣдуешь за каждый пропущенный пунктъ, а за твою диспозицію я тоже тебѣ удовлетворительнаго балла не поставилъ бы“.

— Отчего? Вѣдь самъ же ты сказалъ, что я распорядился резонно.

„Распорядился-то резонно, а пропустилъ, во-первыхъ, гдѣ будетъ находиться начальникъ отряда и, во-вторыхъ, ничего не сказалъ про обозы, а то и другое пункты въ высокой степени важные. Надѣюсь, отрицать этого не будешь“.

— Правда, правда,—вотъ проклятая разсѣянность, немедленно согласился Казиміръ и, исправивъ, передалъ диспозицію старшему адъютанту, капитану Ставровскому (нынѣ членъ Военнаго Совѣта).

— А Скобелевъ пріѣхалъ?—не преминулъ Казиміръ спросить послѣдняго и, получивъ отрицательный отвѣтъ, распорядился, чтобы немедленно по пріѣздѣ Скобелева, послали его къ нему.

Не прошло и полчаса, какъ Казиміръ заволновался.

— Нѣтъ, такъ нельзя, говорилъ онъ. Обходомъ лѣваго фланга непріятели мы подвергаемъ опасности свой лѣвый флангъ. А если насъ обойдутъ съ лѣваго фланга? Нѣтъ,—обходъ необходимо отмѣнить. Вѣстовой, позови мнѣ капитана Ставровскаго. Скажи, чтобы принесть съ собою диспозицію.

¹⁾ Нѣтъ вѣстей—хорошія вѣсти.

„Полно, Казиміръ, вѣдь мы же обсудили съ тобою дѣло резонно. Вѣдь нельзя же предвидѣть всевозможные случаи. Вѣдь ты же знаешь средство парировать случайности. Это—резервъ. Резервъ у насъ достаточный. Обойдутъ насъ слѣва, мы выдвинемъ резервъ, а рѣшительный ударъ все-таки нанесемъ слабому лѣвому флангу непріятеля. Полно, брось ты думать о диспозиціи. Вѣдь мы писали ее не съ бухъ-да-барахъ, обсудили какъ слѣдуетъ; написалъ и брось думать о ней“.

Онъ согласился, но не прошло и 20 минутъ, какъ опять заплѣту же пѣсню.

Я опять не допустилъ перемѣны диспозиціи, но онъ еще два раза дѣлалъ попытки отмѣнить данное приказаніе.

„Полно, Казиміръ, усовѣщевалъ я его. Полно, вѣдь ты же самъ говоришь на лекціяхъ, что нѣтъ ничего вреднѣе на войнѣ, какъ колебанія и отмѣна разъ данныхъ приказаній. Если бы перемѣнилась обстановка—дѣло другое, тогда, конечно, и распоряженія должны измѣниться. Но вѣдь обстановка у насъ осталась та же. Средство противъ неожиданности у насъ есть—резервъ. Брось ты думать о диспозиціи“.

Въ это время доложили о пріѣздѣ Скобелева. Мы надѣли куртки, и Левицкій приказалъ позвать его къ себѣ.

Былъ уже часъ одиннадцатый.

Вошелъ Скобелевъ, очень красивый, съ глазами „небеснаго цвѣта“, или по-просту осоловѣлыми; но владѣлъ онъ собою вполне и совершенно корректно заявилъ, что имѣетъ честь явиться.

— Скажите, гдѣ вы пропадали?—встрѣтилъ его стоя Левицкій. Я остался сидѣть въ сторонѣ.

— Я приношу вамъ мои извиненія, господинъ полковникъ, за свой поздній пріѣздъ,—отвѣчалъ Скобелевъ.

— Помилуйте,—съ раздраженіемъ продолжалъ Левицкій.—Я послалъ васъ рано утромъ; офицеровъ генеральнаго штаба у меня мало, вы мнѣ были необходимы, и вдругъ вы возвращаетесь въ одиннадцатомъ часу вечера. Я хочу знать—какая тому причина? Гдѣ вы пропадали?

„Полковникъ, я еще разъ приношу вамъ мои извиненія и не могу представить никакого оправданія своего проступка. Я виновать и сознаюсь въ моей винѣ“.

— Какъ!—еще больше раздражался Левицкій.—Я хочу знать, гдѣ вы были и что съ вами произошло?

„Еще разъ повторяю, полковникъ, что я сознаю свою вину и не могу привести ничего въ оправданіе“.

Но Левицкій не отставалъ и настойчиво требовалъ, чтобы Скобелевъ объяснилъ причину своего столь поздняго возвращенія.

Тогда Скобелевъ, послѣ упорнаго нежеланія объяснить причину, сказалъ, наконецъ, что, проѣзжая мимо уланскаго полка, онъ былъ приглашенъ Великимъ Княземъ Юріемъ Максимиліановичемъ (или Евгеніемъ, не помню) выпить стаканъ вина, послѣ чего его просто арестовали, взяли у него лошадь, и онъ пробылъ въ полку до сего времени.

— Какъ?—уже закричалъ вскипѣвшій Левицкій.—Отъ васъ ждуть исполненія вашихъ служебныхъ обязанностей. На васъ рассчитываютъ, а вы бражничаете съ уланами. И это офицеръ генеральнаго штаба, на котораго всякій начальникъ имѣетъ право рассчитывать, какъ на лицо, серьезно относящееся къ дѣлу! И вы, офицеръ генеральнаго штаба, приводите такія отговорки! Онъ, изволите видѣть, бражничалъ и поэтому считаетъ себя въ правѣ не исполнять служебныхъ обязанностей. И это офицеръ генеральнаго штаба“!

„Никакихъ я вамъ отговорокъ не приводилъ“, уже грубо возразилъ Скобелевъ. „Вы сами приставали ко мнѣ, чтобы я объяснилъ, гдѣ провелъ цѣлый день. Я, напротивъ, началъ съ того, что призналъ свою вину и принесъ мои извиненія“.

Но Левицкій продолжалъ свои упреки и „распеканія“.

Мнѣ крайне неприятно было слушать эти распеканія; я хорошо понималъ неумѣстность ихъ, особенно въ виду очевиднаго „возбужденнаго“ состоянія молодого офицера; но и вмѣшиваться въ отношенія начальника къ подчиненному было неумѣстно: приходилось ограничиться ролью сторонняго наблюдателя.

Распеканія не прекращались.

Скобелевъ хмурился, но молчалъ; молчалъ и хмурился. Подъ конецъ, однако, не выдержалъ и, выведенный изъ терпѣнія, возразилъ:

„Когда дѣло дѣйствительно было серьезное, въ средней Азіи, я и служилъ серьезно, себя не жалѣя, а вѣдь это что жъ,—маневры.“

Замѣчаніе это окончательно вывело изъ себя Левицкаго.

— Какъ? Вы, офицеръ генеральнаго штаба, дѣлите ваши обязанности на серьезные и не серьезные. Маневры для васъ вещь не серьезная. И это офицеръ генеральнаго штаба!

И пошелъ, и пошелъ.

Скобелевъ долго слушалъ молча, хотя краснѣлъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, шагнувъ впередъ, закричалъ во всю мощь своего голоса:

„Да что же вы это изъ меня жилы тянете! Никакихъ отговорокъ я вамъ не приводилъ. Я вѣдь началъ съ того, что призналъ свою виновность и принесъ вамъ мои извиненія“.

Но Левицкій, повидимому, не понялъ опасности и продолжалъ кричать.

И вдругъ я вижу, что Скобелевъ, совсѣмъ побагровѣвшій, со словами: „да что же это“, сжавъ кулаки, дѣлаетъ еще два шага впередъ.

„Теперь, или никогда“, мелькнуло у меня въ головѣ.

Я быстро вскочилъ. Пользуясь своей, былой, хорошей физической силой, схватилъ его сзади за обѣ руки выше локтя и, стоя бокомъ съ его лѣвой стороны, сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ: „Капитанъ, вамъ дѣлаетъ вашъ начальникъ штаба замѣчанія по службѣ, и вы должны выслушивать ихъ, какъ замѣчанія по службѣ.

— Да нѣтъ же,—почти кричалъ онъ. Вѣдь я же принесъ „ему“ извиненія, чего же „ему“ еще надо? Что „онъ“ жилы изъ меня тянетъ?

„Еще разъ повторяю, капитанъ, что вашъ начальникъ штаба дѣлаетъ вамъ замѣчанія по службѣ, которыя вы и должны принимать, какъ служебныя замѣчанія. Вы ихъ выслушали и пойдемте спать“, объявилъ я, взявъ его подъ руку и стараясь вывести изъ комнаты.

Скобелевъ, хотя и сопротивлялся, но довольно слабо и далъ мнѣ увести себя, повторяя, что онъ приноситъ „ему“ свои извиненія, и что „онъ“ изъ него „жилы тянетъ“.

Когда я вывелъ его изъ комнаты и старался успокоить, посылая ложиться спать, онъ объявилъ, что ушелъ только благодаря мнѣ, помня неизмѣнную мою деликатность и доброжелательность къ академическому офицерству, и что если бы не я—Левицкій получилъ бы должное.

„Ну, и прекрасно сдѣлали, что ушли; помните, что вашъ прямой начальникъ дѣлалъ вамъ замѣчанія по службѣ“.

Я возвратился къ Левицкому.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! кипѣлъ онъ. И это офицеръ генеральнаго штаба!

— Послушай, Казиміръ, ты совсѣмъ помѣшался. Ты видишь, что человекъ выпившій, и выпившій сильно, и ты пристаешь къ нему, да еще въ такой рѣзкой и грубой формѣ.

— Выпившій!—Откуда ты взялъ?

„Какъ откуда? Да неужели же ты не видѣлъ его лица? И какъ ты думаешь, что же онъ дѣлалъ съ уланами? Евангеліе, что ли, читалъ съ ними? Вѣдь не схвати я его, онъ бы тебя ударилъ“.

— Ну, вотъ, какъ бы онъ смѣлъ,—отвѣчалъ Казиміръ уже растерянно.

„Да такъ же, какъ смѣютъ люди дѣлать недопустимыя вещи, находясь въ ненормальномъ состояніи“.

— Это, чортъ знаетъ что,—еще болѣе взволновался Казиміръ. И это офицеръ генеральнаго штаба, въ сотый разъ повторялъ онъ. Завтра же напишу письмо Гершельману ¹⁾ и отрекомендую ему этого господина. Завтра же напишу, или лучше напишу сейчасъ.

„Знаешь что, Казиміръ, возразилъ я уже совершенно успокоенный. Если бы ты, сдѣлавъ справедливое и спокойное замѣчаніе Скобелеву, о неприличности его поступка и о томъ, какъ мало этотъ поступокъ отвѣчаетъ понятію о служебномъ долгѣ, которымъ должны отличаться офицеры генеральнаго штаба, я бы не имѣлъ ничего противъ того, чтобы ты сообщилъ о Скобелевѣ Гершельману. Но теперь у васъ вышло столкновеніе уже не служебное и при томъ, извини, по твоей винѣ, потому что ты горячился и приставалъ къ нему съ упреками. Послѣ этого столкновенія, послѣ того, что произошло между вами, ты не имѣешь уже права доносить о немъ начальству. Ты ему наговорилъ и такъ массу неприятностей. Съ одного козла двухъ шкуръ не деруть“.

Но онъ продолжалъ настаивать на письмѣ по начальству.

„Послушай, Казиміръ, наконецъ сказалъ я. Повторяю тебѣ,— послѣ того, что случилось, доносить начальству ты не имѣешь права; это будетъ уже сведеніемъ личныхъ счетовъ и, если это сдѣлаешь—я перестану уважать тебя“.

Доводъ оказался достаточнымъ. Онъ уступилъ и, поволновавшись еще немного, легъ спать, какъ и я.

На слѣдующій день, при самомъ выѣздѣ на маневры, Скобелевъ, спокойный и сдержанный, подѣхалъ ко мнѣ и благодарилъ въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ за то, что я увелъ его отъ Левицкаго. Я отвѣчалъ ему, что, конечно, онъ, Скобелевъ, былъ не правъ, но что онъ можетъ быть спокоенъ: дѣло это не получить для него никакого неприятнаго направленія. Выразилъ подъ конецъ надежду, что къ обязанностямъ своимъ впредь онъ будетъ относиться серьезно.

Тѣмъ дѣло и кончилось; но у меня осталось твердое убѣжденіе, что, не схвати я Скобелева за руки въ рѣшительную минуту, онъ былъ бы солдатомъ, а карьера Левицкаго также не пошла бы далѣе.

VIII.

Дѣло окончилось благополучно, но зубъ противъ Скобелева въ Левицкомъ остался, судя, по крайней мѣрѣ, по слѣдующему:

¹⁾ Генераль Константинъ Ивановичъ Гершельманъ состоялъ тогда во главѣ Петербургскаго генеральнаго штаба.

Надо отдать полную справедливость Казиміру, что Гурко обязанъ былъ быстротою своего повышенія ему. Онъ былъ просто влюбленъ въ Гурко, не могъ имъ нахвалиться и свое расположеніе передалъ, конечно, Николаю Николаевичу.

Благодаря Левицкому, Гурко получилъ начальство надъ нашимъ рейдомъ за Балканы, а вскорѣ и надъ гвардейскимъ корпусомъ и кончилъ кампанію какъ командующій арміей. Въ этомъ—большая заслуга Казиміра.

Вообще (считаю нужнымъ повторить то, что говорилъ въ очеркѣ о Скобелевѣ) современныя войны стоятъ такъ дорого, что ихъ нельзя вести ни тридцать, ни семь лѣтъ, ни даже три года подрядъ, и ведутся онѣ съ большими промежутками, поэтому полковой командиръ, оказавшійся даровитымъ, долженъ быть немедленно выдвинутъ и получить дивизию; окончить же кампанію—въ должности, по меньшей мѣрѣ, корпуснаго командира, такъ какъ война даетъ этому полную возможность, обнаруживая бездарности и людей неспособныхъ, которыхъ, естественно, несравненно больше, чѣмъ даровитыхъ. И неспособность, безъ малѣйшаго колебанія и замедленія, должна быть удаляема и замѣщаема даровитостью, при чемъ молодость ни въ какомъ случаѣ препятствіемъ служить не должна. Этого не могъ, или не хотѣлъ понять Куропаткинъ, и это должно быть зачтено ему въ большую вину, такъ же какъ Левицкому въ заслугу—быстрое повышеніе Гурко.

Но, выдвигая Гурко, Левицкій совсѣмъ оставлялъ въ тѣни Скобелева. По крайней мѣрѣ, онъ, возвратившись изъ Ферганы генераломъ свиты Государя, съ двумя Георгіями, прибывъ въ армію, не могъ получить никакого назначенія. Императоръ Александръ II, правда, принялъ его, по возвращеніи изъ Азіи, крайне неблагоклонно, но, тѣмъ не менѣе, молодой генераль, окончившій академію и заявившій себя недюжинной храбростью и исключительной предприимчивостью, конечно, долженъ былъ быть въ арміи желаннымъ гостемъ; Скобелевъ же едва могъ получить болѣе чѣмъ скромное назначеніе начальника штаба казачьей дивизіи своего отца—назначеніе, приличное для молодого полковника, а въ военное время даже подполковника, но никакъ не для образованнаго, молодого генерала, блестящей храбростью исключительно себя зарекомендовавшаго.

Поэтому первые шаги Скобелева, въ турецкую войну, были очень не легки, и только благодаря его исключительной энергіи и способности заставить говорить о себѣ, Скобелеву удалось достигнуть выдающагося положенія въ арміи. Быть можетъ, даже нерасположеніемъ Левицкаго должна быть объяснена недостаточность силъ, врученныхъ Скобелеву для атаки на ключъ позиціи Османа-Паши подъ Плевной 30 августа.

Скобелевъ, однако, какъ человѣкъ очень умный и ловкій, успѣлъ завоевать и Казиміра: когда Государь пожаловалъ Левицкому, послѣ сдачи Плевны, Георгіевскій крестъ, Скобелевъ снялъ свой, обмѣнялся крестами съ недавнимъ врагомъ, и вскорѣ они перешли на „ты“¹⁾.

Много было говорено о роли Левицкаго на войнѣ, о томъ, какъ онъ вредно вліялъ на ея ходъ, какъ ошалѣвалъ, суетился, суетилъ другихъ.

И все это, конечно, была правда, но были за нимъ и заслуги, и заслуги очень крупныя: во-первыхъ,—быстрое повышение Гурко; во-вторыхъ,—блокада Плевны послѣ 30 августа.

Послѣ войны, спрашивая Левицкаго, я задалъ ему какъ-то вопросъ—случалось ли ему, и какъ часто бывать въ огнѣ? Левицкій былъ очень правдивъ, и это было одно изъ качествъ, подкупавшихъ меня въ его пользу. Такъ и тутъ,—на вопросъ мой, онъ совершенно откровенно отвѣтилъ, что подъ ружейнымъ огнемъ онъ не былъ ни разу. Что же касается огня артиллерійскаго, то разъ ему пришлось ѣхать съ конвоемъ и перерѣзать балку, подверженную выстрѣламъ непріятельскихъ орудій.

„Я останоился въ нерѣшительности, говорилъ онъ. Не объѣхать ли балку повыше, для чего приходилось сдѣлать около версты крюку? Колебался я, однако, не долго. Совѣстно стало передъ конвоемъ и, давъ шпоры, я поѣхалъ впередъ“.

М. А. Газенкампфъ въ дневникѣ своемъ говоритъ о поѣздкѣ, предпринятой 29 августа Великимъ Княземъ, въ свитѣ котораго былъ и Левицкій, и о томъ, что во время этой экскурсіи, вся свита находилась подъ огнемъ артиллеріи (стр. 105). Но, или огонь этотъ былъ совершенно незначителенъ, или Левицкаго не было въ свитѣ, только рассказъ его, съ совершенной ясностью, врѣзался въ моей памяти, врѣзался именно потому, что мысленно я осудилъ Казиміра за то, что онъ пренебрегъ такимъ дѣйствительнымъ средствомъ, какъ презрѣніе къ опасности—приобрѣсти себѣ уваженіе и довѣріе войскъ.

Такимъ образомъ жизнь свою опасности Казиміръ почти не подвергалъ и, тѣмъ не менѣе, Георгіевскій крестъ данъ былъ ему вполне по заслугамъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ штурма 30 августа, задуманнаго съ дѣтскимъ легкомысліемъ и самоувѣренностью, не обращая вниманія ни на азбучныя указанія военнаго искусства, ни на неблагопріятныя условія для штурма, начиная съ дождливой погоды, распутившей почву—самоувѣренность, какъ это всегда бываетъ послѣ заслуженнаго урока, уступила мѣсто угнетенному состоянію духа.

¹⁾ Такъ рассказывалъ мнѣ самъ Левицкій.

Начальникъ артиллеріи, князь Масальскій, указывалъ на недостатокъ орудійныхъ зарядовъ, и Великій Князь настаивалъ на необходимости отступить, снять осаду Плевны.

Того же мнѣнія былъ, конечно, и Непокойчицкій.

Собранъ былъ военный совѣтъ въ присутствіи Государя. На этомъ совѣтѣ, какъ говоритъ М. А. Газенкамифъ, „одинъ Левицкій горячо доказывалъ, что не слѣдуетъ отступать ни на шагъ, ибо всякое попятное движеніе только подчеркнетъ и преувеличитъ значеніе неудачи третьяго штурма. Турки наступать не будутъ, а удовольствуются удачнымъ отраженіемъ нашихъ атакъ: они сами, безъ сомнѣнія, понесли значительныя потери, нуждаются въ отдыхѣ и, можетъ быть, даже въ боевыхъ припасахъ: не даромъ же они сегодня молчатъ,—очевидно, берегутъ заряды и патроны. Противъ нашей кавалеріи, стоящей на ихъ пути сообщенія съ Софіей, тоже ничего не предпринимаютъ... Очевидно, что ихъ положеніе тоже незавидное, и намъ отступать—нѣтъ никакихъ причинъ. Воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія гвардіи—вполнѣ отъ насъ зависитъ. Лучше же выжидать, стоя на занятыхъ мѣстахъ, чѣмъ отходить съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать эти же мѣста съ бою“.

Добавлю къ этому, на основаніи разсказа Левицкаго, что когда князь Масальскій заявилъ о недостаткѣ орудійныхъ зарядовъ и даже ружейныхъ патроновъ, то Казиміръ возразилъ: если у насъ мало патроновъ и зарядовъ для штурма и вообще для дѣйствій наступательныхъ, то ихъ совершенно достаточно для того, чтобы отразить турокъ, если бы они вздумали перейти въ наступленіе.

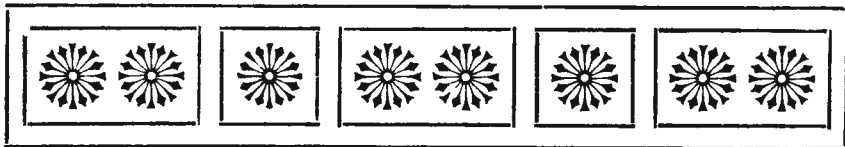
Левицкаго очень твердо, со свойственною ему обстоятельностью изложенія, поддержалъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, и Государь согласился съ ними.

Эпизодъ этотъ мнѣ подробно передавалъ Левицкій и говорилъ, что Великій Князь былъ такъ недоволенъ, что послѣ Совѣта рѣзко выговаривалъ ему и даже сказалъ: „этого я никогда не забуду и тебѣ не прошу“.

Но Государь, когда армія Османа положила оружіе, вспомнилъ поведеніе Левицкаго на Совѣтѣ и немедленно пожаловалъ ему Георгіевскій крестъ. И награда эта была наградой вполнѣ заслуженной.

А. Витмеръ.

Ц. А. К ю и.

(Къ 50-лѣтію музыкальной дѣятельности).

14 декабря 1859 г. въ симфоническомъ собраніи Русскаго Музык. Общества подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна было исполнено первое оркестровое произведеніе (скерцо F-dur) молодого автора. Авторомъ былъ Ц. А. Кюи, и день этотъ принято считать началомъ выдающейся дѣятельности его, какъ композитора.

Цезарь Антоновичъ Кюи родился въ Вильгѣ 6 января 1835 г., сынъ француза, бывшаго офицера Наполеоновской арміи, оставшагося въ Россіи, его мать была литовскаго рода; учился онъ въ мѣстной гимназій, гдѣ отецъ былъ преподавателемъ французскаго языка, въ 1850 г. поступилъ въ Главное Инженерное Училище въ СПБ. (нынѣ Николаевская Инженерная Академія и Училище). По окончаніи курса оставленъ былъ при училищѣ репетиторомъ, затѣмъ преподавателемъ и профессоромъ фортификаціи. Преподавалъ эту науку въ инженерномъ, артиллерійскомъ и кавалерійскомъ училищахъ, а потомъ въ трехъ военныхъ академіяхъ. Въ числѣ его учениковъ находятся девять Великихъ Князей, въ томъ числѣ нынѣ царствующій Государь Императоръ, М. Д. Скобелевъ и множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. К. написалъ рядъ учебниковъ и книгъ по военной специальности и является здѣсь однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ авторитетовъ; въ настоящее время инженеръ-генералъ, заслуженный профессоръ и членъ конференціи. Музыкѣ Ц. А. К. учился еще гимназистомъ и обязанъ главнымъ образомъ самому себѣ, такъ какъ единственнымъ учителемъ теоріи былъ у него на короткое время (около полугода) С. Монюшко. Дальнѣйшее музыкальное развитіе прошло подъ вліяніемъ знакомства съ Даргомыжскимъ и постояннаго

общенія съ кружкомъ Балакирева. Значеніе этого кружка достаточно выяснено; кромѣ Балакирева, Кюи и Мусоргскаго въ него очень скоро вошли Бородинъ, Римскій-Корсаковъ и нѣкоторые другія лица. Вмѣстѣ они изучали партитуры великихъ произведеній, расширяли свой музыкальный кругозоръ; ихъ художественные идеалы складывались преимущественно подъ вліяніемъ произведеній Глинки и Даргомыжскаго (періода „Каменнаго Гостя“), Шумана, Берліоза и Листа. Защитниками въ печати возрѣвнѣй этой группы музыкальной молодежи были Кюи и В. В. Стасовъ. Въ 1858 г. К. женился на пѣвицѣ М. Р. Бамбергъ, на имя которой и на собственное (В. А. В. Е. Г. С. С.) написано то самое скерцо, о которомъ говорилось выше, его первое исполненное публично произведеніе. Въ послѣдующей жизни композитора уже нельзя указать лицъ, которыя такъ или иначе воздѣйствовали бы на его техническое образованіе. Его дѣятельность была одновременно и его школой. Списокъ произведеній Ц. А. Кюи весьма значителенъ. Имъ написано болѣе 75 оперъ, помимо оперъ, при чемъ преобладаютъ произведенія вокальные (романсы, хоры). Его 11 оперъ ставились на сценѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Вильямъ Ратклиффъ“ (Спб. 1869 г.), „Анджело“ (Спб. 1876 г.), „Сынъ Мандарина“ (Спб. 1878 г.), „Кавказскій плѣнникъ“ (Спб. 1883 г., дополненный и передѣланный, I и III дѣйствія были написаны еще въ 1857—58 г.г.), „Le Flibustier“ (Парижъ 1894 г.), „Сарадинъ“ (Спб. 1899 г.), „Пиръ во время чумы“ (Москва 1900 г.), „Mamzelle Fifi“ (Москва 1903 г.), „Маттео Фальконе“ (Москва 1907 г.), „Снѣжный богатырь“ (Спб. 1907 г.) и „Капитанская дочка“, совсѣмъ недавно оконченная и нигдѣ еще не ставившаяся. Въ 1872 г. былъ написанъ К. одинъ актъ оперы-балета „Млады“ (не напечатанъ и не ставился)—совмѣстнаго произведенія членовъ балакиревскаго кружка. Кюи написалъ около 300 романсовъ, множество фортепьянныхъ пьесъ; изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе ор. 64, появившійся не очень давно (1905 г.)—25 прелюдій, загѣмъ около 40 хоровъ à capella, 4 сюиты для оркестра, 2 скерцо, тарантеллу, 2 струнныхъ квартета, весьма большое количество пьесъ для скрипки и проч. Въ послѣдніе годы К. усиленно пополняетъ отдѣлъ дѣтской музыкальной литературы и въ своемъ „Снѣжномъ богатырѣ“ даетъ типъ такъ называемой школьной оперы. Критическая дѣятельность Ц. А. Кюи началась съ 1864 г. За это время имъ написано около 750 статей и замѣтокъ, помѣщавшихся во многихъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ („Спб. Вѣд.“, подъ прославившимся псевдонимомъ * * *, „Новое Время“, „Сѣвер. Вѣстн.“, „Голосъ“, „Искусство“, „Недѣля“ и „Книжки Недѣли“, „Муз. Обзор.“, „Гражданинъ“, „Артистъ“, „Новости“, „Муз. Трудъ“.

и др., „Revue et Gazette Musicale de Paris“, „Le Monde Artiste“, „L'Art Musical“, „Le Menestrel“, „L'Independance Belge“, „Guide Musicale“ и „L'Art“). Отдѣльными брошюрами изданы статьи: „La musique en Russie“, „Кольцо Нибелунговъ“ Вагнера, „Исторія фортепіанной литературы“ курсъ А. Рубинштейна и „Русскій романсъ“. Съ 1896 г. по 1904 г. Ц. А. предсѣдательствовалъ въ дирекціи Спб. Отдѣленія И. Р. М. О.

6 января текущаго года композитору исполнилось 75 лѣтъ со дня рожденія.

Дарованіе К. не только количественно, но и качественно расцвѣтаетъ въ вокальной музыкѣ. Несмотря на принадлежность къ „новой русской школѣ“, К. избѣгаетъ въ своихъ операхъ русскихъ сюжетовъ (какъ исключеніе послѣдняя — „Капитанская дочка“) и его музыка лишена опредѣленныхъ національныхъ чертъ, у него характерно влеченіе къ сюжетамъ трагическимъ, но, какъ ни странно ему болѣе удаются не драматическіе моменты, а лирическіе, они красочны и выразительны; бытовые черты не свойственны таланту К. Его крупныя достоинства заключаются въ мелодической декламациі тщательно и изящно сдѣланной гармоніи. „Ратклиффъ вызвалъ въ 60-хъ годахъ большіе споры свободой своего стиля. Музыка К. сверхъ того граціозна, нѣжна; миниатюра—это та область, гдѣ композиторъ наиболѣе совершененъ, слѣдуя образцамъ, созданнымъ Шопеномъ и Шуманомъ. Въ романсахъ К. если не придаетъ большого значенія выразительности отдѣльныхъ фразъ (къ чему вслѣдъ за Мусоргскимъ стремятся новѣйшіе русскіе композиторы), то общій характеръ каждаго изъ нихъ соответствуетъ содержанію текста, почти всегда поэтичнаго. Тяготѣя, повидимому, по своимъ литературнымъ вкусамъ къ сверхъ-романтичному, Кюи по духу своей музыки ближе однако къ „пѣснямъ мирнымъ фригійскихъ пастуховъ“.

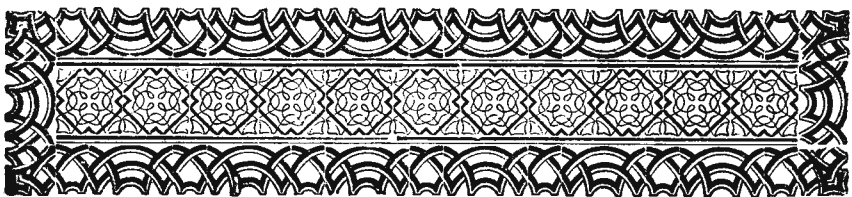
Въ критической дѣятельности самымъ крупнымъ фактомъ была его полемика съ консерваторскимъ направленіемъ, а слѣдовательно съ А. Г. Рубинштейномъ и Г. А. Ларошемъ въ тѣ годы, когда консерваторіи начинали свою жизнь. Борясь вообще за освобожденіе отъ какой бы то ни было рутины, Кюи направлялъ стрѣлы своего остроумія на представителей консерваторскаго образованія, ошибочно видя въ нихъ только поборниковъ этой ненавистной ему рутины. Время разсудило враговъ, и правда оказалась не на его сторонѣ. Но Кюи оказалъ большую услугу тѣмъ, что талантиностью своихъ статей привлекалъ вниманіе общества къ жизни музыкальныхъ круговъ и къ блестящимъ дарованіямъ своихъ соратниковъ— Балакирева, Мусоргскаго, Бородина и Корсакова. Необходимо отмѣ-

тить, что Кюи всю жизнь враждебно относился къ творчеству Вагнера (еще на дняхъ повторилъ свою извѣстную фразу о „геніальной скукѣ“ его музыки) и не слишкомъ мягко къ Чайковскому. Причина этого, вѣроятно, лежитъ въ его композиторской индивидуальности, т. е. извѣстно, что легче среднему критику оцѣнить разнородныхъ авторовъ, чѣмъ хорошему композитору своего товарища по искусству; здѣсь на лицо тѣ же неуловимыя черты авторской психологіи, которыя приводили напр. Чайковскаго къ отрицанію Мусоргскаго. Въ послѣдніе годы взгляды Кюи стали мягче, но выступать критикомъ онъ сталъ рѣже.

Нельзя достаточно надивиться той свѣжей, не ослабѣвшей энергіей, которая отличала почтеннаго композитора, профессора военной науки и критика на его жизненномъ пути. Эта дѣятельность да послужить молодымъ силамъ ободряющимъ примѣромъ.

Привѣтствуемъ Ц. А. Кюи по случаю столь рѣдкаго для русскаго композитора юбилея.

Ф. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка.

I.

етырехлѣтнее пребываніе на каторгѣ — этотъ тягостнѣйшій эпизодъ не только въ личной жизни писателя, но и въ исторіи русской литературы — и въ томъ, и въ другомъ отношеніи оставило по себѣ глубокій, неизгладимый слѣдъ. Съ одной стороны, оно было ближайшимъ поводомъ къ тому, что русская литература обогатилась такимъ единственнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ, неподражаемымъ твореніемъ, какъ „Записки изъ Мертваго дома“; съ другой стороны, каторга была для Достоевскаго вторымъ крещеніемъ и возродила его къ новой жизни; она была тѣмъ спасительнымъ горниломъ, въ которомъ писатель закалилъ и очистилъ свой мятущійся духъ. О необычайномъ значеніи каторги для развитія таланта Достоевскаго онъ самъ говоритъ такъ: „Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ, наконецъ, это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ *благословлялъ* судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра,

что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣ свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе...“ Когда затѣмъ Достоевскій описываетъ счастливую минуту выхода изъ каторги, то въ заключеніе восклицаетъ: „Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!“ Изъ „Преступленія и Наказанія“ далѣе мы знаемъ, какое магическое дѣйствіе произвела каторга на Раскольниково. Огромная сила этой великой искупительной жертвы такова, что она повлекла за собою „постепенное обновленіе человѣка, постепенное перерожденіе его, постепенный переходъ изъ одного міра въ другой, знакомство съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ восторженныхъ словахъ Достоевскаго слышатся автобіографическія его черты.

Если самъ Достоевскій придавалъ такое великое значеніе своему пребыванію на каторгѣ, то мы тѣмъ болѣе не можемъ оставаться равнодушными къ тому, что говорятъ о немъ и объ этомъ періодѣ его жизни живые свидѣтели тѣхъ дней,—тѣ, которые жили съ нимъ въ одной казармѣ, вмѣстѣ работали, ѣли за общимъ столомъ,—тѣ, о которыхъ онъ самъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Пусть поверхностно и легкомысленно, пусть враждебно говорятъ они о нашемъ великомъ писателѣ; пусть даже слова ихъ будутъ неприятны для насъ, потому что не понятъ имъ „нашей славы“, но мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ. Къ числу такихъ лицъ относится Симонъ Токаржевскій, скрытый въ „Запискахъ“ Достоевскаго подъ буквами Т—скій, отрывки изъ воспоминаній котораго были напечатаны въ №№ 2—19 „Польской газеты“ за 1907 годъ и затѣмъ изданы отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Семь лѣтъ каторги“¹⁾. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію разсказа Токаржевскаго о Достоевскомъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ авторѣ воспоминаній.

II.

Повѣствованіе о жизни Токаржевскаго „Польская газета“ начинаетъ изображеніемъ слѣдующей печально-торжественной картины.

Лѣтъ шестнадцать тому назадъ умеръ въ Варшавѣ сапожный мастеръ Симонъ Токаржевскій. Похороны мало извѣстнаго тогдашнему поколѣнію человѣка по-своему почтила полиція: на углахъ

¹⁾ Извлеченія изъ этой книги помѣщены въ Историческомъ Вѣстникѣ въ апрѣлѣ 1908 г. въ статьѣ Г. Брайлоскаго „Достоевскій въ Омской каторгѣ и поляки“.

улицъ, по которымъ проходило погребальное шествіе, стояли конные жандармы, а за гробомъ, рядомъ съ женой умершаго, шли участковый приставъ и околоточные. Кто же былъ этотъ человѣкъ, смерть котораго такъ обезпokoила варшавскую полицію?

Симонъ Токаржевскій не былъ простымъ сапожникомъ; онъ происходилъ изъ дворянъ Люблинской губ., сапожную же профессію избралъ, руководствуясь тѣмъ убѣжденіемъ, что тогда ему легче будетъ распространять среди варшавскихъ ремесленниковъ идеи національнаго возрожденія и самоопредѣленія. Онъ былъ, по словамъ „Польской газеты“, однимъ изъ тѣхъ бойцовъ на службѣ Отчизнѣ ¹⁾, однимъ изъ тѣхъ энтузіастовъ, которые отдають ей всю душу, вся жизнь которыхъ сплошное мученичество.

Въ молодости Токаржевскій встрѣтился съ ксендзомъ Петромъ Сцегеннымъ, сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ его патріотическихъ и демократическихъ идей, а затѣмъ, бросивъ отчій домъ, сталъ въ ряды заговорщиковъ.

Кс. П. Сцегенный, начальникъ несостоявшагося крестьянскаго возстанія 1844 года, былъ сынъ крестьянина изъ краковскаго воеводства (нынѣшней Кѣлецкой губ.). Состоя впослѣдствіи на приходѣ въ Люблинской губ., онъ рѣшилъ бороться за независимость Польши, добыть ее путемъ народнаго возстанія, внушая массамъ убѣжденіе, что единственно только въ независимой Отчизнѣ можно достигнуть благосостоянія, свободы и счастья. При этомъ кс. Сцегенный выработалъ своеобразную политическую теорію, основанную впрочемъ не столько на выводахъ науки и на данныхъ опыта, сколько вытекавшую изъ порывовъ его горячаго сердца и простой, наивной души. Такъ, онъ мечталъ о будущемъ устройствѣ Польши на началахъ общинности, при чемъ главную роль предназначалъ приходскимъ настоятелямъ, какъ выборнымъ начальникамъ общины.

Пропаганда кс. Сцегеннаго привлекла къ нему много сторонниковъ изъ среды крестьянъ, а затѣмъ его „крестьянскій заговоръ“ быстро слился съ „союзомъ молодежи“ и охватилъ области Люблинскую, Сандомирскую и Краковскую. Возстаніе должно было вспыхнуть въ 1844 году въ Кѣлецкой губ., колыбели рода Сцегенныхъ. Однако самъ глава заговора не обладалъ необходимыми качествами вождя народнаго возстанія. Онъ не позаботился даже о заготовленіи оружія для будущихъ повстанцевъ; онъ наивно полагалъ, что когда толпа народа двинется, то „страшно сильныя“ мужицкія руки съумѣютъ косами, люшнями и вилами разбить русскія регулярныя войска.

¹⁾ Поляки такъ обожаютъ свою родину, съ такимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ относятся къ ней, что слово „Отчизна“ пишутъ съ большой буквы. Мы здѣсь удерживаемъ это написаніе.

По доносу кс. Сцегенный былъ арестованъ въ д. Бильчѣ Кѣледской губ. и привезенъ въ Кѣльцы. Губернаторъ Бѣлоскурскій сердечно его привѣтствовалъ и принялъ очень любезно. Простодушный ксендзъ, очарованный приѣмомъ и ничего не подозрѣвавшій, открылъ все свои самыя завѣтныя мысли. Результатомъ этихъ откровеній была отправка духовнаго заговорщика въ варшавскую цитадель, гдѣ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Въ день казни онъ былъ помилованъ и отправленъ въ пожизненную каторгу. Интересно, что въ Сибири, въ Александровскѣ, онъ устроилъ, согласно своимъ теоріямъ, вмѣстѣ съ товарищами по изгнанію коммуны, участники которой дѣлились поровну плодами своихъ трудовъ. Освобожденный впоследствии по манифесту отъ наказанія, кс. Сцегенный возвратился на родину, гдѣ недавно умеръ въ г. Люблинѣ.

Дѣло кс. Сцегеннаго было первымъ этапомъ въ полной революціонной жизни Токаржевскаго. Правда, ему тогда удалось убѣжать въ Галицію, но австрійскія власти арестовали его и, выдержавъ два года въ тюрьмѣ въ Львовѣ, выдали русскому правительству. Далѣе слѣдуютъ: варшавская цитадель, Новогеоргіевскъ, Устькаменогорскъ и каторга въ Омскѣ—вотъ главные моменты изъ этой эпохи жизни Токаржевскаго. Въ 1857 году, по вступленіи на престолъ Александра II, онъ возвращается на родину и, сойдясь въ Варшавѣ съ группой ремесленниковъ, въ средѣ которыхъ онъ встрѣтилъ горячихъ и сердечныхъ людей, рѣшилъ сблизиться съ ними. Традиціи Килинскаго оказали въ этомъ случаѣ рѣшающее вліяніе, и Токаржевскій вступилъ въ цехъ сапожниковъ. Вскорѣ скромный его домикъ на углу Бѣлянской и Тломацкой улицъ дѣлается средоточіемъ какъ для молодежи изъ среды ремесленниковъ во главѣ съ Станиславомъ Гишпанскимъ, такъ и для молодежи, учившейся въ школѣ изящныхъ искусствъ и въ медицинской академіи; здѣсь же собирались извѣстные литераторы и дѣятели того времени: Краевскіе, Эренбергъ, Халубинскій, Іезіоранскій, Траугутъ, Точинскій. Но вотъ вспыхнуло возстаніе, въ которомъ Токаржевскій принялъ дѣятельное участіе. Высланный въ 1863 г. въ Рязань, онъ по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ вернулся назадъ, но скорѣ опять былъ посаженъ въ цитадель. Въ 1864 году послѣдовала вторичная ссылка его въ Сибирь, изъ которой онъ вернулся на родину въ 1883 году, умеръ онъ въ Варшавѣ 3 іюля н. с. 1890 года.

Такова не сложная жизнь этого горячаго польскаго патріота, который лучшую половину ея провелъ въ изгнаніи на чужбинѣ, вдали отъ своей родины, вдали отъ этой безумно имъ любимой

Отчизны. Эту-то горькую жизнь, эти страданія за Отчизну онъ и описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

III.

Что касается описанія тюремъ, каторги, жизни арестантовъ, выдающихся въ ней событій, неожиданныхъ происшествій, то въ этомъ отношеніи воспоминанія Токарежвскаго представляютъ не много интереса, въ особенности послѣ того, что далъ намъ Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Если взять во вниманіе широту и глубину картины, изображенной Достоевскимъ во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, если взглянуть на безконечное разнообразіе типовъ, живыми стоящихъ передъ глазами, если вслушаться въ эту своеобразную музыку арестантскихъ рѣчей, если однимъ словомъ представить себѣ на одинъ мигъ всю эту калейдоскопическую панораму, магической рукой творца-художника развернутую передъ нами, и сравнить ее съ той блѣдной хартіей, какую слабой кистью начерталъ польскій изгнанникъ, то послѣдняя покажется намъ не болѣе, какъ дѣтскимъ лепетомъ по сравненію съ первой. Причина этого, не говоря уже о различіи въ природныхъ дарованіяхъ и талантахъ, очень простая.

„Мертвый домъ!“ говорилъ я, пишетъ Достоевскій, „самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣнливо слонявшимся по площадкѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнать, что они за люди и какіе у нихъ характеры?.. Все это моя среда, мой теперешній міръ,—думалъ я,—съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить“... Достоевскій страстно, мучительно желалъ проникнуть въ этотъ, до сихъ поръ совершенно чуждый для него, новый міръ и чрезвычайно терзался, что онъ сразу не могъ разгадать его. Годъ прошелъ, прежде чѣмъ онъ освоился съ нимъ. „Я не могъ, говоритъ онъ, и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель, и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону“. При всемъ

томъ однако Достоевскій считалъ этотъ міръ своимъ. „Я чувствовалъ и понималъ, говоритъ онъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется, я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велятъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ: „Вообще это было время моего перваго столкновения съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія,—стали какъ будто тоже моими, по крайней мѣрѣ, по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности“.

Совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ „мой міръ, мою среду“ Достоевскаго поляки, въ томъ числѣ Токаржевскій. Послѣдній иначе не называетъ своихъ товарищей-каторжниковъ, какъ „бригандами“. Припомните вкладываемое Достоевскимъ въ уста одного поляка выраженіе: „Je hais ces brigands“, которое онъ по многу разъ и часто повторялъ. Объ отношеніяхъ поляковъ къ каторжникамъ Токаржевскій въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ № 8 „Польск. газ.“, говоритъ такъ: „Отношенія наши съ „бригандами“, сначала враждебныя, а въ особенности со мной, складывались постепенно. Мы держали ихъ отъ себя, какъ сами говаривали, на „благородной дистанціи“. Какъ драгоцѣнно это признаніе! Значитъ, Достоевскій вѣрно подмѣтилъ и схватилъ эту черту, когда писалъ: „Каторжные страшно не любили поляковъ, даже больше, чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне несообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили тою же монетою“. Въ другомъ мѣстѣ Достоевскій еще разъ повторяетъ это въ такихъ выраженіяхъ: „Кромѣ черкесовъ, въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всеми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человекъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; о нихъ я буду говорить особо и подробно впоследствии. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги“.

Есть въ воспоминаніяхъ Токаржевскаго и нѣкоторые факты, изъ которыхъ ярче всего вырисовываются отношенія поляковъ къ ка-

торжникамъ. Разсказывая о пнткѣ, какую причиняло еженедѣльное бритье половины головы и сбриваніе одного уса, о чемъ, между прочимъ, упоминается и у Достоевскаго, Токаржевскій говорить: „Бриганды“ роптали на эту поистинѣ возмутительную операцію и не разъ начинали ссору съ цирюльникомъ, доходившую до страшныхъ проклятій. Мы же, поляки, переносили и эту муку, не скажу, чтобы терпѣливо, но съ тѣмъ постояннымъ гордымъ упорствомъ, съ какимъ мы привыкли всегда вести себя на каторгѣ, въ особенности въ отношеніи „бригандовъ“. Достоевскій нашелъ иной выходъ изъ этого положенія: по указанію Акима Акимыча, онъ пользовался услугами „одного арестанта военного разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ“.

Много страницъ у Достоевскаго посвящено описанію арестантскаго кутежа, роли цѣловальниковъ, способовъ добыванія водки; страницы эти написаны картинно, живо, съ увлеченіемъ, и читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Посмотримъ теперь, какъ отнесся къ этой сторонѣ арестантскаго быта Токаржевскій, который вскользь касается и этого вопроса. „Лишь только, пишетъ онъ, съ наступленіемъ сумерекъ, казармы запирались на ключъ, въ нихъ начиналось господство распущенности и свободы.—Гуляй, душа!— вотъ былъ лозунгъ „бригандовъ“. Какъ только умолкалъ звукъ шаговъ запиравшаго казармы офицера, тотчасъ начиналась самая несдержанная гульба и пьянство, потому что арестанты нашли возможность доставать себѣ водку изъ города. Какимъ образомъ? Одинъ арестантъ, въ доказательство своего расположенія, хотѣлъ однажды подробно мнѣ разсказать, съ какими чрезвычайными опасностями сопряжена была подобная контрабанда, какія хитрыя предосторожности требовались, чтобы обмануть караульнаго солдата. Подобный контрабандистъ, проносившій водку изъ кабака въ крѣпость, по понятіямъ каторги, былъ истинный „герой“. Но такъ какъ мы водки никогда не пили, а наши понятія о героизмѣ были совсѣмъ другія, то я, отговорившись неимѣніемъ времени, очень поблагодарилъ его за желаніе посвятить меня въ подробности этого дѣла и потому ничего не умѣю сказать о доставкѣ водки изъ города въ тюрьму“. Такимъ образомъ Токаржевскій не соблаговолилъ даже выслушать благорасположеннаго къ нему арестанта,—столько презрѣнія, столько нравственной брезгливости онъ чувствовалъ къ этимъ подонкамъ и отбросамъ человѣческаго рода, въ которыхъ Достоевскій такъ упорно и настойчиво искалъ проблесковъ души и порывовъ сердца. Ну, не правъ ли былъ тысячу разъ тотъ же Достоевскій, когда говорилъ о своихъ каторжныхъ полякахъ, что они отгородились отъ всѣхъ, замкнулись въ свою скорлупу и

дарили всѣхъ презрѣніемъ. Они не хотѣли даже пойти посмотрѣть на представленіе, устроенное каторжниками въ рождественскіе праздники, о которомъ съ такимъ восторгомъ рассказываетъ Достоевскій и которое внесло столько живой, неподдѣльной радости въ мрачную жизнь арестантовъ. Они почтили это представленіе своимъ присутствіемъ только тогда, когда оно давалось въ послѣдній разъ. Они рѣшились на этотъ невѣроятный шагъ послѣ многихъ, какъ говорить Достоевскій, „увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно“.

IV.

Что же давало силу полякамъ такъ поставить себя въ отношеніи арестантовъ и затѣмъ столько лѣтъ съ такимъ поразительнымъ упорствомъ выдерживать этотъ тонъ, ни въ чемъ никому не дѣлая ни малѣйшей уступки, не идя ни на какой компромиссъ, не измѣняя ни на іоту своему разъ принятому отношенію ко всему окружающему? Они были горды своей безумной любовью къ родинѣ, къ Отчизнѣ, они были счастливы тѣмъ, что страдаютъ за нее. Въ ней они черпали мужество съ брезгливымъ презрѣніемъ смотрѣть на окружающій ихъ непривѣтливый міръ арестантовъ. О силѣ этой любви можно отчасти судить по разсказу Токаржевскаго о томъ, какъ онъ перенесъ экзекуцію „палокъ“. Это было еще до отправки въ Сибирь въ кр. Новогеоргіевскѣ. Первоначально онъ былъ приговоренъ къ 2.000 палокъ, но потомъ это количество было уменьшено до 500. „Я прижалъ къ груди, рассказываетъ онъ, иконку Ченстоховской Божіей Матери... Я желалъ молиться, но ни одного слова молитвы не могъ припомнить, лишь за каждымъ ударомъ попеременно говорилъ: „это во славу Твою, Королева Короны Польской; это за искупленіе Твое, дорогая Отчизна“. Больно ли мнѣ было во время битья? Нѣтъ. Видѣлъ ли я своихъ мучителей? Нѣтъ. Все окружающее исчезло у меня изъ глазъ; я видѣлъ передъ собою только какіе-то свѣтлые круги. Можетъ быть, въ эту кровавую минуту душа моя разлучилась съ тѣломъ и пребывала въ какихъ-нибудь надмірныхъ пространствахъ? Но развѣ это возможно?.. Пусть на этотъ вопросъ отвѣтятъ врачи и психологи. Я же со всею смѣлостью могу утверждать и доказывать лишь то, что въ моменты религіознаго и патріотическаго экстаза человѣкъ не чувствуетъ физической боли“.

Достоевскій въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что на счетъ боли при наказаніи палками онъ много разспрашивалъ. „Мнѣ хотѣлось, пишетъ онъ, опредѣлительно узнать, какъ велика эта боль; съ чѣмъ

ее, наконецъ, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжетъ, какъ огнемъ палить,—вотъ все, что я могъ узнать, и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. „Больно очень, говорилъ Достоевскому одинъ интеллигентный арестантъ, а ощущение — жжетъ, какъ огнемъ; какъ будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ“. „Однимъ словомъ, говорить нашъ писатель, всѣ показывали въ одно слово“. Теперь, послѣ разсказа Токаржевскаго оказывается, что на интересовавшій нашего писателя вопросъ можетъ быть еще одинъ, совершенно непредвидѣнный отвѣтъ. Оказывается, что бывають такія необычныя психическія состоянія, когда никакой физической боли при 500 ударахъ палокъ вовсе не ощущается, по крайней мѣрѣ не чувствуется.

Благоговѣнная привязанность поляковъ къ родинѣ не только давала имъ силу свысока третировать своихъ товарищей по каторгѣ, но въ то же время была источникомъ особенной гордости, побуждавшей ихъ кстати и некстати афишировать, что они политическіе преступники. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить трогательнаго разсказа Достоевскаго, повторяемаго также у Токаржевскаго, о старикѣ Ж—комъ (по воспоминаніямъ Токаржевскаго, это былъ Жоховскій; разница въ разсказѣ та, что у Токаржевскаго Жоховскій былъ наказанъ 300 ударами палокъ, а у Достоевскаго плацъ-маіоръ приказалъ дать 100 розогъ). Это не заслуженное наказаніе постигло набожнаго старика по слѣдующему поводу: поляки были переведены въ Омскъ изъ У—горска (по Токаржевскому—изъ Устькаменногогорска). Въ дорогѣ они обросли бородами и когда явились въ такомъ видѣ къ плацъ-маіору, тотъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе и заревѣлъ:—въ какомъ они видѣ! это бродяги, разбойники!

Жоховскій, не понявъ хорошо вопроса, отвѣтилъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? Грубить! заревѣлъ маіоръ. Въ кордегардію! Сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старикъ молча перенесъ наказаніе и, войдя въ казарму съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами, прошелъ къ своему мѣсту, не говоря никому ни слова, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Однимъ словомъ, добавляетъ Токаржевскій, онъ велъ себя такъ, какъ „подобаетъ истинному мученику“. За это арестанты прозвали его святымъ.

Жалостливое отношеніе простыхъ русскихъ людей къ каторжни-

камъ и вообще къ приговореннымъ преступникамъ не могло не обратить на себя вниманія поляковъ. „Въ глубокой Россіи и въ Сибири, пишетъ Токарежскій, народъ относится къ каторжникамъ съ большимъ состраданіемъ и подаетъ имъ милостыню, которая принимается очень охотно. „Несчастный“ — вотъ имя, которымъ русскій народъ называетъ каторжника, и давая ему въ руку пшеничную булку, либо копѣйку, приговариваетъ:

— Прими мой даръ и пусть Христосъ спасетъ тебя, несчастный!

Эти слова казались мнѣ полными христіанской любви. Можетъ быть, это былъ бы самый лучший общественный строй, если бы установился такой взглядъ на преступниковъ, что они люди, постигнутые несчастьемъ.

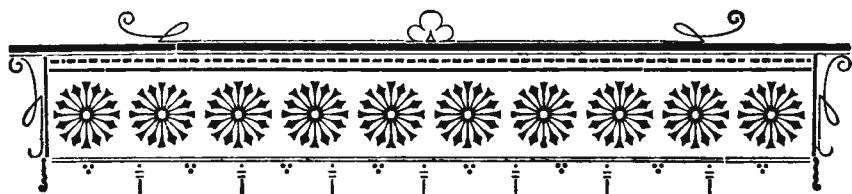
Но сколько бы разъ ко мнѣ ни приближался кто-либо съ милостыней, я издалека кричалъ:—благодарю... я вовсе не несчастный, а политическій преступникъ.

Многokrатно повторялъ я это въ теченіе семи лѣтъ и думаю, что въ концѣ концовъ жители Омска научились отличать разбойниковъ отъ государственныхъ преступниковъ“.

Нужно ли прибавлять что-либо къ этому разсказу? Остается развѣ для контраста вспомнить, какъ принялъ поданную милостыню Достоевскій, какое величіе духа, какую изумительную покорность судьбѣ проявилъ онъ при этомъ. Помню, разсказываетъ онъ, какъ я, въ первый разъ, получилъ денежное подаваніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая, какъ ангельчикъ. Мать была солдатка, вдова. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошптала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной... — На, „несчастный“, возьми Христа ради, копѣчку! кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руку монетку. Я взялъ ее копѣчку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣчку я долго берегъ у себя“.

Такъ Достоевскій принялъ четверть копѣчки въ первый разъ. Значитъ, впоследствии онъ принималъ милостыню не одинъ разъ. При этомъ онъ не кричалъ издалека, что онъ не „несчастный“, а политическій преступникъ.

В. Храевичъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Турціи существуетъ громадная литература, изъ которой всякій можетъ почерпнуть нужныя ему свѣдѣнія. Но какъ бы ни обширенъ былъ матеріаль для изслѣдованій, всегда найдется кое-что и новое написать или добавить, что еще неизвѣстно или просто ускользнуло отъ вниманія бытописателя.

Мнѣ выпала удивительная доля прожить нѣсколько лѣтъ среди турецкаго народа, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ и подъ однимъ небомъ, дѣлить его радости и горе и, наконецъ, полюбить турка и быть въ свою очередь страстно имъ любимой, а потому надѣюсь, всякій пойметъ, что я имѣла возможность заглянуть къ нему въ душу и понять его, быть можетъ, глубже, чѣмъ многіе, уже прославленные о немъ писатели.

Во всѣ годы моего пребыванія на турецкомъ востокѣ я имѣла похвальную привычку вести изо дня въ день подробный дневникъ происшествій, личныхъ впечатлѣній, а также записывать въ него слово въ слово разговоры и бесѣды съ нѣкоторыми замѣчательными личностями, имена которыхъ уже стали достояніемъ исторіи.

Хотя мои мемуары касаются больше бытовой стороны края, а главнымъ образомъ моихъ собственныхъ приключеній; но все-таки они не лишены связи съ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ въ Оттоманской Имперіи.

Этимъ запискамъ не суждено было видѣть свѣта раньше моей

смерти по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ чемъ могу отчасти со- знаться читателю.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ дѣйствующихъ здѣсь лицъ и по сіе время, слава Богу, здравствуютъ, а имена ихъ извѣстны широкой публикѣ.

Теперь же по настоянію родныхъ и знакомыхъ я рѣшилась из- дать мои воспоминанія въ виду того интереса, который проявляетъ наше общество къ Турціи въ данный моментъ.

Но чтобы не нарушать извѣстнаго правила литературной этики, по которому не принято называть полностью фамиліи тѣхъ, отъ кого не имѣется на это выраженного желанія или согласія, то о такихъ будетъ здѣсь упомянуто подъ инициалами или сокраще- ніями.

Зато беру на себя смѣлость называть безъ всякихъ измѣ- неній имена тѣхъ, которые, какъ мнѣ уже извѣстно, ровно ничего не имѣютъ противъ того, а также лицъ уже умершихъ.

Подъ первыми я разумѣю, въ числѣ многихъ, семью Кіамиль- паши, бывшаго великаго визири, о которомъ недавно такъ много шумѣла печать во время извѣстнаго переворота.

Подъ вторыми—прежде всего Мидхатъ-пашу, инициатора и твор- ца первой турецкой конституціи. Этотъ знаменитый дѣятель былъ моимъ задушевымъ другомъ и, по собственному его признанію, лю- билъ меня, какъ дочь.

Тогда звѣзда его только-что начинала разгораться на горизонтѣ всемірной славы, и я видѣла ее въ зенитѣ, а потомъ и за- катъ ея.

У меня и по сіе время сохраняется переписка съ нимъ изъ да- лекаго изгнанія, куда онъ отправленъ былъ за нѣсколько дней до открытія созданнаго имъ же парламента по англійской программѣ.

Письма эти современемъ будутъ переданы историку, если пона- добится, для нѣкотораго освѣщенія этой личности.

Я не обѣщаю читателю строгой послѣдовательности въ изложе- ніи историческаго хода событій, которыхъ я была живой свидѣтель- ницей, такъ какъ все записывалось частью по слухамъ тамъ, на мѣстѣ, по разговорамъ и словамъ самихъ же дѣйствующихъ лицъ, а больше по личнымъ наблюденіямъ, основаннымъ на моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ.

Считаю не лишнимъ предупредить, что нѣкоторые эпизоды, какъ-то: разговоръ съ дочерью Кіамиль-паши о затменіи луны и вращеніи земли вокругъ своей оси, исповѣдь у греческаго митро- полита, бесѣды мои съ затворницами гаремовъ и многіе другіе мо- гутъ быть сочтены за анекдоты; но все это истинная правда до

мельчайшихъ подробностей, что могли бы подтвердить очень многіе еще живые свидѣтели.

Какъ могла я попасть въ такую замкнутую отъ европейца среду, прожить тамъ долго, да еще при необыкновенно исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя давали мнѣ доступъ даже въ гаремы, такъ ревниво оберегаемые турками отъ постороннихъ наблюденій, объ этомъ узнаеть читатель изъ слѣдующихъ главъ.

Г л а в а I.

Родной братъ моей матери Д. А. Дариво въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ занималъ должность русскаго вице-консула въ Турецкой Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и агента Русскаго Общества Пароходства и Торговли—оба рода занятій, часто совмѣстимыя на Востоцкѣ.

Тамъ онъ женился на французенкѣ изъ рода знаменитой фамиліи маркизовъ d'Antin-d'Arс.

Одинъ изъ обѣднѣвшихъ потомковъ этой знаменитой семьи, недовольный Наполеономъ I, эмигрировалъ въ Турцію, поселился навсегда въ Смирнѣ и, забывъ свой славный гербъ, занялся разными коммерческими предпріятіями, благодаря которымъ очень разбогатѣлъ. На внучкѣ его Marie и былъ женатъ мой дядя.

Въ тѣ далекія времена Турція была обѣтованной землей для cadaго, желающаго набить свой карманъ. Да это было вовсе и не трудно: лѣнивый, непредпріимчивый и къ тому же очень покладистый турокъ, какимъ онъ былъ и есть, даже не замѣчалъ, мечтая о раѣ Магомета, какъ совершалось мирное завоеваніе его страны пришлымъ элементомъ.

А пришлецы со всѣхъ концовъ земного шара, широкимъ потокомъ, разливаясь по берегамъ классическихъ морей, захватывали въ свои цѣпки руки промышленность, торговлю, естественныя богатства страны, плодились, множились и вскорѣ стали фактическими хозяевами Оттоманскаго государства.

Такимъ-то образомъ и создалась изъ помѣси всевозможныхъ національностей оригинальная народность подъ названіемъ „франки“ или „левантинцы“. Къ тому времени, какъ я только что окончила курсъ въ С.-Петербургскомъ П—скомъ институтѣ и поселилась въ нашемъ имѣніи Орловской губер., дядя мой былъ переведенъ вице-консуломъ изъ Сиріи на островъ Хіосъ. Послѣдній составляетъ часть турецкаго архипелага и находится въ 5 морскихъ миляхъ отъ Малой Азіи напротивъ исторической Чесмы.

Монотонная деревенская жизнь и жажда новыхъ впечатлѣній натолкнули меня на мысль упросить моихъ хіосскихъ родныхъ позволить мнѣ пріѣхать къ нимъ, чтобы взглянуть на невѣдомый край.

Сперва дядя отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его страхомъ завести молодую дѣвушку въ такую даль и глушь, гдѣ, какъ писалъ онъ, кромѣ невѣжественныхъ плантаторовъ грековъ „въ пантофляхъ на босую ногу“, а также полудикихъ турокъ „другого общества въ Хіосѣ не имѣлось“.

Впослѣдствіи оказалось, на мое счастье, что онъ изъ предосторожности сгустилъ нѣсколько краски. Но такая перспектива не устрашила меня: я усилила мольбу и добилась своего.

Неожиданно мнѣ помогла сама Магіе. Эта замѣчательная по своей ангельской добротѣ женщина пожалѣла мою молодость и настояла на согласіи мужа — взять меня къ нимъ навсегда въ качествѣ дочери за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей.

Сообщая объ этомъ, дядя прислалъ вмѣстѣ съ симъ и рекомендательное письмо, которое я должна была вручить лично по пріѣздѣ въ Одессу директору Рус. Общ. Пароходства и Торговли адмиралу Чихачеву. Въ этомъ письмѣ заключалась покорнѣйшая просьба разрѣшить мнѣ нѣсколько удешевленный проѣздъ, принявъ во вниманіе дороговизну билета до Хіоса. Пріѣхавъ въ Одессу, я отправилась въ контору Общества, гдѣ была принята самимъ директоромъ.

И вотъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, я всегда съ чувствомъ глубокаго умиленія вспоминаю этого замѣчательнаго дѣятеля и рѣдкаго инициатора въ дѣлѣ развитія торговыхъ сношеній Россіи съ восточными портами.

Такое сужденіе о немъ я часто слышала въ Турціи отъ коммерсантовъ и отправителей, которые восхищались введенными имъ порядками.

Ближайшимъ результатомъ такого мнѣнія иностранцевъ объ адмиралѣ Чихачевѣ было то, что всѣ отправители предпочитали грузить свои товары на наши пароходы, влѣдствіе чего компаніи другихъ государствъ не выдерживали конкуренціи съ нашимъ обществомъ.

Итакъ, директоръ, выслушавъ меня, не только приказалъ выдать мнѣ бесплатный билетъ; но узнавъ, что я ѣду одна до Константинополя, выразилъ желаніе устроить поудобнѣй мое путешествіе.

Пригласивъ сюда же въ кабинетъ инспектора общества контръ-адмирала П. А. Зеленаго, онъ поручилъ меня его любезному вни-

манію. Послѣдній не отказалъ въ своемъ содѣйствіи, такъ что когда я взошла на палубу „Владимира“, то капитанъ его уже получилъ изъ конторы предложеніе позаботиться обо мнѣ.

Во вторникъ 20 мая—я покинула берегъ родины, отправляясь въ загадочную даль.

Г л а в а II.

Въ четвергъ рано утромъ меня разбудили, и я вышла на палубу: мы вошли въ Босфоръ. Мечта сбылась: я взглянула, и сердце дрогнуло отъ восторга. Передо мной раскинулась картина, которая превзошла всѣ мои ожиданія. Уже поднявшееся на горизонтѣ солнце, обливая розоватымъ свѣтомъ грандіозный амфитеатръ по берегамъ двухъ материковъ, играло золотыми бликами на полумѣсяцахъ безчисленныхъ минаретовъ, искрилось по свинцовымъ куполамъ мечетей и отражалось на стѣнахъ мраморныхъ дворцовъ и кіосокъ—впечатлѣніе было прямо ошеломляющее! И чѣмъ дальше углублялись мы въ бирюзовыя воды Босфора, тѣмъ панорама становилась великолѣпнѣе. Я съ трудомъ разбиралась въ массѣ впечатлѣній, и мнѣ казалось, что это сонъ на яву и что нашъ пароходъ попалъ въ иной міръ, гдѣ все такъ необыкновенно прекрасно.

Кто не читалъ сотни разъ описаній Константинополя и не стремился къ его берегамъ, одинъ видъ которыхъ переноситъ воображеніе въ область фантазій и грезъ. Однимъ словомъ, это мечта поэта, волшебная сказка востока и, взглянувъ на него, можно забыть всѣ житейскія невзгоды и горечь жизни.

Такимъ именно казался онъ мнѣ, когда я любовалась имъ издали и горѣла нетерпѣніемъ поскорѣе заглянуть, что скрывали за собой прелестныя декораціи, на которыя никогда не наглядисься.

Наконецъ „Владимиръ“ сталъ на якорь, окруженный массой баржъ и лодокъ. Одна изъ нихъ привлекла особенное мое вниманіе: въ ней сидѣли мужчина и дама, внимательно всматриваясь въ стоящую на палубѣ публику. Навожу бинокль и узнаю моихъ родныхъ. Послѣ обмѣна родственныхъ объятій и поцѣлуевъ спускаемся по трапу въ быстрокрылый кайкъ—нѣсколько взмаховъ весла, и мы у пристани.

Идемъ, по узкимъ, кривымъ, грязнымъ переулкамъ, по которымъ снуютъ пестрая толпа пѣшеходовъ.

Здѣсь впервые встрѣчаю я турецкаго солдата въ фескѣ, сѣдобородаго муллу въ огромной чалмѣ и съ жаднымъ любопытствомъ разсматриваю ихъ.

Вотъ идетъ турчанка, прикрытая ясакомъ и закутанная въ широкое верхнее платье, которое, точно мѣшокъ, виситъ на ней. Я останавливаюсь, смотрю ей вслѣдъ; походка ея напоминаетъ утку, и мнѣ смѣшно. Вдругъ рѣзкій, дикій крикъ раздается у самаго моего уха. Въ испугѣ бросаюсь въ сторону и натыкаюсь на цѣлый караванъ перегруженныхъ осликовъ, которые не пропускаютъ насъ впередъ.

Наконецъ родные отыскиваютъ меня въ густой толпѣ и ведутъ дальше. Отъ нихъ узнаю я, что „Владимиръ“ будетъ грузиться въ гавани трое сутокъ, и мнѣ, такимъ образомъ, предстояла возможность осмотрѣть достопримѣчательности столицы Турціи и сдѣлать нѣсколько визитовъ нашимъ дипломатическимъ чиновникамъ.

По проволочной желѣзной дорогѣ мы поднимаемся въ самую благоустроенную часть Константинополя, европейскую Пера.

Здѣсь движеніе нарядной публики, множество шикарныхъ магазиновъ съ большими зеркальными стеклами, кареты, фэтоны, паланкины, всадники, всадницы на великолѣпныхъ арабскихъ коняхъ, и картины пестраго калейдоскопа одна за другой развертываются передъ вами.

Но мостовая почти такая же скверная, какъ и въ Галата, вслѣдствіе чего экипажи и пѣшеходы сбиваются въ однѣ безпорядочныя кучи.

— Однако, какъ долго тянутся переулки, когда же мы выйдемъ на улицу—такъ больно ногамъ отъ остраго булыжника,—жалуюсь я.

— Да мы все время идемъ по самымъ лучшимъ улицамъ Пера, — смѣется Маріе.

— Какъ, эти узенькіе корридоры безъ тротуаровъ?

— А тамъ, гдѣ ты будешь жить, они еще уже,—объясняетъ дядя, и я начинаю чувствовать легкое разочарованіе и вспоминаю мой экстазъ передъ видомъ Константинополя съ палубы парохода.

Мы заходимъ въ великолѣпный англійскій магазинъ „дамскихъ модъ“, чтобы пополнить кое-что въ моемъ туалетѣ.

Здѣсь, какъ мнѣ объяснили, одѣвались дамы самаго высшаго свѣта; но главнымъ образомъ исполнялись заказы для гаремовъ султана Абдуль-Азиса и его наслѣдника, впослѣдствіи Мурада V.

И дѣйствительно: на манекенахъ висѣло нѣсколько платьевъ съ роскошными отдѣлками, а главная продавщица любезно объяснила мнѣ, для какой именно жены падишаха приготовленъ тотъ или другой костюмъ.

Къ удивленію моему узнаю впервые, что турчанки не только одѣваются такъ же, какъ и мы, но еще съ большимъ увлеченіемъ

слѣдятъ за модами и только, выходя на улицу, прикрываютъ, согласно закону, европейскій нарядъ широкимъ фередже—родъ бурнуса съ прорѣзанными отверстіями для рукъ, а лицо бѣлой кисеей—ясмакомъ.

Всѣ же эти шальвары, расшитыя куртки и пр., въ которыхъ рисуютъ или описываютъ ихъ въ романахъ, давно отошли въ область преданій, и только придворныя танцовщицы, баядерки, одѣваются такъ.

Этотъ самый магазинъ сыгралъ какую-то загадочную роль въ дѣлѣ сверженія съ престола Абдуль-Азиса. Случилось такъ. Не задолго до переворота, къ хозяйкѣ сказаннаго моднаго заведенія пріѣхала на жительство изъ Лондона племянница ея, красивая, бѣлокурая миссъ. Однажды тетушка поручила ей отнести въ Чираганскій гаремъ заказанные наряды. Порученіе она исполнила; но сама уже не вернулась оттуда, а черезъ нѣсколько дней весь Константинополь узналъ, что эта англичанка сдѣлалась одной изъ главныхъ женъ наследника престола. Несомнѣнно, что мнимая племянница была креатурой британской политики, и черезъ нее велись переговоры съ Мурадомъ.

Отсюда не далеко до квартиры перваго драгомана нашего посольства, г. Макѣва, душевнаго пріятеля моего дяди, съ которымъ онъ служилъ прежде нѣсколько лѣтъ въ Салоникахъ. Туда мы отправляемся пѣшкомъ.

Самого Макѣва не застаемъ дома, и насъ принимаетъ жена его, мѣстная, уроженка изъ французскихъ левантинокъ, ни слова не понимавшая по-русски, несмотря на 15 лѣтнее супружество съ нашимъ чиновникомъ.

Примѣромъ тому, какъ неудобно не знать обычаевъ чужаго народа или даже правилъ общежитія и приличій, принятыхъ у мѣстныхъ жителей, можетъ послужить досадный инцидентъ со мной во время сказаннаго визита. А случилось вотъ что. По звонку хозяйки нарядая горничная внесла большой подносъ и направилась прямо ко мнѣ, несмотря на то, что изъ присутствующихъ я была моложе всѣхъ. Немного сконфуженная такой честью, показываю глазами прислугѣ, что надо нести все это дальше. Но камеристка не тронулась съ мѣста и прошептала: „de la confiture, made-moiselle“.

Замѣтивъ недоразумѣніе, дядя поспѣшно объясняетъ мнѣ по-русски, что здѣсь, на востокѣ, такъ ужъ принято: кто первый разъ въ домѣ, тому отдають особенное предпочтеніе и угощаютъ прежде другихъ, не взирая ни на возрастъ, ни на общественное положеніе гостя.

Мнѣ снова предлагаютъ угощеніе. На подносѣ я увидѣла нѣсколько широкихъ бокаловъ съ водой, груду чайныхъ ложечекъ, большую хрустальную тарелку, наполненную до краевъ вареньемъ, и въ центрѣ огромный стаканъ изъ краснаго стекла, но совершенно пустой.

Посмотрѣвъ съ удивленіемъ на невиданную сервировку, я было взяла ложечку и поискала глазами блюдечко; но такого не оказалось. Тогда дѣлаю глотокъ воды и ставлю обратно бокалъ на мѣсто, но горничная не уходитъ, а хозяйка съ другого конца комнаты упрасиваетъ меня полакомиться.

— Вѣроятно такъ полагается, соображаю я:—отсутствіе блюдечекъ означаетъ, что все варенье предназначено мнѣ одной, и я обязана съѣсть его. Пораженная объемомъ столь щедрой порціи и сильно смущенная такой привилегіей восточнаго гостепримства, я беру всю тарелку къ себѣ на колѣни и принимаюсь черезъ силу глотать душистую массу изъ розовыхъ лепестковъ.

Уже я собралась проводить въ ротъ 4-ую или 5-ую ложку, проклиная въ душѣ нелѣпый обычай кормить гостей такъ рано сладкимъ,—было всего 11 ч. утра,—какъ вдругъ услышала торопливый, испуганный шопоть Магіе: „поставь тарелку на мѣсто, что ты дѣлаешь?“. кипятилась она вся красная отъ волненія.

Растерянная, готовая заплакать, смотрю и ничего не понимаю: г-жа Макѣва закрываетъ платкомъ ротъ, задыхаясь отъ сдавленнаго хохота, а камеристка дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы не уронить подноса. Съ глазами полными слезъ и дрожью въ голосѣ обращаюсь къ роднымъ за разъясненіемъ причины переполоха, вызваннаго мною.

Дядя извиняется и винить себя за то, что не догадался раньше ознакомить меня съ церемоніей угощенія визитеровъ.

Но я, однако, еще не объяснила, въ чемъ состояла моя ошибка, такъ насмѣшившая хозяйку дома.

Надо было сдѣлать такъ: взять немного варенья, положить въ ротъ и запить его глоткомъ воды, а ложечку немедленно опустить въ большой стаканъ, который для этого подается.

Послѣ этого несутъ дальше, и всѣ поочереды продѣлываютъ то же самое. Такимъ образомъ по мѣстному этикету каждому изъ присутствующихъ полагается съѣсть всего-то одну маленькую ложку варенья, а не всю тарелку, какъ я вообразила.

Этотъ странный для насъ обычай угощать съ утра водой съ чѣмъ-нибудь сладкимъ имѣетъ на востокѣ свое разумное основаніе: днемъ всегда очень жарко, а потому прежде всего предлагаютъ гостю утолить жажду.

Конечно г-жа Макѣва въ правѣ была смѣяться, такъ какъ дѣйствительно я была комична. Но мнѣ, несмотря на все смущеніе, страннымъ показалось, что жена русскаго не знала о нашихъ порядкахъ гостепрѣимства.

Много пишется и говорится справедливаго о томъ, что русскіе отличаются отъ всѣхъ другихъ народностей отсутствіемъ національнаго самолюбія и старательно проявляютъ это „похвальное“ качество за границей. Но я хочу сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ нашихъ соотечественникахъ, которые живутъ долго на чужбинѣ и обзавелись тамъ семьей. Съ такими мнѣ приходилось часто сталкиваться.

Эти господа, вмѣсто того, чтобы познакомить женъ своихъ съ роднымъ языкомъ или хотя бы съ нѣкоторыми нашими обычаями, сами первые въ угоду имъ, принимаютъ чужеземный обликъ и упорно избѣгаютъ всего, что напоминаетъ русскій складъ жизни. А какъ зло тѣ же иностранцы смѣются надъ такой несимпатичной чертой.

Чтобы закончить главу, расскажу еще одинъ инцидентъ со мной въ доказательство вышеупомянутаго. Отъ Макѣвыхъ мы отправились на званый вечеръ къ барону Ш..., тоже одному изъ нашихъ представителей по дипломатическому корпусу. Самъ баронъ родился и выросъ въ Россіи; но женился въ Константинополѣ на левантинкѣ и, конечно, послѣдняя не понимала ни одного слова по-русски, хотя въ то же время оба сына ея воспитывались въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Послѣ ужина, за которымъ присутствовало нѣсколько французскихъ *attachés*, подхожу къ баронессѣ и благодарю.

— *Mademoiselle désire quelque chose?* — предупредительно спрашиваетъ она меня.

Теряюсь отъ неожиданности; но выручаетъ баронъ: смѣясь, онъ объясняетъ женѣ, что у насъ въ Россіи принято благодарить хозяевъ за „хлѣбъ-соль“. Послѣднее вызываетъ смѣхъ и каламбуры: „только за хлѣбъ и соль, а за жаркое и пирожное?“ острить молодежь.

Оказалось, что за границей въ высшемъ обществѣ даже не имѣютъ понятія о нашемъ исконномъ обычай.

Но въ заключеніе еще одинъ курьезъ въ томъ же родѣ.

На этомъ вечерѣ меня познакомили съ русской дамой, проѣздомъ въ Египетъ захватившей погостить въ Константинополѣ.

Дама эта, какъ объяснили мнѣ, была фанатичной патріоткой и очень любила при встрѣчахъ съ соотечественниками бесѣдовать съ ними на родномъ языкѣ.

*

Она оказалась женой одного изъ нашихъ извѣстныхъ аристократовъ г. П—ова.

Произношеніе у нея было совершенно правильное и вѣрный акцентъ; но за долготѣе пребываніе за границей она привыкла думать и размышлять только по-французски, а влѣдствіе этого невольно усвоила манеру переводить дословно всѣ оригинальныя особенности этого языка со всѣми его мудреными галлицизмами на русскую рѣчь, облекая свои мысли въ такую смѣшную форму, что со стороны казалось, будто она говоритъ ужаснѣйшій вздоръ.

Г-жа П—ова стремительно завладѣла мной, и мы принялись бесѣдовать къ ея полнѣйшему удовольствію по-русски.

„Я сейчасъ была вся изъ себя¹⁾—такъ начала она, наклоняясь къ моему уху и оглядываясь по сторонамъ, чтобы не быть услышанной,—и горчица полѣзла мнѣ въ носъ²⁾, когда вы благодарили за хлѣбъ съ солью, а эти джентльмены столько много смѣялись про нашу бѣдную патрію. У меня сердце всегда на губахъ³⁾, какъ говоритъ наша русская поговорка, и я люблю быть безъ фасона съ моими компатріотами; приходите завтра ко мнѣ въ отель, мы положимъ себя на кушетку и будемъ разговаривать объ нашихъ національныхъ афферахъ⁴⁾. Вы сейчасъ на курантахъ⁵⁾ всѣхъ нувеллій про нашу милую Россію, которую я сохраняю всегда на фонѣ моего сердца⁶⁾).

Я поблагодарила; но постаралась уклониться отъ приглашенія, объяснивъ ей, что завтра пятница, и мнѣ хотѣлось бы посмотреть на выѣздъ султана въ мечеть.

— Ну, и прекрасно,—подтвердила она,—днемъ я буду гулять себя въ Бѣлградскомъ паркѣ, а когда солнце ляжетъ, ѣду къ себѣ, беру мою ванну, кладу себя на диванъ и жду васъ къ себѣ на чашку чая между собакой и волкомъ?⁷⁾—согласны?

— Хорошо, нерѣшительно отвѣтила я,—если позволять родные, то съ удовольствіемъ.

— О, конечно! Сейчасъ буду просить ихъ сдѣлать мнѣ эту большую грацію: я такъ давно живу здѣсь безъ фамиліи⁸⁾ и очень ску-

1) être hors de soi—выйти изъ себя.

2) la montarde monte au nez de quel qu'un—сердиться.

3) avoir le coeur sur les lèvres—быть чистосердечнымъ.

4) les affaires—дѣла.

5) être au courant—быть освѣдомленнымъ.

6) au fond du coeur—въ глубинѣ сердца.

7) Entre chien et loup—сумерки.

8) La famille—семья.

чаю. Имѣйте же обязательство не забывать того, что обѣщали—
au revoir!

Г л а в а III.

На другой день мы собрались полюбоваться церемоніей проѣзда султана на Селямликъ. По пути стояли шпалерами турецкія войска, за линіей которыхъ толпился народъ. Вдругъ раздалось на караулъ и ружья звякнули. Полиція вѣжливо попросила дамъ закрыть зонтики. Я стояла въ первомъ ряду съ посольскими чиновниками на площадкѣ мечети, и мнѣ прекрасно все было видно.

Показался на бѣломъ, какъ снѣгъ, арабскомъ конѣ, покрытомъ золотымъ чепракомъ, самъ повелитель правовѣрныхъ, калифъ Ислама, тѣнь Аллаха на землѣ, султанъ Абдуль-Азисъ.

„Падишахымъ чохъ яша!“ понеслось къ нему навстрѣчу протяжнымъ гуломъ, и ослѣпительно сверкнули штыки.

Не отдавая чести даже войскамъ, онъ подвигался тихимъ шагомъ, окруженный пышной свитой, къ мечети „Султана Махмуда“, гдѣ похоронена была его любимая жена, и гдѣ ему самому, годъ спустя, суждено было успокоиться на вѣки.

Султанъ грузно слѣзъ съ лошади и задумчиво окинулъ взглядомъ толпу. Среди блеска мундировъ, окружающихъ его, Абдуль-Азисъ выдѣлялся простотой своего вида: въ черномъ суконномъ стамбулинѣ, съ единственной звѣздой Меджидіе на груди, въ красномъ тарбушѣ съ черною кистью, онъ производилъ впечатлѣніе уже одряхлѣвшаго и сильно помятаго жизнью старца.

Когда окончилось моленіе, падишахъ вышелъ изъ мечети, пересѣлъ въ карету и уѣхалъ другой дорогой къ себѣ въ Дольма-Бахче.

Забили въ барабаны, и полки приготовились къ церемоніальному маршу.

Послышались, къ моему удивленію, звуки мотивовъ изъ оперетки „Мадамъ Анго“, и стройные ряды рослыхъ солдатъ въ красныхъ фескахъ и синихъ зуавкахъ широкимъ вольнымъ шагомъ двинулись мимо насъ. За ними шла гвардія султана въ голубыхъ курткахъ, расшитыхъ золотомъ съ большими откидными рукавами и въ страусовыхъ перьяхъ на тарбушахъ. Албанцы въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ фустанеллахъ и арнауты въ живописныхъ костюмахъ замыкали шествіе.

На площадку вышла свита, и начался разѣздъ.

Третій день моего пребыванія въ древней Византіи былъ посвященъ обозрѣнію самой интересной его части—Стамбула, гдѣ со-

средоточены главнѣйшіе памятники, какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго міра: Ая-Софія, Сераль, фонтанъ Ахмеда и др.; но такъ какъ все это давно описано болѣе искуснымъ перомъ, чѣмъ мое, то, чтобы не повторяться, перехожу на личныя приключенія.

А для того, чтобы покончить въ этой главѣ съ Константинополемъ, въ который мнѣ не разъ придется возвращаться и говорить о немъ, я попробую въ нѣсколькихъ словахъ резюмировать то ошеломляющее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня въ первые дни знакомства съ нимъ.

Очаровательный до ослѣпленія и великолѣпный какъ феерія— вотъ какимъ кажется онъ издали. Но какъ только вы ступили на берегъ и заглянули за стѣны его дворцовъ, то волшебная прелесть панорамы тотчасъ же исчезаетъ, и васъ окружаетъ будничная обстановка грязныхъ кривыхъ закоулковъ.

Зато зрѣлище толпы Константинополя чрезвычайно оригинально и, кажется, нѣтъ въ мірѣ націи, которая не представлена была бы на улицахъ его.

Когда мы переходили мостъ Золотаго Рога, этого русла живой рѣки, катящей день и ночь по немъ свои бурныя волны, я невольно и кстати вспомнила стихъ Пушкина:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій и т. д.“

Но я не пожалѣла, что великій поэтъ не видѣлъ красу Востока, иначе мы, русскіе, не имѣли бы его дивнаго описанія нашей первопрестольной, которая показалась бы ему голой пустыней при сравненіи со здѣшнимъ движеніемъ и пестротой красокъ.

Г л а в а IV.

Въ 5 часовъ дня мы возвращаемся на палубу „Владимира“ и собираемся въ дальнѣйшій путь.

Раздался протяжный гулкій свистокъ, подняли якоря, застучалъ винтъ, и пароходъ, тяжело пыхтя, тихо и плавно тронулся по теченію къ Золотому Рогу. Все задвигалось и заходило вокругъ: волшебная панорама грандіознаго амфитеатра стала постепенно уходить и уходить за холмы свои. Еще нѣсколько поворотовъ и роскошное видѣніе тонетъ въ голубой дали. Только башни стараго Серая и громада Ая-Софіи—долго еще смотрятъ намъ вслѣдъ.

„Владимиръ“ прибавляетъ ходу, и мы уже у Принцевыхъ острововъ. Море съ легкимъ шепотомъ ласкаетъ борта парохода; души-

стый вѣтерокъ, покинувъ долины розъ Санъ-Стефано, шалить и рѣзвится по верхамъ мачтъ, а реи и снасти весело вторятъ ему.

На фонѣ небосклона европейской стороны сквозь голубой паръ испареній видны мягкія очертанія горъ, по склонамъ которыхъ, утопая въ зелени, куются селенія и городки.

Азіатскій берегъ болѣе суровой наружности: то уходитъ съ горизонта, то вновь появляется изъ - за черты его. Но вотъ и сумракъ ночи быстро спускается на сонное море, а небо раскинулось синимъ шатромъ, украшеннымъ узорами яркихъ звѣздъ и увѣнчаннымъ острымъ серпомъ мѣсяца—пора отдохнуть, и всѣ расходятся по каютамъ.

Къ 6 часамъ утра мы въ Дарданеллахъ. Я выхожу на палубу и съ любопытствомъ смотрю на грозныя укрѣпленія. Картина внушительная. Обставленные высокими горами, оба берега пролива превращены въ земляные и каменные форты, и даже невооруженному глазу отчетливо видны ряды пушекъ на вершинахъ валовъ.

Три года спустя я плыла обратно по этому пути въ Россію за нѣсколько дней до официальнаго объявленія войны, когда проливъ былъ уже минированъ торпедами, и турецкіе лодочники осторожно вели нашъ пароходъ „Александръ II“ по узкому фарватеру, а мы, пассажиры, съ замираніемъ сердца слѣдили за лодкой вперед насъ—представьте же себѣ наше не совсѣмъ увѣренное состояніе духа. Но объ этомъ въ концѣ книги, когда будетъ описаніе возвращенія моего на родину.

Получивъ въ Дарданеллахъ пропускъ, „Владиміръ“ сталъ углубляться въ предѣлы Эгейскаго моря. Но оно встрѣтило насъ очень непривѣтливо. Волны съ глухимъ, протяжнымъ ревомъ подняли наше судно на бѣлые гребни свои и принялись съ ожесточеніемъ раскачивать его изъ стороны въ сторону. Вѣтру, какъ видно, наскучило гулять въ облакахъ, онъ сорвался съ высоты и завылъ надъ голубымъ пространствомъ. Корма высоко взлетаетъ на воздухъ и кажется, что вотъ-вотъ полетитъ въ бездну. Вокругъ все дребезжитъ, грохочетъ и двигается: лампы раскачиваются, переборки трещать, багажъ срывается съ полокъ и гуляетъ по каютѣ. Я лежу въ койкѣ и изо всѣхъ силъ стараюсь удержаться въ ней, и мнѣ ужъ не до того, что мы плывемъ мимо древней Трои, гдѣ палъ благородный Гекторъ, сраженный быстроногимъ Ахилломъ.

А вотъ изъ-за кряжа горъ выглянула бѣлоснѣжная вершина Олимпа, резиденція Зевса—держателя громовъ. Но мысли мои заняты его сердитымъ братомъ, Посейдономъ-Колебателемъ морей, который такъ безцеремонно обращается съ нами.

Наконецъ шквалъ сталъ ослабѣвать, „Владиміръ“ пошелъ болѣе ровнымъ ходомъ, и я уснула.

Г л а в а V.

Меня позвали на палубу, чтобы полюбоваться панорамой Смирны. Въ глубинѣ залива, окруженнаго высокими горами, покрытыми богатѣйшей растительностью кедровыхъ лѣсовъ, раскинулась „Красавица Смирна“, какъ ее здѣсь называютъ. На рейдѣ стояло нѣсколько военныхъ кораблей подъ разными флагами, а также масса коммерческихъ судовъ всѣхъ странъ, и мы подходили тихо и осторожно въ толчеѣ лодокъ и каяковъ.

Ступивъ на берегъ, т. е. на прекрасную, широкую набережную, облицованную гранитомъ, мы тотчасъ же были окружены большою компаніей дамъ и молодыхъ людей, друзей моихъ родныхъ, вышедшихъ встрѣтить насъ.

Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ устремили взоры на „настоящую подлинную русскую“,—зрѣлище очень рѣдкое въ Смирнѣ.

— Куда же мы идемъ?—спросила я дядю по-русски, видя, что мы удаляемся по направленію къ городу.

— Намъ придется ждать здѣсь ночного парохода,—у нашихъ знакомыхъ и между прочимъ сдѣлать визитъ консулу, отвѣтилъ онъ.

Съ набережной мы свернули въ какую-то дотогу узенькую улочку, что встрѣтивъ погонщика съ осликомъ, навьюченнаго мѣшками, вся наша компанія должна была прижаться къ стѣнѣ, чтобы пропустить его.

— А вотъ и кавалькада хозяекъ съ базара везетъ дневную провизію, посмотри,—сказала мнѣ Marie,—это очень оригинально—ничего подобнаго не увидишь въ Европѣ. Дадимъ проѣхать имъ.

Сказанныя слова звучали странно для моего уха. — Значитъ, здѣсь ѣздятъ въ амазонкахъ на базаръ?—воскликнула я и раскрыла ротъ отъ изумленія: кавалькада уже дефилировала мимо насъ. Въмѣсто ожидаемыхъ изящныхъ шлейфовъ, цилиндровъ, хлыстиковъ я увидѣла презабавное зрѣлище. Дамы, по большей части пожилая, въ обыкновенныхъ платьяхъ, модныхъ шляпахъ съ цвѣтами и перьями, неуклюже свѣсивъ обѣ ноги въ одну сторону и обнимая корзины, съ унылымъ, усталымъ видомъ разѣзжались по своимъ квартирамъ.

Углубляясь дальше, я убѣдилась, что улицы Константинополя могутъ казаться широкими по сравненію съ таковыми въ Смирнѣ. Большая часть изъ нихъ прохладна и сыра; во многихъ мѣстахъ нависшіе съ обѣихъ сторонъ верхніе этажи строеній

сходятся вмѣстѣ и улица обращается въ крытую галерею. Мнѣ объяснили, что во всемъ городѣ не имѣлось ни одного экипажа—его замѣняли верховыя лошади и ослы.

Итакъ мы вошли всей компаніей въ домъ друзей моихъ родныхъ, „настоящихъ англичанъ“, какъ думала я. Встрѣтили насъ типичныя чада Альбіона, костлявыя, зубатыя, рыжіе леди и джентельмены. Послѣдніе чрезвычайно любезно поздравили меня съ пріѣздомъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ.

Когда усѣлись за столъ, то всѣ оживленно заговорили между собой. Но къ удивленію своему, вмѣсто языка Диккенса и Теккерея я слышала въ продолженіе всего обѣда какой-то странный говоръ, изъ котораго трудно было уловить хоть одно знакомое слово.

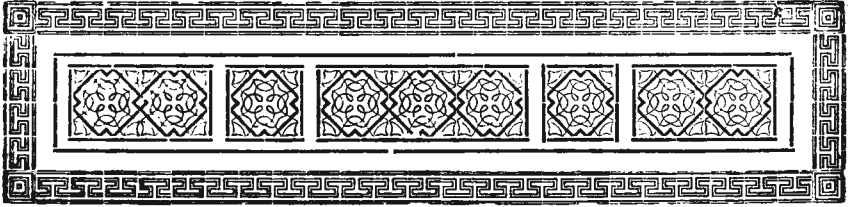
Оказалось, что иностранцы, живущіе въ Турціи, не исключая и британскихъ подданныхъ, предпочитаютъ пользоваться мѣстнымъ жаргономъ, называемымъ здѣсь „галикà“. Послѣдній не что иное, какъ новогреческій языкъ, обильно уснащенный словами всевозможныхъ нарѣчій.

Характерно, что настоящіе греки, уроженцы Элады, плохо понимаютъ эту своеобразную помѣсь.

Галика окончательна завладѣлъ Турецкимъ Востокомъ: даже турки, въ сношеніяхъ съ жителями, не требуютъ отъ нихъ знанія государственнаго языка и сами охотно прибѣгаютъ къ излюбленному жаргону, на которомъ говорить безъ исключенія все разнокалиберное населеніе Оттоманской Имперіи и ея архипелаговъ.

Е. А. Рагозина.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

(Окончаніе).

Глава VIII.

Обзоръ города. — Музей. — Дрезденская галерея. — Фрауенкирхе. — Брюльская терраса. — Поѣздка за городъ. — Мыза Вертельсдорфъ. — Его Высочество поправился. — Владиміръ 4-й степ. — 5-й Западно-Прусскій Кираспрскій полкъ. — Генераль-лейтенантъ Раухъ. — Обѣдъ у Кираспръ. — Берлинъ. — Императоръ. — Маневръ 3-го корпуса. — Доенгриль. — Национальный Музей. — Тиргартенъ. — Зоологическій садъ. — Маневры. — Гвардія и 3 корпусъ. — Обѣдъ у Императора. — Государственные конные заводы въ Градицѣ и Герлицѣ. — Въ Берлинѣ. — Поручикъ Массовъ. — Театръ. — Фатиница. — Отъѣздъ.

На слѣдующій день встали рано, чтобы осмотрѣть городъ. Начали съ дворца, полюбовались колоссальною фрескою „Шествіе Саксонскихъ Королей“, зашли въ католическій соборъ — внутри пять главныхъ алтарей подъ нефомъ и въ четырехъ углахъ. Живописи мало, но которая есть — та хороша.

Напившись чаю, осмотрѣли „Грюнесъ-Гевелбе“ съ его сокровищами, собранными Августомъ II.

Наконецъ Господь привелъ увидѣть Дрезденскую галерею, съ дѣтства мнѣ знакомую по богатому собранію гравюръ, хранившихся въ библиотекѣ Главнаго Штаба и затѣмъ переданныхъ въ Императорскій Эрмитажъ. Я восхищался Мадонною Гольбейна и былъ сверхъ ожиданія пораженъ Мадонною Рафаэля.

Будучи съ ней знакомъ по гравюрамъ и фотографіямъ, я не ожидалъ, что она могла бы произвести на меня такое сильное впечатлѣніе.

Меня убѣдило, что всѣ ея воспроизведенія нигде не годятся и только способствуютъ ложному представленію о ней. Въ действительности Мадонна сверхъ-идеальное существо.

Глядя на нее — самъ воспламеняешься Божественною искрою этого произведенія, почти неземного совершенства.

По душѣ пришлась мнѣ Мадонна Корреджіо: сколько мягкости и нѣжности въ его кисти, затѣмъ я восторгался Св. Цицилією Рафаэля, голландцами и Поль Веронезомъ.

Изъ новѣйшей нѣмецкой школы, кромѣ Рихтера, Гофмана и Ахенбаха—никого не замѣтилъ; назову только одно произведение родившагося въ Ригѣ художника, имя котораго забылъ—это „Іоаннъ Грозный слушаетъ предсказаніе финскихъ волшебниковъ“—фигура и лицо хороши, и вся обстановка вѣрна.

Собственно говоря, за недостаткомъ времени, мы въ подробности не осматривали Дрезденской галереи, и я только выискивалъ знакомыя мнѣ картины, чтобы увидѣть излюбленные подлинники.

Изъ церквей осмотрѣли фрауенкирхе—весьма оригинальную по своей архитектурѣ, въ видѣ цирка со множествомъ разнообразныхъ галлерей и органомъ надъ алтаремъ.

Возвращаясь къ завтраку, полюбовались видомъ съ знаменитой Брюльской террасы, затѣмъ поѣхали по окрестностямъ города, которыя живописны, но скучны, слишкомъ много песку, сосенъ и каменныхъ заборовъ.

Сначала мы поѣхали влѣво отъ моста, мимо вновь строящихся казармъ и громаднаго интендантскаго склада съ бойницами въ стѣнахъ; переѣхали черезъ оврагъ и вдоль выстроенной другой громадной казармы, по сыпучему песку, подѣхали къ знаменитой пивоварнѣ Вальдшлесхенъ.

Казармы намъ приглядѣлись, и мы обрадовались, когда дорога стала пролегать мимо роскошныхъ, загородныхъ дачъ.

Мы остановились на время у маленькаго домика, въ которомъ жилъ и писалъ „Донъ Карлоса“ Шиллеръ.

Эльбу мы переѣхали на паромѣ у Блазовица, проѣхали мимо дачъ, расположенныхъ по песчанымъ холмамъ въ сосновомъ лѣсу у Груна, свернули въ паркъ и остановились въ старомъ навильонѣ Августа II, въ которомъ помѣщается музей, составленный изъ работъ скульптора Рейхлина.

Очень хороши статуи Лютера и его сподвижниковъ.

Къ обѣду мы вернулись въ городъ, за table d' hôte сидѣло большинство англичанъ. Послѣ обѣда мы пошли въ театръ слушать „Цампу“.

Великолѣпное зданіе новаго театра, отдѣланное снаружи, достраивалось внутри. Оперы давались въ временномъ деревянномъ театрѣ.

Благодушно настроенные, мы остались очень довольны исполненіемъ, кромѣ того оркестръ, хоры и теноръ были очень хороши.

Напившись чаю, мы сѣли въ поѣздъ и черезъ Гарницъ, Кольфуртъ—поѣхали въ Лаубахъ, куда прибыли въ 5 ч. утра, безъ багажа.

Его Высочество пріѣхалъ съ вечера и остановился въ имѣніи молодого красиваго поручика лейбъ драгунскаго полка гр. Страхвица, на его мызѣ Бертельсдорфъ.

До 7^{1/2} мы успѣли слегка заснуть, потомъ явились къ Его Высочеству, а вслѣдъ за симъ и багажъ нашъ подоспѣлъ.

Великій князь, благодаря Бога, поправился, хотя былъ блѣденъ.

Его Высочество лично передалъ мнѣ крестъ Св. Владиміра 4-й степени, которымъ я былъ награжденъ на 30 августа.

Отецъ мой, будучи штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, первую наградой получилъ прямо крестъ Св. Владиміра 4-й степени помимо всѣхъ очередныхъ наградъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, что, получивъ такую выдающуюся награду, по тому времени въ особенности, въ тотъ же день вечеромъ, сидя за столомъ, батюшка нарисовалъ Владимірскій крестъ, а матушка подошла и написала вокругъ креста: „о честолюбіе, оставь меня въ покоѣ“.

Великій князь пріѣхалъ въ Лаубахъ, чтобы посѣтить 5-й западно-Прусскій Кирасирскій его имени полкъ, по случаю исполнившагося 25 -ти лѣтня шефства.

Отъ Прусскаго двора былъ назначенъ состоять при Великомъ Князѣ генераль-лейтенантъ Раухъ—инспекторъ ремонтвъ, давно извѣстный Его Высочеству, нѣсколько разъ побывавшій у насъ въ Россіи и всегда назначавшійся къ Великому Князю при его посѣщеніяхъ Берлина; маіоръ Г. и поручикъ Массовъ, какъ ординарецъ отъ шефскаго полка.

Полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ въ открытомъ полѣ, недалеко отъ нашей квартиры и представился во всѣхъ отношеніяхъ отлично.

Великій Князь объѣхалъ фронтъ съ обѣихъ сторонъ; затѣмъ полкъ прошелъ передъ Его Высочествомъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно.

Командиръ полка произвелъ весьма подвижное уставное ученіе, затѣмъ полку было произведено небольшое ученіе съ тактическою цѣлью, которое было заключено дебушированіемъ изъ дефиле двумя эшелонами, построеніемъ фронта уступами и атакою.

Послѣ церемоніальнаго марша переменными аллюрами Великій Князь объѣхалъ полковую колонну, благодарилъ всѣхъ, разспрашивалъ о службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Среди послѣднихъ, въ числѣ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ были участники знаменитой атаки подъ Тобичау, гдѣ полкъ взялъ 16 орудій,—и также участники Франко-Прусской войны.

Командиръ полка просилъ Его Высочество принять полковую хлѣбъ-соль въ вблизи лежащемъ помѣщицкѣмъ домѣ.

При вѣздѣ Великій Князь былъ встрѣченъ семействомъ помѣщика, при чемъ старшая дочь хозяина привѣтствовала Его Высочество букетомъ цвѣтовъ.

Когда собрались офицеры, Его Высочество попросилъ представить ихъ ему поименно, разговаривалъ съ каждымъ, спрашивалъ о службѣ, о семейномъ положеніи.

Большинство офицеровъ были сыновья окрестныхъ помѣщиковъ.

За завтракомъ командиръ полка, въ отлично сказанной рѣчи, выразилъ благодарность отъ лица всего полка за честь и радость, которую Его Высочество доставилъ своему шефскому полку посѣщеніемъ, а также благодарность за тѣ милости, которыми Великій Князь обласкалъ ѣздившую къ нему депутацію.

Его Высочество благодарилъ и сказалъ:—„Я, какъ кавалеристъ, въ душѣ любящій свое оружіе, горжусь быть шефомъ славнаго кирасирскаго полка, который въ мое шефство, въ 1866 году покрылъ себя неуязвимой славой образцовыми и побѣдоносными дѣйствіями подъ Тобичау“.

Великій Князь говорилъ по-нѣмецки.

— „Я радъ, продолжалъ Его Высочество, что Господь привелъ меня въ нашу славную полковую семью, и я лично могу выразить мою любовь, гордость и уваженіе. Пью за здоровье моего славнаго полка!“

Въ отвѣтъ раздалось восторженное „hoch“ кирасиръ своему шефу.

Я сидѣлъ между старыми пріятелями: ротмистромъ Либерманомъ и Франкенбергомъ, которые пріѣзжали въ числѣ депутаціи въ Петербургъ поздравить Его Высочество съ юбилеемъ.

Какъ полагается, выпили, простились съ хозяевами и возвратились на мызу въ Бертельсдорфъ, чтобы, переодѣвшись, поѣхать на вокзалъ.

Великій Князь простился на вокзалѣ съ офицерами своего полка, вручая каждому подписанную фотографію.

Мы отѣхали при дружныхъ крикахъ: „ура“!

Въ Берлинъ пріѣхали въ 10 час. вечера.

На вокзалѣ насъ встрѣтилъ наслѣдный принцъ, всегда сердечно расположенный и дружившій съ Великимъ Княземъ.

У посольскаго дома, гдѣ Его Высочество остановился, былъ выстроенъ почетный караулъ. Принявъ его, Великій Князь едва успѣлъ войти въ гостиную, какъ пріѣхалъ Самъ Императоръ.

Произошла сердечная встрѣча и взаимное представленіе свиты.

Нашъ человекъ оставилъ чемоданы въ Лаубахъ, и мы получили наши вещи только въ 4 часа на слѣдующій день.

4-го сентября, въ 8 ч. утра насъ повезли на корпусный маневръ 3-го корпуса.

Великій Князь все время держался съ кавалеріею. Грунтъ полей дотога рыхлый, старательно воздѣланный, что мы ѣхали, какъ по глубокому снѣгу.

Односторонній маневръ окончился церемоніальнымъ маршемъ.

Возвратясь, Великій Князь поѣхалъ дѣлать визитъ Императору въ Его дворець съ традиціоннымъ окномъ на „унтеръ денъ Линденъ“. Дворецъ имѣетъ характеръ частнаго дома.

За обѣдомъ я сидѣлъ между графомъ Леендорфомъ и генераломъ Танненбергомъ—начальникомъ 2-ой гвардейской дивизіи.

Вечеромъ были въ оперѣ, давали „Лоенгринъ“. Великому Князю очень понравилась Эльза: по голосу, игрѣ и мимикѣ.

На слѣдующій день мы были свободны отъ службы, а потому вмѣстѣ съ Левицкимъ осматривали Берлинъ.

Утромъ исходили ближайшія улицы, чтобы въ общихъ чертахъ познакомиться съ городомъ.

Въ то время Берлинъ еще сохранялъ свой казарменный видъ, не отличаясь ни оригинальностью, ни изяществомъ архитектуры домовъ и казенныхъ зданій, только памятники: Фридриху II Великому, Фридриху-Вильгельму III, Національный музей и Тиргартенъ—нарушали единообразіе и доставляли удовольствіе глазу.

Въ Національномъ музеѣ знаменитыя фрески Каульбаха превзошли мои ожиданія.

Я сомнѣвался въ красотѣ ихъ колорита и былъ удивленъ въ противномъ.

Изъ старыхъ мастеровъ замѣчательны: „Монахъ“, Мурильо, съ дѣтьми и со Спасителемъ на рукахъ.

За то собраніе картинъ новѣйшихъ художниковъ обладаетъ нѣсколькими сокровищами живописи, какъ: „Дѣтская школа“ Кнауса; „Смерть Гусса“; „Тайная вечеря“; „Лютеръ“—занятый переводомъ библіи; „Проповѣдь Гусситовъ“ и прочее.

Мы осмотрѣли Зоологическій садъ, которымъ берлинцы справедливо гордятся, затѣмъ обѣдали съ состоящими при насъ офицерами у Петермана.

Вечеромъ были у Кроля; намъ понравилось освѣщеніе сада, а все остальное такъ же скучно, какъ и у насъ въ загородныхъ садахъ.

6-го сентября мы поѣхали по желѣзной дорогѣ на маневръ въ Гросберенъ.

Великій Князь съ кронъ-принцемъ поѣхали слѣдить за дѣйствіями кавалеріи; у Рувльсхафа произошло столкновеніе кавалеріи между гвардейскою и дивизіею 3-го корпуса. Замѣчательно, что столкновеніе

это было случайное, развѣдки никакой; хотя начальникъ 3-й дивизіи построилъ боевой порядокъ, но боевыя линіи немовѣрно растянулись въ глубину, и онъ потерялъ возможность управлять ими, когда кавалерія гвардейскаго корпуса тоже неожиданно для себя появилась у его праваго фланга, на высотѣ 2-ой линіи.

Гвардейская дивизія стала строиться въ боевой порядокъ, а 3-я дивизія—исполнять перемѣну фронта направо, но такъ разорвалась, что на одну изъ ея батарей неожиданно бросился 1-ый эскадронъ гвардейскаго драгунскаго полка и взялъ ее безъ выстрѣла.

Наслѣдный принцъ былъ внѣ себя и, не стѣсняясь, разносилъ обоихъ начальниковъ дивизіи; тѣмъ временемъ гвардейская пѣхота вышла и отбросила лѣвый флангъ 3-го корпуса.

Императоръ подалъ сигналъ отбоя и кончилъ маневръ.

На слѣдующій день мы поѣхали на продолженіе маневра въ Гросберенъ. Сначала Его Высочество слѣдилъ за наступленіемъ гвардейской пѣхоты и атакою Гросберена, а мы шли за линію цѣпи стрѣлковъ и видѣли, какъ офицеры и унтеръ-офицеры угощали подзатыльниками и нашлапками прикладомъ своихъ людей, не стѣняясь даже близостью Великаго Князя.

На вопросъ Его Высочества — состоявшій при немъ генераль-адъютантъ Раухъ отвѣтилъ:

„У насъ трудно это вывести, Ваше Высочество, потому что въ составѣ нашихъ людей много фабричныхъ и городскихъ жителей, съ которыми возможно справляться только желѣзною дисциплиною, и потому мы смотримъ на это сквозь пальцы. Въ Россіи вы можете не допускать рукоприкладства, потому что у васъ главный контингентъ—сельское населеніе“.

Великій Князь пропустилъ мимо себя 1-ый гвардейскій полкъ съ отличнѣйшимъ составомъ людей. Мы присутствовали при атакѣ желѣзнодорожной станціи, при отступленіи 3-го корпуса и атакѣ гвардейскихъ кирасиръ.

Когда всѣ части сошлись, Императоръ подалъ отбой, и мы семь верстъ ѣхали рысью къ желѣзнодорожной станціи и только что поспѣли передъ приѣздомъ Императора.

Возвратясь въ Берлинъ, обѣдали у Императора. Послѣ обѣда Императоръ подходилъ къ намъ и съ своею обычной любезностью говорилъ о маневрѣ.

8-го сентября былъ послѣдній день маневра, который сразу начался боемъ и продолжался на нѣсколькихъ позиціяхъ до 12 часовъ.

Послѣ отбоя и критики—Императоръ подѣхалъ и простился съ нами, за нимъ—наслѣдный принцъ.

Возвратясь въ Берлинъ, мы отправились еще разъ смотрѣть

выставку, обѣдали съ нашими офицерами, вечеромъ были въ театрѣ, отъ души хохотали надъ нѣмецкою поссе, потомъ ужинали.

Забывъ сказать, что въ этотъ день я получилъ орденъ Краснаго Орла на шею 2 класса.

На слѣдующій день Его Высочество поѣхалъ съ нами осматривать Государственный конный заводъ въ Градицѣ, куда мы прибыли черезъ 2¹/₂ часа по ж. д.

Заводъ старинной постройки въ видѣ квадрата, составленнаго изъ трехъ-этажнаго, съ высокою черепичною крышею, дома по фасаду и конюшнями по фасадамъ. Въ конюшняхъ—денники и большіе манежи, устланные соломой, въ которыхъ стоятъ годовички и двухлѣтки.

Въ случномъ манежѣ во всю стѣну сдѣлана надпись: „Blut ist der Saft der Wunder Schafft“. — „Кровь есть сокъ, творящій чудеса“. Замѣчательныя статьи — жеребецъ Форвердсъ 4-хъ лѣтъ, взявшій нѣсколько призовъ и еще ни разу не побѣжденный.

Въ первый годъ жеребятъ кормятъ досыта овсомъ и гонятъ въ ростъ. За выводного изъ Англіи жеребца заплачено 5.000 фунтовъ стерлинговъ=50.000 рублей. Матки отличаются замѣчательно широкимъ складомъ.

Осмотрѣвъ заводъ, мы пошли завтракать къ управляющему—знаменитому спортсмену Леендорфъ.

Онъ скакалъ уже 110 разъ.

Великій Князь былъ встрѣченъ его супругою и двумя очень хорошенькими дочерьми.

Мы завтракали съ ними въ громадномъ залѣ съ топившимся каминомъ.

Завтракъ былъ превосходно приготовленъ, въ особенности жареныя въ сметанѣ куропатки.

Простившись и поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ, Его Высочество поѣхалъ въ Герлицъ черезъ старинную крѣпость Торгау.

Въ крѣпости сохранился замокъ, построенный въ 1534 г. и обращенный въ казармы.

Теперь въ Торгау стоятъ саперы и учатся на старыхъ гласисахъ и валахъ.

Въ Герлицѣ полукровный заводъ.

За недостаткомъ времени мы услѣли его осмотрѣть только на-лету.

Заводскія постройки относятся къ 1686 г.; назначеніе его—производство шорныхъ лошадей.

Стало смеркаться, а потому, налюбовавшись широкими утробистыми матками, мы должны были прекратить осмотръ и вернуться въ Берлинъ.

Его Высочество остался въ Берлинѣ, чтобы погостить у своего двоюроднаго брата фельдмаршала Фридриха-Карла, брата принцессы Анны Карловны.

Будучи совершенно свободны, мы посвятили день дальнѣйшему знакомству съ Берлиномъ. Заходили въ магазины, прицѣплялись, купили кое-что для подарковъ. Магазины мнѣ понравились больше, чѣмъ въ Вѣнѣ, какъ выборомъ, такъ и разнообразіемъ товаровъ; цѣны близки къ Петербургскимъ, въ особенности на французскія произведенія.

Завтракали въ старинномъ ресторанѣ Хабеля на Унтеръ денъ Линденъ, существующемъ болѣе столѣтія и сохранившемъ свое первоначальное устройство въ подвальномъ помѣщеніи съ прежнею обстановкою и столами. Мы потребовали устриць, сыру, хлѣба, масла и шампанскаго.

Все было отличнаго качества, но сервировано безъ скатертей, на подносахъ, безъ блюдь, а на самыхъ простыхъ тарелкахъ съ ножами и вилками въ деревянной оправѣ. По стѣнамъ висѣли картины юмористическаго содержанія изъ прошлаго столѣтія.

Въ послѣдующіе мои пріѣзды въ Берлинъ я не нашелъ этого остатка старины.

Обѣдали въ какомъ-то первокласномъ ресторанѣ со своими офицерами, изъ нихъ поручикъ Массовъ былъ типичный прусскій юнкеръ и очень насъ забавлялъ своею безцеремонностью съ статскими.

Если кто-либо входилъ въ занимаемую нами комнату и желалъ садиться, то онъ громко выражалъ запрещеніе, и къ удивленію всѣ тотчасъ же удалялись. Мы останавливали его: — „Массовъ, что вы дѣлаете? Не все ли равно, кто займетъ свободный столъ!“

— „Нѣтъ, извините, я не могу допустить, чтобы около такихъ дорогихъ гостей, какъ свита нашего излюбленнаго шефа, осмѣлились садиться всякіе проходимцы“.

— „Какіе же это проходимцы“, замѣтилъ Левицкій.

— „Это статскіе и потому недостойны чести сидѣть при васъ“.

Само собою разумѣется, онъ школьничалъ, но тѣмъ не менѣе, пока мы обѣдали, сосѣдній столъ оставался незанятымъ. Вечеромъ мы пошли въ театръ, слушали оперетку „Фатиница“, смѣялись надъ карикатурнымъ изображеніемъ русскаго генерала съ традиціонной нагайкой.

Должно быть память къ этой панацеевѣ крѣпко засѣла у нѣмцевъ со времени семилѣтней войны.

На слѣдующій день 11 сентября послѣ завтрака Его Высочество поѣхалъ кататься со мной въ Тиргартенъ, заѣхали въ Скетингъ-рингъ, гдѣ катаются на конькахъ съ колесиками, осмотрѣли музей и выставку картинъ; обѣдали въ посольствѣ.

Въ 10³/₄, простившись съ нашими жожаками, уѣхали въ Ловичъ на большой кавалерійскій маневръ, унося съ собой интересныя воспоминанія о радушномъ приѣмѣ при нѣмецкихъ дворахъ и ближайшемъ ознакомленіи съ побѣдоносными германскими войсками, когда лица, оружіе и традиціи Франко-Германской войны еще жили въ ихъ рядахъ.

Г л а в а IX.

Торнъ. Ловичъ.—Ярмарка. Лошади продаваемые за границу.—Соборъ Св. Духа.—Большой кавалерійскій маневръ.—Охота въ Скерневицахъ.—Въ гостяхъ у фельдмаршала князя Варягинскаго.—Столовая. Кабинетъ. Библіотека.—Княгиня.—Симфонія къ Новому Завѣту.—Паркъ.—Маневръ 23-го сентября.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Ночь въ вагонѣ я провелъ, уюбившись на креслѣ, чемоданѣ и подушкѣ; проснулся въ Торунѣ, пили чай въ Александровѣ и въ 12 ч. были въ Ловичѣ.

Нечего сказать—дыра жидовская, въ особенности рѣзокъ переходъ отъ Лейпцига, Дрездена, Берлина; даже Мерзебургъ казался благоустроеннымъ мѣстопробываніемъ. Въ городѣ обширная площадь и несоразмѣрный съ остальными жалкими постройками—соборъ. На площади большое оживленіе—ярмарка.

Народъ въ бѣлыхъ и синихъ длиннополыхъ кафтанахъ, красныхъ шароварахъ въ сапоги и высокой съ широкими полями, неуклюжей шляпѣ. Всѣ бриты и носятъ длинные волосы по плечамъ.

Женщины въ шпенсерѣ, со шнуровкой впереди, въ красной съ синими полосками юбкѣ, съ передникомъ; на головѣ—платокъ въ видѣ тюрбана съ падающими по плечамъ волосами. На плечахъ пелеринка похожая на накинутый передникъ; на ногахъ—черныя ботинки. Среди народа половина евреевъ.

Потолкавшись на ярмаркѣ, мы пошли смотрѣть лошадей, которыхъ пригоняютъ изъ Россіи еврей-барышники и продаютъ преимущественно за границей.

Лошади эти стояли въ нарочно построенныхъ конюшняхъ и подвѣшаны навѣсами. Было около 400 головъ, въ большинствѣ упряжнаго сорта рысистыхъ полукровокъ, а также часть донскихъ степняковъ 4-хлѣтокъ.

Лошади выдержаны и отлично содержаны. Затѣмъ мы поѣхали верхомъ осматривать окрестности.

Я наблюдалъ въ себѣ странное чувство: мы находились въ Польшѣ, по всему наружному, какъ бы чужая сторона, а казалось, будто находишься дома. И поля знакомы, и деревья не строятся въ ряды, и земля и все, что на ней, дорога—все казалось чѣмъ-то своимъ.

На слѣдующій день я всталъ рано и пошелъ бродить по городу и ярмаркѣ. Раньше всего направился въ соборъ Св. Духа, онъ очень старъ и въ свое время, должно быть, былъ изъ значительнѣйшихъ церквей старой Польши, потому что Ловичъ принадлежалъ прима-самъ королевства гнѣздненскимъ архіепископамъ и служить ихъ усыпальницею.

Соборъ наполненъ мавзолеями, расположенными вдоль стѣнъ. У большинства портреты въ каменныхъ рамахъ, среди которыхъ замѣчательно изображеніе одного изъ архіепископовъ—онъ нарисованъ двумяцымъ съ тремя глазами, подъ одной шапочкой и, говорятъ, въ дѣйствительности былъ таковымъ.

Живопись въ соборѣ не отличается художественными достоинствами, хотя написана въ стилѣ „Возрожденія“.

Затѣмъ зашли также въ церковь недавно упраздненнаго монастыря, въ которой находится большой образъ Богоматери съ Младенцемъ Иисусомъ, византійскаго письма.

Обойдя небольшой городъ съ грязными улицами и вонючими домами,—я занялся картами маневра и обозначилъ на нихъ положеніе всѣхъ частей на 15-е число, передъ началомъ дѣйствій.

Великій Князь съ ранняго утра поѣхалъ на охоту и возвратился только къ обѣду, сдѣлавъ всего одинъ выстрѣлъ. Охота была очень неудачна, звѣрей не видѣли. 14-е сентября, еще одинъ незанятый день. Воздвиженіе Креста. У меня на селѣ праздникъ.

Утромъ имѣлъ докладъ у Его Высочества по дѣламъ инспекціи кавалеріи, затѣмъ Великій Князь поѣхалъ въ гости къ фельдмаршалу князю Александру Ивановичу Барятинскому, а я занялся письмами къ Ѳ. С. Джунковскому и затѣмъ пошелъ въ церковь.

Въ три часа обѣдали, гуляли по ярмаркѣ, катались верхомъ, пили чай и старались сократить безконечный день.

15-го сентября, хотя и началось движеніе маневрирующихъ сторонъ, но слишкомъ далеко, чтобы мы могли принять участіе въ походномъ движеніи какой-либо колонны.

Его Высочество поѣхалъ верхомъ, чтобы выбрать мѣсто для общаго маневра, вернулись и опять не знали, что дѣлать отъ скуки. Мы слишкомъ привыкли къ дѣятельности на ученьяхъ, смотрахъ, маневрахъ, парадахъ, спектакляхъ, приѣмахъ, чтобы не испытывать странное чувство быть незанятыми.

Первые два дня маневра Великій Князь ѣздилъ въ разныя колонны, слѣдилъ за развѣдывательною службою, осматривалъ бивуаки, провѣрялъ по ночамъ сторожевую службу, такъ что наше колесо опять завертѣлось.

На третій день маневровъ, 18 сентября, мы переѣхали по желѣз-

ной дорогѣ въ Скерневицы, тотчасъ же сѣли верхомъ и отправились въ Дембова-Гура.

Было свѣжо, иногда моросило, когда разъяснилось,—грѣло солнышко.

Мы остановились въ кустахъ можжевельника, слѣзли съ лошадей, сѣли по двѣ сосиски и переѣхали на возвышенную часть передъ деревнею Рженяками.

Впереди насъ полукругомъ пролежала долина небольшой рѣки, противоположный склонъ которой полого спускался. Въ трехъ мѣстахъ виднѣлись деревни среди зелени садовъ съ выдающимися, какъ колокольни, высокими тополями.

Кое-гдѣ сквозили бѣлыя стѣны избъ, мельницъ и сараевъ.

Съ нашей стороны по гребню долины тянулись сосновые лѣса и перелѣски. Когда мы подѣхали, произошла стычка между сотнею казаковъ и двумя эскадронами драгунъ.

Казаки стали отступать, тѣмъ временемъ подошла 14-я кавалерійская дивизія и, перестроившись въ боевой порядокъ, стала наступать двумя колоннами. Съ горы это движеніе было очень живописно.

Мы переѣхали черезъ рѣку Стержибону, гдѣ застали бой между двумя бригадами, тѣмъ и кончился маневръ.

Сегодня, 19 сентября, Великій Князь поѣхалъ на охоту въ Скерневицы къ фельдмаршалу въ Ловичскій дворецъ, предоставленный Его Величествомъ фельдмаршалу. Дворецъ имѣетъ видъ роскошной усадьбы

Нѣкоторыя комнаты были вновь отдѣланы по указанію фельдмаршала. Миѣ очень понравилась оригинальная столовая; противъ входныхъ дверей всю стѣну занимаетъ дубовый шкафъ-буфетъ съ серебряными узорчатыми рѣшетками. На другихъ стѣнахъ—гобелены и висячіе поставцы съ богатою посудой и серебромъ.

Съ правой стороны, подъ венеціанскимъ окномъ—эстрада; въ углу каминъ; вдоль противоположной стѣны—столики и шкафы съ серебромъ; коверъ и дубовая рѣзная мебель, обитая сѣрой матеріей съ матовымъ рисункомъ.

Передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, фельдмаршалъ представилъ насъ княгинѣ и дамамъ.

Столъ и сервировка замѣчательно изящны, фельдмаршалъ необыкновенно радушный хозяинъ.

Въ числѣ блюдъ Его Высочеству очень понравился хлодникъ по-польски.

Вина превосходныя изъ собственнаго погреба.

Послѣ завтрака фельдмаршалъ повелѣлъ показывать Великому Князю винный погребъ и кухню, помѣщающіеся въ другомъ домѣ,

соединенномъ со дворцомъ галлереею, по которой бѣгаютъ по рельсамъ вагонетки съ блюдами и требуемымъ виномъ и передаются въ столовую по подъемной машинѣ въ большой стѣнной шкафъ-буфетъ.

Послѣ кофе мы перешли въ библіотеку. Я послѣдовалъ за барышнями въ гостиную и сталъ играть на фортепiano.

Въ 9 часовъ мы были уже въ Ловичѣ, а въ 7^{1/2} утра приѣхали снова въ Скерневицы; сѣли верхомъ и направились въ деревню Паменты, гдѣ застали бой между 14-ю и 13-ю дивизіями въ присутствіи фельдмаршала.

13-я дивизія, наступавшая безъ глазъ, совершенно также, какъ 3-я и гвардейская прусская дивизія, была атакована 14-ю и опрокинута съ фронта и съ тыла. Очередь быть недовольнымъ была за Великимъ Княземъ, но было смягчающее обстоятельство, то, что 14-я дивизія ловко воспользовалась оплошностью противника.

Его Высочество подалъ отбой. Я отправился въ Ловичъ за вещами и послѣ обѣда къ восьми часамъ былъ уже въ Скерневицахъ.

Переодѣвшись, я пошелъ къ фельдмаршалу.

Семья его состоитъ изъ жены; адъютантовъ: полковника Кузнецова и князя Шервашидзе съ женой и сестрой Бабо Шервашидзе.

Живетъ князь съ полнымъ комфортомъ, онъ весьма хлѣбосольный и тонкій гастрономъ, говоритъ немного въ носъ, какъ въ старину сановники; большею частью по-русски и иногда—по-французски.

Княгиня говорила мнѣ, что князь любитъ сидѣть въ комнатахъ, уставленныхъ шкафами съ книгами и дѣйствительно, какъ кабинетъ, такъ и библіотека его украшены прекрасными книгами въ шкафахъ, все въ образцовомъ порядкѣ.

Въ кабинетѣ, по словамъ князя, показывавшаго Его Высочеству и намъ свою библіотеку, помѣщаются только справочныя книги по всѣмъ отраслямъ знанія.

Библіотека въ гостиной снабжена цвѣтнымъ каталогомъ.

— „Этотъ каталогъ, замѣтилъ князь, очень удобенъ, я за любой книгой посылаю своихъ безграмотныхъ казаковъ, и они моментально мнѣ ее приносятъ. „Вотъ“,—продолжалъ, показывая фельдмаршалу,—„у меня большая рѣдкость“ (при этомъ онъ вынулъ изъ стола большую книгу въ роскошномъ переплетѣ)—„это псалмы Давида на малабарскомъ языкѣ, экземпляръ единственный, украденный изъ Ватиканской библіотеки“.

Повидимому, князь не только-что библіофилъ, но и библіоманъ.

Княгиня чрезвычайно симпатичная женщина; въ ея темныхъ, съ глубокимъ мягкимъ взглядомъ глазахъ проглядываетъ доброта, а голосъ и улыбка обнаруживаютъ женственность и прямоту.

Она занимается составленіемъ симфоній къ Новому и Ветхому

завѣту. Симфонія къ Новому завѣту уже напечатана съ разрѣшеніемъ Св. Синода, но съ большими затрудненіями и всего въ 25-ти экземплярахъ. Княгиня подарила мнѣ одинъ изъ нихъ. Работа чрезвычайно копотливая. По печатной англійской симфоніи княгиня вырѣзала русскій текстъ и нашлалировала его въ алфавитномъ порядкѣ.

Утромъ 22-го Великій Князь поѣхалъ съ фельдмаршаломъ на охоту.

Мы съ Ростовцовымъ и дамами гуляли по парку, ловили рыбу, читали газеты и незамѣтно провели время до обѣда.

Къ пяти часамъ охотники вернулись.

За обѣдомъ князь рассказывалъ эпизоды изъ своей службы въ Кирасирскомъ Его Величества полку, вспоминалъ товарищей; онъ былъ хорошій рассказчикъ; между прочимъ, князь рассказаль, какъ Императоръ Павелъ произвелъ въ генераль-адъютанты епископа, портретъ котораго хранится въ Академіи Наукъ. Портретъ съ аксельбантомъ есть, но это должно быть легенда, потому что составитель историческаго очерка Имп. Гл. Кв.—Квадри оффиціального подтвержденія не нашель.

Его Высочество былъ чрезвычайно весель, смѣялся, шутилъ съ дамами и игралъ съ княжной въ воланъ.

Меня заставили играть на фортепіано.

Фельдмаршалъ отличалъ меня своимъ большимъ вниманіемъ. Ему очень понравилось мое печатавшееся въ то время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Путешествіе по Востоку и Святой Землѣ въ свитѣ Его Высочества“.—„Очень поэтично“,—замѣтилъ мнѣ фельдмаршалъ,—ваше описаніе Константинополя, и мнѣ чрезвычайно нравится,—когда, зачерпнувъ рукою бирюзовую воду Босфора, вы ищите въ ней отраженіе крови и ужасовъ, которые совершались въ Византіи и гаремахъ Стамбула“.

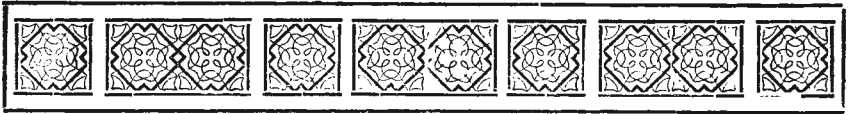
Къ 23-му сосредоточилась вся участвовавшая въ маневрѣ кавалерія.

Великій Князь произвелъ этой громадной массѣ, построенной въ одну линію полковыхъ резервныхъ колоннъ, нѣсколько движеній впередъ и назадъ и перестроеній, а затѣмъ—маневръ на двѣ стороны съ наступленіемъ и атакою спѣшенными драгунами Скерневицъ.

Въ заключеніе Его Высочество сдѣлалъ церемоніальный маршъ и пропустилъ полки передъ фельдмаршаломъ.

Послѣ благодарности и замѣчаній всѣ старшіе начальники были приглашены къ обѣду у фельдмаршала, а вечеромъ, простившись и поблагодаривъ за радушный пріемъ, мы уѣхали въ Петербургъ, унося самыя пріятныя воспоминанія объ этихъ дняхъ, проведенныхъ у фельдмаршала.

Д. А. Скалонъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Часть 2-я.

1876.

ГЛАВА I.

Николай Кирѣевъ.

тобы сдѣлать эти письма и воспоминанія болѣе понятными читателю, необходимо указать наивозможно кратко на ходъ событій, приведшихъ къ возбужденію Восточнаго вопроса. Парижскій трактатъ, по окончаніи Крымской войны въ 1856 г., на 20 лѣтъ усыпилъ этотъ вопросъ. По этому трактату шесть великихъ европейскихъ державъ заключили торжественный договоръ между собой и съ султаномъ, что онѣ будутъ воздерживаться отъ единоличнаго вмѣшательства въ дѣла Оттоманской имперіи, и что всѣ, могущія возникнуть, дѣла будутъ обсуждаться коллективно, такъ называемымъ, Европейскимъ концертомъ. Принципъ коллективныхъ дѣйствій былъ порядочно стѣснителенъ, но былъ успѣшно примѣненъ при безпорядкахъ въ Ливанѣ въ 1860 г. и во избѣжаніе войны съ Сербіей въ 1867 г. Послѣ Крымской войны султанъ имѣлъ успѣхъ на европейскихъ биржахъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ совершить громадный національный долгъ. Западная Европа, занятая рядомъ войнъ—Франціи съ Австріей 1859 г., Германіи съ Даніей 1864 г., Пруссіи съ Австріей въ 1866 г. и Франко-Прусской въ 1870—71 гг., не имѣла желанія будить спящую сторожевую собаку, конура которой возвышалась надъ Босфоромъ. Россія была поглощена внутренними реформами и развитіемъ Средней Азіи. Но въ 1875 г. въ Европѣ насталъ миръ. Султанъ доходилъ до крайняго истощенія своихъ финансовъ. Безденежье въ Стамбулѣ означаетъ двѣ вещи: увели-

ченную строгость въ сборѣ податей и уменьшенную возможность платы войскамъ. Когда вспыхнувшее недовольство растеть, и сдерживающая военная сила слабѣтъ, мятежъ неминуемъ. Честь поднять знамя мятежа противъ Оттоманской тираниіи принадлежить славянамъ-герцоговинцамъ. Началось это, какъ всегда бываетъ, случайно. За дурнымъ урожаемъ 1874 г. послѣдовало безпощадное требованіе повинностей. Голодающіе крестьяне сопротивлялись сборщикамъ. Сборщики обратились къ властямъ за военной силой, послѣ чего крестьяне бѣжали въ горы, гдѣ съ тайной поддержкой своихъ собратьевъ-черногорцевъ съ успѣхомъ отражали усилія турокъ привести ихъ въ повиновеніе. Казалось бы, что это ничтожный случай. Оспариваемая сумма была пустая, мѣстность была отдаленная и гористая. Но отъ малой искры можетъ возникнуть большой пожаръ.

Какъ только стало ясно, что турки не въ состояніи потушить возстаніе въ Герцоговинѣ, пронеслась вѣсть по всѣмъ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, что часъ избавленія ихъ отъ турецкаго ига насталь. Въ Босніи появились банды инсургентовъ. Болѣе пылкіе умы въ Болгаріи стали мечтать о возстаніи. Сербія и Черногорія, двѣ самоуправляемыя славянскія страны на Балканахъ, вздрогнули отъ возбужденія, возникшаго отъ сочувствія и поддержаннаго честолюбіемъ. Серьезнѣе этихъ броженій на Балканахъ было пробужденіе національнаго и религіознаго энтузіазма въ русскомъ народѣ, который выразился тѣмъ, что составились паны-славянскіе комитеты, главная квартира которыхъ была въ Москвѣ.

Къ этимъ признакамъ отнеслись съ большой тревогой всѣ заинтересованныя правительства. Въ концѣ 1875 г. нота Андраши, одобренная княземъ Бисмаркомъ и княземъ Горчаковымъ, была представлена другимъ державамъ. Эта нота требовала свободу вѣроисповѣданій, реформы въ налогахъ и управленіи, которыя должны вестись подъ надзоромъ турецко-христіанской комиссіи. Она содержала исключительно добрый совѣтъ, безъ намека на принудительныя мѣры. Нота была принята другими державами. Лордъ Дерби, министръ иностранныхъ дѣлъ при правительствѣ Дизраели, оказалъ ей поддержку. Согласно коллективному авторитету Европы она была представлена 31-го января, а 13-го февраля султанъ подписалъ согласіе на четыре изъ пяти пунктовъ ноты. Англичане, вниманіе которыхъ было занято приобрѣтеніемъ паевъ Суецкаго канала и предложеніемъ дать королевѣ титулъ императрицы Индіи, мало обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Константинополѣ, пока они не были грубо пробуждены изъ своего равнодушія 3-го

апрѣля объявленіемъ, что апрѣльскій купонъ Восточнаго займа не можетъ быть оплаченъ. Владѣтели обязательствъ неистовствовали. Грозныя тучи сильнѣе, чѣмъ когда-либо, нависли надъ Турецкой Имперіей. Реформы, обѣщанныя въ отвѣтъ на ноту, не были исполнены. 6-го мая французскіе и нѣмецкіе консулы были убиты въ Салоникской мечети; еще серьезнѣе было возстаніе противъ турокъ въ Болгарскихъ селеніяхъ. Началось оно 1-го мая, а 28-го мая оно было официально заявлено окончательно усмиренымъ. Пока еще не было извѣстно качество этого усмиренія, Императоръ Александръ II и кн. Горчаковъ прибыли въ Берлинъ для совѣщанія съ императоромъ Вильгельмомъ, кн. Бисмаркомъ и Андраши, что слѣдуетъ предпринять для Восточнаго вопроса. Такъ какъ принятіе на бумагѣ ноты Андраши привело только къ распространенію возстанія до Болгаріи, три Восточныя имперіи рѣшили, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь къ предотвращенію общаго пожара. Результатомъ ихъ обсужденій былъ Берлинскій меморандумъ, которымъ послѣ опредѣленія минимума нужныхъ реформъ для умиротворенія Балканъ, ясно подразумѣвались дальнѣйшія мѣры, которыя нужно будетъ принять, если Порты не успѣетъ привести свои дѣла въ порядокъ. Общественное мнѣніе въ Англіи отнеслось нѣсколько подозрительно къ союзу трехъ императоровъ въ Рейхштатѣ, они обязались дѣйствовать совместно въ Восточномъ вопросѣ. Лордъ Дерби пришелъ въ ужасъ при намекѣ на возможное вмѣшательство на востокѣ. Дизраели былъ въ восторгѣ изобразить друга Турціи, вслѣдствіе чего 22-го мая его правительство объявило, что оно не можетъ оказать содѣйствія въ Берлинскомъ меморандумѣ. Черезъ два дня англійскій флотъ былъ отправленъ въ Бискайскую бухту. Британское правительство не только нарушило европейскій концертъ, единственное средство, которымъ могъ быть рѣшенъ турецкій вопросъ безъ войны, но придалъ знаменательное значеніе своему поступку, приказавъ Средиземному флоту стать вблизи Константинополя. Черезъ два дня послѣ того, какъ приказъ этотъ былъ данъ адмиралу, командующему броненосцами, Абдуль-Азисъ былъ низложенъ (30-го мая) своими министрами за отказъ содѣйствовать собственными средствами казнѣ, опустошенной расходами на военныя операціи на Балканахъ. Мурадъ 5-й былъ провозглашенъ его замѣстителемъ.

4-го іюня нашли низложеннаго монарха мертвымъ въ его темницѣ-дворцѣ. Горло у него было перерѣзано ножницами, но кѣмъ, неизвѣстно, по официальнымъ свѣдѣніямъ это было самоубійство.

Первыя извѣстія о мѣрахъ, употребляемыхъ турками для усмиренія Болгаріи, достигли Англіи въ депешѣ Эдвина Перзъ (M-e Edwin

Pears) изъ Константинополя, напечатанной въ Daily News. Съ этого времени и до сентября, когда официальный рапортъ г-на Беринга подтвердилъ худшіе рассказы о дикости и поголовной рѣзнѣ, извѣстія продолжали приходить, тревожа вниманіе и смущая совѣсть запада. Г-нъ Дизраели пренебрегъ всѣмъ, смѣялся надъ газетными извѣстіями и шутилъ надъ жестокостями, которымъ суждено было парализовать его политику и расчлениить Оттоманскую Имперію.

Черезъ день послѣ того, какъ Дизраели выкинулъ веселую шутку о „самомъ быстромъ способѣ“ рѣзни, примѣняемомъ турками, нѣкто Юсіфъ Чемберленъ (Joseph Chamberlain), прежде извѣстный подъ именемъ республиканскаго мэра изъ Бирмингама, возвратился въ нижнюю палату, какъ депутатъ столицы Midland, событіе не безъ вліянія на будущую судьбу Дизраели и его турецкую политику. Еще черезъ день, іюня 29-го, князь Миланъ Сербскій и князь Черногорскій объявили войну Турціи.

Въ сербскомъ указѣ говорилось: съ возникновенія мятежа въ Босніи и Герцоговинѣ, положеніе Сербіи стало невыносимымъ. Не обращая вниманія на наше положеніе, Порта продолжала посылать войска, которыми окружили нашу страну, какъ желѣзнымъ кольцомъ. Она присылала дикія шайки баши-бузуковъ, черкесовъ, арнаутовъ и курдовъ, чтобъ разорить нашу землю. Оставаться далѣе въ бездѣйствіи было бы слабостью“.

Общественное мнѣніе на западѣ Европы было, что Сербія и Черногорія были выставлены русскимъ правительствомъ, какъ маріонетки, что, какъ полагали, было внушено графомъ Игнатъевымъ, тогдашнимъ посломъ въ Константинополь. Въ дѣйствительности же русское правительство не желало войны и не готовилось къ ней, а генералъ Игнатъевъ былъ далекъ отъ побужденій къ войнѣ; онъ сильно возставалъ противъ поднятія Восточнаго вопроса, говоря, что это будетъ на пользу Германіи и во вредъ Россіи ¹⁾.

¹⁾ Когда я былъ въ Петербургѣ въ 1888 г., генералъ Игнатъевъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ противъ Восточной войны. Война, какъ онъ говорилъ покойному Императору, это народное бѣдствіе, приносящее каждому вредъ, и, по его мнѣнію, главная задача дипломатіи не допускать, чтобы международные вопросы достигали такой запутанности, которая требуетъ меча для ея разрѣшенія. Онъ, въ особенности, былъ противъ наступавшей войны между Россіей и Турціей. При первой вспышкѣ возстанія въ Герцоговинѣ, онъ писалъ князю Горчакову, что она ему, кажется, началомъ игры кн. Горчакова на Балканскомъ полуостровѣ. Главная цѣль этой игры была отбросить Австрію на востокъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ установленіе *modus vivendi* между Петербургомъ и Вѣной, что допустило бы

Великіе результаты мира и войны рѣдко рѣшаются телеграммами канцелярій. Но князь Бисмаркъ былъ тонкій астрологъ, и то, что онъ предвкусалъ, сбылось именно такъ, какъ онъ предвидѣлъ.

Первое столкновеніе между сербскими и турецкими войсками произошло при Сіеницѣ близъ Ново-Базара, гдѣ сербы были побѣждены съ потерю полуторы тысячи солдатъ, 6-го іюля. 18-го того же мѣсяца турки снова одержали побѣду, при которой сербы потеряли 2.000 человекъ. Но одинъ изъ павшихъ въ этотъ день въ сраженіи при Зайчарѣ произвелъ своею смертію на ходъ исторіи Восточной Европы болѣе вліянія, чѣмъ вся политика канцлеровъ, депеши дипломатовъ или рѣчи государственныхъ людей. Въ этотъ день братъ Ольги Алексѣевны, Николай Кирѣевъ, первый изъ русскихъ волонтеровъ былъ убитъ во главѣ своей сербско-болгарской бригады. Повѣствованіе хода событій въ Европѣ приводитъ насъ къ исторіи этого важнаго эпизода въ Балканской драмѣ.

Когда Николай Кирѣевъ рѣшился ѣхать въ Сербію, едва-ли онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что пускается на отчаянное дѣло. Онъ посланъ былъ въ Бѣлградъ русско-славянскимъ комитетомъ съ походнымъ госпиталемъ и медикаментами. Если у него было намѣреніе принять участіе въ войнѣ, онъ объ этомъ не говорилъ. Вѣроятно, онъ не предполагалъ сражаться, но, прибывъ на мѣсто, онъ увидѣлъ, что возставшіе гораздо болѣе нуждаются въ хорошихъ офицерахъ, которые могли бы ими руководить, нежели въ докторахъ и лѣкарствахъ.

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ покинулъ гвардію въ концѣ 1875 года. Въ Бѣлградѣ онъ былъ свободный человекъ. Турецкія войска производили опустошенія въ сербскихъ селеніяхъ. Безъ офицеровъ сербы были овцы, шедшія на бойню. Кирѣевъ не долго ко-

дружелюбное разрѣшеніе Восточнаго вопроса, если бы „больной человекъ“ умеръ. Ему казалось, что князь Бисмаркъ рассчитывалъ на то, что какъ только прольется христіанская кровь на Востокъ, всѣ добрые люди, другими словами, всѣ ярые православные русскіе будутъ настаивать на томъ, чтобъ выручать своихъ единовѣрцевъ, не принимая во вниманіе ни русскихъ финансовъ, ни состязанія русской арміи, ни трудности интернаціональнаго положенія. Однимъ словомъ, кровопролитіе дастъ волю одной изъ неукротимыхъ силъ Европы и броситъ ее противъ турокъ такимъ способомъ, чтобъ ослабить Россію и дать случай Австріи для захвата территорій, которая въ дѣйствительности преградитъ путь ко всякому сближенію между Англійей и Россіей. Это выгодно для Германіи, но не выгодно для Россіи.

Стедъ.

(Правда о Россіи, стр. 281).

лебался. Не сообщивъ ни слова семьѣ, онъ сталъ волонтеромъ сербской арміи. Подъ именемъ Хаджи Гирей онъ сразу получилъ командованіе бригадой, съ которой двинулся впередъ.

Нѣсколько дней появлялись въ телеграммахъ европейскихъ газетъ сообщенія съ театра войны о таинственномъ неизвѣстномъ офицерѣ, который подъ именемъ Хаджи Гирей дѣлалъ чудеса, внушая воинственный духъ войскамъ подъ его командой. Ольга Алексѣвна, бывшая въ то время въ Маріенбадѣ, была очарована извѣстіями о дѣйствіяхъ этого романческаго таинственнаго иностранца, идущаго всегда впереди, и какъ Скобелевъ, всегда одѣтаго въ бѣломъ. Первымъ дѣломъ ея по утру было чтеніе извѣстій изъ Балканъ. Однажды въ іюнѣ она была поражена, какъ громомъ, увидавъ во всѣхъ газетахъ лаконическую, но ужасную телеграмму. „Хаджи Гирей убитъ. Это Николай Кирѣевъ“.

Она не вѣрила своимъ глазамъ. Надѣялась, что газеты часто получаютъ и передаютъ невѣрныя извѣстія, но въ теченіе того же дня телеграмма ея брата Александра подтверждала горестный фактъ, о которомъ онъ узналъ лично отъ Государя.

Потомъ была получена депеша отъ князя Милана съ официальнымъ сообщеніемъ о смерти Николая Кирѣева.

„Я считаю своей священной обязанностью выразить Вамъ мое глубокое сочувствіе при извѣстіи о смерти Вашего доблестнаго и рыцарскаго брата Николая Алексѣевича, павшаго на полѣ сраженія за вѣру и правду. Я горько оплакиваю эту потерю въ единодушій съ его семьей и друзьями. Недавно познакомившись съ нимъ, я имѣлъ сильное къ нему расположеніе. Да поплетъ ему Всевышній вѣчный покой. Мы всѣ молимся о душѣ храбраго русскаго воина, отдавшаго свою жизнь сербамъ. Эта смерть будетъ вѣчнымъ звономъ съ нашими сѣверными братьями. Князь Сербіи“.

Генералъ Кирѣевъ немедленно прибылъ въ Маріенбадъ, и братъ съ сестрой отправились прямо къ матери, которая жила въ маленькомъ итальянскомъ мѣстечкѣ возлѣ Лукки и ничего не знала о страшной потерѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9-го августа 1876 г. изъ Villa Galdussi, Лусса, Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ сообщилъ извѣстіе о смерти своего брата священнику, отцу Ф. Мейрихъ.

„Вы, можетъ быть, знаете изъ газетъ, что я лишился брата моего Николая, павшаго въ сраженіи при Зайчарѣ. Онъ палъ, какъ христіанинъ, какъ дворянинъ, защищая свой вѣру и своихъ братьевъ. Какъ видите, мы, русскіе отсталые люди, и даже въ это эгоистическое время, мы сочувствуемъ Годфриду Бульонскому и королю Англіи Львиное Сердце; но я знаю, что Вамъ понятны вы-

сокія чувства, заставляющія человѣка оставить все— семью, домъ— дѣла и броситься въ мрачный водоворотъ съ тѣмъ, чтобъ служить идеѣ, вѣрованью. Мнѣ жаль тѣхъ, кто не въ состояніи этого сдѣлать“.

Слѣдующія подробности о смерти Николая Кирѣева взяты изъ книги капитана Сользберри. „Два мѣсяца съ Черняевымъ“, одного изъ немногихъ англичанъ, сражавшихся въ то время за свободу. Капитанъ Сользберри говоритъ:

„На разстояніи семидесяти или болѣе миль къ сѣверо-востоку отъ Делиграда, на рѣкѣ Тимокъ находится городъ Зайчаръ. На этомъ мѣстѣ, во время сербской атаки 18-го іюля, храбрый Николай Кирѣевъ встрѣтилъ славную смерть. Николай Кирѣевъ былъ благороднаго происхожденія и былъ въ юности камеръ-пажемъ Ея Величества русской Императрицы. Когда возникла сербская война, онъ былъ назначенъ однимъ изъ славянскихъ комитетовъ начальникомъ санитарнаго отряда, но душа его жаждала болѣе дѣятельной службы, чѣмъ дѣло съ докторами, и онъ принялъ командованіе бригадой, состоящей изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и небольшого числа кавалеріи и артиллеріи. Эту бригаду онъ повелъ противъ турокъ въ тотъ день, который оказался роковымъ для него и неудачнымъ для сербовъ. Едва бригада прошла небольшое пространство, какъ Кирѣевъ былъ слегка раненъ пулей въ лѣвую руку. Онъ не обратилъ на это вниманія, но сейчасъ вторая пуля попала ему въ шею, на нее онъ тоже не обратилъ вниманія и продолжалъ идти впередъ, ободряя солдатъ слѣдовать за нимъ, когда третья пуля пробила правую его руку, что заставило его выронить саблю, но голосъ его „впередъ“ все звучалъ, пока четвертая пуля не попала въ легкія, и онъ упалъ съ сѣдла. Съ огромнымъ усиліемъ задыхающимся голосомъ онъ еще вскрикнулъ: *en avant, en avant!* Два солдата понесли его, по его желанію впереди колонны. Но дикая погоня за его жизнью продолжалась, пятая пуля пробила на вылетъ грудь славнаго героя, перестало биться благороднѣйшее сердце. Смерть вождя привела въ безнадежное смятеніе солдатъ: они остановились на минуту, повернулись и бѣжали, но къ чести двухъ милиціонеровъ, несшихъ тѣло своего командира, они не оставили своей ноши, но пытались ее унести. Турки рѣшили этого не допустить, они осыпали градомъ пуль двухъ несчастныхъ людей, такъ храбро старавшихся исполнить дѣло милосердія. Оба пали мертвыми, и я очень жалѣю, что не знаю именъ этихъ храбрыхъ сербовъ. Они достойны стать въ ряды такихъ героевъ безсмертной славы, какъ Нельсонъ, который умеръ за Англію, за домашній очагъ и за долгъ. Турки захватили тѣло Кирѣева и послали его

въ Виддинъ, гдѣ его изувѣчили и выставили на показъ, а на просьбу друзей павшаго героя о разрѣшеніи перевезти его останки въ Россію, Османъ-паша, къ вѣчному своему позору, наотрѣвъ отказалъ“.

Когда извѣстіе о геройской смерти Кирѣева распространилось по Россіи, произошло сильное возбужденіе. Къ чести офицеровъ и простыхъ людей, многіе примкнули къ знамени Черняева.

Фрудъ въ своемъ предисловіи къ *Russia and England* говоритъ: „тѣми, кто въ состояніи оцѣнить благородные и великодушные порывы, Кирѣевы будутъ признаны принадлежащими къ особой расѣ смертныхъ, которая составляетъ покидающую надежду человечества, которая быть можетъ нѣсколько страдаетъ Донъ-Кихотствомъ, но которой исторія воздастъ должное, увѣковѣчивъ память о нихъ. Исторію Николая Кирѣева, похожую на легенду о какомъ-нибудь мистическомъ римскомъ патриотѣ, или о средневѣковомъ крестоносцѣ, читатель найдетъ въ изложеніи Кинглека“.

Вотъ повѣствованіе Кинглека, появившееся въ предисловіи къ шестому изданію его исторіи Крымской войны.

„Есть много сходства между исторіей 1853 г. и тѣмъ, что мы видимъ теперь. Одной изъ главныхъ причинъ, содѣйствующихъ этому повторенію, нужно считать рыцарскій духъ сѣверныхъ жителей. Русскіе—сердечный, восторженный народъ, съ нѣкоторой долей поэзіи, происходящей можетъ быть изъ воспоминаній о рабствѣ стараго времени—татарскаго ига. Schelley говоритъ:

Самые несчастные люди

Дѣлаются поэтами отъ неправды,

Они учатся у горя тому, что передаютъ въ пѣснѣ.

Имѣя въ своемъ быту мало, чему могли бы позавидовать другіе, русскіе крестьяне любятъ думать, что есть люди, гораздо болѣе обиженные судьбой, чѣмъ они, которыхъ они должны жалѣть, и которымъ нужно помогать. Любятъ думать, что рекрутъ, оторванный отъ своей семьи, идетъ освобождать своихъ собратьевъ по православію отъ магометанскихъ тирановъ и, замѣчательно склонные къ чувству братолюбія, они могутъ быть честно, безъ мѣры, пылки въ пользу идеала, требующаго ихъ сочувствія. Такой искренній взрывъ ведущаго къ ссорѣ и войнѣ между державами часто не желателенъ въ предѣлахъ правительственныхъ учрежденій, но онъ даетъ новую силу, которой политика можетъ въ послѣдствіи руководить и употребить на пользу. Книга Кинглека доказываетъ, какъ въ наши торговые времена возникла война изъ-за благороднаго, поэтическаго побужденія. Когда Сербія напала на владѣнія своего сюзерена, это такъ дѣйствовало на общественное мнѣніе Россіи, что Государь былъ тронутъ и разрѣшилъ

нѣкоторымъ своимъ подданнымъ принять участіе въ мятежѣ противъ правительства страны, съ которой онъ имѣлъ добрыя отношенія. Эта вооруженная эмиграція была вначалѣ не многочисленна, и дѣло сербовъ было въ опасности быть вскорѣ проиграннымъ, когда случай сталъ проявлять свою странную силу надъ теченіемъ обстоятельствъ.

Николай Кирѣевъ былъ дворянинъ и по природѣ энтузіастъ, привыкшій къ мысли о самопожертвованіи. При возникновеніи возмущенія кн. Милана, онъ отправился въ Сербію съ цѣлью завѣдыванія Краснымъ Крестомъ и уже началъ свою человѣколюбивую дѣятельность, какъ вдругъ онъ былъ приглашенъ генераломъ Черняевымъ принять команду надъ тѣмъ, что мы бы могли назвать бригадой около 5.000 пѣхоты, состоящей изъ волонтеровъ и милиціи, съ 5-ю пушками. Вскорѣ ему не только пришлось вести свою бригаду въ дѣйствіе, но даже предпринять съ нею атаку близъ Раковицы. Кирѣевъ прекрасно понималъ, что иррегулярное войско, ввѣренное его начальству, было далеко не того свойства, чтобы имъ командовать во время битвы, лишь глядя на поле сраженія въ подзорную трубу, и давая распоряженія адъютанту. Онъ рѣшился вести своихъ людей простымъ и первобытнымъ способомъ, самъ идя впереди ихъ. Онъ былъ высокаго роста, необыкновенно красивъ и благодаря или жарѣ или отчаянной смѣлости, онъ былъ всегда въ бѣломъ. Приближаясь съ своимъ войскомъ къ турецкимъ батареямъ, онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, потомъ въ шею, еще выстрѣлъ, и правая его рука выронила саблю; несмотря на всѣ эти раны, онъ продолжалъ съ рѣшимостью идти впередъ, когда четвертая пуля пошла въ легкія, и онъ упалъ, это не помѣшало ему съ величайшимъ усиленіемъ крикнуть „впередъ“, „впередъ“. Пятый выстрѣлъ проникъ въ сердце героя и погасилъ его доблестный духъ. Его бригада отступила, а тѣло его, напрасно испрашиваемое г. Черняевымъ, осталось въ рукахъ турокъ.

Это голые факты, на которыхъ вскорѣ создались громадныя версіи. Быть можетъ, великолѣпный ростъ и фигура молодого офицера, видъ крови, ярко замѣтный на его бѣломъ мундирѣ, придали что-то виѣшнее, чарующее чувству тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Но что бы то ни было, результатъ былъ таковъ, что рассказы о немъ, рассказы, дѣлающіеся изо дня въ день болѣе чудесными, быстро перелетали изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и менѣе чѣмъ черезъ недѣлю тлѣющій огонь русскаго штыля обратился въ опасное пламя. Въ безчисленныхъ русскихъ храмахъ, маленькихъ и большихъ, священники служили панихиды по душѣ молодого героя, выставляя на видъ славу уме-

реть за единовѣрныхъ братьевъ, и получали воинственный отвѣтъ тамъ же, въ соборѣ, или церкви, что они тоже пойдутъ туда, гдѣ былъ Кирѣевъ. Многіе изъ нихъ такъ поспѣшили привести въ дѣйствіе свои слова, что волна волонтеровъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи наводнила Бѣлградъ. Чтобъ поддержать разгорѣвшійся энтузіазмъ, принимались соотвѣтствующія мѣры. Простыя фотографіи молодого Кирѣева скоро превратились въ большіе портреты, и сказочное переплеталось съ правдой, создавалась въ скоромъ времени одна изъ тѣхъ трогательныхъ легендъ полувоинственная, полусувѣрная, которая возвеличила своего героя въ гиганта, изображая его валящимъ гекатомбы убитыхъ турокъ ¹⁾.

Кинглекъ“.

Мина энтузіазма, на которую упала эта искра, была во многихъ отношеніяхъ та же, которую мы видѣли зажигающую воинственный духъ 1853 г., но къ энтузіазму церкви по поводу ея православныхъ братьевъ, къ жаждѣ побѣдъ сѣверной страны въ солнечныхъ странахъ, къ религиозному пылу, который не терялъ изъ виду обѣдни въ св. Софіи, быть можетъ, видѣлись драгоцѣнные ключи къ проливамъ, прибавлялся гнѣвъ, при мысли о Болгаріи, гнѣвъ о турецкихъ звѣрствахъ, который Россія раздѣляла съ англійскимъ народомъ.

Сдѣлавъ попытку укротить увлеченіе своего народа тѣмъ, чтобы дать отпускъ желающимъ ѣхать въ Сербію волонтерами, Государь вскорѣ узналъ, что люди, которыхъ онъ допустилъ вмѣшаться въ возстаніе противъ султана, пользовались такимъ сочувствіемъ своихъ соотечественниковъ, что онъ не только не могъ отказаться отъ нихъ, но былъ поставленъ въ странное положеніе охранять ихъ, какъ собственную армію.

Я старался ясно показать, что порывъ, возбужденный въ русскомъ народѣ, былъ большею частью искренній и честный, но мы уже знаемъ, что это стремленіе, хотя выраженное вначалѣ личными добровольными подвигами, какъ только получило пораженіе, радо было обратиться за помощью къ правительству въ Петербургѣ.

Въ отвѣтъ на это воззваніе, густыя полчища собираются на границѣ турецкихъ владѣній. Въ настоящее время было бы опрочмет-

¹⁾ Даровитые корреспонденты нашихъ англійскихъ газетъ, находившіеся въ Сербіи, позаботились описать подвигъ и смерть Кирѣева болѣе или менѣе подробно, и ихъ свѣдѣнія совпадаютъ съ хорошо проверенными отчетами, на которыхъ я основываю вышеприведенный рассказъ, но только изъ глубины Россіи можно было узнать о впечатлѣніи, произведенномъ тамъ.

Кинглекъ.

чиво увѣрять, что каково бы ни было вначалѣ ея безкорыстіе, страна, дѣлающая такія большія напряженіи силъ, не можетъ остаться до конца безкорыстной. Молодой Кирѣевъ могъ умереть за воображаемую, едва оформленную идею, но въ лагерѣ изъ 200.000 человекъ и въ Кабинетѣ, собравшемъ его, были конечно болѣе реальныя цѣли“.

Дань, которую Кинглекъ воздалъ въ своей книгѣ памяти молодого Кирѣева, была омрачена антирусскими чувствами.

Вотъ что пишетъ объ этомъ г-жа Новикова въ своихъ Souvenirs.

Однажды Кинглекъ навѣстилъ меня очень рано, около 10 час. утра, и сказалъ мнѣ, что онъ думалъ о моемъ братѣ и, если я согласна, былъ бы радъ упомянуть о немъ въ предисловіи къ его популярному изданію Крымской войны. Я поблагодарила его и дала ему всѣ англійскія, американскія и французскія статьи, а также официальные телеграммы, касающіяся нашего семейнаго несчастія, какія у меня были.

Дни, недѣли, мѣсяцы прошли. Приближалось время моего отъѣзда изъ Англии, и я думала, что Кинглекъ отказался отъ мысли написать обѣщанное предисловіе. Такъ какъ онъ описывалъ войну, принадлежащую къ другой эпохѣ, я понимала, что трудно упоминать о событіяхъ, случившихся двадцать лѣтъ спустя. Я никогда не касалась этого предмета. Наканунѣ моего выѣзда въ Россію, Кинглекъ пріѣхалъ и сказалъ: я очень долго писалъ это, но Вы знаете, какой я медленный. Вотъ, однако, рукопись, и я ее долженъ сейчасъ отослать, такъ какъ издатель горько жалуется на мою неаккуратность въ обѣщанной работѣ. Я схватила предисловіе и прочла его. Все, что касалось моего брата, было исполнено доброты, воспроизведены были всѣ подробности, описанныя корреспондентами; нѣкоторые изъ нихъ слышали тутъ же о его смерти. Но то, что онъ говорилъ о Россіи, о нашей церкви, о нашемъ императорѣ, показалось мнѣ такъ несправедливо, такъ неосновательно и оскорбительно, что я была внѣ себя отъ негодованія.

„Я сидѣла у камина, Кинглекъ смотрѣлъ на свою рукопись. Я встала.— Что Вы сдѣлали, воскликнула я, можете ли Вы на минуту предположить, что я позволю, чтобъ имя моего брата появилось въ пасквилѣ на Россію? Это не что иное, какъ пасквиль, пасквиль повторяю я, и какое бы ни было послѣдствіе моего поступка, если половина этого ужаснаго предисловія не будетъ вычеркнута немедленно, я бросаю Вашу рукопись въ огонь; какъ могли Вы написать такую вещь? какъ могли Вы отвергнуть мою дружбу на всегда такимъ поступкомъ?—Милый, добрый Кинглекъ слушалъ, ни слова не

сказаль, но подалъ мнѣ красный карандашъ.—Не сердитесь, Вы можете быть правы.—Я вычеркнула почти три четверти его предисловія. Такъ искалѣченное мною, оно красуется теперь въ популярномъ изданіи Крымской войны“.

Однако и послѣ краснаго карандаша Ольги Алексѣвны, Лекки, прочитавъ предисловіе, замѣчаетъ: „Не думаю, чтобъ Кинглекъ питалъ къ Россіи чувства восторга“.

Предисловіе заключало тѣмъ не менѣе значительное повѣствованіе о войнѣ, имѣвшее немало вліянія на умы въ то время, когда мнѣнія были измѣнчивы. Кинглекъ его написалъ, но внушала его Ольга Алексѣвна.

Самъ Кинглекъ пишетъ 31 января 1877 г. въ Петербургъ:

„Я еще не получилъ копіи моего второго тома, но посылаю Вамъ отпечатокъ продолженія предисловія, изъ котораго Вы увидите, что часть, приведшая Васъ въ ужасъ, уничтожена, и что въ этомъ предисловіи нѣтъ ничего, что могло бы не понравиться русскимъ; я, по крайней мѣрѣ, такъ надѣюсь. Я особенно желалъ, чтобъ въ эту минуту, когда можно надѣяться, что волненія успокаиваются, одно отеческое чувство исходило бы изъ моего скромнаго пера“.

Получивъ копію предисловія, г. Лекки пишетъ 4-го января 1877 г.:

„Благодарю Васъ за предисловіе, оно ясно доказываетъ, что Кинглекъ не утратилъ своего прежняго умѣнья. Искренно Васъ поздравляю, такъ какъ это сдѣлаетъ имя Вашего брата общеизвѣстнымъ въ каждой англійской хижинѣ, и на долго будетъ жива память о немъ“.

Гейвордтъ писалъ: Дань Вашему брату вполне заслужена и весьма изящно воздана.

Кинглекъ писалъ отъ полноты сердца. Въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣвнѣ, онъ говоритъ:

24 іюля 1876 г.

„Я только-что получилъ Вашу записку, дорогой мой другъ, и хотя я вполне сознаю, какъ тщетны должны быть слова при Вашемъ горѣ, я чувствую, что молчаніе даже хуже соболѣзнованія. Поэтому я не могу не пожелать, мой дорогой другъ, чтобъ по приѣздѣ Вашемъ въ Миланъ, среди Вашей печали, Вы нашли бы эти бѣдныя безплодныя слова сочувствія отъ того, къ кому Вы были такъ добры, отъ того, кто такъ искренно Васъ цѣнитъ.“

„Какая тяжелая обязанность легла на Васъ и на Вашего брата сообщить Вашей матери жестокою вѣсть. Что бы ни случилось, вѣрьте, мой дорогой другъ, въ сердечное сочувствіе.“

Вашего К.“

Въ августѣ онъ пишетъ опять:

„Сю минуту получилъ Ваше второе письмо, мой дорогой другъ, а отвѣтъ мой на первое Вы, вѣроятно, получите одновременно съ этимъ. Изъ перваго Вашего письма я заключаю, что едва-ли могла быть какая-нибудь надежда. Предположивъ неизбежность этого удара для Васъ, не лучше ли, чтобъ онъ умеръ, совершая великій подвигъ, чѣмъ отъ болѣзни? Въ самомъ дѣлѣ, получивъ Ваше первое письмо, я жаждалъ, ради Васъ, услышать, что онъ умеръ на полѣ битвы. Подумайте, подумайте, при всей Вашей горести, какъ искренно многіе изъ насъ могутъ позавидовать его судьбѣ. Я даже смѣю надѣяться, что Ваша мать, какъ бы ни была она поражена страшной вѣстью, минутами будетъ чувствовать гордость при мысли, что смерть ея возлюбленнаго сына не была вульгарной смертью на одрѣ болѣзни, какая ждетъ большинство насъ.

„Надѣюсь, что Вы получите желаемую Вами статью. Какъ я сочувствую Вамъ, обреченной сообщить Вашей матери объ этой тяжелой уtratѣ. Если послѣ этого Вамъ будетъ не слишкомъ тяжело брать въ руки перо, напишите мнѣ, пожалуйста, изъ Милана и вѣрьте, дорогой, дорогой мой другъ, моей преданности.

Кинглекъ“.

24 августа 1876 г.

„Случилось такъ, мой дорогой другъ, что въ то время, какъ я писалъ это письмо и уже написалъ три страницы, мнѣ принесли Ваше отъ 23-го.

„Ясно, что поведеніе и поступки Вашего дорогого брата должны были быть благородны, возвышены и самопожертвованы, и Вы имѣете полное право имъ гордиться. Объяснить, почему Вашъ братъ избралъ себѣ мѣсто впереди войска, слѣдуетъ тѣмъ, что иррегулярное войско необходимо было вести, а не только командовать имъ. Вашъ братъ поэтому сталъ храбро впереди солдатъ, чтобъ заставить ихъ слѣдовать за нимъ.

„Прилагаю письмо, опубликованное лордомъ Русселемъ на имя лорда Гранвилъ. Какъ Вы знаете, возрастъ лорда Русселя слишкомъ преклоненъ, чтобъ допустить, что онъ имѣетъ вѣсь, но онъ всегда обладалъ способностью возбуждать народное чувство, и Вы не можете сказать, чтобъ его программа лишена была широты и смѣлости.

Вѣрьте моей преданности

Кинглекъ“.

*

Не менѣе сочувствія высказалъ сэръ Дональдъ Макензи Уалласъ, въ то время занятый провѣркой оттисковъ своей книги о Россіи, въ предисловіи къ которой онъ признаетъ: „Мою благодарность г-жѣ Новиковой, рожденной Кирѣевой, за ея помощь въ моихъ усиліяхъ достигнуть лучшихъ, живыхъ источниковъ освѣдомленности“.

Онъ писалъ: „Зная любовь Вашу къ Вашимъ братьямъ, я не могу не сочувствовать глубоко только-что понесенной Вами невозвратимой утратѣ. Я слышалъ уже печальную вѣсть прежде, чѣмъ получить сегодня утромъ Ваше письмо. Въ субботнихъ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка, между телеграммами:

„Русскій, Николай Кирѣевъ убитъ въ сраженіи. Этотъ офицеръ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ В. К. Владиміромъ Александровичемъ, былъ причиною слуха, что русскій Великій Князь въ Сербіи.

„Я не сомнѣвался въ томъ, что замѣтка относилась къ Николаю, но такъ какъ я не зналъ, что онъ въ Сербіи, я надѣялся на могущую произойти ошибку. Въ субботу вечеромъ первыя мои опасенія оправдались. Я поѣхалъ въ Кнебвортъ (Knebworth) провести съ Грантъ-Деффъ (Grand-Duff) дня два и встрѣтилъ тамъ Клячко, автора „Les deux chancelliers“. Онъ подтвердилъ мнѣ, что это фактъ несомнѣнный.

„Въ такихъ потеряхъ время одно можетъ исцѣлить рану; мнѣ, все же, кажется, что Васъ должна бы нѣсколько утѣшить мысль о томъ, какой благородный великодушный порывъ побудилъ его пожертвовать своею жизнью, умереть за высокую идею. Излишне говорить, какъ глубоко я сочувствую Вамъ, но слова, въ особенности писанныя, плохіе утѣшители.

„Такъ какъ Вы переносили съ геройствомъ другія несчастья, я не сомнѣваюсь въ томъ, что и это большое горе Вы перенесете съ твердостью и покорностью.

„Мнѣ многое нужно сказать Вамъ о себѣ, но не буду беспокоить Васъ своими дѣлами въ настоящее время. Могу теперь Вамъ выразить мое глубокое сочувствіе Вашей потерѣ и остаться всегда Вашъ

Д. М. Уалласъ“.

Капитанъ Сользберри писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Никогда человѣкъ храбрѣе Вашего брата не владѣлъ саблей.

„Д-ръ Овербекъ, знавшій Николая Алексѣевича въ Петербургѣ, писалъ о немъ въ *Orthodox Catholic Review*, какъ о блестящемъ образцѣ христіанскаго воина. Его геройская смерть была законный вѣнецъ геройской жизни, жизни самопожертвованія за страждущихъ

братьевъ. Николай Кирѣевъ былъ прямодушный, ревностный православный, онъ не только вѣровалъ, но и дѣйствовалъ сообразно или соотвѣтственно. Если когда-нибудь христіанство было примѣняемо въ жизни человѣка, мы этотъ примѣръ видимъ на немъ. Никогда бѣднякъ не обращался къ нему тщетно. Послѣдніе свои рубли онъ дѣлилъ съ двумя болгарами“. Въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ д-ръ Овербекъ говоритъ:

„Дорогой мой другъ. Такъ какъ я не читаю англійскихъ газетъ, я совершенно случайно услышалъ о Вашей горестной потерѣ. Сердце у меня сжалось, когда я узналъ о ней и въ памяти моей предсталъ его здоровый, мужественный образъ и добрый характеръ, какимъ я его видѣлъ въ Петербургѣ. Онъ умеръ достоуважно, нѣтъ сомнѣнія, но къ чему всѣ утѣшенія метафизики, когда суровая дѣйствительность вѣчной разлуки Вамъ ежеминутно напоминаетъ о невозвратимой потери. Если Иисусъ плакалъ надъ другомъ своимъ Лазаремъ, то Вы имѣете полное основаніе оплакивать Вашего дорогого брата, и слезы будутъ Вамъ сладкимъ утѣшеніемъ. Примите же отъ всѣхъ насъ самыя искреннія, самыя сердечныя соболѣзнованія.

„Одобрили бы Вы, если бы я перевелъ рассказъ о Вашемъ братѣ изъ „Русскаго Міра“? Какой поразительный героизмъ. Съ искреннимъ нашимъ общимъ чувствомъ любви и сочувствія Вашъ всегда
Овербекъ“.

Отецъ Мейрикъ въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ о ея братѣ выразилъ общія чувства духовенства Англиканской церкви (High Church) къ восточной войнѣ.

2-е сентября 1878 г.

„Дорогая M-me Novikoff. Очень благодарю Васъ за сообщеніе о Вашемъ братѣ; оно глубоко, необыкновенно интересно. Я чувствую, какъ будто я тоже потерялъ брата, брата по вѣрѣ я дѣйствительно въ немъ лишился. Мнѣ кажется, что война христіанъ противъ турокъ самая благородная, для которой только можетъ человѣкъ поднять оружіе, и онъ умеръ благородно. Онъ видѣлъ слезы угнетенныхъ и некому было ихъ утѣшить, власть была на сторонѣ притѣснителей, и некому было ихъ защитить. Онъ сталъ ихъ защитникомъ и своею смертию онъ далъ имъ, быть можетъ, больше, чѣмъ могъ сдѣлать жизнью. Я высоко чту этихъ храбрыхъ, великодушныхъ русскихъ волонтеровъ, которые толпой отправились въ Сербію, и стыдился бы называться англичаниномъ, если бы не зналъ, какой горячій духъ негодованія пробудился въ нихъ. Никакія ненавистныя дипломатическія традиціи не въ состояніи его поту-

шить. Немногое, что я могъ сдѣлать, чтобъ возбудить этотъ духъ (о которомъ Вы спрашиваете), состоитъ въ слѣдующемъ: я написалъ, кажется, первое антитурецкое письмо въ Guardian, предлагая учредить союзъ христіанской защиты, и послалъ прошеніе въ соборъ Convocation, которое вызвало выраженіе сочувствія. Я послалъ все это Вашему брату въ Петербургъ. Прилагаю также позднѣйшее письмо въ Guardian. Завтра у меня сборъ пожертвованій въ моей церкви въ пользу нашихъ христіанскихъ братьевъ, страдающихъ въ Болгаріи и въ Сербіи, и мы созываемъ народный митингъ въ Норричѣ. Какъ увидите изъ прилагаемой записки, я написалъ также въ одну изъ ежедневныхъ газетъ. Пламенно хочется все сдѣлать, чтобъ открыть глаза честнымъ и добросердечнымъ англичанамъ, и этого мы достигнемъ. Я Вамъ говорю это только потому, что Вы спрашиваете. Это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлаютъ русскіе. Прося Васъ передать мое глубокое уваженіе Вашему брату

Вашъ искренно

Мейрикъ“.

Большимъ утѣшеніемъ для Ольги Алексѣвны было продолжать дѣло брата, служить его идеаламъ. Но она также одержала побѣду въ другомъ вопросѣ, въ борьбѣ съ самой твердыней Британскаго джингоизма. Ей доставляло нѣкоторое удовлетвореніе такимъ путемъ мстить за смерть, причиненную ими. Это была сильная месть.

1-го ноября 1880 г. воздвигнуть былъ памятникъ, высокій, бѣлый каменный крестъ на мѣстѣ, гдѣ палъ Николай Кирѣевъ. Онъ находится на разстояніи около 25 миль отъ турецкихъ траншей. Въ маѣ 1883 г. генераль Кирѣевъ, въ сопровожденіи митрополита Анисима и корреспондента „Руси“ Аксакова, совершилъ паломничество къ мѣсту, гдѣ погибъ его братъ. Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ собственноручно помогаль копать ту могилу, въ которой предполагаемые собранные на полѣ сраженія останки его брата и его товарищей должны были покоиться. Мѣсто это противъ Троицкаго монастыря, находящагося въ пяти верстахъ отъ поля битвы при Раковицѣ. Надъ могилой, на стѣнѣ церковной паперти, высоко, помѣщенъ былъ портретъ покойнаго, въ золотой рамѣ съ надписью, сдѣланной его братомъ: Николай Кирѣевъ.

Когда русскіе посѣтителы собрались покинуть монастырь, ихъ попросили присутствовать при другой церемоніи. Корреспондентъ „Руси“ такъ это описываетъ:

„Генерала Кирѣева просилъ видѣть митрополитъ Анѣимъ и обратился къ нему со слѣдующими словами. Прошу Васъ немного подождать, я хочу Вамъ сказать что-то. Невдалекѣ отъ Раковицкаго

монастыря, въ пяти верстахъ разстоянія и вблизи проѣзжей дороги есть село, оно новое, такъ какъ заселилось недавно, — оно еще не имѣетъ названія, поселяне просили меня посѣтить ихъ село и окрестить его именемъ покойнаго Кирѣва. Сдѣлаемъ маленькій крюкъ, чтобъ исполнить ихъ просьбу, это немного отниметъ времени, и жители будутъ очень благодарны.

„Безыменная деревня расположена подъ самой горой Ершка-Шука, на южной ея сторонѣ Пайтшаръ, пунктъ, изъ котораго въ 1876 г. Тилюкская армія двинулась въ дѣло и откуда Николай Кирѣвъ съ своимъ отрядомъ вступилъ на турецкую землю. Съ ея вершины ясно виднѣется поле Раковицы и обнесенное оградой мѣсто, можно разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ то мѣсто, гдѣ палъ Кирѣвъ.

„Мысль назвать село Кирѣво не была новой.

„Мы вышли изъ экипажа и подошли къ столу, поставленному на центральной улицѣ села.

„Митрополитъ служилъ молебенъ, кропилъ всѣхъ святой водой и провозгласилъ многая лѣта селу, которое съ нынѣшняго дня назовется Кирѣво.

„По окончаніи молебна Его Преосвященство обратился съ рѣчью къ поселянамъ.

„Я радъ за Васъ, дѣти мои, такъ какъ Вы теперь свободны. Гдѣ черкесы, гдѣ турки, отъ которыхъ Вы терпѣли такое насиліе и обиду? Митрополитъ обвелъ глазами широкое пространство передъ нимъ, которое въ прежнее время бывало наполнено черкесскими грабителями. Отъ черкесскихъ и татарскихъ поселковъ нѣтъ и слѣда. Турки, паши и софты Васъ больше не будутъ тревожить... Я радуюсь за Васъ. Но не забывайте, кому Вы обязаны этой свободой. Россія Вамъ дала свободу. (Тутъ поселяне воскликнули: да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ нашъ избавитель). А какія жертвы принесла Россія, чтобъ Васъ освободить? Вашъ долгъ передъ Россіей такъ великъ, что Болгарія не въ силахъ заплатить одной тысячной доли его за свободу, которой Вы пользуетесь. Опять восклицанія толпы: да здравствуетъ Россія. Я не о деньгахъ говорю. Подумайте, какъ много матерей и отцовъ этой великой страны оплакиваютъ потерю сыновей своихъ, подумайте о вдовахъ, лишившихся мужей, о бездомныхъ сиротахъ, оплакивающихъ своихъ отцовъ, о сестрахъ, потерявшихъ братьевъ. И здѣсь, сегодня, среди насъ, есть одинъ (здѣсь преосвященный Анеимъ обратился въ сторону генерала Кирѣва), оплакивающий брата своего, который палъ на полѣ битвы въ Вашей странѣ, за освобожденіе ея народа. Какъ

мы можемъ утѣшить неутѣшныхъ, потерявшихъ своихъ близкихъ, дорогихъ, чтобъ дать намъ свободу“.

„Тѣмъ, что Вы назвали Ваше село именемъ павшаго героя Кирѣва, Вы дали доказательство его роднымъ, что мы не забываемъ, что мы не можемъ забыть тѣхъ, кто проливалъ кровь свою за наше освобожденіе. Никогда не забывайте Россію. Митрополитъ поднялъ руку, чтобы придать болѣе энтузіазма этимъ словамъ, помните Россію, которой Вы обязаны своимъ избавленіемъ, безъ Россіи мы были, какъ рыба безъ воды. Да здравствуетъ славная Россія, наша освободительница, отвѣчала толпа.

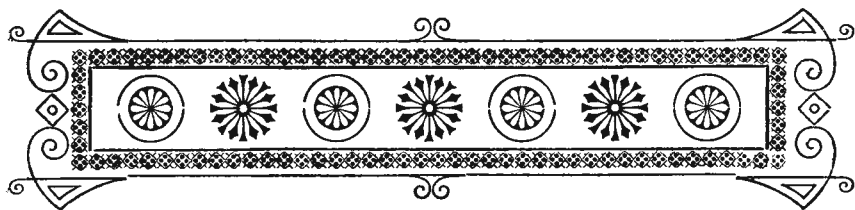
„Нѣтъ словъ, чтобы выразить впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью на толпу. Я не стану описывать наивныя оваціи крестьянъ своему гостю, генералу Кирѣву.

„Въ краткой исторіи села, названнаго Кирѣво, день этотъ составитъ эпоху. Изъ рода въ родъ, вѣроятно, будутъ передаваться рассказы о немъ, пока существовать будетъ село Кирѣво“¹⁾.

Сообщено Е. С. М.

¹⁾ Сербы тоже хранятъ благодарную память о Николаѣ Алексѣевичѣ Кирѣвѣ. Когда Ольга Алексѣевна съ г-мъ Міатовичемъ, бывшимъ сербскимъ министромъ, посѣтила Балканскую выставку въ Earl's Court въ 1906 г., экспонентамъ сказано было, что она сестра Кирѣва. Они осыпали ее изъявленіями благодарности.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

II¹⁾.

Ирректорія, отозвавъ Пишегрю отъ начальства надъ рейнскою арміею, подозрѣвала его; но, не имѣя достаточныхъ доказательствъ, чтобы явно обличить его въ преступныхъ дѣйствіяхъ, должна была скрывать свои подозрѣнія. Конечно, Пишегрю еще болѣе сблизился съ недовольными республиканскимъ правленіемъ и, несмотря на то, что лишился такого могущественнаго орудія для дѣйствія, какъ преданная ему армія, не оставилъ своихъ замысловъ. Онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, оставилъ Парижъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно продать свое военное имущество, и отправился на свою родину въ Юру. Оттуда онъ продолжалъ тайныя сношенія, черезъ Страсбургъ, какъ съ принцемъ Конде, такъ и съ Виккамомъ, великобританскимъ посланникомъ въ Швейцаріи. Хотя его отставка и заподозрила его въ глазахъ Бурбоновъ и англійскаго министерства, однако они продолжали съ нимъ сношенія, рассчитывая на то, что онъ подготовитъ общественное мнѣніе въ пользу реставраціи прежней монархіи внутри Франціи, вмѣстѣ съ другими ихъ агентами даже въ средѣ самихъ правительственныхъ лицъ. Поводомъ къ тому, кромѣ увѣреній самого Пишегрю, послужило и то обстоятельство, что онъ былъ избранъ представителемъ отъ Юры и вошелъ въ совѣтъ *пятисотъ*.

Въ такомъ положеніи онъ, конечно, имѣлъ болѣе возможности подготовить задуманный имъ переворотъ. Что же касается до войскъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1910 г.

то онъ увѣрялъ Бурбоновъ, что стоитъ только рейнской арміи потерпѣть нѣсколько неудачъ, чтобы она возмутилась противъ своего главнокомандующаго и потребовала возвращенія прежняго. Съ этою цѣлю онъ даже помогаль врагамъ Франціи, осаждавшимъ Кель (1796 г.), доставляя имъ различныя свѣдѣнія о рейнской арміи и военныхъ соображеніяхъ ея главнокомандующаго. Но самъ онъ едва-ли полагался на этотъ расчетъ. Онъ близко зналъ Моро и не надѣялся на его сочувствіе своимъ замысламъ и даже предостерегалъ Бурбоновъ и англичанъ отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Не менѣе ему были извѣстны и военныя качества Моро, котораго трудно было поставить въ такое положеніе, чтобы противники могли нанести ему значительное пораженіе, и которому вполне была предана армія. Онъ рассчитывалъ создать новую военную силу въ лицѣ національной гвардіи, которую думалъ подчинить себѣ и увлечь въ свои виды. Недовольныхъ современнымъ правительствомъ Франціи было очень много, и потому исполненіе подобнаго замысла могло представляться вѣроятнымъ. Но эта вѣроятность и должна была возбудить все вниманіе Директоріи, и такъ уже подозрительно слѣдившей за дѣйствіями Пишегрю, въ то время, когда Людовикъ XVIII собственноручными письмами ввѣрилъ ему „во всей полнотѣ свою власть и свои права и ввѣрилъ, что ему предоставлена честь возстановить монархію во Франціи“¹⁾).

Два новыя обстоятельства не только усилили подозрѣнія Директоріи, но окончательно убѣдили ее въ замыслахъ Пишегрю.

Корпусъ принца Конде стоялъ на Рейнѣ и дѣйствовалъ заодно съ австрійцами противъ Франціи; Людовикъ XVIII странствовалъ по Европѣ, перемѣняя мѣстопробываніе, смотря по обстоятельствамъ политическимъ; герцогъ д'Артуа былъ въ Англии, которая снабжала деньгами роялистовъ. Многочисленные эмигранты наполнили всѣ европейскіе дворы и стремились къ возстановленію монархіи; ихъ агенты были разсыяны по всей Франціи и приготавливали общественное мнѣніе. Республиканское правительство, конечно, смотрѣло на ихъ дѣйствія, какъ на козни и заговоры противъ существовавшаго порядка, а на нихъ—какъ на государственныхъ преступниковъ. Въ началѣ 1797 года былъ открытъ такой заговоръ въ Парижѣ; виновные присуждены къ наказанію, исключая одного, который выдалъ своихъ и сообщилъ Директоріи всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ роялистовъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что они

¹⁾ Письма Людовика XVIII къ Пишегрю отъ 24 мая и 9 іюня н. ст. 1796 г. Alphonse de Beauchamp, vie de Moreau, Paris 1814, стр. 242—244.

распространяли свои дѣйствія на одну изъ армій республики, но не знали о сношеніяхъ Пишегрю. Хотя онъ не называлъ его по имени, но, конечно, это показаніе усилило въ отношеніи къ нему подозрѣнія Директоріи, подкрѣпляемые его дѣйствіями въ обществѣ и въ совѣтѣ 500, гдѣ онъ проводилъ проектъ устройства національной гвардіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, къ этому обстоятельству присоединилось и другое. Во время хищническаго набѣга на Венецію, пожившаго конецъ существованію этой старой республики, Бонапарту попался въ плѣнъ одинъ агентъ родливцовъ, въ бумагахъ котораго была найдена весьма важная по содержанію записка. Въ ней заключался подробный разговоръ этого агента (comte d'Entraignes) съ гр. Мангальеромъ, который велъ первые переговоры съ Пишегрю по порученію принца Конде. Этой записки, которую Бонапартъ посѣдѣшилъ доставить Директоріи, было совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить послѣднюю въ преступныхъ дѣяніяхъ Пишегрю, но она не могла служить юридическимъ доказательствомъ къ его обвиненію законнымъ порядкомъ. Директорія не могла предать его суду въ виду той силы, съ которою дѣйствовали противъ нея оппозиціонные представители, настаивавшая особенно на утвержденіи закона о національной гвардіи, проводимаго усиліями Пишегрю. Судъ могъ оправдать его и тѣмъ придать еще болѣе значеніе его вліянію на другихъ. Поэтому Директорія рѣшилась произвести государственный переворотъ 4-го сентября 1797 года (18 fructidor an 7). Значительное число представителей было схвачено вооруженною силою, и на другой же день Пишегрю съ вѣсколькими другими былъ сосланъ въ Гвиану.

Между тѣмъ военныя дѣйствія на Рейнѣ продолжались. Изнуренная труднымъ отступленіемъ, армія Моро не могла защитить неустроенныхъ окончательно укрѣпленій Келя и мостового укрѣпленія при Гуннигѣ. Ему удалось однако же спасти часть оружія и, отразивъ нападенія сильнѣйшаго въ сравненіи съ нимъ непріятели, переправить войска за Рейнъ. Устроивъ свою главную квартиру въ Страсбургѣ, Моро сосредоточилъ все вниманіе на приведеніи въ порядокъ и переустройствѣ рейнской арміи; но Директорія не могла оказать ему достаточнаго пособія, потому что финансы республики находились въ постоянномъ разстройствѣ. Въ этомъ отношеніи арміи рейнская и Самбры и Мёзы были поставлены въ болѣе затруднительное положеніе въ сравненіи съ италіанской. Благодаря огромнымъ контрибуціямъ и безошадному грабежу, допущенному Бонапартомъ, который не только высказывалъ, какъ правило, что война сама должна себя содержать, но заготовлялъ деньги и для будущихъ предпріятій, зная, что правительство не въ состояніи его снаб-

дять ими, — его войска не только ни въ чемъ не нуждались, но жили роскошно, и слухъ о ихъ благоденствіи волноваль и другія арміи. Когда Журданъ заняль Франкфуртъ-на Майнѣ, обложилъ его незначительно контрибуціей и строго запретилъ грабежъ, войска волновались, указывали на италіанскую армію и завидовали ея положенію. Положеніе рейнской арміи было еще хуже. По ходу военныхъ дѣлъ, Моро ни съ кого не могъ взять контрибуціи, а грабежа онъ также не допускаль.

Преодолявая всѣми способами недостатокъ въ содержаніи войскъ, онъ не только не имѣль возможности вполне пополнить потерю въ людяхъ, но безпрекословно согласился удѣлить отъ своихъ войскъ 30-тысячный корпусъ, предназначенный, по соображеніямъ Директоріи о военныхъ дѣйствіяхъ, на будущій годъ для усиленія италіанской арміи. Моро не завидоваль успѣхамъ Бонапарта и охотно имъ содѣйствовалъ для общихъ видовъ республики. Онъ служилъ имъ; но не думаль захватить ихъ исключительно въ свои руки, руководить судьбами Франціи и съ этой цѣлью поставить себя въ такое положеніе, чтобы сдѣлаться единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы вывести ее изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась она, угрожаемая постоянно внутренними и внѣшними врагами. Въ дѣла внутренней политики онъ совершенно не вмѣшивался и даже болѣе нежели не вмѣшивался, какъ покажутъ дальнѣйшія событія, между тѣмъ какъ Бонапартъ постоянно совѣтоваль Директоріи громовымъ ударомъ поразить своихъ противниковъ — и особенно роялистовъ, обѣщаль ей даже доставить денегъ для этой цѣли и прислаль для исполненія государственнаго переворота одного изъ своихъ боевыхъ сотрудниковъ, генерала Ожеро, указывая на котораго, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ Директоріи, Карно, говорилъ: „какой нахальный разбойникъ“. Италіанская армія, гордившаяся своимъ вождемъ и преданная ему изъ корыстныхъ видовъ, раздѣляла его политическія сочувствіе и ненависть. „Настроение рейнской арміи было совершенно иное“, говоритъ знаменитый біографъ Наполеона, „болѣе спокойное, хотя въ ней находилось нѣсколько офицеровъ, помѣщенныхъ генераломъ Пишегрю; вообще въ войскахъ господствовало республиканское направленіе, но не возбужденное, и она менѣе опьянялась успѣхами, нежели италіанская, и была спокойна, дисциплинирована и — бѣдна. Вообще направленіе арміи устанавливается по образцу главнокомандующаго. Направленіе рейнской арміи составилось по образцу Моро“¹⁾. Онъ былъ искренно преданъ свободнымъ началамъ и какъ не сочувствовалъ тиранніи въ

¹⁾ Thiers, „Histoire de la revolution“, т. VІІІ стр. 10 изд. 1865 г.

бѣлыхъ перчаткахъ старой монархіи, такъ ненавидѣлъ руку, запятнанную кровью многочисленныхъ жертвъ правителей Франціи первыхъ лѣтъ республики. Едва-ли даже онъ считалъ возможными свободныя начала исключительно при республиканскомъ устройствѣ и потому не могъ ненавидѣть даже роялистовъ.

По соображеніямъ Директоріи, всѣ три арміи, Самбры и Мёзы, рейнская и италіанская должны были дѣйствовать въ одно время и своими успѣхами облегчать взаимныя дѣйствія. Но Бонапартъ, обладая всѣми средствами, могъ, когда хотѣлъ, начать военныя дѣйствія. Генераль Гошъ (Hoshe) могъ снабдить себя также нѣкоторыми средствами изъ Голландіи и областей между Мёзою и Рейномъ, которыя почитались завоеванными; но Моро былъ лишень почти всякихъ средствъ. Бонапартъ съ февраля мѣсяца дѣйствовалъ въ Италіи, и къ тому времени, какъ Моро могъ открыть кампанію, онъ угрожалъ уже столицѣ Австрійской монархіи. Едва Моро совершилъ блестящую переправу черезъ Рейнъ въ виду многочисленнаго непріятели и одержалъ нѣсколько побѣдъ, какъ получилъ извѣстіе о перемиріи и предварительныхъ условіяхъ мира, заключеннаго Бонапартомъ съ имперіею въ Леобенѣ. Эта кратковременная кампанія, начатая съ такимъ успѣхомъ, имѣла большое вліяніе на судьбу Моро.

Во время одного изъ сраженій его войска захватили обозъ и бумаги генерала Клингена, черезъ котораго Пишегрю вель сношенія съ принцемъ Конде, роялистами и англійскими агентами. Эта переписка была открыта въ бумагахъ и доставлена Моро. Она явно обличала прежняго главнокомандующаго рейнскою арміею и совершенно устраняла отъ всякихъ подозрѣній самого Моро, хотя и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пишегрю. Писемъ было до 200 и большею частію писанныхъ шифромъ. Потребовалось много времени, чтобы открыть ключъ къ этому шифру и прочесть письма, Моро извѣстилъ о своемъ открытіи члена Директоріи Бартеlemi; но пока разбирали письма, въ войскахъ успѣли уже распространиться слухи о ихъ содержаніи, часто преувеличенные и невѣрные. Бартеlemi былъ одною изъ жертвъ переворота 4-го сентября (18 fructidor an VII), и потому письмо къ нему представлено было чинамъ Директоріи, по распоряженію которыхъ былъ совершенъ государственный переворотъ. Они немедленно вызвали Моро въ Парижъ и сообщили ему постановленіе Директоріи объ этомъ переворотѣ. Собираясь оставить армію, онъ обнародовалъ воззваніе къ ней:

„Я только-что получилъ объявленіе Директоріи отъ 4 сент., изъ котораго явно, что Пишегрю оказался недостойнымъ того довѣрія, которымъ онъ такъ долго пользовался въ глазахъ республики и арміи, писалъ онъ въ этомъ воззваніи. Мнѣ извѣстно также, что

многіе военные, зная заслуги, оказанныя отечеству генераломъ Пишегрю, сомнѣваются въ его виновности. Я считаю долгомъ объявить всю правду моимъ товарищамъ по оружію и согражданамъ. Болѣе нежели вѣрно, что Пишегрю измѣнилъ Франціи.

„Я извѣстилъ одного изъ членовъ Директоріи, что мнѣ досталась въ руки переписка съ Конде и другими агентами претендента, послѣ которой нельзя уже сомнѣваться въ этой измѣнѣ. Директорія вызываетъ меня въ Парижъ, вѣроятно, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ. Солдаты! будьте спокойны и не заботьтесь о внутреннихъ происшествіяхъ и будьте увѣрены, что, поражая роялистовъ, правительство охраняетъ республиканское устройство, которое вы клялись поддерживать“. Посылая это объявленіе, Моро въ то же время писалъ членамъ Директоріи, что „дѣйствительно трудно было повѣрить, чтобы человѣкъ, оказавшій такія важныя услуги странѣ, измѣнилъ ей и рѣшился безъ всякой для себя выгоды на такой безчестный поступокъ. Меня считали другомъ Пишегрю; но я давно потерялъ къ нему уваженіе. Вы увидите, что болѣе всѣхъ меня онъ ставилъ въ тяжелое положеніе: всѣ предположенія были разсчитаны на поражение арміи, которой я предводительствовалъ. Ея храбрость спасла республику“. Узнавъ изъ письма Моро къ Бартелеми о перепискѣ Пишегрю съ роялистами, которая такъ давно уже находилась въ его рукахъ, Директорія естественно должна была заподозрить его самого, но, ознакомившись съ содержаніемъ переписки, конечно, убѣдился, что Моро не принималъ участія въ замыслахъ Пишегрю, и что заговорщики его опасались и тщательно скрывали отъ него свои дѣйствія. Оставалось однако же одно обстоятельство сомнительнымъ и неяснымъ для насъ: почему Моро такъ долго скрывалъ эту переписку, не извѣщая о ней Директорію? Если обширная переписка, составленная большею частію изъ шифрованныхъ писемъ, требовала много времени, чтобы окончателно разобрать ее, то во всякомъ случаѣ, лишь только былъ найденъ ключъ и обличалось участіе Пишегрю, почему же Моро своевременно не извѣстилъ объ этомъ Директорію и почему впоследствии написалъ къ одному только изъ директоровъ, и при томъ къ Бартелеми, который самъ палъ жертвой государственнаго переворота, какъ лицо подозрительное. При томъ первое письмо Моро къ Бартелеми помѣчено 3 сентября, т. е. написано лишь наканунѣ государственнаго переворота, который приготавлился давно. Неужели дѣйствія партій въ Парижѣ, борьба на жизнь и смерть въ средѣ самихъ правительственныхъ учреждений, усиленная забота Пишегрю какъ можно скорѣе провести законъ о національной гвардіи, оставались тайной для генерала, находив-

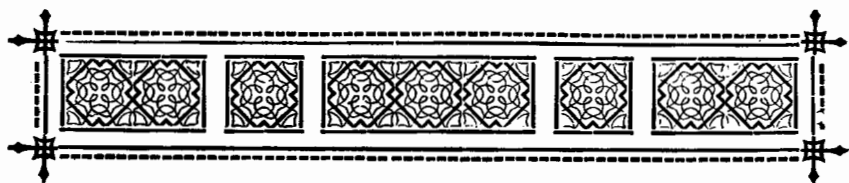
шагося въ Страсбургѣ? Во второмъ письмѣ къ Бартеlemi Моро писалъ: „Я рѣшился было вовсе не оглашать этой переписки, потому что заключеніе мира казалось вѣроятнымъ и, слѣдовательно, не предстояло никакой опасности для республики, тѣмъ болѣе, что она обличала бы немногихъ, такъ какъ никто не названъ по имени. Но, видя во главѣ партій, которыя въ настоящее время причиняютъ такъ много зла отечеству, занимающимъ важное мѣсто и пользующимся довѣріемъ челоуѣка, который, какъ видно изъ этой переписки, долженъ былъ играть важную роль при вызовѣ претендента на престолъ, я счелъ долгомъ извѣстить васъ, чтобы онъ не обманулъ васъ своимъ мнимымъ республиканскимъ образомъ мыслей и чтобы вы могли предотвратить дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ была бы междоусобная война. Признаюсь, мнѣ было весьма тяжело сообщать о такой измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что тотъ, о комъ я писалъ вамъ, былъ моимъ другомъ и, конечно, остался бы имъ, если бы я не распозналъ его. Я говорю о народномъ представителѣ Пишегрю. Онъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы ничего не писать собственноручно, но словесно сообщалъ свои предположенія тѣмъ лицамъ, которыя вели переписку“. Эти строки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Моро зналъ о борьбѣ партій и болѣе всѣхъ могъ понимать, обладая такой важной перепиской, къ чему клонилась вся дѣятельность Пишегрю. Директорія, постоянно стремившаяся дѣйствовать путемъ закона, а не насилія, не безъ колебаній рѣшилась произвести государственный переворотъ. Въ-время доставленныя ей свѣдѣнія объ этой перепискѣ, можетъ быть, дали бы ей возможность предотвратить грозившую ей опасность, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ?

Образъ дѣйствій Моро въ этомъ случаѣ не могъ не возбуждать недоразумѣній и сомнѣній. Современники, смотря по различію партій, къ которымъ они принадлежали, смотрѣли на него различно; но одинаково его порицали. Роялисты, предполагая съ его стороны сочувствіе къ возстановленію монархіи, обвиняли его за доносъ на своего боевого товарища и бывшего начальника и даже за участіе въ подлогѣ. Они предполагали, что всѣ рассказы объ этой перепискѣ, будто бы никогда не существовавшей, придуманы только для того, чтобы оправдать въ общественномъ мнѣніи государственный переворотъ, произведенный триумвирами, т. е. тремя только членами Директоріи. Республиканцы упрекали въ недостаткѣ ревности къ поддержанію созданныхъ революціей учреждений и провозглашаемыхъ свободныхъ началъ. Директорія уволила его отъ званія главнокомандующаго, хотя и не подозрѣвала ни въ участіи, ни въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. Потомки, принимая въ соображе-

ніе всю послѣдующую его дѣятельность, съ большимъ безпристрастіемъ объясняютъ странный его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ особенностью его личныхъ свойствъ. Моро вовсе не сочувствовалъ реставраціи старой монархіи въ прежнемъ ея видѣ, какъ желали Бурбоны и роялисты. Но такой монархіи не сочувствовалъ даже и Пишегрю, потому что въ сношеніяхъ съ принцемъ Конде требовалъ нѣкоторыхъ уступокъ свободнымъ началамъ, провозглашеннымъ революціею. Моро искренно сочувствовалъ этимъ началамъ и примирился съ современнымъ правленіемъ Франціи, не прибѣгавшимъ уже къ жестокимъ и кровавымъ мѣрамъ, чтобы поддерживать свое существованіе. Но онъ былъ исключительно главнокомандующій, военный человѣкъ, и въ этомъ качествѣ честно и добросовѣстно служившій отечеству. Онъ вовсе не былъ государственнымъ человѣкомъ и не питалъ никакого сочувствія къ политической дѣятельности, какъ бы высоко сила обстоятельствъ ни могла поставить его на этомъ поприщѣ. Поэтому въ первое время Моро не понималъ всей политической важности находившейся въ его рукахъ переписки и даже не хотѣлъ придавать ей гласности. Она относилась къ прошедшему времени, къ предпріятію неудавшемуся, и зачинщикъ дѣла, удаленный отъ начальства надъ войсками, казался ему уже не опаснымъ. При такомъ взглядѣ, первое соображеніе, которое ему приходило на умъ, состояло въ томъ, что онъ долженъ сдѣлаться доносчикомъ на человѣка, оказавшаго значительныя услуги отечеству, бывшаго его начальника и друга. Конечно, такое соображеніе ужасало безукоризненно честнаго человѣка, какимъ былъ Моро. Впослѣдствіи борьба партій въ правительствѣ, дѣйствія Пишегрю въ качествѣ народнаго представителя въ совѣтъ 500, очевидно, не отказавшагося отъ своихъ замысловъ, вынудили его сообщить Бартеlemi свѣдѣнія изъ этой переписки ¹⁾ и предупредить правительство о немъ. Но въ его душѣ долгъ гражданина долго боролся съ долгомъ честнаго человѣка; онъ искренно писалъ Бартеlemi, что ему дорого стоило рѣшиться на то, чтобы сдѣлать доносъ правительству на Пишегрю. Поэтому онъ обратился не прямо къ Директоріи, но къ нему, говоря, что только „высокое довѣріе къ его любви къ отечеству и его благоразумію (Sagesse), вынудило его принять такое рѣшеніе“. Поэтому онъ медлилъ,—и эта медленность была причиной того, что его извѣщеніе совпало случайно съ государственнымъ переворотомъ; это же случайное совпаденіе въ свой чередъ заподозрило его въ глазахъ всѣхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). Ал. Поповъ.

¹⁾ Всѣ эти письма напечатаны у Бошана, стр. 264—271.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VI¹⁾.

Объѣзжіе и обыватели.

пиравшіеся на вооруженную свиту и уполномоченные „чернымъ и всякимъ обычнымъ людемъ чинить наказанье—бить батоги (для большей острастки „передъ ворота“ ихъ домовъ) и отсылать“ не на большое время въ тюрьму“ объѣзжіе головы встрѣчали „большое непослушаніе“ со всѣхъ сторонъ. Люди „большихъ чиновъ“, бояре, окольнічіе, думные и ближніе люди, какъ это видно изъ примѣровъ Заборовскаго и Плещеева, свысока смотрѣли на малочиновыхъ объѣзжихъ головъ и считали необязательнымъ для себя ихъ слушаться. Иной вдругъ вздумаетъ самовольно въ жаркій день „для своей скорби мыльню прокинуть щепами“, или пошлетъ, бывало, объѣзжіей голова подъячаго на „большіе“ дворы „для повѣстки Великаго Государя указу на съѣзжіей дворъ слушать“, является „стряпчихъ (т. е. приказчиковъ) малое число“, да и тѣ, выслушавъ указъ, „у большихъ дворовъ карауловъ не ставятъ, а сказываютъ, что караулы у нихъ на дворѣхъ у воротъ“, т. е. караулятъ свои дворы, не наблюдая за безопасностью на улицѣ Имъ подражали стольники и дворяне „мало не всѣ“²⁾. Кромѣ этихъ ослушниковъ, было не мало людей, которые имѣли

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

²⁾ Въ 1641 году выведенное изъ терпѣнія правительство предполагало ввести пеню для ослушниковъ отъ одного рубля до 10 алтынъ для „большихъ чиновъ“, при чемъ было рѣшено брать „съ бояръ и съ окольнічихъ и съ думныхъ діаконъ побольши для того, что они у того дѣла сами сидятъ и на то дѣло наряжаютъ и велютъ такъ дѣлать, а сами того не чинятъ и дѣлать не хотятъ“. (Пр. 195,563—564).

право не слушаться объѣзжихъ на основаніи закона. Люди, такъ или иначе прикосновенные ко Двору, находили возможнымъ исходатайствовать указъ о томъ, чтобы объѣзжіе головы ихъ „огневою выемкою и сторожею не вѣдали“. Такія необходимыя для Двора богомольнаго царя Алексѣя Михайловича лица, какъ знаменитый „изуграфъ“ (живописецъ) Симонъ Ушаковъ и его товарищи, получали эту привилегію на томъ основаніи, что имъ отъ объѣзжихъ „чинятся убытки большіе и Государевымъ иконописнымъ дѣламъ помѣшка“; на подобномъ же основаніи освобождался отъ караульной повинности „Государевъ нарѣчнаго пѣнія мастеръ“, который „бывалъ у Государева дѣла въ Набережныхъ хоромѣхъ безперемѣнно и училъ его, Государевыхъ, пѣвчихъ дьяковъ“.

За ними просили о той же льготѣ закройщики Царицыной Мастерской Палаты, ссылаясь на то, что „работаютъ они Великой Государынѣ, Царицѣ и Великой Княгинѣ Натальѣ Кирилловнѣ въ Мастерской Палатѣ безпрестанно, а они люди одинакіе, прежь сего карауловъ за ту ихъ безпрестанную работу съ нихъ не спрашивали“. Въ привилегированномъ положеніи оказывались и сѣнные истопники и сторожа и безконечный рядъ Сытнаго, Кормового и Хлѣбнаго Дворцовъ сторожей, поваровъ, хлѣбниковъ и всѣхъ дворовыхъ людей „мелкихъ чиновъ“ на томъ основаніи, что одни изъ нихъ „жили у Государева дѣла въ Верху безпрестанно“, а другіе „бывали за Великимъ Государемъ въ походѣхъ безпрестанно“ или „на Дворцахъ дневали и ночевали“.

Объѣзжимъ головамъ было запрещено ѣздить и въ Садовничьи слободы ¹⁾ и печатать у садовниковъ „избъ и анбаровъ, гдѣ у нихъ были Государевы всякія овощи“, потому что „Государевыхъ раннихъ овощей и годовыхъ запасовъ всякія сѣмена ростятъ они въ теплыхъ избахъ, а, какъ поспѣютъ огурцы, и они тѣ огурцы на Государевъ обиходъ солятъ и строятъ въ теплыхъ избахъ до осени“. Даже дворцовые плотники, жившіе между Москвой-рѣкой и Арбатомъ, ссылались на то, что они „у государевыхъ плотничныхъ дѣлъ на Москвѣ и по городомъ и по селамъ живутъ безпрестанно, а дѣти ихъ побраны къ рѣзному дѣлу въ ученики, а иные въ плотники“, и добились того, что разрядному объѣзжему было запрещено въ Плотницкую слободу вѣзжать, а ихъ было велѣно вѣдать объѣзжему изъ приказа Большого Дворца ²⁾.

¹⁾ Садовники жили „порознь за Москвою-рѣкою въ Яндовѣ по берегу и за Берсеневою рѣшеткою по берегу жъ въ Государевѣ Набережномъ саду и противъ Климентя Папы Римскаго и Царицына лугу и на Воронцовскомъ полѣ и за Никитскими вороты“ (Пр. 195, 771).

²⁾ Пр. 375, 143; пр. 1841, 1; пр. 195, 185, 563, 771; пр. 677, 26, 176, 243, 374.

Кромѣ того разрѣшалось топить избы и горны всякимъ Московскимъ ремесленнымъ людямъ, лишь бы они имѣли спѣшные заказы для Дворца: гончарамъ—,потому, что они Государевы черепичныя и иныя всякія дѣла и образцы (изразцы) дѣлають“¹⁾, котельникамъ—,„для дворцовыхъ котельныхъ и Государевыхъ судовыхъ мѣдныхъ дѣлъ“, сусальщикамъ, работавшимъ при поновленіи стѣнописи въ Успенскомъ соборѣ,—,„чтобы затѣмъ соборному дѣлу—стѣнному письму поруки и мѣшкоты не было“. Печатнаго дѣла наборщики и всякихъ чиновъ мастерове люди Печатнаго и Денежнаго Дворовъ освобождались отъ караульной службы „для ихъ безпрестанныя работы, скудости и одиночества“, одинъ толмачъ Посольскаго приказа „для приказнаго недосугу и одиночества“ другой „покамѣста съ Дону къ Москвѣ прїѣдетъ“.

Во всѣхъ почти этихъ случаяхъ поводомъ къ изытію того или другого лица изъ вѣдомства объѣзжаго головы былъ Государевъ дворцовый интересъ; даже бани оставались открытыми не съ гигиеническими цѣлями, а, „чтобы Государевымъ оброчнымъ деньгамъ недобору не было“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы для успокоенія совѣсти подчеркивалось, что та или другая привилегированная слобода „стала къ полю“, „стала за городомъ на просторѣ“, и приказывалось „накрѣпко“, чтобы у освобожденныхъ отъ объѣзжихъ головъ слобожанъ „отъ огня и всякаго воровства было береженье“.

Стрѣльцы, жившіе въ многочисленныхъ слободахъ, были вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ „во всякихъ дѣлѣхъ опричь разбою и татбы съ поличнымъ“, и объѣзжимъ головамъ не велѣно было „въ стрѣлецкія слободы вѣзжать“. Въ 1651 году кн. Настасъ Макидонскій вздумалъ наказывать стрѣльцовъ, и самъ подвергся наказанію за это. „Князь Настасъ, было ему объявлено отъ имени Царя, Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи велѣлъ тебѣ сказать: стрѣльцы Московскіе и всѣхъ городовъ по Государеву указу вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ у боярина у Ильи Даниловича Милославскаго, и ты самодуромъ стрѣльцовъ Московскихъ ималъ къ себѣ на сѣвжій дворъ... и билъ батоги и тѣмъ ты боярина Илью Даниловича обезчестилъ, и Государь указалъ тебя за безчестье боярина Ильи Даниловича посадить въ тюрьму на одинъ день“.

Особенно много крови портили у объѣзжихъ головъ иноземцы,

¹⁾ То гончары клали печи въ хоромахъ царицы, то дѣлали черепицу для придворнаго Знаменскаго монастыря или для церкви Мученика Никиты (за Яузой), которому царицы молились о своихъ больныхъ дѣтяхъ.

жившіе въ Москвѣ и въ силу своей экстерриториальности не обращающіе вниманія ни на противопожарныя, ни на какія другія полицейскія правила.

Въ маѣ 1665 года объѣзжій голова Китая-города кн. Ѳ. Макидонскій подалъ въ Разрядъ докладное письмо, гласившее слѣдующее:

„На Посольскомъ дворѣ поставлено много иноземцевъ, и поварни топятъ и огни кладутъ безпрестанно, топятъ безъ людей, а напередъ сего та поварня при нѣмецкихъ послѣхъ загоралась трожды, и кровля сломана, а искры отъ огня бѣгутъ вверхъ; а для береженія на Иверскомъ подворьѣ на колокольцѣ поставленъ стрѣлецъ... и стрѣлецъ, видя у нихъ дымъ въ поварнѣ безпрестанно, на сѣзжемъ дворѣ сказываетъ, и онъ, князь Ѳедоръ, на Посольскій дворъ ѣздитъ и рѣшечныхъ приказчиковъ посылаетъ, чтобъ огни заливать... и они не слушаютъ и огней заливать не даютъ, а люди ихъ въ хоромѣхъ и въ конюшняхъ табакъ пьютъ думной, съ огнемъ ходятъ въ вечерахъ, а сѣна у нихъ навезено много“. Это повело только къ посылкѣ изъ Разряда памяти ¹⁾ въ Посольскій приказъ о прекращеніи безпорядковъ на Посольскомъ дворѣ.

Въ маѣ 1673 года Разрядъ опять заслушалъ докладное письмо, въ которомъ Китайскій объѣзжій голова докладывалъ, что „на Никольскомъ крестцѣ подлѣ двора Грузинскаго царевича Николая Давыдовича стоятъ греки на дворѣ, огонь кладутъ и ѣсть варятъ въ день и въ вечеру поздно и табакъ пьютъ, да на томъ же дворѣ стоятъ сѣна въ стогахъ, а дворъ тѣсный, да у церкви Іоанна Богослова въ розныхъ дворѣхъ живутъ Грузинскаго царевича люди и хоромъ у себя печатать не дали и табакъ пьютъ, а въ Ипатской улицѣ въ хоромѣхъ печи были запечатаны, и они, отпечатавъ, хоромы топятъ“. Греки въ свою очередь жаловались на то, что объѣзжіе у нихъ „вороты выломали и ихъ, грековъ, били и безчестили и челядниковъ ихъ били и головы испроломали, да взяли на сѣзжій дворъ товарища ихъ и на сѣзжемъ дворѣ держали за карауломъ“. Результатомъ этихъ взаимныхъ обвиненій былъ указъ, дозволявшій объѣзжимъ „къ нимъ, гречаномъ, для всякихъ дѣлъ приходитъ съ вѣдома Посольскаго приказа“ ²⁾.

Многочисленное духовенство, котораго дворы на каждомъ шагу встрѣчались между дворами мірянъ, не было подчинено объѣзжимъ главамъ. Первоначально объѣзжимъ запрещалось вѣдать не только „священнической чинъ“, т. е. поповъ и дьяконовъ, но и „причет-

¹⁾ Отношенія.

²⁾ Пр. 195, 186, 210—220; пр. 2513, 46; пр. 677, 356, 376—405; пр. 275, 35; пр. 413, 184.

никовъ церковныхъ“; ихъ, равно какъ и патриаршихъ домовыхъ людей, вѣдали особые объѣзжіе, назначавшіеся съ Патриаршаго Двора. Эта черезполосица до крайности мѣшала поддерживать порядокъ и безопасность, и въ 1671 году было указано объѣзжимъ „вѣдать церковныхъ причетниковъ и монастырскія подворья и иныхъ чиновъ людей, которые живутъ на церковныхъ земляхъ, опричь однихъ поповъ и дьяконовъ“.

Послѣ неоднократныхъ колебаній то въ сторону усиленія власти объѣзжихъ головъ, то въ сторону увеличенія независимости отъ нихъ духовенства въ послѣдній годъ XVII вѣка дѣйствовало правило: „со священнаго чину... и со всякихъ церковныхъ причетниковъ на караулы съ ихъ дворовъ, на которыхъ они живутъ своими хоромами, не спрашивать для того, что они бываютъ у церкви непрестанно въ службахъ, а спрашивать караулы съ ихъ жильцовъ, „разверстывая сколько человекъ у кого на дворѣ живетъ“. Льготы разнымъ лицамъ и особенно многочисленному духовенству имѣли самыя вредныя послѣдствія. Объѣзжіе головы жаловались, что духовныя лица „избы топятъ не въ указные дни и часы и съ огнемъ сидятъ поздно и для карауловъ людей не даютъ, и отъ того ихъ огуретва чинится всякое дурно, и, на то смотря, всякихъ чиновъ люди сторожей давать не хотятъ“ У монаховъ, на примѣръ, Знаменскаго монастыря (на Варваркѣ) въ 1665 году „поварни топилась безпрестанно, квасы варили и хлѣбы пекли про себя, да въ тѣхъ же поварняхъ наемщики квасы варили и калачи пекли на продажу безпрестанно день и ночь, а на тѣхъ поварняхъ трубы были низки и кровли деревянныя ветхи. Духовенство, не пуская объѣзжихъ на свои дворы, не давало имъ „печатать печей въ хоромѣхъ“ и у своихъ жильцовъ, подчиненныхъ объѣзжимъ головамъ. Въ Пѣвческой улицѣ¹⁾ и у Спаса Смоленскаго въ 1693 году „верховые и соборные протопопы и попы и дьяконы и пѣвчіе дьяки и у нихъ жители“ подьячихъ и стрѣльцовъ „бранили и безчестили и на дворны огня заливать не пустили“ и даже „били ихъ дубьемъ“

Патриаршіе же объѣзжіе „того надъ ними не смотрѣли и въ томъ имъ помогали и норавли для своихъ корыстей“, а иногда даже снимали печати, наложенныя разрядными объѣзжими въ хоромахъ жильцовъ на дворахъ духовныхъ лицъ.

Въ случаяхъ нарушенія духовенствомъ противопожарныхъ и дру-

¹⁾ Пѣвчая улица за Богоявленскимъ монастыремъ у церкви Космы и Даміана въ Павѣхъ или въ Пѣвчей. Пѣвчіе жили и на Патриаршемъ осадномъ дворѣ въ Зарядѣ.

гихъ правилъ Разряду оставалось только „послать память въ Патріаршъ приказъ“ и ждать, что „указъ учинять въ томъ приказѣ“. За „поноровку“ патріаршимъ объѣзжимъ предстояло „быть въ торговой казни безо всякаго милосердія и пощады и въ ссылкѣ въ Сибирскіе въ дальніе города на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми“; но въ случаѣ незаконнаго распечатанія патріаршихъ объѣзжихъ печей, предписывалось объѣзжему „за его озорничество учинить указъ въ Патріаршемъ приказѣ, чего доведется“, и конечно, указъ обыкновенно былъ растворенъ милосердіемъ владыки, не любившаго выдавать виѣшнимъ своихъ.

Вообще всѣ отъ объѣзжихъ головъ „отымалися розными приказами, кто въ которомъ вѣдомъ, я де тамъ вѣдомъ, а Разряду де до насъ дѣла нѣтъ“¹⁾.

Наказы внушали объѣзжимъ головамъ самую строгую справедливость, предписывали имъ „лишнихъ и затѣйныхъ никакихъ словъ на приводныхъ людей (т. е. обвиняемыхъ) не затѣвать и не прибавлять и на выемкѣ и на дорогѣ приводнымъ людямъ бою и грабежу никакого не учинить“, запрещали „клепать напрасно или кому въ чемъ поноровить или кому учинить какую посяжку“.

Все это внушалось подъ угрозой, что виновные будутъ „въ опалѣ и жестокомъ наказаніи, и помѣстья и вотчины ихъ будутъ отписаны на Государя и розданы въ раздачу безповоротно“. Но сами объѣзжіе головы и ихъ помощники смотрѣли на свои должности, какъ на кормленіе, какъ на награду за службу и на способъ поправить свои разстроенныя дѣла. Служилые люди просились въ объѣзды „за службишку“, подьячіе „за приказную работишку“ и особенно за „работишку у безкорыстныхъ дѣлъ“. Формуляры нѣкоторыхъ объѣзжихъ не внушаютъ особаго довѣрія къ нимъ.

„Разоренъ я, бѣдный, писалъ въ своей челобитной бывшій въ 1674 году въ Китайскомъ объѣздѣ дьякъ Симонъ Калининъ, десять лѣтъ животь свой мучилъ въ Астарахини, два годы у дѣла, а восемь лѣтъ во многомъ разореніи, да на Москвѣ семь годъ не у дѣла, помираю съ голоду и отъ пожару и отъ разбойниковъ, да отъ гостя Василья Шорина въ конецъ погибъ, не токмо помѣстья или вотчинки и пустаго ни единыя чети нѣтъ, и дворишка своего не имѣю, считаюсь по чужимъ дворамъ, а нынѣ на мнѣ править безчестья, а мнѣ не токмо что кому напрасно платить, пить, ѣсть нечего“.

Нѣкоторые объѣзжіе и не скрывали своихъ вождедѣній. Такъ,

¹⁾ Полн. Собр. Зак. №№ 407, 599, 600, 603; М. 765, ст. 3, 1—21; пр. 413 184; пр. 677, 173, 366; пр. 1534, 130; пр. 195, 564.

подъячій Дунаевъ билъ челомъ о томъ, чтобы „ему, бѣдному, по-кормиться съ объѣзжимъ головой въ Дмитровской сотнѣ ¹⁾“, но его написали въ объѣздъ отъ Всѣвятскихъ воротъ по Смоленскую улицу ²⁾ „не противъ его челобитья“; „будучи въ моемъ объѣздѣ, жаловался Дунаевъ, оскудалъ и одолжалъ, пить, ѣсть нечего, помираю голодной смертью“; Дунаевъ въ отвѣтъ на просьбу его „изъ того объѣзду перемѣнить“ былъ отставленъ, но „за пьянство“, что то же не рекомендуетъ съ хорошей стороны личный составъ Московскихъ объѣздовъ. Объѣзжіе головы и подъячіе на сѣзжемъ дворѣ не получали особаго жалованья за труды: первые служили изъ своихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; послѣдніе получали ежегодно „въ приказъ“, т. е. въ единовременное пособіе, старые по два, молодые по полтора рубля изъ суммъ сѣзжаго двора. Съ рядовъ оффиціально брали на сѣзжій дворъ только „сукна“ на судейскій столъ, „желѣза и чеши“ для колодниковъ. Но, если объѣзжіе вообще были не прочь „покормиться“ на счетъ обывателей, то тѣмъ труднѣе было преуспѣвать въ добродѣтели нестяжанія объѣзжимъ Китая-города, у которыхъ подъ руками былъ такой источникъ благъ земныхъ, какъ торговые ряды ³⁾.

При сыскѣ про взяточничество объѣзжаго головы Гр. Суворова только въ Масляномъ и Селедномъ и въ Сырейномъ рядахъ торговые люди показали, что они „объѣзжему никакихъ гостинцовъ не нашивали“, большинство же рядовичей признались, что „ходили къ объѣзжему съ почестью противъ прежнихъ объѣзжихъ“. Получивъ „почесть“, объѣзжіе дѣлали льготы заплатившимъ рядовичамъ, „не ставили ихъ на караулы“; точно также давашіе взятки „пирожники и калачники избы по вся дни топили, а объѣзжіе видѣли и имъ ничего не говорили“. Торговые люди давали и деньгами и „къ воскреснымъ днямъ, также и къ праздникамъ всякого сѣстнаго и питейнаго“ носили; въ Верхнемъ Москательномъ ряду Суворовъ получилъ 3 руб. съ 60 лавокъ, въ Луковомъ 2 рубля съ 38 лавокъ, а въ Луковомъ ряду кромѣ денегъ и сѣстнаго Суворовъ не побрезговалъ взять и „луку на 10 алтынъ“. Объѣзжіе брали не только съ торговцевъ, но и съ рядскихъ сторожей; у послѣднихъ они взятки „вымучивали“, „били ихъ смертнымъ боємъ“, „разложа на землю, били батожемъ“.

Объѣзжіе брали со сторожей всѣмъ; съ одного сторожа Суворовъ

¹⁾ У Тверскихъ воротъ.

²⁾ Отъ Большаго Каменнаго моста (Всѣвятскаго) до Арбата, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Пречистенской части.

³⁾ В. 1300, 423; пр. 1400, 113; пр. 677, 174, 177; пр. 2513, 108; пр. 1655, 122; пр. 1710, 10.

„вымучилъ“ кромѣ денегъ „пряникъ цѣною въ 5 алтынъ да 30 яблокъ“, съ другого „скляницу четвертную ренскаго, да бѣлую рыбицу, да леща по цѣнѣ въ 30 алтынъ“, съ третьяго „рыбы свѣжей на 10 алтынъ, мяса на гривну“. Если Суворовъ былъ любителемъ рыбы, то бывший въ объѣздѣ дьякъ Симонъ Калининъ предпочиталъ плоды и овощи: наказавъ „нешадно“ батогами одного сторожа Завязочнаго ряда, онъ приказалъ ему принести къ себѣ „дыню и огурцовъ“. „А прежь сего, жаловались Царю торговые люди, по твоему, Великаго Государя, указу, какъ были въ рядѣхъ объѣзжіе головы и дьяки, и съ тѣхъ рядовъ съ сторожей ничего не имывали и за то ихъ, сторожей, не бивали“; они просили „указъ учинить, чтобъ отъ такого насилья въ рядѣхъ безъ сторожей не быть“¹⁾.

Объѣзжіе, во все вмѣшивавшіеся и всѣхъ стѣснявшіе по закону и не по закону, были очень непопулярны среди обывателей. У москвичей были постоянныя столкновенія съ объѣзчиками, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ. Въ маѣ 1693 года дьякъ Игнатій Лукинъ, бывший въ объѣздѣ, переписывалъ дворы въ Китаѣ-городѣ; все шло хорошо, и обыватели исполняли всѣ требованія дьяка „безъ всякаго прекословія“, пока не пріѣхалъ „невѣдомо для чего и по чьему приказу“ разрядный подьячій Иванъ Бубновъ съ челоуѣкомъ своимъ.

„И учили они, писалъ въ своей не совсѣмъ толковой челобитной дьякъ Лукинъ, на дворѣхъ всякіе смуты и крики и бой чинить и, учиня священному чину безчестья и при народѣ ругательный бой и всполохъ, въ церковные колоколы бой, и я его отъ такого озорничества унималъ, и онъ, Иванъ, послѣ того наглаго воровскаго озорничества меня всячески безчестилъ и поносилъ и, прочь отъ меня не отъѣзжая, нападывалъ всячески“. Особенно сильно доставалось низшему персоналу съѣзжаго двора. Когда стрѣльцы были посланы на Пафнутаевское подворье²⁾ за монастырскимъ стряпчимъ Ѳедотомъ Аванасьевымъ, онъ „тѣмъ стрѣльцомъ учинился не послушень и ихъ, стрѣльцовъ, перебилъ и собаками травилъ и за ними гонялся съ ножемъ“, и „озорничество“ Аванасьева не было выдуманно стрѣльцами, такъ какъ осмотръ показалъ, что у одного изъ нихъ „у правой ноги ниже лодыжки собака укусила до руды“. Въ Оконичномъ ряду, куда стрѣльцы однажды были посланы за двумя торговыми людьми, торговые люди „учинились

¹⁾ М. 1000, ст. 2, 2—35, пр. 2513, 11—17, 108—123.

²⁾ Въ Юшковомъ переулкѣ подлѣ церкви Николаи Красный Звонъ (между церковью и Ильинкой).

сильны... стрѣльцовъ били кулаками и свинцовой гирею въ бокъ ударили, и одинъ человекъ стрѣльца ножомъ похвалялся рѣзать". Когда же въ 1695 году попробовали арестовать нѣсколькихъ солдатъ Преображенскаго полка, эти послѣдніе чуть не разнесли весь сѣзжій дворъ, „служивыхъ людей у сѣзжаго двора били и на сѣзжемъ дворѣ служивыхъ людей бивъ, кричали и назывались потѣшными и на сѣзжемъ дворѣ всѣхъ перебили". Въ борьбѣ съ объѣзжими женщины не отставали отъ мужчинъ: Таганской слободы тяглеца вдова Анна Васильева пришла къ своей лавкѣ въ Сѣменномъ ряду и стала говорить десятскому: „для чего у моихъ вотчинъ чанъ съ водою ставите“; когда же десятскій сказалъ ей: „мнѣ данъ указъ Великихъ Государей со сѣзжаго двора“, купчиха съ чисто таганскимъ самодурствомъ „чанъ съ водою вылила“ и на сѣзжемъ дворѣ „въ томъ не запиралася“; Зачатіевскій же попъ Яковъ въ 1675 году и самый такой чанъ „хмѣльнымъ обычаемъ“ разсѣкъ.

Иногда дѣло доходило до суда объѣзжихъ съ обывателями въ Разрядѣ. Эти дѣла, при значительной доли ябеды съ той и другой стороны, достаточно характеризуютъ отношенія, установившіяся между объѣзжими и обывателями. Въ одинъ майскій день 1674 года объѣзжій голова кн. Ѳ. Ю. Борятинскій, осматривая ряды, замѣтилъ, что въ Крупяномъ ряду на одной лавкѣ вмѣсто кади и мѣрника стоитъ только „полкадушки, а шайки и помела нѣтъ“. Около лавки стоялъ Конюшенной слободы тяглець Климъ Купреяновъ, бывшій подъ хмелькомъ; на вопросъ объѣзжаго о владѣльцѣ лавки, Купреяновъ, не долго думая, сказалъ, что лавка его.

Кн. Борятинскій немедленно велѣлъ его „разболочъ и бить батоги“ тутъ же у лавки. Купреяновъ при этомъ велѣ себя вызывающе, смѣялся и кричалъ объѣзжему „добро, князь Ѳедоръ, бьешь напрасно, на тебя Государю бить челомъ“; кромѣ того изъ „подписи“ на лавкѣ кн. Борятинскій усмотрѣлъ, что лавка не Купреянова, а Максима Юрьева.

Объѣзжій велѣлъ взять Купреянова на сѣзжій дворъ „за послушанье и за пьянство и за крикъ“ и за то, что „противъ Великаго Государя указу смѣялся“. По словамъ Купреянова, кн. Борятинскій на сѣзжемъ дворѣ „билъ его батоги двоижды и, бивъ, держалъ скована на чепи въ конюшнѣ двои сутки и припускать къ нему съ хлѣбомъ и ни съ чѣмъ не велѣлъ“.

Купреяновъ утверждалъ, что онъ назвалъ лавку свою, ибо Юрьевъ „ему свой, а лавку приказалъ ему продавать“, и что кн. Борятинскій его „изувѣчилъ по недружбѣ“ за доводъ (изобличеніе) въ грабежъ на людей брата объѣзжаго головы—кн. Якова Борятинскаго. Неизвѣстно,

сколько тутъ было правды, но во всякомъ случаѣ по осмотру оказалось, что Купреяновъ былъ „бить батоги больно гораздо, и спина вся синя и забагровѣла“. Кн. Борятинскій, чтобы выйти изъ неприятнаго положенія, поспѣшилъ прикинуться, что онъ самъ требуетъ „обороны“.

„И то его знатно воровство, писалъ онъ въ своей челобитной, что называлъ чужую лавку своею, хотя меня, холопа твоего, искусить и тебѣ, Великому Государю, напрасно огласить“. „Укажи, Государь, продолжалъ жаловаться кн. Борятинскій, учинить оборону въ моемъ безчестіи и въ его лукавствѣ, чтобъ инымъ неповадно было чужія лавки своими называть и меня, холопа твоего, безчестить и искушать и тебѣ, Великому Государю, напрасно бить челомъ для огласки. И у многихъ лавочныхъ людей у брата моего и у сродниковъ и у друзей моихъ есть съ ними недружба, и мнѣ, холопу твоему, и наказанья виннымъ чинить невозможно, потому что стануть бить челомъ тебѣ, Великому Государю, что чиню наказанье, мстя недружбы брата своего и сродниковъ и друзей своихъ, и во всемъ они твоему Государеву дѣлу будутъ непослушны, смотря на него, Клима“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но въ подобномъ же случаѣ дьякъ Симонъ Калининъ, который безъ вѣдома объѣзжаго головы „билъ нещадно“ сторожа Ульяна Андреева, по боярскому приговору былъ посланъ въ тюрьму „до Государева указа“, и на немъ велѣно было Андрееву „доправить безчестье и увѣче по Уложению“.

Если „меньшіе“ люди не всегда давались въ обиду объѣзжимъ, то еще хлопотливѣе было для нихъ тягаться съ людьми „большихъ“ чиновъ. 1 августа 1674 года объѣзжіи сбивалъ на съѣзжіи дворъ торговыхъ людей Нижняго Соляного ряда для выбора десятскихъ. Изъ „лучшихъ“ людей подьячему Меркулову и стрѣльцамъ удалось захватить одного Ивана Артемьева Симановскаго, котораго они торжественно повели по Варваркѣ на съѣзжіи дворъ; но у Ростовскаго подворья (на углу Рыбнаго переулка) имъ встрѣтился отецъ Ивана Артемій Симановскій. Старикъ Симановскій былъ человѣкъ гостинной сотни, т. е. принадлежалъ къ высшему разряду Московскаго купечества; онъ не торговалъ уже лѣтъ съ 20 и, по его выраженію, „былъ всегда у Государева дѣла въ розныхъ приказѣхъ безпрестанно и со 179 году сидѣлъ въ приказѣ Большого Приходу у денежнаго сбора головишкою“. Артемій Симановскій какъ разъ въ это время шелъ изъ приказа Большого Прихода „отъ денежнаго пріему и роздачи пятой и десятой деньги“, весь проникнутый сознаниемъ важности возложенныхъ на него „дѣлъ великихъ Государевыхъ“. Увидавъ, что сына стрѣльцы ведутъ съ безчестьемъ

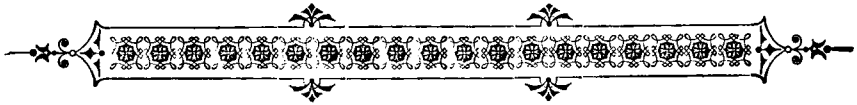
на съѣзжій дворъ, по весьма правдоподобнымъ показаніямъ свидѣтелей, первостатейный купецъ вышелъ изъ себя, „бранилъ подъячаго матерны“, кричалъ „не дорогой человекъ и тотъ, кто тебя посылаетъ“ и, „выхвативъ у стрѣльца палку, подъячаго билъ и по улицѣ за нимъ гонялся съ палкою“. На эту сцену наѣхалъ самъ объѣзжій голова, тотъ же кн. Борятинскій, по расхордившійся Титъ Титычъ безчестилъ его, крича: „за ними есть дѣла Великаго Государя большія, а тебѣ мы, князь, достались не во вся (не въ полную власть), стерегъ бы ты своего двора, насъ тебѣ имать тяжело, стануть дѣла великія Государевы“. Кн. Борятинскій и подъячій били челомъ на Симановскаго, но Симановскій не сдавался и 4 августа билъ челомъ на подъячаго въ томъ, что онъ его „оболгалъ“, прося при этомъ розыскать „всѣмъ Солянымъ, Большимъ и Нижнимъ рядомъ“; 13 августа Симановскій снова билъ челомъ на Меркулова въ томъ, что подъячій въ свидѣтели противъ него „накупилъ двухъ ямщиковъ“, и просилъ розыскивать не „тѣми стрѣльцами и накупными ямщиками, малыми людьми, а многими рядами, которые по Варварской улицѣ“. Дѣло тянулось цѣлый мѣсяцъ, и Симановскому съ помощью свидѣтелей, также, можетъ быть, „накупныхъ“ или враждебныхъ объѣзжему, удалось доказать, что онъ объѣзжихъ „не бранивалъ, не безчещивалъ и не бивалъ“.

Въ іюлѣ 1654 года объѣзжему князю Ѳедору Макидонскому угрожалъ общій заговоръ жителей Китая-города. Нѣкто Андрей Соининъ, служившій въ Земскомъ приказѣ, прямо сказалъ кн. Макидонскому: „дай срокъ, я то сдѣлаю, велю посадскимъ и торговымъ людямъ на тебя бить челомъ Государя, а они меня послушаютъ, будешь ты у насъ бить кнудомъ“. До кн. Макидонскаго дошли слухи, что такой указъ уже въ Земскомъ приказѣ, и онъ билъ челомъ объ отставкѣ, что бы ему, „будучи у Государева дѣла, отъ ихъ составного, ложного, затѣйнаго челобитья напрасно въ конецъ не погибнуть и напрасно опозорену не быть“¹⁾.

Сообщ. В. Шереметевскій.

¹⁾ Пр. 1709, 335; пр. 1512, 16; пр. 1061, 216; пр. 1568, 17; пр. 674, 196; пр. 2513, 1—10, 108—123, 71—89; пр. 204, 32. Ут. О. Ист. Др. Рос., 1897 г. III, 4—5.

Недолго сбить съ толку.

(Изъ воспоминаній архіерея).

Въ концѣ 1893 года въ Курскѣ къ епископу Іустину явился одинъ изъ соборныхъ псаломщиковъ съ просьбой перевести его въ Одессу, куда Владыко былъ тогда назначенъ архіепископомъ. — Больно я къ Вашему Высокопреосвященству привыкъ, сказалъ онъ.

— Что тебѣ за охота, Пафнутій, ты здѣсь устроился домкомъ, и тебѣ и семьѣ хорошо; отъ добра добра не ищутъ; служи да живи; переѣздъ вѣдь можетъ разорить тебя... А что привыкъ, такъ привыкнешь и къ новому епископу—преосвящ. Ювеналію.

— И—и, ваше в—во, домикъ-то нашъ въ спорѣ съ братьями да съ зятями; а въ Одессѣ проживаютъ мои родные—люди съ большими недостатками; я человѣкъ хворый, тамъ опять же климатъ...

— Вотъ это другое дѣло; ну, если твердо рѣшилъ, такъ собирайся въ путь, недѣли черезъ двѣ-три, съ Божіимъ благословеніемъ, тронемся.

Лучшаго человѣка и подобрать нельзя было бы. Человѣкъ онъ простой, хорошій, разсудительный, пригодится и теперь въ сборахъ, и въ пути, и тамъ на новомъ мѣстѣ; какъ бы то ни было, человѣкъ свой, надежный—думалъ и не разъ тогда высказывалъ преосв. Іустинъ.

Черезъ нѣсколько дней соборный ключарь обратился къ Владыкѣ съ ходатайствомъ о возведеніи псаломщика во діакона.

— Человѣкъ онъ достойный, во діакона намѣченъ, отвѣтилъ преосв. Іустинъ; но куда же торопиться, тамъ и будетъ возведенъ, когда заслужить.

— Очень ужъ онъ просить; псаломщику, говорить, ничего на переѣздъ не полагается, а дякону тамъ на мѣстѣ должны будутъ выдать кое-какія деньжонки въ видѣ подъемныхъ; хватить хоть, на мелочи

обзаведенія; къ тому же и передъ людьми лучше, прямо пріѣхать туда діакономъ,—„уваженія больше и помычки меньше“...

— Не слѣдовало бы, возразилъ Владыко, потакать тому, кто самъ за себя просить, самъ себѣ оцѣнку даетъ; ну, да Господь съ нимъ, человекъ-то онъ до сихъ поръ былъ вполне безупречный, такъ и быть...

Дня за три до отъѣзда, Владыко при литургіи совершилъ возведеніе Пафнутія во діакона.

Мирно шли приготовленія и сборы въ дорогу.

Въ день же отъѣзда, прибывъ заблаговременно на вокзалъ, Владыко шуточно рассказалъ нѣкоторымъ изъ лицъ, пріѣхавшихъ проводить его: „вотъ ужъ во-истину сказать, вѣкъ живи—вѣкъ учишь“; часа три тому назадъ я послалъ за Пафнутіемъ;—возьми-ка, отецъ діаконь, къ себѣ мои письменныя дѣла; путь длинный, въ дорогѣ кое-что присланное изъ Одессы подашь, можно будетъ заняться разрѣшеніемъ; туда пріѣхать надо съ готовымъ; я ужъ все подложилъ по порядку...

— Да, вѣдь я, ваше выс—во, не ѣду,—вдругъ произнесъ ново-возведенный.

— Какъ не ѣдешь?

— Такъ точно, я остаюсь и ключарю заявленіе подаю.

— Что ты говоришь?

— А вотъ то и говорю—не поѣду, потому это одно разоренье.

— Что же ты раньше думалъ?

— Думалъ, да раздумалъ...

Несвойственная скромному Пафнутію, дошедшая до наглости, развязность отвѣговъ заставила меня отослать его, прекративъ съ нимъ разговоръ; я послалъ за ключаремъ.

— Что это значитъ?

— Не могу знать, я и самъ „диву дался“; слышалъ, что собрались они вчера братіей въ компаніи „чайку“ на прощанье поить, одинъ, другой поддразнилъ, а онъ молчалъ, молчалъ да какъ развернется: за дурака вы меня что-ли принимаете? я и самъ знаю, что дѣлаю, ѣхать я и не собирался и не поѣду, вотъ и все тутъ.—Товарищи сами перепугались, стали было урезонивать, а онъ съ той минуты заладилъ свое,—не поѣду да не поѣду.—Пришелъ ко мнѣ, я его уговаривалъ, просилъ; нѣтъ, все свое; ужъ и не знаю, правду ли онъ говоритъ, что раньше такъ приготовился сдѣлать или надоумили его насмѣшки братіи... Сдается мнѣ, нашелся такой негодяй, что надумалъ изъ озорства замутить и сбиль...

— Напрасно уговаривали, отецъ ключарь, сообщили бы просто мнѣ и дѣлу конецъ.

— Какъ же теперь съ нимъ быть?

— Какъ быть? никакъ: переведенъ онъ въ Одессу; перевести назадъ въ Курскъ я уже теперь не въ правѣ, т. к. дѣла курскія окончилъ;

коли въ-время не явится въ Одессу на службу,—будеть тамъ, по прошествіи узаконеннаго срока, исключень изъ списковъ. А-можетъ быть преосв. Ювеналій захочеть его теперь же взять обратно—я препятствовать не стану. Пафнутію же скажите: хорошо сдѣлалъ, что обозначился теперь, а не послѣ въ Одессѣ. Что я дѣлалъ бы, если бы успѣлъ такому человѣку тамъ довѣрить какія-либо дѣла; шуткали.

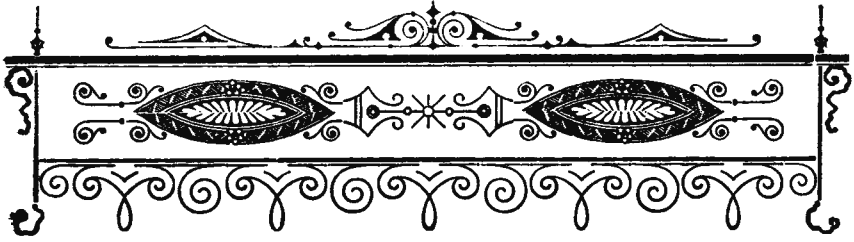
— Однако уже немного времени осталось до отхода поѣзда, сказаль Владыко; не стоитъ Пафнутій того, чтобы только имъ напоследокъ заниматься; надо намъ и попрощаться... Владыко, побесѣдовавъ съ нами, благословилъ всѣхъ насъ, и черезъ полчаса поѣздъ понесъ его далеко.

По прошествіи десяти лѣтъ мнѣ довелось навѣстить высокопреосв. Густина въ Одессѣ.

Между прочимъ вспомнилъ онъ съ усмѣшкой и о подвигѣ Пафнутія. Десять лѣтъ прошло, а видно было, что, въ разговорѣ объ этомъ шутливость прорывалась сквозь горечь: жаль мнѣ было такъ обмануться въ человѣкѣ, котораго я цѣнилъ, не того я ожидалъ отъ него и не считалъ его способнымъ упасть до такой плутовской выходки; что Бога гнѣвить, каюсь: видно, пеняеть приходится на себя; надо было помнить, что къ „братіи“ слѣдуетъ всегда близко приглядываться, твердо знать ее всю, вдоль и поперекъ; долго ли одному порочному бездѣльнику сбить съ толку человѣка, въ которомъ нравственные и религіозные устои не вѣдрены прочно, а извнѣ ни поддержки, ни вліянія нѣтъ; этотъ, въ сущности, мелкій случай, нельзя не сознаться, сильно подчеркнулъ мнѣ тогда халатность моей власти и отчужденность ея отъ вѣренной среды..., закончилъ свя- титель свои воспоминанія.

Сообщилъ —й.

М. И. Драгомировъ и время войны 1877—78 г.г.

(Изъ воспоминаій).

Генералъ Драгомировъ былъ увѣренъ въ томъ, что дивизіи его выступить за предѣлы Россіи вполнѣ дисциплинированной; много стараній онъ вообще всегда прилагалъ къ тому, чтобы дисциплинировать ввѣренныя ему части; съ приближеніемъ же момента перехода границы усилилъ свои объ этомъ заботы; между прочимъ, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминалъ людямъ о долгѣ ихъ держать себя съ достоинствомъ по отношенію къ населенію вообще, а къ населенію того края, въ который намъ предстояло тогда вступить—въ особенности. По дивизіи было отдано распоряженіе—ознакомить людей въ самыхъ большихъ подробностяхъ съ содержаніемъ приказа, отданнаго главнокомандующимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ по арміи въ день объявленія Высочайшаго Манифеста, а также съ воззваніемъ, обращеннымъ его высочествомъ въ тотъ день къ жителямъ Румыніи.

Глубоко прониклись солдаты обращенными къ нимъ словами Главнокомандующаго, котораго они беззавѣтно любили всею силою своего чисто русскаго сердца; вотъ что между прочимъ преподавалъ имъ великій князь въ своемъ приказѣ по арміи: „Не выдержали несчастные христіане - братья наши, возстали противъ своихъ угнетателей - турокъ, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; нельзя было не возстать, такъ какъ осквернено и поругано все: святая вѣра Христова, честное имя, жены и дочери обезчещены,—имущество разграблено. Мѣра долготерпѣнія

Царя Освободителя истощилась. Последнее слово царское сказано, война Турціи объявлена. Намъ выпала доля исполнить волю Царя; не для завоеваній мы идемъ, а на защиту поруганныхъ, угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой! Дѣло наше свято, съ нами Богъ!

„Я увѣренъ, что каждый, —отъ генерала до рядового, исполнить свой долгъ и не посрамить имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ въ былые годы. Добро мирныхъ жителей да будетъ для насъ неприкосновенно; ничто не должно быть взято у нихъ безвозмездно. Я требую самага строгаго порядка и дисциплины, въ нихъ наша сила, залогъ успѣха и честь нашего имени!

„Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито много русской крови. Мы должны относиться къ друзьямъ и братьямъ нашимъ христіанамъ съ полною дружбою, должны охранять и защищать ихъ дома, какъ свои собственные“.

Войска прилагали всѣ старанія къ тому; чтобы исполнить въ точности это назиданіе.—Они съ гордостью стремились оправдать ручательство, которое великій князь съ увѣренностью твердо высказалъ за нихъ въ своемъ воззваніи къ румынамъ при вступленіи въ предѣлы ихъ страны:

„Исполняя волю Его Императорскаго Величества Августѣйшаго Брата моего“, между прочимъ писалъ Его Высочество, „считаю долгомъ объявить вамъ, румыны, что проходъ нашихъ войскъ черезъ вашу страну и временное въ ней пребываніе ихъ, ни въ какомъ случаѣ, не должно тревожить васъ; мы смотримъ на ваше правительство, какъ на дружественное намъ; приглашаю васъ продолжать мирныя занятія ваши, а за всякое содѣйствіе, которое вы окажете нашимъ войскамъ, вамъ будутъ, безъ промедленія, уплачиваться деньги изъ казначейства арміи.—Армія Его Величества отличается строгою дисциплиною; я увѣренъ, что она поддержитъ свою честь среди васъ; войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и сѣумѣютъ соблюсти должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ“.

Воззваніе Главнокомандующаго въ прекрасномъ, точномъ переводѣ на румынскій языкъ, было помѣщено на страницахъ мѣстныхъ газетъ, а также въ громадной массѣ отдѣльныхъ экземпляровъ, черезъ префектуры и меріи, было разослано по городамъ, деревнямъ и селамъ населенію. Страна, принявъ это воззваніе совершенно довѣрчиво, отнеслась къ факту вступленія нашихъ войскъ вполне спокойно, а къ войскамъ крайне дружелюбно. Русскія га-

зеты, не только официальные, но и другие, также въ свое время, напечатали воззваніе на своихъ страницахъ ¹⁾).

* * *

Не разъ вообще М. И. Драгомировъ вспоминалъ, какое дружеское любіе съ первыхъ дней обѣ стороны проявили другъ къ другу: „румыны поражали тѣмъ, что въ каждомъ новомъ городѣ, новомъ мѣстечкѣ встрѣчали и Радецкаго и меня депутаціями, выказывавшими особую привѣтливость и горячую благодарность за доброе отношеніе войскъ къ мирнымъ жителямъ и къ ихъ имуществу;— о нашемъ же сѣренкомъ солдатикѣ говорить нечего: онъ и въ этотъ походъ былъ полонъ того же добродушія, которое отличаетъ его вездѣ, а въ особенности отличало во всѣхъ войнахъ съ Турціей, когда онъ чувствовалъ, что является не простымъ завоевателемъ, а „покровителемъ, защитникомъ и освободителемъ поработеннаго населенія“. Любопытно узнать, какой взглядъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые солдаты усвоили себѣ“.

Разсказывая мелкія подробности прохожденія дивизіи черезъ чужіе края, М. И., между прочимъ, съ улыбкой вспоминалъ случай, который показалъ ему, какъ нѣкоторые изъ солдатъ въ мелочахъ своеобразно поняли и нашу роль въ этой войнѣ и положеніе населенія, среди котораго намъ довелось двигаться.—Однажды, уже въ Болгаріи, недалеко отъ Тырнова, въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, когда дивизія находилась въ выжидательномъ положеніи (юль), командиръ Подольскаго полка полковникъ Духонинъ, сообщая ему все касавшееся состоянія своей части, доложилъ, что нѣсколько человѣкъ солдатъ упорно просятъ доктора не эвакуировать ихъ, дать имъ возможность продолжать идти походомъ со своими ротами и участвовать въ дѣлахъ; а между тѣмъ врачъ находитъ, что они очень ослаблены лихорадками, и имъ необходимо на нѣкоторое время отдалиться отъ службы для подкрѣпленія себя отдыхомъ въ военновременномъ госпиталѣ; просто плачутъ и со слезами умоляютъ оставить ихъ. „Заинтересовавшись этимъ докладомъ, разсказывалъ Мих. Ив., я отправился въ пріемный покой ²⁾ и велѣлъ показать мнѣ „обиженныхъ“.

— „Ну, что, братцы, расхворались, надо вамъ полѣчиться, а для этого отправятъ васъ въ госпиталь.“

— „Слушаемъ, ваше прев—во“, отвѣтили они; затѣмъ помялись и

¹⁾ См. „Русскій Инвалидъ“ и „Правит. Вѣстникъ“, а также, между прочимъ, „Моск. Вѣд.“ 19 апрѣля 1877 г. № 93.

²⁾ Такъ называется въ войскахъ временный лазаретъ, устраиваемый непосредственно при части (ротѣ, батареѣ, эскадронѣ).

одинъ изъ нихъ,—болѣе бойкій,—заговорилъ: „только мы, какъ есть, не нуждаемся; мы прошли походъ и на переправѣ благополучно вышли въ приступѣ систовскихъ высотъ; а что, значить, до болѣзни касательно, такъ она, эта самая лихорадка, привязалась давно, съ самаго начала,—какъ мы еще только начали „рамына освобождать“... а теперь въ Боргаліи она отпустила маленько, полегчила“...

Не желая продолжать „обижать“ ихъ, а съ другой стороны, не имѣя также намѣренія идти въ разрѣзъ съ распоряженіями полкового врача,—Мих. Ив., какъ бы въ согласіи съ нимъ, велѣлъ въ томъ же селеніи расширить лазаретное помѣщеніе, съ тѣмъ, чтобы, не отправляя этихъ захваченныхъ маляріей людей въ тылъ, т. е. не отдавая ихъ отъ подвигавшагося впередъ полка, выдерживать въ этомъ расширенномъ лазаретѣ, а по мѣрѣ выздоровленія тутъ же возвращать въ роты.

* * *

Тихо, спокойно прошли передовые корпуса нашей арміи изъ конца въ конецъ территорію дружественной намъ, когда-то освобожденной нашею же кровью, страны; крупныхъ жалобъ не было, вездѣ все во взаимныхъ отношеніяхъ между русскимъ солдатомъ и румынскимъ народомъ слаживалось и проходило вполне благополучно, хорошо; но вотъ, вскорѣ послѣ окончанія 14-ою дивизіею „перваго военно-временнаго похода“ и сосредоточенія частей ея въ окрестностяхъ столицы Румыніи, сдѣлался извѣстнымъ случай съ солдатомъ одного изъ полковъ этой дивизіи: получивъ отъ ротнаго командира порученіе размѣнять десятирублевый кредитный билетъ и переходя съ нимъ изъ одной лавочки въ другую, а также изъ одного торговаго заведенія въ другое, онъ вездѣ на свою просьбу о размѣнѣ получалъ отказъ и это, въ концѣ концовъ, повело къ „неблагополучію“.

Дѣло въ томъ, что въ Румыніи кредитныхъ билетовъ вообще въ ходу не было; мѣстные торговцы ихъ вовсе не знали и принимали за свой товаръ исключительно звонкую монету, при чемъ, если не они, то, забравшіе въ свои руки всю ихъ торговлю, евреи стремились за наши полуимперіалы давать неполную стоимость, русскія же бумажки считали ни во что. Такъ какъ только небольшая часть содержанія въ дѣйствующей арміи отпускалаь золотомъ,—остальное же выдавалось серебромъ, а больше кредитными билетами,—то въ дѣлѣ расплаты вообще предвидѣлись затрудненія; изъ желанія избѣжать ссоръ и столкновеній съ жителями, чины арміи старались въ самой мелкой торговлѣ выдавать въ уплату металл—золото, и, по преимуществу, серебро; но невозможно было обойтись безъ расхода бумажекъ,—пришлось, наконецъ, чаще и чаще

при покупках предлагать кредитные билеты; исподволь втягиваясь въ это дѣло, населеніе все-таки предпочитало принимать металлическую цѣнность, а пріемомъ ассигнацій,—въ особенности крупныхъ, рѣшительно стѣснялось.

Злополучный солдатъ съ десятирублевой бумажкой попалъ во дворъ виннотабачной лавочки какого-то наглаго торговца, который объявилъ, что „бумажка эта ни черта не стоитъ“; а когда солдатъ съ жаромъ объяснилъ, что бумажка царская и не можетъ ни черта не стоять, торговецъ схватилъ ее и тутъ же швырнулъ въ помойную яму; въ одну секунду солдатъ обнажилъ свой тесакъ и швырнулъ имъ „цѣловальника“.

Въ такомъ видѣ исторія эта дошла до свѣдѣнія Мих. Ив. Драгомирова. Дѣло добрыхъ отношеній, конечно, немедленно испортилось; въ Букарестѣ все общество возмутилось, громко раздавались въ городѣ требованія немедленнаго, строжайшаго наказанія виновника такого преступленія.—А когда, черезъ нѣсколько дней, въ румынскихъ газетахъ, въ особенности въ мелкихъ, появилось описаніе подробностей, по которымъ выходило, будто бы русскій солдатъ зарѣзалъ несчастнаго, мирнаго жителя, позарившись на его заработную кассу, неосторожно раскрытую въ присутствіи алчнаго разбойника - солдата,—тогда всѣ возгласы и крики слились въ общее неугомонное требованіе о томъ, чтобы убійца-грабитель былъ немедленно судимъ по законамъ военнаго времени и казненъ.

Формальное, строжайшее, добросовѣстно - произведенное разслѣдованіе, показавъ всю ложь газетныхъ статей, раскрыло, что авторомъ измышленій, очевидно бившихъ на то, чтобы возмутить населеніе противъ мирно наступавшей арміи,—былъ самъ же потерпѣвшій, отдѣлавшійся, кстати сказать, очень легкой раной; что онъ прибывъ изъ Бессарабіи, открылъ въ тѣхъ мѣстахъ торговлю не болѣе, какъ за мѣсяць до прихода нашихъ войскъ и уже успѣлъ приложить стараніе къ тому, чтобы надѣлать имъ мелкихъ неприятностей, что подданный онъ былъ русскій еврей, свободно владѣвшій румынскимъ языкомъ, по профессіи же онъ, какъ выяснилось, былъ торговецъ заложенными вещами мелкаго люда и занимался пріемомъ завѣдомо краденныхъ вещей.

Великій князь, получивъ среди самой серьезной работы подробное и обстоятельное донесеніе объ этомъ дѣлѣ, сообщилъ словесно принцу Карлу, что признавалъ бы правильнымъ, справедливымъ и единственно возможнымъ, въ виду всего оказавшагося, — наложивъ взысканіе на виновнаго солдата,—распорядиться съ тѣмъ вмѣстѣ высылкой клеветника къ мѣсту приписки.

Благоразумный и въ высшей степени тактичный принцъ Карлъ

*

на словахъ же отвѣтилъ великому князю, что съ своей стороны полагаетъ это предположеніе Его Высочества считать подлежащимъ исполненію, какъ распоряженіе, отданное въ военное время высшею командною властью арміи. Клеветникъ былъ высланъ въ Кишиневъ на распоряженіе мѣстныхъ властей.

Передъ самымъ выступленіемъ 14 пѣх. дивизіи, для сосредоточенія въ селеніе Бею ¹⁾, откуда она должна была передвинуться къ Зимницѣ, Ѳед. Ѳед. Радецкій передалъ Мих. Ив. Драгомирову волю великаго князя о томъ, чтобы наказаніе на провинившагося солдата было наложено по его, начальника дивизіи, усмотрѣнію; Мих. Ив. просилъ ходатайства Ѳед. Ѳед. о зачтеніи виновнику бѣды въ наказаніе производившихся частыхъ внѣ очереди нарядовъ его на караульную службу съ добавленіемъ къ этому кары, налагавшейся въ подобныхъ случаяхъ покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который рѣшалъ такъ: „пусть виновный заслужитъ передъ врагомъ“. Главнокомандующій изъявилъ полное согласіе дать такой исходъ дѣлу.

Солдатъ все время несъ службу образцово, а на Шипкѣ былъ раненъ пулею навывлетъ въ плечо съ раздробленіемъ ключицы; въ серединѣ августа онъ былъ, въ числѣ массы раненыхъ, эвакуированъ, вскорѣ послѣ того, какъ съ театра войны былъ перевезенъ въ Кишиневъ Мих. Ив. Драгомировъ.

* * *

Относительно подробностей исполненія возложеннаго на М. И. Драгомирова порученія—руководить десантомъ, небезынтереснымъ является его собственный рассказъ объ эпизодѣ, который тамъ случился.—Уже успокоившись послѣ совершенія переправы на турецкій берегъ, М. И., усиленно направляя части своей дивизіи съ одной позиціи на другую,—внезапно увидѣлъ, невозмутимо спокойно стоявшаго возлѣ него, Ѳед. Ѳед.; машинально поздоровавшись съ нимъ и продолжая безостановочно заканчивать отдачу приказаній отдѣльнымъ командамъ, онъ вдругъ спохватился, такъ какъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что распоряжается людьми не своей части,—не своей дивизіи и не своего отряда,—то были уже взводы и роты полковъ девятой дивизіи ²⁾.

¹⁾ Конечный пунктъ, изъ котораго драгомировскій отрядъ, назначенный для переправы, собственно выступалъ къ мѣсту совершенія ея. (См. описаніе войны т. II, стр. 133 и 139).

²⁾ Подъ командой ген. Драгомирова для совершенія переправы были сосредоточены слѣдующія части войскъ: 14-ая пѣх. дивизія съ 14-ою артилл. бригадою, 4-ая стрѣлковая бригада (подъ нач. ген. Цвѣцинскаго), двѣ сотни 7-го пластунскаго батальона, 1-я и 2-я горныя батареи, Донской ка-

— „Ахъ, Ѳед. Ѳед., извините“, сказалъ Мих. Ив.. „я увлекся“... Ѳед. Ѳед. съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и совершенно спокойно сказалъ: „что вы, что вы, продолжайте, не прерывайте своего дѣла, направляйте людей, здѣсь вы начали,—вы и окончите, дайте мнѣ до конца насмотрѣться на то, какъ у васъ все спорится“...

„Я навсегда остался подѣ обаятельнымъ впечатлѣніемъ такого отношенія Ѳед. Ѳед.-ча къ дѣлу“, не разъ говорилъ Мих. Ив.; „Ѳед. Ѳед. явился, въ этомъ,—казалось бы, мелкомъ эпизодѣ,—безсмертнымъ; здѣсь въ немъ сказались чуждый мелочности, опытный, здравый кавказскій военачальникъ во всеоружіи своего знанія натуры человѣческой и умѣнья во-время ободрить подчиненнаго, продѣлывающаго крайне серьезную работу, хотя бы съ малѣйшею тѣнью неувѣренности въ себѣ или недоуверія къ самому себѣ“.

* * *

Еще съ осени 1876 года, — со времени ноябрьскаго приведенія дивизіи на военное положеніе М. И. Драгомировъ началъ усиленно входить съ представленіями о пополненіи состава офицеровъ; онъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, докладывалъ великому князю главнокомандующему о большомъ некомплектѣ офицеровъ въ полкахъ дивизіи; его высочество этимъ также сильно озабочился; со времени болѣзни великаго князя, Мих. Ив. неотступно напоминалъ объ этомъ начальнику штаба арміи генераль-адъютанту Непокойчицкому. Пока А. А. Непокойчицкій входилъ съ энергичными представленіями объ этомъ къ начальнику гл. штаба и къ военному министру,—М. И. Драгомировъ не упускалъ случая предлагать извѣстнымъ ему по прежней службѣ офицерамъ немобилизованныхъ частей переходить въ 14-ю дивизію; нѣсколько человѣкъ охотно перешли ¹⁾, но это была капля въ морѣ; недочетъ офицеровъ былъ слишкомъ большой, единичными переводами пополнять его не представлялось возможнымъ.

Наконецъ главный штабъ обратилъ свое вниманіе на это дѣло и началъ переводить офицеровъ группами. Тогда въ М. И., отъ времени до времени, начали возбуждаться неудовольствія, а

зачій № 23 полкъ и сформированная почти черезъ мѣсяць послѣ объявленія войны, присоединившаяся къ штабу дѣйствующей арміи въ Плоэштахъ, сводная рота гвардейскаго отряда почетнаго конвоя Его Величества,— всего 16³/₄ батальоновъ, 6 сотенъ и 64 орудія. (См. „Описание русско-турецкой войны“ т. II, стр. 135 и 136).

¹⁾ Такъ между другими въ дивизію былъ переведенъ или прикомандированъ съ назначеніемъ командиромъ батальона Подольскаго полка подполк. генер. штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ.

вѣрнѣ сомнѣнія, по поводу нравственныхъ и служебныхъ качествъ офицеровъ, попадавшихся къ нему: съ нравственной стороны они такъ или иначе выказывались черезъ короткій промежутокъ времени; служебныя же ихъ качества кидались въ глаза съ той стороны, что офицеры тѣ или зачислялись изъ отставки, въ которой передъ тѣмъ пребывали такъ долго, что успѣвали совершенно забыть и строй и службу, или переводились изъ частей, не имѣвшихъ ничего общаго со строевой службой.

„Много непрятнаго по этому поводу приходилось переживать „въ этой суетѣ приближенія минуты столкновения съ врагомъ“, рассказывалъ М. И.; „все впрочемъ кое-какъ улаживалось, пока являлись офицеры сравнительно въ молодыхъ чинахъ и могли занимать въ полку такое положеніе, при которомъ удобно и возможно было имъ и доучиваться и переучиваться“. Но, однажды, передъ самымъ объявленіемъ войны, пришла бумага съ документами на переведеннаго въ Волынской полкъ 14-ой дивизіи, капитана Ф., пробывшаго нѣсколько лѣтъ внѣ строя, слѣдовательно, строй забывшаго и перезабывшаго, а старшинство въ чинѣ сохранившаго“.

По свѣркѣ со всѣми полковыми списками, капитанъ Ф. оказался старше всѣхъ капитановъ въ дивизіи и, ужъ, конечно, не назначить его въ должность ротнаго командира не представлялось возможнымъ; ожидать же какого-либо толку отъ этого назначенія являлось невѣроятнымъ.

„Прошло нѣсколько дней, явился и самъ капитанъ; по первому разговору не особенно симпатичный, съ большимъ самоуваженіемъ, никакой необходимости подучиться не признаетъ, какой-то всезнайка; предоставить его съ ротою въ предстоявшемъ походѣ самому себѣ прямо таки казалось опаснымъ и преступнымъ. Много заботъ мнѣ добавилъ онъ, а съ другой стороны, много тяжелыхъ непрятностей пришлось и ему пережить, пока всѣ мы, начиная съ батал. командира, боялись за ту часть, которую, въ сущности, по моему глубокому убѣжденію, приходилось не вѣрить ему, а просто пожертвовать. Въ сношеніяхъ съ товарищами онъ самъ былъ очень корректенъ; по свѣдѣніямъ, приходившимъ изъ полка, хотя товарищи относились къ нему хорошо, но у большинства изъ нихъ какъ-то не лежала душа къ нему.

Въ походѣ кое-какъ его рота за другими подвигалась: мнѣ иногда казалось, что ничего худого, кидавшагося въ глаза, не было; иногда же, напротивъ, представлялось, будто бы я позволяю себѣ въ отношеніи къ нему на многое смотрѣть сквозь пальцы; то, вдругъ, приходило на умъ, что вижу неправильности, которыхъ вовсе нѣтъ

и за которыя капитанъ напрасно получаетъ непріятныя указанія, похожія на замѣчанія по службѣ.... Оед. Оед. Радецкій, взглянувъ на него при представленіи вновь поступившихъ чиновъ во время похода, сказалъ: „какъ будто чисто военныя замашки растранижилъ; ничего, дайте ему свободу, походи лучше всего отшлифуетъ, только не надо сбивать его съ толку“.

Еще въ моментъ посадки капитана съ ротой на понтонъ подумалъ я, глядя на него: „надѣлаешь ты тамъ чудесъ, натворишь чего-нибудь доставшейся тебѣ ротѣ“!..

Такъ дѣло шло и неизвѣстно до чего дошло бы, если бы событія, свершившіяся въ ночь переправы, не разсѣяли все разомъ и безслѣдно: капитанъ Ф., попавъ со своей 3-ей стрѣлковой ротой на турецкій берегъ, сразу ориентировался и послѣ первыхъ же шаговъ боя, въ критическую минуту, съ большой ловкостью, энергично собравъ возлѣ себя десятка три стрѣлковъ, стремительно бросился съ ними на жарко отстрѣливавшуюся турецкую караулку; она разомъ была сбита, а вслѣдъ затѣмъ капитанъ же Ф. нанесъ жестокій уронъ турецкой ротѣ, отдѣлившейся отъ надвигавшагося со стороны Систова табора и бросившейся его атаковать справа. Этими двумя ударами онъ такъ повернулъ ходъ дѣла, что турки рѣшительно потерялись, наше же положеніе черезъ то стало вдругъ вполне увѣреннымъ и таковымъ осталось въ этомъ пунктѣ до конца боя. Храбрость, рѣшительность и хладнокровная распорядительность дали капитану Ф. Георгіевскій крестъ, который закрѣпилъ за нимъ отмѣнное положеніе не только въ дивизіи, но и во всей арміи“.

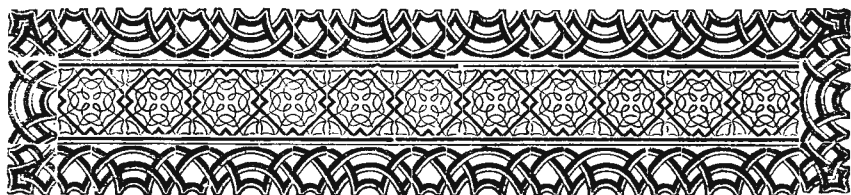
Съ тѣхъ поръ М. Ив. сталъ съ этимъ офицеромъ въ тѣ добрыя отношенія, которыя устанавливаются между двумя сторонами, когда одна изъ нихъ чувствуетъ себя какъ бы виноватой въ напрасныхъ и несправедливыхъ нападкахъ, а другая искренно рѣшаетъ всякую напраслину отъ души предать полнѣйшему забвенію и кромѣ хорошаго ничего изъ прошлаго не вспоминать...

Эти отношенія сохранились у Мих. Ив-ча навсегда; до конца дней своихъ онъ вспоминалъ б. капит. Ф. добромъ: „видѣлъ я такую распорядительность этого офицера въ бою, что уважаю его со всѣми его достоинствами и недостатками“, говаривалъ Мих. Ив. и, видимо, всегда былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ.

Вышло, что и капитанъ Ф. заслужилъ передъ врагомъ...

А. Е. К.

Воспоминанія жизни О. В. Фернера ¹⁾.

Знакомившись съ Германскими таможенными, я отправился въ Австрію, желая посмотрѣть и на австрійскіе таможенные порядки. Въ виду такого моего намѣренія, Убри пригласилъ меня, во время пребыванія моего въ Берлинѣ, къ обѣду вмѣстѣ съ Васильчиковымъ, который тогда былъ первымъ секретаремъ Посольства въ Вѣнѣ и находился кратковременно въ Берлинѣ. Убри полагалъ, что знакомство съ Васильчиковымъ облегчитъ мнѣ мои предполагаемыя занятія въ Австріи по изученію тамошнихъ таможенныхъ порядковъ. По пріѣздѣ въ Вѣну, я потому немедленно отправился къ Васильчикову, котораго, впрочемъ, я уже зналъ въ Петербургѣ. Васильчиковъ за временнымъ отъѣздомъ посла, управлялъ тогда Посольствомъ. Онъ принялъ меня очень *affairé*, извинился, что по случаю поглощенія всего его времени только-что возбудившимся новымъ дипломатическимъ дѣломъ онъ не можетъ заниматься мною—разсказавъ мнѣ впрочемъ, что его въ данный моментъ такъ занимало. Тогда только-что послѣдовало приглашеніе австрійскимъ Императоромъ всѣмъ царственнымъ особамъ Германіи съѣхаться для обсуждения на Fürsten Kongress'ѣ вопроса большаго объединенія Германіи. Такъ какъ именно въ то время у насъ были крайне возбуждены польскимъ вопросомъ, въ виду опасенія принятія Франціею открыто стороны повстанцевъ, и сомнѣнія, какъ въ этомъ случаѣ отнесется къ нимъ Австрія—не послѣдуетъ ли она за Франціею—поднятіе новаго, столь важнаго вопроса въ Германіи оказалось намъ въ высшей степени выгоднымъ. Предложеніе Австріи клонилось несомнѣнно къ уменьше-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1910 г.

нію вліяння Пруссіи, которой въ случаѣ, если бы этотъ конгрессъ разрѣшился выгоднымъ для Австріи образомъ,—пришлось бы довольствоваться второю роллю въ Германскомъ Союзѣ. При такомъ положеніи дѣла, Пруссія самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалась принять какое-либо участіе въ предположенномъ конгрессѣ—и это произвело такой перешолохъ въ европейской политикѣ и въ такой степени поглотило общественное вниманіе, что польскій вопросъ, который до того занималъ всѣ умы, отступилъ совершенно на второй планъ—что и оградило насъ отъ всякой опасности посторонняго вмѣшательства въ наше внутреннее дѣло. Этотъ важный эпизодъ разразился именно въ моментъ моего приѣзда въ Вѣну и совершенно поглощала вниманіе Васильчикова, объяснившего мнѣ важное для насъ значеніе этого факта, который до такой степени игралъ намъ въ руку.

По пути въ Вѣну я заѣхалъ въ Лейпцигъ, чтобы посмотрѣть на происходившій тамъ Turnierfest, праздникъ гимнастовъ. Въ Лейпцигъ съѣхались турнеры со всей Германіи и были приняты тамъ самымъ торжественнымъ и гостепріимнымъ образомъ. Уже на станціи жел. дор. приѣзжающихъ встрѣчали делегаты, предлагая имъ остановиться на частныхъ квартирахъ; меня и Магавли, съ которымъ мы съѣхались въ Лейпцигъ, помѣстили у богатаго негоціанта въ роскошной виаллѣ, гдѣ мы были приняты, какъ старые знакомые и почти родные, всѣмъ семействомъ хозяина. Весь городъ былъ разукрашенъ флагами, на улицахъ продавали комеморативныя медали съ эмблемою турнеровъ, четыре Ф. въ формѣ креста, какъ начальныя буквы ихъ лозунга, frisch, frank, froh, frei—свѣжо, откровенно, радостно и свободно. На большой красиво убранной площади, въ виду нѣсколькихъ тысячъ зрителей, происходили гимнастическія упражненія. Затѣмъ публика размѣстилась за длинными обѣденными столами, начались рѣчи, большею частью съ политической окраской.

Въ этихъ рѣчахъ выражалось главнымъ образомъ то же стремленіе къ объединенію Германіи, которое получило выраженіе и на Фюрстенъ-конгрессѣ, созываемомъ Австріей. Въ Вѣнѣ это проявлялось въ верхнихъ сферахъ, въ Лейпцигѣ оно шло съ низу. Въ то время собранія турнировъ, собранія пѣвцовъ и разныя другія собранія чередовались въ Германіи непрерывно; въ этихъ дружественныхъ сѣздахъ лицъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Германіи, „Verbrüderungs feste“, выражалось господствующее тогда во всей Германіи стремленіе къ объединенію, на нихъ смотрѣли въ общественномъ мнѣніи какъ на подготовленіе къ будущему единству. И въ виду этого всеобщаго возбужденія, энтузіазма и увлеченія—Бисмаркъ хладнокровно произнесъ знаменитыя слова „Durch

Blut und Eisen“ говоря, что не рѣчами и не сѣздами можно объединить Германію, а только желѣзомъ и кровью.

Слова Бисмарка поразили всѣхъ: въ то время, когда всѣ только о томъ и помышляли, какъ бы между различными частями Германіи установить болѣе тѣсныя дружественныя связи „Verbrüderung“— Бисмаркъ высказываетъ, что объединеніе Германіи можетъ произойти только путемъ междоусобной войны,—какое же это братское объединеніе; извѣстно, что родственныя войны, какъ и родственныя споры, самыя ожесточенныя;—что же можетъ быть послѣдствіемъ такой войны, только ужасное взаимное ожесточеніе;—силою одни могутъ поработить другихъ, но дружное единеніе никогда этимъ путемъ достигнуто не будетъ; такая война можетъ посѣять только вѣчный раздоръ и вѣчную ненависть въ средѣ Германіи.

А все же Бисмаркъ былъ правъ, предсказывая съ поражающею ясностью грядущія событія. Въ эту минуту его можно было сравнить съ пророкомъ. Мнѣ кажется, что въ этотъ моментъ политическая мудрость и прозорливость Бисмарка достигла такой гениальной высоты, которая уже не могла быть превзойдена во всей его жизни. Вся послѣдующая его политическая дѣятельность всегда отличалась свѣтлымъ прозрѣніемъ существующаго положенія, точною оцѣнкою условий современнаго момента, яснымъ пониманіемъ — какъ надо дѣйствовать при данныхъ условіяхъ, и энергическою къ тому рѣшимостью безъ всякихъ колебаній, какія бы эта рѣшимость ни представляла трудности. Говорятъ, что когда Бисмарка разъ спросили: почему ему все удается, онъ отвѣтилъ—„потому что я всегда, раньше чѣмъ дѣйствовать, выжидаю, чтобы у меня были всѣ козыри въ рукахъ“.

Въ моментъ всеобщаго возбужденія и энтузіазма, охватившаго всю Германію—не увлечся этимъ возбужденіемъ и за три года до Австро-Прусской войны ясно провидѣть будущее,—это было безспорно дѣло политическаго гениа.

Несомнѣнно существовали многочисленныя данныя, которыя при хладнокровной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ должны были привести Бисмарка къ такому воззрѣнію, — но почему же никто кромѣ него не умѣлъ усмотрѣть тогда настоящаго положенія дѣла?

Австрія, въ своихъ попыткахъ вызвать большее объединеніе Германіи, руководилась съ одной стороны опасеніемъ, какъ бы такое объединеніе, къ которому явно стремилось все общественное мнѣніе Германіи, не свершилось, противъ нея, подъ главенствомъ Пруссіи,—какъ это впослѣдствіи дѣйствительно и осуществилось,—а съ другой стороны она руководилась желаніемъ подчинить своему вліянію всю Германію и тѣмъ усилить свою власть, надъ негер-

манскими элементами Австрійской Имперіи—итальянскими, славянскими, польскими и венгерскими землями.

Пруссія смотрѣла на вопросъ болѣе безкорыстно, но съ своей стороны не могла согласиться на подчиненіе гегемоніи Австріи, не отказавшись отъ всего своего политическаго прошлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ она не имѣла еще достаточно энергіи ни къ тому, чтобы принять Императорскую корону изъ рукъ народа, предлагавшаго таковую въ 1849 г., ни къ тому, чтобы актомъ собственной силы разрѣшить столь сложный вопросъ, — энергіи, которую впоследствии удалось вселить въ нее тому же Бисмарку.

Правители другихъ германскихъ государствъ руководились преимущественно эгоистическимъ желаніемъ не жертвовать ни малѣйшею долею своей самостоятельности и своего самодержавія на дѣло объединенія страны. Баварія, Саксонія и другія мелкія государства особенно опасались подчиненія Пруссіи и подпаденія ея строго административнымъ бюрократическимъ порядкамъ управленія. Въ виду этого опасенія они болѣе склонялись къ Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ средѣ ихъ являлась мысль, поддерживаемая саксонскимъ министромъ Вейстомъ и баварскимъ министромъ фонъ-дер-Пфортеномъ образованія совершенно независимаго отъ Пруссіи и отъ Австріи, союза среднегерманскихъ государствъ.

Наконецъ, общественное мнѣніе при охватившемъ его отвлеченномъ стремленіи къ объединенію общегерманскаго отечества, въ отношеніи практическаго примѣненія идеи объединенія распадалось на крайне различныя группы. Была большая группа людей, которая понимала, что объединеніе возможно только подъ вліяніемъ Пруссіи, эта группа, руководимая Кобургъ-Готскимъ великимъ герцогомъ Эрнестомъ, образовала извѣстный Nationalverein; немало было и сторонниковъ Австріи, наконецъ, продолжали еще держаться въ обществѣ республиканскія настроенія, какъ послѣдствія 1848 года, которыя ничего не хотѣли знать ни о Пруссіи, ни объ Австріи. Ко всему этому примѣшивалась нѣкоторая социальная антипатія, если можно такъ выразиться, существовавшая между южно-германцами и сѣверо-германцами, отчасти поддерживаемая религіозною рознью, которая не могла не отзываться на народномъ характерѣ. Въ доказательство отсутствія симпатіи между южно-германцами, особенно баварцами и пруссаками, могу привести разговоръ, который я имѣлъ нѣсколько времени спустя съ баварцемъ, директоромъ Линдауской таможни. Послѣ дѣловой бесѣды, мы разговорились съ нимъ о текущихъ политическихъ дѣлахъ и общественныхъ стремленіяхъ, при чемъ ясно выразилось совершенное отсутствіе на югѣ симпатій къ сѣверу, несмотря на идеи Einig-Deutschland. Онъ

говорилъ о пруссакахъ, какъ о педантахъ, людяхъ, которые всегда очень высокаго о себѣ мнѣнія, любятъ доминировать, людяхъ рѣзкихъ и непривѣтливыхъ, *schneidig, ohne Gemüthlichkeit*,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавался, что на югѣ они не умѣютъ такъ усиленно усидчиво работать, какъ на сѣверѣ, т. е. Пруссіи. Онъ рассказывалъ мнѣ, что послѣ установленія Цольферейна нѣкоторыми баварскими таможенными чиновниками было предложено перейти въ Пруссію таможни. Такъ какъ содержаніе въ Пруссіи было значительно выше, то многіе изъ нихъ согласились принять дѣлаемое имъ предложеніе,—но скоро послѣ того опять вернулись въ Баварію, такъ какъ не могли привыкнуть ни къ той продолжительной дневной работѣ, ни къ той строгой требовательности, доходившей до педантизма, которая господствовала въ прусской администраціи,—они не могли отдѣлаться отъ баварской привычки работать не спѣша—*mit Gemüthlichkeit*.

Все это вмѣстѣ взятое, неискренность Австріи, слабость Пруссіи, эгоизмъ среднихъ и мелкихъ германскихъ государствъ, неясность и разнородность стремленій къ объединенію проявившихся въ общественномъ мнѣніи и наконецъ существовавшую антипатію между южногерманскимъ и сѣверогерманскимъ характеромъ, Бисмаркъ вполне оцѣнилъ и потому пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только насильственно, остріемъ меча. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однако не опасался послѣдствій необходимой междоусобной брани, хорошо понимая, что какое бы ни было этимъ вызвано ожесточеніе и даже ненависть среди германскихъ государствъ, эти чувства могли быть только преходящими, что надъ ними должно было получить верхъ то общее чувство единенія, которое, несмотря на все, было такъ сильно въ Германіи.

Въ этомъ предвидѣніи онъ почти насильно побудилъ Вильгельма не воспользоваться доставшеюся на его долю побѣдою до конца, не унижать слишкомъ Австріи, не идти на Вѣну и сохранить самостоятельность и Баваріи и Саксоніи, не отнимая у нихъ ни куска земли. Благоклонныя и относительно легкія условія мира, вызванныя графомъ Бисмаркомъ, возымѣли дѣйствительно черезъ немного лѣтъ ожидаемыя имъ послѣдствія. Австрійскій Императоръ, который вначалѣ до того былъ возбужденъ противъ Пруссіи, что отослалъ Вильгельму даже всѣ свои прусскіе ордена, мало-по-малу успокоился, и дѣло дошло до того, что, сплотивъ окончательно во-едино всю Германію, воспользовавшись патріотическимъ подъемомъ, вызваннымъ франко-прусской войной, Бисмаркъ успѣлъ довести Австрію до заключенія съ Германіей дружескаго договора,

послѣ котораго интимныя дружескія отношенія Германіи съ Австріею продолжаютъ все болѣе и болѣе укрѣпляться.

Окончивъ таможенные этюды, я съѣхался съ матушкой и сестрами, которыя тоже въ это время находились за границей, и мы отправились вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи. Въ самомъ началѣ нашего пути, мы были пріятно поражены красотой мѣстоположенія небольшого пограничнаго баварскаго города Линдау, лежащаго на берегу Боденскаго озера. Поразительно живописенъ уже самый подъѣздъ къ городу. Линдау, соединенный съ материкомъ длинною дамбой, въ нѣсколько верстъ протяженія, по которой идетъ желѣзнодорожный поѣздъ, имѣетъ по обѣимъ сторонамъ растилагоющееся водное пространство, такъ что изъ оконъ вагона представляется картина, какъ будто бы поѣздъ плыветъ по водѣ, однимъ словомъ, та же картина, которая представляется и при вѣздѣ въ Венецію. Наконецъ, подъѣзжая къ городу, передъ глазами открывается поверхность громаднаго Боденскаго озера, у города небольшой красивый искусственный портъ, на одной изъ дамбъ котораго, выдающейся довольно далеко въ озеро, красуется статуя, большой каменный левъ, эмблема баварскаго герба, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ маякомъ, для указанія входа въ портъ. Въ Швейцаріи мы провели нѣсколько недѣль, наслаждаясь красивою природою этой живописной страны.

По возвращеніи въ Берлинъ, я оставался тамъ еще нѣсколько недѣль, вращаясь въ самыхъ различныхъ кругахъ и слѣдя съ большимъ интересомъ за происходившимъ тамъ ученымъ и политическимъ движеніемъ. Я уже говорилъ, что благодаря Магавли я сошелся съ кружкомъ молодыхъ ученыхъ, по моему же официальному положенію я оказался въ сношеніи съ разными официальными личностями, занимавшими въ то время выдающееся положеніе въ мѣстной администраціи. Кромѣ того, во время конгресса я познакомился съ извѣстными экономистами, въ томъ числѣ и съ Михаэлисомъ, съ которымъ я особенно сошелся, съ Принцъ-Смитомъ и др. Все это были сотрудники выходившей тогда въ Берлинѣ, подъ редакціей Михаэлиса, экономической Vierteljahresschrift; вмѣстѣ съ тѣмъ большинство этихъ лицъ были депутатами въ Палатѣ и принадлежали къ преобладающей тогда національ-либеральной партіи, сильно враждовавшей съ Бисмаркомъ изъ-за военнаго закона. Въ средѣ ихъ Михаэлисъ игралъ выдающуюся роль и какъ экономистъ, и какъ политикъ. Черезъ этихъ лицъ я вообще сошелся съ разными депутатами національ-либеральной партіи и бывалъ нерѣдко на ихъ вечернихъ собраніяхъ, происходившихъ большею частью въ одномъ изъ пивныхъ ресторановъ. Эти собранія представляли боль-

шой интересъ благодаря происходившимъ на нихъ оживленнымъ политическимъ разговорамъ; въ то время вслѣдствіе борьбы палаты съ Бисмаркомъ, политическія страсти были до крайности возбуждены, а потому бесѣды о злобахъ дня велись всегда съ особеннымъ увлеченіемъ и представляли необыкновенный интересъ.

Вращаясь въ различныхъ сферахъ Берлина, я былъ удивленъ, замѣчая, что люди различныхъ ученыхъ интересовъ и различныхъ политическихъ оттѣнковъ сходились только между собою, обращаясь исключительно въ средѣ своей партіи, съ людьми же противоположныхъ оттѣнковъ и другихъ интересовъ не встрѣчались даже почти и въ обществѣ, кромѣ, разумѣется, официальныхъ обѣдовъ и вечеровъ, дотога строго была у нихъ въ то время разграничена партійная жизнь. Разъ я коснулся этого вопроса въ средѣ депутатовъ, высказавъ имъ мое удивленіе, что между тѣмъ, какъ въ Англіи люди самыхъ противоположныхъ политическихъ оттѣнковъ постоянно сходятся между собою въ собраніяхъ, въ Берлинѣ и партійная жизнь и ученая жизнь строго разграничены въ различныхъ своихъ группахъ. Они вполне со мною согласились, говоря, что у нихъ такъ уже сложилась жизнь. По моему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что въ Берлинѣ семейной общественной жизни, какъ у насъ, не существовало, — и потому дамы обыкновенно не принимали участія въ мужскомъ обществѣ; мужчины же, собираясь вмѣстѣ по вечерамъ въ ресторанахъ, при господствовавшемъ тогда въ Берлинѣ удивительномъ подъемѣ умовъ, какъ въ политической, такъ и въ ученой сферѣ, дотога были поглощены интересами дня, что только о нихъ и бесѣдовали; а такъ какъ у каждаго кружка были различные интересы и различные взгляды, то присутствіе лицъ, имѣвшихъ другіе интересы, только мѣшало бы живости взаимнаго обмѣна мыслей. Депутаты національ-либеральной партіи не имѣли ничего общаго съ депутатами аристократической партіи, экономисты-фритредеры съ протекціонистами, молодые медики напр. съ учителями, и потому они всѣ группировались только между собою. Разумѣется, эта обособленность придавала каждой изъ этихъ группъ нѣкоторую односторонность въ сужденіяхъ, судили каждый только со своей партійной точки зрѣнія, и нѣкоторое доктринерство, которое проявлялось даже въ политической дѣятельности палаты; но вмѣстѣ съ тѣмъ это придавало движенію умовъ и большую глубину мысли и большую серьезность.

Вообще въ Берлинѣ въ то время повсюду проявлялась, какъ уже я замѣтилъ выше, самая усиленная, самая энергическая дѣятельность, дотога доходило тогда возбужденіе умовъ. Это не могло не отражаться и на общественной жизни берлинцевъ. Занятые

цѣлый день политическими и учеными вопросами, люди очевидно не имѣли возможности вести такую непринужденную семейную жизнь, которая существуетъ у насъ, и при которой каждый почти домъ открытъ и къ обѣду и къ вечеру для прихода друзей и близкихъ знакомыхъ, совершенно запросто. Берлинцы же, и политики, и ученые, и администраторы, въ тѣ времена дотога были заняты, что у нихъ былъ разсчитанъ каждый часъ дня, и потому имъ невозможно было отлежаться отъ строго урегулированныхъ занятій посторонними посѣщеніями. Проработавъ же цѣлый день усиленно, усталые, они нуждались въ освѣженіи мыслей интересною бесѣдой и потому отправлялись въ свой ресторанъ, гдѣ они всегда могли застать интересующихъ ихъ лицъ, принадлежащихъ къ ихъ кругу, и переговорить съ ними не только о занимавшихъ ихъ въ данное время вопросахъ, но даже и о кой-какихъ дѣлахъ. Семейные люди со своими женами и семействами встрѣчались въ сущности только за обѣдомъ дома. Только отъ времени до времени они устраивали у себя приглашенные обѣды и приглашенные вечера. За обѣдомъ у профессора Вирхова я его спросилъ, какъ онъ находитъ время соединять столь разнообразную и ученую и преподавательскую и политическую дѣятельность. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это возможно только при самомъ строгомъ распредѣленіи дня, отъ котораго онъ никогда не отступаетъ. Его рабочій день начинался съ 6-ти часовъ утра, кажется письменными учеными работами, затѣмъ шли клиническія занятія, преподаваніе въ университетѣ, посѣщеніе госпиталя, затѣмъ нѣсколько часовъ посвящались изученію законодательныхъ проектовъ и другихъ дѣлъ, которыя вносились въ палаты,—или участію въ засѣданіи палаты, въ тѣ дни, когда эти засѣданія происходили, за тѣмъ передъ обѣдомъ еще обыкновенно лекція въ университетѣ,—потомъ обѣдъ домашній, и наконецъ вечеръ заключался въ кругу знакомыхъ въ ресторанѣ. Несмотря на то, Вирховъ совсѣмъ не казался сухимъ ученымъ, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Разумѣется, такой образъ жизни не могъ имѣть особенно хорошаго вліянія на семейную жизнь и на уровень женскаго свѣтскаго развитія. Жены ученыхъ и политиковъ, почти устраненныя изъ интереснаго мужскаго общества, сходились между собою также въ разныхъ кофейныхъ помѣщеніяхъ, это такъ называемыя Kaffée-Kränzchen, бесѣдуя между собою большею частью только о хозяйствѣ и о дѣтяхъ—мало интересуюсь и политическими и литературными вопросами. Были впрочемъ и между ними исключенія, такъ напр., жены профессоровъ Вирхова и Михаэлиса являлись дамами чрезвычайно развитыми, умными и пріятными въ обществѣ.

Какъ я уже замѣтилъ, это было время ожесточенной парламентской борьбы съ Бисмаркомъ, котораго либералы обвиняли изъ за военнаго закона въ нарушеніи конституціи; они видѣли въ немъ отъявленнаго врага германской свободы. Впослѣдствіи, когда результаты войны съ Австріей раскрыли передъ ними сущность патріотическихъ замысловъ Бисмарка, почти вся національ-либеральная партія перешла на его сторону. Въ числѣ ихъ былъ и Михаэлисъ, который сдѣлался приближеннымъ сотрудникомъ Бисмарка по вѣсьмъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ то время Бисмаркъ еще не былъ противникомъ фритредерскаго направленія. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался открытымъ и энергическимъ протекціонистомъ, Михаэлисъ, какъ убѣжденный фритредеръ, уже не могъ болѣе работать съ нимъ вмѣстѣ на этомъ поприщѣ и, не желая оппонировать ему, сложилъ съ себя званіе депутата. Тогда Бисмаркъ, продолжавшій уважать и цѣнить Михаэлиса, предоставилъ ему мѣсто директора Комиссіи Погашенія Долговъ и тѣмъ обезпечилъ ему почетное положеніе на остальное время жизни.

Вернувшись въ Петербургъ, я представилъ министру финансовъ записку съ изложеніемъ прусскихъ таможенныхъ порядковъ и съ указаніемъ, что по моему мнѣнію изъ существующаго въ Пруссіи могло бы быть примѣнено къ намъ. Въ то время уже была учреждена у насъ комиссія для преобразования Таможеннаго устава, и въ эту комиссію были внесены на разсмотрѣніе и мои предположенія; вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Многое изъ моихъ предложеній, между прочимъ вся система провоза товаровъ за таможенными замками, было принято и впослѣдствіи введено въ дѣйствіе.

Вскорѣ послѣ того князь Д. А. Оболенскій бывшій тогда, какъ я уже замѣтилъ, директоромъ департамента внѣшней торговли, пріѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ въ очень любезной формѣ— мѣсто вице-директора департамента. Я изъявилъ согласіе и одновременно съ моимъ назначеніемъ на этотъ новый постъ сложилъ съ себя званіе секретаря Географическаго общества и члена въ главномъ выкупномъ отдѣленіи.

Князь Дмитрій Александровичъ принадлежалъ къ числу лицъ, окружавшихъ Великаго Князя Константина Николаевича и выведенныхъ имъ въ высокое положеніе. Въ началѣ царствованія Александра II-го Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ и затѣмъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Пользуясь большимъ вліяніемъ на Государя, онъ стоялъ во главѣ либеральной партіи и былъ однимъ изъ главныхъ защитниковъ дѣла освобожденія крестьянъ. Его окружала

группа весьма способныхъ молодыхъ людей, значительное число которыхъ въ послѣдствіи достигли министерскихъ постовъ,—въ публикѣ ихъ называли „Константиновскими орлами“. Это были главнымъ образомъ гр. Толстой, Головинъ, Рейтернъ, Оболенскій и нѣкоторые другіе.

Поставленный во главѣ морского министерства, Великій Князь началъ свою реформаторскую дѣятельность съ кореннаго преобразования этого учрежденія—упрощеніемъ и устраненіемъ разныхъ излишнихъ и сложныхъ бюрократическихъ формальностей и введеніемъ возможно практическаго способа веденія дѣлъ. Князь Дмитрій Александровичъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ преобразованияхъ въ качествѣ директора одного (кажется, комиссаріатскаго) изъ департаментовъ означеннаго министерства. Возлѣ него пользовались преобладающимъ вліяніемъ на Великаго Князя Головинъ и особенно графъ Д. А. Толстой. Между ними и особенно между Оболенскимъ и Толстымъ возникло по этому поводу соперничество, и произошелъ разладъ, вслѣдствіе чего кн. Оболенскій въ послѣдствіи и оставилъ морское министерство, получивъ званіе статсъ-секретаря Е. И. В.—Несмотря на крайне почетное положеніе, которое такимъ образомъ было за нимъ оставлено, князь Дмитрій Александровичъ тяготился отсутствіемъ всякой официальной дѣятельности и искалъ, куда бы пристроиться. Разъ, какъ онъ самъ рассказывалъ мнѣ, гуляя лѣтомъ вечеромъ, на Елагиномъ Островѣ онъ встрѣтился съ М. Х. Рейтерномъ, который тогда уже былъ министромъ финансовъ, и съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, по прежней ихъ совмѣстной службѣ у Вел. Кн. Константина Николаевича. Рейтернъ рассказывалъ ему что Пашковъ, бывшій тогда директоромъ департамента внѣшней торговли, оставляетъ свой постъ и что онъ, Рейтернъ, озабоченъ присканіемъ ему наслѣдника. Тогда Оболенскому пришло на мысль предложить самого себя,—Рейтернъ немедленно принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ состоялось назначеніе кн. Оболенскаго директоромъ департамента. Въ то время это былъ единственный директоръ департамента, носившій титулъ статсъ-секретаря.

Князь Дмитрій Александровичъ былъ умный и доброжелательный человѣкъ, дѣльный и интересный собесѣдникъ и большой другъ и поклонникъ славянофильскаго московскаго кружка; онъ былъ особенно близокъ съ Ю. О. Самаринимъ, Аксаковымъ, Черкасскимъ, Кошелевымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился и въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. А. Милютинымъ, душевно сочувствуя его дѣятельности по крестьянскому вопросу. Съ Вел. Княгинею Еленою Павловною онъ тоже находился въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Истинный аристократъ, кн. Д. А. отличался большою просто-

тою и естественностью въ обращеніи со всѣми, и либеральнымъ настроеніемъ, которое побуждало его сочувствовать всѣмъ происходившимъ тогда реформамъ. Сойдясь съ нимъ, я до конца его жизни находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ, почти пріятельскихъ отношеніяхъ, которыя не нарушались даже разными мелкими столкновениями, которыя неизбѣжны при продолжительной совмѣстной службѣ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ мы всегда были одного мнѣнія и совокуно проводили реформы, при чемъ онъ, главнымъ образомъ, занимался преобразованиемъ административнаго устройства и личнаго состава таможеннаго вѣдомства, а я реформами таможенной процедуры, на основаніи изученія мною этого вопроса за границею.

Не рѣдко по вечерамъ пріѣзжая къ нему для совмѣстныхъ занятій по какому-либо таможенному дѣлу, я просиживалъ у него до поздней ночи, увлеченный его интересною бесѣдой. Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ московскому славянофильскому кружку, ихъ образѣ жизни и воззрѣніяхъ, высказывалъ свои сужденія о разныхъ лицахъ, читалъ мнѣ иногда свои наброски, родъ дневника, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ необыкновенно живой, воспріимчивый и умный—то все, что онъ писалъ и рассказывалъ, вызывало во мнѣ живѣйшій интересъ.

По своей добротѣ, онъ былъ весьма мягкаго характера — и вслѣдствіе того не всегда проявлялъ желательную выдержку и энергію.

Такъ, напримѣръ, въ разговорѣ со мной, когда онъ мнѣ предлагалъ мѣсто вице-директора, онъ объяснялъ мнѣ, что вообще предполагается преобразование департамента внѣшней торговли, съ значительнымъ расширеніемъ круга его дѣятельности, такъ что этотъ департаментъ долженъ былъ превратиться въ нѣчто подобное министерству торговли. Преобразование его дѣйствительно состоялось, но князю Оболенскому не удалось провести эти преобразования въ предполагаемомъ имъ смыслѣ, хотя его предположенія и основывались вѣроятно на предварительномъ обмѣнѣ мыслей по этому предмету съ Рейтерномъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что вся чисто торговая часть отошла къ бывшему тогда департаменту внутренней торговли, директоръ котораго Бутовскій сѣумѣлъ настоять на необходимости такой группировки дѣла. Этотъ департаментъ получилъ тогда новое названіе департамента торговли и мануфактуры, а бывшій департаментъ внѣшней торговли былъ преобразованъ въ таможенный департаментъ, съ подчиненіемъ его вѣдомству исключительно таможенной части. Такой оборотъ дѣла уже съ самаго начала показалъ мнѣ, на сколько Оболенскій способенъ былъ увлекаться данной мыслью, но не имѣлъ за тѣмъ достаточно твердости характера, чтобы ее отстаивать, какъ слѣдуетъ.

Вторымъ вице-директоромъ у него былъ Н. Н. Колосовъ. Оболенскій объявилъ мнѣ съ самаго начала, что онъ намѣренъ представить мнѣ первенствующую передъ нимъ роль, такъ какъ я буду въ департаментѣ его alter-ego. Дѣйствительно, въ теченіе двухъ лѣтъ я продолжалъ занимать въ департаментѣ такое положеніе, управляя департаментомъ во время ревизіонныхъ поѣздокъ князя по Россіи, хотя я и былъ младшимъ вице-директоромъ. Но на третій годъ, отправляясь въ обычную лѣтнюю ревизіонную поѣздку, князь Дмитрій Александровичъ сообщилъ мнѣ, что Колосовъ былъ у него и жаловался ему на то, что хотя онъ старшій вице-директоръ, онъ все же постоянно устраняется отъ управленія департаментомъ, и что вслѣдствіе того онъ, т. е. князь Оболенскій, рѣшился въ настоящее время представить на выборъ министру—кому управлять департаментомъ во время его отсутствія. На это я ему возразилъ, что такое рѣшеніе противно тому, что онъ мнѣ заявлялъ съ самаго начала, что я буду его alter-ego и т. д.—но онъ только отвѣтилъ мнѣ, хотя и стѣсняясь нѣсколько: „что же дѣлать, я не могъ же отказать ему въ этомъ, не обидѣвъ его“. Впрочемъ, для оправданій этой непослѣдовательности, я долженъ прибавить, что Колосовъ принималъ въ то время выдающееся участіе въ учрежденной тогда тарифной комиссіи и составилъ по этому поводу очень основательную работу, которая легла въ основаніе рѣшеній комиссіи по пошлинамъ на хлопчатая мануфактурныя издѣлія. При такомъ положеніи дѣла, Оболенскій дѣйствительно былъ поставленъ въ нѣсколько затруднительное положеніе его ходатайствомъ. Тогда я объяснилъ князю Оболенскому, что въ такомъ случаѣ и я буду ходатайствовать объ отпускѣ на время его отсутствія, чтобы не находиться въ подчиненіи у лица, передъ которымъ до того я имѣлъ первенствующее положеніе, и, разумѣется, Оболенскій согласился со мной. Но въ этомъ отпускѣ не оказалось надобности, такъ какъ Рейтернъ рѣшилъ, что и на будущее время временное управленіе департаментомъ должно быть поручено мнѣ, какъ и до того. Въ то время, когда князь Оболенскій принялъ управленіе департаментомъ, составъ таможенныхъ чиновниковъ особенно въ пограничныхъ таможенныхъ оставлялъ много желать, контрабанда происходила въ довольно широкихъ размѣрахъ и не только въ смыслѣ провоза товаровъ мимо таможенъ, но и въ самыхъ таможенныхъ допускалось немало злоупотребленій, въ видѣ пропуска высоко обложенныхъ товаровъ по низкой пошлинѣ, несмотря на то, что формализмъ и бумажный контроль были доведены до послѣднихъ границъ сложности. Злоупотребленіямъ послѣдняго рода было присвоено даже особое названіе—легальная контрабанда. Одно это названіе могло

*

служить доказательствомъ распространенія подобныхъ злоупотребленій. Вступивъ въ управленіе департаментомъ, князь Оболенскій очень энергически принялся за искорененіе существовавшихъ злоупотребленій и за рациональное преобразованіе всего таможенного дѣла. Одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности состава таможенныхъ чиновниковъ слѣдовало считать недостаточность содержанія. Жалованье было самое незначительное, правда, по закону изъ всего поступленія таможенныхъ пошлинъ отчислялось 5⁰/₀ на дополнительное вознагражденіе чиновниковъ,—но эта сумма распредѣлялась очень неравномѣрно, такъ что нѣкоторые изъ нихъ получали очень значительное содержаніе, а другіе оставались при мизерныхъ окладахъ. Сознывая, что прежде всего необходимо обезпеченіе служащихъ, если желательно имѣть хорошій составъ чиновниковъ, Оболенскій обратилъ на этотъ предметъ серьезное вниманіе. Финансовое положеніе Россіи было тогда еще довольно неудовлетворительное, такъ что на значительное увеличеніе средствъ изъ Государственнаго Казначейства нельзя было разсчитывать. Поэтому князь Оболенскій рѣшилъ слить 5⁰/₀ прибавку съ штатными суммами, консолидировавъ эту прибавку окончательно въ суммѣ поступленій за послѣднее время, такъ что потребовалось только небольшое къ ней добавленіе для установленія новыхъ штатовъ, значительно болѣе обезпечивавшихъ служащихъ. Этимъ достигалось во-первыхъ установленіе за таможеннымъ вѣдомствомъ опредѣленной суммы,—между тѣмъ какъ въ виду постоянного уменьшенія въ послѣдніе годы таможенного дохода уменьшалась и сумма 5⁰/₀ отчисленія, а во-вторыхъ этимъ путемъ достигалась возможность болѣе соразмѣрнаго распредѣленія вознагражденія служащихъ и установленіе постоянныхъ штатныхъ окладовъ, вмѣсто колеблющагося изъ года въ годъ вознагражденія. Такимъ образомъ была получена возможность составленія вполне удовлетворительныхъ таможенныхъ штатовъ. Какъ случайное къ нимъ добавленіе осталось только отчисленіе въ пользу чиновниковъ нѣкоторой суммы изъ поступающихъ штрафовъ и акциденцій. Общее поступленіе таможенного дохода едва доходило въ то время 30 милліоновъ и не предвидѣлось значительнаго его возрастанія. Между тѣмъ благодаря произведеннымъ въ таможенномъ вѣдомствѣ реформамъ и общему экономическому подъему Россіи, таможенные доходы вскорѣ послѣ того стали значительно расти, въ настоящее время они колеблются даже въ предѣлахъ 100 милліоновъ. Вотъ почему съ точки зрѣнія интересовъ таможенныхъ чиновниковъ впоследствии стали сожалѣть о консолидаціи и снятіи со штатовъ существовавшей прежде 5⁰/₀ прибавки,—такъ какъ размѣръ ея уже черезъ нѣсколько лѣтъ бы удвоился.

Но этого тогда нельзя было предвидѣть, и во всякомъ случаѣ этими мѣропріятіями достигалось удовлетвореніе немедленной потребности—преобразованія штатныхъ окладовъ. Увеличеніемъ и преобразованіемъ штатнаго содержанія однако нельзя было ограничиться. Князь Оболенскій хорошо понималъ, что для того, чтобы поставить дѣло на здоровую ногу, надо новое вино вливать въ новые мѣха. Значительное число старыхъ чиновниковъ уволено было съ пенсіей, и на ихъ мѣста, особенно на мѣста начальниковъ округовъ и главныхъ таможенъ были назначены свѣжія лица. Выборы, сдѣланные кн. Оболенскимъ, были вообще удовлетворительными, такъ что можно сказать—весь составъ таможенныхъ чиновниковъ измѣнился и обогородился, благодаря чему появилось въ таможенной службѣ совершенно новое направленіе. Повѣяло какъ бы свѣжимъ духомъ. Были, разумѣется, случаи и неудачныхъ выборовъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе разныхъ рекомендацій, которыми князь по своей податливости иногда увлекался; такъ между прочимъ былъ назначенъ, по рекомендаціи московскаго кружка, одинъ болгаринъ управляющимъ первоклассной таможни, который въ самомъ же началѣ былъ уличенъ въ серьезныхъ злоупотребленіяхъ. Но это были немногіе исключительные случаи, въ общемъ же, какъ я уже замѣтилъ, выборы были очень удачны.

Съ своей стороны я занялся упрощеніемъ и болѣе рациональнымъ устройствомъ таможенной процедуры, всевозможнымъ облегченіемъ правильной торговли; между прочимъ мнѣ удалось ввести существенное различіе въ размѣрахъ штрафовъ: за ошибки, имѣвшія явный характеръ обмана, и за мелкія ошибки показаній товаровъ, которыя могли происходить по недосмотру, особенно въ виду сложности нашего тарифа.

Всѣ эти мѣропріятія имѣли несомнѣнное вліяніе на улучшеніе таможеннаго дѣла, и я могу сказать, что когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ князь Оболенскій, а затѣмъ и я оставили таможенное вѣдомство, его нельзя было сравнить съ тѣмъ, что было прежде. Несомнѣнно, въ рѣдкихъ случаяхъ еще попадались злоупотребленія, они случаются и теперь, но то, что было тогда, можно сказать, общимъ правиломъ, теперь сдѣлалось рѣдкимъ исключеніемъ ¹⁾.

¹⁾ Ко времени моего служенія въ Деп. Т. Сб. относится одинъ странный и непріятный эпизодъ—доказывающій, какъ безъ всякой вины по неосмотрительности можно поставить себя въ неловкое и непріятное положеніе. Въ Департаментъ былъ курьеръ К. чрезвычайно расторопный и потому пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ начальства, по этой причинѣ остальные курьеры на него злились. Разъ этотъ курьеръ зашелъ ко мнѣ, чтобы сообщить, что на такомъ-то заграничномъ пароходѣ привезли и продаютъ

На слѣдующій годъ послѣ моего назначенія вице-директоромъ я былъ командированъ по одному дѣлу въ Варшаву. Это было первое время (1864 г.) по усмиреніи мятежа, а потому поѣздка въ Варшаву представляла для меня особенный интересъ. Дѣло, по которому я былъ командированъ, было такое. Начальникъ Сосновицкаго округа, Суходольскій, молодой, очень порядочный человѣкъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный, крайне не понравился мѣстному еврейскому населенію, вѣроятно потому, что вслѣдствіе его строгаго контроля прежнія злоупотребленія на границѣ не могли уже продолжаться. Противъ него стали интриговать всякими путями и наконецъ воспользовались тѣмъ, что какой-то еврей, торговавшій по Сосновицкой таможенѣ, повѣсилъ, чтобы связать съ этимъ происшествіемъ Суходольскаго, возбудивъ противъ него обвиненіе въ томъ, что его дѣйствія вызвали самоубійство несчастнаго еврея. Объ этомъ былъ сдѣланъ доносъ графу Бергу, и несмотря на то, что обвиненіе было совершенно голословное, гр. Бергъ назначилъ слѣдствіе по этому дѣлу, увѣдомивъ объ этомъ кн. Оболенскаго, прося его пргслать депутата Там. Департамента для присутствія при слѣдствіи. Такъ какъ съ первой же минуты нельзя было сомнѣ-

очень хорошей молодой картофель, такъ какъ можетъ быть и я пожелаю купить мѣшокъ; ни о чемъ не думая, я сказалъ ему „хорошо“ и далъ ему деньги; на другой день онъ привезъ мнѣ на домъ мѣшокъ картофеля. Нѣсколько дней спустя кн. Оболенскій говоритъ мнѣ съ озабоченнымъ видомъ „вотъ какое я получилъ письмо“ и передаетъ его мнѣ для прочтенія. Это было анонимное донесеніе (какъ потомъ оказалось, писанное однимъ изъ курьеровъ), въ которомъ говорилось, что курьеръ К. ѣздитъ по заграничнымъ пароходамъ и забираетъ отъ нихъ разную провизію, и что на-дняхъ еще онъ привезъ кулъ картофеля вице-директору Тернеру. Легко себѣ представить, какъ мнѣ было это неприятно. Я рассказалъ Оболенскому, какъ было дѣло, прибавивъ, что, разумѣется, мнѣ надо было сообразить, что неловко покупать черезъ курьеровъ предметы, привозимые на заграничныхъ пароходахъ, такъ какъ это могло подать поводъ къ разнымъ толкамъ, но что я этого въ ту минуту не сообразилъ. Чтобы выяснитъ, на сколько обвиненіе, возбужденное противъ курьера К. о томъ, что онъ даромъ получаетъ предметы, привозимые на иностранныхъ пароходахъ, справедливо, кн. Оболенскій приказалъ одному чиновнику по особымъ порученіямъ разслѣдовать это дѣло и доложить ему лично послѣ его возвращенія, такъ какъ онъ тогда именно собирался въ отъѣздъ для осмотра таможенъ. Во время его отсутствія, я какъ обыкновенно долженъ былъ управлять Департаментомъ. Исслѣдованіе не выяснило никакихъ злоупотребленій со стороны курьера К. и потому осталось для него безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Несмотря на то, мнѣ было, разумѣется, крайне обидно, что я былъ такъ глухъ не сообразить, какъ неумѣстно было съ моей стороны давать такое порученіе курьеру К., связавшее мое имя со столь неприятнымъ дѣломъ.

ваться въ томъ, что это дѣло еврейской интриги, то, опасаясь, какъ бы Суходольскій не сдѣлался жертвой этой интриги, вмѣсто командированія въ Варшаву кого-либо изъ подчиненныхъ чиновниковъ, князь Оболенскій нашелъ нужнымъ командировать туда вице-директора, какъ человѣка вполнѣ самостоятельнаго и поставленнаго достаточно высоко, чтобы имѣть возможность нейтрализовать вліяніе всякихъ интригъ и вывести дѣло на чистую воду. Вмѣстѣ съ тѣмъ такую командировку онъ показывалъ графу Бергу, сколь серьезное значеніе онъ придаетъ этому дѣлу. Я съ удовольствіемъ принялъ предлагаемое мнѣ порученіе и, какъ слѣдовало ожидать, слѣдствіе, которое происходило въ самой таможенѣ, на границѣ, доказало только всю неосновательность обвиненія, такъ какъ не было приведено ни одного положительнаго факта, подтверждавшаго, что дѣйствія Суходольскаго имѣли какое-либо соотношеніе къ самоубійству несчастнаго еврея. Мнѣ легко было, зная, что я имѣлъ въ Петербургѣ солидную поддержку, устранить всякія попытки, которыя были дѣлаемы съ нѣкоторыхъ сторонъ, чтобы запутать вопросъ, энергическимъ требованіемъ, чтобы слѣдствіе нисколько не уклонялось въ сторону.

Такимъ образомъ цѣль моей командировки была очень легко достигнута, а вмѣстѣ съ тѣмъ это дало мнѣ возможность, до начала и послѣ конца слѣдствія, провести нѣсколько недѣль въ Варшавѣ, — пребываніе, которое было исполнено для меня величайшаго интереса.

Я помѣстился очень удобно въ роскошной „Европейской гостиницѣ“, которая уже тогда была устроена совершенно на манеръ лучшихъ европейскихъ гостиницъ. Графъ Бергъ, какъ человѣкъ чрезвычайно тонкій, немедленно понявшій, какъ на это дѣло смотрятъ въ Петербургѣ, принялъ меня крайне любезно, почти какъ стараго знакомаго. Я у него нѣсколько разъ обѣдалъ, былъ на одномъ большомъ балу и получалъ приглашеніе въ его ложу въ театрѣ. У него же я познакомился тогда съ Треповымъ, который былъ начальникомъ полиціи и своими энергическими дѣйствіями во время возстанія обратилъ на себя вниманіе и положилъ тѣмъ начало своей дальнѣйшей карьерѣ. Треповъ отнесся ко мнѣ почему-то съ особенной симпатіею, и это расположеніе онъ выказывалъ мнѣ до конца своей жизни. Но что меня особенно интересовало, это встрѣча съ главнѣйшими дѣятелями, проводившими тогда въ Польшѣ крестьянскую реформу: Н. А. Милутинымъ, княземъ Черкасскимъ, Кошелевымъ, Домонтовичемъ. Со всѣми ими, кромѣ Кошелева, я уже былъ знакомъ изъ Петербурга. Я бывалъ у нихъ по вечерамъ и участвовалъ на интимныхъ обѣдахъ. Въ этихъ кругахъ я встрѣтилъ тогда тоже М. Н. Анненкова, — съ которымъ впоследствии до самой его печальной смерти я находился въ дружественныхъ отно-

шеніяхъ. Хотя Анненковъ былъ тогда, кажется, помощникомъ Трепова, но при своемъ либеральномъ настроеніи, питая большое сочувствіе къ Н. А. Милютину, онъ держался болѣе партіи членовъ учредительнаго комитета, чѣмъ партіи Бергъ-Треповской. Въ этихъ кругахъ вечеромъ и за обѣдомъ происходила, разумѣется, оживленная бесѣда, такъ какъ все происходившее въ то время, крайне интересовало всѣхъ членовъ учредительнаго комитета, много говорили о крестьянскомъ вопросѣ, объ отношеніи къ дѣлу графа Берга и т. п. Графъ Бергъ, выказавшій во время возстанія большую энергію, пока дѣло заключалось въ преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ, какъ аристократъ и остзеецъ, питалъ все же нѣкоторую симпатію къ польскимъ аристократамъ и не очень сочувственно относился къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, но, какъ тонкій дипломатъ, онъ ни въ чемъ прямо не противодѣйствовалъ ни Милютину, ни прочимъ членамъ учредительнаго комитета, — онъ только не оказывалъ имъ особенной поддержки, такъ что между Милютинимъ, Черкасскимъ и имъ отношенія были самыя дипломатическія, внѣшнимъ образомъ вполнѣ удовлетворительныя, но не особенно сочувственныя и откровенныя. Очень много въ то время разсуждали о только-что послѣдовавшемъ закрытіи монастырей и разсказывали между прочимъ разные происшедшіе при этомъ анекдоты. Такъ какъ число монастырей было въ Польшѣ чрезвычайно значительно, при чемъ во многихъ монастыряхъ число монаховъ было крайне невелико, то было рѣшено монастыри, въ которыхъ (кажется) менѣе 8 монаховъ, закрыть, предоставивъ монахамъ распредѣлиться по другимъ монастырямъ въ краѣ, которые не предполагалось закрывать. Мѣру эту удалось сохранить до того въ секретѣ, что когда насталъ назначенный для приведенія ея въ исполненіе день, то это явилось для монаховъ совершенною неожиданностью, вслѣдствіе чего и произошли при этомъ разныя сцены, иногда даже очень курьезныя. Такъ въ одномъ монастырѣ, подлежащемъ закрытію, когда чиновники прибыли въ монастырь, они застали въ кельѣ одного монаха женщину въ крайне легкомъ одѣяніи, до того прїѣздъ чиновниковъ совершился неожиданно. Несчастная женщина такъ испугалась, что въ томъ же легкомъ одѣяніи, въ которомъ ее застали, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ и спряталась въ колокольнѣ, откуда ее пришлось доставать. О томъ, до какой степени монахи были напуганы внезапностью этой мѣры, мнѣ самому пришлось случайно удостовѣриться на собственномъ опытѣ. Возлѣ Сосновицкой таможи находился знаменитый древній Ченстоховскій монастырь. Находясь въ Сосновицахъ, я пожелалъ взглянуть на эту знаменательную лавру, почитаемую и католиками

и православными, я поѣхалъ туда въ сопровожденіи двухъ таможенныхъ чиновниковъ въ мундирахъ. Мы подъѣзжаемъ къ монастырю, ворота открыты, но никто насъ не встрѣчаетъ, мы выходимъ изъ экипажа и направляемся во внутренность монастыря, проходимъ рядъ комнатъ и ни души,—наконецъ, намъ встрѣчается какой-то монахъ и спрашиваетъ насъ съ крайне испуганнымъ видомъ, чего мы желаемъ. Когда мы ему объяснили, кто мы и что мы желаемъ посмотрѣть монастырь, лицо его прояснилось. Очевидно, увидавъ издали экипажъ съ чиновниками въ мундирахъ, монахи испугались, у нихъ возникло подозрѣніе, не ѣдетъ ли это коммиссія для закрытія монастыря, и вотъ почему передъ нами весь монастырь оказался какъ бы опустѣвшимъ. Вполнѣ успокоенный нашими словами, встрѣтившій насъ монахъ сталъ водить насъ по всему монастырю, самымъ любезнымъ образомъ показывая намъ достопримѣчательности этой древней святыни,—показавъ намъ все интересное, онъ пригласилъ насъ закусить у него въ кельѣ — предложилъ намъ очень вкуснаго и жирнаго гуся и превосходное венгерское вино, которое онъ налилъ намъ въ серебряные кубки. Мы съ удовольствіемъ воспользовались его приглашеніемъ и за тѣмъ, дружественно пораспростившись съ нимъ, уѣхали обратно.

Много слышался я въ то время въ разговорахъ о банкирѣ Кроненбергѣ, первомъ варшавскомъ богачѣ, про котораго говорили, что ходитъ слухъ, что онъ былъ министромъ финансовъ повстанія, и который не смотря на то спокойно проживалъ въ Варшавѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя я слышалъ въ Петербургѣ слѣдующія подробности объ этомъ дѣлѣ отъ барона В. М. Менгдена, который былъ въ Варшавѣ предсѣдателемъ института ипотечнаго кредита и хорошо былъ знакомъ со всѣмъ происходившимъ тогда въ Царствѣ Польскомъ.

При разслѣдованіи революціонныхъ дѣлъ дѣйствительно были найдены несомнѣнныя улики, что Кроненбергъ былъ чѣмъ-то въ родѣ министра финансовъ повстанцевъ. Сомнительно, чтобы онъ увлекся сочувствіемъ къ возстанію, но вѣроятно произведенное на него давленіе и угрозы были такъ сильны, что онъ не былъ въ состояніи отказать въ содѣйствіи повстанцамъ. Благодаря очень значительнымъ суммамъ, пожертвованнымъ имъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, дѣло было занято, тѣмъ болѣе, что онъ предложилъ въ видѣ искупленія—построить одну изъ вѣтокъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Постройка эта состоялась, и по окончаніи ея, онъ даже получилъ какой-то орденъ. Между тѣмъ самое предпріятіе оказалось крайне выгоднымъ, дорога стала давать большіе доходы, такъ что искупительная его жертва оказалась очень выгоднымъ для него предпріятіемъ, онъ нажилъ на немъ большія деньги.

Съ этимъ же дѣломъ связано начало богатства банкира Блюха, извѣстнаго между прочимъ разными статистическими сочиненіями, которыя имъ издавались и между прочимъ обширнымъ многотомнымъ трудомъ о войнѣ. По поводу представленія этого сочиненія онъ имѣлъ даже продолжительный разговоръ съ Государемъ и рассказываетъ, что этотъ разговоръ между прочимъ навелъ Государя на мысль—сдѣлать европейскимъ правительствамъ предложеніе о разоруженіи, которое повело къ собранію конгресса, оставшагося, впрочемъ, безъ существенныхъ результатовъ. Въ то время Блюхъ былъ еще бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, хотя и родственникомъ Кроненберга. При устройствѣ акціонерной компаніи для постройки указанной жел. дороги, Кроненбергъ, зная большія способности Блюха, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему, что, желая обезпечить за собою большинство голосовъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, онъ намѣренъ перевести на имя Блюха значительное число акцій, съ условіемъ, чтобы послѣдній дѣйствовалъ во всемъ по его указанію. Блюхъ, разумѣется, съ радостью принялъ предложеніе Кроненберга. Когда постройка была окончена, и дѣло пошло въ гору, цѣна акцій значительно поднялась, тогда, однажды, Блюхъ, который между тѣмъ уже успѣлъ нажить нѣкоторыя деньги, явился къ Кроненбергу и сказалъ ему, что онъ пришелъ благодарить его за оказанное ему благодѣяніе и рассчитаться съ нимъ. Кроненбергъ, полагая, что онъ пришелъ къ нему, чтобы возвратить переданныя ему акціи, отвѣтилъ ему, что онъ въ продолженіе всего дѣла былъ вполне доволенъ образомъ дѣйствій Блюха, и что онъ не оставитъ его труды безъ вознагражденія. Но тогда Блюхъ объяснилъ ему, что онъ совершенно не намѣренъ возвращать ему акцій, что онъ оставляетъ ихъ за собою, и что онъ пришелъ только, чтобы уплатить ему ту стоимость акцій, которую онѣ имѣли въ моментъ ихъ выпуска. Легко себѣ представить, какъ Кроненбергъ былъ пораженъ неожиданностію такого сообщенія, и съ этого момента началась та ожесточенная вражда, которая продолжаетъ существовать между этими двумя первостепенными варшавскими банкирами.

Въ обществѣ у Берга я познакомился тогда тоже съ нѣкоторыми иностранцами, которые въ то время играли роль въ Варшавѣ. Это были австрійскій генер.-консулъ баронъ Рехенбергъ, большой фаворитъ графа Берга и очень умный человѣкъ, прусскій военный агентъ Верди Дювернуа, который впослѣдствіи былъ военнымъ министромъ, и управляющій въ то время русскимъ участкомъ Варшавско-Вѣнской жел. дороги *Regierungsrath, Haff*. Все это были пріятные и образованные люди, въ обществѣ которыхъ я также нерѣдко проводилъ время въ веселой бесѣдѣ,

Представителемъ министерства финансовъ при графѣ Бергѣ былъ въ то время старый генераль Т. Такъ какъ онъ, однако, совершенно не отвѣчалъ требованіямъ, соединеннымъ съ его положеніемъ, и совершенно не былъ способенъ защищать интересы министерства финансовъ, то на его мѣсто былъ назначенъ чиновникъ по особымъ порученіямъ таможеннаго департамента Лихтенштейнъ. Я рѣдко встрѣчалъ болѣе порядочнаго и пріятнаго человѣка. Умный, образованный, съ опредѣленнымъ и твердымъ характеромъ, онъ съ самаго начала сумѣлъ себя хорошо поставить въ Варшавѣ, приобрѣлъ полное довѣріе и расположеніе графа Берга и потому служилъ очень полезнымъ соединительнымъ звеномъ между Варшавскимъ и Петербургскимъ управленіемъ, съ тактомъ и знаніемъ дѣла, улаживая несогласія, которыя иногда возникали между этими двумя правительственными центрами, и большею частью даже въ время успѣвая предотвратить ихъ возникновеніе.

Характеристикой того, такія странныя столкновенія происходили въ то время иногда между разными исполнителями мѣстной администраціи—и какъ Лихтенштейнъ въ такихъ обстоятельствахъ умѣлъ ловко себя поставить и выдержать характеръ, можетъ служить слѣдующее происшествіе. Въ продолженіе всего смутнаго времени, всѣ лица, проѣзжавшія черезъ Вильну, подвергались тамъ весьма строгому досмотру со стороны жандармскаго офицера, назначеннаго графомъ Муравьевымъ. Возвращаясь изъ Петербурга въ Варшаву, Лихтенштейнъ долженъ былъ проѣхать черезъ Вильну. Завѣдующій станціей жандармскій офицеръ, молодой человѣкъ, зная по паспорту оффиціальное положеніе Лихтенштейна при графѣ Бергѣ, вѣроятно, чтобы показать свою власть, подвергъ его, несмотря на то, особо строгому досмотру, осматривъ всѣ его бумаги даже оффиціальныя и вообще отнесся къ нему болѣе чѣмъ невнимательно. Лихтенштейнъ преспокойно и безъ всякихъ возраженій подчинился этой процедурѣ. Когда же досмотръ былъ оконченъ и ревизовавшій его офицеръ сталъ гулять по платформѣ, Лихтенштейнъ къ нему подошелъ и въ формѣ частнаго разговора, чтобы не обратить вниманіе публики, гулявшей также по платформѣ, сказалъ ему слѣдующее: „Вы окончили ваши обязанности, и теперь я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы поступили не какъ разумный исполнитель власти, а какъ глупый мальчишка. Развѣ вы полагаете, что это должно служить къ укрѣпленію русскаго авторитета въ краѣ, когда въ присутствіи мѣстнаго польскаго и еврейскаго общества такъ относятся между собою чиновники графа Муравьева и графа Берга. Вы знаете, какое я мѣсто занимаю у графа Берга, и знаетъ вся здѣшняя публика; вы, кажется, хотѣли ей показать, что чиновники

графа Муравьева ни въ грошъ не ставятъ управленіе графа Берга и этимъ, несомнѣнно, доставили большое удовольствіе окружавшей насъ публикѣ, но принесли ли вы этимъ пользу русскому управленію въ краю, объ этомъ я предоставляю судить вамъ самому“... Пораженный этими словами, жандармскій офицеръ, невольно сознавая справедливость дѣлаемаго ему упрека и видя, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ съ характеромъ—смиренно выслушалъ всю эту реприманду и, ничего не возражая, отошелъ сконфуженный въ сторону.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о Филипеусѣ, съ которымъ я также встрѣтился въ Варшавѣ. Во 2-ой гимназій я учился вмѣстѣ съ двумя братьями Филипеуса. Отецъ ихъ былъ нѣкогда богатымъ землевладѣльцемъ и промышленникомъ въ Финляндіи, но дѣла его, кажется, находились въ нѣкоторомъ разстройствѣ. Старшій братъ, человѣкъ крайне энергическій, который былъ со мною въ одномъ классѣ, по окончаніи курса сталъ впослѣдствіи заниматься разными коммерческими операціями и поставками въ Восточной Сибири и, кажется, нажилъ значительное состояніе. Съ младшимъ братомъ, который былъ въ гимназій ниже меня классомъ и котораго я послѣ гимназій не видалъ, я теперь встрѣтился въ Варшавѣ. Онъ состоялъ при Милютинѣ, но, кажется, секретаремъ по найму, не имѣя официалнаго служебнаго положенія. Его обязанность заключалась въ чтеніи всѣхъ иностранныхъ журналовъ и въ составленіи рефератовъ изъ нихъ для Николая Алексѣевича.

Поправки. 1) Авторъ „Житейскихъ встрѣчъ“ въ № 1 „Русской Старины“ за нынѣшній годъ проситъ насъ исправить досадную опіску на стр. 49-ой, а именно: вмѣсто словъ „съ эпиграфомъ изъ Рылѣва: „повѣрь, мой другъ, взойдетъ она...“ слѣдуетъ читать: „съ эпиграфомъ изъ Пушкина: „товарищъ, вѣрь: взойдетъ она...“

2) Въ статьѣ А. Жиркевича „По Вальтеръ-Скотту“ на стр. 187, съ 4-й строки снизу слѣдуетъ читать такъ: И не безъ грустной, иронической улыбки долженъ былъ прочесть Хмельницкій мѣсто объясненія Швалебаха о томъ, что когда онъ, подполковникъ, лично убѣдится, что два-три камня и т. д.

Ред.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

подъ редакціей Барона Н. В. ДРИЗЕНЪ.

„Ежегодникъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ“ выходитъ ежемѣсячно, въ теченіе 1909 г., а также будетъ выходить и въ теченіе 1910 г. семь разъ, книжками въ 10—12 печатныхъ листовъ, формата малое in 4⁰, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ заключать въ себѣ записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся постановокъ въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ дѣятельности частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ видѣ приложенія будутъ даны пьесы текущаго репертуара ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, иллюстрированныя портретами дѣйствующихъ лицъ и mise-en-scène постановки.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи въ литературно-художественномъ отдѣлѣ: Профессора **Ө. Д. Батюшкова**, акад. **А. Ө. Кони**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, **Д. С. Мережковскаго** и проф. **П. О. Морозова**; въ художественномъ отдѣлѣ: **А. Я. Головина**, **М. В. Добужинскаго**, **Е. Е. Лансере**, **К. А. Сомова**, **С. К. Маковскаго** и **К. Д. Чичагова**.

Цѣна годового экземпляра „Ежегодника“ 6 руб., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы, а также въ Конторѣ „Ежегодника“ (Итальянская, д. 1—8, кв. 49).

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 руб. (продается также въ фойѣ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ 1910 г.

П О П У Л Я Р Н Ы Й

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. ◆ ◆ тринадцатый годъ изданія.

Учебнымъ отдѣл. Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для Фундаментальныхъ библиотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній. Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ текущей литературѣ.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно книгами журнальнаго формата по слѣдующей программѣ: I. Оригинальныя и переводныя статьи и руководства по всемъ отдѣламъ медицины и вспомогательнымъ ей наукамъ, съ соответственными рисунками научнаго содержания. II. Рефераты, обзоры, біографіи медицинскихъ дѣятелей (съ портретами), некрологи, бібліографія и критика медицинскихъ сочиненій и журналовъ. III. Литературный отдѣлъ и IV. Объявленія.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго Журнала“ получаютъ бесплатно ежемѣсячный народный медицинскій журналъ **„ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ“** подъ редакціей д-ра **ОКСА.**

Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.

Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигиенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя аптека.—Домашняя помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей,

Въ 1910 г. въ „Литературно-Медицинскомъ журналѣ“ будутъ, меж. проч., напечатаны:

I. Научный отдѣлъ: Проф. Мансъ Груберъ (Мюнхень). „Гигіена половой жизни“ Перев. съ 3-го нѣмец. исправленнаго изданія (7—12 тыс. экзмп.). Съ рисунками.—Проф. Г. Портъ (Гейдельбергъ). „Гигіена зубовъ и полости рта“ (строеніе и назначеніе полости рта; прорѣзываніе и смѣна зубовъ; уходъ за зубами и полостью рта у взрослыхъ; уходъ за полостью рта у больныхъ; костоѣда зубовъ; происхожденіе ея и послѣдствія; извлеченіе зубовъ; лѣченіе костоѣды; пломбировка; искусственныя зубы; профессиональныя болѣзни зубовъ). Перев. съ нѣм. Проф. Л. Шреттеръ (Вѣна). „Гигіена легкихъ въ здоровомъ и больномъ состояніи“. Съ 17 рисунками. Пер. съ нѣм.—Проф. А. Богинскій (Верлинь). „Обязанности матери“. Перев. съ нѣмец.—Д-ра мед. Р. Абель и М. Фикнеръ (Верлинь). „Простѣйшіе способы бактериологическихъ изслѣдованій“ (Перев. съ нѣм). II. Литературный отдѣлъ: Бриэ (Вісх). „Потерпѣшіе“. Медицинская пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц.—Д-ръ мед. А. Н. Муморцевъ. „Психопатическія черты въ герояхъ Леонида Андреева“.—Д-ръ мед. А. В. Соболевскій. „Лермонтовъ о спиртовыхъ напиткахъ“. А. Бахтіаровъ. „Приготовленіе скелетовъ“.

Литературное обозрѣніе: разборъ новыхъ книгъ и произведеній, соприкасающихся съ медициной и появляющихся въ текущей журнальной литературѣ. III. Общественная медицина: отклики на общественно-медицинскія злобы дня.—Т. П. Задера. „Объ объединеніи всехъ фельдшерско-акушерскихъ организацій. IV. Практическая медицина: рефераты изъ періодической медицинскои печати, имѣющіе практическій интересъ. V. Библіографія и некрологи. VI. Двѣнадцать номеровъ журнала „Домашній Докторъ“ съ разнообразнымъ содержаниемъ.

Цѣна „ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКАГО ЖУРНАЛА“: четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес. Для выписывающихъ одновременно оба изданія („Фельдшеръ“ и „Литературно-Медицинскій Журналъ“ съ „Домашнимъ Докторомъ“) допускается уступка и разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ первому апрѣлю 1 р., 50 к. и къ первому юлю 1910 г. 1 р. 50 к. За неполученіемъ взносов въ указанные сроки высылка **обоихъ** изданій прекращается.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (СПБ., Офицерская, 26).

Годовые подписчики газеты „Фельдшеръ“ и Литературно-Медицинскаго журнала, внесшіе сразу всю подписную плату (6 р.), получаютъ бесплатно приложение

Медицинскій календарь „ЭСКУЛАПЪ“ на 1910 г. въ двухъ частяхъ.

(2-ая часть содержитъ: „Краткій терапевтическій словарь по внутреннимъ болѣзн.“.)

Открыта подписка на 1910 годъ.

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ
для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получатъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи и этнографіи. Постоянные отдѣлы: **Изъ науки и жизни.**—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду распространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „ВСХОДОВЪ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлать на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединять въ одну книжку.

12 №№ „Библиотеки Выходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Во „Входахъ“ и „Библиотекѣ Выходовъ“ 1910 г. будетъ напечатано между прочимъ: **Безъ исхода.** Истор. пов. **А. Алтаева.**—**Талантъ.** Пов. **Его же.**—**Маленькій Павлюкъ.** Пов. **С. Гусева-Оренбургскаго.**—**Сказка жизни.** Пов. **А. Галагай.**—**Три волоса.** Пов. **А. Зарина.**—**Люди каменнаго вѣка.** Очерки **А. Ельницкаго.**—**Охота за горбачами.** Разск. **И. Инфантьева.**—**Изъ жизни насѣкомыхъ.** Фабра. Въ обраб. **И. Игнатъева.**—**По волнамъ ээира.** Астроном. романъ **Б. Красногорскаго.**—**Пуруль.** Изъ алтайскихъ воспоминаній **А. Мирской.**—**Песеме новоземелець.** Разск. **К. Носилова.**—**Царица Эстеръ.** Разск. **Н. Пружанскаго.**—**Моряки.** Сборникъ морскихъ разсказовъ. **К. Станюновича.**

Подписная цѣна съ доставной и пересылкой:

На годъ въ Россіи 5 р.; на 1/2 года 2 р. 50 к.; на 1/4 года 1 р. 25 к.;
на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Плата за объявл. 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р., 1/4 стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: **С. Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8;** въ конт. Печковской: **Москва, Гетровскія линіи,**—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-издат. **Э. Моквижъ-Моктвидь.**

Подписчикамъ „Одесскаго Листка“ на 1910 годъ будетъ выдана **БЕЗПЛАТНО** книга великаго писателя земли русской

Льва Николаевича ТОЛСТОГО „КРУГЪ ЧТЕНІЯ“.

Цѣль этой книги, какъ заявляетъ великій писатель въ своемъ предисловіи къ ней, заключается въ томъ, „чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневно кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства“.

„Я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобы читатели испытали при ежедневномъ чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечитываніи“.

„Чувствую, что это моя послѣдняя работа, говоритъ Левъ Николаевичъ Толстой, и хочется придать ей характеръ тихой бесѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ, и я радъ, если эту книгу читаютъ“.

„КРУГЪ ЧТЕНІЯ“, составляющій книгу около 800 страницъ, отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на хорошей большого формата бѣлой бумагѣ. Къ книгѣ приложенъ художественно исполненный фототипіей портретъ Л. Н. Толстого.

Выдача книги годовымъ подписчикамъ на 1910 годъ, внесеннымъ полную подписную годовую плату (городскіе 10 руб., а иногородніе 12 руб.), будетъ производиться съ 10-го января 1910 года въ конторѣ „Одесскаго Листка“ по предъявленіи подписныхъ квитанцій. Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію по почтѣ, подѣ заказной бандеролью, благоволятъ сообщить о томъ конторѣ, приложивъ поч. марокъ на 35 к. въ возмѣщеніе стоимости расходовъ по пересылкѣ. Подписчики же, получающіе газету въ разсрочку, книгу получать при послѣднемъ взносѣ подписной суммы.

Количество экземпляровъ очень цѣнной книги „Кругъ чтенія“ отпечатано нами ограниченное и въ отдѣльную продажу не поступитъ.

Ежедневная литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

съ отдѣльн. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, выходящими при газетѣ **ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ** по средамъ и субботамъ.

Въ 1910 году газета вступаетъ въ 37-ой годъ своей жизни и будетъ продолжать издаваться той же редакціей, подѣ которой газета выходила всѣ 36 лѣтъ

Вліяніе, которое приобрѣла за столь продолжительное время газета, и то огромное число читателей, которое она завоевала, обязываютъ насъ стоять съ прежнею чуткостью на стражѣ интересовъ общества и въ будущемъ и съ сознаніемъ этой священной обязанности продолжать работу Девизомъ газеты всегда было и впредь будетъ—стремленіе идти навстрѣчу интересамъ читателя-гражданина безъ различія національности и вѣроисповѣданія, неизмѣнно преслѣдуя цѣли прогресса и культуры.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

въ городѣ съ доставкой на домъ 10 р. въ годъ, 6 р. полгода, 3 р. 50 к. три мѣсяца и 1 р. 20 к. въ мѣс.; на города съ ежедневной высылкой по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣс.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи денегъ, должна быть оплачена 5 к. гер. мар. за счетъ подшвычка.

Редакція и Контора въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“ **В. В. Навроцкаго.**

14-й год изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1910 годъ.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

Издаваемый въ Москвѣ А. А. ПЕТРОВИЧЕМЪ подъ редакціей Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Н. Э. СТРЕМОУХОВА при постоянномъ участіи известнаго писателя И. ЛЮДИНА и художника П. П. ИВАНОВА и др.

Тринадцатилѣтнее существованіе журнала, огромная распространенность его среди Русскаго населенія, полное удовлетвореніе подписчиковъ, даже въ то время, когда политическія событія ставили къ тому почти непереоделимая препятствія, наконецъ лестные отзывы подписчиковъ и читателей, такова въ общ. чертахъ исторія журн. „Родная Рѣчь“.

Въ будущемъ 1910 году подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получатъ **ВСЕГО ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:**

50 №№: ЛИТЕРАТУРНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА — свыше 300 рисунковъ и портретовъ и 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, статьи историческаго и научнаго содержанія, описанія путешествій, біографіи, смѣсь, сельскохозяйственныя замѣтки. ОПИСАНІЕ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, оригинальные рисунки, портреты, снимки съ знаменитыхъ картинъ, виды городовъ, историческихъ памятниковъ, живописныхъ мѣстностей и пр.

50 №№: ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ, въ которой печатаются передовыя статьи по всемъ вопросамъ политической и общественной жизни, хроника правительственныхъ распоряженій, нововведеній, фельетоны и замѣтки на разныя темы, обсужденіе мнѣній другихъ газетъ о разныхъ вопросахъ, корреспонденціи, иностранныя новости, театр и музыка, спортъ, мелочи, тиражи и пр.

24 ^{книги} **СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ** **Графа Е. А. САЛІАСА.**
^{известнаго русскаго писателя}

Будутъ даны слѣдующія его сочиненія: НА МОСКВѢ МОРЬ, больш. историч. романъ; ШЕМЯКИНЪ СУДЬ, историч. романъ; ПЕТРОВСКІЕ ДНИ, историч. романъ; ПОСЛАНЕЦЪ ГРАФА ГЕТМАНА, историч. романъ; СВАДЕБНЫЙ БУНТЬ, историч. романъ; СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ, историч. повѣсть; ЛЮРДСКАЯ БОГОМАТЕРЬ, рассказъ; ЧЕРНЫШЬ, рассказъ; ЕВРЕЙКА, рассказъ; ЗАСЬКИНСКІЙ ДОМЪ, рассказъ; ЛОВЕЛАСЬ, рассказъ; ЯБЕДА НА ЯБЕДУ, рассказъ; ПОСЛАНІЕ КЪ РОССІЯНАМЪ, историческій рассказъ.

ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ СТОЯТЪ 15 рублей.

4 ^{книги} **СОЧИНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АНГЛІЙСК. ПИСАТЕЛЯ ДЖОНА ЛЕББОНЪ.**
КАКЪ НАДО ЖИТЬ РАЗУМНО И СЪ ПОЛЬЗОЮ.

Означенныя книги необходимы каждому грамотному человѣку для самообразованія.

1 ^{книга} **МЕЖДУЦАРСТВІЕ** ^{Написанная по источникамъ}
^{Е. И. ЗАБѢЛИНА.}

СО МНОГИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

При первомъ № журнала будетъ приложенъ

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г.

1 ^{большая} ^{книга} **ЦАРЕУБИЙСТВО**
или ИСТОРИЯ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО.
НАПИСАНА ПО ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА.

Долговѣтнее добросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками служитъ гарантіей для будущихъ подписчиковъ, что и въ предстоящемъ году мы съ одинаковымъ рвеніемъ не только выполнимъ всѣ свои обѣщанія въ точности, но не остановимся передъ затратами на особыя не входящія въ программу приложенія, если того потребуютъ обстоятельства.

Подписная цѣна на журналъ „Родная Рѣчь“ со всеми приложеніями съ пересылкой **на годъ 5 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р., къ 1 апрѣля — 1 р., къ 1 іюля — 1 р. и къ 1 септ. — 1 р.

Съ наложеннымъ платежомъ и въ кредитъ журналъ не высылается.

Подписку адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ“ — Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., № 4.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Ксвалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилина, М. М. Ковалевского, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Посникова, Л. З. Слюминскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзорѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помѣщаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника **В. И. Россинскаго**, фирмой **Meisenbach, Riffarth & Co** въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по 1/2 г. 7 р. 75 к., по 1/4 г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкой на годъ 16 р., по 1/2 г. 8 р., по 1/4 г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по 1/2 г. 8 р. 50 к., по 1/4 г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по 1/2 г. 9 р. 50 к. по 1/4 г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: **М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28., К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.**

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина, Крещатикъ, 33.**

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.**

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“. Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ **Н. П. Карбасникова.**

Редація „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32. Главная контора журнала. Загородный просп., 14. **Московское Отдѣленіе:** Б. Никитская, 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію бесплатно. 3—1

14-й годъ
изданія.**ОТКРЫТА ПОДПИСКА**14-й годъ
изданія.

на 1910 годъ

на единственное въ Россіи литературное художественное
иллюстрированное изданіе.**НОВЫЙ ЖУРНАЛЬ****Литературы, Искусства и Науки**

(быв. Ф. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерная свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванию, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, окултизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Онэ, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уальдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки“—С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ *С. Э. Новиковъ.*

Открыта подписка на 1909—1910 г.

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературный журналъ

II годъ
съ Окт. 1909 г.
по Окт. 1910 г.**„МІРЪ“**II годъ
съ Окт. 1909 г.
по Окт. 1910 г.

Въ журналѣ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты. Въ 1909—1910 г.г. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ ЖУРНАЛА большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40000 буквъ).**Альбомъ** изъ 24 **картинъ знам. художн.** въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.**Живыя рѣчи Л. Н. Толстого.**

Въ содержаніе живыхъ рѣчей войдутъ собранныя И. Б. Тенеромъ легенды и бесѣды Л. Н. Толстого: Религія человѣчества. — Молитва. — Легенда объ Александрѣ I. — Христіане ли мы? — Поездъ отлученія. — Сборъ для голодающихъ. — Яснополянская коммуна. — Пророчества. — Шпюнь. — Какъ Л. Н. Толстой бросилъ курить. — Новая заповѣдь. — О патриотизмѣ. — Сотрудники Л. Н. Толстого. — Легенда нищихъ. — Старушка сказочница. — Два старика. — Педагоги. — Какъ создавалась „Власть тьмѣ“. — Плоды просвѣщенія. — Пилата и истина. — Эпизодъ изъ Севастопольской войны. — Палкинъ. — Рѣпинъ. — Суворинъ. — Сенаторъ. — Вегетарианство. — Л. Н. Толстой и П. Л. Лавровъ. — Л. Н. Толстой и его дѣти. — Какъ отняли дѣтей у Хилкова. — Пасхальное путешествіе. — Л. Н. Толстой и Крыловъ. — Голодь. — Въ опалѣ. — Л. Н. Толстой и деньги. — Партии. — Соціализмъ. — Пролитая кровь. — Упоение смертью. — Л. Н. Толстой и конституція. — М. А. Стаховичъ. — Разумъ. — Въ Ясной Полянѣ. — Посылка. — Переписка Л. Н. Толстого. — Къ слухамъ объ Л. Н. Толстомъ. — Къ обстрѣлу дома Л. Н. Толстого. — Легенда объ Александрѣ Македонскомъ. — Колонизація евреевъ. — Сіонизмъ. — Л. Н. Толстой о юдофобствѣ. — Къ юбилею Л. Н. Толстого. — Наканунѣ юбилея. — Отказъ отъ юбилея. — Академія нравственныхъ наукъ. — Л. Н. Толстой и студенты. — Л. Н. Толстой о Государственной Думѣ. — Л. Н. Толстой и порнографія. — Л. Н. Толстой о семьѣ. — Л. Н. Толстой о дуэли. — Изъ прошлаго. — Паломницы Ясной Поляны. — Л. Н. Толстой о тайнѣ безстрашія. — О врачахъ. — О прессѣ. — О театрѣ. — О женщинахъ. — Треповъ и домъ Л. Н. Толстого. — Покося. — Языкъ труда. — Л. Н. Толстой въ лѣсу. — Плачь Патриарховъ. — Легенда о языкѣ. — Служители Бога. — Легенда о Патриархѣ. — Жизнь человѣка. — Легенда о Содомѣ. — Рождественская легенда. — Учитель жизни. — Легенда о Кесарѣ Адрианѣ. Помимо всего вышеназваннаго редакція „МІРЪ“ съ Октября т. г. вводитъ:

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Главной задачей справочнаго отдѣла является желаніе придти на помощь провинціальному читателю, отдаленному отъ центра умственной и повседневною жизни. Руководясь этимъ, редакція „МІРЪ“ организовала особое справочное бюро, въ которое вошли специалисты — ученые по всѣмъ отраслямъ науки, сельскому хозяйству, общественной жизни и т. д.

Бюро отвѣчаетъ на вопросы подписч., даетъ совѣты, указанія и т. д.
Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстоности Россіи: на годъ 5 р., на ¹/₂, 3 р. За границу: на годъ 8 р., на ¹/₂ г. 5 р.
Для сельскихъ священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земскихъ служащихъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 руб., каждые три мѣсяца по 1 руб.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждыя 10 экз. 1 экз. бесплатно.

Адресъ редакціи: **С.-Петербургъ, Лиговская, № 74.**

Подробный проспектъ о журналѣ и каталогъ книгоиздательства высылаются бесплатно.

Редакторъ Л. Л. Богущевскій.

Издатель В. Л. Богущевскій.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: Москва, Петровка, д. № 25, Самариной; въ С.-Петербурѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголь Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголь Садовой и Мучного пер.; № 7—уголь Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библіотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголь Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

СТАРЫЕ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА **ГОДЫ**
на 1910 годъ.

Въ четвертомъ году изданія „Старые Годы“ выходятъ по той же программѣ, при участіи слѣдующихъ соотрудниковъ:

Александръ Н. Бенуа, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Вилибинъ, Wilhelm Bode, J. de Bosshère, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fierens, Gevaert, Max Geisberg, J. v. d. Gheyn, В. В. Голубевъ, Adolf Gottschewsky, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Loys Deltell, Léon Déshairs, С. П. Дягилевъ, R. Kœchlin, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Корщъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я Курбатовъ, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, А. В. Орѣшниковъ, R. Petrucci, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Сынцъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthuny, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Шавинскій, И. А. Ооминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Рядъ выпусковъ 1910 г. будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб. За границу—30 франковъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Соляной пер., 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Ключкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Новаго Времени“ и Шибанова.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р.; къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 июля—2 р.

Журнала за 1908 годъ въ продажѣ нѣтъ. Осталось ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1909 годъ.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Подписка на 1910 г. открыта.

„РОДНИКЪ“

XXIX г. изд. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 12 книжекъ со многими иллюстраціями и отдѣльными картинками (до 2.000 стр.). Интересное содержаніе. Изящная внѣшность. Участвуютъ лучшіе писатели и художники. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ современ. жизни.

Каждая книжка закончена.

Цѣна съ перес. 5 р. На $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 50 к.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXIV г. изд. Педагогическій листокъ для родителей и педагоговъ. 12 №№. Популярныя статьи по физическ., умств. и нравств. воспитанію дѣтей, гл. обр. дошкольнаго возраста. Протоколы С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка. Рецензіи о дѣтскихъ книгахъ.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

„СОЛНЫШКО“

VI г. изд. Единственный въ Россіи дешевый журналъ для начальныхъ школь и для дѣтей младшаго возраста. 12 книжечекъ со многими иллюстраціями. Приложение: 40 большихъ картинъ для составленія альбомовъ Знакомить дѣтей преимущественно съ роднымъ бытомъ и природой, и стремится сдѣлаться подспорьемъ при начальномъ обученіи.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

Каждая книжечка закончена. Цѣна ихъ отдѣльно—10 коп.

Редакція и Контора: Петербургъ, Таврическая, 27.

==ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.==

Годъ изданія сорокъ пятый
„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будеть выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей
и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая
отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интере-
совъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Полные обзоры областной промышленности и тор-
говли.

Объявленія *изъ губерній: нижегор., казанск., симбирск., сарат. и изъ Закаспійск. Края и Кавказа, а также* объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид. соб. д.), всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Мецль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—7 руб. 50 коп., 1/2 года —3 руб. 75 коп., 3 мѣс.
—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель **В. М. Склабинскій.**

водчиками по недостатку средств, и доставляет даровитым молодым людям способъ къ окончанію ихъ образованія и приготовленія себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ, и если они не будутъ имѣть на то средствъ“. При неизмѣнномъ вниманіи передового общества, фондъ всегда умѣетъ достигать поставленныхъ цѣлей и, не обращаясь ни въ узко-профессиональный союзъ, ни въ партійную организацію той или иной окраски, проявляя широкую терпимость ко всевозможнымъ направленіямъ мысли, полвѣка служилъ писателямъ и ученымъ и выросъ не только въ крупное предпріятіе, располагающее большими денежными средствами, но въ выдающуюся общественную силу.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изданіе, посвященное памяти И. Е. Забѣлина. Московское книгоиздательство „Образованіе“. Выпуски I—III. М. 1909—1910.

Посвященное имени недавно скончавшагося И. Е. Забѣлина, самаго лучшаго изслѣдователя и знатока исторіи и быта старой столицы, роскошное изданіе „Образованія“ займетъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Появленіе его какъ нельзя болѣе своевременно. Оно заполняетъ давно чувствовавшійся пробѣлъ. Какъ ни были широки изслѣдованія, которымъ отдалъ свою трудовую жизнь Забѣлинъ, они, конечно, не могли быть всесторонними; освѣтить и изучить прошлое Москвы во всевозможныхъ отношеніяхъ не подъ силу было одному работнику. Для этого необходимъ трудъ коллективный, и именно такое изданіе и предпринято „Образованіемъ“. Къ участию въ немъ привлечены солидные ученые силы: Д. Н. Анучинъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. К. Бороздинъ, В. Я. Брюсовъ, М. М. Богословскій, А. Н. Веселовскій, М. О. Гершензонъ, Ю. В. Готье, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, А. А. Кизеветтеръ, М. В. Ключковъ, М. К. Любавскій, А. А. Манушловъ, С. А. Муромцевъ, С. Ѳ. Платоновъ, В. И. Пичета, П. Н. Сакулинъ, А. И. Успенскій, С. К. Шамбинаго, Е. Н. Щепкинъ и многіе другіе. „Москва“—говорится въ предисловіи—„всегда была средоточіемъ русской мысли, русскаго творчества, животворнымъ родникомъ народныхъ думъ и стремленій. Здѣсь Россія отстаивала свою самобытность, русский народъ—свои права и вольности. Здѣсь происходили главнѣйшія событія русской исторіи. О твердыни Москвы разбилась всѣ волны междоусобицы—этой „великой разрухи земли московской“; здѣсь нашелъ себѣ погибель всемірный побѣдитель—Наполеонъ. Здѣсь всегда раздавался мощный голосъ народный. Москва всегда сливалась тѣсною духовною связью со всѣмъ русскимъ народомъ. Москва—средоточіе богатства Россіи, главный центръ всей нашей торговли и промышленности“. Исторія Москвы—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исторія Россіи, и всесторонній трудъ по московской исторіи не можетъ не имѣть важнаго общенаучнаго значенія. „Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ“, съ гордостью говорить народъ о своей древней столицѣ, и въ полномъ соответствіи съ стилией красотой Москвы находится внѣшность разсматриваемаго изданія, въ которой превосходно сочетались роскошь и вкусъ. Многокрасочныя обложки работы П. Афанасьева, великолѣпныя картины и рисунки Ап. Васнецова, снимки съ картинъ извѣстныхъ авторовъ, виды современной Москвы, стильныя виньетки—все это исполнено съ необыкновеннымъ изяществомъ и рѣдкою роскошью. Къ лучшимъ статьямъ въ вышедшихъ пока трехъ выпускахъ принадлежатъ статьи Д. Н. Анучина по геологій и археологій Москвы, М. К. Любавскаго „Возвышеніе Москвы“, В. И. Пичета „Внѣшняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“, С. Ѳ. Платонова „Московскіе земскіе соборы“, В. В. Нечаева „Общій видъ и внѣшній ростъ Москвы за XVI—XVII вѣка“, М. М. Богословскаго „Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вѣкахъ“, А. П. Новицкаго „Церковная архитектура Москвы“.

Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб. 1909.

Извѣстно, что авторъ „Горя отъ ума“ не только раздѣлялъ со многими своими современниками романтическое тяготѣніе къ востоку, но питалъ къ изученію его постоянный и серьезный научный интерес. Слѣдовъ этого интереса сохранилось множество—и въ перепискѣ Грибоѣдова, и въ отзывѣхъ людей, его знавшихъ, какъ Бѣгичевъ или Булгаковъ, и въ накопившихся до сихъ поръ оффіціальныхъ свѣдѣніяхъ о немъ. Едва признакомившіе съ востокомъ, Грибоѣдовъ жаловался: „скудость познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагѣ“. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ уже не только бѣгло говорилъ по-персидски, но даже могъ писать персидскіе стихи. Ничѣмъ единымъ и прочнымъ это вниманіе къ востоку не закрѣплено въ творчествѣ Грибоѣдова, но общая совокупность всѣхъ его упоминаній о востокѣ, восточныхъ „отраженій“ въ его произведеніяхъ (статья „О Гиляни“, отдѣльныя замѣчанія въ „Desiderata“, крымскихъ и кавказскихъ „Путевыхъ запискахъ“, отрывки изъ трагедіи „Грузинская ночь“, пѣсма „Кальянчи“, планъ трагедіи „Родамистъ и Зенобія“) убѣждаетъ въ неслучайности и серьезности этого вниманія. На этой почвѣ онъ сблизился съ извѣстнымъ ориенталистомъ академикомъ Х. Френемъ и, говоритъ г. Мсеріанцъ, „можно думать, явился для Френа именно тѣмъ желаннымъ дипломатическимъ представителемъ на востокѣ, который способенъ былъ принести пользу также и наукѣ“. Г. Мсеріанцъ впервые опубликовалъ неизвѣстное до сихъ поръ письмо Грибоѣдова къ Френу, относящееся, вѣроятно къ началу іюня 1828 г.; въ немъ Грибоѣдовъ говоритъ о своихъ „будущихъ научныхъ занятіяхъ въ Персіи“. „Быть можетъ“—заключаетъ авторъ,—„если бы не преждевременная, трагическая кончина, то Грибоѣдовъ, руководимый такимъ менторомъ, какимъ былъ академикъ Френъ, оставилъ бы послѣ себя память и не только какъ талантливый драматургъ и злосчастный дипломатъ“. Послѣднее прилагательное доказываетъ незнакомство автора съ служебною стороною дѣятельности Грибоѣдова, который и на попріицъ дипломатинъ былъ выдающимся дѣятелемъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Циваерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20.
 «Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣломству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г.,
 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

МАРТЪ.

1910 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

I. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула.	475—507	IX. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова	622—643
II. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Большой князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I, т. II. Сиб. 1909). В. В. Тимошукъ.	508—523	X. Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III.	644—664
III. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. Казимиръ Васильевичъ Левидкій. А. Витмера.	525—542	XI. Тайственная старина. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX вѣка). С. Артоболовскаго.	665—679
IV. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ. (Изъ воспоминаній Ирины Ивановны Оннорѣ, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. И. Оннорѣ.	543—554	XII. Памяти П. Я. Дашкова.	680—694
V. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія переписки Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	555—565	XIII. Изъ давно прошедшаго. (1876—1879). Л. Богавскаго.	695—700
VI. Изъ дневника русской въ Турціи, передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	566—586	XIV. Киньчжоуснй бой. А. В. Фока	701—712
VII. Тяжелые дни Мунденскихъ боевъ. (Воспоминанія запаснаго). Н—чъ.	587—603	XV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VIII. Ф. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка. В. Храевича.	605—621	а) 1. Отзывъ гр. П. А. Киселева о „Бородинскихъ очеркахъ“ Ф. Н. Глинки. (Письмо Киселева Глинкѣ отъ 21 февраля 1840 г.);	
		2. Приглашеніе на горшокъ щей. (Страничка изъ бытовой исторіи офицеровъ д.-гв. Назмайловскаго полка). Сообщ. Мих. Соколовскій.	524
		б) Письмо Е. Н. Жулевой гр. В. Ф. Адлербергу. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	604
		XVI. Книжки, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 октября по 12 ноября 1909 г. (на оберткѣ).	

Приложенія: Портреты: Александра Виссаріоновича Комарова, Пятти, Лукка и Ирины Ивановны Оннорѣ.

Виды: а) Мостъ Ташъ-Кенри на р. Кушкѣ. б) Поле сраженія при Кушкѣ и в) карта земельныхъ приобрѣтеній въ Закаспійской области.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1910 года.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 15 октября по 12 ноября 1909 г.

Бархинъ, К. Поэзія А. В. Кольцова 1809—1909. Одесса 1909. Тип. Одесскихъ Новостей (Екатерининская, 8). 8° (15×22). 32 стр. Ц. 15 к. Вѣсь 4 л. 1.000 экз.

Гершензонъ, М. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1909. Тип. т-ва И. Н. Кушнерева и К^о (Пименовская, св. д.). 8° (15×22). 187+1 стр. Складъ: въ конт. журн. Критическое Обзорніе (Никольскій, 19). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 26 л. 2.100 экз.

Загоскинъ, Н. П., проф. Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи. Казань. 1909. Изд. Управл. Внутр. Водныхъ Путей и Шоссейныхъ дорогъ. Тип. И. Харитоновъ (Воскресенская, св. д.). 8° (18×27). XV+464+25 стр. Вѣсь 2 ф. 2 л. 610 экз.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1909 г. Т. XIV, кн. 1-я. Спб. 1906. Изд. и тип. Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., 12). 8° (17×25). 369+III+1 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 12 л. 813 экз.

Содержаніе: А. И. Соболевскій. — Посланіе епископа Симона П. С. Н. Бранловской. — Къ вопросу о литерат. дѣятельности русск. писат. XVII ст., носившихъ имя „Каріонъ“. Ш. А. И. Томсонъ. — Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. п. въ славянскихъ языкахъ. IV. Е. А. Бобровъ. — Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій (Прод.). V. В. Н. Перетцъ. — Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. XI—XII. VI. А. И. Никольскій. — Нѣсколько словъ о житіи и сочиненіяхъ святаго Димитрія Ростовскаго. VII. П. Д. Драгановъ. — О германизмъ *выглядитъ* (неправ. форма средн. глагола наст. вр.) въ Русскомъ языкѣ. VIII. В. Н. Бенешевичъ. — Армянскій прологъ о свв. Борисъ и Глѣбѣ. IX. В. Г. Ярошенко. — Украинская сказка въ фонетической транскрипціи. X. А. Бертье-Делагардъ. — Какъ Владимиръ осаждалъ Корсунь. XI. Приложеніе: Обзорніе трудовъ по славяновѣдѣнію, составленное В. Н. Бенешевичемъ, В. С. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ ред. Бенешевича. 1908—1909 г.г. Вып. 1. (до 1-го іюня 1909 г.).

Отчетъ историко-филологическаго о-ва при Имп. Новороссійскомъ университетѣ за 1908—9 годъ. Одесса. 1909. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (16×26). 15 стр. Вѣсь 2 л. 250 экз.

Радищевъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. проф. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. Томъ II. Библиотека русскихъ классиковъ. Спб. 1909. Изд. и тип. М. И. Акинѣева (Васковъ, 10). 8° (15×24). XXII+394 стр. Съ портр. Ц. за 2 тома 1 р. 65 к. Вѣсь 1 ф. 10 л. 3.200 экз.

Савва, арх. Хроника моей жизни. Автобіографическія записки. Томъ 8 (1886—1890 г.г.). Сергіевъ Посадъ. 1909. Изд. Москов. дух. Академіи. Тип. Св. Тр. Серг. Лавры. 8° (18×26). 842+XXV стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсь 2 ф. 10 л. 1.045 экз.

Савва, В. И. Сочиненіе противъ епископовъ XVIII вѣка. М. 1909. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., св. д.). 8° (18×27). 35 стр. Вѣсь 8 л. 900 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 130. Юрьевъ. 1909. Тип. К. Маттисена. 8° (19×27). 768 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 3 ф. 10 л. 1.250 экз.

Баювъ, А., проф. Курсъ исторіи военнаго искусства. Вып. IV. Эпоха Императрицы Елисаветы. Спб. 1909. Тип. Гр. Скачкова (Итальянская, 16). 8° (17×25). 107 стр. и 6 схемъ. Вѣсь 17 л. 1.000 экз.

Бенешевичъ, В. Н. Отвѣты Петра Хартофилакса (Конца XI вѣка). Записки Имп. Академіи Наукъ. Т. VIII. Вып. 14. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л. № 12). 8° (21×30) 19 стр. Ц. 45 к. Вѣсь 5 л. 650 экз.

Бѣломоръ, А. Изъ Русско-Японской войны (Крейсерская дѣятельность). Спб. 1909. Тип. Петербургскихъ Вѣдомостей. 8° (12×19). 62 стр. Вѣсь 5 л. 300 экз.

Житіе преподобнаго Евфросіна Псковскаго (Первоначальная редакція). Къ изданію приготовилъ Н. Серебрянскій. Памятники древней письменности и искусства. СЛXXXIII. Спб. 1909. Изд. Общ. Любителей древн. письменности. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). XXIIV+88+V стр. Вѣсь 22 л. 600 экз.

Истринъ, В. М. Лекціи по исторіи новой русской литературы. 1909—10 г. Спб. 1909. Лит. „Екатерингофское печатное дѣло“. 8° (18×28). 16 стр. Вѣсь 2 л. 100 экз.

Намѣстичи, губныя и земскія уставныя грамоты Московскаго Государства. Изд. подъ ред. А. И. Яковлева. М. 1909. Изд. Истор. филолог. фак. Моск. Ун. Тип. Имп. Московск. Университ. 8° (17×26). IV+208 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 1 ф. 10 л. 1.200 экз.

Никольскій, Н. Легенда Мантуанскаго епископа Гумпольда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славянонорусскомъ изложеніи. Памятники древней письменности и искусства СЛXXXIV. Спб. Изд. Общ. любит. древней письменности. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). LI+99 стр. Вѣсь 21 л. 500 экз.

Александръ Виссаріоновичъ
Комаровъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова**. **П. М. Ковалевскаго**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. **Д. А. Сналомъ** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисеѣва, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршьева, Вѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Вите, Бунге, Деянова, Богодѣлова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штрмберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храевичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ сѣвльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ биографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина и А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринна“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.“. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ—ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“. Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Шестіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генералъ Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

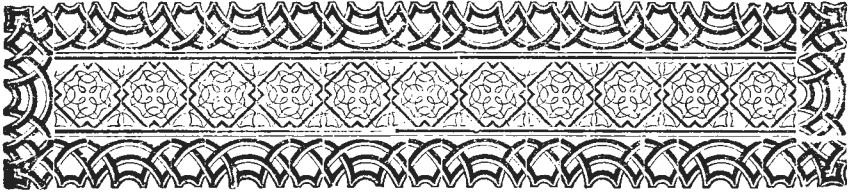
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А IV¹⁾.

Новая поѣздка въ Лондонъ лѣтомъ 1875 г. для занятія въ Британскомъ музеѣ. Знакомство съ В. С. Соловьевымъ и его характеристика: мистицизмъ и равнодушіе къ жизни и человѣческимъ интересамъ.—М. М. Ковалевскій и его характеристика: удивительный образецъ трудолюбія и жизнерадости.—Мои профессора товарищи въ Москвѣ: В. А. Умовъ, А. С. Павловъ, С. А. Муромцевъ и др.—Защита докторской диссертациі въ 1876 году и выборы въ ординарные профессора.—Двѣ новыхъ поѣздки въ Британскій музей.—Моя переписка съ женой изъ Лондона въ Крейцнахъ въ 1877 г. Н. П. Боголѣповъ, Алисовъ, Яблочковъ и пр.—Продолженіе работы надъ вторымъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли“.—Мои журнальныя статьи и изслѣдованія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словъ“: 1. „Ливерпульская Ассоціація финансовыхъ реформъ“. 2. „Дѣтскій и Женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи“. 3. „Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими?“. 4. „Промышленная статистика и фабричное законодательство“. 5. „О табачной монополіи въ Европѣ“. 6. „Англійская политика въ Ирландіи“. 7. „Англійскіе кабацкичи“. 8. Новый типъ англійскаго „радикализма“. 9. „Возрожденіе Мальтузіанства“. 10. „Причины и послѣдствія отмены солянаго налога въ Англіи и Россіи“—и многія другія...

Въ маѣ мѣсяцѣ предстояло рѣшить, какъ проводить лѣто 1875 г. Къ сожалѣнію, родители моей жены почему-то не могли въ это лѣто оставаться въ своемъ имѣніи, которымъ мы потомъ, позднѣе, нѣсколько разъ пользовались какъ дачей. Кромѣ того подъ самой Москвой врачи не рекомендовали особенно оставаться ради ослабѣвшаго организма такому не крѣпкому отъ природы человѣку, какъ моя жена. Съ другой стороны, успѣхъ моей магистерской диссертациі, похвалы со всѣхъ сторонъ и собственное сознаніе говорили мнѣ о необходимости постараться ускорить писаніе докторской диссертациі. Начавши съ исторіи косвенныхъ налоговъ въ Англіи и оцѣнивши по достоинству выгоды Британскаго музея, я естественно пришелъ къ выводу, что для докторской диссертациі необходимо мнѣ избрать

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1910 г. февраль.

предметомъ другой косвенный налогъ—таможенные пошлины, но, какъ всѣмъ извѣстно, таможенные пошлины имѣютъ двоякую задачу: во-первыхъ, общую со всѣми налогами,—удовлетвореніе государственныхъ потребностей, во-вторыхъ—полицейскую цѣль, улучшение и поднятіе своей собственной промышленности. Я остановился на общей задачѣ, прослѣдить, пользуясь богатствами Британскаго музея, исторію развитія идеи свободной торговли и протекціонизма, оставляя разборъ изслѣдованій фискальныхъ цѣлей, впрямь до будущаго, безъ вниманія.

Остановившись такимъ образомъ на темѣ и обдумавши нѣсколько общій планъ труда, впоследствии впрочемъ, нѣсколько разъ измѣненнаго, я пришелъ къ заключенію о необходимости, опять пользуясь длиннымъ вакатомъ, мѣсяца на четыре ѣхать въ Лондонъ, въ стѣны милаго Британскаго музея для собиранія матеріала и работы.

Чтобы не нуждаться по-прежнему въ лондонѣ, что было бы пагубно для слабаго организма только что вставшей съ одра болѣзней жены, я позаботился нѣсколько о расширеніи нашихъ матеріальныхъ средствъ. Во-первыхъ, намъ помогла одна добрая знакомая, большой другъ отца моей жены, ссудившая намъ нѣсколько сотъ рублей, а затѣмъ я обезпечилъ себѣ постоянную работу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ у Скворцова, съ которымъ, бесполезно говорить, вполне примирился, кажется, черезъ посредство того же безцѣннаго А. И. Чупрова. Я рассчитывалъ, что и оправдалось на дѣлѣ, что работая нѣсколько меньше напряженно, перемежая трудъ прогулками и при лучшемъ питаніи, мы съ женой поправимся къ осени отъ всѣхъ болѣзней и напастей и вернемся, собравши значительный матеріалъ для будущей диссертациі, восвоюи, здоровые и веселые, что въ дѣйствительности и осуществилось.

Незадолго передъ отъѣздомъ я былъ съ прощальнымъ визитомъ у почтеннаго ректора того времени Сергѣя Михайловича Соловьева, противъ котораго какъ разъ въ это время строилъ ковы и интриги кружокъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ, Леонтьевъ и К^о, что кончилось сверженіемъ его съ ректорства. С. М. въ концѣ вечера отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ интимнымъ образомъ: „Вотъ вы теперь ѣдете въ Лондонъ, какъ сообщали, гдѣ скоро будетъ мой сынъ Володя. Знаете вы его?“ Я сообщилъ, что видѣлъ лишь одинъ разъ. „Онъ мальчикъ хорошій“, сообщилъ почтенный историкъ, „но жить еще не умѣетъ, проживаетъ очень много отъ неопытности; его обираютъ. Не будете ли вы такъ добры, если встрѣтитесь, а это навѣрное возможно, если пожелаете, позаботиться объ его устройствѣ и помочь ему, въ виду его неопытности.“

Вы меня очень обяжете, и я буду покойнѣе, зная, что около него будетъ человѣкъ, дружественно расположенный помочь ему въ случаѣ нужды“. При этомъ онъ подозвалъ свою супругу, которая подтвердила его просьбу. Разумѣется, я общалъ со своей стороны оказать возможную любезность В. С., на сколько это будетъ отъ меня зависѣть.

Какъ я объяснилъ вполнѣ точно отцу, мое знакомство съ сыномъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ, въ то время ограничивалось лишь однимъ какимъ-то мимолетнымъ свиданіемъ, при чемъ онъ меня заинтересовалъ своей обаятельной, симпатичной наружностью и веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, который впрочемъ раздавался изрѣдка. Все же, что я о немъ слышалъ тогда въ томъ кружкѣ, гдѣ я вращался, скорѣе говорило противъ него, нежели за. Магистерская диссертация его „Противъ позитивизма“ прегрѣшила мнѣ уже потому, что я самъ былъ немногъ позитивистъ, а самое главное, въ Москвѣ всѣ открыто рассказывали, что В. С. пріятель Любимова и Леонтьева, явныхъ враговъ своего почтеннаго и уважаемаго родителя, и не стѣняется де бывать тамъ, гдѣ на него (т. е. отца) открыто клеветуютъ. Насколько это была правда, я конечно не знаю, но несомнѣнно, что уже дальше при встрѣчѣ своей со мной за границей, В. С. не скрывалъ своей близости съ кружкомъ, для меня крайне противнымъ — „Московскихъ Вѣдомостей“ — и даже разъ, по какому-то не помню случаю, предлагалъ мнѣ наивно протекцію у Любимова!!!

И такъ, я имѣлъ относительно личности и достоинства молодого Соловьева аргументы и за и противъ него, отношеніе весьма далекое отъ того обожанія всѣхъ его качествъ, которое образовалось въ послѣдніе годы его жизни въ кружкѣ „Вѣстника Европы“, къ которому отчасти, пожалуй, примкнулъ и я, въ виду огромныхъ перемѣнъ, замѣтно въ немъ происшедшихъ, въ смыслѣ улучшенія всего его нравственнаго облика.

Нужно было такъ пошутить судьбѣ, что первое знакомое лицо, которое мы съ женой увидѣли въ Лондонѣ, по пріѣздѣ, былъ именно Владиміръ Соловьевъ. Утромъ мы пріѣхали въ Лондонъ на этотъ разъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Дувръ. Вечеромъ послѣ обѣда вышли съ женой прогуляться на одну изъ лучшихъ лондонскихъ улицъ „Piccadilly“ и у одного изъ ближайшихъ магазиновъ увидели, почти одновременно, длинную меланхолическую фигуру В. С., задумчиво взирающую на какой-то предметъ за стекломъ и около него юркую фигуру, несомнѣнно еврейскаго происхожденія, ныряющую во всѣ стороны. Мы окликнули, оказалось дѣйствительно онъ. Изъ разспросовъ, давно ли онъ пріѣхалъ, что подѣлываетъ, оказалось, что онъ тоже пріѣхалъ лишь сегодня, но въ отличіе отъ насъ,

проживавшихъ въ дешевыхъ комнатахъ м-рсь Ситгерсъ, онъ остановился въ дорогомъ аристократическомъ отелѣ, гдѣ къ нему немедленно заботливой администраціей при гостиницѣ былъ представленъ, въ качествѣ новичка, чичероне, русскій еврей, чуть не за фунтъ въ день, который и не отпускалъ его ни на минутку изъ своихъ цѣпкихъ лапъ, сопровождая всюду въ ознакомленіи съ городомъ. Я немедленно заявилъ просьбу отца, чтобы жить гдѣ-нибудь съ нимъ поближе, если не вмѣстѣ. В. С. безъ всякаго разговора на это согласился, упомянувши, что также имѣлъ объ этомъ увѣдомленіе. Такимъ образомъ въ тотъ же день онъ переселился по сосѣдству съ нами въ одну изъ свободныхъ комнатъ м-рсь Ситгерсъ и сдѣлался постояннымъ нашимъ завсегдатаемъ и товарищемъ до самаго отъѣзда нашего изъ Лондона, мѣсяца три или четыре. Но прежде, чѣмъ приводить всевозможныя подробности всѣхъ тѣхъ воспоминаній, которыя у насъ сохранились о Соловьевѣ, я долженъ разказать о другомъ знакомствѣ, которое для меня нераздѣльно съ памятью о Соловьевѣ, такъ какъ мы жили и видались почти всегда вмѣстѣ. Я разумію моего настоящего друга, многолѣтняго товарища по Московскому университету, профессора М. М. Ковалевскаго.

Съ М. М. Ковалевскимъ я познакомился также лѣтомъ въ 1875 г., одновременно съ Соловьевымъ, но нѣсколько инымъ образомъ. Когда я собирался въ Лондонъ, то магистрантъ историко-филологическаго факультета, Высотскій, впоследствии правитель дѣлъ попечителя графа Капниста, при какой-то случайной встрѣчѣ, началъ мнѣ расхваливать своего молодого пріятеля по Парижу, Ковалевскаго, при чемъ съ нѣкоторыми оговорками по поводу его слабости-де къ женскому обществу, очень хвалилъ его за добродушіе, остроуміе и вообще способности и рекомендовалъ мнѣ съ нимъ познакомиться, если хочу, увѣряя въ томъ, что я не раскаюсь. Я взялъ у Высотскаго карточку и адресъ и въ одинъ изъ первыхъ же дней пріѣзда, послѣ находки Соловьева, разыскалъ М. М., жившаго, помнится мнѣ, недалеко отъ меня, кажется, на Woburn Place. М. М. былъ совершенная противоположность во всѣхъ отношеніяхъ съ Соловьевымъ, сразу же завоевалъ всѣ мои симпатіи. Человѣкъ очень умный, живой, жизнерадостный чрезвычайно для его юнаго тогда возраста (ему было около 23 или 24 лѣтъ, если не меньше). Онъ отличался большими знаніями, общительностью, истиннымъ джентльмэнствомъ, которымъ немедленно завоевывалъ расположеніе всѣхъ людей, съ которыми вступалъ въ сношенія. Въ добавокъ къ этому онъ обладалъ, какъ зажиточный харьковскій помѣщикъ, сравнительно со мной и многими другими профессорскими кандидатами за границей,

хорошими матеріальными средствами, которые давали ему возможность приобретать множество книгъ; ими онъ щедро дѣлился со всѣми желающими и угощалъ своихъ пріятелей съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ и радушіемъ.

Разумѣется, Ковалевскій немедленно познакомился съ моею женой и В. Соловьевымъ. Всѣ мы очень сдружились, несмотря на значительную разницу вкусовъ, направленій и состояній, относились взаимно дружелюбно и проводили все время сообща. Ковалевскій былъ рѣшительный позитивистъ, другъ Вырубова во Франціи и Гаррисона въ Англіи; Соловьевъ мистикъ и антипозитивистъ. Я ближе подходилъ по своимъ воззрѣніямъ къ Ковалевскому, но до нѣкоторой степени чуждался нѣкоторыхъ его выводовъ и специально всегда былъ равнодушенъ къ вопросамъ политики, придавая гораздо большее значеніе экономическому моменту въ жизни человѣка и общества. Въ этомъ пунктѣ, если угодно, мнѣ кажется, Соловьевъ ближе стоялъ ко мнѣ, чѣмъ М. М. Онъ съ удовольствіемъ, какъ я убѣдился не разъ впоследствии, читалъ социалистовъ и другихъ фантазеровъ по экономической области, но всегда старался придавать всѣмъ ихъ построеніямъ религіозную подкладку. Мы не разъ съ нимъ, припоминается мнѣ, напримѣръ читая отца Ноэса и книгу Нордгофа объ Американскихъ коммунахъ и общинахъ, до нѣкоторой степени сходились съ Владиміромъ Сергѣевичемъ и различались только толкованіемъ. Онъ признавалъ будущее лишь за религіозными общинами Америки, въ родѣ „шекеровъ“. „Онеида“ его сильно интересовала, но, напримѣръ „Новую Гармонію“ онъ рѣшительно отрицалъ, тогда какъ я за нее стоялъ и т. д. М. М., обратно съ нами обоими, былъ совершенно равнодушенъ къ подобнымъ вопросамъ, но придавалъ всегда огромное значеніе и любилъ поговорить по исторіи учрежденій, ихъ вліяніи на нравы и обычномъ правѣ.

Письма наши въ Россію этого времени наполнены главнымъ образомъ описаніями нашего общенія и приключеній съ этими двумя интересными знакомствами. Трактуются также, впрочемъ, часто модный вопросъ о спиритизмѣ, которымъ въ тотъ годъ было сильно заинтересовано все русское общество и по желанію, кажется, „Русскихъ Вѣдомостей“ я тогда прислалъ нѣсколько корреспонденцій по спиритизму, сеансы котораго посѣщались мною какъ разъ въ веселой и пріятной компаніи Ковалевскаго и Соловьева. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ отъ 18/6 іюля 1875 года:

„Я не знаю, рассказывала ли я вамъ, что мы были на спиритическомъ сеансѣ одного знаменитаго медиума здѣсь и остались очень недовольны фокусническими пріемами духовъ. Мы послали довольно

интересную корреспонденцію въ „Русскія Вѣдомости“, постарайтесь добыть номеръ, она теперь навѣрное уже напечатана. Въ той же газетѣ будетъ вѣроятно помѣщенъ другой рассказъ уже Соловьева (?), который былъ у того же спирита вчера и пришелъ къ тому же самому заключенію, какъ и мы, хотя онъ, противно съ нами, сильно склоненъ вѣрить въ сверхъестественныя силы. Странный человѣкъ этотъ Соловьевъ; вы вѣрно о немъ слышали“, рассказываетъ о немъ жена, „это сынъ историка Соловьева, ректора Московскаго университета, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, защитившій уже диссертацию по предмету философіи. Онъ очень слабый, болѣзненный человѣкъ, съ умомъ, необыкновенно рано развившимся, пожираемый скептицизмомъ и ищущій спасенія въ мистическихъ вѣрованіяхъ въ духовъ. Во мнѣ лично онъ возбуждаетъ симпатію и сожалѣніе; предполагаютъ, что онъ долженъ сойти съ ума, потому что слишкомъ много работалъ мозгомъ для своихъ лѣтъ. Когда я его увидала въ первый разъ, онъ меня поразилъ своимъ мрачнымъ аскетическимъ видомъ“.

„Совершенную противоположность съ нимъ составляетъ нашъ другой новый знакомый Ковалевскій. Однихъ лѣтъ съ нимъ, онъ однако представляетъ собой фигуру, равную моему супругу по размѣрамъ, и подаетъ надежду на дальнѣйшее усовершенствованіе. Его веселый характеръ и простыя развязныя манеры составляютъ тоже не меньшій контрастъ со сдержанностью погруженнаго въ себя философа. Эта простота въ обращеніи заставила двухъ толстяковъ очень скоро сойтись, тѣмъ болѣе, что толстякъ Ковалевскій, по мнѣнію толстяка Янжула, обладаетъ необыкновенными для своихъ лѣтъ свѣдѣніями и очень свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Въ настоящее время обѣ эти персоны такъ заговорились другъ съ другомъ, что забыли о своемъ обѣщаніи зайти за мной, чтобы пойти вмѣстѣ гулять“!

Всѣ письма жены того времени наполнены также описаніями разныхъ угощеній и обѣдовъ; такой большой контрастъ съ нашей прежней жизнью благодаря Ковалевскому съ Соловьевымъ! Отъ 6 августа 1865 г., напримѣръ, жена сообщаетъ между прочимъ въ письмѣ матери, что: „Сегодня у насъ будетъ кутежъ. Ковалевскій задумалъ угостить насъ, Соловьева и кое-кого изъ другихъ знакомыхъ обѣдомъ“... Дальше: „На-дняхъ (вѣроятно, 15 іюля) мы кутили по случаю именинъ Соловьева, который угощалъ насъ и Ковалевскаго обѣдомъ съ шампанскимъ. Теперь рѣдко проходитъ вечеръ, чтобы кто-нибудь къ намъ не зашелъ, такъ что И. И-чу есть съ кѣмъ болтать, не то что зимой. Впрочемъ все-таки мы живемъ дѣльно, хотя и весело, и собирая много матеріаловъ для будущихъ работъ“...

„На-дняхъ я познакомилась съ очень милой нѣмкой, живущей здѣсь съ братомъ, которому она помогаетъ работать для разныхъ ученыхъ нѣмецкихъ журналовъ, и третьяго дня мы провели очень пріятно вечеръ въ большой компаніи, состоящей изъ насъ съ Иваномъ Ивановичемъ, Ковалевскаго, философа Соловьева, Орлова, Негг фонъ-Штудницъ и Frl. фонъ-Штудницъ. Первые, т. е. большая часть кавалеровъ, вели все время споръ о политической экономіи, при чемъ Ковалевскому нерѣдко приходилось исполнять должность толмача, а мы, остальные образовали особенный кружокъ и вели болѣе общій разговоръ, при чемъ Frl. фонъ-Штудницъ допрашивала философа о спиритизмѣ, который онъ, какъ вамъ извѣстно, признаетъ серьезно, и пришла къ заключенію, что онъ очень странный человекъ; она же сама очень умная и простая нѣмка, разговорчивая и пріятная“¹⁾.

Кстати добавлю къ этому, что послѣднимъ особамъ, т. е. дѣвицѣ Штудницъ и моей женѣ, въ видѣ особаго или спеціальнаго знака довѣрія, В. С. не разъ серьезнѣйшимъ образомъ сообщалъ, что онъ во всѣхъ рѣшительныхъ и важныхъ случаяхъ своей жизни поступаетъ согласно указанію и совѣту духа одной „нормандки“ XVI или XVII вѣка, которая является къ нему по желанію и даетъ надлежащія указанія, какъ дѣйствовать или чего ждать? Повторяю опять, что онъ это сообщалъ нѣсколько разъ и при томъ самымъ категорическомъ образомъ, сторонясь насъ,—мужчинъ, которые поднимали его за подобныя сообщенія на смѣхъ. Вообще милый и симпатичный человекъ, особенно какимъ онъ сдѣлался послѣднюю половину своей жизни, В. С. представлялся нѣсколько ненормальнымъ въ ту эпоху, когда я съ нимъ встрѣтился въ Лондонѣ и работалъ вмѣстѣ въ Британскомъ музеѣ. Цѣлые часы, какъ я за нимъ иногда слѣдилъ въ Музеѣ, какъ онъ работаетъ, онъ сидѣлъ, по сосѣдству, надъ какой-то книгой о Кабалѣ съ курьезными, диковинными рисунками и значками, совершенно углубленный и забывающій, что дѣлается вокругъ. Сосредоточенный, печальный взглядъ, какая-то внутренняя борьба отражалась у него на лицѣ почти постоянно. Онъ сидѣлъ отъ меня настолько близко, что я имѣлъ возможность много разъ наблюдать эту картину. Когда я къ нему обращался съ вопросомъ: „Что, Владиміръ Сергѣевичъ, о чемъ задумались?!“—или „какъ вамъ интересна ваша книга, которую вы такъ долго читаете? Почему вы ее не перемѣните?“ и т. п., я получалъ отъ него такіе отвѣты:

¹⁾ Она въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, живетъ въ Берлинѣ и занимается изданіемъ и редактированіемъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, весьма распространеннаго журнала по домоводству и домашнему хозяйству.

„Я ничего... въ высшей степени интересно; въ одной строчкѣ этой книги больше ума, нежели во всей европейской наукѣ. Я очень доволенъ и счастливъ, что нашелъ это изданіе“.

Самоуглубленный В. С. нерѣдко буквально забывалъ обѣдать и когда моя жена, взявшая его подъ свое попеченіе, часто допрашивала: „Да вы обѣдали ли, Владиміръ Сергѣевичъ, сегодня?“— „Нѣтъ, я забыть, да, кажется, и вчера я не обѣдалъ!“. Мы пробовали брать его съ нами обѣдать въ то время въ такъ называемыя „tea shops“ или „tea house“, гдѣ было только ограниченное число блюдъ, обыкновенно мясо и мясо, полу-сваренное и полу-жареное, изрѣдка пудинги (съ тѣхъ поръ Лондонскія кухмистерскія значительно улучшились). Отъ подобныхъ обѣдовъ изъ одного мяса онъ рѣшительно отказывался, большею частью оно ему было противно; рыбу еще иногда ѣлъ, но ее не всегда можно было найти, кушаньевъ изъ плодовъ не было, а потому приходилось волей неволей, не мѣняя собственного режима, отказываться отъ его общества и предложить ему ходить въ болѣе дорогіе рестораны, съ лучшимъ и болѣе богатымъ выборомъ; тѣмъ не менѣе онъ часто забывалъ это сдѣлать, или лѣнился по отдаленности всѣхъ лучшихъ ресторановъ отъ Британскаго музея. Въ самомъ Музеѣ собственнаго ресторана тогда еще не было.

Жена скоро замѣтила у него пристрастіе къ рыбному желе и начала приобрѣтать его, специально для Соловьева, зазывая его каждый вечеръ къ себѣ послѣ Музея, и прикармливая этимъ желе. Обыкновенно въ это замѣчательное лѣто мы проводили время такимъ образомъ: послѣ Музея въ 6 часовъ шли втроемъ съ Соловьевымъ, иногда вчетверомъ съ Ковалевскимъ, закупать нашъ ужинъ въ колбасныя, рыбныя и фруктовыя лавки, гдѣ приобрѣтали для себя немного мяса¹⁾, раковъ, или крабевъ, рыбы, желе для Соловьева и фруктовъ, иногда масла и молока. У насъ дома, на этотъ разъ уже въ лучшей комнатѣ, чѣмъ прежде, всѣ усаживались за чай, который дѣлала жена, я ей помогалъ, Соловьевъ въ это время читалъ обыкновенно русскія газеты, только что пришедшія, а Ковалевскій весело со всѣми болталъ и послѣ легкой закуски у насъ, уходилъ къ себѣ обѣдать, что совершалось гораздо позднѣе нашего ужина.

Помню я замѣчательную сцену одного вечера. Соловьевъ просматривалъ свѣжій № „Русскихъ Вѣдомостей“, жена готовила чайную посуду, а я подогрѣвалъ воду, сидя около камина, какъ вдругъ

¹⁾ Обыкновенно—на два пенса „stuff“ т. е. кусокъ мелко рубленнаго мяса („stuff“ собственно значить „дрянь“) изъ отбросовъ и на $\frac{1}{2}$ пенингертаго гороха. Всего, слѣдовательно, около 10 копѣекъ стоимостью.

Соловьевъ разразился неудержимымъ хохотомъ: „ха! ха! ха!“—„Владиміръ Сергѣевичъ, что такое смѣшное, расскажите скорѣй намъ!“ Въ отвѣтъ на это опять раздался его столь милый дѣтскій хохоть, вызывавшій невольно такой же окликъ, но на этотъ разъ съ добавленіемъ нѣсколькихъ совѣмъ не дѣтскихъ словъ: „Ахъ, какіе дураки... можно ли быть такими глупыми?!“—„Что такое, расскажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?“ повторяли мы съ женой. Я не помню, былъ ли тутъ Ковалевскій, или только мы втроемъ.—„Представьте себѣ, въ хронику Московскихъ происшествій занесенъ слѣдующій случай“, отвѣчалъ онъ: „отходники пріѣхали очищать помойную яму въ одномъ домѣ, открыли люкъ очень глубокой ямы и колодца, которые давно не чистили, и туда сначала отправился одинъ рабочій, не долѣвъ, свалился и, конечно, пропалъ. На его мѣсто былъ отправленъ другой рабочій и повторилось то же самое: рабочій полѣвъ, упалъ отъ вредныхъ газовъ въ обморокъ и свалился; наконецъ, третій и только послѣ трехъ несчастій, люди образумились, остановили очистку, провѣтрили люкъ, бросили туда огонь и т. п., прежде чѣмъ принялись за чистку, и вытащили трехъ мертвыхъ товарищей изъ этой ужасной ямы. Не странные, не глупые ли это люди?! ха! ха! ха!“

Мы оба съ женой набросились на Соловьева: „Владиміръ Сергѣевичъ, это такъ на васъ не похоже, на ваше доброе сердце; что вы находите тутъ смѣшного, что смѣтаетесь чуть не до истерики?.. Конечно, это дѣйствія нелѣпныя, но, вѣдь, рабочіе влѣзли въ зловонную ужасную яму не для своего удовольствія, а изъ-за куска хлѣба, который этимъ трудомъ добываютъ. Имъ приказали лѣзть, они были только исполнителями. Не правильнѣе ли винить безсердечныхъ, глупыхъ хозяевъ, которые такъ неосмотрительно предпринимаютъ работы и, наконецъ, начальство, которое подобное веденіе очистки дозволяетъ“. Я не помню точно, что намъ возражалъ на наше замѣчаніе В. С., но онъ все-таки стоялъ на своемъ, что это все очень глупо и смѣшно, и что во всякомъ случаѣ не стоитъ и не слѣдуетъ такъ много огорчаться этимъ происшествіемъ, когда увидалъ встревоженное и огорченное по данному поводу лицо моей жены. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ замѣтилъ Соловьевъ. „Какъ вы полагаете, что для этихъ рабочихъ лучше, что они умерли такой ужасной смертью?!“—„Нѣтъ, я хочу сказать, что вообще здѣшняя жизнь на землѣ не составляетъ столь серьезнаго факта, за который стоило бы такъ держаться и дорожить, и чѣмъ чловѣкъ испытываетъ больше непріятнаго и дурного въ этомъ мірѣ, онъ получить сторицею въ томъ!?! Позвольте, я вамъ расскажу одну русскую народную легенду; подобнаго замѣчательнаго произведенія ни одинъ европейскій народъ не создалъ“. Мы, конечно, попросили его раз-

сказать и вотъ что онъ намъ въ сжатомъ видѣ передалъ изъ со- держанія этой легенды:

„Когда-то Христось съ учениками, путешествуя по землѣ, при- шель въ одну деревню къ вечеру уже на ночлегъ. Постучался въ одну избу, его не пустили, прогнали; въ другую, третью—тоже са- мое... Собаками травили... Наконецъ, пришелъ въ послѣднюю бѣдную избушку на концѣ деревни, гдѣ жилъ бѣднякъ, имѣвшій всего лишь одну коровенку. Бѣднякъ вышелъ изъ избы, когда подходилъ Хри- стось съ учениками, поклонился ему до земли и обмылъ ему по тогдашнему обычаю ноги, принесъ чашку молока, ложку, краюху хлѣба, и сказалъ: „Кушайте съ Богомъ, что имѣю, простите, что мало, больше нѣтъ“. Потомъ принесъ сѣна, постелилъ, гдѣ можно, и предложилъ гостямъ спокойно спать. На другое утро Христось съ учениками ушелъ отъ гостепріимнаго хозяина и изъ деревни. Вдругъ на выгонѣ, откуда ни возьмись, сѣрый волкъ и спрашиваетъ Христа: „Я голоденъ, Господи, гдѣ мнѣ поѣсть?“ Тотъ говоритъ: „Ступай въ послѣднюю избу, на краю деревни тамъ у мужика одна корова, ты ее зарѣжь. Всѣ ученики въ негодованіи: „Господи, что Ты дѣлаешь?! Одинъ добрый человекъ нашелся въ деревнѣ, насъ угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ, а ты у него послѣднюю корову отнимаешь!!!“—„Маловѣрные вы, маловѣрные“ отвѣтилъ Господь, „чѣмъ здѣсь хуже, тѣмъ тамъ лучше. Чѣмъ тяжелѣе мужику будетъ здѣсь, тѣмъ съ большей сторицей онъ будетъ награжденъ на небе- сахъ!“.

Намъ съ женой оставалось, конечно, только пожать плечами отъ такой странной, своеобразной логики по данному поводу, и мы рѣ- шительно протестовали, какъ противъ величія русскаго народа, благодаря сочиненію такой легенды, такъ и противъ системы оправ- данія самаго неумѣстнаго смѣха о людскомъ горѣ и несчастіи Владиміра Сергѣевича.

Вообще довольно странныя выходки замѣчались въ то время за милымъ и симпатичнымъ, какимъ онъ сдѣлался впоследствии, Соловьевымъ, которыя совсѣмъ какъ-то не вяжутся и трудно при- мирить съ его добрымъ, необыкновенно сострадательнымъ характе- ромъ второй, послѣдней половины его жизни, когда онъ попалъ въ кружокъ „Вѣстника Европы“. Какъ разъ, напримѣръ, въ то самое послѣднее время, прійдя однажды къ Соловьеву въ гостиницу Angleterre, противъ Исааковскаго собора, гдѣ онъ жилъ продолжи- тельное время, я сдѣлался свидѣтелемъ такой трогательной сцены: небольшая комната Соловьева имѣла обыкновенную форточку, кото- рая была отворена настежь и изъ нея валилъ холодный воздухъ морознаго утра. Это было зимой. Множество голубей летало по подо-

коннику взадъ и впередъ. В. С., легко одѣтый, въ накинутомъ на ночной рубашкѣ пальто, щипалъ булку французскаго хлѣба и бросалъ голубямъ, которые безъ церемоніи вырывали хлѣбъ у него чуть не изъ рукъ. Комната быстро наполнилась холодомъ, и онъ, очевидно, простужался. На всѣ мои напоминанія объ опасности для его здоровья такой раздачи голубямъ продовольствія, онъ только смѣялся своимъ милымъ смѣхомъ и заперъ окно, выбросивши полъ-хлѣба прямо на подоконникъ, когда я наконецъ напомнилъ ему о моемъ личномъ опасеніи за собственное здоровье отъ такого голубинаго угощенія.

Совершенно обратно съ этой сценой, молодой В. С., въ то по крайней мѣрѣ время, людей очень мало сожалѣлъ и мало придавалъ значенія, повидимому, самымъ важнымъ человѣческимъ интересамъ. Такъ, напримѣръ, во время нашего совмѣстнаго пребыванія и житія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ, произошелъ крупный скандалъ съ нѣкимъ мистеромъ Беккеръ, въ послѣдствіи сдѣлавшимся извѣстнымъ Беккеръ-пашой въ Турціи. Капитанъ Беккеръ, адъютантъ тогдашняго принца Уэльскаго, нынѣ короля, путешествуя по Лондонской подземной дорогѣ (Underground Railway), сдѣлалъ покушеніе на честь одной молодой дѣвицы, съ нимъ ѣхавшей въ одномъ и томъ же купѣ перваго класса (фамилію забылъ, что-то въ родѣ миссъ Дальтонъ). Въ одномъ туннелѣ, изъ котораго состоитъ большая часть дороги, испуганная дѣвушка было выскочила, съ большой опасностью для жизни, на приступку вагона и на слѣдующей станціи была найдена полиціей при открытыхъ дверяхъ, съ намѣреніемъ выскочить и подняла тревогу. Судъ обвинилъ Беккера, несмотря на всѣ его сильныя придворныя связи и вліянія, и приговорилъ къ какому-то наказанію. Вся печать, или точнѣе большая часть, съ чрезвычайнымъ негодованіемъ нападала и бранила Беккера. Одинъ только защитникъ нашелся между ними въ лицѣ В. С., который энергично доказывалъ намъ, что навѣрно эта дѣвица авантюристка и желала сорвать деньги и исключительно съ этой цѣлью устроила скандалъ, и что, если бы объ этомъ догадался Беккеръ, то ничего бы не вышло. Вообще въ отношеніи женщинъ В. С. всегда, даже и въ послѣднее время, какъ я помню нѣсколько разъ, а въ юности въ особенности, отличался значительной долей цинизма и большой также любовью къ скабрзнымъ анекдотамъ.

Само собою разумѣется, что несогласіе съ подобными мнѣніями вызывало иногда въ нашемъ кружкѣ бурныя пренія и нѣкоторое раздраженіе, но надо отдать справедливость Соловьеву, онъ былъ такъ незлобивъ и незлопамятенъ, что на другой день всѣ подобныя

столкновенія забывалъ и держалъ себя по-прежнему очень мило и любезно. Такъ, напримѣръ, припоминаю, какъ разъ у него на именинахъ, когда онъ угощалъ насъ съ Ковалевскимъ у Бодеги, въ испанскомъ погребѣ на Оксфордъ-стритъ, прекраснымъ ужиномъ съ большимъ количествомъ шампанскаго и, разумѣется, не безъ вліянія послѣдствій его, произошелъ очень рѣзкій споръ, гдѣ отчасти я долженъ признать себя виновнымъ за недостатокъ сдержанности. Я не помню, по какому предлогу рѣчь коснулась Бѣлинскаго, къ которому я всегда, особенно въ молодости, благоговѣлъ, какъ вдругъ В. С. воскликнулъ: „Что такое Бѣлинскій? Что онъ сдѣлалъ?.. Я уже теперь сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ онъ, и надѣюсь въ теченіе жизни уйти далеко отъ него и быть гораздо выше...“ Хотя было уже очень выпито и можетъ быть поэтому я не удержался, слушая подобное самохвальство, и замѣтилъ Соловьеву, что „стыдно такъ говорить о самомъ себѣ, лучше подождать, когда другіе васъ признаютъ ему равнымъ!!!“ Какъ вдругъ на мое замѣчаніе, къ вѣщему моему конфузу—это происходило въ общемъ залѣ, очень наполненномъ публикой,—В. С. разразился рыданіями, слезы потекли у него обильно изъ глазъ. Я немедленно попросилъ извиненія, Ковалевскій съ своей стороны всячески старался потушить его волненіе, но это намъ не скоро удалось. Праздникъ нашъ разстроился, и мы немедленно уѣхали домой. На другой день, однако, Соловьевъ встрѣтился съ нами въ Британскомъ музеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и когда я вновь извинялся за то, что вызвалъ вчерашнюю сцену, онъ только засмѣялся и тѣмъ и кончилось, повидимому, безъ вліянія на наши добрыя отношенія.

Совершенною противоположностью, какъ уже упомянуто, составлялъ другой мой новый знакомый, М. М. Ковалевскій. Будучи всегда жизнерадостнымъ и не чуждымъ всѣхъ удовольствій міра, онъ предпочиталъ всегда землю съ ея радостями небесамъ, но это не мѣшало ему жить и духовными интересами, не меньше, чѣмъ В. С. Уже тогда онъ поражалъ огромной и разнообразной своей начитанностью въ области сравнительной исторіи юриспруденціи. Очень часто рано утромъ, послѣ весело проведеннаго вечера, уже раздавался въ сосѣдней комнатѣ, когда мнѣ приходилось ночевать у Ковалевскаго, его веселый голосокъ съ нагѣвомъ какого-нибудь романа, а между тѣмъ онъ въ это время былъ въ сущности за тысячи верстъ отъ веселаго времяпрепровожденія и если войти къ нему въ спальню, какъ это дѣлалъ нѣсколько разъ я, то очень часто при этомъ находилъ его со всѣхъ сторонъ обложеннымъ и углубленнымъ въ огромные фоліанты на старомъ французскомъ, или старомъ англійскомъ и латинскомъ языкахъ, самыхъ серьезнѣй-

шихъ, съ обычной точки зрѣнія, скучнѣйшаго содержанія о какихъ-то средневѣковыхъ институтахъ, книгъ.

Прерванный въ этихъ занятіяхъ, Ковалевскій, немедленно, вслѣдствіе обращенія къ нему, пускался въ объясненія прочитаннаго, и оказывалось, что онъ только-что успѣлъ тонко подмѣтить какую-нибудь любопытную сторону и выводъ изъ сравненія нѣсколькихъ юридическихъ институтовъ и ихъ исторіи и поражалъ васъ одинаково, какъ остроуміемъ и глубиной своей анализа, такъ и необыкновенной своей памятью на разныя мелочи прочитаннаго. Вообще, если относительно В. С., въ его юности, 22 лѣтъ, когда мнѣ пришлось съ нимъ жить вмѣстѣ въ Лондонѣ, приходилось больше догадываться о его крупныхъ умственныхъ силахъ по его глазамъ, выраженію лица, отдѣльнымъ замѣчаніямъ и наконецъ репутаціи, установившейся со времени его диспута, то Ковалевскій немедленно завоевывалъ симпатію и уваженіе своего собесѣдника массою своихъ свѣдѣній и критикой всего подвергаемаго имъ обсужденію. В. С. въ то время выглядывалъ юношей, подававшимъ надежды, очень способнымъ, но и очень страннымъ, Ковалевскій же, несмотря на одинаковый съ нимъ возрастъ, внушалъ больше довѣрія и уваженія, какъ человѣкъ взрослый, зрѣлый и знающій, что онъ думаетъ и говорить.

Было еще нѣсколько русскихъ въ Лондонѣ того времени, какъ напримѣръ, Фирсовъ, Н. Н., проживавшій тогда въ Англіи и часто бывавшій въ нашемъ кружкѣ, пока не вынужденъ былъ покинуть Англію; но по разнымъ обстоятельствамъ я позволю себѣ умолчать въ данномъ случаѣ о своихъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ этого бывшаго земскаго дѣятеля, нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человѣка ума замѣчательнаго, нынѣ въ большой оѣдности и болѣзни проживающаго гдѣ-то въ уголкѣ Южной Италіи.

Пособравши изрядное количество матеріаловъ для своей будущей диссертациі объ „Англійской свободной торговлѣ“, мы вернулись въ Москву, и для меня вновь началась моя профессорская дѣятельность. Передъ отъѣздомъ изъ Лондона М. М. Ковалевскаго, который хотя и былъ оставленъ при Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ подъ руководствомъ столь знаменитаго учителя, какъ профессоръ международнаго права Каченовскій, но мало цѣнилъ своими земляками въ силу общаго правила: „нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“, я усердно зазывалъ его, во-первыхъ, поддерживать со мной переписку, давать о себѣ знать по временамъ, и во-вторыхъ, вмѣсто Харькова, пріѣзжать держать магистерскій экзаменъ къ намъ въ Москву и у насъ защищать диссертацию, когда онъ ее напишетъ, при чемъ я заранѣе пророчилъ ему блестящій успѣхъ

въ томъ и другомъ. Что касается до перваго, т. е. корреспонденціи, насколько помню, М. М. прислалъ мнѣ всего лишь одно письмо, хотя довольно большое и интересное по содержанію, гдѣ между прочимъ увѣдомлялъ о новости „самой удивительной“, какъ онъ ее называлъ, послѣ нашего отъѣзда изъ Лондона „Соловьевъ-де ѣдетъ въ Египетъ; духи сообщили ему о существованіи тамъ тайнаго кабалистическаго общества и обѣщали ему ввести въ него, т. е. въ общество. Соловьевъ не желаетъ, добавляетъ М. М., „чтобы его намѣреніе стало извѣстно отцу раньше исполненія“¹⁾. Понятно поэтому, о сообщенномъ я умолчалъ передъ своими знакомыми.

Что касается до второй моей просьбы, пріѣхать въ Москву, для исполненія своихъ магистерскихъ повинностей, то, какъ извѣстно, М. М. скоро это и исполнилъ. Въ одну изъ ближайшихъ зимъ онъ появился въ Москвѣ, немедленно мной былъ представленъ декану, тогда Мильгаузену, и другимъ болѣе виднымъ членамъ факультета; почти безъ всякаго приготовленія, блестящимъ образомъ, какъ рѣдко—это, сдать свой магистерскій экзаменъ и выслушалъ изъ устъ нашего престарѣлаго декана просьбу увѣнчать начатое прекрасно дѣло и, не ограничиваясь экзаменомъ, защититъ въ будущемъ у насъ свою диссертацию, когда онъ ее напишетъ, и остаться на каедрѣ въ Москвѣ, вмѣсто возвращенія въ Харьковъ, гдѣ его видимо должнымъ образомъ не цѣнятъ. Маленькая рѣчь декана, вылившаяся искренно изъ его устъ, а Мильгаузенъ всегда отличался своей молчаливостью, вмѣстѣ съ добродушнымъ одушевленіемъ и просьбой присутствовавшихъ, подѣйствовали на юнаго М. М., и онъ немедленно далъ намъ обѣщаніе, что останется въ Москвѣ, и такимъ образомъ мы его приобрѣли своимъ товарищемъ, пока жестокая воля судьбы, противъ нашего желанія, лишила насъ этого удовольствія!..

Перехожу теперь къ бѣглому очерку лицъ изъ профессорскаго кружка, въ которомъ мы вращались. Раньше всего это были Умовы мужъ съ женой, Толстопятовы, Усовы, Легонины. Первый, профес-

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ отъ 15 октября 1875 года содержится нѣсколько замѣчательныхъ строкъ М. М. о его посѣщеніи Карльсбада, куда онъ ѣздилъ этимъ лѣтомъ для здоровья и встрѣчи тамъ съ знаменитымъ Карломъ Марксомъ: „Въ Карльсбадѣ“, пишетъ онъ, „я провелъ много приятныхъ часовъ въ обществѣ Маркса. Это благороднѣйшая и даровитѣйшая натура. Жаль только, что онъ былъ и остался гегельянцемъ, и что научныя положенія его написаны поэтому на пескѣ. Я прочелъ въ Карльсбадѣ болѣе половины его книги о капиталѣ, которую онъ подарилъ мнѣ, и пришелъ въ ней новое подтвержденіе тому, что всякое уклоненіе отъ позитивнаго метода и, больше всего, приложенное къ научнымъ изслѣдованіямъ положеніе: *Les grandes idées viennent du coeur*, неизбѣжно ведетъ къ частому бессознательному заблужденію“...

сорь гражданскаго права, былъ уже нашимъ знакомымъ раньше, въ Гейдельбергѣ, гдѣ мы его встрѣтили вмѣстѣ съ его молоденькой женой, вскорѣ послѣ свадьбы. Этотъ несчастный человѣкъ, который очень скоро заболѣлъ какою-то странною простудой ногъ, и быстро обезножилъ, а это привело къ его отставкѣ и рано свело въ могилу, былъ очень добрымъ, милымъ и хорошимъ. Домъ его сдѣлался въ Москвѣ, въ эту эпоху нашего ранняго профессорскаго пребыванія, притягательнымъ центромъ, куда сходилось множество профессоровъ, особенно юридическаго факультета и пріятно проводили время за бесѣдами, пѣніемъ жены Умова, обладавшей хорошимъ голосомъ и бесѣдою съ ея мужемъ. Какъ я припоминаю, нѣкоторыя темы изъ моихъ будущихъ работъ, напримѣръ „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ“ прямо появилась на свѣтъ во время этихъ бесѣдъ и разговоровъ въ гостепріимномъ домѣ Умовыхъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго, всего лишь три, четыре года. Развившаяся болѣзнь ногъ быстро усилилась у несчастнаго Владимира Алексѣевича и заставила его даже экзаменъ и чтеніе лекцій производить у себя на дому, а затѣмъ выйти въ отставку, послѣ чего въ непродолжительномъ времени онъ умеръ при общемъ соблюденіи всѣхъ товарищей. Изъ другихъ профессорскихъ семействъ и товарищей наиболѣе выдавалась семья Усова, одного изъ замѣчательныхъ людей 40-выхъ годовъ, большого пріятеля, если не товарища, Писемскаго и Юрьева, съ которыми онъ, кажется, былъ даже на „ты“. Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ былъ умный, очень разносторонне образованный, чрезвычайно живой и веселый русскій колоссъ, который, при огромномъ ростѣ, отличался большой подвижностью, веселостью, юморомъ и остроуміемъ. Цѣлый рядъ шутокъ С. А. по поводу отдѣльныхъ случаевъ и особенно лицъ, напримѣръ, одна по поводу М. М. Ковалевскаго, сдѣлалась, такъ сказать, традиціонною Московскаго университета и долго не забывалась, заслуживая этого по своей мѣткости. Почтенная и добрая супруга его являлась прекрасной хозяйкой и парюю своего мужа, а потому ихъ вечера, кажется четверги, всегда были полны народомъ, особенно нами, молодежью, и были любимыми посѣщеніями. Разсѣвшись комфортабельно у себя на диванѣ, часто чуть не съ ногами, С. А. неумоимо что-то говорилъ и рассказывалъ или, ради увеселенія присутствующихъ, кого-нибудь даже пыталъ своими разспросами, наводившими на комическія сопоставленія и отвѣты, какъ, напримѣръ, помню я теперь, покойникъ дѣлалъ это часто со своимъ племянникомъ, Н. Н. Усовымъ, тогда еще юнымъ студентомъ, впослѣдствіи губернаторомъ. Будучи зоологомъ по профессіи, С. А. имѣлъ въ то же время большія симпатіи и большія познанія по археологіи, а потому былъ

близокъ къ довольно обширному обществу въ Москвѣ археологовъ, и всѣ они посѣщали его и съ большимъ почтеніемъ выслушивали его остроумнѣйшія и неожиданныя догадки и объясненія разныхъ остатковъ старины, какія никому и въ голову не приходили.

Изъ юристовъ, сдѣлавшихся нашими товарищами по профессурѣ, кромѣ Н. П. Боголѣпова, о которомъ будетъ говоритья нѣсколько позднѣе, надо упомянуть двухъ лицъ: одного чужого, т. е. изъ другого университета, Павлова, Алексѣя Степановича, другого москвича, Сергѣя Андреевича Муромцова. А. С. Павловъ, перешедшій къ намъ, кажется, изъ Новороссійскаго университета, питомецъ нѣкогда духовной академіи, а затѣмъ нѣсколькихъ иностранныхъ университетовъ, специалистъ по каноническому и церковному праву, вѣроятно лучший въ то время въ Россіи и наиболѣе авторитетный. Довольно интересный собесѣдникъ, неистощимый на анекдоты, какъ Усовъ, хотя въ другомъ родѣ, преимущественно изъ нравовъ и жизни духовенства и авторъ многихъ изслѣдованій по церковному праву, онъ являлся солиднымъ авторитетомъ въ глазахъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ Побѣдоносцевъ и другіе. А. С. Павловъ, однако, былъ человѣкъ очень помятый жизнью, а потому привыкъ считаться съ обстоятельствами и приноравливаться къ нимъ и не могъ, вслѣдствіе этого, сходиться иногда въ пониманіяхъ и дѣйствіяхъ съ нѣсколько идеалистической по своимъ стремленіямъ молодежью, какую представляло большинство преподавателей тогдашняго юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ.

Какъ разъ въ это самое время умерло или вышло въ отставку большинство старыхъ профессоровъ этого факультета: Крыловъ, Вѣляевъ, еще раньше Чичеринъ и Дмитріевъ, Соколовъ (мѣсто котораго занялъ Павловъ) и Баршевъ. Мильгаузенъ прожилъ лишь года три, читая одновременно со мной и даже представляя изъ себя декана, но въ 1877 году сошелъ въ могилу, и другая каеэдра финансовъ, о которой я говорилъ, не была восстановлена.

Кромѣ Ковалевскаго, изъ молодыхъ профессоровъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ, впоследствии получившіе такое громадное общественное значеніе по занятымъ ими постамаъ, С. А. Муромцевъ и Н. П. Боголѣповъ, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, павшій отъ руки убійцы. С. А. Муромцевъ, впоследствии занимавшій мѣсто предсѣдателя нашей первой Государственной Думы, вступилъ въ Московскій университетъ и занялъ профессуру еще въ очень, относительно, юномъ возрастѣ, примѣрно лѣтъ 26 или 27, если не моложе. Ученикъ знаменитаго Геринга, котораго онъ слушалъ въ Іенѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ княземъ Львомъ Голицынымъ, С. А. выдавался на каеэдрѣ цѣлымъ рядомъ завидныхъ ка-

чествъ. Онъ не только обладалъ серьезными свѣдѣніями по предмету своей спеціальности—римскому праву—который между прочимъ въ Москвѣ онъ слушалъ у Никиты Крылова, но всегда отличался хорошимъ даромъ слова, обладая привлекательной наружностью и замѣчательнымъ умѣніемъ собой управлять. Это послѣднее свойство, которое онъ развилъ впоследствии, въ качествѣ многолѣтняго предсѣдателя юридическаго общества, выказалось у него прекрасно и въ одномъ изъ первыхъ засѣданій юридическаго факультета, на которомъ я лично не присутствовалъ, но слышалъ потомъ отъ товарищей. Незадолго передъ этимъ отъ насъ ушелъ въ отставку пресловутый ректоръ и профессоръ, Сергѣй Баршевъ. А. С. Павловъ, самъ только-что вошедшій въ факультетъ, не справляясь съ мнѣніемъ товарищей, вздумалъ угодить и подкурить Баршеву. Онъ предложилъ факультету именно Баршева избрать почетнымъ членомъ университета, но потерпѣлъ крушеніе. С. А. самый младшій, вѣроятно по возрасту членъ факультета, въ одномъ изъ своихъ первыхъ засѣданій, такъ отпѣлъ за это приличнымъ, но рѣшительнымъ образомъ Павлова, что попытка его превознести Баршева со срамомъ провалилась. Самъ А. С. на будущее время сдѣлался гораздо скромнѣе и чаще сталъ помнить и руководствоваться русской поговоркой: „Не спросясь броду, не суйся въ воду“.

С. А. Муромцевъ очень скоро попалъ въ юридическое общество, которое долго у насъ было мертворожденнымъ, особенно его органъ „Юридическій Вѣстникъ“, который благодаря искусству и таланту С. А. и помощи такихъ лицъ, какъ Ковалевскій и многихъ другихъ, утратилъ свою мертвенность, ожилъ и сдѣлался серьезнымъ юридическимъ органомъ, со множествомъ интереснѣйшихъ статей и оставилъ несомнѣнно навсегда память о полезной и плодотворной дѣятельности С. А. въ Московскомъ университетѣ, не менѣе въ этой области, какъ и въ профессурѣ. Правда, было изрядное количество недовольныхъ С. А., вѣроятно большей частью изъ лицъ, завидовавшихъ его быстрому успѣху и имъ чѣмъ-нибудь затронутыхъ; такіе, напримѣръ, утверждали, что умственные и научныя качества почтеннаго предсѣдателя юридическаго общества подвергаются-де многимъ сомнѣніямъ, и что въ дѣйствительности его личность представляетъ-де собой въ сущности весьма посредственное явленіе, личность, которая никогда ничего оригинальнаго и выдающагося не дѣлала и не говорила и, что-де Муромцевъ, не болѣе, какъ, любили они употреблять прозвище, представляетъ будто бы собой „общее ходячее мѣсто“ (?!). Разумѣется, такіе злые языки и отзывы можно объяснить лишь исключительно завистью или злопамятностью.

*

Быстро, за работой, я помню, прошла зима 1875 и 1876 года. Этот послѣдній годъ принесъ мнѣ опять большое горе. Зимой 1876 года жена моя сильно заболѣла той самой болѣзнью воспалительнаго характера, отъ которой едва не умерла невѣстой. Перепробовавши разныхъ московскихъ эскулаповъ, намъ пришлось рѣшиться зимой на нѣкоторую, мѣсячную примѣрно, разлуку. Жена моя ѣздила съ одной родственницей въ Петербургъ къ извѣстному тогда доктору Сусловой, женѣ моего впоследствии друга Ф. Ф. Эрисмана, которая нѣсколько облегчила ея страданія, но настоятельно совѣтовала ей, въ унисонъ, впрочемъ, съ Московскими врачами, непремѣнно ближайшимъ лѣтомъ (это уже 1877 года) ѣхать въ Крейцнахъ для лѣченія тамошними цѣлебными водами и ваннами.

Еще раньше, лѣтомъ 1876 года, мы опять ѣздили въ Лондонъ собирать матеріаль для моей диссертаци. Я собралъ его въ значительныхъ размѣрахъ для первой части своей работы объ „Англійской свободной торговлѣ“, и выпускъ первый представилъ, какъ диссертацию. Такимъ образомъ этотъ первый томъ появился черезъ два года послѣ „Акциза“, т. е. осенью 1876 года, второй же много лѣтъ позднѣе, какъ мы дальше увидимъ. По внутренней связи, „Англійская свободная торговля“ представляетъ собой непосредственное продолженіе магистерской диссертаци о косвенныхъ налогахъ, но только лишь съ одной стороны, со стороны политики. Фискальныя пошлины я выбросилъ, изслѣдуя въ своемъ новомъ сочиненіи исторію идеи свободной торговли, въ связи съ ихъ практическими результатами, или отраженіемъ ихъ развитія на таможенномъ законодательствѣ Англїи и всей экономической жизни страны. Для этой новой работы, такимъ образомъ, я опять, какъ говорилось, совершилъ дважды (въ 1875 и 76 годахъ, во время ваката) паломничество въ стѣны Британскаго музея и успѣлъ въ эти два года покончить для выпуска первый томъ труда. Онъ обнималъ собой меркантильный періодъ исторїи идей свободной конкуренціи, при чемъ, согласно общей задачѣ сочиненія, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ лишь развитіе идеи собственно свободной торговли. Что же относится до свободы промышленности и труда, то я касался ихъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тѣсной связи съ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Цѣль всей работы заключалась въ томъ, чтобы въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ намѣтить тѣ условія, при которыхъ развились въ Англїи начала экономической политики, указать тѣ вліянія, при которыхъ появились на свѣтъ идеи свободной конкуренціи, а затѣмъ постараться опредѣлить ихъ относительное значеніе и самые результаты, къ которымъ привела страну система экономической свободы.

Благодаря такому плану изслѣдованія, „Англійская свободная торговля“, по своему содержанию, имѣетъ какъ бы двойственный характеръ: съ одной стороны она содержитъ въ себѣ историко-литературный очеркъ воззрѣній различныхъ писателей на данный предметъ книги въ ихъ исторической послѣдовательности, съ другой, очеркъ самого англійскаго народнаго хозяйства и частью соотвѣтствующаго законодательства.

Научный интересъ перваго тома главнымъ образомъ и заключается въ разработкѣ исторіи англійской экономической литературы и обстоятельномъ описаніи организациі торговли въ меркантильный періодъ (проведеніе границъ между системой денежнаго и торговаго баланса), такъ какъ противно мнѣніямъ Макколоха, Рошера и другимъ, главой и типичнымъ представителемъ англійскихъ меркантилистовъ долженъ считаться не Мэнъ, а Вильямъ Стаффордъ. Точно такъ же первая систематическая разработка экономическихъ понятій и въ то же время протестъ противъ нѣкоторыхъ крайнихъ меркантилистовъ принадлежитъ труду Э. Миссельдена, найденнаго мною въ Британскомъ музеѣ, и т. д. и т. д. Вообще сдѣланы нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя поправки и добавленія къ существовавшимъ тогда (т. е. въ 1876 г.) свѣдѣніямъ по исторіи англійской экономической мысли въ меркантильный періодъ.

И вотъ 9 октября 1876 года, я успѣшно защитилъ мою диссертацию и былъ объявленъ докторомъ финансоваго права, а вслѣдъ за тѣмъ, минуя промежуточную градацію экстраординарнаго профессора, былъ утвержденъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 30 октября, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ финансоваго права.

Исполняя предписаніе врачей относительно моей болѣвшей жены, мы двинулись изъ Москвы въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года, съ небольшою остановкой въ Петербургѣ, черезъ который ѣхали ради большаго удобства, черезъ Дрезденъ, въ Крейцнахъ. Намъ сопутствовала милая и добрая родственница и другъ моей жены, Елена Петровна Пусторослева, такъ какъ я не могъ рѣшиться оставить мою жену одну или на попеченіе чужихъ людей въ Крейцнахѣ, гдѣ она должна была пребыть примѣрно около шести недѣль. Приѣхавши въ Крейцнахъ и устроившись довольно недурно въ одномъ изъ многочисленныхъ пансіоновъ, съ большою горечью въ сердцѣ, я оставилъ жену заботамъ доброй родственницы и врачей, а самъ уѣхалъ, на этотъ разъ одинокій, въ Лондонъ продолжать занятіе и собирать матеріалъ для втораго тома или выпуска своей „Свободной Торговли“. Это не было уже диссертацией, а лишь продолженіе диссертациі и оффиціально отъ меня не требовалось, и поэтому я

могъ не торопиться. (Писаніе 2-го тома или, точнѣе, выпуска продолжалось 6 лѣтъ; онъ вышелъ лишь въ 1882 году). Тѣмъ не менѣе работа эта долго и тяжело лежала на моей совѣсти, ибо первый томъ мною былъ выпущенъ, неожиданно для меня разросшійся въ размѣрахъ, лишь съ обязательной подпиской на второй. Такимъ образомъ я считалъ себя нравственно обязаннымъ спѣшить удовлетворить желаніе подписчиковъ на мой трудъ, которые неумоимо напоминали объ этомъ книгопродавцамъ. Изданіе „Свободной Торговли“ вообще стоило не мало хлопотъ и расходовъ, для чего деньги мною занимались.

Само собою разумѣется, мнѣ было чрезвычайно тяжело разстаться съ больной женой, да еще на продолжительный срокъ и въ первый разъ за границей, но утѣшеніе предстояло, помимо освобожденія отъ взятаго на себя неосторожно обязательства съ издаціемъ, и въ той пользѣ, которую приносило мнѣ каждое посѣщеніе этого драгоценнаго учрежденія—Британскаго музея. Жена моя сама прежде всего понимала и сознавала эту пользу, а потому и уговорила меня настойчиво ѣхать, тѣмъ болѣе, что въ Крейцнахъ, благодаря присутствію добрѣйшей Е. П. Пусторослевой, я былъ тогда совершенно бесполезенъ для больной... Вотъ какъ, напримѣръ, моя жена описываетъ въ одномъ письмѣ къ своей крестной матери и теткѣ—Лондонъ и его для насъ значеніе:

„...милый нашему сердцу Лондонъ, гдѣ мы оба такъ сильно жили умственной жизнью, и гдѣ въ особенности мужъ работалъ такъ серьезно и такъ много сдѣлалъ для своего развитія... Британскій музей для насъ есть старый учитель, которому мы чувствуемъ себя обязанными за серьезное и плодотворное обученіе и къ которому обращаемся вновь и вновь за дальнѣйшимъ образованіемъ съ вѣрою въ успѣхъ“...

3-го іюня 1877 года я пріѣхалъ благополучно въ Лондонъ и устроился, увы, уже одинъ въ той же самой Keppelstreet, хотя въ другомъ домѣ и у другой хозяйки. М-рсь Сиггерсъ, по справкамъ, должно быть, умерла, или покинула Лондонъ, и я ея не нашелъ. Въ тотъ же день, или не дальше, какъ на слѣдующій я успѣлъ получить или возобновить свой входной билетъ въ Британскій музей. Одновременно я былъ такъ счастливъ, что встрѣтился почти тотчасъ съ П. В. Макаровымъ, моимъ бывшимъ товарищемъ, который когда-то, т. е. въ 1874 году вмѣстѣ со мной пріѣхалъ въ Лондонъ писать диссертацию, но ее не написалъ, а остался безъ всякаго серьезнаго и убѣдительнаго повода, какъ русскій нерѣшительный человѣкъ, въ Лондонѣ, сдѣлавшись корреспондентомъ „Новаго Времени“. Въ качествѣ такового онъ получалъ достаточно

денегъ и съ прекращеніемъ стипендіи. Съ возвращеніемъ его никто не беспокоилъ, такъ какъ политически онъ былъ безусловно чистъ, и въ результатъ онъ умудрился пробыть въ Англии не менѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ вернулся восвояси и поступилъ гдѣ-то на югъ Россіи на службу въ министерство финансовъ. Макаровъ оказался какъ бы представителемъ русской колоніи въ Лондонѣ; немедленно свелъ меня въ свою квартиру, недалеко отъ того же Британскаго музея и тотчасъ познакомилъ съ большимъ числомъ россіянъ и россіянокъ, въ это время почему-либо пребывавшихъ въ Лондонѣ. Отъ него я узналъ, между прочимъ, впервые, что въ Лондонѣ только что былъ профессоръ Анучинъ и незадолго до меня уѣхалъ, и находился одесскій профессоръ Успенскій (нынѣ академикъ), московскій ученый (тогда еще не профессоръ) Н. П. Боголѣповъ и еще нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ и дамъ, очень интересныхъ по его словамъ. Со всѣми ими я познакомился очень скоро.

Уважая болѣе всего точность и своевременность, я позволю себѣ пребываніе этотъ разъ въ Лондонѣ описать собственными словами своего письма изъ Лондона, отъ 18 іюня того года, къ родителямъ моей жены: „Вотъ уже ровно двѣ недѣли, какъ я покинулъ Крейцнахъ и нахожусь въ Лондонѣ, и счелъ обязанностью дать вамъ о себѣ вѣсточку. Добрался сюда безъ особенно важныхъ приключеній и устроился на той же Keppelstreet, на которой постоянно проживалъ съ женой, недалеко отъ Британскаго музея“.

„Жизнь моя течетъ по прежнему образцу, хотя и съ нѣкоторыми немаловажными отступленіями психическаго свойства. Цѣлый день работаю въ Музеѣ, повидимому при той же обстановкѣ и даже надъ болѣе интересной темой, чѣмъ прежде, но увы, не имѣю около себя моего безцѣннаго помощника въ лицѣ жены, а потому работаю менѣе спорко. Вѣдь когда не имѣешь около себя своего другого я, которое съ сочувствіемъ откликается на всякій запросъ и съ которымъ дѣлишься каждымъ впечатлѣніемъ и наитіемъ мысли, то невольно въ душу закрадывается пустота и какъ-то скорѣй перестаешь думать, и дѣло идетъ вяло, какъ будто бы нѣсколько нехотя!! Особенно пусто и неприятно себя чувствуешь, когда возвращаешься въ свою одинокую каморку, садишься за чай и берешь газету для отдыха. Такъ и кажется, что жена сейчасъ войдетъ въ комнату и спроситъ: „что ты читалъ интереснаго?!“ Та же улица, тѣ же магазины, выставки товаровъ напоминаютъ старыя сцены и разговоры и обращаютъ неотвязно мысль къ той же отсутствующей персонѣ“.

„Къ счастью, „продолжается въ моемъ письмѣ“, или точнѣе къ

моему спокойствію, съ перваго же дня пріѣзда моего начались встрѣчи съ русскими. Я встрѣтилъ здѣсь, напримѣръ, Орлова, Боголѣпова, Макарова и цѣлую кучу другихъ русскихъ, до тѣхъ поръ незнакомыхъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня проживаетъ въ одномъ пансіонѣ цѣлая русская колонія, въ которой есть даже двѣ дамы, а одно семейство и съ дѣтьми. Все это нѣсколько развлекаетъ меня, наполняетъ свободное отъ занятій время. Эти двѣ дамы (обѣ молодыя и одна почти красавица), жены двухъ довольно интересныхъ субъектовъ. Первый—самоучка механикъ, бывший телеграфистъ, нѣкто Яблочковъ, изобрѣлъ удивительную вещь: электрическую свѣчу, которая должна собой замѣнить всякіе фонари и лампы для освѣщенія улицъ и большихъ зданій“ (Значить, я еще и не мечталъ тогда объ освѣщеніи комнатъ электричествомъ?!) „Онъ продалъ свою выдумку въ Парижѣ какой-то компаніи за значительный кушъ денегъ и сверхъ того постоянное жалованье въ двѣ тысячи франковъ въ мѣсяцъ. Сюда въ Лондонъ онъ пріѣхалъ по порученію компаніи распространять свое изобрѣтеніе и дѣлать опыты въ разныхъ мѣстахъ, и о немъ уже кричатъ здѣшнія газеты. Другой (мужъ красавицы, но самъ уже не молодой человекъ) по фамиліи Алисовъ, когда-то питомецъ Петербургскаго университета, изобрѣлъ особую печатную машину, величиной съ обыкновенную швейную: особенность ея заключается въ томъ, что не нуженъ наборъ, а только съ маленькимъ навыкомъ каждый человекъ можетъ прямо излагать свои мысли печатно, вмѣсто того, чтобы сначала писать, а затѣмъ уже нести въ типографію ¹⁾. Такимъ образомъ эта машина, на которую Алисовъ уже выхлопоталъ привилегію, должна уничтожить всѣхъ писцовъ и каждый дѣловой кабинетъ, напримѣръ, Николая Васильевича“ (моего тестя), „превратить въ типографію, гдѣ мамаша будетъ печатать кассационныя жалобы и апелляціи!!... Алисовъ заказалъ въ Манчестерѣ сто своихъ машинъ и ждетъ ихъ выполненія. Здѣсь скоро будетъ выставка типографскихъ и печатныхъ принадлежностей и первое русское изобрѣтеніе, нужно думать, получить свою оцѣнку отъ знатоковъ дѣла“.

¹⁾ Думаю, что тогдашняя машина Алисова, дальнѣйшая судьба которой мнѣ совершенно неизвѣстна, и лично ее видѣть не пришло, только много разъ слышать описаніе со словъ изобрѣтателя, представляетъ скорѣй форму не теперешней пишущей машины, а такъ называемую „лино-типю“. Linotype, т. е. „пишущая наборная“, какія мнѣ пришло нѣсколько разъ видѣть въ новѣйшее время на выставкахъ въ Европѣ. Посредствомъ ихъ можно, по тому же способу, какъ пишущими машинами, дѣлать готовый наборъ и затѣмъ пускать его въ печать, что очень ускоряетъ газетное дѣло.

„Такимъ образомъ, по вечерамъ, мы, т. е. вся русская молодежь, къ которой и я вѣдь принадлежу пока, проводимъ время двойко: слушаемъ и смотримъ мужей изобрѣтателей и затѣмъ гуляемъ и любезничаемъ съ женами изобрѣтателей. Особенно всѣ ухаживаютъ за m-me Алисовой, весьма милой болтушкой, готовой на всякую шалость, и возбуждающей чопорныхъ англичанокъ своимъ громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ и рѣшительными манерами“.

Въ добавленіе къ этому письму, собственно нѣсколькими днями раньше, отъ 14 іюня, я писалъ по тому же поводу и моей супругѣ въ Крейцнахъ: „Въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Макаровъ, помѣщается много русскихъ, напримѣръ, профессоръ Одесскаго университета, Успенскій, нѣкто Яблочковъ, техникъ изобрѣтатель электрической свѣчи. Его находку пробуютъ въ настоящее время въ East India Docks и Waterloo Bridge, Кенсингтонскомъ, а позднѣе и въ Британскомъ музеяхъ. Съ нимъ молодая жена, или точнѣе госпожа, которую онъ выдаетъ за жену, затѣмъ тутъ же живетъ другой русскій техникъ Алисовъ, изобрѣтатель особой печатной машины. Онъ пріѣхалъ сюда брать привилегію и изготовляетъ въ Англіи эти машины. Его я еще не видалъ и знаю только по рассказамъ. Съ нимъ молоденькая жена, ему совсѣмъ не пара, — 45 и 20 лѣтъ, — очень, видимо, тѣмъ не менѣе влюбленная въ мужа (??) и въ его весьма разнообразныя техническія изобрѣтенія. Г-нъ Алисовъ теперь находится въ Манчестерѣ или Шеффилдѣ, и г-жа Алисова очень скучаетъ, особенно благодаря совершенному незнанію англійскаго языка. Понятно, вся наша русская молодежь вслѣдствіе старается ее утѣшать и развлекать. Такъ въ пятницу ради нея вся наша компанія ѣдетъ въ Хрустальный Дворецъ. Со мной m-me Алисова очень мила и любезна, выражаетъ все свое сожалѣніе, видя, что я скучаю, не получая отъ тебя писемъ, и наконецъ настояла, чтобы вчера, находясь у ней въ гостяхъ, немедленно тебѣ отвѣтила, для чего даже ссудила меня своими письменными принадлежностями. Сама она также переживаетъ, видимо, какую-то тревогу“. Нѣсколько позднѣе всѣ мужья, видимо, съѣхались, дамы утѣшились и стало еще веселѣе, хотя темы писемъ нѣсколько измѣнились.

Большую роль въ моей тогдашней перепискѣ занимаетъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, тогда всего-навсего частный преподаватель университета, командированный за границу (онъ, кажется, писалъ тогда свою докторскую диссертацию), которому суждено было впослѣдствіи сдѣлать такую блестящую карьеру, окончившуюся ужасной катастрофой. Я съ нимъ въ Москвѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ профессорства успѣлъ только слегка познакомиться, но

въ Лондонѣ я его засталъ совершенно одинокимъ, поселившимся Богъ знаетъ въ какой дали отъ центра и Британскаго музея, который онъ посѣщаль, хотя и не особенно аккуратно, и видимо скучаль безъ общества соотечественниковъ. Съ указанной выше компаніей онъ познакомился лишь во время моего приѣзда и черезъ мое посредство. Вотъ что я, напримѣръ, писалъ моей женѣ въ то время отъ 6 іюня: „Только сейчасъ вернулся, милая жена, отъ Боголѣпова, котораго, Богъ вѣдаетъ, куда занесло! Онъ живетъ на самомъ сѣверѣ Лондона, въ окрестностяхъ города, близъ Alexandra Palace и ѣхать къ нему надо было за Euston Road, по конно-желѣзной дорогѣ цѣлый часъ, а потомъ пѣшкомъ идти минутъ десять. Тамъ было вечеромъ уже совершенно безлюдно и темно, какъ въ Московскихъ Грузинахъ, такъ что мнѣ было немного жутко возвращаться, пока не добрался до трамвая и болѣе цивилизованныхъ мѣстъ. Живетъ онъ въ семьѣ, дешево, за 35 шиллинговъ въ недѣлю. Выучился по неволѣ говорить по-англійски, не видя два мѣсяца ни одной русской души, на зато Лондона и здѣшней общественной жизни совсѣмъ не видалъ, и не знаетъ, какъ будто въ Англии и не былъ!! Онъ, видимо, радъ мнѣ чрезвычайно и безъ всякаго съ моей стороны вызова или нужды, рассказалъ мнѣ свой прерванный романъ, съ которымъ познакомлю тебя при свиданіи“.

Н. П. часто заходилъ ко мнѣ отводить душу о разныхъ матеріяхъ и, кажется, ему бѣдному очень тяжело было вспоминать вдали отъ родины Россію и своихъ близкихъ. Онъ безпрестанно, безъ всякаго напоминанія, возвращался на эту послѣднюю тему, видимо волнуемый мыслями и переживаніемъ стараго и дорогаго ему. Вообще онъ охотно искалъ русской компаніи. Зная еще по Россіи, что онъ не особенный охотникъ до выпивки, я помню, напримѣръ, какъ разъ русская молодежь собиралась въ какой-то извѣстнѣйшій Gin-Palace, т. е. по-просту роскошный питейный домъ гдѣ-то на Tottenham Court Road, и забыли предложить компанію Н. П., онъ былъ очень обиженъ и настойчиво насъ упрекалъ, зачѣмъ мы его не включаемъ въ наше общество?? На дружескомъ обѣдѣ, который я давалъ тогда нѣсколькимъ россіянамъ по случаю дня рожденія моей жены, и гдѣ приглашенъ былъ также и Боголѣповъ, онъ былъ всѣхъ веселѣй и сказалъ очень милый и остроумный тостъ за мою жену, меня очень растрогавшій, и о которомъ я счелъ долгомъ подробно написать ей немедленно.

Участвуя такимъ образомъ въ нашихъ увеселеніяхъ и прогулкахъ русской компаніи, Николай Павловичъ, какъ красивый молодой человѣкъ, видимо, очень понравился нашимъ дамамъ, которыя

стали за нимъ ухаживать, а онъ въ свою очередь платить имъ удвоенной любезностью и разными услугами. Вотъ что я, напри- мѣръ, писалъ своей супругѣ, отъ 20 іюня, значить, не долго спустя послѣ выше разсказаннаго: „Всѣ послѣдніе вечера, кромѣ трехъ“, каляся я передъ женой, „я ухаживалъ напропалую, вмѣстѣ съ остальной компаніей за m-me Алисовой, которая представляетъ со- бою, какъ тебѣ уже извѣстно, весьма милую, но до крайности мало развитую, кисейную бабенку. Боголѣповъ, тотъ дошелъ до того“, пишу я, „что является къ ней чуть не съ утра, какъ на службу, а легкомысленная бабочка все мучаетъ его съ Макаровымъ раз- ными порученіями и комиссіями, которыя тѣ наперерывъ стараются исполнять. Боголѣповъ по этому случаю даже сочинилъ особенную теорію: „Общество этой госпожи“, говоритъ онъ, „для меня благо- даря ея красотѣ, также пріятно, какъ иная итальянская опера, безъ внутренняго содержанія!“ Конечно, о такихъ удачныхъ сравненіяхъ своихъ поклонниковъ, какъ настоящее Н. П. Боголѣпова, m-me Алисова не знаетъ. Ну, довольно болтать о пустякахъ!!!“

Очень скоро, впрочемъ, мы всѣ замѣтили, какъ эта интересная дамочка начала отдавать всюду и всегда предпочтеніе, не стѣсня- ясь его выказывать, Николаю Павловичу, и тутъ же для насъ об- наружилось, насколько этотъ прекрасный человѣкъ, такъ несправе- дливо стертый съ лица земли рукой злой судьбы, стоялъ, по своимъ нравственнымъ понятіямъ, выше обыкновенной толпы¹⁾. Несмотря на настойчивую любезность со стороны г-жи Алисовой и всякіе авансы въ отношеніи къ Николаю Павловичу, онъ началъ замѣтно отъ нея удаляться, а скоро совсѣмъ пересталъ бывать въ ея квартирѣ (Woburn Place 39). На нашъ щекотливый вопросъ: почему онъ уда- ляется ея общества и пересталъ бывать? Николай Павловичъ съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Почему вы такъ обо мнѣ дурно думаете?! Она меня забавляла и не болѣе того. Конечно, я не могу быть во- ромъ, и украсть жену у мужа никоимъ образомъ не рѣшусь“. Та- ковы были нравственныя понятія этого замѣчательнаго человѣка; какіе бы недостатки онъ ни имѣлъ, онъ ни на іоту не отступалъ отъ своихъ правилъ при всякомъ случаѣ и налъ на посту, какъ ча-

¹⁾ Судьба г-жи Алисовой весьма странная и романтичная. Какъ я слы- шалъ потомъ, она не была законной женой Алисова, и впоследствии разошлась съ нимъ и вышла замужъ за извѣстнаго физика, профессора N. N. въ Петербургѣ, который вскорѣ перешелъ въ Варшавскій университетъ, но жена за нимъ въ теченіе года не хотѣла послѣдовать, и онъ, лишь съ большимъ трудомъ, съ помощью покойнаго Побѣдоносцева, съ ней раз- велся. Впоследствии она вышла замужъ за присяжнаго повѣреннаго X. и умерла, относительно довольно молодая.

совой, вѣрный своему долгу, за то, что онъ думалъ по-своему, не согласно съ толпой и не старался плыть по теченію!!

Какъ ни приятно мнѣ было имѣть свое подходящее общество въ Лондонѣ на этотъ разъ, но отсутствіе больной жены меня сильно беспокоило и тревожило, тѣмъ болѣе, что она писала далеко не такъ аккуратно, какъ я, и были дни, когда я не получалъ отъ нея совсѣмъ извѣстій. Поэтому, въ началѣ іюля, я отправился и при томъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Флиссингенъ въ Голландію, на Кельнъ и Крейцнахъ, куда я пріѣхалъ быстро, 4-го іюля, къ приятному удивленію не ожидавшей еще меня жены. Я засталъ ее сильно ослабѣвшей отъ лѣченія, чѣмъ всегда отличается замѣчательное дѣйствіе Крейцнахскихъ ваннъ, отъ которыхъ вмѣстѣ со слабостью, вѣроятно благодаря радиоактивности этихъ водъ, проходитъ постепенно болѣзнь и потомъ быстро возвращаются силы и здоровье. Недѣли двѣ я усердно ухаживалъ за больной, которая не могла даже свободно двигаться, и возилъ ее постоянно въ креслахъ, а черезъ какія-нибудь двѣ недѣли, въ Швейцарію, куда мы переселились, для Nachkur'a, она уже свободно ходила по горамъ и дѣлала со мной довольно большіе туры. Послѣ мѣсячнаго отдыха въ горахъ, по совѣту врачей, мы заѣхали въ Франценбадъ взять нѣсколько грязевыхъ ваннъ и вернулись въ Москву съ легкимъ сердцемъ, къ счастью значительно поправивши здоровье.

Въ Москвѣ меня ждала куча разнообразнаго дѣла; два съ половиной года до тѣхъ поръ, я читалъ исторію финансовъ, гдѣ попутно съ историческими свѣдѣніями передавалъ и нѣкоторыя теоретическія, но въ этомъ году внезапно скончался Мильгаузенъ и мнѣ пришлось временно занять его каѳедру, т. е. теорію финансовъ; исторія пока осталась за штатомъ. Такимъ образомъ понадобилось составлять собственно новый курсъ теоріи науки, что дѣлалось вовсе не быстро, и весь конецъ 70-хъ годовъ прошелъ у меня за этой работой, составленіемъ и переработкой университетскаго курса, впоследствии напечатаннаго, и въ то же время цѣлаго ряда монографій по всевозможнымъ предметамъ и вопросамъ. Цѣлая масса, навѣрное, гораздо болѣе 20-и моихъ трудовъ, не считая переводовъ, напримѣръ, фабричныхъ законовъ, относится именно къ этой эпохѣ моей жизни, къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ. Эти работы и изслѣдованія опредѣлили не только всю мою научную фізіономію и вкусы—достоинства и недостатки, но и дальнѣйшую судьбу моей жизни.

Еще продолженіе моей докторской диссертациі о „Свободной Торговлѣ“ не было dokonчено, я все собиралъ матеріалъ и мѣнялъ планы, какъ уже начали появляться мои объемистыя изслѣдованія

разнаго рода. Только въ періодъ времени между напечатаніемъ двухъ выпусковъ „Свободной Торговли“ (1876—82 годовъ), я помѣстилъ цѣлый рядъ большихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ одна составила впоследствии цѣлую книгу, имѣвшую два изданія, это „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ 1880 г.“. Монографія эта, для которой я нашелъ матеріалъ, попутно собирая его для своей книги о „Свободной Торговлѣ“, въ видѣ брошюръ и газетъ одного политическаго общества въ Ливерпулѣ, была написана первоначально въ 1878 году и помѣщена въ 1879 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а на другой годъ вышла въ Москвѣ отдѣльной книгой (перепечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1908 году, вторымъ изданіемъ). Цѣль этого изслѣдованія состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы обрисовать значеніе общественной самодѣятельности и частнаго почина для улучшенія государственныхъ финансовъ и управленія; во-вторыхъ, она заключалась въ томъ, чтобы дать образецъ критики англійскихъ государственныхъ расходовъ, такъ какъ соотвѣтствующая критика русскихъ расходовъ за то время была еще невозможна. Такъ понималъ задачу сочиненія Г. З. Елисеѣвъ, предложившій ее мнѣ помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Другая серія статей, вслѣдъ за тѣмъ, въ 1880 г. напечатанная въ томъ же журналѣ, имѣла своимъ предметомъ „Дѣтскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи“. Исторія ея такова: въ качествѣ члена Комиссіи, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ Долгорукимъ, для изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, я очень заинтересовался положеніемъ нашихъ рабочихъ и неустойчивостію фабрикъ. Собирая по этому предмету всевозможныя свѣдѣнія для Россіи, я попутно знакомился съ соотвѣтственнымъ отдѣломъ общественнаго благоустройства въ Англіи, съ исторіей тамошняго фабричнаго законодательства и всѣхъ учреждений, которыя привели къ улучшенію и прогрессу фабричнаго санитарнаго дѣла и улучшенію экономическаго положенія рабочихъ. Какъ разъ въ это время нѣкоторыя случайныя обстоятельства способствовали моимъ стремленіямъ въ этомъ направленіи; именно мой другъ Ковалевскій началъ издавать съ В. Ф. Миллеромъ „Критическое Обозрѣніе“, просуществовавшее, впрочемъ, короткое время, что-то около двухъ лѣтъ. Оно вступило немедленно въ обмѣнъ съ множествомъ, если не со всѣми русскими періодическими изданіями, которыя, однако, лежали въ редакціи „К. О.“ большею частью безъ употребленія. И вотъ, обѣщаясь дать за это посильную хроніку и статейки, я выпросилъ ихъ себѣ и въ теченіе двухъ лѣтнихъ вakanовъ, проведенныхъ, благодаря нездоровью жены, въ деревнѣ

у ея родителей въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, я легко и удобно выбралъ изъ всѣхъ русскихъ изданій множество выписокъ и свѣдѣній, относящихся къ фабрикамъ. Переработавъ эти данныя, приведя въ порядокъ и сопоставивши должнымъ образомъ съ соотвѣтствующими фактами англійской фабричной жизни, я составилъ цѣлый рядъ довольно интересныхъ и во всякомъ случаѣ поучительныхъ для того времени статей объ общемъ санитарномъ состояніи русскихъ фабрикъ, а также положеніи у насъ безправномъ и беззащитномъ дѣтей и женщинъ и вообще рабочихъ и, параллельно, объ успѣхахъ и постоянномъ прогрессѣ англійскаго фабричнаго законодательства. Статьи мои, благодаря интересу сообщаемыхъ данныхъ, имѣли несомнѣнно значительный успѣхъ, что и выказалось мнѣ разнообразнымъ образомъ. Между прочимъ, впоследствии, въ 1882 году, извѣстный министръ Н. Х. Бунге, пригласившій автора на только-что учрежденную должность фабричнаго инспектора, прямо мнѣ заявилъ, что въ значительной степени очерки мои остановили серьезно его вниманіе на этомъ вопросѣ, и что при предварительной законодательной работѣ, предшествовавшей выходу закона 1882 года, пришлось воспользоваться значительно этими трудами. Къ этой же категоріи относятся также и другія мои статьи, какъ напримѣръ: „Кто отвѣчаетъ за несчастіе съ рабочими“? напечатанная въ „Устояхъ“, „Московскіе фабричные рабочіе“, и „Промышленная статистика и фабричное законодательство“ и т. д., слѣдовавшія довольно быстро другъ за другомъ, поддерживая и муссируя мысль въ обществѣ о необходимости пересмотра нашего устарѣвшаго фабричнаго и всего промышленнаго законодательства и большаго вниманія къ нуждамъ рабочихъ.

Фабричная комиссія князя Долгорукова въ Москвѣ также много, при томъ раньше всѣхъ, работала на пользу русскихъ рабочихъ и между прочимъ, въ свою очередь, толкала меня къ занятію фабричнымъ вопросомъ. Такъ, по порученію ея, я, напримѣръ, посѣтилъ въ Англій и Швейцаріи нѣсколько фабричныхъ инспекторовъ, съ ними знакомился и съ ихъ помощью составилъ докладъ объ инспекторатѣ въ этихъ странахъ, который былъ напечатанъ въ Московской Комиссіи и быстро разошелся до полнаго истощенія запасовъ книжекъ, что лучше всего указывало на созрѣвшую потребность устройства и въ Россіи хорошо организованной спеціальной инспекціи за фабриками и заводами ¹⁾).

¹⁾ См. „Объ инспекторатѣ въ Швейцаріи и Англій 1880“. Въ „Трудахъ Комиссіи, учрежд. московскимъ генераль-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ“.

Успѣхъ конечно вызываетъ энергію и успѣхъ моихъ первыхъ статей, преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, поощрялъ меня, несмотря на все усердіе занятій моихъ надъ продолженіемъ своей диссертациі объ „Англійской Свободной Торговлѣ“, къ работѣ для журналовъ и на другія темы. Такъ въ 1879 году появилась, напримѣръ, моя большая статья въ журналѣ „Слово“ „О табачной монополіи въ Европѣ и вредныя послѣдствія ея введенія въ Россіи“. Въ этомъ очеркѣ я откликнулся тогда на назрѣвшій у насъ вопросъ и предложеніе, если не ошибаюсь министра финансовъ Грейга, ввести у насъ табачную монополію. Я подробно разобралъ условія введенія этой монополіи, стоимость операціи и тѣ невыгодныя и даже вредныя послѣдствія, которыя мѣра должна за собой повлечь. Я старался доказывать, что при общемъ характерѣ русскаго экономическаго строя и широкому господствѣ монополярнаго принципа, слѣдуетъ естественно желать для Россіи, въ интересахъ поднятія благосостоянія цѣлаго народа, не введенія новой монополіи, а возможно большаго уничтоженія старыхъ; не развитія въ обществѣ духа монополій, а искорененія его проявленій. Всякій шагъ въ этомъ смыслѣ, направленный къ свободной дѣятельности, утверждалъ я въ заключеніе, улучшить экономическое положеніе народа, а значитъ увеличить и средства самого Правительства, единственнымъ источникомъ котораго служить народное богатство. Въ заключеніе я напомнилъ, что можно считать почти аксіомой, что всякій налогъ и вообще источникъ государственнаго дохода, несомнѣнно легче установить, нежели уничтожить, почему и выборъ податныхъ источниковъ требуетъ особенной осторожности и крайней обдуманности. Единственнымъ девизомъ можетъ здѣсь служить практически мудрый совѣтъ Талейрана, обращенный къ юнымъ дипломатамъ: „*Pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle!*“

Статья эта имѣла несомнѣнный успѣхъ, что выразилось во многихъ ко мнѣ письмахъ отъ разныхъ лицъ, совершенно не знакомыхъ. Кромѣ того, если вѣрить извѣстному г-ну Воейкову, то на доводы этой статьи было обращено вниманіе въ правительственныхъ кругахъ и она въ значительной степени способствовала оставленію втунѣ проекта ген.-ад. Грейга и замѣны монополіи лишь увеличеніемъ акциза. Еще въ 1877 году появилась моя большая статья въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ „Англійская торговая политика въ Ирландіи“, посвященная изслѣдованію отношеній Англій или, точнѣе, эксплуатаціи зависящей отъ нея Ирландіи и причинъ, частью, ея бѣдности; въ 1878 году появилось мое изслѣдованіе „Британскіе интересы на востокѣ“, по поводу себялюбивой англійской политики на Балканскомъ полуостровѣ и объясненія экономическихъ причинъ

ея вмѣшательства въ пользу турокъ. Въ 1878 году я прочелъ въ Москвѣ любопытный рефератъ о библиотечныхъ налогахъ и о возможномъ устройствѣ въ Россіи городскихъ общественныхъ библиотекъ,—вопросъ, тогда у насъ совершенно заброшенный. Указывая и доказывая на всѣ лады важность для дѣла народнаго просвѣщенія устройства хорошаго веденія общественныхъ библиотекъ, я взывалъ обратить на этотъ вопросъ болѣе серьезное вниманіе и послѣдовать хотя бы до нѣкоторой степени примѣру англичанъ и американцевъ. Я признавалъ, что препятствія къ этому у насъ (въ тогдашній періодъ самой мрачной политической реакціи), конечно, очень велики, но отнюдь не непреодолимы, если только большинство публики согласится съ моими выводами и признаетъ важность и серьезность задачи. Вопросъ объ устройствѣ городскихъ общественныхъ библиотекъ на новыхъ началахъ и размноженіе ихъ, можетъ быть, является, у насъ мечтой, но всѣ препятствія къ его осуществленію отнюдь нельзя считать непреодолимыми, требуется рядъ нѣкоторыхъ преобразованій въ законодательствѣ и развитіе общественной самодѣятельности и тогда мечта можетъ превратиться въ дѣйствительность: „Des utopies jamais, des reformes toujours!“

Въ 1880 году на страницахъ „Недѣли“ появился мой очеркъ: „Англійскіе кабатчики“, описаніе силы и значенія всѣхъ питейныхъ торговцевъ, винокуровъ и пивоваровъ и вліяніе этой клики на внутреннюю жизнь и дѣятельность британскаго законодательства.

Въ 1880 же году я помѣстилъ въ журналъ „Слово“ довольно любопытную статью о дѣятельности знаменитаго тогда Чарльса Брадло, подъ названіемъ „Новый типъ англійскаго радикализма“ и о той пользѣ, которую приносилъ этотъ энергичный человекъ своему родному англійскому обществу, борьбой съ суевѣріемъ и злоупотребленіями, или точнѣе вреднымъ вліяніемъ въ Англии ея духовенства, между прочимъ и окончательнымъ освобожденіемъ англійской печати, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отъ связывавшихъ ее узъ и препятствій къ ея развитію. Отчасти въ связи съ этой статьей о Брадло, нѣсколько лѣтъ позднѣе, мной было написано большое изслѣдованіе, тоже помѣщенное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и содержащее въ себѣ нѣсколько главъ подъ именемъ: „Возрожденіе мальтузіанства“.

Самое сильное, по моему мнѣнію, впрочемъ, по оригинальности нѣкоторыхъ мнѣній и множеству собранныхъ фактовъ, представляетъ изъ того періода мое, можно сказать, изслѣдованіе, сдѣланное цѣликомъ въ стѣнахъ Британскаго музея и стоившее мнѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы и отвлеченія отъ моего труда по собиранію матеріала для второго тома „Англійской Свободной Торговли“. Я ра-

зумѣю свое изслѣдованіе объ отмѣнѣ соляного налога въ Англіи и Россіи, при чемъ наибольшее значеніе и тяжесть лежитъ въ первой, т. е. въ Англіи.

Единственная страна или государство, на исторіи котораго можно было тогда удобно изучить условія отмѣны соляного налога, была именно Англія, гдѣ съ 1825 года соляной налогъ уже былъ отмѣненъ. Надо было, слѣдовательно, лишь постараться опредѣлить послѣдствія и результаты этой отмѣны. Въ это самое время въ 1880 году извѣстный нашъ почтенный экономистъ А. А. Головачевъ обратился ко мнѣ съ письмомъ, узнавши о моемъ предположеніи отправиться въ продолжительный заграничный отпускъ. Онъ предлагалъ мнѣ заняться, если буду въ Англіи, куда я и собирался, этимъ вопросомъ, постараться опредѣлить полезные результаты отмѣны соляного налога, чтобы этимъ до извѣстной степени дать толчекъ къ окончательной ликвидаціи у насъ нежелательнаго обложенія важнаго предмета народнаго питанія и не менѣе важнаго предмета для промышленности, скотоводства и т. д. Я охотно общалъ Головачеву въ ближайшій же разъ своей поѣздки въ Англію серьезно заняться этимъ вопросомъ, для написанія ряда очерковъ, какъ онъ предлагалъ мнѣ, въ журналъ „Слово“ (въ которомъ я уже участвовалъ раньше) при первой возможности.

Въ началѣ апрѣля 1880 года, я отправился съ женой за границу, въ продолжительный годичный отпускъ и на этотъ разъ, благодаря усердному писанію нѣсколько лѣтъ цѣлаго ряда крупныхъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словѣ“, гонораръ за который былъ сберегаемъ, съ хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ, мы въ первый разъ рѣшились съ женой на дерзкую прежде для насъ мысль—посѣтить и объѣхать Италію, что въ этотъ разъ и сдѣлали. Мы пробыли тамъ довольно продолжительное время (жена моя даже научилась говорить по-итальянски), осмотрѣли всѣ важнѣйшіе пункты страны, всѣ чудеса искусства и древняго міра, затѣмъ перебрались черезъ горный хребетъ Шплюгенъ въ мирную долину „Wallensee“ въ Швейцаріи, отдохнули отъ всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній и духовныхъ наслажденій, столько же, сколько отъ итальянской жары и пыли, и къ концу лѣта кончили тѣмъ же привычнымъ паломничествомъ въ стѣны милаго Британскаго музея. Конецъ моего изслѣдованія о „Свободной Торговлѣ“, совершенно передѣланный по новому плану, уже былъ видимо близокъ, но все-таки требовалъ очевидно еще порядочной, упорной работы, оставалось многое передумать и многое передѣлать, къ чему я и приступилъ въ привычныхъ стѣнахъ читальни Британскаго музея, гдѣ опять остался на цѣлую зиму, до будущаго

лѣта, надѣясь за это время покончить предпринятую задачу съ „Свободной Торговлей“, но какъ разъ именно въ это время я получилъ новое письмо отъ Головачева съ напоминаніемъ о необходимости спѣшить, въ виду ходящихъ въ обществѣ слуховъ, съ работой о соляномъ налогѣ и по русской поговоркѣ, которой, къ сожалѣнію, нѣсколько разъ мнѣ приходилось слѣдовать „Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ“, я опять оставилъ второй выпускъ „Свободной Торговли“ и занялся, сначала равнодушно, потомъ постепенно съ истиннымъ увлеченіемъ изученіемъ вопроса о причинахъ и послѣдствіяхъ отмѣны соляного налога въ Англіи, чѣмъ я занимался почти непрерывно, начиная, примѣрно, съ ноября 1880 года до марта 1881 года.

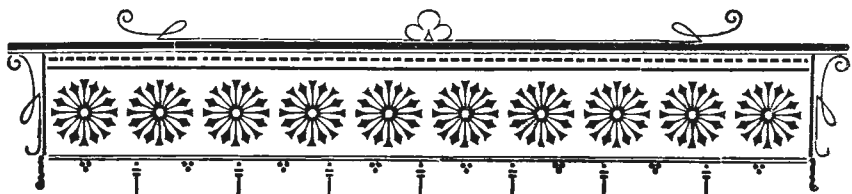
Я спѣшилъ ознакомиться, благодаря каталогу Британскаго музея, съ обширной литературой этого вопроса. Оказалось, во-первыхъ, необходимымъ для этой цѣли просмотрѣть извѣстнаго „Cobbet'a“ „Парламентскую исторію и дебаты“, за нѣсколько десятилѣтій, гдѣ были разбросаны различные запросы и проекты реформированнаго соляного налога и описывалась исторія его отмѣны, затѣмъ выступали противники и защитники этой формы обложенія въ первой половинѣ XIX вѣка и еще раньше. Вообще, оказалось, его изслѣдовали уже съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Цѣлый рядъ сочиненій, за много при томъ лѣтъ, по соляному налогу и вопросамъ, сюда относящимся, существовалъ въ отношеніи интересовъ земледѣлія, въ отношеніи интересовъ чело-вѣческаго здравія, въ отношеніи интересовъ скотоводства, въ отношеніи интересовъ разнообразныхъ отраслей промышленности. По этому обѣ стороны, часто одинаково увлекаясь, приводили явныя несообразности, требовавшія непремѣнно строгой провѣрки. Мнѣ припоминается, напримѣръ, одинъ врачъ, чуть не посвятившій всю жизнь на доказательства разнообразнаго вреда для чело-вѣка употребленія соли, при томъ для разныхъ болѣзней и при разныхъ случаяхъ. Чуть не большинство болѣзней оны приписывалъ употребленію этой необходимой приправы къ пищѣ чело-вѣка. Въ земледѣліи одни извѣстные агрономы защищали значеніе соли въ сельскомъ хозяйствѣ, другіе ничего не видѣли, кромѣ вреда. Въ промышленности, нѣкоторые вопросъ о соляномъ налогѣ въ Англіи дѣлали совершенно безразличнымъ для развитія и прогресса даннаго промысла, другіе, напротивъ, существованіе налога считали вѣчнымъ тормозомъ и препятствіемъ. Все это меня чрезвычайно питриговало и тянуло къ тому, чтобы наилучше разобраться въ вопросѣ. Съ другой стороны это оттягивало время окончанія взятой мной работы и вынуждало къ экскурсіямъ въ новыя области неизвѣстныхъ мнѣ

знаній. Я долженъ былъ продѣлать массу справокъ и въ химіи, и въ технологіи, и въ агрономіи, и въ лѣсномъ хозяйствѣ, и въ огородничествѣ, и въ гигиенѣ и т. д.

Наконецъ первая часть „Причины отмѣны соляного налога въ Англіи“ была кончена, но, увы, въ это время отъ пріѣхавшихъ въ Лондонъ соотечественниковъ я узналъ печальную новость, что Головачевъ успѣлъ поспорить съ радикальной редакціей „Слова“, въ которую онъ вошелъ, и долженъ былъ покинуть редакцію. Такимъ образомъ мнѣ предстояло подвергнуться, можетъ быть, непріятному отказу, въ случаѣ обращенія къ новой редакціи „Слова“, для которой, конечно, старые заказы и условія прежней редакціи могли быть не только не обязательны, но даже прямо нежелательны къ исполненію. Послѣ нѣкотораго колебанія, я написалъ къ извѣстному мнѣ лично Г. З. Елисеѣву, одному изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, и онъ напечаталъ первую статью о соли въ своемъ журналѣ. Но въ это время произошло давно желаемое въ Россіи событіе: Лорисъ-Меликовъ, находившійся тогда во главѣ правленія, идя навстрѣчу единодушно выражаемому желанію общества, отмѣнилъ соляной налогъ съ 1881 года, и такимъ образомъ работа моя потеряла, если не ученый, то публицистическій смыслъ и оправданіе: нечего бороться съ тѣмъ, съ чѣмъ не надо бороться. Это немедленно отразилось на судьбѣ моей статьи. Вслѣдъ за первой статьёй должна была бы идти вторая о послѣдствіяхъ или результатахъ отмѣны, но, увы, она не появилась въ журналѣ. На запросъ мой у Елисеѣва я получилъ печальный отвѣтъ, что Салтыковъ рѣшительно возсталъ, послѣ отмѣны налога, противъ помѣщенія моей статьи, какъ совершенно бесполезной и не нужной для интересовъ читающей публики, такъ какъ она сама увидитъ эти послѣдствія. Я остался такимъ образомъ съ продолженіемъ и окончаніемъ своей статьи у себя на рукахъ. Не знаю, что пришлось бы мнѣ дѣлать съ этой работой, стоявшей мнѣ многихъ мѣсяцевъ прилежнаго труда, если бы добрѣйшій М. М. Стасюлевичъ не заявилъ о своемъ согласіи пріютить мою изгнанную изъ „Отечественныхъ Записокъ“ статью на страницахъ „Вѣстника Европы“. Съ этого именно времени и началось мое участіе въ этомъ послѣднемъ журналѣ. Покончивъ съ солянымъ вопросомъ, я, разумѣется, опять обратился къ продолженію прерванныхъ занятій надъ исторіей идеи свободной торговли и конкуренціи

Иванъ Янжуль.

*

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. II. Спб. 1909).

Въ исходѣ 1812 г., Елисавета Алексѣевна была дотога погложена текущими событіями, что всѣ ея личныя заботы отошли на задній планъ; она ни о чемъ иномъ не могла думать и писать. Исходъ кампаніи и полное трагизма отступленіе французскихъ войскъ,— вотъ что составляетъ содержаніе ея длиннѣйшихъ писемъ къ маркграфинѣ Баденской, которой она старается изобразить событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

„Худо ли, хорошо, писала она матери 10 (22) ноября 1812 г., но я постараюсь дать вамъ понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Послѣ выступленія нашей арміи изъ Москвы, дѣла приняли для насъ благопріятный оборотъ; въ самомъ дѣлѣ, когда критическій моментъ миновалъ, преимущество, въ силу вещей, оказалось на нашей сторонѣ. Наполеонъ чрезъ чуръ отдалился отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ у него было сосредоточено продовольствіе, въ твердой увѣренности, что когда онъ вступитъ въ Москву, то императоръ будетъ этимъ встревоженъ, подпишетъ миръ и даже будетъ просить о заключеніи его, и что занятіе Москвы непріателемъ произведетъ на народъ такое ошеломляющее впечатлѣніе, что онъ падетъ духомъ, не будетъ въ состояніи сдѣлать дальнѣйшихъ усилій, и такъ какъ занятіе Москвы разорило бы многихъ богатыхъ людей или угрожало бы имъ разореніемъ, то оно явилось бы

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

непреодолимымъ препятствіемъ къ продолженію войны. Онъ рассчитывалъ кромѣ того на народное возстаніе. Ничего этого не случилось: у всѣхъ была одна мысль, и занятіе Москвы, вызвавшее негодованіе и желаніе отомстить непріятелю, облегчило народу тѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ.

„Благодаря преданности и храбрости нашего добраго народа, который инстинктивно, безо всякихъ указаній со стороны правительства, велъ войну по-испански, непріятелю становилось день ото дня труднѣе продовольствовать свое войско. Казаки—гроза французской арміи, задерживали фуражировъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, къ которымъ присоединились болѣзни, вызванныя плохимъ питаніемъ и чрезмѣрнымъ утомленіемъ, французская армія потеряла, во время своего пребыванія въ Москвѣ, столько людей, что я боюсь повторить цифру, которую называютъ, изъ боязни, что она покажется преувеличенной.

„Чувствуя, что онъ не въ состояніи провести зиму въ этомъ положеніи, Наполеонъ хотѣлъ перейти въ южныя губерніи, доступъ въ которыя охранялся нашими главными силами. Произошло нѣсколько мелкихъ сраженій; непоколебимая стойкость нашихъ войскъ преградила ему всѣ пути; наконецъ, послѣ довольно значительнаго дѣла, французы были окончательно отгнаны, и непріятельская армія стала такъ послѣшно отступать по той же дорогѣ, по которой она шла, что это отступленіе смѣло можно назвать бѣгствомъ; за это время нами взято множество пушекъ и плѣнныхъ“.

„Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи должна быть эта армія, отступая по дорогѣ, гдѣ она и ранѣе находила весьма мало продовольствія. Французы давно уже питаются кониной и чаще всего дохлой кониной; мы имѣемъ несомнѣнные доказательства того, что имъ приходится употреблять еще болѣе ужасную пищу, а именно человѣческое мясо. Несмотря на это, они падаютъ по дорогѣ отъ голода и истощенія. Упряжныхъ лошадей, которымъ совершенно нечего ѣсть, надаютъ по пять, по шесть штукъ въ день, такъ что нѣтъ возможности везти артиллерію и французы зарываютъ въ землю и заклепываютъ орудія, чтобы они не достались нашей арміи“.

„На-дняхъ, цѣлый двухтысячный корпусъ кавалеріи съ генераломъ Ожеро, братомъ маршала, сдался безъ выстрѣла съ оружіемъ и лошадьми. Къ намъ является множество офицеровъ, выражающихъ желаніе поступить къ намъ на службу только для того, чтобы не умереть съ голода; я прилагаю точную копію съ двухъ перехваченныхъ нами писемъ вице-короля италіанскаго къ Бергье, которыя

подтверждать справедливость того, что я говорю. Французская армія находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что если лица, командующія нашей арміей, не сдѣлаютъ величайшихъ ошибокъ, то она будетъ вынуждена сдаться до послѣдняго человѣка. Французская армія находится въ окрестностяхъ Смоленска. Нашъ храбрый Витгенштейнъ (болѣе всѣхъ отличившійся въ этой войнѣ) находится справа, главныя силы арміи налѣво, а впереди отрѣзываетъ непріятелю путь армія Чичагова“.

„Бросивъ взглядъ на карту, вы легко себѣ представите эту позицію и поймете, что самъ Наполеонъ легко можетъ попасть въ плѣнъ; впрочемъ, я этого не думаю, онъ навѣрно, такъ или иначе, найдетъ средство спасти свою драгоцѣнную особу.“

„Въ то время, какъ французская армія старалась проникнуть въ южныя губерніи, въ Москвѣ остался незначительный гарнизонъ; корпусъ Винцингероде, охранявшій дорогу въ Петербургъ, вступилъ въ Москву, и тутъ-то Винцингероде, имѣвшій неосторожность выступить парламентаромъ, былъ измѣннически взятъ въ плѣнъ; только такіе низкіе люди, какъ французы, въ состояніи захватить парламентаря. Винцингероде думалъ, что ему удастся убѣдить гарнизонъ сдаться и предупредить взрывъ Кремля, который готовился, какъ это ему было извѣстно. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и увезенъ одновременно съ гарнизономъ, а Кремль былъ взорванъ и сожженъ, уцѣлѣли одни соборы, которые самымъ страннымъ, можно сказать даже самымъ чудеснымъ образомъ, остались невредимы“.

„Прилагаю маленькую брошюрку, которая быть можетъ васъ заинтересуетъ, дорогая мама; она даетъ точную и вѣрную, хотя и не достаточно полную картину того, что было. Пришлось бы исписать цѣлые томы, чтобы изобразить всѣ ужасы, совершенные французами въ Москвѣ, а баварцами въ Витебскѣ и Полоцкѣ, и чтобы описать всѣ черты патріотизма, геройства, преданности, великодушія и милосердія къ врагамъ, выказанныя нашимъ прекраснымъ русскимъ народомъ. Съ іюня мѣсяца, когда разразилось бѣдствіе, я пережила цѣлую вѣчность. Волненіе, которое я испытывала, постоянно возростало: я испытывала негодованіе, ужасъ, жалость, я самымъ искреннимъ образомъ восхищалась нашимъ народомъ, глубоко сочувствовала его страданіямъ, а въ настоящую минуту я чувствую искреннее состраданіе къ нашимъ врагамъ, къ ихъ страданіямъ и недовѣріе къ нѣкоторымъ личностямъ. Одно время приходилось день и ночь волноваться за безопасность общества и даже за личную безопасность императора, такъ какъ помимо всѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣли, нетрудно было представить себѣ, что коварный Наполеонъ пуститъ въ ходъ обычныя свои

орудія,—измѣну и преступленіе. Всего этого довольно, чтобы наполнить жизнь.

„Я имѣла сегодня удовольствіе видѣть Винцингероде, который былъ взятъ въ плѣнъ съ мѣсяцъ тому назадъ и теперь освобожденъ по пути въ Варшаву полкомъ казаковъ, которыми командовалъ ген.-адъютантъ Чернышевъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорилось въ газетахъ, по поводу его поѣздки изъ Парижа въ Потербургъ и обратно. Освобожденіе Винцингероде есть опять таки eine Fügung des Himmels. Четверть часа позже они уже не встрѣтились бы на той дорогѣ, по которой Чернышевъ проѣзжалъ со своимъ отрядомъ совершенно случайно. Винцингероде, какъ уроженецъ Гессена, безъ сомнѣнія былъ бы разстрѣлянъ въ Вестфалии; его разстрѣляли бы и во французской арміи, если бы французскіе генералы, боясь отвѣтственности, не убѣдили Наполеона не дѣлать этого. Мы получили извѣстіе объ его освобожденіи третьяго дня, а часъ тому назадъ я имѣла удовольствіе видѣть его. Все, что онъ рассказываетъ, весьма любопытно. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что баденскимъ войскамъ (мнѣ впервые довелось слышать о нихъ) было поручено вести плѣнныхъ, и что недавно они разстрѣляли, по высочайшему повелѣнію, цѣлый транспортъ, подъ предлогомъ, будто солдаты шли слишкомъ тихо.

„Это одна изъ тѣхъ подробностей, которыя доказываютъ дьявольскіе поступки этого чудовища. Я склонна думать, что онъ нарочно возложилъ это порученіе на баденскія войска. Вообще, говорятъ, что нѣмецкія войска совершенно деморализованы и не уступаютъ французамъ въ звѣрствѣ. Въ Полоцкѣ баварцы вошли въ одинъ домъ, гдѣ какая-то старуха содержала пансіонъ для дѣвочекъ; они переломали бѣдной старухѣ руки и ноги, и она умерла отъ боли; когда дѣти кинулись къ ней, то эти злые люди стали наносить малюткамъ удары саблей и убили нѣсколько дѣвочекъ. Какое ненужное звѣрство! Даже дикари не убиваютъ женщинъ и дѣтей.

„Приведу еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ нашъ народъ. Одинъ русскій офицеръ, проѣзжая съ казаками по деревнѣ, въ окрестностяхъ Москвы, остановился у избы и спросилъ: „нѣтъ ли у васъ французовъ?“ На неоднократно повторенный вопросъ, крестьянинъ робко отвѣтилъ „нѣтъ“, а потомъ сказалъ: а ежели у меня найдется французъ, вы его не тронете? И офицеръ, войдя въ избу, увидалъ француза въ кругу семьи.

„Онъ боленъ и усталъ, сказалъ крестьянинъ, какъ не пріютить его? Чтобы понять всю прелесть этого разсказа, надобно знать, что русскій народъ всегда недолюбливалъ французовъ, а со

времени войны крестьяне относятся къ нимъ съ вполне понятной ненавистью. Этотъ случай говоритъ о человѣколюбіи народа, а вотъ другой случай, доказывающій его геройство: французы захватили въ Москвѣ нѣсколько крестьянъ и хотѣли заставить ихъ сражаться въ рядахъ своего войска, а чтобы они не бѣжали, имъ ставили на рукѣ клейма подобно тому, какъ на заводѣ клеймятъ лошадей. Одинъ изъ крестьянъ спросилъ, что значить это клеймо; ему отвѣтили, что это знакъ того, что онъ теперь французскій солдатъ. „Какъ, я солдатъ французскаго императора“, воскликнулъ онъ и, схвативъ топоръ, отрубилъ себѣ руку и, кинувъ ее къ ногамъ присутствующихъ, сказалъ: „на-те вамъ ваше клеймо“.

Въ Москвѣ же французы захватили человѣкъ двадцать крестьянъ, думая этимъ напугать народъ, который задерживалъ фуражировъ не хуже заправскихъ регулярныхъ войскъ. Французы поставили крестьянъ у стѣны и прочли имъ смертный приговоръ по-русски, ожидая, что они будутъ просить о помилованіи; вмѣсто этого крестьяне стали прощаться другъ съ другомъ и креститься. Когда выстрѣлили въ перваго, то думали, что другіе испугаются и станутъ просить пощады, но упалъ второй, третій—упали всѣ двадцать человѣкъ, и ни одинъ не пытался даже просить непріятеля о пощадѣ и милосердіи. Наполеону не удалось осквернить этого слова въ Россіи.

„Тотъ, кто сколько-нибудь заблуждался на его счетъ, и кто видѣлъ его у насъ, отрезвится отъ своихъ иллюзій: онъ повсюду былъ достоинъ себя! Святотатства, совершенныя его арміей, не поддаются описанію. Они нарочно совершаютъ въ церквахъ самыя гнусныя вещи. Одинъ русскій генераль, у котораго живетъ въ лакеяхъ турокъ, вошелъ въ одну изъ оскверненныхъ французами церквей, и слуга мусульманинъ спросилъ его съ негодованіемъ: „французы-то, стало быть, нехристи“. Въ Московскихъ монастыряхъ они затаскивали монахинъ въ алтарь и насилывали ихъ на престолѣ. Впрочемъ, они поступали точно такъ же и въ Испаніи, гдѣ народъ исповѣдуетъ одну вѣру съ ними; поэтому, все то, что они продѣлывали тутъ, не представляетъ ничего особеннаго.

„Все имѣетъ свою хорошую сторону; это можно сказать и о тѣхъ страданіяхъ, которыя Россія вынесла за эти шесть мѣсяцевъ. Помимо политическаго значенія, какое эта война будетъ имѣть для Россіи, ея нравственное вліяніе уже сказалось. Удивительно, до какой степени всѣ эти событія и явное покровительство Божіе укрѣпили *den religiösen Sinn* и вызвали истинное милосердіе, ибо оно простирается одинаково на враговъ и на друзей. Нѣтъ того маленькаго провинціальнаго городка, черезъ который слѣдуютъ плѣн-

ные, гдѣ бы жители не удовлетворили ихъ нуждъ по своему собственному почину. Я уже не говорю о русскихъ, которыхъ принимаютъ въ губерніяхъ, не пострадавшихъ отъ войны, съ истинно братскимъ милосердіемъ.

„Остатки французской арміи, которые должны были удержать Вильно, только прошли черезъ этотъ городъ, оставивъ его въ нашихъ рукахъ со всѣмъ, что тамъ было заготовлено, и оставивъ намъ множество плѣнныхъ. Ложь, распространяемая газетами, смѣшна, такъ какъ мы знаемъ, насколько имъ можно вѣрить, но въ сущности она возмутительна и оскорбительна для тѣхъ несчастныхъ, которые умираютъ отъ холода и голода на дорогахъ, въ то время какъ въ газетахъ пишутъ, что войска снабжены въ изобиліи съѣстными припасами, что они имѣютъ зимнія квартиры и теплую одежду. Со временемъ трудно будетъ повѣрить разсказу о невѣроятномъ бѣгствѣ французской арміи. Оно показываетъ, что величайшій человекъ нашего времени просто на просто шарлатанъ, и что его геній испарился, когда ему оказали твердое и стойкое противодѣйствіе: теперь мы имѣемъ тому доказательства.

„Онъ вступилъ въ Россію въ тотъ моментъ, когда превосходный урожай могъ дать ему всѣ средства къ продовольствію; ему отдали безъ боя всю мѣстность, гдѣ находилась эта жатва, онъ могъ бы устроить запасные магазины, остановиться въ Смоленскѣ, укрѣпиться въ немъ и нанести намъ весьма чувствительный ударъ. Въмѣсто этого, увлекшись жалкой славой и желаніемъ предписать намъ миръ въ Москвѣ, онъ проникъ неосмотрительно въ глубь страны и потерялъ вслѣдствіе этого въ три мѣсяца армію и занятія имъ губерніи“.

Достаточно вышеприведенныхъ выдержекъ, чтобы видѣть, какъ глубоко взволновала Елисавету Алексѣвну кровавая война 1812 г., оставившая въ ея отзывчивой душѣ неизгладимый слѣдъ.

Она своими глазами видѣла, какъ старъ и младъ готовы были принести себя въ жертву, чтобы спасти отечество, какъ всѣ сословія, отъ простого крестьянина до первыхъ сановниковъ, спѣшили помочь святому дѣлу, кто чѣмъ могъ. Но передъ ней раскрылась и обратная его сторона: сотни раненыхъ, искалѣченныхъ воиновъ наполнили Россію, тысячи несчастныхъ семействъ потеряли отцовъ, мужей и братьевъ; образовалась страшная нищета, которая взывала о поддержкѣ и помощи, и когда между нѣкоторыми лицами въ Петербургѣ и Москвѣ возникла мысль организовать общество, коего цѣлью было бы облегчить положеніе этихъ страдальцевъ, то молодая императрица стала во главѣ этихъ лицъ. Такъ возникло патріотическое общество, начавшее свою дѣятельность 12 ноября 1812 г.

Оно поставило себѣ цѣлью „раздавать разореннымъ войной пособія на первыя необходимыя потребности, помѣщать бѣдныхъ, увѣчныхъ и слабыхъ въ казенныя или частныя больницы; ходатайствовать о помѣщеніи дѣтей бѣдныхъ родителей на казенное содержаніе въ училища или для обученія ремесламъ; доставить помѣщеніе тѣмъ изъ бѣдныхъ, которые собственными трудами могли снискивать себѣ пропитаніе; доставлять разореннымъ ремесленникамъ средства къ отправленію работъ, и, наконецъ, призрѣвать сиротъ, оставшихся послѣ разоренныхъ родителей, для чего и было учреждено особое училище.

„Въ это заведеніе, названное училищемъ сиротъ и учрежденное для воспитанія дочерей штабъ и оберъ-офицеровъ, павшихъ на полѣ брани, или лишившихся достоянія въ 1812 году, поступило въ началѣ 24 воспитанницы на иждивеніе общества патріотическихъ дамъ. Попеченіе объ этомъ заведеніи, извѣстномъ впоследствии подъ именемъ „Патріотическаго института“, составляло лишь часть многосложныхъ обязанностей, принятыхъ на себя патріотическимъ обществомъ, дѣятельными членами котораго были между прочимъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ и секретарь императрицы, Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

Императрица всецѣло отдалась заботамъ о раненыхъ и плѣнныхъ. „Дотоли забытая всѣми, Елисавета Алексѣвна явилась ангеломъ хранителемъ страждущихъ, имя ея стало сразу извѣстно въ Россіи, гдѣ въ самыхъ разнообразныхъ закоулкахъ вспоминали о ней съ благоговѣніемъ. Она показала, что могла стоять на высотѣ своего положенія; здѣсь сходятся о ней показанія всѣхъ ея современниковъ. Стоитъ прочесть любую изъ записокъ императрицы къ Н. М. Лонгинову или письма ея къ близкимъ ей изъ числа русскихъ дамъ, чтобы убѣдиться въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ любви къ ближнему, которыя она съумѣла проявить въ эти тяжелые для Россіи дни“.

Въ теченіе 1812 года императрица видѣла своего супруга только урывками; весь 1813 годъ Александръ находился при арміи, и императрицѣ приходилось жить одной въ Петербургѣ или его окрестностяхъ. Она страшно скучала отъ однообразной, монотонной жизни и поддерживала въ себѣ, какъ могла, бодрость духа и вѣру въ благопріятный исходъ кампаніи. Не зная, чѣмъ кончится война, перенесенная за границу, она страдала за свою германскую родину.

„Какое впечатлѣніе произведетъ постыдное возвращеніе (Наполеона) въ Германію?—писала она маркграфинѣ Баденской. Неужели нѣмецкіе принцы не прозрѣютъ и не воспользуются обстоятельствами, чтобы сбросить съ себя постыдное иго, которое они несли такъ

долго? Если же они по-прежнему будутъ оставаться въ подчиненіи Франціи, то, признаюсь, это внушаетъ мнѣ опасенія за будущее; я знаю, что Тироль только и ждетъ сигнала къ возстанію, и что въ разныхъ частяхъ Германіи и Италіи поддерживаютъ сношенія съ Тиродемъ. Если принцы не стануть добровольно на защиту праваго дѣла, ихъ собственнаго дѣла, то можетъ случиться, что народъ сдѣлаетъ попытку освободить ихъ отъ французскаго ига, вопреки ихъ собственному желанію, а вы знаете, къ какимъ страшнымъ мѣрамъ прибѣгаетъ народъ и какъ трудно предвидѣть, на чемъ онъ остановится. Поэтому я самымъ серьезнымъ образомъ прошу васъ, дорогая мама, повліять, насколько это въ вашей власти, на то, чтобы въ подобный моментъ, если только дѣло до этого дойдетъ, принцы предупредили своихъ подданныхъ и отказались бы дѣйствовать совмѣстно съ французами; въ случаѣ возстанія это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить себѣ личную безопасность. Виданное ли это дѣло, чтобы народъ заставлялъ своихъ принцевъ дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ честь и ихъ собственные интересы. Весьма возможно, что мои предсказанія не сбудутся, и что дѣла примуть совсѣмъ иной оборотъ, но среди безчисленныхъ видовъ на будущее, которые представляются уму въ настоящій критическій моментъ, мнѣ рисуется единственная опасность, — та именно, о которой я говорю“.

Переносясь мысленно въ свою далекую родину, съ нѣжнымъ участіемъ заботясь о раненыхъ, увѣчныхъ и плѣнныхъ соотечественникахъ, пришедшихъ въ Россію въ составѣ Великой арміи Наполеона, Елисавета Алексѣевна, какъ женщина и любящая супруга, „радовалась въ то же время величію, которое окружало Александра I, и желала ему сердечно и ореола освободителя Европы“, хотя она своимъ проникательнымъ умомъ понимала ясно, что для русскихъ интересовъ и для величія Россіи было бы быть можетъ выгоднѣе и цѣлесообразнѣе заключить достойный миръ и не вторгаться въ дѣла Европы.

Цѣлый годъ провела императрица вдали отъ своего царственнаго супруга, получая отъ него довольно рѣдко и довольно отрывочныя извѣстія. Томленіе, которое она чувствовала въ своемъ одиночествѣ, стало невыносимо, когда наши войска подошли къ Бадену, и когда она, такъ давно и такъ страстно мечтавшая о свиданіи съ нѣжно любимой матерью и съ сестрами, представляла себѣ, что императоръ и другіе увидятъ дорогихъ ея сердцу людей, къ которымъ рвалось ея сердце; нѣсколько писемъ ея къ матери живо передаютъ чувства, вызванныя въ ней этими мыслями, а радостный, ликующій тонъ, которымъ она сообщила матери извѣстіе о пред-

стоявшей ей поѣздкѣ въ Германію, говорить о томъ, какъ она истомилась за это время въ своемъ нравственномъ одиночествѣ.

„Кто бы могъ думать прошлый годъ, въ это самое время, писала Елисавета Алексѣевна маркграфинѣ Баденской, 16 (28) ноября 1813 г., что черезъ годъ наши войска и императоръ будутъ въ двухъ шагахъ отъ васъ, дорогая мама! Въ переживаемое нами время жизнь походитъ на сонъ! Ахъ, если бы въ этомъ сновидѣніи могло осуществиться самое горячее душевное желаніе мое, если бы я могла увидѣться съ вами въ Карлсруэ! Но нѣтъ, это останется на вѣки мечтою! Люди, пришедшіе изъ отдаленной Сибири, будутъ можетъ быть подъ стѣнами Парижа, испанцы и русскіе протянутъ другъ другу руку во Франціи, я же, которая всею душою стремлюсь къ вамъ, я не увижу васъ, я не встрѣчусь болѣе съ вами! Наши офицеры могутъ скажутъ мнѣ, вернувшись въ Россію: „Мы имѣли счастье видѣть Вашу матушку!“

„Отчего же это не я видѣлась съ нею!“ воскликну я въ отвѣтъ.

„Увѣряю васъ, мама, что желаніе побывать у васъ томить меня послѣднее время, какъ лихорадка. Но это желаніе надобно подавлять: право, можно подумать, что нѣкоторые люди живутъ на свѣтѣ только для того, чтобы упражняться въ этой добродѣтели“.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ было написано это письмо, Елисавета Алексѣевна получила отъ императора письмо, въ которомъ онъ сообщалъ ей, что скоро будетъ въ Карлсруэ и увидится съ ея матерью и сестрами, и что если обстоятельства позволяютъ, онъ былъ бы очень счастливъ доставить ей возможность свидаться съ матерью.

„Эти слова, писала императрица, глубоко тронули и взволновали меня... Итакъ, если пребываніе его въ Германіи продлится еще мѣсяцевъ шесть или болѣе... я не рѣшаюсь дописать этой фразы, такъ какъ я побаиваюсь возможности этого высшаго счастья и думаю, что я сойду съ ума, если мечта, которую я лелѣяла столько лѣтъ, осуществится“...

Поѣздка государыни въ Баденъ была окончательно рѣшена, и 19 декабря 1813 г. она тронулась въ дальній путь, на родину, которую не видала съ 1792 г., т. е. 21 годъ.

Государыню сопровождали: ея сестра, принцесса Амалія, статсъ-дама княгиня Анна Михайловна Прозоровская, фрейлины Валуева и Стурдза, баронесса Боде, оберъ-камергеръ А. А. Нарышкинъ, гофмейстеръ князь К. М. Голицынъ и докторъ Штофрегенъ; послѣдній былъ взятъ по настоянію вдовствующей императрицы.

Отсутствіе Елисаветы Алексѣевны изъ Россіи продолжалось два года—на это время изсякъ тотъ драгоцѣнный источникъ, изъ

котораго можно черпать обильный матеріалъ для ея біографіи: ея переписка съ матерью прекратилась; за 1814 г. нѣтъ вообще ни одного письма, такъ что объ ея жизни за границей можно составить себѣ понятіе только по разсказамъ постороннихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи интересны записки А. С. Шишкова, бывшаго одновременно съ императрицею въ Баденѣ, и воспоминанія придворной дамы маркграфини, Каролины фонъ-Фрейшtedтъ; ихъ разсказы взаимно дополняютъ другъ друга, но по нимъ можно возстановить только рядъ внѣшнихъ фактовъ изъ жизни Елисаветы Алексѣвны за это время, что же касается ея душевнаго міра, ея внутреннихъ переживаній, ея отношенія къ фактамъ и событіямъ и тѣхъ впечатлѣній, какія она вынесла изъ пребыванія на родинѣ, изъ свиданія съ родными и изъ встрѣчъ съ людьми, которые, также какъ и она, за эти двадцать лѣтъ сильно измѣнились и которымъ при встрѣчѣ пришлось отказаться отъ многихъ иллюзій,—обо всемъ этомъ можно только догадываться по отдѣльнымъ, случайнымъ намекамъ. Изъ нихъ слагается впечатлѣніе, что поѣздка, о которой императрица, живя въ Россіи, мечтала, какъ о какомъ-то недосягаемомъ райскомъ блаженствѣ, не дала ей того удовлетворенія и душевнаго отдыха, котораго она жаждала, и что тотъ ореоль, въ которомъ рисовались ей издалека люди и отношенія, съ которыми были связаны воспоминанія ея дѣтства, померкъ, оставивъ въ ея душѣ горькій осадокъ неудовлетворенности и грусти.

23 января (4 февраля) 1814 г. императрица прибыла съ сестрою въ Брукзалъ, загородный дворецъ маркграфини Баденской, въ тридцати верстахъ отъ Карлсруэ, гдѣ ихъ ожидала мать.

Въ Брукзалѣ всѣ были радостно взволнованы пріѣздомъ императрицы, и встрѣча въ замкѣ была обставлена весьма торжественно.

Приближенная маркграфини, Каролина Фрейшtedтъ, въ воспоминаніи которой Елисавета Алексѣвна рисовалась очаровательной, граціозной и веселой тринадцатилѣтней дѣвочкой, съ чуднымъ станомъ, золотистыми волосами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ лепестокъ розы, была изумлена переменой, происшедшей въ ея наружности; тогда она была „хороша какъ ангель“, теперь „ея талія пополнѣла, цвѣтъ лица былъ красноватый, одѣта она была старомодно; сохранился только прелестный тембръ голоса и прекрасный ростъ, какимъ она всегда отличалась. Климать, образъ жизни, гнетъ, подъ которымъ она такъ долго жила, наложили, говоритъ г-жа Фрейшtedтъ, на всю ея фигуру какой-то особый отпечатокъ“.

Таково было первое впечатлѣніе.

Въ первые же дни по прибытіи императрицы, въ Брукзалѣ пріѣ-

хала, чтобы познакомиться съ нею, гроссгерцогиня Стефанія, супруга ея брата, бракомъ котораго, какъ мы знаемъ, Елисавета Алексѣвна была очень недовольна.

„Она была принята императрицей болѣе чѣмъ холодно, что объясняется отчасти тогдашними обстоятельствами, ибо въ то время было въ модѣ относиться ко всему французскому съ ненавистью. Во время этого перваго свиданія гроссгерцогиня вся дрожала, и только ласковое обхожденіе съ нею маркграфини дало ей возможность овладѣть собою“.

Подобная встрѣча, разумѣется, не могла положить начало добрымъ отношеніямъ между Елисаветой Алексѣвной и женою ея брата; онѣ остались не только холодны, но даже враждебны, и эта враждебность сказывалась не разъ довольно бурными объясненіями, во время которыхъ императрица ставила Стефаніи въ укоръ, что, выходя замужъ за ея брата, она думала, что „дѣлаетъ этимъ честь баденскому дому; гроссгерцогиня рыдала и ссылалась на свою крайнюю молодость. Эти тягостныя сцены чрезвычайно смущали маркграфиню Баденскую, всегда старавшуюся смягчить тяжелое положеніе своей невѣстки“.

По случаю пріѣзда императрицы, въ Карлсруэ и Брукзаль съѣхалось много высокопоставленныхъ и коронованныхъ особъ: „при каждой встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, напоминавшимъ ей ея счастливое дѣтство, императрица выказывала трогательную радость“.

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала къ матери баварская королева. Въ первый моментъ она не могла хорошенько разобраться въ перемѣнѣ, происшедшей въ ея сестрѣ; она нашла императрицу нѣсколько чопорной и совершенно не узнавала въ ней прежнюю веселую, естественную принцессу Луизу. Мало по малу это неблагоприятное впечатлѣніе разсѣялось, но прежняя симпатія не вернулась. Королева говорила, что ея сестра „слишкомъ много начиталась исторіи и, изучая характеръ другихъ людей, утратила свою собственную физиономію“.

Посѣтили Брукзаль, прѣздомъ во Францію и обратно, и юные великіе князья Николай и Михайль, выказывавшіе Елисаветѣ Алексѣвнѣ самую нѣжную привязанность. Они были веселы и жизнерадостны. Послѣ ихъ отъѣзда, маркграфиня, которая была ими очарована, выразила свое удивленіе къ вдовствующей императрицѣ, руководившей ихъ воспитаніемъ, и находила, что ея дочери, императрица Елисавета и принцесса Амалія относились къ ней не вполне справедливо.

Окруженная своими дѣтьми, маркграфиня была не всегда довольна; кто былъ этому виною, сказать трудно. „Мать, быть можетъ,

требовала отъ дочерей слишкомъ большого подчиненія, какое онѣ оказывали ей въ дѣтствѣ; дочери, ставшія самостоятельными, смотрѣли на многія вещи иначе, чѣмъ мать; въ особенности это бросалось въ глаза, когда онѣ были всѣ вмѣстѣ“.

По свидѣтельству г-жи Фрейштедтъ, между матерью и дочерьми не было полного согласія. Дочери любили проводить время вмѣстѣ, и мать считала себя заброшенной; это и было источникомъ постоянныхъ недоразумѣній.

„Она мнѣ говорила не разъ, что ее считаютъ очень счастливой, когда она окружена дочерьми, а между тѣмъ она никогда не бываетъ такъ одинока. Единственнымъ исключеніемъ была королева баварская, которая была всегда къ ней внимательна, и маркграфиня часто говорила, что если бы ей пришлось зависѣть отъ одной изъ своихъ дочерей, то она безусловно поручила бы себя попеченію этой послѣдней. Императрица, по ея мнѣнію, также бывала бы съ ней чаще, если бы не принцесса Амалія, которая имѣла вліяніе на сестру и была противъ этого. Это были мимолетныя тучи, но онѣ все же омрачали жизнь“.

Посѣтила Брукзаль на короткое время и великая княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга Константина Павловича, съ которой Елисавета Алексѣвна подружилась по пріѣздѣ въ Россію.

Въ теченіе лѣта императрица совершила поѣздку въ Гейдельбергъ, Мангеймъ, Рорбахъ, въ долину Неккера, во всѣ мѣста, которыя были связаны для нея съ какими-нибудь воспоминаніями. Очень красочно описываетъ, своимъ характернымъ стилемъ, эти поѣздки А. С. Шишковъ.

„Императрица съ маркграфинею поѣхали изъ Брукзала въ Карлсруэ, и мы за ними. Любо теперь русскимъ разѣзжать; во всякой деревнѣ и мѣстечкѣ нѣтъ человѣка, который бы съ веселымъ миромъ не снялъ шляпы и не кланялся; женщины въ окнахъ присѣдаютъ; ребятишки, лишь только увидятъ русскую повозку, откуда возьмутся, бѣгутъ кучами и кричатъ: „Ура, казакъ!“ Это слово и вездѣ у нихъ затвержено“.

„Вечеръ въ этотъ день былъ прекрасный; городъ весь освѣщенъ; народу пропасть; и было бы очень весело ходить по улицамъ, если бъ тишина и порядокъ лучше наблюдался; но странный обычай препятствовалъ прогуливаться съ удовольствіемъ: здѣсь всякій, кто хочетъ, можетъ палить, иной изъ окна, иной въ воротахъ, изъ маленькой пушечки; иной въ тѣснотѣ, подлѣ самаго твоего уха выстрѣлить изъ пистолета, иной подъ ноги къ тебѣ бросить пороховую хлопнушку; и это вездѣ, по всѣмъ улицамъ, такъ что непривыкшему покажется, будто непріятель ворвался, и происходитъ сра-

женіе. Я думаю, если у насъ вдругъ это сдѣлать, то вѣрно не прошло бы безъ несчастныхъ приключеній, или по крайней мѣрѣ на другой день множество женщинъ отъ испуга лежали бы въ постели. Впрочемъ, не было никакикъ увеселительныхъ огней или ракетъ, но только одна пальба и хлопанье. Праздникъ этотъ былъ по случаю пріѣзда императрицы, но, сказываютъ, что это и передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду здѣсь продолжалось. По сю пору не могутъ опомниться отъ радости: такъ имъ Наполеонъ былъ солонъ!“

Изъ Карлсруэ императрица ѣздила въ Раштадтъ, къ графинѣ Витгенштейнъ, которая разрѣшилась тамъ отъ бремени. Елисавета Алексѣевна была ея восприемницею и подарила графинѣ ожерелье въ десять тысячъ рублей.

Вспоминаетъ Шишковъ еще поѣздку въ Мангеймъ и въ долину Неккера: „Въ Мангеймъ мы пріѣхали въ четыре часа по полудни и пошли гулять въ садъ, лежащій на берегу Рейна; но гулянье наше не было похоже на гулянье, потому что императрица должна была идти между двухъ непрерывныхъ стѣнъ народа и только на крики и восклицанія ихъ на обѣ стороны безпрестанно откланиваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливалась она для принятія поздравленій и цвѣтовъ отъ разряженныхъ дѣвушекъ. Послѣ того поѣхали мы въ театръ, гдѣ передъ началомъ зрѣлища приготовлена была для нея рѣчь.

„Странно было для русскаго уха слышать, говорить Шишковъ, что въ сей рѣчи громогласно и съ восторгомъ произносили одно только отечественное имя ея: „Алексѣевна!“ Нельзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ „ура, Алексѣевна! вивать, Алексѣевна“. Они думали поддѣлаться этимъ подъ руской языкъ, потому что у насъ отечественное имя въ употребленіи, но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говорится“.

Нѣсколько дней спустя весь дворъ поѣхалъ въ долину Неккера.

„Въ Некаргемюнде встрѣтила насъ толпа народа. У пристани приготовлены были восемь большихъ лодокъ, изъ которыхъ самая большая украшена была цвѣтами съ зеленымъ по срединѣ ея шатромъ. Мы всѣ помѣстились на ней. По обоямъ берегамъ, противъ нашей лодки, ѣхали верхами трубачи, играя на трубахъ. Вдоль береговъ, по ту и по другую сторону, стояло множество людей, не вмѣстѣ и не кучами, но протянувшись нитью и составляя въ ней разныя перемѣны: гдѣ мальчики рядомъ, гдѣ большіе люди, гдѣ маленькія нарядныя дѣвочки, державшіяся рука за руку, гдѣ взрослые дѣвицы и женщины. Все это разными голосами—тонкими, толстыми, женскими, мужскими, кричало: „Вивать, русская императрица Ели-

савета Алексѣвна!“ Нить эта и крикъ, начинаясь отъ сего селенія, продолжались непрерывно во всю дорогу, потому что людей было множество, повидимому стекшихся изъ другихъ близкихъ селеній, и сверхъ того, по проѣздѣ нашей лодки, задніе безпрестанно забѣгали впередъ и, примыкая къ другимъ, становились по-прежнему рядомъ. Передъ нами на лодкѣ ѣхали музыканты, играя на скрипкахъ и волторнахъ; а передъ ними плыли двѣ лодки, съ которыхъ палили изъ пушекъ. Сія пальба сопровождалась еще другою съ высокихъ горъ изъ развалинъ замковъ, крѣпостей и каменныхъ ломовъ, гдѣ вмѣсто пушекъ служили просверленные въ камняхъ жерла. Къ сему звуку присовокуплялся иногда въ селахъ, мимо коихъ мы проѣзжали, колокольный звонъ. Они пристали къ селенію, подлѣ котораго находились развалины древнихъ замковъ. „Дорога, по которой мы шли, уставлена была березками и усыпана цвѣтами, по обѣимъ сторонамъ стояли люди съ ружьями, чиновники съ знаменами и народъ. Пушечная пальба, колокольный звонъ и радостныя восклицанія: „Вивать Елисавета Алексѣвна!“ повторялись повсюду. Въ замкѣ накрытъ былъ столъ, уставленный разными пирожными и сладостями. Тутъ опять пошли подарки отъ нарядныхъ дѣвочекъ: одна принесла пучокъ цвѣтовъ, другая корзинку съ цвѣтами, третья барашка, сдѣланнаго изъ масла, четвертая привела настоящую живую овечку на лентѣ и украшенную лентами, пятая поднесла на блюдѣ парочку живыхъ горлинокъ и т. п.

Эти поѣздки походили на празднества, но помимо этихъ случайныхъ развлеченій, жизнь въ Карлсруэ и Брукзалѣ шла очень однообразно и мало интересно: въ 3 часа обѣдали, потомъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговаривали, стоя на ногахъ, въ 7 часовъ пили чай; за обѣдомъ были всѣ вмѣстѣ, но по вечерамъ царская фамилія ужинала особо, въ своихъ внутреннихъ покояхъ“.

Послѣ взятія Парижа союзными войсками въ Баденѣ стали проходить войска, возвращавшіяся изъ Франціи, пріѣхали снова великіе князья Николай и Михаилъ и, наконецъ, 5 іюля пріѣхалъ Александръ I. Императрица встрѣтила его въ Рорбахѣ съ принцессой Амаліей и вернулась съ императоромъ въ 1 часъ ночи въ Брукзалъ въ его открытыя дрожжахъ.

„Русскіе были страшно взволнованы пріѣздомъ императора: всѣмъ хотѣлось знать, долго ли пробудетъ императрица въ Брукзалѣ, или же она уѣдетъ въ Россію. Александръ пробылъ въ Брукзалѣ пять дней. Въ эти дни въ Брукзалѣ былъ огромный сѣздъ знатныхъ иностранцевъ; за столъ садилось не менѣе 50 человекъ: тутъ были Штейнъ, Лагарпъ, генераль Вильсонъ, князья Меттернихъ и Лихтенштейнъ и многіе другіе“.

Александръ временно возвращался въ Россію; его супруга хотѣла послѣдовать за нимъ и была очень разочарована, когда онъ выразилъ желаніе, чтобы она, во избѣжаніе излишняго утомленія, осталась въ Баденѣ, и ей пришлось остаться въ Германіи, такъ какъ осенью предстоялъ конгрессъ въ Вѣнѣ, на которомъ государыня должна была присутствовать.

Когда А. С. Шишковъ, получивъ отъ государя позволеніе уѣхать впередъ, въ виду того, что онъ по слабости здоровья не могъ ѣхать за нимъ съ такою же, какъ онъ, быстротою, пошелъ откланяться императрицѣ, она была одна въ своемъ кабинетѣ и показалась ему очень скучною.

„Когда я увѣдомилъ ее о причинѣ моего къ ней прихода, пишетъ Шишковъ, то она сказала мнѣ со слезами:

„ Я завидую вашей участи; вы ѣдете въ Россію, и я желала бы того же, но государь хочетъ, чтобы я оставалась еще здѣсь“.

Слова сіи удивили меня и растрогали: я также не могъ удержаться отъ слезъ и сказалъ ей съ чувствомъ усердія и состраданія:

„Государыня! Какой россиянинъ, слыша о сей вашей привязанности къ Россіи, не почувствуетъ въ глубинѣ сердца своего живѣйшей къ вамъ благодарности?“

Она пожаловала мнѣ поцѣловать руку свою и отпустила меня, желавъ мнѣ счастливаго пути“.

Какъ это ни странно, но императрица Елисавета, такъ стремившаяся на родину, такъ страстно желавшая увидѣть мать и сестеръ, вкорѣ по пріѣздѣ въ Баденъ стала тосковать по Россіи; она почувствовала, что между нею и ея семьей что-то порвалось, что она была болѣе „дома“ въ Россіи, нежели въ Баденѣ, и пребываніе ея за границей не оказалось для нея тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, какого она ожидала. Елисавета давала себѣ отчетъ въ происшедшей въ ней перемѣнѣ и какъ бы сама удивлялась этому.

Когда окончательно было рѣшено, что она остается въ Германіи, она написала графинѣ Головиной:

„Три недѣли тому назадъ, я рассчитывала въ августѣ быть въ Петербургѣ, но императоръ, пріѣхавъ сюда, рѣшилъ иначе. Онъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы я ожидала его тутъ и встрѣтилась съ нимъ черезъ полтора мѣсяца въ Вѣнѣ и пробыла тамъ все время конгресса; въ виду этихъ соображеній я должна была согласиться съ его желаніемъ, но это стоило мнѣ немалого труда. Я испытываю какую-то тревогу, съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія въ Россію и чувствую, что я успокоюсь только по пріѣздѣ туда. Иной разъ бываетъ, что самое пріятное, повидимому, положеніе становится по волѣ Божіей самымъ тяжкимъ испытаніемъ“.

Въ томъ же настроеніи она писала великому князю Николаю Павловичу:

„Какъ я ни счастлива здѣсь, въ кругу моей семьи, какъ ни трудно мнѣ будетъ разстаться съ нею, мнѣ приходится вооружаться терпѣніемъ. Привычка, долгъ и тысяча другихъ, большихъ и малыхъ причинъ заставляютъ меня страстно желать вернуться въ Россію.

„Чтобы назначить день отъѣзда, я только и жду извѣстій отъ императора и его указаній, такъ какъ, согласно прошлогоднему плану, я должна была ѣхать черезъ Берлинъ, то я льщу себя надеждою увидѣть васъ тамъ, любезный братъ, но если бы мой маршрутъ измѣнился, то я встрѣчусь съ вами съ одинаковымъ удовольствіемъ въ Петербургѣ. Дай Богъ, чтобы это случилось какъ можно скорѣй!“

Часть 1815 года императрица Елисавета провела въ Вѣнѣ, по настоянію Александра Павловича, желавшаго, чтобы его супруга присутствовала на торжествахъ Вѣнскаго конгресса. Затѣмъ, съ марта по іюнь она провела у сестры своей въ Баваріи, а потомъ снова вернулась къ маркграфинѣ, гдѣ оставалась до начала зимы.

Передъ отъѣздомъ изъ Бадена, императрица провела нѣсколько дней въ Карлсруэ, чтобы еще разъ проститься со всѣмъ, что было для нея дорого. Въ полной увѣренности, что она увидитъ горячо любимую ею родину послѣдній разъ, она останавливалась самымъ трогательнымъ образомъ на воспоминаніяхъ своего дѣтства и юности, посѣтила вновь тѣ комнаты въ замкѣ, гдѣ она жила до своего отъѣзда въ Россію, розыскала даже на замковой башнѣ надпись, которую она, ребенкомъ, сдѣлала брилліантовымъ кольцомъ на оконномъ стеклѣ. Въ саду маркграфини, гдѣ она и ея сестры играли дѣтьми, она велѣла положить въ укромномъ уголку камень и высѣчь на немъ слѣдующее мѣсто изъ Оберона: „Du kleiner Ort, wo ich das erste Licht gesogen“ и т. д.

1 ноября 1815 г. императрица покинула Брукзаль. Разлука съ матерью и сестрами была для Елисаветы Алексѣвны очень тягостна, такъ какъ въ то время она не рассчитывала болѣе вернуться въ Бадень.

В. Тимошукъ.

ОТЗЫВЪ ГР. П. Д. КИСЕЛЕВА О „БОРОДИНСКИХЪ ОЧЕРКАХЪ“ Э. Н. ГЛИНКИ.

(Письмо Киселева Глинкѣ отъ 21 февраля 1840 г.).

Ниже приводится любопытное письмо гр. П. Д. Киселева къ Э. Н. Глинкѣ, „автору Бородинскихъ очерковъ“. Оба эти лица одновременно состояли адъютантами при гр. М. А. Милорадовичѣ. Киселевъ былъ откомандированъ отъ Кавалергардскаго полка въ адъютанты черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинскаго боя, по собственному желанію; въ автобіографической замѣткѣ онъ пишетъ по этому поводу, что оставляетъ съ сожалѣніемъ своихъ товарищей-однополчанъ, и что при гр. Милорадовичѣ онъ предполагалъ „изучать войну“.

„Приношу вамъ искреннюю благодарность за доставленіе мнѣ новаго сочиненія вашего: Очерки Бородина. Изображаемыя вами незабвенныя событія близки душѣ моей, и я буду читать эту книгу съ тѣмъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ прежними воспоминаніями о великой военной эпохѣ. Очерки ваши, имѣющіе столь общій успѣхъ, служатъ огненною, вѣрною картиною Бородинскаго дѣла. Я всегда съ удовольствіемъ также припоминаю о служеніи нашемъ при графѣ Милорадовичѣ, а въ настоящее время мнѣ особенно пріятно видѣть, что Вы, милостивый государь, не забыли стараго авангарднаго сослуживца“.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ГОРШОКЪ ЩЕЙ.

(Страничка изъ бытовой исторіи офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка).

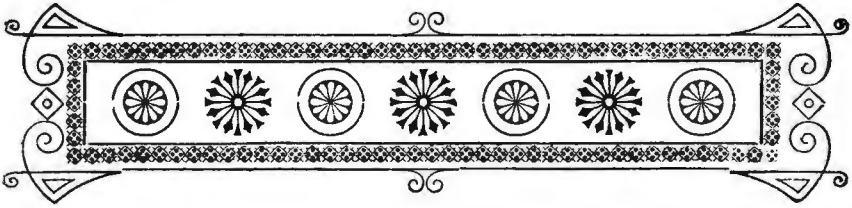
Цѣлый корпусъ лучшихъ измайловскихъ офицеровъ соединяетъ свой голосъ съ просительнымъ моимъ голосомъ: одолжите меня своимъ посѣщеніемъ, пожалуйста ко мнѣ завтра на горшокъ щей, въ которомъ часу вамъ угодно, по-русски, безъ церемоніи. Я послѣ завтра ѣду. Не угодно ли написать къ братцу.

Сердечно преданный и покорнѣйшій слуга
С. Аксеновъ.

Я живу въ Гарновскомъ домѣ, въ квартирѣ полковника Мартынова. Не откажите въ моей просьбѣ, всѣ офицеры ожидаютъ съ вами познакомиться.

Приведенное выше письмо, характерное по своимъ выраженіямъ, переноситъ въ тѣсный, дружный кружокъ офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка эпохи Александра I. Адресать—Э. Н. Глинка, извѣстный писатель, видный масонъ и въ то время адъютантъ гр. М. А. Милорадовича, числившійся въ л.-гв. Измайловскомъ полку.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій¹⁾.

(Окончаніе).

VII.

Въ 1873 году, осенью, я простудился на охотѣ и, больной, пріѣхалъ къ своему Новгородскаго имѣнія въ Петербургъ на экзамены съ сильнѣйшимъ кашлемъ. Кашлялъ и ходилъ въ академію, ходилъ въ академію и кашлялъ. Болѣзнь не уступала, а усиливалась. Оказалось — воспаленіе легкихъ. Я слегъ и провалялся до Рождества.

Къ Рождеству стало лучше, и послѣ Крещенья я пришелъ на лекцію, думая наверстать потерянное время, но едва проговорилъ съ каеэдры десять минутъ, какъ почувствовалъ, что задыхаюсь. Усиленъ воли я надѣялся побѣдить недомоганіе, но еще десять минутъ, и принужденъ былъ покинуть каеэдру, поддерживаемый офицерами.

Мнѣ все-таки хотѣлось превозмочь себя, и дома я началъ читать вслухъ, но убѣдился, что долѣе десяти-пятнадцати минутъ прочесть не могу. Пришлось отказаться отъ лекцій и ограничиться практическими занятіями.

Ходить по морозу также оказалось невозможнымъ — отъ холоднаго воздуха, просто, задыхался. Человѣкъ хорошей физической силы, привыкшій къ моціону, спорту и гимнастикѣ, не имѣя возможности гулять, я сталъ усиленно заниматься гимнастическими упражненіями и какъ-то вытянулъ себѣ въ колѣнѣ сухожилие правой ноги.

Между тѣмъ приближались лѣто и практическія занятія съ

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

офицерами въ полѣ, а нога все побаливала. Я ѣздилъ верхомъ, но послѣ часовой ѣзды принужденъ былъ сходить съ коня, тогда какъ я имѣлъ привычку, и считалъ это необходимымъ, дѣлать съ офицерами по 40—50 верстъ въ сутки.

Надо было позаботиться о ногѣ, и я обратился къ профессору хирургіи Богдановскому, который увѣрилъ меня, что черезъ двѣ недѣли буду совершенно здоровъ. Съ крайней небрежностью онъ сдѣлалъ съемно-неподвижную повязку, поставилъ меня на костыли и, откладывая день за день снятіе повязки, достигъ того, что, когда черезъ семь недѣль она была снята, мускулы оказались атрофированными, и нога перестала стгибаться въ колѣнѣ. Начались отеки; они сосредоточились въ колѣнѣ, сеновиальная сумка распухла, и я сталъ совершеннымъ калѣкой.

Что было дѣлать?

Поѣхалъ къ Пирогову, въ его имѣніе „Вишня“. Онъ объявилъ, что здоровымъ я никогда не буду, и что мнѣ надо менѣе заботиться о ногѣ, чѣмъ о легкихъ.

„Прежде всего—поправьте ваше общее состояніе и поѣзжайте на зиму въ Крымъ“, говорилъ онъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Но энергичная натура не позволяла мириться съ мыслью въ 34 года быть на вѣки калѣкой и, поправивъ нѣсколько свои легкія, я поѣхалъ за границу, гдѣ кидался и къ Лангенбеку и къ знаменитому ортопедисту Гессингу и къ извѣстному хирургу Гофману въ Висбаденѣ и, наконецъ, узнавъ о томъ, что въ Амстердамѣ имѣется знаменитость по массажу, въ лицѣ Мецгера, отправился къ нему.

Надо замѣтить, что массажъ былъ тогда средствомъ совершенно новымъ, въ Россіи почти неизвѣстнымъ, и русскіе хирурги, да и не одни русскіе, относились къ нему частью съ недоувѣріемъ, частью недоброжелательно.

Даже такая знаменитость, какъ тогдашняя берлинская звѣзда Лангенбекъ, къ которому я имѣлъ особую рекомендацію и который отнесся ко мнѣ, вслѣдствіе этого, крайне внимательно, на вопросъ мой—„могу ли я прибѣгнуть къ электричеству или массажу“, настойчиво предостерегалъ меня противъ нихъ.

„Дѣло идетъ о Вашей жизни, нѣсколько разъ повторялъ онъ, запомните хорошенько: ни электричество, ни массажъ, Боже васъ сохрани“.

Но я рѣшилъ, что Господь съ ней и съ жизнью, если съ 34-хъ лѣтъ ходить на костыляхъ и что лучше рискнуть этимъ „напраснымъ даромъ“, чѣмъ влачить всю жизнь существованіе калѣки.

Массажъ помогъ, хотя нога, конечно, не была еще въ полномъ порядкѣ.

Я поѣхалъ долѣчивать ее сначала въ Кисловодскъ, а оттуда въ Ялту.

IX.

Была Сербская война въ самомъ разгарѣ. Имя Черняева пользовалось необычайной популярностью; оно было у всѣхъ на устахъ. Всѣ съ тревогою слѣдили за нашими добровольцами.

Волновался, конечно, и я. Вѣсти начали приходить не очень радостныя.

Сижу разъ у себя въ номерѣ гостиницы „Ялта“. Наступалъ вечеръ. На душѣ было какъ-то не весело. И вдругъ, какъ вѣтеръ, врывается ко мнѣ Казиміръ, возбужденный, радостный.

„Только что пріѣхалъ. Узналъ отъ Обручева, что ты здѣсь, и бросился отыскивать“, говорилъ Казиміръ, кидааясь мнѣ на шею.

Я страшно обрадовался, и мы расцѣловались горячо, какъ братья.

„Только я къ тебѣ на нѣсколько минутъ“, говорилъ Казиміръ.

— Какъ на нѣсколько минутъ? Да гдѣ ты остановился?

„Въ Ливадіи. Я пріѣхалъ съ Великимъ Княземъ. Его вызвалъ Государь, а онъ захватилъ съ собою меня. Между нами, конечно,— Государь рѣшилъ прекратить свою роль спокойнаго зрителя и принять Сербію подъ свое покровительство. Рѣшено дѣйствовать энергично. Ну, однако, прощай. Я вѣдь сказалъ тебѣ, что пріѣхалъ на нѣсколько минутъ. Мнѣ необходимо къ Великому Князю; если успѣю, заѣду сегодня же, а то завтра“.

— Только, пожалуйста, не на нѣсколько минутъ.

„Ну, ужъ, тамъ какъ придется“.

Левицкій пробылъ въ Ливадіи съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ всего дня два-три. Послѣ Алексинаца Государь послалъ туркамъ ультиматумъ. Турція сдала; но Государь, проѣзжая Москву, „съ высоты Кремля“ издалъ приказъ о приведеніи на военное положеніе четырехъ корпусовъ и о сосредоточиваніи ихъ въ Бессарабіи.

Главнокомандующимъ этой арміей былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ, начальникомъ его штаба — Непокойчицкій и помощникомъ начальника штаба — Казиміръ Левицкій, произведенный по этому случаю въ генералы, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Всѣ, знавшіе Великаго Князя, понимали, что онъ будетъ играть роль, такъ сказать, знамени, за которымъ должна слѣдовать армія.

Про Непокойчицкаго говорили, что онъ человѣкъ очень умный, блистательно показавшій себя въ 1848 году въ Венгерской кампаніи; но замѣчали также, что въ послѣдніе 22 года онъ былъ предсѣдателемъ кодификаціонной комиссіи и успѣлъ обрюзгнуть нравственно отъ ничего-недѣланья, сопряженнаго съ его почетной должностью.

Кромѣ того, о Непокойчицкомъ я не разъ слышалъ отзывы умныхъ католиковъ (въ томъ числѣ отъ профессора инженерной академіи Карловича), выражавшихъ свое удивленіе, что этотъ почтенный старикъ, заслуженный генералъ, въ костелѣ, колѣно-преклоненно, билъ себя въ грудь и чуть не ложился „кршижемъ“ (какъ это дѣлаютъ фанатичныя старухи-польки), обращая этимъ на себя, почтеннаго генерала русской службы, всеобщее вниманіе. И для меня лично являлось большимъ вопросомъ: какъ ксендзъ, отправляя на войну фанатика, настроить его въ смыслѣ службы, службы безоблыжной русскому дѣлу?

Но и помимо этого, всѣ, знавшіе Непокойчицкаго, видѣли въ немъ человѣка, уже спѣвашаго свою пѣсню, и поэтому всѣ понимали, что выдающуюся роль, такую же, какую игралъ Мольтке во Франко-Прусской войнѣ, — въ Русско-Турецкой брани придется играть Левицкому.

Почти всѣ покачивали головами, но всѣ почти на войну смотрѣли не очень серьезно, считая, что это будетъ нѣчто вродѣ увеселительной экскурсіи въ Турцію.

Я былъ ярымъ противникомъ войны и заслужилъ за это много упрековъ отъ товарищей, говорившихъ, что въ этомъ сказывается не чисто славянское мое происхожденіе ¹⁾.

Въ числѣ доводовъ, я приводилъ, между прочимъ, тотъ, что моего земляка, новгородскаго мужика, вынужденнаго очень часто весной примѣшивать къ мукѣ березовую кору и разную дрянъ, чтобы не умереть съ голоду, что этого бѣдняка гонятъ освобождать жирныхъ сербовъ и болгаръ, кушающихъ свинину. Турецкимъ звѣрствамъ я также довѣрялъ не вполне, помня, какія нелѣпости писали про русскія войска во время польскаго возстанія, тогда какъ—я самъ былъ свидѣтелемъ—русскіе держали себя высоко-гуманно, вели себя, какъ настоящіе джентльмены ²⁾. Тѣмъ не менѣе,

¹⁾ Прадѣдъ мой былъ датчанинъ. Дѣдъ родился уже православнымъ.

²⁾ Еврей-шпіонъ говорилъ вамъ, напримѣръ, что встрѣчная фурманка съ барыней—повстанская почта, что барыня скрываетъ ее въ своихъ юбкахъ, что надо обыскать ея особу. Но далѣе приказанія обыскать фурманку офицеры не шли, хотя хорошо, конечно, понимали важность захвата непріятельской почты.

видя, что всё почти пріятели идутъ на войну, мнѣ какъ-то стало неловко оставаться дома, и я обратился къ Казиміру.

— Послушай, Казиміръ, ты знаешь, что я войнѣ не сочувствую, мало того, я считаю ее для Россіи почти несчастіемъ; но всё наши ребята идутъ на войну, и мнѣ оставаться какъ-то неловко. Ты знаешь, что бѣсъ крупнаго честолюбія, честолюбія мальчишескаго, когда я мечталъ быть Наполеономъ, меня давно оставилъ. Честолюбія же, въ смыслѣ наколачиванія чиновъ и крестовъ, я никогда не понималъ. Поэтому, совсѣмъ не для этихъ игрушекъ, а именно только для того, чтобы не лежать на боку дома, когда другіе идутъ на серьезное дѣло, я хотѣлъ бы, чтобы ты устроилъ меня при арміи. Для фронтowego начальника я, пока, не гожусь, потому что нога позволяетъ мнѣ ѣздить верхомъ часъ, два—не болѣе, но я рассчитываю, что могу принести пользу при разработкѣ плана кампаніи и различныхъ стратегическихъ операцій. Мало того, какъ человекъ не теряющійся въ опасности, съ вѣрнымъ тактическимъ взглядомъ—могу вполне выполнять и тактическія задачи, не требующія продолжительной ѣзды на конѣ, а часъ-два, какъ сказалъ, пробить верхомъ я могу. Устрой же меня; право, я буду не бесполезенъ.

Казиміръ задумался и сказалъ, что дастъ мнѣ отвѣтъ завтра.

— Думалъ я, говорилъ онъ на завтра. Видишь ли,—будетъ неудобно. Мы рѣшили ограничить штабъ строго необходимымъ числомъ чиновъ и не допускать въ немъ никого, кто бы не исполнялъ опредѣленнаго круга занятій. А что же можно тебѣ предложить? Помощника начальника штаба? Но это мѣсто занято мною. Начальника колоновожатыхъ? Но это мало для тебя, и мы уже предложили это мѣсто Артамонову. Нѣтъ, устроить тебя въ штабъ неудобно.

Такъ мнѣ и не удалось попасть на войну и, долженъ сознаться, мнѣ показалось, что Казиміръ отказалъ изъ боязни соперничества, потому что, какъ ни какъ, я все же былъ талантливѣе и для военнаго дѣла пригоднѣе Казиміра. Главнокомандующій могъ это замѣтить, и Левицкій, слишкомъ дорожа своимъ положеніемъ—этого опасался.

Не знаю, принесъ ли бы я какую-нибудь пользу, но понималъ я войну вѣрно, въ доказательство чего могу привести письма современниковъ.

Такъ, когда недѣли за двѣ до переправы черезъ Дунай, я, направляясь на югъ, вынужденъ былъ просидѣть сутки въ Харьковѣ, чтобы дать дорогу воинскимъ поѣздамъ, начальникъ Харьковской станціи Курско-Харьковской желѣзной дороги, Макарскій, бывший инженерный офицеръ, въ кабинетъ котораго я провелъ сутки вы-

нужденной остановки, и другой начальникъ станціи (Харьково-Николаевской ж. д.), Домбровский, съ тревогой разспрашивали меня: можемъ ли мы переправиться черезъ Дунай, возможно ли исполнить эту операцію—я убѣжденно отвѣчалъ, что „переправимся несомнѣнно“.

— Но всѣ говорятъ, возражали они, что придется понести при этомъ огромныя потери—тысячъ пятьдесятъ, не менѣе.

Я успокоилъ ихъ увѣреніемъ, что переправа обойдется намъ тысячъ въ пять, не болѣе.

— А гдѣ, вы думаете, произойдетъ эта переправа?

Я совершенно твердо, съ увѣренностью, объявилъ: „у Систова“.

— Отчего, именно, у Систова?

„Да очень просто. Переправляться въ низовьяхъ Дуная и оперировать въ Добруджѣ неблагоприятно уже по одному тому, что въ Добруджѣ царствуютъ страшныя лихорадки; у крѣпости Рушчука переправляться также нельзя, у крѣпости Никополя—также; переправляться выше Никополя значить слишкомъ удлинять нашу коммуникаціонную линію и, кромѣ того, удалиться отъ цѣли дѣйствій—Константинополя и отъ дороги на Трново и Шипку, на которую указываютъ, какъ на самый удобный переваль черезъ Балканы. Значить, волей-неволей придется переправляться въ промежуткѣ между Никополемъ и Рушчукомъ. Систово лежитъ какъ разъ посрединѣ; при томъ Дунай образуетъ здѣсь острова,—что удобно для переправы, и, наконецъ, отъ Систова идетъ на Балканы лучшая дорога къ лучшему, наиболѣе доступному, перевалу черезъ горы—у Шипки. (Эти послѣднія свѣдѣнія имѣлись отъ нашихъ агентовъ). Но, господа, попомните мое слово, говорилъ я,—если, переправясь черезъ Дунай, намъ удастся разбить Турецкую армію, война окончится скоро, безъ большихъ жертвъ. Если же мы, не найдя арміи противника, не нанеся ей рѣшительнаго пораженія, увлечемся занятіемъ различныхъ пунктовъ и захватомъ большой территоріи, въ то время, когда армія турокъ еще не будетъ приведена въ окончательное разстройство, то война представитъ намъ многіе непріятныя сюрпризы и можетъ затянуться очень на долго.“

Я оказался пророкомъ и, говоря объ этомъ не въ одномъ Харьковѣ, получилъ нѣсколько горячихъ писемъ, между прочимъ, отъ Макарскаго ¹⁾, а одинъ изъ петербургскихъ пріятелей, большой патріотъ, послалъ мнѣ письмо, полное упрековъ, даже обиднаго свойства, за то, что я, вмѣсто того, чтобы быть на войнѣ и тамъ прово-

¹⁾ Крайне небрежный въ сохраненіи переписки, я успѣлъ отыскать только одно письмо по этому поводу, именно, письмо инженера Макарскаго отъ 10 января 1879 года, поэтому на него, Макарскаго, и указываю. Опущенныя строки, слишкомъ для меня лестныя, привожу лишь слѣдующую вы-

дять свои взгляды, только высказывалъ ихъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Пришлось отвѣтить, что и радъ бы былъ попасть на войну, да не пустили.

И въ пророчествѣ, хотя оно сбылось съ поразительной точностью, не было вѣдь ничего не только сверхъестественнаго, но даже необычайнаго. Необычайно было только непониманіе основныхъ законовъ войны главными руководителями нашей арміи.

Отчего я намѣтилъ вѣрно пунктъ переправы, я уже объяснилъ, и мнѣ это казалось по вышензложеннымъ основаніямъ до такой степени правильнымъ, что, когда была получена телеграмма о переправѣ нашей арміи у Зимницы, я не повѣрилъ и говорилъ, что это ошибка, что армія должна переправиться у Систова, нигдѣ иначе, какъ у Систова. Дѣло разъяснилось на другой день: Зимница оказалась Румынскимъ селеніемъ, не обозначеннымъ на прежнихъ картахъ и лежащимъ противъ Систова, на лѣвомъ берегу Дуная.

Что касается исхода кампаніи, то, опять таки, пророчество основывалось на крайне простыхъ соображеніяхъ: если разбойники, ворвавшись въ домъ, не перебьютъ или не свяжутъ вооруженныхъ хозяевъ, а разбредутся грабить по разнымъ комнатамъ, то они, естественно, подвергаются опасности, заключающейся въ томъ, что хозяева, опомнившись, воспользуются раздѣленіемъ силъ противника и постараются воздать имъ должное.

Такъ и на войнѣ. Предметомъ дѣйствій, прежде всего, должна быть армія непріятеля. Необходимо, прежде всего, сокрушить ее, а затѣмъ уже распоряжаться по желанію въ странѣ, лишенной защиты. Въ противномъ случаѣ непріятные сюрпризы неизбѣжны. Соображенія, кажется, не хитрыя, но, увы, Левицкому, въ военномъ смыслѣ человѣку не только не талантливому, но крайне узкому, соображеніе это не пришло въ голову, за что намъ пришлось такъ жестоко поплатиться ¹⁾).

держку изъ этого письма: „на всю жизнь сохранию я въ своей памяти Ваше предсказаніе о мѣстѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и о ходѣ дальнѣйшей кампаніи“.

Подлинникъ письма представленъ мною въ редакцію „Русской Старины“.

А. В.

¹⁾ До ужаса опасаясь, чтобы не сбылось и мнѣніе мое о той гибельной роли, которую, по глубокому моему убѣжденію, неизбѣжно сыграютъ крѣпости нашего западнаго фронта въ случаѣ войны съ Германіей. Боязнь, чтобы это убѣжденное мнѣніе не оказалось роковымъ пророчествомъ, послужила поводомъ къ статьѣ, напечатанной въ „Россіи“ (9 апр. 1909 г.) и, затѣмъ, къ горячей полемикѣ, вызванной ожесточенными нападками на меня газетъ, какъ праваго, такъ и лѣваго лагерей. („Россія“ №№ 1.035, 1.057, 1.075, 1.266, 1.267, 1.268, 1.269, 1.271).

А. В.

Я сказалъ, что Казиміръ, въ смыслѣ военнаго таланта, представлялъ собою крайне ничтожную величину. Да, это несомнѣнно, но дѣлу онъ готовъ былъ служить отъ всего сердца.

Не считая Левицкаго рьянымъ русскимъ патриотомъ, я съ убѣжденіемъ могу утверждать, что никакихъ польскихъ тенденцій въ немъ рѣшительно не было.

Мнѣ онъ просто представляется какимъ-то ландскнехтомъ, преданнымъ знамени той страны, на службѣ которой онъ находится. Онъ, какъ я уже говорилъ, также добросовѣстно служилъ бы въ Пруссіи, Австріи, Турціи, какъ и въ Россіи, не руководясь совсѣмъ патриотическими тенденціями, а только долгомъ службы. И, какъ человѣкъ безусловно честный, ни на какую измѣну онъ, конечно, способенъ не былъ.

А между тѣмъ, когда начались наши неудачи, вся Россія, въ одинъ голосъ, объявила его измѣнникомъ, и это дошло до того, что когда я осенью 1877 года ѣхалъ съ Кавказа въ Крымъ и вынужденъ былъ пробыть сутки въ Лозовой, пропуская воинскіе поѣзды, то мнѣ передали за самое достовѣрное, что Левицкаго, подъ сильнымъ конвоемъ, провезли изъ арміи въ Петербургъ, какъ уличеннаго въ измѣнѣ. Это подтвердилъ мнѣ даже самъ комендантъ станціи.

„Да вы видѣли его? спрашивалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, его провезли ночью, но мнѣ сказали въ поѣздѣ, что везутъ Левицкаго, уличеннаго въ измѣнѣ.

X.

Указанные слухи не могли не доходить и до Казиміра и несомнѣнно заставляли сильно страдать этого, безусловно, честнаго человѣка. Кстати, о честности.

Передъ отъѣздомъ Казиміра въ армію, я старался быть у него цѣлые дни.

— Какъ вы думаете устроить продовольственную часть, спрашивалъ я?

„О, мы устраиваемся прекрасно, былъ отвѣтъ. Мы совершенно освобождаемъ себя отъ всякихъ хлопотъ, и у арміи, въ этомъ случаѣ, будутъ развязаны руки“.

— Какъ же вы, однако, устроили?

„Мы отдаемъ продовольствіе арміи коммерческой компаніи, во главѣ которой стоятъ—Грегерь, Горвицъ и Коганъ—еврей-капита-

листы. Они будутъ кормить армію, и мы будемъ совершенно свободны въ нашихъ стратегическихъ операціяхъ“.

— Какъ же, однако, возражалъ я, какъ же они-то кормить будутъ?
„А это ужъ ихъ дѣло“.

— Но позволь, однако, вѣдь ѣсть-то придется арміи, а ну какъ они ѣды не доставятъ? Вѣдь они не боги, не волшебники, вѣдь они къ такимъ операціямъ совсѣмъ не подготовлены.

„Не говори, они коммерческіе люди и сьумѣютъ устроиться“.

— Опять таки я не понимаю, — какъ они устроятся. Вѣдь у арміи есть готовая организація въ лицѣ провіантскихъ чиновниковъ, хотя пользующихся плохой репутаціей, но наторѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ, людей пріученныхъ, опытныхъ, имѣющихъ за собою прошлое, рассчитывающихъ на будущее, на пенсіи, повышенія, наконецъ—людей, въ отношеніи которыхъ законъ очень строгъ и можетъ покарать очень жестоко. А вѣдь компаніи придется создавать организацію. И изъ кого же создастъ она эту организацію? Изъ людей, взятыхъ съ борка, да съ сосенки, людей безъ прошлаго, которые не могутъ рассчитывать на будущее и будутъ поэтому стараться—какъ бы сорвать побольше въ настоящемъ. Какъ хочешь, а это мнѣ представляется чѣмъ-то крайне несуразнымъ: бросать свою готовую организацію и отдавать себя въ руки трехъ евреевъ, которые, даже въ случаѣ своей полной добросовѣстности, должны будутъ вести дѣло посредствомъ людей къ дѣлу не пріученныхъ и, вѣроятно всею, разныхъ проходимцевъ.

„Ну, видишь ли, я въ это дѣло не мѣшаюсь. Я ограничилъ себя строго оперативною частью, а хозяйственную—предоставилъ вѣдать Непокойчицкому, какъ человѣку болѣе меня опытному“.

— А какъ ты съ своей разсѣянностью и забывчивостью думаешь, Казиміръ, распорядиться?—спросилъ я его тогда же. Тебѣ необходимо имѣть при себѣ человѣка, который бы былъ твоей памятной книжкой—съ хорошей памятью, спокойнаго, аккуратнаго, точнаго и не суетливаго.

„Да, ты правъ, надо будетъ подумать“, отвѣчалъ онъ.

— Знаешь что,—говорилъ Казиміръ на слѣдующій день. Я думалъ о твоёмъ совѣтѣ и хочу приспособить для этого Газенкампфа.

„Что жъ, выборъ прекрасный. Лучшаго сдѣлать нельзя“.

И Михайлъ Александровичъ Газенкампфъ, конечно, сослужилъ бы Казиміру и арміи хорошую службу. Но, какъ видно изъ дневника Михаила Александровича, также бывшаго ученика моего, Великій Князь отнялъ его отъ Левицкаго и приблизилъ къ себѣ.

Казиміръ уѣхалъ въ Кишиневъ. Я остался въ Петербургѣ.

XI.

Когда рѣшено было сформировать корпуса, Начальникъ Главнаго Штаба, графъ Гейденъ, всегда очень любезно ко мнѣ относившійся, предложилъ мнѣ мѣсто начальника штаба 2-го корпуса, корпуса крупнаго, сформированнаго изъ трехъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Я не отказался, хотя предупредилъ, что нога моя позволяетъ ѣздить верхомъ часъ-два, не болѣе.

Поѣхалъ представляться корпусному командиру, генералу Самсонову, который принялъ меня съ подавляющею любезностью, наговорилъ много о томъ, что слышалъ обо мнѣ самые лучшіе отзывы, и объявилъ, что мы непременно должны быть друзьями, что онъ этого отъ меня „требуется“. Въ концѣ часовой бесѣды, завелъ разговоръ о религіи и сунулъ мнѣ книжку религіознаго содержанія, обязывая непременно прочесть ее.

Я всегда избѣгалъ разговоровъ о религіи, полагая, что всякій имѣетъ право вѣровать, во что онъ вѣровать желаетъ, и заявилъ это Самсонову, но онъ настоятельно требовалъ, чтобы я прочелъ его книжку.

Когда меня спрашивали пріятели—какъ я нашелъ своего новаго начальника, я отвѣчалъ, что мнѣ крайне не понравилась его излишняя любезность и требованіе дружбы. Совершенно достаточно простыхъ, правильныхъ, серьезныхъ служебныхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ уваженіи. Выльются эти отношенія въ дружескія—прекрасно, но и безъ этого можно служить годы и быть съ начальникомъ въ отношеніяхъ самыхъ лучшихъ, самыхъ желательныхъ.

Вскорѣ оказалось, что не даромъ не понравился мнѣ Самсоновъ. Пришлось съ нимъ разойтись черезъ три недѣли.

Когда пріятели меня ругали за то, что я не могъ поладить съ начальникомъ, я предлагалъ пари, что само начальство не продержится болѣе полугода, ибо мое мѣсто занялъ М. человекъ прекраснѣйшій, вполнѣ воспитанный, но слишкомъ мягкаго характера, который совсѣмъ неспособенъ былъ поставить вопроса ребромъ, при распоряженіяхъ явно нелѣпныхъ, или несогласныхъ съ закономъ. Такъ и случилось. По моемъ удаленіи, Самсоновъ совсѣмъ закусылъ удила, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ его вынуждены были устранить, несмотря на товарищескія его отношенія къ Начальнику Главнаго Штаба графу Гейдену.

Я уѣхалъ опять въ Кисловодскъ долѣживать свою ногу, а оттуда въ Крымъ, слѣдя все время съ возрастающимъ интересомъ и тревогой за перипетіями войны, которыя тогда казались ужасными, именно ужасными, потому, что мы не имѣли тогда представленія о

тѣхъ ужасахъ, которые заставила насъ пережить война японская. Зимой возвратился въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ виду надвигавшейся грозы со стороны Англїи, получилъ мѣсто начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга. Начальникомъ обороны былъ назначенъ адмиралъ Григорій Ивановичъ Бутаковъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, которыя случилось мнѣ встрѣтить. Эта крупная, благородная личность вполне заслуживаетъ отдѣльнаго о немъ очерка. И я считаю своимъ долгомъ дать въ послѣдствїи этотъ очеркъ.

За дѣятельность свою, въ качествѣ начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга, я былъ, 30-го августа 1878 года, произведенъ въ генераль-маіоры; но лѣто, проведенное въ суровой Финляндіи, убѣдило меня, что если я останусь на сѣверѣ, то не пережить мнѣ 79-го, много 80-го года. Были и другія причины, говорить о которыхъ считаю теперь неумѣстнымъ, побудившія меня принять рѣшеніе: бросить службу и удалиться на югъ.

Первые годы жилъ въ Крыму, рѣдко наѣзжая въ Петербургъ. Казиміръ получилъ назначеніе начальника первой кавалерійской дивизїи и жилъ, поэтому, также не въ Петербургѣ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Левицкаго я потерялъ совсѣмъ изъ виду.

Но въ одинъ изъ прїѣздовъ въ Петербургъ узнаю, что онъ отчислился отъ командованія дивизїей, прикомандировался къ чему-то въ Петербургѣ и живетъ на Николаевской улицѣ. Разумѣется, сейчасъ же поѣхалъ къ нему. Нашелъ его въ просторной квартирѣ, въ одноэтажномъ старомъ деревянномъ домѣ-особнякѣ.

Онъ обрадовался искренно, но прежняго оживленія, жизнерадостности я въ немъ не нашелъ.

Прїятелями мы остались по-прежнему, но у него были уже заведены другія связи. Онъ часто посѣщалъ князя Имеретинскаго, былъ съ нимъ, да и со многими высоко-стоящими на „ты“. Вообще, я былъ уже не единственнымъ для него человѣкомъ, въ бесѣдѣ, съ которымъ онъ отводилъ душу, хотя по-прежнему, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, онъ ни съ кѣмъ не былъ такъ задушевно откровененъ, какъ со мною.

Много провелъ я съ нимъ интересныхъ часовъ, разспрашивая о войнѣ.

Онъ началъ жаловаться, между прочимъ, на сердце.

Когда-то вопросы болѣзни сердца меня очень интересовали; я безцеремонно выслушивалъ, поэтому, сердца чуть не всякаго встрѣчнаго и получалъ, такимъ образомъ, хорошій навыкъ для опредѣленія разныхъ сердечныхъ неполадковъ.

Разумѣтся, потребоваль, чтобы Казиміръ далъ себя выслушать. Сердце оказалось—чуть не самоваръ: шумѣло на обоихъ тонахъ и билось совершенно безтолково, такъ что я, съ большимъ усиленіемъ, смогъ сказать, что „сердце—такъ себѣ, не совсѣмъ въ порядкѣ, но ничего“.

Такъ вотъ какою цѣною, думалось мнѣ между тѣмъ, купилъ бѣдный Казиміръ свою хорошую карьеру и сомнительную славу!

Вскорѣ я опять уѣхаль въ Крымъ.

Разъ, пріѣзжаю въ Севастополь и вижу въ гостиницѣ Киста какое-то непривычное оживленіе. Знакомые и незнакомые генералы, и генералы не севастопольскіе, а пріѣзжіе.

— Что такое?

„Да вотъ пріѣхали на открытіе памятника Тотлебену.“

— Кто же еще пріѣхаль? И узнаю, между прочимъ, что пріѣхаль и Казиміръ. Остановился здѣсь же у Киста. Бросился къ нему въ самомъ радостномъ настроеніи, но при видѣ его—сердце упало, такой онъ имѣлъ нехорошій видъ.

„Плохо, говорилъ онъ. Вотъ послали сюда на открытіе памятника, да не знаю, какъ и выѣду. Скверно у меня съ сердцемъ“.

— Дай-ка выслушать еще разъ.

Сердце оказалось дѣйствительно невозможнымъ.

— Послушай, Казиміръ, говорилъ я. Зачѣмъ тебѣ ѣхать на сѣверъ. Вѣдь служба тебя теперь не стѣсняетъ, поѣдемъ ко мнѣ въ Ялту. Устрою я тебя хорошо, проживемъ вмѣстѣ. Вспомнимъ прежніе, пріятельскіе молодые годы. Помнишь, какъ болтали бывало по цѣлымъ часамъ?

„Невозможно, отвѣчалъ онъ. У меня уже и билеты на желѣзную дорогу взяты на завтра“.

Но я не отступаль, взял билеты, отвезъ ихъ на станцію, поручилъ передать другому пассажиру и повезъ Казиміра въ коляскѣ на южный берегъ.

Онъ пробылъ у меня съ недѣлю. Былъ очень доволенъ, воспрянулъ духомъ. Но настали жары; онъ началъ жаловаться, что дышать становится труднѣе, и я поспѣшилъ отправить его прямой дорогой мимо Ай-Петри, на Бахчисарай, распорядившись, чтобы въ вагонѣ его устроили поудобнѣе.

Какъ на зло, ночью, въ купѣ, гдѣ ихъ было только двое, во-рвался какой-то негодяй съ ножомъ и потребоваль денегъ.

Это, разумѣтся, страшно подѣйствовало на больного сердцемъ Казиміра, и черезъ два мѣсяца газеты возвѣстили о его смерти.

XII.

Вотъ правда объ этомъ, несомнѣнно хорошемъ, но несчастномъ чловѣкѣ, котораго такъ мало людей любило при жизни и котораго вспоминаютъ, чуть не всѣ его знавшіе, недобрымъ словомъ.

Вся Россія считала его измѣнникомъ. Всѣ наши неудачи приписывали ему. Не одобряли также распоряженій главнокомандующаго, и никто не бросилъ серьезнаго упрека Непокойчицкому. Говорили только о его апатіи, да о томъ, что онъ поддался обаянію личности Великаго Князя, и удивлялись, какъ, при безспорно большомъ умѣ, онъ становится на сторону Великаго Князя даже при такихъ проявленіяхъ его пылкой природы, какъ предположенный имъ новый штурмъ Плевны послѣ паденія Карса, почти наканунѣ плѣненія Османа (дневникъ Газенкампа, стр. 179, 181).

Такъ разсуждали современники.

Стоя нынѣ на достаточномъ историческомъ разстояніи отъ событій послѣдней войны, мы можемъ относиться съ бѣльшимъ безпристрастіемъ къ ея дѣятелямъ и, если оставимъ въ сторонѣ обаятельную личность Великаго Князя, а сосредоточимъ наше вниманіе на двухъ главныхъ дѣятеляхъ его Штаба—Непокойчицкомъ и Левицкомъ,—то факты намъ скажутъ слѣдующее.

Человѣкъ тонкаго ума, Непокойчицкій хорошо понималъ всѣ сильныя и слабыя стороны Главнокомандующаго; но вмѣсто того, чтобы служить ему руководителемъ, хотя бы нѣсколько приближаясь къ образцу, который явилъ своей службой отечеству Мольтке—Непокойчицкій счелъ для себя удобнымъ представиться то апатичнымъ, то влюбленнымъ въ Великаго Князя, подпавшимъ подъ обаяніе этой свѣтлой и симпатичной, личности.

„Одинъ Непокойчицкій, говоритъ генераль Газенкампфъ, могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не прекословить. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый многоопытный и несомнѣнно умный чловѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно заипнотизировала его: у него нѣтъ свой воли“.

И вотъ, на выдержку наглядные результаты дѣятельности „влюбленнаго и заипнотизированнаго“ Непокойчицкаго, который, конечно, благодаря опытности, уму и хорошей военной репутации, могъ имѣть огромное вліяніе на Великаго Князя.

Послѣ переправы мы избираемъ предметомъ своихъ дѣйствій не армію непріятели, какъ этому учитъ азбука военнаго искусства,

а стремимся захватить непріятельскую территорію, не заботясь о нанесеніи рѣшительнаго удара арміи противника. Неизвѣстно—поступили ли мы такъ по непосредственному внушенію Непокойчицкаго, но достоверно извѣстно, что этому онъ не противился. А вѣдь такой образъ дѣйствій можно уподобить (какъ я уже объяснялъ) тому, какъ если бы грабители, ворвавшись въ домъ и оставляя безъ вниманія вооруженныхъ хозяевъ, разбрелись по всѣмъ комнатамъ и воображали, что такимъ образомъ безнаказанно достигнуть своей цѣли.

Далѣе. Мы рѣшаемся на штурмъ 30 августа безъ отвѣтственного, полномочнаго руководителя штурмомъ, при чемъ Главнокомандующій остается какъ бы въ сторонѣ. Непокойчицкій это одобряетъ.

Мы выбираемъ, вопреки здравому смыслу и указаніямъ исторіи, для рѣшительной атаки Плевны не одинъ, а два пункта. Непокойчицкій одобряетъ.

На самый важный пунктъ, угрожающій линіи сообщенія Османа, назначаемъ ничтожное количество войскъ. Непокойчицкій одобряетъ.

Послѣ неудачнаго штурма Великій Князь хочетъ отступить отъ Плевны, а это, вѣроятно, повлекло бы за собою отступленіе за Дунай. Непокойчицкій одобряетъ.

Гурко съ Нагловскимъ горячатся и хотятъ занять Балканы до сдачи Плевны. Левицкій протестуетъ, доказываетъ, что дѣлать объектомъ дѣйствій не армію противника, а стратегическіе пункты, значить повторять уже сдѣланныя ошибки; говорить о громадномъ рискѣ „лишить себя сосредоточенности силъ“ и израсходовать послѣдній стратегическій резервъ, необходимый для парированія случайностей. Но Непокойчицкій находитъ планъ Гурко хорошо соображеннымъ, устраняетъ Левицкаго и хотя, благодаря запискѣ послѣдняго, стремленіе Гурко нѣсколько умѣрено, однако, все же ему разрѣшено двинуться на Балканы (дневникъ Газенкампа).

А результатомъ этого явилась гибельная мѣсячная стоянка въ снѣжныхъ отрогахъ горъ и возбужденіе бдительности турокъ, начавшихъ усиленно укрѣплять и укрѣпившихъ свои горныя позиціи.

По взятіи Карса, Великій Князь вновь хочетъ штурмовать Плевну. Въ чемъ-въ-чемъ, но въ пылкости умнаго Непокойчицкаго упрекнуть никто не могъ, и онъ поддерживаетъ, однако, несчастную, мысль Главнокомандующаго (дневникъ ген. Газенкампа).

Когда 7—9 февраля положеніе становилось крайне напряженнымъ и военныя дѣйствія готовы были, казалось, возобновиться, на благоразумное указаніе Левицкаго притянуть войска изъ-за Балканъ—Непокойчицкій отвѣчалъ: „Да зачѣмъ, вѣдь ничего нѣтъ, съ чего вы взяли? Ничего не надо“. (Дневникъ М. А. Газенкампа, стр. 450).

Не буду слѣдить далѣе за дѣятельностью Непокойчицкаго, но достаточно и этихъ фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуешь такой спокойный бытописатель, какъ М. А. Газенкампфъ.

Между многими моими пріятелями я считалъ и считаю не одинъ десятокъ поляковъ; многихъ изъ нихъ любилъ искренно и, конечно, не всѣ поляки—враги Россіи. Но если полякъ—фанатичный католикъ, то, подѣ влияніемъ патеровъ, онъ не можетъ не быть врагомъ русскихъ-схизматиковъ, а что Непокойчицкій былъ католикомъ-фанатикомъ—объ этомъ я уже говорилъ.

И нельзя также не задуматься надъ тѣмъ, что, всегда апатичный во время войны, Непокойчицкій въ единственномъ лишь случаѣ проявилъ весьма значительную дѣятельность—это въ устройствѣ продовольственной части арміи черезъ печальной памяти компанію Грегера, Горвица и Когана, съ первымъ изъ которыхъ онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Если обратимся къ Левицкому, то, не желая писать его портрета радужными красками, прежде всего необходимо признать въ немъ полное отсутствіе искры Божіей, таланта. Но, какъ ни много было у него враговъ, никто не рѣшился бросить даже намека на безупречность его въ денежномъ отношеніи.

Это прежде всего.

Затѣмъ, не признавая въ немъ ни человѣка талантливаго, ни русскаго патриота, полагаю, всякій долженъ сознаться, что, въ предѣлахъ своихъ способностей, онъ старался служить и служилъ дѣлу честно и несмотря на привычную угодливость предъ начальствомъ, въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, онъ самоотверженно шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніями и рѣшеніями Главнокомандующаго. Онъ съ рѣшимостью сталъ противъ отступленія изъ-подъ Плевны, противъ несвоевременно задуманнаго и предпринятаго къ исполненію плана Гурко, противъ желанія Великаго Князя снова штурмовать Плевну въ ноябрѣ.

И между тѣмъ вся Россія считала его измѣнникомъ, вся армія его ненавидѣла, а въ Непокойчицкаго никто не бросилъ камня, ни при жизни, ни послѣ его смерти; всѣ относились и относятся къ нему съ благорасположеніемъ.

Какая же была тому причина?

Разгадка заключается въ томъ, что умный, многоопытный Непокойчицкій былъ человѣкомъ воспитаннымъ, зналъ человѣческое сердце, его слабыя струны, былъ мягокъ въ обращеніи, деликатенъ, уравновѣшенъ и потому не имѣлъ враговъ.

Полную противоположность представлялъ изъ себя, въ этомъ смыслѣ, Левицкій, своею безтактностью счумѣвшій поселить къ себѣ

*

не только непріязнь, но даже ненависть почти во всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія и—болѣе всего—въ своихъ подчиненныхъ.

Характеристика его была сдѣлана мною съ достаточной полнотой, но считаю необходимымъ добавить еще нѣсколько словъ, рисующихъ столь многимъ ненавистнаго Казимира.

ХІІ.

Каждый, почти, человекъ полонъ противорѣчій, и всякій, кто хотя нѣсколько способенъ къ самоанализу, да вздумаетъ покопаться въ душѣ своей—найдетъ и въ характерѣ своемъ и въ поступкахъ противорѣчія, подчасъ, даже трудно объяснимыя. Но мнѣ не случилось встрѣчать человека, сотканнаго изъ такой массы противорѣчій, какъ Левицкій.

Начиная съ происхожденія: отецъ—полякъ, мать—нѣмка; самъ по воспитанію, родинѣ, службѣ—русскій, онъ едва не ударился въ польщизну, и, если былъ отвлеченъ отъ этого, то, все же, не сдѣлался горячимъ патріотомъ той страны, которой служилъ, которой посвятилъ свои силы, которая кормила его и семью, горячо имъ любимую.

Безспорно счастливыя природныя способности и — обстановка жизни, давшая имъ узкое направленіе, выработавшая изъ него эгоиста и ограниченнаго педанта, мало способнаго видѣть что-либо далѣе собственнаго носа.

Безусловно хорошая память, безъ чего невозможно окончить блестяще курса академіи и—смѣшная забывчивость, подававшая поводъ къ забавнымъ анекдотамъ.

Педантъ, онъ отличался разсѣянностью—качествомъ, приличнымъ художникамъ, поэтамъ и никакъ ужъ не педантамъ.

Основательное знаніе военнаго дѣла, особенно его деталей и—полное непониманіе великихъ принциповъ, на которыхъ оно основано.

Хорошія теоретическія познанія и — совершенное неумѣнье разобратъ въ обстановкѣ, примѣнить теорію къ практикѣ.

Характера благороднаго, онъ, хотя не былъ низкопоклонникомъ, но, за рѣдкими исключеніями, отличался угодливостью передъ начальствомъ. Исключеніемъ, и исключеніемъ блестящимъ, было поведеніе его на военномъ совѣтѣ послѣ 30 августа, когда онъ пошелъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Великаго Князя Николая Николаевича и оказалъ этимъ большую услугу дѣлу войны.

Человѣкъ безусловно честный и умный, онъ допустилъ такую нелѣпую, ни съ чѣмъ несообразную вакханалію эксплуатаціи нашей арміи, какъ вторженіе въ ея боевую жизнь жадныхъ шакаловъ въ лицѣ знаменитой продовольственной компаніи.

Человѣкъ искренній, не лукавый, веселаго, отзывчиваго, общительнаго характера, онъ совсѣмъ не умѣлъ привязывать къ себѣ людей—качество, которымъ въ высокой мѣрѣ отличался Скобелевъ.

Человѣкъ хорошаго сердца—онъ многимъ вредилъ, частію безознательно, частію убѣжденный въ своей правотѣ, правотѣ часто мнимой. Такъ было со Скобелевымъ, который долго не получалъ назначенія, отвѣчающаго его дарованіямъ, конечно, потому, что Левицкій, имѣвшій въ то время огромное вліяніе, считалъ его „шалопаемъ“, авантюристомъ съ прекрасной протекціей, не представляющимъ собою никакой серьезной величины.

Много работавшій самъ — онъ не умѣлъ, однако, цѣнить работы другихъ.

Требовательный къ подчиненнымъ, онъ, большой эгоистъ, не умѣлъ поощрять ихъ ни матеріально, ни нравственно и совсѣмъ не способенъ былъ хлопотать, а еще менѣе — стать горой за своего подчиненнаго. Онъ не понималъ, что хлопоты за подчиненнаго, даже назойливыя, даже надобдливныя, выставляли бы его же самого въ хорошемъ свѣтѣ. Умный человѣкъ, онъ не могъ однако понять, что, стоя за подчиненныхъ, выказывая заботливость къ нимъ — начальникъ совсѣмъ не вредитъ себѣ, своему эгоизму, а напротивъ возвышаетъ себя въ глазахъ какъ подчиненныхъ, такъ и высшаго начальника. Это въ высокой степени понималъ Скобелевъ—эгоистъ не меньшій, чѣмъ Левицкій—и люди за это охотно шли для него на смерть, даже по его капризу.

Смѣлый по натурѣ, въ чемъ во время совмѣстныхъ поѣздокъ я имѣлъ не разъ случай убѣдиться, онъ не проявилъ этого качества на войнѣ, не понимая того, какъ высоко цѣнится оно въ арміи, какой даетъ авторитетъ и какъ миритъ даже съ серьезными недочетами характера и дѣятельности, если человѣкъ показалъ себя пренебрегающимъ опасностью. А что, по натурѣ, Левицкій былъ человѣкъ смѣлый — приведу мнѣніе, слышанное мною передъ отбѣздомъ его на войну (и не отъ одного), что „Казимира навѣрное ухлопаютъ, потому что онъ, какъ человѣкъ шалый, несомнѣнно будетъ кидаться безъ толку въ огонь“. Это говорили люди хорошо его знавшіе и совсѣмъ не его сторонники, что видно изъ самой формы ихъ мнѣнія о безстрашіи Левицкаго.

Человѣкъ умный и большой работоспособности, онъ часто про-

являлъ, однако, въ работѣ значительную степень безтолковщины и крайне умѣренную—производительности работы.

Въ немъ положительно жила потребность привязанности, но по свойству своего характера, помимо конечно семьи, онъ возбудилъ отвѣтное чувство едва-ли не въ одномъ только человѣкѣ—во мнѣ, и то лишь потому, что во всѣхъ отношеніяхъ я былъ отъ него совершенно независимъ. Не будь этого, онъ, вѣроятно, сдумѣлъ бы и во мнѣ поселить недоброе къ себѣ чувство. По крайней мѣрѣ М. А. Газенкампфъ, которому довелось всю кампанію провести съ Левицкимъ въ одной комнатѣ, или кибиткѣ, въ опубликованныхъ выдержкахъ своего дневника крайне рѣдко упоминаетъ о Левицкомъ и то только тогда, когда замолчать его, какъ дѣятеля, было невозможно. Позволительно думать, что деликатность, присущая почтенному автору дневника, побудила его не предавать гласности замѣтки, рисующія Казиміра, какъ начальника и сожителя, въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

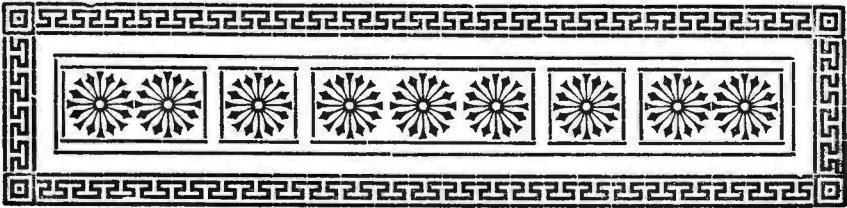
Самая судьба Левицкаго была полна противорѣчій: несчастливое дѣтство, голодная юность, первые шаги молодости, полные неустанной, неинтересной, шаблонной работы, заботы о завтрашнемъ днѣ, опасенія не потерять того, что пріобрѣтено было съ такимъ трудомъ—и вдругъ неожиданное возвышеніе до той высоты, высоты почти недосыгаемой, о которой долженъ мечтать всякій хорошій военный, о которой когда-то мечталъ и я—до высоты фактическаго главнокомандующаго, до высоты, которая дала неотъемлемое право Мольтке быть занесеннымъ въ списокъ самыхъ крупныхъ историческихъ именъ. Какая блестящая, казалось, карьера, и какой печальный результатъ, какая отрицательная слава!

Въ заключеніе, съ убѣжденіемъ можно сказать, что это былъ человѣкъ прежде всего несчастливый, самое возвышеніе котораго послужило ему во вредъ.

Пусть же рука съ камнемъ, занесеннымъ на имя честнаго человека, опустится и не броситъ впредь камня на могилу несчастливаго.

А. Витмеръ.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ¹⁾.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра²⁾).

Вдновременно съ окончаніемъ контракта въ Москвѣ, я получила очень симпатичное предложеніе пѣть контральтовые партіи въ Лондонѣ, въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ (1865 г.). Конечно это было утѣшеніе, но въ Лондонѣ театральнй сезонъ продолжается только лѣтомъ, во время засѣданій парламента. Первые же осенніе дни увлекають всю аристократію въ помѣстья на охоты. Такимъ образомъ слѣдующая зима представлялась мнѣ очень неприглядной.

Мнѣ дали нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, между прочимъ, очаровательная лэди Непиръ дала мнѣ письмо къ лэди Венслейдель. (Лордъ Непиръ былъ посланникомъ въ Петербургъ).—Въ незапечатанномъ письмѣ встрѣчалась, при просьбѣ насъ принять, слѣдующая фраза: „do it for my sake, before the time not long to come, when you will do it for your own“. Эта рекомендація открыла намъ нѣсколько интересныхъ аристократическихъ салоновъ.

Въ роскошномъ отелѣ очень пожилой лэди былъ данъ великосвѣтскій рауть. Тогда существовалъ обычай, если концертъ давался въ залѣ, гдѣ не было эстрады, между приглашенными и артистами протягивалась цѣпь, или, проще сказать, веревка, обтянутая бархатомъ. Для насъ цѣпи не натягивали.—Меня хозяйка дома представила всѣмъ пожилымъ дамамъ, а молодыхъ представила мнѣ; подавали чай: „five o'clock tea“. Между присутствующими былъ Sir Robert Peal, съ красавицей женой, нашъ посланникъ, писа-

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1910 г. январь.

²⁾ Нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ.

тельница M-m Gaskell. Мнѣ подали чашку чая Lady Peal, а супругъ ея подаль sandwich.—Я много пѣла, между прочимъ ирландскую балладу: „the irish molher's lament, по-англійски. Послѣ пѣнія лэди Венслейдель нарѣзала цѣлый букетъ розъ, украшавшихъ ея салоны, и при прощаніи вручила его мнѣ.

Для моего дебюта въ Лондонѣ былъ назначенъ „Фаустъ“. Роль Зибеля очень выгодна для дебюта: двѣ прекрасныя аріи, прелестный костюмъ и почти никакой отвѣтственности.

Фойе, въ которомъ обыкновенно собирали артистовъ, былъ въ ремонтѣ и намъ отвели для репетицій чуть не подвальный этажъ. Корридоръ, по которому нужно было туда идти, и комната, гдѣ стояло фортеціано, были выкрашены наскоро клеевой бѣлой краской. Маріо, хронически, всегда опаздывавшій, и на первую репетицію пришелъ, когда уже всѣ были въ сборѣ. Онъ сейчасъ же узналъ моего мужа, сердечно его привѣтствовалъ, познакомилъ насъ со всѣми артистами и въ этотъ моментъ замѣтилъ, что рукавъ его верхняго платья выпачканъ бѣлой краской: „ah le tenor est repeint à neuf“ (теноръ выкрашенъ наново), онъ засмѣялся и прибавилъ: „du reste il en a bien besoin“.

Ему было тогда 59 лѣтъ; онъ самъ мнѣ это сказалъ. На видъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Замѣчательно красивый, элегантный, доступный, добрый. Богъ пѣвцовъ, онъ былъ обожаемъ англичанами и всѣми, кто его зналъ.

Первая репетиція „Фауста“ сошла безъ ошибки; капельмейстеръ Коста аккомпанировалъ самъ, Бевиньяни переворачивалъ страницы. Въ день дебюта у моего мужа отнялись ноги; а мнѣ все-таки надо было пѣть въ новой, очень серьезной обстановкѣ, съ лучшими пѣвцами міра и быть на высотѣ положенія, такъ какъ на мнѣ лежалъ весь контральтовый репертуаръ, а оперы „Гугеноты“, „Фаустъ“, „Баль-Маскарадъ“ и „Трубадуръ“ давались чаще другихъ. Ковентъ-Гарденскій театръ вступалъ въ 20-й годъ своего существованія и никогда не случалось, чтобы на нѣсколько примадоннъ было только одно контральто. Случилось это такъ: приглашены были изъ Берлина г-жа Де-Ана, изъ Штудгардта г-жа Эдельбергъ, г-жа Скалезе, протеже Патти и я. Выѣзжая изъ Берлина, Де-Ана почувствовала себя больной и, вернувшись съ первой станціи домой, послѣ тяжелой, кратковременной болѣзни умерла. Г-жа Эдельбергъ, дебютировавшая въ „Пророкъ“, не была довольна своимъ успѣхомъ и, не сказавши никому ни слова, уѣхала. Скалезе, на репетиціи Линда-ди-Шамуни такъ фальшивила въ своей аріи за кулисами, что Коста приказалъ послать мнѣ приглашеніе на слѣдующую репетицію, и оперу пѣла я.

Привожу здѣсь имена артистовъ, составлявшихъ труппу: со-

прано—Патти, Лукка, Фиоретти, Фриччи, Галетти, Фанъ-деръ-Овентъ, Біанки, Беррини, Либхардъ; тенора—Маріо, Вахтель, Бривьоли; баритонъ—Граціани; басы—Шмидтъ, Атри; контральто—я. При этомъ масса 2-хъ ролей, компримаріа. Капельмейстеръ Коста, его помощникъ Бевиньяни и еще одинъ, фамилію котораго не помню. Режиссеръ Гаррисъ, директоръ Джаи.

Съ единственной изъ поименованныхъ пѣвицъ я сошлась, съ Лукка: „Wie kommst Du dazu, das Du alle Sprachen sprichst“—Какъ же это ты достигла знанія всѣхъ языковъ? незабвенный вопросъ, сдѣланный ею мнѣ, послѣ того, какъ я заговорила съ ней по-нѣмецки.

Передъ спектаклемъ, 1-го представленія „Гугенотъ“, я пошла въ камерино Лукки. Костюмъ Валентины требуетъ багатою отдѣлки, и мнѣ интересно было видѣть, какія украшенія она имѣетъ для свадебнаго наряда.—„О“, сказала она, „я даже въ театрѣ не употребляю мишурныхъ украшеній: имѣя отъ короля великолѣпныя брилліанты и жемчуга, я въ имитациі ихъ не нуждаюсь“. На туалетномъ столѣ лежало нѣсколько футляровъ, она стала ихъ раскрывать. Боже! какія это были жалкія произведенія ювелирнаго искусства. Три нитки желтаго, неровнаго жемчуга, съ ничтожнымъ фермуаромъ, серьги, брошь, браслетъ, одно къ другому—плохіе. Вотъ—подумала я, „ce qui s'appelle chanter pour le roi de Prusse“. Странно то, что съ перваго обращенія, она стала мнѣ говорить „ты“, тогда какъ я не рѣшалась ей отвѣчать такъ же. Пытливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, она спросила: „неужели у тебя есть лучше вещи“? Я невольно улыбулась и сказала: а вотъ пріѣзжайте ко мнѣ, и я Вамъ покажу свои скромныя богатства.—Ну хорошо, завтра, въ 4 часа я пріѣду пить у тебя кофе.—У меня тогда было въ прошломъ только четыре года карьеры театральною, все-таки, подарки отъ Двора и публики были много красивѣе и богаче. Первый подарокъ отъ публики къ моему первому бенефису былъ браслетъ съ 5-ю солитерами. Отъ Государя, послѣ представленія „Фаворитки“, серьги брилліантовыя съ рубинами, а послѣ концерта въ Кремлѣ, къ нимъ подходящая подвѣска на цѣпи, для ношенія на шеѣ. Чудный уборъ изъ бирюзы, жемчуга и брилліантовъ, поднесенный на малиновой, бархатной лирѣ, состоящій изъ семи вещей, пріобрѣтенный впоследствии г-жею Терещенко; брилліантовая муха съ изумрудами, бабочка изъ рубиновъ и брилліантовъ—пріобрѣтенная впоследствии княземъ Владиміромъ Трубецкимъ. Лукка долго разсматривала очень внимательно все и оживленно сказала: „я всегда думала, что Россія великая страна, и я буду стараться получить ангажементъ въ Петербургъ“!—Скоро это желаніе оправдалось.

Воспоминанія у меня объ этой замѣчательной артисткѣ остались самыя пріятныя. Хорошій товарищъ, веселая собесѣдница, съ ней было хорошо, легко. Это въ интимной жизни; но когда она была съ другими знаменитостями, она напускала на себя важность, которая совершенно не шла къ ея маленькому росту, очень подвижной фигуркѣ и вздернутому носику. Замѣчательные у нея были глаза, очень большіе, совершенно свѣтлые, до такой степени блѣдно-голубые, что на нѣкоторомъ разстояніи нельзя было видѣть зрачка! Выраженіе этихъ глазъ было стеклянное, холодное, но улыбка все скрашивала. Она помогала этому ледяному взгляду сильно, всегда подкрашивая верхнія рѣсницы. Выраженіе лица мѣнялось съ удивительной быстротой; охотно смѣялась съ широко раскрытымъ ртомъ, и смѣялись всѣ складки ея лица, но тогда вѣсскій акцентъ и шутки нарушали хорошій тонъ.

Очевидцы мнѣ рассказывали, что съ ней случилось разъ въ Берлинѣ. Гвардейскіе полки стояли въ Потсдамѣ; молодые офицеры охотно ѣздили въ Берлинъ слушать оперу съ тогда очень популярной, любимой пѣвицей, Лукка, но она, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, стала часто, за часъ до представленія, отказываться въ немъ принимать участіе. Директоръ театра дѣлалъ ей замѣчанія, офицеры шумно выражали свое неудовольствіе; но она плохо слушала начальство и продолжала часто манкировать. Директоръ сталъ жаловаться министру, дѣло дошло до короля, и г-жу Лукку оштрафовали на довольно крупную сумму. Ангажементъ ея въ Королевскомъ театрѣ — былъ пожизненный. Даже въ случаѣ утраты голоса, она должна была получать тѣ же 8.000 талеровъ, а мать ея, въ случаѣ смерти Лукки, получала 2.000 т., словомъ, великолѣпное обезпеченіе на всю жизнь. При этомъ ей разрѣшалось пѣть лѣтомъ за границей, получать отпускъ даже зимой. Вскорѣ послѣ вышеописаннаго инцидента король пришелъ на сцену, что онъ часто дѣлалъ. Въ рукѣ онъ держалъ фуражку и перчатку. Лукка, какъ всегда, смѣло подошла къ нему и стала просить его покровительства о снятіи съ нея штрафа. Конечно, король сказалъ, что это до него не касается, и что, вѣроятно, она заслужила это наказаніе; не долго думая, она выхватила изъ руки короля перчатку и, держа ее за спиной, сказала: „а я не отдамъ перчатку, пока Вы не исполните моей просьбы.“

Король измѣнился въ лицѣ и тономъ, не терпящимъ возраженія, приказалъ немедленно отдать перчатку и сказавъ: „вы не воспитанная особа“, круто повернулся и быстро ушелъ. Послѣ этой выходки, она много утратила своего престижа, и ежели ее не попросили оставить королевскій театръ, то благодаря всемогущей тогда про-

текція Бисмарка. Дѣло замяли,—но стали появляться фотографическія карточки юмористическаго содержанія; одна изъ такихъ была въ моихъ рукахъ. Стоитъ канцлеръ во весь свой огромный ростъ, передъ нимъ, глядя ему въ глаза, стоитъ маленькая Лукка; подъ двойнымъ изображеніемъ двухъ знаменитостей надпись:

Schön ist die Kunst, ernst ist das Leben.

Однажды я была свидѣтельницей такой сцены. Коста былъ тогда первымъ лучшимъ, знаменитѣйшимъ оркестровымъ дирижеромъ. Во главѣ своего оркестра онъ былъ настоящимъ королемъ. Оркестръ Ковентъ-Гарденскаго театра не имѣлъ себѣ равнаго. Изъ артистовъ, для струнныхъ инструментовъ, приглашали только тѣхъ, у которыхъ имѣлись старинныя итальянскіе инструменты: Страдиварія, Гуарнерія, Амаши; допускался Вильомъ, современный фр. фабрикантъ. Надо сказать, что оркестръ Ковентъ-Гарденскаго театра настроенъ почти полутономъ выше нормальнаго камертона, можно себѣ представить, какой блескъ звука получается при такихъ условіяхъ. Никогда въ жизни, ни до, ни послѣ, ничего подобнаго не приходилось слышать, а мнѣ удалось быть на концертахъ Парижской консерваторіи съ его знаменитыми капельмейстерами.

Коста всѣ уважали, какъ человѣка; артисты его побаивались, т. к. онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и относился къ дѣлу чрезвычайно серьезно. Самые оживленные разговоры стихали, когда, во время антракта, онъ приходилъ на сцену; садился такъ, что видѣлъ всѣхъ, и тогда мало кто рѣшался подходить къ нему.

Вотъ разъ Лукка подошла къ нему сзади и положила оба локтя на его плечи. Трудно передать общее смятеніе, и хотя Коста сдѣлалъ видъ, что это шутка, лицо его выражало серьезное неудовольствіе. Вотъ какой это былъ человѣкъ.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о Луккѣ, какъ артисткѣ, пѣвицѣ и знаменитой оперой примадоннѣ. Во-первыхъ, она сначала не готовилась быть пѣвицей, а танцовщицей. Еврейка по происхожденію, она не получила никакого, ни научнаго, ни музыкальнаго образованія; танцмейстеръ, во время уроковъ, ломалъ на ея спинѣ массу смычковъ, за ея дерзкія выходки. Во время танцклассса иногда она пѣла и разъ поразила своимъ голосомъ хормейстера. Онъ заинтересовался звукомъ ея сильнаго сопрано, предложилъ ей заниматься пѣніемъ; она бросила уроки танцевъ, и ея судьба была рѣшена. Разъ давали концертъ съ благотворительной цѣлью, въ Соборѣ Св. Стефана. Наканунѣ концерта первое сопрано занемогло; всѣ были страшно разстроены; тогда хормейстеръ предложилъ вывести всѣхъ изъ затрудненія и представить чудо изъ чудесъ, новую, юную, почти ребенка, пѣвицу, ко-

торую онъ брался приготовить въ однѣ сутки. Всю ночь Лукка учила свою партію, а вечеромъ восхитила своего учителя и всю публику, наполнившую Соборъ! Исполняли Pffingsten kantate—Баха.

Первый разъ я слышала Лукку въ Прагѣ. Проѣздомъ въ Италію, мы остановились въ этомъ городѣ. Поѣздъ въ Триестъ отходил только разъ въ сутки, въ 5 часовъ утра. Предстоялъ длинный день и вечеръ безъ занятій, т. к. въ Прагѣ, когда осмотришь городъ, еврейскую синагогу съ истлѣвшими листами Книгъ Старога Заѣта, къ которымъ прикасаться строго воспрещается, да истерзанная знамена, полученныя евреями за храбрость, гробницу астронома Тихо-Браге и развѣ еще замокъ, въ которомъ жилъ король Людовикъ XVIII послѣ второго изгнанія, осматривать было нечего. На афишѣ въ театрѣ стояла жидовка Галеви, съ теноромъ Зондгеймомъ изъ Штудгардта и сопрано Лукка, въ заглавной роли. Не стану описывать этого дивнаго представленія. Зондгеймъ оказался первокласснымъ пѣвцомъ, а Лукка общала тогда уже быть первоклассной пѣвицей. Но эта первоклассная пѣвица не умѣла ни правильно говорить, ни писать на какомъ бы то ни было языкѣ. Въ роли Маргариты, въ „Фаустѣ“, она такъ неправильно выговаривала по-итальянски, что итальянскіе пѣвцы за кулисами надрывались отъ неудержимаго смѣха. Я ей откровенно сказала, что мнѣ непонятна эта небрежность; „Вамъ слѣдуетъ внимательно нѣсколько разъ прочесть текстъ!“—Она покорно выслушала меня, слѣдующій разъ выговаривала лучше и спросила: довольна ли я ею!? Въ этомъ году въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ былъ еще одинъ субъектъ, пѣмецкій теноръ Вахтель. Началъ онъ свою карьеру кучеромъ во Франкфуртѣ, обращая всеобщее вниманіе, выкрикивая высокія ноты, сидя на козлахъ своей „дрожки“. Никто не могъ разобрать словъ, когда онъ пѣлъ Фауста. Несмотря на свои феноменальные голоса, ни Лукка, ни Вахтель никогда въ Италіи пѣть не могли.

Хочу кончить эти замѣтки впечатлѣніями, вынесенными мною отъ исполненія Луккою роли Африканки, которая была написана Мейерберомъ для нее. Она создала ее въ Лондонѣ. Костюмъ, гримъ, игра, мимика и пѣніе были доведены до совершенства. Граціани, Нелюско былъ на высотѣ своей роли; сцена смерти останется въ памяти неизгладимой! Режиссеръ Гарисъ предоставилъ мнѣ свою ложу за кулисами.

О Патти могу сказать меньше, хотя пѣла съ ней столько же, сколько съ Луккой, но сблизилась меньше. Она держала себя особнякомъ, на репетиціяхъ не бывала и ограничивалась при встрѣчахъ общими поклонами, или банальными фразами прѣтветвія. Съ сильно южнымъ, испанскимъ типомъ, она, пожалуй, была красивѣе Лукки, но недоброе выраженіе ея блестящихъ черныхъ глазъ не привлекало. Было

Palliatore

Pauline Lucas

Ирина Ивановна
Оннорé

принято говорить, что пѣніе ея удивляло, но не трогало. Съ этимъ мнѣніемъ я лично согласиться не могу. Въ ея дивномъ голосѣ было столько яркости, теплоты, что при первыхъ звукахъ вся душа трепетала отъ восторга. Вся она была сплетена изъ музыки, въ ея исполненіи слышалась точность, увѣренность, ритмъ; она никогда не ошибалась, всегда была въ голосѣ и всегда, всюду имѣла колоссальный успѣхъ. Одно, что можно было сказать противъ, это то, что „piano“ въ ея пѣніи никогда не было, и что она ускоряла темпы; такъ въ арии „Донъ Жуана“, „Batti, batti“ allegro, во второй части арии не отличалось отъ andante первой части.

Коста былъ ея поклонникъ и соглашался брать темпы, которые она требовала. Передъ каждымъ представленіемъ онъ самъ на сценѣ подносилъ ей изящный небольшой букетъ.

Многіе думали, что она мало училась, что у нея былъ природный талантъ. Могу удостовѣрить противоположное: она очень много и серьезно работала. Правда, что она выступала въ Америкѣ, когда ей было 12 лѣтъ, но это не помѣшало ей учиться. Мать ея была хорошей пѣвицей, драматическое сопрано. Оставила она о себѣ отчаянную репутацію особы съ дикимъ характеромъ; не переносила хорошихъ пѣвицъ и разъ на представленіи „Нормы“, въ которой есть другое сопрано, требующее первоклассной пѣвицы, m-me Патти, недовольная ея успѣхомъ, обозлилась до такой степени, что публика это замѣтила; къ слѣдующему представленію молодой пѣвицѣ сдѣлали овацію и поднесли вѣнокъ; г-жа Патти быстро подбѣжала къ рампѣ, подняла вѣнокъ и надѣла его себѣ на голову. Разъ, въ порывѣ гнѣва на своего супруга, она бросила свою трехлѣтнюю дочь Карлотту на него; онъ успѣлъ отстраниться, но дѣвочка ударилась объ стѣну и получила переломъ бедра, который сдѣлалъ ее калѣкой на всю жизнь. Семья состояла изъ отца, матери и трехъ сестеръ; старшая вышла замужъ за Стракоша, хорошаго музыканта, который былъ учителемъ Аделины; у старшей сестры былъ хорошій голосъ, меццо-сопрано, а третья, Карлотта, имѣла высокое колоратурное сопрано, доходящее до крайнихъ, высокихъ нотъ сопрановаго регистра. Стракошъ училъ трехъ сестеръ, и какъ только средняя сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была впоследствии, онъ приготовилъ ей путь въ Европу, гдѣ мать никогда не пѣла, имѣя осѣдлость въ Америкѣ и очень хорошія приглашенія въ большихъ городахъ. Когда Аделина была, по его мнѣнію, готова къ дебютамъ, онъ началъ ее рекламировать во всѣхъ газетахъ Америки и Европы, и когда она, въ сопровожденіи отца и своего наставника, и „proso“¹⁾, пріѣхала

¹⁾ Специальное выраженіе, употребляемое въ Италіи: человекъ, показывающій товаръ лицомъ.

въ Лондонѣ, весь міръ зналъ о ея существованіи. Счастливо было для нея то, что всѣ похвалы оправдались, т. к. съ перваго представленія она стала царицей театра. Стракоша и своего отца она третировала, какъ своихъ рабовъ, первый не имѣлъ права возвращаться поздно домой, а то она выбѣгала на каменную площадку лѣстницы босикомъ, чтобы его напугать. Не надо думать, что это была ревность, нѣтъ, ихъ отношенія были самыя дружескія и чистыя, а просто балованная дѣвочка, понявъ, чѣмъ она была для семьи, пользовалась своей силой: при малѣйшемъ противорѣчии она говорила отцу и деверю: „ежели я вамъ не нравлюсь, можете убираться“; а разъ забросала ихъ костями птицы, которую ѣла за обѣдомъ. Когда она, много лѣтъ спустя, вышла за маркиза де-Ко, онъ не былъ болѣе счастливымъ, чѣмъ Стракошъ и ея отецъ. Въ Петербургѣ она начала увлекаться Николини и на одномъ представленіи „Травиаты“ волновалась такъ, что стала понижать. Маркизь де-Ко вошелъ въ ея уборную и сталъ ее упрекать и между прочимъ сказалъ: „Вы фальшивили, а маркиза де-Ко не имѣетъ права фальшивить“; тогда, разсерженная до послѣдней степени, она забросала его футлярами своихъ тогда многочисленныхъ брилліантовыхъ вещей, которыя были на ней; маркизь выбѣжалъ изъ уборной, сопровождаемый этимъ крупнымъ дождемъ.

Директоръ Ковентъ-Гарденскаго театра г. Джанъ мечталъ поставить оперу Моцарта „Волшебную флейту“; въ ней три роли для сопрано. Г. Джанъ было интересно и выгодно поставить оперу съ тремя сестрами Патти. Сломанная нога Карлотты мѣшала ей поступить на сцену, но въ оперѣ „Волшебная флейта“ „Царица ночи“ выѣзжаетъ на сцену въ колесницѣ, такимъ образомъ было возможно доставить бѣдной калѣкѣ случай дебютировать. Когда планъ созрѣлъ, сообщили о немъ Аделинѣ и просили ея согласія. Патти спокойно выслушала и сказала, что она понимаетъ, насколько для дирекціи подобное представленіе можетъ быть выгоднымъ, но что она въ этой комбинаціи участія принять не желаетъ. Такимъ образомъ Карлотта продолжала выступать только въ концертахъ. Г-жа Стракошъ осталась въ Америкѣ, а Аделина продолжала свой путь лучезарной звѣздой. Сестра ея не могла быть ей конкуренткой; голосъ ея, хотя много хуже, походилъ на голосъ фонъ-Зандъ, или Тетрацини и Баронать. Отказъ Патти доказалъ только, что она сестеръ своихъ не любила.

У Аделины роскошный замокъ въ Шотландіи. Королева Викторія выразила желаніе посѣтить владѣлицу замка; нѣсколько километровъ на пути къ нему были не исправны; нашли неудобнымъ подвергать престарѣлую королеву ѣздѣ по дурной дорогѣ. Патти не

пожалѣла средствъ; созвали огромное число рабочихъ, т. к. дѣло шло о скорѣйшемъ исправленіи дороги, но стоило это 150 т. франковъ. Въ назначенный день замокъ украсился флагами, цвѣтами; Патти вышла навстрѣчу королевѣ, но, увы, королева не пріѣхала, а послала своего сына, принца Вельскаго, теперешняго короля Эдуарда VII, съ извиненіями. Забывъ, какой передъ ней посолъ, и не вникнувъ въ уважительныя причины, помѣшавшія пріѣзду высокой посѣтительницы, она дотога разсердилась, что затопала ногами, къ крайнему недоумѣнію принца и присутствующихъ.

Судьба двухъ пѣвицъ, одинаково знаменитыхъ, рознилась во многомъ. Хотя Лукка тоже вышла замужъ за титулованнаго господина, по милости котораго состояніе ея пошатнулось, она въ матеріальномъ отношеніи была неудачницей.

Антреприза въ Америку, куда она поѣхала съ приглашенными ею артистами, не удалась, и ей пришлось, не удовлетворивъ своихъ должниковъ, попытаться уѣхать; но въ моментъ, когда „Стимеръ“ (пароходъ), на которомъ она уѣзжала въ Европу, отчаливалъ, ее остановили.

Патти, наоборотъ, сохранила свое колоссальное состояніе, несмотря на то, что она выкупила своего второго мужа у его семьи за очень солидную сумму; со сценой она разставалась съ трудомъ. Въ Ниццѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она пѣла Травіату; и должно быть ей было тяжело прочесть въ мѣстныхъ газетахъ, послѣ этого единственнаго представленія: „вчера мы имѣли случай любоваться великолѣпными брилліантами г. Патти“. Три года тому назадъ она пріѣзжала въ Петербургъ, который слышалъ ея лебединую пѣсню, и который останется ей глубоко благодаренъ за щедрый даръ, 21.000 рублей, вырученныхъ съ концертовъ, данныхъ ею въ Дворянскомъ собраніи и оставленныхъ въ пользу семействъ погибшихъ моряковъ.

Возвращаясь къ своимъ гастролямъ въ Лондонѣ: Валентину въ „Гугенотахъ“ пѣла только Лукка; въ роли Маргариты въ „Фаустѣ“ чередовались Патти и Лукка; оперы эти выдержали 18 представленій съ полнымъ сборомъ (въ 35.000 франковъ). Всего я пѣла 53 раза и 4 раза въ концертѣ въ Кристалль-Паласъ, гдѣ помѣщается 20.000 человѣкъ.

Здѣсь мнѣ припоминается интересный эпизодъ. Въ годъ моего дебюта въ Москвѣ гастроліровалъ извѣстный трагикъ негръ, Ольд-риджъ. Представленія его не имѣли большого интереса. Его англійскій языкъ, съ сильнымъ американскимъ акцентомъ, дѣлалъ то, что очень мало кто его понималъ, а русскіе актеры не охотно съ нимъ играли. Получалась невыносимая скука, которая нарушилась въ одномъ изъ представленій „Отелло“. Когда Отелло первый разъ

намекаетъ Дездемонѣ, что онъ не вѣритъ въ ея любовь, и она удивленная говоритъ: „я Васъ не понимаю—я Васъ рѣшительно не понимаю“—кто-то изъ райка зычнымъ голосомъ закричалъ: „и мы тоже ничего не понимаемъ“. Хохотъ въ театрѣ былъ неудержимый, разсѣявшій остатки трагическаго настроенія.

Я пѣла Фаворитку, увлекаясь этой ролью, которая удавалась мнѣ хорошо даже въ смыслѣ игры. Послѣ одного изъ представлений, въ кулисахъ подошелъ ко мнѣ Ольдриджъ, выразилъ мнѣ свой негритянскій восторгъ и предсказалъ, что неминуемо онъ скоро встрѣтитъ меня въ другой обстановкѣ, въ сонмѣ европейскихъ звѣздъ.

Въ Cristale Palace, несмотря на колоссальные размѣры зданія, комнаты для артистовъ не было; помѣщались они подѣ эстрадой; во время одного концерта здѣсь поставлены были кресла для особенно внушительнаго въ этотъ день ареопага. Патти, Лукка, Фіоретти, Граціани, Маріо, Атри, я и другіе сидѣли мы полукругомъ въ ожиданіи очереди. Вдругъ въ дверяхъ, къ общему удивленію, показался черный господинъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ массою орденовъ на груди. Окинувъ насъ взоромъ, онъ направился въ мою сторону и напомнилъ, какъ онъ мнѣ предсказывалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ встрѣтитъ меня въ блестящей обстановкѣ, и что онъ счастливъ, что его предсказанія оправдались. Не скрою, что я была больше сконфужена, чѣмъ польщена этой похвалой, такъ какъ мнѣ показалось, что товарищи по искусству улыбаются при видѣ черненькаго знакомаго m-me Онноре.

Успѣхъ мой въ Лондонѣ удержался до конца сезона. Самая интересная опера этого сезона была „Африканка“, которая шла въ Лондонѣ 1-й разъ съ Лукка въ заглавной роли. Роскошь обстановки, костюмовъ, освѣщенія, декораціи—выше всякой похвалы. „Африканку“ мнѣ удалось видѣть въ режиссерской ложѣ, которую г. Гаррисъ предоставилъ мнѣ.

Музыкальная критика въ Лондонѣ была очень распространена, но довѣріемъ публики пользовалась только одна—Девисона въ „Таймсѣ“. Онъ слылъ за глубокаго знатока, человѣка высокой нравственности, непродажнаго, безпристрастнаго и справедливаго. „He speaks highly of her, it is to say, that she deserves it“. Онъ высококаго мнѣнія о ней,—это значитъ, что она стоитъ похвалы,—такъ говорили о немъ англичане.

Привожу здѣсь двѣ статьи музыкальнаго критика Девисона въ газетѣ „Таймсѣ“.

Послѣ представленія оп. „Фаустъ“

(переводъ).

„Другая дебютантка (пѣвица Императорскаго московскаго театра) Г-жа Онноре, которая около 3-хъ лѣтъ тому назадъ пѣла на музы-

кальномъ вечерѣ у Г. Галла, въ St. James's Hall. Тѣ, которые ее слышали тогда, исполняющей прелестную колыбельную пѣснь Глинки (пѣтую на русскомъ языкѣ), были удивлены встрѣтить въ молодой неизвѣстной артисткѣ такое знаніе своего дѣла, какое доказала она вчера въ представленіи оп. „Фаустъ“. Мы никогда не слышали болѣе очаровательно исполненными обѣ прелестныя аріи Зибеля. Передать подробно обѣ остальныхъ исполнителяхъ было бы повторять старое. Можно однако сказать многое о самомъ Фаустѣ Г. Маріо и о чудесномъ голосѣ Г. Граціани“.

2-я статья отъ 31 марта въ той же газетѣ послѣ представленія „Троваторе“.

„The new Azncena M-s Honnoré, who on Tuesday, made so good an impression as Siebel in Faust, was eminently acceptable. In appearance, even with the extrinsic aid of a painted face and imaginary wrinkles, she hardly realised the idea, we have been used to entertain, of the vengeful and uninviting old sorceress but she sang the music, from the familiar „Stride la vampa“ to the duet „Si la stanchezza m'opprime o figlio“ with its delicious burden, „ai nostri monti rilorperomo“ murmured by Azncena in her sleep, in a style as charumigly unaffected, as it was artistically perfect“.

Теноръ былъ Вахтель, нѣмецкій пѣвецъ съ удивительнымъ голосомъ и отчаянной дикціей,—баритонъ Граціани.

На одномъ изъ представленій „Фауста“, Маріо представилъ мнѣ Бажье, директора итальянской оперы въ Парижѣ. Я могла тогда же заключить новые контракты, начать кочующую жизнь по Европѣ, но здоровье моего мужа ухудшилось, надо было больного доставить въ Москву, куда мы оба стремились, гдѣ у насъ была прелестная обстановка, много друзей, а главное—сынъ.

Болѣзнь моего мужа мѣшала намъ принимать массу приглашеній на обѣды, рауты и пр. Однако я поѣхала пѣть у лорда мэра въ Manshion-haus; уговорились поѣхать съ Луккой. Въ первой залѣ огромнаго помѣщенія находится постоянная выставка картинъ, исключительно англійскихъ художниковъ. Ничего ужаснѣе этихъ картинъ видѣть нельзя, не спасаютъ ихъ и необыкновенно роскошныя рамы. Народу было тьма; артисты всѣхъ театровъ приглашались участвовать въ концертѣ; пѣвцовъ наѣхало множество—очереди не было; смѣшно было смотрѣть, какъ всѣ знаменитые пѣвцы, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, тѣснились у эстрады и брали ее съ бою; кто скорѣе заберется на эстраду, тотъ и поетъ раньше. Несмотря на это, всѣ желали пѣть въ этихъ концертахъ. Иногда происходили забавныя сцены.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ мы получили приглашеніе въ Гринвичъ. Приглашеніе было сдѣлано главнымъ строителемъ англійскаго флота „the chief constructor of the english navy“. Этотъ обѣдъ называется the white bait dinner. While bait, маленькая рыбка, очень похожа на нашего снятка. Ее подаютъ три раза во время обѣда, который длится три часа. Мясо, птица, котлеты имѣютъ только форму названныхъ блюдъ, но все сдѣлано изъ рыбы, а снятки всякій разъ подаются съ усиленной приправой каенскаго перца. Къ счастью, за десертомъ подавались великолѣпные фрукты, которые не напоминали рыбы.

Въ день отъѣзда мы получили приглашеніе на обѣдъ отъ „lady and M-r Oldrige“. На пригласительной картѣ былъ напечатанъ съ лѣвой стороны ихъ лондонскій адресъ, а съ правой „High Africa“. По случаю отъѣзда мы туда не попали.

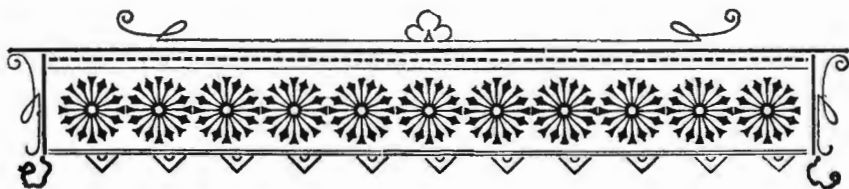
Съ горестнымъ чувствомъ уѣзжала я изъ Лондона, предупреждая директора, что, вѣроятно, я не вернусь, хотя контрактъ мой заключенъ былъ на 7 лѣтъ. До возвращенія домой мы пробыли нѣсколько времени въ Висбаденѣ, куда пріѣзжалъ нарочно режиссеръ Гаррисъ уговаривать меня вернуться въ Лондонъ на будущее лѣто. Рѣшать ничего нельзя было; все, конечно, зависѣло отъ обстоятельствъ.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ случилось то, чего никто изъ насъ не могъ ожидать. Г-нъ Л. такъ беззащитно хозяйничалъ по администраціи ввѣреннаго ему дѣла, что была прислана изъ Петербурга комиссія для разслѣдованія театральныхъ безпорядковъ. Въ чемъ именно состояли эти злоупотребленія, не всѣмъ было извѣстно; въ хаосѣ счетовъ, жалобъ, разобраться не было возможности.

Одному буфетчику по личнымъ счетамъ г-нъ директоръ задолжалъ 5.000 р.: изъ мастерскихъ брали парчу, бархатъ, но по счетамъ портные удовлетворены не были. Словомъ, было приказано слѣдствіе прекратить, а г. Л. предложили въ 24 часа убраться, и онъ былъ лишенъ званія камеръ-юнкера.

Артисты, приглашенные на слѣдующій сезонъ, были извѣщены, что итальянская опера въ будущую зиму въ Москвѣ не откроется, и ихъ услуги не понадобятся; на это они должны были согласиться, такъ какъ въ контрактахъ было сказано, что, въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, ихъ контракты могутъ терять свою силу. Такимъ образомъ итальянскіе артисты разошлись по разнымъ сценамъ Европы, только кафе-шантанная пѣвица и я остались не у дѣла.

И. И. Оннорé.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

ГЛАВА П¹).

Плоды жертвы.

Смерть Николая Кирѣева и другихъ русскихъ добровольцевъ, послѣдовавшихъ его примѣру, произвела въ Россіи такое же впечатлѣніе, какое болгарскія жестокости произвели въ Англіи. Двѣ трагедіи: одна героическая, другая невыразимо возмутительная, измѣнили карту Восточной Европы. Слѣдующія выдержки изъ рѣчи Аксакова въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ (6-го ноября 1876 г.) представляютъ какъ нельзя болѣе вѣрно современную дѣйствительность.

Аксаковъ началъ съ объясненія, что Славянскій Комитетъ былъ основанъ съ чисто-благотворительными цѣлями. Когда генералъ Черняевъ, въ сентябрѣ 1875 г., предложилъ взять пятьдесятъ не состоящихъ на службѣ офицеровъ, чтобы оказать помощь черногорцамъ, у комитета не было средствъ. Не ранѣе марта 1876 г., могъ онъ собрать 6.000 рублей, чтобъ послать Черняеву въ Сербію. Начались турецкія звѣрства въ Болгаріи, пожертвованія деньгами и вещами потекли со всѣхъ сторонъ. Не нужно было особыхъ усилій, чтобъ возбудить русскія симпатіи и состраданіе. Для русскихъ не существовало болѣе популярнаго врага, какъ турокъ.

„Сербская война началась. Съ замираніемъ сердца, Россія слѣдила за неравной борьбой между маленькой православной страной (меньше пространствомъ, чѣмъ Тамбовская губернія) съ многочисленной арміей, составленной изъ азіатскихъ ордъ, разсѣянныхъ на трехъ четвертяхъ земного шара. Но когда сербская армія по-

¹) См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

терпѣла первое пораженіе, когда на почву пробужденнаго народнаго чувства упала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершилось первое дѣло любви, когда первая чистая жертва была принесена за вѣру и братьевъ Россіи, въ лицѣ одного изъ ея сыновъ, тогда содрогнулось сознание всей Россіи.

Сначала, какъ и въ послѣдствіи, Московскій Славянскій Комитетъ не разсылалъ приглашеній для привлеченія добровольцевъ. Одинъ за другимъ являлись отставные офицеры за совѣтомъ и указаніями, какъ отправиться въ Сербію и поступить въ армію подъ командою Черняева. Извѣстіе о смерти Кирѣева, перваго русскаго добровольца, павшаго на войнѣ, вызвало тысячи подражателей. То же повторялось по полученіи извѣстій о другихъ убитыхъ русскихъ добровольцахъ. Смерть не устрашала, а какъ бы привлекала ихъ. Въ началѣ движенія добровольцы были бывшіе военные и въ большинствѣ случаевъ дворяне. Помню, какое искреннее волненіе я испыталъ, когда ко мнѣ пришелъ первый сержантъ съ просьбой послать его въ Сербію, такъ ново было для меня существованіе подобнаго чувства въ народѣ. Это чувство разрослось вскорѣ до того, что не только старые солдаты, но и мужики стали приходить ко мнѣ съ тою же просьбою. И какъ смиренно они настаивали въ своей просьбѣ, какъ будто бы просили милостыни. Со слезами, на колѣняхъ упрашивали они меня послать ихъ на поле сраженія. Большинство крестьянскихъ просьбъ было удовлетворено, и Вы бы посмотрѣли на ихъ радость при объявленіи имъ рѣшеній.

Однако сцены эти такъ умножились и дѣлъ столько накоплялось, что не было никакой возможности наблюдать за выраженіемъ народнаго чувства или входить въ подробности причинъ, заставляющихъ добровольцевъ идти. „Я рѣшилъ умереть за вѣру. Сердце у меня горитъ“. „Я хочу помочь нашимъ братьямъ. Нашихъ убиваютъ“. Таковы были краткіе отвѣты, даваемые спокойно, искренно. Я повторяю, что не было и быть не могло корыстолюбивыхъ цѣлей у добровольцевъ. По крайней мѣрѣ я, добросовѣстно, предупреждалъ каждаго о тяжелой судьбѣ, его ожидающей, и дѣйствительно съ перваго взгляда никакой особенной выгоды не являлось. Каждый получалъ пятьдесятъ рублей, изъ которыхъ 35 р. стоилъ проѣздъ черезъ Румынію, остальные на пищу и другія надобности. Наконецъ движеніе достигло такихъ размѣровъ, что мы должны были учредить особый отдѣлъ для принятія добровольцевъ и для разсмотрѣнія ихъ требованій и показаній“.

Сэръ Д. Макензи Уолласъ въ его популярной и классической книгѣ о Россіи такъ говоритъ о вліяніи смерти Николая Кирѣева на національное и религіозное чувство въ Россіи:

„Сербы начали подвигаться впередъ, но вскорѣ должны были отступить. Пришло извѣстіе, что русскій убитъ. Николай Кирѣевъ, бывший гвардейскій офицеръ, хорошо извѣстный въ Москвѣ и въ Петербургѣ, палею смертельно раненый въ то время, какъ онъ храбро велъ своихъ солдатъ въ Зайчаръ, и тѣло его, какъ говорятъ, было звѣрски изувѣчено турками. Это, конечно, произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, кто лично былъ знакомъ съ Кирѣевымъ; но странно, что впечатлѣніе, произведенное его смертію на низшіе классы, которые никогда о немъ не слыхали, было еще гораздо сильнѣе. Событіе это украсилось народнымъ воображеніемъ и возбудило старыя воспоминанія и старыя страсти, давно дремавшія. Другіе русскіе пали, а энтузіазмъ росъ. Между тѣмъ турки совершили свою великую ошибку. Когда всѣ взоры были устремлены на Моравію и на Тимокъ, раздались вопли на заднемъ планѣ, всѣ, у кого было чувство человѣчности, были поражены ужасной картиной, которую представляли болгарскія села въ мирной долинѣ Марицы.

„Но рассказы о смертельной борьбѣ съ мусульманами, рассказы о рѣзнѣ, о рабствѣ, о безжалостномъ разореніи православныхъ деревень ордами дикихъ магометанъ, это производитъ на русскихъ совсѣмъ иное дѣйствіе. Старый духъ, завоевавшій шагъ за шагомъ степь отъ кочевыхъ племенъ, еще не угасъ, и рассказы немногихъ, возвратившихся съ торговли невольниками въ Крымъ, еще не были забыты. Какъ въ старину, простой русскій человѣкъ спѣшилъ взять топоръ и бѣжать спасать, когда слышалъ крикъ: „татары идутъ на насъ. Нашихъ убиваютъ“, такъ тотъ же человѣкъ и въ наше время готовъ идти на выручку, когда услышитъ крикъ православныхъ своихъ братьевъ за Дунаемъ.

Образованные классы не имѣютъ воспоминаній о татарскомъ варварствѣ, этой православной ненависти къ грабителю бусурманину, но у нихъ большой запасъ чувства гуманности, на которое болгарскія жестокости произвели одинаковое дѣйствіе. Какъ ни странно покажется тѣмъ, кто придерживается старыхъ понятій о русскомъ дворянствѣ, я долженъ сказать, что не знаю такой корпораціи людей, которые были бы болѣе чувствительны къ понятію о человѣколюбіи, какъ русскіе образованные классы. Ихъ человѣколюбіе не выдерживаетъ можетъ быть ежедневной жизни и склонно со временемъ испаряться, въ извѣстной степени, но пока оно существуетъ, оно очень сильно и можетъ повести ихъ на большія жертвы. Въ добавокъ къ этой силѣ существовали еще идейныя побужденія, несомнѣнно очень неопредѣленныя, но тѣмъ не менѣе очень могучія. Идея, за которую люди воюютъ

и умирають, не дѣлается хуже отъ того, что она неопредѣленна ¹⁾“.

Въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга 13-го іюня 1878 г., черезъ два года послѣ смерти ея брата, Ольга Алексѣевна говоритъ:

„Я вижу съ благодарностью и восхищеніемъ, какъ живо помнить о моемъ братѣ печать. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ описанъ вечеръ, на которомъ собрались знакомые, чтобъ провести нѣсколько послѣднихъ часовъ съ молодымъ добровольцемъ, отправлявшимся въ Сербію. Всѣ были полны надеждъ и энтузіазма. Мой братъ слушалъ все время, иногда качая головой въ знакъ одобренія. Наконецъ одинъ молодой человекъ воскликнулъ: „Если мы побѣдимъ...“ Николай его поправилъ. „Скажите: когда мы побѣдимъ“. Авторъ статьи прибавляетъ: я никогда не забуду это благородное милое лицо, когда онъ говорилъ эти пророческія слова. Онъ внушалъ довѣріе всѣмъ сомнѣвающимся. Онъ точно былъ Богомъ вдохновленъ. Въ корреспонденціи изъ Болгаріи я нашла на-дняхъ описаніе нѣкоторыхъ болгаръ, видѣвшихъ Николая за нѣсколько дней до его славной смерти. Бѣдные люди не могли говорить о нашемъ дорогомъ Кирѣевѣ безъ слезъ, повторяя: да, онъ былъ добръ ко всѣмъ его окружавшимъ, онъ былъ самоотверженъ до послѣдней степени и никогда не думалъ о собственной опасности“. Какъ много я встрѣчаю людей, которые просятъ меня написать о немъ. Но это выше моихъ силъ. Николай былъ часть моей души. Онъ былъ, какъ и мой братъ Александръ, само благородство и доброта. Смерть его, дѣйствительно, была какъ бы логическимъ результатомъ его жизни. Говоря о немъ съ Александромъ, я замѣчала много лѣтъ тому назадъ: знаешь ли, у нашего Николая натура героя. Но невыразимо тяжело увидѣть такъ рано конецъ этой жизни.

Въ 1891 году Ольга Алексѣевна такъ писала о національномъ энтузіазмѣ къ южнымъ славянамъ.

„1876 и 1877 годы составили великую страницу въ русской исторіи—годы настоящаго крестоваго похода, въ нашъ прозаическій, матеріалистическій девятнадцатый вѣкъ. Толпы русскихъ, бросающихся на почти вѣрную смерть, въ геройской защитѣ своихъ угнетенныхъ и безоружныхъ братьевъ на Востокъ, громадныя суммы, предлагаемыя съ добровольной и безпечной щедростью, удивляли всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ свидѣтелями необыкновеннаго энтузіазма этого движенія.

Предсѣдатель благотворительнаго Славянскаго общества въ Москвѣ, оплакиваемый нами, Иванъ Аксаковъ, не прибѣгая ни къ

¹⁾ Уоллеса Россія, т. II, стр. 453.

какимъ ухищреніямъ, собралъ болѣе милліона рублей. Общества Краснаго Креста возникали съ волшебной быстротой по всей Россіи. Я живо помню нѣсколько поразительныхъ случаевъ въ это время. Я принадлежала къ Московскому Комитету Краснаго Креста. Наша обязанность состояла въ сборѣ необходимыхъ предметовъ и денегъ для перевязочныхъ пунктовъ. Люди всѣхъ классовъ приходили къ намъ, предлагая кто что имѣлъ подъ рукой. Свѣтскія дамы свои драгоценности, бѣдняки свой мѣдный грошъ. Вотъ случай, тронувшій всѣхъ насъ. Старуха-крестьянка, очень слабая на видъ, въ лохмотьяхъ, хочеть поговорить съ кѣмъ-нибудь, я подошла къ ней. Она волновалась и нервно старалась развязать маленькій пакетъ, завернутый въ нѣсколько платковъ. „За душу, за душу“, бормотала она. Я вообразила, что она достаетъ свидѣтельство о своей нищетѣ, и мнѣ было жаль ея ошибки. „Не развѣртывай пакета“, я поспѣшила сказать: „вѣрю, что ты бѣдна, и увѣрена, что тебѣ надо помочь, но, милая моя, здѣсь не выдаютъ денегъ, а напротивъ, собираютъ ихъ для раненыхъ и больныхъ на войнѣ. У насъ нѣтъ ничего лишняго“. „Я знаю, знаю“, отвѣтила она нетерпѣливо. „Тутъ все, что я собрала за свою жизнь, здѣсь около трехсотъ рублей, возьмите ихъ за душу ради Христа!“ Мнѣ показалось неправильнымъ лишить бѣдную женщину такой большой суммы, я спросила: „Дѣтей у тебя развѣ нѣтъ?“ „Да, да, одинъ сынъ. Онъ ушелъ, бросилъ насъ. Пошелъ сражаться за вѣру Христову. Возьмите“, и ушла, не желая дальѣе терять время на разговоры.

Можно бы легко написать цѣлый фоліантъ такихъ примѣровъ искренняго религіознаго восторга, охватившаго всю страну, всѣ классы, высшіе и низшіе. Но странно, что, за нѣкоторыми исключениями, иностранная печать старалась приписать это движеніе искусственной комедіи, устроенной полиціей напоказъ. Полиція, конечно, имѣетъ власть зажигать фонари на улицахъ, но чтобъ зажигать сердца нужна власть иного свойства.

Смерть Николая Кирѣева и болгарскія жестокости были главными факторами для возбужденія Россіи. Тѣ же причины были главными факторами для возбужденія и поддержанія антитурецкаго энтузіазма въ Англіи. Вліяніе смерти Николая Кирѣева отозвалось черезъ г-жу Новикову на милліоны людей, никогда не знавшихъ до того о его существованіи. Толпы слѣдовали за своими вожаками, и мало было людей изъ антитурецкой партіи, которые бы не чувствовали отблеска вдохновенія, зажженнаго на полѣ битвы при Зайчарѣ.

Ольга Алексѣевна была подавлена извѣстіемъ о смерти брата. Одна идея завладѣла ею: если бы Англія не поощряла Турцію, не было бы войны, и братъ бы мой не умеръ.

Въ существѣ дѣла это было вѣрно. Поступокъ англійскаго правительства, которое отвергнуло Берлинскій меморандумъ, ускорило конфликтъ, первую жертвою котораго въ Россіи былъ Николай Кирѣевъ. Ольга Алексѣевна не входила въ подробности, это было инстинктивное женское внушеніе, проникшее въ суть предмета. Она невольно повторяла: если бъ Гладстонъ былъ у власти, мой братъ бы не умеръ.

Въ мрачномъ душевномъ ея настроеніи эта мысль сверкала какъ звѣзда во тьмѣ. Какъ только она стала въ силахъ взять въ руки перо, она писала длинныя, страстныя письма всѣмъ своимъ англійскимъ друзьямъ, укоряя ихъ, какъ виновниковъ судьбы ея брата.

„Не будь поддержки Англии турку, я бы не лишилась брата“, говорилось въ каждомъ ея письмѣ.

Она писала Кинглеку и Вилльерсу, самымъ постояннымъ своимъ корреспондентамъ, Гладстону, сэръ Вильяму Гаркорду, профессору Тиндалю и многимъ другимъ, повторяя каждому и всѣмъ свои жалобы и обвиняя англійскую политику въ покровительствѣ Турціи, какъ причину кровопролитія на Востокѣ.

Предисловіе Кинглека, приведенное въ предыдущей главѣ, служить доказательствомъ, какое сильное впечатлѣніе произвело горе сестры о потерѣ брата на всѣхъ ея друзей. Ольга Алексѣевна указывала на нее, какъ на одну изъ многочисленныхъ жертвъ, приносимыхъ, время отъ времени, славянами на алтарь британскихъ интересовъ, изображала собой свое поколѣніе. *Ex uno disce omnes*. Эта подавленная горемъ женщина была представительницей сотенъ тысячъ русскихъ женщинъ, которыя, поколѣніе за поколѣніемъ, видѣли своихъ братьевъ, мужей, отцовъ и сыновей жертвами того, чтобы турокъ сохранилъ неприкосновенно и неудержимо свое право рѣзней управлять братьями-христіанами. Всѣ, конечно, знали, что это всегда было и всегда будетъ такъ, пока Англія, поддерживая тронъ султана, будетъ видѣть въ этомъ свою выгоду. Но читать или воображать несчастье издалека дѣйствуетъ иначе, чѣмъ быть очевидцемъ его, или видѣть молодую, прекрасную женщину, которой вы восхищаетесь и которую уважаете, пораженную неутѣшнымъ горемъ. Мы уже видѣли, какое она имѣла вліяніе на Кинглека, этого свѣтскаго, анти-русскаго человѣка. Можно легко себѣ представить, какъ сильно было вліяніе ея на болѣе чувствительные темпераменты, уже расположенные не въ пользу турокъ. Благородная личность Николая Кирѣева, геройски умершаго за свободу, стала для милліоновъ людей символомъ обновленной Россіи, съ которой друзьямъ свободы въ Англии возможно было вступить въ братскій союзъ.

Если бы Ольга Алексѣвна не жила въ Лондонѣ, дѣйствіе, произведенное смертью ея брата, могло бы быть временнымъ, могло бы даже показаться болѣе или менѣе миѳическимъ. Но ея присутствіе уничтожало всякій скептицизмъ. Всякій чувствовалъ, что геройское самопожертвованіе было присуще брату такой женщины, но она всегда утверждала, что ея братъ былъ настоящій тицъ русскаго человѣка, чѣмъ не мало содѣйствовала къ открытію благороднѣйшаго элемента въ русскомъ народѣ, сдѣланному англійской публикой — открытію, бывшему главнымъ факторомъ, парализовавшимъ воинственные происки лорда Биконсфильда въ 1876—1878 г.

Мы помнили, что Байронъ умеръ въ Миссолонги за независимость Греціи, и мы краснѣли при мысли, что Гобартъ и Бекеръ наемники въ Турціи въ то время, когда лучшіе сыны Россіи умирали, какъ герои, защищая заповѣнную Сербію. Въ теченіе всего этого критическаго и труднаго времени, начавшагося съ болгарскихъ жестокостей въ маѣ 1876 г. и кончившагося конгрессомъ въ Берлинѣ, память о геройствѣ русскихъ добровольцевъ въ Сербіи была неистощимымъ источникомъ, въ которомъ лидеры Гладстоновскаго движенія черпали довѣріе и силы для борьбы и пораженія того джингоистскаго мнѣнія, что все дѣло Болгаріи было искусственно создано русскимъ правительствомъ съ цѣлью украдкой совершить походъ на Константинополь. По мѣрѣ того, какъ нѣсколько увядало воспоминаніе объ рѣзні въ Болгаріи, русскіе добровольцы вновь вдохновили милліоны людей въ Англіи, которые въ первый разъ пришли къ сознанію, что Россіи, а не Англіи провидѣніе сулило пальму первенства на Востокѣ. вмѣсто прежней привычки во всемъ противорѣчить Россіи явился благородный духъ соревнованія къ ея добрымъ дѣламъ національности и человѣколюбія. Г-жѣ Новиковой принадлежитъ исключительная заслуга ознакомить въ эту критическую минуту англійскій народъ съ идеальной стороною русской жизни, и всякій, кто слѣдилъ за внутреннимъ народнымъ движеніемъ, другъ или врагъ, признавалъ ея вліяніе неизмѣримо полезнѣе для Россіи и пагубнѣе для руссофобскій политики лорда Биконсфильда, чѣмъ всѣ дипломатическія дѣйствія официальнаго посланника въ Чешамъ-плесъ.

Ея любовь къ брату и патріотическій энтузіазмъ сдѣлали то, что геройская тѣнь Николая Кирѣва служила ангеломъ хранителемъ славянскаго дѣла въ странахъ и народахъ, далекихъ отъ раздора и вражды. Агитаторы и рыцари Сентъ Джемсъ Хола и сѣвера боролись съ большимъ мужествомъ и набожной вѣрой, потому что отъ нея они знали, что жили и умирали такіе люди, какъ Николай Кирѣвъ. Это вдохновеніе нисколько не уменьшалось тѣмъ фактомъ,

что официальная Россія, въ лицѣ посла Новикова въ Вѣнѣ и графа Шувалова въ Лондонѣ, смотрѣла весьма недружелюбно на русскихъ добровольцевъ и далеко не поддерживала ихъ. Это была борьба между двумя посольствами и одной женщиной. Лишенная всякой помощи извнѣ, она руководилась своимъ твердымъ убѣжденіемъ и нравственной силой. Союзники несомнѣнно хорошіе.

Въ письмѣ къ сэръ В. Гаркорду она прибавила нѣсколько словъ благодарности по поводу его рѣчи о восточномъ вопросѣ передъ самымъ открытіемъ парламента.

Онъ отвѣчалъ:

27 августа 1876 г.

„Дорогая г-жа Новикова, Ваше письмо дошло до меня только вчера, въ Шотландіи, куда я пріѣхалъ отдохнуть послѣ сессіи. Мнѣ очень пріятно, что лицо, такое освѣдомленное въ европейскихъ дѣлахъ, какъ Вы, одобрило мою рѣчь, которую я нашелъ нужнымъ ясно изложить до роспуска парламента. Вы можете быть увѣрены, что мнѣніе Англій очень измѣнилось относительно Восточнаго вопроса, и что болгарскія происшествія возбудили такое чувство негодованія, къ которому теперь ни одно правительство не можетъ отнестись съ пренебреженіемъ. Надѣюсь, что въ скоромъ времени результаты этого будутъ ощущаемы; прекратятся скандальныя сцены и приняты будутъ мѣры, чтобъ отнять у турокъ возможность ихъ повторенія. Я самымъ искреннимъ образомъ сочувствую Вашей личной потерѣ, которая заставляетъ Васъ принимать всѣ эти событія такъ близко къ сердцу. Вамъ искренно преданный

Гаркордъ.

Лордъ Непиръ Этрикъ написалъ ей два письма въ нѣсколько болѣе туркофильскомъ духѣ.

„Понедѣльникъ:—я пріѣду, чтобъ быть съ Вами. Я хотѣлъ писать Вамъ съ той минуты, какъ узналъ о потерѣ Вашего брата въ Сербскую войну, чтобъ выразить мое глубокое сочувствіе Вашей семьѣ, которая, я думаю, отождествляетъ себя съ христіанскимъ дѣломъ. Я, конечно, не раздѣляю этихъ чувствъ, какъ англичанинъ и дипломатъ, но я понимаю и уважаю ихъ въ русскомъ и военномъ человѣкѣ.

„Вторникъ. Очень трогательно описаніе смерти Вашего бѣднаго брата, и дѣйствіе, произведенное ею на симпатіи русскаго народа, дѣлаетъ честь Вашему имени. Онъ заслуженно будетъ считаться мученикомъ своей націи. Я понимаю Ваши чувства, хотя сознаю, что долженъ вращаться въ кругу англійскихъ національныхъ инте-

ресовъ, которые заключаются въ политикѣ Пальмерстона, Абердина, Дизраели, а не въ стремленіяхъ Гладстона, какъ бы они ни были блестящи и великодушны.

Полковникъ Ноксъ писалъ 11-го января изъ Марлборо-клуба:

„Дорогой Кинглекъ. Я долженъ благодарить Васъ за живое описаніе смерти Николая Кирѣева, которое несомнѣнно произвело на воображеніе русскихъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на мое. Я вполне могу себѣ представить, что такой рассказъ въ такое время могъ повторяться въ крестьянскихъ избахъ, среди покрытыхъ снѣгомъ степей, и настроить воинственно ихъ умы.

Довѣрчивый энтузіазмъ русскаго народа, конечно, много значитъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, но я не могу отказаться отъ мысли, что честолюбіе меньшинства возьметъ верхъ надъ движеніемъ толпы, и что борьба эта кончится совсѣмъ не романически“.

Она не окончилась такъ, какъ предсказывалъ полковникъ Ноксъ. Она окончилась освобожденіемъ Болгаріи и полной независимостью Сербіи и Румыніи. Она даже освободила Македонію, но эта несчастная страна снова подпала подъ турецкую тираннію не по недостатку энтузіазма въ Россіи, а для того, чтобъ лордъ Биконсфильдъ могъ привезти изъ Берлина „свой миръ съ честью“.

Всѣ, кому писала Ольга Алексѣевна, отвѣтили въ самыхъ прочувствованныхъ выраженіяхъ, за однимъ исключеніемъ, а этотъ отвѣтъ былъ самый важный. Гладстонъ молчалъ. Отъ человѣка такой безупречной вѣжливости съ его готовымъ сочувствіемъ и интересомъ, доказаннымъ имъ въ старокатолическомъ вопросѣ, она не могла себѣ объяснить этого молчанія. Гладстонъ однако не имѣлъ намѣренія ее огорчить. Онъ понималъ, какъ банальны и пусты личныя выраженія соболѣзнованія. Ея письмо затронуло струну, на которую соотвѣтственный отвѣтъ было дѣйствіе, а не слова сочувствія. Нельзя конечно сказать, въ какой мѣрѣ письмо г-жи Новиковой внушило его статью о болгарскихъ ужасахъ. Возможно, что статья эта была бы написана, если бы даже Николай Кирѣевъ не пожертвовалъ жизнью за славянское освобожденіе, или, если бы Ольга Алексѣевна не обратилась съ своимъ страстнымъ воззваніемъ и порицаніемъ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что полученіе письма этой русской женщины въ ту минуту, когда онъ испытывалъ то же чувство, что его соотечественники, порывъ ужаса, созданный письмомъ Мак-Ганана, много прибавило жару и гнѣва, съ которыми Гладстонъ обвинилъ политику Биконсфильда. Написавъ эту брошюру, онъ не только исполнялъ свой долгъ, долгъ передъ оскорбленнымъ человѣчествомъ, онъ также удовлетворялъ своему рыцарскому харак-

теру, предлагая самое цѣлѣбное средство для сокрушеннаго сердца сестры Николая Кирѣева. Статья была написана и копія ея прислана г-жѣ Новиковой изъ Гауардена въ сентябрѣ. При ней было слѣдующее письмо отъ г-жи Гладстонъ.

8 сентября 1876 г.

„Дорогая мадамъ Новикова. Мой мужъ, поглощенный въ эту минуту дѣлами, поручаетъ мнѣ написать и выразить Вамъ наше искреннее сочувствіе въ Вашей великой потерѣ. Мы знаемъ, что такое лишиться любимаго брата, но мы также умѣемъ, какъ Вы, восхищаться прекрасной, безкорыстной жизнью, увѣчанной вѣчной славой. Вы уже, вѣроятно, прочли отвѣтъ на Вашъ вопросъ о Болгаріи, въ статьѣ мужа, въ газетахъ. Англія, какъ видите, наконецъ, пробудилась изъ своей летаргіи. Дѣйствительно ужасно то, что происходило доселѣ. Еще разъ, увѣряя Васъ въ нашемъ сердечномъ горѣ о Вашемъ горѣ, искренно преданная Вамъ

Екатерина Гладстонъ.

Въ настоящее время кажется невѣроятнымъ, но въ 1876 г. многіе умные люди думали, что Славянское общество было одно изъ тайныхъ учрежденій, завладѣвшихъ воображеніемъ Дизраели. Нѣкоторые смѣшивали даже славистовъ съ нигилистами. Сэръ Д. М. Уолласъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что трудно себѣ вообразить что-нибудь менѣе тайное и революціонное, по крайней мѣрѣ, какъ Московскій славянскій комитетъ.

Чтобъ побороть это заблужденіе, Ольга Алексѣевна перевела на англійскій языкъ и издала въ Англии обращеніе Аксакова къ славянскому комитету въ Москвѣ, по поводу Восточной войны ¹⁾. Изъ безчисленныхъ статей, вышедшихъ въ печати, во время этого кризиса, первое мѣсто принадлежитъ статьѣ Гладстона объ ужасахъ въ Болгаріи, и я считаю, что второе принадлежитъ этой брошюрѣ

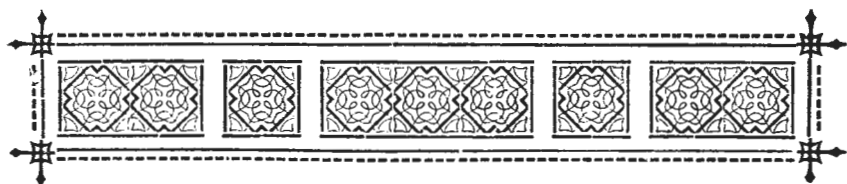
¹⁾ Въ выноскѣ С. Д. Уолласъ такъ говоритъ объ этомъ изданіи: „Образъ дѣйствія комитета и народное движеніе, которымъ онъ нѣкоторымъ образомъ руководилъ, были вѣрно описаны въ рѣчи Ивана Аксакова въ собраніи Московскаго отдѣленія 21-го октября—6-го ноября. Эта рѣчь, переведенная на англійскій языкъ и напечатанная въ сокращенной формѣ русской дамой, обратила уже на себя вниманіе англійской прессы. Сравнивъ переводъ съ оригиналомъ, я могу установить, что много ненужныхъ подробностей и естественныхъ выраженій патріотическихъ чувствъ были сокращены, но ни одинъ важный фактъ не пропущенъ. Что касается достоверности свидѣтельства, я могу прибавить, что я давно зналъ Аксакова и ни въ одной странѣ не встрѣтилъ болѣе честнаго и правдиваго человѣка“.

г-жи Новиковой. Она заставляет факты говорить за себя, не комментируя ихъ. Ея статья не что иное, какъ передача блестящей краснорѣчивой рѣчи Аксакова къ славянскому комитету, но она дала англійской публикѣ именно то, что было нужно въ этомъ случаѣ. Подлинное выраженіе несомнѣнной истины, вылившейся изъ русскаго сердца. Сочувствующіе борьбѣ за свободу на Балканахъ читали ее съ восхищеніемъ, потому что чувствовали въ ней единеніе востока съ западомъ. Аксаковъ, хотя не говорилъ словами Гладстона, но выражалъ тѣ же чувства и еще болѣе горячо, и рѣчь его болѣе, чѣмъ что-либо другое, утвердила и усилила убѣжденіе либераловъ, въ томъ что они преслѣдовали здоровую политику, отвергая турецкія соглашенія и сосредоточивая свои надежды на искреннемъ союзѣ съ русскимъ народомъ.

Въ концѣ года Ольга Алексѣевна послала эту брошюру въ 12 страницъ Гладстону. Это былъ для него новогодній подарокъ.

Сообщено Е. С. М.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а VI¹⁾.

Мы выѣхали изъ Смирны на разсвѣтъ и къ часу дня плавно вошли на Хіосскій рейдъ.

Прежде чѣмъ сойти на берегъ, лучше я сразу предположу дальнѣйшему разсказу краткое описаніе географическаго положенія острова, а также населенія и климата его для того, чтобы не возвращаться впоследствии къ тому же.

Столица Хіоса, городокъ Кастро, расположенъ въ глубинѣ обширной бухты съ открытымъ выходомъ въ Эгейское море.

Островъ этотъ—собственно сѣверная часть его—прямо удивительный и должно быть единственный уголокъ на крайнемъ югѣ Европы по своему необыкновенно прохладному климату.

Въ то время, какъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ на нѣсколько градусовъ выше его, все живущее изнемогаетъ отъ убійственнаго зноя, здѣсь не ощущается никакой жары, несмотря на близость Африки и Аравіи. Такому необыкновенно благоприятному явленію страна всецѣло обязана высокому горному хребту, который заслоняетъ ее съ юга отъ огненнаго дыханія Сахары. Свѣжій вѣтеръ съ сѣвера также не мало способствуетъ охлажденію воздуха.

Прекрасный, дивный край; но почти не посѣщаемъ туристами. И напрасно! Природа и жизнь Хіоса могли бы вызвать заслуженное вниманіе европейца: подъ шатромъ всегда синяго неба, въ панорамахъ горъ, убранныхъ зеленью масличныхъ и мастиковыхъ рощъ, долинъ, покрытыхъ розами, съ вѣчно плещущими у береговъ его яркими красками Эгейскихъ волнъ, съ очаровательными эффектами

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

восходовъ и закатовъ,—онъ увидѣлъ бы другой міръ, уголокъ рай и забылъ бы о модныхъ, избитыхъ, курортахъ.

Населеніе по преимуществу греческое; занимается разведеніемъ плантацій и вывозитъ за границу прекрасныя произведенія щедрой тамъ природы, какъ-то: апельсины, лимоны, самые сладкіе въ мірѣ мандарины, оливковое и розовое масло; но больше всего мастики.

Католическая колонія левантинцевъ также велика; но количество турокъ сравнительно съ туземнымъ населеніемъ прямо ничтожно. Здѣсь всему даютъ тонъ греки, какъ самая многочисленная и богатая народность.

Не дурно чувствуютъ себя и прочіе христіане: надо только внимательнѣй присмотрѣться къ обстановкѣ ихъ быта, чтобы задать себѣ вопросъ: изъ чего, собственно, европейская пресса проливаетъ крокодиловы слезы объ участи подданныхъ оттоманской державы.

Все только-что сказанное не относится, конечно, къ славянамъ: то уже, какъ говорится, „особая статья“,—рѣчь идетъ о „коренной Турціи“ съ ея архипелагами.

Поживите несколько лѣтъ, какъ я, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя я описываю сейчасъ, и вы придете, подобно мнѣ, къ тому же выводу, что не турки угнетаютъ христіанъ, а послѣдніе турокъ.

На эту тему мнѣ придется бесѣдовать съ читателемъ еще не разъ, а теперь пора подбѣхать и высадиться на берегъ, что я и дѣлаю.

Г л а в а VII.

Въ Хіосѣ нѣтъ гавани — пароходы останавливаются на открытомъ рейдѣ и сообщаются съ берегомъ посредствомъ лодокъ и каяковъ.

Когда „Владиміръ“ бросилъ якорь, то къ нему приблизился небольшой баркасъ, наполненный пассажирами. Приѣхавшіе, съ ловкостью обезьянъ, что такъ свойственно приморскимъ жителямъ, вскарабкались на палубу и радостно привѣтствовали моихъ родныхъ съ благополучнымъ возвращеніемъ домой. Потомъ взоры прибывшихъ обратились въ мою сторону, и все заговорили со мной на своемъ „галика“; но, узнавъ, что я совершенно не знакома съ этимъ жаргономъ, отступили отъ меня съ огорченными лицами.

Одинъ изъ нихъ, пожилой грекъ, желая все-таки сказать мнѣ что-нибудь пріятное, воскликнулъ, подмигивая глазомъ: „о, русскъ карошъ, карошъ русскъ!“

Говорившій такъ хорошо по-русски оказался драгоманомъ нашего вице-консульства и не зналъ другихъ языковъ, кромѣ своего родного. Онъ былъ очень богатъ, но числился въ штатѣ только ради общественаго положенія.

Остальные были греки коммерсанты, милліонеры, какъ объяснила мнѣ Магіе, и знакомствомъ ихъ очень надо было дорожить, такъ какъ они давали грузъ нашимъ пароходамъ, а слѣдовательно и доходъ Обществу, агентомъ котораго состоялъ мой дядя, какъ сказано выше.

Мы перешли въ каякъ и черезъ нѣсколько минутъ подошли, къ моему великому изумленію, совсѣмъ вплотную къ нижнему этажу дома, фундаментъ котораго омывался волнами моря. Это было помѣщеніе для агентства и кабинетъ вице-консульства.

Дверей здѣсь не полагалось, такъ какъ вода проникла бы во внутрь зданія, а потому входили сюда прямо съ лодки черезъ окно.

Этимъ же путемъ и мы пробрались въ контору, а оттуда по внутренней лѣстницѣ наверхъ.

Противоположный фасадъ дома съ параднымъ ходомъ и балкономъ выходилъ на широкій бульваръ, обсаженный громадными кактусами и столѣтниками.

Итакъ мы поднялись во второй этажъ и вошли въ нашу квартиру. Я подошла къ окну и ахнула отъ восторга: подобная феерія не снилась мнѣ и во снѣ. То, что теряло въ живописности своей съ палубы, предстало вдругъ, какъ дивное, волшебное видѣніе.

Предо мной раскинулось темносинее, какъ сапфиръ, и спокойное на этотъ разъ Эгейское море. Жаркое солнце, заглядывая въ прохладную глубину его, косыми лучами своими рисовало на немъ золотые узоры.

— Риза изъ синей парчи, шитая блестками,—шепчу я невольное сравненіе и отказываюсь вѣрить, что морская вода безпѣтна. Мнѣ хочется, не шутя, зачерпнуть этой влаги и убѣдиться, что она не подкрашена индиго, и я собираюсь взять съ умывальнаго стола кувшинъ, чтобы на веревочкѣ спустить его внизъ; но вошедшая Магіе не одобряетъ моего намѣренія и спрашиваетъ, довольна ли я комнатою?

— Ахъ, тетя!—говорю я восторженно,—неужели это дивное въ голубой ризѣ море всегда будетъ передо мной?! Я видѣла воды Босфора и Золотого рога; но развѣ можно сравнить ихъ вотъ съ этимъ великолѣпнѣмъ!—

— Ты, кажется, воображаешь, что оно всегда такое милое и нарядное? нѣтъ! тебѣ придется нѣсколько разочароваться въ немъ, когда наступятъ дни равноденственныхъ бурь. А теперь возьми бинокль и смотри вотъ въ ту сторону горизонта,—продолжала она, указывая на небольшое возвышеніе, еле видимое въ туманныхъ контурахъ далеко за предѣлами бухты,—тамъ сохранилась и по сіе время пещера, гдѣ, по преданіямъ, великій Гомеръ писалъ свою Илиаду—Хіосъ претендуетъ на честь быть его родиной.

Гомеръ! Илиада!—повторяю я, охваченная восторгомъ и жадно всматриваясь въ силуэтъ историческаго холма.

— Интересно знать, — думается мнѣ въ то же время, — что сказали бы нашъ преподаватель исторіи, если бы могъ видѣть ученицу свою, созерцающую пещеру Гомера?—и я принимаю рѣшеніе немедленно написать бывшей классной дамѣ моей о столь счастливомъ для меня событіи и просить ее рассказать объ этомъ всѣмъ въ Институтѣ.

Продолжая обозрѣвать прелестную картину хіосской панорамы, я люблюсь живописнымъ городкомъ, который раскинулся подковою у самаго берега, имѣя позади себя цѣпь высокихъ зеленыхъ горъ. На одномъ концѣ этой дугообразной линіи, выходящей мысомъ въ море, раскинулась обширная старинная цитадель съ ея изящными, тоненькими минаретами и развалинами генуэзскихъ построекъ. Надъ крѣпостными воротами рѣшетъ флагъ съ полумѣсяцемъ и звѣздой. По валамъ расхаживаютъ часовые въ красныхъ фескахъ.

Вотъ на вышкѣ мечети показался муэдзинъ и протяжнымъ, унылымъ выкрикомъ призываетъ мусульманъ къ молитвѣ.

Все это ясно и отчетливо видно и слышно мнѣ: домъ нашъ, откуда я смотрю сюда, расположенъ на другой оконечности подковы города—слѣдовательно, мы ближайшіе къ крѣпости сосѣди.

Подъ сѣнью стѣнъ ея стоитъ на якоряхъ внушительная турецкая эскадра изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ корветовъ. Малѣйшее движеніе на палубѣ кораблей не ускользаетъ отъ наблюденій моихъ. Громадный торговый флотъ греческихъ богачей украшаетъ рейдъ.

По восточному горизонту Хіоса тянется изломанной линіей, пропадая гдѣ-то вдали, суровый пейзажъ Малой Азіи. Горныя громады совсѣмъ подошли къ морю и прячутъ вершины свои въ облакахъ. Это хребетъ Тавра. У подножія его много селеній и знаменитая въ нашей исторіи Чесма. Съ того мѣста, гдѣ я стою, мнѣ кажется, что она купается въ волнахъ. Беру бинокль и различаю даже расположеніе улицъ ея.

Прозрачный морской воздухъ необыкновенно приближаетъ предметы, и я вижу вдали, тамъ, гдѣ небо сливается съ водой, рельефныя очертанія остроконечнаго Самоса—весь онъ закутался въ розовую кисею отъ знойныхъ лучей полуденнаго солнца. Такова иллюзія вида его!

Прелестная картина, которой люблюсь я въ нѣмомъ восторгѣ, просится на полотно художника.

Г л а в а VIII.

Интересенъ былъ второй день моего пребыванія въ Хіосѣ. Тамъ существуетъ такой обычай.

Когда прїѣзжаетъ въ страну новое лицо и поселяется въ ней самостоятельно, или, какъ на примѣръ я, въ знакомой уже всѣмъ семьѣ, то мѣстное общество спѣшитъ на другой же день поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ и оказать ему знаки вниманія, какъ дорогому гостю.

Тѣ, кому новопрїѣзжій отдастъ визиты, будутъ считаться личными его знакомыми и друзьями.

При этомъ, замѣтите, что забраккованные не сочтутъ себя обиженными и при встрѣчахъ очень милы и любезны.

Такова бытовая картинка, и странный обычай этотъ, неизвѣстно, откуда беретъ начало свое—ужь не со временъ ли Гомера?

Такъ было и по отношенію ко мнѣ.

Не взирая на мое несамостоятельное положеніе и возрастъ, женскій персоналъ Хіоса, начиная съ молодыхъ дѣвушекъ и кончая ихъ маменьками, а также дряхлыми бабушками, широкимъ потокомъ хлынулъ съ утра въ нашу пріемную, чтобы привѣтствовать меня, но, главнымъ образомъ, чтобы опредѣлить наши будущія взаимныя отношенія и узнать, кого удостою я своего исключительнаго вниманія. Произошла, по моимъ понятіямъ, очень забавная сценка.

Согласно разъ навсегда выработанному здѣсь этикету для такого случая, не меня представили почтенному собранію, а наоборотъ: какъ и полагалось, я помѣстилась въ центрѣ общества, а Marie встрѣчала гостей, рекомендовала ихъ мнѣ и переводила наши взаимныя привѣтствія.

Мнѣ было и смѣшно и крайне неловко разыгрывать столь нелѣпую роль; но избѣгнуть церемоніи традиціоннаго визита не было никакой возможности.

Большинство оказались гречанки, знающія только одно „галика“. Были здѣсь и француженки, не умѣющія связать и пару словъ quasi - родного нарѣчія, такія же англичанки, итальянки, австріячки и даже галичанка Стефановичъ, не подозрѣвавшая, въ какомъ уголкѣ земного шара находилась Галиція.

Проще говоря, всѣ онѣ были представительницами той оригинальной помѣси разнообразныхъ народностей, которая извѣстна намъ подъ названіемъ „левантинцевъ“.

Характерная особенность послѣднихъ: непременно вести свое происхожденіе отъ западныхъ расъ, и сохрани Богъ, назвать кого-нибудь изъ нихъ настоящимъ его именемъ—таковой сочтеть себя оскорбленнымъ. Многіе изъ нихъ, несмотря на европейскую кличку, не понимаютъ ни одного слова другихъ нарѣчій.

Только-что сказанное исключительно относится къ христіанамъ аборигенамъ архипелаговъ, такъ какъ весь укладъ жизни острови-

тянь существенно разнится отъ таковаго на материкѣ. Тамъ все сложилось иначе, въ особенности въ портовыхъ городахъ, гдѣ большой наплывъ иностранцевъ, которые и приучили население говорить на многихъ языкахъ, хотя одинаково плохо на всѣхъ.

Итакъ, я сразу познакомилась со всѣмъ обществомъ Хіоса; но, увы! мы не могли понимать другъ друга...

Всѣ искренно огорчены такимъ досаднымъ оборотомъ дѣла и растерянно смотрятъ на меня.

Гречанки волнуются больше другихъ и никакъ не могутъ понять, почему я, образованная дѣвица, не говорю по-гречески, такъ какъ, на сколько имъ извѣстно, въ Россіи изучаютъ классику.

Не соглашаясь съ доводами Marie, что послѣднее не такъ ужъ важно для женщины, они порицаютъ моихъ наставниковъ за то, что они не позаботились выучить меня языку того народа, отъ котораго русскіе получили свѣтъ религіи и знаній.

Marie не считаетъ удобнымъ спорить съ потомками Гомера, которые сохранили наивную вѣру, что даже Олимпійскіе боги пользовались ихъ жаргономъ, и ограничивается увѣреніемъ, что въ недалекомъ будущемъ я сама исправлю существенный пробѣлъ въ моихъ познаніяхъ и овладѣю ихъ нарѣчіемъ.

Какъ дамы, такъ и подошедшіе къ тому времени мужчины, остаются очень довольны такимъ отвѣтомъ и, наговоривъ мнѣ массу изысканныхъ комплиментовъ, удаляются, выражая надежду, что я очастливилю ихъ всѣхъ своимъ посѣщеніемъ.

Черезъ недѣлю, какъ и слѣдовало, я начала отдавать визиты и, конечно, по выбору моихъ родныхъ. Процедура эта растянулась на нѣсколько недѣль. Вездѣ я встрѣчаема была съ одинаковымъ чисто восточнымъ радушіемъ. Варенье и кофе, согласно обычаю, подавались мнѣ раньше другихъ, а я, наученная горькимъ опытомъ въ Константинополь у Макѣвой, уже не дѣлала промаховъ, и все шло прекрасно.

Г л а в а IX.

На слѣдующій день послѣ вышеописаннаго я стояла у окна моей комнаты и восхищалась феерическимъ зрѣлищемъ заката солнца. Огненный дискъ лѣниво сползалъ за вершину Тавра, освѣщая морскую зыбъ такими несравненными красками, что думалось поневолѣ: если перенести на полотно всѣ эти переливы водяной радуги, то получится мазня! Ну, кто повѣритъ, что въ природѣ можетъ быть такая прямолинейность: у берега зеленая полоса, дальше синяя, наконецъ, рубиновая, а у подножія гористой Анатолиі желтая съ фіолетовымъ оттѣнкомъ.

*

Бывающіе въ Крыму видѣли, конечно, прелестныя картины восходовъ и закатовъ, но какъ блѣдны показались бы они въ сравненіи съ эффектами Архипелага!

Вдругъ отъ пристани цитадели отчалилъ каякъ и направился къ нашему дому. Въ немъ оказался турецкій офицеръ въ фескѣ и съ эксельбантомъ.

Подойдя вплотную къ нижнему этажу, адъютантъ замѣтилъ меня и, приложивъ руку ко лбу въ знакъ привѣтствія, на чистомъ французскомъ языкѣ спросилъ, можетъ ли вице-консулъ принять его?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ вошелъ въ открытое окно агентства, а оттуда поднялся на верхъ.

— Селимъ Тафти-бей, адъютантъ нашего губернатора, — такъ представилъ его мнѣ дядя.

Красота бей поражала безупречной правильностью своей; но выраженіе лица его произвело на меня отталкивающее впечатлѣніе: что-то дикое и очень злое свѣтилось въ его черныхъ миндалевидныхъ глазахъ, а крѣпко сжатая, блѣдная губы кривились надменной усмѣшкой.

Онъ хмуро поклонился мнѣ и тотчасъ же отошелъ въ сторону.

— Ну, и злюка же должно быть, — вспомнила я кстати самое популярное бранное слово институтокъ; но, тѣмъ не менѣе, невольно залюбовалась великолѣпнымъ профилемъ его, пока онъ разговаривалъ съ Marie, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ мрачный красавецъ собрался уходить.

Онъ любезно простился съ моими родными; но со мной раскланялся издали и очень сухо.

— Какая непріятная личность! — разсердилась я, задѣтая его невниманіемъ, — а важничаетъ-то какъ! подумаетъ, какая персона!

Мнѣ стало больно и обидно, когда я сравнила надменное обращеніе его съ той данью восхищенія, которая только-что передъ этимъ воздана была моей личности греческими кавалерами.

— А какъ хорошъ! не правда ли? смѣялся дядя, забавляясь моею досадою, — смотри, не влюбись, племянница, что совѣмъ не мудроно.

— Ну, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! — увѣряла я, — кто же влюбляется въ такихъ демоновъ — воображаю, каковъ у него характеръ?

— Да, не изъ кроткихъ, — проговорила Marie, — послѣ мы поговоримъ о немъ, а теперь послушай, что пишетъ губернаторъ — это касается тебя.

И она прочла вслухъ письмо отъ Кіамиль-паша, въ которомъ онъ выражалъ желаніе поздравить меня, какъ новопривышную, и просилъ разрѣшенія явиться завтра же съ визитомъ.

У меня закружилась голова отъ такой чести, и первая мысль была: что сказали бы въ Институтѣ подружки, классныя дамы,

и даже сама „тапан“, узнавъ, что паша, да настоящій турецкій паша, не изъ романа и не сказочный, а живой, и вдругъ лично мнѣ дѣлаетъ визитъ! А давно ли я не посмѣла бы надѣяться со стороны учителя на подобное вниманіе, и мнѣ стало казаться, что это одна изъ сказокъ Шехерезады на яву.

Сажусь за письменный столъ и пишу массу восторженнаго вздора роднымъ и знакомымъ. Въ промежуткахъ вдохновенія и полета фантазіи вспоминаю красивый профиль и съ негодованіемъ думаю: „сановникъ, вельможа Оттоманской имперіи желаетъ познакомиться со мной, а какой-нибудь тамъ офицерикъ на посылахъ до-того зазнался, что и не взглянулъ на меня ни разу—не надо обращать на него вниманія—вотъ и все“!

А между тѣмъ, волею причудливой судьбы или предопредѣленіемъ Кесмета, какъ говорятъ турки, тотъ, на кого я сердилась въ данную минуту, сталъ для меня въ недалекомъ будущемъ дороже самой жизни, также, какъ и я для него. Исторія нашей взаимной, но полной трагизма любви будетъ изложена дальше.

Г л а в а X.

Прежде чѣмъ пріѣдетъ Кіамиль-паша, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу того жгучаго вопроса, который съ давнихъ временъ обсуждается съ такой страстностью европейской прессой. Принято оплакивать горькую долю несчастнаго якобы христіанскаго населенія въ странѣ полумѣсяца.

Но правда ли это?—едва-ли!

Посмотрите на роскошные кварталы европейцевъ, дворцы-особняки греческихъ милліонеровъ, шикарныя магазины подъ вывѣсками на всѣхъ языкахъ міра кромѣ, конечно, турецкаго; биржи, переполненныя шумной толпой иностранцевъ, громадныя торговые флоты, цвѣтушія плантаціи—и все это принадлежитъ христіанамъ и евреямъ...

Таковы плоды турецкаго деспотизма!..

Теперь взгляните на то грандіозное, великолѣпное зданіе, у входа въ которое стоитъ внушительная стража красныхъ фесокъ съ ружьями въ рукахъ и ятаганами за поясомъ. На фронтонѣ красуется надпись золотыми буквами по-французски: „Императорскій Оттоманскій банкъ“. Войдите туда, и вамъ покажется, что вы въ Лондонскомъ Сити.

Не знаю, хранятся ли здѣсь капиталы хозяина государства; но что во всемъ обширномъ помѣщеніи банка, начиная съ директоровъ и кончая сторожами и курьерами включительно, не найдется ни одного турка между ними—это извѣстно мнѣ очень хорошо.

— Золото наше,—скажутъ вамъ угнетаемыя, если вы укажете имъ на такое положеніе вещей,—и турокъ обязанъ охранять наши кладовыя.

— Дѣйствительно, здѣсь все ваше,—соглашаетесь вы,—но неужели у господина этой страны ровно ничего не осталось своего?

— Какъ ничего? — съ удивленіемъ отвѣтятъ вамъ,—а старыя цитадели, изъ которыхъ правительство вывозитъ древнія пушки историческихъ эпохъ, такъ какъ иногда не хватаетъ металла на отливку размѣнной монеты для собственнаго обихода.

Что же касается грозныхъ орудій у входовъ въ проливы, то опять-таки они наши: мы купили ихъ у Крушна, чтобы Россіи не повадно было вмѣшиваться въ наши домашнія дѣла... стрѣлять же изъ нихъ—конечно, не наше дѣло.

Это ли угнетеніе?

Я прожила много лѣтъ среди оттоманскаго населенія до и послѣ войны, а потому имѣю полное право сказать, что довольно хорошо изучила господствующія черты его національнаго характера.

На мирномъ положеніи, какъ гражданинъ своей родины—это самый уживчивый, терпѣливый и снисходительный народъ во всемъ мірѣ.

У турка необыкновенно развито чувство собственнаго достоинства и благородной гордости. Въ обращеніи онъ важенъ, серьезенъ, выражается вычурно и образно.

Въ житейскихъ сношеніяхъ безусловно честенъ, чему не мѣшало бы поучиться его ментору, просвѣщенному европейцу.

Ему чужды хитрость и коварство, присущія другимъ восточнымъ племенамъ. Если онъ не желаетъ быть откровеннымъ, то предпочтетъ лучше промолчать; но не станетъ лукавить и изворачиваться.

Вотъ почему онъ такой плохой дипломатъ и почему всегда будетъ жертвой хищнаго и лживаго иноплеменника.

Но самое удивительное и прекраснѣйшее свойство его души это—неизмѣнное постоянство и преданность тому, кто сдѣлалъ для него хоть что-нибудь хорошее и не обманулъ его довѣрія. Въ подобномъ случаѣ онъ становится другимъ въ полномъ значеніи этого слова: всегда безкорыстнымъ, благодарнымъ и неподкупнымъ ни за какія блага міра.

Добавьте къ этому еще несравненную деликатность и вѣжливость, а главное несокрушимую вѣрность данному слову и общанію.

— А рѣзня въ Болгаріи, избіеніе армянъ и прочіе ужасы на почвѣ религіознаго фанатизма?—спросите вы,—неужели проявленіе подобныхъ звѣрствъ не умаляетъ тѣхъ достоинствъ турецкаго народа, о которыхъ авторъ говоритъ съ такой симпатіей?

Вотъ вопросъ, который требуетъ отвѣта.

Турокъ, какимъ я его рисую, всецѣло таковъ до извѣстнаго предѣла, замѣтите это, а дальше онъ можетъ обратиться въ безпощаднаго звѣря.

Предѣлъ этотъ его религія и пророкъ Магометъ. Оскорбите святыню его и тогда не ждите отъ него ничего, кромѣ смерти.

Прослѣдивъ исторію избіенія христіанъ въ предѣлахъ азіатской Турціи, наталкиваешься поневолѣ на одинъ замѣчательный фактъ: прискорбныя событія эти всегда начинаются или съ греческихъ или, что еще чаще, съ армянскихъ, кварталовъ, и не было примѣровъ, по крайней мѣрѣ въ новѣйшей исторіи, чтобы колонисты западныхъ государствъ подвергались непосредственно, такъ сказать, въ первую голову, жестокой расправѣ со стороны исламитовъ—всегда кашу завариваютъ обязательно вышеуказанныя народности.

Я вывожу такое заключеніе не только по личнымъ наблюденіямъ, но и на основаніи историческихъ данныхъ и указаній аборигеновъ страны.

Греки и армяне отличаются особенной страстью дразнить магометанъ, прибѣгая для этого къ недостойнымъ приемамъ: насмѣшкамъ надъ религіозными обрядами, нравами, свободной критикѣ правилъ священнаго Корана и даже къ издѣвательствамъ надъ именемъ пророка.

Даже примѣры исторіи не научили ихъ благоразумію и, наперекоръ здравому смыслу, они ведутъ свою задорную политику.

О славянахъ можно сказать одно: что если бы они поменьше грызлись между собой, то имъ несравненно лучше жилось бы подъ игомъ полумѣсяца, чѣмъ въ нѣжныхъ объятіяхъ Австріи. Что же касается злодѣйствъ, совершенныхъ надъ болгарами, то надо винить здѣсь не фанатизмъ Ислама, а прежде всего недобросовѣстную политику нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, попустительствомъ которыхъ партія, руководившая сверженіемъ и убійствомъ султана Абдуль-Азиса, направляла для понятной теперь каждому цѣли свирѣпыя банды башибузуконъ на славянъ.

Теперь вернемся къ Кіамиль-пашѣ.

Г л а в а XI.

Я стояла на балконѣ и, всматриваясь въ перспективу бульвара, откуда надо было ожидать появленія губернатора, рисовала въ своемъ воображеніи картину изъ „Тысячи и одной ночи“: пашу въ раззолоченныхъ одеждахъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, окруженнаго пышной свитой.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось вѣрить, что въ дальнихъ провинціяхъ сатрапы живутъ такъ, какъ описывала ихъ Шехерезада въ своихъ сказкахъ. Но... разочарованіе не замедлило.

Сперва, какъ-то неожиданно, на поворотѣ къ нашему дому, показался турецкій солдатъ въ обыкновенной армейской формѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи шелъ, не торопясь, какой-то штатскій въ черномъ длинномъ сюртукѣ и фескѣ.

Даже по головному убору его я не догадалась, что это турокъ, такъ какъ на Востокѣ не только мѣстные жители, но даже пріѣзжіе иностранцы носятъ его, выходя на улицу.

Сперва я даже не обратила вниманія на этихъ людей, считая ихъ за прохожихъ изъ города; но вдругъ солдатъ подошелъ къ нашему парадному ходу и постучалъ въ дверь, которую тотчасъ открылъ кавасъ консульства.

Господинъ въ фескѣ тоже остановился. Замѣтивъ меня на балконѣ, онъ сдѣлалъ обычный жестъ пріѣтствія у мусульманъ и вошелъ въ домъ.

Заинтересованная, я, немного погодя, вернулась въ комнаты и увидѣла въ пріемной скромнаго незнакомца. Пока онъ обмѣнивался рукопожатіями съ моими родными, мнѣ удалось рассмотреть его: средняго роста, худошавый, съ легкой просѣдью на вискахъ и съ чрезвычайно застѣнчивымъ выраженіемъ лица. При этомъ неизвѣстный говорилъ такимъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, что съ того мѣста, гдѣ я стояла, рѣшительно ничего нельзя было разобрать изъ его словъ.

— Monseigneur, позвольте представить вамъ мою племянницу,— обратился къ нему дядя по-французски, и я присѣла передъ Кіамиль-пашой.

— Такъ вотъ какіе восточные сатрапы,—съ огорченіемъ подумала я,—ни расшитаго мундира, ни одной звѣзды и ходитъ пѣшкомъ съ визитами! Ну, конечно, у насъ въ Россіи губернаторъ пріѣхалъ бы въ каретѣ, въ орденахъ, а это ужъ слишкомъ мизерно. И какъ теперь въ письмахъ на родину изображу я турецкаго вельможу? Нѣтъ! обязательно надо написать, что онъ явился къ намъ въ пурпуровомъ плащѣ, осыпанномъ брилліантами, въ бѣлой чалмѣ съ огромнымъ султаномъ изъ рубиновъ, и верхомъ на арабскомъ скакунѣ въ золотомъ сѣдлѣ,—рѣшила я безповоротно.

А между тѣмъ, Кіамиль-паша, стоя передо мною, почти шопотомъ что-то говорилъ, оглядываясь по сторонамъ. Таковъ турецкій этикетъ: обращаясь къ женщинѣ, не принято смотрѣть ей въ лицо.

Хотя съ трудомъ, но все-таки можно было понять, что губернаторъ поздравлялъ меня съ прибытіемъ на территорію падишаха, желалъ мнѣ всякихъ благъ въ жизни и съ благословенія Аллаха, какъ можно больше „располюбить въ тѣлѣ“, на что онъ, молъ, и надѣется.

Послѣднее, сказанное болѣе ясно, чѣмъ предъидущее, очень не понравилось мнѣ. Я даже разсердилась и хотѣла возразить гостю, что ничѣмъ не заслужила съ его стороны такого негуманнаго пожеланія, такъ какъ мой идеалъ красоты олицетворялъ собой мертвенно блѣдную и тощую-претощую фигуру, для чего мы въ Институтѣ ѣли мѣлъ и покупали тайно отъ классныхъ дамъ уксусъ.

Но Кіамиль-паша былъ уже на другомъ концѣ комнаты, о чемъ-то тихо бесѣдуя съ дядей.

— Конечно,—размышляю я дальше,—мужчина, да еще турокъ едва-ли можетъ имѣть правильное понятіе о красотѣ—надо непременно разъяснить ему, въ чемъ дѣло,—и я смѣло направилась къ гостю.

— Уходи отсюда и не мѣшай намъ,—говорить дядя, досадливо махнувъ рукой.

Иду въ столовую, гдѣ Магіе занята приготовленіемъ кофе, и начинаю толковать ей о прелести худощавой фигуры.

— Ахъ, вздоръ какой!—перебиваетъ она и слѣшитъ обратно въ пріемную.

Немного спустя меня позвали, такъ какъ его превосходительство уже прощался.

Раскланиваясь, Кіамиль-паша съ милой, застѣнчивой улыбкой проговорилъ, что черезъ мѣсяць, не позже, вернется изъ путешествія на родину гаремъ его, т. е. жена съ дѣтьми и старшей дочерью Элиме, которая, какъ думаетъ онъ, замѣнитъ мнѣ сестру и подругу.

Я сердечно поблагодарила. Но прежде чѣмъ выйти на площадку лѣтницы, онъ остановился и довольно громко на этотъ разъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „Желаю вамъ, mademoiselle, полнѣть и полнѣть въ нашемъ благодатномъ климатѣ, и да благословитъ васъ Аллахъ!“

Такая недостойная, по моему мнѣнію, выходка со стороны образованнаго человѣка окончательно уронила его въ глазахъ моихъ: я хотѣла возразить что-то; но слова ускользнули отъ меня.

Когда я опомнилась, то гость нашъ былъ уже внизу. Проводивъ губернатора, мы усѣлись обѣдать.

— Ну, какъ? понравился тебѣ Кіамиль-паша?—спрашиваетъ дядя,—не правда ли, пресимпатичная личность?

— Ахъ, такой противный и невѣжа!—съ досадой отвѣчаю я,—и еще вздумалъ издѣваться надо мной. Мнѣ столько наговорили о деликатности турокъ, а на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то!..

— Чѣмъ не угодилъ тебѣ нашъ милѣйшій паша?—удивляются родные—ты, кажется, бредишь: ничего подобнаго мы не замѣтили и ничего не понимаемъ!

Тогда въ сбивчивыхъ выраженіяхъ я принялась доказывать, что въ Институтѣ красивыми считались худыя, а не толстыя.

— Такъ изъ чего же ты волнуешься?—спрашиваетъ дядя,—фигура у тебя тонкая, воздушная, прекрасный цвѣтъ лица, красивая наружность, которая всѣмъ очень нравится. Въ Смирнѣ и здѣсь, какъ мнѣ говорили, тебя называютъ „прекрасной розой Сибири“—чего же тебѣ еще надо?

— Въ Хіосѣ, кажется, всѣ полнѣютъ?—боязливо спрашиваю я.

— Есть о чемъ толковать,—смѣется Магіе,—сегодня ты говоришь однѣ глупости,—добавляетъ она и выражаетъ желаніе поскорѣе узнать отъ мужа, подробности и результатъ бесѣды его съ Кіамиль-нашой по поводу извѣстнаго имъ дѣла.

Вспоминая минувшее на закатѣ жизни моей, я думаю, что теперь можно, не стѣсняясь, говорить о своей наружности въ юные годы и никто, вѣроятно, не обвинитъ меня въ самомнѣніи.

Такъ какъ главная героиня этой правдивой повѣсти я сама, то мнѣ и приходится самой же описывать свою внѣшность.

У меня была, дѣйствительно, какъ и сказалъ дядя, тонкая фигура, свѣтло-каштановые волосы и, по единодушному утвержденію всѣхъ, красивыя черты лица и очень интересные глаза.

Одни сравнивали ихъ съ морской волной, другіе съ небомъ, смотря потому, что каждому нравилось больше. Но правильною линіей и профилю мудрено поразить кого-либо на Востокѣ, въ особенности въ Смирнѣ, гдѣ отъ смѣшанныхъ браковъ разнообразныхъ національностей получаютъ замѣчательные типы идеальныхъ красавицъ, до которыхъ мнѣ было очень далеко. Но несмотря на такія повидимому неблагопріятныя условія, я все-таки пользовалась тамъ прямо колоссальнымъ успѣхомъ.

Весь секретъ послѣдняго заключался въ удивительной бѣлизнѣ и свѣжести густого румянца моего лица.

Въ странѣ смуглянокъ это производило большой эффектъ. Съ перваго же момента моего появленія въ Смирнѣ и Хіосѣ мнѣ дали прозвище „прекрасной розы Сибири“. Свѣтскіе хроникеры европейской прессы, описывая особу мою на другой день какого-нибудь вечера или раута, сохраняли за мной ту же кличку.

Въ началѣ я недоумѣвала и спрашивала многихъ, почему всѣ считаютъ меня сибирячкой, тогда какъ я уроженка Орловской губерніи? На это мнѣ давали одинъ и тотъ же отвѣтъ, что Россія и Сибирь—понятія равнозначущія.

Г л а в а XII.

Въ продолженіе обѣда-супруги толковали о Кіамиль-пашѣ.

Я все время вслушивалась въ ихъ разговоръ и, такимъ образомъ, узнала много интереснаго о немъ.

Въ сказанный моментъ губернаторъ Хіоса считалъ себя какъ бы въ изгнаніи и ожидалъ лучшаго назначенія. Онъ не разъ просилъ дядю моего посодѣйствовать ему въ этомъ направленіи черезъ нашего посла передъ султаномъ Абдуль-Азисомъ. Вліяніе Н. П. Игнатьева считали тогда неотразимымъ—достаточно сказать, что народная молва дала ему прозвище „Московъ-султана“, а самому Абдуль-Азису—„Московъ-визира“.

Въ семьѣ Кіамиль-паши мнѣ не разъ приходилось слышать о причинѣ „не милости“ къ нему. Дѣло въ томъ, что раньше онъ былъ губернаторомъ въ Іерусалимѣ, гдѣ однажды вспыхнуло кровавое столкновение на религіозной почвѣ между арабами-христіанами и турками. Зачинщиками, по обыкновенію, были первые; но по настоянію державъ пашу смѣстили, хотя дали въ послѣдствіи пашалыкъ Хіоса, губернаторскій окладъ котораго былъ не великъ, а посторонними доходами, т. е. взятками и подачками населенія, этотъ симпатичный человѣкъ гнушался. Послѣдній всегда былъ дѣйствительно, честнымъ и безкорыстнымъ администраторомъ, котораго, быть можетъ, потому и не долюбливали нѣкоторые сановники Высокой Порты за то, что онъ не бралъ бахчишей и другимъ ихъ не давалъ—отсюда его непопулярность въ правительственныхъ сферахъ.

А время то было хроническаго обнищенія оттоманской казны, когда чиновникамъ и войскамъ не платили по нѣсколько мѣсяцевъ жалованье—поневолю приходилось жить поборами и вымогательствами съ жителей.

Но Кіамиль-паша былъ не изъ числа такихъ, а чтобы выпутаться изъ невыносимой задолженности, онъ предпочелъ прибѣгнуть къ помощи вліятельнаго посла черезъ русскаго консула.

— Однако, какъ это странно!—подумаетъ иной читатель,—почему турецкому пашѣ понадобилась протекція русскихъ дипломатовъ для повышенія по службѣ, когда, чего проще было бы, обратиться за тѣмъ же къ своему начальству, а еще лучше къ всеильной вездѣ Англіи?

Вопросъ этотъ логиченъ и заслуживаетъ отвѣта.

Послѣдніе годы передъ войной съ Турціей были эпохой могучаго вліянія русскаго имени на берегахъ Босфора и даже казалось, что блескъ англійскаго золота не могъ затмить ореола нашего величія.

Передъ богатствомъ Альбіона преклонялись и заискивали; но военная мощь Россіи внушала страхъ и трепетъ обитателямъ Долма-Бахче—отсюда и тяготѣніе въ нашу сторону.

Такъ продолжалось до паденія Абдуль-Азиса, котораго наша соперница Англія устранила съ своего пути и перенесла центръ политики сперва въ Чираганъ къ Мураду V, а потомъ въ Ильдизъ-Кіоскъ къ Абдуль-Гамиду.

Урону нашего могущества въ странѣ полумѣсяца не мало поспособствовали прежде всего Мидхатъ-паша, убѣжденный недоброжелатель славянъ, а также духовенство съ своими шумными, безпкойными софтами. Такимъ именемъ называются воспитанники высшихъ мусульманскихъ школъ. Тогда они приобрѣли довольно сильное политическое значеніе и, не стѣсняясь, разжигали народный фанатизмъ противъ Россіи.

И вотъ, когда при благосклонномъ участіи творца первой конституціи, Абдуль-Азисъ, сидя въ горячей ваннѣ, перерѣзалъ себѣ пульсовыя вены ножницами изъ „англійской стали“, съ того момента и нашъ великолѣпный престижъ утонулъ въ крови злополучнаго падишаха.

Подробности сверженія одного султана за другимъ я расскажу послѣ, а теперь возвращаюсь къ прерванному повѣствованію.

Изъ разговора моихъ родныхъ между собой я узнала также, что гость нашъ остался очень доволенъ результатомъ свиданія дяди съ генераломъ Игнатьевымъ, такъ такъ послѣдній общалъ попросить своего пріятели великаго визиря Махмудъ Недима перевести Кіамиль-пашу въ прежній пашалыкъ Іерусалима съ болѣе высокимъ окладомъ, чѣмъ въ Хіосѣ.

Что денежныя дѣла губернатора были въ плачевномъ состояніи, въ этомъ я убѣдилась лично, благодаря частнымъ свиданіямъ моимъ съ его гаремомъ.

Въ началѣ меня поражало такое открытіе, такъ какъ привыкла думать, что турецкіе паши живутъ въ обстановкѣ ослѣпительной роскоши, какъ изображены они въ сказкахъ Шехерезады и романахъ Александра Дюма. Гаремъ Кіамиль-паши былъ не изъ многочисленныхъ: единственная законная жена, молоденькая сирійская арабка, дочь отъ перваго брака на 3 года старше своей мачихи и маленькій сынъ Саидъ.

Двѣ купленныя невольницы дополняли семью.

Я говорю „семью“, потому что оно такъ и есть въ дѣйствительности. Положеніе невольницъ въ Турціи очень завидное, по сравненію съ таковымъ у другихъ восточныхъ народовъ. Съ ними обходятся добродушно и считаютъ ихъ домашними людьми. Онѣ исполняютъ обязанности прислуги и, по волѣ господина ихъ, побочныхъ женъ его. Дѣти рабынь считаются законными.

Исламъ разрѣшаетъ правовѣрнымъ полигамію; но не болѣе 4 законныхъ женъ; что же касается наложницъ, то позволяется имѣть ихъ неограниченное число.

Положеніе женщины въ мусульманскомъ обществѣ, обязанности главы дома, какъ по отношенію законной жены, такъ и рабынь его, до мельчайшей подробности опредѣлены Кораномъ.

Такъ, напримѣръ, по религіозному правилу, мужъ долженъ каждую законную жену, если таковыхъ у него нѣсколько, окружить опредѣленнымъ штатомъ невольницъ. Понятно, что подобная роскошь доступна только очень богатымъ людямъ.

За исключеніемъ султана, у всѣхъ, даже знатныхъ турокъ, принято имѣть одну жену и небольшое количество наложницъ.

Такое положеніе вещей создано само собой вслѣдствіе бѣдности этого народа.

Г л а в а XIII.

Слѣдующіе дни были заняты отдачей визитовъ дамамъ греческаго и католическаго кварталовъ города.

Посѣщенія эти казались мнѣ невыносимо скучными и безцѣльными: ново-греческому жаргону я еще не успѣла научиться. Переводчицей поневолѣ служила Marie, а молодыя дѣвицы объяснялись со мной при помощи выразительной мимики, повторяя неизмѣнно: „о! русск! карошъ русск!“ На помощь всегда являлось традиціонное угощеніе: кофе и варенье.

Разнообразіе послѣдняго было поразительно: въ одномъ домѣ подадутъ его, напримѣръ, изъ цвѣтовъ померанца и свѣжихъ орѣховъ; въ другомъ изъ банановъ и моркови; въ третьемъ изъ мастики, гороховыхъ стручковъ, помидоръ и т. д. до безконечности.

Въ католическомъ или левантинскомъ кварталѣ дѣло обстояло нѣсколько лучше. Тамъ можно было встрѣтить лицъ, умѣющихъ, хотя и плохо, связать нѣсколько словъ по-французски. Кромѣ того въ общество дамъ допускались и мужчины, что совсѣмъ не принято было въ греческихъ домахъ во время церемоніи визитовъ.

Общественной жизни совсѣмъ не было въ Хіосѣ.

Патріархальность нравовъ доведена тамъ до абсурда: такъ, напримѣръ, танцовать дамѣ въ публичномъ собраніи—поступокъ прямо позорный. Можно позволить себѣ это невинное развлеченіе, но не иначе, какъ въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ и друзей.

О театрахъ хіостянки не имѣли и приблизительнаго понятія, такъ какъ таковаго съ самаго сотворенія міра не существовало въ этомъ уголкѣ земнаго шара.

О Смирнѣ и другихъ портовыхъ городахъ говорили, какъ о Содомѣ и Гоморѣ. Почти всѣ островитянки со дня рожденія и до смерти не выѣзжали на материкъ, и для нихъ онъ былъ почти то же, что для насъ сѣверный полюсъ. Зато о парижскихъ модахъ онѣ имѣли самое ясное и опредѣленное понятіе.

Все сказанное относится, конечно, къ женской части населенія, такъ какъ у другой половины его строй жизни нѣсколько иной.

Мужчины ведутъ обширную вывозную торговлю со всѣми странами свѣта и часто покидаютъ семейные очаги, скитаясь годами вдали отъ родныхъ береговъ, оставляя женамъ заботы по хозяйству на своихъ обширныхъ плантаціяхъ.

Тамъ, на чужбинѣ они пользуются всѣми благами цивилизаціи; но, возвращаясь къ себѣ, остаются по-прежнему убѣжденными противниками общественной жизни для женщины.

Ни одинъ грекъ бывало не выйдетъ на прогулку вмѣстѣ съ женой или дочерью: это считалось у нихъ неблагопристойно и роняло достоинство мужчины.

Отъ семьи онъ всегда далекъ. Все время его заполнено посѣщеніями клуба, кофеенъ, биржи, а домъ служить ему для ночлега.

Такое совершенно одинаковое міровозрѣніе грека и турка легко находятъ себѣ объясненіе въ вѣковомъ сожителствѣ обоихъ.

Единственнымъ развлеченіемъ хіотянъ были ежедневныя прогулки вдоль сѣверо-западнаго берега бухты, откуда виденъ ясно Мало-Азіатскій берегъ весь въ лиловыхъ краскахъ заката. И мы также отправлялись туда посмотрѣть на общество и послушать оркестръ бродячей труппы испанцевъ съ ихъ мандолинами и кастаньетами; нѣжныя аккорды плѣнительно звучали, сливаясь съ тихимъ шелестомъ волнъ, навѣянныхъ легкимъ вѣтеркомъ. Большинство гуляющихъ гречанки, жены мѣстныхъ коммерсантовъ: ихъ туалеты послѣдній крикъ моды; въ Парижѣ еще не успѣютъ присмотрѣться къ новымъ моделямъ, а ужъ хіосскія франтихи щеголяютъ въ нихъ.

Но вотъ съ темнѣющаго небосклона быстро спускается внизъ чернѣйшій покровъ ночи и скрываетъ отъ взоровъ прелестныя декораціи угасшаго дня. Пора домой—намъ близко, а горожане зажигаютъ цвѣтные фонарики и группами уходятъ—картина напоминаетъ возвращеніе у насъ съ пасхальной заутрени.

Г л а в а XIV.

Однажды прогуливаясь по берегу моря, мы зашли довольно далеко и присѣли отдохнуть у подножія большой скалы. Какъ вдругъ совершенно неожиданно изъ-за выступа ея показался Селимъ Тафти бей, видимо возвращаясь откуда-то и, замѣтивъ насъ, остановился, любезно поздоровался съ моими родными, а мнѣ неохотно подаль руку; но тѣмъ не менѣе, присоединился къ нашей компаніи. Все время онъ дѣлалъ видъ, что даже не подозреваетъ о моемъ существованіи.

Я съ любопытствомъ разсматривала этого интереснаго юношу, съ біографіей котораго Marie познакомила меня раньше.

По слухамъ характеръ у него былъ ужасный; о его обращеніи съ женой рассказывали чудовищныя вещи. Почти мальчикомъ онъ уже былъ женатъ по выбору родителей своихъ на дѣвушкѣ, которую увидѣлъ впервые съ открытымъ лицомъ послѣ обряда вѣнчанія. Жена не понравилась ему съ перваго момента; но, какъ добрый мусульманинъ и послушный сынъ, онъ подчинился неизбежному и старался жить съ ней въ мирѣ и согласіи. Такъ продолжалось до поѣздки за границу, куда отправили его, по примѣру всѣхъ состоятельныхъ турокъ, для высшаго образованія.

Вернулся онъ оттуда уже съ иными требованіями сердца. Жена сразу стала ненавистной, а семейное сожителство ихъ превратилось въ адъ.

Намѣреніе его было немедленно развестись съ ней; но здѣсь онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе отца, человѣка стараго закала и фанатика. Проклиная судьбу и негодуя, пылкій просвѣщенный турокъ, но вѣрный завѣтамъ Ислама, смирился передъ непреклонной волей родителя.

Въ сказанное время Тафти-бею было всего 24 года, хотя на видъ ему казалось немного больше, какъ и всякому уроженцу Востока.

Это былъ статный, худощавый брюнетъ, довольно высокаго роста, съ лѣнивыми движеніями, всегда угрюмый и задумчивый.

Когда онъ молчалъ, то блѣдное, какъ алебастръ, лицо его принимало скорбное выраженіе затаеннаго страданія; но стоило ему заговорить, и весь обликъ мгновенно измѣнялся: между тонкими бровями появлялась глубокая складка на лбу, въ черныхъ, мерцающихъ стальнымъ блескомъ глазахъ, загорался недобрый огонекъ, а около рта, отгѣненнаго небольшими усиками, змѣилась презрительная усмѣшка. Мнѣ становилось очень жутко въ такихъ случаяхъ, и я всегда боялась его, даже и тогда, когда, бывало, сжимая меня до боли въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, онъ шепталъ слова пламенной любви....

— Тетя!—обратилась я къ Магіе по-русски, чтобы не быть понятой Тафти-беемъ,—правда, что турки женятся иногда на христіанкахъ?

— Конечно, правда, — подтвердила она, — я лично знаю множество примѣровъ такихъ браковъ. — Исламъ не ставитъ къ тому никакихъ препятствій.

— Неужели?—удивилась я, — ну, и что же? несчастныхъ женщинъ вѣроятнo мучать, насильно обращаютъ въ магометанство?

— Ничего подобнаго не приходилось слышать—возразила она,—если бы было такъ, то никто и не выходилъ бы за нихъ замужъ—вѣдь дѣлается все это съ обоюднаго согласія. Въ первую же нашу

поѣздки въ Смирну я познакомлю тебя съ интересной парочкой: мужъ, Юзуфъ-Иветъ-Эфенди—мусульманинъ, жена—француженка-католичка. Живутъ такъ, какъ дай Богъ всякому. Эфенди, о которомъ я говорю,—продолжала Marie, — недавно переведенъ отсюда. Это бывший комендантъ крѣпости, а бей—указала она глазами на Селимъ Тафти,—состоялъ тогда при немъ адъютантомъ.

Знакомое имя достигло, повидимому, до слуха послѣдняго, такъ какъ онъ мгновенно повернулъ лицо въ сторону Marie и въ изысканныхъ выраженіяхъ, извиняясь за вмѣшательство въ разговоръ, попросилъ перевести ему то, что касалось бывшего его начальника.

Застигнутая врасплохъ, тетя моя отвѣтила ему.—Племянница спрашиваетъ, правда ли, что турки женятся иногда на христіанкахъ, и я указала ей на счастливый примѣръ....

— Merci, madame Darivo,—поспѣшно перебилъ онъ и медленно, не глядя на меня, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Mademoiselle, конечно, удивлена и считаетъ подобный бракъ невозможнымъ?

— Ахъ, нѣтъ! напротивъ.... не сомнѣваюсь,—порывисто начала я; но вдругъ остановилась, не зная, что еще сказать, и поскорѣе отвернулась, чтобы не видѣть насмѣшливой улыбки, которая уже играла на губахъ его.

День клонился къ закату. Багровое свѣтло величаво опускалось за вершины Тавра и бросало утомленной зноемъ землѣ свои разноцвѣтные лучи. На голубой скатерти моря засверкали переливы радуги, а склоны горъ приодѣлись въ розовыя и фіолетовыя дымки.

Прислушиваясь къ тихому плеску волнъ, мы нѣкоторое время молчали, задумчиво любясь роскошной панорамой.

Вдругъ я почувствовала какую-то странную неловкость, машинально оглянулась и встрѣтилась съ мрачными, огненными глазами, которые съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ меня.

Я вздрогнула и почувствовала, какъ холодокъ пробѣжалъ по мнѣ. Жгучая краска стала заливать мнѣ лицо, а на сердцѣ задрожало что-то непонятное. Стараясь овладѣть собой, я поспѣшно встала и сошла со скалы, дѣлая видъ, что очень интересуюсь собираніемъ раковинъ.

— Боже мой!—думала я съ тоской,—что подумаетъ этотъ странный человѣкъ, и отчего я такъ робѣю передъ нимъ? Нѣтъ! надо непременно доказать ему, что для меня онъ ничто. А какъ хорошъ,—мелькнуло тутъ же,—но что изъ того? насъ раздѣляетъ бездна,—и мнѣ стало невыносимо тяжело.

Въ эту минуту недалеко отъ берега плылъ кайкъ. Селимъ Тафти махнулъ платкомъ и сталъ прощаться. Я съ трепетомъ

ждала его приближенія. Онъ спокойно подошелъ, слегка коснулся руки моей и церемонно раскланялся. Вслѣдъ затѣмъ сѣлъ въ лодочку и, не оглядываясь, направился къ цитадели.

— Однако, въ-время удраль,—расхохотался дядя, указывая на дорогу, которая вилась по откосу высокой горы,—посмотри, вотъ и богомольцы возвращаются изъ монастыря дервишей. Воображаю его смущеніе,—продолжалъ онъ, уже обращаясь ко мнѣ,—если бы старые турки увидѣли его въ обществѣ дамъ, да еще въ часы, когда правовѣрные собираются въ мечети—завтра вѣдь пятница, и сейчасъ зажгутъ огни на минаретахъ.

Я порадовалась въ душѣ, что красавецъ былъ уже далеко; но, слѣдуя за дальнѣйшимъ теченіемъ своихъ мыслей, неожиданно для самой себя, проговорила вслухъ:

„Я ненавижу его!“

„Кого это?“ — удивились родные и, улыбаясь, переглянулись между собой.

— Да его, Манфреда въ турецкомъ мундирѣ, краснѣя и заикаясь, сказала я.

Добрѣмъ дядя такъ и покатился отъ смѣха:

— За что, душа моя? Красавецъ-то врѣзался въ тебя по уши! не правда ли, Магіе? ты видѣла, какими пламенными взглядами обдавалъ онъ прекрасную племянницу нашу? Я все время наблюдалъ за нимъ,—хочешь, скажу, о чемъ бей спрашивалъ меня?—Уноризненный взглядъ жены былъ отвѣтомъ на вопросъ его: она заговорила по-гречески, и по тону голоса я догадалась, что ему порядочно досталось отъ нея.

— Но, дорогая моя, что же тутъ дурного?—возразилъ по-французски сконфуженный супругъ,—почему не потѣшить дѣвочку? зато похвалится въ письмахъ на родину интересной побѣдой—только и всего!..

— Такими вещами не шутятъ,—перебила она и, обращаясь ко мнѣ, продолжала:

„Запомни разъ навсегда, Женья, что взяли мы тебя совѣмъ не для того, чтобы ты увлеклась турками и въ концѣ концовъ попала бы въ гаремъ! Я постараюсь замѣнить тебѣ мать и не возьму такой отвѣтственности на свою совѣсть“.

— Тетя!—не безъ лукавства начала я,—вы только-что сами отзывались симпатично о бракахъ магометанъ съ иностранками—почему же мнѣ нельзя?..

— Да, но только не съ русскими—по законамъ вашей страны это недопустимо, и если бы что-либо подобное случилось, то и мы вмѣстѣ съ тобой подвергаемся суровой карѣ!..

— А помнишь исторію женитьбы Шаккеръ-бея въ Бейрутѣ,—отозвался вновь дядя,—вѣдь и та была русская и положеніе почти одинаковое, какъ и здѣсь... Онъ же укралъ ее и увезъ въ Македонію. Ну, пошумѣли, пошумѣли и оставили ихъ въ покоѣ.

— Ахъ, какъ интересно!—подумала я съ замираніемъ сердца—надо имѣть это въ виду на всякій случай: быть похищенной—что можетъ быть поэтичнѣй?!

Но Магіе окончательно разсердилась за неумѣстную откровенность мужа, и греческій языкъ опять былъ пущенъ въ ходъ...

Мы еще не добрались до дому, какъ спустилась ночь, черная и душная. Луны не было: но въ густой синевѣ невѣдомыхъ высотъ мириады звѣздъ уже зажгли свои золотыя лампадки и привѣтливо мигали оттуда уснушему морю и засыпающей землѣ.

Вдругъ съ неба сорвалась звѣздочка, покатилаcь огненной полоской и утонула въ пучинѣ водъ.

Я шла и думала: „завтра же улучу минутку, сойду внизъ въ кабинетъ дяди — онъ не такъ строго смотритъ на вещи, какъ тетка,—и упрошу его рассказать мнѣ, о чемъ Селимъ Тафти бесѣдовалъ съ нимъ, а также хорошенько разузнаю о подробностяхъ похищенія Шаккеръ-беемъ своей невѣсты.

Меня очень озабочивалъ вопросъ: какъ все это устроилось? черезъ окно по веревочной лѣстницѣ, что было бы желательнѣй всего или еще инымъ способомъ?

— На всякій случай надо все сообразить,—увѣряла я себя,—мало ли что можетъ случиться внослѣдствіи со мной... И тутъ же тайный голосъ помимо воли шепталъ мнѣ совсѣмъ другое: „Красивъ, бесспорно; но все-таки азіать. Даже турки, его сородичи, утверждаютъ, что характеръ у него крайне жестокий. А гаремъ, невольницы, евнухи?.. наконецъ, кожаный мѣшокъ?.. ббрр...“ И картины изъ романа „Тайны гаремовъ“ воскресали передо мной.

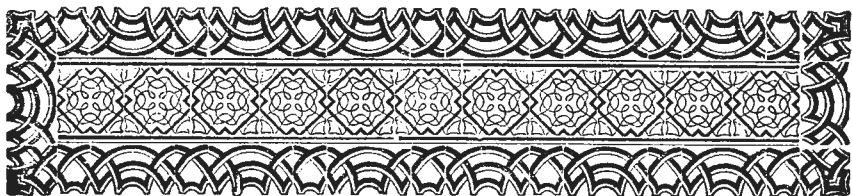
— Нѣтъ! — размышляла я дальше,—слишкомъ дорогой цѣной придется, пожалуй, расплачиваться за удовольствіе убѣжать черезъ окно! Богъ съ нимъ съ его красотой—лучше буду слѣдовать совѣтамъ Магіе и постараюсь не обращать на него вниманія.

Съ такими благими намѣреніями я вошла въ домъ, помолилась и легла спать.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

ень клонился къ вечеру и стрѣльба начала мало по малу затихать. Шрапнели, шимозы уже рѣже разсѣкали воздухъ; казалось, что и сами пушки уже устали горланить и извергать эти смертоносные снаряды. Ружейная перестрѣлка также затихала. Видимо и люди истра­тили уже весь запасъ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ. На полѣ уже не было того спѣшнаго и лихорадочнаго движенія, которое замѣчалось здѣсь въ теченіе прошедшаго дня; всѣ тѣ люди, которые двигались по этому полю на подобіе суетливо ползающихъ муравьевъ, теперь куда-то попрятались и одни только мертвецы всюду валялись въ разныхъ позахъ, неподвижные и безстрашные.

Наконецъ стемнѣло. Всѣ вздохнули свободнѣе, стараясь отбросить отъ себя воспоминаніе этого тяжелаго дня 16 февраля. Впрочемъ, правду сказать: воспоминанія эти не особенно тревожили мозгъ и если и мелькали, то въ видѣ каквхъ-то не ясныхъ и не опредѣленныхъ фантомовъ; это, конечно, къ счастью, иначе человѣкъ навѣрно сошелъ бы съ ума, если бы тотчасъ же послѣ боя онъ могъ бы охватить все пережитое съ полною ясностью и рельефностью. Эта ясность является уже впослѣдствіи, когда мозгъ успокоится и сдѣлается снова способнымъ отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ томъ, что было испытано. Тогда передъ человѣкомъ проходятъ съ поразительною ясностью всѣ пережитыя имъ сцены и картины, но въ данномъ случаѣ приходитъ на помощь то, что принято называть холоднымъ разсудкомъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1910 г.

Когда уже окончательно стемнѣло, то непріятель началъ изрѣдка бросать свои шимозы куда-то далеко-далеко—въ нашъ тылъ. Онѣ пролетали надъ нашими головами какъ-то таинственно шурча, гдѣ-то высоко въ темнотѣ ночи и, падая версты за двѣ за нами, глухо взрывались. Это были послѣдніе замирающіе аккорды музыки боя. Помню еще, что черезъ каждыя пять или десять минутъ впереди насъ рвалась шрапнель; она рвалась какъ-то глупо и безцѣльно, нарушая тишину визгомъ разлетающихся пуль. Очевидно, японцы не желали дать намъ отдыха и пускали къ намъ эти снаряды, чтобы хоть чѣмъ-нибудь тревожить уставшихъ людей.

Получилась записка, въ которой было сказано, что нашъ полкъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, и что насъ отведутъ въ резервъ на отдыхъ. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а смѣны намъ все не дали. Впередъ шаговъ на 200 мы выслали секреты и начали ждать съ нетерпѣніемъ смѣны.

Людей нужно было накормить и дать имъ отдыхъ. Наконецъ получилась вторая записка, которая насъ немного разочаровала: въ ней было сказано, что смѣны намъ не будетъ, а вмѣсто таковой къ намъ на усиленіе придетъ другой полкъ, и ту позицію, которую мы занимали одни, предполагалось раздѣлить на два участка между двумя полками.

Непріятны эти многія „пятницы“ на одной недѣлѣ, но въ военное время избѣжать этого почти невозможно, хотя правду надо сказать, что мы и не особенно-то старались этого избѣгать, и этотъ недочетъ проходить красной нитью въ теченіе всего періода этой злополучной войны.

Подвезли кухни, и роты поочередно начали обѣдать. Офицерамъ также принесли поѣсть, и вскорѣ всѣ насытились, на сколько можно было насытиться, и рассчитывали хотя немного вздремнуть, если только можно было вздремнуть здѣсь на позиціи, носъ къ носу съ непріателемъ. Часовъ въ 11 наши охотники отправились на развѣдки въ Безымянной. Они рассказывали потомъ, что, подойдя къ деревнѣ, слышали громкіе стоны раненыхъ; слышали также, какъ отъѣзжали и пріѣзжали какія-то повозки—вѣроятно, за ранеными; затѣмъ гдѣ-то въ темнотѣ позади Безымянной непріятель усиленно занимался саперными работами; въ морозномъ воздухѣ отчетливо было слышно, какъ стучало множество кирокъ объ твердую почву.

Вѣроятно, непріятель старался какъ можно скорѣе укрѣпить деревню и возвести окопы для пулеметовъ, изъ которыхъ завтра онъ могъ бы начать обстрѣливать насъ съ близкаго разстоянія. Можно было предположить, что японцы не постѣсняются построить

окопы и для артиллеріи и поставивъ въ нихъ нѣсколько орудій, начнутъ громить насъ съ близкаго разстоянія.

Пока-то нашей артиллеріи удастся нащупать эти орудія и заставить ихъ замолчать—сколько вреда они намъ могутъ принести. Японцы не придерживались по отношенію своей артиллеріи тѣхъ принциповъ, которые вкоренились у насъ: по нашему уставу—потерять орудіе — это значитъ покрыть позоромъ ту пѣхотную часть, которая прикрываетъ артиллерію. Въ силу такого установившагося взгляда, мы все время боялись выдвигать наши пушки впередъ, а всегда держали ихъ далеко позади дерущейся пѣхоты. Конечно и нѣтъ надобности слишкомъ бравировать въ этомъ отношеніи, но случая, когда рисковать потерю орудій ради пользы дѣла, вполне возможны на войнѣ и, повидимому, слѣдовало бы измѣнить намъ это рутинерство по отношенію обереганія артиллеріи.

Подойдя къ Безымянной, охотники дали нѣсколько дружныхъ залповъ по непріятелю, главнымъ образомъ по направленію его саперныхъ работъ, и въ отвѣтъ на это посыпался въ нашу сторону градъ пуль, которыя какъ слѣпыя и безумныя начали летать по всѣмъ направленіямъ, громко шлепаясь о глиняныя стѣнки.

Солдаты недовольно ворчали. Какая теперь ночью стрѣльба, зря только людей тревожатъ, и изнервничавшіеся люди вдругъ начали бранить нашихъ охотниковъ, говоря, что они только будоражатъ безъ толку людей, блуждая безъ всякой цѣли по ночамъ. „Сколько ни ходили, покуда здѣсь въ окопахъ стояли, а кой прокъ съ ихъ походовъ вышелъ; все это ни къ чему, одно озорство да баловство“. Нужно было на комъ-нибудь сорвать чувство досады, явившееся вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія и безъ того измочаленныхъ нервовъ—и вотъ теперь на комъ же было сорвать эту досаду, какъ не на молодцахъ-охотникахъ.

„Отступаемъ, отступаемъ; приказано отступать“, тихо начали говорить солдаты часовъ около 12 ночи; „куда и сами не знаютъ; сказываютъ, что на сѣверъ идемъ, а куда—неизвѣстно“. И чѣмъ больше распространялась эта вѣсть, тѣмъ сильнѣе люди начинали волноваться и нервничать. Сказываютъ, что полкъ съ зарѣчной стороны уже уходитъ, а за нимъ и мы должны отходить. Прибѣжалъ какой-то солдатъ и сообщил таинственно, что первый баталіонъ, который стоялъ въ резервѣ, тоже уходитъ; этотъ же солдатъ добавилъ, что всѣ тѣ войска, которыя стояли сзади насъ, уже давнымъ давно ушли, и что мы остались чуть ли не одни передъ самымъ носомъ японцевъ. Удивительно, какъ люди бываютъ въ состояніи фантазировать въ это время. Тотъ солдатъ, который это говорилъ, конечно самъ ничего подобнаго не видѣлъ, и ему все это передалъ какой-

нибудь вредный фантазеръ, но онъ сразу всему повѣрилъ и успѣлъ заразить этой вѣрой и другихъ. „Что зря пустяки-то болтаешь“, прикрикнувъ на него какой-то молодецъ унтеръ, но зерно сомнѣнія было уже брошено и заставить умолкнуть чувство, близко подходящее къ паникѣ въ сердцахъ наиболѣе робкихъ людей, было уже невозможно.

— Дай-то, Господи, благополучно уйти, слышались тяжелые вздохи.

— Ишь пальбу полуночники затѣяли, только народъ зря перебыють.

— Теперь коли ранюютъ, такъ тутъ, значить, и оставайся—подыхай, потому—темно, да и не до раненыхъ тутъ; дай Богъ здоровому-то ноги унести.

И это говорили люди, которые за часъ передъ этимъ выражали твердую увѣренность въ томъ, что они и завтра отобьютъ всѣ атаки, также, какъ отбили сегодня. Тогда, когда они еще не думали объ отступленіи, они смѣло выражали увѣренность въ успѣхѣ, но какъ только разнеслось среди нихъ ненавистное слово „отступить“, они сейчасъ же упали духомъ и готовы были, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ, бѣжать безъ оглядки отъ этого проклятаго мѣста,—отъ этихъ ужасовъ, крови, стонувъ и труповъ.

Тотъ, кто рассчитывалъ выиграть эту войну, постоянно отступая, былъ не глубокий психологъ, а слѣдовательно человѣкъ, совершенно лишенный военнаго полководскаго таланта; ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ всегда отступать и отступать, да еще по ночамъ и подъ вѣчнымъ напоромъ непріятеля. Здѣсь и мужественный человѣкъ въ концѣ концовъ можетъ потерять голову и поддаться невыносимому чувству паники, которая такъ быстро охватываетъ цѣлыя массы войскъ.

Начиная эту войну, мы должны были сначала отвѣтить на вопросъ:—можемъ ли мы съ наличными силами начинать военныя дѣйствія, ни на шагъ не отступая передъ непріателемъ, и если бы пришлось отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, то выгоднѣе было бы и совсѣмъ не начинать войны, нежели, взявъ голый образецъ отступательной стратегіи кампаніи 1812 года, примѣнить его безъ всякаго обсуждения его пригодности и при данныхъ обстоятельствахъ къ этой войнѣ.

Конечно, говорить о всемъ этомъ уже послѣ совершившихся событій легче, нежели предрѣшать таковыя, но вопросъ этотъ всегда былъ и будетъ вопросомъ существеннѣйшей важности и обсудить его всесторонне было болѣе чѣмъ важно.

Въ томъ-то и дѣло, что не всякій принципъ, который кабинетнымъ стратегамъ кажется непреложной истиной, можетъ быть признанъ во всѣхъ случаяхъ одинаково, и надо было считаться съ

тѣмъ, что во-первыхъ кампанія 12 года велась по своей же родной землѣ и что если тамъ и приходилось отступать, то отступали отъ Карповки къ Ивановкѣ, отъ Смоленска къ Вязьмѣ и т. п., а здѣсь нужно было отступать отъ Тюренчена на Фынъ-Хуанъ-Чень, — отъ Ляояна на Мукденъ. Во-вторыхъ и того не надо забывать, что въ 12 году каждый солдатъ былъ ветераномъ, сроднившимся съ военной службой, такъ какъ на ней онъ провелъ всю свою лучшую пору жизни, и на ней у него уже посѣдѣли молодецкіе усы и бакенбарды; солдатъ этотъ при томъ же видалъ виды: вѣдь онъ и съ батюшкой Суворовымъ ломалъ его безсмертные походы; онъ слышалъ, какъ тотъ, крича пѣтухомъ, поднималъ съ биваковъ свои желѣзные полки и велъ ихъ въ бой, сокрушая съ ними упорство врага и удивляя міръ ихъ безпредѣльной отвагой и доблестью. На такого солдата можно было всегда и во всемъ положиться, потому что онъ былъ воспитанъ и закаленъ во всѣхъ отношеніяхъ. А теперь—да развѣ есть что-нибудь общее между тѣмъ, что было въ этотъ разсвѣтъ русской военной силы и доблести, и тѣмъ, что есть.

Взгляните на нашего безусаго молокососа, который называется солдатомъ; нѣтъ у него того, что именуется военнымъ закаломъ. Это просто деревенскій паренъ, очень часто добродушный, а иногда и плутоватый, какъ говорится: „себѣ на умѣ“, который слегка только чему-то обученъ, очень мало воспитанъ и закаленъ. Паренъ этотъ черезъ три-четыре года уйдетъ къ себѣ въ деревню, гдѣ онъ, конечно, очень скоро забудетъ все то, чему его учили, и въ лучшемъ случаѣ превратится въ прежняго земледѣльца, скрывъ подъ своей сѣрой сермягой и тѣ ничтожные признаки, которые могли бы отличить въ немъ бывшаго солдата, а на его мѣсто въ строй явится другой, такой же простодушный паренъ, который также потѣя будетъ стоять, или сидѣть на „словесности“, стараясь безъ всякаго смысла и пониманія зазубрить по-книжному разные непереваримые для его мозговъ пунктики, какъ это въ свое время продѣлывалъ его предшественникъ.

Говорятъ: воспитывайте солдатъ, и говорятъ это люди съ непоколебимымъ авторитетомъ, но эти люди совершенно не хотятъ понять того, что воспитать его должна сначала школа и воспитать, какъ сына своего отечества, которому онъ, по достиженіи извѣстнаго возраста, обязанъ службою. Вотъ при этихъ условіяхъ, когда чело-вѣкъ поступитъ на службу съ сознаниемъ долга и необходимости,—когда онъ будетъ уже на столько развитъ, что сознательно отвѣтитъ на вопросы объ отечествѣ и долгѣ,—тогда другое дѣло; тогда это школьное воспитаніе можетъ быть еще дополнено военнымъ, но

не теперь, когда на вопросъ, что такое отечество, вы получаете въ отвѣтъ безмысленную улыбку и растерянный взглядъ, а о долгѣ лучше уже и не спрашивайте, иначе вопрошаемый можетъ подумать, что вы намекаете ему о какомъ-нибудь денежномъ долгѣ, а такъ какъ таковыхъ долговъ по отношенію васъ у него, конечно, не будетъ, то въ простотѣ душевной онъ можетъ васъ заподозрить въ желаніи взять съ него взятку.

Но, вѣдь, у насъ есть цѣлые миллионы запасныхъ, скажете вы, но объ нихъ лучше не будемъ говорить, потому что ихъ тоже нельзя винить въ томъ, что почти у каждаго изъ нихъ есть семья и весьма не рѣдко и нужда, которая представляетъ собою явленіе, весьма обыденное у насъ на Руси.

Вообще всѣ эти вопросы чрезвычайно сложны и трудны для разрѣшенія, тѣ же, которые рѣшаютъ ихъ съ плеча, обыкновенно начинаютъ винить нашихъ офицеровъ, говоря, что они слишкомъ мало работаютъ для развитія и воспитанія солдатъ. Въ общемъ нашъ офицеръ слишкомъ малъ какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ нѣкоторыхъ личностей, считающихся высоко авторитетными учителями и воспитателями военной среды. Эти господа, чрезмѣрно возвеличенные въ своей якобы геніальной дѣятельности, сплошь и рядомъ не стѣснялись изощрять свое подчасъ уже черезчуръ циничное остроуміе на безотвѣтномъ офицерѣ, который зачастую и живетъ-то, перебиваясь „съ хлѣба на квасъ“ и въ силу постоянной, дающей его нужды, принужденъ быть молчаливымъ и не отвѣчать на это циничное остроуміе. Пожалѣйте же, господа, нашего офицера. Право же онъ не сосетъ соковъ изъ народа, какъ думаютъ нѣкоторые изъ васъ. Онъ дѣлаетъ свое дѣло, насколько можетъ, но придите же къ нему на помощь; облагородьте и обтешите тотъ черезчуръ уже сырой матеріалъ, надъ которымъ ему приходится работать; вѣдь не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать изъ куска руды, который вы ему даете,—пушку, которую бы можно было наводить и стрѣлять изъ нея; подготовьте эту руду и отдѣлите изъ нея чистое желѣзо въ горнилѣ свѣта и тепла, и тогда онъ справится съ своей задачей, а если этого пока еще не сдѣлали, то и не презирайте труженика - офицера, который на службѣ жертвуетъ и здоровьемъ и жизнью.

Въ первомъ часу ночи на 17 февраля полкъ нашъ началъ отходить съ позицій. Роты по очереди, съ соблюденіемъ тишины, покидали свои участки и уходили поспѣшно въ Чжаньтань, гдѣ было приказано собраться на площади. Пули летали по всѣмъ направленьямъ, и было человекъ десять раненыхъ, пока мы переходили ничтожное разстояніе отъ стѣнокъ до окраины деревни. Ночь была

темная. Звѣзды холодно горѣли въ безпредѣльной безднѣ мудраго молчанія. Люди, сильно нагруженные и утомленные физически и нравственно, нервничали и суегились. То и дѣло слышался тихій и осторожный голосъ офицера: „спокойнѣ ребята, спокойнѣ, ребята; иди въ порядкѣ, не торопись; да не стучи ножищами-то“ и т. п. Наконецъ, двинулась и послѣдняя рота. Мы пришли на площадь, гдѣ также всюду посвистывали пули и теперь казалось, что онѣ начали летать и съ правой стороны, и это обстоятельство показалось всеѣмъ очень подозрительнымъ. Люди молчали, слыша, какъ все чаще и чаще повизгиваютъ пули справа, но въ этомъ-то молчаніи и былъ ужасъ, потому что каждый сознавалъ, не рѣшаясь высказаться, что разъ непріятель стрѣляетъ справа, значитъ, онъ обходитъ насъ и вѣроятно скоро и всеѣмъ обойдетъ и отрѣжетъ нашъ путь.

Тихо раздается команда: „шагомъ маршъ“, и люди начинаютъ двигаться, побрякивая котелками и стуча по мерзлой почвѣ неуклюжими, обшитыми кожей валенками. Въ темнотѣ кажется, что двигается какое-то огромное тысяченогое животное, которое медленно ползетъ, извиваясь по узкимъ улицамъ деревни. Люди безпрестанно спотыкаются и падаютъ, потому что и днемъ-то по улицамъ китайскихъ деревень трудно ходить не спотыкаясь, а ночью это всеѣмъ не возможно. Слышатся недовольные возгласы: „ишь чертъ слѣпой, распялился по землѣ“, или: „штукъ-то подними, идолъ, глазъ проткнешъ“ и т. п. Остановки почти на каждомъ шагу, потому что мѣстами встрѣчаются столь узкіе проходы, что можно идти только по два человѣка. Во время этихъ остановокъ задніе напираютъ на переднихъ. Слышится сдержанное: „чего стали, небось японецъ васъ дожидаться не будетъ“; или: „уперлись лбомъ какъ бараны къ стѣну и стоятъ, черти, чтобъ вамъ пусто было“. Вообще все эти возгласы не отличаются особою нѣжностью и деликатностью, и они показываютъ, что люди нервничаютъ, и тогда-то въ голову приходитъ ужасная мысль. Представляешь себѣ, что будетъ, если вдругъ теперь какой-нибудь несчастный непріятельскій взводикъ, подобранный въ темнотѣ, отважится дать по этой массѣ людей, близкихъ къ паникѣ, нѣсколько залповъ; развѣ можно представить себѣ такую силу, которая была бы въ состояніи удержать эту толпу. Нѣтъ, такой силы не будетъ. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы въ полку не нашлось такихъ доблестныхъ офицеровъ и солдатъ и даже очень многихъ, которые все усилія свои употребили бы на то, чтобы успокоить людей, но, вѣдь, ночь, темнота, лабиринтъ закоулковъ, въ которыхъ такъ легко запутаться и затеряться, ища спасенія отъ пули. И невольно волосъ становится дыбомъ, когда подумаешь о возможности подобнаго случая.

Не желалъ бы никому быть участникомъ ночного отступленія, измотавъ свои нервы въ теченіе дня въ непрерывномъ и жестокомъ бою и имѣя позади себя непріятеля, о намѣреніяхъ котораго вы равнымъ счетомъ ничего не знаете, и который шлетъ вамъ въ догонку свинцовый дождь.

Наконецъ, выбрались изъ лабиринтовъ Чжантани и версты двѣ прошли безъ остановокъ, но, дойдя до деревни, въ которой были сосредоточены лазареты и склады, наткнулись на картину полного беспорядка, отъ котораго стало еще болѣе жутко.

Здѣсь всюду стояли какія-то повозки, которыя спѣшно старались укладывать. Нѣкоторыя изъ нихъ, уже уложенныя, начинали двигаться среди сплошной толпы солдатъ, запрудившихъ единственную улицу; конюха кричали и галдѣли; слышалась всюду наикрѣпчайшая ругань, при чемъ люди, думая, что они уже далеко отошли отъ непріятеля, галдѣли такъ, какъ можетъ только галдѣть беспорядочная русская толпа. Интенданты раздавали заготовленную въ огромномъ количествѣ одежду и запасы, и солдаты толпами стремились къ бочкамъ съ соленой рыбой и, наколовъ по одной и по двѣ огромныхъ рыбины (кеты) на штыкъ, устремлялись къ складамъ сахара, хлѣба, бѣлья, консервовъ—и все это тащили неизвѣстно зачѣмъ. Иной, набравъ цѣлыя вороха рубахъ и штановъ, дѣлался похожимъ на разносчика и торговца этими товарами, но, пройдя съ этимъ добромъ шаговъ сто-двѣсти и сознавъ полную непригодность этого груза въ походѣ, съ бранью бросалъ все набранное на дорогу, и сади идущіе люди топтали все это добро ногами; иной нанизывалъ себѣ на штыкъ каравай хлѣба и огромную кету и, почувствовавъ, что эта ноша слишкомъ тяжела, тоже ругался и швырялъ все это въ сторону. Словомъ, беспорядокъ былъ страшный, и надо удивляться, что счастливый случай избавилъ всю эту массу людей отъ внезапнаго ночного натиска непріятеля.

Стрѣльбы уже не было, и все же офицеры напрягали всѣ усилія для того, чтобы возстановить какой-нибудь порядокъ, прибѣгая и къ уговорамъ и къ ругани и, наконецъ, даже къ тумакамъ, но все это плохо дѣйствовало. Что же бы было, если бы въ это время сзади понажалъ бы непріятель, паника была бы неминуема.

По истинѣ невѣжествененъ русскій солдатъ; онъ грубъ и не развитъ и не привыкъ отдавать себѣ отчета во всей окружающей его обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, это происходитъ отъ нѣкоторой инертности славянской природы и полагаю, что и путемъ саморазвитія эта основная черта русской народности едва-ли можетъ быть уничтожена безъ слѣда.

Къ чести нашего полка скажу, что во всѣхъ этихъ безобразіяхъ

онъ очень мало принималъ участія, и порядокъ движенія у насъ почти не нарушался, да и вообще-то безобразничали главнымъ образомъ не строевыя части, а солдаты разныхъ обозовъ, лазаретовъ и вообще тыловыхъ учреждений.

Наконецъ, кое-какъ размотался этотъ ужасный клубокъ и размотался тогда, когда все уже было разнесено.

Пошли и черезъ полъ-версты снова остановились. Оказалось, что намъ пересѣкла путь какая-то безконечно длинная колонна; сначала шла пѣхота—понурая, утомленная и закутанная въ башлыки, потомъ, громыхая по колоти, потянулася медленно артиллерія: пушки, ящики, потомъ опять пушки, опять ящики—и все это безконечной вереницей ползло передъ нами утомленное и озлобленное. Казалось, что и лошади были злы; держа на своихъ спинахъ огромныхъ ѣздовыхъ, онѣ мрачно и понуривъ головы переступали съ ноги на ногу слышалось временами какъ бы недовольное ихъ пофыркиваніе, но въ общемъ вся эта безконечная вереница людей, лошадей и орудій шла въ полной тишинѣ, лишь только слегка громыхая и лязгая желѣзомъ отъ толчковъ на неровной дорогѣ. Ѣздовые покачивались на лошадахъ, и казалось, что они спали; прислуга шла по бокамъ, или же сидѣла на орудіяхъ и на ящикахъ. Потомъ снова пошла пѣхота, пѣхота и пѣхота. Спотыкаясь и падая, проходили мимо насъ утомленные люди; никто изъ нихъ даже не отвѣчалъ на вопросы—откуда они идутъ и куда. Вѣроятно, они и сами не знали, куда ихъ теперь гонять. Они сознавали только, что въ теченіе цѣлаго дня они дрались съ неприятелемъ, что были голодны и утомлены, и что вотъ теперь имъ приказано уходить назадъ.

Въ старину говорили: „каждый воинъ долженъ знать свой маневръ“; это конечно истина неопровержимая, но въ эту кампанію вѣроятно нашли какую-нибудь болѣе глубокую истину, а про эту старую постарались позабыть.

Простоявъ часа два на мѣстѣ, наконецъ тронулись. Вотъ дошли до какой-то деревни; здѣсь снова цѣлый рядъ остановокъ, то короткихъ, то продолжительныхъ. За деревней поле, по которому мы идемъ какими-то перекатами, на подобіе ползущаго червя, такъ какъ впереди идущіе черезъ каждые 100—200 шаговъ останавливаются, а мы, идущіе сзади, намираемъ на нихъ; потомъ снова движеніе впередъ, снова остановка, напоръ, и т. д. Наконецъ подошли къ большой деревнѣ и здѣсь уже окончательно стали въ ту-пикъ, не зная, куда намъ идти.

Начальникъ дивизіи шелъ съ нами, и онъ тоже не зналъ—куда надлежать слѣдовать, не получая объ этомъ рѣшительно никакихъ указаній. О диспозиціяхъ и какихъ-либо инструкціяхъ нечего и говорить:

насъ этой роскошью никогда своевременно не баловали и похоже на то, что самыя-то диспозиціи писали, такъ сказать, заднимъ числомъ.

Остановились передъ деревней потому, что вся она была сплошь набита солдатами, лошадьми, пушками, ящиками и какими-то повозками, нагруженными до невозможности. Впереди какъ будто бы была переправа черезъ какую-то рѣчку, и вотъ теперь вся эта огромная масса наполнила собою всю деревню всѣ ея поры и стояла въ ожиданіи своей очереди. Большая часть людей повалилась на землю, и многіе изъ нихъ уже сладко храпѣли. Удивительно, какъ русскій человѣкъ любитъ спать. Самыя тревожныя минуты, повидимому, не могутъ помѣшать его намѣренію въ этомъ отношеніи. Казалось, какъ можно было спокойно храпѣть въ то время, когда ежеминутно можно было ожидать внезапнаго натиска непріятели, а вотъ нашлись же такія сотни, а можетъ и тысячи людей, для которыхъ этотъ вопросъ былъ настолько не интересенъ, что они его совершенно игнорировали.

Послали у кого-то спросить—куда идти и какъ поступать, но посланный вернулся ни съ чѣмъ, доложивъ, что никто ничего не знаетъ, никакихъ приказаній и указаній получить не отъ кого.

А востокъ уже свѣтлѣлъ и, по мѣрѣ пробужденія дня, чувство все большаго и большаго безпокойства закрадывалось въ душу. Нужно было во что бы то ни стало распутать до наступленія дня эту толпу изъ повозокъ, орудій, людей и лошадей. Начальникъ штаба нашей дивизіи поѣхалъ съ цѣлью разслѣдовать мѣсто и вскорѣ вернувшись сообщилъ, что къ сѣверу отъ деревни тянется дорога и что самое лучшее слѣдовать по ней, потому что она куда-нибудь да приведетъ.

Пошли и дѣйствительно вышли на дорогу, когда уже было почти свѣтло, но, пройдя съ полъ-версты, вдругъ почему-то свернули влѣво и пошли цѣлиной по полю черезъ гаоляновыя грядки; потомъ снова повернули налѣво, потомъ направо, идя все время цѣлиной, и наконецъ вышли снова на какую-то дорогу. Впереди верстахъ въ двухъ видѣлась большая деревня, и къ ней-то видимо мы теперь и стремились, но съ какою цѣлью—про это никто не зналъ. Передніе идутъ—значить, и заднимъ нужно за ними тянуться,—вотъ единственное, что нами руководило въ данномъ случаѣ. Солдатъ не мало смущало то обстоятельство, что мы теперь двигались совершенно не въ томъ направленіи, куда было нужно: все время отходили на сѣверъ, а теперь почему-то пошли на западъ. Русскій простолюдинъ всегда прекрасно ориентуруется и всегда даже и безъ звѣздъ можетъ опредѣлить, въ какую сторону

онъ идетъ, на это у него развито какъ бы чутье еще съ малолѣтства. Каждый понималъ, что произошла какая-то ошибка, но все же всѣмъ хотѣлось вѣрить въ то, что движеніе этихъ массъ войскъ не есть маршъ слѣпыхъ, идущихъ неизвѣстно куда, а есть осмысленная комбинація, заранѣе рассчитанная, продуманная.

Идемъ на западъ, а тѣ, которые остались въ деревнѣ, очевидно пойдутъ на сѣверъ; такъ, значить, и нужно, такъ и было предначерчено заранѣе высшими соображеніями, а что они не дошли до насъ своевременно, то на это конечно могутъ быть свои причины.

Такъ утѣшалъ себя каждый изъ тѣхъ, кто еще не утратилъ способности мыслить, но большинство изъ насъ были на столько утомлены, что шли, не отдавая себѣ рѣшительно ни въ чемъ отчета. Эти люди шли только потому, что машинально двигались ихъ утомленные ноги, шли въ какомъ-то полубабытїи, какъ отравленные ядовитымъ дурманомъ, который заставилъ человѣка потерять способность къ воспринятію впечатлѣній. Часовъ въ 7 утра, мы подошли къ большой и богатой деревнѣ. Кажется, ея названіе было Сайтхоза. Здѣсь на гаоляновомъ полѣ стояли какіе-то баталіоны, которые собирались куда-то уходить. Роты были построены и сравнительно хорошо выравнены. Когда наше знамя подошло къ нимъ, то они отдали намъ воинскую честь, и это помню очень подбодрило нашихъ утомленныхъ людей. Мы входили въ деревню, а они уходили. Это тоже не могло не казаться страннымъ.

Каждому полку былъ назначенъ свой раіонъ, и люди начали расходиться по фанзамъ въ надеждѣ, что быть можетъ удастся хоть немного отдохнуть. Помню, что нашему полку пришлось преодолѣть какую-то ужасно глубокую и широкую канаву. Люди опускались на дно и подсаживали другъ друга на противоположный ея склонъ. Нѣкоторые старались забраться сами, царапаясь на крутизну съ помощью штыковъ, но большинство такихъ обрывалось и грузно скользило внизъ. Иной раза три продѣлывалъ такую операцію и все съ тѣми же результатами. Будь это въ другое, болѣе легкое время—сколько бы смѣху было надъ этими неуклюжими тяжелыми фигурами, беспомощно скользящими на карачкахъ на дно канавы, но теперь всѣ относились къ этому серьезно и не было ни смѣха, ни шутокъ. Лишь только слышалось временами: „ну ползи, каракатица кривоногая“, или: „чортъ толсто...“ произносимое тѣми, которые подсаживали неловкихъ и обезсиленныхъ товарищей.

Съ полчаса провозились мы въ этой проклятой канавѣ, и наконецъ полкъ собрался на противоположной его сторонѣ и пошелъ въ деревню.

Офицерамъ была отведена очень хорошая фанза, украшенная

причудливой рѣзбой и красивыми художественно сдѣланными рамами въ большихъ окнахъ. На небольшомъ дворикѣ фанзы были разбиты изящные цвѣтники и клумбы, на которыхъ теперь конечно ничего не росло.

Хозяинъ фанзы оказался очень хитрымъ и нахальнымъ китайцемъ. Онъ все время заискивающе бѣгалъ отъ одного офицера къ другому и просилъ дать ему папироску, когда же ему протягивали портсигаръ, то тащилъ изъ него своей грязной лапой не одну, а цѣлую горсть.

Безпрестанно онъ напоминалъ о томъ, чтобы никто ничего не позволялъ бы себѣ трогать въ его обиталищѣ, и вообще надоѣдалъ всѣмъ своей глупой болтовней, отъ которой вѣяло слишкомъ прозрачной назойливостью. Офицеры наши изъ деликатности снисходительно молчали, а мы, находясь въ передней, только о томъ и думали, когда намъ будетъ приказано спровадить этого назойливаго и не симпатичнаго человѣка. Но приказанія объ этомъ такъ и не послѣдовало.

Въ фанзѣ было холодно, а въ животѣ голодно; солдатамъ заварили въ кухняхъ обѣдъ, но поспѣть онъ могъ еще очень не скоро.

Всѣ мы, кто гдѣ могъ, прилегли, намѣреваясь заснуть, но этого намъ не пришлось осуществить.

Вдругъ откуда-то прискакалъ ординарецъ и сообщилъ, что японцы наступаютъ и уже подходятъ къ деревнѣ, и что поэтому приказано какъ можно скорѣе уходить отсюда. Куда уходить, гдѣ неприятель и много ли его—объ этомъ посланный не имѣлъ конечно никакого представленія.

Пока будили утомленныхъ людей, пока они мѣшкотно и лѣниво одѣвались въ свою безобразную „сбрую“, пока строились—прошло добрыхъ полчаса времени, въ теченіе которыхъ неприятель не ждалъ.

Наконецъ, роты кое-какъ собрались, и полкъ пошелъ на сѣверъ отъ деревни, гдѣ, ставъ въ резервный порядокъ, началъ ждать приказанія.

Пока было тихо, хотя и замѣчалась нѣкоторая суета, которая была, пожалуй, вполне естественна при данныхъ обстоятельствахъ. Видно было, какъ носились по всѣмъ направленіямъ ординарцы, развозя приказанія. Начальникъ дивизіи со своей небольшой свитой и съ казачьимъ конвоемъ спокойно объѣзжалъ полки, здороваясь съ людьми. Его спокойный видъ и тонъ голоса ободрительно дѣйствовалъ на солдатъ, и они дружно отвѣчали ему на привѣтствіе.

Видно было, какъ нѣкоторые полки нашей дивизіи уже начали двигаться на сѣверъ, и вскорѣ намъ пришло приказаніе двигаться въ хвостѣ колонны. Полкъ тогда продвинулся впередъ и сталъ вплот-

ную къ проходящимъ войскамъ, намѣреваясь занять въ колоннѣ указанное ему мѣсто.

Помню—мимо насъ проскакали какіе-то казаки; ихъ было сотни двѣ или три. На рысяхъ они двигались на востокъ какъ бы навстрѣчу ожидаемому непріятелю. Шли они сомкнутымъ строемъ и въ полномъ порядкѣ, и все это также ободрительно дѣйствовало на насъ, пѣхотинцевъ. Говорю о всемъ этомъ, желая отмѣтить о томъ, какъ на войнѣ нѣкоторыя, даже на первый взглядъ, мелочи оказываютъ огромное вліяніе на нравственный элементъ войскъ и, мнѣ кажется, военныя событія главнымъ образомъ и зависятъ отъ этого нравственнаго элемента; всѣ тактическія и даже стратегическія соображенія—не что иное, какъ только дополненія и придатки къ этой „душѣ“ военнаго дѣла.

Не успѣла конница продвинуться и на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, какъ вдругъ съ востока на насъ полетѣли непріятельскія шимозы и шрапнели, засвистали пули ружей и пулеметовъ. Началось то, чего многіе ждали въ теченіе всей этой безпокойной ночи;—то ужасное, о чемъ не хотѣлось какъ-то думать. И теперь вотъ оно надвинулось на насъ, какъ мрачная туча, несущая съ собой градъ и непогоду, которую всѣ видѣли, и отъ которой всѣ отрекивались.

Первые снаряды упали шагахъ въ двухстахъ къ востоку отъ колонны тянущихся по дорогѣ войскъ. Поднялись густые столбы дыма, послышался всѣмъ знакомый визгъ разлетающихся осколковъ. Солдаты засуетились и многіе, снявъ шапки, начали набожно креститься. А непріятель не зѣвалъ: снарядъ за снарядомъ летѣли къ намъ изъ его скрытой отъ нашихъ глазъ батареи; пули, посылаемыя невидимыми стрѣлками, жалобно стонали, летя въ нашу сторону. Къ счастью, японцы взяли невѣрный прицѣлъ, и снаряды ихъ давали то недолеты, то перелеты и въ двигающуюся колонну, а равно и въ стоящій на мѣстѣ нашъ полкъ ни одинъ изъ снарядовъ не попадалъ. Только лишь нѣкоторыя шрапнели, разрываясь высоко, осыпали насъ своими пулями. Артиллерія пошла на рысяхъ, торопясь уйти скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Высланные впередъ казаки быстро промчались назадъ, и ихъ скорое исчезновеніе непріятно на всѣхъ подѣйствовало.

Какой-то совершенно растерявшійся офицеръ, безусый и безбородый, суетился больше всѣхъ. Чуть не плача онъ кричалъ, обращаясь къ нашему командиру: „господинъ полковникъ, господинъ полковникъ, нужно куда-нибудь уходить, здѣсь нельзя стоять, насъ всѣхъ перебьютъ“, и болѣе заглушая этимъ пронзительнымъ крикомъ обуявшій его ужасъ, онъ суетливо и безтолково бѣгалъ съ мѣста на мѣсто, не зная, что предпринять, и своею растерянностью только больше

смущалъ людей. Минута была очень мрачная и неприятная. Казалось, что вотъ, вотъ вся эта масса людей дрогнетъ и, заразившись паническимъ страхомъ, ринется безъ оглядки и побѣжитъ, не зная куда, какъ испуганное стадо барановъ.

Офицеровъ въ полку оставалось очень мало, и многими ротами командовали только-что произведенные заурядъ прапорщики изъ нашихъ же фельдфебелей,—народъ, по правдѣ сказать, прекрасный и надежный въ боевомъ отношеніи.

Если бы прошла еще минута бездѣйствія, то конечно японцы успѣли бы къ намъ пристрѣляться, и Богъ знаетъ — чѣмъ бы все это кончилось. Но тутъ вдругъ раздался громкій голосъ, подавшій команду: „первыя три роты въ цѣпь“.

Люди сразу ободрились, видя, что начальство еще не окончательно потеряло голову, и назначенныя роты сейчасъ же отдѣлились отъ полка. Первымъ двумъ ротамъ приказано было быстро рассыпаться въ цѣпь вправо и влѣво, а третья должна была держаться въ резервѣ за серединой цѣпи. Когда все это было исполнено, то снова послышалась громкая команда, „цѣпи впередъ“, и мы двинулись. Изъ офицеровъ съ этими ротами никого не было, а было только два заурядъ-прапорщика:—доблестные и честные воины О. К., изъ коихъ первому суждено было сегодня переселиться въ лучший міръ—и да будетъ ему вѣчная память, какъ свято и честно исполнившему свой солдатскій долгъ.

Третьей ротой командовалъ фельдфебель Н. Баталіонный командиръ вчера былъ убитъ, его же замѣститель почему-то не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ. Объ этомъ я не считаю нужнымъ много распространяться и, какъ солдатъ, не рискую критиковать поступки этого замѣстителя, изъ боязни высказать какое-нибудь лишнее и быть можетъ ошибочное сужденіе по адресу этого офицера. Помню, уже послѣ солдаты говорили много остроумнаго и ѣдкаго по этому поводу, но приводить ихъ остроты и сужденій я не буду, хотя и склоненъ вѣрить въ то, что многое изъ этихъ сужденій было правдою.

И такъ мы пошли, а снаряды непрерывно неслись навстрѣчу: Бумъ-ву-у-у, бумъ-ву-у-у,—пѣли ехидныя шрапнели; тр-рахъ-тр-рахъ, вторили имъ шимозы; жикъ-жикъ, фр-р-р-піу-у-у—аккомпанировали имъ летящія и рикошетирующія пули, а мы шли впередъ и впередъ.

„Что-то будетъ, что-то будетъ?“ помню, вертѣлась у меня назойливая мысль, а сердце такъ сильно трепетало въ груди.

Помню, что сознаніе долга и важности возложенной на насъ задачи по прикрытію отступающихъ товарищей заглушало собою всѣ прочія чувства, которыя, казалось, должны были хлынуть въ душу цѣлымъ потокомъ въ эту роковую минуту, когда вопрошь „быть или

не быть“ сталъ прямо передъ умственнымъ взоромъ. Помню еще одно непрятное чувство, которое также сильно тревожило меня: это была боязнь того, чтобы намъ не очутиться отрѣзанными отъ прочихъ войскъ и не попасться въ плѣнъ къ неприятелю. Вѣдь насъ шло впередъ всего только три роты, изъ коихъ первыя двѣ понесли огромныя потери во вчерашнемъ бою въ Безымянной и въ общемъ, слѣдовательно, нашъ небольшой отрядъ представлялъ собою ничтожную горсточку.

Вотъ упалъ съ раскроеннымъ черепомъ заурядъ-прапорщикъ Ѳ., упалъ и такъ и остался навсегда на этомъ чуждомъ и далекомъ отъ его родины полѣ; вотъ какъ-то грузно и съ громкимъ и жалобнымъ стономъ повалился сопровождавшій командира штабъ-горнистъ,—старикъ Б., о которомъ я уже говорилъ раньше. Какъ теперь помню его жалобный и почти изступленный вопль: „ой, ой, братцы, помогите; голубчики родные, помогите, кровью изойду“. Осколкомъ снаряда ему перебило ногу, и кость вылѣзла наружу. Вотъ осколокъ хватилъ по головѣ ординарца К., молодого, красиваго и крайне симпатичнаго солдата, и онъ тоже упалъ, ткнувшись носомъ въ землю, глухо застоналъ отъ боли и тутъ же потерялъ сознание. Ихъ обоихъ удалось вынести, и они оба теперь, слава Богу, здоровы, насколько можетъ быть здоровъ человѣкъ съ перебитой ногой и поврежденнымъ черепомъ.

А мы все шли и шли.

Осколкомъхватило по ногѣ командира; онъ посмотрѣлъ на сапогъ и, убѣдившись, что послѣдній не пробить, хромая пошелъ впередъ, но тутъ же порывисто схватился за правую руку. Я видѣлъ, какъ изъ рукава у него тонкой стружкой закапала кровь, но онъ продолжалъ идти, придерживая раненую руку здоровой. Помню, многие изъ солдатъ, не будучи въ состояніи выносить этой пытки, ложились, и что называется „вростали“ въ землю, стараясь спрятаться отъ огня; эти люди уже окончательно потеряли головы и едва-ли были пригодны для дѣла. Командиръ, подходя къ нимъ, говорилъ: „вставай, ребята, вставай; выручай товарищей“—и тогда они дѣйствительно вставали и устремлялись впередъ.

Такъ мы прошли приблизительно на версту впередъ и залегли за какими-то ничтожными бугорками. До японцевъ оставалось шаговъ 500—600, и мы лежали и лишь только изрѣдка перестрѣливались съ ними, но атаковать не рѣшались, потому что насъ было мало. Они тоже не шли впередъ, боясь вѣроятно попасть въ какую-нибудь ловушку, тѣмъ болѣе, что изъ роши, расположенной шагахъ въ 500 назади и влѣво отъ насъ, также раздавались рѣдкіе выстрѣлы и, слѣдовательно, какая-то другая наша часть поддерживала насъ и

тѣмъ вводила непріятеля въ заблужденіе относительно количества нашихъ войскъ.

Молодой и храбрый вольноопредѣляющійся К. то и дѣло всматривался впередъ, не обращая вниманія на постоянно свистящія пули.

Я невольно посмотрѣлъ назадъ — на то поле, по которому мы только что шли подъ сильнымъ огнемъ. Оно было совершенно пусто. Наши войска успѣли уже уйти, и видны были какіе-то одиночные люди, снующіе въ разныхъ направленіяхъ и какъ бы что-то отыскивающіе. Вѣроятно, это были санитары, которые подбирали раненыхъ.

Помню, меня странно поразила дальность разстоянія той деревни, отъ которой мы начали двигаться, и я никакъ не могъ повѣрить, чтобы въ то короткое время, которое прошло, какъ мнѣ показалось, отъ начала нашего наступленія, мы могли бы пройти столько: до деревни была по крайней мѣрѣ верста, а шли мы не быстро,—это я отлично помню, временами даже останавливаясь и поднимая залегшихъ и обробѣвшихъ людей. Вѣроятно, въ такія минуты человекъ утрачиваетъ понятіе о масштабѣ времени и, быть можетъ, часъ ему кажется за минуту, хотя приходилось нерѣдко слышать, что и минута иногда кажется часомъ, но развѣ не возможно допустить, что какъ то, такъ и другое вѣрно.

Вдругъ кто-то закричалъ: — „кавалерія, гляди, кавалерія насъ обходить“, и множество глаза уставились въ ту сторону, куда указывалъ солдатъ, увидѣвши кавалерію.

— Да это наши, что попусту орешь,—слышались безпокойные голоса.

— Какъ же наши; держи карманъ: откуда имъ взяться нашимъ-то,—протестовали другіе.

— А казаки. Видалъ, какъ они впередъ насъ пошли.

— А не видалъ развѣ, какъ позади насъ они остались.

— Нѣтъ, не видалъ.—Ну стало и молчи, коли не видалъ.

Такъ спорили между собою люди, всѣ поглощенные вниманіемъ, наблюдая за кавалерійскою частью, которая показалась впрямъ отъ насъ и видимо старалась зайти намъ наперерѣзъ.

— Эхъ теперь бы орудію сюды, да по имъ бы жарнуть;—во распозлились бы, какъ мураны по полю.

— Пулеметой однако лучше.

— Куды, пулемета не хватить: далеко: съ ней что изъ винтовки—все одно.

А пули и снаряды продолжали разсѣкать воздухъ.

Но ни пулеметовъ, ни пушекъ у насъ не было; конница же была

японская, и въ бинокль хорошо было видно, какъ она слегка галопировала въ сомкнутомъ строю.

Такъ какъ колонна нашихъ войскъ уже прошла, то и задача наша была окончена, а потому намъ оставалось только одно:—отступить какъ можно скорѣе и присоединиться къ полку. И вотъ началось это отступление подъ убійственнымъ огнемъ противника, который не замедлил воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нанести намъ возможно большій уронъ. Огонь теперь достигъ до чрезвычайной силы. Люди валялись, какъ снопы. То и дѣло слышались крики и стоны раненыхъ. Шрапнели, разрываясь низко надъ землею, вырывали жертву за жертвой. Вообще стало еще жарче, чѣмъ тогда, когда мы шли впередъ.

Каждый, отступая, думалъ, чтобы скорѣе дойти только до роши, что была въ 500 шагахъ за нами и была занята нашими войсками; тамъ за этой рощей было уже безопаснѣе, потому что мы могли отходить скрытно.

Наконецъ, зашли за эту завѣтную рошу и здѣсь, встрѣтивъ небольшую часть другого полка нашей дивизіи подъ командою храбраго подполковника Б., вздохнули свободнѣе.

Послѣ этого потерь у насъ въ этотъ день больше не было, и къ вечеру мы прибыли въ деревню Мутурань, гдѣ командиру полка была сдѣлана первая перевязка какимъ-то проходящимъ врачомъ.

Н—чѣ.

ПИСЬМО Е. Н. ЖУЛЕВОЙ ¹⁾ ГР. В. О. АДЛЕРБЕРГУ.

Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства о доставленіи увѣдомленія, признаю ли я предъявленную на меня купцомъ Рябчиковымъ претензію правильною, имѣю честь доложить.

Въ 1852 г., еще до замужества моего, мужъ мой дѣйствительно бралъ въ лавкѣ купца Рябчикова въ кредитъ разные товары и состоялъ ему должнымъ, но долгъ этотъ (количество котораго совершенно мнѣ неизвѣстно) не былъ имъ уплаченъ, по случаю учрежденнаго надъ Рябчиковымъ, по несостоятельности его, конкурса. Впослѣдствіи же, когда Рябчиковъ объявилъ мужу, что дѣйствія этого конкурса уже прекратились, и просилъ какой-нибудь части въ уплату, то мужъ мой—не имѣвшій тогда въ наличности денегъ—несмотря, что кредитъ этотъ былъ сдѣланъ ему безусловно на неопредѣленное время, съ уплатою по мѣрѣ возможности, предложилъ ему получить сполна весь этотъ долгъ съ чиновника Телешова, на что Рябчиковъ изъявилъ полное согласіе, вслѣдствіе чего мужъ мой далъ Рябчикову къ довѣренному лицу письмо о выдачѣ ему, Рябчикову, слѣдующихъ (sic) денегъ, и затѣмъ всѣ между ними расчеты были прекращены совершенно.

Почтительнѣйше излагая здѣсь все, что только мнѣ извѣстно о претензіи купца Рябчикова, для совершеннаго оправданія себя предъ Вашимъ Сіятельствомъ, имѣю честь присовокупить, что я никакого участія въ этихъ расчетахъ не принимала, никогда ему должною не состояла и до сего времени не могу постигнуть причинъ, какія побуждаютъ купца Рябчикова предъявлять претензію свою на меня, при чемъ обязанностію считаю доложить, что Рябчиковъ предъявлялъ свою просьбу на меня въ контору императорскихъ театровъ, но въ поданномъ мною туда отзывѣ я не сочла нужнымъ упоминать о вышеприведенныхъ обстоятельствахъ, какъ относящихся исключительно до частныхъ дѣлъ моего мужа.

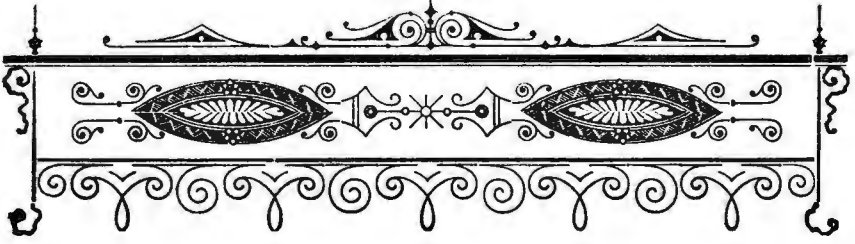
По правиламъ и образу жизни моей, я никогда не надѣялась навлечь на себя какія-либо жалобы, поэтому неосновательная и несправедливая просьба купца Рябчикова тѣмъ болѣе для меня обидна и прискорбна, что онъ осмѣлился оклеветать меня предъ Вашимъ Сіятельствомъ, единственнымъ моимъ покровителемъ и защитникомъ.

Жулева.

5 іюня 1856.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ

¹⁾ Извѣстная драматическая актриса, по мужу Небольсина, скончавшаяся въ 1905 году.

Ф. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка.

(Окончаніе).

V¹⁾.

Нредыдущее изложеніе, кажется, достаточно подготовило насъ къ тому, какого отношенія къ Достоевскому мы можемъ ожидать со стороны его товарищей по каторгѣ поляковъ, и въ частности Токаржевскаго. Очевидно, это отношеніе не можетъ быть иное, какъ только отрицательное. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди стояли на двухъ совершенно противоположныхъ полюсахъ: что одинъ благословлялъ—то другіе съ скрежетомъ зубовъ проклинали; предъ чѣмъ одинъ съ умиленіемъ преклонялся—надъ тѣмъ другіе съ надменностью и презрѣніемъ издѣвались; что веселило и радовало одного—отъ того другіе демонстративно отворачивались.

„Въ январѣ 1850 года,—разсказываетъ Токаржевскій,—привели изъ Петербурга двухъ російскихъ государственныхъ преступниковъ. Это были Сергѣй Ѳеодоровичъ Дуровъ и Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій—оба чрезвычайно слабые, нервно-разстроенные, пропитанные іодомъ и ртутиемъ, точно аптекарскія стеклянки. Они были приговорены къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, а потомъ въ солдаты“. Оставляя въ сторонѣ то, что Токаржевскій говоритъ о Дуровѣ, переходу прямо къ рѣчи о Достоевскомъ.

„Ф. М. Достоевскій—этотъ чрезмѣрно превознесенный беллетристъ, авторъ „Бѣдныхъ людей“, эта слава сѣверной столицы сразу показался намъ человѣкомъ, который не доросъ до своей славы. Конечно, онъ обладалъ беллетристическомъ талантомъ, но я, не будучи литераторомъ, а простымъ смертнымъ, не хочу выска-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, февраль 1910 г.

зывать своего мнѣнія о повѣстяхъ Достоевскаго, а также дѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія я вынесъ отъ чтенія его произведеній. Поэтому, не касаясь его повѣстей, перейду къ изображенію его характера. Какимъ образомъ онъ принималъ участіе въ демократическомъ движеніи, онъ, пышный изъ пышныхъ, и то пышный по той причинѣ, что онъ принадлежалъ къ привилегированной кастѣ?.. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ желать освобожденія крестьянъ, онъ, который читилъ только одну касту и только за одною кастою—дворянствомъ признавалъ право верховенства надъ народомъ всегда и вездѣ? Дворянство, дворянинъ, дворяне, я дворянинъ, мы дворяне—повторялъ онъ постоянно, точно скворецъ, который умѣетъ и любитъ повторять только одно выраженіе.

Когда, обращаясь къ намъ, полякамъ, онъ говорилъ: мы дворяне, я всякій разъ прерывалъ его, говоря:

— Извините, я полагаю, что въ этомъ острогѣ нѣтъ дворянъ, а есть только люди, лишенные правъ состоянія, есть каторжники...

Тогда онъ приходилъ въ ярость.

— А вы, очевидно, радуетесь тому, что вы—каторжникъ, говорилъ онъ съ злостью и ироніей.

— Да, я радъ тому, что я—каторжникъ, *такой*, каковъ я есмь, отвѣчалъ я спокойно.

Итакъ, какимъ же чудомъ Достоевскій сдѣлался заговорщикомъ?.. Вѣроятно, помимо своей воли увлекся современнымъ движеніемъ, такъ же, какъ съ невольнымъ сожалѣніемъ заявлялъ, что волны заговора довели его до омской каторги“.

Приведенная выписка достаточно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, насколько Токаржевскій желаетъ заявить свое умственное и нравственное превосходство предъ Достоевскимъ. По его словамъ выходитъ, что онъ, пожалуй, цѣлой головой былъ выше нашего писателя. Главный доводъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что Достоевскій часто ссыался на свое дворянство. Дѣйствительно въ „Запискахъ изъ мертваго дома“ много разъ упоминается о каторжникахъ изъ „дворянъ“, объ ихъ положеніи въ средѣ рядовыхъ арестантовъ, о несоразмѣрности для нихъ наказаній, однородныхъ съ тѣми, къ какимъ присуждаются преступники изъ простонародья. Какъ же такъ? Повидимому, Токаржевскій какъ будто и правъ, упрекая Достоевскаго въ важничаньи передъ арестантами, въ томъ, что онъ всегда и вездѣ старался выставить на первый планъ свое дворянское происхожденіе.

Къ сожалѣнію, если внимательнѣе прочесть то, что Достоевскій пишетъ по этому вопросу въ своихъ „Запискахъ“, то окажется, что Токаржевскій или не понялъ или, лучше сказать, не хотѣлъ по-

нять того, что желалъ сказать Достоевскій, говоря о каторжникахъ изъ дворянъ. Увы, не Достоевскій кичился своимъ дворянствомъ передъ арестантами, а наоборотъ, арестанты постоянно давали ему чувствовать, что онъ—дворянинъ. Если Токаржевскій и его единоплеменники отворачивались отъ арестантовъ и даже отталкивали ихъ отъ себя, то Достоевскій, напротивъ, хотѣлъ до известной степени сблизиться съ этой отверженной стихіей, заглянуть въ ея душу, проникнуть въ ея тайну и уловить движущій нервъ этой среды. Но арестанты всегда съ нескрываемымъ злорадствомъ давали ему понять, что онъ для нихъ чужой, что между ними и имъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, и это единственно потому, что онъ—дворянинъ.

Когда въ первые мѣсяцы каторги Достоевскій пошелъ на работу, и арестантамъ заданъ былъ урокъ, то всѣ дружно принялись работать. „Но относительно меня, пишетъ онъ, я замѣтилъ одну странность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ не у мѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгоняли прочь“. На него покрикивали, надъ нимъ безжалостно издѣвались. Когда послѣ этого онъ дѣйствительно сталъ въ сторонѣ, тотчасъ же закричали:

— Вотъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

„Все это, разумѣется было нарочно, потому что всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и, конечно, они были рады случаю“.

Причина такого отношенія къ каторжникамъ изъ дворянъ заключалась въ томъ, что хотя крѣпостное право и доживало тогда свои послѣдніе дни, но все-таки оно существовало, и Россія по-прежнему дѣлилась на два враждебныхъ стана, которые не могли и не хотѣли понять и признать другъ друга.—„Да-съ, говоритъ Достоевскому Акимъ Акимычъ, дворянъ они не любятъ, особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожій, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были или помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ ли они васъ полюбить-съ?“ Въ тонъ этой рѣчи одинъ изъ поляковъ въ первые дни каторги говорилъ Достоевскому:—„Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придраться. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, унижить. Вы еще не разъ встрѣтите непріятности и брань за чай и за особую пищу, несмотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя“.

По понятіямъ каторги дворянинъ, какъ утверждаетъ Достоевскій, долженъ былъ соблюдать и уважать передъ арестантами даже дворянское свое происхожденіе, т. е. нѣжиться, ломаться, брезгать ими фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. „Такъ именно, говоритъ онъ, они понимали, что такое дворянинъ. Они, разумѣется, ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ: я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ; но за то я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную вѣжливость, какъ дѣлали поляки“.

Такимъ образомъ Достоевскій волей-неволей долженъ былъ считаться съ понятіями той новой среды, въ которой онъ неожиданно очутился, долженъ былъ принимать во вниманіе всю совокупность той бытовой обстановки, въ которую его бросила судьба. Говоря о дворянахъ, о дворянствѣ, Достоевскій лишь хотѣлъ показать, на сколько тяжела и невыносима была жизнь въ каторгѣ для человѣка, вышедшаго не изъ простонародья, вообще человѣка интеллигентнаго. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что слова „интеллигенція“, „интеллигент“, „интеллигентный“ еще не вошли тогда въ обиходъ русской литературы, и потому Достоевскій по необходимости пользовался общеупотребительнымъ, всѣмъ понятнымъ словомъ „дворянинъ“, тѣмъ болѣе, что въ то время слова „дворянинъ“ и человѣкъ „образованный“ были почти синонимы. „Ненависть, говоритъ Достоевскій, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Достоевскій болѣе подробно развиваетъ эту мысль, доказывая, что дворянину въ каторгѣ не можетъ быть одинаково тяжело, какъ и всякому мужику; при этомъ слово дворянинъ онъ варьируетъ словами человѣкъ образованный, человѣкъ изъ высшаго слоя общества, благородный, но нигдѣ не употребляетъ выраженія интеллигентный. „Дворянину, человѣку образованному, не потому тяжелѣе въ каторгѣ, что они чувствуютъ утонченнѣе, что они болѣе развиты, и не потому также, что наступаетъ перемѣна привычекъ, образа жизни, пищи и проч., хотя, конечно, все это дается имъ тяжелѣе, чѣмъ мужику, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ, по крайней мѣрѣ, сыто наѣдался. Нѣтъ, говоритъ Достоевскій, важнѣе всего этого то, что всякій изъ новоприбывающихъ въ острогъ, черезъ два часа по прибытіи, становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякій

другой. Онъ всёмъ понятенъ и самъ всёхъ понимаетъ, всёмъ знакомъ, и всё считаютъ его за *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всё, цѣлой массой; его не поймутъ, и главное—не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хотъ и достигнетъ онъ, наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, бессознательно. Не свой человекъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ жить не въ своей средѣ“.

Я привелъ обширныя, хотя далеко не полныя выписки изъ „Записокъ“ Достоевскаго относительно положенія дворянъ на каторгѣ. Такъ, напр., я совсѣмъ не упомянулъ о томъ, какимъ издѣвательствомъ онъ подвергся, когда сталъ строиться вмѣстѣ съ другими арестантами заявлять „претензію“. Разказавъ объ этой „претензіи“, Достоевскій въ заключеніе говоритъ: „Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно не ясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разарестантъ, хотъ на вѣки вѣчныя, хотъ особаго отдѣленія“. Сдѣлалъ я эти выписки не съ тѣмъ, чтобы защищать Достоевскаго отъ нелѣпныхъ обвиненій. Это была бы слишкомъ большая честь для моего слабаго пера. Полное собраніе сочиненій Достоевскаго служить достаточной для него защитой. Моя цѣль была только напомнить истинный смыслъ того, что сказалъ Достоевскій, когда говорилъ о дворянахъ во время пребыванія своего на каторгѣ. Но если бы даже онъ и сказалъ, что дворянинъ выше обыкновеннаго разбойника, то, вѣроятно, не много погрѣшилъ бы противъ истины. Право же, этотъ „міръ отверженныхъ“ ничего, кромѣ ужаса, возбуждать не можетъ. Тѣмъ не менѣе Достоевскій не скрывалъ правды и относительно нѣкоторыхъ дворянъ, которые въ изображеніи его оказались хуже самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. „Образованіе, говоритъ онъ, уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзить и, какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій“.

VI.

Обрисовавъ по-своему или, правильнѣе сказать, въ достаточной степени извративъ соціальныя воззрѣнія нашего писателя на дво-

рянство и крестьянство, Токаржевскій переходитъ къ дальнѣйшему изложенію нѣкоторыхъ подробностей политическихъ его взглядовъ.

„Достоевскій,—говоритъ онъ,—ненавидѣлъ поляковъ, потому что по чертамъ его лица и по фамиліи, увы! можно было узнать его польское происхожденіе; онъ говорилъ, что если бы зналъ, что въ его жилахъ течетъ хоть одна капля польской крови, то велѣлъ бы тотчасъ же ее выпустить. Какъ больно было слушать, когда этотъ заговорщикъ, этотъ челоуѣкъ, приговоренный къ казни за свободу и прогрессъ, заявлялъ, что тогда только почувствуетъ себя счастливымъ, когда всѣ народы перейдутъ подъ господство Россіи, подъ власть кнута. Онъ никогда не говорилъ, что Украина, Волынь, Подолія, Литва, что, наконецъ, вся Польша—край „забранный“ (т. е. отнятый, завоеванный), но доказывалъ, что всѣ эти пространства являются исконною собственностью Россіи, что рука Божіей справедливости отдала эти области, эти края подъ скипетръ царя, такъ какъ они не могли существовать самостоятельно и долго еще пребывали бы во тьмѣ, варварствѣ и бѣдности. Прибалтійскій край, по мнѣнію Достоевскаго,—это подлинная Русь; Сибирь и Кавказъ—тоже. Слушая эти мнѣнія, мы приходили къ убѣжденію, что Ф. М. Достоевскій въ извѣстныхъ пунктахъ страдаетъ умственнымъ расстройствомъ. Онъ же съ самодовольствомъ постоянно повторялъ эти абсурды. Онъ утверждалъ даже, что Константинополь давно долженъ принадлежать Россіи, какъ равно и вся Европейская Турція, которая въ недалекомъ будущемъ составитъ украшеніе Россійской Имперіи.

„Однажды Достоевскій продекламировалъ свое произведеніе—оду на будущее вступленіе побѣдоносной русской арміи въ Константинополь. Ода была дѣйствительна хороша, но, однако, никто изъ насъ не торопился съ похвалами, я же спросилъ:

— А на возвратный путь у васъ оды нѣтъ?

Онъ запыхалъ гнѣвомъ, злился на меня, называлъ неукомъ и варваромъ, при чемъ такъ кричалъ, что по всему острогу каторжники стали говорить:

— Политическіе преступники дерутся.

Чтобы прервать эту сцену, мы всѣ вышли изъ казармы во дворъ.

По мнѣнію Достоевскаго, на свѣтѣ существуетъ только одинъ великій народъ, предназначенный къ возвышенной миссіи, это—русскіе. Французы еще немного похожи на людей, но англичане, нѣмцы, испанцы—это просто карикатуры. Литература другихъ народовъ по сравненію съ русской литературой не больше, какъ пародія. Помню, когда я сказалъ, что у насъ въ 1844 г. объявлена была подписка на переводъ „Вѣчнаго жида“, то онъ сперва не хотѣлъ этому

вѣрить, а потомъ сказалъ, что это ложь. Но тутъ вмѣшался Дуровъ и увѣрилъ его въ справедливости моихъ словъ. Несмотря на это, онъ все еще не довѣрялъ, такъ какъ это было особенностью его натуры, чтобы каждый народъ, не говоря уже о ненавистныхъ ему полякахъ, лишитъ всего того, что въ немъ было великаго, прекраснаго, благороднаго; онъ желалъ все это уничтожить, стереть, сгладить, лишь бы парадоксами доказать превосходство русскихъ передъ остальными народами всего міра. Кромѣ того, Достоевскій часто дѣлался несноснымъ, прямо невозможнымъ въ спорахъ. Слишкомъ много думающій о себѣ и грубый, онъ вынудилъ насъ къ тому, что мы перестали съ нимъ спорить, а послѣ даже вовсе перестали съ нимъ разговаривать и не хотѣли его знать. Можетъ быть, эта неровность характера, эта возбудимость темперамента была у Достоевскаго признакомъ болѣзни. Онъ дѣйствительно былъ нервноразстроенный и больной. Исковерканность понятій Достоевскаго можетъ быть оправдана лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ воспитанникомъ кадетскаго корпуса.

Какимъ же образомъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, Ф. М. Достоевскій, попалъ въ каторгу, какъ государственный преступникъ? По его собственнымъ рассказамъ, онъ очень много читалъ. Несомнѣнно, картины великой французской революціи воспламенили его воображеніе, но это былъ соломенный огонь; несомнѣнно, въ твореніяхъ великихъ мыслителей онъ нашелъ высокія идеи, которыя проникали въ его мозгъ, нашли откликъ въ его сердцѣ. И это увлекло его на ту дорогу, съ которой онъ желалъ въ послѣдствіи свернуть какъ можно скорѣе.

По выходѣ съ каторги Достоевскій былъ отданъ въ военную службу, въ батальонъ, стоявшій въ Семипалатинскѣ. Здѣсь, во время войны, онъ написалъ стихи, въ которыхъ императора Николая I поставилъ выше всѣхъ боговъ Олимпа и хотѣлъ, чтобы эти стихи были напечатаны въ газетахъ. Не знаю, были ли они дѣйствительно напечатаны. Очевидно, онъ рассчитывалъ угодиществомъ добиться уменьшенія наказанія, а можетъ быть, за дивирамбъ получить еще щедрую награду. Приведенные факты вполне оправдываютъ тотъ приговоръ, какой мы всѣ, бывшіе въ омской каторгѣ, вынесли о Достоевскомъ, именно, что онъ былъ человѣкъ слабаго характера. Что онъ ненавидѣлъ поляковъ—это можно ему извинить. Вѣдь, мы переносили и извиняли еще болѣе тяжкую ненависть, потому что „прирученный волкъ и пріятель по принужденію“ приносятъ мало пользы“.

На этомъ Токаржевскій заканчиваетъ свои воспоминанія о Достоевскомъ.

VII.

Что сказать объ этой странной, уродливой характеристикѣ? Какъ понять и чѣмъ объяснить эту злую, дикую каррикатуру на нашего великаго писателя, это безоглядное издѣвательство надъ нимъ? Съ одной стороны, человѣконенавистничество къ полякамъ и высокомеріе передъ всѣми народами, съ другой—ода на взятіе Константинополя и угодничество передъ императоромъ Николаемъ I,—что все это значить? Чѣмъ объяснить такое неумолимое желаніе Токаржевскаго привоздить Достоевскаго къ позорному столбу?

Во всякомъ случаѣ, судя по тому, что Достоевскій пишетъ о полякахъ въ своихъ „Запискахъ“, нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить, будто онъ ненавидѣлъ поляковъ. Объ этомъ необходимо упомянуть въ виду того, что хотя Токаржевскій писалъ свои воспоминанія въ Сибири, тотчасъ по выходѣ изъ каторги, т. е. одновременно съ тѣмъ, какъ и Достоевскій набрасывалъ свои „Записки“, но затѣмъ, по возвращеніи въ 1883 году изъ вторичной 19-лѣтней ссылки, онъ, по его словамъ, дополнилъ ихъ подробностями, которыя первоначально опустил. Слѣдовательно, онъ могъ читать „Записки изъ Мертваго дома“ и знать, какъ отзывался о полякахъ Достоевскій. И я имѣю основаніе полагать, что Токаржевскій читалъ ихъ и зналъ все это. Вотъ если бы при этихъ условіяхъ Достоевскій изобразилъ поляковъ съ отрицательной стороны, тогда была бы понятна злоба противъ него со стороны Токаржевскаго, было бы естественно желаніе отомстить ему. Но однако въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ. Поэтому если кого и можно упрекнуть въ нетерпимости и исключительности, то отнюдь не Достоевскаго.

Оставляя въ сторонѣ легенду о польскомъ происхожденіи Достоевскаго, для сужденія о которой у меня нѣтъ матеріаловъ, обращаюсь къ тѣмъ страницамъ „Записокъ“, въ которыхъ онъ говоритъ о полякахъ. Они удостоились такой чести, что онъ посвятилъ имъ хотя и не большую, но все-таки цѣлую главу. И здѣсь не только нѣтъ ни намека, ни даже тѣни какой-либо ненависти, но, напротивъ, звучатъ ноты самой глубокой грусти, самаго неистребимаго сочувствія и состраданія. При этомъ Достоевскій нисколько не скрываетъ, что съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ томъ числѣ съ Токаржевскимъ, онъ разошелся, о чемъ тутъ же высказываетъ сожалѣніе. „Это было мнѣ очень жаль“.

„Т—кій былъ хоть и необразованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный молодой человѣкъ, однимъ словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ до того любилъ и уважалъ Б—каго, до того благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились

съ Б—кимъ, считалъ тотчасъ же почти своими врагами. Онъ и съ М—кимъ, кажется, разошелся въ послѣдствіи за Б—каго, хотя долго крѣпился“. Подъ буквами Б—кій подразумѣвается Іосифъ Богуславскій, котораго Токаржевскій обыкновенно называетъ „Юзекъ“. Далѣе о Токаржевскомъ Достоевскій рассказываетъ такой эпизодъ.

„Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста ихъ первой ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б—каго на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги (по словамъ Токаржевскаго около 700 верстъ), когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ поль-этапа“. Объ этомъ эпизодѣ упоминаетъ также и самъ Токаржевскій, при чемъ добавляетъ, что арестанты считали его по этому случаю силачемъ и боялись задѣвать его. Въ предыдущей главѣ о томъ же Токаржевскомъ Достоевскій отзывается такъ: „Т—вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то высказывалось въ каждомъ жестѣ его“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Достоевскій даетъ объ авторѣ воспоминаній самый симпатичный отзывъ, въ которомъ злѣйшій врагъ нашего писателя не можетъ усмотрѣть не то, что ненависти, а просто недобраго чувства къ полякамъ. Не менѣе симпатично говоритъ Достоевскій и о Богуславскомъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, такъ что Достоевскій долженъ былъ разойтись съ нѣкоторыми изъ поляковъ. „Б—кій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человѣкъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда даже до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и въ послѣдствіи разошелся съ Б—кимъ, но за то никогда не переставалъ любить его. Разойдясь съ Б—кимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—кимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ“. Отзывъ Достоевскаго о Богуславскомъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ основанъ не на поверхностномъ знакомствѣ его съ этимъ послѣднимъ, а на долгомъ и всестороннемъ изученіи. „Мы, говоритъ Достоевскій, года два почти неразлучно ходили съ Б—мъ на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили о нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. *Славный былъ онъ* человѣкъ; но убѣжденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у нѣ котораго разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни *выстрадано*, такую *дорогою* цѣной они достались, что оторваться отъ нихъ уже

слишкомъ *больно, почти невозможно*. Б—кій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ *подкостью* отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ *во многомъ*, можетъ быть, онъ былъ *правѣе и меня*—не знаю; но мы, наконецъ, разстались, и это было мнѣ очень больно; мы уже много раздѣлили *вмѣстѣ*“.

Что, похоже все это на ненависть къ полякамъ? Не правда ли, сколько самой высокой терпимости, сколько самого широкаго великодушія проявилъ Достоевскій въ этихъ строкахъ, въ которыхъ я нарочно подчеркнул болѣе выдающіяся слова. Онъ не только понимаетъ невозможность измѣнить выстрадавшаго, дорогой цѣной доставшіяся убѣжденія, но даже готовъ уступить въ правотѣ своихъ, тоже выстрадавшаго и не менѣе дорогой цѣной доставшихся убѣжденій. Какъ же послѣ этого назвать выходку Токаржевскаго, его упрёки Достоевскому въ ненависти къ полякамъ, въ грубости и нетерпимости въ спорахъ? И развѣ можетъ быть рѣчь о грубости и нетерпимости въ отношеніи человѣка, о которомъ даже самый рѣшительный арестантъ въ каторгѣ Петровъ говорилъ, что онъ „слишкомъ доброй души человѣкъ“ и „ужъ такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ“.

Мы привели отзывы Достоевскаго о тѣхъ двухъ полякахъ, съ которыми онъ впоследствии разошелся. Посмотримъ теперь, какъ онъ отзывался объ остальныхъ. „Съ М-кимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, *уважалъ* его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недоувѣрчивый и озлобленный человѣкъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и ни передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько іезуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывали его затаенный, глубокой скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа, страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ нѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Несмотря однако же на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б-кимъ и съ другомъ его Т-кимъ“.

Достоевскій былъ глубокой психологъ, умѣвшій заглянуть въ самые сокровенныя тайники человѣческой души. Но замѣчаете ли вы, съ какой нѣжностью и деликатностью онъ затрогиваетъ чувствительныя ея струны. Каждый разъ въ подобномъ случаѣ онъ считаетъ нужнымъ обставлять свою рѣчь уступками и оговорками:

„можетъ быть, я не правъ“, „можетъ быть, я ошибаюсь“... И вотъ послѣ этого говорятъ, что онъ былъ грубый, нетерпимый человѣкъ. Это тѣмъ болѣе обидно, что онъ не только вполне понималъ тяжелое психическое состояніе поляковъ, но даже отчасти оправдывалъ тотъ тонъ, какой они усвоили по отношенію къ каторжникамъ. „Всѣ они были больные нравственно, желчныя, раздражительныя, недовѣрчивыя. Это понятно—имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное, они съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и, что тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ“.

Затѣмъ въ своихъ „Запискахъ“ Достоевскій подробно говоритъ о Жоховскомъ, о которомъ уже было упомянуто. Онъ называетъ его человѣкомъ *честнымъ*, но нѣсколько страннымъ. Богуславскій и Токаржевскій его не любили и даже не говорили съ нимъ. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Все это очень характерно, особенно потому, что Токаржевскій изображаетъ дѣло такъ, будто поляки представляли единую, дружную семью, что называется, безъ сучка и задоринки. А на дѣлѣ, какъ оказывается, было иначе и все шло согласно поговоркѣ: гдѣ два поляка, тамъ три мнѣнія. Какъ бы то ни было, но и о Жоховскомъ Достоевскій говоритъ очень дружелюбно, настаивая въ особенности на томъ, что за свою набожность онъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей.

Наконецъ, объ остальныхъ полякахъ Достоевскій выражается такъ: „двое были еще очень молодые люди, присланные на краткіе сроки, малообразованные, *но честныя, простыя, прямыя*. Третій, А-чуковскій (Анчиковскій), былъ уже слишкомъ простоватъ и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б-мъ (Бемъ— по воспоминаніямъ Токаржевскаго), человѣкъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ прескверное впечатлѣніе. Это была грубая, мелкомѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обсчитанныя копейки. Онъ былъ безъ всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ дано все болѣе существенное, что Достоевскій сказалъ о полякахъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Гдѣ же здѣсь ненависть къ полякамъ, или хотя бы даже тѣнь ка-

кого-либо недоброжелательства къ нимъ? Ничего подобнаго. Если бы Достоевскій дѣйствительно ненавидѣлъ поляковъ, то у такого необычайно искренняго человѣка, какъ онъ, это не могло бы не проявиться въ то время, когда онъ говоритъ о своихъ товарищахъ по каторгѣ, съ которыми прожилъ нѣсколько лѣтъ и въ концѣ концовъ даже разсорился. Между тѣмъ, что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Однихъ—тѣхъ именно, съ которыми разсорился, онъ любилъ, другихъ, хотъ и не любилъ, но уважалъ, всѣхъ вообще считалъ прямыми, честными, добрыми, за исключеніемъ одного Бема, котораго изобразилъ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ, но и то вовсе не потому, что онъ былъ полякъ, а просто потому, что это была мелкомѣщанская душа. Однако и у этого послѣдняго открылъ талантъ, именно—что онъ былъ прекрасный маляръ. Если такъ, то очевидно, что разглагольствованія Токарежскаго о ненависти Достоевскаго къ полякамъ не болѣе, какъ неосновательная выдумка.

VIII.

Достоевскій, какъ извѣстно, хотя и не былъ правовѣрнымъ славянофиломъ, однако въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ примыкалъ къ этой школѣ. Въ объяснительномъ словѣ къ знаменитой Пушкинской рѣчи, напечатанной въ „Дневникѣ писателя“ за 1880 годъ, онъ говоритъ, что „представители славянофильства тутъ же, сейчасъ же вполнѣ согласились со всѣми ея выводами“ и далѣе прибавляетъ, что высказанное въ ней „новое слово“ вполнѣ соответствовало „духу и направленію партіи нашей“, разумѣя подъ „нашей партіей“ кружокъ славянофиловъ. Въ „Дневникѣ писателя“ за іюль—августъ 1877 года Достоевскій говоритъ прямо: „Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ быть, и не вполнѣ славянофилъ“. Обрывки этого-то славянофильскаго ученія и пытается изобразить Токарежскій, немилосердно утрируя основные его пункты.

Главный грѣхъ Достоевскаго Токарежскій видитъ въ томъ, что онъ приписывалъ русскому народу міровую роль и тѣмъ самымъ будто бы хотѣлъ лишить остальные народы всего того великаго и прекраснаго, что они внесли въ общечеловѣческую сокровищницу культуры и цивилизаціи. На этотъ странный упрекъ прекрасный отвѣтъ далъ самъ Достоевскій. Указывая на „характернѣйшую черту художественнаго генія Пушкина—способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй“, онъ затѣмъ поясняетъ: „Но не для умаленія такой величины европейскихъ геніевъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, сказалъ я это; такой

глупенькій выводъ изъ моихъ словъ могъ бы сдѣлать только дуракъ. Всемирность, *всепонятность* и неизслѣдимая глубина міровыхъ типовъ человѣка арійскаго племени, данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подтвергается мною ни малѣйшему сомнѣнію“.

Подмѣченная Достоевскимъ въ Пушкинѣ особенная черта его генія составляетъ, по мнѣнію Достоевскаго, отличительную особенность всего русскаго народа. „Народъ нашъ, пишетъ онъ, именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ всемірной отзывчивости и къ всепримиренію, и уже проявилъ ее во все двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначая эту способность народа нашего, я не могъ не выставить въ то же время, въ фактъ этомъ, и великаго утѣшенія для насъ въ нашемъ будущемъ, великой и, можетъ быть, величайшей надежды нашей, свѣтящей намъ впереди. Главное, я обозначилъ то, что стремленіе наше въ Европу, даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно, *въ основаніи своемъ*, но и народно, совпадало вполнѣ съ стремленіями самаго духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣетъ и высшую цѣль“. Давая свое опредѣленіе славянофильства въ „Дневникѣ“ за 1877 годъ, Достоевскій пишетъ, что „славянофильство, кромѣ объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ вѣрующихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣчеству и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханное міромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и во истину уже въ соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ всемірнымъ союзомъ, начала котораго лежатъ въ геніи славянъ, а преимущественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго страдавшаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но всегда заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъясненія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то отдѣлу убѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу, говоритъ Достоевскій, и я“.

Само собою разумѣется, что предназначаемая Достоевскимъ русскому народу міровая роль вовсе не есть призывъ къ гордости. Въ этомъ именно смыслѣ былъ высказанъ ему упрекъ въ русской публицистикѣ еще послѣ Пушкинской рѣчи. Но онъ тогда же отвѣчалъ, что не къ гордости призывалъ русскій народъ, а лишь къ тому, чтобы русскій народъ „сталъ братомъ всѣхъ людей“. „Неужели же, продолжаетъ онъ, свѣтлая надежда, что хоть когда-нибудь въ нашемъ страдающемъ мірѣ осуществится братство, и что и намъ, можетъ быть, *позволятъ стать братьями* всѣхъ людей, неужели

эта надежда есть уже гордость и призывъ къ гордости? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что къ всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено“.

Въ такомъ же идеально - нравственномъ смыслѣ Достоевскій неоднократно говорилъ и о томъ, что рано-ли поздно-ли, а Константинополь долженъ быть нашъ. И это должно случиться само собою, потому что время пришло, но не для захвата и насилия, а для объединенія всѣхъ славянъ подъ крыломъ Россіи. Объединеніе же ихъ будетъ состоять не въ „уничтоженіи славянскихъ личностей предъ русскимъ колоссомъ, а для того, чтобы ихъ же возсоздать и поставить въ надлежащее отношеніе къ Европѣ и человѣчеству, дать имъ наконецъ возможность успокоиться и отдохнуть послѣ ихъ безчисленныхъ вѣковыхъ страданій; собраться съ духомъ и, ощутивъ свою новую силу, принести и свою ленту въ сокровищницу духа человѣческаго, сказать и свое слово въ цивилизаціи“. На будущія политическія отношенія славянъ къ Россіи Достоевскій смотрѣлъ такъ, что Россія—„покровительница ихъ и даже, можетъ быть, предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ когда-нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ сами они опредѣлили бы независимость и личность свою“.

Я нисколько не удивился бы и ничего не нашелъ бы позорнаго въ томъ, если бы эти высокоидеальныя мечты Достоевскаго, которыхъ не въ состояніи былъ понять Токаржевскій, разрѣшились стихотвореніемъ на вступленіе русскихъ въ Константинополь. Столь же естественнымъ было со стороны Достоевскаго написать патріотическое стихотвореніе по поводу крымской войны. Съ началомъ военныхъ дѣйствій необычайный подъемъ патріотическаго одушевленія широкой волной прокатился по всей странѣ. Повсюду стали составляться ополченія, многіе шли на войну добровольцами, въ журналахъ и газетахъ того времени полился цѣлый дождь патріотическихъ стихотвореній. Чувствовалось, что затронута народная струна, которая такъ мощно прозвучала въ двѣнадцатомъ году. Конечно, такой искренній и отзывчивый, столь патріотически-настроенный человѣкъ, какъ Достоевскій, не могъ не откликнуться на тогдашнія событія, но подозрѣвать въ этомъ низменныя побужденія можетъ только Токаржевскій.

Весьма понятно, что Токаржевскій недоумѣвалъ, какимъ образомъ Достоевскій при его воззрѣніяхъ могъ попасть въ каторгу, но во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ права говорить, что Досто-

евскій мечталъ о покореніи всѣхъ народовъ подъ власть кнута, такъ какъ по мысли Достоевскаго единеніе людей должно произойти на основахъ братства, а не въ силу завоеванія при помощи меча. При этомъ главную роль въ достиженіи этого единенія Достоевскій приписывалъ русскому народу, а это-то, надо полагать, и не нравилось Токаржевскому, который предпочелъ бы, чтобы эта роль принадлежала польскому народу. Такая постановка дѣла казалась ему тѣмъ справедливѣе, что по его понятіямъ польскій народъ является носителемъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ русскій народъ погруженъ въ глубокое варварство. Вотъ, напр., какъ Токаржевскій выражается о культурно-просвѣтительномъ значеніи поляковъ въ Сибири. „Мы, поляки-каторжники, въ Омскѣ, Тобольскѣ, Нерчинскѣ, на Уралѣ и въ иныхъ рудникахъ и крѣпостяхъ Сибири, мы, поляки, смѣло можемъ утверждать, что на этихъ сѣверныхъ окраинахъ мы были первыми сѣятелями цивилизаціи и здравыхъ нравственныхъ понятій. Мы не возбуждали тамъ никогда ненависти или мести, а напротивъ чувства любви и прощенія. Дружески протянутыя къ намъ руки, но только руки неоскверненные и чистыя, мы искренно—по-братски готовы были пожать; къ нашей же несчастной родинѣ мы возбуждали горячее сочувствіе и удивленіе“. Все это хорошо, но довольно напыщенно; съ другой стороны, тому, кто знаетъ, что сдѣлали для умственного и нравственного подъема Сибири наши декабристы, работавшіе тамъ задолго до появленія въ ней ссыльныхъ поляковъ, тому—слова Токаржевскаго покажутся совершенно неумѣстными.

IX.

До сихъ поръ мы видѣли въ воспоминаніяхъ Токаржевскаго отрицательныя черты: его враждебное отношеніе къ Достоевскому, презрѣніе къ товарищамъ по каторгѣ и при случаѣ самовосхваленіе. Что же положительнаго даютъ намъ эти воспоминанія и почему они достойны нашего вниманія?

„Записки изъ Мертваго дома“ были привѣтствованы при своемъ появленіи, какъ произведеніе необычайно-реалистическое. Въ литературѣ и обществѣ въ то время былъ спросъ на подобныя произведенія; выше всего цѣнилась „трезвая правда“. Эта репутація реализма впоследствии упрочилась за произведеніемъ Достоевскаго въ русской критикѣ навсегда. Теперь, ознакомившись съ содержаніемъ воспоминаній Токаржевскаго, мы имѣемъ право сказать, что правильность сужденій русской критики о произведеніи Достоевскаго „Записки изъ Мертваго дома“ можетъ быть подтверждена и доказана, такъ

*

сказать, документально. Дѣйствительно, въ этихъ „Запискахъ“ ни одного лица, ни одного разговора, ни одного слова нѣтъ выдуманнаго. Все это—подлинная жизнь, все это—живая реальная дѣйствительность, претворенная творческой фантазіей художника и развернутая передъ нами въ видѣ необъятной картины, полной самыхъ разнообразныхъ сценъ, типовъ, характеровъ и дѣйствій. Токаржевскій повторяетъ многое изъ того, что есть у Достоевскаго, напр., о наказаніи розгами Жоховскаго, о старикѣ-раскольникѣ, котораго всѣ каторжане, а особенно поляки, очень почитали, о еврей Исаи Бумштейнѣ, о дворянинѣ Аристовѣ, котораго такъ не любилъ Достоевскій.

Мы видимъ, что реализмъ произведенія Достоевскаго простирается до того, что можно приводить подлинныя имена лицъ, имъ изображенныхъ. Нѣсколько такихъ именъ мы уже привели. Къ нимъ можемъ прибавить еще плацъ-маіора, котораго Достоевскій называетъ „восьмиглазымъ“, а Токаржевскій Васькой. Это былъ Василій Григорьевичъ Кривцовъ. Карьера его закончилась печально: онъ былъ отданъ подъ судъ и удаленъ отъ службы. Токаржевскій рассказываетъ между прочимъ такой эпизодъ по этому поводу.

Сосланный вторично на каторгу въ 1864 году, онъ проходилъ съ партией арестантовъ черезъ Омскъ и захотѣлось ему вновь посмотреть тотъ острогъ, въ которомъ онъ провелъ семь лѣтъ. Повидавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, онъ возвращался на этапъ, какъ вдругъ на крѣпостномъ мосту его остановилъ какой-то нищій, слезливымъ голосомъ просившій милостыни. „Останавливаюсь, вынимаю портмоне, присматриваюсь и глазамъ своимъ не вѣрю. О, диво, этотъ нищій былъ Васька! Да, это былъ бывший плацъ-маіоръ омской крѣпости В. Г. Кривцовъ. Въ первый моментъ я хотѣлъ отвернуться отъ этой противной гадины и уйти. Но потомъ раздумалъ, и мнѣ захотѣлось отомстить: я далъ ему рубль. Онъ поднялъ свои пьяные глаза, узналъ меня и снялъ шапку.

— Что съ вами, Василій Григорьевичъ?—спросилъ я.

— Богъ наказалъ меня за покойника Жоховскаго, за всѣхъ васъ. Простите.

Онъ хотѣлъ поцѣловать у меня руку, но я не далъ, увѣряя, что мы, поляки, давно забыли всѣ обиды и оскорбленія“. (Характерно, что даже и здѣсь Токаржевскій не преминулъ подчеркнуть благородство поляковъ).

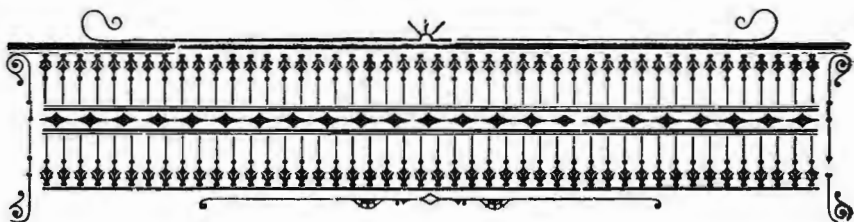
Мы уже указывали, какъ поразительно мѣтко изобразилъ Достоевскій поляковъ, бывшихъ въ каторгѣ, какъ проникъ въ ихъ душу, какими вѣрными чертами обрисовалъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго въ отдѣльности. Токаржевскій какъ нельзя лучше подтверждаетъ все

это своими воспоминаніями. И это тоже положительная сторона его воспоминаній.

Наконецъ, тѣ же воспоминанія даютъ матеріалъ для освѣщенія еще одной мало изслѣдованной подробности въ писательской дѣятельности Достоевскаго. До сихъ поръ многіе, вопреки увѣреніямъ самого Достоевскаго, полагали, что каторга изломала, исковеркала его, что она гибельно повліяла на него, заставивъ кореннымъ образомъ измѣнить свои убѣжденія, что тѣ идеалы, тѣ свѣтлыя надежды и мечты, которыя онъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно же въ „Дневникѣ писателя“, были полною противоположностью идеаловъ и взглядовъ, проводимыхъ имъ на зарѣ его писательства. Воспоминанія Токаржевскаго являются въ настоящее время документомъ, вполне опровергающимъ это предвзятое мнѣніе. Оказывается, что тѣ же идеи, которыя съ такимъ блескомъ, съ такою силою вполне созрѣвшаго таланта Достоевскій развивалъ въ послѣдніе годы своей жизни, онъ высказывалъ еще въ каторгѣ.

В. Храневичъ.

Наброски изъ моей жизни.

Вудучи среднимъ, такъ сказать, человѣкомъ, которыхъ на Руси цѣлые милліоны, я никогда не думалъ писать не только о своихъ воспоминаніяхъ, но даже какія бы то ни было замѣтки о своей жизни. Только теперь, на восьмидесятомъ году, уступая настоянію моихъ дѣтей, желающихъ, чтобы я оставилъ послѣ себя имъ на память какой-нибудь слѣдъ своей жизни, кромѣ сухого формуляра, я позволяю себѣ выступить съ настоящими набросками.

I.

Въ теченіе восьмидесятилѣтней моей жизни неизбежно я встрѣчалъ массу лицъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, общественныхъ и служебныхъ положеній и профессій, съ которыми приходилось сталкиваться по разнымъ причинамъ, а иногда и совмѣстно работать. Въ жизни же моей мнѣ пришлось столкнуться съ людьми самыхъ противоположныхъ направленій, начиная съ лицъ, стоящихъ во главѣ министерствъ до политическаго убійцы Мезенцова. Въ воспоминаніяхъ этихъ моя личность будетъ фигурировать только какъ ничтожная точка, вокругъ которой случайно вращались люди, имѣющіе полное право на власть и авторитетъ и оказавшіе въ свое время большія заслуги.

Отецъ мой былъ служивый дворянинъ и занималъ мѣсто совѣтника правленія Государственнаго заемнаго банка, давно уже не существующаго. На мѣстѣ, гдѣ было это учрежденіе, нынѣ помѣщается Государственная коммиссія погашенія долговъ. Какъ всѣ

дворяне того времени, онъ, чуть ли не съ самаго моего рожденія, записалъ меня кандидатомъ въ I й кадетскій корпусъ.

Я знаю, что отецъ совѣтовался со своимъ сослуживцемъ *Θ. Θ. Кобеко*. Такъ какъ дѣти послѣдняго воспитывались въ Лицеѣ, то онъ совѣтовалъ и отцу моему приготовить меня туда же. Хотя отецъ и имѣлъ на то право, но не имѣлъ средствъ для моей подготовки, ибо съ семьей изъ жены и троихъ сыновей существовалъ только на казенное содержаніе, не оставивъ послѣ себя никакого состоянія вдовѣ, кромѣ нищенской пенсіи того времени. Хотя впоследствии, уже будучи офицеромъ, я обращался къ бывшему въ то время министромъ финансовъ *Броку* объ увеличеніи пенсіи вдовѣ, мужъ которой прослужилъ болѣе 50-ти лѣтъ, но кромѣ сухого отказа ничего не получилъ.

Такимъ образомъ вопросъ о Лицеѣ отпадалъ самъ собою, и отецъ записалъ меня кандидатомъ въ I-й кадетскій корпусъ, за что я благодаренъ ему и по сію пору.

Отецъ, до самаго вечера занятый службой, воспитаніе мое вполне предоставилъ матери, которая, однако, когда мнѣ наступилъ 10-й годъ, рѣшительно заявила отцу, что она, вслѣдствіе крайней живости моего характера, не можетъ даже отвѣчать за мою жизнь. Тогда они вдвоемъ рѣшили меня сбыть въ какое-нибудь казенное учебное заведеніе. Не знаю, какія отношенія тогда существовали между моимъ отцомъ и нѣкимъ инженернымъ генераломъ *Рербергомъ*, знаю только, что по его протекціи, я поступилъ въ Учебный морской и рабочій экипажъ. Что это было за заведеніе, я теперь ничего не могу сказать; помню только имена двухъ бывшихъ въ то время ротныхъ командировъ *Гордіенко* и *Златковскаго*, да начальника полковника *Щитовскаго*. Пробылъ я тутъ не долго, ибо мнѣ исполнилось 10 лѣтъ отъ роду, и отецъ какъ разъ въ это время получилъ изъ I-го кадетскаго корпуса увѣдомленіе о пріемѣ меня въ корпусъ.

Но тутъ у него возникло сомнѣніе: такъ какъ я уже былъ пристроенъ на казенный счетъ, и мнѣ во всякомъ случаѣ предстояло быть офицеромъ, ибо въ этомъ экипажѣ были и офицерскіе классы, то вопросъ сводился къ тому, стоитъ ли перемѣнять одно заведеніе на другое. Не беря на себя рѣшать мою судьбу, отецъ предоставилъ это мнѣ, и я, неизвѣстно почему, нашель, что лучше остаться въ экипажѣ. Но судьба моя оказалась далеко не въ тѣхъ рукахъ, которыя имѣли право распоряжаться ею, и на жизненный путь меня направила женщина, которая меньше всѣхъ имѣла право распоряжаться мною. Это была няня, служившая въ домѣ отца болѣе десяти лѣтъ. Она присутствовала при совѣщаніи и ничего не говорила. Но когда я остался одинъ съ нею, она сказала только одну фразу:

„и охота тебѣ, Сереженька, въ матросы идти, и будутъ тебя всю жизнь называть матросъ смоленая ж-а“. Эта фраза такъ на меня подѣйствовала, что я на другой день со слезами на глазахъ заявилъ отцу, что хочу быть кадетомъ, а матросомъ быть не желаю.

И вотъ, на слѣдующій день отецъ повезъ меня въ корпусъ на Васильевскій Островъ. Часто мнѣ приходится сравнивать тогдашній приемъ съ нынѣшнимъ, и сравненіе это далеко не въ пользу нынѣшняго. При тогдашнемъ приемѣ у родителей не болѣло сердце за своихъ дѣтей; отвозя сыновей въ корпусъ, они знали, что сынъ ихъ во всякомъ случаѣ пристроенъ, получитъ даромъ, если не воспитаніе, то образованіе, будетъ сытъ и одѣтъ, не требуя отъ родителей ни копѣйки денегъ. Не только конкурснаго экзамена не было, но испытаніе въ познаніяхъ не могло даже назваться экзаменомъ. Родителямъ не приходилось, какъ это случается нынѣ, пріѣзжать изъ-за тысячи верстъ и возвращаться обратно ни съ чѣмъ, а только со слезами на глазахъ.

Въ пансіонѣ у какой-то мадамы на Гороховой улицѣ я выучился читать и писать по-русски, запомнилъ нѣсколько басенъ, нѣсколько разговорныхъ фразъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и четыре правила изъ ариеметики. Но всѣ эти мои познанія, сколько помню, очень хромали во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, однако, я удостоился приема и сталъ кадетомъ.

На слѣдующій день насъ еще въ собственныхъ платьяхъ посадили въ классъ; былъ урокъ французскаго языка, который преподавалъ Мирандъ. Между поступившими и сидѣвшими въ классѣ новичками было много и кадетъ, оставшихся на второй годъ въ томъ же классѣ. До прихода учителя эти кадеты тотчасъ же приступили къ намъ, новичкамъ, преподавая правила поведенія. Правила эти, болѣе или менѣе, извѣстны и свойственны всѣмъ закрытымъ заведеніямъ. Запомнить ихъ не представляло большого труда: кадетскій катехизисъ былъ довольно кратокъ и простъ. Существенные принципы его состояли въ томъ, чтобы не жаловаться на побои, не выдавать товарища, не признаваться въ содѣянномъ проступкѣ и пр.

Было еще одно правило, почерпнутое, вѣроятно, изъ обыденнаго общегитія. Существуетъ, говорятъ, давній обычай, что кража собаки и книги не есть воровство. Это до такой степени бываетъ часто, что одинъ мой знакомый нѣкто Кузьминъ всегда на 25-й страницѣ купленной имъ книги писалъ: сія книга украдена у П. А. Кузьмина.

Такой принципъ былъ введенъ кадетами на счетъ съѣстного и гласилъ „воровать другъ у друга съѣстное не грѣхъ“. Это правило особенно тщательно соблюдалось, и кадеты самые честные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ практиковали этотъ законенный кадетскими

правилами грабежъ въ большомъ размѣрѣ. Но это практиковалось отнюдь не посредствомъ насилія, а какимъ-нибудь ловкимъ и хитрымъ способомъ. Но потомъ я убѣдился на себѣ, что многіе старые кадеты упростили этотъ способъ добыванія съѣстнаго; вмѣсто изобрѣтенія всякихъ хитростей, они просто приказывали кадетамъ младшаго возраста приносить себѣ изъ отпуска съѣстное. И это исполнялось точно, ибо въ противномъ случаѣ ожидалась, какъ нынѣ говорится, репрессія. Про себя я, по правдѣ не могу сказать, чтобы очень много отъ этого терпѣлъ, ибо если и приносилъ что-нибудь изъ дому, то весьма немного, да потомъ и сторожилъ свое съѣстное съ усиленной охраной. Къ тому же надо прибавить, что изъ числа отпускныхъ дней врядъ ли половина приходилась на мою долю, я думаю, что большинство изъ нихъ я просидѣлъ безъ отпуска. О причинахъ этого мнѣ придется сказать нѣсколько словъ ниже, а теперь я перехожу прямо къ кадетской жизни.

Нынѣ безпрестанно слышится и отъ родителей и отъ воспитательнаго персонала о переутомленіи дѣтей и юношей. Въ наше время мы и понятія не имѣли объ этомъ словѣ, хотя были заняты почти весь день. Нашъ режимъ былъ слѣдующій: въ 5^{1/2} часовъ мы по звуку барабана должны были вставать; время до 7 часовъ полагалось на молитву, осмотръ чистоты платья, сапогъ, рукъ и завтракъ, который состоялъ изъ габеръ-супа и бѣлаго хлѣба. Въ мое время эта утренняя пища, вскорѣ послѣ моего вступленія въ корпусъ, была замѣнена сбитнемъ съ булкой. Съ 7 до 8 часовъ шли занятія въ залахъ, а съ 8 до 11 были двѣ лекціи въ классахъ, отъ 11 до часу были занятія фронтомъ, гимнастикой, танцами, фехтованіемъ, а въ старшемъ классѣ верховою ѣздой. Отъ часу до трехъ обѣдъ и занятія. Но для занятій уроками почти ничего не приходилось, ибо послѣ обѣда насъ, разставя около своихъ кроватей, учили, какъ отвѣчать начальству, если оно поздороваётся, и какъ раскланиваться, если это начальство съ своей стороны удостоитъ насъ своимъ поклономъ. Все это дѣлалось на случай приѣзда Императора Николая Павловича или В. К. Михаила Павловича, бывшаго въ то время Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ обѣда и усиленныхъ поклоновъ воображаемому начальству, въ 3 часа начинались вечерніе классы до 6 часовъ. Въ 8 ужинали, а въ 9 должны были лечь спать. И при такомъ режимѣ мы въ большинствѣ не чувствовали никакого утомленія, а были свѣжи, бодры, выдумывали всякія школьныя продѣлки надъ своими офицерами и веселились во всю.

И вотъ при такомъ режимѣ въ 1840 году, я попалъ въ нерав-

жированную роту, которою командовалъ капитанъ Михаэль. Это былъ человѣкъ средняго роста съ черными волосами, небольшими усиками и весьма серьезнымъ лицомъ. На меня онъ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе, и я какъ бы почувствовалъ, что отъ него мнѣ придется испытать много непріятнаго, что и случилось въ дѣйствительности.

По прибытіи въ роту насъ заставили выучить наизусть такъ называемое словесное ученіе, состоящее въ заучиваніи именъ и чиновъ всего начальства. Я до сихъ поръ помню, что директоръ корпуса былъ генералъ Годаинъ, батальонный командиръ полковникъ Вишняковъ, инспекторъ классовъ А. Я. Кушакевичъ, его помощникомъ А. І. Даниловскій, старшій докторъ М. Д. Сольскій.

Во время бытности моей въ корпусѣ перемѣнилось три директора, первымъ былъ, какъ я уже сказалъ, генералъ Годаинъ. О немъ я не могу сказать ничего, ибо онъ рѣдко бывалъ въ классахъ или дортуарахъ; да къ тому же онъ былъ при мнѣ не долго. Я помню только его фигуру во время посѣщенія имъ классовъ. Обыкновенно онъ проходилъ по классамъ въ ермолкѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и, хлопая себя по животу, говаривалъ: „изъ cadaго класса по два человѣка“. Къ моему величайшему изумленію и неудовольствію въ числѣ этихъ двухъ или трехъ человѣкъ, какъ-то очень часто попадался я, хотя почти никогда не могъ додуматься, какое такое ужасное преступленіе совершилъ, чтобы подвергаться столь часто тѣлесному наказанію. А тѣлесное наказаніе было тѣмъ болѣе жестоко, что оно находилось въ рукахъ ротнаго командира. Каждый изъ нихъ могъ безнаказанно тиранить дѣтей, сколько ему угодно, и мой ротный капитанъ Михаэль пользовался этимъ безгранично. О немъ нѣсколько лѣтъ назадъ говорилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ нынѣ покойный Жемчужниковъ, бывший нѣкоторое время въ корпусѣ. Каждое утро, послѣ завтрака, онъ приходилъ въ роту и, получивъ рапортъ отъ дежурнаго офицера о поведеніи кадетъ, вызывалъ виновныхъ, обыкновенно человѣка четыре, требовалъ розогъ, и начиналась при посредствѣ четырехъ слугителей кровавая расправа. Надо замѣтить, что наказаніе не всегда сообразовалось со степенью вины; кадетъ, почему-либо заслужившій симпатію Михаэля, избѣгалъ слишкомъ суровой кары, а дурной, по его мнѣнію, кадетъ иногда подвергался наказанію за оторванную пуговицу, невычищенные сапоги и т. п. Но были у него любимчики, родители которыхъ имѣли возможность платить ему за чай, которымъ онъ поилъ ихъ дѣтей два раза въ день.

Не знаю, потому ли, что я часто попадался въ шалостяхъ, а иногда, надо правду сказать, былъ инициаторомъ разныхъ продѣлокъ,

Михаэль не взлюбилъ меня съ перваго раза, и начало дурной репутаціи, которая сопровождала меня до самаго выпуска въ офицеры, было положено имъ. Я думаю, что рекомендація Михаэля переходила изъ роты въ роту вмѣстѣ со мною, а каждый ротный командиръ принималъ эту аттестацію на вѣру и, получивъ меня, уже заранѣе предрекалъ мнѣ мою будущность. Такъ, пока я былъ у Михаэля, онъ не разъ говорилъ мнѣ: „Не думай, что ты хорошо учишься, то будешь офицеромъ, твоя дорога прямо въ кантонисты, ибо поведеніе твое изъ рукъ вонъ—плохо“.

И хотя я инстинктивно чувствовалъ, что ничего безнравственнаго не дѣлалъ, ни въ чемъ позорномъ не былъ замѣченъ, и къ счастью былъ любимъ товарищами, которые никогда меня не выдавали, тѣмъ не менѣе, я надъ угрозой своего замѣчательнаго педагога иногда задумывался. Мнѣ было жалко моего старика-отца, который чуть не каждую субботу самъ приходилъ за мною и вмѣсто того, чтобы взять меня съ собою въ отпускъ, кланялся Михаэлю, выслушивалъ исторію моихъ проказъ за недѣлю и чуть не плача уговаривалъ меня остепениться. Къ стыду своему долженъ признаться, что все это дѣйствовало на меня моментально, я горько плакалъ, раскаивался, но чрезъ нѣкоторое время кипѣвшая кадетская жизнь увлекала меня въ свой омутъ, и я уже снова или стоялъ во главѣ какой-нибудь затѣи или былъ горячимъ участникомъ въ ней.

Слѣдующіе за Михаэлемъ ротные командиры, получивъ мою аттестацію, уже повысили меня въ рангъ и вмѣсто кантонистовъ стали стращать юнкерами, говоря: „Хотя не много малъ ростомъ, но ничего—въ юнкера годишься. Вотъ твоя настоящая дорога“.

И такъ мнѣ предстояла весьма плачевная участь, если бы не явился на сцену мой благодѣтельный геній, въ лицѣ директора корпуса генерала Шлиппенбаха.

Вступленіе Шлиппенбаха въ должность директора произвело на всѣхъ грозное впечатлѣніе. Обходя, однажды, классъ, онъ вызывалъ всѣхъ, у кого были дурные баллы. Набравъ такихъ десятка два, онъ приказалъ принести розги и началъ расправу. Наказаніе не было жестоко, но всѣ были пересѣчены. Этотъ день былъ нами названъ днемъ сорока мучениковъ. Припоминаю одинъ случай, бывший съ Дометти. Получивъ свою порцію и одѣваясь, онъ имѣлъ неосторожность сказать, что онъ не виноватъ, ибо у него нѣтъ способности.

— Нѣтъ способности, бѣдный мальчикъ, ты бы такъ мнѣ и скажь, ну, положите его еще; дайте ему способности.

И несчастнаго Дометти положили снова, нѣсколькими ударами придали ему способности и отпустили съ миромъ.

И этотъ Дометти, уже рѣшившійся не кончить курса и выйти въ гарнизонный баталіонъ, дошелъ до спеціальныхъ классовъ, вышелъ въ офицеры и, кажется, былъ переведенъ въ гвардію.

Въ мое время въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ гарнизонный баталіонъ, называвшійся баталіономъ внутренней стражи. Командирами этихъ баталіоновъ назначались, если не исключительно, то по преимуществу гвардейскіе офицеры. Кромѣ того, при батальонѣ находились инвалидныя и этапныя команды. Офицерами въ этихъ батальонахъ и командахъ были выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.

И вотъ въ такое-то общество добрые наставники и выбрасывали часто молодежь. Я не скажу, чтобы это поощрялось начальствомъ, и чтобы выкидывалось за бортъ очень много, но смѣло скажу, что не знаю примѣра, чтобы кто-нибудь теплымъ словомъ уговорилъ кадета хоть какъ-нибудь кончить курсъ и выйти въ армію, а не въ юнкера или въ гарнизонъ. Никто не рисовалъ ему картину предстоящей жизни среди почти всегда пьяныхъ будущихъ товарищей; никто не останавливалъ его, когда онъ, ходя по залу, громко распѣвалъ:

Мы знаемъ твердо нашъ законъ.
И на судьбу свою не ропщемъ.
И, чтобы выйти въ гарнизонъ,
Довольно быть въ четвертомъ общемъ.

Отпраздновавъ сорокъ мучениковъ, Шлиппенбахъ сдѣлалъ крутой переломъ; самъ онъ наказывалъ тѣлесно очень рѣдко и не жестоко, но ни одинъ ротный командиръ не могъ своею властью высѣчь кадета. Не знаю, было ли это распоряженіе свыше или инициатива принадлежала самому Шлиппенбаху, могу сказать только, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, зналъ почти каждаго кадета, обращался съ нами очень ласково и даже простилъ мнѣ крайне необдуманнѣйшій поступокъ.

Такъ какъ многіе не ходили въ отпускъ, потому, что не имѣли въ городѣ ни родителей, ни знакомыхъ, а между тѣмъ были на хорошемъ счету, то имъ дозволялись нѣкоторыя вольности и между прочимъ кататься верхомъ въ манежѣ съ разрѣшенія не помню чьего. Должно быть, ротнаго командира. Какъ бы то ни было, въ одно изъ воскресеній, почему-то такого разрѣшенія не дали. Между тѣмъ, многіхъ разбирала охота покататься верхомъ, но они не знали, что дѣлать. Тогда на помощь имъ явился я.

— Давайте, я вамъ подпишу разрѣшеніе—сказалъ я.—Никакъ ты съ ума сошелъ; тебя за это непременно выгонятъ изъ корпуса, развѣ можно подписываться подъ чужую руку.

— Зачѣмъ подѣ чужую; я подпишу какъ слѣдуетъ свою фамилію.

Верховой ѣздѣ обучалъ берейторъ Бирнбаумъ; но самъ онъ рѣдко бывалъ, а обыкновенно обучалъ берейторъ унтеръ-офицеръ Слажневъ безграмотный, какъ всѣ нижніе чины того времени. Когда онъ получалъ разрѣшительную записку, то дѣлалъ видъ будто бы ее читаетъ, на самомъ же дѣлѣ онъ считалъ подчеркнутыя фамиліи и по числу этихъ фамилій приказывалъ осѣдлывать назначенное число лошадей. Мы всѣ это очень хорошо знали. И вотъ я, не долго думая, взялъ бумагу и написалъ выдать лошадей Иванову 1, Иванову 2, Иванову 3 и Иванову 4-му; всѣ фамиліи подчеркнулъ и подписалъ заслуженный кадетъ Зыковъ.

Я такъ мало думалъ объ этомъ неосторожномъ поступкѣ, что тотчасъ же и забылъ его, будучи увѣренъ, что подпись моя никогда не выйдетъ наружу, ибо никакъ не предполагалъ, чтобы берейторъ хранилъ эти записки или передавалъ ихъ кому-нибудь.

Каково же было мое удивленіе и страхъ, когда въ одинъ прекрасный день Шлиппенбахъ вошелъ въ роту, съ какою-то бумажкою въ рукѣ и произнесъ совершенно спокойно:

— А кто тутъ у васъ заслуженный кадетъ? Поди-ка сюда. Я стоялъ и молчалъ.

— Что же, братъ, заслуженный, напакостить съумѣлъ, а отвѣчать боишься.

Я вышелъ впередъ.

— Ну, теперь выходите четыре Иванова.

Никто не выходилъ; Шлиппенбахъ, выждавъ немного, обратился ко мнѣ.

— Ну, такъ ты, заслуженный, покажи четырехъ Ивановыхъ, которые тебѣ повѣрили.

Я конечно молчалъ, а потомъ сталъ говорить, что это было такъ давно, что не помню и никого не могу назвать. Шлиппенбахъ, зная кадетскую жизнь и будучи человѣкомъ добрымъ, хорошо понималъ, что я не выдамъ товарищей, и прибѣгать къ тѣлесному наказанію не желалъ, почему, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Учишься ты хорошо, но шалишь много, а за такую шалость слѣдовало бы тебя посѣчь, ну, да ужъ Богъ съ тобой. Посадите его подѣ арестъ, да не пускайте его въ отпускъ цѣлый мѣсяцъ, пусть посидитъ и опомнится.

Услышавъ такую милостивую и столь неожиданную резолюцію, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, рассчитывая угодить въ юнкера. Я вдругъ почувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ; мнѣ стало какъ-то совѣстно за самого себя, и въ эту минуту я искренно

раскаивался въ своемъ поступкѣ и готовъ былъ подвергнуться какому угодно наказанію.

Прошелъ мѣсяць, и я былъ уже у Шлиппенбаха на одномъ изъ вечеровъ, устраиваемыхъ имъ у себя дома, куда приглашались нѣкоторые кадеты, проводя время среди его семьи, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ дочерей.

Прошло мѣсяца два, и Шлиппенбахъ, придя однажды въ роту, обратился къ ротному командиру съ вопросомъ:

— А что, заслуженный кадетъ какъ ведетъ себя?

— До сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ не былъ.

— Ну, такъ вы произведите его въ ефрейторы, учится онъ хорошо, а шалить перестанетъ; ему совѣстно будетъ шалить.

Такой сюрпризъ меня ошеломилъ, ничего подобнаго я не ожидалъ и даже не понималъ.

Видя къ себѣ такое доброжелательное отношеніе, я дѣйствительно прекратилъ свои школьныя выходки и уже ни въ чемъ не попадался. Къ сожалѣнію, Шлиппенбахъ вскорѣ оставилъ корпусъ. Причиною удаленія его было то обстоятельство, что онъ съ какимъ-то другимъ компаніономъ пустилъ по Невскому проспекту омнибусы. Это не понравилось Императору Николаю Павловичу, и онъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній.

Съ удаленіемъ Шлиппенбаха директоромъ былъ назначенъ въ чинѣ полковника Лихонинъ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ другого сорта; мягкій по наружи, онъ былъ черстваго сердца, не заслужилъ ни въ комъ симпатіи.

Съ производствомъ моимъ въ ефрейторы, репутація моя въ глазахъ ротнаго командира измѣнилась не много. Если я ни въ чемъ не попадался, то это приписывалось моей хитрости, и многія чужія продѣлки приписывались безъ всякаго основанія моему тайному руководительству, вслѣдствіе чего я оставался ефрейторомъ безъ всякаго повышенія и только уже передъ самымъ выпускомъ въ офицеры, чтобы я не потерялъ старшинства, меня произвели въ унтеръ-офицеры.

Какъ бы то ни было, но, наконецъ, въ 1849 г. я, къ моему счастью и радости отца, вопреки предсказаніямъ моихъ добрыхъ воспитателей, попалъ не въ кантонисты или юнкера, а въ офицеры и при томъ въ артиллерію. Въ мое время гвардія была доступна только для фельдфебелей, которыхъ было по числу ротъ пять. Затѣмъ, слѣдующіе смотря по балламъ выходили по желанію въ артиллерію или въ саперы, а затѣмъ всѣ остальные въ армію или въ линейныя баталіоны.

Считаю не лишнимъ сказать два, три слова о гордакахъ, приво-

зимыя ежегодно въ кадетскіе корпуса съ Кавказа. Это были дѣти такъ называвшихся въ то время мирныхъ черкесовъ. Въ мое время въ 1-мъ корпусѣ было человекъ десять, изъ которыхъ я хорошо помню князя Махтіева, Туганова, Балакаши Алибекъ Араблинскаго и немирнаго сына знаменитаго Шамиля. Всѣ они ходили въ своихъ національныхъ красивыхъ костюмахъ, при чемъ парадные костюмы ихъ, обшитые серебромъ, отличались роскошью. Въ одной экспедиціи сынъ Шамиля былъ раненъ въ руку казачьей пикой и взятъ въ плѣнъ. Сначала онъ ходилъ въ національномъ костюмѣ, а потомъ въ обыкновенной кадетской курткѣ, совершенно обрусѣвъ, былъ прекраснымъ товарищемъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ разныхъ продѣлкахъ.

Мнѣ необходимо сказать о Шамилѣ нѣсколько словъ, въ виду того, что о немъ создалась цѣлая романическая легенда. Еще недавно кто-то писалъ, какъ онъ влюбился въ какую-то аристократку, велъ съ нею переписку на французскомъ языкѣ и съ горестью разставался съ нею, уѣзжая на Кавказъ. Все это отъ начала до конца совершенный вздоръ.

Всѣмъ прошедшимъ чрезъ военно-учебное заведеніе очень хорошо извѣстно, что иностранные языки были въ полномъ загонѣ, и если постунавшіе въ корпусъ были знакомы съ французскимъ языкомъ, то, по вступленіи въ корпусъ, пробывъ въ немъ семь и восемь лѣтъ, совершенно его забывали. Это было даже съ нѣмцами, которые забывали свой природный языкъ, тѣмъ менѣе, конечно, могъ изучить сколько-нибудь основательно французскій языкъ Шамиль, что и было въ дѣйствительности. Никакихъ знакомствъ внѣ корпуса онъ не имѣлъ и ни къ кому въ отпускъ не ходилъ. Вообще горцы или сидѣли все время въ корпусѣ или нѣкоторые изъ нихъ иногда ходили къ своимъ знакомымъ, служившимъ въ конвоѣ, казармы которыхъ находились тамъ, гдѣ нынѣ выстроена синагога.

Я самъ не былъ свидѣтелемъ отправленія его на родину, но слышалъ, что онъ очень неохотно туда отправлялся. Оно и понятно: привыкнувъ къ жизни цивилизованной, получивъ нѣкоторое образованіе, пользуясь нѣсколько лѣтъ относительнымъ комфортомъ, ему не могло быть пріятнымъ вернуться къ аульной жизни на Кавказѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть и самого отца Шамиля. Во время пребыванія его въ Петербургѣ съ него снимали портретъ въ фотографическомъ павильонѣ Главнаго Штаба, гдѣ имѣется въ огромномъ масштабѣ рельефная карта Кавказа. Я былъ свидѣтелемъ, какъ быстро ориентировался онъ при первомъ взглядѣ на карту; онъ тотчасъ же началъ что-то показывать и быстро говорить. Это онъ съ жаромъ указывалъ на ту долину Алазани, въ которой, сдѣ-

лавъ набѣгъ, взялъ въ плѣнъ княгиню Орбельяни, взявъ которой получилъ своего сына.

Другой сынъ Шамяля, оставшійся при отцѣ, служилъ въ турецкихъ войскахъ, дрался противъ насъ, а по окончаніи войны поступилъ къ намъ на службу и, кажется, кончилъ жизнь въ чинѣ генерала, служа въ Казанскомъ округѣ.

Оканчивая описаніе кадетской жизни, нахожу обязаннымъ упомянуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ преподавателей, которымъ многіе обязаны. Въ числѣ ихъ были Плаксинъ, Добровольскій, Макинъ и Соколовскій. Василій Тимоѣевичъ Плаксинъ былъ добрый и честный старикъ, любившій свое дѣло, прекрасно читавшій басни Крылова, но не терпѣвшій появившуюся въ то время такъ называемую натуральную школу. Онъ былъ искренно преданъ тѣмъ эстетическимъ началамъ, которыми проникнуты произведенія Пушкина и Лермонтова, и отъ души ненавидѣлъ Гоголя. Это очень часто возбуждало между нимъ и нами споры. Но, если мы не могли еще, по недостатку знаній, съ твердостью ему противорѣчить и представлять свои резоны, то и онъ въ свою очередь, осуждая произведенія Гоголя, приводилъ одну только фразу: „къ чему Гоголь показываетъ то, что сама природа у животныхъ прикрыла хвостомъ“. Его поклоненіе Пушкину и Лермонтову отразилось и на насъ, мы очень часто въ свободное время повторяли стихотворенія этихъ поэтовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ остались въ моей памяти до нынѣ, хотя мнѣ уже восьмидесятый годъ. Я и теперь могу безошибочно продекламировать всѣ сцены между Онѣгинимъ и Татьяною, и между Татьяною и нянею, а между тѣмъ я не развертывалъ этихъ страницъ со времени моего выпуска. Понятно, съ какимъ чувствомъ я могъ въ 60-хъ годахъ относиться къ тѣмъ критикамъ, которые, переоцѣнивая русскую литературу, увѣрили русскую интеллигенцію, что Пушкинъ не стоитъ ломаннаго гроша, а поэзія его, все равно, что сапоги въ смятку.

Другой преподаватель, оставившій по себѣ въ насъ хорошую память, былъ С. М. Добровольскій, преподававшій самый сухой предметъ—законовѣдѣніе.

Несмотря на то, что программа пестрѣла названіемъ разныхъ административныхъ мѣстъ, начиная отъ Государственнаго Совѣта до Нижняго Земскаго Суда, тѣмъ не менѣе, изъ сравненій нашего законодательства съ западными у каждаго изъ насъ слагалось извѣстное убѣжденіе, которое и закрѣплялось въ нашихъ молодыхъ умахъ. Я вовсе не имѣю права сказать, чтобы преподаватель съ умысломъ подчеркивалъ дурное у насъ и хорошее за границею, но это являлось само собой, и при томъ нерѣдко преподаватель только

отвѣчалъ на наши вопросы. Надо замѣтить, что былъ уже 1848 г., время французской революціи, которая даже въ то суровое время болѣе или менѣе подробно описывалась въ русскихъ газетахъ. Читая въ газетахъ о ходѣ революціи и не понимая многого въ ея ходѣ и развитіи, мы по неволѣ обращались къ нашимъ симпатичнымъ преподавателямъ, которые многое намъ разъясняли тѣмъ болѣе охотно, что тогда, не такъ какъ нынѣ, на очереди былъ вопросъ не социальный, а чисто политическій и шелъ изъ-за борьбы между королемъ съ министрами и его парламентомъ.

Преподаватель исторіи г. Макинъ отличался большою скромностью и деликатностью. Онъ не ограничивался только сухимъ изложеніемъ историческихъ фактовъ, но, по возможности, характеризовалъ цѣлую эпоху, указывая рельефно на главныхъ дѣятелей, которые, такъ сказать, создавали эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на то или другое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Такимъ образомъ я, по его совѣту, приобрѣлъ замѣчательное сочиненіе, руководство Лоренца въ пяти томахъ, сохранившееся у меня до нынѣ.

И надо сказать, что съ 1844 года до нынѣ не вышло ни одного руководства равнаго ему по достоинству.

Преподаватель статистики, г. Соколовскій былъ очень рѣзокъ, но преподавалъ прекрасно и обстоятельно знакомилъ насъ не только съ дѣятелями чистой статистики, какъ пасторъ Зюсьмилхъ, но и съ крупными дѣятелями по части политической экономіи. Онъ цитировалъ намъ Адама Смита и знакомилъ насъ съ физиократами и меркантилизмомъ. Словомъ, кто хотѣлъ учиться, тотъ могъ получить, если далеко не полное знаніе политической экономіи, то по крайней мѣрѣ имѣлъ азбуку этой науки и при добромъ желаніи могъ читать и продолжать далѣе. По крайней мѣрѣ, я не безъ интереса прочитывалъ нѣкоторыя статьи и въ томъ числѣ помню статью профессора Петербургскаго университета Милютина „Пролетаріи и пауперизмъ во Франціи и Англіи“, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевского, если не ошибаюсь, въ 1848 или въ 1849 году.

Прекрасно преподавая, Соколовскій отличался рѣзкостью своего характера. Какъ теперь помню, что многимъ не давалось понятіе о разницѣ между цѣною и цѣнностью, при чемъ бывшая въ литографированныхъ запискахъ фраза „выраженіе полезности въ сферѣ потребности“ многихъ приводила въ смущеніе. Тогда Соколовскій не понимавшимъ этой фразы говорилъ: „вѣдь не кочанъ же капуста на вашихъ плечахъ!“.

Вообще надо сказать, что если мы получили какія-нибудь научныя свѣдѣнія, то только отъ этихъ трехъ преподавателей.

Необходимо прибавить, что развитію нашему много способствовало чтеніе. Мой двоюродный братъ П. А. Фроловъ былъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ и получалъ этотъ журналъ, которымъ пользовался я. Кто-то другой привозилъ „Современникъ“; наконецъ третій привозилъ „Библиотеку для чтенія“ Сенковского. Правда, что мы не могли въ то время по достоинству оцѣнить редакторское зубоскальство Сенковского и съ удовольствіемъ читали его комично-критическія статьи.

Ко всему этому надо прибавить, что мы имѣли возможность читать нѣкоторыя книги, недоступныя для публики. Этому способствовали два брата Дубельтъ, бывшіе племянниками грознаго, въ свое время начальника III отдѣленія. Дубельты ходили къ нему въ отпускъ и отъ него привозили запрещенные плоды. Къ сожалѣнію, я помню только одну книгу, подъ заглавіемъ „Продѣлки на Кавказѣ“, подписанную, вѣроятно псевдонимомъ, Хамеръ Дебанова.

Что касается дежурныхъ офицеровъ, которые въ то время играли роль воспитателей, то я лучше умолчу, —немногихъ изъ нихъ можно помянуть добрымъ словомъ. Лучшіе изъ нихъ были гвардейскіе и артиллерійскіе офицеры. Многіе даже изъ преподавателей относились къ намъ довольно отрицательно; такъ подполковникъ Германъ весьма часто при шумѣ обращался къ намъ со слѣдующей фразою: „если вы, господа, не прекратите шумъ, то я обращусь къ полиціи“. Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣвалъ дежурнаго офицера.

Въ заключеніе надо сказать о двухъ великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ. Каждый разъ передъ лагернымъ сборомъ на ученье, на корпусномъ плацу, они подъ наблюденіемъ генераль-адъютанта Философова и свитскаго генерала Корфа присылались въ строй, становясь въ кадетскіе ряды. Также точно дѣлалось и въ лагерное время. Здѣсь они держали себя совершенно просто, а во время лагерей на ночныхъ маневрахъ отличались большою рѣзвостью и вмѣстѣ съ кадетами устраивали разныя продѣлки надъ спящими. Въ особенности своею живостью, любезностью и безпритязательностью отличался всѣми любимый Николай Николаевичъ, сохранившій до конца своей жизни благородство характера, природную доброту и безпритязательную любезность, какъ съ равными, такъ и съ подчиненными.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1849 года окончилась моя кадетская жизнь, и я былъ произведенъ въ 2-ю полевую артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ въ резервную батарею.

Будучи произведенъ въ прапорщики 2-й полевой артиллерійской бригады, мнѣ вовсе не пришлось въ ней побывать. Въ то время пе-

реводъ изъ артиллеріи въ другіе ряды войскъ не допускался вовсе, а артиллеристовъ для уравниванія офицеровъ весьма часто переводили изъ одной бригады въ другую. Къ тому же въ 1849 году шла венгерская кампанія, и для пополненія комплекта къ артиллерійскимъ частямъ прикомандировывали офицеровъ изъ гарнизонной артиллеріи, производимыхъ изъ фейерверкеровъ и фельдфебелей.

Таковъ былъ составъ резервной и запасной артиллерійской бригады, въ которой мнѣ приходилось начинать службу. Въ батареѣ только одинъ былъ, также какъ и я, изъ кадетъ Дворянскаго полка, нѣкто Шавровъ.

Съ трудомъ отыскалъ я свое новое мѣсто служенія, расположенное среди лѣсовъ Минской губерніи въ довольно большой деревнѣ Автютевичи. Такъ какъ Шавровъ уже тутъ устроился, то онъ пригласилъ меня на совмѣстное жительство въ своемъ помѣщеніи, а помѣщеніе это состояло изъ курной избы съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, съ волоковымъ окномъ, чернымъ отъ большихъ таракановъ потолкомъ и землянымъ поломъ.

Не скажу, чтобы я съ ужасомъ и отвращеніемъ избалованнаго мальчика посмотрѣлъ на свое новое жилище, но все-таки меня немного покорибило. Сознывая, впрочемъ, что если постоянный жилецъ выносить эти прелести тогдашней военной стоянки, то чѣмъ же я лучше его. Поблагодаривъ его за гостепріимство, я сталъ жить вмѣстѣ съ нимъ.

Резервныя и запасныя батареи формировались на время войны, а такъ какъ венгерская кампанія оканчивалась, то новыхъ формированій не было, и наша батарея, не имѣвшая ни лошадей, ни орудій, не дѣлала ровно ничего. Въ теченіе цѣлой зимы мы не выходили изъ избы, а весною насъ перевели въ мѣстечки Хойники и Брагино, гдѣ мы тоже ничего не дѣлали.

Живя въ деревнѣ и ничего не дѣлая, можно было сойти съ ума, если бы не одно случайное обстоятельство. Послѣ Шлиппенбаха кадетскимъ лагеремъ командовалъ начальникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ генераль Сутгофъ. Юнкера прозвали его Капфигомъ; это названіе перешло и во всѣ другія заведенія, а на наши вопросы, почему его такъ называли, намъ объясняли, что онъ надоѣлъ всѣмъ, безпрестанно говоря: „читайте, господа, Капфига“. Когда я узналъ, что Капфигъ авторъ книгъ, содержащихъ въ себѣ историческіе очерки Франціи, то купилъ нѣсколько книжекъ и увезъ съ собою, вмѣстѣ съ лексикономъ. Вотъ эти-то книги и служили мнѣ развлеченіемъ.

Прошло два года, какъ я былъ артиллеристомъ, не имѣя ни ма-

*

лѣйшаго понятія о настоящей артиллерійской службѣ. Въ корпусѣ была довольно обширная программа по артиллеріи; мы хорошо знали номенклатуру всѣхъ употреблявшихся орудій: полевыхъ, крѣпостныхъ, горныхъ и осадныхъ; знали всѣ снарядовъ и зарядовъ, свойство пороха, теорію повозокъ, но не имѣли ни малѣйшаго понятія о службѣ, почему, когда въ 1851 г. я былъ переведенъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду и очутился въ строю, то былъ почти цѣлый годъ въ самомъ ужасномъ положеніи. При всякомъ перестроеніи не только на рысяхъ, но даже на шагѣ, несмотря на то, что я ѣздилъ порядочно, я ежеминутно рисковалъ быть раздавленнымъ при эволюціяхъ, не зная артиллерійскаго устава. Опытные фейерверкеры подсказывали намъ, что нужно дѣлать и что командовать, но сами мы были совершенно безпомощны по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лагерныхъ сборовъ.

Здѣсь въ Варшавѣ я впервые увидѣлъ будущаго военнаго министра Н. О. Сухозанета и при томъ въ довольно комичномъ видѣ. Онъ производилъ ученье нашей бригадѣ, въ которой состоялъ мой товарищъ по корпусу, человекъ очень способный и даже талантливый, но вовсе не способный для военной службы. И вотъ во время ученья на рысяхъ, когда всѣ четыре батареи несутся въ одномъ направленіи, взводъ, то есть два орудія, бывшія подъ командою этого офицера, скачутъ въ противоположную сторону.

Какъ всегда, на полѣ собралась масса народа, по преимуществу еврейскаго, глазѣтъ на интересное ученье.

Какъ только Сухозанетъ увидѣлъ ошибку взводнаго командира, онъ обращается въ сторону толпы и громко кричитъ:

— Народъ, удались; не будь свидѣтелемъ измѣны и позора офицера русской арміи. Онъ бѣжитъ къ непріятелю.

Въ то же время онъ обращается къ батарейному командиру и говоритъ:

— Стрѣляйте въ измѣнника.

Такова была шутовская картина смотра.

На слѣдующій годъ, я отправился въ двадцативосьми-дневный отпускъ въ Петербургъ. Проѣзжая чрезъ Варшаву, я обязанъ былъ явиться начальнику артиллеріи, то есть тому же Сухозанету. Прождавъ, сколько слѣдовало, Сухозанетъ вышелъ въ какомъ-то загадочномъ фланелевомъ костюмѣ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, Мордвинова, бывшаго потомъ при Д. А. Милютинѣ директоромъ канцеляріи военнаго министерства.

Осмотрѣвъ меня презрительно величаво съ ногъ до головы, онъ приступилъ къ допросу.

— Ты былъ въ Петербургѣ?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

— А что ты тамъ дѣлалъ?

Не зная, что отвѣчать на подобный вопросъ, я молчалъ.

— Сколько же времени ты тамъ пробылъ?

— Двадцать восемь дней.

— Ну что же тамъ новаго?

Я молчалъ, приведенный въ полное смущеніе. Не рассказывать же мнѣ, что я провелъ очень пріятно время у тогдашняго петербургскаго волшебника И. И. Излера, устраивавшаго въ то время волшебныя, по словамъ Булгарина, гулянья съ цыганскими хорами и хоромъ пѣсельниковъ Молчанова.

Выждавъ нѣсколько, Сухозанетъ спросилъ опять:

— Что же новаго въ Петербургѣ?

Этотъ вторичный вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку и, вѣроятно, желая избавиться отъ этой пытки, я смѣло отвѣтилъ:

— Ничего, Ваше Превосходительство.

Каково же было мое удивленіе и ужасъ, когда Сухозанетъ, обращаясь къ Мордвинову, произнесъ:

— Мордвиновъ, запиши этого нерадиваго офицера. Двадцать восемь дней онъ пробылъ въ Петербургѣ и не знаетъ, что вышелъ новый артиллерійскій уставъ.

Мордвиновъ поклонился и началъ что-то писать на клочкѣ бумаги.

Но я долженъ сказать, что для меня отъ этой записки никакой бѣды не послѣдовало.

Затѣмъ я видѣлъ Сухозанета уже въ качествѣ военнаго министра, когда онъ на приемахъ, полуслѣпой останавливаясь передъ своимъ изображеніемъ въ зеркалѣ, спрашивалъ, что вамъ угодно, и писалъ свои знаменитыя и безграмотныя резолюціи.

Во время службы моей въ 5-й артиллерійской бригадѣ я познакомился съ бывшими въ то время порядками въ артиллеріи, которая тогда комплектовалась, главнымъ образомъ, бывшими кадетами.

Существовавшее въ то время, одно на всю артиллерію артиллерійское училище не могло пополнять комплекта всей артиллеріи, почему лучшіе по успѣхамъ кадеты выпускались въ артиллерію вмѣстѣ съ тѣми изъ артиллерійскаго училища, которые не прошли черезъ офицерскіе классы, тѣ же юнкера, которые окончили курсъ офицерскихъ классовъ, поступали въ гвардейскую артиллерію, въ военно-техническія заведенія или шли преподавателями въ военно-учебное заведеніе.

Преимущество артиллеріи состояло въ томъ, что она не имѣла существовавшаго въ арміи маіорскаго чина и артиллерійскіе капи-

таны производились, также какъ и саперы, не въ майоры, а въ подполковники.

Понятно, что офицерскій составъ здѣсь былъ много лучше, общество держалось дружиѣе и иногда, хотя довольно рѣдко, батареинный командиръ долженъ былъ считаться съ единодушнымъ голосомъ общества офицеровъ. Обращеніе съ офицерами было приличнѣе.

У большей части командировъ былъ столъ для офицеровъ; лошади содержались на батареинномъ довольствіи, и командиръ заботился только о справочныхъ цѣнахъ и объ экономическихъ выгодахъ своего собственнаго кармана. На ученьяхъ онъ появлялся очень рѣдко; о строевомъ обученіи забота лежала на старшемъ офицерѣ. Когда же ученье производилъ самъ батареинный командиръ, то вся разница состояла въ томъ, что чаще слышалась команда: „Стой, ѣздовые слѣзай“, вслѣдъ за которою слышались частые глухіе удары нагаекъ о солдатскія спины. Извѣстно, до какихъ тонкостей доходило въ то время муштрованіе, и какое значеніе этой муштровкѣ придавали командиры частей. Я самъ слышалъ, что батареинный командиръ, наказывая ѣздового за то, что онъ дурно равнялся, говорилъ, что строй это церковь, а не равняться въ строю это значитъ обокрасть церковь. Такова была логика нѣмца З—ра.

Въ заключеніе моей артиллерійской службы, не лишнимъ будетъ сказать о ежегодныхъ экзаменахъ въ артиллеріи. Экзамены эти обязаны были держать всѣ офицеры до штабсъ-капитанскаго чина. Каждый офицеръ долженъ былъ представить письменный отвѣтъ изъ фортификаціи, артиллеріи, механики, аналитической геометріи, геометріи и алгебры. Самый же экзаменъ производился различно. Иногда весь трудъ составленія задачъ и отвѣтовъ на нихъ возлагался на вновь прибывшаго въ батарею офицера, который, какъ должно было полагать по теоріи, не могъ еще забыть ту премудрость, которую впиталъ въ себя въ учебномъ заведеніи. Затѣмъ вопросы эти съ составленными на нихъ отвѣтами разбирались офицерами, переписывались начисто, подписывались и отправлялись въ бригадный штабъ. Понятно, что офицеръ, одинъ разъ выдержавшій подобный экзаменъ, уже не робѣлъ и могъ съ удовольствіемъ подвергаться такому экзамену хотя бы до генеральскаго чина и притомъ еженедѣльно.

Такая унижительная для обѣихъ сторонъ комедія продолжалась до 1858 года, когда генераль-майоръ Константиновъ возсталъ противъ экзаменовъ, назвавъ поступки обѣихъ сторонъ ихъ собственными именами. Онъ громко высказалъ, что экзамены вмѣсто поощренія къ занятіямъ молодыхъ офицеровъ даютъ имъ лишь поводъ

ухищряться въ подлостяхъ, а потомъ издѣваться надъ слѣпымъ распоряженіемъ, наносятъ этимъ ущербъ службѣ и самой нравственности офицеровъ, унижая ихъ личное достоинство и затрудняя начальство.

Только послѣ такого откровеннаго мнѣнія генерала Константинова, экзамены были отмѣнены въ 1858 году.

Въ 1851 году мой однокашникъ и сослуживецъ по батарее Жуковъ и другой однокашникъ Лаврентьевъ выбыли въ Академію, о чемъ началъ подумывать и я. На счетъ Академіи, между прочимъ, началась переписка, которая совершенно охладила меня въ моемъ рвеніи поступить туда. Про Академію они писали ужасныя вещи; въ письмахъ говорилось о невозможномъ режимѣ, о директорѣ ея, Сухозанетѣ, обращающемся съ офицерами необыкновенно грубо и просто унижительно. Словомъ, оба они совѣтовали подождать, ибо уже носились слухи, что вскорѣ онъ долженъ уйти.

Однако желаніе выбиться изъ той колеи, въ которую я попалъ, было слишкомъ велико, и я хотѣлъ во что бы то ни стало испробовать свои силы на болѣе разнообразномъ пути. Не скажу, что я хотѣлъ бѣжать изъ того общества, среди котораго жилъ; отнюдь нѣтъ; я въ высшей степени былъ доволенъ этимъ обществомъ, радушно встрѣтившимъ меня при переводѣ въ батарею и съ ласкою проводившимъ изъ него. Я съ удовольствіемъ вспоминаю фамиліи Дрентельна, Тышкевича, Дадурова, Заблоцкаго, Черновскаго, Кричинскаго, Лангенса и друг. Всѣ они были люди честные, добрые, и, насколько можно было, облегчали, при тогдашнемъ суровомъ режимѣ, горькое положеніе солдата. Во всякомъ другомъ случаѣ я не покинулъ бы такого общества, если бы не забота о своемъ личномъ положеніи.

Какъ бы то ни было, я рѣшилъ, чтобы ближе ознакомиться съ дѣломъ, основаться въ Петербургѣ. Но какъ туда попасть? Надо замѣтить, что въ мое время переводы были куда легче нынѣшнихъ.

Не угодно ли нынче попасть въ гвардію. Для этого, кромѣ ценза, нужно еще согласіе общества офицеровъ. А это не такъ легко. А въ то время мой родственникъ, изъ Кронштадтскаго линейнаго баталіона, инспекторскимъ департаментомъ, безъ всякаго запроса командира полка, былъ переведенъ въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ.

Рѣшивъ во что бы то ни стало основаться въ Петербургѣ, я изъ Варшавы написалъ отцу, чтобы онъ постарался какъ-нибудь устроить меня въ Петербургѣ, и сталъ терпѣливо ожидать своей участи. Наконецъ, въ 1858 году я прочелъ, что прикомандировываюсь къ учебной артиллерійской бригадѣ, которая была расположена на Выборгской сторонѣ въ одномъ зданіи съ артиллерійскимъ училищемъ.

Впослѣдствіи мнѣ рассказали, какимъ путемъ состоялся мой переводъ. Чиновникъ инспекторскаго департамента, переведшій своего сына изъ линейнаго баталіона въ гвардію, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ чиновникомъ артиллерійскаго вѣдомства, состоявшимъ при дежурномъ штабъ-офицерѣ Якимахѣ. И вотъ этотъ-то чиновникъ, кажется Григорьевъ, изъ солидарности взаимныхъ другъ другу услугъ и устроилъ это дѣло. Вѣроятно, это что-нибудь стоило моему отцу, который, однако, никогда мнѣ этого не открылъ.

Какъ бы то ни было, но одна изъ цѣлей моихъ была достигнута.

Учебная артиллерійская бригада состояла изъ трехъ батарей; одна, которою командовалъ Полубояриновъ, имѣла лошадей, а другія двѣ не имѣли; всѣми тремя батареями командовалъ полковникъ Ведемейеръ. Здѣсь моими сослуживцами были Языковъ, обучавшій насъ въ корпусѣ приѣмамъ при орудіяхъ, Бѣлянинъ и Петрушевскій, авторъ біографіи Суворова.

Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ преподаватель Закона Божія о. Ниль, рѣшилъ важный религіозно-философскій вопросъ о Св. Троицѣ. Стоящій передъ нимъ солдатъ изображалъ на своемъ лицѣ полное недоумѣніе.

— Вотъ никакъ не могу втолковать о единствѣ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Такъ какъ я въ этомъ случаѣ не могъ ему ничѣмъ помочь, то промолчалъ.

О. Ниль, подумавъ немного, вновь обратился къ солдату:

— Подай сюда твою шапку.

— Вотъ это что? спросилъ онъ, указывая на верхъ тульи.

— Это верхъ, отвѣчалъ солдатъ.

— А это? продолжалъ онъ, указывая на околышъ.

— Околышекъ.

— А это?

— Это козырекъ, былъ отвѣтъ.

— А все вмѣстѣ?

— Шапка.

— Ну вотъ видишь, какъ это просто: тулья, околышъ и козырекъ три вещи, а все вмѣстѣ одна вещь-шапка. Ну теперь понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ солдатъ.

Здѣсь же въ Петербургѣ отъ бывшихъ въ это время въ Академіи, Жукова и Лаврентьева я слышалъ довольно много о Сухозанетѣ. Изъ множества разсказовъ я приведу только одинъ случай, бывший съ Лаврентьевымъ.

Сухозанетъ жилъ въ своемъ домѣ на Невскомъ проспектѣ, въ

домъ, если не ошибаюсь, принадлежащемъ нынѣ Купеческой управѣ. Ежедневно отъ Академіи назначался дежурный, который, кажется, въ пять часовъ обязанъ былъ прибыть въ его квартиру. Здѣсь въ первой комнатѣ стоялъ круглый столъ, на которомъ были разбросаны книги и записки по предметамъ академическаго курса. Пришедшій дежурный ждалъ его выхода въ англійскій клубъ, который онъ посѣщалъ ежедневно. Очень рѣдко, выходя, онъ скоро отпуская дежурнаго, чаще приходилось ожидать его довольно долго до возвращенія изъ клуба. И вотъ что однажды пришлось вынести Лаврентьеву. Едва онъ вошелъ, какъ камердинеръ объявилъ ему, что сегодня генералъ приказалъ дежурнаго посадить въ его большой залъ и тамъ дожидаться генерала. Понятно, что Лаврентьевъ усѣлся на стулъ въ залѣ еле освѣщенной и сталъ ожидать рѣшенія своей участи. Наконецъ, въ 11 часовъ камердинеръ позвалъ его къ генералу.

— Гдѣ ты сидѣлъ? спросилъ Сухозанетъ Лаврентьева.

— Въ большомъ залѣ, Ваше Высокопревосходительство.

— Все время тамъ?

— Такъ точно.

— Ну, а холодно тамъ?

— Да довольно прохладно, Ваше Высокопревосходительство.

— Не знаю топить или нѣтъ? завтра у меня балъ, сказалъ Сухозанетъ.

— Ну, можешь идти домой.

Можно понять, съ какимъ почтительнымъ чувствомъ уходилъ Лаврентьевъ отъ такого милаго начальника.

Надо замѣтить, что обращеніе съ офицерами въ то время было грубое, но обращеніе Сухозанета съ офицерами было возмутительное. Говорять, что такъ какъ бывшіе при Александрѣ I свитскіе офицеры, что соответствовало Генеральному Штабу, были въ большомъ числѣ между декабристами, то Николай Павловичъ назначилъ Сухозанета съ цѣлью искоренить свободный духъ въ Академіи.

Но если Сухозанетъ говорилъ офицерамъ ты, то онъ мало церемонился и съ профессорами. Тотъ же Лаврентьевъ передавалъ мнѣ, что Сухозанетъ однажды явился въ аудиторію въ то время, когда профессоръ военной исторіи полковникъ Богдановичъ читалъ лекцію о сраженіи 1813 года, въ которомъ участвовалъ Сухозанетъ. Остановивъ профессора, онъ сказалъ:

„Хотя я никогда не промышлялъ преподаваніемъ, но на этотъ разъ могу вамъ рассказать, какъ было дѣло“; и вслѣдъ затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ о сраженіи, въ которомъ онъ участвовалъ.

Между тѣмъ, объ академическомъ режимѣ и о директорѣ ея хорошо было извѣстно и въ арміи, откуда число желающихъ поступить въ Академію становилось съ каждымъ годомъ все менѣе,

дойдя наконецъ до того, что въ старшемъ курсѣ, гдѣ были Лаврентьевъ, Беренесъ, Аничковъ, Махотинъ и др., оставалось семь человѣкъ, почему ихъ и прозвали семью новѣйшими мудрецами.

Вотъ тогда-то наконецъ спохватились и стали придумывать, какъ бы и чѣмъ заманить офицеровъ въ Генеральный Штабъ. Не знаю, правда или нѣтъ, но на этотъ счетъ ходили очень занимательные слухи; то одни предлагали Генеральному Штабу бѣлую подкладку, то другіе совѣтовали дать кавалерійскія рейтузы и сабли, наконецъ, нѣкоторые предлагали увеличить содержаніе и проч. Но лучше всѣхъ понялъ въ чемъ дѣло Императоръ Николай Павловичъ, который сообразилъ, что Сухозанетъ, изгоняя вольный духъ изъ Академіи, дѣйствовалъ не по разуму, разогнавъ единственное заведеніе, подготовлявшее офицеровъ для специальной службы.

Надо замѣтить, что хотя Сухозанетъ по своей службѣ и военнымъ заслугамъ двумъ Императорамъ и занималъ видное мѣсто, однако, по нѣкоторымъ причинамъ его не особенно долюбивалъ Императоръ Николай Павловичъ. Доказательствомъ служить то, что, увольняя его послѣ двадцатилѣтняго директорства въ Академіи, назначилъ его членомъ Военнаго Совѣта, а не Государственнаго, въ которомъ въ тѣ времена между талантами находилось много самыхъ заурядныхъ посредственностей.

Въ 1854 году какъ разъ передъ моимъ поступленіемъ въ Академію Сухозанетъ былъ уволенъ, а Академія была присоединена къ военно-учебнымъ заведеніямъ подъ начальство Ростовцева. Въ этотъ годъ держало экзаменъ нѣсколько десятковъ. Въ моемъ курсѣ уже было тридцать человѣкъ.

Оканчивая сказаніе о Сухозанетѣ, нельзя промолчать объ услужливомъ авторѣ статьи въ Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ. Нѣкто Р. Ш., оканчивая біографію Сухозанета, говоритъ, что въ теченіе болѣе двадцатилѣтняго директорства Сухозанета Академія заняла надлежащее ей мѣсто во главѣ русскихъ военно-учебныхъ заведеній. Не одно только требованіе строгой дисциплины ввезъ Сухозанетъ въ Академію: одаренный навыкомъ намѣчать людей, подходящихъ къ дѣлу, онъ весьма скоро подобралъ себѣ способныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Плоды дѣятельности Сухозанета созрѣли въ новомъ поколѣвіи генеральнаго штаба и съ того времени послѣдній уже не нуждался въ случайномъ пополненіи. Жаль, что авторъ статьи не приводитъ никакихъ подтвержденій относительно заслугъ Сухозанета въ этомъ отношеніи.

Изъ профессоровъ, читавшихъ въ мое время лекціи, можно указать на Д. А. Милютину, А. П. Карцева, М. И. Богдановича и П. С. Лебедева. Въ мое время Д. А. Милютинъ, создавшій тогда

предметъ военной статистики, читаль въ старшемъ курсѣ послѣдній годъ. О немъ я говорить не буду, ибо кто не знаетъ его талантовъ и заслугъ на всѣхъ поприщахъ; я же о лекціяхъ его говорить не имѣю права, ибо самъ былъ въ это время на младшемъ курсѣ.

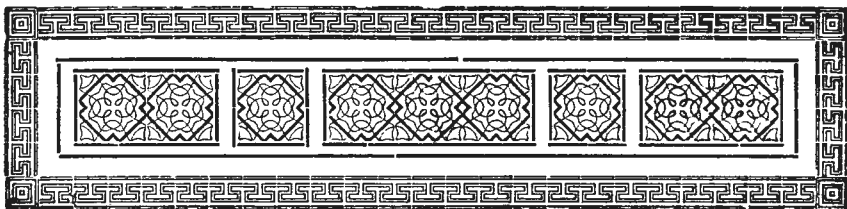
А. П. Карцевъ, полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба, былъ человекъ суроваго вида, рѣзокъ въ манерахъ и рѣчахъ, а недовольный отвѣтомъ, грубо возражалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Но зато онъ читаль превосходно; описываль ли онъ простое походное движеніе въ мирное время или бой какого-нибудь сраженія, онъ говорилъ это съ такимъ авторитетомъ, точно самъ участвовалъ въ дѣлѣ. Иногда, приводя въ примѣръ какое-нибудь сраженіе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ очерчиваль предварительный ходъ кампаніи, и мы гораздо лучше понимали, нежели о томъ же самомъ говорилось въ лекціи по военной исторіи.

М. И. Богдановичъ, читавшій военную исторію и стратегію, былъ довольно скучнымъ профессоромъ. Онъ, въ противоположность Карцеву, читаль вяло, води палочкой по картѣ вслѣдъ за тѣми линиями, которыя были обозначены на картѣ и въ концѣ концовъ, глядя на записочку, перечисляль всегда очень исправно, сколько было въ сраженіи взято въ плѣнъ, сколько обѣими сторонами было потеряно людей, орудій, лошадей и зарядныхъ ящиковъ.

Совершенною противоположностью Богдановичу составляль профессоръ П. С. Лебедевъ. Насколько фигура скромнаго Богдановича была противоположна фигурѣ Лебедева, настолько же противоположны и ихъ темпераменты. Первый изображалъ изъ себя скромную, худощавую фигуру, а другой полнаго краснощекаго и цвѣтущаго здоровья человека. Богдановичъ читаль лекцію медленно, монотонно, у Лебедева слова текли подобно быстрой рѣкѣ; Богдановичъ не гнался за краснорѣчіемъ и даже не былъ рѣчистъ, тогда какъ у Лебедева такъ и сыпались кстати и не кстати громкія фразы, неожиданныя сравненія и безпрестанные скачки въ сторону. Словомъ, это былъ трескучій фейерверкъ, послѣ сгорания котораго ничего не остается. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ читаль три совершенно различныхъ предмета: древнюю и среднюю военную исторію, военную администрацію и русскій языкъ. По этому на одной и той же лекціи приходилось слушать о военномъ писателѣ Carrion Nizas'ѣ, Пушкинѣ и Лермонтовѣ, о подвижныхъ магазинахъ, о дислокаціи и о чемъ угодно другомъ. Злые языки увѣряли, что однажды трое держали между собою пари о томъ, какой предметъ изъ трехъ читался на лекціи Лебедева, и никто не могъ рѣшить.

С. П. Зыковъ.

Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя пріобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III.

18 марта 1910 года исполняется 25 лѣтъ со дня боя на рѣкѣ Кушкѣ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Александра Виссаріоновича Комарова съ авганскими войсками, боя, закрѣпившаго пріобрѣтенія минувшаго царствованія.

Приближающееся двадцатипятилѣтіе названнаго событія вызываетъ потребность напомнить обществу и дать ему возможно правдивое повѣствованіе объ этихъ страницахъ исторіи царствованія Императора Александра III.

Единственныя территориальныя пріобрѣтенія прошлаго царствованія были сдѣланы въ Закаспійской области.

Эта послѣдняя была образована, вскорѣ по окончаніи Ахаль-Текинской экспедиціи, изъ бывшаго Закаспійскаго отдѣла и нынѣшняго Ахаль-Текинскаго уѣзда. Границы области съ Персіей и Авганистаномъ не были еще точно опредѣлены, и пограничное населеніе находилось въ неопредѣленномъ положеніи: считаясь фактически русско-подданнымъ, оно, перекочевывая изъ одного мѣста въ другое, считалось попеременно то русско, то персидско-подданнымъ. Такое положеніе требовало выясненія, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ къ такому населенію предъявлялись требованія объ уплатѣ податей. Персидское правительство не разъ заявляло претензіи на полученіе таковыхъ.

Обширность и пустынность неопредѣленной полосы давала возможность населенію легкой перекочевкой избѣгать исполненія требованій властей. Кромѣ того частые грабежи (аламаны) воинствен-

ныхъ туркменъ не могли быть прекращены, вслѣдствіе чего населеніе не могло гдѣ-либо прочно обосноваться и заняться своимъ хозяйствомъ. Прежнія цвѣтуція страны оставались совершенно разграбленными и опустошенными.

Мервскіе туркмены, оправившись отъ смущенія вызваннаго штурмомъ Геокъ-Тепе въ 1881 г., снова занялись грабежами и въ концѣ 1882 года сдѣлали нападеніе даже на партію топографа Гладышева, производившаго съемку въ Атекѣ. Въ области было настолько неспокойно, что приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ. По распоряженію начальника области, генералъ-лейтенанта Рерберга, съ цѣлю предохраненія укрѣпленій области и населенія отъ нападеній разбойничьихъ шаекъ, было приказано выставлять на ночь передовые посты. Для этого въ одномъ только Асхабадѣ наряжалось ежедневно 3 офицера, 8 унтеръ-офицеровъ и 120 рядовыхъ и казаковъ. Въ остальныхъ укрѣпленіяхъ области наряды были еще тяжелѣе.

Отношенія пограничныхъ властей и прилежащихъ государствъ требовали немедленнаго улучшенія. Авганцы, руководимые англичанами, видѣвшими въ каждомъ шагѣ русскаго правительства стремленіе къ Индіи, доставляли немало хлопотъ. Оттуда шла организація и поддержка всякихъ противодѣйствій по пути русскаго правительства, стремившагося къ возсозданію мирнаго процвѣтанія и развитія области.

Кромѣ того англійское правительство опасалось русскаго вліянія на Авганистанъ, такъ какъ англійское не было обезпечено: пользуясь сомнительнымъ расположеніемъ эмира Авганскаго, англичане не встрѣчали собѣ сочувствія въ населеніи, тѣмъ болѣе, что обаяніе англійской силы въ Авганпстанѣ было подорвано послѣ нѣсколькихъ пораженій англичанъ въ 1878 г.

Что же касается Персіи, то эта послѣдняя стремилась подчинить своей власти, или по крайней мѣрѣ, вліянію, туркменъ. Съ этою цѣлю персидское правительство строило крѣпости, какъ напри- мѣръ Рукнь-Абадъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда вліять на такіе центры, какъ Мервъ. Пограничные представители персидской власти, какъ-то: Ильхани-Кочанскій и Буджнурскій запрещали совершенно доставку въ Асхабадъ какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ и продуктовъ и поощряли аламаны подвластныхъ имъ курдовъ въ наши предѣлы.

Внутреннее состояніе области было далеко ниже средняго. Населеніе не могло еще оправиться отъ Геокъ-Тепинскаго погрома, а частые аламаны, разграблявшіе и угонявшіе скоть у населенія, обратили эту издревле замѣчательную, по своему плодородію и бо-

гатству, страну въ какую-то пустыню. Этому во многомъ способствовало полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія. Такъ напримѣръ, на проѣздъ какихъ-нибудь 217 верстъ отъ Кизиль-Арвата до Асхабада приходилось тратить до недѣли времени.

При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ управленіе областью Именнымъ Высочайшимъ приказомъ отъ 28 марта 1883 года было вручено А. В. Комарову.

Генераль-лейтенантъ Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи. Родился въ 1830 году. По окончаніи курса Павловскаго кадетскаго корпуса, въ маѣ 1849 года, вступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Прослуживъ около четырехъ лѣтъ, А. В. поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба (тогда Императорская Военная Академія) и по успѣшномъ окончаніи ея курса въ 1855 году былъ назначенъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ.

Съ іюня 1856 года дальнѣйшая служба Комарова протекаетъ на Кавказѣ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися знаніями горцевъ, энергіею, рѣшительностью и осторожностью.

Послѣдовательно Комаровъ занималъ должности оберъ-квартирмейстера 18 пѣхотной дивизіи, ту же должность штаба войскъ Лезгинской кордонной линіи, затѣмъ штаба войскъ Дагестанской области, Начальника штаба этой же области.

Въ 1868 г. по производствѣ въ генераль-маіоры былъ назначенъ Военнымъ Начальникомъ южнаго Дагестана и Дербентскимъ градоначальникомъ. Въ 1878 году Александръ Виссаріоновичъ получаетъ весьма важное назначеніе на постъ Начальника Кавказскаго-горскаго, а затѣмъ Кавказскаго военно-народнаго управленія.

Во время своей 27-лѣтней службы на Кавказѣ, Комаровъ принималъ близкое участіе въ цѣломъ рядѣ почти непрерывныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Въ теченіе только 1858 и 1859 годовъ онъ былъ въ двухъ экспедиціяхъ, участвуя за это время въ тридцати боевыхъ столкновеніяхъ, дѣлахъ, штурмахъ и нападеніяхъ. Въ 1859 году Комаровъ участвовалъ въ покореніи Дагестана, при взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля. Далѣе въ 1863 году съ отрядомъ генераль-лейтенанта князя Меликова имъ былъ совершенъ походъ черезъ снѣговья горы въ Закаталы, гдѣ въ продолженіе почти трехъ лѣтъ онъ несъ тяжелую, полную всевозможныхъ лишеній боевую службу по усмиренію возставшихъ горцевъ.

Во время Русско-Турецкой войны А. В. Комаровъ руководилъ

Кайтаго - Табасаранскимъ отрядомъ, назначеннымъ на подавленіе вспыхнувшего въ Дагестанѣ возстанія. Между прочимъ имъ было освобождено блокированное мятежниками укрѣпленіе Ахты.

Несмотря на то, что почти вся долготѣлная служба Комарова на Кавказѣ протекла въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ, онъ сумѣлъ найти время для детальнаго изученія Кавказа со стороны этнографической и археологической.

Имъ была собрана обширная палеонтологическая коллекція, находящаяся нынѣ въ Кавказскомъ музеѣ, большая коллекція древнихъ монетъ (до 10.000 номеровъ), часть которой хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ этого Комаровымъ была собрана обширная археологическая коллекція, относящаяся къ желѣзному вѣку. Часть этой коллекціи описана въ извѣстномъ изданіи Э. Шантра: „Recherches antropologiques dans le Caucase“ (Парижъ, 1885 г.).

Изъ трудовъ Комарова особенно извѣстностью пользуются: „Народонаселеніе Дагестанской области“ (премировано серебряною медалью Географическаго Общества), „Адаты (обычное право) дагестанскихъ горцевъ и судопроизводство по нимъ“, „Исторія Кюринскихъ и Казикумухскихъ хановъ“ и мн. др.

Кромѣ того въ бумагахъ Комарова, нынѣ находящихся въ различныхъ музеяхъ (Кавказскій, Императорская Академія Наукъ, Щукина въ Москвѣ и др.) имѣется масса самаго разнообразнаго матеріала по исторіи и этнографіи Кавказа, и понынѣ еще ожидающаго разработки.

Изъ настоящаго краткаго очерка уже достаточно выясняется энергичная, закалившаяся въ походахъ фигура Комарова.

Его же обширныя познанія въ области права и быта Кавказскихъ горцевъ и вообще нашихъ южныхъ народностей оказали Императорскому правительству неоцѣнимыя услуги и ему, какъ наиболѣе знающему и вполне уравновѣшенному человѣку, поручались отвѣтственныя должности и порученія, требовавшія большой осмотрительности и такта. Человѣкъ необыкновенно простой и доступный, твердой воли и яснаго ума, генераль Комаровъ представлялъ типъ стараго Кавказской школы офицера. Погоня за вышностью, тщеславіе, желаніе затемнить другихъ совершенно чужды были этому государственному русскому человѣку.

Заслуги Александра Виссаріоновича Комарова не разъ оцѣнивались съ высоты Престола, и когда политическое и внутреннее положеніе нашихъ Закаспійскихъ владѣній потребовало назначенія туда опытнаго лица, способнаго отстоять русскіе интересы безъ особенныхъ осложненій и поддержать достоинство Россіи на соот-

вѣтствующей Великой Державѣ высотѣ, выборъ Государя остановился на Александрѣ Виссаріоновичѣ.

Съ прибытіемъ Комарова въ Закаспійскую область положеніе ея сразу начинаетъ измѣняться къ лучшему. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ Комаровъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительныя наши отношенія съ пограничными персидскими властями. Установленію дружественныхъ отношеній много способствовало назначеніе Комарова, по Высочайшему повелѣнію, представителемъ русскаго правительства при слѣдованіи, вблизи нашей границы, шаха персидскаго, предпринявшаго поѣздку съ цѣлью осмотра сѣвернаго Хорасана.

Въ сопровожденіи конвоя и хора музыки генералъ Комаровъ прибылъ въ Буджнурдъ, гдѣ былъ принятъ Его Величествомъ шахомъ и возвратился въ Асхабадъ въ концѣ іюля.

Это путешествіе дало возможность Комарову ознакомиться съ сѣверной пограничной съ нами частью Персіи и изучить главные горные пути въ Мешхедъ и др. города.

Милостивый пріемъ шаха персидскаго и личное знакомство съ ильханіями Кочанскимъ и Буджнурскимъ и валіемъ Хоросанскимъ быстро отразились на взаимныхъ отношеніяхъ пограничныхъ властей обоихъ государствъ и выразились въ оживленіи торговыхъ сношеній, уменьшеніи воровства скота и посылки курдами грабительскихъ шаекъ въ наши предѣлы.

Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ новаго начальника края удалось возстановить дружественныя сношенія съ персидскими властями, которыя не измѣнились и понынѣ.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Комаровъ обратилъ вниманіе на остававшихся еще самостоятельными, послѣ Ахаль-Текинской экспедиціи, туркменъ, занимавшихъ Мервъ, и сарыковъ, обитавшихъ въ Иолотанѣ и Пендѣ. Особое значеніе для русскихъ имѣлъ Мервъ, какъ весьма важный, по своему положенію, стратегическій пунктъ.

Еще до назначенія Комарова, Мервъ привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ властей, и уже въ 1881 году начальникъ Закаспійской области вошелъ въ переговоры съ нѣкоторыми вліятельными мервцами, съ цѣлью добиться, если и не присоединенія Мерва, то хотя огражденія новаго края отъ грабежей аламанщиковъ.

Результатъ этихъ переговоровъ выразился въ подписаніи 16 ноября 1881 года нѣкоторыми мервскими почетными туркменами и начальникомъ области договора, согласно которому туркмены обязались не поднимать противъ Россіи оружія, прекратить грабежи, разбои, торговлю невольниками и пропускать караваны.

Въ маѣ мѣсяцѣ мервцы для управленія приняли Бабаджанъ-Бека, посланнаго по указанію Туркестанскаго генераль-губернатора Черняева, хивинскимъ ханомъ.

Дѣятельность Бабаджанъ-Бека не принесла никакихъ видныхъ результатовъ, за исключеніемъ того, что имъ была начата организація небольшой партіи сторонниковъ присоединенія къ Россіи.

Два новыхъ крупныхъ аламана въ августѣ и сентябрѣ 1883 года и цѣлый рядъ мелкихъ грабежей, а также появленіе въ Мервскихъ земляхъ англійскихъ агентовъ, Сіяхъ-Пуша и др., возбуждавшихъ мервцевъ къ оказанію вооруженнаго сопротивленія Россіи, обратили на себя вниманіе Комарова, и имъ было рѣшено покончить въ первую же очередь съ вопросомъ о присоединеніи Мерва.

Проповѣди авганца Сіяхъ-Пуша ¹⁾ вызвали въ средѣ мервцевъ расколъ. Вокругъ Гуль-Джамаль, вдовы Нуръ Верды хана, пользовавшейся крупнымъ вліяніемъ въ средѣ своихъ многочисленныхъ родственниковъ Текинскаго рода, образовалась довольно сильная партія, считавшая враждебныя дѣйствія противъ Россіи бесполезными.

Сношенія Комарова съ этою партіею указали ему, что присоединеніе Мерва есть вопросъ ближайшаго будущаго.

Для подготовленія туркменъ къ предстоящему занятію Мерва русскими войсками, Комаровъ командировалъ штабсъ-ротмистра Алиханова, которому далъ вполнѣ точно опредѣленные инструкціи, какъ и съ кѣмъ вести переговоры въ Мервѣ.

Выборъ Комарова оказался вполнѣ удачнымъ.

Дѣйствуя согласно инструкціямъ, Алихановъ по прибытіи въ Мервъ принялся за увѣщеваніе хановъ. Для подкрѣпленія миссіи Алиханова генераль Комаровъ выслалъ въ Карры-Бентъ отрядъ въ составѣ 4 роты стрѣлковъ, 4 горныхъ орудій, 2 сотенъ казаковъ и команды Туркменской конной милиціи, который и прибылъ на мѣсто своего назначенія 18 декабря 1883 года.

Результаты дѣятельности Алиханова обнаружались довольно быстро. Въ началѣ января 1884 г. мервцы прислали депутацію съ слѣдующимъ прошеніемъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи:

„Прославленному Великому Царю, Высочайшему Повелителю русскихъ и иныхъ народовъ. Да продлится его благоденствіе и могущество, да не изсякнетъ его милость и благоволеніе, да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха.

Мы, ханы, старшины и уполномоченные всѣхъ родовъ и колѣнъ Мервскаго народа, собравшись сегодня ²⁾ на генгешъ и выслушавъ

¹⁾ Сіяхъ-Пушъ—чернорясникъ.

²⁾ 1 января 1884 года.

присланнаго къ намъ штабсъ-ротмистра Алиханова, единогласно постановили добровольно принять русское подданство. Отдавая себя, свой народъ и свою страну подъ мощную Твою руку, Великій Царь, повергаемъ предъ Твоимъ трономъ просьбу уравниять насъ со всѣми подвластными тебѣ народами, назначить надъ нами правителей и водворить между нами порядокъ, для чего по Твоему велѣнію, мы готовы выставить нужное число вооруженныхъ конниковъ.

Для поднесенія сего постановленія народныхъ представителей нами уполномочены 4 хана и 24 старшины, каждый отъ двухъ тысячъ кибитокъ“.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Комаровъ потребовалъ для доказательства искренности хановъ присылки въ Асхабадъ плѣнныхъ персіанъ.

Требованіе Комарова было исполнено, и депутація въ лицѣ хановъ Текинскаго рода и почетныхъ Мервскихъ старшинъ, по соотвѣтствующему разрѣшенію, прибыла въ Асхабадъ, гдѣ, согласно Высочайшаго соизволенія, присягнула на безусловное подданство Его Императорскому Величеству Государю Императору.

По принесеніи старѣйшинами Мерва присяги, Комаровъ въ цѣляхъ фактическаго присоединенія его къ Имперіи, въ сопровожденіи Карры Бентскаго отряда двинулся въ концѣ февраля въ Мервъ.

Между тѣмъ, тамъ за время отсутствія хановъ организовалась довольно сильная партія приверженцевъ Англіи съ Каджаръ-Ханомъ во главѣ. Эта партія, побуждаемая англійскими агентами, рѣшила оказать вооруженное сопротивленіе вышедшему изъ Карры-Бента отряду Комарова.

Съ этою цѣлью Каджаръ-Ханъ произвелъ три небольшихъ нападенія на отрядъ, который каждый разъ были отбиваемы и послѣ которыхъ отрядъ неуклонно продолжалъ наступленіе.

4 марта 1884 года Комаровымъ было занято главное укрѣпленіе Мерва—Кошутъ-Ханъ-Кала.

На слѣдующій же день мервцами былъ арестованъ Каджаръ-Ханъ со своими сообщниками и Сіяхъ-Пушемъ.

Съ этого дня Мервъ фактически присоединился къ Имперіи.

За заслуги по присоединенію Мерва Алихановъ былъ вознагражденъ, по представленію Комарова, возвращеніемъ ему чиновъ и орденовъ, которыхъ онъ былъ ранѣе лишенъ за дуэль.

По присоединеніи Мерва, Іолатанскіе сарыки тоже изъявили покорность и присягнули на подданство Россіи.

Временемъ же окончательнаго присоединенія Іолатана нужно считать весну 1884 года, когда было организовано Іолатанское при-

ставство. Присоединеніе Мервскихъ земель и учрежденіе управленія ими не исчерпывало стоящихъ на очереди задачъ. Неотлагательнаго рѣшенія требовалъ весьма важный вопросъ о разграниченіи съ сосѣдними государствами, ибо, какъ было уже говорено выше, отсутствіе точной границы давало возможность аламанщикамъ продолжать грабежи, заходить довольно далеко и безнаказанно исчезать. Такая область, какъ старый Серахсъ, нѣкогда славившаяся своимъ необычайнымъ плодородіемъ, была окончательно разграблена и опустошена набѣгами Мервскихъ туркменъ. Туркмены Салоры, составлявшіе населеніе этой области, принуждены были частью перейти въ Авганистанъ, частью въ Хорасанъ, а большая ихъ часть перекочевала на лѣвый берегъ Теджена, близъ Зурабада, гдѣ бѣдствовала отъ недостатка земель и непосильныхъ поборовъ персидскихъ властей.

Вблизи Серахса находилась хорошо устроенная персидская крѣпость Рукнъ-Абадъ, занятая небольшимъ гарнизономъ, подъ командой офицера. Это была одна изъ тѣхъ крѣпостей, которыя были построены, какъ говорилось выше, персидскимъ правительствомъ съ цѣлью вліять на туркменъ. Освѣдомивши офицера, командовавшего гарнизономъ Рукнъ-Абада, что въ виду перехода туркменъ подъ власть Россіи, земли ихъ по правому берегу Теджена присоединились къ Имперіи, А. В. Комаровъ потребовалъ немедленнаго очищенія крѣпости и удаленія ея гарнизона въ Новый Серахсъ. Требованіе это было исполнено. По приказанію Комарова въ маѣ 1884 года старый Серахсъ былъ занятъ сотнею отъ Кавказскаго 1 коннаго полка. Присоединеніе Серахскаго оазиса, какъ и предыдущія присоединенія Комарова, не потребовали отъ казны никакихъ сверхсметныхъ ассигнованій.

Въ цѣляхъ огражденія новыхъ своихъ подданныхъ отъ разграбленія, а также созданія условій, въ которыхъ эти подданные могли бы безъ помѣхи заниматься развитіемъ своей культуры и для поддержанія на подобающей высотѣ престижа русской власти, необходимо было озаботиться выясненіемъ точной границы, главнымъ образомъ съ Авганистаномъ—ареной дѣятельности англичанъ, такъ какъ оттуда шла пропаганда противъ русской власти, вслѣдствіе развившейся до болѣзненности тревоги за Индію, тѣмъ болѣе, что внутреннее политическое положеніе послѣдней внушало серьезныя опасенія. Вѣрить же въ то, что русское правительство стремится лишь только къ мирному развитію своихъ Закаспійскихъ владѣній, англичане, несмотря на всѣ увѣренія, не вѣрили и, создавая тѣ или иныя препятствія по пути осуществленія въ краѣ рус-

*

скихъ задачъ, требовали съ своей стороны установленія точной границы, для выясненія положенія. Рядъ послѣдовавшихъ вслѣдствіе этого сношеній съ англійскимъ кабинетомъ привелъ къ рѣшенію выслать съ обѣихъ сторонъ въ Закаспійскую область разграничительныя комиссіи.

Возможно быстрое прибытіе ихъ на мѣста было крайне желательно для Лондона, имѣвшаго тенденцію добиться предоставленія этимъ комиссіямъ права самостоятельнаго опредѣленія требуемой границы, не опредѣляя предварительно зоны изслѣдованій.

Однако эти плохо скрытые расчеты были разгаданы въ Россіи, и главнокомандующій войсками на Кавказѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, по соглашенію съ Комаровымъ, задержалъ русскую разграничительную комиссію въ Тифлисѣ. Министерство же иностранныхъ дѣлъ тѣмъ временемъ возбудило вопросъ объ опредѣленіи зоны изслѣдованій.

Между тѣмъ англійская разграничительная комиссія въ октябрѣ 1884 года подъ начальствомъ генерала сэра Питера Лемсдена и подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ Бенгальскихъ улановъ и 2 ротъ Пенджабской пѣхоты прибыла въ Гератскую провинцію.

По прибытіи этой комиссіи на мѣсто, авганское правительство, по подстрекательству членовъ ея, выслало свои разѣзды въ нейтральную полосу съ тѣмъ, чтобы фактически захватить наиболѣе важные пункты будущей границы.

Эти плоды англійской дѣятельности заставили А. В. Комарова, въ свою очередь, занять старый Серахсъ двумя ротами стрѣлковъ, а бывшую тамъ сотню казаковъ выслать на 80 верстъ къ югу и занять Пуль-и-Хатумъ. Далѣе по приказанію Комарова, съ согласія съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, небольшими командами отъ Туркменской конной милиціи были заняты посты: Зюльфагаръ, Кунгрюэли и Акъ-Рабать. По Мургабу же казачьи посты были выдвинуты до Имамъ-Баба.

Занятіемъ названныхъ пунктовъ вся желательная для Россіи граница оказалась въ нашихъ рукахъ.

Эти рѣшительныя дѣйствія Комарова послужили причиной оживленныхъ сношеній между Лондонскимъ и Петербургскимъ кабинетами.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Петербургъ князя Дондукова (въ началѣ 1885 года), было собрано особое совѣщаніе изъ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ и ихъ товарищей, въ которомъ участвовали прибывшій главнокомандующій на Кавказѣ, помощникъ его Шепелевъ и Лессаръ, для обсужденія полученнаго отвѣта изъ Лондона по вопросу о предварительномъ опредѣленіи зоны изслѣдованій.

Министерство Гладстона признавало, что эта послѣдняя должна находиться къ сѣверу отъ черты Доулетъ-Абадъ-Имамъ-Баба, считая, что все пространство къ югу отъ этой линіи принадлежитъ Авганистану и потому не можетъ подлежать изслѣдованіямъ для опредѣленія будущей границы.

Въ виду такого отвѣта, равносильнаго совершенному отказу Лондонскаго кабинета по вопросу о зонѣ изслѣдованій, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ было предложено считать переговоры въ этомъ смыслѣ прекращенными и прямо опредѣлить нашу границу до Зюльфагара или пункта южнѣе по границѣ Бархутскихъ горъ, теченію рѣки Кушки и оазиса Пендэ.

Какъ крайнюю уступку отъ занятаго нами исходнаго пункта на Герри-Рудѣ, которую можно было бы сдѣлать, князь Дондуковъ предложилъ протянуть линію къ рѣкѣ Егры-Чекъ, черезъ Кушкъ на Меручанъ, включивъ въ наши предѣлы мѣстороженіе соли Еръ-Ойланъ и оазисъ Пендэ; пространство же между этою линіею и Бархутскими горами, столь тревожащее англичанъ опасеніями близкаго нашего сосѣдства съ Гератомъ, оставить внѣ нашей границы съ обязательствомъ, какъ для насъ, такъ и для авганцевъ не занимать этой территоріи ни селеніями, ни постами, а предоставить его въ исключительное пользованіе пограничному племени джемшидовъ, какъ исключительно пастбищное пространство для ихъ скотоводства.

Опредѣляя такимъ образомъ нашу будущую топографическую и этнографическую границу, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ имѣлось въ виду то, что полупокорное эмиру Абдурахману племя джемшидовъ будетъ такимъ образомъ въ полной нашей зависимости.

Послѣ долгихъ преній совѣщаніе согласилось съ мнѣніемъ князя Дондукова, и въ этомъ смыслѣ рѣшено было отвѣчать англійскому кабинету, упомянувъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что русское правительство приметъ мѣры къ обезпеченію за нимъ этой границы.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, совѣщаніе обсудило тѣ мѣры, которыя необходимо было принять для усиленія Комарова, на случай открытія авганцами враждебныхъ дѣйствій.

О результатахъ этого совѣщанія была составлена меморія, за общею подписью, на которую послѣдовала Высочайшая резолюція объ утвержденіи всѣхъ предположеній, съ тѣмъ однако, чтобы никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ Англій въ данномъ вопросѣ не дѣлать.

Объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи былъ немедленно увѣдомленъ А. В. Комаровъ.

Вслѣдствіе энергичной и вполне соответствующей достоинству Великой Державы резолюціи Императора Александра III, вопросъ

о разграниченіи вступилъ въ новую фазу—исполненія предначертанной программы безъ всякихъ колебаній и уступчивости, чему воплотѣ и соответствовали энергичныя дѣйствія Комарова.

„Самъ Государь неоднократно выражалъ мнѣ,—писалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ А. В. Комарову,—полное одобреніе Вашихъ распоряженій и такта, обнаруженнаго въ Вашихъ дѣйствіяхъ“.

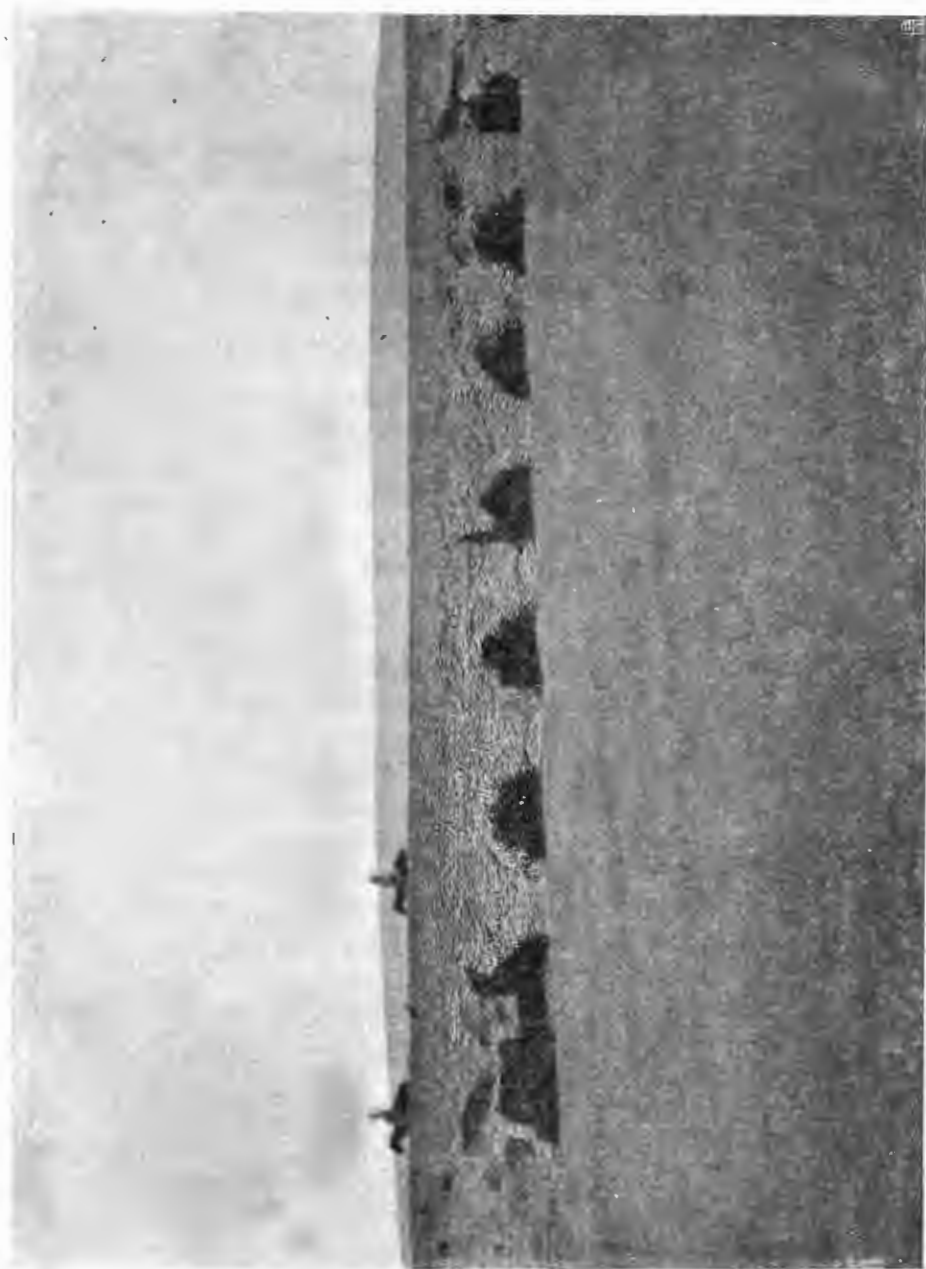
Почти передъ самымъ отъѣздомъ князя изъ Петербурга было получено увѣдомленіе нашего посла въ Лондонѣ и отвѣтъ Британскаго кабинета на категорическія заявленія русскаго правительства. Послѣ надменныхъ заявленій лорда Гранвилля о принадлежности Авганистану занятыхъ нами территорій, послѣ рѣзкаго на это опроверженія нашего посла, англичане выступили съ предложеніемъ ограничиться пунктами, занятыми русскими войсками, съ тѣмъ, что и Авганистану будетъ внушено не переходить за черту занятыхъ ими линій—на что получили отъ посла категорическій отказъ, не отвергавшій однако, возможности продолженія переговоровъ.

На докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, Государь по этому вопросу изволилъ начертать, что это ни въ чемъ не измѣняетъ принятое Имъ рѣшеніе по первой представленной Ему меморіи и ни въ чемъ не допускаетъ дальнѣйшихъ уступокъ.

Такимъ образомъ, въ силу воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы конечнымъ пунктомъ русской границы съ Авганистаномъ считать мостъ Ташъ-Кепри, Комарову предстояло укрѣпиться у этого пункта.

Между тѣмъ въ оазисѣ Пенда, занятомъ частью туркменскаго племени сарыковъ, авганцы собрали значительный отрядъ изъ регулярной пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи, а также временной милиціи, набранной изъ джемшидовъ и другихъ племенъ, живущихъ на сѣверныхъ склонахъ Параламиза. Сборъ столь значительнаго отряда вблизи предполагаемой русской границы произвелъ крайне не выгодное для Россіи впечатлѣніе на недавно присоединенныхъ туркменъ и сарыковъ.

Для поддержанія нашихъ передовыхъ постовъ и парализованія авганскаго вліянія были въ концѣ января сформированы, а въ срединѣ февраля высланы два отряда.—Одинъ изъ баталіона стрѣлковъ, 2-хъ орудій и сотни казаковъ въ старый Серахсъ, а другой изъ двухъ баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій, трехъ сотенъ казаковъ, двухъ сотенъ туркменской временной конной милиціи направленъ по долинѣ Мургаба, для прочнаго занятія самаго Мургаба и моста Ташъ-Кепри, куда впередъ была выслана сотня туркменской конной милиціи, расположившаяся на Кизиль-ле-Тепе вблизи моста, въ виду авганскаго лагеря.

Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ.

Между тѣмъ бряпаніе англійскаго оружія становилось все сильнѣе, и въ русской и заграничной прессѣ появлялись статьи самаго воинственнаго настроенія.

26 февраля 1885 года военный министр телеграфировалъ Комарову:

„Занятіе Пендэ вашими войсками можетъ повести къ разрыву съ Англіей, поэтому согласно данной инструкціи вамъ слѣдуетъ ограничиться занятіемъ Зюльфагара и Ташъ-Кепри и упрочить за собою это положеніе. Если же Пендэ и пункты южнѣе Зюльфагара вами заняты, то дѣйствуйте съ осмотрительностью и согласно достоинству Россіи.

Генераль-Адъютантъ Ванновскій“.

Въ свою очередь князь Дондуковъ-Корсаковъ счелъ необходимымъ, въ интересахъ дѣла, освободить Комарова отъ излишнихъ съ нимъ сношеній:

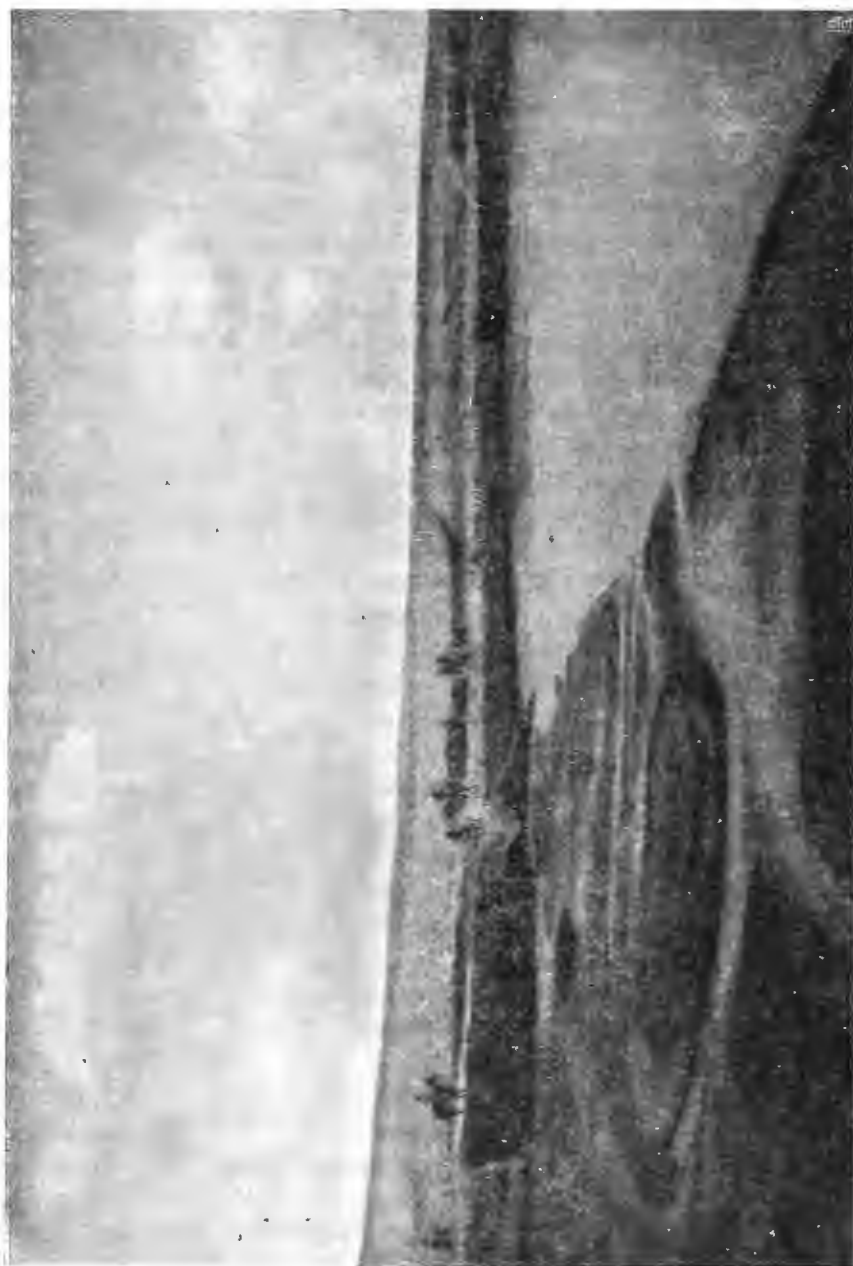
„Вы знаете, настолько я далекъ отъ боязни централизаціи и стѣсненій мѣстныхъ начальниковъ, а также отъ порока канцелярской бюрократіи, мертвящей всякое живое дѣло въ Россіи во всемъ полезномъ, добромъ, честномъ. Вы знаете также, что всегда найдете полную во мнѣ поддержку и готовность принять многое на мою отвѣтственность, лишь бы честь и достоинство правительства и успѣхъ дѣла оправдывали бы мѣропріятія, требующія безотлагательнаго рѣшенія, а не безплодной переписки“.

Такимъ образомъ въ это тяжелое время генераль Комаровъ былъ предоставленъ своей собственной находчивости, энергіи, рѣшительности и такту. Это было весьма кетати, такъ какъ со стороны англійской разграничительной комиссіи возможно было ожидать самыхъ непредвидѣнныхъ дѣйствій въ виду того фіаско, которое она потерпѣла въ своей политической миссіи, вслѣдствіе неприбытія русской комиссіи, занятія Комаровымъ Серахса и Пуль-и-Хатума и, наконецъ, въ виду своихъ безплодныхъ попытокъ и затратъ для возбужденія противъ насъ сарыковъ и тяготѣнія къ намъ джемшидовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Комаровъ счелъ своимъ долгомъ присоединиться къ отряду, двинуться вмѣстѣ съ нимъ на Мургабъ, такъ какъ тамъ оборотъ дѣлъ принималъ наиболѣе острый характеръ, и уже на мѣстѣ опредѣлить свои дѣйствія.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, Комаровъ, несмотря на отчаянную погоду, на непролазную, буквально, грязь, прибылъ въ Имамъ-Баба и присоединился къ своему отряду.

6-го марта по сборѣ войскъ Мургабскаго отряда въ Имамъ-Баба, генераль-лейтенантъ Комаровъ принялъ на себя непосредственно

Поле сраженія при Кушкѣ.

командованіе имъ. Около этого же числа подошло подкрѣпленіе изъ Самарканда изъ третьяго линейнаго туркестанскаго баталіона, подъ командою полковника Казанцева.

Прибывшія войска были радушно встрѣчены составомъ мургабскаго отряда. Сразу же установились самыя задушевыя, теплыя отношенія со вновь прибывшимъ баталіономъ.

Съ прибытіемъ этого подкрѣпленія мургабскій отрядъ представлялся въ слѣдующемъ составѣ: Сводный Закаспійскій стрѣлковый баталіонъ, составленный изъ двухъ ротъ 3-го и двухъ ротъ 6-го баталіоновъ, подъ командою полковника Семеновича Никшича, 3-й линейный туркестанскій баталіонъ, полубатарея 6-й горной батареи 21 артиллерійской бригады, 3 сотни кавказскаго казачьяго полка и сотня мервской милиціи, недавно сформированная и вооруженная одними пашками. Эта сотня находилась подъ командой Баба-Хана, сына извѣстнаго Коушутъ-Хана.

Въ составъ свиты Комарова входили представители почти всѣхъ Мервскихъ племенъ: изъ нихъ назовемъ Махтумъ-Кули-Хана, Сары-Батырь-Хана, Майли-Хана, Сары-Хана Юлотанскаго, Сеидъ-Назаръ-Хана Алиалинскаго и Юсуфъ-Хана.

7 и 8 марта весь отрядъ былъ передвинутъ въ Аймакъ-Джары, куда перевезены были всѣ продовольственныя запасы, и устроено тамъ хлѣбопеченіе. Въ Имамъ-Баба осталась команда всего лишь въ 25 человѣкъ.

9-го марта Комаровъ послалъ изъ Аймакъ-Джара двухъ офицеровъ генеральнаго штаба (Закржевскаго и Прасолова) на рекогносцировку расположенія Авганскихъ войскъ. Офицеры эти въ сопровожденіи четырехъ казаковъ поѣхали на нашъ милиціонерскій постъ въ Кизиль-ле-Тепе, верстахъ въ двухъ отъ Авганскаго лагеря, и, обозрѣвъ расположеніе послѣдняго, доложили обо всемъ видѣнномъ.

Докладъ этихъ офицеровъ подтверждалъ прежде полученныя свѣдѣнія отъ начальника поста и развѣдчиковъ, высланныхъ Комаровымъ еще во время стоянія отряда въ Имамъ-Баба.

Офицеры генеральнаго штаба утверждали, что войскъ въ Авганскомъ лагерѣ должно быть болѣе 2.500—3.000 человѣкъ¹⁾, затѣмъ сообщили, что позиція, занятая авганцами, очень сильна, но лѣвый флангъ ея нѣсколько слабъ.

На лѣвомъ берегу Кушка, у моста Ташъ-Кепри 10-го марта бы-

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что авганцевъ было до 4.000 человѣкъ, не считая начальствующихъ лицъ, ихъ свиты и прислуги.

ли замѣнены только сторожевые посты изъ нѣсколькихъ всадниковъ и съ полсотни пѣшихъ на бугрѣ, рывшихъ траншеи.

12-го марта отрядъ выступилъ изъ Аймакъ-Джара, ночевалъ въ Урушъ-Душанѣ, а на другой день подъ вечеръ расположился бивуакомъ на равнинѣ, на берегу Мургаба, верстахъ въ двухъ отъ нашего поста въ Кизиль-ле-Тепе, то есть верстахъ въ четырехъ или пяти отъ авганцевъ.

Мѣсто это было выбрано Комаровымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не возбуждать въ авганцахъ ложной тревоги и въ надеждѣ привести въ исполненіе данныя ему инструкціи о занятіи Ташъ-Кебри мирнымъ путемъ, оставивъ Авганскія войска сидѣть спокойно въ ихъ лагерѣ на правомъ берегу р. Кушка.

По прибытіи отряда на мѣсто, Комаровымъ была выслана сотня милиціонеровъ подъ командою ротмистра Алиханова, для опредѣленія расположенія Авганскихъ аванпостовъ.

При приближеніи отряда сторожевые посты авганцевъ не выказали никакихъ враждебныхъ намѣреній, но даже вступили въ мирные разговоры со всадниками милиціи. Изъ этихъ разговоровъ выяснилось, что Авганскія войска имѣли приказаніе воспрепятствовать переходу русскихъ на другой берегъ Кушка.

Никакихъ, особенно новыхъ свѣдѣній, этотъ отрядъ по возвращеніи не привезъ. Однако, Комаровъ счелъ необходимымъ тогда же принять необходимыя мѣры къ охраненію нашего бивуака, для чего ежедневно стали наряжаться по полуротѣ пѣхоты и по взводу казаковъ на наши передовые посты, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не выдвигался впередъ отъ пункта, занятаго милиціонерами еще съ пятаго февраля, т. е. Кизиль-ле-тепе.

Черезъ Мургабъ, для того чтобы выставить передовой постъ на другомъ его берегу, была, по приказанію Комарова, устроена переправа изъ парома на пустыхъ баалагахъ.

14-го марта утромъ отъ капитана Іэта, назначеннаго генераломъ Лемсденомъ для наблюденія въ Пендѣ, было получено слѣдующее письмо:

„Г. Командующему русскими войсками. Пендже, 14-го (26-го) марта 1885 года

Г. Полковникъ.

Наибъ-Саларъ, командующій войсками, увѣдомилъ меня, что Вы выражали желаніе повидаться со мною. Я съ своей стороны очень желалъ бы имѣть съ Вами свиданіе, которое могло бы послужить къ выясненію нашего взаимнаго положенія. Поэтому я буду къ Вашимъ услугамъ, въ ожиданіи, что Вы сообразоволяете назначить

мнѣ удобный для Васъ часъ. Имѣю честь просить Васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ, дипломатическій
агентъ Ея Великобританскаго Величества“.

На это письмо, по приказанію Комарова, хотя никто никакихъ свиданій не просилъ, полковникомъ Закржевскимъ было отвѣчено:

„Г. Капитанъ.

Имѣю честь сообщить Вамъ, что хотя никто изъ командующихъ русскими отрядами не спрашивалъ свиданія, тѣмъ не менѣе я прибуду къ 5 часамъ къ мосту Ташъ-Кепри, и мнѣ будетъ весьма лестно познакомиться съ Вами.

Имѣю честь просить Васъ, г. капитанъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи

Н. Закржевскій, генеральнаго штаба
подполковникъ“.

Въ назначенное время свиданіе состоялось на полянѣ между русскими и авганскими постами. Кромѣ капитана Іэта на это свиданіе прибыли капитанъ Лассе и докторъ Оуэнъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ Авганскихъ всадниковъ и двухъ человѣкъ изъ англо-индійскихъ войскъ.

Подполковникъ Закржевскій послѣ взаимныхъ представленій предложилъ англичанамъ холодную закуску. Разговоръ, имѣвшій частный характеръ, велся на французскомъ языкѣ, и капитанъ Лассе служилъ переводчикомъ для капитана Іэта, не знавшаго этого языка. Подполковникъ Закржевскій повторилъ, что никто изъ русскихъ военнопольныхъ не просилъ ни о какомъ свиданіи, и что они вѣроятно ошиблись по какому-нибудь недоразумѣнію. На это англичане поспѣшили отвѣтить, что если и произошла ошибка, то они ей очень рады, такъ какъ благодаря ей они приобрѣли пріятное знакомство.

Затѣмъ англичане, упомянувъ, что между Россійскимъ и Британскимъ правительствами состоялось соглашеніе, и что въ виду этого соглашенія они рѣшаются откровенно высказать, что находятся въ очень затруднительномъ положеніи, что имъ поставлена трудная задача поддерживать status quo въ Сарыкскомъ населеніи Пендэ, и что задача эта съ минуты на минуту становится труднѣе, въ виду возможности столкновенія русскихъ войскъ съ авганскими. Особенно настойчиво добивались англичане свѣдѣній по поводу послѣдняго обстоятельства, т. е. о намѣреніяхъ русскихъ войскъ.

На это подполковникъ Закржевскій отвѣтилъ, что онъ не имѣеть никакихъ полномочій отъ своего начальства и о намѣреніяхъ генерала Комарова ничего не знаетъ, но съ готовностью, если имъ угодно, выскажетъ по интересующимъ ихъ вопросамъ свое личное мнѣніе и прибавилъ, что сама очевидность событій и обстановка данной минуты можетъ служить для нихъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что русскія войска не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія атаковать авганцевъ, ибо если бы такое намѣреніе существовало, то ничто не мѣшало русскимъ уничтожить авганцевъ въ первую же четверть часа по прибытіи своемъ на долину, на которой они устроили свой бивуакъ, но что нельзя обойти молчаніемъ, что авганцы безъ всякаго повода начали выдвигать впередъ и на фланги свои посты и рыть укрѣпленія. Англичане отвѣтили, что въ исходѣ могущаго произойти столкновенія они нисколько не сомнѣваются, только повторяютъ, что ихъ положеніе очень затруднительно, и они были бы весьма обязаны, если бы ихъ предупредили о могущихъ возникнуть осложненіяхъ.

На это Закржевскій отвѣтилъ полною своею готовностью быть къ ихъ услугамъ и не оставлять ихъ сообщеніями, насколько это позволить положеніе русскаго офицера.

На другой день послѣ этого капитанъ Іэтъ прислалъ на имя Закржевскаго новое письмо:

„Г. Полковникъ.

Вчера я имѣлъ удовольствіе объяснить Вамъ положеніе, въ которомъ мы здѣсь находимся, равно какъ и наши инструкціи, предписывающія намъ охранять, насколько отъ насъ зависитъ, спокойствіе и status quo и тѣмъ самымъ содѣйствовать облегченію щекотливыхъ переговоровъ между обоими Правительствами. Извѣстія, которыя мы получили изъ Лондона и которыя сообщены мною Вамъ, указываютъ, что Ваше Правительство раздѣляетъ мнѣніе Британскаго Правительства, желая и съ своей стороны облегчить переговоры сохраненіемъ status quo. Извѣстіе о такомъ согласіи дало мнѣ смѣлость откровенно сказать Вамъ, въ чемъ состоятъ наши затрудненія, и просить Васъ о любезномъ содѣйствіи нашимъ усиліямъ на пользу того, что представляется общимъ интересомъ обоихъ Правительствъ.

Такъ какъ Вы упомянули о томъ, что расположеніе нѣкоторыхъ авганскихъ постовъ слишкомъ выдвинуто впередъ, то я совѣтовалъ Наибъ-Салару отозвать всѣ посты, расположенные по ту сторону черты, которая была занята до время прибытія нашихъ всадниковъ въ Кизиль-Гафель.

Требованіе мое онъ принялъ хорошо и надѣется, что авганцы не причинятъ намъ никакихъ непріятностей. Теперь считаю своимъ долгомъ увѣдомить Васъ, что авганцы получили отъ Эмира приказаніе—какъ только сдѣлана была бы попытка заставить ихъ очистить занимаемую ими нынѣ позицію—открыть огонь, хотя бы только для того, чтобы обозначить начатіе активныхъ враждебныхъ дѣйствій.

Я вполне понимаю, что, съ военной точки зрѣнія, къ этому обстоятельству Вы отнесетесь довольно равнодушно; но съ политической точки зрѣнія дѣло имѣетъ совсѣмъ иное значеніе; столкновение, какъ бы оно ни было незначительно, не замедлитъ прискорбнымъ образомъ помѣшать переговорамъ, успѣшнаго окончанія которыхъ мы такъ желаемъ. Я не совсѣмъ понялъ, получили ли Вы уже то извѣстіе, о которомъ я упомянулъ вчера, а потому спѣшу послать Вамъ переводъ полученной телеграммы.

Телеграмма отъ лорда Гранвилля на имя генерала Лемсдена, подана 5-го (17-го) марта 1885 года.

„Русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомилъ нашего посла, что Русскія войска не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не выдвинутся впередъ и не атакуютъ, и если равнымъ образомъ не возникнетъ какого-нибудь чрезвычайнаго событія, вродѣ беспорядковъ въ Пенджде. Русскій Министръ прибавляетъ, что посланы точныя приказанія не вызывать столкновенія, но избѣгать его всѣми возможными средствами. Приказанія эти будутъ еще повторены“.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Лассе, капитанъ, политической агентъ.

Докторъ Оуэнъ, котораго я имѣлъ честь представить Вамъ вчера, проситъ меня сказать Вамъ, что онъ предоставляетъ себя въ полное Ваше распоряженіе, на случай, если бы Вамъ понадобились его услуги. Онъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ медиковъ и одинъ изъ первыхъ окулистовъ своего времени. Если бы въ Вашемъ лагерѣ не оказалось спеціалиста, то онъ могъ бы быть Вамъ полезенъ.

Имѣю честь просить Васъ, г. Полковникъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи.

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ, политической агентъ

Ея Великобританскаго Величества“.

На это письмо англичанъ, А. В. Комаровъ приказалъ подполковнику Закржевскому отвѣтить слѣдующее:

16-го (28-го) марта 1885 года.

„Г. Капитанъ.

Спѣшу поблагодарить Васъ за любезное сообщеніе извѣстій и копія съ депеши лорда Гранвилля. Прошу Васъ передать мою искреннюю благодарность г. доктору Оуэну за его предупредительность, но въ настоящую минуту мы, благодаря Бога, не видимъ надобности обращаться къ его таланту. Я буду счастливъ пожать его руку при первомъ свиданіи.

Я представилъ Командующему Закаспійскимъ отрядомъ русскихъ войскъ, генералу Комарову, подробный докладъ о нашемъ послѣднемъ свиданіи, равно какъ и о письмахъ, которыя Вамъ угодно было адресовать ко мнѣ.

Его Превосходительство приказалъ мнѣ увѣдомить Васъ, г. капитанъ, что онъ отнюдь не имѣетъ намѣренія начинать враждебныя дѣйствія противъ авганцевъ, если не вынудятъ его къ тому, перейдя въ наступленіе; но онъ считаетъ безусловно необходимымъ пригласить авганцевъ, чтобы они отодвинули свои посты, которые продолжаютъ выдвигаться впередъ, чѣмъ ставятъ его въ необходимость принять серьезныя мѣры, чтобы заставить ихъ отодвинуться и тѣмъ самымъ уменьшить вѣроятность столкновения.

Если авганцы пожелаютъ убрать свои аванпосты съ лѣваго берега Кушка, равно какъ и съ праваго берега Мургаба, то онъ можетъ положительно отвѣчать за ихъ безопасность, такъ какъ ни одному русскому солдату не будетъ позволено перейти черезъ Кушкѣ.

Позволяю себѣ присовокупить нѣсколько словъ, чтобы сообщить Вамъ, Милостивый Государь, мою личную точку зрѣнія на послѣднія событія. Авганцы, постоянно измѣняя линію своихъ аванпостовъ, отнимаютъ у насъ всякую возможность сохранить status quo, въ поддержаніи котораго мы были бы счастливы помочь Вамъ при нныхъ обстоятельствахъ.

Въ депешѣ лорда Гранвилля сказано, что русскія войска не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не подвинутся впередъ и т. д..., что вполне согласно съ полученными нами приказаніями. Я нахожу, что образъ дѣйствій авганцевъ, нарушающій помянутое условіе, является довольно оригинальнымъ средствомъ къ тому, чтобы избѣгнуть столкновения.

Прошу Васъ, Милостивый Государь, принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи.

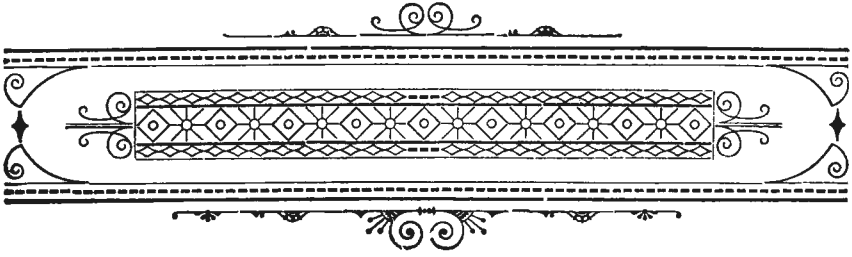
Н. Закржевскій, подполковникъ“.

Между тѣмъ положеніе дѣль представлялось въ слѣдующемъ видѣ: авганцы, съ самаго дня прибытія Мургабскаго отряда въ Кизиль-ле-Тене, начали выдвигать свои посты впередъ и на фланги русскаго бивуака на лѣвый берегъ рѣки Кушки, на цѣлые дни высы- лать массы кавалеріи и усиленно занялись постройкою укрѣпленій, особенно на лѣвомъ берегу р. Кушки.

Такой образъ дѣйствій авганцевъ заставилъ Комарова въ свою очередь выслать на рекогносцировки: 14-го марта на правый бе- регъ рѣки Мургаба капитана Генеральнаго Штаба Прасолова съ пятью джигитами, а 15-го числа, его же, для производства съемки, съ ротой стрѣлковъ, въ качествѣ прикрытія. Въ тотъ же день на рекогносцировку къ лѣвому берегу Кушка, была выслана по напра- вленію на Кала-и-Моръ сотня туркменъ Мервской милиціи, подъ командою подполковника Алиханова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Таинственная старица.

(Изъ архивныхъ дѣлъ XIX вѣка).

Въ одномъ изъ уголковъ уютнаго кладбища Пензенскаго Троицкаго женскаго монастыря пріютилась скромная могилка съ скромною же надписью на плитѣ: „*Старица Анна. Скончалась въ 1861 г.*“.

Могилка эта, хранящая останки нѣкоей старицы Анны, въ настоящее время почти забыта—ее знаютъ только сестры обители и немногіе изъ горожанъ и сельскихъ жителей. Но въ свое время она возбуждала особое вниманіе пензяковъ. Много было толковъ, разговоровъ и споровъ о старицѣ, таинственно привезенной въ Пензу весною 1861 года, въ сопровожденіи послушницы и жандарма, одѣтой, хотя и по-монашески, но во все *бѣлое*, съ наперснымъ крестомъ на груди... Секретныя бесѣды съ нею мѣстныхъ преосвященнаго и губернатора, скорая смерть, немедленная отсылка куда-то всѣхъ ея вещей и бумагъ, строгое архіерейское внушеніе игуменіи монастыря за устроенные ею „якобы“ пышныя похороны умершей—все это невольно заставляло пензенскихъ обывателей задаваться вопросомъ: кто эта старица? Дѣлалось много предположеній о ея личности. Особенно упорно говорили, что старица Анна первая жена великаго князя Константина Павловича... Считали ее и за Е. Ф. Татаринovu, извѣстную хлыстовку¹⁾ и под. Но истины никто добиться не могъ. Таинственная старица и осталась для всѣхъ таинственною. Такова же она и до настоящаго времени.

¹⁾ „Русская Старина“ за 1889 г., т. LXIII, стр. 193.

И мы, предлагая нѣсколько новыхъ, документальныхъ, данныхъ о старицѣ Аннѣ, вовсе не имѣемъ въ виду отвѣтить на вопросъ: кто она? Нѣтъ. Своимъ очеркомъ намъ хотѣлось бы только дать будущему историку „монастырскихъ тюремъ и ихъ насельниковъ“ хотя бы какія-нибудь нити къ распутыванію этого историческаго клубка недавняго прошлаго времени...

* * *

Исторія „*Таинственной старицы*“ въ дѣлѣ ¹⁾, по которому мы предлагаемъ свой рассказъ о ней, начинается отношеніемъ генераль-адъютанта графа Орлова къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову отъ 4 апрѣля 1852 года. Въ своемъ отношеніи графъ Орловъ, между прочимъ, пишетъ, что „вдова кол. асессора Анна Степанова, выдающая себя въ публикѣ ложно за монахиню, утруждала Государя Императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ объ освобожденіи ея отъ полицейскаго надзора, которому она подвергнута будто-бы безвинно, и о дозволеніи ей свободно проживать во всѣхъ городахъ Россіи. Въ слѣдствіе сего, продолжаетъ графъ, сдѣлано было сношеніе съ Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ, и изъ его отзыва усмотрѣно, что эта та самая Степанова, которая странными поступками своими обратила на себя вниманіе преосвящ. Никанора, митрополита С.-Петербургскаго, и по поводу отношенія Вашего Сіятельства къ нему, генералу Шульгину..., произведеннымъ о ней полицейскимъ разысканіемъ, отдана по Высочайшему повелѣнію подъ надзоръ полиціи, но такъ какъ она, несмотря на воспрещеніе ей, продолжаетъ выдавать себя за монахиню, безъ всякаго основанія, ведетъ ту же странную жизнь и утруждаетъ правительство неосновательными жалобами и домогательствами, то онъ, Военный Губернаторъ, полагалъ отправить ее навсегда въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ женскихъ монастырей, для пресѣченія ей способовъ къ неприличнымъ поступкамъ и разнымъ обманамъ и предсказаніямъ, коими она привлекаетъ народъ. Признавъ со своей стороны таковое мнѣніе совершенно справедливымъ, я всеподданнѣйше предлагалъ о томъ на благоусмотрѣніе Государя Императора и Его Величество Высочайше соизволилъ повелѣть привести оное въ исполненіе“...

Святѣйшій Синодъ, на третій день по полученіи приведеннаго отношенія, постановилъ отправить Степанову въ отдаленный, глу-

¹⁾ Дѣло Синод. Архива № 3550 за 1852 г. срав. Указы Пензенской Дух. Консисторіи, хранящіеся въ архивѣ Троицкаго ж. монастыря за №№ 18, 19, 22 и др. 1861 г.

хой Екатеринбургскій первоклассный монастырь Пермской епархіи. При этомъ мѣстному епархіальному архіерею было рѣшено предписать, чтобы, по доставленіи Степановой въ монастырь, подвергнута она была строгому надзору настоятельницы и надлежащему увѣщанію, и чтобы объ успѣхѣ въ томъ, равно какъ и объ образѣ жизни и поведеніи ея доносимо было Синоду по-полугодно.

Прошло почти полтора мѣсяца со дня рѣшенія Синода, а въ исполненіе оно все не было еще приведено. Въ Степановой приняла участіе Петербургская аристократія... И вотъ предсѣдательница С.-Петербургскаго Дамскаго Тюремнаго Комитета генеральша Потемкина¹⁾ обращается къ гр. Протасову съ просьбою, ради болѣзненнаго состоянія и престарѣлыхъ лѣтъ Степановой, жившей въ то время уже въ пересыльной тюрьмѣ, назначить ей другой ближайшій монастырь. Изъ приложеннаго къ просьбѣ Потемкиной свидѣтельства врача видно, что Степановой уже 77 лѣтъ; страдаетъ она періодическимъ стѣсненіемъ въ груди и судорогами въ рукахъ и ногахъ, при постоянномъ отекаѣ послѣднихъ.

Протасовъ передалъ просьбу Потемкиной Синоду, и послѣдній уважилъ ее, постановивши отправить Степанову въ Усманскій Софійскій монастырь, Тамбовской губерніи подъ тотъ же надзоръ, какой назначенъ былъ ей въ первый разъ. 2-го іюля, какъ видно изъ донесенія преосвящ. Тамбовскаго Николая (Доброхотова), Анна Степанова „доставлена“ была въ Тамбовъ „съ нарочно командированнымъ отъ С.-Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора квартальнымъ... Голощаповымъ“ и въ тотъ же день отправлена въ назначенный ей монастырь, куда прибыла 4-го іюля, устроившись, какъ писала игуменія Евпраксія, въ „приличныхъ званію ея келліяхъ“...

О жизни Анны Степановой въ Успенскомъ монастырѣ официальное дѣло говоритъ очень немного. И это немного даютъ намъ тѣ рапорты полугодичные, которые, по предписанію Синода, представлялъ туда преосвященный Николай. Во всѣхъ ихъ (нами прочитано ихъ 7) до января 1856 года преосвящ. Николай, на основаніи, конечно, отзыва игуменіи, характеризуетъ невольную отшельницу съ самой хорошей стороны. По его словамъ „она ведетъ себя хорошо, ни въ какихъ предосудительныхъ и безчестныхъ поступкахъ настоятельницею не замѣчена... три раза (въ полугодіе) самозвольно говѣла, была на исповѣди и сообщалась св. Тайнъ, являла

¹⁾ Татьяна Борисовна, урожд. кн. Голицына. Извѣстна своею благотворительностью. Скопч. 1 іюля 1869 г. Была близка къ Царской Фамиліи и высшему духовенству—напр. къ митроп. Филарету (Дроздову).

неослабную ревность во всѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, всегда оказывала знаки покорности, хранила уединеніе и, при всякомъ случайномъ общеніи, соблюдала примѣрную тихость...,—къ трудамъ охоту и постоянную заботливость о загробной жизни“... Подробно преосвящ. Николай говоритъ въ своихъ рапортахъ и о внѣшнемъ положеніи ея въ обители. „По силѣ ея прежняго цѣножизненнаго навыка, замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній архипастырѣ, и настоящаго разстроеннаго здоровья, она открыла настоятельница, что обыкновенная трапезная пища, приготовляемая сообразно уставамъ церкви, и соразмѣрно монастырскихъ доходовъ, не только не можетъ (поддерживать) ея уже разстроенныхъ силъ и здоровья, но и неудобопріятна для теперешняго ея вкуса, а приготовленіе, хотя въ самыхъ малѣйшихъ порціяхъ, для нея всегда необходимыхъ кушаній съ приправами поварскими стоитъ для монастыря большихъ издержекъ; пріобрѣтеніе таковыхъ съѣстныхъ припасовъ и приправъ, за немѣнимъ въ монастырѣ, стоитъ, кромѣ издержекъ, большихъ трудовъ. Привозныхъ рыбъ засольныхъ и свѣжихъ, какія достаются въ ближайшей къ городу и монастырю рѣкѣ Усманкѣ, и какія продаются, большею частью, на ближайшихъ базарахъ, она, Степанова, испытавъ отъ нихъ большой вредъ, употреблять ихъ также не можетъ; а другихъ лучшихъ свѣжихъ донскихъ рыбъ, которыя бы съ пользою могли быть употребляемы ею въ пищу, монастырь не имѣетъ способовъ для нея таковыя пріобрѣтать; вслѣдствіе этого она, не употребляя иногда пищи, истаеваетъ отъ голода, а иногда по крайней нуждѣ и въ поддержку собственной жизни, пріемля и самую лучшую пищу, очевидно, тѣмъ усиливаетъ только припадки своихъ болѣзней. При томъ воды, находящіяся близъ монастыря, по болотистому ихъ свойству, а равно и самая сырость монастырскихъ келлій, не менѣе вредное имѣетъ вліяніе на ея здоровье и силы къ развитію ея тяжкихъ болѣзней, такъ что судорожные припадки, часъ отъ часу болѣе являющіе свои дѣйствія во всемъ ея тѣлѣ, поставляютъ ее въ безотрадномъ положеніи и дѣлаютъ жизнь болѣе и болѣе жалкою для каждаго сострадательнаго человѣка“...

Такъ, въ продолженіе пяти почти лѣтъ, изъ полугодія въ полугодіе, доносилъ преосвящ. Николай Синоду объ Усманской узницѣ. Можно было бы, читая рапорты тамбовскаго іерарха, подумать, что Анна Степанова и на самомъ дѣлѣ смирилась предъ своею судьбою и не для себя уже жила, не о своемъ немощномъ тѣлѣ думала, а предуготовляла себя „благочестивыми упражненіями“ къ загробной жизни. Но... увы! Такова она была только на-показъ, предъ своимъ ближайшимъ начальствомъ — игуменіею и архіереемъ. На самомъ же дѣлѣ въ этой бодрой духомъ старушкѣ кипѣла жизнь. Не о

смертномъ часѣ думала она, не благочестивыя упражненія занимали ее... Нѣтъ. Ея мечта была какъ-нибудь бы, а избавиться отъ невольной ссылки, уѣхать изъ Тамбовской глуши... И первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана еще въ январѣ 1855 года...

Нѣкая Аграена Денисова, прислуживавшая Аннѣ Степановой въ Усманскомъ монастырѣ, а въ январѣ мѣсяцѣ 1855 г. какимъ-то образомъ очутившаяся „на Фонтанкѣ“ въ С.-Петербургѣ, отправила 14-го числа письмо на имя Великой Княгини Александры Иосифовны. Вотъ это письмо: „Ваше Императорское Высочество, Богомъ спасаемая и возлюбленная Матушка, Александра Иосифовна. 80-я старица мать Анфисса отъ духовныхъ подвиговъ и глубокой старости въ совершенномъ изнеможеніи силъ, кромѣ того монастырь окруженъ болотами, лишень здоровой воды и такъ бѣденъ, что келліи всегда сыры и нездоровы. Будучи ея послушницею, осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Высочество за мою благодѣтельница въ дѣлѣ спасенія, о переводѣ ея въ Кіевъ или снятіи съ нея запрещенія“...

Письму этому данъ былъ ходъ. Оно было передано чрезъ Оберъ-Прокурора Святѣйшему Синоду. Послѣднимъ было постановлено отъ 17 марта и 25 ноября 1855 г. истребовать отъ преосвящ. Тамбовскаго Николая свѣдѣнія—есть ли въ Усманскомъ женскомъ монастырѣ старица Анфиса, и не одно ли она и то же съ Анною Степановой?

Въ отвѣтъ на запросъ Синода преосвященный Николай, на основаніи рапорта Усманскаго благочиннаго протоіерея Ласточкина, сообщалъ: 1) что, заключенная въ монастырь, Анна Степанова дѣйствительно имѣетъ въ услуженіи (а не послушницу) С.-Петербургскую мѣщанку дѣвицу Денисову, которая созналась, что письмо Великой Княгини писала она; 2) имя Анфисы Аннѣ Степановой не принадлежитъ ни по какимъ документамъ, другой же высланной подъ монастырскій надзоръ нѣтъ. Денисова же называла ее матушкою Анфисою потому, что, по ея словамъ, она „всегда симъ именемъ называла и называетъ ее, другого же имени, которое бы принадлежало старицѣ Анфисѣ, она никакого не знаетъ“. Что касается письма, то оно отправлено было по просьбѣ самой матери Анфисы, которая умоляла ее, при отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, постараться „всемѣрно о ея положеніи, хотя бы словесно объяснить кому-либо изъ царской фамиліи; а какъ она исполнить сего не могла, то и рѣшилась подать прошеніе, но кто оно ей писалъ, она не знаетъ, а равно приложена ли къ оному за нее рука, ей также неизвѣстно, потому что прикладывать за себя руку она никого не просила; поступила же она въ Усманскій Софійскій монастырь съ озна-

ченною матушкою Анфисою 1852 г. въ іюль мѣсяцѣ прямо изъ С.-Петербургскаго тюремнаго замка, но принадлежить ли ей Анфисѣ названіе—вдова к. а. Анна Степанова, она свѣдѣній объ томъ никакихъ не имѣеть“...

Синодъ, получивши отзывъ преосвященнаго Николая, постановилъ 19-го марта 1856 г. оставить просьбу Денисовой объ Анфисѣ старицѣ безъ удовлетворенія, такъ какъ заключена она въ монастырь по Высочайшему повелѣнію „за неприличные поступки, разные обманы, пререканія и неосновательныя правительству жалобы и домогательства“.

Въ 1856 г. уже отъ самой Анны Степановой поступило на Высочайшее Имя прошеніе о перемѣщеніи ея въ другой монастырь. Самаго прошенія въ дѣлѣ Синода нѣтъ. Изъ отзыва же, по поводу его, преосвященнаго Тамбовскаго Николая отъ 24 января 1857 г. видно, что Степанова опредѣленно указывала на свое желаніе перейти не въ какой-нибудь монастырь, а въ С.-Петербургъ, на что мѣстная духовная (Тамбовская) власть вполнѣ была согласна. „Отъ юности ея, писалъ Тамбовскій архипастырь, она воспитана и большую часть жизни своей провела въ С.-Петербургѣ, тамъ имѣютъ главное мѣстопробываніе всѣ ея родственники, и погребены родители ея, а потому она, по освобожденіи отъ настоящаго надзора, опять желаетъ возвратиться въ эту столицу и въ кругу кровныхъ окончить краткій и болѣзненный остатокъ дней ея“.

Такъ какъ первое прошеніе (1856 г.) Анны Степановой на Высочайшее Имя, очевидно, успѣха никакого не имѣло, и она продолжала все томиться подъ надзоромъ, то 22 февраля 1857 года она снова пишетъ Государю. Приводимъ, въ виду особаго интереса, письмо ея Государю и другое какому-то Петру Ивановичу—буквально.

„Августѣйшій Монархъ,

Всемиловѣйшій Государь!

Пять лѣтъ я нахожусь въ Усманскомъ Успенскомъ монастырѣ Тамбовской губерніи, куда заключена подъ монастырскій присмотръ, по Высочайшей волѣ въ Божѣ почившаго Монарха; не желая отыскивать причины моего заключенія и углублять (ся) въ мудрыя распоряженія Отца своихъ дѣтей я старалась, сколько позволяли мои силы, свято исполнять уставы православной церкви и предписанія начальства.

Пятилѣтнее заключеніе,—сырой климатъ,—недостатокъ хорошей воды и другія лишенія, при совершенно бѣдномъ состояніи этого монастыря, истощили послѣднія мои силы въ 80-й моей старости.

Всемиловѣйшій Государь! милости, излитыя отъ щедрости

Твоего сердца, при священнѣйшемъ Твоемъ помазаніи на престолъ предковъ, отразились въ сердцахъ подданныхъ и Монаршая Твоя сердцелюбивая блительность взыскала заблудшихъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Твоего государства. Таковыя щедроты, изливаемые на подданныхъ Твоихъ, подали и мнѣ смѣлость пасть къ стопамъ Твоимъ и умиленно просить удостоить и меня сопричислиться къ милліонамъ взысканныхъ Твоими милостями: освобожденіемъ меня изъ подъ монастырскаго надзора. Дабы въ свободномъ состояніи, укрѣпивъ нѣсколько угасающія мои силы и постоянно возсылая молитвы къ Всевышнему о благоденствіи В. И. Величества и всего Августѣйшаго Дома, я могла бы съ невозмутимымъ духомъ встрѣтить наступающій конецъ моей жизни“...

Далѣе идетъ собственноручное письмо, съ большими ошибками, безъ знаковъ препинанія, на имя Петра Ивановича. „Исторія скорбной моей жизни, пишетъ Анна Степановна, отъ части вамъ извѣстна то не стану повторять ее чтобы не затруднять васъ бесполезно но прошу именемъ Бога всеусерднейше примите участіе въ моемъ положеніи. Я страдаю подъ надзоромъ монастырской полиціи неведомо за что да и конца не вижу моему страданію. Но какъ теперь Милостивѣйшій и Благочестивѣйшій нашъ Монархъ создавъ миръ миру и усугубилъ его милостивымъ манифестомъ при святомъ своемъ коронованіи, чрезъ который милліоны людей получаютъ величайшія отрады, то и для меня блеснулъ лучъ надежды на помилованіе. Будьте столь добры и внимательны ко мнѣ взгляните на 18 статью ¹⁾ милостиваго манифеста она такъ близка къ моему дѣлу что будто бы для меня писана; ежели и вы тоже въ ней признаете то умоляю васъ помогите мнѣ воспользоваться этою царскою милостью. Вы на такомъ счастливомъ мѣстѣ, что премного можете дѣлать добра не лишите и меня того жъ. Нельзя ли обо мнѣ доложить Его Высочеству или по крайней мѣрѣ указать на оную статью въ Св. Синодѣ гдѣ обо мнѣ было дѣло и отъ котораго я завишу. Синодъ меня знаетъ подъ именемъ к. а. Анны Степановой—я желаю и прошу одной милости чтобы освободили меня отъ ареста или отъ надзора и тѣмъ доставили бы мнѣ великую милость привести мой собственныя дѣла въ порядокъ, которыя по причинѣ моего ареста остаются безъ дѣй-

¹⁾ «Отданныхъ подъ особый надзоръ полиціи, говорится въ ней, съ обязанностью имѣть жительство въ указанныхъ имъ мѣстахъ, если они подверглись сему не вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ за доказанныя преступленія, или по оставленіи ихъ судомъ въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ сего надзора, дозволивъ имъ также жительствовать, гдѣ они пожелаютъ». См. Полное Собраніе Законовъ. Т. 31. Отд. 1. Стр. 792. СПб. 1857.

ствія да согласно статьи дозволили бы мнѣ избрать жительство по моему желанію. А здесь я задыхаюсь отъ гнилости кельи отъ холода и угара и пища здѣшняго для меня не токмо неполезна но... (слово одно не разобрано)... убійственна и въ особенности вонючая вода. Еще умоляю васъ не отринете усердной просьбы убитой старостію старицы но преданной къ вамъ къ услугамъ Анны Степановой а нынѣ схимонахини Анны“...

Когда прошеніе Степановой было передано Синоду, то онъ, не считая возможнымъ возвратить ее въ С.-Петербургъ, „чтобы опять не предалась прежнимъ страннымъ поступкамъ“, счелъ, все-таки, возможнымъ освободить ее изъ-подъ надзора и предоставить ей право выбрать болѣе удобный по климату монастырь во внутреннихъ губерніяхъ. Но постановленіе Синода, доложенное Государю кн. Долгоруковымъ, управляющимъ III-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, утверждено Имъ не было.

Новое прошеніе Степановой на имя Государыни Императрицы, поданное ею въ январѣ 1858 г., въ виду прежняго рѣшенія (см. в.), не было даже разсмотрѣно Синодомъ и возвращено просительницѣ обратно ¹⁾...

Постоянныя ли неудачи, какія постигали подаваемая Степановой прошенія, тяжелыя ли для нея условія монастырской жизни—неизвѣстно что, но только въ настроеніи и поступкахъ нашей Усманской узницы съ 1858 года замѣтна очень большая перемѣна. Прежде, въ продолженіе почти шести лѣтъ, она характеризовалась, по крайней мѣрѣ на официальномъ языкѣ рапортовъ, какъ старица благочестивая, трудолюбивая, любящая уединеніе, всегда выказывающая особую „заботливость о загробной жизни“. Теперь же новый Тамбовскій архипастырь Макарій (Булгаковъ) пишетъ о ней Синоду, что она ведетъ себя по-прежнему „странно“, принимаетъ къ себѣ всякихъ людей, строптивымъ своимъ характеромъ огорчаетъ игуменію и подчиненныхъ. Изъ произведеннаго въ скоромъ времени формальнаго дознанія „странныхъ поступковъ“ Анны Степановой уже ясно обнаружилась та перемѣна въ ея настроеніи, о которой замѣтили мы выше.

Ближайшимъ поводомъ къ назначенію дознанія надъ дѣйствіями Степановой послужило слѣдующее письмо на имя преосвящ. Макарія какого-то поручика Владислава Майнова, принимавшаго съ этихъ поръ и до самой кончины старицы весьма большое въ ней участіе.

¹⁾ Самого прошенія въ «дѣлѣ» нѣтъ. О подачѣ его видно изъ предложенія Синоду Об.-Прокурора Толстого отъ 7 января 1858 г. за № 70. См. Д. Син. Арх. Ц. в. Л. 52.

Въ письмѣ своемъ Майновъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ трехъ верстахъ отъ города Усмани, въ Софійскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, по неисповѣдному промыслу Божию, жительствуетъ достойнѣйшая 80-я старица А. И. Степанова, полная любви къ Спасителю міра, всегда покорная начальству и законамъ, она безропотно несетъ крестъ свой. Полагая, по твердому ея христіанскому убѣжденію и по своему немощному разумѣнію, что скорбное посылаемое отъ Господа, должно переносить съ благодареніемъ, онъ молчалъ въ числѣ прочихъ и, услаждаемый бесѣдою мудрой прозорливости и безпристрастія, старался не обращать вниманія на горькія дѣйствія ближнихъ по наущенію врага. Но къ пользѣ же ближнихъ онъ представляетъ событія въ самомъ точномъ видѣ. Покойная игуменія Евпраксія, получивши въ 1852 г., по пріѣздѣ Анны Степановой, отъ нея капиталъ 8.000 рублей серебромъ, доставляла ей, по возможности, все нужное, но по кончинѣ Евпраксіи, около двухъ лѣтъ тому послѣдовавшей, при совершенной неопытности игуменіи Серафимы, при вмѣшательствѣ въ дѣло управленія монастыремъ свящ. Бѣльскаго, не только жизненные припасы перестали выдаваться матушкѣ въ необходимомъ количествѣ, но монастырская прислуга покинула старину, причиняя ей всякаго рода непріятности, чтобы угодить всезнающему духовнику своему и неопытной начальницѣ Серафимѣ. Скудная помощь отъ него (М—а) даетъ возможность матушкѣ не нуждаться лишь въ самомъ необходимомъ, да и крѣпостныя его дѣвки-крестьянки у нея въ услуженіи, тогда какъ старые годы матушки, кромѣ ея великихъ скорбей, даютъ ей полное право на вниманіе окружающихъ и должны бы отдалять дерзости монастырской челяди.

14 ноября 1857 г. въ день заговѣнья онъ въ числѣ трехъ дамъ Г. Селиховой, Ю. Савельевой и дѣвицы Каземировой посѣтили уважаемую ими, какъ родную мать, старицу, среди тихой бесѣды ихъ, поощренный игуменьею и челядью врывается съ крикомъ въ келлію матушки, обвѣшанный образами и крестами незнакомецъ и только съ помощью позванной ихъ прислуги, они могли освободить матушку отъ самага стѣснительнаго положенія. Мѣстный священникъ Іоаннъ и игуменія приняли незнакомца подъ защиту свою и скрывъ его въ домѣ у г. Е. Савельевой у монастыря, въ ту же ночь отправили его съ мірскимъ служителемъ неизвѣстно куда, боясь законнаго преслѣдованія. Бродяга этотъ, какъ мнѣ извѣстно, прожилъ въ монастырѣ около 3-хъ недѣль и не разъ денно и ночью тревожилъ дряхлую, больную, молящуюся Анну *Иванову* (к. н.) Одно это обстоятельство заставило меня употребить все зависящее для отвращенія святотатства въ стѣнахъ священной обители“...

Началось слѣдствіе. Послѣднее открыло много страннаго и непригляднаго въ поступкахъ Степановой. Приводимъ кое-что, наиболѣе интересное, изъ показаній послушницъ и монахинь Усманскаго монастыря. Послушница Быкова, напр., показывала, что сначала Степанова вела себя „кротко и не зазорно“, но потомъ стала высказывать „неудовольствіе“ на игуменію, хотя ей и оказывалось со стороны игуменіи особое вниманіе. Такъ, напр., пищу самую даже лучшую отсылала назадъ; „хлѣбъ бѣлый, самаго лучшаго даже печенья и доброты, сминала въ комокъ, или иногда расщипавъ его на мелкіе кусочки, какъ бы въ посмѣяніе игуменіи, возвращала ей обратно съ приказаніемъ сказать, что она такой хлѣбъ ѣсть не будетъ, а потомъ и пищу монастырскую употреблять не стала“... Въ услуженіи у ней сначала были послушницы, теперь же служатъ двѣ крестьянки Майнова;—монастырской же прислуги нѣтъ по той причинѣ, что „по жестокому обращенію С—й съ послушницами, которыхъ она наказываетъ безчеловѣчно палкою или другимъ чѣмъ-либо по плечамъ, головѣ, рукамъ, или кулакомъ по щекамъ, никто жить болѣе не соглашается“... Бродяги въ монастырѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ не было.

Объ отношеніяхъ Степановой къ Майнову она, Быкова, ничего не показывала кромѣ того, что послѣдній бывалъ у нея каждый день по нѣсколько разъ—или одинъ или съ помѣщиками Ладыженскимъ и Сычевымъ, просиживали они до глубокой ночи. Иногда гостямъ этимъ напоминали, что по монастырскому уставу ворота нужно запираеть „по-рану“, но напоминанія успѣха не имѣли никакого—гости сидѣли столько времени, сколько хотѣли.

Сама же Степанова на замѣчаніе игуменіи однажды „съ окрикомъ произнесла: „Ты мнѣ не смѣешь никогда объ этомъ говорить. Ты что за игуменья! Ты стерва-мужичка!“... и другими поносительными словами всячески поносила, о сущности которыхъ благопристойность воспрещаетъ выразить“. Въ другой разъ къ Степановой пришли крестьяне и просили ее быть судьей относительно порубки дѣса. Степанова согласилась. Игуменія, узнавъ объ этомъ, пошла къ ней и просила не вступаться въ мірскія дѣла;—въ отвѣтъ Степанова всячески поносила и ругала ее. Вообще посѣтителей у Степановой бываетъ много, и она принимаетъ ихъ радушно. Служащіе же Майнова являются почти ежедневно за приказаніями, привозятъ ей хлѣбъ, пригоняютъ скотъ, „приводятъ жениховъ и невѣсть для осмотра“... и всѣхъ ихъ она называетъ „своими крестьянами“...

Послушница Каратаева, подтвердивши показанія Быковой, добавляла, что въ 4 года, какъ она жила у Степановой, столько была наказана, что исчислить не можетъ—иногда разъ по пяти въ день,

а два раза едва осталась жива. Однажды Степанова колотила ее мѣднымъ тазомъ по головѣ, что тазъ весь изломала, а ее, Каратаеву, довела до безпамятства. Разъ Каратаева принесла прямо съ плиты кипящую уху. Степанова, хлебнувъ одну ложку, вдругъ „съ гнѣвомъ закричала: зачѣмъ она ей подала недосоленную уху и схвативъ оную вылила ей за шею“. Боясь жаловаться и „принявъ терпѣніе, что она обварена ухою, поклонилась къ ногамъ ея, прося прощенія въ своемъ неискusstвѣ готовить пищу по вкусу ея, питая надежду, что таковымъ повиновеніемъ смягчитъ гнѣвъ ея и тѣмъ избавитъ себя отъ еще большаго наказанія и побоевъ; но Степанова очень удобно не упустила изъ вида и этотъ случай, ибо въ сію же минуту сѣла на нее, наклоненную, верхомъ, одною рукою захватила горло, чтобы она не могла кричать, а другою рукою взявши ее за заплетенную косу и завила оную за руку и начала ее бить лбомъ объ полъ и до того избива, что она едва дошла до игуменни, которая, увидѣвши ее въ такомъ несчастномъ и отчаянномъ положеніи, сопряженномъ даже съ помѣшательствомъ разсудка, изъ опасности, въ случаѣ смерти ея, дабы не подлежать отвѣтственности, пригласила для освидѣтельствованія ея побоевъ старшихъ сестеръ“...

Монахиня Архелая указала, между прочимъ, на то, что характеръ Степановой измѣнился особенно со времени знакомства съ Майновымъ. Капитала въ 8.000 рублей отъ нея не поступало... Крестьянамъ даетъ „разрѣшеніе“ на браки. Такъ недавно, по словамъ свидѣтельницы, она отказала одному жениху, возвративши его въ имѣніе, а невѣсту оставила у себя. Вообще имѣніемъ Майнова распоряжается безконтрольно. Въ мясоѣдъ 1857 года привозили къ ней неразрубленныя свиныя туши, таскали ихъ по ея покоямъ; приносили также дворовую птицу, но неизвѣстно, для какой надобности и „она на всѣ эти предметы дѣлала свои распоряженія“... Къ игуменіи Степанова относилась непочтительно.

Однажды въ храмѣ, во время литургіи, при всѣхъ кричала: „какая она начальница? она не начальница, а мачальница, прибавивъ къ тому, что вы и всѣ здѣсь дураки, мужички, однодворки“. Называла иногда игуменію и разбойницею и под. именами. „Сверхъ того Степанова приписываетъ себѣ даръ предвѣдѣнія, прозорливости, еще какое-то таинственное величіе, также называетъ себя схимонахицею“...

Объ озорствѣ въ церкви показывала и послушница Болтонова. Какъ-то Степанова пришла раньше всѣхъ въ церковь—отворила всѣ двери и окна, затворять не позволяла, а ставши посредникъ церкви кричала: „я надаю всѣмъ плюхъ сейчасъ же“ съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ.

Подобное же показывали и другія монахини и послушницы монастыря.

Изъ постороннихъ какой-то капитанъ Саварскій показывалъ, что Анна Степанова человѣкъ „достойный всякаго сожалѣнія, по причинѣ разстроеннаго ея разсудка, который при спокойствіи ея духа бываетъ чистъ и ясенъ, но въ противномъ случаѣ доходитъ до нетерпимости, и тогда ей всё предметы кажутся наоборотъ, тогда самая чистая правда воображается ей самымъ ухищреннымъ зломъ, противъ нея направленнымъ, и воображая дѣлать истину, дѣлаетъ напротивъ, не замѣчая и сама того; возобновленіе этихъ припадковъ къ худшему или лучшему зависитъ отъ окружающихъ ея собесѣдниковъ, которымъ она имѣетъ болѣе или менѣе довѣріе (разумѣется, отъ склонности сихъ послѣднихъ). Изъ всѣхъ этихъ приемовъ или уловокъ видно, что она была человѣкъ высшей сферы противу теперешняго ея быту и, по утратѣ прежняго, она теперь въ безпрестанной скорби и отъ того терзается“...

Настоятельница Серафима къ показанію капитана Саварскаго добавила, что „присвоеніемъ себѣ особенной набожности, дара предвѣдѣнія или прозорливости, какого-то таинственнаго величія, случайности, монашества, схимонашества, игуменства и др. придуманныхъ преимуществъ начала привлекать къ себѣ легкомысленныхъ читателей, искателей ея предсказаній и помощи. Поручикъ Майновъ и живущая съ нимъ помѣщица Селихова первые явились жертвою ея обмановъ, и чрезъ нихъ она вскорѣ распространила и теперь распространяетъ свой привлекательный обманъ на многихъ; вслѣдствіе чего монастырь сдѣлался центромъ ежедневныхъ сборищъ людей изъ всѣхъ классовъ и она, игуменія, видя это, по долгу своему, старалась пресѣчь сіи вредныя, какъ для нихъ самихъ, такъ и для обители общенія ихъ. А какъ большая часть изъ нихъ были завлечены въ общеніе съ нею разными со стороны ея обѣщаніями, лестными для здѣшней жизни, а нѣкоторые очевиднымъ интересомъ: то ея препятствія ихъ всегдашнимъ денноночнымъ внутри и внѣ монастыря общеніямъ были для таковыхъ неприятны“.

„Что же касается до религіозныхъ правилъ ея жизни, то эти правила, говорила та же игуменія Серафима, имѣютъ характеръ примѣнительный къ дѣламъ болѣе земнымъ—низкимъ и вообще, какъ видно, религія не имѣетъ на ея нравственность благотѣльнаго вліянія, это усматривается изъ того, что когда Степанова бываетъ у исповѣди и св. Причастія, то по принятіи сихъ Божественныхъ даровъ, уста и руки ея тотчасъ готовы распространяться на дѣла предосудительныя, къ какимъ болѣе настроена жизнь ея“... При прежнемъ общемъ монастырскомъ духовникѣ „она казалась

болѣе уважительною къ правиламъ вѣры, усердіе къ церкви, кротчѣе, покорнѣе и внимательнѣе къ ея долгу и политическому положенію, но съ перемѣною духовника, она время отъ времени становится страннѣе во всѣхъ отношеніяхъ ея жизни“.

Слѣдствіе окончилось... Любопытную черту недавняго прошлаго можно отмѣтить въ немъ—это полное безправіе самой обвиняемой: ее даже не спросили—какъ понимаетъ сама она свою вину? Кто знаетъ? Можетъ быть изъ ея показаній слѣдователи вывели бы многое въ ея оправданіе? И для историка они не были бы бесполезны, раскрывая многія стороны въ этой загадочной жизни, теперь для него совершенно темныя...

Послѣ всего установленнаго слѣдствіемъ Аннѣ Степановой, конечно, неудобно было оставаться въ Усманскомъ монастырѣ, а потому она и была переведена сначала въ Кирсановскій женскій монастырь (23/vii 1858 г.), а потомъ въ Тамбовскій Вознесенскій монастырь (ук. Синода отъ 4/ix 1859 г. № 3). Во время жизни въ этихъ монастыряхъ она вела себя сравнительно очень не плохо (см. донесенія: еп. Макарія отъ 27/iv 1859 г., Теофана еп. отъ 3/v 1860 г. и др.). Характерно только ея постоянное надоеданіе за это время начальству о переводѣ то въ С.-Петербургъ, то въ Липецкъ, то въ Воронежъ. Писала она объ этомъ и Тамбовскимъ іерархамъ и самому Государю. Послѣднее, такъ сказать, предсмертное прошеніе на имя Государя Анна Степанова подала въ августъ 1860 года и оно, хотя и не вполнѣ, но было уважено — единственное изъ почти десятка поданныхъ ею на Высочайшее Имя.

Въ этомъ, послѣднемъ прошеніи Степанова просить Государя перевести ее въ Воронежъ и освободить изъ-подъ надзора „подъ которымъ я не будучи виновна ни предъ закономъ Божиимъ ни человѣческимъ, не знаю за что нахожусь, есть ли причиною этому одно только мое постриженіе въ монашество въ 1834 г. въ Іерусалимѣ при гробѣ Господнемъ, то повелѣть законнымъ порядкомъ снять съ меня это званіе и дозволить хоть послѣдніе минуты моей жизни провести спокойно и отдать душу мою Богу тамъ, гдѣ я пожелаю“...

Вскорѣ послѣ прошенія, состоялось опредѣленіе Синода (отъ 12/ix 1860 г. и 15/ii 1861 г.) о переводѣ ея въ Троицкій женскій монастырь „какъ удаленный и удобный для оказанія Степановой медицинской помощи“.

Въ Пензу старица Анна доставлена была 22 апрѣля 1861 года. Приѣздъ ея, по воспоминаніямъ современниковъ, взволновалъ весь городъ. Много толковали о ея монашеской, но совершенно бѣлой одеждѣ, наперсномъ крестѣ съ таинственною надписью на оборотѣ,

ея властномъ характерѣ, обнаружившемся особенно при выборѣ ею для себя келии и подоб. Много предположеній строилось, но..... тайна такъ и осталась тайною...

Въ Троицкомъ Пензенскомъ монастырѣ Степанова прожила только нѣсколько дней: 22 апрѣля она была доставлена, а съ 26 на 27 скончалась—25-го совершенно надъ нею было таинство елеосвященія и она причастилась. Погребена она была въ простомъ дубовомъ гробѣ, но обитомъ, согласно ея завѣщанію игуменіи Надеждѣ, внутри бѣлымъ атласомъ... на монастырскомъ кладбищѣ.

Послѣ ея смерти вещи и документы ея немедленно были собраны губернаторомъ и мѣстнымъ архіепископомъ Варлаамомъ (Успенскимъ) и куда-то отправлены. Составлена была и опись вещамъ покойной, за внесеніе въ которую подъ № 8 креста съ особою надписью сдѣлано составлявшимъ опись отъ преосвящ. Варлаама архипастырское строгое внушеніе... Что же это за крестъ? По описанію—„крестъ сребропозлащенный на подобіе наперснаго съ таковою же изъ мелкихъ колець цѣпочкою, вѣсу въ немъ и цѣпочкѣ 23¹/₂ золотника; на оборотной сторонѣ вдоль поперечника креста вырѣзаны курсивомъ слова: „Церевна ¹⁾ Анна“; въ верху оныхъ словъ прописная литера „А“.

Среди бумагъ сохранились частныя письма Степановой съ адресами: „матушкѣ Анфисѣ“, „матушкѣ“ и одно „отъ рабы Божіей Анны къ П. А. Кашкарову“. Есть прошенія о полученіи Кашкаровымъ, чиновникомъ С.-Петербургской Казенной Палаты, пенсіи изъ Петербургскаго Казначейства. Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе „картонный билетъ зеленого цвѣта, шириною 3¹/₂, длиною 2¹/₂ в., на лицевой сторонѣ надпись слѣдующаго содержанія: „№ 782. Билетъ для прохода по временному помосту, чрезъ р. Неву устроенному весною 1850 г.“; на оборотной сторонѣ онаго „Билетъ этотъ служить для одной только особы и представляется часовому, у помоста находящемуся, оставаясь въ распоряженіи того лица, которому данъ“.

* * *

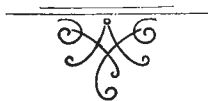
Старлица Анна унесла тайну своей жизни въ могилу и для насъ, пользовавшихся оффиціальнымъ дѣломъ о ней, личность ея остается такою же темною, какъ и ранѣе. Но мы вѣримъ, все-таки, что недалеко то время, когда раскроются архивныя листы дѣлъ знаменитаго III-го Отдѣленія, которые и повѣдаютъ намъ: кто и за что

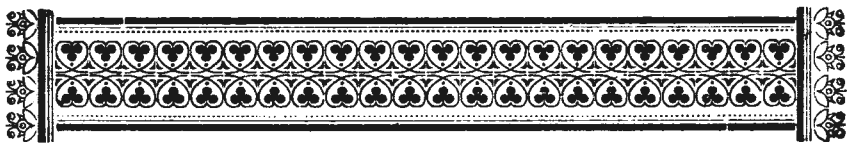
¹⁾ По „Описи“ архива Тр. ж. мон. г. Пензы—„Царевна“.

страдала въ далекихъ и глухихъ монастыряхъ подъ именемъ Анны Степановой?....

Съ своей стороны мы только отмѣтимъ, заключая свой очеркъ, что мнѣнія, господствовавшія среди пензенскихъ обывателей 60—70 гг., что старица Анна вдова кн. Константина Павловича или Татаринова—не имѣютъ исторической достовѣрности: княгиня Анна скончалась за предѣлами Россіи въ 1860 г., а Татаринова, хотя и въ Россіи, но въ 1856 г. Скорѣе всего подъ именемъ Анны Степановой была сослана „навсегда“ въ далекій монастырь какая-нибудь очень знатная сектантка Николаевского времени. Можетъ быть, это была и хлыстовка (мнѣніе Кирѣева—„Р. Старина“), пристрастіе Степановой къ бѣлому цвѣту подтверждаетъ это предположеніе, а усердіе ея въ исполненіи обрядовъ Православной церкви не говоритъ противъ такого предположенія потому, что изъ всѣхъ сектантовъ хлысты особенно „по внѣшности“ преданы православію, хотя въ душѣ православныя для нихъ—„народъ невѣрный, злые люди, хищники; духовныя лица это черныя враны, кровожадные звѣри, волки злые, безбожныя іудеи“... и проч., о чемъ „не лѣтъ“ есть и „глаголати“.

С. Артоболовскій.

Памяти П. Я. Дашкова.

Русская историческая наука понесла невознаградимую потерю: 6 февраля внезапно скончался Павел Яковлевич Дашковъ. Угасла рѣдкая, свѣтлая личность. Нива нашей общественной жизни, на которой такъ много пашни и такъ мало дѣлателей, лишилась одного изъ самыхъ бодрыхъ, трудолюбивыхъ работниковъ. Къ чести нашего общества нужно сказать, что кончина Дашкова не прошла незамѣченной. Его свѣжую могилу почтили не сухими полуофициальными некрологами-формулярами, а теплыми, искренними словами любви и скорби. Знать Дашкова и не любить его было невозможно, и знавшіе его успѣшили рассказать широкимъ читательскимъ кругамъ объ этомъ человѣкѣ, дѣятельность котораго проходила въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ жизни, не могла быть оцѣнена всякимъ и каждымъ, но была всецѣло посвящена благородной службѣ родной культурѣ.

Дашковъ былъ собиратель. Обычно съ этимъ словомъ связывается не совсѣмъ привлекательное представленіе объ угрюмомъ книжномъ паукѣ, усердномъ копунѣ, гонящемся за рѣдкостями, глухомъ и слѣпномъ ко всему, что не входитъ въ узкія рамки интересовъ собирателя. Къ такому типу Дашковъ нисколько не подходилъ. Въ его дѣятельности была идея, были научныя цѣли. Это была благородная, изящная натура. Дашковъ сѣялъ добро и знаніе, и его имя должно быть воспоминаемо съ уваженіемъ и благодарностью.

„Имя это“ — говорить въ глубоко прочувствованной статьѣ Е. Шумигорскій („Нов. Время“, № 12181)— „принадлежало человѣку, всю свою жизнь и всѣ немалыя средства отдавшему на собираніе и сохраненіе сокровищъ по русской исторіи и иконографіи и всей

душой помогавшему всё́мъ работавшимъ въ этой области не только созданной имъ единственной въ мірѣ коллекціей, но и совѣтами, цѣнность которыхъ, при рѣдкомъ его образованіи и литературной опытности, не уступала академическимъ отзывамъ. И въ дѣйствительности домъ Павла Яковлевича, съ утра и до вечера открытый для лицъ, изучавшихъ русскую старину во всё́хъ ея отрасляхъ, былъ единственнымъ въ Петербургѣ центромъ, куда стекались всё́ новости по излюбленному имъ дѣлу, гдѣ находили себѣ мѣсто выдающіеся, большіе и малые, ученые труды по русской исторіи, и гдѣ вопросы русской исторической науки дебатировались въ горячихъ и страстныхъ бесѣдахъ между хозяиномъ дома и его гостями, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ научнымъ и общественнымъ толкамъ. Бесѣды эти стоили академическихъ курсовъ, въ особенности для начинавшихъ свою ученую карьеру, и даже превосходили ихъ, когда хозяинъ раскрывалъ предъ слушателями содержаніе многихъ хранившихся у него рукописей, которыя по разнымъ причинамъ не могли еще сдѣлаться достояніемъ печати.

Въ области новой и новѣйшей русской исторіи хранилище П. Я. Дашкова, по богатству и рѣдкости заключающихся въ немъ матеріаловъ, можно сопоставить съ важнѣйшими государственными архивами, но въ то же время включаетъ въ себѣ историческіе документы, которые, конечно, по исключительной своей важности ни въ одномъ изъ такихъ архивовъ находиться не могутъ. Достаточно сказать для характеристики коллекціи Дашкова, что въ нее попали въ значительной части частные архивы и семейныя бумаги многихъ литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей новой Россіи.

Получивъ первоначальное воспитаніе за границей, Павелъ Яковлевичъ былъ до мозга костей русскимъ человѣкомъ, страстно любившимъ свою родину и вѣрившимъ въ ея мощь и величіе. Намъ положительно извѣстно, что самая мысль создать коллекцію рукописей и рисунковъ по русской исторіи появилась у него именно подъ влияніемъ этого чувства въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, къ которому Дашковъ принадлежалъ по рожденію, культивировалось „чужеземство родной страны“, и послѣ краха помѣщичьей Россіи и развала дѣдовскихъ усадебъ стали выбрасываться на улицу семейныя бумаги. Еще юношей Дашковъ тратилъ всё свои деньги на покунку русскихъ бумагъ и гравюръ въ важнѣйшихъ антикварныхъ центрахъ Европы, куда онъ сбывался нашими беззаботными соотечественниками. Ту же склонность свою широко проявилъ онъ и въ Россіи, гдѣ заканчивалъ свое образованіе въ Александровскомъ лицѣѣ, и сталъ затѣмъ числиться на службѣ по государственной

канцеляріи; сердце его сжималось отъ боли, когда онъ видѣлъ уничтоженіе и гибель русскихъ историческихъ бумагъ, и онъ спасалъ многія изъ нихъ, какъ только являлась къ тому возможность, иногда при участіи другихъ знатоковъ родной старины, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Дашковымъ; въ числѣ ихъ былъ и покойный князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, многими чертами ума и характера напоминавшій П. Я. Дашкова. Одна исторія созданія дашковской коллекціи могла бы составить любопытнѣйшую страницу новѣйшей бытовой русской исторіи, и нѣкоторые ея отрывки съ неподражаемымъ юморомъ рассказывалъ самъ Павелъ Яковлевичъ, говоря о происхожденіи тѣхъ или другихъ находившихся у него бумагъ.

Человѣкъ добрѣйшей души и въ то же время тонкій знатокъ людей, Павелъ Яковлевичъ соединялъ въ себѣ культурность европейски воспитаннаго человѣка съ самобытностью широкой даровитой русской натуры. Онъ шелъ навстрѣчу нуждѣ, горю всѣхъ, искавшихъ его помощи; многіе изслѣдователи только его просвѣщенной поддержкѣ обязаны были появленіемъ своихъ трудовъ. Утренніе его часы часто сплошь заняты были обученіемъ являвшейся къ нему ученой молодежи даже весьма зрѣлаго возраста. Цѣлыми днями трудился онъ для совершенно незнакомыхъ ему лицъ, пріѣзжавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, пересматривая свои сокровища и добывая нужные для нихъ матеріалы. „Я не могу быть спокоенъ, пока не отпущу его домой,—говорилъ Дашковъ,—не могу видѣть его лица равнодушно, зная, что онъ долженъ жить въ Петербургѣ, пока я буду откладывать его дѣло“. Безкорыстно служа русской исторіи и искусству, Дашковъ немало содѣйствовалъ академіямъ наукъ и художествъ въ успѣхѣ многихъ ихъ трудовъ и изданій, тщательно уклоняясь по своей скромности отъ всякаго официального признанія своихъ заслугъ“.

Значеніе Дашкова въ нашей исторической наукѣ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ было велико. „Это былъ“,—говоритъ Н. Лернеръ („Рѣчь“, № 41)—„не простой собиратель, а отличный знатокъ книгъ и рукописей, страстный охотникъ, на котораго рѣдкостные звѣри такъ и бѣжали. Услужливый, любезный, онъ никогда ни одному работнику не отказалъ въ помощи, и многіе усердно черпали и изъ его богатаго архива рукописей, и изъ не менѣе удивительнаго архива его памяти; къ тому же онъ былъ словоохотливъ и общителенъ. Въ рѣдкомъ историческомъ или историко-литературномъ серьезномъ трудѣ изъ множества вышедшихъ въ послѣдніе годы вы не встрѣтите выраженій благодарности Дашкову за оказанную помощь, за совѣты и указанія, и ссылокъ на его собраніе ру-

копией и гравюрь. Къ Дашкову обращались не менѣе часто, чѣмъ въ Публичную библіотеку, или Румянцовскій музей, или библіотеку академіи наукъ, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могли даже позавидовать собранію, составленному этимъ „любителемъ“. Самъ Дашковъ ничего не писалъ, и это тоже было хорошо; будь онъ цеховой ученый или профессиональный писатель, онъ не былъ бы такъ щедръ на совѣты и не знакомилъ бы такъ охотно со своими рукописными богатствами, приберегая многое для себя самого: себѣ, дескать, дороже стоитъ. Зато онъ не только помогъ цѣлому ряду ученыхъ, но, что гораздо важнѣе, повліялъ на самый характеръ историческихъ изслѣдованій, на ихъ технику,—пріучилъ изслѣдователей къ работѣ по первоисточникамъ, внушилъ имъ стремленіе къ точности и достовѣрности“.

Такимъ образомъ Павелъ Яковлевичъ приобрѣлъ ту особую репутацію, которая отличала его отъ другихъ собирателей, и это весьма помогало росту его собранія. „Сначала“,—разсказываетъ одинъ изъ близко знавшихъ Дашкова литераторовъ („С.-Петербург. Вѣд.“, № 32)— „въ теченіе долгихъ лѣтъ, Дашковъ тратилъ большія средства на приобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ и рукописей для своего собранія, а впоследствии, среди людей сколько-нибудь заинтересованныхъ въ сохраненіи рѣдкихъ и цѣнныхъ документовъ нашей исторіи, создавалось особое убѣжденіе, вѣрнѣе обаяніе личности, и на вопросъ: что дѣлать съ имѣющимся въ рукахъ рѣдкимъ экземпляромъ рукописи, картины, фотографіи?—самъ собою являлся отвѣтъ: передать П. Я. Дашкову. И не въ Публичную библіотеку, не въ Академію, не въ какое-либо официальное учрежденіе, гдѣ холодомъ вѣяло и отъ стѣнъ, и отъ людей, несли знатоки-любители свои сокровища, а именно „къ Павлу Яковлевичу“, къ тому человѣку, который бережетъ ихъ съ любовью, съ сознаниемъ принятаго на себя долга хранить и беречь дорогую родную старину... Такъ составилось это поистинѣ колоссальное собраніе, извѣстное не только у насъ, въ Россіи, но и иностранному міру. Чтобы судить о богатствѣ, о полнотѣ собранія П. Я. Дашкова, достаточно сказать, что видѣвшій его лѣтъ десять тому назадъ одинъ изъ хранителей Британскаго музея оцѣнилъ одну только коллекцію гравюръ (не считая рукописей) въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. А, вѣдь, за послѣднія 10 л. собраніе неизмѣнно пополнялось! За время „собиранія“ покойнымъ своихъ коллекцій, т. е. въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, въ русской жизни произошло немало выдающихся событій, и несомнѣнно, что нигдѣ не найдется болѣе полного ихъ отраженія, съ бытовой и политической точки зрѣнія, чѣмъ въ собраніи П. Я. Дашкова. Естественно, что въ теченіе послѣдняго времени ни одно сколько-нибудь

*

серьезное изданіе художественнаго или историческаго характера, ни одна юбилейная исторія нашихъ правительственныхъ учреждений, а также значительная часть нашихъ полковыхъ исторій и хроникъ не обошлись безъ „собранія П. Я. Дашкова“. Нуженъ „хорошій“ портретъ какого-нибудь историческаго лица, художника, министра, полководца или просто замѣчательнаго русскаго человѣка, нуженъ видъ дворца, стараго зданія, виды стараго Петербурга, старой Москвы, необходимъ автографъ мало извѣстнаго, но интереснаго дѣятеля, снимокъ съ рѣдкой грамоты,—и, конечно, если этого не найдешь и въ Публичной библіотекѣ, то у Павла Яковлевича только и можно найти, и надо къ нему идти съ челобитной. И къ нему шли всѣ: одни—съ рекомендаціями, другіе—просто въ надеждѣ, что онъ имъ не откажетъ во имя серьезности ихъ труда; пріѣзжали важные сановники и скромные провинціалы изъ дальнихъ мѣстъ,—и всѣхъ встрѣчалъ онъ съ привѣтливостью истаго русскаго барина, съ неизмѣнной готовностью придти на помощь дѣлу, съ живымъ интересомъ къ предпринятому труду, нерѣдко увлекаясь имъ не менѣе самого автора. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ ранняго утра до 6—7 часовъ вечера, Павелъ Яковлевичъ былъ добровольнымъ плѣнникомъ въ своемъ домѣ на Михайловской площади, отдавая себя въ полное распоряженіе случайныхъ посѣтителей и добрыхъ знакомыхъ. Къ нему приходили ученые, литераторы, художники, актеры, монахи, военные, путешественники, министры, иностранцы, юноши и старцы—для всѣхъ онъ былъ неизмѣнно дома, всѣхъ выслушивалъ со вниманіемъ, давая драгоцѣнные указанія и совѣты“.

„Нужно было удивляться“—говоритъ авторъ другихъ воспоминаній о Павлѣ Яковлевичѣ, В. Жерве („Руск. Инвалидъ“ № 31)—„его поразительной энергіи, памяти и терпѣнію, благодаря, которымъ онъ имѣлъ возможность удовлетворить каждаго приходившаго къ нему. А сдѣлать это было не легко, для обыкновеннаго человѣка—почти невозможно.“

Еще бы. Одинъ просить матеріаловъ и указаній для исторіи полка, другой—для исторіи театра, третій—для біографіи какого-нибудь духовнаго лица, четвертый—для исторіи флота, пятый—для полнаго собранія сочиненій извѣстнаго русскаго писателя, шестой—для своей родословной, седьмой, восьмой, десятый, двадцатый и т. д., и т. д.—каждый просить что-нибудь свое, особенное... И такихъ „чающихъ“ цѣлыя вереницы въ прямомъ и переносномъ смыслѣ.

Шафы, ящики, тюки, папки, полки съ рукописями, гравюрами, литографіями, книгами—вотъ тотъ неизсякаемый источникъ, изъ котораго онъ черпалъ щедрою рукою. Вся прошлая русская жизнь въ этихъ памятникахъ старины окружала его. И онъ зналъ эту жизнь до

тонкостей, до мелочей, удивительно разбирался въ своихъ безчисленныхъ богатствахъ, собранныхъ въ такой системѣ и порядкѣ, которые были доступны и понятны только ему. Не жалѣя силъ въ свои уже не молодые годы (П. Я. умеръ 61 г. отъ роду), онъ рылся, лазилъ, копался и доставалъ каждому, что было нужно.

Мало того. Человѣкъ съ большимъ художественнымъ вкусомъ, прекрасно знавшій технику издательскаго дѣла, Павелъ Яковлевичъ давалъ при этомъ и свои указанія, что и какъ лучше воспроизвести, чему отдать предпочтеніе и почему, стоитъ ли печатать, гдѣ уже былъ воспроизведенъ тотъ или иной рисунокъ. Всякое приносимое ему для экспертизы художественное произведеніе онъ умѣлъ оцѣнить по достоинству и произносилъ свое сужденіе, которое даже среди специалистовъ всегда считалось глубоко авторитетнымъ, почти непогрѣшимымъ.

Это тонкое знаніе печатныхъ произведеній русской живописи а также иностранной въ той области, которая касалась русской жизни, вмѣстѣ съ богатѣйшимъ собраніемъ старинныхъ рукописей, въ особенности 18 и 19 вѣковъ,—сдѣлало его коллекцію единственною въ своемъ родѣ, извѣстною не только всей образованной Россіи, но и за границую.

Павелъ Яковлевичъ оставилъ глубокой и свѣтлый слѣдъ въ исторіи культурной жизни Россіи послѣдняго времени. Сколько художественныхъ, историческихъ и научно-литературныхъ изданій украсились рисунками изъ его рѣдчайшей коллекціи, сколько цѣннаго матеріала включено въ нихъ изъ той же сокровищницы!..

Русская книга, въ смыслѣ изданія, сдѣлала большой успѣхъ на нашихъ глазахъ. Шагнули впередъ и исторіи войсковыхъ частей. Многія изъ нихъ вышли въ свѣтъ художественными, даже роскошными изданіями, и лучшія изъ нихъ на страницахъ предисловія говорятъ объ особой признательности авторовъ и составителей къ П. Я. Дашкову за широкое содѣйствіе, оказанное имъ въ ихъ трудахъ. Просматривая листы этихъ изданій, читаемъ неизмѣнные слова „Изъ собранія П. Я. Дашкова“, такъ много говорящія сердцу истиннаго любителя и цѣнителя русской старины.

Въ военной иконографіи Павелъ Яковлевичъ былъ тѣмъ же тонкимъ знатокомъ, какъ и въ прочихъ областяхъ родного искусства. Онъ удивительно умѣлъ подбирать необходимый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ сторонамъ военной иллюстраціи: сюжеты батальные, бытовые, портреты дѣятелей, виды мѣстностей, карикатуры, русскій и заграничный матеріалъ—все это было знакомо ему до мелочей и охотно отдавалось въ распоряженіе тѣхъ, кто обращался къ нему“.

И къ Дашкову шли. „Кажется, нѣтъ ученаго“—писалъ В. Боцяновскій („Нов. Русь“, № 38),— „нѣтъ историка, который бы не пользовался рукописями этого собранія.

Это вошло уже въ обычай: прежде чѣмъ предпринимать какую-нибудь работу—идти къ П. Я. Дашкову и спросить, нѣтъ ли у него какого-нибудь матеріала. Вотъ посмотрите вышедшее сейчасъ подъ редакціей А. І. Ляценка собраніе сочиненій Кольцова. Сколько здѣсь ссылокъ на тетрадки, принадлежащія П. Я. Дашкову! Да и не одно это. Дашковъ всегда не только охотно, а съ большимъ удовольствіемъ и радостью, давалъ всякую рукопись, если только кому-нибудь въ ней встрѣчалась надобность. У него не было этой, такъ присущей всѣмъ коллекціонерамъ, чисто плюшкинской страсти. Это былъ не скупой рыцарь, только для себя берегшій сокровища, только самъ ими любовавшійся... И въ этомъ выдающееся значеніе Дашкова.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что Дашковъ былъ интересенъ, какъ коллекціонеръ, что интересна была его коллекція, а самъ онъ никого не могъ интересовать.

Я иногда его представлялъ себѣ въ видѣ Нестора нашего времени, лѣтописца. Правда, онъ ничего не писалъ. Я даже не знаю, есть ли у него хоть одна статья, имъ самимъ написанная.

Но онъ могъ бы ихъ написать безсчетное количество. Онъ самъ былъ воплощенная живая лѣтопись.

Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ собиралъ документы, бумаги, рисунки... Тутъ были и мемуары, и переписка, часто интимная, такая, которой появиться въ печати, быть можетъ, даже и не суждено. Онъ вчитывался, вдумывался, вглядывался... въ бумагу, въ почеркъ, въ цѣлый рядъ штриховъ и деталей, ускользающихъ отъ человѣка, знакомящагося съ документами бѣгло... Дашковъ какъ-бы воссоздавалъ прошлое, творилъ легенду для себя до такой степени осязательно, что, въ его передачѣ словесной, эта легенда пріобрѣтала плоть и кровь.

Я, помню, засталъ его однажды за чтеніемъ коротенькихъ, лаконичныхъ, писанныхъ большими буквами, приказовъ екатерининскаго временщика Мамонова.

И Дашковъ, рассказывая объ этомъ Мамоновѣ, какъ бы пріоткрывалъ картину стараго, стараго уклада, пріоткрывалъ ее гораздо живѣе, чѣмъ это дѣлаютъ наши современные стилизаторы. У Дашкова было, въ этомъ отношеніи, какое-то чутье, проникновенность. Даже больше того. Чувствовалась его связь съ тѣмъ прошлымъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ, и интересы котораго ему были не только понятны, но даже какъ бы близки.

Иногда у Дашкова все утро проходило въ разборѣ купленныхъ бумагъ и приобрѣтеніи новыхъ.

— Н-нат-талья,—слышался голосъ П. Я.,—тамъ звонять.

Открывалась дверь, и входилъ человѣкъ, предлагавшій рукописи. П. Я. Дашковъ интересовался всякими рукописями. Онъ не собиралъ чего-либо спеціально.

Принесли дарственную грамоту, писанную уставомъ XVI вѣка, какую-нибудь челобитную царю Алексѣю Михайловичу, письмо Меншикова, указы временщика Мамонова, письмо И. С. Тургенева или тетрадку стихотвореній Кольцова—все равно. Онъ съ любовью бралъ, прочитывалъ, укладывалъ въ бумагу и надписывалъ заглавіе.

Съ продающими у него выработана была особая система. Онъ не торговался.

— Обыкновенно, — рассказывалъ онъ, — запрашиваютъ цѣны невозможныя. И я всегда говорю такъ. Вотъ что, государь мой, предложите вашу рукопись Публичной библіотекѣ или въ другой какой-нибудь архивъ. Я вамъ дамъ больше на 10, на 100 р. (смотря по рукописи) противъ цѣны, которую вамъ тамъ предложить.

И рукопись непременно поступала къ Дашкову“....

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести великолѣпный портретъ незабвеннаго Павла Яковлевича, набросанный на столбцахъ „Рѣчи“ (№ 42) Александромъ Бенуа, большимъ мастеромъ не только кисти, но и пера. Чуткій художникъ умѣлъ, какъ никто другой, понять Дашкова и воссоздалъ его безконечно привлекательный образъ проникновенно, любовно и благоговѣнно.

...„Дашковъ принадлежалъ къ тѣмъ историкамъ, которые знаютъ цѣну анекдоту и не презираютъ эту главную приправу человѣческой лѣтописи. И у него были широкіе взгляды и „широкія чувстваванія“. Иногда я бывалъ пораженъ его ясновидѣніемъ какъ въ событіяхъ прошлаго, такъ и въ сумятицѣ настоящаго. Но изъ-за „большихъ линий“, изъ-за „рисунка“ онъ не презиралъ „колорита“, и, наоборотъ, его настоящей областью и была именно „краска“. Относительно всѣхъ эпохъ и всѣхъ царствованій русской исторіи онъ зналъ тысячи и тысячи фактовъ (или легендъ), такихъ красочныхъ, яркихъ, странныхъ, страшныхъ и смѣшныхъ, что, слушая его, я точно глядѣлъ въ магическое зеркало, въ которомъ покойники являлись живыми, со всѣми своими страстями и причудами, со всею присущею имъ романтикой, въ ихъ подлинныхъ одеждахъ и уборахъ, съ ихъ подлинными осанками и словами.

Мертвыя схемы историковъ, глядящихъ на человѣчество съ птичьяго полета и старающихся посредствомъ подтасованныхъ груп-

пировокъ и произвольныхъ освѣщеній раскрыть тайну народныхъ или общекультурныхъ судебъ, схемы эти были абсолютно чужды Дашкову. Онъ въ глубинѣ души не вѣрилъ имъ, хотя и относился съ видимымъ уваженіемъ ко всякому серьезному подходу къ любимому предмету. Зато мемуары, дневники и *histoire anécdotique* были Дашкову хлѣбъ и гостинцы. Фигурное плетение человѣческихъ существованій, вспышки коллизій, насмѣшливая коварность рока, вся живописная, яркая *vanitas vanitatum*, отражающая (кому даны глаза), иной разъ, наиболѣе цѣнные тайны человѣчества,—вотъ это улаждало Дашкова и наполняло его жизнь.

Наполняло въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ самаго утра и до вечера Павелъ Яковлевичъ „сидѣлъ по уши“ въ исторіи, то читалъ книги, то слушалъ, то самъ рассказывалъ, и въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно исполнялся какого-то восторга, очевидно, переживая всѣмъ существомъ перипетіи своихъ мимолетныхъ героевъ. Быть можетъ, меньше всего приходилось ему читать. Столъ его былъ заваленъ журналами, книгами, газетами, брошюрами, прокламаціями, всякимъ печатнымъ словомъ. Но въ эти груды онъ почти не заглядывалъ, да и не было нужды, ибо съ утра начинался въ его кабинетѣ дефілэ историковъ и людей, всячески прикосновенныхъ къ исторіи, и эти посѣтители сообщали Дашкову о всѣхъ открытіяхъ, новостяхъ, слухахъ, чорочествахъ и воспоминаніяхъ.

Дашковъ „умѣлъ узнавать“. Онъ умѣлъ спросить, выслушать, запомнить и занести мельчайшіе факты на какую-нибудь полку того колоссальнаго архива, который умѣщался въ его головѣ. И кого-кого только нельзя было встрѣтить въ кабинетѣ Павла Яковлевича! Отъ высшихъ сановниковъ до начинающихъ офицериковъ и до простыхъ любителей краснбайства, отъ „городничаго до Бобчинскаго“ — всѣ, всѣ шли къ нему, кто за справкой, кто на поклонъ, кто же просто чтобы посидѣть, и всѣ несли въ эту вольную историческую академію чѣмъ были богаты.

Послѣдніе годы Павелъ Яковлевичъ болѣлъ, и это отозвалось на количествѣ его посѣтителей, но еще 5 лѣтъ тому назадъ хлѣбосольство его, духовное и тѣлесное, было прямо сказочно щедрымъ. Каждый день къ завтраку столовая его наполнялась гостями, и зачастую самъ хозяинъ въ точности не зналъ, кого онъ принимаетъ. Всегда изысканно-вѣжливый, онъ знакомилъ вновь пришедшихъ съ прибывшими раньше, но часто вмѣсто фамиліи онъ просто мычалъ что-то непонятное, а затѣмъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ, улучивъ минуту, онъ намъ, „habitué“, безшумнымъ смѣхомъ и пожиманіемъ плечъ выражалъ свое недоумѣніе.

Вотъ еще одна колоритная черта Дашкова. Я не люблю пьяницъ и еще менѣе переношу людей, пристающихъ съ выпивкой. Но у Дашкова это выходило иначе и какъ-то очаровательно. Самъ онъ такъ простодушно наслаждался охмѣленіемъ своихъ гостей, самое это охмѣленіе было такимъ яснымъ и здоровымъ, что этотъ культъ Бахуса не имѣлъ въ себѣ ничего отталкивающего и позорнаго. Павелъ Яковлевичъ хохоталъ исподтишка надъ новичками и радовался самымъ сердечнымъ образомъ, когда ему удавалось усладить ихъ до полнаго дурмана. Но въ немъ это было не порочной чертой или пошлостью, а какой-то ребячески-благодушной „malice“. И какіе же, дѣйствительно, выходили курьезы изъ-за этого переугощенія! Какъ попадались купчики-коллекціонеры, пріѣзжавшіе изъ Первопрестольной похвастать передъ Дашковымъ своей несуразной персоной, какъ попадались молоденькіе фронтовики, пришедшіе къ Павлу Яковлевичу по нуждамъ какой-либо „исторіи полка“, какими смѣшными казались опьянѣвшіе маститые генералы и тайные совѣтники, начинавшіе нести развязнѣвшую небылицу, изъ которой любопытный и всегда остававшійся трезвымъ хозяинъ умѣло выбиралъ всю случайную быль, которую осторожные люди обыкновенно прячуть.

Intérieur Павла Яковлевича не былъ изящнымъ и даже не былъ стариннымъ. Общій видъ всей обстановки былъ такой, точно „господа собираются уѣзжать на всегда за границу“, или точно только что наслѣдники пришли въ домъ, стоявшій 30 лѣтъ заколоченнымъ. Милая старушка Наталія тщательно вытирала пыль тамъ, гдѣ это ей позволяли, но видъ запустѣнія и развала отъ этого не уменьшался, ибо на полу продолжали лежать грудями книги, ко всѣмъ стульямъ прислонены были папки, среди комнатъ зіяли вскрытые ящики.

И вотъ, несмотря на все это, и на то, что все это было скорѣе уродливо,—я нигдѣ (съ самаго дѣтства) не испытывалъ такого чувства уютности, какъ именно въ квартирѣ Павла Яковлевича. Уютность эта исходила отъ него, отъ всей его ласки, отъ всего его простодушія и веселья. Когда въ сумерки вмѣстѣ съ „кофе“ подавались фантастическія по прелести настойки и наливки, самъ Павелъ Яковлевичъ усаживался за столъ, рядомъ съ нимъ — весельчакъ и „поддѣвало“ М., или симпатичный старичекъ-фехтовальный учитель, когда въ эту пору въ тиши начинались рассказы за рассказами, подливались рюмки за рюмками „малины“ и „морошки“, то получалось впечатлѣніе, точно уѣзжаешь куда-то въ глубины русской древности, что это ужъ не Михайловскій скверъ глядитъ въ окна, не конки позваниваютъ, не электричество мигаетъ, что

это сидять не люди XX вѣка, а что это все какое-то видѣніе давно миновавшей и милой старины, пришедшее навѣстить живыхъ и улыбнуться имъ. Настроение, которое такъ удалось передать „художественникамъ“ въ „Царствѣ прошлаго“ изъ „Синей птицы“.

Есть почитатели Павла Яковлевича, которые мечтають о созданіи музея его имени. Боюсь, что изъ этого не выйдетъ ничего „вкуснаго“. Быть можетъ, лучше бы попасть безподобнымъ коллекціямъ покойнаго въ одно изъ существующихъ хранилищъ. Но и меня плѣнила бы мысль сохранить квартиру Павла Яковлевича, какъ нѣкую часовню. Чтобы стояли на вѣчныя времена эти цвѣты на стеклянномъ коридорѣ, чтобы висѣли по некрасивымъ обоямъ столовой тарелки и блюда китайскаго сервиза (*compagnie des Indes*), чтобы тиктакали часы, чтобы играли ихъ куранты (тождественныя съ курантами „Вестминстерскаго Аббатства“), чтобы Наталія отворяла дверь и вводила посѣтителей въ кабинетъ, а оттуда въ столовую, наконецъ, чтобы подавались классическіе завтраки и сказочныя напитки. Все бы оставить на мѣстѣ! Но, увы, это невозможно, да и говорило бы это лишь для тѣхъ, кто, какъ мы, знали хозяина, придававшаго всему этому особый колоритъ и экспрессию. Для постороннихъ же, для „новыхъ“—эти вещи не значили бы ничего, и справедлива судьба, которая смететъ ихъ и разсѣетъ,—дастъ увянуть цвѣтамъ, разбредетъ китайщинѣ и „гамбсамъ“. Эта обстановка сама по себѣ ничего не означаетъ, но въ моей памяти она будетъ существовать, какъ милая гармонія, какъ рамка незабвенному и дорогому образу Павла Яковлевича.

Помню я нѣкую ночную бесѣду съ Павломъ Яковлевичемъ. Готовились серьезныя непріятности человѣку, которому мы оба сочувствовали всѣмъ сердцемъ, и вотъ послѣ одного значительнаго засѣданія я отправился къ Дашкову и всю ночь просидѣлъ съ нимъ въ этомъ „военномъ совѣтѣ“. Памятна мнѣ эта ночь потому, что тутъ только узналъ я о мѣрѣ сокровищъ сердца Павла Яковлевича, объ его подлинномъ благородствѣ и тутъ еще я узналъ многія характерныя подробности о моемъ собесѣдникѣ.

Вспоминаю о патриотизмѣ Павла Яковлевича... Нахожу эту черту особенно характерной для него и прямо самой основной для этого безусловно чуждаго политикѣ, нигдѣ не служившаго, ни отъ кого не зависѣвшаго человѣка. Любовь къ Россіи у Дашкова была любовью хрустальной чистоты и крѣпости, безъ тѣни лукавства и притворства, безъ тѣни лести и самообмана. Онъ ли не зналъ всѣхъ ея слабыхъ сторонъ, онъ ли не помнилъ всѣ ея преступленія и обиды?

Онъ все это зналъ, но даже и „прощать“ ему не было нужды, ибо Дашковъ не умѣлъ ни винить, ни учить, ни презирать. Безъ славянофильской закваски, онъ воспиталъ въ себѣ какую-то религію величія и красоты своей родины и, не будучи въ рядахъ какой-либо партіи, не ожидая мгновенныхъ метаморфозъ, онъ твердо уповалъ на движеніе Россіи впередъ, къ болѣе свѣтлымъ горизонтамъ“.

Кончина Павла Яковлевича выдвинула вопросъ о судьбѣ его собранія. Не мало было высказано въ свое время сожалѣній о судьбѣ знаменитой бібліотеки покойнаго П. А. Ефремова. Небольшая, и при томъ вовсе не самая цѣпная въ научномъ отношеніи, часть ея была приобрѣтена академіей наукъ, а все остальное рассыпалось по лавкамъ букинистовъ и разбрелось и разбредается по множеству рукъ, и великолѣпная бібліотека, собранная съ такимъ стараніемъ, съ богатыми знаніями, съ большими затратами, уже никогда не будетъ восстановлена. Такихъ печальныхъ примѣровъ было у насъ довольно много.

Что касается до собранія Дашкова, то можно надѣяться, что оно уцѣлѣетъ и сохранится въ полномъ объемѣ. Завѣщанія, говорятъ, онъ не оставилъ, а родные Павла Яковлевича, къ которымъ переходитъ его состояніе, конечно, не выбросятъ на рынокъ бібліотеку покойнаго. Но этого мало. Нужно, чтобы собраніе Дашкова продолжало служеніе наукѣ, нужно, чтобы оно по-прежнему приносило пользу, было доступно ученымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣковѣчивало память своего создателя, которая не должна быть забыта.

„У всякаго, кому приходилось пользоваться для своихъ научно-литературныхъ работъ обильными архивными сокровищами и коллекціями иллюстрацій П. Я. Дашкова“,—пишетъ въ „Нов. Времени“ (№ 12185) г. Б. Г.—„невольнo возникаетъ вопросъ, какова же будетъ судьба послѣднихъ, и поскольку возможно будетъ имѣть къ нимъ дальнѣйшій доступъ? Рѣшительно можно сказать, что съ прекращеніемъ этого доступа многимъ задуманнымъ и намѣченнымъ предпріятіямъ не суждено будетъ осуществиться. Вѣдь еще не такъ давно, по случаю Кольцовскаго юбилея, не кто иной, какъ именно Дашковъ, далъ возможность Академіи Наукъ выпустить полное собраніе стихотвореній нашего народнаго поэта...“

Затруднительное положеніе многихъ нашихъ работниковъ на нивѣ отечественнаго знанія вѣкъ сомнѣнія. Въ особенности эта затрудненность выпадетъ сейчасъ на долю тѣхъ „полковухъ историковъ“, которые такъ широко пользовались содѣйствіемъ и указаціями Дашкова. Вѣдь только благодаря ему многія „исторіи пол-

ковъ“ увидѣли свѣтъ, и нужно было лично видѣть ту уйму труда и напряженія силъ, которыя покойный меценатъ-коллекціонеръ тратилъ, чтобы понять, что *безъ него* многія подобнаго рода историко-литературныя начинанія не увидѣли бы свѣта. Такое положеніе дѣлъ несомнѣнно поидеть въ ущербъ отечественному просвѣщенію и разрушить то, на что Дашковымъ положено было столько матеріальныхъ средствъ. Можно указать не мало случаевъ, когда нѣкоторыя пріобрѣтенія обходились ему съ затратою значительныхъ средствъ, какъ напримѣръ пріобрѣтеніе архива покойнаго министра Валуева. По соглашенію съ единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго П. Я. сталъ обладателемъ его богатѣйшаго архива, но и тутъ онъ проявилъ очень широко свое барство и доказалъ безупречность своего джентльменства. Часть пріобрѣтеннаго архива по соображеніямъ государственнаго порядка онъ вынужденъ былъ передать въ Зимній дворецъ, и когда онъ былъ запрошенъ о величинѣ понесеннаго имъ ущерба, и насколько онъ за это долженъ быть вознагражденъ, онъ отъ таковаго вознагражденія уклонился, заявивъ, что въ немъ не нуждается, но что если новые собственники части отчужденнаго архива желаютъ быть великодушны, то пусть они вознаградятъ то близкое наслѣднику Валуева лицо, которое понесло расходы по его леченію и похоронамъ. Желаніе Дашкова было выполнено, и въ вѣнокъ его имени вплелся новый цвѣтокъ красиваго барскаго великодушія и рыцарскаго безсребрія.

Въ обладаніи П. Я. были богатая сокровища русскаго духа, искусства и мысли. Но и тутъ онъ занялъ совершенно своеобразную позицію. Онъ не уподобился тѣмъ коллекціонерамъ, которые счастливы тѣмъ, что они единственныя обладатели извѣстныхъ сокровищъ и одни наслаждаются въ тиши своими богатствами, болѣзненно оберегая ихъ отъ взоровъ и прикосновеній толпы. Нѣтъ, Дашковъ именно считалъ *свое* — *всеобщимъ* и вполнѣ сознательно тратилъ силы и матеріальныя средства именно ради всеобщаго пользованія и общаго достоянія. Отсюда, несмотря на то, что лично онъ ничего не написалъ и ничего не издалъ за своею подписью,— его имя самымъ тѣснымъ образомъ связало съ русской наукой и искусствомъ, коихъ онъ и былъ всю жизнь неустаннымъ работникомъ и покровителемъ. Многія и многія изданія воскресаютъ въ нашей памяти и всѣ они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ именемъ Павла Яковлевича. Покойный Н. К. Шильдеръ, этотъ единственный у насъ сейчасъ исторіографъ эпохи Павла I, Александра I, Николая I, не могъ осуществить своихъ иллюстрированныхъ изданій безъ содѣйствія П. Я. И одинъ ли Шильдеръ! Тутъ развертывается вереница личныхъ именъ и редакцій всякихъ тол-

ковъ и направлений. Отсюда мы видимъ, что Дашковъ въ дѣлѣ издательства, въ работѣ на пользу русскаго просвѣщенія стоялъ внѣ партій, имѣя въ виду исключительно пользу науки и ея служителей.

Вотъ почему желательно, чтобы наслѣдіе Дашкова, какъ определенное накопленное духовное богатство, какъ идея служенія пользѣ русскаго просвѣщенія, продолжало ту свою служебную роль, на созданіе которой было потрачено столько лѣтъ жизни. Сокровища Дашкова должны быть самымъ тщательнымъ образомъ обережены и обращены въ національное достояніе. Какъ это сдѣлать, въ виду наслѣдственныхъ правъ его родни, трудно сейчасъ подсказать. Пусть тѣ общества, гдѣ П. Я. состоялъ членомъ, какъ напр. „Императорское Историческое“, „Военно-Историческое“, „Лицейское“ и др. подумаютъ объ этомъ и сдѣлаютъ это предметомъ своихъ собраний и сужденій. Мы не сомнѣваемся, что наслѣдники П. Я. охотно пойдутъ навстрѣчу разумнымъ желаніямъ по сему предмету и сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы имя представителя ихъ рода никогда не изгладилось изъ памяти поколѣній. Когда самого Дашкова близкіе запрашивали о будущности его архивныхъ богатствъ, онъ скромно заявлялъ, что онъ свое жизненное дѣло сдѣлалъ, а будущее—во власти его наслѣдниковъ. За ними теперь эта власть и слово, а за всѣми тѣми, кто любилъ Павла Яковлевича, кому дорога его славная память, кому онъ при жизни былъ помощью и поддержкою, остается тѣсно сомкнуться хотя бы въ кружокъ или „общество имени Павла Яковлевича Дашкова“, чтобы облегчить родственникамъ покойнаго мецената-коллекціонера наиболѣе цѣлесообразное использованіе его богатаго наслѣдія“.

Такую же надежду высказалъ въ цитированной замѣткѣ (въ „Рѣчи“) Н. Лернеръ, тоже предложившій сохранить для общаго пользованія „Музей П. Я. Дашкова“: „нельзя сомнѣваться, что близкіе и наслѣдники Павла Яковлевича не откажутся почтить достойнымъ образомъ память покойнаго и помогутъ увѣковѣченію его имени. Собранная имъ обильная сокровищница не будетъ гложнута бесполезно гдѣ-нибудь подъ спудомъ, и русское общество и русская наука будутъ благодарно чтить память П. Я. Дашкова.“

„Среди лукавыхъ, малодушныхъ“, которыми полонъ нашъ однообразный общественный бытъ, Дашковъ выдѣлялся какъ своеобразная и свѣтлая личность. Онъ обладалъ тѣмъ, въ чемъ тысячамъ людей отказала судьба,—умѣніемъ любить, страстью. Онъ дѣятельной, живой любовью любилъ красоту, любилъ старину, любилъ науку,—а такое постоянное устремленіе души къ прекрасному и высокому развѣ не тотъ же талантъ? И этотъ талантъ не былъ ли-

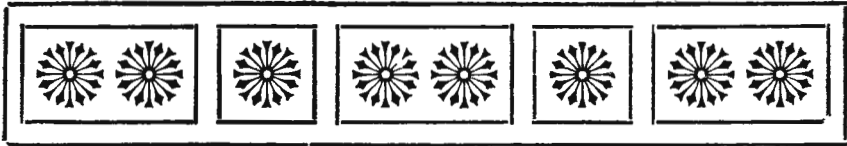
шенъ творчества. Дашковъ самъ построилъ себѣ рукотворный, но прочный, величавый памятникъ.

Онъ не зарылъ въ землю данный Богомъ даръ.

„Боляринъ доблій, честной русской старины хранитель, собиратель и оберегатель“, какъ назвали его однажды друзья и почитатели въ полушуточной „челобитной“, онъ жилъ не для себя, а для людей. Пусть же не забудутъ его люди. Пусть легкимъ пухомъ ляжетъ надъ нимъ родная земля, на которой онъ подвизался подвигомъ добрымъ!

Миръ и честь его праху...

Изъ давно прошедшаго. (1876—1879).

Въ Бессарабіи.

Ноябрь (1876 г.)—Апрѣль (1877 г.).

О времени объявленія мобилизаціи, я съ моимъ товарищемъ Х* провели почти пять мѣсяцевъ въ одной изъ деревень Бессарабіи. Въ батареѣ мы застали весьма натянутыя отношенія между офицерами и командиромъ.

Интересный типъ представлялъ изъ себя старый полковникъ В*. Высокій, худой съ длинными сѣдыми бакенбардами, прекрасный строевикъ, замѣчательный ѣздокъ—онъ не скрывалъ своей вражды ко всему, что соприкасалось съ „наукой“.

Отъ солдатъ онъ требовалъ лихого вида; видъ солдата съ нахлобученной безкозыркой выводилъ его изъ себя:

— Шапки на бекрень!—кричитъ, бывало, передъ строемъ.

Самыми сильными ругательствами считалъ „физику“ и „математику“.

— Ахъ ты—„физика“, „математика проклятая“,—кричалъ, бывало, на солдата, сидѣвшаго вахлакомъ.

Разгорячившись разъ, истощивъ запасъ всѣхъ обычныхъ бранныхъ словъ, вдругъ онъ закричалъ:

— Ахъ, ты Ак-а-демія!! Тутъ же, повернувшись къ офицерамъ, изъ коихъ двое собирались въ академію, прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Г-да офицеры, прошу на свой счетъ не принимать!

Кто самъ служилъ въ строю, въ глуши, тотъ отлично знаетъ,

на сколько личность командира вліяетъ на складъ жизни офицеровъ, особенно если общество холостое и немногочисленное ¹⁾.

Были еще нѣкоторыя особенныя обстоятельства (*chercher la femme*), которыя еще болѣе обостряли и безъ того уже дурныя отношенія.

Все это дѣлало еще болѣе тяжелой и безъ того уже тяжелую непривычную жизнь въ хатахъ, безъ всякаго общества, въ вѣчно тоскливомъ ожиданіи чего-нибудь опредѣленнаго за долгіе мѣсяцы дипломатическихъ переговоровъ. Вспоминая это время, не нахожу ни одного живого радостнаго человѣческаго впечатлѣнія, которое прѣзало бы лучемъ свѣта сумерки нашего существованія.

Единственнымъ спасеніемъ отъ скуки было чтеніе; читалъ безъ разбора все, что только попадалось, зачитывался до того, что иногда не совсѣмъ ясное представлялъ себѣ настоящее; изъ „серьезныхъ“ книгъ прочиталъ за это время только Дж. Ст. Милля—Политическую экономію и о подчиненности женщины.

Собирался было вести дневникъ, но дальше желанія не пошелъ. У меня сохранилось только нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ этомъ времени.

Ноябрь 1876 г.

— Господа, пойдете къ Г*.

— А вы знаете квартиру?

— Какъ-нибудь найдемъ!

Мы вышли изъ хаты, прошли дворикъ и, выйдя за ворота, очутились на площади; снѣгу не было—уже растаялъ, глубокую грязь прихватилъ морозъ, и вся земля покрылась образовавшейся колотью. Мы съ трудомъ шли по ней и смѣялись, когда кто-нибудь изъ насъ терялъ равновѣсіе.

— Эй, солдатъ—не знаешь ли квартиры Г*?

— От-гуть, кажись, направо.

Пошли направо, налѣво, направо—пришли.

На дворъ насъ встрѣтила презлая собака.

¹⁾ При пріѣздѣ въ батарею мы застали всего четыре офицера. Одинъ изъ нихъ прекрасный товарищъ, человѣкъ мужественнаго, открытаго характера, Г*, въ Румыніи на берегу Дуная, послѣ несправедливой исторіи съ командиромъ собралъ свой взводъ, простился съ нимъ и здѣсь же пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ того самаго „бульдога“, который я купилъ для него въ Кишиневѣ. Послѣ этой исторіи В* былъ отставленъ отъ командованія батареей. Симпатичный, скромный какъ дѣвушка, С*-а застрѣлился при обратномъ возвращеніи въ Россію. „Вѣчный прапорщикъ“ С* кончилъ такъ, какъ кончаютъ многіе русскіе люди... Уцѣлѣлъ одинъ только К*, отличный офицеръ и товарищъ, любимый всѣми, кто его звалъ.

— А, ну, ты!—кричитъ на нее вышедшій съ самоваромъ въ рукахъ денщикъ.

Изъ сѣней одна дверь вела къ хозяевамъ-молдаванамъ, другая направо къ квартировавшимъ здѣсь офицерамъ.

Отворили дверь и по одному вдвинулись въ хату; пока раздѣвался, успѣлъ оглядѣть помѣщеніе: темная, грязная комната, низкій потолокъ, по стѣнамъ лавки; около одной изъ нихъ столъ, за столомъ сидѣлъ въ полушубкѣ К* съ съѣхавшей на затылокъ шапкой.

— А, г-да молодежь, здорово, милости просимъ!—раздался голосъ изъ глубины угла: въ одномъ бѣльѣ валялся Г* на постели.

На полу стояли развернутые чемоданы, на лавкахъ валялись сабли, лядунки—видно было, что тутъ еще не устроились.

— Что же, наконецъ, скоро ты дашь намъ ѣсть?

— Поворачивайся живѣе! посыпалось на денщика; черезъ четверть часа денщикъ внесъ горшокъ съ картофелемъ — больше ничего нельзя было достать; принялись за ѣду.

— Хорошо еще, что тутъ недолго ¹⁾ придется жить—скоро походъ!

— Да, скорѣй бы походъ!

— Неизмѣримо лучше всякій походъ, чѣмъ въ грязной молдавнской хатѣ.

Разговоръ не вязался—говорить никому не хотѣлось, ѣли молча, изрѣдка только дѣлали замѣчанія по поводу картофеля и ожидаемаго самовара; о предстоящей же жизни никто не говорилъ. Одинъ только докторъ, здѣсь присутствовавшій, молодой человѣкъ лѣтъ 27, и ѣлъ за двоихъ и находилъ время говорить за всѣхъ.

Я и Х* собирались впослѣдствіи выйти въ отставку и поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и потому мы со вниманіемъ присматривались къ нашему доктору, очень недавно окончившему Х* университетъ.

— Это старое мнѣніе насчетъ большей питательности яицъ въ смятку сравнительно съ яйцами въ крутую, говорилъ докторъ и, разбирая разныя основанія для того и другого мнѣнія, убѣждалъ въ большей питательности яицъ въ крутую.

— А, вѣдь, намъ, г-да, остается только одно, заговорилъ Х*—питаться съ солдатскаго котла!

Всѣ согласились, что это наилучшій выходъ; завязался разговоръ о независимости.

„Независимость“, „правда выше всего“, „борьба“—такъ и сыпалось у доктора.

¹⁾ Никто не могъ и подумать, что тутъ въ этихъ условіяхъ придется „простоять“ почти 5 мѣсяцевъ.

Вся комната была въ клубахъ табачнаго дыма—нечѣмъ было дышать.

Заходили опять на ту же квартиру; безпорядокъ тотъ же; собралось человѣкъ 6, всѣ сидѣли вокругъ стола, кто на лавкѣ, кто на боченкѣ; жгли пуншъ. Разговоръ вертѣлся около вопроса—будетъ ли война, или нѣтъ? Оставить ли насъ въ этой деревнѣ или перевести въ другое мѣсто?

Нерѣдко у насъ говорили о небрежности доктора къ больнымъ. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія, думалъ я, и при первомъ же удобномъ случаѣ завелъ съ нимъ разговоръ на общую тему.

Оказывается, что онъ „жертва борьбы“, что „прежде“ онъ „боролся противъ неправды“, видя ее въ лицѣ В*, но потомъ, увидавъ, что „онъ одинъ въ полѣ воинъ“, „усталъ бороться“ и—„попиваю ерѣфеичъ у В*, ѣзжу съ нимъ въ Кишиневъ, и что же—прекрасно! Вчера ѣздили въ Унгени, выпили тамъ, В* давалъ шампанское. А завтра ѣдемъ въ Кишиневъ, денька черезъ два вернусь!“

— А ваши больные?

Онъ завелъ рѣчь о недостаткѣ средствъ, инструментовъ и т. д. Незамѣтно разговоръ перешелъ на „войну“.

— А вотъ если война будетъ—увидите, сколько мы будемъ „получать“,—здѣсь онъ подробно началъ высчитывать суточные, столовые и пр.

Что за невыразимая тоска жить въ хатѣ, безъ всякаго дѣла, кругомъ однѣ и тѣ же хаты, все тѣ же апатичные молдаване и ни одного посторонняго человѣка, съ кѣмъ интересно было бы поговорить. Къ тому же вѣчное томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ двинемся, но когда и куда—назадъ или впередъ?

Но куда бы ни двинуться—только бы не оставаться здѣсь. Читаешь, читаешь—ну, и ничего! а потомъ, вдругъ, послѣ недѣльнаго заоя и повѣсишь голову, отгоняешь мысли о жизни свободной, разумной.

Какая радость! позволяютъ ѣхать въ Кишиневъ. Не думая о томъ—что тамъ будетъ—что встрѣчу—живо, скорѣй, денщикъ! Готовъ! Трясешься въ фурѣ по колоти 7 верстъ до станціи; силы нѣтъ болѣе сидѣть—ложись въ средину повозки: все менѣе трясеть. Вотъ уже и Страшены—скоро Кишиневъ.

Поѣздъ проходитъ поздно, часовъ въ 11 вечера. Въ городѣ невылазная грязь, неприглядны дурно освѣщенные, длинные, пустыя

улицы; угрюмо смотрять дома со своими большей частью неосвѣщенными окнами; они какъ бы сторонятся отъ этого чужого нахлынувшего люда. Одни трактиры, рестораны, гостиницы постоянно освѣщены и полны народу.

Въ началѣ апрѣля 1877 г. я и X* были переведены въ батарею, стоявшую въ небольшой деревушкѣ въ Бессарабіи.

Здѣсь мы застали сравнительно большое общество: кромѣ командира, барона M*, было, считая съ нами, 8 офицеровъ (P—нъ, Л—овъ, Ж—ко, бар. И., M—овъ, Г—нъ, я и X* докторъ¹⁾), ветеринарный врачъ и два вольноопредѣляющихся Ж—скій и С—овъ. Во время кампаніи пріѣхалъ П. и послѣ войны З—скій. Все молодежь: мнѣ не было еще и 19 лѣтъ, старшему офицеру не болѣе 30 лѣтъ. Почти всѣ были изъ Мих. арт. у-ща, гдѣ послѣ военной гимназій проходили серьезную математическую школу въ теченіе 3 лѣтъ²⁾.

Все офицерское общество собиралось обѣдать у командира, который по старому конно-артиллерійскому обычаю держалъ столъ для своихъ офицеровъ. Выписывались газеты („Русскій Инвалидъ“ и „Голось“) и нѣсколько журналовъ („Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“ и „Дѣло“).

По вечерамъ, за чаемъ и легкимъ ужиномъ, сходились у кого-либо изъ офицеровъ, и за веселымъ разговоромъ время проходило незамѣтно.

Съ этой батареей я сдѣлалъ всю кампанію и сохранилъ обо всѣхъ моихъ товарищахъ наилучшія самыя сердечныя воспоминанія.

В ъ Т у р ц і и.

Въ день объявленія войны (12 апрѣля 1877 г.) выступили въ походъ и 16 апрѣля перешли границу. Во время похода и войны велъ дневникъ, который былъ потомъ напечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“³⁾.

¹⁾ Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда д-ръ П—овъ получилъ другое назначеніе. Отличный хирургъ, серьезно относился къ дѣлу. Слабость его—походить на офицера. Про него можно было бы сказать, что онъ былъ „plus officier que l'officier lui même“. Смѣнилъ его д-ръ К—цій изъ Дерптскаго университета, высокообразованный, серьезный, гуманный человекъ, все время читавшій классиковъ.

²⁾ Во время кампаніи M—овъ перевелся въ гусары. Оба наши вольноопредѣляющиеся послѣ первыхъ же сраженій были произведены въ офицеры и переведены одинъ въ уланскій (Ж—скій), другой въ драгунскій полкъ (С—овъ).

³⁾ В. Сб. за 1903 г. №№ 9—12.

Время съ іюня по январь провели на бивуакахъ, сначала въ палаткахъ, а затѣмъ въ землянкахъ.

На бивуакахъ была масса свободнаго времени; много занимался математикой, воспользовавшись великолѣпными французскими учебниками, приобретенными въ Бухарестѣ (Bertrand, Bos, Sturm). Тамъ же купилъ нѣсколько серьезныхъ сочиненій, которыя потомъ „штудировалъ“ въ землянкѣ: Бюхнера (Force et Matière) во французскомъ переводѣ; Дарвина (L'origine des Espèces), Лебокка (Les origines de la civilisation и l'homme préhistorique), Бокля (по-нѣмецки); купилъ также Gesellschaftswissenschaft соч. „одного д-ра медицины“, гдѣ онъ рекомендуется атеистомъ, дарвинистомъ и мальтузианистомъ. Я такъ много слышалъ раньше о Бюхнерѣ и такъ мнѣ хотѣлось его приобрести, что послѣ чтенія остался разочарованнымъ. Дарвина читать мнѣ было очень трудно и для лучшаго усвоенія я дѣлалъ конспекты. Лебоккъ же (особенно „начала цивилизаціи“) привелъ меня прямо въ восторгъ: здѣсь впервые предомно развертывались идеи эволюціи въ мірѣ нравственныхъ понятій и общественныхъ формъ.

Военныя дѣйствія въ нашемъ отрядѣ прекратились 30 ноября, но мы продолжали стоять въ полѣ подлѣ Тростеника.

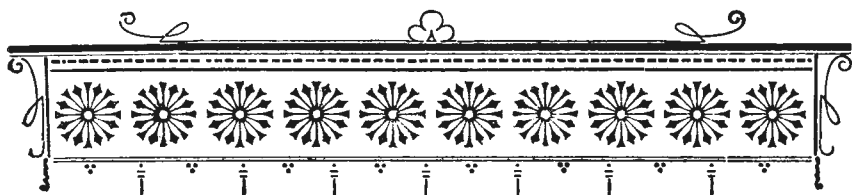
6 декабря выпалъ такой снѣгъ, какой рѣдко можно видѣть даже въ Россіи—и засыпалъ всѣ наши землянки. Однѣ только бѣдныя лошади, ничѣмъ не защищенныя, стояли молча, понуривъ головы, длинными рядами. Только когда два раза въ день раздавался крикъ вахмистра „навѣшивай торбы!“—вдругъ по всему бивуаку поднималось лошадиное ржаніе, но это было уже не то бодрое, веселое ржаніе, что раньше; теперь въ этомъ ржаніи слышна была дикая радость голодающаго при видѣ пищи. Съ фуражемъ очень плохо: уже съ сентября лошади получали не болѣе 2 гарнцевъ въ день, а когда бури на Дунаѣ разстроили переправу и прекратили сообщеніе съ Батиномъ, откуда въ послѣднее время изъ складовъ брали сѣно, лошади получали или по одному гарнцу или на однѣхъ галетахъ...

Говорили, что скоро кавалерію и конную артиллерію разведутъ по деревнямъ; на позиціяхъ же оставляютъ пѣхоту и пѣшую артиллерію.

Л. Богаевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Киньчжоускій бой ¹⁾.

Въ ночь съ 12-го на 13-е я находился на ст. Нангалинъ, куда ночью прибылъ изъ Артура 15-й полкъ. Вскорѣ послѣ полученія донесенія о началѣ бомбардировки, было получено другое донесеніе, что въ водахъ Нангалина противъ дер. Сигіякуза появились японскія суда. Опасаясь высадки здѣсь десанта, я отправился туда, чтобъ дать надлежащія указанія командиру 15-го полка.—Здѣсь я считаю нужнымъ познакомить читающаго со слѣдующими документами.

1) Телеграмма адмирала Витгефта къ Намѣстнику, отъ 10 февраля 1904 г. Рождественскій телеграфируетъ: по англійскимъ источникамъ, японцы намѣрены поддерживать десанты огнемъ канонерскихъ лодокъ при высадкахъ на мелководьи, подобно намѣченной у Киньчжоу.

2) Телеграмма адмирала Алексѣева генералу Стесселю отъ 23 апрѣля. Считаю необходимымъ указать генералу Фоку, что главной задачей ему ставится не удержаніе позиціи во что бы то ни стало, а своевременный отходъ съ ввѣренными ему войсками на усиленіе гарнизона Артура.

3) Шифрованная телеграмма генерала Фока къ генералу Стесселю отъ 6-го мая. Тафашинъ не оставляю. Лично выбралъ мѣста для батарей съ баталіонными и батарейными командирами. Въ Нангалинѣ держу 13-й полкъ, опасаясь высадки на шаландахъ южнѣ Киньчжоу. Отказываюсь отъ 15-го полка и 7 артиллерійскаго дивизиона; боюсь рисковать ихъ потерять.

¹⁾ См. „Русская Старина“ июнь 1909 г.

При такой задачѣ поневолѣ откажешься отъ полка, а тѣмъ болѣе, отъ батарей; отходить 60 вер. по одной горной дорогѣ съ двумя перевалами, когда перешеекъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ 20 верстѣ:—выбросить десантъ можно въ любомъ мѣстѣ и для захвата дороги десанту пройти всего 10 верстѣ.

4) Телеграмма генерала Куропаткина генералу Стесселю отъ 4 мая, полученная наканунѣ боя утромъ 12 мая. По моему мнѣнію, самое главное—это своевременно отвести войска генерала Фока въ составъ гарнизона Артура. Мнѣ представляется весьма желательнымъ въ-время снять и увести съ Цзинжоуской позиціи орудія.

Вотъ эти двѣ директивы командующихъ арміями, а равно возможность ожидать въ тылу позиціи, во всякое время и въ любомъ мѣстѣ, десантъ, какой угодно силы; а такъ же и то, что мною заранѣе были указаны мѣста батарей и окоповъ и что начальникомъ всѣхъ войскъ, собранныхъ подъ Киньчжоу, былъ назначенъ генераль Надѣинъ: обязывало меня не ѣхать по первому раздавшемуся выстрѣлу подъ Киньчжоу, а предварительно хорошенько ориентироваться. Это мною и было сдѣлано,—и это дало возможность нѣкоторымъ обвинять меня въ трусости.—Такъ, генераль Ирманъ въ показаніяхъ своихъ говоритъ, что я пріѣхалъ въ три часа и далѣе ст. Тафашинъ не ходилъ, между тѣмъ какъ я при немъ пошелъ на гору Наншанъ на батарею № 10-й, куда онъ за мной не послѣдовалъ.

Убей меня на батарее № 10, которая была всего въ 400 ш. отъ стрѣлковыхъ окоповъ, и всѣ говорили бы: къ чему полѣзъ, имѣя такія директивы, позавидовалъ что-ли лаврамъ Скобелева?—Да и Скобелевъ такихъ штукъ не выкидывалъ, когда оставался самостоятельнымъ начальникомъ, какъ, хоть-бы, подъ Шейновымъ, гдѣ ближе двухъ верстѣ и не подѣзжалъ.

И такъ я рѣшилъ ориентироваться. Во время осмотра мѣстности мною было получено составленное въ нѣсколько тревожномъ тонѣ донесеніе отъ начальника штаба дивизіи о томъ, что бой возобновился,—это меня заставило тотчасъ же ѣхать къ мѣсту боя. — Дорогою я встрѣтилъ обозъ 5-го полка съ патронными двуколками, шедшій въ Артуръ. Я приказалъ капитану генеральнаго штаба Романовскому вернуть обозъ. Въ началѣ 12 часа прибылъ на ст. Тафашинъ, гдѣ меня встрѣтилъ генераль Надѣинъ и доложилъ о ходѣ боя и о томъ, что онъ не ожидалъ, что бой такъ скоро возобновится. На вопросъ: а какъ резервы? Онъ отвѣтилъ: полковникъ Третьяковъ захватилъ двѣ роты, бывшія на работѣ, и три охотничьихъ команды.—Баталіонъ 14-го полка и всѣ пограничники, числомъ 600—800 чел., занимаютъ окопы вдоль залива

Хунуэзъ, а два баталіона 13-го полка отправлены на лѣвый флангъ позиціи.

Меня очень взволновало такое щедрое расходование резервовъ, и я пожалѣлъ, что не пріѣхалъ раньше. Впослѣдствіи оказалось, что генералъ Надѣинъ забылъ, что эти два баталіона 13-го полка, которые были на лѣвомъ флангѣ на высотѣ 28-й, онъ отправилъ въ десять часовъ утра въ тылъ позиціи къ деревнѣ Тунселафанъ, гдѣ, по донесеніямъ, японцы производили десантъ.—Тамъ эти баталіоны простояли до двухъ часовъ, пока я ихъ не вернулъ. Вотъ эти-то два баталіона дали возможность обвинять меня въ томъ, что я вернулъ какіе-то два баталіона, посланные генераломъ Надѣинымъ въ самый критическій моментъ боя, то есть, въ седьмомъ часу вечера, между тѣмъ какъ баталіоны эти были посланы имъ въ десять часовъ утра. И только судъ, провѣривъ по документамъ, которые были въ слѣдственной комиссіи, и прослѣдивъ по нимъ, по часамъ, положеніе каждой роты и баталіона, пришелъ къ заключенію, что я никакихъ баталіоновъ ни ротъ не возвращалъ, а напротивъ самъ посылалъ роты на позицію.

Выслушавъ докладъ, я направился, чтобъ осмотрѣть расположеніе японцевъ.

Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ и узналъ отъ нихъ, что они отпущены полковникомъ Третьяковымъ въ Артуръ. Я имъ замѣтилъ, что не слѣдовало имъ пользоваться такою любезностью полковника Третьякова, и просилъ ихъ вернуться назадъ.—Вслѣдъ затѣмъ, во время осмотра мною японскихъ расположеній, подходитъ ко мнѣ инженерный рядчикъ Яновъ и отъ имени полковника Третьякова начинаетъ рассказывать всякіе ужасы на счетъ положенія гарнизона и затѣмъ сталъ настойчиво требовать подкрѣпленій.—Я, по его показаніямъ на слѣдствіи и судѣ, прогналъ его и нелестно отозвался о полковникѣ Третьяковѣ.

Этотъ докладъ Янова заставилъ меня вернуться на станцію, гдѣ я встрѣтилъ капитана - инженера фонъ - Шварца, который доложилъ мнѣ, что полковникъ Третьяковъ нашелъ, что ему на позиціи нечего дѣлать, а потому разрѣшилъ ѣхать въ Артуръ.

Такая изъ ряда выходящая распорядительность меня поразила и въ то же время навела на мысль, не думаетъ ли полковникъ Третьяковъ, что на основаніи полученной наканунѣ телеграммы отъ генерала Куропаткина, послѣдуетъ распоряженіе объ очищеніи позиціи, а потому онъ заранѣе приступилъ къ демобилизаціи обороны. Это предположеніе заставило меня послать ему слѣдующую записку:

13 мая 11 час. 50 м. утра.

„Предлагаю стоять на позиціи до моего приказанія объ отступленіи; объ отступленіи не думать, обороняться до послѣдняго человѣка“.

Когда записка была уже мною послана, мнѣ пришло въ голову, что такая редакція можетъ дать надежду полковнику Третьякову на отступленіе, а потому минутъ пять спустя я послалъ слѣдующую записку.

13 мая 11 час. 55 мин.

„Предлагаю стоять до послѣдняго человѣка; объ отступленіи не думать, патроны вышлю.—Встрѣтилъ двуколки съ патронами, идущими въ Нангалинь, ихъ вернулъ“.

Затѣмъ пошелъ продолжать осматривать расположеніе японцевъ.

Расположеніе цѣпей было ясно видно,—орудія, кинутыя прислугою, я разглядѣлъ ужъ послѣ того, какъ мнѣ ихъ указали.—Такъ дошелъ до Кинчжоускаго залива.—Кучи труповъ указывали наступленіе японцевъ.—Послѣдняя линія, до которой они дошли, представляла изъ себя какъ бы плотину изъ труповъ. Канонерскія лодки не стрѣляли, онѣ сидѣли на мели. Полевые японскія батареи ясно были видны, онѣ стояли открыто въ 1000 и ближе саженьяхъ и вели противъ окоповъ оживленный огонь. Японское начальство, группами, совершенно открыто, стояло по холмамъ и наблюдало за боемъ,—вѣрнѣе сказать за экзекуціей позиціи.

Только небольшая часть непріятельскаго расположенія, скрываемая горою Наншаномъ, не была видна.

Изъ обхода я вынесъ благопріятное впечатлѣніе для насъ: что врядъ-ли японцы поведутъ энергично наступленіе раньше ночи.

Во время этого обхода я получилъ нѣсколько тревожныхъ донесеній отъ полковника Третьякова съ просьбою о помощи. Въ то же время мы обмѣнялись слѣдующими записками.

Въ 12 ч. 35 м. я писалъ генералу Третьякову: „За правый флангъ не бойтесь, стоять два полка. Смотрите на лѣвый флангъ, гдѣ можетъ рѣшиться дѣло“.

Такъ вѣдь и случилось. О лѣвомъ флангѣ я ему говорилъ и писалъ съ перваго дня работъ. Во 2-мъ часу полковникъ Третьяковъ доноситъ мнѣ:

„У меня нѣтъ подъ рукою никакой части, которой я могъ бы возстановить бой. Всѣ на своихъ мѣстахъ и одна надежда на удалъ солдатъ и мужество офицеровъ“.

Что можетъ быть трогательнѣе такого донесенія.

Но и оно меня не тронуло, такъ какъ расположеніе японцевъ мнѣ было извѣстно не хуже, чѣмъ ему, а о нашемъ положеніи на позиціи мнѣ особенно беспокоиться не приходилось, потому что пол-

ковникъ Третьяковъ доносилъ: „всѣ на своихъ мѣстахъ“. Такого рода донесенія меня только раздражали, что видно изъ слѣдующаго моего отвѣта:—„Благодарю за удалъ, силъ у васъ достаточно. На лѣвый флангъ, въ резервъ, посылаю еще двѣ роты къ батарее № 15“.

Обращаю вниманіе, что я хотя пишу ему, что силъ у васъ достаточно, но все-таки посылаю двѣ роты.

Это потому, что служба научила меня, что бываютъ обстоятельства, когда приходится считаться съ мнѣніемъ, а еще того болѣе съ нравственнымъ состояніемъ подчиненнаго.

Въ то же время посылаю генералу Надвину слѣдующую записку: 13 мая въ 1 ч. дня.

„Прислать немедленно въ лошину с.-з. отъ Тафашинъ 2 роты къ бат. № 15“.

Но, несмотря на посланныя мною роты и просьбу не беспокоиться о правомъ флангѣ, Третьяковъ по-прежнему продолжалъ бомбардировать тревожными донесеніями. Наконецъ, я получаю отъ него донесеніе, въ которомъ онъ ко всѣмъ словеснымъ ужасамъ прибавляетъ, что у людей нѣтъ патроновъ и что патронный складъ взорванъ.—Вотъ это донесеніе, въ которомъ кромѣ ужасовъ онъ знакомитъ меня съ дѣйствительностью, т. е. что у него нѣтъ патроновъ, а также соображенія еще болѣе важнаго свойства заставили меня идти на позицію къ Третьякову, чтобъ лично удостовѣриться въ чемъ дѣло.—Я попросилъ къ себѣ командира 14-го полка и сказалъ ему: полковникъ Третьяковъ доноситъ, что патронный складъ взорванъ, потому пошлите къ нему 8 двуколокъ и назначьте двѣ роты въ его личное распоряженіе. Я самъ ѣду на гору, ротамъ слѣдовать поотдалъ отъ меня.

Когда роты вытянулись, я поѣхалъ. Я ужъ началъ подыматься въ гору, какъ меня нагоняетъ полковникъ Савицкій и докладываетъ: „двухъ лошадей изъ подъ двуколокъ убили“.

— Ну, что жъ изъ того, прикажите везти ихъ на людяхъ.

— Да всѣхъ лошадей перебьютъ.

— Ну, пусть и всѣ двуколки везутъ люди.

— Да Третьяковъ вреть, складъ не взорванъ, онъ цѣлъ. При этомъ просить меня удостовѣриться въ томъ лично.

Я прошелъ нѣсколько назадъ, но, увидѣвъ складъ и около него людей, остановился и спросилъ: что вамъ надо отъ меня?

— Да, позвольте двуколки отправить назадъ.

— Ну, отправляйте.

Полковникъ Третьяковъ на стр. 80 пишетъ: загорѣлся складъ патроновъ, что былъ у батар. № 10, и что полковникъ Савицкій видѣлъ складъ продуктовъ, а не патроновъ. Я полагаю, что если пол-

ковникъ Третьяковъ утверждаетъ это, то только потому, что онъ никогда не видѣлъ, какъ горять склады. Патроны въ гильзахъ не взрываются такъ, какъ прежніе патроны; они горять слоями, при чемъ каждый патронъ взлетаетъ, лопається. Горящій складъ представляетъ изъ себя фейерверочный буракъ, его не скроешь.

Наконецъ, складомъ патроновъ около бат. № 10 нельзя было пользоваться, а охотники 13 и 14 полковъ получали все время патроны. Да есть еще въ живыхъ офицеры, которые выдавали патроны изъ указаннаго Савицкимъ склада.

Поднявшись и выйдя на шоссе, я шель медленно, съ оглядкою, разсматривая батареи, нами покинутыя, и разыскивая расположеніе батарей и цѣпей противника. Такъ дошелъ я до батар. № 10, далѣе идти не рѣшился. Далѣе дорога шла по совершенно открытой мѣстности, ближайшіе окопы были отъ меня шагахъ въ 400. Я присѣлъ на уступчикъ скалы.

Тутъ могъ убѣдиться, что противникъ ведетъ разумно огонь.

Онъ не обсыпаетъ огнемъ всю гору, какъ казалось издали, а подавивъ артиллерію, онъ направилъ весь огонь на окопы и отчасти на овраги. Какъ я ни старался разсмотрѣть нижніе окопы, по этого мнѣ не удалось,—ихъ видѣть нельзя было. Вся площадь, занимаемая нашими окопами, была подъ ужаснымъ огнемъ, ничего подобнаго я себѣ и представить не могъ и подъ такимъ впечатлѣніемъ послалъ къ генералу Стесселю слѣдующую телеграмму:

(Записная книжка штаба 4-й дивизіи отъ 13 мая 3 ч. дня). „Сейчасъ нахожусь на позиціи; осматривалъ оставленныя батареи, онѣ буквально засыпаны снарядами, артиллерія исполнила свой долгъ. Непріятель направилъ свой артиллерійскій и ружейный огонь на сѣверный фронтъ; какъ стрѣлки держатся, не могу себѣ и представить, но держатся молодцами“.

Изъ этихъ строкъ можно видѣть, что я больше довѣрялъ донесеніямъ Третьякова, чѣмъ собственнымъ глазамъ. Могъ ли я допустить, что полковникъ Третьяковъ, который доносилъ о самомъ пустомъ передвиженіи противника, могъ умолчать, что 6-я рота наша оставила передовые окопы, о чемъ ротный ему донесъ; что и 5-я рота оставила окопы, о чемъ онъ узналъ отъ стрѣлковъ этой роты и т. д.

Далѣе пишу: „все орудія молчатъ, почему еще день на этой позиціи 5-й полкъ держаться не можетъ; остается одно—вывести весь отрядъ и атаковать въ рукопашную, такъ какъ наша артиллерія въ настоящее время не можетъ оказывать содѣйствія фронту сѣверному, или воспользоваться ночью и отступитъ“.

Выраженіе: „почему еще день держаться не можетъ“,—свидѣтельствуеъ, что я считалъ возможнымъ держаться не только этотъ день, но и захватить слѣдующій.

Нѣкоторые находятъ, что это донесеніе пессимистическое, я нахожу, что нѣтъ, а скорѣе оптимистическое, такъ какъ мнѣ не было извѣстно, что окопы нами оставлены.

Но если бы и всѣ окопы были нами заняты, то все-таки я не имѣлъ бы права думать, а тѣмъ болѣе доносить, что мы на сѣверномъ фронтѣ можемъ держаться годы. Фронтъ этотъ былъ совершенно изолированъ, сплошной траншеи не было и которая при томъ была бы соединена съ траншеею центра позиціи, откуда подходили бы къ ней подкрѣпленія: людьми—снарядами, пищею; сѣти были не сплошныя, мины не были заложены, онѣ просто, открыто валялись; мѣстность впереди фронта была въ высшей степени пересѣченная.

Когда я находился у бат. № 10, полковникъ Третьяковъ ко мнѣ не явился. Причину этого онъ объясняетъ различно. Такъ въ показаніяхъ въ комиссіи ген. Роппа онъ говоритъ, что онъ въ это время гулялъ со штабными по батар. № 13, но когда ему показали, что изъ его же письма къ начальнику штаба видно, что въ это время былъ такой огонь, что гулять по батарее не приходилось, онъ въ своей статьѣ, 5-й полкъ, на стр. 79 В. Сб. говоритъ, что онъ меня видѣлъ, когда я шелъ съ адъютант. къ бат. № 10, и что онъ въ это время былъ у нижней траншеи, куда спустился къ артиллеристамъ. Часы не сходятся: Третьяковъ могъ быть съ артиллеристами часовъ въ 11 утра, когда я еще не прибылъ на ст. Тафашинъ, а когда я туда прибылъ, то засталъ уже тамъ артиллеристовъ. Я же былъ у бат. № 10 въ три часа дня. Въ обоихъ случаяхъ онъ говоритъ, что хотѣлъ подойти ко мнѣ, но я куда-то скрылся.

Скрыться отъ пол. Третьякова мнѣ было невозможно, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ былъ у нижней траншеи. Пол. Третьяковъ говоритъ, что я шелъ съ адъютантомъ. Я шелъ съ тремя или четырьмя офицерами и со всѣми охотниками, за мной шли двѣ роты съ двуколками. Будь онъ тутъ, пол. Савицкій его нашель бы и не выпустилъ бы. Полк. Савицкій захотѣлъ меня найти и нашель, хотя былъ на Тафашинскихъ высотахъ.

Но положимъ полк. Третьяковъ былъ на бат. № 13, и то скрыться мнѣ отъ него было трудно. Чтобъ попасть къ бат. № 10-й, мнѣ надо было выйти на шоссе невдалекѣ отъ бат. № 13, гдѣ былъ п. Третьяковъ, и затѣмъ идти 400 с. къ противнику, то какъ же онъ не могъ перехватить меня хоть на обратномъ пути. На позиціи я пробылъ 40 минутъ, значить, болѣе чѣмъ полчаса. Грѣшный

человѣкъ, думаю, что пол. Третьяковъ не явился потому, что боялся проговориться объ истинномъ положеніи дѣла, полагая, что японецъ просмотритъ, а на худой конецъ тайна потонетъ въ крови.

Въ которомъ часу я оставилъ гору Наншанъ, не знаю, но помню, что начался приливъ и канонерки начали покачиваться; въ 4½ ч. я возвратился на ст. Тафашинъ, а въ 5 ч. 15 м. послалъ ген. Стесселю слѣдующую телеграмму:

„На позиціи всѣ орудія подбиты, при нихъ нѣтъ ни одного артиллериста, всѣ ложементы въ нашихъ рукахъ; японцы продолжаютъ ихъ обстрѣливать; жду отвѣта на мою телеграмму“.

Я и въ этой телеграммѣ со словъ пол. Третьякова пишу,— окопы въ нашихъ рукахъ. Въ 5 ч. 30 м. получаю отъ Третьякова донесеніе.

Позиція окружена сплошнымъ кольцомъ орудій. . . . подходятъ горныя батареи; резервы передвинулись ближе. . . . *Наши стоятъ на мѣстахъ.*

Это донесеніе дословно телеграфировалъ ген. Стесселю.

Телегр. кап. Одинцова ген. Стесселю отъ 5 ч. веч. 13 мая. „На Известковой горѣ и вездѣ орудія подбиты“.

Имѣя въ виду произвести ночью, во время отлива, нападеніе съ охотниками 14-го и 15-го полковъ на лѣвый флангъ японцевъ, которое могло быть поддержано 15-мъ полкомъ, я попросилъ къ себѣ полк. Савицкаго и сказалъ: „ваши охотники во время отлива перейдутъ заливъ и атакуютъ японцевъ, охотники 15 полка пойдутъ за ними, а тамъ можетъ-быть и весь 15-й полкъ. Прикажете собраться начальникамъ охотничьихъ командъ“. Затѣмъ пошелъ къ охотникамъ 15-го полка и передалъ имъ, что они ночью атакуютъ японцевъ, и спросилъ: „обѣдали ли они“? Нѣтъ, отвѣчали мнѣ. Приказалъ вести ихъ накормить.

Вернувшись на станцію, я въ ожиданіи сбора начальниковъ охотничьихъ командъ ходилъ по платформѣ. Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ поручикъ 5-го полка Глѣбъ-Кошанскій и со слезами на глазахъ говоритъ:—„Рота кап. Фофанова оставила окопы, японцы вошли на позицію и полкъ отступаетъ“,—указывая рукою на гору. Тутъ только я и всѣ окружающіе замѣтили, что весь скатъ, обращенный къ намъ, покрытъ отступающими. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ записку, но я ее не взялъ, а просилъ передать ординарцу. И при этомъ сказалъ ему: „поѣзжайте къ ком. полка и скажите, чтобъ велъ полкъ прямо въ Артуръ, не задерживаясь“.

Я со времени турецкой войны знаю, какъ вредно имѣтъ въ

отрядѣ потрясенную часть. Ген. Стессель распорядился не пускать полкъ въ городъ¹⁾.

Какъ только увидали, что 5-й полкъ отступаетъ, то тотчасъ отъ всѣхъ частей присланы были ко мнѣ ординарцы, которымъ я отдавалъ лично, на словахъ, приказанія о порядкѣ отступленія.

Несмотря на то, что приказанія отдавались, такъ сказать, на вѣтру, никакихъ недоразумѣній не было, никто и ничего не переспрашивалъ, полки, раскинутые по всему громадному полю, находили сами свое мѣсто въ колоннѣ. Даже каждая батарея нашла свой полкъ, хотя батареи были во время боя далеко отъ пѣхоты. Отступленіе было не простое, а перекатное и ночью. Диспозиція объ отступленіи была написана, ради порядка, нѣсколько дней спустя,— на что ген. Ирманъ жаловался въ комиссіи ген. Роппа.

Въ своемъ показаніи пол. Третьяковъ на стр. 86 пишетъ: . . . поручикъ Музалевскій самъ видѣлъ и слышалъ, какъ ген. Фокъ отдалъ приказаніе отступать присланному ординарцу, поручику Глѣбу-Кочанскому, который съ охотникомъ на вороной лошади полетѣлъ назадъ исполнять приказаніе генерала.

Стр. 87-я В. Сб. № 2. „Пор. Глѣбъ-Кочанскій поскакалъ съ донесеніемъ къ ген. Фоку въ то время, когда я спустился съ бат. № 13-и и сѣлъ на лошадь. Поэтому охотникъ на вороной лошади дѣйствительно могъ доскакать на позицію и передать приказаніе прежде, чѣмъ я остановилъ отступающихъ охотниковъ“.

Чтобъ понять, что этимъ хочетъ сказать ген. Третьяковъ, надо знать, что онъ тотчасъ послѣ боя, какъ только узналъ, что я хочу предать суду командира 5-й роты, распустилъ слухъ, при содѣйствіи капит. Одинцова, что первыми начали отступать охотники 13 и 14 полковъ, а весь полкъ началъ отступать по приказанію ген. Фокъ, который послалъ это приказаніе съ офицеромъ своего штаба, съ коимъ былъ охотникъ на вороной лошади; этотъ офицеръ передалъ это приказаніе, минуя полковника Третьякова, прямо нижнимъ чинамъ.

Всѣ ему повѣрили и своими показаніями ввели въ заблужденіе слѣдственную комиссію. Только на судѣ выяснилось, что я приказанія объ отступленіи не отдавалъ, а только примирился съ отступленіемъ, когда получилъ о томъ донесеніе пол. Третьякова, переданное

¹⁾ Въ сочиненіи Шварца и Романовскаго на стр. 246 помѣщено содержаніе означеннаго выше донесенія Третьякова, привезеннаго Глѣбомъ-Кочанскимъ. „Непріятель сбиль нашъ лѣвый флангъ, который почти побѣжалъ; я бросился его перехватывать и теперь устраиваю на позиціи“. Время не отмѣчено. Получено около 6 ч. 40 м.

через поручика Глѣба-Кошанскаго, съ которымъ былъ охотникъ на ворономъ конѣ. Полк. Третьякову пришлось сознаться, но не столько потому, что выяснилось, что ни одного изъ штабныхъ офицеровъ я не посылалъ и что ни одного охотника у меня не было убито, а главное потому, что въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи находится его донесеніе, присланное съ Глѣбъ-Кошанскимъ.

Теперь онъ все-таки продолжаетъ утверждать, что отступленіе началось по моему же приказанію, когда онъ еще не успѣлъ остановить охотниковъ, но только переданное мною не черезъ моего штабнаго офицера, а черезъ присланнаго имъ ко мнѣ поруч. Глѣба-Кошанскаго. Это не оправданіе. Ген. Третьяковъ, посылая съ такимъ важнымъ донесеніемъ, долженъ былъ сказать, куда тотъ долженъ былъ привезти отвѣтъ. По словамъ ген. Третьякова, онъ послалъ Глѣба-Кошанскаго, когда былъ внизу у бараконъ при резервѣ, и затѣмъ только, отпавивши его, сѣлъ на лошадь и погнался за охотниками.

Глѣбъ-Кошанскій вернулся на то мѣсто, откуда былъ посланъ, но, не найдя тамъ пол. Третьякова, передалъ мое приказаніе, вести полкъ прямо въ Артуръ, находившимся тутъ офицерамъ, а охотника можетъ быть и послалъ на гору. Слѣдовательно, если бы пол. Третьяковъ не оставилъ бы свой постъ, редутъ № 13, или, по крайней мѣрѣ, остался бы въ чертѣ позиціи, хоть бы и внизу у своего барака, гдѣ стоялъ резервъ, то этого бы не случилось. Мнѣ не приходилось отдавать приказаніе объ отступленіи уже по тому одному, что самъ полк. Третьяковъ доноситъ мнѣ, что лѣвый флангъ почти бѣжитъ, и посланный, вручая мнѣ донесеніе, въ то же время указалъ рукою на гору, покрытую отходившими стрѣлками, слѣдовательно, я могъ только санкціонировать отступленіе, что я и сдѣлалъ.

Посмотримъ теперь, что происходило на позиціи послѣ того, какъ я ее оставилъ въ четвертомъ часу.

Я пришелъ во время отлива, но уже при мнѣ начался приливъ и канонерки начали покачиваться. Какъ только онѣ поднялись, онѣ открыли огонь, а за ними и сухонутныя батареи непріятеля усилили огонь. Резервы ихъ подтянулись къ цѣпи, а противъ сѣвернаго фронта цѣпь подошла на 400 ш.

Отъ подполковника Бѣлозера пришла просьба о подкрѣпленіи. Полковникъ Третьяковъ послалъ ему $\frac{1}{2}$ роты 7-й роты 14-го полка. Вотъ какъ объ этомъ пишетъ самъ полковникъ Третьяковъ на стр. 83-й В.-С. № 2.—Хотя я теперь не видѣлъ наступленія на его участокъ, но въ виду настоятельности этой просьбы и чтобы быть совершенно спокойнымъ за правый флангъ (дер. Медетень), я рѣшилъ послать $\frac{1}{2}$ роты 14-го полка.

Полковникъ Третьяковъ, какъ видно, расходуетъ послѣдній резервъ, который я не приказалъ сажать въ окопы, а употребить только для возстановленія боя. При этомъ онъ, какъ-бы оправдывая себя, говоритъ: „чтобъ быть спокойнымъ за правый флангъ“.— Онъ опасается именно за тотъ флангъ, который блестяще отбилъ атаку и передъ которымъ валялось 18 орудій, брошенныхъ при-слугою; наконецъ за тотъ флангъ, о которомъ я просилъ его не беспокоиться.

Записка полковнику Третьякову отъ генерала Фока отъ 2 ч. 35 м. дня. „За правый флангъ не бойтесь (стоятъ два полка). Смотрите за лѣвымъ флангомъ, гдѣ можетъ рѣшиться все дѣло“.

Наконецъ, что общаго между д. Медетень и люнетомъ № 3, куда была послана полурота. —Но что совсѣмъ непростительно,—расходуя резервы не для той пѣли, которая ему указана, онъ не доноситъ мнѣ объ томъ. Если это допустить, то этимъ самымъ начальникъ будетъ лишень возможности руководить боемъ.—Полковникъ Третьяковъ видно этого не сознаетъ еще и теперь, иначе молчалъ бы.

Посмотримъ, что дѣлали японцы противъ сѣвернаго фронта.— Мы видѣли, что японцы неоднократно ходили въ атаку на нашъ центръ (люнеты 3 и 4) и крайній лѣвый флангъ (окопы охот. ком. 13-го, 14-го п.), но безуспѣшно. Но окопы, расположенные на сѣверномъ скатѣ Наншана (5-я рота, правѣе ея между оврагами сборныя части 9 и 10 и охот.), они оставляли въ покоѣ, хотя послѣ того, какъ наша артиллерія замолчала, имъ здѣсь было вольготно, такъ какъ гора Наншанъ укрывала ихъ отъ огня Тафашинскихъ батарей; а наши окопы были относительно высоки, а потому огонь ихъ при учебной обстановкѣ былъ не важный, а при боевой сводился къ нулю. Такую скромность я объясняю тѣмъ, что передъ этимъ фронтомъ валялись незарытыя мины. Японцы могли объяснить это тѣмъ, что былъ избытокъ минъ и что не было мѣста, гдѣ ихъ зарывать, что давало имъ право быть осторожными.—Когда же цѣпь ихъ подошла на 400 м., они могли разглядѣть, что мины совершенно безвредны, а такъ какъ, при этомъ, и проволочное загражденіе оказалось не сплошное, то имъ легко было забраться въ овраги, по которымъ они могли распространиться по всей позиціи, а затѣмъ, по приказанію, одновременно броситься оттуда:—тѣ, которые были въ лѣвомъ оврагѣ, должны были, выйдя въ тылъ редута № 8, броситься на него, а затѣмъ на Бѣлозера, а тѣ, которые въ правомъ оврагѣ, раздѣлиться, однимъ броситься на пустой окопъ 5-й роты, а другой части на бат. № 10 ¹⁾).

¹⁾ Такая оплошность съ минами вышла отъ недоразумѣній, происхо-

Подполковникъ Бѣлозеръ ничего не подозрѣвалъ. Онъ зналъ, что его оберегаетъ съ тыла редутъ № 8, а полковникъ Третьяковъ ни словомъ не обмолвился, что у него въ тылу не все благополучно, и велъ съ нимъ посторонніе разговоры; такъ, еще за нѣсколько минутъ до рокового часа онъ послалъ ему поздравленіе генерала Кондратенко съ отбитіями атакъ и приказалъ по этому случаю кричать „ура!“. Подполковникъ Бѣлозеръ, убаюканный полковникомъ Третьяковымъ, отдалъ приказаніе приготовиться пить чай, для чего принести въ траншею кубы. Въ это самое время японцы бросились изъ оврага, захватили редутъ № 8 и оттуда стали разстрѣливать находившихся въ нижней траншеѣ. Того только и ждала японская цѣпь, что была противъ траншей.—Наши, принятые съ двухъ сторонъ, были всѣ перебиты. Въ плѣнъ было взято нѣсколько человекъ раненыхъ и только тѣхъ раненыхъ, которые очнулись на другой день, когда уже собирались хоронить ихъ.

А. В. Фокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

дившихъ между полковникомъ Третьяковымъ и подполковникомъ Жеребцовымъ, командиромъ саперной роты: одни вянуть одного, другіе другого.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Житейскія встрѣчи. (Изъ воспоминаній судебного дѣятеля). А. О. Кони.	3— 21
II. Встрѣчи на жизненномъ пути. Н. А. Некрасовъ. П. М. Ковалевскаго	25— 46
III. Воспоминанія о Гоголѣ. С. Глѣбова.	65— 74
IV. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ. (Изъ воспоминаній Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ). И. И. Онноре.	95—108, 543—554
V. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ. (Воспоминанія запасного). Н—чъ	109—131, 587—603
VI. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула.	133—148, 271—306, 475—507
VII. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалопа.	149—169, 392—404
VIII. Воспоминанія жизни О. Г. Тернера	205—233, 454—474
IX. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.—Каз. Вас. Левицкій. А. Витмера.	351—362, 525—542
X. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	405—422, 555—565

XI. И. М. Драгомировъ и время войны. 1877—78 г.г. (Изъ воспоминаній). А. Е. К.	445—453
XII. Наброски изъ моей жизни. С П. Зыкова.	622—643
XIII. Изъ давно прошедшаго (1876—1879). Л. Бо- гаевскаго.	695—700

**Издѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Пере-
писка —Разказы.—Матеріалы и замѣтки.**

I. Переписка Карла IX съ самозванцами. П. Пирлинга	22— 24
II. Два года—1864 и 1865, изъ исторіи крестьян- скаго дѣла въ Минской губ. Николая По- леваго	47— 63, 247—270
III. Я это давно зналъ. (Изъ воспоминаній о шестидесятихъ годахъ). А. А—ха	64
IV. Арачьевская премія. С. Никольскаго.	75— 80
V. Какъ возникла въ гор. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офинни- ваетъ Карелію. В. П. Крохина	81— 92
VI. Два повелѣнія Петра Великаго. Сообщ. Ал. Ал. Лебедевъ	93— 94
VII. Памяти О. В. Поповой	132
VIII. Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоразумѣнію“. Сообщ. А. Е. К.	170—176
IX. По Вальтеръ-Скотту. А. Жиркевича.	177—189
X. „Лѣсные“ кадеты на парадѣ. Сообщ. Мих. Соколовскій.	190
XI. Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ вой- скахъ. (Біографическія свѣдѣнія о А. Н. По- повѣ). Ал. Попова.	191—204, 423—430
XII. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. В. В. Тимо- шукъ	234—240, 317—332, 508—523
XIII. Поѣздка въ Самборъ. Пирлинга	241—246
XIV. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886. Сообщ. М. В. Безобразова	307—313
XV. Бытовые очерки прошлаго, по архивнымъ до- кументамъ. И. С. Бѣляева.	314—316
XVI. Отголоски 14 декабря въ Московскомъ уни- верситетѣ. Сообщ. М. Гершензонъ	333—349

	СТРАН.
XVII. Совѣтъ Генераль-аудитору быть осмотритель- нѣе. (1800 г.). Сообщ. Мих. Соколовскій.	350
XVIII. Эпизодъ изъ исторіи Московскаго генераль- наго госпиталя. Сообщ. Мих. Соколов- скій	350
XIX. Ц. А. Кюи. (Къ 50-лѣтію музыкальной дѣя- тельности).	363—366
XX. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго по- ляка. В. Храневича	367—376, 605—621
XXI. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	377—391 566—586
XXII. Темное Царство. (Черты изъ жизни Москов- скаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій	431—441
XXIII. Недолго сбить съ толку. (Изъ воспоминаній архіерея). Сообщ. —й.	442—444
XXIV. Отзывъ гр. П. Д. Киселева о „Бородинскихъ очеркахъ“ О. Н. Глинки. Сообщ. М. Соко- ловскій	524
XXV. Приглашеніе на горшокъ щей. Сообщ. Мих. Соколовскій	524
XXVI. Письмо Е. Н. Жулевой гр. В. О. Адлербергу. Сообщ. В. А. Алексѣевъ.	604
XXVII. Бой на Куникѣ 18 марта 1885 г. и террито- ріальныя приобрѣтенія въ царствованіе Импе- ратора Александра III	644—664
XXVIII. Тайнственная старица. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX в. (С. Артоболовскаго	665—679
XXIX. Памяти П. Я. Дашкова.	680—694
XXX. Киньжоускій бой. А. В. Фока.	701—712

Портреты.

- I. П. О. Шрлингъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ (при 1-й
книгѣ).
- II. Ц. А. Кюи (при 2-й книгѣ).
- III. Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ (при 3-й книгѣ)
Патти, Лукка и Ирина Иваловна Онноре (тамъ-же).

Приложенія:

Факсимиле рукописи О. Г. Тернера: мнѣніе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши (при 1-й книгѣ).

Виды: а) Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ (при 3-й книгѣ).

б) Поле сраженія при Кушкѣ (тамъ же)

в) Карта земельныхъ приобрѣтеній въ Закаспійской области (тамъ же).

Библиографическій листокъ.

1. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 3-й, 1909 г. (на оберткѣ январской книги).

2. Профессоръ С. О. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематической. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909.—В. Я. (тамъ же).

3. А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. Біографическій очеркъ. Вильна, 1909 (тамъ же).

4. Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпуски I и II. Новгородъ, 1908 и 1909 г.г. (тамъ же).

5. Пушкинъ и его современники. Выпускъ IX. Спб. 1909 г. (на оберткѣ февральской книги).

6. Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909 (тамъ же).

7. М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910 (тамъ же).

8. Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда 1859—1909. Общій очеркъ. Составилъ А. А. Корниловъ. Спб. 1909 (тамъ же).

9. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изданіе, посвященное памяти И. Е. Забѣлина. Московское книгоиздательство „Образованіе“. Выпускъ I—III. М. 1909—1910 г. (тамъ же).

10. Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Сиб. 1909 (тамъ же).

11. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 октября по 12 ноября 1909 г. (на оберткѣ мартовской книги).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

подъ редакціей Барона Н. В. ДРИЗЕНЪ.

„Ежегодникъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ“ выходитъ ежемѣсячно, въ теченіе 1909 г., а также будетъ выходить и въ теченіе 1910 г. семь разъ, книжками въ 10—12 печатныхъ листовъ, формата малое in 4°, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ заключать въ себѣ записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся постановокъ въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ дѣятельности частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ видѣ приложенія будутъ даны пьесы текущаго репертуара ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, иллюстрированныя портретами дѣйствующихъ лицъ и mise-en-scène постановки.

Журналь издается при ближайшемъ участіи въ литературно-художественномъ отдѣлѣ: Профессора **Ө. Д. Батюшкова**, акад. **А. Ө. Кони**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, **Д. С. Мережковскаго** и проф. **П. О. Морозова**; въ художественномъ отдѣлѣ: **А. Я. Головина**, **М. В. Добужинскаго**, **Е. Е. Лансере**, **К. А. Сомова**, **С. К. Маковскаго** и **К. Д. Чичагова**.

Цѣна годового экземпляра „Ежегодника“ 6 руб., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ СПБ. и Москвы, а также въ Конторѣ „Ежегодника“ (Итальянская, д. 1—8, кв. 49).

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 руб. (продается также въ фойѣ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ).

14-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

14-й годъ
изданія.

на 1910 годъ

на единственное въ Россіи литературное художественное
иллюстрированное изданіе.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Искусства и Науки

(быв. *В. И. Булгакова*, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванию, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнозизму, магнетизму, спиритизму, оккультизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Оне, Артуръ Шнидлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уэльдъ, Гемфри Уордъ, И. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія **ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ** Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки“—С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ *С. Э. Новиковъ*.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ШЕШЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый М. М. Ковалевскимъ, подъ редакціей К. К. Арсеньева при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Посникова, Л. З. Сломинскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ прошломъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзоръ провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналѣ будутъ помещаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника В. П. Росеннекаго, фирмой Meisenbach, Riffarth & Co въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по 1/2 г. 7 р. 75 к., по 1/4 г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкой на годъ 16 р., по 1/2 г. 8 р., по 1/4 г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по 1/2 г. 8 р. 50 к., по 1/4 г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союзу на годъ 19 р., по 1/2 г. 9 р. 50 к. по 1/4 г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28., К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфа, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ П. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“. Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскіхъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Редація „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32. Главная контора журнала: Загородный просп., 14. Московское Отдѣленіе: Б. Никитская, 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію бесплатно. 3—2

ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

СТАРЫЕ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА **ГОДЫ**
на 1910 годъ.

Въ четвертомъ году изданія „Старые Годы“ выхоятъ по той же программѣ, при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

Александръ Н. Бенуа, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode, J. de Bosshère, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fierens, Gevaert, Max Geisberg, J. v. d. Gheyn, В. В. Голубевъ, Adolf Gottschewsky, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабарь, Loys Deltell, Léon Déshairs, С. П. Дягилевъ, R. Kœchlin, Н. И. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я Курбатовъ, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковский, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, А. В. Орфинниковъ, R. Petrucci, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, Н. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симои, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубинковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthuny, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Юминъ, Н. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и ми. др.

Рядъ выпусковъ 1910 г. будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб. За границу—30 франковъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Союзной пер., 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Ключкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Новаго Времени“ и Шибанова.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р.; къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 июля—2 р.

Журнала за 1908 годъ въ продажѣ нѣтъ. Осталось ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1909 годъ.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, I. I. Деманъ, С. К. Маковский, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубинковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Русскій біографическій словарь. Притвиць-Рейсь. Изданъ подъ наблюдениемъ предсѣдателя Имп. русскаго историческаго общества А. Половцова. Спб. 1910. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12). 8° (20×28). 560 стр. Въсь 2 ф. 11 л. 1.262 экз.

Рывкинъ, Х. Д. Евреи въ Смоленскѣ. Очеркъ по исторіи еврейскихъ поселеній въ Смоленскѣ съ древнѣйшихъ временъ, въ связи съ общимъ положеніемъ евреевъ въ древней Руси. Спб. 1910. Тип. Ш. Буссель Н-ки (Мытн. наб., 9). 8° (15×23). VII+102 стр. Ц. 80 к. Въсь 13 л. 1.200 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I. Вып. I. Народная словесность. Спб. 1909. Изд. бр. Башмаковыхъ, 4-е. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8° (17×24). VII+252 стр. Ц. 90 к. Въсь 25 л. 6.300 экз.

Стекловъ, Ю. М. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность (1828—1889). Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×23). 426 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 12 л. 2.500 экз.

Чернышевскій, М. Н. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ за время 1854—1909. Спб. 1909. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8° (14×19). 33 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 1.015 экз.

Алферовъ, А. Д. А. С. Грибоедовъ. Историко-литературная бібліотека. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. 3-й. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16×22). VIII+226 стр. Ц. 80 к. Въсь 22 л. 3.000 экз.

Гротъ, К. Празднованіе Липецкихъ годовщинъ при Пушкинѣ. Спб. 1909. Тип. Суворина (Эртелевъ, 13). 12° (12×18). 20 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комисіи. Вып. 33. Спб. 1909. Тип. Киршбаума (Новосаакиевская, 20). 8° (20×28). 148 стр. Съ 1 портр. и 147 рис.+3 таб. Въсь 1 ф. 7 л. 810 экз.

Истринъ, В. М. Хрѣника Іоанна Малала въ славянскомъ переводѣ. Книга 5-я. Одесса. 1909. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (17×26). 52 стр. Въсь 8 л. 100 экз.

Павлюкъ. Исторія 51-го пѣхотнаго Литовскаго Его Имп. Выс. Наслѣдника Цесаревича полка 1809—1909 гг. Въ 2 томахъ. Одесса. 1909. Тип. Штаба Военн. округа. 4° (22×40). Т. 1 490+X стр. Т. 2 398+118+VII стр. Съ портр. Въсь 5 ф. 26 л. По 500 экз.

Петровскій, П., д-ръ Недуга Гоголя. (Відбиток з Записок Українського Наукового Т-ва в Київі. К. V 1909). Київъ. 1909. Тип. 1-й артели (Трехсвятител., 5). 8° (16×24). 20—26 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Покровскій, И. XIV. Всероссийскій археологическій съѣздъ въ г. Черниговѣ 1908 г. августа 1—12. Казань. 1909. Изд. духов. Академіи. Тип. Центральная. 8° (16×24). 112 стр. Въсь 16 л. 50 экз.

Титлиновъ, Б. В. Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи. Вып. 2-й (Протасовская эпоха и реформы 60-хъ годовъ). Вильна. 1909. Тип. Артели Печ. Дѣла (Виленская, 25). 8° (16×24). 421+1 нев. стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 11 л. 400 экз.

Труды Рязанской ученой архивной комисіи. 1907 г. Т. XXII. Вып. 2. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8° (17×26). 77—174+XXX стр. Въсь 12 л.

Шумиловъ, П. Ф. Рѣдкія монеты Россійской Имперіи съ основанія Руси по 1910 г. Золото, платина, серебро и мѣдь. Казань. 1909. Изд. автора (Воскресенская ул., д. Уерноярныхъ). Тип. Университетская. 8° (19×24). I—IX+162 стр. Ц. 3 р. Въсь 20 л. 3.000 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Допетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М. 1910. Изд. „Сотрудникъ Школъ“, 4-е. Тип. Снегиревой. 8° (18×27). VIII—478 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 28 л. 6.020 экз.

Багалъй, Д. И., проф. Русская исторія. Курсъ, составленный по его лекціямъ. Часть 1-я. До половины XIII ст. (домонгольскій періодъ). Харьковъ. 1909. Тип. С. Иванченко (Костюринскій, 2). 8° (18×27). III+217 стр. Въсь 29 л. 600 экз.

Виттъ, В. Екатерина II, какъ криминалистка. Уголовно-правовая доктрина Наказа въ ея отношеніи къ западно-европейской теоріи и къ русской дѣятельности. Спб. 1910. Изд. кн. маг. „Наша Жизнь“ (Литейный, 32). Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×23). 126 стр. Ц. 70 к. Въсь 14 л. 600 экз.

Вѣстникъ Археологіи и Исторіи, издаваемый Имп. Археологическимъ Институтомъ. Вып. XIX. Спб. 1909. Изд. Имп. Археологич. Института. Тип. Синодальная. 8° (21×29). VI+260 стр.+XXXII таб. рис. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 30 л. 600 экз.

Галкинъ, А. О причинахъ происхожденія раскола въ Русской церкви (публичная лекція). Харьковъ. 1909. Изд. М. Н. Прокоповича. Тип. газ. Утро А. А. Жмудскаго. 8° (13×19). 36 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 3.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербур-бургъ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Вокресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѣ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переноска, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписки и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъячская ул., д. 7.

